

63.3(47p)52
277

783530

63.3(4Фр)52

Э 77

Эритель Луи

История французской
революции 1848 года и
второй республики
1907

1907 Эритель Луи

783530

м/ф

РФ

Издание С. Дороватовскаго и А. Чарушникава.

Москва, Воддвиженка, В. кв. 47.

63.3(4кв)52

277

9(и)3

281

90/4

91/1

Замеч 5р

Луи Эритье.

9000
2-40111
ПРОВЕРЕНО 1928 г.

ИСТОРИЯ

ПРОВЕРЕНО 1928 г.

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1848 года и второй республики.

ПРОВЕРЕНО 1933 г.

ВЪ ОБЩЕДОСТУПНОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ

съ добавленіями В. Эйхофа и Эд. Бернштейна и съ прино-
женіемъ статьи Эд. Бернштейна: „Отъ Второй Имперіи до
Третьей Республики“.

Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ
П. П. Румянцева.

съ иллюстраціями.

С.-Петербургъ.

1907 г.

12463н.

СДЕЛАННО

63.3/49p.52
344

1986 г.

41г.

41 г.

ИИИИ. 547

44 г.

1961

58

723530

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Д. А. Некрасова

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

9/11/3 - маш.

Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатеринбургскій пр., 10-19.

О г л а в л е н і е.

Предисловіе къ русскому изданію *И. И. Румянцевъ* XXIII стр.

Введеніе. Народъ и буржуазія при реставраціи и буржуазномъ корлевствѣ. Съ 1814 по 1848 г.

ГЛАВА I.

Буржуазія и феодальное королевство. 1814—1830.

Классовая противоположность между буржуазіей и народомъ.—Развитіе крупной буржуазіи при имперіи.—Обнаруженное ею своекорыстіе при паденіи Наполеона.—Притязанія сената на власть. Талейранъ и Людовикъ XVIII.—Конституція 1814 г.—Ханжество Людовика XVIII.—Первый парижскій миръ и вѣнскій конгрессъ.—Военная революція ста дней.—Вступленіе союзниковъ въ Парижъ.—Суровыя условія мира.—Парижъ обогащается на счетъ истощенной страны. Мстительность роялистовъ.—Политическіе процессы.—Казнь маршала Нея.—Бѣлый терроръ въ южной Франціи.—Убіиство маршала Брюна.—Казнь братьевъ Фоше.—Бѣдственное положеніе народа въ годъ дороговизны (1817), хлѣбные бунты и военныя суды.—Парламентская борьба въ періодъ 1817—1820 гг.—Убіиство герцога Беррійскаго.—Ультрареакціонное законодательство.—Конгрегация и миссіи.—Неудавшіяся военныя заговоры.—Мадамъ-дю-Кэля.—„Рышари свободы“ и союзъ карбонаріевъ.—Неудачныя попытки возстанія въ 1821 и 1822 гг.—Казнь четырехъ сержантовъ изъ Ля-Рашель.—Выборы 1824 г.—Смерть Людовика XVIII.—Законъ о святотатствѣ.—Милліарды эмигрантовъ.—Коронація Карла X.—Усиленіе вліянія конгрегации.—Распушеніе парижской національной гвардіи въ 1827 г.—Распушеніе палаты депутатовъ.—Новые выборы и побѣда конституціонной оппозиціи.—Безпорядки въ Парижѣ.—Частая смѣна министерствъ.—Назначеніе князя Полиньяка въ августъ 1829 г.—Тронная рѣчь 2 марта 1830 г.—Отвѣтный адресъ палаты депутатовъ.—Ордонансы 29 іюля 1830 г. 3—39

ГЛАВА II.

Юльская революція.

СТР.

Классовыя противорѣчія и положеніе буржуазіи.— Политическій индифферентизмъ народа.— Биржевики и Талейранъ (Talleyrand).— Дѣйствіе ордонансовъ.— Нерѣшительность депутатовъ.— Казиміръ Перье (Casimir Pèrier).— Буржуазія подстрекаетъ народъ.— Маршалъ Мармонъ.— 27 іюля литераторы и типографы начинаютъ революцію.— Попытка легальной оппозиціи.— Безполезныя собранія депутатовъ.— Столкновение между войсками и народомъ.— Развертывается трехвѣтное знамя.— Политехническая школа готовится къ борьбѣ.— Организация возстанія въ ночь съ 27 на 28 іюля.— 28 іюля: политехническая школа вооружается.— Диктатура маршала Мармона и депутація палаты у Мармона.— Депутація сообщаетъ о неудачѣ ея попытки посредничества.— Планъ дѣйствій маршала.— Движеніе войскъ черезъ бульвары къ Бастиліи.— Битва на С.-Антуанской улицѣ.— Войска осаждены въ улицѣ С.-Дени, ихъ освобожденіе швейцарскими наемниками.— Новое собраніе депутатовъ.— Въ полночь войска очищаютъ ратушу.— Слѣпая самонадѣянность Карла X.— 29 іюля: прокламація маршала Мармона.— Псевдогенераль Дюбуръ.— Битва на лѣвомъ берегу Сены.— Взятіе Лувра и Тюльери.— Измѣна двухъ линейныхъ полковъ.— Разумная предусмотрительность Талейрана.— Дюпенъ (Dupin) Старшій воодушевляется.— Въ Парижѣ власть сохраняетъ только мнимое значеніе.— Паника въ домѣ Лафита.— Лафайетъ въ ратушѣ.— Назначеніе муниципальной комиссіи.— Буржуазія пользуется побѣдой народа.— Орлеанская прокламація и агитація въ народѣ.— Побѣдоносные орлеанисты организуютъ народное движеніе противъ республиканцевъ.— Нравоученіе для народа 40—54

ГЛАВА III.

Интриги изъ за освободившагося королевскаго трона.

Карль X убѣждается въ своемъ безсиліи.— Пары д'Аргу и графъ Семонвиль и баронъ Витроль являются для переговоровъ въ С.-Клу.— Назначеніе герцога Мортмара первымъ министромъ.— Совѣщаніе о выборѣ короля.— Возваніе герцога Орлеанскаго.— Вступленіе герцога Орлеанскаго въ городскую ратушу.— Герцогъ Орлеанскій— генераль-намѣстникъ.— Тьеръ и художникъ Арій Шефферъ (Ary Scheffer) являются посредниками въ Нельи.— Отъѣздъ королевской семьи изъ С.-Клу въ Рамбулье.— Дерзкій приѣмъ посла Карла X герцогомъ Орлеанскимъ.— Походъ парижанъ на Рамбулье.— Отъѣздъ Карла X и прибытіе королевской семьи въ Шербургъ.— Парижане привозятъ

обратно въ Парижъ королевскіе брилліанты. — Избраніе герцога Орлеанскаго королемъ Франціи. — Луи Филиппъ присягаеъ конституціи. — Главнѣйшіе моменты въ исторіи семьи герцога Орлеанскаго, новаго короля французовъ 65—80

ГЛАВА IV.

Буржуазный король и его правленіе.

Бѣдственное положеніе народа. — Реорганизация національной гвардіи. — Убіиство принца Конде (Condé). — Ненасытная алчность буржуазнаго короля. — Процессъ министровъ Карла X. — Устраненіе Лафайета. — Происки легитимистовъ; разгромъ церкви Св. Германа Локсеруа (L'Auxerrois) и дворца Архіепископа. — Распушеніе палаты депутатовъ, отставка Лафита. — Казиміръ Перье объявляетъ революціи истребительную войну. — Побѣда республиканской оппозиціи на судѣ. — „Порядокъ господствуетъ въ Варшавѣ“. — Политика „золотой середины“. — Возстаніе въ Ліонѣ въ 1831 г. — Похороны генерала Ламарка; уличная борьба въ Парижѣ въ 1832 г. — Процессъ и закрытіе общества „Друзей народа“. — Возстаніе герцогини Беррійской. — Общество „правъ человѣка“. — Законъ о сообществахъ 25 марта 1834 года. — Второе возстаніе въ Ліонѣ въ 1834 г. — Возстаніе въ Парижѣ; кровавая баня въ улицѣ Транспонанъ (Transpoin). — Процессы по дѣламъ о государственной измѣнѣ въ 1835 и 1836 гг. — Покушеніе Фіэски (Fieschi). — Сентябрьскіе законы. — Реакціонныя министерства и ихъ законодательные акты. — Тайныя общества: „Семья“ и „Времена года“. — Барбэ (Bardès) и Бланки. — Возстаніе 12 мая 1839 г. — Бѣдственное положеніе Франціи въ эпоху буржуазнаго королевства. — Расцвѣтъ промышленности и спекуляціи. — Желѣзнодорожно-строительная горячка. — Смерть наслѣдника престола, герцога Орлеанскаго. — Кризисъ и голодъ 1847 г. — Продажность „законной страны“. — Растраты въ военномъ и морскомъ министерствахъ. — Процессъ Тестъ-Кюбьера (Teste-Cubières). — Убіиство герцогини Шуазель-Праслэнъ (Choiseul-Praslin) 81—126

ГЛАВА V.

Соціализмъ въ эпоху буржуазнаго королевства.

Проекты преобразованія общественнаго порядка. — Бабефъ и заговоръ равныхъ. — Буанаротти и демократы-карбонаріи. — Сень-Симонъ (St.-Simon) и сенъ-симонисты. —

Соціальная рабочая поезія. — Фурье (Fourier) и фурьеристы. — Викторъ Консидеранъ. — Кабе и Путешествіе въ Икарію. — Переселеніе икарійцевъ. — Луи Бланъ (Louis Blanc) и организація труда. — П. Ж. Прудонъ (P. J. Proudhon) и его ученіе. — Соціальная теорія философа Пьера Леру (Pierre Leroux). — Ламеннэ (Lamennais) и религиозный коммунизмъ. — Бюше (Buche) и его христіанско-соціальное міровоззрѣніе. — Бюше и идея рабочихъ ассоціацій. — „Atelier“, — первый рабочий листокъ. — Отраженіе социалистическихъ теченій въ изящной литературѣ. — Жоржъ Зандъ (George Sand). — Эженъ Сю (Eugene Sue). — Беранже (Beranger). — Альфредъ де Мюссе (Alfred de Musset). — Каменьщикъ Понси (Poncy). — Феликсъ Пиа (Felix Piat). — Научная критика утопическаго социализма 127—159

Вторая республика. Съ 1848 по 1852 годъ.

ГЛАВА I.

Ежедневная пресса. — Партіи. — Парламентская оппозиція. — Вожди. — Вопросъ объ избирательной реформѣ. — Рѣшеніе оппозиціи идти вмѣстѣ съ народомъ. — Законопроектъ Дювержье-де-Оранъ (Duvergier de Hauranne). — Агитація на банкетахъ. — Ламартинъ въ Маконѣ (Mâcon). — Делеклюзъ (Delescluse) и Ледрю-Роллэнъ (Ledru-Rollin) въ Лиллѣ. — Народныя движенія въ Польшѣ, Италиі и Швейцаріи 163—176

ГЛАВА II.

Король открываетъ сессію палатъ. — Ударъ въ лицо оппозиціи. — Способы борьбы оппозиціи. — Дебаты по поводу отвѣтнаго адреса королю. — Взяточничество прикрывается престижемъ правительства. — Токвиль предсказываетъ соціальную революцію. — Отмѣна права собраній. — Запрещеніе банкетовъ въ двѣнадцатомъ городскомъ округѣ. — Наканунѣ борьбы 177—193

ГЛАВА III.

22 февраля. — Народъ на площади Согласія. — Участіе студентовъ. — Вторженіе въ зданіе палаты депутатовъ. — Парламентская оппозиція. — Баррикады. — Парижъ занятъ

войсками.—Событія 23 февраля.— Утренняя борьба.— Паденіе Гизо и его министерства.— Кажущееся умиротвореніе.— Драма на бульварѣ Капуциновъ.— Ночь съ 23 на 24 февраля. 194—213

ГЛАВА IV.

24 февраля.— Бюжо (Vigeaud)— главнокомандующій войсками.— Однодневное правительство Тьера.— Планъ на паденія.— Его исполненіе.— Побѣда народа и деморализація войскъ.— Попытка внести успокоеніе.— Взятіе городской ратуши.— Король въ Тюльери.— Борьба на королевской площади.— Отреченіе отъ престола.— Республика въ городской Ратушѣ.— Бѣгство іюльскаго короля. 214—229

ГЛАВА V.

Какъ было принято отреченіе короля отъ престола въ республиканскихъ кругахъ.— Газета „National“. — Палата депутатовъ.— Герцогиня Орлеанская.— Народъ проникаетъ въ палату.— Временное правительство.— Газета „Reforme“. — Грозный видъ Гревской площади.— Въ городской Ратушѣ.— Народъ требуетъ республики.— Объявленіе республики.— Ночь съ 24 на 25 февраля. 230—241

ГЛАВА VI.

Республика и социализмъ — Мнѣніе Карла Маркса.— Гревская площадь утромъ 25 февраля.— Право на трудъ.— Красное знамя.— Національныя мастерскія и социальныя мастерскія Луи Блана.— Министерство прогресса и труда 242—256

ГЛАВА VII.

Бланки.— Фракціи временнаго правительства и представляемая ими партіи.— Двусмысленное поведеніе правительства.— Рабочіе въ Люксембургскомъ дворцѣ.— Рабочее законодательство. — Клубы.— Пресса.— Выборы.— Буржуазія и народная республика.— Финансовая нужда временнаго правительства.— Надбавка въ 45 процентовъ къ прямымъ налогамъ.— Демонстрація буржуазіи и демонстрація рабочихъ.— 16 и 17 марта. 257—277

ГЛАВА VIII.

Революція и соціальныя реформы.— Возникновеніе кооперацій.— Проектъ о жилищахъ рабочихъ.— Люксембургская коммиссія и стачки.— Законопроектъ коммисіи.— Национальныя мастерскія и реакція; заговоръ въ средѣ правительства.— Заграничныя рабочіе. 278—290

ГЛАВА IX.

Революція и Европа.— Народное возстаніе въ Вѣнѣ и Берлинѣ.— Волненія въ Германіи.— Италія: Миланъ, Венеція.— Роль Карла Альберта.— Политика временнаго правительства и европейская революція.— Французскій народъ и заграничныя демократы.— Попытки къ возстанію вольныхъ дружинъ.— Жалкая роль правительства. 291—303

ГЛАВА X.

Демократическая республика колеблется.— Заговоръ приверженцевъ Ледрю-Роллэна.— Ихъ страхъ передъ Бланки.— Безсильные привлечь его къ участию въ заговорѣ республиканцы хотятъ его устранить.— Бланки — подкупленный предатель.— Приготовленія къ 16 апрѣля.— Цѣли заговора.— Внезапный переходъ Ледрю-Роллэна на сторону Ламартина.— Войска буржуазіи на Гревской площади.— Пролетаріатъ подавленъ 304—319

ГЛАВА XI.

Послѣдствія 16 апрѣля.— Реакція не знаетъ предѣловъ.— Страхъ передъ Бланки.— Правительство старается овладѣть имъ.— Попытка временнаго правительства вернуть свою прежнюю популярность.— Праздникъ братства.— Избирательная кампанія.— Роль буржуазіи.— Ея привилегіи составляютъ главный предметъ спора между буржуазными и социалистическими экономистами.— Выборы.— Возстанія въ Лиможѣ, Руанѣ и Эльбефѣ.— Кровопролитіе въ Руанѣ.— Революціонный Парижъ поднимается.— Призывы Собріе (Sobrier) и Бланки.— Республика побѣдившая на баррикадахъ, терпитъ пораженія въ избирательныхъ урнахъ.— Причины неудачъ пролетаріата и прогрессивныхъ партій. 320—336

ГЛАВА XII.

Первое засѣданіе національнаго собранія.— Республика и національное собраніе.— Отчетъ членовъ правитель-

ства.—Поведеніе Ледрю-Роллана.—Барбэ протестуесть противъ мѣропріятій правительства.—Совѣщаніе о министерствѣ прогресса; ненависть національнаго собранія къ идеѣ социализма.—Возмущеніе въ народныхъ массахъ растеть.—Пораженіе нѣмецкихъ отрядовъ.—„Въ Польшѣ идетъ борьба“.—Парижъ вступается за дѣло угнетенныхъ народовъ 337—348

ГЛАВА XIII.

15 мая.—Правительство и демонстрація.—Прудонъ и война.—Шествіе народной массы.—Непріятное происшествіе въ національномъ собраніи.—Бланки на мгновение овладѣваетъ толпой.—Рѣчь Барбэ.—Національное собраніе объявляется распущеннымъ.—Революціонное правительство въ Ратушѣ.—Собріе—министръ внутреннихъ дѣлъ.—Коссидьеръ (Caussidière) и правительство. Боевыя приготовленія въ полицейской префектурѣ.—Послѣдствія 15 мая.—Разнузданность реакціи.—Арестъ Бланки. Взглядъ Маркса на 15-ое мая 349—362

ГЛАВА XIV.

Празднество, надъ которымъ издѣвается парижскій народъ.—Реакція обостряется.—Популярность Ламартина окончательно гибнетъ.—Политическое безсиліе Ледрю-Роллана.—Отставка республиканскихъ гражданскихъ комиссаровъ.—Парламентскія фракціи.—Генераль Кавеньякъ—военный министр.—Ходъ революціи въ Европѣ. 363—376

ГЛАВА XV.

Луи Наполеонъ Бонапартъ.—Выборы 4 іюня.—Наполеоновская легенда.—Попытки возстановленія имперіи подвергаются осмѣянію.—Бонапартистская партія и ея агитация.—Пьеръ Леру и Прудонъ въ учредительномъ собраніи.—Парламентская борьба по вопросу о допущеніи во Францію Бонапарта 377—393

ГЛАВА XVI.

Трехмѣсячный срокъ ожиданія рабочихъ истекаетъ.—Признаки нетерпѣнія и возмущенія.—Агитация среди рабочихъ.—Волненія въ деревнѣ.—Ненависть и жажда мести возрастаютъ.—Поведеніе газетъ.—Національныя мастер-

скія и реакція.—Первыя репрессивныя мѣропріятія.— „Необходимо выслать этому конецъ“. — Рѣшено насильственно выслать рабочихъ въ провинцію.— „Мы не пойдемъ“. — Масса рабочихъ угрожающе проходитъ по улицамъ Парижа. — Пюжоль и Мари. — Рѣшено открыть борьбу на площади Пантеона 394—405

ГЛАВА XVII.

Приготовленія къ борьбѣ. — Исполнительная коммиссія и Кавеньякъ. — Національная и мобильная гвардія. — Клевета.—Начало борьбы. — Баррикады на бульварѣ Бонь-Нувель (Bonne Nouvelle).—Араго у Пантеона.— Національное собраніе хочетъ рѣшительной битвы. — Борьба войскъ Кавеньяка при входѣ въ предмѣстье Дю-Тамплъ.—Генераль Бедо оперируетъ противъ острова Сите (Cité) и въ кварталахъ близъ Пантеона.—Безуспѣшность нападений.—Парижъ вечеромъ 23 іюня 406—420

ГЛАВА XVIII.

Возстаніе утромъ 24 іюня. — Страшное волненіе въ національномъ собраніи. — Кавеньякъ—диктаторъ.—Осадное положеніе.—Прокламациі.—Крайнее напряженіе военныхъ силъ.—Борьба въ предмѣстьѣ Пуассоньеръ.—Генераль Ламорисьеръ въ Шато-д-о.—Какимъ образомъ разжигалась ярость солдатъ. — Умѣренность и великодушіе повстанцевъ.—Борьба около городской ратуши. — Взятіе Пантеона, истязаніе плѣнниковъ, ужасный вечеръ . 421—431

ГЛАВА XIX.

Непоколебимое сопротивленіе народа начинаетъ пугать реакцію.—Прокламация Кавеньяка и декретъ національнаго собранія.—Выступленіе генерала Бреа.—Его попытки возстановить миръ.—Его смерть. — Лѣвый берегъ Сены весь отнять у повстанцевъ. — Борьба на правомъ берегу.—Двѣ баррикады, описанныя Викторомъ Гюго. — Битва около городской Ратуши.—На площади Бастиліи.—Мѣстность Кло-Сенъ-Лазаръ (Beau place Clos St. Lazare).—Ламеннэ поднимаетъ свой голосъ. — Возстаніе, тѣснимое со всѣхъ сторонъ, начинаетъ приходиться къ концу. . 432—444

ГЛАВА XX.

Возстаніе, осужденное на неудачу, удваиваетъ свою силу.—Передъ С.-Антуанскимъ предмѣстьемъ.— Попытка капитуляціи.—Кавеньякъ жаждетъ крови.—Взятіе предмѣстья дю-Тамплъ.—Конецъ затишья на площади Бастиліи.— Приступъ.— Сень-Антуанское предмѣстье взято.— Послѣдняя битва.—Битва прекратилась, бойня продолжается.—Всюду разстрѣлы.—Страшныя сцены въ подвалахъ Тюльери и городской ратуши.— Неслыханныя гнущности.—Народъ не забудетъ ихъ 445—463

ГЛАВА XXI.

Конецъ революціоннаго періода.— Диктатура Кавеньяка.—Видъ столицы послѣ битвы.— Страхъ передъ инсургентами.— Погребеніе юньскихъ жертвъ.—Успѣхи реакціи.— Развитие производительныхъ товариществъ.— Подарокъ въ три милліона.— Прудонъ въ качествѣ пугалы.—Его взгляды на социальную реформу.—Его предложеніе въ національномъ собраніи.— Тьеръ торжествуетъ.—Война противъ социализма.— Анти-соціалистическія брошюры.—Всѣ сколько-нибудь прогрессивные элементы бросаются въ объятія социализма 464—483

ГЛАВА XXII.

Слѣдственная комиссія.—Ледрю-Роллэнъ, Луи Бланъ и Коссидьеръ привлекаются къ отвѣтственности.— Заключение слѣдственной комиссіи читаетъ Кантэнъ Бошаръ (Quentin Bauchad).—Обвинительный актъ.— Пренія.— Луи Бланъ и Коссидьеръ произносятъ обвинительныя рѣчи.—Необычайный ростъ социалистическаго движенія.—Гора, какъ будто, примыкаетъ къ нему.—Общая программа.—Соціаль-демократическая партія.—Банкеты.— Конституція французской республики.— Мнѣніе Карла Маркса о конституціи второй республики.— Торжественное провозглашеніе конституціи 484—494

ГЛАВА XXIII.

Европейская революція совершилась на подобіе французской.—Продолженіе итальянскаго возстанія.— Карлъ Альбертъ провозглашаетъ себя королемъ Верхней Италіи.— Радецкій побѣдоносно подвигается впередъ и препятствуетъ заключенію перемирія.— Карлъ Альбертъ, разбитый при Кустоцѣ и Вотътѣ, бѣжитъ черезъ Ми-

ланъ въ Туринъ.—Перемиріе и конецъ возстанія. — Венеціанская республика просить помощи у французовъ. — Печальная роль Кавеньяка. — Народное движеніе въ папской области.—Графъ Пеллегрини Росси убитъ.—Побѣда революціи въ Римѣ.—Бѣгство папы въ Гаэта. — Комическая роль Кавеньяка.—Начало великаго преступленія. 495 — 504

ГЛАВА XXIV.

Начало избирательной борьбы за президентство.—Кандидаты.—Кавеньякъ противъ Бонапарта. — Политическія карикатуры. — Побѣда Бонапарта. — Приведеніе его къ присягѣ.—Новое министерство.—Начало вражды между членами парламента и президентомъ.—Требованія распущенія національнаго собранія.—Борьба съ реакціей . . . 505 — 517

ГЛАВА XXV.

Судъ надъ обвиняемыми 15 мая. — Обвиняемые выступаютъ въ качествѣ обвинителей.—Поведеніе Бланки.—Печальная роль Барбэ.—Итальянскія событія.—Въ Римѣ провозглашена республика. — Правительство готовится къ вмѣшательству.—Разрѣшеніе кредита на экспедицію.—Генералъ Удино въ Чивита-Веккіа.—Нападеніе на Римъ.—Мадзини и Гарибальди.—Французская армія съ большими потерями отброшена назадъ. — Негодованіе въ Парижѣ увеличивается. — Событія въ національномъ собраніи. — Миссія дипломатическаго агента Лессепса . . . 518 — 528

ГЛАВА XXVI.

Приготовленія къ выборамъ.—Антисоціалистическіе летучіе листки. — Соціалдемократическій избирательный комитетъ и его программа.—Избирательная агитація въ казармахъ. — Волненія во время выборовъ. — Результаты выборовъ.—Конецъ учредительнаго національнаго собранія.—Открытіе законодательнаго собранія. — Итальянскія дѣла.—Миссія Лессепса и ея исходъ. — Второе нападеніе Удино на Римъ.—Осада Венеціи австрійцами.—Возбужденіе въ Парижѣ.—Соціалдемократія объявляетъ, что конституція нарушена.—Ледрю-Роллэнъ вноситъ предложеніе о преданіи суду президента и его министровъ.—Онъ грозитъ призывомъ къ оружію. — Предложеніе его отклонено.—Повстанческому движенію парижанъ не хватаетъ рѣшимости.—Вечеръ 12 іюня 529 — 539

ГЛАВА XXVII.

Утро 13 іюня.—Призывъ въ газетахъ.—Мирная демонстрація — Индифферентизмъ народа. — Шангарнье разгоняетъ манифестантовъ. — Призывъ къ оружію. — Ледрю-Роллэнъ и часть горы отправляются въ Академію искусствъ и ремеслъ.—Артиллерія національной гвардіи.— Возстаніе подавлено.—Разгромъ социалдемократическихъ типографій.—Неудачныя попытки возстанія въ провинціи.—Реакція срывается съ цѣпи.—Запрещеніе газетъ. — Осадное положеніе.—Временный законъ о клубахъ.— Законъ о печати 27 іюля.—Отсрочка сессіи законодательнаго собранія.—Поѣздка Бонапарта по странѣ.—Паденіе римской республики.—Смерть Лавирона (Laviron).—Капитуляція Венеціи.—Плохое хозяйничанье Кардиналовъ въ Римѣ.—Письмо Бонапарта къ Эдгару Нею.—Безобразія въ Римѣ продолжаются.—Законодательное собраніе разрѣшаетъ требуемый добавочный кредитъ на римскую экспедицію, а также назначаетъ пенсію для герцогини Орлеанской 540—552

ГЛАВА XXVIII.

Непарламентское министерство; Карлье (Carrier) — префектъ полиціи. — Процессъ обвиняемыхъ за возстаніе 13 іюня 1849 г. — Пошлина на вино и законъ о народномъ образованіи.—Карлье за работой.—Дополнительные выборы 10 марта и 29 апрѣля 1850 г.—Законы противъ социалистовъ.—Избирательный законъ 31 мая 1850 г.—Денежныя требованія Бонапарта.—Наглость газетъ, преданныхъ Елисейскому дворцу. — Отсрочка созыва національнаго собранія съ 11 августа до 11 ноября 1850 г.—Постоянная коммиссія. — Орлеанистскія и легитимистскія интриги. — Поѣздки Бонапарта по странѣ. — Общество 10-го декабря.—Смотръ войскъ при С.-Морѣ и при Сатори (Satori), — Отставка генерала Неймейера (Neumeyer). — Афера Юна (Jon).—Открытіе сессіи національнаго собранія.—Незначительная парламентская работа въ ноябрѣ и декабрѣ. — Парламентская война между національнымъ собраніемъ и правительствомъ. — Кому должна подчиняться армія?—Бонапартъ требуетъ смѣшенія Шангарнье (Changarnier). — Частичный министерскій кризисъ; реорганизация кабинета 10 января 1851 г.—Отставка Шангарнье и раздѣленіе его власти. — Вотумъ недовѣрія національнаго собранія.—Отставка кабинета, составленіе непарламентскаго министерства. — Отказъ въ новыхъ денежныхъ ассигнованіяхъ Бонапарту.—Петиціи о пересмотрѣ конституціи. — Антипарламентское министерство 10-го апрѣля 1851 г.—Предложеніе о пересмотрѣ конституціи.—

ложь бонапартистскихъ газетъ. — Террористическій режимъ.—Выборы 20 и 21 декабря 1851 г.—Новогоднее молебствіе въ соборѣ Парижской Богоматери и благословеніе папы.—Дѣятельность смѣшанныхъ комиссій.—Пересмотръ приговоровъ Канроберомъ, Эспинасомъ и Кантенъ Бошаромъ. — Конституція и сводъ законовъ. — Цивильный листъ Бонапарта.—Поѣздки императора.— Народное голосованіе 21 ноября 1852 г.—Возстановленіе имперіи . 574—600

Приложеніе. Отъ второй имперіи до третьей республики.

I. Почему пала вторая республика.

- 1) Историческое значеніе февральской революціи. 603—607
- 2) Февральская республика и революціонный социализмъ 607—611
- 3) Затруднительное положеніе временнаго правительства 611—615
- 4) Ложныя отношенія классовъ другъ къ другу 615—617
- 5) Республика и республиканская партія . . . 617—620
- 6) Государственный переворотъ передъ судомъ исторіи
620—622

II. Разсвѣтъ и паденіе второй имперіи.

- 1) Ложное положеніе второй имперіи 623—627
- 2) Едва терпимый авантюристъ становится уважаемымъ третейскимъ судьей 627—635
- 3) Наполеонъ III на высотѣ своей власти: отъ улицы Лепеллетье (Lepelletier) до Сольферино 635—647
- 4) Положеніе имперіи становится шаткимъ.—Начало мексиканской экспедиціи.—Выборы 1863 г. 648—653
- 5) Имперія катится по наклонной плоскости . . 654—664
- 6) Паденіе и конецъ имперіи 664—685

Указатель портретовъ, помѣщенныхъ въ текстѣ.

	СТР.
1. Наполеонъ I	7
2. Людовикъ XVIII	15
3. Карлъ X	35
4. Луи Филиппъ, король французовъ	77
5. Барбэ (Barbés)	113
6. Бабефъ	128
7. Сэнъ-Симонъ	131
8. Анфантэнъ	134
9. Шарль фурье	136
10. Консидеранъ	139
11. Этьенъ Кабэ	141
12. Луи Бланъ	145
13. Прудонъ	146
14. Пьеръ Леру	149
15. Аббатъ Ламеннэ	151
16. Жоржъ Зандъ	155
17. Беранже	156
18. Альфредъ де Мюссе	157
19. Ламартинъ	165
20. Мадзини	173
21. Меттернихъ	175
22. Гизо	179
23. Тьеръ	180
24. Токвиль	181
25. Эмиль де-Жирарденъ	223
26. Кремье	225
27. Августъ Бланки	259
28. Луи Наполеонъ Бонапартъ	381
29. Николай I	628
30. Наполеонъ III	629
31. Императрица Евгения	630
32. Кавуръ	640
33. Бикторъ Эммануиль	642
34. Эрнестъ Ренанъ	655

	СТР.
35. Принцъ Наполеонъ	657
36. Максимилианъ	659
37. Анри Рошфоръ	670
38. Леонъ Гамбетта	672
39. Макъ Магонъ	677
40. Жюль Фавръ	680

Указатель историческихъ картинъ, помѣщенныхъ въ текстѣ.

	СТР.
1. Возвращеніе Наполеона въ Тюльери 20 марта 1815 г.	11
2. Вечеръ битвы при Ватерлоо	13
3. Смерть маршала Нея	19
4. Трупъ маршала Брюна волокутъ къ Ронѣ	21
5. Братья Фоше по дорогѣ на эшафотъ	23
6. Раздача продовольствія голодающимъ крестьянамъ	25
7. Сооруженіе миссіонерскаго креста	29
8. Смерть четырехъ сержантовъ изъ Ля-Рашеля	33
9. Взятіе Лувра 29 Іюля 1830 г.	55
10. Лафайетъ по пути къ городской ратушѣ	61
11. Походъ парижанъ на Рамбулье	73
12. Разгромъ дворца архіепископа	89
13. Возстаніе въ Ліонѣ	95
14. Первое нападеніе на народъ на Бурдонскомъ бульварѣ	97
15. Баррикада у церкви Сэнъ-Мери (St. Mèry)	99
16. Аресть герцогини Беррійской	103
17. Покушеніе Фэски	109
18. Парижская биржа	121
19. Смерть герцога Орлеанскаго	123
20. Планъ Фаланстера	137
21. Палата депутатовъ	183
22. Продавцы газетъ	189
23. Бульваръ Магдалины въ 1848 г.	195
24. Площадь согласія въ 1848 г.	196—197
25. Национальная гвардія защищаетъ народъ отъ натиска кирасиръ на площади Побѣдъ	205
26. Бульваръ Капуциновъ въ 1848 г.	209
27. Убитыхъ на бульварѣ Капуциновъ возятъ по Парижу	211
28. Одилонъ Барро и его друзья передъ баррикадой въ улицѣ Сэнъ-Дени	219
29. Уничтоженіе баррикады	220
30. Факсимиле отрѣченія отъ престола Луи Филиппа	224
31. Луи Филиппъ бѣжитъ изъ Парижа	227

32. Парижане ташать тронъ Луи Филиппа на площадь Бастиліи	229
33. Герцогиня Орлеанская въ палатѣ депутатовъ	232
34. Ламартинъ на крыльцѣ Ратуши	249
35. Торжественное провозглашеніе республики на площади Бастиліи	252
36. Насажденіе дерева свободы	255
37. Народная демонстрація передъ ратушей 17 марта 1848 г.	274
38. Мастерская товарищества портныхъ въ Клиши	279
39. Рабочій парламентъ въ Люксембургѣ	287
40. Арсеналь въ Венеціи	294
41. Видъ Ліона	301
42. Засѣданіе временнаго правительства въ ратушѣ	305
43. Агитація въ клубахъ	312
44. Карауль въ ратушѣ	313
45. Процессія передъ временнымъ правительствомъ 20 апрѣля 1848 г.	323
46. У избирательной урны	333
47. Временное правительство шествуетъ на первое засѣданіе національнаго собранія 4 мая 1848 года	338
48. Провозглашеніе республики 4 мая 1848 года	341
49. Выступленіе нѣмецкихъ революціонеровъ изъ Парижа	346
50. Залъ засѣданій національнаго собранія	353
51. Народъ въ національномъ собраніи 15 мая 1848 г.	355
52. Рѣзня въ Неаполѣ 15 мая 1848 г.	372
53. Гробница императора Наполеона I	383
54. Юльская колонна	407
55. Бульваръ Сень-Дени въ 1848 г.	409
56. Рабочій—національный гвардеецъ	412
57. Араго передъ баррикадой	415
58. Арестъ транспорта оружія и боевыхъ припасовъ, доставляемаго инсургентамъ въ импровизированномъ катафалкѣ	422
59. Битва около Пантеона	428
60. Бомбардировка Пантеона	430
61. Убійство генерала Бреа и его адъютанта Манжена	435
62. Нападеніе на предмѣстье Дю-Тампль у моста черезъ каналъ	439
63. Смерть архіепископа парижскаго Аффра	441
64. Нападеніе на Кло-Сень-Лазарь 24 іюня 1848 г.	443
65. Искусственно защищенныя позиціи войскъ въ баррикадной борьбѣ	448
66. Нападеніе на предмѣстье Сень-Антуанъ	450
67. Преслѣдованіе повстанцевъ въ Монмартрскихъ каменоломняхъ	452
68. Входъ въ подземныя тюрьмы Тюльерійскаго сада	453
69. Отрядъ плѣнныхъ повстанцевъ	454
70. Похоронная церемонія на площади Согласія	467

ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1848 года и второй республики.

Предисловіе къ русскому изданію.

Для насъ, русскихъ, изученіе европейскихъ революцій XIX столѣтія имѣетъ особый, жгучій интересъ. Мы переживаемъ теперь *свою* великую революцію, въ основѣ которой лежитъ тотъ же переворотъ въ экономическихъ, производственныхъ отношеніяхъ, который вызвалъ въ свое время буржуазныя революціи въ болѣе передовыхъ странахъ Западной Европы. Какъ нѣкогда въ Западной Европѣ, такъ теперь и у насъ, въ Россіи, развитіе капиталистическаго производства, вытѣснившее во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства старыя феодально-крѣпостническія формы труда и свойственныя имъ экономическія отношенія, сдѣлало необходимымъ и неизбѣжнымъ уничтоженіе и старыхъ политическихъ формъ,—абсолютизма и господства крѣпостническо-дворянскихъ привилегій, дававшихъ и останавливавшихъ развитіе всѣхъ сторонъ государственной и общественной жизни, — и замѣну ихъ новымъ, демократическимъ строемъ, соотвѣтствующимъ господству буржуазныхъ отношеній. Упорное сопротивленіе умирающаго стараго порядка неуклонно надвигающемуся новому вызываетъ тѣ бурныя столкновенія борющихся общественныхъ силъ, которыя составляютъ внѣшнія проявленія революціи, часто имѣющія видимость случайныхъ событій, являющихся результатомъ ошибочной или, наоборотъ, удачной дѣятельности отдѣльныхъ партій и даже лицъ. Но при тщательномъ анализѣ этихъ событій мы всегда откроемъ, что за ними скрывается группировка опредѣленныхъ общественныхъ классовъ, соотношеніе и столкновение интересовъ которыхъ и обуславливаетъ тотъ или иной исходъ революціи.

Анализируя ходъ нашей російской революціи, наивно было бы искать ея прототипа, образца, въ какой-либо изъ западно-европейскихъ буржуазныхъ революцій. Хотя основа всѣхъ ихъ и російской революціи одинакова, но историческая обстановка, въ которой онѣ совершались, различна. Степень развитія капитализма, міроваго и своего, національнаго; соотвѣтствующія ей организованность и сознательность отдѣльныхъ классовъ буржуазнаго общества; международное положеніе; исторически-національныя формы, въ которыя отливаются экономическія и правовыя отношенія; наконецъ, сила и глубина экономического кризиса, неизбѣжно сопутствующаго революціи,—всѣ эти и другія менѣе значительныя конкретныя условія создаютъ свой особый, національный характеръ буржу-

азной революціи въ каждой данной странѣ для каждой данной эпохи и дѣлають невозможными повторенія въ исторіи. Странно было бы, поэтому, искать полной аналогіи въ ходѣ россійской революціи 1905 г. и, наприимѣръ, французской революціи 1848 г. или германской революціи того же періода.

Тѣмъ не менѣе въ исторіи каждой революціи мы найдемъ весьма поучительные уроки для себя. Анализъ борьбы общественныхъ классовъ и ихъ подраздѣленій, сталкивающихся между собой въ революціонную эпоху, вскрываетъ ту группировку общественныхъ силъ, которая неизбѣжно вела къ побѣдѣ однихъ и къ пораженію другихъ, и выясняетъ, такимъ образомъ, ошибки и успѣхи отдѣльныхъ партій и вождей, руководившихъ революціонной борьбой; мало того, онъ разоблачаетъ истинные, реальные интересы и домогательства отдѣльныхъ борющихся общественныхъ группъ, скрытыя за парадными лозунгами представляющихъ ихъ политическихъ партій. И въ такомъ анализѣ мы найдемъ какъ объясненіе причинъ нашихъ успѣховъ и поражений, такъ и указанія для будущей нашей тактики, по скольку она является результатомъ сознательной политики.

Въ этомъ отношеніи предлагаемая теперь вниманію русскихъ читателей книга Луи Эритье содержитъ богатѣйшій матеріалъ для изученія исторіи французской революціи и для выводовъ, дающихъ руководящія указанія для хода нашей собственной революціи.

Содержаніе книги Эритье значительно шире, чѣмъ можно судить о немъ по заглавію. Съ введеніемъ самого Эритье и добавленіемъ Эд. Бернштейна, оно охватываетъ собой исторію Франціи съ 1814 по 1870 г., т. е. съ реставраціи Бурбоновъ и до франко-прусской войны, которая смела имперію Наполеона III и проложила путь для третьей республики, существующей и понынѣ. Въ этотъ, почти шестидесятилѣтній періодъ, Франція пережила: реставрацію феодальнаго королевства; іюльскую революцію 1830 г., создавшую буржуазное королевство; февральскую революцію 1848 г., учредившую на мѣсто низвергнутой монархіи республику, „соціальную“, по замыслу вождей революціоннаго пролетаріата; іюньскую революцію 1848 г., кровавыми жертвами уничтожившую „соціальныя“ иллюзіи пролетаріата и разоблачившую истинный, буржуазный характеръ второй республики; военный переворотъ 2 декабря 1851 г. Луи Бонапарта, вернувшей „демократическую“ имперію, — вторую имперію Наполеона Малаго; и, наконецъ, военный разгромъ, приведшій, послѣ кратковременнаго господства пролетаріата (коммуна 1871 г.), которое закончилось для него такимъ же страшнымъ кровавымъ урокомъ, какъ и въ іюнѣ 1848 г., къ учрежденію буржуазно-демократической республики. Эта смѣна грандіозныхъ событій, державшая Францію, — если прибавить къ ихъ перечню Великую революцію и годы первой имперіи, — почти столѣтіе (1789—1871 г.г.) въ состояніи постоянной гражданской войны, лишь изрѣдка прерываемой короткими періодами затишья, сдѣлала Францію

центромъ исторіи континентальной Европы. Революціонные лозунги всѣ народы Европы получали изъ Франціи; побѣда революціи во Франціи тотчасъ же влекла за собой оживленіе надеждъ революціонеровъ въ другихъ странахъ Европы. Въ частности февральская революція 1848 г. послужила непосредственнымъ толчкомъ для паденія феодализма и абсолютизма въ средней Европѣ, и только въ восточной, полу-азиатской Россіи отразилась усиленіемъ реакціи. Но и здѣсь затѣянная Наполеономъ III Крымская кампанія привела непосредственно къ эпохѣ „великихъ реформъ“.

Эта европейская революціонная роль Франціи, которую она играла помимо, а часто даже вопреки волѣ ея правительства, продолжалась до 1871 г. Съ этого года, уничтожившаго международный военный престижъ Франціи, гегемонія переходитъ къ объединенной Германіи. И мало по малу гегемонія эта становится не только политической, но и экономической, и идейной. Однако, идейное вліяніе современной Германіи и старой революціонной Франціи различно. Франція, наряду съ теоріями социалистовъ-утопистовъ, проникавшими во всѣ страны міра, включая нашу дикую, тогда еще крѣпостную Россію, давала непосредственные лозунги революціонной борьбы; угнетенные народы ожидали отъ нея непосредственной, военной поддержки въ ихъ борьбѣ съ деспотическими правительствами. Въ Германіи образовалась величайшая въ мірѣ социалдемократическая партія пролетаріата, и ея вожди—и прежде всего основатели теоріи научнаго социализма Марксъ и Энгельсъ—являются теоретиками и вождями международного социалистическаго движенія пролетаріата. Но вмѣстѣ съ французскимъ утопическимъ социализмомъ исчезъ и юношескій энтузіазмъ первыхъ революціонеровъ-социалистовъ, исчезли и международныя иллюзіи революціоннаго братства. Непосредственной, фактической поддержки со стороны Германіи не ждутъ уже революціонныя партіи въ болѣе отсталыхъ странахъ свѣта. И здѣсь сказывается не разница въ національныхъ характерахъ французовъ и нѣмцевъ, не монархической государственной строй Германіи, сохранившій еще многія черты своего феодальнаго прошлаго, а прежде всего гораздо большая, сравнительно съ эпохой 1848—1871 г.г., зрѣлость развитія международного капитализма, обострившаго классовыя отношенія во всѣхъ странахъ, уничтожившаго политическія иллюзіи буржуазнаго демократизма, часто затушевывавшія его рѣзкое различіе отъ социалистическаго демократизма, и придававшего также зрѣлость и положительность революціонной борьбѣ международного социалистическаго пролетаріата.

И въ этомъ переворотѣ, имѣющемъ международное значеніе, исторія Франціи разбираемой эпохи сыграла рѣшающую роль. При поверхностномъ наблюденіи смѣнъ политическихъ формъ и событій въ революціонной Франціи можно удивляться „непостоянству“ французовъ. Послѣ господства конвента—имперія Наполеона I, которую смѣнила реставрація феодальной монархіи Бурбоновъ; побѣдоносная народная революція 1830 г.

учреждаетъ буржуазное королевство; а пролетарская революція 1848 г., правда, принесла съ собой республику, но, повидимому, лишь затѣмъ, чтобы авантюристъ Луи Бонапартъ, при помощи кучки заговорщиковъ-хулигановъ, утвердилъ на ея развалинахъ свою имперію. Съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, однако, смѣна событій въ этомъ историческомъ калейдоскопѣ приобретаетъ строгую законмѣрность и свое научное объясненіе.

Громадное достоинство книги Эритъ и состоитъ въ томъ, что вмѣстѣ съ живымъ и картиннымъ изложеніемъ событій, проникнутымъ горячей симпатіей автора къ революціонной борьбѣ пролетаріата, онъ вскрываетъ намъ тотъ процессъ образованія общественныхъ классовъ съ противоположными интересами и процессъ развитія ихъ борьбы, который является внутренней пружиной, двигающей исторію.

Великая революція не создала во Франціи законченнаго буржуазно-демократическаго строя, потому что само буржуазное общество не закончило еще своего внутренняго строительства. Благодаря революціи, образовался классъ крестьянъ-собственниковъ, мелкой сельской буржуазіи, составлявшій численно преобладающую часть населенія Франціи, и были разбиты феодально-цеховыя цѣпи, сковывавшія промышленное развитіе страны. Но само это развитіе не подвинулось еще такъ далеко, чтобы послужить основаніемъ для рѣзкаго обособленія двухъ главныхъ классовъ буржуазнаго общества: промышленной буржуазіи и пролетаріата. Крупной капиталистической промышленности, въ современномъ смыслѣ слова, еще не было, господствовала мануфактура и домашняя форма капиталистической промышленности, слѣдовательно господствовалъ торговый капиталъ. Классъ буржуазіи, поэтому, только еще кристаллизовался, что не мѣшало ему, однако, стремиться къ политическому господству. Промышленный пролетаріатъ въ Парижѣ и другихъ немногихъ центрахъ промышленной и торговой жизни Франціи также еще не выкристаллизовался изъ общей массы „народа“, включающей въ себя и пролетарскіе и мелко-буржуазные элементы, одинаково страдающіе отъ гнета капитала, и не сознавалъ себя еще какъ классъ, объединенный общими социальными-экономическими интересами и задачами борьбы съ капиталистической эксплоатаціей. Однако, экономической и политической гнетъ, лежащій на этомъ городскомъ „народѣ“, поддерживалъ въ немъ постоянный революціонный огонь и дѣлалъ его главнымъ дѣятелемъ каждой революціи. Такимъ образомъ создалась для Парижа роль вершителя политическихъ судьбъ Франціи, тогда какъ сельская Франція, т. е. громадная масса населенія страны, оставалась почти безучастной къ политической борьбѣ, разыгрывающейся на исторической авансценѣ. Замкнутая въ интересы своей повседневной экономической борьбы, сельская буржуазія отрывалась отъ своей „политики колокольной“ лишь тогда, когда ужъ слишкомъ больно затрогивали интересы ея кармана. Обыкновенно, это связывалось съ налоговой системой смѣнявшихъ другъ друга правительствъ. Марксъ говоритъ по этому

29 іюля 1830 г. свои знаменитые „ордонансы“, отмѣнявшіе конституцію и возстановлявшіе, по существу, абсолютизмъ. ✓

Однако, не либеральная буржуазія, съ парламентской оппозиціей во главѣ, совершила іюльскую революцію 1830 г. Ея борцами былъ парижскій „народъ“, т. е. пролетаріатъ и мелкая буржуазія городскихъ предмѣстій, ненавидѣвшій, Бурбоновъ за экономическій и политическій гнетъ и презиравшій ихъ за то, что они были посажены на тронъ врагами Франціи. Къ „народу“ примкнула часть радикальнаго студенчества (политехническая школа) и интеллигенціи (журналисты), руководившая возстаніемъ. Было развернуто республиканское трехцвѣтное знамя. Подъ него встала и часть національной гвардіи, распущенной въ 1827 г., и когда на сторону возставшихъ перешли два линейныхъ полка, участь феодальной монархіи была рѣшена и побѣда революціи обезпечена.

Но побѣдители не могли воспользоваться плодами своей побѣды. Прежде всего потому, что они не представляли собой опредѣленной партіи, объединенной общностью классовыхъ и политическихъ интересовъ. Въ составъ повстанцевъ входили разнородные буржуазные и пролетарскіе элементы безъ ясно сознанныхъ классово-политическихъ задачъ. „Vive la charte“ („да здравствуетъ хартія, конституція“) -- вотъ общій лозунгъ революціи 30 іюля 1830 г., но содержаніе этой хартіи было туманно для самихъ революціонеровъ и, во всякомъ случаѣ, мыслилось неодинаково отдѣльными ихъ группами. Въ частности республиканская партія была слишкомъ слаба и не имѣла достаточной опоры ни въ буржуазіи, ни въ пролетаріатѣ. Трехцвѣтное знамя и было только эмблемой, оживлявшей традиціи Великой революціи; но онѣ не могли уже быть живыми требованіями современности, выдвинувшей уже инныя, новыя задачи.

Вотъ почему либеральной буржуазіи, игравшей позорную и трусливую роль неудачнаго примирителя феодальной монархіи съ революціей, — причемъ первая ей была уже невыносима, а послѣдняя — страшна, — такъ легко и скоро удалось навязать народу новаго короля, Луи Филиппа Орлеанскаго, признавшаго и „хартію“, и трехцвѣтное знамя.

И этотъ „король-гражданинъ“ былъ ставленникомъ и орудіемъ не всей буржуазіи, а лишь высшаго ея слоя, — финансовой аристократіи. Только этому высшему слою „хартія“ предоставляла избирательныя права, слѣдовательно, участіе въ законодательной дѣятельности и руководствѣ политикой правительства. По словамъ Маркса, „либеральный банкиръ“ Лафитъ, провожая герцога Орлеанскаго, будущаго короля Луи Филиппа, въ ратушу, гдѣ засѣдала революціонная муниципальная коммисія, сказалъ: „Съ этого времени господствовать будутъ банкиры“. („Классовая борьба во Франціи“).

Предсказаніе Лафита сбылось полностью. Въ другомъ мѣрѣ Марксъ такъ характеризуетъ іюльскую монархію: „Іюльская монархія была ничѣмъ инымъ, какъ акціонернымъ об-

открытое существованіе республиканско-революціонныхъ союзовъ и загналъ ихъ, употребляя наше современное выраженіе, въ „подполье“. Изъ тайныхъ революціонныхъ обществъ того времени наиболѣе выдающимися были „Семья“ и, послѣ обнаруженія ея полиціей, „Времена года“. Во главѣ ихъ стояли два знаменитыхъ революціонера, Барбэ и Бланки, организовавшіе ихъ по всѣмъ правиламъ заговорщицкаго искусства и строжайшей конспираціи и дисциплины. Путемъ заговора, при поддержкѣ парижскаго народа, они надѣялись совершить революціонный переворотъ и учредить республику; однако, къ этой чисто-демократической цѣли примѣшивались уже и социалистическіе мотивы равенства, правда еще туманные и смутные. Попытка возстанія революціонеровъ—заговорщиковъ въ 1839 г. повела только къ разгрому „Временъ года“ и къ аресту ихъ вожаковъ, Барбэ и Бланки, — народъ остался равнодушнымъ зрителемъ тщетнаго сопротивленія войскамъ со стороны кучки повстанцевъ.

Но вліяніе тайныхъ революціонныхъ обществъ на парижскій пролетаріатъ все же сказывалось. Среди парижскихъ рабочихъ распространялась не только идея демократической республики, но и идея социальнаго равенства, предвѣстникъ социализма. Къ этому присоединилось и вліяніе ученій социалистовъ-утопистовъ, мало-по-малу проникавшихъ также въ рабочую среду. Конецъ тридцатыхъ и сороковые годы были богаты появленіемъ системъ социальнаго переустройства, должнствующихъ устранить всѣ язвы буржуазнаго порядка и водворить на землѣ социальное равенство. Сенъ-Симонъ, Фурье, Консидеранъ, Кабе, Луи Бланъ, Прудонъ, Ламменэ, Пьеръ-Леру, Бюше—вотъ имена наиболѣе видныхъ социаль-реформаторовъ той эпохи. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на ихъ теоріяхъ, о которыхъ существуетъ достаточно обширная литература уже и на русскомъ языкѣ и краткое изложеніе которыхъ читатель найдетъ въ V главѣ „Введенія“ Л. Эритъе. Отмѣтимъ только, что самое появленіе столь многочисленныхъ социальныхъ утопій и проэктвовъ социальныхъ реформъ свидѣтельствуетъ уже, что къ тому времени противорѣчія капиталистическаго общества достаточно обнажились, чтобы стать замѣтными для болѣе чуткихъ и передовыхъ людей эпохи. Однако, имъ не хватало еще научнаго анализа законового развитія капиталистическаго производства и буржуазнаго общества, поэтому и социализмъ этихъ его проповѣдниковъ носилъ характеръ благожелательныхъ утопій и идеалистическихъ стремленій къ социальному равенству.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія развитіе капиталистическаго производства во Франціи сдѣлало уже значительные успѣхи. вмѣстѣ съ развитіемъ парового транспорта, крупное машинное производство быстро вытѣсняло мануфактуру и домашнюю систему.

Параллельно съ этимъ росло обособленіе и значеніе двухъ крупныхъ классовъ капиталистическаго общества: промышлен-

ной буржуазии и пролетариата, и обострилась классово-экономическая борьба между ними.

Промышленная буржуазия, естественно, стала в оппозицию к июльской монархии, т. е. к монопольному господству финансовой буржуазии. Такъ создались сперва парламентская, а затѣмъ и внѣ-парламентская оппозиція правительству Луи Филиппа. Только крайнее лѣвое крыло ея было настроено демократически и республикански, но и это была „мирная демократія“; остальная же буржуазная оппозиція стремилась къ конституціоннымъ реформамъ и прежде всего къ расширенію избирательнаго права. Она боялась революціи и чужала въ революціонномъ пролетариатѣ своего врага.

Пролетариатъ же, подѣ влияніемъ все обостряющейся классовой борьбы съ буржуазіей, а также пропаганды тайныхъ обществъ и распространія социалистическихъ теорій, начиналъ сознать свои особенные социальнo-политическія задачи. Въ этомъ заключались уже предварительныя условія будущей самостоятельной революціонной роли пролетариата. Однако, ни организованной рабочей партіи, ни опредѣленно-формулированной пролетарской программы не существовало,— для этого еще не созрѣлъ рабочій классъ, не доразвилась классовая борьба буржуазии и пролетариата.

Таковы были социальнo-политическія предпосылки революціи 1848 г. Для взрыва необходимъ былъ только непосредственный толчокъ, который долженъ былъ привести въ движеніе социальныя силы, сковываемыя июльской монархіей. Такимъ толчкомъ явился экономическій кризисъ 1847 г. „... Два міровыхъ экономическихъ событія ускорили взрывъ всеобщаго недовольства, довели возмущеніе до степени революціи“, говоритъ Марксъ („Класс. борьба во Франціи“, стр. 9). „Болѣзнь картофеля и неурожай 1845 и 1846 годовъ усилили всеобщее броженіе въ народѣ. Дороговизна 1847 г. вызвала кровавыя столкновенія какъ во Франціи, такъ и на остальномъ континентѣ“... „Вторымъ великимъ экономическимъ событіемъ, ускорившимъ революціонный взрывъ, былъ общій торговый и промышленный кризисъ въ Англии“... „На континентѣ еще не были исчерпаны послѣдствія этого кризиса, какъ разразилась февральская революція“. Еще рѣшительнѣе говорить по этому поводу Энгельсъ въ своемъ „Введеніи къ борьбѣ классовъ во Франціи“, написанномъ въ 1895 г.: „... Мировой торговый кризисъ 1847 года былъ истинной матерью февральской и мартовской (въ Германіи) революціи и . . . постепенно вновь наступившее съ половины 1848 года и достигшее полнаго развѣта въ 1849 и 1850 годахъ промышленное оживленіе явилось живительной силой для вновь окрѣпшей европейской реакціи“. (Стр. 409 изд. Скирмунта).

По исторіи французской революціи 1848 г., второй республики и переворота 2 декабря 1851 г. имѣются двѣ работы К. Маркса: „Борьба классовъ во Франціи 1848—1850 гг.“ и „Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта“, написанныя подѣ

непосредственнымъ, живымъ впечатлѣніемъ только-что совершившихся событій и, потому, соединяющихъ въ себѣ достоинства горячаго и злого политическаго памфлета и глубокаго историческаго изслѣдованія.

Эти работы Маркса были, конечно, извѣстны Л. Эригье, онъ пользуется ими для освѣщенія описываемыхъ имъ событій, одѣвая, благодаря картинному и живому изображенію дѣйствующихъ лицъ и отдѣльныхъ историческихъ эпизодовъ, плоть и кровью историческіе выводы Маркса. Поэтому, отсылая читателей для ближайшаго изученія и выясненія хода революціи 1848 г. непосредственно къ книгѣ Л. Эригье, мы остановимся здѣсь только на тѣхъ общихъ положеніяхъ, которыя необходимы намъ для дальнѣйшаго анализа революціонной борьбы пролетаріата.

Марксъ дѣлитъ революціонную эпоху 1848 — 1851 гг. на слѣдующіе періоды („Восемнадцатое брюмера“, стр. 249 и слѣд.).

I. *Первый періодъ.* Съ 24 февраля до 4 мая 1848 г. Февральскій періодъ. Прологъ. Опьяненіе всеобщимъ братаньемъ.

II. *Второй періодъ.* Періодъ учрежденія республики и учредительнаго національнаго собранія.

1) 4 мая—25 іюня 1848 г. Борьба всѣхъ классовъ общества противъ пролетаріата. Пораженіе пролетаріата въ іюньскіе дни.

2) 25 іюня—10 декабря 1848 г. Диктатура чистыхъ буржуазныхъ республиканцевъ. Разработка конституціи. Объявленіе Парижа въ осадномъ положеніи. Буржуазная диктатура устраняется 10 декабря избраніемъ Бонапарта въ президенты республики.

3) 10 декабря 1848 г.—29 мая 1849 г. Борьба учредительнаго собранія съ Бонапартомъ и объединенной съ нимъ партіей порядка. Конецъ учредительнаго собранія. Пораженіе буржуазныхъ республиканцевъ.

III. *Третій періодъ.* Періодъ конституціонной республики и законодательнаго національнаго собранія.

1) 29 мая—13 іюня 1849 г. Борьба мелкой буржуазіи съ буржуазіей и Бонапартомъ. Пораженіе мелко-буржуазной демократіи.

2) 13 іюня 1849 г.—31 мая 1850 г. Парламентская диктатура партіи порядка. Послѣдняя довершаетъ свое господство отмѣной всеобщаго избирательнаго права, но теряетъ парламентское министерство.

3) 31 мая 1850 г.—2 декабря 1851 г. Борьба между парламентской буржуазіей и Бонапартомъ.

а) 31 мая 1850 г.—12 января 1851 г. Парламентъ утрачиваетъ власть надъ арміей.

б) 12 января—11 апрѣля 1851 г. Онъ терпитъ пораженіе въ своихъ попыткахъ снова подчинить себѣ административную власть. Партія порядка устраиваетъ самостоятельное парламентское большинство. Ея коалиція съ республиканцами и Горой.

с) 11 апрѣля—9 октября 1851 г. Попытки пересмотра, слиянія, продленія полномочій. Партія порядка разлагается на свои отдѣльныя составныя части. Разрывъ буржуазнаго парламента и буржуазной прессы съ массой буржуазіи консолидируется.

д) 9 октября—2 декабря 1851 г. Открытый разрывъ между парламентомъ и исполнительной властью. Парламентъ умираетъ, покинутый арміей, своимъ собственнымъ классомъ и всѣми другими классами общества. Гибель парламентскаго режима и буржуазнаго господства. Побѣда Бонапарта. Пародія на империалистскую реставрацію“.

Борьба, начатая буржуазной демократіей за избирательную реформу въ парламентѣ и внѣ его,—въ печати и на банкетахъ—привела, послѣ запрещенія собраній, непосредственно къ баррикадной борьбѣ въ февральскіе дни 1848 г. Колебаніе національной гвардіи, склонявшейся на сторону народа, дала революціи побѣду. Главнымъ борцомъ революціи былъ, по обыкновению, пролетаріатъ, но бокъ о бокъ съ нимъ сражались противъ іюльской монархіи и буржуа. И февральская революція не была еще пролетарской не только по ея объективнымъ результатамъ, но и по цѣлямъ, преслѣдуемымъ революціонерами. Правда, пролетаріатъ впервые здѣсь развернулъ на баррикадахъ свое красное знамя; доведенный безработицей до нищеты и голода, онъ требовалъ „организации труда“, „права на трудъ“; идея „соціальной“ республики носилась въ воздухѣ, но у рабочаго класса не было еще ни сознанія своей обособленности отъ другихъ классовъ буржуазнаго общества, ни ясно сформулированныхъ требованій, ни постоянной организации; а, главное, не было еще налицо той ступени капиталистическаго развитія, которая бы сдѣлала осуществимыми чисто-пролетарскія требованія. И они сводились къ безсодержательной фразѣ и пустымъ мечтаніямъ, а, въ своемъ логическомъ развитіи, къ уничтоженію капитализма, къ экспроприации средствъ производства. „*Организация труда!*“ говоритъ Марксъ въ „Борьбѣ классовъ“. „Но наемный трудъ, вѣдь, это уже имѣющаяся въ наличности, буржуазная организация труда. Безъ нея нѣтъ капитала, нѣтъ буржуазіи, нѣтъ буржуазнаго общества“. Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ у Маркса: „...Право на трудъ—первая безпомощная формула, въ которой резюмировались революціонныя требованія пролетаріата“... „Въ буржуазномъ смыслѣ право на трудъ—это бессмыслица, жалкое благочестивое пожеланіе; за правомъ на трудъ въ дѣйствительности стоитъ власть надъ капиталомъ, за властью надъ капиталомъ—присвоеніе средствъ производства, ихъ подчиненіе ассоціированному рабочему классу, слѣдовательно, уничтоженіе наемнаго труда, капитала и ихъ взаимнаго отношенія“.

Вотъ почему, „какъ въ іюльскіе дни (1830 г.) рабочіе завоевали буржуазную монархію, такъ въ февральскіе (1848 г.) они завоевали буржуазную республику. И какъ іюльская мо-

нархія вынуждена была выступить, какъ монархія, окруженная республиканскими учрежденіями, такъ точно февральская республика въ силу необходимости выступила, какъ республика, окруженная социальными учрежденіями“. („Классовая борьба“, стр. 12). Буржуазія господствовала въ февральской республикѣ также, какъ и въ іюльской монархіи. Но тамъ было господство только сливокъ буржуазіи, ея финансовой аристократіи, здѣсь это господство пополнилось всѣми имущими классами, всѣми слоями буржуазіи. Это сказалось уже на составѣ временнаго правительства. Въ него вошли многочисленные представители различныхъ буржуазныхъ круговъ, подѣлившіе между дѣйствительную политическую власть, и только два представителя рабочаго класса, Луи Бланъ и Альберъ, оставшіеся „безъ портфелей“. Имъ было поручено предѣлательствовать въ постоянной рабочей комиссіи, засѣдавшей въ Люксембургѣ.

Отъ пролетарскаго требованія „права на трудъ“ буржуазная республика отдѣлалась организацией національныхъ мастерскихъ, которыя были простымъ благотворительнымъ учрежденіемъ, доставлявшимъ заработокъ массамъ безработныхъ. Въмѣсто „министерства труда“, которое и должно было заняться „организацией труда“, она дала рабочимъ Люксембургскую комиссію, которая не имѣла никакихъ средствъ реализовать свои благія пожеланія: „...Образовалась социалистическая синагога, на первосвященниковъ которой, Луи Блана и Альбера, возложили задачу открыть путь въ обѣтованную землю, возвѣстить новое евангеліе и дать работу парижскому пролетаріату. Въ отличіе отъ всякаго рода заурядной государственной власти въ ихъ распоряженіи не было ни бюджета, ни исполнительной власти. Головой должны были они свалить главные устои буржуазнаго общества“. (Марксъ „Классовая борьба“, стр. 13). Понятно, что никакой непосредственной, осязаемой пользы Люксембургская комиссія не принесла пролетаріату, голодавшему отъ безработицы и задыхавшемуся въ тискахъ капиталистической эксплуатаціи. „За Люксембургской комиссіей, этимъ созданіемъ парижскихъ рабочихъ, остается та заслуга, что она съ высоты европейской трибуны разоблачила тайну революціи XIX вѣка *): освобожденіе пролетаріата“ (Тамъ-же, стр. 16).

Однако, эта заслуга не могла удовлетворить пролетаріата въ 1848 г., и его недовольство временнымъ правительствомъ, а затѣмъ національнымъ учредительнымъ собраніемъ и его исполнительной комиссіей все росло и ширилось. Недовольство это поддерживалось и муссировалось революціонными клубами, заступившими мѣсто когда-то тайныхъ обществъ и не переставшими надѣяться на осуществленіе социальной республики путемъ новой революціи. Такимъ образомъ, между всѣми

*) Марксъ, какъ теперь ясно, ошибся здѣсь столѣтіемъ. Но объ этомъ намъ придется еще говорить дальше.

фракціями буржуазіи, отвергшими вмѣстѣ съ пролетарскимъ краснымъ знаменемъ и социальную республику, и пролетаріатомъ, все еще грезившимъ ею, разыгрывалась борьба, сперва глухая и скрытая, а затѣмъ,—по мѣрѣ того, какъ буржуазія убѣждалась въ своей силѣ и сплоченности и, наоборотъ, въ слабости и изолированности пролетаріата,—уже открытая.

Демонстраціи 16 и 17 марта, 16 апрѣля и 15 мая — отдѣльные моменты обостренія этой борьбы. 17 марта народу пришлось защищать временное правительство отъ враждебной демонстраціи, устроенной наканунѣ буржуазной національной гвардіей противъ его демократическихъ членовъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи къ социализму. Но уже 16 апрѣля та же національная гвардія демонстрировала въ защиту буржуазнаго правительства противъ пролетаріата, и было ясно, что вся вооруженная сила стоитъ на сторонѣ буржуазнаго порядка. 4 мая собралось національное учредительное собраніе, и составъ его ясно доказывалъ, что всеобщее голосованіе французскаго народа осудило социальную республику пролетаріата и утвердило буржуазную республику. Учредительное собраніе сразу покончило съ социальными иллюзіями, выбросивъ изъ среды своей исполнительной комиссіи Луи Блана и Альбера и принявъ рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ обузданію рабочихъ.

15 мая, послѣ быстрого и легкаго подавленія революціонной попытки разогнать національное учредительное собраніе и поставить на его мѣсто новое временное революціонное правительство, буржуазія окончательно приходитъ къ сознанію своей силы и къ необходимости покончить съ социалистическими и революціонными стремленіями пролетаріата. Уничтоженіемъ національныхъ мастерскихъ и высылкой занятыхъ въ нихъ рабочихъ изъ Парижа, правительство провоцируетъ возстаніе пролетаріата. Оно вспыхиваетъ 23 іюня и въ теченіе трехъ дней, не смотря на геройское сопротивленіе повстанцевъ, подавляется военной силой съ неслыханной жестокостью. „Это была борьба за сохраненіе или уничтоженіе буржуазнаго строя“ (Марксъ), и она окончилась побѣдой буржуазіи и пораженіемъ пролетаріата. Иначе, какъ это уже ясно изъ изложеннаго выше, не могло и быть. Пролетаріатъ самъ по себѣ былъ слабъ и малочислененъ, чтобы не нуждаться въ поддержкѣ другихъ слоевъ общества, а въ борьбѣ за свои классовые, пролетарскіе интересы онъ былъ изолированъ,—противъ него выступили всѣ классы общества. „Въ іюньскіе дни всѣ классы и партіи объединились въ партію порядка противъ пролетарскаго класса, какъ партіи анархіи, социализма, коммунизма. Они спасли общество отъ „враговъ общества“. Девизы стараго общества: „собственность, семья, религія, порядокъ“, они сдѣлали паролемъ своей арміи“ (Марксъ „Восемнадцатое Брюмера“, стр. 154).

Послѣ іюньской революціи пролетаріатъ, обезсиленный массовыми убійствами и еще болѣе массовыми ссылками и аре-

стами его членовъ и вождей, надолго сходить съ политической сцены. На ней борются уже не буржуазія въ цѣломъ и пролетаріатъ, а отдѣльные фракціи буржуазіи. Послѣ февральской революціи временныя правительство, а слѣдовательно и республика, оказались въ рукахъ мелко-буржуазной демократіи и отчасти либераловъ изъ рядовъ крупной буржуазіи; представители монархистовъ—орлеанистовъ, легитимистовъ и бонапартистовъ — были въ меньшинствѣ. Временное правительство, отдѣлавшись только кажущимися уступками отъ социальныхъ требованій пролетаріата, осуществило рядъ демократическихъ реформъ; была восстановлена свобода печати, собраній и союзовъ и провозглашено всеобщее избирательное право. Но эти реформы не привлекли на сторону демократической республики главной массы населенія,—крестьянъ. Рѣшающимъ моментомъ, опредѣлившимъ ихъ отношеніе къ республикѣ, была финансовая политика правительства. Долги июльской монархіи, легшіе всею своею тяжестью на республику, и экономической кризисъ, подорвавшій окончательно платежную силу страны, поставилъ правительство почти въ безвыходное положеніе. Выйти изъ него оно пыталось увеличеніемъ налоговъ. Повышеніе поземельнаго налога на 45% отвратило крестьянъ отъ республики и подготовило среди нихъ почву для успѣха анти-республиканской и, въ частности, бонапартистской агитаціи.

4 мая 1848 г., когда собралось національное учредительное собраніе, обнаружилось пораженіе демократическихъ республиканцевъ на всеобщихъ выборахъ. Однако, борьба ихъ съ чистыми буржуазными республиканцами и партией порядка, объединившей всѣ реакціонные элементы, разгорѣлась лишь послѣ 25 іюня 1848 г., т. е. послѣ пораженія пролетаріата. При дѣйствіи осаднаго положенія въ Парижѣ, наложившаго тяжелую руку на политическую свободу, вырабатывалась конституція буржуазной республики. Она была составлена такъ, что каждый пунктъ, гарантирующий политическую свободу гражданъ, могъ быть обращенъ въ рукахъ буржуазіи въ орудіе подавленія свободы. Но „Ахиллесовой пятой“ конституціи, по выраженію Маркса, было раздѣленіе власти между законодательнымъ собраніемъ и президентомъ. Президентъ получалъ въ свои руки исполнительную власть и былъ независимъ отъ палаты, такъ какъ избирался непосредственнымъ голосованіемъ народа; но и палата была независима отъ президента въ своей законодательной власти. Такимъ образомъ была подготовлена почва для борьбы между парламентомъ и президентомъ.

Выборы 10 декабря 1848 г. посадили на президентское кресло Луи Наполеона Бонапарта. Наполеона провели къ власти крестьяне. „10-е декабря 1848 г. было днемъ возстанія крестьянъ. Только съ этого дня начинается февраль для французскихъ крестьянъ“... „Республика возвѣстила о себѣ этому классу сборщикомъ податей; онъ возвѣстилъ о себѣ республикѣ императоромъ. Наполеонъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который являлся представителемъ всѣхъ интересовъ и всѣхъ фантазій

новосозданнаго въ 1789 г. класса крестьянъ. Записывая его имя на главномъ фасадѣ республики, крестьянскій классъ объявлялъ внѣшнюю войну, а внутри страны заявлялъ о своихъ классовыхъ интересахъ. Наполеонъ — это было для крестьянъ не лицо, а программа. Со знаменами, музыкой и барабаннымъ боемъ отправились они къ мѣсту выборовъ, восклицая: „Нѣтъ больше налоговъ, долой богатыхъ, долой республику, да здравствуетъ императоръ!“ За императоромъ скрывалась крестьянская война. Республика, ими забаллотированная, это была республика богатыхъ“ (Марксъ, „Классов. борьба“, стр. 47, 48).

Борьба Бонапарта, котораго поддерживала партія порядка, съ учредительнымъ собраніемъ началась немедленно. И въ этой борьбѣ буржуазные республиканцы были побиты: за ними не стояли уже ни пролетаріатъ, ни крестьянство; внутри ихъ самихъ шла междоусобица между мелко-буржуазными демократами и „честными“ республиканцами. Учредительное собраніе было распущено и, вмѣсто него, 29 мая 1849 г. собралось законодательное собраніе, составъ котораго былъ еще болѣе реакціоненъ, чѣмъ перваго: каждые новые выборы все ярче подтверждали анти-республиканскія тенденціи буржуазіи и крестьянства.

Въ законодательномъ собраніи возобновилась двойная борьба: буржуазіи съ Бонапартомъ и фракцій буржуазіи между собой. Парламентъ оказался въ рукахъ партіи порядка съ небольшою примѣсью „честныхъ“ республиканцевъ. Мелко-буржуазная оппозиція, образовавшая партію Горы, пародію на Гору Великой революціи, была бессильна и въ парламентѣ, своей малочисленностью, и внѣ парламента, гдѣ не могла опереться на „народъ“, разстрѣлу котораго, въ лицѣ пролетаріата, въ свое время она пассивно содѣйствовала. И когда при явномъ нарушеніи конституціи со стороны президента Бонапарта, покрытой санкціей парламента, Гора вздумала призвать народъ къ оружію, получился жалкій фарсъ. Не помогло и соединеніе Горы съ остатками социалистическихъ организацій въ „соціал-демократическую партію“. Мирная демонстрація 13 іюня 1849 г. была разогнана силой оружія и повела только къ разгрому Горы.

Съ этого времени мелко-буржуазная демократія сходитъ со сцены, также какъ 25 іюня 1848 г. сошелъ пролетаріатъ, и наступаетъ диктатура партіи порядка, которая оспаривается только Наполеономъ, отвоевывающимъ все новыя позиціи власти. Наполеонъ аппелируетъ къ народу, т. е. къ крестьянству, буржуазія стремится вырвать это оружіе изъ его рукъ, и 31 мая 1850 г. отмѣняетъ всеобщее избирательное право. „Законъ 31-го мая 1850 г. былъ *сoup d'état* буржуазіи. Доселѣ всѣ сдѣланныя ею завоеванія, у революціи имѣли лишь временный характеръ. Они ставились подъ вопросъ, какъ только теперешнее національное собраніе уйдетъ со сцены. Они зависѣли отъ случайности новыхъ выборовъ, а исторія выборовъ, начиная съ 1848 г., неопровержимо доказала, что, по мѣрѣ того, какъ упрочивалось фактиче-

ское господство буржуазіи, терялось ея моральное господство надъ народными массами. 10 марта всеобщее избирательное право прямо высказалось противъ господства буржуазіи, и буржуазія отвѣтила изгнаніемъ всеобщаго избирательнаго права. Законъ 31 мая былъ такимъ образомъ одной изъ необходимостей классовой борьбы“. (Марксъ, „18-е Брюмера“, стр. 201, 202).

Но это *coup d'état* не спасло буржуазную парламентскую республику. Около двухъ лѣтъ тянулась ея агонія, во время которой она постепенно теряла и поддержку народа, и фактическую власть. Наполеонъ отнялъ мало-помалу у законодательнаго собранія парламентское министерство и замѣнилъ его своимъ личнымъ, бонапартистскимъ министерствомъ. Когда же и власть надъ арміей перешла отъ парламента къ Наполеону, условія для государственнаго переворота были готовы.

Непосредственными дѣятелями 2 декабря 1851 г. были члены „общества 10 декабря“ (1849 г.). Это былъ „Союзъ русскаго народа“ Бонапарта, его „черной сотней“. Марксъ такъ характеризуетъ „Общество 10 декабря“ (18-е Брюмера, стр. 204 *passim*): „Основанное подъ видомъ благотворительнаго общества, оно объединяло парижскій пролетаріатъ босяковъ, организованный въ тайныя секціи („отдѣлы“) съ бонапартистскимъ агентомъ во главѣ каждой и съ бонапартистскимъ генераломъ во главѣ всего союза. Разорившіеся кутилы съ двусмысленными источниками существованія и двусмысленнымъ происхожденіемъ, авантюристы, выродившіеся отпрыски буржуазіи, бродяги, отставные солдаты, выпущенные на волю арестанты, бѣглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные вору, шулеры, игроки, сводни, содержатели домовъ терпимости, носильщики, журналисты, шарманщики, тряпичники, точильщики ножницъ, починщики котловъ, нищіе,—однимъ словомъ, здѣсь была представлена вся та неопредѣленная, распущенная, шатающаяся изъ страны въ страну масса, которую французы называютъ богемой; съ этими родственными себѣ элементами Бонапартъ и образовалъ ядро общества 10 декабря“. „Для Бонапарта „общество 10 декабря“ являлось „партией боевой силой“, специфически приноровленной къ нему. Во время его поѣздокъ пересылаемые по желѣзной дорогѣ отряды этого общества должны были импровизировать публику, симулировать общественный энтузіазмъ, ревѣть: „Да здравствуетъ императоръ“, осыпать республиканцевъ бранью и ударами,—послѣднее, разумѣется, подъ защитой полиціи. При возвращеніи его въ Парижъ они составляли авангардъ поѣзда, предупреждали или разгоняли враждебныя ему демонстраціи“.

Переворотъ 2 декабря 1851 г. встрѣтилъ лишь ничтожное сопротивление въ Парижѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Франціи, которое, однако, было подавлено съ кровожадной жестокостью. Національное собраніе было разогнано. Наступилъ режимъ беспощаднаго террора, надолго устранившій изъ Франціи враговъ Наполеона. Пролетаріатъ не имѣлъ основаній

защищать буржуазную республику отъ Наполеона. И 21 ноября 1852 г. волею французскаго народа Луи Бонапартъ сталъ императоромъ Наполеономъ III: французскіе крестьяне возвели его на тронъ.

Приведемъ еще общее заключеніе Маркса о революціи 1848 г. и второй республикѣ („18 Брюмера,“ стр. 280). „Соціальная республика появилась какъ гроза, какъ пророчество на порогѣ февральской революціи. Въ іюньскіе дни 1848 г. она была потоплена въ крови парижскаго пролетаріата, но и въ слѣдующихъ актахъ драмы показывается еще въ видѣ привидѣнія. Выступила на сцену демократическая республика. 13 іюня 1849 г. она улетучилась вмѣстѣ со своими разбѣжавшимися въ разныя стороны мелкими буржуа, но, обратившись въ бѣгство, она продолжаетъ съ удвоенной энергіей рекламировать себя. Парламентская республика буржуазіи овладѣваетъ всей страной, она развертывается во всю доступную ей ширь, но 2 декабря 1851 г. хоронитъ ее при кликахъ: „да здравствуетъ республика“, въ ужасѣ испускаемыхъ объединенными роялистами. Французская буржуазія возстала противъ господства рабочаго пролетаріата — и упрочила господство за пролетаріатомъ босяковъ съ шефомъ „общества 10 декабря“ во главѣ. Буржуазія держала Францію въ нескончаемомъ страхѣ передъ грядущимъ терроромъ красной анархіи. Бонапартъ 4 декабря дисконтировалъ это грядущее, когда воодушевленная водкой армія порядка растрѣливала по его приказанію на Монмартрскомъ и Итальянскомъ бульварахъ почтенныхъ буржуа въ окнахъ ихъ собственныхъ квартиръ. Буржуазія превозносила саблю, сабля господствовала надъ ней“.

На учрежденіи имперіи Эритель прерываетъ свое повѣствованіе. Краткую исторію имперіи Наполеона III вплоть до ея позорнаго паденія мы находимъ въ статьѣ Эд. Бернштейна, напечатанной въ видѣ приложения къ книгѣ Эритель. Но Бернштейнъ не ограничивается разсказомъ о расцвѣтѣ и паденіи имперіи и о политической борьбѣ партій въ періодъ ея. Онъ пытается въ анализѣ революціи 1848 г. сдѣлать „поправки“ къ марксовымъ „Классовой борьбѣ во Франціи въ 1848 г.“ и „Восемнадцатому Брюмера Луи Бонапарта“. Эти историческія поправки нѣмецкаго ревизиониста столь же неудачны и такъ же отзываютъ буржуазнымъ оппортунизмомъ и эклектизмомъ, какъ и его поправки къ общей социалистической теоріи Маркса, давно уже заслуженно и безповоротно осужденныя и западно-европейской и русской социалистической критикой.

„Несчастіе февральской революціи“, говоритъ Бернштейнъ, . . ., что она начала съ установленія высшей, по условіямъ того времени, формы правленія, той, которая въ дальнѣйшемъ ходѣ своего развитія должна была сдѣлаться идеальной“... „Народъ, по всей вѣроятности, принялъ бы подобное правительство, еслибы ему предшествовало сперва консервативное, а затѣмъ умѣренно-республиканское. Трудно сказать,

возможенъ-ли былъ при данныхъ условіяхъ такой ходъ развитія; мы, однако, можемъ утверждать, не думая вызвать существеннаго возраженія, что онъ былъ-бы наиболѣе благоприятнымъ для укрѣпленія республики“. И затѣмъ всю вину за пораженіе республики Бернштейнъ возлагаетъ на заговорщицкую и агитаціонную дѣятельность революціонныхъ клубовъ, не оцѣненную, будто бы, по достоинству Марксомъ.

Мы знаемъ, что форма правленія, установленная февральской революціей, была демократическая республика, окутанная только социальными иллюзіями пролетаріата. По сравненію съ іюльской монархіей финансовой буржуазіи это былъ, конечно, грандіозный скачекъ. Но вызванъ онъ былъ отнюдь не дѣятельностью заговорщиковъ — революціонеровъ, а ходомъ развитія социально-экономическихъ отношеній и классовой борьбы. Упорное сопротивленіе старой, отжившей политической формы, старающейся усиленіемъ реакціонныхъ репрессій сохранить свое существованіе, съ неумолимой неизбѣжностью ведетъ къ революціонному взрыву. При побѣдоносной же революціи диктуетъ свои требованія наиболѣе революціонный классъ народа. Такимъ классомъ въ 1848 г., какъ и въ послѣдующихъ революціяхъ, былъ пролетаріатъ; и его требованіемъ была социальная и демократическая республика. И тотъ ходъ развитія, который рисуется желательнымъ Бернштейну, или исключаетъ революцію, т. е. предполагаетъ, что правящій классъ не будетъ, во что бы то ни стало, держаться за отжившія политическія формы, дающія въ его руки диктатуру надъ обществомъ, а добровольно, по мѣрѣ роста общественнаго развитія, будетъ переходить къ все болѣе и болѣе демократическимъ формамъ правленія,—отъ конституціонной монархіи къ умѣренной республикѣ, отъ этой послѣдней къ демократической республикѣ и т. д.,—или допускаетъ, что революціонный классъ, одержавъ побѣду надъ старымъ порядкомъ, изъ благоразумія, добровольно откажется отъ плодовъ своей побѣды и начнетъ продѣлывать ту же эволюцію. Увѣщанія подобнаго рода, обращенныя и къ защитникамъ стараго порядка и къ революціонерамъ, борющимся за новый строй, всегда исходили изъ устъ буржуазныхъ реформаторовъ. Но исторія всегда зло смѣялась надъ этой своеобразной маниловщиной. Она шла и идетъ скачками, отъ революціи къ революціи, и по этому поводу можно много резонировать, но безъ надежды измѣнить ходъ развитія.

Одержавъ въ революціи побѣду, не значитъ еще удерживать ее. Въ 1848 г. пролетаріатъ, при тогдашнихъ социально-экономическихъ условіяхъ, не въ силахъ былъ отстоять плоды своей побѣды, демократическую республику. И никто не выяснилъ этого лучше, чѣмъ Марксъ; этимъ самымъ онъ вынесъ и приговоръ заговорщицко-революціонной дѣятельности клубовъ. Съ тѣхъ поръ для каждаго марксиста стало азбукой, что не заговорами дѣлается революція, а она является неизбѣжнымъ результатомъ развитія борьбы общественныхъ классовъ.

роль, задачи и результаты ихъ не социалистическія, а буржуазно-демократическія. И капитализмъ, и буржуазный политическій строй обладаютъ еще „большой способностью къ расширенію“.

Прежде чѣмъ перейти къ заключенію, мы не можемъ не отмѣтить въ статьѣ Бернштейна еще тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ даетъ характеристику Наполеона III. Онъ отрешивается отъ обвиненій его въ апологіи Наполеона Малаго, но то, что онъ говоритъ о немъ, весьма смахиваетъ на обфлѣніе. „Какой бы жестокой приговоръ“, говоритъ Бернштейнъ, „ни произнесла исторія надъ Наполеономъ III, она должна отдать ему справедливость: онъ скорѣе былъ жертвой окружающаго его разложенія, чѣмъ его причиной; его благородныя качества были для него гибельнѣе, чѣмъ его пороки. Во многихъ вопросахъ онъ рассуждалъ болѣе современно, болѣе свободно, чѣмъ дѣятели, окружавшіе его, даже — чѣмъ многіе изъ его политическихъ противниковъ. Онъ легко прощалъ, и объ оказанныхъ услугахъ съ благодарностью помнилъ долго, иногда слишкомъ долго... Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда этого требовало занимаемое имъ положеніе, онъ велъ крайне простой образъ жизни, отдаваясь труду и наукѣ. Онъ жертвовалъ много изъ своихъ личныхъ средствъ на пользу отечественной культуры, и, по своему, дѣлалъ много для улучшенія положенія рабочихъ. Но при всемъ томъ онъ былъ и оставался узурпаторомъ, „коронованнымъ преступникомъ“. Съ этой характеристикой рѣшительно не согласенъ Марксъ, который, какъ современникъ, вѣроятно, зналъ Наполеона лучше, чѣмъ Бернштейнъ. Вотъ подлинныя слова Маркса: „Бонапартъ сталъ во главѣ пролетаріата-босьяковъ, потому что только здѣсь онъ нашелъ широкую массу, проникнутую тѣми же самыми интересами, которые преслѣдовалъ лично онъ; потому что эти псдонки, отребье, отбросы всѣхъ классовъ общества составляли единственный классъ, на который онъ могъ прямо и непосредственно опереться; тутъ Бонапартъ обнаружилъ свою истинную физиономію, это былъ Бонапартъ безъ прикрасъ. Старый, прожженный кутила, онъ разсматривалъ историческую жизнь народовъ и ихъ главнѣйшія государственныя дѣянія, какъ вульгарнѣйшую комедію, какъ маскарадъ, въ которомъ великолѣпные костюмы, слова и позы служатъ лишь маской для пошлости самаго низкаго разбора“. Съ этой характеристикой Бонапарта сходятся и факты его сомнительныхъ денежныхъ спекуляцій (напр. „калифорнійская“ лоттерея), его ненасытной жадности къ деньгамъ, которыя онъ подъ разными предлогами вымогалъ у государства, и вообще вся его авантюристская политика.

Итакъ какое же „нравоученіе“ для себя мы можемъ вывести изъ великой исторіи революціи 1848 г. во Франціи? Прежде всего то, что въ Россійской революціи, какъ и во всѣхъ новѣйшихъ революціяхъ, пролетаріату принадлежитъ роль передового бойца, но это недѣлаетъ ея задачей „диктатуру пролетаріата“. Для этого не созрѣли еще социально-эко-

номическія условія капиталистическаго общества, недоразвилась еще борьба классовъ. И какими бы иллюзіями ни увлекались дѣятели революціи, результатомъ ея можетъ быть только буржуазно-демократическій переворотъ. Но и этотъ результатъ не можетъ быть достигнутъ силами одного пролетаріата. Какъ когда-то во Франціи, такъ теперь въ Россіи пролетаріатъ представляетъ собой крупную силу только въ немногихъ промышленныхъ центрахъ. Громадное же большинство населенія Россіи составляетъ крестьянство, мелко-буржуазное по условіямъ своего хозяйства и психикѣ, но придавленное крѣпостнически-самодержавнымъ гнетомъ и потому протестующее. Какъ когда-то во Франціи, такъ теперь въ Россіи „красный призракъ“, вызванный въ воображеніи испуганной буржуазіи возстаніемъ пролетаріата, заставляетъ ее организоваться въ партію порядка и поддерживать противъ пролетаріата ту власть, которая по существу враждебна буржуазно-демократическому строю и въ официальной оппозиціи къ которой стоитъ буржуазія. Какъ когда-то партія Горы колебалась между революціоннымъ пролетаріатомъ и контръ-революціонной буржуазіей и тѣмъ содѣйствовала не только пораженію пролетаріата, но и своему собственному пораженію и торжеству реакціи, такъ наши конституціонные демократы (ка—деты), отрешиваясь отъ солидарности съ революціей и „революціоннымъ народомъ“ и въ то же время фрондируя противъ правительства и партій порядка, готовятъ себѣ гибель, ослабляя ряды демократической оппозиціи. Всѣ эти условія, изолируя пролетаріатъ въ его борьбѣ, пророчатъ пораженіе революціи.

Но есть условія, которыя говорятъ противное. Ближайшимъ толчкомъ для россійской революціи послужила несчастная японская война. Она довела до крайняго обостренія тотъ затяжной экономическій кризисъ, то „оскудѣніе“, которое было создано долготѣтнимъ хозяйничаньемъ самодержавной бюрократіи и господствомъ полукрѣпостныхъ отношеній въ обществѣ. Конца этому кризису въ ближайшемъ будущемъ не предвидится. Отчаянная голодовка въ деревнѣ, застой въ промышленности и торговлѣ, вызывающій безработицу и нищету въ городѣ, все растущая задолженность государства, падающая невыносимымъ налоговымъ бременемъ на массы населенія, слѣдовательно, прежде всего, на крестьянъ—это предпосылки революціи, которыя нельзя уничтожить ни военно-полевыми судами, ни прочими репрессіями.

Съ другой стороны россійская революція имѣетъ задачу, сходную съ задачей французской революціи 1789 г.: она должна дать крестьянамъ „землю и волю“. И пока это не будетъ слѣдано, до тѣхъ поръ крестьянство не успокоится и не можетъ въ цѣломъ служить опорой для контръ-революціи и реакціи. Сознаніе этого, несомнѣнно, имѣется и у правительства,—объ этомъ свидѣтельствуетъ его аграрная и крестьянская политика. Но можетъ ли дать крестьянамъ хотя-бы „суррогатъ“ земли и воли безъ самоубійства, безъ отрицанія собственной сущности дворянско-самодержавное правительство?

Выводъ изъ вышесказаннаго ясенъ: только при активной поддержкѣ со стороны крестьянства, пролетаріатъ можетъ надѣяться на завоеваніе демократическаго строя. И не къ обособленію, а къ союзу съ крестьянствомъ и демократіей городовъ долженъ стремиться въ своей борьбѣ пролетаріатъ. Но и при всемъ томъ остается еще открытымъ вопросъ о методахъ борьбы.

Прежде всего иллюзіи о возможности побѣдоносной революціи посредствомъ заговорщицкой борьбы, которыя лелеяли тайныя общества и революціонные клубы сороковыхъ годовъ, давно уже и окончательно разрушены исторіей, — „бланкизмъ“ ею похороненъ и не воскреснетъ вновь. Но этого мало. Энгельсъ въ введеніи къ „Классовой борьбѣ во Франціи“ говоритъ объ измѣненіи методовъ пролетарской борьбы послѣ 1871 г.: Практиковавшаяся когда-то открытая уличная борьба стала невозможной благодаря успѣхомъ военной техники, и ее замѣнила парламентарская борьба, умѣлое пользованіе всеобщимъ избирательнымъ правомъ, давшее поразительные успѣхи германской социаль-демократіи... Правительство и буржуазія стали страшиться легальныхъ дѣйствій рабочей партіи гораздо больше, чѣмъ нелегальныхъ, и результатовъ выборовъ больше, чѣмъ результатовъ возстанія“. Это было писано 11 лѣтъ назадъ, и съ тѣхъ поръ жизнь заставила ту же германскую социаль-демократію поставить вопросъ о пересмотрѣ своей тактики, обсуждать вопросъ о всеобщей забастовкѣ, какъ орудіи пролетарской борьбы.

Такъ обстоитъ дѣло въ конституціонной Германіи, но какъ быть въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ у насъ, въ Россіи, нѣтъ ни парламента, ни всеобщаго избирательнаго права, гдѣ для пролетаріата не возможны легальныя дѣйствія? Правда, и исторія іюньскаго возстанія парижскихъ рабочихъ въ 1848 г. и московское возстаніе въ декабрѣ 1905 г. показываютъ, что правительству бываетъ выгодно вызвать на уличную борьбу пролетаріатъ, чтобы въ его крови потопить революцію. Но и совѣтъ — организовать стихійное движеніе, использовать всѣ легальныя возможности его не является еще отвѣтомъ на вопросъ. Рѣшить его, конечно, сама жизнь, мы же здѣсь имѣемъ возможность сказать: только организованныя дѣйствія массъ, стихійно толкаемыхъ своими классовыми интересами на борьбу со старымъ порядкомъ, могутъ сломить силу его сопротивленія, и только послѣ того откроется возможность легальной борьбы для пролетаріата.

П. Румянцевъ.

Переводъ книги сдѣланъ *Т. И. Семеновымъ* (Гл. 1, 2, 5 „Введенія“ и Гл. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 15, 16, 17, 18, 19, 20, и 29 „Второй республики“), *В. К. Потовой* (Гл. 3и 4 „Введенія“, Гл. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, „Второй республики“ и все „Приложеніе“), *Я. В. Бляхеромъ* (Гл. 21, 22, 23, 24, 25, 26 и 27 „Второй республики“).

ВВЕДЕНІЕ.

Народъ и буржуазія при реставра-
ціи и буржуазномъ королевствѣ.

съ 1814 по 1830 г.

ГЛАВА I.

Буржуазія и феодальное королевство. Съ 1814 по 1830 г.

Классовая противоположность между буржуазіей и народомъ. — Развитие крупной буржуазіи при имперіи. — Обнаруженное ею своекорыстіе при паденіи Наполеона. — Притязанія сената на власть. — Талейранъ и Людовикъ XVIII. — Конституція 1814 г. — Ханжество Людовика XVIII. — Первый парижскій миръ и вѣнскій конгрессъ. — Военная революція ста дней. — Вступленіе союзниковъ въ Парижъ. — Суровыя условія мира. — Парижъ обогащается на счетъ истощенной страны. — Мстительность роялистовъ. — Политическіе процессы. — Казнь маршала Нея. — Бѣлый терроръ въ южной Франціи. — Убійство маршала Брюна. — Казнь братьевъ Фоше. — Бѣдственное положеніе народа въ годъ дороговизны (1817), хлѣбные бунты и военные суды. — Парламентская борьба въ періодъ 1817—1820 гг. — Убійство герцога Беррійскаго. — Ультрареакціонное законодательство. — Конгрегация и миссія. — Неудавшійся военный заговоръ. — Мадамъ-дю-Кэля. — „Рыцари свободы“ и союзъ карбонаріевъ. — Неудачныя попытки возстанія въ 821 и 1822 гг. — Казнь четырехъ сержантовъ изъ Ля-Рашель. — Выборы 1824 г. — Смерть Людовика XVIII. — Законъ осятотатствъ. — Милліарды эмигрантовъ. — Коронація Карла X. — Усиленіе вліянія конгрегации. — Распушеніе парижской національной гвардіи въ 1827 г. — Распушеніе палаты депутатовъ. — Новые выборы и побѣда конституціонной оппозиціи — Беспорядки въ Парижѣ. — Частая смѣна министерствъ. — Назначеніе князя Полиньяка въ августъ 1829 г. — Тронная рѣчь 2 марта 1830 г. — Отвѣтный адресъ палаты депутатовъ. — Ордонансы 29 іюля 1830 г.

Революціи не дѣлаются въ одинъ день. Поэтому начинать изученіе революціи съ того дня, когда разразились первые порывы революціонной бури—это значитъ отказаться понять ея глубокія историческія причины, понять идейное содержаніе и величественный ходъ революціи. Возстаніе народа есть не что иное, какъ быстрое разряженіе долго сдерживаемаго гнѣва и возмущенія его противъ установившихся несправедливостей жизни; это есть открытое проявленіе скованнаго раньше негодованія противъ тѣхъ притѣсненій, того гнета, который выносилъ народъ цѣлыя столѣтія. Тотъ, кто хочетъ понять революцію, долженъ прежде всего изслѣдовать ея причины; только исходя изъ историческихъ событій и характера хозяйственной жизни народа въ предшествующій революціи періодъ, можно вскрыть ея естественный ходъ развитія. Такой путь изслѣдованія особенно необходимъ для изученія революціи 1848 года, потому что здѣсь впервые въ исторіи новаго времени борющійся пролетаріатъ сознательно поставилъ своей цѣлью добиться политическаго и экономическаго равенства имущихъ и

послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣропріятій, нужныхъ буржуазіи для того, чтобы на долгое время закрѣпить свое политическое господство надъ пролетаріатомъ. Когда же въ 1795 году доведенный до отчаянія, терзаемый голодомъ, благодаря спекуляціямъ предпринимателей парижскій народъ возсталъ, это возстаніе было подавлено военной силой, въ Парижѣ были учреждены военныя комиссіи, „кровавыя суды“, которыя утолили жажду мести господствующей буржуазіи; подъ ихъ мечемъ пали многіе вожди народа, оставшіеся еще въ живыхъ послѣ прежнихъ расправъ.

Съ этого времени парижскій народъ впалъ въ летаргическій сонъ, отъ котораго онъ пробудился лишь 35 лѣтъ спустя. Равнодушно смотрѣлъ онъ на всѣ перемѣны въ политической жизни страны, которыя считала нужнымъ ввести за этотъ мрачный періодъ правительственная власть. Идеаль свободы, за который въ революціонные 89-й и 93-й годы народъ платилъ кровью своего сердца, долженъ былъ отойти на второй планъ передъ лживой декорацией національной славы. Тотъ самый французскій народъ, который во время революціи принесъ Европѣ свободныя учрежденія, сталъ бичемъ народовъ при господствѣ имперіи.

Оказалось, однако, что и буржуазія не могла долго оставаться полновластнымъ господиномъ положенія. вмѣстѣ съ той централизаціей власти, которая была широко проведена во всей системѣ управленія, руководство и представительство интересовъ недавней побѣдительницы перешло въ руки одной лишь крупной буржуазіи, особенно парижской; а затѣмъ на сцену выступила и другая еще сила, съ своими собственными интересами, и вырвала изъ рукъ буржуазіи долю ея власти: это была сила военщины, милитаризмъ, который вмѣстѣ съ исчезновеніемъ римскаго преторіанства потерялъ свое значеніе въ политической жизни Западной Европы и только теперь, при помощи корсиканца-завоевателя, Наполеона Бонапарта, снова сталъ играть важную роль во всемірной исторіи.

Послѣ паденія военной деспотіи Бонапарта и возстановленія „законнаго“ королевства Бурбоновъ снова ожила старая борьба Генеральныхъ Штатовъ и парламента съ короной, но теперь и причины, и цѣли этой борьбы, были уже не тѣ, что раньше, въ до-революціонное время. Власть буржуазія коренилась въ существующемъ социальномъ порядкѣ; для полнаго укрѣпленія этой власти ей нужно было теперь завладѣть парламентомъ, и потомъ, разъ только парламентъ попадетъ въ ея руки, — сдѣлать его полновластнымъ господиномъ въ политической жизни страны, а королевскую власть сохранить лишь для декорации. Но для этой цѣли нужно было побороть присущій старому королевству принципъ наслѣдственной, прирожденной власти во всѣхъ ея формахъ

При имперіи парижская буржуазія на столько же измѣнила свой общественно-политическій обликъ, на сколько развилась съ 1791 года крупная промышленность. Изъ среды рабо-

чихъ многіе вышли въ ряды мелкихъ самостоятельныхъ мастеровъ, а изъ числа послѣднихъ—образовались фабриканты, и при счастливыхъ обстоятельствахъ, даже владѣльцы крупныхъ промышленныхъ предпріятій, какъ напр. переселившійся во Францію швабъ Оберкампфъ.

Вмѣстѣ съ ростомъ матеріальной культуры и политическаго значенія Парижа возростало, конечно, и значеніе торговаго сословія. Постоянные военные походы Наполеона поглощали громадныя суммы изъ государственной казны, а потомъ, когда до крайности возросшіе налоги и пошлины не могли уже покрывать этихъ безумныхъ тратъ, понадобились новые, чрезвычайные источники. А такъ какъ большая часть тѣхъ денегъ, которыя получалъ побѣдитель съ покоренныхъ странъ въ видѣ военнаго вознагражденія, шли прежде всего на продолженіе войны, то ясно, что правительство было принуждено постоянно прибѣгать къ кошелькамъ банкировъ, купцовъ и военныхъ поставщиковъ, словомъ, принуждено было пользоваться услугами крупнаго капитала. Понятно, конечно, какъ быстро подъ влияніемъ такой финансовой системы правительства шло накопленіе капиталовъ въ отдѣльныхъ рукахъ, а рядомъ съ нимъ процвѣтали и самыя безстыдныя спекуляціи на народный карманъ; понятно также и то, что благодаря этимъ ссудамъ правительству крупный капиталъ прелписывалъ ему такія условія, какія ему были желательны. Погоня за наживой—вотъ что стало съ тѣхъ поръ основною чертой капитализма, вотъ что овладѣло душой буржуа! Охота за богатствомъ стала единственной цѣлью его жизни и этой цѣли онъ принесъ въ жертву всѣ высокіе идеалы человѣчества, всѣ не экономическія завоеванія революціи.

Однако, уже въ тѣ дни у многихъ возникли робкія подозрѣнія, что не можетъ быть прочнымъ зданіе ненасытной имперіи, бросающей отъ одного предпріятія къ другому; многіе уже поняли, что это владычество голой силы противорѣчитъ всему ходу экономическаго развитія и что оно не больше, какъ случайный миражъ, не имѣющей подъ собой прочной основы и не дающей надежды на продолжительное существованіе. Самъ Наполеонъ говорилъ иногда, что онъ только случайный баловень и рабъ слѣпой судьбы. Онъ думалъ, что его господство покоится на вѣрѣ народа въ его силу и непобѣдимость, въ его „престижъ“, какъ онъ говорилъ. И это было вѣрно. Въ тотъ самый моментъ, когда была поколеблена вѣра народа въ его военную непобѣдимость, рушилось безъ остатка все воздвигнутое имъ государственное зданіе. Никогда, даже въ самые темные періоды господства военщины въ политической жизни страны, онъ не пользовался истинной, безкорыстной преданностью своихъ помощниковъ: первыми, кто покинулъ его, были маршалы и генералы.

Рабочіе были совершенно безсильны; въ глазахъ Наполеона они были не больше, какъ механическимъ орудіемъ, единственной жизненной цѣлью котораго было производство и

увеличеніе такъ называемаго національнаго богатства, т.е. богатства буржуазіи. Всемогушій классъ буржуазіи, осыпанный милостями Наполеона, заплатилъ за его вниманіе чисто по буржуазному. Когда Наполеонъ готовился въ 1792 году къ новому походу противъ союзныхъ войскъ Европы и вздумалъ разбудить своимъ воззваніемъ къ буржуазіи ея національный духъ,—она осталась каменно-спокойной. И впоследствии въ одинъ моментъ, безъ малѣйшей попытки борьбы буржуазія выдала союзникамъ Парижъ, когда Наполеонъ былъ всего въ

Наполеонъ I.

двухъ дняхъ пути отъ него! Напрасно взывало къ оружію населеніе пригородовъ, чувствовавшее оскорбленіе своей національной чести! Только люди, одѣтые въ рабочія куртки и лохмотья, которымъ нечего было защищать для себя самихъ, готовы были бороться и умереть за тѣхъ, кто такъ презрительно-жестоко относился къ нимъ, — за своихъ угнетателей! Но иначе рѣшилъ совѣтъ, состоявшій изъ финансовыхъ тузовъ, домовладѣльцевъ и крупныхъ торговцевъ. Что было имъ заботиться о какомъ-то національномъ наборѣ, если предательство сулило имъ вмѣстѣ съ наступленіемъ мира свободный доступъ въ закрытыя теперь гавани, расширеніе торговыхъ оборотовъ и полное господство ихъ промышленности! Въдъ

вслѣдъ за временнымъ національнымъ униженіемъ владѣльцамъ капитала улыбались высшіе проценты по ихъ ссудамъ государству! Вотъ причина, почему эти банкиры, мануфактуристы, купцы, землевладѣльцы и домовладѣльцы такъ привѣтливо встрѣтили войска союзниковъ при ихъ вступленіи въ Парижъ 31 марта 1814 года.

Характерно для тогдашняго положенія дѣль и то, что сенатъ, учрежденный конституціей VIII-го года (1800) и столь услужливый и покорный Наполеону до сихъ поръ, теперь счелъ самымъ подходящимъ захватить власть въ свои руки. 1-го апрѣля онъ постановилъ учредить временное правительство изъ числа сенаторовъ и во главѣ поставилъ коварнаго Талейрана. На другой день онъ объявилъ низложеніе Наполеона, а 6-го апрѣля отъ имени французскаго народа и якобы по его свободному избранію на освободившійся тронъ снова были посажены Бурбоны. Въ это самое время сенатъ опубликовалъ сочиненную Талейраномъ конституцію, которая гражданамъ предоставляла самыя ничтожныя политическія права, а за самими сенаторами оставляла ихъ сенаторскіе стулья и жалованье не только на всю ихъ жизнь, но и ихъ потомкамъ. Король, передъ вступленіемъ на престолъ, долженъ былъ дать присягу въ вѣрности этой конституціи.

Однако, новый король, Людовикъ XVIII, старшій изъ братьевъ казненнаго во время революціи Людовика XVI-го, воспротивился такому требованію сената: онъ считалъ унизительнымъ принять королевскій санъ изъ рукъ сената. Вѣдь онъ—король по рожденію своему, а не по постановленію сената! Только послѣ угрозы со стороны русскаго императора Александра I-го, задававшего тогда тонъ въ Европѣ, не допустить Людовика въ Парижъ, онъ отказался отъ своихъ претензій. И вотъ, 4-го іюня 1814 года было устроено торжественное засѣданіе палатъ для прочтенія талейрановской конституціи; члены сената, которые получили отнынѣ титулъ „пэровъ“ и депутаты парламента, изъ которыхъ большинство только въ первый разъ ознакомилось съ этой конституціей, присягнули ей, и королю оставалось только объявить о даруемой имъ народу милости.

Въ этой конституціи, или „Хартіи“ („Charte“), какъ ее называли, уже содержатся зачатки той борьбы между буржуазіей и королевскою властью, которая происходила потомъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Народныя массы были равнодушными свидѣтелями этой борьбы; новая конституція столь же мало считалась съ народомъ, какъ и прежнія конституціи: ему не было предоставлено никакихъ политическихъ правъ. За королемъ было признано право назначать по своему усмотрѣнію и въ любомъ количествѣ и пожизненныхъ, и наслѣдственныхъ пэровъ. Депутатами въ палату могли быть избраны только тѣ, кто платилъ не меньше 1000 франковъ прямыхъ налоговъ, а для избирателей этотъ цензъ былъ равенъ 300 франковъ. Особымъ параграфомъ конституціи палатѣ депутатовъ запре-

шалось вносить свои поправки къ правительственнымъ законопроектамъ, разъ король не высказалъ еще своей воли. Такъ, подъ маской конституціонныхъ формъ, была восстановлена старая абсолютная монархія.

Вскорѣ явилась и новая причина для борьбы буржуазіи съ королевской властью. Одинъ изъ первыхъ законовъ, предложенныхъ палатѣ, касался тѣхъ имуществъ, которыя по постановленію Законодательнаго Собранія 9 ноября 1791 года были отобраны у эмигрантовъ и обращены въ государственную собственность; общая стоимость ихъ простиралась до 200 милл. франковъ. Законъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ еще не распроданныя крупныя имѣнія королевскихъ принцевъ, въ особенности принца *Конде* и герцога *Луи-Филиппа Орлеанскаго*. Предложеніе возвратить эти земли ихъ старымъ владѣльцамъ не встрѣтило въ палатѣ никакого протеста. Но особенное безпокойство буржуазіи было вызвано тѣми соображеніями, на которыхъ правительство основывало свой законъ. Оно ясно говорило объ обязанности націи и желаніи короля, чтобы теперь, *пока обстоятельства позволяютъ это*, были исправлены тѣ несправедливости, которыя были допущены по отношенію къ эмигрантамъ продажей ихъ имѣній. Отсюда понятно то удрученное настроеніе, которое овладѣло теперешними владѣльцами этихъ земельныхъ богатствъ. Новый королевскій законъ былъ угрозой праву собственности многихъ буржуазныхъ семей, и въ этомъ заключается одна изъ причинъ враждебнаго настроенія буржуазіи противъ королевской власти.

Королевское правительство дѣлало одинъ промахъ за другимъ. Его попытки восстановить старую, дореволюціонную церковь вызвали прямыя насмѣшки и издѣвательства со стороны вольнодумнаго поколѣнія, выросшаго во времена республики и имперіи *). Въ своемъ посланіи къ епископамъ Людовикъ XVIII говоритъ, что особенному благоволенію Матери Божіей нужно приписать тѣ „благодѣянія“, которыя выпали въ послѣднее время на долю Франціи и что съ этого времени снова восстанавливается то покровительство Дѣвы Маріи надъ Франціей, которое ведетъ свое начало еще съ Людовика XIII. Съ изумленіемъ увидѣли однажды парижане, какъ по улицамъ города двигалась торжественная процессія, несшая съ зажженными свѣчами фигуру вновь восстановленной покровительницы страны: шествовалъ весь королевскій дворъ вмѣстѣ съ наиболѣе видными государственными чиновниками. Въ народѣ все болѣе и болѣе росло недовольство правительствомъ Людо-

Первые шаги по пути восстановленія стараго значенія церкви во Франціи были сдѣланы еще Наполеономъ I-мъ, который уже въ 1801 году заключилъ конкордатъ съ папой. Однако, съ одной стороны, борьба государства за свое господство надъ церковью, а, съ другой—противодѣйствіе папы стремленіямъ Наполеона превратить церковь въ орудіе своихъ политическихъ замысловъ—все это помѣшало насажденію католицизма во время имперіи. Бурбоны видѣли въ церкви спасеніе, Наполеонъ же— простое орудіе для управленія, въ этомъ все различіе.

Авторъ.

вика XVIII, а вмѣстѣ съ тѣмъ многіе государственные сановники и генералы уже готовили въ тиши новый заговоръ съ цѣлью насильственного измѣненія только что сложившейся правительственной системы. Эта общая цѣль—ниспроверженіе правительства—объединяла заговорщиковъ, въ дальнѣйшихъ же планахъ многіе изъ нихъ расходились между собой. Одни довольствовались тѣмъ, чтобы принудить Людовика XVIII къ либеральной политикѣ, другіе уже тогда имѣли въ виду посадить на его тронъ герцога Орлеанскаго, третьи, наконецъ, мечтали о возстановленіи изгнанника Наполеона императоромъ или же регентомъ.

30-го мая 1814 года былъ подписанъ мирный договоръ между Франціей и союзными державами, которымъ Франція вводилась въ тѣ государственныйя границы, какія она имѣла до 1-го января 1792 года. Прочія условія мира были столь необременительны для нея, что послѣ подписанія договора Талейранъ не поскупился выдать участникамъ переговоровъ изъ государственной казны довольно крупныя куши: австрийцу Меттерниху, пруссаку Гарденбергу, англичанину Кестльери (Castlereagh) и русскому Нессельроде—по миллиону франковъ, а прочимъ уполномоченнымъ—по 500—600 тысячъ.

Въ сентябрѣ того же года въ Вѣнѣ состоялся конгрессъ представителей Франціи, четырехъ союзныхъ европейскихъ державъ и тѣхъ мелкихъ государствъ, которыя также принимали участіе въ борьбѣ противъ Наполеона—Швеции, Испаніи, Португаліи и друг. Задачей конгресса было окончательное разрѣшеніе тѣхъ спорныхъ пунктовъ, которые остались невыясненными послѣ мирныхъ переговоровъ въ Парижѣ и, въ особенности, претензій Пруссіи и Россіи на нѣкоторыя земельныя пріобрѣтенія. Пруссія требовала для себя все королевство Саксонское, а Россія—великое герцогство Варшавское, но противъ такого усиленія своихъ сосѣдей выступила Австрія, поддержанная Англіей и Франціей. Этотъ споръ двухъ группъ державъ обострился до такой степени, что могъ затормозить все дѣло конгресса, если бы Талейрану и Кестльери не удалось найти примиряющій выходъ. Пруссія удовлетворилась большей частью Саксоніи, а Россія отказалась отъ части своихъ притязаній. Талейранъ самъ теперь получилъ отъ саксонскаго короля миллионъ.

Изгнанный на Эльбу Наполеонъ во-время узнавалъ обо всемъ, происходящемъ въ Парижѣ и Вѣнѣ: о растущемъ недовольствѣ правительствомъ Людовика XVIII и о спорахъ между великими державами. Распаденіе союза смертельныхъ его враговъ подало ему надежду найти и для себя союзниковъ и съ помощью своихъ друзей во французской арміи и народѣ снова захватить въ свои руки власть. Еще прежде чѣмъ до него могла дойти вѣсть о примиреніи спорящихъ сторонъ въ Вѣнѣ, онъ вмѣстѣ съ вѣрными ему генералами Камброномъ (Cambronne), Бертраномъ (Bertrand) и Дроу (Drouot) и отрядомъ солдатъ въ 900 человекъ на четырехъ небольшихъ судахъ отплылъ изъ

Возвращение Наполеона в Тюльери 20 марта 1815 г.

Порто Ферайо (Porto Ferrajo) и 1 марта высадился въ Каннѣ (Cannes), на французскомъ берегу. Войска, посланныя противъ него, перешли на его сторону и уже 20-го марта онъ былъ въ тюльерійскомъ дворцѣ, который едва за день раньше успѣлъ оставить король Людовикъ XVIII. Это былъ военный переворотъ: возстановленіе имперіи было произведено самими низами арміи — рядовыми, унтеръ-офицерами и подпоручиками. Буржуазія, такъ много обязанная Наполеону, встрѣтила его очень холодно, настолько холодно, что ему пришлось искать себѣ поддержки въ низшихъ слояхъ народа. Онъ посѣтилъ пригороды Парижа, толкался даже по мастерскимъ и въ результатѣ достигъ дѣйствительно того, что цѣлыя массы рабочаго населенія, по большей части безработнаго, предоставили себя къ его услугамъ. Карно (Carnot), призванный имъ теперь снова и относившійся съ такимъ недоувѣремъ къ рабочему люду, организовалъ гражданскую національную гвардію, включивъ въ нее всѣхъ способныхъ носить оружіе въ возрастѣ отъ 20 до 60 лѣтъ. Наполеонъ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ надѣялся выставить противъ враговъ Франціи 900 тысячъ солдатъ. Надѣясь на это, онъ отказался пока включить въ ряды своей арміи рвавшихся на борьбу рабочихъ пригородовъ. На Марсовомъ полѣ онъ устроилъ смотръ этой своеобразной арміи тридцати или сорока тысячъ оборванцевъ, жившихъ еще воспоминаніями великой революціи, обѣщавъ дать имъ оружіе. Но возвратившись во дворецъ, онъ сказалъ графу Моле (Molé): „Если бы я зналъ, что мнѣ придется такъ глубоко унижаться, я остался бы лучше на островѣ Эльбѣ“. Обѣщанное пригородамъ вооруженіе не было доставлено.

Оказалось, что союзники двинули свои арміи быстрѣе, чѣмъ думали Наполеонъ и Карно. Всего съ 120 тысячами войска Наполеонъ принужденъ былъ выступить противъ Блюхера (Пруссія) и Веллингтона (Англія и Нидерланды). 16-го іюня онъ разбилъ Блюхера при Линьи (Ligny), но для борьбы съ соединенными войсками противниковъ у него не хватило силъ, и французы были разбиты на голову при Ватерлоо 18-го іюня; пораженіе было настолько рѣшительнымъ, что отступленіе французозвъ превратилось въ самое отчаянное бѣгство. самому же Наполеону ничего не оставалось, какъ спастись въ Парижъ.

Три дня спустя по Парижу пошла глухая молва о пораженіи при Ватерлоо; вскорѣ она получила подтвржденіе въ императорскомъ манифестѣ. Немедленно собралась палата депутатовъ и „герой двухъ міровъ“, знаменитый Лафайетъ, котораго только австрійскій плѣнъ спасъ отъ бурь революціи и ножа гильотины, занялъ трибуну и предложилъ: 1) Палата объявляетъ, что независимости націи угрожаетъ опасность; 2) Палата объявляетъ себя несмѣняемой. Каждая попытка распустить ее будетъ государственнымъ преступленіемъ; тотъ, кто сдѣлаетъ такую попытку, будетъ измѣнникомъ отечеству. Немедленно должна быть созвана національная гвардія „для за-

Вечеръ битвы при Ватерлоо.

щиты свободы, собственности, общественного спокойствія и неприкосновенности представителей народа“.

Всѣ эти предложенія Лафайета были приняты палатой почти безъ обсуждения и безъ всякихъ возраженій.

На слѣдующій день, 22 іюня, палата пошла еще дальше и потребовала отъ императора добровольнаго отреченія отъ престола, давши ему всего часъ на размышленія. Съ самаго ранняго утра передъ Елисейскимъ дворцомъ, гдѣ жилъ Наполеонъ, толпились громадныя массы пролетаріата и требовали себѣ оружія; однако Наполеонъ, который могъ еще броситься въ объятія народа, не чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы рѣшиться на такой отчаянный шагъ; онъ подчинился рѣшенію буржуазіи и отрекся отъ престола въ пользу своего сына, который долженъ былъ стать императоромъ французомъ подъ именемъ Наполеона II. Назначенное палатой подъ названіемъ „Исполнительной комиссіи“ временное правительство, во главѣ съ извѣстнымъ пройдохой Фуше (Fouché), заступило его мѣсто и 24-го іюня потребовало отъ него оставить не только Парижъ, но и предѣлы Франціи. 16-го іюля Наполеонъ близъ Рошфора отдалъ себя во власть англичанъ, которые и отвезли его, съ согласія другихъ державъ, на островъ св. Елены.

3-го іюля въ Сэнъ-Клу (St. Cloud) была подписана капитуляція, по которой Парижъ безъ всякихъ условій сдавался союзникамъ. Послѣдніе были встрѣчены палатами и парижской буржуазіей въ высшей степени радушно: вѣдь Парижу угрожала близкая опасность военной осады и бомбардировки. Напротивъ, радикальная часть населенія пригородовъ была возмущена этой позорной сдачей Парижа и сдѣлала даже попытку силой воспротивиться капитуляціи, но буржуазія съ своей національной гвардіей круто расправилась съ этими гордыми людьми.

Такимъ образомъ 7-го іюля 1815 года Блюхеръ во главѣ 50-тысячной арміи во второй разъ вступилъ въ столицу Франціи, вступилъ безъ боя и кровопролитія. Много было при этомъ скандальныхъ сценъ. Въ то время какъ наиболѣе радикальная часть народа и многіе изъ старыхъ солдатъ съ проклятіями смотрѣли на этотъ позоръ, элегантныя дамы буржуазіи въ знакъ своей радости махали цвѣтными лентами и платками изъ оконъ бульваровъ, а по улицамъ двигались побѣдители—англійскія и прусскія войска... Богатые домовладѣльцы и купцы приготавливали свои парадные покои для встрѣчи англійскихъ и прусскихъ офицеровъ, а ювелиры и другіе торговцы предметами роскоши изъ кожи лѣзли, чтобы выставить во всемъ блескѣ, а кстати и продать пришельцамъ свои самыя драгоценныя вещи.

Даже Людовикъ XVIII, слѣдовавшій послѣ Ватерлоо по пятамъ за союзными войсками, не питалъ уже больше надежды вторично заполнить свою корону изъ рукъ вражескихъ вождей. Онъ понялъ теперь, какъ раздражалъ онъ въ прошломъ году буржуазію и какъ повредилъ этимъ и себѣ самому, и ко-

Тяжело заплатила Франція за свое увлеченіе во время „Ста дней“, какъ стали называть это мимолетное господство Наполеона. Вражескія войска, численность которыхъ, постоянно пополняемая резервами и новыми контингентами, достигала большаго милліона, разлились по всей Франціи до самыхъ отдаленныхъ ея провинцій. Французскіе граждане должны были содержать ихъ на свой счетъ. Франція должна была заплатить 700 милліоновъ франковъ контрибуціи и затѣмъ еще почти столько же въ уплату старыхъ долговъ. Кромѣ того, Франція должна была въ теченіе пяти лѣтъ содержать 150 тысячъ иностранныхъ войскъ въ своихъ сѣверныхъ и восточныхъ крѣпостяхъ и, наконецъ, возвратить назадъ всѣ свои завоеванія послѣ 1790 года.

Изъ провинцій выжимались послѣдніе соки и масса мелкой буржуазіи была обращена въ нищихъ,—для Парижа же этотъ періодъ былъ временемъ наживы и громадныхъ барышей. Послѣдній актъ драмы сдачи Парижа состоялъ въ томъ, что въ карманы побѣжденных потекли цѣлыя золотыя рѣки изъ кармановъ побѣдителей. „Купцы удесятерили свои обыкновенныя выручки, вся эта офицерская молодежь завела себѣ дорого стоящихъ метрессъ, въ театрахъ абонировала первыя мѣста и кутила у Véry. Къ 1815 году относится начало образованія большей части крупныхъ купеческихъ имуществъ столицы. Трудно представить себѣ размѣры мотовства предводителей союзныхъ войскъ; великій князь Константинъ съ своимъ братомъ за сорокъ дней оставили въ Парижѣ цѣлыхъ полтора милліона рублей! Блюхеръ, получившій три милліона франковъ отъ французскаго правительства, принужденъ былъ еще заложить свои имѣнія и уѣхалъ изъ Парижа совсѣмъ разоренный въ игорныхъ домахъ Пале-Рояля“. — „Нашествіе иностранцевъ было тѣмъ болѣе на руку парижскимъ торговцамъ, что это помогло имъ очистить свои магазины отъ старомодныхъ товаровъ, которые расхватавались иностранными офицерами въ качествѣ послѣднихъ новинокъ французской моды. Французы были рады хоть такимъ образомъ отомстить всѣмъ этимъ казакамъ и fêtes carrées (квадратнымъ головамъ), какъ прозвали нѣмцевъ во Франціи“. Такова картина тогдашней жизни въ Парижѣ, нарисованная современникомъ.

Такимъ-то образомъ, рядомъ съ обнищаніемъ всей Франціи шло обогащеніе Парижа: кучка крупныхъ капиталистовъ шла въ гору, извлекая громадныя барыши, а цѣлая масса мелкой буржуазіи спускалась все ниже и ниже. Содержаніе иностранныхъ войскъ, безпощадныя поборы (реквизиціи), страшно возросшіе платежи всякаго рода, наконецъ — принудительныя займы съ цѣлью содрать тѣ сотни милліоновъ, которые были нужны для освобожденія страны отъ чужеземныхъ армій,— всѣ эти страшныя тягости легли почти исключительно на плечи малосостоятельнаго, мелкаго люда. Правительство прибѣгло къ внѣшнему кредиту и заключило пятипроцентный заемъ у лондонскаго банкирскаго дома Бэрингъ (Baring) и

Амстердамскаго—Гоге (Hoge) по чрезвычайно выгодному для кредиторовъ курсу отъ 78 до 90 за сто, но и здѣсь парижскіе крупные капиталисты сумѣли извлечь для себя пользу: у иностранныхъ банковъ они выговорили себѣ восьмую часть прибыли. Однако и эта доля прибыли мало удовлетворила ихъ аппетиты: ихъ политическій представитель Казимиръ Перье (Casimir Périer) сильно напалъ въ своей брошюрѣ на финансовую политику правительства, указывая на то, что истинно „національная“ политика не позволила бы обратиться за займомъ къ иностраннымъ банкирамъ.

Буржуазія еще не достигла высшаго пункта своего развитія, но для внимательнаго наблюдателя уже замѣтны были признаки ея разложенія: это особенно ясно было видно изъ ея поведенія послѣ взятія Парижа. Зародышъ всего дальнѣйшаго хода соціального развитія буржуазіи уже заключается въ томъ рядѣ вышеуказанныхъ событій,—которыя разыгрались въ самое короткое время. Потребность въ кредитѣ заставляла промышленность и торговлю прибѣгать къ услугамъ банковъ и банкировъ и тѣмъ становится въ зависимость отъ нихъ. Безграничное господство свободной конкуренціи, разрушая мелкое и подрывая среднее хозяйство,—неизбѣжно вело къ конечной цѣли, къ полному монопольному господству денежнаго мѣшка, къ олигархіи немногихъ банковъ и банкировъ.

Выборы въ палату депутатовъ, произведенные лѣтомъ 1815 года подъ непосредственнымъ давленіемъ иностраннаго нашествія, пали почти исключительно на ярыхъ приверженцевъ церкви и монархіи; это были по большей части вернушіеся изъ своего заграничнаго убѣжища эмигранты, которые думали, что идеи свободы теперь можно считать окончательно похороненными. Составленная такимъ образомъ палата взялась за смѣлую мысль—вернуть французское общество въ первобытное, дореволюціонное состояніе. Всѣ гарантіи личной свободы были уничтожены, печать задавлена. Залы Пантеона опять заняла святая Женевиѣва (Genève), Храмъ Славы былъ предоставленъ святой Магдалинѣ, на улицѣ Д'Анжу (D'Angou) была воздвигнута покаянная часовня и, наконецъ, день 21-го января, когда былъ казненъ Людовикъ XVI-й, былъ объявленъ днемъ національнаго траура. Столь преданная монархіи палата такъ понравилась королю, что онъ почтилъ ее названіемъ „Chambre introuvable“, незамѣнимой палаты.

Монархисты, однако, не удовлетворились только реакціонными законами: они требовали крови. По образцу старыхъ судовъ и подъ тѣмъ же названіемъ „Courts Prevôtales“ (судебныя палаты, постановленія окончательныя, приговоры) во всѣхъ департаментахъ были учреждены особыя комиссіи по политическимъ дѣламъ, при чемъ рѣшенія этихъ комиссій были окончательны.

Уже въ министерство Талейрана-Фуше были заведены проскрипціонные списки, гдѣ были отмѣчены лица, занимавшія во время „Ста дней“ видныя гражданскія и военныя должности:

всѣ они должны были быть осуждены, какъ измѣнники, или же, менѣе виновные. — изгнаны изъ Франціи. Что этому про-скрипціонному списку королевская семья и ея приспѣшники при-давали самое серьезное значеніе, показываютъ многочисленные процессы, оконченные еще раньше, чѣмъ начали свое дѣло новые политическіе суды. „Превотальныя“ палаты, суды присяжныхъ, военные суды и, наконецъ, для отдѣльныхъ случаевъ, палата пэровъ — на перебой усердствовали въ обвинительныхъ пригово-рахъ; замѣчательно при этомъ то, что при сдачѣ Парижа было ясно обусловлено, что ни одинъ изъ жителей Парижа и особенно изъ тѣхъ, кто занималъ общественныя должности во время „Ста дней“, не долженъ быть привлекаемъ къ отвѣт-ственности — ни за дѣйствія, ни за свои мнѣнія. Особенно выда-ются три случая такого рода приговоровъ. Бывшій при Лю-довикѣ XVIII директоромъ почтъ графъ Лавалетъ (Lavalette) послѣ бѣгства короля послалъ въ Фонтенебло особаго курьера къ Наполеону, чтобы сообщить ему о положеніи дѣлъ въ Па-рижѣ. Изъ этого слѣдали страшное преступленіе, и судъ при-сяжныхъ вынесъ ему смертный приговоръ; Лавалетъ избавился отъ угрожавшей ему смерти только бѣгствомъ изъ тюрьмы въ костюмѣ своей жены, накануне казни.

Генераль Лябедуайеръ (Labédouère), былъ посланъ 7-го марта 1814 года въ Гренобль, чтобы схватить Наполеона, но вмѣсто этого, перешелъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ на его сторону; за это онъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смерти и разстрѣлянъ.

Одинаковая участь постигла и Маршала Нея (Neu), так-же перешедшаго 18 марта 1814 года съ своей сѣверной арміей на сторону Наполеона. Онъ былъ преданъ военному суду, со-стоявшему изъ семи генераловъ; изъ нихъ четверо — Жур-данъ (Jourdan), Массена, Ожеро (Augerau) и Мортъе (Mortier) — были его сотоварищами по оружію и вмѣстѣ участвовали въ Наполеоновскихъ походахъ; такой составъ суда никогда не вынесъ бы обвиняемому смертнаго приговора, но дѣло испор-тили адвокаты: они указали на неподсудность Нея, какъ пэра Франціи, военному суду. Дѣло было передано въ палату пэ-ровъ, которая 159-ю голосами изъ 161 признала его винов-нымъ и 139-ю противъ 22 — приговорила къ смерти. Растрѣ-лять Нея въ томъ мѣстѣ, гдѣ обычно это дѣлалось, близъ Гре-неля (Genelle) — однако, не рѣшились; — въ наемной каретѣ пе-реvezли его изъ тюрьмы Люксембургскаго дворца черезъ садъ на Avenue d'Observatoire (улица Обсерваторіи), на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ его памятникъ. Здѣсь уже ожидалъ его взводъ старыхъ солдатъ. Когда карета остановилась, Ней быстро вы-шелъ изъ нея, всталъ шагахъ въ восьми отъ стѣны, у ко-торой онъ долженъ былъ пасть, и, обращаясь къ офицеру, спросилъ: „здѣсь, милостивый государь?“ „Да, господинъ мар-шалъ“, отвѣтилъ офицеръ. Ней взялъ въ лѣвую руку шляпу, правую положилъ себѣ на сердце и крикнулъ солдатамъ: „стрѣляйте, товарищи“. Грянулъ залпъ, и Ней палъ безъ движенія.

Смерть маршала Нея.

Еще сильнѣе, чѣмъ въ Парижѣ, господствовалъ „бѣлый терроръ“ на югѣ Франціи, гдѣ съ дѣломъ Бурбоновъ были связаны матеріальные интересы значительной части населенія. Закрытіе гаваней вслѣдствіе непрерывныхъ наполеоновскихъ войнъ сильно вредило торговлѣ и промышленности крупныхъ приморскихъ городовъ, поэтому понятно, что наполеоновскіе полки встрѣчали въ мѣстномъ населеніи сильную вражду. Въ Марселѣ, уже при одномъ извѣстіи о пораженіи при Ватерлоо 25 іюня 1815 г., толпа бросилась грабить дома наиболѣе извѣстныхъ и богатыхъ соратниковъ Наполеона и избивать ихъ; а въ бѣдныхъ частяхъ города народъ съ яростью напалъ на колонію мамелюковъ, — солдатъ, пришедшихъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ изъ Египта, изъ Сириіи вмѣстѣ съ французскимъ войскомъ. Эти несчастные были перебиты всѣ, съ женщинами и дѣтьми.

Изъ Марселя „бѣлый терроръ“ перешелъ въ Авиньонъ, Нимъ, Юзе (Uzès). 17-го іюля небольшой, въ 200 человекъ, гарнизонъ города Нима сдался въ руки осаждавшаго городъ отряда „королевскихъ добровольцевъ“; весь гарнизонъ до единого человека былъ звѣрски изрубленъ, какъ только сложилъ свое оружіе. Послѣ этого фанатики-монархисты вмѣстѣ съ частью католическаго населенія бросились на избіеніе богатыхъ протестантовъ и разграбленіе ихъ домовъ. Въ Юзе самъ подпрефектъ способствовалъ звѣрству толпы, онъ выдалъ восемь арестованныхъ раньше бонапартистовъ убійцамъ, которые передъ тѣмъ убили уже многихъ обывателей въ ихъ собственныхъ жилищахъ. По всему департаменту Де-Гаръ (Des Gard) убійства, грабежи и разгромъ домовъ и виноградниковъ продолжались цѣлые недѣли и мѣсяца; королевскіе чиновники были или совершенно безсильны противъ этой кровожадности толпы, или же сами принимали участіе въ кровавыхъ набѣгахъ.

Къ безчисленнымъ, безыменнымъ жертвамъ „бѣлаго террора“ въ Авиньонѣ было присоединено одно знаменитое имя. Это былъ маршалъ Брюнъ (Brune), одно изъ наиболѣе выдающихся лицъ въ числѣ военныхъ знаменитостей временъ республики и имперіи; Наполеонъ всячески огтиралъ его на задній планъ за то, что въ день 18 Брюмера онъ готовился оказать вооруженное сопротивление насилію, но потомъ, во время „Ста дней.“ по настоятельнымъ просьбамъ Наполеона, онъ уступилъ и двинулся съ маленькимъ отрядомъ на защиту южныхъ границъ отъ пьемонтцевъ. Послѣ возвращенія Людовика XVIII онъ предложилъ своимъ солдатамъ снова признать его королемъ, а самъ отправился въ Парижъ, чтобы тамъ держать отвѣтъ за свое поведение. Вмѣсто того, чтобы отправиться черезъ провинцію Дофинэ, гдѣ населеніе дружески было настроено къ нему, онъ избралъ прямой путь по берегу Роны, что онъ совсѣмъ не считалъ опаснымъ для себя, такъ какъ во все время своей трудной службы въ Провансѣ онъ не нажилъ тамъ ни одного личнаго врага. На дѣлѣ оказалось обратное; въ одномъ лету-

Трупъ маршала Брюна волокутъ къ Ронѣ.

чемъ листкѣ ему было поставлено въ вину то, что въ сентябрѣ 1791 года онъ собственноручно носилъ по улицамъ Парижа вздѣтую на пику голову принцессы Ламбалль (Lamballe); и вотъ узнавши о его прибытіи въ Авиньонъ, фанатическая толпа потребовала его собственной головы. Въ теченіе многихъ часовъ толпа осаждала гостиницу, въ которой Брюнъ остановился; ея нападеніе отражала горсть національныхъ гвардейцевъ. Народъ, въ концѣ концовъ, проникъ черезъ крыши сосѣднихъ домовъ въ его комнату: двѣ пули въ голову положили его на мѣстѣ. Когда толпа осаждавшихъ волокла трупъ убитаго къ Ронѣ, королевскіе чиновники составили протоколъ о самоубійствѣ Брюна и привели въ протоколѣ показанія двухъ лжесвидѣтелей. Только шесть лѣтъ спустя вдовѣ убитаго удалось добиться судебного слѣдствія для спасенія чести своего мужа. Убіиство Брюна было установлено слѣдствіемъ, были найдены и убійцы и приговорены къ смертной казни, но благодаря покровительству крайнихъ монархистовъ (ультрароялистовъ) они избѣгли наказанія.

Комендантъ Тулузы генералъ Рамель (Ramel), бывшій въ ссылкѣ во время Директоріи и Имперіи, попытался было разогнать буйствующую толпу „королевскихъ добровольцевъ“, но былъ во время схватки раненъ, а затѣмъ „добровольцы“ осадили его домъ и закололи его въ постели. Начатое для виду слѣдствіе кончилось, „за недостаткомъ уликъ,“ оправданіемъ обвиняемыхъ.

Подобныя же событія происходили и въ Бордо, гдѣ жертвою ихъ пали братья Фоше (Faucher) изъ Ла-Реоля (La Rèole). Во время революціи оба они были противниками казни Людовика XVI-го и послѣ его смерти отказались отъ своихъ должностей; только съ трудомъ удалось имъ избѣжать гильотины. При консульствѣ они снова поступили на службу, чтобы снова отказаться отъ нея при объявленіи имперіи. Въ 1814 г. они оказывали сопротивленіе монархическому движенію, отдавшему Бордо въ руки англичанъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, генераломъ Клозелемъ (Clausel), они въ Жирондѣ организовали военную оборону отъ нашествія иностранныхъ войскъ. Когда же 21-го іюля 1815 года Клозель перешелъ на сторону короля, то и генералъ Фоше, командированный въ Ла-Реоль, водрузилъ тамъ бѣлое знамя. Къ несчастью, нѣсколько дней спустя здѣсь проходилъ отрядъ войскъ, носившій еще трехцвѣтную кокарду: онъ сорвалъ и сжегъ бѣлое знамя; и хотя по уходѣ солдатъ, оно снова было повѣшено, но въ это время изъ Бордо прибылъ отрядъ „королевскихъ добровольцевъ“, завладѣлъ городомъ и арестовалъ братьевъ Фоше. Просидѣвши нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ, братья предстали передъ военнымъ судомъ въ Бордо. Ни одинъ адвокатъ не рѣшился защищать ихъ, и всѣ ихъ старанія доказать свою невиновность не привели ни къ чему,—они были приговорены къ смерти. Подъ прикрытіемъ большого военного отряда братья шли, взявшись за руки, къ мѣсту казни, и это

Братя Фоше по дорогъ на ешафотъ.

было даровое зрѣлище для монархически настроенныхъ господъ и дамъ изъ буржуазнаго лагеря въ Бордо. Обманутый народъ злобно кричалъ имъ вслѣдъ: „да здравствуетъ король!“ Рядомъ пали они подъ ружейнымъ залпомъ солдатъ, какъ работали рядомъ и въ жизни, и память объ этой братской любви долго жила въ сердцахъ французскаго народа.

Казни отдѣльныхъ лицъ и всѣ эти грабежи и убійства далеко, однако, не умѣрили рвенія ультра-роялистовъ. Они требовали увольненія всѣхъ должностныхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ политической неблагонадежности, до разносчика писемъ и сельскаго пастуха включительно, они требовали осужденія во что бы то ни стало всѣхъ руководителей бонапартистовъ, изгнанія всѣхъ „убійцъ короля“ и революціонеровъ, если такіе еще избѣгли до сихъ поръ участи предстать предъ судомъ. Доносы, обвинительные судебные приговоры, увольненія отъ должностей, изгнанія и полицейскія высылки—факты такого рода выростали до невѣроятнаго количества. Считаютъ, что число брошенныхъ въ тюрьмы за политическія убѣжденія въ какой-нибудь десятокъ мѣсяцевъ дошло до 70 тысячъ, а число смѣщенныхъ должностныхъ лицъ—до 100 тысячъ. Этимъ „бѣлымъ терроромъ“ изъ кабинета короля руководилъ самъ министръ полиціи Деказь, который своими приказами и циркулярами отдавалъ всѣхъ „враговъ государства“ въ полное распоряженіе низшихъ полицейскихъ чиновъ.

Въ этотъ періодъ самой разнузданной реакціи буржуазія, имѣвшая въ палатѣ всего лишь сорокъ голосовъ, была совершенно безсильна. Но, какъ классъ, она и въ это время дѣлала значительные успѣхи.

Со времени паденія Наполеона для торговли и промышленности насталъ періодъ пышнаго расцвѣта. Семьсотъ тысячъ солдатъ, отпущенныхъ домой, вернулись къ земледѣлію и промышленности. Возникла масса новыхъ фабрикъ, заброшенныя было отрасли промышленности снова возродились, банки и банкиры стремились помѣстить свои капиталы въ различныя торговыя и промышленныя предпріятія, были введены въ употребленіе новыя машины, использованы новыя открытія и изобрѣтенія; въ это же время основалось много страховыхъ и акціонерныхъ обществъ; только разразившійся въ 1825 году торговый и промышленный кризисъ положилъ конецъ этой предпринимательской горячкѣ въ средѣ буржуазіи.

Для народа уже 1817 годъ былъ критическимъ годомъ. Плохой урожай предшествующаго года и тѣ опустошенія, которыя произвели въ земледѣліи многихъ мѣстностей Франціи непріятельскія нашествія,—все это отразилось сильнымъ поднятіемъ цѣнъ на продукты потребленія, и въ бѣднѣйшихъ слояхъ народа началъ свирѣпствовать голодъ. Въ Парижѣ, благодаря субсидіи въ 24 милл., выданной городомъ пекарямъ, цѣна на четырехфунтовый хлѣбъ была 1 франкъ 25 центовъ, но во многихъ департаментахъ, гдѣ не могли, да и не хотѣли дѣлать такихъ субсидій изъ общественныхъ средствъ, цѣны

Раздача продовольствія голодающимъ крестьянамъ.

были вдвое и втрое выше: массамъ бѣднаго народа это было совсѣмъ не по карману. Несчастные жители деревень, безъ куска хлѣба, безъ гроша денегъ въ карманѣ, цѣлыми толпами потянулись съ своихъ необработанныхъ полосъ въ города, въ надеждѣ найти тамъ спасеніе отъ голодной смерти. Городскія самоуправленія, сами изнемогающія подъ тяжестью тѣхъ бѣдъ, которыя принесло съ собой нашествіе чужестранныхъ войскъ и вздорожаніе продуктовъ, собрали кое-какъ нѣкоторые запасы: на улицахъ и во дворахъ происходила раздача продуктовъ голодающимъ крестьянамъ, которые въ нормальное время сами снабжали городъ этими же продуктами. Тамъ, гдѣ не была организована такая помощь, не обходилось дѣло и безъ насилій: побуждаемый отчаяніемъ, сельскій и городской пролетаріатъ силой добывалъ себѣ хлѣбъ.

Эти столкновенія изъ-за насущнаго хлѣба нигдѣ не принимали политическаго характера, но это обстоятельство не помѣшало высшимъ судебнымъ палатамъ найти и здѣсь пищу для своей кровожадности. Во многихъ мѣстахъ народъ на практикѣ убѣдился въ той истинѣ, что у правительства реставраціи для устраненія социальныхъ бѣдъ остался тотъ же самый рецептъ, какимъ пользовался и абсолютизмъ: порохъ и свинецъ!

Парламентская исторія періода, слѣдующаго за 1817 годомъ, вся почти состоитъ изъ столкновений и борьбы между буржуазнымъ либерализмомъ и ультрароялистскимъ феодализмомъ, причемъ главной основой этой борьбы служили матеріальные интересы. Особенно возбуждалъ страсти вопросъ о возвратѣ дворянству и духовенству тѣхъ имуществъ, которыя были отобраны во время великой революціи. Въ этомъ вопросѣ правительство попало въ затруднительное положеніе. Одинъ за другимъ смѣнялись министры, и никому изъ нихъ не удавалось удовлетворить требованія графа Артуа (Artois), брата и ближайшаго наслѣдника короля, одного изъ самыхъ ярыхъ предводителей роялистовъ; королю удалось, наконецъ, хотя и не безъ труда, посадить на министерское кресло своего любимца Деказа, но и онъ остался все-таки представителемъ интересовъ своего класса, несмотря на свои роялистскіе подвиги. Озлобленіе крайнихъ монархистовъ противъ этого „плебея“, предавшаго, по ихъ мнѣнію, королевство въ руки революціи, достигло высшаго предѣла, но къ паденію привело его одно неожиданное событіе.

13-го февраля 1820 года на герцога Беррійскаго, племянника короля, въ театрѣ напалъ какой-то неизвѣстный чело-вѣкъ и ранилъ его смертельно кинжаломъ. Потомъ оказалось, что это былъ сѣдельщикъ - подмастерье Лувель (Louvel). Фанатически настроенный, онъ пришелъ къ мысли, что необходимо уничтожить весь родъ Бурбоновъ и началъ съ принца потому, что именно на немъ покоилось продолженіе этого рода. (Герцогъ Ангулемскій, старшій сынъ графа Артуа, вполнѣдствіи короля Карла X, не имѣлъ дѣтей отъ своей супруги, дочери Людовика XVI; у герцога Беррійскаго, наоборотъ, было двѣ дочери отъ

его жены, принцессы изъ неаполитанской вѣтви Бурбоновъ). Лувель умѣло направилъ свой ударъ. Герцогъ умеръ на слѣдующее утро отъ кровотоčenja, окруженный всѣми членами своей семьи. Этотъ поступокъ экзальтированного человѣка, конечно, постарались использовать ультрароялисты и прежде всего—для сверженія защитника интересовъ буржуазіи Деказа. „Принцъ, говорили они, убить не кинжаломъ, а либеральной идеей“. Утромъ 14 февраля, вскорѣ послѣ открытія засѣданія палаты, одинъ изъ депутатовъ крайней правой—Клозель-де-Куссергъ (Clauzel de Coussergues) внесъ предложеніе предать Деказа суду, какъ соучастника Лувеля.

У громаднаго большинства депутатовъ это предложеніе вызвало такую бурю негодованія, что Куссергъ не былъ поддержанъ даже своей партіей. Деказъ, однако, принялъ мѣры для того, чтобы избѣжать готовящагося противъ него удара; 15 февраля онъ внесъ три въ высшей степени реакціонныхъ законопроекта, именно: 1) избирательный законъ, которымъ увеличивалось число депутатовъ съ 257 до 430, при чемъ 258 изъ нихъ должны быть избраны прямымъ голосованіемъ, а въ выборахъ прочихъ 172 депутатовъ участвуютъ только платящіе не меньше 1000 франковъ налоговъ. Благодаря существовавшей тогда налоговой системѣ, этотъ порядокъ избранія давалъ громадныя преимущества землевладѣльческому дворянству передъ владѣльцами движимаго имущества и крупной буржуазіи: значеніе послѣдней въ палатѣ при такой избирательной системѣ падало на половину; 2) законъ о неблагонадежныхъ лицахъ, въ силу котораго правительству предоставлялось право арестовывать и сажать въ тюрьму безъ суда всякаго подозрѣваемаго въ террористическихъ замыслахъ противъ членовъ королевской семьи, и 3) законъ о печати, которымъ снова вводилась цензура для всѣхъ газетъ и произведеній періодической печати. Первый изъ этихъ проектовъ послѣ нѣсколькихъ недѣль жаркихъ дебатовъ былъ принятъ незначительнымъ большинствомъ палаты депутатовъ, а палата пэровъ утвердила его безъ всякихъ преній. Въ законъ было внесено лишь незначительное измѣненіе, въ силу котораго 172 новыхъ депутата избирались четвертой частью всѣхъ избирателей, удовлетворяющихъ опредѣленному цензу, и, слѣдовательно, имъ давалось право двухъ голосовъ на выборахъ.

Вся буржуазія столицы и значительной части страны была крайне озлоблена этимъ новымъ избирательнымъ закономъ; все лѣто 1820 года прошло въ сильномъ возбужденіи и тревогѣ и, если бы вождямъ буржуазіи удалось тогда заручиться поддержкой массъ, революція вспыхнула бы немедленно. Однако народъ, лишенный всякой тѣни избирательнаго права, политически совершенно безправный и всѣми силами устраняемый съ арены общественной жизни, этотъ народъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія подставлять свои спины въ междоусобной борьбѣ либерализма съ феодализмомъ. Эта борьба касалась лишь интересовъ высшихъ классовъ общества, а народъ

не ожидалъ для себя рѣшительно ничего хорошаго ни отъ того, ни отъ другого. Но это предательство интересовъ буржуазіи и прислужничество крайнимъ монархистамъ (ультра-роялистамъ) не могло уже спасти Деказа. Онъ положительно изнемогалъ подъ тяжестью женскаго вліянія при дворѣ. Герцогиня Беррійская, видѣвшая въ немъ личнаго врага ея убитаго мужа, рѣшительно заявила, что ея нога не будетъ больше въ королевскомъ дворцѣ, пока имѣетъ туда доступъ этотъ баловень короля. Всего лишь нѣсколько дней спустя послѣ смерти герцога Беррійскаго, 18 февраля герцогиня Ангулемская, „единственный мужчина въ королевской семьѣ“ *), вмѣстѣ со своимъ дядей, графомъ Артуа, умоляли короля удалить изъ министерства Деказа, иначе-де никто не гарантированъ отъ новыхъ преступленій. Этотъ театралный выходъ возымѣлъ свое дѣйствіе. Упорство короля было сломлено и онъ уступилъ. Со слезами на глазахъ сообщилъ онъ своему любимцу о томъ, что принужденъ съ нимъ разстаться. Чтобы хоть сколько-нибудь смягчить горе, онъ наградилъ Деказа герцогскимъ титуломъ, и назначилъ его посланникомъ въ Лондонъ съ громаднымъ жалованьемъ. Преемникомъ его былъ герцогъ Ришелье, въ качествѣ президента Совѣта Министровъ, но безъ портфеля. Во время этой парламентской борьбы феодаловъ съ буржуазіей развилась и сильная агитаціонная работа внѣ-парламентскихъ организацій, которыя въ дальнѣйшихъ судьбахъ Франціи играли крупную роль. Духовнымъ средоточіемъ и тактическимъ руководителемъ монархической партіи были такъ называемыя „конгрегаціи“. Эти союзы основывались во времена революціи тайно какимъ-нибудь іезуитомъ, при чемъ сначала цѣлью ихъ были дѣла религіи и „спасенія души“, но позднѣе, со времени возвращенія Бурбоновъ, они становятся сборнымъ пунктомъ для фанатиковъ старо-дворянскихъ и церковныхъ традицій. На ряду съ этими свѣтскими союзами были основаны и чисто духовныя товарищества или миссіи, поставившія своей задачей вернуть французскій народъ къ старому религіозному и политическому правовѣрію. Ихъ странствующіе проповѣдники разсѣялись по всей странѣ и всюду произносили проповѣди съ такой страстностью и воодушевленіемъ, какъ будто бы вернулись времена католической лиги шестнадцатаго столѣтія. Всюду на площадяхъ городовъ, куда стекались цѣлыя массы народа, проповѣдники ставили громадный крестъ съ распятіемъ и здѣсь сжигались сочиненія Вольтера, Руссо и другихъ философовъ, съ надлежащими, конечно, причитаніями. Власти оказывали всяческое покровительство этимъ театралнымъ представленіямъ и запрещали на это время всякія другія зрѣлища, чтобы не создавать конкуренціи попамъ.

*) Такъ называлъ ее Наполеонъ за то, что она сумѣла въ мартѣ 1815 года поднять въ Бордо на ноги весь народъ, войска и власти для борьбы противъ возстановленія имперіи.

Сооруженіе миссіонерскаго креста.

Иначе дѣйствовала буржуазная оппозиція. Съ введеніемъ цензуры у нея было отнято главное орудіе борьбы—свободная печать, и буржуазная оппозиція снова принялась организовать тайные комитеты стараго революціоннаго времени. Парижъ снова былъ выбранъ центромъ революціонныхъ силъ. Однако, первая революціонная попытка, лѣтомъ 1820 года, не удалась. Въ военномъ заговорѣ съ цѣлью низверженія Бурбоновъ участвовали кромѣ республиканцевъ еще и монархисты (орлеанисты) и бонапартисты, но накануне рѣшительнаго удара, въ ночь съ 19 на 20-е августа, заговорщики были схвачены. Начался процессъ объ измѣнѣ въ палатѣ пэровъ, но такъ какъ слѣдствіе не могло обнаружить главныхъ участниковъ заговора, членовъ центральнаго комитета, а напало только на слѣдъ второстепенныхъ лицъ, то большинство обвиняемыхъ пришлось оправдать и только немногіе были приговорены къ тюремному заключенію.

Въ октябрѣ 1821 года происходили дополнительные выборы въ палату депутатовъ и, благодаря новому закону, прошли благопріятно для партіи крайнихъ монархистовъ (ультрароялистовъ). Она рѣшила теперь добиться низверженія министерства Ришелье. Между тѣмъ король, лишившись своего любимца Деказа, весь ушелъ теперь въ свои любовныя похождения съ мадамъ-дю-Кэйля (du Cayla), красивой и хитрой женщиной и. вдобавокъ, ханжей. Эта госпожа, служа орудіемъ конгрегации и въ союзѣ съ графомъ Артуа, сумѣла такъ обойти старичка, что уже въ декабрѣ онъ рѣшилъ разстаться съ министерствомъ Ришелье. Новое министерство виконта Монморанси (Montmorency) состояло исключительно изъ членовъ ультрароялистической партіи; наиболѣе выдающейся личностью въ министерствѣ былъ министръ финансовъ Виллель (Villele).

Революціонные союзы, разбитые проваломъ военнаго заговора прошлаго года, теперь были не только возстановлены, но и получили значительно большее распространеніе.

Два наиболѣе важныхъ изъ этихъ союзовъ были организованы независимо другъ отъ друга. Центромъ одного изъ нихъ, называвшагося „Рыцари свободы“, былъ Сомюръ (Saumur). Онъ распространенъ былъ по всей области Луары и насчитываетъ 30—40 тысячъ членовъ. Задачей его было—въ моментъ революціи поднять западныя провинціи Франціи. Другой союзъ, построенный по образу итальянскаго общества карбонаріевъ*), былъ основанъ въ самомъ Парижѣ тремя молодыми таможенными чиновниками: Базаромъ (Bazard), Бюше (Bucher) и Флотаромъ (Flotard). Во главѣ общества находилась „Высшая ложа“ (Vente), состоявшая изъ семи членовъ: троихъ упомянутыхъ выше основателей общества и еще четверыхъ столь же молодыхъ чиновниковъ и студентовъ—Дюжье (Dugied), Корриоль (Carrion), Жуберъ (Joubert) и Лимперани (Limperani). Членами этой высшей

*) Carbonaro (по-итальянски), Charbonnier (по-франц.)—значитъ собственно угольщикъ. «Карбонаріи» должны были очистить «лѣсъ» (т. е. страну) отъ «Хищныхъ звѣрей» (т. е. отъ тирановъ и насильниковъ).

ложи былъ основанъ цѣлый рядъ мѣстныхъ „центральныхъ ложъ“, по двадцати заговорщиковъ въ каждой; въ свою очередь каждый изъ членовъ этихъ ложъ долженъ былъ набирать людей для образования „отдѣльныхъ ложъ“—также по двадцати членовъ. Такъ расширялась сѣть заговора, по мѣрѣ того, какъ находились желающіе образовать новую ложу. Обязанностью каждаго карбонарія было добыть ружье и пятьдесятъ патроновъ, чтобы быть готовымъ въ каждый моментъ броситься въ бой по приказу неизвѣстныхъ ему высшихъ руководителей. Этотъ заговоръ съ невѣроятной быстротой захватилъ весь Парижъ и значительную часть восточныхъ департаментовъ, прежде, чѣмъ полиція могла пронюхать о немъ. Цѣлью его было низверженіе Бурбоновъ. Насколько серьезно относились къ дѣлу всѣ безъ исключенія участники заговора, видно изъ того, что тайна его была сохранена до самаго послѣдняго момента.

Лѣтомъ 1821 года карбонаріи соединились съ „рыцарями свободы“ и совмѣстно рѣшили поднять знамя возстанія еще до конца года, именно въ Эльзасѣ, гдѣ заговоръ насчитывалъ массу членовъ какъ въ крѣпостныхъ гарнизонахъ, такъ и въ буржуазныхъ слояхъ населенія. Приготовленіями къ борьбѣ былъ занятъ специальный исполнительный комитетъ, назначенный „высшей ложей“; онъ выбралъ уже 36 молодыхъ людей и отдалъ имъ приказъ подъ руководствомъ Базара отправиться въ Бельфоръ (Belfort, Belfort), гдѣ и подать сигналъ къ возстанію. Безъ всякихъ колебаній послѣдовали они приказу, хотя каждый изъ нихъ понималъ, что идетъ почти на вѣрную смерть. Однако, роковое значеніе имѣло то, что молодые руководители движенія слишкомъ мало полагались на свои собственныя силы. Общее военное руководство они возложили на Лафайета, который долженъ былъ съ двумя членами парижскаго центрального комитета, Нуайе Д'Аржансономъ и Іаковомъ Кехлиномъ (Noyer d'Argenson, Jakob Köchlin) составить въ Бельфорѣ временное правительство. Но въ этотъ рѣшительный моментъ Лафайетъ почувствовалъ непреодолимую потребность исполнить свой семейный долгъ—отпраздновать день рожденія своей супруги. Возстаніе было отложено на два дня—на ночь съ 1-го на 2-е января 1822 года. Однако, уже 31-го декабря комендантъ Бельфора напалъ на слѣдъ заговора и тотчасъ принялъ энергичныя мѣры, и отрядъ 36 юношей, прибывшихъ накануне въ предмѣстья Бельфора, долженъ былъ спастись. Базаръ въ 12 градусный морозъ на почтовыхъ поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы предупредить товарищей о постигшей неудачѣ и по дорогѣ встрѣтилъ карету, везшую въ Бельфоръ Лафайета. Генералъ окольными путями вернулся въ Парижъ. Замѣчательно то, что суду было предано всего лишь 23 человекъ, изъ которыхъ 19 было оправдано и только четверо сѣли въ тюрьму.

Заговоръ карбонаріевъ потерпѣлъ въ Бельфорѣ поражение, но онъ не былъ убитъ. Неудавшееся въ одномъ мѣстѣ возстаніе направило свое оружіе на другое. Флотаръ былъ

посланъ въ Ля-Рошель для подготовки возстанія среди солдатъ острова Олерона (Oleron), предназначенныхъ для отправки въ колонію Сенегаль; здѣсь рассчитывали на 700 человѣкъ. Командиръ батальона морской артиллеріи и многіе изъ офицеровъ ожидали только сигнала изъ Ля-Рошеля, чтобы начать возстаніе. Военное руководство возстаніемъ было отдано генералу Бертону (Berton), оставшемуся безъ мѣста послѣ „ста дней“. Днемъ рѣшительныхъ дѣйствій было назначено 14 марта 1822 г. Непредвидѣнные обстоятельства опять заставили нѣсколько отодвинуть этотъ срокъ. Отправка 700 человѣкъ колоніальныхъ войскъ въ Сенегаль была властями ускорена. Кромѣ того, 19-го марта были арестованы четыре сержанта ля-рошельскаго гарнизона: Борье, Губень, Помье и Рауль (Bories, Goubin, Pommier, Raoul), какъ члены союза Карбонаріевъ. Такъ, снова заговоръ былъ разбитъ еще въ самомъ началѣ.

Бертонъ, бѣжавшій изъ тюрьмы, былъ выслѣженъ однимъ унтеръ-офицеромъ, вступившимъ въ союзъ карбонаріевъ съ цѣлью предательства, и арестованъ снова вмѣстѣ съ двумя другими товарищами. 43 заговорщика предстали предъ судомъ присяжныхъ въ Пуатье (Poitiers), приговорены къ смерти и 5-го октября казнены. Четверо сержантовъ, преданныхъ за участіе въ заговорѣ суду присяжныхъ въ Парижѣ, 21-го сентября, также сложили свои головы подъ ножомъ гильотины. За раскрытіе всего заговора имъ обѣщали помилованіе, но они отказались отъ такой милости. Сильный военный отрядъ дѣлалъ невозможной всякую попытку спасти этихъ героевъ. Они умерли съ возгласами: „да здравствуетъ свобода!“ Ихъ память и до сихъ поръ жива во французскомъ народѣ. Ихъ могилу на Мон-парнасскомъ кладбищѣ, возстановленную послѣ революціи 1830 года, народъ ежегодно украшаетъ цвѣтами и вѣнками.

Смерть ля-рошельскихъ сержантовъ была рѣшительнымъ ударомъ для карбонаріевъ и ихъ движеніе съ этого момента быстро пошло на убыль. Періодъ патріотическаго одушевленія прошелъ, наступилъ періодъ интригъ. Карбонаризмъ захватилъ наиболѣе свѣжія и здоровыя силы буржуазіи, но шпіонство и провокація не дали этому движенію развиваться достаточно широко; къ тому же отсутствіе твердо установленной программы дало возможность войти въ него враждебнымъ другъ другу по своимъ цѣлямъ элементамъ. Здѣсь были и республиканцы, и орлеанисты, и бонапартисты, и эта разношерстность состава исключала, конечно, всякое единство движенія. Движеніе карбонаріевъ только поверхностно захватило французское общество, низшихъ слоевъ его оно совершенно не коснулось. Будь въ распоряженіи широкихъ массъ ружья и патроны, правительство встрѣтило бы болѣе серьезный отпоръ, чѣмъ могли оказать разбросанныя по провинціи кучки заговорщиковъ.

Министерству Монморанси-Виллеля въ 1820 году удалось провести новый избирательный законъ, которымъ пятая часть палаты депутатовъ должна была ежегодно обновляться новыми

Смерть четырехъ сержантовъ изъ Ля-Рошеля.

выборами; этотъ законъ окончательно ослабилъ силу либеральной партіи. Пользуясь благоприятнымъ моментомъ, министерство рѣшило обезпечить себѣ на долгіе годы благонамѣренную палату. Съ этой цѣлью палата была въ декабрѣ распущена, а на мартъ 1824 года были назначены новые выборы, причемъ полиціи подѣ страхомъ увольненія было приказано всѣми мѣрами содѣйствовать „хорошимъ выборамъ“. Успѣхъ оказался полный: изъ 430 кандидатовъ либеральной партіи въ палату пробралось лишь 13 человекъ, такъ что съ этихъ поръ въ теченіе долгихъ лѣтъ либеральная буржуазія могла защищать свои интересы только въ палатѣ пэровъ.

23 марта 1824 года палаты были открыты. Въ тронной рѣчи король выразилъ свое крайнее удовольствіе по поводу внутренняго и внѣшняго положенія страны и указалъ на два новыхъ законопроекта: объ увеличеніи срока полномочій палаты съ пяти на семь лѣтъ и о пониженіи процента по государственнымъ долгамъ съ пяти на четыре. Эти законопроекты въ апрѣлѣ были представлены палатѣ депутатовъ. Первый изъ нихъ былъ представленъ раньше въ палату пэровъ, которая его и утвердила, а затѣмъ, онъ былъ принятъ громаднымъ большинствомъ и въ нижней палатѣ. Въ этомъ продленіи дѣятельности палаты 1824 года съ ея преданнымъ церкви и политической реакціи большинствомъ справедливо видѣли вѣнецъ новѣйшей монархически-феодальной системы, установленіе которой поставила себѣ цѣлью реставрація.

Менѣе счастливая судьба ожидала другой законопроектъ— о пониженіи процента по долгамъ. Онъ затрагивалъ уже интересы не только либеральной буржуазіи, но и многихъ среди феодаловъ-землевладѣльцевъ. Въ палатѣ депутатовъ законъ прошелъ 238-ю голосами противъ 145, но серьезное сопротивленіе онъ встрѣтилъ въ палатѣ пэровъ. Тутъ въ оппозицію ударился даже архіепископъ парижскій, монсиньоръ Кэлянъ (Quélen), выступившій „адвокатомъ за всѣхъ бѣдняковъ своей епархіи, которые должны пострадать вслѣдствіе оскудѣнія подаянія со стороны владѣльцевъ процентныхъ бумагъ“, злые языки говорили, будто истинная причина его протеста противъ пониженія процента заключалась въ томъ, что въ рукахъ духовенства находилась значительная масса государственныхъ процентныхъ бумагъ. Палата пэровъ отвергла законопроектъ 128-ю голосами противъ 94.

Въ это же время духовной конгрегаціи черезъ мадамъ Дю-Кэйля удалось провести своихъ приверженцевъ на всѣ высшіе государственные посты и даже придумать новыя должности, если не хватало мѣстъ для всѣхъ кандидатовъ. Такъ королевскимъ указомъ 26 августа 1824 года было учреждено особое министерство духовныхъ дѣлъ, во главѣ котораго былъ поставленъ епископъ гермополискій (Hermopolis) Фрейсину (Fraussinou). Всѣ заподозрѣнные въ еретическомъ образѣ мыслей были удалены съ своихъ должностей и на ихъ мѣста, при содѣйствіи все той же фаворитки короля—Дю-Кэйля—поставлены свои люди.

16-го сентября 1824 года Людовикъ XVIII умеръ; незадолго передъ смертью онъ рекомендовалъ своему брату и наслѣднику престола, графу Артуа, продолжать ту же политику приспособленій, какой держался онъ самъ: это, по его мнѣнію, самое вѣрное средство, чтобы усидѣть на тронѣ.

Карль X.

Однако, новый король, принявшій имя Карла X, былъ человѣкомъ крайне ограниченнымъ и фанатически религіознымъ. Бывшій заправила эмигрантской клики въ Кобленцѣ, онъ и на королевскомъ тронѣ оставался все тѣмъ же неуклюжимъ дворянскимъ недорослемъ. Хотя его первые шаги на новомъ поприщѣ, именно уничтоженіе цензуры и помилованіе многихъ политическихъ преступниковъ, и произвели хорошее впечатлѣніе, но вскорѣ стало ясно, что радость была преждевременной. 22-го декабря 1824 года палатѣ былъ предложенъ новый „законъ о святотатствѣ“, которымъ налагались самыя жестокія кары за всевозможныя проступки противъ церкви. Кража церковныхъ сосудовъ наказывалась пожизненной ссылкой на галеры, взломъ церкви—смертью, оскверненіе причастія было приравнено къ отцеубійству и подлежало соотвѣтствующему варварскому наказанію. Этотъ законъ былъ прямымъ издѣвательствомъ надъ духомъ XIX столѣтія, но это ничуть не помѣ-

шало палатѣ депутатовъ принять его громаднымъ большинствомъ, а въ палатѣ пэровъ онъ былъ принятъ 127-ю головами противъ 92-хъ.

1825-й годъ принесъ, наконецъ, давно обѣщанный законъ о вознагражденіи эмигрантовъ за тѣ потери, какія они понесли отъ конфискаціи ихъ имуществъ во время великой революціи. Нужную для этой цѣли сумму—около милліарда франковъ—законъ предписалъ покрыть выпускомъ трехпроцентныхъ государственныхъ обязательствъ. Послѣ бурныхъ преній, продолжавшихся почти цѣлый мѣсяцъ, законъ этотъ былъ принятъ 259-ю голосами противъ 124-хъ, одобренъ палатой пэровъ и утвержденъ королемъ. Если герцогу Орлеанскому еще раньше, особымъ приказомъ Людовика XVIII была возвращена часть отобранныхъ у него имѣній, то теперь ему посчастливилось еще больше: изъ милліарда франковъ на его долю досталось цѣлыхъ 14 миліоновъ.

Въ концѣ мая 1825 года засѣданія палатъ были прерваны придворными торжествами: Карлъ X отправлялся въ Реймсъ, чтобы тамъ торжественно короноваться и исполнить все, что въ подобныхъ случаяхъ королю надлежитъ сдѣлать. Этотъ обычай, вышедшій изъ моды уже полстолѣтія, былъ для Карла X не только пустой церемоніей; онъ твердо вѣрилъ, что церковное благословеніе необходимо для того, чтобы милость Божія сошла на его главу, а корона удержалась на ней. Священная *ampulla*, сошедшая когда-то съ неба на крыльяхъ голубя для французскихъ королей, была по приказанію Конвента, конечно, разбита но теперь оказалось, что отъ нея какая-то благочестивая рука сохранила черепки съ остатками священнаго мвра. Въ подлинности его не могло быть никакого сомнѣнія. Такъ заявлялъ правительственный органъ „*Moniteur*“ и при этомъ прибавлялъ: „Такъ на главу Карла X го прольется то священное мвро, которымъ помазаны были на царство всѣ французскіе короли со времени Клодовика“.

Въ маѣ, въ реймскомъ соборѣ происходило коронованіе. При этомъ были строго выполнены всѣ старыя церемоніи, изменена только форма присяги: старые короли клялись уничтожать еретиковъ, теперь же король присягалъ охранять конституцію. Изъ пыльныхъ историческихъ кладовыхъ былъ вытасненъ весь старый монархическій хламъ. Король не забылъ даже древняго обычая французскихъ помазанниковъ: была собрана кучка больныхъ золотухой и король возложилъ на нихъ руки со словами: „прикосновеніе короля принесетъ тебѣ исцѣленіе отъ Бога!“

Изъ всего этого видно, какъ сильно возросло вліяніе конгрегаціи, которая уже при Людовикѣ XVIII начинала играть значительную роль. Какой шумъ теперь подняли духовныя миссіи съ своими религіозными церемоніями, процессіями и воздвиженіемъ креста! Для вѣдшей популярности своихъ духовныхъ пѣсенъ, они изобрѣли своеобразное средство: пѣли ихъ на мотивъ марсельезы или стали приспосабливать для этого мотивы извѣст-

ныхъ оперныхъ арій. Во время ночныхъ покаянныхъ упражненій вѣрующихъ попы говорили рѣчи объ адѣ и страшномъ судѣ, а чтобы нагнать побольше страху на женщинъ и дѣтей— жгли фейерверки и пускали въ ходъ петарды. Духовенство хозяйничало, какъ хотѣло, безъ всякой помѣхи. Оно отказывалось вѣнчать смѣшанные браки, отказывалось крестить младенца, если имъ не нравились свидѣтели, необходимые при крещеніи, оно вело особые списки лицъ, не бывшихъ у исповѣди и причастія, и воспрещало имъ входить въ церковь. Бѣднымъ оказывалась помощь лишь въ томъ случаѣ, если они показывали записку объ исповѣди и т. д. Былъ введенъ особый церковный „юбилейный годъ“, когда по всей Франціи и особенно въ Парижѣ устраивались наиболѣе торжественныя процессіи. Цѣлыхъ шесть недѣль продолжались публичныя покаянныя торжества, на которыхъ добровольно присутствовалъ весь дворъ и невольно—значительная часть чиновниковъ, гражданскихъ и военныхъ. Всѣ освобожденныя должности занимались приверженцами поповской (клерикальной) партіи, которая считала благочестіе, хотя бы только показное, необходимымъ условіемъ для занятій общественныхъ должностей; даже въ арміи для повышенія по службѣ больше принимались во вниманіе благочестіе, или просто ханжество, чѣмъ воинская доблесть. Словомъ. вся офиціальная Франція оказалась насквозь пропитанной поповскимъ духомъ.

Злоупотребленія конгрегаціи были настолько вопіющи, что либеральная газеты отважились вступить съ ней въ борьбу, несмотря даже на ограниченную свободу печати. Газеты привлекались, конечно, къ суду, но юстиція, всегда бывшая на сторонѣ правительства, когда дѣло шло о чисто политическихъ интересахъ, на этотъ разъ измѣнила себѣ, и всѣ дѣла такого рода оканчивались оправданіемъ.

Въ 1827 году министерство, цѣликомъ попавшее въ цѣпкія руки конгрегаціи, внесло въ палаты проектъ новаго закона о печати, которымъ окончательно затыкался ротъ всѣмъ противникамъ духовенства. Законопроектъ выдвигалъ цѣлый арсеналъ полицейскихъ и уголовныхъ каръ противъ печати. За малѣйшій проступокъ противъ буквы закона издателямъ грозили крупныя денежныя штрафы, къ которымъ прибавлялись судебныя издержки. Много голосовъ поднялось тогда на защиту печатнаго дѣла, которому грозилъ полный крахъ. Въ нижней палатѣ законъ прошелъ, однако, двумя третями голосовъ и потерпѣлъ крушеніе только въ палатѣ пэровъ; проектъ вернулся обратно къ министру юстиціи Пейроннэ (Peignonet).

Въ апрѣлѣ 1827 года Карль X устроилъ смотръ двадцатитысячной національной гвардіи. Большая часть полковъ встрѣчала его шумными привѣтствіями, другіе же кричали возгласы въ честь конституціи. На обратномъ пути, когда гвардія шла мимо зданій министерства, многіе легіоны не сдержали своего негодованія противъ конгрегаціи: „долой министерство, къ чорту іезуитовъ“ раздавалось по улицамъ. Черезъ

день королевскимъ приказомъ національная гвардія была распушена. Этимъ актомъ королевское правительство уничтожило послѣднюю защиту противъ неизбѣжной, хотя и медленно надвигавшейся, революціи.

Сессія палатъ была закрыта 22 іюня 1827 года при чрезвычайно тревожномъ настроеніи умовъ. Два дня спустя, вышелъ королевскій указъ, которымъ безъ всякихъ объясненій снова вводилась цензура. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ея хозяйничанья отъ оппозиціонной печати осталось пустое мѣсто. Пятаго ноября появилось нѣсколько королевскихъ указовъ, которыми распукалась палата депутатовъ и назначались черезъ пять недѣль новые выборы; въ палату пэровъ назначалось 76 новыхъ членовъ изъ лицъ, угодныхъ духовенству. Но одновременно съ этимъ снова упразднилась цензура.

Этимъ внезапнымъ нападеніемъ министерство надѣялось разбить оппозиціонныя партіи. Однако, либералы и часть роялистовъ, выступавшихъ противъ конгрегации, рѣшили открыть совмѣстную избирательную борьбу противъ правительства, подъ общимъ именемъ „конституціонной оппозиціи“. Въ результатѣ выборовъ оппозиція получила значительное большинство голосовъ въ палатѣ. Громадныя толпы народа—главнымъ образомъ бурная молодежь изъ буржуазныхъ классовъ—запрудила улицы Парижа, который избралъ исключительно членовъ оппозиціи. Шумно выражалъ свою радость буржуазный Парижъ! Вечеромъ 18-го и 19-го ноября дѣло дошло даже до столкновеній съ войсками и попытокъ постройки баррикадъ. Однако о серьезныхъ сраженіяхъ не могло быть и рѣчи; жертвами этихъ бурныхъ дней оказались нѣсколько мирныхъ гражданъ, раздавленныхъ кавалеріей, пораненныхъ саблями или же подстрѣленныхъ въ домахъ.

Обманувшееся въ своихъ надеждахъ министерство Виллея въ декабрѣ подало въ отставку, и 5-го января „Moniteur“ извѣстилъ объ образованіи новаго министерства съ Мартиньякомъ (Martignac) министромъ внутреннихъ дѣлъ во главѣ. Уступками и поблажками рѣшилъ онъ усмирить оппозицію, но нажилъ враговъ; съ другой стороны, онъ отдалъ самую многочисленную во Франціи школы, основанныя и руководимыя іезуитами, подъ надзоръ государства, и этимъ возбудилъ противъ себя сильную ненависть духовенства и конгрегации. Уже въ августѣ 1829 года министерство Мартиньяка было отставлено, и во главѣ новаго министерства сталъ человекъ, который, какъ нельзя лучше, подходилъ къ благочестивому настроенію Карла X: это былъ графъ Полиньякъ (Polignac), свѣтскій глава конгрегации. Теперь монархія спустилась до крайнихъ предѣловъ самой тупоумной реакціи въ церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ и дальше итти было некуда!

По всей Франціи назначеніе министерства Полиньяка было понято, какъ открытое объявленіе войны противъ либерализма, противъ всѣхъ завоеваній великой революціи, и слѣдовательно, противъ той самой конституціи, которой король

присягаль. Выраженіемъ такого настроенія былъ тотъ восторженный пріемъ, который всюду нашель Лафайетъ, отправившійся съ цѣлю агитаціи внутрь страны: воодушевленіе, революціонныя рѣчи, тосты—безъ конца!

2-го марта 1830 года палаты были открыты тронной рѣчью, которая оканчивалась такъ: „Пэры Франціи, депутаты народа, я не сомнѣваюсь въ вашемъ содѣйствіи осуществленію моихъ добрыхъ намѣреній. Если же работу моего правительства будутъ задерживать какія-либо преступныя попытки, которыхъ я не могу, да и не хочу предвидѣть, то для борьбы съ ними я нашель бы достаточно силы какъ въ собственномъ твердомъ рѣшеніи сохранить порядокъ, такъ и въ законномъ довѣрїи и испытанной любви французовъ къ своему королю“. Принятый палатой, 221 голосомъ противъ 181, отвѣтъ на эту угрозу гласилъ: „Ваше Величество, для правильнаго теченія общественныхъ дѣлъ конституція ставитъ необходимымъ условіемъ постоянное соотвѣтствіе взглядовъ Вашего правительства желаніямъ народа. Наша искренность и преданность Вамъ заставляютъ насъ заявить, что такого соотвѣтствія не существуетъ“. Вслѣдъ за этимъ засѣданія палатъ были отложены до 3-го сентября, а 16-го мая палата депутатовъ была распущена. Въ концѣ іюня и началѣ іюля происходили новые выборы. Несмотря на личное вмѣшательство короля, несмотря на всѣ усилія министерства, полицейскихъ префектовъ и духовенства, выборы не только вернули въ палату 221 депутата-протестанта, но и дали значительный приростъ оппозиціи.

Тогда, 7 іюля совѣтъ министровъ рѣшилъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ распустить палату еще до начала засѣданій, особымъ указомъ короля измѣнить самый избирательный законъ, уничтожить свободу печати и только послѣ этого созвать новую палату, которая, конечно, должна была быть уже вполне послушной. Приготовленія къ этому перевороту, особенно вопросъ о новой избирательной системѣ, заняли около двухъ недѣль работы министерства; 26-го іюля „Moniteur“ опубликовалъ подписанные за день передъ тѣмъ королевскіе „ордонансы“ (указы); они то и были тѣмъ послѣднимъ толчкомъ, который превратилъ тлѣющія искры революціоннаго броженія въ громадный пожаръ; въ нѣсколько дней революція смела министерство Полиньяка, а вмѣстѣ съ нимъ и всю феодальную монархію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Юльская революція.

Классовыя противорѣчія и положеніе буржуазіи.—Политическій индифференцизмъ народа.—Биржевики и Талейранъ (Talleyrand).—Дѣйствіе ордонансовъ.—Нерѣшительность депутатовъ.—Казиміръ Перье (Casimir Périer).—Буржуазія подстрекаетъ народъ.—Маршалъ Мармонъ.—27 іюля литераторы и типографы начинаютъ революцію.—Попытка легальной оппозиціи.—Безполезныя собранія депутатовъ.— Столкновеніе между войсками и народомъ.— Развертывается трехцвѣтное знамя.— Политехническая школа готовится къ борьбѣ.— Организация возстанія въ ночь съ 27 на 28 іюля.—28 іюля: политехническая школа вооружается.— Диктатура маршала Мармона и депутація палаты у Мармона.— Депутація сообщаетъ о неудачѣ ея попытки посредничества.— Планъ дѣйствій маршала.— Движеніе войскъ черезъ бульвары къ Бастиліи.— Битва на Ст.-Антуанской улицѣ.— Войска осаждены въ улицѣ С.-Дени, ихъ освобожденіе швейцарскими наемниками.— Новое собраніе депутатовъ.— Въ полночь войска очищаютъ ратушу.— Слѣпая самонадѣянность Карла X.—29 іюля: прокламація маршала Мармона.— Псевдогенераль Дюбуръ. Битва на лѣвомъ берегу Сены.— Взятіе Лувра и Тюльери.— Измѣна двухъ линейныхъ полковъ.— Разумная предусмотрительность Талейрана.— Дюпенъ (Dupin) Старшій воодушевляется.— Въ Парижѣ власть сохраняютъ только мнимое значеніе.— Паника въ домѣ Лафита.— Лафайетъ въ ратушѣ.— Назначеніе муниципальной комиссіи.— Буржуазія пользуется побѣдой народа.— Орлеанистская прокламація и агитація въ народѣ.— Побѣдоносные орлеанисты организуютъ народное движеніе противъ республиканцевъ.— Нравоученіе для народа.

Съ смѣшаннымъ чувствомъ негодованія и страха шла парижская буржуазія навстрѣчу неизбежно надвигавшейся революціи. Слишкомъ много ставила она на карту, чтобы спокойно и мужественно отдать себя всѣмъ превратностямъ грядущихъ событій. Въ рукахъ буржуазіи находилась большая часть капиталовъ страны, и это открывало ей неизсякаемые источники кредита, съ другой, стороны давало ей возможность оказывать значительное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Всѣ требованія буржуазіи сводились къ нѣкоторому уменьшенію государственныхъ расходовъ и незначительному пониженію избирательнаго ценза; она хотѣла не столь уже строгого закона о печати, требовала распушенія наемныхъ швейцарскихъ полковъ и замѣны ихъ ея собственной защитницей—національной гвардіей. Она удовольствовалась бы этимъ немногимъ: требовать большаго было совѣмъ не въ ея интересахъ. Буржуазія желала добиться всего этого законнымъ путемъ и отнюдь не путемъ насилія.

Врагами ея были дворянство и духовенство. Она ненавидѣла дворянство, потому что оно нагло лѣзало, по старой привычкѣ, на первыя мѣста въ государствѣ, ненавидѣло духовенство, потому что оно столь же назойливо стремилось захватить въ свои руки свѣтскую власть и было союзникомъ въ этомъ дѣлѣ дворянства, ненавидѣло, наконецъ, короля—за то, что онъ стоялъ во главѣ первыхъ двухъ ея враговъ. Однако, буржуазія заботливо слѣдила за тѣмъ, чтобы не дать возмущенію вылиться въ рѣзкія формы, потому что она хорошо помнила революціонные годы 1789—1793: съ того самаго времени у ней остался непреоборимый страхъ передъ народными массами. Королевскіе ордонансы (указы) обрекали буржуазію на полное политическое безсиліе. И вотъ, въ нерѣшительности она стояла передъ двойнымъ вопросомъ: отдаться ли въ полное распоряженіе двора или сбросить цѣпи съ народа? Она медлила и колебалась въ своемъ окончательномъ рѣшеніи.

Республиканской партіи, собственно, тогда не было. Только немногіе изъ молодежи, побывавшей въ кругу карбонаріевъ, политически развились на столько, что ихъ уже не могъ удовлетворять расплывчатый либерализмъ. Они ненавидѣли монархію и стремились къ ея низверженію. Своей преданностью дѣлу свободы, своей смѣлостью и презрѣніемъ къ смерти эта небольшая по количеству группа могла въ рѣшительный моментъ увлечь за собой народныя массы. Но ей не хватало вождя: тщеславный „герой стараго и новаго свѣта“, Лафайэтъ былъ носителемъ только громкаго имени, потому что талантомъ революціоннаго творчества онъ никогда не обладалъ.

Наиболѣе вліятельной личностью среди буржуазіи былъ въ то время банкиръ Лафиттъ (Laffitte), столь же богатый, сколько и популярный. Онъ былъ также мало пригоденъ для роли революціоннаго народнаго трибуна, но никто не могъ лучше него подготовить дворцовую революцію. Его щедрость *) и обходительность, его тонкій умъ и искренній либерализмъ,— все это дало ему возможность играть роль короля великосвѣтскихъ салоновъ; и онъ добросовѣстно выполнялъ эту не мало стоящую роль. Во время реставраціи онъ хотя и не конспирировалъ въ пользу герцога Луи Филиппа Орлеанскаго, но неумоимо болталъ объ этомъ.

Таковы были настроенія, господствовавшія въ средѣ буржуазіи и у ея вождей. Совсѣмъ иначе чувствовалъ себя народъ. Парижское населеніе еще со временъ революціи получило рѣшительную ненависть къ іезуитамъ и вообще ко всему духовенству. Столь же глубока была ненависть народа и къ Бурбонамъ, которымъ онъ не могъ простить того, что свою корону они получили изъ рукъ враговъ Франціи. Правленіе Бурбоновъ въ глазахъ народа было продолженіемъ того позо-

*) Въ 1831 году, послѣ краха банкирскаго дома Лафиттовъ, Ротшильдъ узналъ, что для поддержки революціи Лафиттъ истратилъ цѣлыхъ девять милліоновъ франковъ. Самъ Лафиттъ происходилъ изъ низшихъ слоевъ народа: его отецъ былъ простымъ плотникомъ.

ра, который понесла Франція отъ иностранныхъ вторженій. Для себя самый народъ требовалъ очень мало, потому что полное отсутствіе классоваго сознанія мѣшало ему выставить свою соціальную программу, не позволяло ему поднять завѣсу будущаго. Такимъ образомъ буржуазія и народъ не были объединены ни общностью интересовъ, ни сходствомъ настроеній.

Неизбѣжность предстоящаго переворота, который подготавливало правительство Карла X, создала даже своеобразную спекуляцію среди крупной буржуазіи Парижа. Банкиры положительно осадили своими шпионами всѣ входы и выходы изъ дворца. Подкупали священниковъ, чтобы вывѣдать у нихъ тайну исповѣди. Подкупали лицъ, близко стоящихъ къ министрамъ. Финансовый дѣлецъ Уваръ (Ouvard), извѣстный тѣмъ, что во времена Имперіи и реставраціи самыми рискованными путями нѣсколько разъ наживалъ и проматывалъ громадныя богатства,—обязался даже роспиской уплатить 50 тысячъ франковъ тому, кто добудетъ ему проекты ордонансовъ короля. 50 тысячъ были уплачены, а счастливый спекулянтъ, заручившійся документами, сталъ играть на пониженіе государственныхъ бумагъ и положилъ въ карманъ миллионы. Не такъ счастливъ былъ Ротшильдъ, осведомленный менѣе, чѣмъ Лафиттъ, увѣренный, что до августа кризиса не наступитъ, онъ поплатился нѣсколькими миллионами убытка. Первымъ узналъ о готовящемся переворотѣ и опубликованіи ордонансовъ (указовъ) банкиръ Казиміръ Перье; онъ нѣсколько мѣсяцевъ уже находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ дворцомъ. На своей дачѣ въ Булонскомъ лѣсу получилъ онъ письмецо и, вскрывши его, въ отчаяніи опустилъ руки. Его свѣдѣнія были безошибочны: ордонансы (указы), уничтожающіе конституціи страны, были уже подписаны королемъ и всѣми министрами. Талейранъ, съ своимъ тонкимъ нюхомъ, также заранѣе проникъ въ тайну предстоящаго переворота. Еще наканунѣ онъ прибылъ въ Сень-Клу, чтобы передать Карлу X привѣтствіе англійскаго короля, но не былъ принятъ; предвидя событія, онъ посоветовалъ одному изъ своихъ друзей-биржевиковъ спекулировать на пониженіе курса бумагъ, но было уже поздно. На другой день, утромъ 26 іюля, въ „Moniteur“ появились ордонансы и къ полудню уже трехпроцентная государственная рента упала съ 78 до 72.

Въ этотъ день въ институтѣ наукъ и искусства знаменитый астрономъ Франсуа Араго говорилъ похвальную рѣчь въ память своего умершаго предшественника Френеля (Fresnel). Онъ вставлялъ въ свою рѣчь ѣдкія замѣчанія о событіи этого дня и находилъ на нихъ живѣйшіе отклики въ своей аудиторіи. Такимъ образомъ феодальная монархія уже имѣла противъ себя биржу и ученый міръ: представителей самыхъ низменныхъ и самыхъ благородныхъ силъ современнаго общества. Сюда нужно прибавить еще одну общественную силу, игравшую и тогда уже значительную роль,—повременную печать; ея представителямъ угрожала опасность потери не

только заработка и влияния, но и самой свободы. Въ редакціи газеты „National“ собралось 44 представителя періодической печати и подписали протестъ противъ ордонансовъ въ защиту конституціи и закона. Однако, мужество скоро покинуло ихъ, когда они увидѣли, что народъ не проявляетъ признаковъ возмущенія.

Народъ дѣйствительно спокойно продолжалъ работу въ своихъ мастерскихъ; вѣсть объ ордонансахъ или еще не дошла до него, или же смыслъ ихъ не былъ достаточно ясенъ ему; обычно праздные по понедѣльникамъ ремесленники, какъ и раньше, веселили свою душу танцами въ предмѣстьяхъ. Въ редакцію „National“, между тѣмъ, явились депутаціи отъ студентовъ и отъ бывшихъ членовъ давно уже исчезнувшаго союза карбонаріевъ; вопросъ былъ поставленъ о томъ, чтобы силѣ противопоставить силу и прежде всего созвать распушенную національную гвардію, но Тьеръ (Tiers), Минье (Mignet) и Арманъ Каррель (Armand Carrel) и другіе соредакторы „National“, заявили, что поведеніе народныхъ массъ совсѣмъ не таково, чтобы можно было рѣшиться на этотъ шагъ.

Въ то же время происходило засѣданіе у извѣстнаго въ то время адвоката Дюпэна-старшаго (Dupin), куда собралась масса журналистовъ, юристовъ и депутатовъ палаты. Здѣсь былъ поставленъ вопросъ, нельзя ли выпускать періодическія изданія безъ всякаго разрѣшенія правительства и насколько этотъ смѣлый шагъ можетъ расчитывать на защиту закона и судей. Дюпэнъ, обладавшій уже тогда талантомъ скрывать свою трусость подъ напускнымъ спокойствіемъ, не отказался отъ совѣщанія, но настаивалъ особенно на томъ, что онъ не согласенъ больше быть депутатомъ, разъ конституція предоставляетъ Коронѣ право распускать палату по своему усмотрѣнію; такимъ образомъ онъ впередъ уже снималъ съ себя всякую отвѣтственность за событія, которыхъ онъ предвидѣть еще не могъ.

Часть депутатовъ какъ Бераръ (Berard), Де-Лабордъ (de Laborde) и генераль Себастиани, собралась у своего коллеги Казимира Перье. Смущеніе и страхъ—таковы были чувства, овладѣвшія ими. Предложенный Бераромъ проектъ открытаго протеста противъ ордонансовъ большинству казался слишкомъ рискованнымъ. Стараясь скрыть свое малодушіе подъ разными пустячными соображеніями, они разошлись безъ всякаго опредѣленнаго рѣшенія и постановили вечеромъ созвать общее собраніе депутатовъ въ квартирѣ Де-Лабордъ.

Однако вечеромъ собралось всего только 14 депутатовъ, въ томъ числѣ Баву, Бераръ, Дону, Жакъ Лефевръ, Могэнъ, Перфиль и Вильмэнъ (Vavoux, Bérard, Daunou, Jacques Lefèvre, Mauguin, Perfil, Villemain). Кромѣ нихъ здѣсь были кое-кто изъ старыхъ карбонаріевъ, какъ Треильгаръ, Шонанъ и Мериу—въ качествѣ представителей своихъ единомышленниковъ (Treilhard, Schonen, Mérilhou). Бераръ снова внесъ свое предложеніе о протестѣ. Баву дополнилъ его замѣчаніемъ, что

„рѣчь идетъ здѣсь о новомъ *представительномъ учрежденіи*“, а Дону пошелъ еще дальше и заявилъ, что при этомъ будетъ совсѣмъ не лишнимъ обратиться съ воззваніемъ къ народу. Въ этотъ моментъ появился Казиміръ Перье и своимъ сообщеніемъ положилъ конецъ столь рѣшительному настроенію собранія: оказалось, что палата была распущена и теперь уже нѣтъ больше депутатовъ; между голой силой и общественнымъ мнѣніемъ не осталось больше никакого посредствующаго звена, предстояло только ожидать дальнѣйшаго хода событій, дать время вылиться наружу чувству общаго негодованія и сговориться между собой, или, лучше сказать, дать самой зарвавшейся монархіи возможность вернуться на надлежащей путь. Все это было сказано Казиміромъ Перье въ страстномъ и категорическомъ тонѣ. Напрасно Шонанъ и Лабордъ старались склонить собраніе къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ; оно опять разошлось, не принявъ никакой опредѣленной программы. Слѣдующее засѣданіе было назначено въ квартирѣ столь ревностнаго сторонника законности Казиміра Перье.

Что же за человѣкъ выступилъ такимъ образомъ въ этотъ моментъ посредникомъ между депутатами оппозиціи и трономъ? Луи Бланъ въ своей исторіи изображаетъ его такъ. Казиміръ Перье былъ мужчина высокаго роста и гармоничнаго сложенія. Нѣжныя, мягкія отъ природы черты его лица иногда внезапно измѣнялись и становились страшными. Чрезвычайная подвижность его огненнаго взгляда, рѣзкость тѣлодвиженій, его лихорадочное краснорѣчіе и частые взрывы вспыльчивости, граничившей иногда съ сумасшествіемъ,—все это, казалось, заставляло предполагать въ немъ человѣка, созданнаго для бурной арены общественной жизни. Но въ немъ было слишкомъ мало самолюбія и душевнаго благородства. Въ немъ не было той способности къ самопожертвованію, безъ которой искусство властвовать людьми становится лишь болѣе или менѣе блестящимъ шарлатанствомъ. Аристократію онъ ненавидѣлъ лишь за то, что былъ безсиленъ противъ нея, а возставшій народъ въ его больномъ воображеніи былъ не больше, какъ варварской ордой, способной лишь ради грабежа жертвовать своею кровью. Его страстью было золото и потому въ немъ все болѣе возростала боязнь предъ массой неимущаго народа. Въ его душѣ таилась робкая, но неизмѣнная и тираннически прихотливая любовь къ власти, потому что она именно обѣщала безнаказанность насилію. Велико было его высокомеріе, но проявленія этого чувства были замѣтны пока лишь въ мелочахъ. При этомъ, его заносчивость тѣмъ болѣе возростала, чѣмъ болѣе онъ пресмыкался въ дѣйствительности. Онъ постарался бы несомнѣнно задуть надвигающуюся революцію еще въ самомъ зародышѣ, если бы у него вмѣстѣ съ его коллегами были на то силы. Но не такимъ людямъ суждено было управлять теченіемъ событій въ это роковое время.

Многіе депутаты и журналисты, увлекшись въ первый

моментъ, теперь уже стали опасаться за свою смѣлость. Достаточно знакомые съ мстительностью Бурбоновъ и ихъ камарилы, они рѣшили вызвать духъ возмущенія въ широкихъ массахъ народа и отвести тѣмъ опасность отъ своихъ головъ. Такимъ образомъ были подняты постепенно и низшіе слои населенія. Нѣсколько камней, брошенныхъ вечеромъ этого дня въ стекла кареты Полиньяка, были лишь предвѣстниками дальнѣйшихъ болѣе смѣлыхъ дѣйствій. Вспышки недовольства постепенно превратили эти мелкія демонстраціи въ настоящее возстаніе; возстаніе же перешло затѣмъ въ революцію и притомъ чрезвычайно своеобразную революцію. Первоначальный толчокъ ей былъ данъ крупной буржуазіей, но она вскорѣ испугалась вызваннаго къ жизни движенія, и дальнѣйшее руководство имъ перешло въ руки мелкой буржуазіи, народа, который бросился въ водоворотъ, самъ не зная хорошо, за что, собственно, онъ борется.

Утромъ этого дня Карлъ X отправился въ Рамбулье, провель день на охотѣ, а затѣмъ, вернувшись въ Сень-Клу, сыгралъ здѣсь свою обычную партію виста. Отправляясь ко сну, онъ совсѣмъ забылъ о томъ, что нужно подписать указъ (ordre), которымъ маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, назначался главнокомандующимъ парижской арміей. Его назначеніе состоялось въ совѣтѣ министровъ еще наканунѣ. Благодаря же беззаботности короля оно было оформлено только 27 іюля и въ полдень этого дня сообщено маршалу. Между тѣмъ, войска не были собраны по казармамъ и, для объявленія имъ о своемъ назначеніи, ему пришлось ждать обычного сбора въ 4 часа пополудни. Это назначеніе еще болѣе подогрѣло возмущеніе народа. Именно въ измѣнѣ маршала Мармона народная молва видѣла причину паденія Наполеона въ 1814 г. Сдача Парижа и всѣ тѣ страшныя несчастія и униженія, которыя вынесла Франція за эти годы—все это было еще живо въ памяти народа и было связано съ однимъ именемъ, съ именемъ герцога Рагузскаго. Въ устахъ народа оно значило то же, что и слово измѣнникъ. Поэтому то назначеніе его главой военной обороны порядка было непоправимой ошибкой со стороны клерикально-феодальной монархіи: борьбу только буржуазныхъ слоевъ народа оно превратило въ борьбу широкихъ народныхъ массъ.

Утромъ 27 іюля появилось всего только восемь газетъ. Пять изъ нихъ оказались на сторонѣ ордонансовъ, — частью въ силу своего прежняго направленія, частью же изъ сѣраха и корыстныхъ цѣлей. Прочія три газеты—„Globe“, „National“, „Temps“ вышли вопреки полицейскому запрещенію и разошлись въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Всѣ остальные типографіи закрыли свои мастерскія и конторы и распустили служащихъ. Выброшенные на мостовую типографскіе рабочіе были первыми представителями народа, которые присоединились къ возгласу буржуазіи: „Vive la charte“ („Да здравствуетъ конституція!“); за собой увлекли они и другихъ рабочихъ, ко-

нужно сложить съ себя званіе депутатовъ, а Казиміръ Перье совѣтоваль прежде всего успокоиться послѣ нанесеннаго удара и отнюдь не спѣшить съ доказательствомъ своего мужества. Внесенное Бераромъ предложеніе протеста было въ третій разъ отклонено; рѣшили еще разъ обсудить его на слѣдующій день.

Редакторъ газеты „Globe“ Шарль-де-Ремюза (Charl de Remusa) также поднялъ крикъ о томъ, что онъ совсѣмъ не сторонникъ революціи, что рѣчь можетъ итти только о законномъ .противодѣйствіи насилію. Это же твердила и группированная около Тьера партія „National'я“, при чемъ Тьеръ требоваль прежде всего, чтобы „въ этомъ ожесточенномъ спорѣ ни въ коемъ случаѣ не упоминалось имени короля“.—Ни одинъ изъ этихъ буржуа не питаль искренняго довѣрія къ народу, а для многихъ изъ нихъ онъ былъ болѣе страшень, чѣмъ королевскій дворъ.

До семи часовъ вечера не было еще ни одного серьезнаго столкновения народа съ войсками. На улицахъ были уже воздвигнуты баррикады, было разграблено нѣсколько лавокъ, и улицы были запружены громадными толпами любопытныхъ. Но въ народѣ можно было еще часто слышать восклицанія: „да здравствуетъ армія“. И солдаты изъ боязни, или польщенные этими криками, не знали, куда имъ склониться; когда они старались оттѣснить толпу передъ собой; въ нихъ совсѣмъ не было замѣтно какого-либо озлобленія противъ нея, а толпа позади снова смыкалась. Только жандармы, которыхъ народъ ненавидѣлъ, были насильно изгнаны изъ своего сторожевого пункта на площади Биржи, а домъ ихъ сожженъ. Съ наступленіемъ темноты на улицахъ самъ собой установился порядокъ, такъ что маршалъ Мармонъ могъ вернуть солдатъ въ казармы.

Позднимъ вечеромъ того же дня случилось, между тѣмъ, важное событіе. Въ улицѣ Политехнической школы появился челоуѣкъ, который шелъ, размахивая трехцвѣтнымъ, бѣло-красно-голубымъ знаменемъ, котораго уже цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ не видѣлъ народъ. Ни крика, ни какого-либо особеннаго движенія не было въ толпѣ народа, который смотрѣлъ на это забытое знамя и старался воскресить въ своей памяти воспоминанія прошлаго; многіе старики обнажали головы, у многихъ появились даже слезы на глазахъ.

Въ самой Политехнической школѣ произошло слѣдующее. Воспитанникъ Шарра (Charras), выгнанный изъ школы за пѣніе марсельезы на одномъ банкетѣ, прислалъ товарищу въ школу нѣсколько номеровъ утреннихъ газетъ, съ указаніемъ на готовящееся возстаніе; многіе воспитанники утверждали, что возстаніе уже началось. Утромъ въ школѣ ясно были слышны ружейные залпы съ той стороны Сены. Это подняло молодежь на ноги, занятія были брошены и всѣ угрозы офицеровъ и генераль-инспектора Бине (Binet) остались безрезультатными; политехники собрались въ залъ для совѣщанія и вы-

работки плана дѣйствій. Они рѣшили послать четверыхъ изъ своей среды къ Лафиту, Казимиру Перье и Лафайету и заявить имъ, что политехническая школа въ случаѣ нужды готова вступить въ ряды возставшихъ. Депутаты прежде всего отправились къ своему товарищу Шарра, чтобы смѣнить тамъ форму на статскую одежду, такъ какъ въ формѣ они могли быть легко арестованы на улицахъ, а затѣмъ уже всѣ, въпятеромъ, явились къ Лафиту. Однако, тамъ имъ сказали, что господинъ Лафитъ спитъ. Утромъ онъ проснулся подъ гулъ революціи.

27-го іюля народъ ограничился только срываніемъ вѣвѣсокъ придворныхъ поставщиковъ, которыя бросалъ въ грязь. Это было лишь буйство. Но съ самага утра 28-го на всѣхъ баррикадахъ, выстроенныхъ за ночь, уже развивались трехцвѣтныя знамена. Такъ началась революція.

Въ эту ночь движеніе получило и вождей въ лицѣ прежнихъ наполеоновскихъ офицеровъ и бывшихъ карбонаріевъ, которые въ ночномъ засѣданіи въ виду полной пассивности депутатовъ, рѣшили объединить все движеніе подъ общимъ руководствомъ. Въ каждомъ изъ 12-ти городскихъ округовъ были учреждены революціонные комитеты, начавшіе свою дѣятельность въ ночь съ 27 на 28-е іюля. Они побудили народъ къ постройкѣ баррикадъ, позаботились добыть ружья, которыхъ до сихъ поръ почти совсѣмъ не было и усердно принялись за изготовленіе патроновъ.

Депутатамъ Политехнической школы не удалось добраться до Лафита и Казимира Перье. Только отъ Лафайета они получили характерный отвѣтъ: „посоветуйте своимъ товарищамъ вести себя спокойно“. Но политехники уже въ эту ночь силой проникли въ фехтовальныя залы и забрали рапиры; о каменные плиты коридоровъ отточили они ихъ лезвія. Потомъ, одѣтые большею частію въ парадную форму, бросились они на улицы, гдѣ народъ принялъ ихъ съ живѣйшимъ энтузіазмомъ, и увлекли за собой студентовъ-правовѣдовъ и медиковъ. Даже гимназисты находились въ рядахъ борющихся и вмѣстѣ съ пролетарской молодежью старались помогать баррикаднымъ борцамъ. Этими борцами были главнымъ образомъ энергичные и мускулистые жители предмѣстій. Съ самага ранняго утра изъ предмѣстій къ центру Парижа полились волны ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ для трудной работы устройства баррикадъ. Такъ, вся ненависть и все презрѣніе къ Бурбонамъ, накопившіяся за эти 15 лѣтъ, вылились теперь въ единомъ порывѣ борьбы.

Въ этой борьбѣ не принимала никакого участія только довольно значительная масса крупной и средней буржуазіи. Когда утромъ поднялось смятеніе и зазвучалъ тревожный набатъ съ Notre Dame (Соборъ Парижской Богоматери), часть распушенной національной гвардіи вытащила свои запыленные камзолы, но только затѣмъ лишь, чтобы охранять порядокъ около зданій мэрии и другихъ общественныхъ учреждений. Въ

самой борьбѣ принимали участіе только отдѣльные національные гвардейцы.

У Одри-де-Пюйраво собрались въ полдень 28-го либеральные депутаты, какъ было условлено раньше. Здѣсь были также Лафайетъ и Лафитъ. Депутатъ Моганъ уже не довольствовался больше простымъ протестомъ и, къ изумленію своихъ коллегъ, предложилъ образованіе временнаго правительства, но онъ остался одинъ съ своимъ предложеніемъ. Собравшіеся, однако, выказали на этотъ разъ больше бодрости, чѣмъ ранѣе и постановили заявить протестъ противъ ордонансовъ. Изъ трехъ проектовъ этого протеста былъ принятъ предложенный профессоромъ Гизо—сухая, изложенная суконнымъ, канцелярскимъ языкомъ бумага, въ которой прежде всего высказывалась вѣрность королю, обманутому своими министрами *). Когда же дѣло дошло до подписи протеста, то большинство этихъ буржуазныхъ героевъ не пожелало, чтобы ихъ имена стояли подъ этимъ опаснымъ актомъ. Дѣлу помогла только остроумная догадка: поставить въ концѣ фразу: „слѣдуютъ подписи“ и послать документъ въ редакціи газетъ для опубликованія. Такъ безъ подписей и былъ посланъ этотъ документъ въ газету „Temps“.

Шѣлья рѣки крови были уже пролиты на улицахъ Парижа, пока господа депутаты разрабатывали свой пустой протестъ. Но для такихъ героевъ, какъ Дюпэнъ старшій и генералъ Себастьяни, и такое поведеніе ихъ казалось довольно таки отважнымъ! Казиміръ Перье, носившійся все время съ той мыслью, какъ бы задержать уже развернувшуюся во всю ширь революцію, придумалъ еще одинъ практической ходъ. Онъ обратился къ Лафиту и сказалъ: „Нужно непременно вступить въ переговоры съ Мармономъ. Четыре милліона тутъ могли бы оказать надежную услугу“. Эта мысль была подхвачена собраніемъ; Лафитъ тотчасъ же изъявилъ готовность предпринять этотъ шагъ и, по его предложенію, тутъ же была избрана депутація къ Мармону изъ Казимира Перье, Могена и двухъ отставныхъ генераловъ—Лобо и Жерара (Lobau, Gérard).

Парижъ въ это утро былъ объявленъ въ осадномъ положеніи и, слѣдовательно, въ рукахъ Мармона сосредоточилась вся высшая правительственная власть. Былъ учрежденъ военный судъ для инсургентовъ и отданъ приказъ арестовать наиболѣе видныхъ представителей оппозиціи, въ которыхъ видѣли главныхъ руководителей возстанія, въ томъ числѣ—депутатовъ Лафита, Лафайета, Жерара, Могэна, Одри-де-Пюйраво и дру-

*) Меньшинство въ томъ числѣ Бераръ, Лафитъ, Лафайетъ и др., желало выбросить слова о вѣрности королю, но согласилось оставить ихъ, чтобы не производить раскола. Авторъ слѣдуетъ здѣсь въ существенныхъ чертахъ за изложеніемъ Луи Блана, которое не совсѣмъ свободно отъ партійной тенденціозности. Когда Луи Бланъ писалъ свою «Исторію десяти лѣтъ», онъ, несмотря на свой искренній республиканизмъ, не былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ бонапартистскихъ и даже легитимистскихъ симпатій, что очень часто сквозитъ въ его сочиненіи.

гихъ. Событія, однако, развивались столь быстро, что военному суду не пришлось даже открыть своихъ застѣданій, а приказъ объ арестѣ остался неисполненнымъ.

Еще прежде чѣмъ депутація къ маршалу Мармону могла исполнить свою миссію, къ нему по собственному почину явился Араго, личный другъ его, и заклиналъ маршала поспѣшить въ Сентъ-Клу и заявить королю, что онъ слагаетъ съ себя свое званіе, если не будутъ отмѣнены ордонансы и распущено министерство Полиньяка. Араго настаивалъ, а Мармонъ слабо защищался и наконецъ пробормоталъ: „Ну ладно... вечеромъ... тамъ посмотрю“... „Вечеромъ?“ воскликнулъ Араго, „о чемъ вы думаете! Вечеромъ все уже будетъ покончено! И каковъ бы ни былъ исходъ борьбы,—ваша судьба должна быть ужасна! Если васъ побѣдятъ — ваша погибель неизбѣжна, если же побѣдите вы, то вамъ никогда не простятъ всей этой пролитой крови“. Маршалъ, казалось, былъ потрясенъ. „Хотите ли знать все?“ съ силой продолжалъ Араго. „Когда я шель сюда, до моихъ ушей долетали гнѣвные слова: Народъ разстрѣливаютъ картечью, пусть! за это дорого заплатитъ Мармонъ“. При этихъ словахъ Мармонъ положилъ свою руку на рукоятку сабли.

Въ этотъ моментъ доложили о прибытіи пяти депутатовъ. Араго ушелъ, и депутаты были тотчасъ же приняты; передъ тѣмъ Мармонъ самъ же разорвалъ свой приказъ объ арестѣ Лафита, Могэна и Жерара. Первымъ говорилъ Лафитъ, заклиная маршала прекратить кровопролитіе. Онъ указалъ ему, что нарушеніе конституціи должно принести непоправимый вредъ не только народу, но и трону. Маршалъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ права судить о томъ, противны ли конституціи ордонансы, или нѣтъ, но что во всякомъ случаѣ парижскій народъ долженъ прежде положить оружіе, прежде чѣмъ можетъ пойти рѣчь объ ихъ отмѣнѣ. Въ концѣ концовъ онъ предложилъ написать королю. Лафитъ спросилъ, можетъ ли эта попытка разсчитывать на какой-нибудь успѣхъ. На это Мармонъ печально покачалъ головой. „Въ такомъ случаѣ, заявилъ Лафитъ, я съ головой брошусь въ водоворотъ движенія“. Мармонъ спросилъ еще у депутатовъ, не желаютъ ли они, прежде чѣмъ покинуть Тюльери, поговорить съ княземъ Полиньякомъ. Послѣ утвердительнаго отвѣта Лафита, онъ вышелъ, но вскорѣ вернулся назадъ. Полиньякъ отказался принять депутацію, потому что не видѣлъ никакой пользы въ переговорахъ.

Въ четыре часа пополудни депутаты собрались у Берара. На всѣхъ лицахъ былъ написанъ страхъ. Лафитъ сообщилъ о неудачѣ переговоровъ. Ужасъ и отчаяніе овладѣло собраніемъ, а съ улицы доносился смѣшанный гулъ революціи: шумный энтузіазмъ баррикадныхъ борцовъ, отдаленный набатъ колоколовъ, ружейные залпы и глухой бой барабана...

На этомъ пятomъ собраніи депутатовъ присутствовалъ и издатель газеты „Temps“, Костъ (Coste), который хотя и рас-

порядился напечатать присланный ему протестъ, но отказался его выпустить въ свѣтъ безъ подписей депутатовъ. Нужно было рѣшить. Объятые страхомъ генералы Себастиани и Жераръ удалились, а за ними послѣдовали и другіе, такъ что въ залѣ осталось всего нѣсколько человѣкъ. И вотъ, чтобы избѣжать опасности, было измышлено новое средство, именно: подписать подъ протестомъ имена всѣхъ либеральныхъ депутатовъ, даже и не бывшихъ въ это время въ Парижѣ. „Прекрасно“, замѣтилъ, смѣясь, Лафитъ, „если мы будемъ побѣждены, то протеста въ сущности никто не подписывалъ, а если мы побѣдимъ, тогда въ подписяхъ недостатка не будетъ“. Было вычеркнуто только имя Дюпэна, который слишкомъ боялся протеста своихъ коллегъ въ случаѣ неудачи дѣла революціи.

Военныя распоряженія Мармона въ этотъ первый день серьезной борьбы были таковы. Большую часть войскъ съ ранняго утра онъ сосредоточилъ вокругъ Тюльери, Пале-Рояля и Лувра, на площадяхъ Карусели, Вандомской и Согласія, а также въ прилегающихъ улицахъ. Войска были разбиты на двѣ дивизіи, которымъ около полудня былъ отданъ приказъ двинуться въ бой, разрушить по пути всѣ баррикады и занять важнѣйшіе въ военномъ отношеніи пункты. Первая дивизія должна была итти вдоль Сены къ Гревской площади и городской ратушѣ, вторая—по линіямъ бульваровъ, занять площадь Бастиліи и черезъ улицу Сень-Антуанъ проникнуть также къ городской ратушѣ. Удайся этотъ планъ, и королевскими войсками были бы окружены тѣ части города, въ которыхъ возстаніе разразилось наиболѣе сильно. Важно было, чтобы эти двѣ линіи войскъ имѣли связь между собой еще до соединенія въ конечномъ пунктѣ, поэтому двумъ гвардейскимъ батальонамъ было приказано занять улицу Сень-Дени, одному батальону составить цѣпь на сѣверъ — до бульваровъ, и другому — на югъ—до рѣки Сены.

Ошибочность этого плана была очевидна. Войска съ успѣхомъ могли пройти той кровавой дорогой, которую указывалъ имъ этотъ планъ, но ихъ было слишкомъ мало, чтобы удержать за собой охваченное ими значительное пространство. Расположившись по улицамъ Сень-Дени и Сень-Антуанъ, пересѣченнымъ безконечнымъ количествомъ переулковъ, они со всѣхъ сторонъ встрѣчали смерть, сами же не могли отвѣчать на выстрѣлы. Нужно прибавить сюда еще и то, что о продовольствіи солдатъ совершенно не позаботились, такъ что даже въ случаѣ удачи ихъ обезоружилъ бы прежде всего голодъ. Предписанный планъ кампаніи былъ выполненъ только отчасти, и страшныя потери въ рядахъ войскъ принудили большую часть генераловъ отступить къ главной квартирѣ, что во многихъ случаяхъ было возможно сдѣлать только далекими обходными путями. Вечеромъ 28-го іюля городская ратуша была единственнымъ пунктомъ внутри города, который былъ занятъ войсками.

Живое представленіе о ходѣ борьбы этого дня даетъ

судьба находившейся подъ командой Де-Сень-Шамана (de St. Schamans) колонны, задачей которой было проникнуть через бульвары на площадь Бастилии. Долго шла она, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія; только у воротъ Сень-Дени и Сень-Мартенъ (Porte St.-Denis et Porte St.-Martin) она встрѣтила страшный отпоръ. Здѣсь геройски сражалась кучка одѣтыхъ въ лохмотья пролетаріевъ, во главѣ съ нѣсколькими молодыми людьми изъ высшихъ слоевъ общества. Черезъ нѣкоторое время отрядъ могъ двинуться впередъ, но сзади него уже снова кипѣла работа; деревья бульваровъ валились подъ ударами топора, и выросшія съ изумительной быстротой баррикады лишили солдатъ всякой надежды на отступленіе. На площади Бастилии С.-Шаманъ наткнулся на большую толпу народа, состоявшую частью изъ женщинъ и дѣтей. „Работы! хлѣба!“—кричали эти безоружные люди. Странная вещь! Въ то время, какъ всюду въ другихъ мѣстахъ слышенъ былъ только бранный кличъ борющагося пролетаріата, кличъ, мало понятный самимъ борцамъ,—здѣсь раздавался свой собственный боевой кличъ, но безъ всякой борьбы. С.-Шаманъ подошелъ съ своимъ отрядомъ къ толпѣ и роздалъ голоднымъ всѣ бывшія съ нимъ деньги, солдаты же тѣмъ временемъ строились въ боевой порядокъ. Имъ предстояло черезъ улицу Сень-Антуанъ пробиться къ городской ратушѣ. Однако, едва отрядъ двинулся, какъ со всѣхъ угловъ и закоулковъ сходящихся здѣсь многочисленныхъ улицъ былъ открытъ столь жестокой огонь, что Шаманъ рѣшилъ вернуться на лѣвый берегъ Сены къ Тюльери. На площади Бастилии онъ оставилъ только небольшой отрядъ кирасиръ, который и двинулся, вмѣстѣ съ пятидесятымъ линейнымъ полкомъ, черезъ улицу Сень-Антуанъ. Это было длинный, кровавый путь. Множество баррикадъ преграждало его. Въ солдатъ непрестанно падали невидимые стрѣлки, изъ оконъ бросали въ нихъ осколками бутылокъ, кирпичей и всевозможными предметами; слабыя женщины втаскивали въ верхніе этажи тяжелыя плиты мостовой, чтобы сбросить ихъ оттуда на головы солдатъ. Число вооруженныхъ борцовъ, сражавшихся на баррикадахъ, было въ общемъ не велико, но за то было громадно количество помогавшихъ революціонерамъ въ этой тяжелой борьбѣ. Для борцовъ были открыты двери всѣхъ домовъ, чтобы скрыть ихъ въ минуту крайней опасности; раненые встрѣчали всюду самый теплый пріемъ и заботливый уходъ; женщины были заняты приготовленіемъ корпіи. Чтобы добраться до городской ратуши, солдаты должны были уже у церкви Сень-Жерве свернуть съ улицы Антуанъ и итти по правому берегу Сены. Подъ прикрытіемъ уланъ, которые своей атакой отвлекли баррикадныхъ борцовъ на ту сторону, имъ удалось достигъ Гревской площади, занятой уже королевской гвардіей.

Полная неудача постигла отрядъ, который подъ командой генерала Кенсонна (Quinsonnas) долженъ былъ очистить отъ баррикадъ улицу Сень-Дени. Хотя и удалось ему пробиться до Marchés

Лафайета, при выходѣ, народъ встрѣтилъ привѣтствіями, и одинъ изъ гражданъ спросилъ его, не хочетъ-ли онъ встать во главѣ національной гвардіи. „Что вы!“ отвѣтилъ за Лафайета одинъ изъ его спутниковъ, „развѣ вы хотите, чтобы генерала разстрѣляли? А въ это время въ другомъ мѣстѣ Парижа происходила такая характерная сцена. Два гражданина, Игоне и Дегузе (Higonnet et Degousée) шли площадью Petits-Fères; къ нимъ подошелъ какой-то незнакомецъ и сказалъ: „завтра борьба начнется снова; я—военный, не хотите ли вы имѣть генерала?“—„Генерала?“ отвѣтилъ Дегузе, „во время революціи каждый портной годенъ въ генералы“, а Игоне прибавилъ: „Вы хотите быть генераломъ? Отлично, надѣньте мундиръ и идите туда, гдѣ идетъ бой“. Незнакомцу этотъ совѣтъ показался хорошимъ, онъ послѣдовалъ ему и на другой день, какъ увидимъ ниже, онъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ былъ повелителемъ Парижа. Его имя было Дюбуръ (Dubourg).

Войска между тѣмъ всюду отступали къ Тюльери. Отрядъ, занимавшій ратушу, остался всего съ сорока патронами и рѣшилъ покинуть этотъ пунктъ; въ полночь онъ ушелъ, захвативши своихъ убитыхъ и раненныхъ товарищей; полные безпокойства шли солдаты, прислушиваясь къ каждому шороху и ожидая за каждой баррикадой встрѣтить враговъ. Однако, они никого не встрѣтили, только на трупы павшихъ борцовъ спотыкались они въ темнотѣ.

Видя побѣду возстанія, Мармонъ понялъ всю трудность своего положенія и пытался въ этотъ день еще разъ побудить короля къ уступкамъ: „Вашему величеству, писалъ королю онъ, нельзя терять ни минуты для принятія мѣръ къ восстановленію мира. Теперь еще можно спасти честь короны, завтра же будетъ, можетъ быть, уже поздно“. Однако, въ Сень-Клу плохо внимали этимъ настоятельнымъ просьбамъ. Князю Полиньяку во снѣ являлась Матерь Божія и уговаривала его не уступать, а потому Карлъ X спокойно продолжалъ играть въ карты, когда даже его лакеи въ передней уже сомнѣвались, чтобы можно было подавить возстаніе.

Къ утру 29 іюля королевскія войска были вытѣснены изъ всѣхъ болѣе густо населенныхъ частей города, и доступъ туда былъ теперь совершенно прегражденъ безчисленными баррикадами, воздвигнутыми за ночь. Съ трехъ сторонъ былъ окруженъ теперь Мармонъ тѣснымъ кольцомъ побѣдоноснаго возстанія. Его войска держались еще только на пространствѣ между Лувромъ и Елисейскими полями и отсюда, черезъ Булонскій лѣсъ, поддерживали связь съ Сень-Клу. Въ такихъ-то стѣсненныхъ обстоятельствахъ Мармонъ самъ принужденъ былъ просить о мирѣ, въ которомъ онъ наканунѣ въ полдень отказалъ депутатамъ. На уступки со стороны короля, очевидно, было нечего рассчитывать. 29-го іюля утромъ появилась слѣдующая прокламація Мармона къ парижанамъ:

„Слишкомъ много слезъ и крови было пролито вчера. Изъ чувства человѣчности я готовъ прекратить военныя дѣй-

Взятіє Лувра 29 Іюля 1830 г.

ствія въ надеждѣ, что добрые граждане вернутся въ свои дома и къ своимъ мирнымъ занятіямъ. Я заклинаю ихъ о томъ“.

Отпечатать эту прокламацію не удалось, потому что въ районѣ, занятомъ войсками, не было ни единой типографіи, — ее распространяли въ рукописномъ видѣ, но, какъ и слѣдовало ожидать, она не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія на возставшій народъ. Какъ и раньше, рабочіе цѣлыми толпами шли изъ своихъ предмѣстій и готовились къ продолженію борьбы.

Рѣдкостная сцена разыгралась въ это время въ центрѣ Парижа. Между десятью и одиннадцатью часами черезъ *Marchés des Innocents* шель человекъ въ генеральской формѣ въ сопровожденіи громадной вооруженной толпы. Этого человека одѣлъ въ генеральскую форму, купленную у старьевщика, Эваристъ Дюмулень, редакторъ „*Constitutionnel*’я“, подчинившійся ордонансамъ, а эполеты, взятые изъ кладовой комической оперы, далъ одинъ артистъ. „Что это за генераль?“ слышались отовсюду вопросы. „Генераль Дюбуръ“, „да здравствуетъ генераль Дюбуръ!“ кричалъ теперь народъ, никогда не слышавшій этого имени раньше. Такъ велика была потребность въ чьемъ-либо руководствѣ борьбой.

Процессія подошла къ городской ратушѣ, гдѣ генераль и принялъ на себя роль главнокомандующаго. Первымъ его распоряженіемъ было—снять развивавшееся надъ зданіемъ трехцвѣтное знамя и водрузить черное знамя. „Пусть этотъ черный цвѣтъ останется передъ взорами Франціи, пока она снова не завоюетъ своей свободы“, — сказалъ Дюбуръ.

Такъ въ Парижѣ оказалось два военныхъ правительства: за которымъ же изъ нихъ останется власть? Всякая надежда на умиротвореніе была бесполезна, потому что борьба уже снова кипѣла во многихъ пунктахъ, и первыми вступили въ нее студенты политехнической школы. Еще съ утра по пригороду Сень Жакъ (*St. Jacques*) раздался призывъ: „политехники, выходите!“ Они послѣдовали призыву и, во главѣ значительной толпы народа, осадили жандармскія казармы на улицѣ Турнонь (*Tournon*) и запаслись тамъ оружіемъ. „Кто хочетъ идти со мной?“ — обращался каждый изъ нихъ къ толпѣ, и вотъ, въ разные концы города подъ бой барабана двинулись отряды рабочихъ — человекъ въ двадцать, тридцать или сорокъ. Одинъ изъ отрядовъ вытѣснилъ швейцарцевъ съ площади св. Омы Аквинскаго, другой овладѣлъ пороховыми складами близъ Ботаническаго сада, третій, состоявшій изъ 250 человекъ, направился къ цейхгаузамъ королевской гвардіи, на *Place de l'Estrapade*; этой горсти людей, во главѣ съ юнымъ вождемъ, удалось безъ боя, лишь переговорами, проникнуть въ цейхгаузъ и взять все оружіе себѣ. Но наиболѣе блестящимъ боевымъ дѣломъ на лѣвомъ берегу Сены была осада занятой 150-ю наемными швейцарцами казармы на улицѣ Вавилона (*Rue de Babylone*). Народными массами здѣсь командовали — извѣстный уже намъ студентъ политехникума Шарра (*Charras*), отличившійся еще наканунѣ своимъ геройствомъ, и другой предводи-

тель, по имени Бенаръ (Besnard). Осада продолжалась три четверти часа и швейцарцы частью бѣжали, частью были перебиты. Въ руки народа попала масса оружія и боевыхъ припасовъ. Хорошо вооруженный народъ строился теперь въ правильныя колонны, чтобы итти къ Тюльери.

Но тамъ уже было все кончено, и королевскій дворецъ находился во власти народа. Это случилось такъ.

Убѣдившись въ полной бесплодности своей прокламаціи, Мармонъ въ отчаяніи рѣшился на послѣднее средство—отправиться на площадь Карусели (Place des Carrouels) и слѣлать всѣ нужныя приготовленія къ рѣшительной битвѣ. Но тамъ ему сообщили, что войска, стоящія на Вандомской площади (Place de Vendôme), братаются съ народомъ, ихъ вѣрность колеблется, и можно опасаться перехода ихъ на сторону возставшихъ. Маршалъ тотчасъ же рѣшилъ отдѣлить ихъ отъ народа; онъ послалъ ихъ къ Тюльери, а на ихъ мѣсто—отрядъ швейцарскихъ наемниковъ, у которыхъ не было среди народа ни братьевъ, ни отцовъ. Ихъ полковнику Сали (Salis) приказалъ онъ отъ Лувра, гдѣ швейцарцы стояли, отослать на Вандомскую площадь одинъ батальонъ, а съ другимъ—защищать Лувръ.

Между тѣмъ, оба полка на Вандомской площади дѣйствительно рѣшили перейти на сторону народа и были готовы встать подъ команду генерала Жерара (Gérard), но подъ двумя условіями: во-первыхъ, что ихъ не заставятъ сражаться съ своими товарищами-солдатами, и, во-вторыхъ. — имъ оставятъ ихъ оружіе. За принятіе обоихъ этихъ условій солдатамъ ручался одинъ офицеръ національной гвардіи, и полки двинулись къ дому депутата Лафита, гдѣ долженъ былъ находиться генералъ Жераръ.

Когда объ этой измѣнѣ полковъ услышалъ Талейранъ, остававшійся все время безучастнымъ свидѣтелемъ движенія, онъ вынулъ часы и сказалъ лицу, принесшему это извѣстіе: „Замѣйте себѣ, что 29-го іюля 1830 года, въ 12 часовъ 5 минутъ пополудни пало господство старшей линіи Бурбоновъ надъ Франціей“. Въ тотъ же самый моментъ онъ рѣшилъ воздать хвалу новому восходящему свѣтилу: онъ отправилъ въ Нельи (Neuilly) своего секретаря—сказать герцогу Луи Филиппу Орлеанскому, чтобы онъ принялъ спокойно титулъ „на-мѣстника“, который предложатъ ему на этихъ дняхъ,—дальнѣйшее-де устроится самой собой.

Получивши въ Луврѣ распоряженіе Мармона, полковникъ Сали поставилъ часть своихъ швейцарцевъ во дворѣ, а часть—въ самомъ зданіи, у внѣшней колоннады; только эта послѣдняя часть могла принимать участіе въ перестрѣлкѣ съ народомъ; ее-то онъ и рѣшилъ послать маршалу, а на ея мѣсто ввести батальонъ со двора. Но, вмѣсто того, чтобы раньше слѣлать это перемѣшеніе и потомъ уже отослать сражавшійся батальонъ — онъ слѣлалъ обратное. Народъ увидѣлъ вдругъ, что огонь швейцарцевъ прекратился, и въ зданіи не осталось ни одного врага. Одинъ отважный юноша взбирается вверхъ

по водосточной трубѣ и водружаетъ надъ Лувромъ трехцвѣтное знамя. Черезъ открытыя ворота многіе идутъ внутрь Лувра, проникаютъ въ залы и изъ оконъ, выходящихъ во дворъ, открываютъ огонь по швейцарцамъ. Обычно столь неустрашимые наемники-солдаты страшно растерялись и перетрусили. Въ ихъ испуганномъ воображеніи вдругъ воскресли страшныя, кровавыя картины 10-го августа 1792 года: опрокидывая другъ друга, бросились они безъ оглядки черезъ площадь Карусели въ Тюльери. Замки были сбиты, двери растворились подъ ударами топора, и волна народа затопила Лувръ со всѣхъ сторонъ; другіе же занялись преслѣдованіемъ убѣгающихъ швейцарцевъ; на выстрѣлъ отвѣчали выстрѣломъ, и, одушевленный новымъ успѣхомъ, народъ мужественно отражалъ всѣ атаки солдатъ. Швейцарцы добрались, наконецъ, до павильона часовъ (Pavillon de l'Horloge) и затѣмъ въ безпорядкѣ разсыпались по тюльерійскому саду. Растерянность и паника перешла и на тѣ войска, которыя здѣсь стояли, а отъ нихъ и на полки, бывшіе на площади Людовика XV-го. Замѣшательство было такъ велико, что Мармона уже охватило сомнѣніе, можно ли восстановить какой-нибудь порядокъ; все свое вниманіе онъ сосредоточилъ на томъ, чтобы помѣшкать окончательному распаденію войска и придать видъ отступленія этому безпорядочному бѣгству.

Въ часъ дня трехцвѣтное знамя развѣвалось на главномъ балконѣ тюльерійскаго дворца, а на королевскомъ тронѣ Бурбоновъ былъ посаженъ трупъ павшаго въ борьбѣ юнаго борца—въ знакъ того, что мѣсто низверженной монархіи съ этого времени долженъ занять самъ народъ.

Съ взятіемъ Лувра и Тюльери борьба была покончена. Но какъ дорого досталась эта побѣда! Народу она стоила 5300 убитыми и ранеными. Нужно было еще распространить эту побѣду на весь округъ города Парижа, но для этого народъ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, такъ какъ подъ знаменами абсолютной монархіи еще стояло отъ 10 до 12 тысячъ солдатъ. Уличная борьба велась съ той и другой стороны все-таки довольно сдержанно, безъ излишней жестокости, что свидѣтельствуетъ о томъ, что даже при гражданской войнѣ чувство національнаго единства жило въ сердцахъ сражавшихся. Здѣсь не было пролитія крови только изъ чувства мести или злобы; съ плѣнными и тяжело ранеными обращались съ той и другой стороны не только мягко и чело-вѣчно, но съ любовью и даже самоотверженностью. Не было также ни грабежей, ни намѣреннаго безцѣльнаго разрушенія. Дворцы, Французскій банкъ съ его значительной денежной кассой, художественныя произведенія Лувра—все это осталось нетронутымъ.

Теперь, послѣ одержанной народомъ побѣды, вылетѣли изъ своихъ укромныхъ угловъ и тѣ политическія ночныя птицы, которыя прятались отъ яркаго зарева борьбы, пока исходъ ея былъ еще сомнительнымъ. Одни, изъ числа миролюбивыхъ буржуа,

шли теперь къ вооруженному народу для того, чтобы требовать отъ него сложить оружіе, другіе же, напротивъ, для того, чтобы просить его не покидать поля битвы до тѣхъ поръ, пока побѣда не будетъ закрѣплена окончательно.

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ держалъ, напримѣръ, свою рѣчь къ народу Шарль Дюпанъ старшій. Казалось, что своимъ теперешнимъ энтузіазмомъ этотъ господинъ хотѣлъ еще больше подчеркнуть всю лживость своего прежняго поведенія, а шумной крикливостью по случаю побѣды народа—заслужить себѣ прощеніе за то, что раньше онъ не вѣрилъ въ возможность этой побѣды. Даже Казиміръ Перье, узнавши что король выразилъ желаніе поговорить съ нимъ въ Сенъ-Клу, отвѣтилъ теперь гордымъ отказомъ на это приглашеніе. Онъ понялъ теперь очень хорошо, на чью сторону повернулось счастье, а его душа всегда лежала къ тому, кто былъ господиномъ положенія.

Вплоть до полудня 29-го іюля возстаніе шло безъ всякаго высшаго руководства, безъ всякаго признаннаго авторитета. Только Дюбуръ, надѣвши генеральскій мундиръ и шляпу съ перомъ, принялъ на себя роль коменданта городской ратуши и выполнялъ до нѣкоторой степени его обязанности. Затѣмъ, группа другихъ незнакомцевъ, также безъ всякихъ стороннихъ полномочій, приняла на себя званіе временнаго правительства, подписывала приказы, распредѣляла должности и раздавала чины. Рядомъ съ молодыми людьми, полными самоотверженнаго мужества и безкорыстной преданности дѣлу, здѣсь всплыли и разные честолюбивые авантюристы, смѣлость которыхъ обуславливалась или ихъ невѣжествомъ или же крайнимъ тщеславіемъ. Ихъ хозяйничанье было, однако, очень непродолжительнымъ, и къ тому же сопровождалось цѣлымъ рядомъ чрезвычайно курьезныхъ сценъ. Засѣдая въ залѣ Сенъ-Жанъ, они мирно подѣлили между собой все управленіе Франціей. Каждую минуту приходили сюда разные просители и склонялись передъ всемогуществомъ этихъ новыхъ владыкъ. Такъ на протяженіи всего нѣсколькихъ дней и часовъ эта замѣчательная революція обнаружила самыя разнообразныя качества человѣческой души: геройство и мелочность, мужественную пылкость и дѣтское тщеславіе, величіе и низость,—словомъ, всего человѣка.

Всего менѣе участвовали въ ходѣ событій до этого момента признанные вожди буржуазіи—либеральные депутаты. Въ описываемый день у Лафита они должны были собраться въ седьмой разъ, но набралось ихъ всего не больше полдюжины. Чѣмъ ближе подходилъ моментъ для какого-либо определеннаго рѣшенія, тѣмъ неувѣреннѣе становилось настроеніе этихъ парламентскихъ героевъ, тѣмъ больше старались они увильнуть отъ яснаго отвѣта на вопросъ: примкнуть или нѣтъ къ тому дѣлу, которое еще могло черезъ нѣсколько часовъ потерпѣть неудачу? Однако, къ концу засѣданія число депутатовъ, участниковъ собранія, выросло до 25. Самъ Лафитъ, раненый въ ногу, лежалъ въ креслѣ. Собраніе обсуждало раз-

личные предложенія о томъ, какъ быть и что дѣлать, но вдругъ пришло извѣстіе объ отказѣ двухъ линейныхъ полковъ повиноваться власти Мармона и о рѣшеніи ихъ перейти подъ команду генерала Жерара. Электрическая искра пробѣжала по собравшимся! Теперь кончилась ихъ нерѣшительность. Тотчасъ же выступилъ Лафайетъ съ заявленіемъ, что ему со всѣхъ сторонъ предлагаютъ встать во главѣ національной гвардіи и что онъ считаетъ своей обязанностью пойти навстрѣчу этому призыву; это заявленіе было встрѣчено полнымъ одобреніемъ. Голосъ народа, призвавшаго генерала Жерара на его новый постъ, нужно было уравновѣсить своимъ голосомъ и потому депутаты выбрали изъ своей среды того же генерала Жерара, поручивъ ему командованіе войсками и общее руководство активными дѣйствіями.

Оба генерала тутъ же удалились, чтобы вступить въ свои должности, но едва они ушли, какъ въ засѣданіе прибыли офицеры отпавшихъ отъ короля полковъ, чтобы предоставить ихъ въ распоряженіе депутатовъ. Настроеніе собранія было поднято сообщеніемъ офицеровъ до крайнихъ предѣловъ, но въ этотъ самый моментъ подъ окнами поднялась усиленная ружейная пальба. Испуганные, всѣ бросились къ окнамъ, а тамъ вся улица была запружена солдатами. Нельзя описать той сумятицы, которая поднялась по всѣмъ комнатамъ дома Лафита! „Измѣна! Насъ хотятъ арестовать! Спасайся, кто можетъ!“ — неслись отчаянные крики со всѣхъ сторонъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что королевская гвардія побѣдила и врагъ уже близокъ—всѣ бѣгутъ безъ оглядки! Въ передней поднялась настоящая давка: нѣсколько депутатовъ выпрыгнули черезъ окна перваго этажа въ садъ, двое забились куда-то въ конюшню, гдѣ ихъ потомъ и розыскали. Въ одинъ мигъ Лафита покинули всѣ. Остался только его племянникъ, а съ женой его сдѣлалось дурно. Онъ же самъ воспользовался этимъ моментомъ, чтобы перевязать себѣ ногу. Но что же въ дѣйствительности произошло? Къ дому Лафита подошли тѣ самые перешедшіе на сторону народа два полка, чтобы здѣсь получить своего новаго командира, а чтобы вызвать къ себѣ народъ и показать свою преданность, солдаты дали нѣсколько залповъ въ воздухъ.

Тѣмъ временемъ Лафайетъ направился въ городскую ратушу, этотъ Тюльери народа. На всемъ пути густая толпа народа окружала своего любимца и даже несла его на рукахъ, когда нужно было пройти черезъ баррикады. Онъ шелъ, опираясь съ двухъ сторонъ на депутатовъ Карбонеля (Carbonel) и Одри и, при видѣ этихъ овацій, въ его памяти воскресали далекія воспоминанія его молодости.

Въ тотъ самый моментъ, когда Лафайетъ вступилъ на главную лѣстницу ратуши, воздухъ огласился радостнымъ крикомъ народа, толпившагося на Гревской площади; стрѣляли въ воздухъ изъ ружей. Самозванный генералъ Дюбуръ вышелъ навстрѣчу старому генералу и почтительно склонился предъ нимъ. Часъ спустя въ рукахъ Лафайета были всѣ судьбы Франціи.

Лафайетъ по пути къ городской ратушѣ.

Оправившись немного отъ своего смертельнаго испуга, депутаты постепенно стали снова собираться въ домѣ Лафита и открыли совѣщаніе. Прежде всего они рѣшили на ряду съ новыми военачальниками учредить и гражданскую власть. Они долго колебались между двумя предложеніями: организаціей временнаго правительства, какъ предлагалъ Могаънь. или же назначеніемъ только муниципальной (городской) комиссіи для одного Парижа, какъ думалъ Гизо. Взяло верхъ это послѣднее предложеніе, потому что оно не требовало особеннаго мужества и, въ сущности, ничего не рѣшало. Выборъ палъ на Казиміра Перье, генерала Лобо (Lobau), Шонана и Одри-де-Пюйраво, которые уже сами дополнили свою комиссію Могаъномъ. Вновь избранная Муниципальная Комиссія немедленно же опубликовала слѣдующее воззваніе, — краснорѣчивое свидѣтельство того недоувѣрія, которое питали къ народу представители крупной буржуазіи:

„Депутаты, находящіеся въ Парижѣ, *принуждены* были собраться, чтобы устранить тѣ *серьезныя опасности*, которыя *угрожаютъ неприкосновенности частной собственности* и личности гражданъ. За отсутствіемъ всякой законотѣрной организаціи, была назначена Комиссія которая будетъ заботиться объ интересахъ всѣхъ“.

Это, столь обидное для народа, воззваніе было первымъ мѣропріятіемъ первой общественной власти, вышедшей изъ нѣдръ революціи. Оно ясно вскрываетъ тайныя мысли крупной буржуазіи и особенно—финансовыхъ тузовъ. Чувство общей опасности привело ихъ въ салонъ Лафита, въ своемъ воображеніи они видѣли уже разрушеніе и разграбленіе своихъ домовъ; пораженные той мощью, которую только что показалъ народъ, они мало или даже совсѣмъ ничего не думали о томъ духовномъ величіи, которое проявилъ народъ въ эту „великую недѣлю“ іюльскихъ дней.

Это и понятно: скромность народа въ его требованіяхъ была столь же изумительна, какъ и его мужество. И противъ этого-то народа герои порядка и законнаго противодѣйствія („легальной оппозиціи“) затѣвали теперь рядъ интригъ, хотя и легкомысленныхъ, но все же существенно важныхъ для страны и народа. Они могли это сдѣлать потому, что 29 іюля народъ выпустилъ изъ своихъ рукъ свою, кровью добытую, побѣду; дѣло народа было проиграно, когда 60 тысячъ хорошо вооруженной и организованной національной гвардіи попало подъ руководство преданнаго интересамъ буржуазіи Лафайета; господство надъ Парижемъ перешло въ руки буржуазіи.

Братство буржуазіи и народа промелькнуло, какъ тѣнь: его хватило только на самые первые моменты торжества! Уже вечеромъ 29-го іюля буржуазія учредила вооруженную охрану своей собственности, которой ни откуда не грозило опасности. Занявши отвоеванное народомъ мѣсто, буржуазія быстро обнаруживала все свое недоувѣріе къ народу; къ этому чувству примѣшивался еще страхъ передъ возможностью воз-

врата королевскихъ войскъ. Всюду были разставлены отряды національной гвардіи, ея патрули ходили по всѣмъ улицамъ Парижа. Чтобы имѣть свободный пропускъ, каждый долженъ былъ знать пароль. Была произведена масса произвольныхъ арестовъ.

Рабочіе, въ ихъ простыхъ курткахъ, обезоруживались, потому что оружіе полагалось имѣть теперь только одѣтымъ въ форму; той же участи подверглись даже многіе изъ собственно буржуазнаго лагеря.

По тону и содержанию газетъ, вышедшихъ утромъ 30-го іюля, было видно, какъ далеки все еще были онѣ отъ пониманія этой, кончившейся наканунѣ, революціи. Ни одна изъ оппозиціонныхъ газетъ не рѣшилась разобрать происшедшія событія съ точки зрѣнія какой-либо опредѣленной политической цѣли или же сдѣлать ясные выводы изъ нихъ. Даже „Насіональ“ обнаружила крайнюю осторожность и осмотрительность. Но что не рѣшилась сказать эта газета на своихъ столбцахъ, это высказалъ въ иной формѣ ея главный редакторъ Тьеръ: вмѣстѣ съ историкомъ Минье онъ составилъ и утромъ 30 іюля распространилъ по всѣмъ улицамъ Парижа слѣдующую прокламацію:

„Карлъ X не можетъ уже больше вернуться въ Парижъ; онъ пролилъ кровь народа.

Учрежденіе республики вызвало бы у насъ страшныя потрясенія; она поссорила бы насъ со всей Европой.

Герцогъ Орлеанскій — вотъ преданный дѣлу революціи принцъ.

Герцогъ Орлеанскій никогда не выступалъ противъ насъ.

Герцогъ Орлеанскій былъ при Жемаппѣ (Jemappes).

Герцогъ Орлеанскій — это король-гражданинъ.

Герцогъ Орлеанскій во время боя носилъ трехцвѣтную кокарду и онъ одинъ можетъ еще ее носить. Мы не хотимъ другихъ цвѣтовъ.

Герцогъ Орлеанскій не высказываетъ своихъ желаній. Онъ ждетъ слова отъ насъ. Скажемъ же это слово, и герцогъ приметъ такую конституцію (Charte), къ какой мы всегда стремились и какую желали имѣть. Онъ получитъ свою корону отъ французскаго народа“.

Искусно была составлена эта прокламація. Чтобы поскорѣе вбить въ голову народа имя герцога Орлеанскаго, она повторяетъ это имя на каждомъ шагу. Народъ мало размышлялъ о политическомъ строѣ Франціи, и потому его національное чувство старались расшевелить упоминаніемъ трехцвѣтнаго знамени и указаніемъ на старыя подвиги этого ставленника буржуазіи. Въ заключеніе зывали еще къ верховной власти народа — этой старой уверткѣ всѣхъ политическихъ фокусниковъ.

Такъ имя герцога Орлеанскаго стало всюду слышаться въ устахъ народныхъ массъ; смутныя стремленія и надежды народа, возбужденныя борьбой и побѣдой, были направлены теперь къ опредѣленной цѣли. Требованіе смѣны династіи

нашло себѣ полное⁷ выраженіе только теперь, когда старому правящему дому былъ открыто противопоставленъ новый претендентъ; случилось то, что Талейранъ предвидѣлъ еще наканунѣ: сначала стыдливое приглашеніе Луи Филиппа Орлеанскаго стать генеральнымъ намѣстникомъ королевства, а потомъ — къ его услугамъ и освободившійся тронъ.

Г Л А В А III.

Карль X убѣждается въ своемъ безсиліи.—Пэры Д'Аргу и графъ Семонвиль и баронъ Витроль являются для переговоровъ въ Сенъ-Клу.—Назначеніе герцога Мортмара первымъ министромъ.—Совѣщаніе о выборѣ короля.—Воззваніе герцога Орлеанскаго.—Вступленіе герцога Орлеанскаго въ городскую ратушу.—Герцогъ Орлеанскій—генераль - намѣстникъ.—Тьеръ и художникъ Аріи Шефферъ (Ary Scheffer) являются посредниками въ Нельи.—Отъѣздъ королевской семьи изъ Сенъ-Клу въ Рамбулье.— Дерзкій приемъ посла Карла X герцогомъ Орлеанскимъ. — Походъ парижанъ на Рамбулье.—Отъѣздъ Карла X и прибытіе королевской семьи въ Шербургъ.—Парижане привозятъ обратно въ Парижъ королевскіе брилліанты.—Избраніе герцога Орлеанскаго королемъ Франціи. — Луи Филиппъ присягаетъ конституціи.—Главнѣйшіе моменты въ исторіи семьи герцога Орлеанскаго, новаго короля Французовъ.

Вечеромъ 29-го іюля маршалъ Мармонъ, далеко опередивъ свою армію, явился въ Сэнъ-Клу въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, задыхавшихся отъ усталости и пыли. Онъ привезъ вѣсть о собственномъ пораженіи. При видѣ его вѣра Карла X въ непоколебимое могущество полученной имъ милостью Божьей королевской власти пошатнулась. Теперь только онъ сталъ благосклонно выслушивать двухъ членовъ палаты паровъ, графа Семонвиль (Sémonville) и д'Аргу (D'Argout), убѣждавшихъ его съ ранняго утра въ необходимости немедленной перемѣны министерства. Кромѣ того либеральные депутаты прислали для переговоровъ въ Сенъ-Клу барона Витроль (Vitrolles), роялиста, лично близко стоявшаго къ королю. Онъ сообщилъ Карлу X условія мира со стороны вождей оппозиціи, требовавшихъ назначить министерство герцога Мортмара (Mortemart), посланника при русскомъ дворѣ, находившагося въ отпуску во Франціи. Герцогъ наканунѣ пріѣхалъ въ Сенъ-Клу съ цѣлью предложить королю свои услуги въ качествѣ капитана гвардіи. Это былъ человѣкъ знатнаго рода, нѣсколько сочувствующій принципамъ либерализма.

Послѣ продолжительнаго совѣщанія министровъ, завершившагося отставкой министерства Полиньяка, Карль X призвалъ герцога Мортмара и объявилъ ему, что онъ назначается первымъ министромъ. Герцогъ пытался уклониться. Онъ ссылался на неспособность къ этому дѣлу, потребность въ покоѣ, на свое врожденное нерасположеніе къ общественной дѣятельности. Карль настаивалъ и наконецъ воскликнулъ: „Вы отказываетесь спасти жизнь мнѣ и моимъ министрамъ?“ — „Если

Ваше Величество этого требует...“ „Да, только этого!“ преваль его Карль и добавиль, плохо скрывая свои чувства: „Къ счастью, мнѣ кромѣ Васъ никого не навязываютъ“.

Витроль, Семонвиль и д'Аргу получили приказаніе возвѣстить Парижу о перемѣнѣ министерства и на основаніи этой уступки примирить короля съ народомъ.

Пробравшись черезъ безчисленныя баррикады, они въ 7 часовъ вечера явились въ городскую ратушу. Муниципальная комиссія немедленно приняла королевскихъ пословъ. Графъ Семонвиль исполнилъ данное ему порученіе, но на вопросъ Могэна, имѣетъ ли онъ письменное полномочіе, ему пришлось отвѣтить отрицательно. Казиміръ Пэрье обнаружилъ большое желаніе вступить въ переговоры съ королемъ, но возмущенный этимъ Одри-де-Пюйраво гнѣвно вскочилъ, бросился къ окну и воскликнулъ: „Ни слова о соглашеніи, или я призову народъ!“

Послы Карла X удалились, получивъ тайное указаніе отъ Казиміра Перье отправиться къ Лафиту и сдѣлать послѣднюю попытку спасти короля.

Графъ д'Аргу одинъ явился къ Лафиту. Тамъ онъ засталъ собраніе депутатовъ и между ними редактора Тьера, скрывавшагося во-время возстанія въ деревнѣ и снова появившагося послѣ окончательнаго пораженія королевскихъ войскъ. Собраніе приняло д'Аргу и дало ему право голоса. Тьеръ былъ яримъ противникомъ всякаго соглашенія съ королемъ. Въ такомъ же духѣ высказывался и Лафитъ.

Окна были открыты; передъ зданіемъ толпился вооруженный народъ. Кто-то изъ толпы ворвался въ залъ ударилъ объ полъ прикладомъ ружья и воскликнулъ: „Кто смѣетъ говорить здѣсь о переговорахъ съ Карломъ X?“—„Долой Бурбонъ!“ раздалось на улицѣ. Графъ д'Аргу удалился; дѣло Карла было окончательно проиграно.

Въ полночь съ 29-го на 30-е іюля послы короля возвратились въ Сэнъ-Клу. Назначивъ Мортмара первымъ министромъ и сыгравъ свою обычную партію виста, Карль X улегся спать. Новый министръ ознакомился съ положеніемъ дѣлъ въ Парижѣ, а затѣмъ приступилъ вмѣстѣ съ послами къ выработкѣ актовъ объ уступкахъ короля народу. Первый документъ гласилъ о назначеніи Мортмара, генерала Жерара и Каземіра Перье министрами иностранныхъ дѣлъ, военнымъ и финансовъ; второй—отмѣнялъ ордонансы, третій—предписывалъ возстановленіе національной гвардіи, распушенной три года тому назадъ.

Король долженъ былъ подписать документы. Лакеи отказались его беспокоить. Послѣ долгихъ колебаній одинъ камердинеръ отважился его разбудить. Король, лежа въ постели принялъ Мортмара и Витроля, спокойно выслушалъ докладъ о политическомъ положеніи страны и... отказался подписать предложенные ему декреты (приказы). Когда же ему объяснили, что національная гвардія будетъ возстановлена и помимо его согласія,

а ордонансы фактически уже потеряли свою силу, онъ, не читая, подписалъ документы.

На разсвѣтѣ, 30-го іюля герцогъ Мортмаръ выѣхалъ въ Парижъ. Но французскій дофинъ, герцогъ Ангулемскій (d'Angouleme), рѣшилъ всѣми силами препятствовать уступкамъ со стороны короля. Онъ отдалъ приказъ начальникамъ стражи подъ страхомъ смерти не пропускать никого изъ Сэнъ-Жлу. Войска цѣлью охраняли резиденцію короля.

Приказъ былъ въ точности исполненъ по отношенію къ новому министру; ему угрожали даже ударами прикладовъ. Съ большимъ трудомъ ему удалось добиться пропуска.

Пробираясь по извилистымъ тропинкамъ Булонскаго лѣса, перелѣзая черезъ заборы, по указанію контрабандистовъ, онъ, наконецъ, въ 8 часовъ утра, полураздѣтый, безъ галстука, безъ сюртука, покрытый потомъ и пылью явился въ столицу, гдѣ долженъ былъ выступить представителемъ королевской власти.

Онъ опоздалъ. Редакторъ Тьеръ, ревностный сторонникъ кандидатуры герцога Орлеанскаго, уѣхалъ въ сопровожденіи художника Арія Шеффера въ Нельи, родовое имѣніе Орлеановъ; онъ хотѣлъ убѣдить герцога лично явиться въ Парижъ и энергично вмѣшаться въ дѣла. Герцогъ отсутствовалъ и они были приняты его супругой и сестрой. Первая отказывалась принять предложеніе изъ уваженія къ королевской семьѣ; вторая, лучше знавшая своего брата, изъявила согласіе и обѣщала повліять на герцога въ пользу ихъ предложенія. Тьеръ вернулся въ Парижъ и съ восторгомъ рассказывалъ о любезности принцессы, поднесшей ему собственноручно стаканъ воды.

Герцогу Мортмару даже не удалось обнародовать привезенныхъ имъ изъ Сэнъ-Жлу королевскихъ указовъ. Какъ оффиціальныи „Moniteur“, такъ и всѣ типографіи Парижа отказались ихъ напечатать. Попытка приступить въ Люксембургскомъ дворцѣ, при содѣйствіи пэровъ, къ исполненію своихъ министерскихъ обязанностей также потерпѣла неудачу. Ему указывали на палату депутатовъ и на муниципальную комиссію. Физически утомленный перенесенными имъ лишеніями и потрясеніями, онъ отказался отъ дальнѣйшей борьбы. Членъ палаты пэровъ, баронъ Сюси, взялъ на себя задачу веденія переговоровъ какъ во дворцѣ Бурбоновъ, гдѣ по принятому наканунѣ у Лафита рѣшенію собрались депутаты, такъ и въ городской ратушѣ, гдѣ засѣдала муниципальная комиссія.

Тьеръ успѣлъ уже сообщить собранію депутатовъ результаты своихъ переговоровъ.

Совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ Лафита, рѣшено было отправить къ герцогу Орлеанскому представителей отъ пэровъ и депутатовъ съ цѣлью предложить ему явиться въ Парижъ и занять постъ главнаго намѣстника королевства. Когда же баронъ Сюси явился въ собраніе, чтобы сообщить объ указахъ короля, Лафитъ отказалъ ему даже въ пріемѣ.

Въ городской думѣ онъ былъ принятъ не лучше; муниципальная коммиссія ему заявила, что благодаря событіямъ послѣднихъ трехъ дней, всякія правительственныя мѣропріятія Карла X сдѣлались излишними. Когда же и пары присоединились къ рѣшенію депутатовъ относительно призванія герцога Орлеанскаго, герцогу Мортмару, министру Карла X, оставалось только присоединиться къ общему рѣшенію.

Въ тотъ же вечеръ онъ получилъ порученіе отъ герцога Орлеанскаго. Послѣдній явился въ Парижъ въ 11 часовъ вечера, пѣшкомъ, въ гражданскомъ платьѣ, со свитой, состоявшей всего изъ трехъ лицъ. Онъ немедленно извѣстилъ Лафита о своемъ прибытіи въ Пале-Рояль, послалъ привѣтствіе Лафайету и предложилъ герцогу Мортмару явиться къ нему. Послѣдній немедленно и былъ представленъ герцогу, поспѣшившему прежде всего увѣрить министра въ своей преданности къ старшей линіи Бурбоновъ. Онъ клятвенно увѣрялъ, какъ говорили потомъ, что, явившись въ Парижъ, онъ имѣлъ лишь намѣреніе спасти городъ отъ анархіи. Онъ охотнѣе согласился бы умереть, чѣмъ занять французскій престолъ. Онъ тутъ же написалъ письмо Карлу X, запечаталъ его и вручилъ министру, который спряталъ письмо въ складкахъ галстука *)

31-го іюля, въ 8 часовъ утра представители палаты отправились въ Пале-Рояль. Герцогъ вышелъ. Депутаты изложили цѣль своего прихода. Герцогъ медлилъ. Онъ зналъ, что Карлъ X находился всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Парижа (опасаясь оставаться въ Сэнъ-Клу, королевская семья уѣхала накануне подъ охраной лейбъ-гвардіи въ Трианонъ, близъ Версаля), онъ зналъ, что въ распоряженіи офиціально не свергнутаго еще монарха находилась армія въ 12,000 человекъ; а онъ, герцогъ, былъ лишь избранникомъ малочисленной партіи, не опиравшейся на народъ. Боясь слишкомъ рано принять корону и не рѣшаясь отвергнуть ее окончательно, онъ робко колебался. Не давъ рѣшительнаго отвѣта, онъ просилъ времени на размышленіе. Нѣкоторые депутаты, не догадавшіеся о причинахъ его колебанія, высказали мнѣніе, что нерѣшительность герцога способствуетъ побѣдѣ республики и вредитъ благу страны. Такой упрекъ звучалъ несравненно пріятнѣе, чѣмъ самая грубая лесть. Герцогъ, дѣлая видъ, что уступаетъ настоятельнымъ убѣжденіямъ, ушелъ въ свой кабинетъ и скоро вернулся съ прокламаціей слѣдующаго содержанія:

„Жители Парижа!

Депутаты, собравшіеся въ настоящее время въ Парижѣ, выразили желаніе, чтобы я пріѣхалъ въ столицу и занялъ постъ главнаго намѣстника.

*) Таковъ рассказъ приверженцевъ Бурбоновъ—старшей линіи «легитимистовъ», рѣшительно опровергаемый орлеанистами. Подозрительно то обстоятельство, что письмо не было доставлено Карлу X. Объясненіе, что Луи Филиппъ на слѣдующій день потребовалъ его обратно, мало удовлетворительно. Несомнѣнно, однако, что въ тѣ дни Луи Филиппъ игралъ очень двусмысленную роль.

Безъ колебанія я рѣшилъ раздѣлить Вашу участь, явиться къ геройскому народу и приложить всѣ усилія, чтобы спасти Васъ отъ гражданской войны и анархіи. При входѣ въ Парижъ я съ гордостью несъ побѣдоносное знамя, которое подняли Вы и которому я долгіе годы служилъ. Пусть соберутся палаты и найдутъ средства укрѣпить силу законовъ и народныхъ правъ.

Отнынѣ хартія да будетъ священна!

Луи Филиппъ Орлеанскій“.

Всѣ члены депутаціи, кромѣ Берара (Bérard), одобрили прокламацію; въ палатѣ она была встрѣчена криками „браво“. Но на массы она не произвела впечатлѣнія. Пустыя фразы возванія не удовлетворили вооруженныхъ борцовъ, собравшихся въ ратушѣ. Озлобленная толпа осаждала муниципальную комиссію. Чтобы успокоить народъ, комиссіи также пришлось выпустить прокламацію; она начиналась словами: „Конецъ владычеству Карла X надъ Франціей“, и кончалась объясненіемъ, что теперь *самъ народъ* установитъ конституцію и избереетъ правительство. О герцогѣ въ прокламаціи не упоминалось; комиссія не отвергала его; о немъ умалчивали. Такой политикой Луи Филиппъ, энергичный Тьеръ и депутаты, призвавшіе герцога въ Парижъ, были поставлены въ неловкое положеніе. Но не комиссія имѣла рѣшающій голосъ въ ратушѣ (городской думѣ), а Лафайетъ, главнокомандующій національной гвардіей, пріобрѣвшій большую популярность во времена первой революціи. Съ тѣхъ поръ какъ Лафайетъ находился въ ратушѣ, партія Орлеанистовъ всецѣло овладѣла имъ. По настоянію сторонника и аратора этой партіи, молодого адвоката Одилона Барро (Odilon Barrot), секретаремъ муниципальной комиссіи былъ назначенъ Лафитъ. Несмотря на республиканскіе взгляды Лафайета, его легко удалось склонить на сторону герцога Орлеанскаго. Сообща былъ выработанъ планъ пріѣзда герцога въ ратушу и утвержденія его въ должности главнаго намѣстника.

Въ полдень 31-го іюля герцогъ въ сопровожденіи депутатовъ отправился въ ратушу. При выѣздѣ изъ Пале-Рояля вокругъ нихъ раздавались одобрительные возгласы. Впереди ѣхалъ герцогъ верхомъ; за нимъ савояры несли на носилкахъ Лафита. На Карусельной площади возгласы стали рѣже. Чѣмъ дальше процессія подвигалась впередъ, тѣмъ народъ становился сдержаннѣе, равнодушнѣе. Герцогъ медленно ѣхалъ, осторожно пробираясь черезъ баррикады и искусно скрывая волненіе. Вѣдь, онъ ставилъ на карту королевской престолъ. Вся Гревская площадь была покрыта народомъ; всюду виднѣлись пытливые взоры. На широкой лѣстницѣ ратуши стоялъ Лафайетъ въ ожиданіи высокаго гостя. Представитель самодержавнаго народа изысканно вѣжливо принялъ герцога, охотно оказывая ему обычныя княжескія почести. Они вошли въ залъ, гдѣ находился весь генеральный штабъ. Одинъ изъ депутатовъ про-

читалъ выработанную Гизо и принятую депутатами программу новаго правительства. Она гласила: возстановленіе національной гвардіи; участіе гражданъ въ общинномъ и областномъ управленіи; введеніе суда присяжныхъ для проступковъ въ печати; законъ объ отвѣтственности министровъ; установленіе закономъ состава арміи; новые выборы для депутатовъ, занявшихъ общественныя должности. При чтеніи словъ: „введеніе суда присяжныхъ по проступкамъ въ печати“, герцогъ наклонился къ Лафайету и въ полголоса сказалъ: „такихъ проступковъ больше не будетъ“. По окончаніи чтенія, герцогъ, положи руку на сердце, произнесъ весьма двусмысленную рѣчь: „Какъ французъ, я оплакиваю пролитую кровь и скорблю о страданіяхъ, перенесенныхъ страной; какъ принцъ, я буду счастливъ содѣйствовать ея благу“.

Генераль Дюбуръ, выступая впередъ и указывая на площадь, покрытую вооруженнымъ народомъ: произнесъ: „Вы знаете наши права; если Вы ихъ забудете, мы Вамъ напомнимъ о нихъ“.

Ободренный благосклонностью Лафайета, герцогъ искусно и твердо отвѣтилъ народному генералу. Возмущенно онъ воскликнулъ, что никто не имѣлъ права сомнѣваться въ его патриотизмъ! Принесли трехцвѣтное знамя. Держа его въ рукѣ, герцогъ подруку съ Лафайетомъ подошелъ къ открытому окну. Народъ кричалъ: „Да здравствуетъ Лафайетъ!“ Лафайетъ обнялъ герцога, и народъ воскликнулъ: „Да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій“. Такъ главный намѣстникъ былъ утверждень революціей. Народъ сходитъ со сцены, уступая власть буржуазіи.

Три челоѣка способствовали столь ничтожному исходу славной революціи: Банкиръ *Лафитъ*, представитель буржуазнаго класса; недалекій и слабый *Лафайетъ*, прозванный Наполеономъ „простофилей двухъ міровъ“; и энергичный журналистъ и тонкій политикъ Тьеръ, ученикъ Талейрана, проинкнутый ненавистью и презрѣніемъ къ народу и отнынѣ задавшійся цѣлью подавить этотъ народъ въ интересахъ буржуазіи *).

При такомъ положеніи дѣлъ муниципальной комиссіи, игравшей лишь подставную роль, оставалось только выйти въ отставку. Прежде чѣмъ устраниваться, она сочла своимъ долгомъ назначить временное министерство для управленія страной. Министромъ юстиціи былъ назначенъ Дюпонъ (Dupont); финансовъ—баронъ Луи (Louis); военнымъ—генераль Жераръ (Ge-

*) Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что при преобладаніи въ составѣ населенія страны мало развитаго класса мелкаго крестьянства, едва-ли могла укрѣпиться иная форма правленія, чѣмъ умѣренно-либеральная конституціонная монархія. Массы были способны сражаться на баррикадахъ, одержать побѣду на улицѣ, но онѣ не были достаточно зрѣлы, чтобъ удержать въ рукахъ плоды своей побѣды; ихъ оказалось легко устранить. Луи Филиппъ еще задолго до іюльской революціи поддерживалъ связь съ либеральной оппозиціей.

Походъ Парижанъ на Рамбулье.

она угрожала уже въ Сэнъ-Клу) и обратиться къ великодушію народа. Чтобы разстроить этотъ планъ, необходимо было найти способъ обратить въ бѣгство Карла X.

Герцогъ Орлеанскій принялъ всѣ мѣры, чтобы посадить королевскую семью на корабль и отправить въ изгнаніе. Генераль Гюло (Hulot) былъ назначенъ главнокомандующимъ четырехъ департаментовъ между Парижемъ и берегомъ моря и отправленъ въ Шербургъ.

Гонцы, посланные 2-го августа послѣ обѣда въ Рамбулье, должны были убѣдить Карла X покинуть свое мѣстопробываніе. Подъ предлогомъ поздняго времени король ихъ не принялъ. Отказавшись ночевать во дворцѣ, гонцы поспѣшно возвратились въ Парижъ. Узнавъ на слѣдующее утро о ихъ неудачѣ, герцогъ воскликнулъ; „Онъ долженъ уѣхать! Онъ уѣдетъ!“ Такъ какъ король не поддавался миролюбивымъ увѣщеваніямъ, явилась мысль напугать его грозной демонстраціей

Утромъ 3-го августа по всему Парижу раздавался призывъ: „Карлъ X грозитъ Парижу! Идемъ на Рамбулье!“

Раздался бой барабановъ. Парижъ всколыхнулся. Революціонный походъ представлялся пылкому воображенію парижанъ не только актомъ патриотизма, но и веселой прогулкой. Хитроумные господа въ Пале-Роялѣ, рассчитывавшіе на легкую возбудимость парижанъ, могли радоваться вдвойнѣ: походъ не только устрашитъ Карла X, онъ удалитъ изъ Парижа наиболѣе революціонные элементы. Генералу Пажоль (Pajol) было поручено командованіе экспедиціей. Ему не довѣряли въ Пале-Роялѣ и воспользовались удобнымъ случаемъ скомпрометтировать и устранить его.

Въ случаѣ сраженія въ открытомъ полѣ съ хорошо обученными войсками парижане неминуемо будутъ разбиты. Это зналъ даже Лафайетъ, воображавшій, что народъ по собственной инициативѣ затѣялъ походъ. Онъ предоставилъ въ распоряженіе генерала Пажоля 500 человекъ изъ каждаго легіона національной гвардіи и отдалъ приказъ національной гвардіи въ Арра (Arras) и Амьенѣ (Amiens) немедленно выйти на помощь парижской арміи.

3-го августа послѣ обѣда тысячи людей отправились въ путь, не зная дороги, не имѣя ни денегъ, ни жизненныхъ припасовъ; пятнадцать часовъ предстояло идти по мѣстности, раззоренной корелевскими войсками. Экипажи, omnibusы, пролетки были взяты изъ Парижа, чтобы доставить парижскую армію въ Рамбулье.

Въ это же время, въ день назначенный Карломъ X, герцогъ Орлеанскій открылъ общее засѣданіе обѣихъ палатъ. При входѣ герцога со всѣхъ сторонъ раздались ликующіе возгласы, точно при восшествіи на престолъ новаго короля.

Герцогъ торжественно возвѣстилъ палатамъ, что актъ отрѣченія Карлъ X и дофина данъ имъ въ архивъ. О причинахъ такого поступка онъ дипломатично умалчивалъ.

Уста лые, голодные парижане поздно вечеромъ остановились

въ полномъ безпорядкѣ на разстояніи $\frac{3}{4}$ мили отъ Рамбулье. Здѣсь ихъ должны были ждать 6000 пайковъ хлѣба, приготовленныхъ версальскимъ муниципалитетомъ. Однако, ничего не оказалось. Генералъ Эксельманъ (Exelmans) поручилъ молодому, энергичному Шарра (Charras) разслѣдовать причины тако-го недосмотра.

Шарра нашелъ версальскаго префекта спящимъ: былъ 1 часъ ночи. „Ваше мѣсто не въ постели, а тамъ, гдѣ готовится фуражъ. Если въ 4 часа утра возы не будутъ отправлены, я имѣю приказаніе Васъ разстрѣлять“. При словѣ „разстрѣлять“ префектъ вскочилъ съ постели и обѣщаль втеченіе часа отправить хлѣбъ въ Рамбулье. «Я хочу убѣдиться лично и буду здѣсь ждать», строго отвѣтилъ Шарра.

Сраженія, однако, въ Рамбулье не произошло. Карлъ X, крайне разстроенный потрясающими событіями послѣднихъ дней, въ 11 часовъ вечера приказалъ двору и войскамъ готовиться въ путь. Прибывъ на слѣдующее утро, 4-го августа въ (Maintnon) Мэнтенонъ, онъ отпустилъ войска въ Шартръ (Chartres), оставивъ при себѣ не болѣе 1000, 1200 лейбгвардейцевъ для охраны королевской семьи въ дальнѣйшемъ пути. 14-го августа они прибыли въ Шербургъ, гдѣ низвергнутый король едва спасся отъ взрыва народнаго гнѣва.

Здѣсь Карлъ X со свитой сѣлъ на американскій корабль „Great Britain“ и три дня спустя, высадился на островѣ Уайтъ (Wight), не рѣшаясь пріѣхать въ портъ Портсмутъ, гдѣ также происходили народныя волненія. Такъ Франція навсегда избавилась отъ династіи Капетинговъ, разбойнически захватившихъ корону и престолъ.

Узнавъ о бѣгствѣ Карла X и королевскихъ войскъ, парижане 4-го августа утромъ отправились въ Рамбулье. Они нашли во дворцѣ королевскіе экипажи и запечатанный сундукъ съ королевскими брилліантами, стоимостью въ 80 милліоновъ. Дегузе (Degoussé) взялъ на себя нелегкую задачу доставить брилліанты въ Парижъ.

Боясь, чтобы экипажи бывшаго короля не были разгромлены на обратномъ пути, онъ рѣшилъ ихъ наполнить народомъ. Парижане съ пиками и штыками сѣли въ кареты, украшенныя королевскими гербами. Когда выѣхала со двора карета съ маленькимъ трехцвѣтнымъ знаменемъ и надписью „Королевскіе брилліанты“, дали сигналъ, и шествіе двинулось къ Парижу. Планъ удался, какъ нельзя лучше.

Пролетаріи возвратили въ Парижъ королевскіе брилліанты и великолѣпные королевскіе экипажи.

Выѣхали во дворецъ Пале-Рояля, и подъ окнами герцога Орлеанскаго раздалось: „Вотъ ваши кареты!“ Это зрѣлище сильно напугало герцогиню, напомнивъ ей сцены изъ первой революціи. Герцогъ вооружился мужествомъ; улыбка не покидала его устъ. Карлъ X съ семьей обратился въ бѣгство и оставилъ королевскій престолъ; нѣсколько пустыхъ формальностей и главный намѣстникъ станетъ французскимъ королемъ.

Бераръ (Bérard) сдѣлалъ рѣшительный шагъ; онъ предложилъ своимъ товарищамъ провозгласить немедленно герцога Орлеанскаго „королемъ Французовъ“. 7-го августа въ палатѣ депутатовъ произошло голосованіе путемъ баллотировки, послѣ того какъ было отвергнуто предложеніе голосовать поименно. Изъ 252 голосующихъ 219 подали голосъ за избраніе, а 33—противъ. Немедленно Лафитъ со своими товарищами по министерству отправился въ Пале-Рояль возвѣстить герцогу Орлеанскому, что онъ избранъ королемъ французовъ.

Въ нѣсколько часовъ 219 депутатовъ отмѣнили конституцію, низвергли старую династію, и замѣнили ее новой. Все это они совершили, опираясь на принципъ „верховой власти народа“.

7-го августа вечеромъ, въ половинѣ 10-го собралась палата пэровъ и согласилась съ рѣшеніемъ палаты депутатовъ.

Оставалось только обычными обрядами закрѣпить актъ передачи престола. Такъ называемое королевское засѣданіе было назначено на понедѣльникъ 9-го августа. Во дворцѣ Бурбоновъ, подъ ярко-краснымъ бархатнымъ балдахиномъ, воздвигли тронъ, украшенный трехцвѣтными знаменами. При выѣздѣ герцога Орлеанскаго раздались звуки марсельезы и пушечные выстрѣлы изъ Дома Инвалидовъ. Казиміръ Перье, президентъ палаты депутатовъ, прочиталъ принятыя тамъ постановленія; герцогъ Орлеанскій подчинился имъ безъ оговорокъ и изъявилъ готовность присягнуть въ ихъ исполненіи. Обрядъ тутъ же былъ совершенъ, причемъ старый Дюпонъ (Dupont de l' Eure) читалъ такую формулу присяги:

„Клянусь именемъ Бога вѣрно соблюдать конституціонную хартію; править страной посредствомъ законовъ и, согласно законамъ, воздавать справедливо каждому по заслугамъ и во всѣхъ дѣлахъ руководиться только интересами, благомъ и славой французскаго народа“.

Каковъ же былъ тотъ, котораго 219 буржуазныхъ депутатовъ въ нѣсколько дней, даже въ нѣсколько часовъ, навязали королемъ французскому народу? Чтобы понять все значеніе этого вопроса, бросимъ бѣглый взглядъ на исторію семьи Орлеановъ. Родоначалникъ этого знаменитаго рода, второй сынъ Людовика XIII и Анны Австрійской, родившійся въ 1640 году, до конца жизни оставался абсолютнымъ политическимъ нулемъ. Но онъ получилъ отъ брата, Людовика XIV, въ даръ три огромныхъ имѣнія, по приказанію короля отрѣзанныхъ отъ государственныхъ владѣній. Эти земли давали 1.100.000 ливровъ дохода въ то самое время, когда бѣдные крестьяне, изъ которыхъ этотъ доходъ выжимался, ѣли хлѣбъ изъ лебеды и папоротника.

Его сынъ Филиппъ, родившійся въ 1674 году, женился на дѣвицѣ Де-Блуа (M-le De Blois), дочери Людовика XIV и куртизанки Монтепанъ. (Montespan) Людовикъ XIV постарался озолотить этотъ „неравный бракъ“ (Mesalliance) и супружеская пара стала получать почти $\frac{1}{30}$ часть всѣхъ государственныхъ дохо-

довъ. Путемъ государственнаго переворота, стоившаго огромныхъ денегъ, раздаваемыхъ щедро, но съ разборомъ, этотъ Филиппъ послѣ смерти Людовика XIV сталъ регентомъ страны и самодержавно властвовалъ почти до самой смерти, послѣдовавшей въ 1723 году. Сынъ и внукъ регента не играли никакой роли въ политикѣ и ограничивались расширеніемъ своихъ владѣній королевскими дарами.

Луи Филиппъ, король французовъ.

Въ этомъ отношеніи далше всѣхъ пошелъ герцогъ Орлеанскій, Луи Филиппъ Эгалите (Egalité), родившійся въ 1747 году и обезглавленный революціонерами въ 1793 г. Онъ женился на дѣвицѣ Де-Пантьевръ (M-lle de Penthièvre), единственной наследницѣ огромныхъ помѣстій, которыми Людовикъ XIV одарилъ своихъ незаконнорожденныхъ сыновей отъ M-me Монтепанъ: герцога де-Манъ (de-Maine) и графа тулузскаго (de Toulouse)). Большею частью своихъ владѣній Орлеаны обязаны тѣмъ подаркамъ, которыя Людовикъ XIV дѣлалъ куртизанкѣ Монтепанъ изъ государственныхъ имуществъ. Это богатство въ 1789 г. оцѣнивалось въ 200 милліоновъ франковъ и давало ежегодный доходъ въ 8.907.328 франковъ.

Роль Луи Филиппа Эгалите (Egaitié) въ революціи извѣстна. Какъ членъ конвента, онъ въ лицемѣрныхъ выраженіяхъ высказался за казнь Людовика XVI, своего двоюроднаго брата. Предательство генерала Дюмурье (Dumouriez), съ которымъ онъ велъ дѣла, довело его до революціоннаго суда и до эшафота. Слесарь, по имени Лебрусь (Lebrousse), въ тотъ-же день приговоренный къ смерти, долженъ былъ ѣхать на казнь въ одной повозкѣ съ герцогомъ. Простой рабочій противился этому сосѣдству изо всѣхъ силъ. „Я приговоренъ къ смертной казни, но судъ не приговаривалъ меня ѣхать рядомъ съ этимъ безчестнымъ негодяемъ—Орлеаномъ къ мѣсту казни“. Силой его пришлось посадить въ повозку. Этотъ сынъ народа былъ увѣренъ, что кровь герцога осквернитъ эшафотъ.

Новый король Франціи имѣлъ бурное прошлое. Это былъ старшій сынъ Филиппа Эгалите, рожденный въ 1773 году. Въ молодости онъ носилъ титулъ герцога Шартрскаго (de Chartres) и былъ членомъ якобинскаго клуба, въ которомъ онъ, по уставу, въ теченіи мѣсяца исполнялъ должность педеля. Затѣмъ его назначили полковникомъ и шефомъ драгунскаго полка и онъ, говорятъ, отличился при Вальми и Жемаппе (Valmy, Jemappe). Фактъ этотъ не установленъ, но льстивые біографы любятъ распространяться о немъ. Послѣ неудачнаго заговора Дюмурье съ цѣлью низверженія конвента и возведенія на престолъ молодого герцога Шартрскаго, послѣдній вмѣстѣ со своимъ покровителемъ бѣжалъ въ австрійскій лагерь и такимъ образомъ избѣгъ наказанія, постигшаго его отца. Чтобы не пасть жертвой ненависти якобинцевъ и мести эмигрантовъ, онъ долженъ былъ жить подъ именемъ простаго гражданина и искать работы. Онъ сдѣлался учителемъ въ латинской школѣ въ Рейхенау, въ кантонѣ Граубинденъ. Во время блестящихъ побѣдъ революціоннаго народа его имя было забыто. Оно всплыло, когда находившійся въ Англіи Дюмурье вздумалъ расположить въ пользу своего любимца предводителя шайки роялистовъ, Шарета (Charette). Этотъ грубый человѣкъ отвѣтилъ коротко и ясно: „Любезный Дюмурье, скажите сыну гражданина Эгалите, чтобы онъ... qu'ile aille se faire foutre“.

Послѣ паденія Робеспьера, когда принцъ-изгнанникъ надѣялся вздохнуть свободнѣе, онъ былъ узнанъ и долженъ былъ искать убѣжища въ Италіи. Когда-же коварная директорія стала и здѣсь преслѣдовать его, онъ уѣхалъ въ Америку. Въ 1800 году онъ пріѣхалъ въ Лондонъ и вмѣстѣ со своими двумя братьями послалъ вѣрноподаннической адресъ „своему законному властелину Людовику XVIII“ и умолялъ его о прощеніи. Великодушно принятый обратно въ королевскую семью, онъ послѣ смерти братьевъ уѣхалъ въ Сицилію и женился на дочери пресловутаго неополитанскаго Бурбона, Фердинада. Подъ охраной вражеской арміи теперешній герцогъ Луи Филиппъ Орлеанскій вернулся во Францію вмѣстѣ съ Бурбонами. Въ февралѣ 1814 года онъ написалъ напыщенное письмо Людовику XVIII и высказалъ ссжалѣніе, что послѣдній не позволя-

еть ему поступить въ ряды союзниковъ и очистить королю дорогу въ Парижъ. Этотъ благонамѣренный образъ мыслей такъ тронулъ короля, что онъ собственной властью возвратилъ племяннику его бывшія владѣнія, конфискованная республикой и принадлежащая государству. Герцогъ, однако, этимъ не удовлетворился и затѣялъ процессъ для возвращенія національныхъ земель, нѣкогда принадлежавшихъ его отцу. Онъ добивался управленія государственными имуществами, требовалъ городъ Парижъ и 300 общинъ въ Бретани, отнимая собственность болѣе чѣмъ у 30,000 мелкихъ владѣльцевъ, купившихъ свою землю во время республики. Въ теченіи 100 дней онъ благо-разумно избѣгалъ соединенія съ королевемъ, не смотря на всѣ его просьбы. Военныя сферы считали единственнымъ выходомъ изъ тяжелаго положенія, созданнаго злополучными Бурбонами, возвести на престолъ герцога Луи Филиппа. Послѣдній жилъ въ Англии и выжидалъ дальнѣйшаго хода событій, сохраняя за собой свободу дѣйствій. Послѣ паденія Наполеона, онъ вернулся въ Парижъ. Чтобы разсѣять опасенія короля, онъ издалъ въ 1816 году манифестъ къ населенію, указывая на принципъ „законной“ монархіи, какъ на единственную гарантію европейскаго мира. Онъ отвергалъ всякую мысль объ узурпаціи власти и убѣждалъ своихъ приверженцевъ оставаться, подобно ему, вѣрными подданными Людовика XVIII и его законныхъ наслѣдниковъ. Однако, его сторонники знали, что къ этимъ словамъ не надо было относиться серьезно. Возникли заговоры генерала Друэ д'Эрлонъ (Drouet d'Erlon) въ Ліонѣ, и адвоката Дюдье (Dudier) въ Греноблѣ съ цѣлю поставить на мѣсто старшей линіи Бурбоновъ—младшую.

Съ этихъ поръ становится невозможнымъ уличить герцога Орлеанскаго въ участіи въ заговорахъ, направленныхъ противъ стоящихъ у власти Бурбоновъ. Онъ является скромнымъ, покорнымъ гостемъ въ Тюльери и получаетъ отъ Карла X титулъ „королевскаго высочества“. Въ своемъ собственномъ дворцѣ, въ Пале-Роялѣ, онъ въ это-же время принимаетъ вожаковъ оппозиціи. Онъ понималъ, что монархическая реакція является его лучшимъ союзникомъ. Предоставляя все теченію времени, онъ зналъ, какъ полезенъ для него расгораживающійся острый конфликтъ между косными принципами королевской власти—„Божіей Милостью“ и принципомъ власти народа, представленнаго конституціоннымъ большинствомъ палаты депутатовъ.

Когда разразилась іюльская катастрофа, онъ не подумалъ отправиться въ Сэнъ Клу и поддержать регента, которому онъ былъ обязанъ многимъ. Онъ остался съ семьей въ Нельи (Neuilly), скрылся въ отдаленномъ домикѣ въ своихъ лѣсахъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ исхода сраженія.

Когда народъ побѣдилъ, онъ вынырнулъ изъ своего тайнаго убѣжища, ловко надулъ своего дядю, и въ нѣсколько дней добился престола.

Вотъ человѣкъ, котораго Лафитъ, Лафайетъ и Тьеръ

навязали народу, чтобы остановить революцію и отдать власть въ руки буржуазіи.

Исчезла поэзія, украшавшая Французскую революцію. Вѣрившіе въ нее вдохновенно боролись за свои идеалы, за высшія блага для человѣчества въ твердомъ убѣжденіи, что на этой кровавой нивѣ взойдутъ сѣмена свободы, равенства и братства. Въ іюльской революціи еще разъ вспыхнуло пламя вдохновенія 1789 года. Но буржуазное королевство утвердило господство буржуазіи; исчезла поэзія, началась беспощадная проза. Въмѣсто мыслей и чувствъ, одушевлявшихъ великую революцію, въ области политики явились бездушныя формулы; въ области экономическихъ отношеній сталъ царить эгоизмъ свободной конкуренціи, украшенной громкими фразами, въ которыхъ звучала наглая ложь. Въ лицѣ Луи Филиппа буржуазія нашла искуснаго представителя новой эпохи. „Отнынѣ хартія да будетъ священна“, сказалъ онъ въ манифестѣ, обращенномъ 31-го іюля къ жителямъ Парижа. А собравшаяся 3 августа палата депутатовъ поспѣшила вычеркнуть изъ конституціи 1811 года пункты, слишкомъ подчеркивающіе права верховной власти; палата пэровъ утвердила эти поправки, и 9-го августа король присягнулъ конституціи, вполнѣ отвѣчавшей интересамъ буржуазнаго класса. По старому обычаю монархической Франціи, частное имущество короля при восшествіи его на престоль присоединялось къ королевскимъ регаліямъ въ знакъ „прочнаго брака короля съ государствомъ“. Луи Филиппъ, однако, до восшествія на престоль перевелъ все имущество на своихъ дѣтей, сохранивъ за собой только право пользованія имъ. Зато онъ довольствовался меньшей суммой, назначенной на содержаніе двора (цивильный листъ), опредѣленной имъ и Лафитомъ въ 18 милліоновъ франковъ, а впоследствии сокращенной до 12 милліоновъ. Споръ объ этой суммѣ являлся источникомъ раздоровъ между правительствомъ и палатой децутатовъ.

Вотъ еще доказательство, что плоды побѣды достались на долю крупной буржуазіи: оказалось достаточнымъ лишь небольшое измѣненіе титула монарха, — вмѣсто *короля Франціи*, онъ сталъ называться *королемъ французовъ*. Франція была завоевана буржуазіей; ея король — „король-гражданинъ“ — былъ первымъ буржуа въ государствѣ.

ГЛАВА IV.

Буржуазный король и его правление.

Бѣдственное положеніе народа.—Реорганизация національной гвардіи.—Убійство принца Конде (Condé).—Ненасытная алчность буржуазнаго короля.—Процессъ министровъ Карла X.—Устраненіе Лафайета.—Происки легитимистовъ; разгромъ церкви Св. Германа Локсеруа (L'Auxerrois) и дворца Архіепископа.—Распущеніе палаты депутатовъ, отставка Лафита.—Казиміръ Перье объявляетъ революціи истребительную войну.—Побѣда республиканской оппозиціи на судѣ.—„Порядокъ господствуетъ въ Варшавѣ“.—Политика „золотой середины“.—Возстаніе въ Ліонѣ въ 1831 г.—Похороны генерала Ламарка; уличная борьба въ Парижѣ въ 1832 г.—Процессъ и закрытіе общества „Друзей народа“.—Возстаніе герцогини Беррійской.—Общество „правъ человѣка“.—Законъ о сообществахъ 25 марта 1834 года.—Второе Возстаніе въ Ліонѣ въ 1834 г.—Возстаніе въ Парижѣ; кровавая баня въ улицѣ Транснопанъ (Transpoin).—Процессы по дѣламъ о государственной измѣнѣ въ 1835 и 1836 гг.—Покушеніе фіески (Fieschi).—Сентябрскіе законы.—Реакціонныя министерства и ихъ законодательные акты.—Тайныя общества: „Семья“ и „Времена года“.—Барбе (Barbés) и Бланки.—Возстаніе 12 мая 1839 г.—Бѣдственное положеніе Франціи въ эпоху буржуазнаго королевства.—Расцвѣтъ промышленности и спекуляціи.—Желѣзнодорожно-строительная горячка.—Смерть наслѣдника престола—герцога Орлеанскаго.—Кризисъ и голодъ 1847 г.—Продажность „законной страны“.—Растраты въ военномъ и морскомъ министерствахъ.—Процессъ Тестъ-Кюбьера (Teste-Cubières).—Убійство герцогини Шуазель-Прасленъ (Choiséul-Praslin).

Первыя мѣропріятія новаго правительства соотвѣтствовали потребностямъ момента. Ловкими комбинаціями, обманчивыми обѣщаніями, гдѣ нужно, деньгами, оно безъ труда достигло того, что народъ разоружился и разошелся по домамъ. Была расклеена прокламація, начинавшаяся словами: „Честные работники, вернитесь въ свои мастерскія“. Рабочіе вернулись, но работы не оказалось. Капиталы куда-то скрылись, почти всѣ дѣловыя операціи были нарушены. Французскій банкъ, организация котораго несомнѣнно была разсчитана на большіе кризисы, съ жестокой разсчетливостью реализовалъ принадлежавшіе ему векселя и ограничилъ свою дѣятельность тѣми предпріятіями, гдѣ не предвидѣлось риска.

Среди народной массы нужда росла съ каждымъ днемъ. Для ея облегченія придумывали разныя средства: въ театрахъ пѣли новую марсельезу, сочиненную Казиміромъ Делавинемъ (Delavigne). Пышными фразами восхваляли героевъ, погибшихъ за свободу, всюду открывали подписку въ пользу іюльскихъ

жертвъ (такъ называли убитыхъ и раненыхъ) и помогали ихъ женамъ и дѣтямъ. Чтобы скрыть равнодушіе правительства къ участи безработныхъ, на Марсовомъ полѣ были устроены работы. Когда-же во второй половинѣ августа тысячи ремесленниковъ, разбившись по цехамъ, потянулись по бульварамъ и набережной въ полицейское правленіе требовать хлѣба для женъ и дѣтей и справедливости для себя; когда на всѣхъ площадяхъ, у воротъ министерствъ, всюду, гдѣ царилмогушество и роскошь, собрались мятежныя толпы народа, правительство потребовало у палаты кредита въ 5 милліоновъ для устройства общественныхъ работъ. Частныя лица, подъ влияніемъ жалости и страха, жертвовали большія суммы.

Въ это-же время правительство энергично принялось за реорганизацию національной гвардіи. Въ концѣ августа былъ устроенъ королевскій смотръ 12-ти легіонамъ парижской національной гвардіи; все оказалось въ блестящемъ порядкѣ. Обязавъ гвардейцевъ одѣваться на собственный счетъ и приобрести новые дорогіе мундиры, устранили изъ національной гвардіи бѣдную часть населенія, сдѣлавъ службу въ ней привилегіей для состоятельныхъ классовъ. Лафайетъ роздалъ легіонамъ знамена и принялъ отъ нихъ присягу на вѣрность королю. Энтузіазмъ, наполнявшій сердца во время іюльской революціи, еще не потухъ и въ этотъ торжественный день вылился въ пѣсняхъ и радостныхъ возгласахъ. Король ликовалъ; онъ былъ не менѣе популяренъ, чѣмъ самъ Лафайетъ.

Но вотъ неожиданно мрачное, таинственное событіе навсегда запятнало правительство. Оно увеличило еще богатства семьи Орлеановъ, но популярность новаго короля безвозвратно погибла.

Герцогъ Бурбонскій, отецъ того герцога Ангьенскаго (d'Enghien), съ которымъ Наполеонъ велъ незаконный процессъ и котораго онъ разстрѣлялъ военнымъ судомъ, послѣдній отпрыскъ семьи Кондэ (Condé), 27 го августа былъ найденъ повѣшеннымъ въ своей спальнѣ. Всѣ признаки ясно говорили, что этотъ дряхлый старикъ погибъ не отъ собственной руки. Подозрѣніе пало на англичанку-авантюристку, бывшую актрису, женившую на себѣ барона де-Фешеръ (de Feuchères); повѣшенный поддерживалъ съ ней интимную связь. Женщина эта такъ овладѣла принцемъ, что онъ въ 1824 году завѣшалъ ей владѣнія въ Сэнъ-Лѣ (St. Leu) и Буасси (Boissy) и лѣса въ Ангьенѣ (Enghien). Опасаясь возможныхъ притязаній со стороны законныхъ наслѣдниковъ одряхлѣвшаго старца, М-ме Фешеръ постаралась заручиться покровительствомъ могущественной семьи Орлеановъ. Она убѣдила въ 1829 году принца усыновить герцога Омальскаго (d'Aumal), четвертаго сына Луи Филиппа и завѣщаніемъ отъ 30-го августа 1829 года сдѣлать его единственнымъ наслѣдникомъ. Не упустивъ случая позаботиться и о себѣ, она заставила безвольнаго старика завѣщать ей имѣніе, цѣною въ 10 милліоновъ.

Но по всей вѣроятности іюльская революція вызвала въ

герцогъ Бурбонскомъ (принцъ Конде), бывшемъ вождѣ эмигрантовъ, угрызенія совѣсти. Его любовь къ г-жѣ Фешеръ превратилась въ страхъ передъ ней. Его стала преслѣдовать мысль бѣжать въ Англію и присоединиться къ королю-эмигранту. Скрывая свое намѣреніе отъ г-жи Фешеръ, онъ поручилъ своему вѣрному камердинеру Манури (Manoury) готовиться въ путь. Г-жа Фешеръ провѣдала, однако, о планахъ герцога черезъ другого камердинера, нѣкоего Леконта (Leconte), взятаго принцемъ по ея настоянію. Общественное мнѣніе обвинило ее и Леконта въ убійствѣ герцога Бурбонскаго. Улики дѣйствительно были такъ основательны, что судъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ привлекъ обоихъ въ качествѣ обвиняемыхъ. М-те Фешеръ между тѣмъ нашла убѣжище въ Тюльери. Луи Филиппъ самъ вмѣшался въ это дѣло, далъ отставку слишкомъ добросовѣстному слѣдователю, а его зятю предложилъ давно желанное мѣсто судьи. Прокуратура, лишенная необходимыхъ свѣдѣній, постановила дальнѣйшее судопроизводство прекратить. М-те Фешеръ безпрепятственно владѣла своими 10-ю милліонами, а Орлеаны, въ лицѣ 8-милѣтняго герцога Омальскаго, получили 100 милліоновъ; въ эту сумму оцѣнивалось наслѣдство послѣдняго Конде. Но Луи Филиппъ ошибся, думая, что прекращеніемъ процесса ему удастся предотвратить послѣдствія этого незаконнаго захвата наслѣдства. Ближайшіе родственники убитаго, семья Роганъ (Rohan), опротестовали завѣщаніе покойнаго, какъ вынужденное происками и нарушающее законный порядокъ наслѣдованія. Происки съ цѣлью завладѣть наслѣдствомъ приписывались самому королю и въ доказательство истцы предъявили собственноручныя письма короля и королевы къ М-те Фешеръ съ просьбой дѣйствовать и дальше въ интересахъ герцога Омальскаго (d'Aumale) и принять увѣренія въ безконечной благодарности. Въ 1832 году семья Рогановъ получила отказъ въ своемъ искѣ. Однако опубликованіе въ газетахъ процесса и писемъ достигло своей цѣли. Луи Филиппъ, любившій раньше для популярности прогуливаться по столицѣ въ гражданскомъ платьѣ и съ зонтомъ въ рукахъ, теперь не смѣлъ показываться на улицахъ Парижа.

Но этимъ еще не кончилась непріятная исторія. Въ декабрѣ 1840 года умерла М-те Фешеръ. Ея мужъ, давно отказавшійся отъ нея, не желалъ наслѣдовать ея милліоннаго состоянія, весь доходъ съ него онъ жертвовалъ на благотворительныя учрежденія. Это дало желанный поводъ оппозиціоннымъ газетамъ—съ легитимистской прессой во главѣ—еще разъ изложить это дѣло отъ начала до конца и дѣлать такія сравненія между Фешеръ и королемъ, которыя должны были уязвить послѣдняго въ самое больное мѣсто, не давая возможности для оправданія обратиться къ суду.

* * *

Чтобы дополнить характеристику позорной алчности короля, приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Іюльская рево-

люція подорвала финансы банкира и перваго министра Луи Филиппа, Лафита. Онъ помѣстилъ большія суммы въ недвижимыя имущества, которыя теперь нельзя было продать безъ большого убытка. Между тѣмъ вкладчики и кредиторы банкирскаго дома требовали возвращенія своихъ капиталовъ. Кто, какъ не король, обязанный ему многимъ, могъ его вывести изъ затрудненія! Король согласился приобрѣсти за 15 милл. лѣсныхъ дачи Лафита въ Бретейлѣ (Breteuil). Чтобы не подорвать довѣрія къ банкирскому дому, рѣшили сохранить эту сдѣлку въ тайнѣ. Спустя нѣсколько времени Луи Филиппъ сталъ, однако, бояться недоразумѣній въ случаѣ краха банкирскаго дома; онъ потребовалъ занести купленные имъ владѣнія въ поземельныя книги, для утвержденія въ своихъ правахъ. Этимъ онъ нанесъ тяжкое оскорбленіе Лафиту и вызвалъ такой сильный натискъ на кассу банкирскаго дома, что послѣднему 19 января 1831 года пришлось ликвидировать свои дѣла, а самому Лафиту оставить свой министерскій постъ. Изъ лучшаго друга Лафитъ превратился въ злѣйшаго врага Луи Филиппа, раскаиваясь передъ „небомъ и землей“ въ томъ, что онъ самъ способствовалъ возведенію этого короля на французскій престолъ.

Цивильный листъ, опредѣленный Лафитомъ въ 18 милліоновъ, въ 1831 году былъ сокращенъ до 12 милл. По настоянію короля, впослѣдствіи была назначена ежегодная сумма въ 1 милл. на содержаніе старшаго сына и наследника престола, герцога Орлеанскаго. Но требованіе такой же суммы для второго сына, герцога Немурскаго (de Nemours) вызвало такое неудовольствіе въ палатѣ, что отъ него пришлось отказаться.

Въ 1837 году, когда герцогъ Орлеанскій собирался вступить въ бракъ съ принцессой Еленой Мекленбургской, король опять воспользовался случаемъ и добился согласія палатъ удвоить изъ средствъ государства ежегодную плату въ 1 милліонъ, выдать 1 мил. на свадебныя издержки, 300.000 франковъ на расходы супруги герцога и 1 мил. на приданое старшей дочери, королевѣ бельгійской, вышедшей замужъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Такимъ же образомъ Луи Филиппъ надѣялся въ 1840 г., когда герцогъ Немурскій хотѣлъ жениться на кобургской принцессѣ, выхлопотать ему изъ средствъ государства ежегодную ренту въ 500.000 франк. и столько же на свадебныя издержки и расходы герцогини. Однако, палата депутатовъ 226-ю голосами противъ 200 отклонили ходатайство министерства; вторичное ходатайство въ 1844 году потерпѣло ту же участь.

Для доказательства, что средства короля слишкомъ малы и потому королевскія дѣти должны быть обезпечены на счетъ государства, правительство не постыдилось предъявить палатѣ фальшивыя документы, исчислявшіе весь доходъ семьи Орлеановъ отъ частныхъ владѣній нѣсколько болѣе, чѣмъ въ 1 мил. Конечно никто этому не повѣрилъ. Въ народѣ злобно издѣвались надъ богатѣйшимъ королемъ Европы, навязывающимъ

государству воспитаніе и обезпеченіе своихъ дѣтей и унижающагося передъ представителями народа до роли жалкаго просителя.

* * *

Вернемся однако къ нашему разсказу. Вслѣдъ за ужасной драмой въ Сэнъ-Лё (St. Leu) разыгралась другая, которая едва не окончилась кровавой развязкой. Уѣзжая изъ Трианона, Карлъ X бросилъ здѣсь послѣдовавшихъ за нимъ министровъ, главныхъ виновниковъ іюльскихъ сраженій, предоставляя имъ спасаться, куда кто могъ. Они бѣжали въ разныя стороны и только тремъ изъ нихъ удалось пробраться за границу: министру финансовъ Монбель (Montbel), министру общественныхъ работъ Капель (Capelle) и морскому министру Госсе (Haussez).

Полиньякъ, переодѣтый слугою, остался безъ вѣдома короля въ его свитѣ; но издѣвательства придворныхъ и угрозы королевской охраны заставили его удалиться. Въ маленькомъ портѣ Гранвилъ (Granville), гдѣ онъ ожидалъ попутнаго вѣтра въ Англию, его узнали и арестовали солдаты національной гвардіи. Та же участь постигла въ Турѣ трехъ его товарищей, министра внутреннихъ дѣлъ—Пэйронэ (Peyronnet), юстиціи—Шантелозъ (Chantelaus) и народнаго образованія—графа Гернонъ-Ранвилъ (Guernon-Ranville), надѣявшихся найти убѣжище въ Бретани или Вандеѣ. Правительство, не участвовавшее въ ихъ арестѣ и даже сожалѣвшее о немъ, отправило зачинщиковъ государственнаго переворота въ Вэнсенскій замокъ (de Vincennes), вблизи Парижа. Мадье де Монжо (Madier de Montjau), Беранже (Beranger) и Могэнъ (Mouguin), три члена палаты депутатовъ, которой принадлежало право судебнаго преслѣдованія министровъ, вели предварительное слѣдствіе.

Всѣ оффиціальныя представители власти считали нужнымъ спасти министровъ Карла X. Парижскій народъ думалъ иначе; онъ требовалъ возмездія за преступленія, совершенныя бывшими министрами. Палата депутатовъ подняла вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни за политическія преступленія; она предложила правительству выработать соотвѣтствующій за коно-проектъ и представить его на разсмотрѣніе палатамъ. Цѣль этой мѣры была такъ ясна, что озлобила до крайности всѣ радикальные элементы страны. Разгнѣванная толпа направилась 18 октября въ Вэнсенъ (Vincennes) съ явнымъ намѣреніемъ расправиться народнымъ судомъ съ княземъ Полиньякомъ и его товарищами.

Генералъ—инвалидъ Дом'сний (Daumesnil), по прозванію Деревянная Нога (lambe de bois), былъ комендантомъ въ Вэнсенѣ. Онъ пользовался извѣстной популярностью за свою храбрость, проявленную въ 1814 и 1815 годахъ въ стычкахъ съ союзными войсками, отъ которыхъ онъ отстоялъ Вэнсенъ. Генералъ одинъ вышелъ на встрѣчу народу и властно заявилъ, что онъ скорѣе взорветъ крѣпость, чѣмъ согласится выдать ввѣренныхъ ему арестантовъ. Парижане повернули обратно. Скоро въ Пале-Роялѣ король и собравшіеся у него мини

стры услышали грозные крики: „смерть министрам“. Видя стойкость національной гвардіи, толпа разсѣялась безъ попытокъ къ насиліямъ.

Настроеніе одной части населенія послѣ 18 октября осталось повышеннымъ, другая явно боялась возобновленія кровавыхъ сентябрьскихъ дней 1792 г. Чтобы разсѣять опасенія и успокоить народъ, префектъ департамента Сэны, Одилонъ Барро (Odilon Barrot), опубликовалъ воззваніе, въ которомъ онъ строго порицалъ зачинщиковъ безпорядковъ и въ то же время называлъ неумѣстнымъ поступокъ палаты депутатовъ, поднявшей вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни. Эта прокламація вызвала гнѣвъ короля. Онъ требовалъ отставки Одилона Барро, на защиту котораго однако выступили Дюпонъ-де-Лэръ (Dupont de l'Eure) и Лафайетъ. Наступило критическое положеніе. Скрѣпя сердце, королю пришлось уступить. При сильномъ броженіи въ народѣ опасно было терять людей, составлявшихъ единственную нравственную опору престола.

Послѣ долгихъ, горячихъ преній Дюпонъ-де-Лэръ одержалъ верхъ въ совѣтѣ министровъ, остальные министры подали въ отставку, принятую королемъ, хотя и съ большой неохотой.

При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Лафитъ приложилъ всю энергію для созданія новаго министерства. Благодаря его усиліямъ, кризисъ кончился уже 2-го ноября. Лафитъ, въ роли министра финансовъ, сталъ во главѣ новаго министерства; маршалъ Мэзонъ (Maison) взялъ министерство иностранныхъ дѣлъ, Дюпонъ-де-Леръ — юстиціи, Манталиве (Montalivet) внутреннихъ дѣлъ, маршалъ Жераръ (Gdeérard) — военное, генераль Себастіани (Sebastiani) — морское, Мерилю (Mérilhou) — общественнаго образованія. Общество сочувственно встрѣтило новый составъ министерства и радовалось, что въ новомъ кабинетѣ нѣтъ болѣе мѣста „доктринерамъ“. Этимъ именемъ называли конституціоналистовъ школы Руайе Колара (Royer Collard), представителями которой въ свергнутомъ министерствѣ являлись Брогли (Broglie), Гизо (Gizot) и ихъ друзья.

10-го октября въ 8 часовъ утра бывшіе министры Карла X изъ Вэнсена съ большими предосторожностями были доставлены въ тюрьму при Люксембургскомъ дворцѣ. По завершеніи депутатами предварительнаго слѣдствія, дѣло перешло въ палату пэровъ, и 15 декабря начался судъ. Обвиненіе поддерживалъ Персиль (Persil), генеральный прокуроръ королевскаго суда. Защитниками выступили Мартиньякъ (Martignac), Эннекенъ (Hennequin), Сосэ (Saucet) и Кремье (Crémieux), представители различныхъ партій. Подсудимые обвинялись въ „государственной измѣнѣ“ по статьѣ 56-ой хартіи 1814 года. Защита доказывала, что по статьѣ 14-ой этой хартіи королю предоставлено право издавать ордонансы, подобно изданнымъ 25 іюля, и что, благодаря отсутствію въ хартіи закона объ отвѣтственности министровъ, обвиняемые не должны нести наказанія.

Во время процесса броженіе въ народѣ росло съ каж-

дымъ днемъ. Положеніе правительства становилось тяжелымъ. Былъ увеличенъ парижскій гарнизонъ и командованіе имъ поручено генералу Лафайету, ставшему такимъ образомъ во главѣ линейныхъ войскъ и національной гвардіи, словомъ, всѣхъ вооруженныхъ силъ. Однако, солдаты еще не забыли объ іюльскихъ дняхъ, и при новомъ уличномъ боѣ было-бы рисковано вполне положиться на нихъ; что касается національной гвардіи, то нѣкоторыя части ея, напр. артиллерія, открыто стояли на сторонѣ республиканской партіи, которая рада была воспользоваться каждымъ поводомъ для продолженія или возобновленія революціи. Къ тому-же почти вся національная гвардія раздѣляла всеобщую ненависть къ князю Полиньяку и его товарищамъ, и среди нея не нашлось-бы охотниковъ рискнуть своей жизнью для спасенія этихъ министровъ.

19-го декабря, въ тотъ день, когда адвокаты произносили свои защитительныя рѣчи, огромная толпа народа собралась въ кварталахъ стараго города, окружавшихъ Люксембургскій дворецъ. Въ залъ засѣданія проникали все возрастающій гулъ мятежа и глухіе звуки генераль-марша, созывавшаго національную гвардію. На лицахъ паровъ, осажденныхъ грозной толпой, отражалась растерянность; даже мужественный канцлеръ Паскье (Pasquier) замѣтно терялъ присутствіе духа. Но соединеннымъ усиліямъ гражданскихъ и военныхъ властей удалось подавить это волненіе и безъ кровопролитія возстановить спокойствіе.

21-го декабря, въ день объявленія приговора, мѣры предупрежденія безпорядковъ и предосторожности были утроены. Около 30,000 солдатъ изъ арміи и національной гвардіи непроницаемой стѣной окружили Люксембургскій дворецъ. На разсвѣтѣ, въ заранѣе приготовленныхъ экипажахъ, подъ прикрытіемъ 200 человекъ кавалеристовъ, обвиняемыхъ министровъ тайкомъ увезли въ замокъ Вэнсенъ (Vincennes). Совѣщаніе суда длилось нѣсколько часовъ. Какъ только приговоръ былъ составленъ и принятъ, большинство членовъ суда, предусмотрительно передѣвшись, удалились. Въ 10 часовъ вечера Паскье является въ опустѣвшій залъ. Нѣтъ ни судей, ни обвиняемыхъ, ни публики; исчезли всѣ.

Люстры едва мерцаютъ, таинственныя тѣни стелятся по опустѣвшимъ скамьямъ. Въ темнотѣ, окруженный лишь голыми стѣнами, Паскье объявляетъ приговоръ: для всѣхъ подсудимыхъ пожизненное заключеніе, а князю Полиньяку, кромѣ того, лишеніе всѣхъ гражданскихъ правъ.

Какъ только приговоръ сталъ извѣстенъ, повсюду началось страшное волненіе. Въ эту ночь Парижъ имѣлъ видъ осажденнаго города. Войска и національная гвардія стояли наготовѣ, на улицахъ и площадяхъ горѣли сторожевые огни. Страшно возбужденная толпа всю ночь не успокаивалась.

Однако, ночь и за нею день прошли безъ серьезныхъ столкновеній. Разсчитывая на популярность студентовъ, правительство просило ихъ воздѣйствовать на массу, внушить ей ува-

женіе къ законамъ и успокоить разгорѣвшіяся страсти. Маневръ былъ удаченъ: черезъ нѣсколько дней исчезли всѣ слѣды возбужденія.

Лафайетъ, главнокомандующій войсками и національной гвардіей, больше другихъ способствовалъ благополучному исходу этого кризиса. Но столь сильная власть, сосредоточенная въ рукахъ одного лица, при случаѣ могла стать крайне опасной для правительства, и у палаты депутатовъ явилась мысль этотъ постъ упразднить. 24-го декабря титулъ главнаго коменданта національной гвардіи королевства былъ уничтоженъ, и Лафайетъ былъ ксвеннымъ образомъ устраненъ. Узнавъ о такомъ постановленіи, отсутствовавшій въ это время Лафайетъ былъ глубоко оскорбленъ, онъ подалъ тотчасъ же въ отставку и съ этого дня перешелъ въ ряды оппозиціи. Командованіе національной гвардіей Парижа было поручено генералу Лобо (Lobau). Палата и дворъ не предусмотрѣли того моральнаго значенія, которое имѣло устраненіе Лафайета. Министръ юстиціи Дюпонъ-де-Лэръ тотчасъ же подалъ въ отставку; не нуждаясь въ немъ больше, его охотно отпустили. Его примѣру послѣдовалъ префектъ полиціи Треильгаръ (Treilhaub), участникъ іюльскихъ событій, давно находившійся на подозрѣніи у правительства за сношенія, которыя онъ поддерживалъ съ республиканской партіей.

Какъ приговоръ надъ бывшими министрами Карла X, такъ и почти одновременное устраненіе Лафайета, Дюпона и Треильгара для народа послужили вѣрными признаками все усиливающейся реакціи.

Не взирая на волненія и смуты въ Бельгіи, Германіи, Италіи, Испаніи и Польшѣ, вызванныя іюльской революціей, Луи-Филиппъ преспокойно занимался осуществленіемъ своихъ плановъ и укрѣпленіемъ своей династіи на французскомъ престолѣ. Очень кстати для него обнаружилась недалновидность легитимистской партіи (партіи Бурбоновъ). Главари ея лелеяли мысль о возвращеніи Генриха V и считали себя достаточно сильными, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ произвести публичную демонстрацію. Она была назначена на 14-е февраля. Годовщину смерти герцога Беррійскаго (de Berry).

Легитимистскіе органы: „Французская газета“ („Gazette de France“) и „Котидень“ („Quotidienne“) возвѣщали, что въ этотъ день будетъ отслужена торжественная панихида въ церкви Сэнь-Жермэнъ (Saint Germain l'Auxerrois). Все населеніе предмѣстья Сэнь-Жермэнъ и всѣ, раздѣлявшіе его политическія убѣжденія, съ большой помпой явились на панихиду.

Церемонія уже кончалась, какъ вдругъ молодой сорви-голова подошелъ къ катафалку, возвышавшемуся посреди церкви, и возложилъ на него портретъ Генриха V, герцога Бордосскаго (de Bordeaux). Скоро портретъ былъ украшенъ вѣнкомъ изъ иммортелей, и военные возложили на него свои значки. Тѣмъ временемъ множество любопытныхъ сбѣжалось со всѣхъ сторонъ.

Разгромъ дворца архіепископа.

Волненіе толпы, узнавшей о происходящемъ въ церкви, росло съ каждой минутой; всюду раздавались проклятiя. Какой-то блѣдный длинновязый юноша въ черномъ платьѣ неподвижно стоялъ среди площади и насмѣшливо, вызывающе наблюдалъ это зрѣлище.

„Иезуитъ“ — раздался голосъ. Мигомъ толпа бросилась къ нему, схватила и потащила къ Сэнѣ. Новому полицейскому префекту Бодъ (Baude), находившемуся въ толпѣ съ горстью своихъ людей, едва удалось спасти юношу послѣ долгой борьбы. Толпа силой врывается въ храмъ, опрокидываетъ катафалкъ, срываетъ кафедру, ломаетъ въ щепки исповѣдальныя кресла, срываетъ съ подставокъ иконы и разрываетъ ихъ на клочки, топчетъ ногами драгоценныя занавѣси, срываетъ съ церкви крестъ, облаченiя духовенства превращаетъ въ шутовскiе ряды. Подобная же участь постигла и домъ священника.

Безпрепятственно довершивъ свой погромъ, толпа разсѣялась съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день продолжать дѣло разрушенiя. Услышавъ объ этомъ, но не зная, куда направится разъяренная толпа, власти рѣшили сосредоточить всѣ силы для охраны Пале-Рояля, думая, что собственности короля угрожаетъ наибольшая опасность. 15-го февраля нѣсколько кучекъ народу стали приближаться къ королевскому дворцу, но главная масса пошла по другому направленiю. Тысячи людей, точно сговорившись, двинулись ко дворцу архіепископа Келанъ (Quelen), навлекшаго на себя всеобщую ненависть еще до июльскихъ событiй.

Этотъ прелатъ, послушное орудіе въ рукахъ конгрегациі и иезуитовъ, дѣйствуя тайно, подстрекалъ Карла X произвести государственный переворотъ. Еще 11-го іюля 1830 года, во время молебствiя по случаю завоеванiя Алжира, онъ съ привѣтствiемъ обратился къ королю и пожелалъ его величеству скоро получить новую награду за свою непоколебимую вѣру въ помощь и покровительство Господа и Божьей Матери, и одержать въ скоромъ будущемъ другую, не менѣе славную побѣду, чѣмъ надъ невѣрующими въ Алжирѣ. Это благословеніе церкви предшествовало изданiю ордонансовъ. Общество не забыло лицемѣрную роль архіепископа.

Дворецъ его не охранялся, маленькій отрядъ 12-го легіона національной гвардіи, подъ начальствомъ Франсуа Араго (François Arago), былъ слишкомъ слабъ, чтобы устоять передъ натискомъ толпы. Нѣсколько сильныхъ молодцовъ дружнымъ напоромъ выломали ворота.

Въ одно мгновеніе всѣ комнаты были полны народа. Сломали люстры, разорвали картины, разбили мраморныя статуи, раздробили столы и кресла, разобрали паркетъ. Книги, манускрипты, распятiя, молитвенники и всякаго рода одѣянiя изъ оконъ полетѣли въ садъ, а оттуда въ Сену. Никто не думалъ о грабежѣ; всѣми овладѣла безумная жажда разрушенiя. Безчисленные памятники науки и искусства погибли въ этотъ день. Какъ быстро, безопасно и весело совершалось опустошеніе!

Среди хохота, шуточныхъ возгласовъ, остротъ и одобрительныхъ „браво!“ Была масляница. Гулъ безпорядковъ сливался въ одну общую оргію со всѣми дурачествами, обычными въ этотъ праздникъ. На слѣдующій день вмѣсто архіепископскаго дворца, возвышались лишь груды развалинъ.

Палата депутатовъ, правоспособность которой съ самаго начала была сомнительной, послѣ долгихъ дебатовъ вотировала новый избирательный законъ, понижавшій избирательный цензъ съ 300 до 200 франк. Засѣданіе, назначенное на 20-е апрѣля 1831 года, было отложено, а вскорѣ старая палата была замѣнена другой, составленной на новыхъ началахъ. Лафитъ, еще до того взявшій отставку у короля, былъ замѣненъ крайне реакціоннымъ, т. е. буржуазно-реакціоннымъ, Казиміромъ Перье.

Казиміръ Перье, хотя и былъ издавна на сторонѣ оппозиціи, не желалъ, однако, революціи и не содѣйствовалъ ей; онъ до послѣдней минуты старался предотвратить низверженіе Бурбоновъ. Послѣ побѣды народа, собственные интересы подсказали ему стать на сторону революціи; онъ задался цѣлью препятствовать ея дальнѣйшему развитію и всѣми средствами, находившимся въ его распоряженіи, укрѣпить и поддерживать новый порядокъ, порожденный революціей. Въ этихъ видахъ онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы въ палатѣ депутатовъ передъ лицомъ всей страны торжественно и опредѣленно отказаться отъ всякой пропагандистской политики *), къ которой при случаѣ прибѣгалъ его предшественникъ, вопреки выдвигаемому имъ принципу невмѣшательства.

Казиміръ Перье оставался равнодушнымъ къ революціи въ Италіи и Польшѣ; французская кровь, говорилъ онъ, должна проливаться только для пользы Франціи. Но, прежде всего, онъ рѣшилъ подавить всякое революціонное движеніе во Франціи, въ какой бы формѣ оно ни выражалось.

Его товарищами были: военный министръ маршалъ Сультъ (Soult), иностранныхъ дѣлъ—генераль Себастиани (Sébastieni), финансовъ—баронъ Луи (Louis), министръ юстиціи—Бартъ (Barthe), бывший карбонарій; министръ народнаго просвѣщенія и церкви (культы)—Монталиве (Montalivet), торговли и труда—

*) Подъ пропагандистской политикой слѣдуетъ разумѣть обновленіе традицій великой французской революціи, которыя обяывали поддерживать въ другихъ странахъ Европы всякое освободительное движеніе. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что если новый порядокъ—буржуазное королевство—и казался болѣе радикальнымъ элементомъ Франціи реакціоннымъ или контрреволюціоннымъ, то остальные европейскія правительства все еще считали его ультрареволюціоннымъ, и радикальные элементы за границей привѣтствовали его, какъ достигнутый идеаль. Прочтите восторженные статьи и письма того времени Гейне и Берне: это отголоски сокровенныхъ мечтаній самыхъ смѣлыхъ умовъ въ тогдашней Германіи. Правительства Европы съ радостью воспользовались бы первой возможностью снова водворить во Франціи господство легитимистовъ (Бурбоновъ).

д'Аргу (d'Argout), морской министр—Риньи (Rigny). Наиболѣе сильнымъ изъ всѣхъ министровъ былъ самъ предсѣдатель совѣта министровъ. Одинъ маршалъ Сультъ могъ бы его превзойти. Онъ, однако, не стремился къ вліянію въ кабинетѣ министровъ и желалъ лишь безпрепятственно и деспотично хозяйничать въ своей сферѣ и увеличивать свое богатство, награбленное во времена имперіи. Наряду съ неоспоримымъ военнымъ талантомъ и высшими качествами государственнаго дѣятеля, этотъ солдатъ обладалъ всѣми недостатками военного временщика; онъ былъ жаденъ, грубъ и хитеръ.

Согласно своей программѣ, Казиміръ Перье тотчасъ же отказалъ итальянскому возстанію въ поддержкѣ, которую Франція оказывала ему до послѣдняго времени. Находящіеся въ Марселѣ и Ліонѣ итальянскіе бѣглецы были отданы подъ надзоръ полиціи. Французскій народъ былъ безсиленъ противодѣйствовать такой перемѣнѣ во внѣшней политикѣ, но враждебность къ правительству республиканской оппозиціи росла съ каждымъ днемъ.

Вся эта оппозиція соединялась подъ знаменемъ „Общества друзей народа“. Такъ называлось смѣлое общество, состоявшее изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые въ іюльскіе дни стояли во главѣ народа. Въ первые дни существованія министерства Казиміра Перье республиканская оппозиція одержала побѣду на судѣ. Девятнадцать ея видныхъ членовъ, между ними Гинаръ (Guinard), Трела (Trélat) и Годфруа Кавеньякъ (Godefroy Cavaignac), старшій братъ генерала той же фамиліи, молодые борцы, окрѣпшіе въ школѣ преслѣдованій, привлекались къ суду. Ихъ, какъ бывшихъ офицеровъ и рядовыхъ изъ національной гвардіи, обвиняли въ намѣреніи насильственно свергнуть короля во время суда надъ министрами Карла X. Обвиняемые воспользовались судомъ, выступили съ суровой критикой существующаго порядка и господствующей реакціонной политики и публично изложили свои республиканскіе принципы. Дебаты тянулись нѣсколько дней, вызвали сильное броженіе въ народѣ и окончились полнымъ оправданіемъ всѣхъ обвиняемыхъ, которыхъ торжествующая толпа съ триумфомъ проводила домой.

Выбранная по новому закону палата депутатовъ была открыта тронной рѣчью короля 25 іюля 1831 года. Высокомѣрная рѣчь, редактированная Казиміромъ Перье, глубоко оскорбила республиканцевъ. Въ рядахъ оппозиціи находились генералъ Ламаркъ (Lamarque), уроженецъ южной Франціи, живая, яркая рѣчь котораго всегда будила воспоминанія о временахъ Наполеона I *); столь извѣстный въ научныхъ лѣтописяхъ Франсуа Араго (François Arago) и наконецъ Тьеръ и Оди-

*) Демократическая оппозиція при Луи Филиппѣ была сильно проикнута наполеоновскими тенденціями или, по мѣткому выраженію Наполеона, придерживалась тактики, помогшей въ послѣдствіе Луи Бонапарту осуществить свои замыслы. Точно также и радикалы въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовали совмѣстно съ легитимистами. Д. Э.

лонъ Баро (Odileon Barrot). Но въ періодъ оппозиціоннаго движенія первую роль игралъ Могэнъ (Mauguin); вмѣстѣ съ генераломъ Ламаркомъ онъ наносилъ сильные удары реакціонной политикѣ правительства. Благодаря имъ, напр., въ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь было вставлено выраженіе увѣренности палаты въ томъ, „что польская національность не погибнетъ“.

Вѣсть о слачѣ Варшавы 7-го сентября 1831 г. и объ окончательномъ подавленіи польскаго возстанія дошла до Парижа 15-го сентября. Городъ пришелъ въ крайнее возбужденіе; озлобленіе дошло до того, что были попытки грабить оружейныя лавки и строить баррикады. Встрѣтивъ рѣшительный отпоръ со стороны властей, волненіе постепенно улеглось.

Въ палатѣ правительство вело тяжелую борьбу. Сообщая 16 сент., что Варшава находится въ рукахъ Россіи, генераль Себастьяни употребилъ позорное выраженіе: „*Въ Варшавѣ царитъ порядокъ*“; а въ засѣданіи 19 сентября у него вырвалось замѣчаніе, что 1815 годъ больше не повторится, если Франція будетъ *благоразумна*. Эти слова переходили изъ устъ въ уста и дали превосходный поводъ Могэну выступить съ уничтожающей критикой политики Казимира Перье. „Реставрація, полная реставрація находится у кормила правленія“. „Вотъ въ чемъ зло; вотъ въ чемъ опасность! а тутъ выступаютъ съ желаніемъ напугать насъ республикой“. Однако, оппозиція была въ меньшинствѣ. Пренія въ палатѣ, за которыми напряженно слѣдили не только Парижъ и Франція, но и вся Европа, длились нѣсколько дней, и въ результатѣ, вмѣсто слѣдствія, предложеннаго оппозиціей, принятъ былъ порядокъ дня, предложенный правительствомъ. Достаточно было одной недѣли, чтобы сильное возбужденіе въ парламентѣ и въ обществѣ смѣнилось полнѣйшимъ равнодушіемъ.

Паденіе Польши и безрезультатное броженіе въ Парижѣ окончательно опредѣлили участь революціоннаго принципа въ Европѣ. Тѣ народы, которые революціонная Франція хотѣла взять подъ свое покровительство, были поработены или утратили политическую самостоятельность. Польша существовала только въ воображеніи, объ Италіи забыли. Благодаря наступательнымъ и оборонительнымъ союзамъ правительствъ, возставшіе народы не могли сноситься или соединяться между собой. Когда же въ 1831 г. въ Европѣ распространилась еще холера и въ мартѣ слѣдующаго года появилась и въ Парижѣ, чаша страданій народа переполнилась.

Въ самый разгаръ реакціонной политики своихъ министровъ Луи Филиппъ осторожно держался въ сторонѣ; разъ только онъ высказалъ свое мнѣніе, что важнѣе всего въ политикѣ умѣнье держаться золотой середины („*juste milieu*“). Какую, именно, политику онъ имѣлъ въ виду, ясно доказывали быстро смѣнявшіяся впродолженіе слѣдующихъ 15 лѣтъ министерства, ничѣмъ не отличавшіяся другъ отъ друга. Вдохновляемое имъ законодательство двигалось все дальше въ сторону реакціи.

Страданія народа не трогали Луи Филиппа; онъ ихъ не понималъ. Между рабочимъ классомъ и правительствомъ въ продолженіе всѣхъ 15 лѣтъ существованія буржуазнаго королевства кипѣла то тайная, то открытая вражда. Опираясь на армію и на новую національную гвардію, Луи Филиппъ чувствовалъ силу за собой.

Поднимая революціонное знамя въ іюльскіе дни, рабочіе Парижа боролись за обновленіе великихъ идей 1789 г. и 1793 г., унаслѣдованныхъ внуками отъ дѣдовъ и отцовъ. По неумолимымъ законамъ исторіи, за каждой революціей слѣдуетъ реакція. Если побѣдители не хотятъ лишиться плодовъ своихъ побѣдъ, они должны съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать то, что они завоевали.

Мы видѣли съ какой легкостью въ іюльскіе дни буржуазія вырвала побѣду изъ рукъ самоотверженныхъ борцовъ и сама воспользовалась ея плодами. Послѣ такой узурпаціи, юные борцы обманутаго народа искали средствъ и путей силой вернуть народу его права. Съ этой цѣлью во всѣхъ концахъ Франціи были основаны сначала открытыя, затѣмъ тайныя общества. Наивно вѣрили, что достаточно образовать революціонные комитеты, сдѣлать рѣшительный шагъ и ударить въ набатъ, какъ широкая масса воспламенится, и разыграется революція.

Ужасная нужда народа, хотя и отрицаемая оффициально, вызывала во многихъ мѣстахъ отчаянныя попытки добиться улучшенія своего положенія. Первый взрывъ неожиданно вспыхнулъ во время министерства Казимира Перье, 21 ноября 1831 г. въ Ліонѣ, второй столицѣ королевства. Причиной была крайняя бѣдность ткачей шелковыхъ матерій, составлявшихъ главную массу рабочаго населенія Ліона.

Вслѣдствіе полного нарушенія нормальнаго хода хозяйственной жизни, среди рабочихъ началась крайняя нужда. Многія тысячи не имѣли заработка. Какъ мы видѣли, въ Парижѣ постарались облегчить вопіющую нужду, устройвъ общественныя работы, зачисливъ безработныхъ баррикадныхъ борцовъ въ вновь организованную городскую полицію, назначивъ пенсіи вдовамъ и сиротамъ убитыхъ, учредивъ благотворительныя общества.

Но не такъ было въ Ліонѣ. Фабриканты, желая свалить свои неудачи на выносливыя плечи рабочихъ, понизили заработную плату за 18-ти часовую рабочій день до 1 фр. и 1 фр. 25 сант. Отъ 30.000 до 40.000 рабочихъ съ семьями были приговорены къ жестокимъ лишеніямъ. Опытъ уже научилъ рабочихъ соединяться для взаимной поддержки. Правленія „кассы взаимопомощи“ (mutuelles) были естественными представителями рабочихъ въ борьбѣ съ 800 фабрикантами. По ихъ настоянію, собрался совѣтъ изъ 22-хъ фабрикантовъ и такого же числа рабочихъ и выработалъ новыя расцѣнки, которыя должны были получить обязательную силу. Это совѣщаніе происходило одъ предсѣдательствомъ ліонскаго префекта, Бувье Дюмоларъ

Возстание въ Лионѣ.

(Bouvier Dumolard). 25 октября новые расцѣнки были подписаны, и подписи удостоверены префектомъ. Рабочіе остались довольны, хотя эти расцѣнки и были значительно ниже ихъ прежняго заработка; но 104 изъ 800 фабрикантовъ отказались ихъ принять. Враждебный рабочему классу, крупный буржуа и король финансовъ, Казимиръ Перье сталъ на сторону этихъ 104, порицалъ префекта за его вмѣшательство, и соглашеніе о новыхъ расцѣнкахъ провалилось.

Нужда все росла, и 20-го ноября рабочіе предмѣстья Круа Русъ (Croix Rousse), расположеннаго на холмѣ, рѣшили поднять возстаніе. Они захватили значительное число ружей и двѣ пушки и 21-го ноября утромъ двинулись на Лионъ. Впереді несли черное знамя, на которомъ впервые гдѣсь выступившій рабочій Альберъ (Albert) сдѣлалъ надпись глубокаго значенія: „Жить, работая или умереть, сражаясь“ „Vivre en travaillant ou mourir en combattant“ На встрѣчу вышелъ батальонъ національной гвардіи. Въ новыхъ суконныхъ мундирахъ, въ гренадерскихъ медвѣжьихъ шапкахъ, сыновья богатыхъ гражданъ выступали врагами народа. Произошло сраженіе; батальонъ былъ отбитъ. Національная гвардія изъ дѣтей народа, въ старыхъ мундирахъ, присоединилась къ рабочимъ; только войско оказало нѣкоторое сопротивление. Къ вечеру слѣдующаго дня весь Лионъ былъ во власти повстанцевъ; въ эту же ночь войска очистили и ратушу. Префектъ Дюмоларъ остался на своемъ посту. Управляющимъ ратуши былъ выбранъ рабочій. Уже вечеромъ 23 ноября спокойствіе города охранялось самими рабочими.

Лучшей охраны лионскіе буржуа не могли желать. Изможденные, одѣтые въ лохмотья люди, дрожа отъ холода, стояли у воротъ казначейства, правительственныхъ зданій и домовъ богатѣйшихъ гражданъ, охраняя чужую собственность.

Но, къ сожалѣнію, дѣло побѣдителей ограничилось этимъ. Рабочіе еще не ясно сознавали свои классовые интересы и не пошли дальше маловажнаго требованія о расцѣнкахъ *).

Такъ продолжалось до 3-го декабря, когда маршалъ Сультъ во главѣ 20.000 арміи явился въ Лионъ. Всѣ переговоры прекратились. Городъ былъ разоруженъ, національная гвардія распушена, префектъ Дюмоларъ устраненъ за вмѣшательство въ вопросъ о расцѣнкахъ. Приступили къ аресту „зачинщиковъ“, къ которымъ обѣ палаты почти единогласно требовали примѣненія самыхъ строгихъ каръ. Рабочіе все допустили съ тупой покорностью. Но здѣсь, когда вся буржуазія безъ различія партій, враждебныхъ другъ къ другу въ другихъ случаяхъ, была за одно съ правительствомъ, здѣсь впервые рѣзко обнаружилась классовая противоположность между рабочими и капиталистами.

*) Среди лионскихъ ткачей господствовалъ домашній способъ крупнаго производства; они работали на предпринимателей-капиталистовъ мануфактуристовъ.

Первое нападеніе на народъ на Бурдонскомъ бульварѣ.

Слѣдующее большое возстаніе было организовано „друзьями народа“ и другими революціонными союзами.

Сигналомъ къ возстанію послужили 5 іюня 1832 г. похороны упомянутаго выше генерала Ламарка, героя временъ республики и имперіи, вожака немногихъ республиканскихъ депутатовъ въ новой палатѣ. Оппозиція хотѣла устроить только демонстрацію, но она превратилась въ кровавое столкновение. Похоронный маршъ внезапно перешелъ въ марсельезу. Лафайетъ, Моганъ и др. республиканцы говорили рѣчи народу.

Торжество уже приближалось къ концу. Всадникъ, держа въ рукѣ красное знамя, на верхушкѣ котораго развивалась фригійская шапка, съ трудомъ пробравшись черезъ толпу, взошелъ на трибуну ораторовъ и привѣтствовалъ народъ, высоко поднимая знамя съ надписью: „свобода или смерть“. Впервыя народъ увидѣлъ красное знамя. Часть демонстрантовъ радостно его привѣтствовала, украсила вѣнками, а всадника съ триумфомъ понесла на рукахъ. Между тѣмъ драгунскій полкъ на Бурдонскомъ бульварѣ (Boulevard de Bourdon) бросился на толпу; завязалась борьба, скоро охватившая большую часть восточныхъ и сѣверныхъ кварталовъ.

Правительство не дремало; въ Парижѣ было собрано 20.000 солдатъ; національная гвардія въ медвѣжьихъ шапкахъ также предложила свои услуги противъ народа.

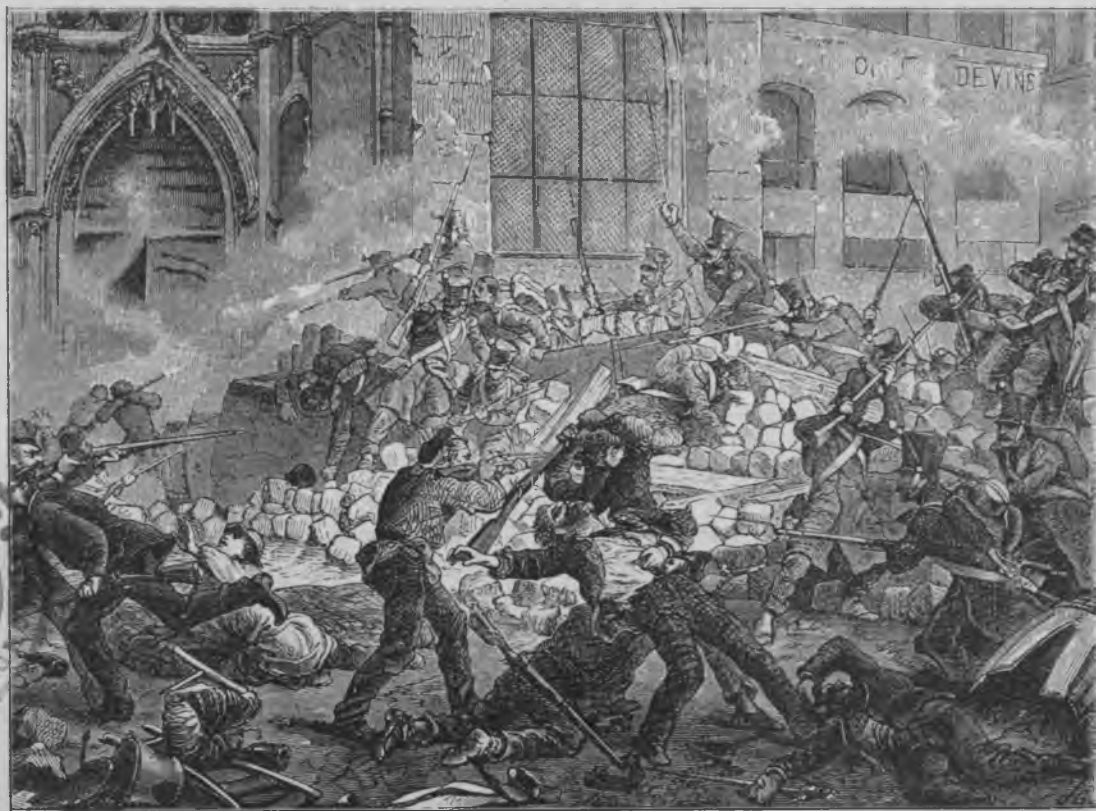
Маршалъ Лобо (Lobau) сталъ во главѣ войскъ, осторожно и хладнокровно отдавая свои приказанія. 6-го іюня послѣ полудня возстаніе было подавлено; только въ нѣкоторыхъ пунктахъ центральныхъ кварталовъ, особенно на улицѣ Св. Мартина (St. Martin), гдѣ стоялъ древній монастырь Сэнъ-Мери (St. Méry), кучка республиканцевъ въ сто человѣкъ забаррикадировалась. Въ 4 часа пополудни баррикады были разбиты пушечными ядрами и всѣ боршы, за исключеніемъ 21 человѣка, убиты. Возстаніе было подавлено. Король побѣдоносно проѣхалъ по городу—это было триумфальное шествіе. Онъ торжествовалъ: его власть уцѣлѣла еще на нѣсколько лѣтъ. Героевъ при Сэнъ-Мери народъ еще долгіе годы спустя воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ.

На слѣдующій день Парижъ былъ на военномъ положеніи, и надъ плѣнными былъ назначенъ военный судъ. Парижъ принялъ обычный мирный видъ, но надменность побѣдителя вызывала негодованіе всего общества.

29-го іюня кассационная палата отмѣнила первый смертный приговоръ, объявивъ что военные суды существуютъ только для военныхъ. Приговоры военного суда не утверждались; военное положеніе пришлось снять, военные суды отмѣнить.

Хотя „медвѣжьи шапки“ и настаивали на строгости наказаній, это не мѣшало судамъ выносить довольно мягкіе приговоры.

Правительство, конечно, стало теперь придумывать, какъ-бы раздавить столь опасное для него общество „друзей народа“. Членовъ его привлекли къ суду за организацію недозволеннаго обще-

Баррикада у церкви Свѣтъ-Мери (St. Méry).

ства. Среди обвиняемыхъ на ходился человекъ, ставшій отнынѣ душой всѣхъ республиканскихъ заговоровъ и поплатившійся за преданность своимъ идеаламъ заточеніемъ на десятки лѣтъ. Это былъ Августъ Бланки (Agvuste Blangur). Вотъ что онъ сказалъ своимъ судьямъ: „Война происходитъ между богатыми и бѣдными; ее вызвали богачи, они —зачинщики; они питаются и жирѣютъпотомъ и кровью бѣдняковъ. Современный общественный строй— это машина, немилосердно истребляющая 25 милліоновъ крестьянъ и 5 мил. рабочихъ; выжимающая изъ нихъ всѣ жизненные соки, чтобы наполнить ими жилы богачей“. Послѣ блестящей защитительной рѣчи Годфруа Кавеньяка (Godefroy Cavaignac), присяжные оправдали обвиняемыхъ. Судъ, однако, постановилъ прекратить существованіе общества „друзей народа“.

* * *

Въ разгаръ этой соціальной и политической борьбы произошло романическое приключеніе, показавшее всю несостоятельность и безсиліе легитимистской партіи. Мы говоримъ о возстаніи, организованномъ герцогиней Беррійской, матерью молодого Генриха V, герцога Бордосскаго, и встрѣченное французскимъ народомъ и буржуазіей совершенно безучастно и равнодушно. Хотя оно было направлено только противъ короля и благоденствовавшихъ подъ его покровительствомъ придворныхъ сферъ, затѣя подала поводъ къ новымъ нападкамъ на характеръ Луи Филиппа, къ еще болѣе рѣзкому порицанію поведенія „короля-гражданина“, чѣмъ во время исторіи съ принцемъ Конде. Предварительно слѣдуетъ замѣтить, что еще при рожденіи „чудо-ребенка“ (enfant du miracle) 20 сентября 1820 г. тогдашній герцогъ Орлеанскій рѣшительно отказывался признать его законнымъ сыномъ убитаго 13 февр. 1820 г. герцога Беррійскаго.

Не смотря на то, что неаполитанская принцесса герцогиня Беррійская, со стороны отца была племянницей супруги Луи Филиппа и находилась, стало быть, съ нимъ въ двойномъ родствѣ, онъ 30 сент. 1820 г. утверждалъ, тѣмъ не менѣе, защищая свои права въ статьѣ, напечатанной въ одной англійской газетѣ, что герцогъ Бордосскій—подкидышъ. Въ статьѣ говорилось:

„Его королевское высочество рѣшительно протестуетъ противъ удостовѣренія отъ 29 сент. с. г., которымъ дитя, названное Карломъ Фердинандомъ Дьедонне (Dieudonné), объявляется законнымъ сыномъ ея королевскаго высочества, герцогини Беррійской. Герцогъ Орлеанскій въ свое время укажетъ свидѣтелей, которые знаютъ происхожденіе ребенка и назовутъ его мать; онъ представитъ необходимые документы въ доказательство того, что герцогиня Беррійская со смерти своего несчастнаго супруга никогда не была беременна, и онъ укажетъ виновниковъ интригъ, орудіемъ которыхъ сдѣлалась слабая принцесса... Его королевское высочество, герцогъ Орлеанскій, убѣжденъ, что французскій народъ и всѣ монархи Европы

тыхъ фальшивыхъ паспортовъ. Но герцогиня послушалась совѣтовъ военной партіи, во главѣ которой стоялъ выше названный маршалъ Бурмонъ, и возстаніе было назначено на 4-е юня. Въ наиболѣе фанатизированныхъ мѣстностяхъ крестьянство дѣйствительно поднялось; однако, широкая масса населенія въ Вандеѣ вела себя спокойно, выжидаяще; въ городахъ національная гвардія взялась за оружіе и предложила вмѣстѣ съ войсками подавить возстаніе.

Произошло нѣсколько кровавыхъ схватокъ; съ обѣихъ сторонъ боролись съ большимъ ожесточеніемъ, не останавливаясь передъ всѣми ужасами гражданской войны: плѣнныхъ рубили на куски, раненыхъ добивали, надъ женщинами и дѣтьми надругались. Но скоро возстаніе было подавлено, и герцогинѣ оставалось только бѣжать за границу. Власти, однако, усилили свою бдительность, и благодаря принятымъ мѣрамъ герцогинѣ никакъ не удавалось добратся до границы.

Переодѣтая, она въ Вандеѣ переходила изъ одной крестьянской избы въ другую, съ трудомъ скрываясь отъ жандармовъ. Въ городѣ Нантѣ (Nantes) она нашла наконецъ безопасное убѣжище у преданныхъ ей людей. Здѣсь она скрывалась втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но въ концѣ концовъ все же попала въ сѣти, разставленныя полиціей.

Подкупленный министромъ внутреннихъ дѣлъ, Тьеромъ, крещеный еврей, по имени Дейцъ (Deutz), сумѣвшій когда-то втереться въ милость при дворѣ Карла X, ѣздившій нѣсколько разъ послѣ іюльской революціи съ тайными порученіями отъ легитимистской партіи на Пиринейскій полуостровъ, за полмилліона согласился доставить герцогиню въ руки полиціи. Ему удалось получить тайное порученіе къ герцогинѣ и 9 ноября онъ явился къ ней. Освѣдомленная о всѣхъ его шагахъ, полиція окружила домъ, гдѣ жила герцогиня, солдатами и жандармами; подъ личнымъ наблюденіемъ префекта Дюваля (Duval) былъ произведенъ тщательный обыскъ. Ломали стѣны, подняли половицы, взламывали шкафы, рыскали по подваламъ и чердакамъ и не могли найти того уголка, гдѣ притаилась герцогиня. Но они знали, что она здѣсь; на ночь въ каждой комнатѣ былъ оставленъ полицейскій отрядъ, и рѣшили на слѣдующій день, если понадобится, ломать все древнее зданіе. Чтобы согрѣться и расположиться поуютнѣе, солдаты затопили каминъ. Герцогиня и три ея спутницы, просидѣвшія 16 часовъ въ коптилкѣ позади камина тѣсно прижавшись другъ къ другу, стали задыхаться отъ жары и дыма; онѣ вышли изъ своего убѣжища и сдались. На слѣдующій день герцогиню, какъ государственную преступницу, привезли въ крѣпость Блэй (Blaye) въ Бордо и отдали на попеченіе перешедшаго въ лагерь орлеанистовъ генерала Бюжо (Bugeaud), впервые здѣсь выступающаго на сцену. Онъ поручилъ надзоръ за герцогиней капитану Арно (St. Arnaud), съ позоромъ уволенному изъ арміи при Карлѣ X и принятому обратно при Луи Филиппѣ; настоящее имя его Леруа (Leroy). Далѣе мы встрѣтимъ этого человѣка въ роли могильщика второй французской республики.

Арестъ герцогини Беррійской.

Правительство Луи Филиппа затруднялось, какъ поступить съ государственной преступницей. Кровь, пролитая ради нея въ Вандеѣ требовала возмездія. Съ другой стороны, неудобно было предавать суду герцогиню, за которой стояла партія вліятельныхъ аристократовъ, и которая, вѣдь, только отстаивала законныя права своего сына. Неожиданный случай вывелъ правительство изъ затрудненія. 22 феврала 1833 г. заключенная заявила генералу Бюжо, что она нуждается въ помощи врача. 9-го мая у нея родилась дочь; отцомъ ея, по словамъ герцогини, былъ сициліанскій дворянинъ, графъ Люккеси (Lucchesi), съ которымъ она вступила въ тайный бракъ.

Луи Филиппъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

„Во время рожденія ребенка должны присутствовать Блэйскій (de Blaye) супрефектъ, мэръ (городской голова), одинъ изъ его помощниковъ, предсѣдатель суда, прокуроръ, мировой судья, командующій національной гвардіей и господа Дюбуа и Меньеръ (Dubois и Menière).

Къ началу родовъ эти свидѣтели должны явиться въ спальню принцессы и удостовѣрить ея личность. Они должны спросить ее, беременна ли она и скоро ли ожидаетъ разрѣшенія и записать ея отвѣты или запротоколировать отказъ отъ нихъ. Свидѣтели должны обыскать спальню, сосѣднія комнаты, шкафы, конторки, ящики комодовъ и даже кровать принцессы, не спрятанъ ли гдѣ новорожденный ребенокъ. Первый крикъ ребенка долженъ быть занесенъ въ протоколь...“

Эта инструкція, эта исторія вполне соответствующая всѣмъ легитимистскимъ традиціямъ, какъ нельзя лучше сыграла въ руку республиканской партіи. „Мнѣ противно распространяться о подробностяхъ“, писалъ Луи Бланъ: „какія инструкціи, праведный Боже!“

Каждый пунктъ ихъ былъ въ точности выполненъ съ холоднымъ безстыдствомъ... Луи Филиппу даже не снилось, что, позоря свою племянницу, онъ внушаетъ презрѣніе къ принципу, на которомъ зиждется монархія; что обезчеститъ принцевъ и принцессъ значить отнять у народа уваженіе къ королевскому дому; унижить царствующій родъ, значить лишить престоль всего обаянья.

Но въ данный моментъ Луи Филиппъ достигъ своей цѣли. Политическая роль герцогини окончилась. Послѣ родовъ она была освобождена.

* * *

Какъ мы видѣли, судъ постановилъ уничтожить „Общество друзей народа“. Ряды его сильно порѣдѣли во время холеры въ апрѣлѣ и маѣ и во время уличной схватки въ іюнѣ 1832 г.

Оставшіеся члены соединились въ новомъ „Обществѣ правъ человѣка“, которое отнынѣ должно было руководить республиканскимъ движеніемъ. Попытка правительства уничтожить и это общество потерпѣла неудачу. Въ концѣ 1832 г.

судъ присяжныхъ оправдалъ двадцать изъ его членовъ, обвиняемыхъ въ намѣреніи вызвать возстаніе во время назначеннаго правительствомъ празднованія іюльскихъ дней. Центральная организация этого общества находилась въ Парижѣ, а въ провинціи повсюду были основаны филиальныя отдѣленія, раздѣленные на множество секцій, человѣкъ по 20 въ каждой.

Во главѣ общества стояли Вуайе Д'Аржансонъ (Voyer d'Argenson), Одри де-Пюйраво (Audry de Puyraveau), Годфруа Кавеньякъ (Godefroy Cavaignas), Керсози (Kersausie) и нѣкоторые другіе менѣе извѣстные республиканцы. Правительство видѣло растущее вліяніе этого общества и рѣшило нанести ему смертельный ударъ. Оно представило въ палату депутатовъ законопроектъ, по которому всѣ политическіе союзы отнынѣ не должны были основываться безъ разрѣшенія начальства; обходить же законъ о союзахъ путемъ подраздѣленія ихъ на секціи совершенно не допускалось. Недозволенное участіе въ политическомъ союзѣ считалось не преступленіемъ, а только проступкомъ, и, слѣдовательно, подлежало не суду присяжныхъ, а суду исправительной полиціи.

Этотъ проектъ придумали Гизо и Тьеръ, и имъ удалось провести его 25 марта 1834 г. въ палатѣ депутатовъ противъ соединенныхъ легитимистовъ, радикаловъ и республиканцевъ. Такимъ же образомъ былъ проведенъ 6-го мая другой законъ, запрещающій имѣть оружіе и боевые снаряды и угрожавшій смертной казнью за употребленіе ихъ во время бунта. Гизо и Тьеръ надѣялись этимъ достаточно оградить буржуазное королевство и конституцію 1830 г. Республиканцы же готовились къ послѣднему удару, какъ они думали, рѣшительному.

Но и на этотъ разъ возстаніе вспыхнуло не тамъ, гдѣ его ожидали, и не въ то время, на которое назначили. Положеніе рабочихъ въ Ліонѣ все ухудшалось. На почвѣ разногласія съ предпринимателями относительно заработной платы снова возникли волненія; процессъ, возбужденный 5 апрѣля 1834 г. противъ предполагаемыхъ зачинщиковъ беспорядковъ, переполнилъ чашу терпѣнья. „Кассы взаимопомощи“ соединились съ филиальными отдѣленіями „Общества правъ человѣка“. Въ полдень 9-го апрѣля произошла стычка передъ зданіемъ суда, гдѣ въ это время разбиралось дѣло обвиняемыхъ рабочихъ. Но у народа не было оружія, а значительно усиленный гарнизонъ подъ командой генерала Эмара (Aumar) занялъ всѣ наиболѣе важные стратегическіе пункты города.

Бой былъ ужасенъ, только на пятый день послѣ полудня Ліонъ сдался, подавленный силой правительства.

Въ францисканской церкви, послѣднемъ оплотѣ возстанія, защищаемой мужественнымъ народнымъ вождемъ Лагранжемъ (Lagrange), повторились сцены при Сэнъ-Мери (St. Mery), Озвѣрѣлые отъ вида пролитой крови солдаты не знали пощады и милосердія. Отъ ихъ штыковъ пали безпомощные больные и старики; предполагаемыхъ и дѣйствительныхъ вождей возстанія вытаскивали изъ ихъ квартиръ и разстрѣливали на улицахъ.

Вѣсти изъ Ліона всполошили всю Францію. 11 и 12 апрѣля произошли кровавыя стычки въ Сэнтъ-Этьенѣ, Вьенѣ, Греноблѣ, Клермонѣ, Оксерѣ, Пуатье. Въ Люнвилѣ (Luneville) былъ подавленъ готовый вспыхнуть бунтъ кирасировъ, руководимый унтеръ-офицеромъ Клеманъ Тома (Clément Thomas) будущимъ генераломъ. Въ Парижѣ правительство, стараясь предупредить возстаніе, арестовало въ ночь съ 12 на 13-е апрѣля 150 выдающихся членовъ „Общества правъ человѣка“. Напрасно предостерегалъ Буонаротти (Buonarotti), руководитель основаннаго послѣ іюльской революціи общества демократическихъ карбонаріевъ; напрасно журналистъ Арманъ Каррель (Armand Carrel), вскорѣ убитый Жирарденомъ на дуэли, и другіе вліятельные члены республиканской партіи предостерегали республиканцевъ отъ выступленія. Вожаки рѣшили начать возстаніе, и вечеромъ 13 апрѣля сотни баррикадъ были воздвигнуты на улицахъ Парижа. Но за ними было не болѣе 3-хъ—4-хъ тысячъ борцовъ, неспособныхъ оказать серьезнаго сопротивленія 40.000 войску маршала Лобо (Lobau) и такому же количеству національной гвардіи.

Въ 6 часовъ слѣдующаго утра маршалъ скомандовалъ наступать. Боролись со страшнымъ ожесточеніемъ; теперь еще жива въ памяти парижанъ ужасная „кровавая баня на улицѣ Транснонэнъ“ (Transnonain), гдѣ безпощадно орудовалъ генералъ Бюжо (Bugeaud).

Въ одномъ только домѣ было зарублено 19 человѣкъ въ томъ числѣ женщины и дѣти. Говорятъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, Тьеръ, далъ варварскій приказъ „истреблять по возможности молодое отродье, чтобы оно не явилось мстителемъ за павшихъ борцовъ“. Всѣхъ безчеловѣчнѣе оказались „медвѣжьи шапки“ національной гвардіи. Они мстили теперь за легкіе приговоры іюньскимъ борцамъ 1832 г. и чинили судъ буржуазіи надъ каждымъ раненымъ или плѣннымъ, попавшимъ въ ихъ руки. Вечеромъ уже палатамъ сообщили, что порядокъ восстановленъ.

Въ слѣдующіе мѣсяцы было арестовано около 2.000 человѣкъ и преданы суду палаты пэровъ за государственную измѣну. Послѣ 5 мѣсячнаго слѣдствія прокуроръ согласился поддерживать обвиненіе только противъ 318 умньшихъ, а послѣ тщательной провѣрки это число было уменьшено палатой до 164, изъ нихъ 48 бѣжало за границу. Наиболѣе извѣстные изъ обвиняемыхъ были: Арманъ Марра (Arman Marrast), Годфруа Кавенькъ (Godetfrog Cavaignac), Гинаръ (Guinard), Керсози (Kersausie) Лагранжъ (Lagrange), Коссидьеръ (Caussidière).

Зная заранѣе, чѣмъ кончится судъ, обвиняемые рѣшили обратить залъ суда въ арену политической борьбы, не обращая вниманія на интересы защиты; рѣшили дать правительству большое сраженіе, чтобы ускорить окончательную побѣду республиканской партіи.

Защитниками они избрали самыхъ краснорѣчивыхъ людей своей партіи; послѣдніе съѣхались въ Парижъ со всѣхъ кон-

цовъ Франціи; среди нихъ находились: Франсуа Араго (Francois Arago), Барбэ (Barbès), Бастидъ (Bastide), Бланки (Blanqui), Буонаротти (Buonarrotti), Карно (Carnot), Арманъ Каррель (Armand Carrel), О. Контъ (A. Comte), Пьеръ Леру (Pierre Leroux), Гарнье-Паже (Garnier-Pagès), Ледрю-Роллэнъ (Ledru-Rollin), Мари (Marie), Распайль (Raspail), Жюль Фавръ (Jules Favre), Мишель де-Буржъ (Michel de Burges).

Многіе изъ этихъ лицъ казались правительству такими опасными, что оно рѣшило прибѣгнуть къ насилію надъ ними: нарушая законъ и обычай, палата пэровъ объявила, что къ защитѣ будутъ допущены только адвокаты.

Процессъ начался 5 мая 1835 г. Обѣ стороны обнаружили большую страстность. Безконечными, ежедневно повторяющимися скандальными сценами палата пэровъ была поставлена въ безвыходное положеніе и рѣшила сгруппировать подсудимыхъ по городамъ и производить судъ надъ каждой группой отдѣльно.

13 авг. послѣдовалъ приговоръ Лионской группѣ, затѣмъ группамъ остальныхъ провинціальныхъ городовъ. 5-го декабря была очередь унтеръ-офицеровъ изъ Люнвиля; парижане получили приговоръ лишь 22 и 23 января 1836 года. Наказанія доходили до ссылки и двадцатилѣтняго заключенія. Арманъ Марра (Armand Marrast) и Годфруа Кавеньякъ (Godefroy Cavaignac) были также приговорены къ ссылкѣ, но только заочно, такъ какъ оба въ сопровожденіи 26 товарищей бѣжали вечеромъ 12 іюля изъ тюрьмы Сэнъ-Пеляжи (St-Pélagie).

Въ то время, какъ этотъ чудовищный процессъ привлекъ напряженное вниманіе всей Франціи, совершилось внезапно одно изъ тѣхъ непредвидѣнныхъ событій, которыя бывають часто на руку реакціоннымъ стремленіемъ власть имущихъ.

На 28 іюля 1835 года былъ назначенъ генеральный смотръ линейныхъ войскъ и національной гвардіи. Обычно онъ происходилъ на Марсовомъ полѣ, а на этотъ разъ былъ назначенъ на бульварахъ. Зловѣщіе слухи носились въ воздухѣ; поговаривали, что во время празднованія трехъ годовщинъ произойдетъ катастрофа; упоминали объ адской машинѣ и даже называли бульваръ Дю-Тамплъ (du Temple) мѣстомъ ожидаемаго преступленія. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Тьеръ, уже наканунѣ вечеромъ приказалъ обыскать значительное число зданій, расположенныхъ вдоль бульвара, но встрѣтивъ энергичный отпоръ со стороны обывателей, обыски скоро прекратились; администрація довольствовалась лишь зоркимъ наблюденіемъ за окнами домовъ.

Въ 10 часовъ утра Луи Филиппъ изъ Тюльери верхомъ отправился на смотръ. Его сопровождали его сыновья, герцоги Орлеанскій, Немурскій и Жуанвильскій, маршалы Мортъе и Лобо (Mortier et Lobau), министры и многочисленная свита изъ генераловъ, штабъ офицеровъ и высшихъ сановниковъ. На всемъ пути ихъ провожала зловѣщая тишина, прерываемая изрѣдка обычнымъ солдатскимъ „ура“. Въ 12 часовъ съ ми-

нутами кортежъ остановился передъ фронтомъ 8 легіона національной гвардіи, разставленнаго по бульвару Дю-Тампль. Вдругъ раздается трескъ на подобіе частой ружейной стрѣльбы. Въ одно мгновеніе земля покрывается убитыми и ранеными; среди нихъ палъ маршалъ Мортье (Mortier), генераль Лашась де Вериньи (Lachasse de Verigny), нѣсколько офицеровъ, солдатъ національной гвардіи и нѣсколько постороннихъ лицъ изъ публики; король и его сыновья остались невредимы. Въ моментъ взрыва изъ третьяго этажа дома № 50 изъ окна появились клубы дыма, и сейчасъ же за этимъ человѣкъ, обливаясь кровью, спустился по веревкѣ на низкую крышу сосѣдняго дома и влѣзъ въ открытое окно. По кровавымъ слѣдамъ его скоро нашли и арестовали. Это былъ корсиканецъ по имени Фіески (Fieschi).

Въ комнатѣ, откуда онъ бѣжалъ, находились дымяшіеся осколки его машины: 25 ружейныхъ стволовъ, расположенныхъ въ рядъ, были соединены зажигаемымъ шнуркомъ и укрѣплены на подвижной подставкѣ, поворачивая которую, стволамъ легко было придать любое направленіе и обстрѣливать большое пространство. Въ двухъ стволахъ нашли по 4 пули, 4 ствола лопнуло благодаря слишкомъ большимъ зарядамъ; ими былъ раненъ преступникъ.

5 августа жертвамъ покушенія 28 іюля были устроены роскошныя похороны. Трупы временно находились въ церкви св. Павла; отсюда ихъ торжественно перенесли для погребенія въ Домъ Инвалидовъ. Сотни тысячъ людей шло въ процессіи; настроеніе было сдержанное, сосредоточенное; всѣ партійныя страсти въ этотъ день молчали.

Но уже наканунѣ, 4-го августа 1835 г., правительство внесло черезъ министра юстиціи Персиля (Persil), бывшаго генеральнаго прокурора, въ палату депутатовъ три законопроекта, которыми имѣлось въ виду использовать въ своихъ цѣляхъ покушеніе 28-го іюля, т.-е. повторить политику министерства Деказа (Decazes) въ дѣлѣ объ убійствѣ герцога Беррійскаго (de Berry).

Первый проектъ относился къ палатамъ присяжныхъ; на усмотрѣніе министра юстиціи предоставлялось назначать для суда надъ гражданами, причастными къ возстанію, столько палатъ присяжныхъ, сколько потребуется по обстоятельствамъ. Каждый генеральный прокуроръ получалъ право сокращать формальности судопроизводства въ политическихъ процессахъ, и каждый президентъ палаты присяжныхъ могъ насильственно удалить тѣхъ обвиняемыхъ, которые будутъ мѣшать ходу заведенія, и безъ нихъ продолжать разборъ дѣла.

Второй проектъ касался суда присяжныхъ и понижалъ большинство голосовъ, установленное для осужденія виновнаго, съ 8-ми на 7.

Третій былъ направленъ противъ прессы и грозилъ за всякое оскорбленіе короля и „всякія нападки на принципы правительства“ тюремнымъ заключеніемъ на нѣсколько лѣтъ

Покушеніє Фієски.

и денежнымъ штрафомъ отъ 10.000 до 50.000 франковъ. Подъ угрозой суроваго наказанія, запрещалось публично критиковать существующій образъ правленія, выражать пожеланія отмѣны монархическаго строя, устраивать сборы для покрытія денежныхъ штрафовъ за преступленія по дѣламъ печати и т. д. Въ довершеніе всего законъ устанавливалъ цензуру для театральныхъ пьесъ и иллюстрацій (карикатуръ).

Палаты оправдали надежды, возложенныя на нихъ правительствомъ; къ предложеннымъ законамъ о печати онѣ даже сдѣлали дополненія, еще усиливающія и безъ того неслыханную строгость. Палата депутатовъ черезъ своего докладчика Сосэ (Sauset) предложила назначить денежный штрафъ и тюремное заключеніе за неуваженіе къ правамъ собственности, къ святости присяги и существующимъ законамъ. Залогъ за періодическія изданія былъ повышенъ съ 48.000 до 100.000 франковъ (Сосэ предложилъ 200.000 фр.); уплата залога требовалась наличными; издателемъ разрѣшалось быть только лицу владѣющему капиталомъ не менѣе чѣмъ въ $\frac{1}{3}$ этой суммы.

Напрасно послѣ многолѣтняго молчанія въ палатѣ депутатовъ поднялъ свой голосъ Руайе Колларъ (Rouyer Collard) основатель такъ называемой „доктринерской школы“, находящейся въ лицѣ герцога Де-Брогли и Гизо (de Broglie et Guizot) у кормила правленія; онъ напрасно предостерегалъ отъ ошибокъ своихъ собственныхъ учениковъ. Напрасно Вильманъ (Villemain), знаменитый товарищъ Гизо изъ Сорбонны старался въ палатѣ пэровъ защищать свободу печати. Обѣ палаты всѣми силами стремились провести пресловутые законы, которые сохранились въ памяти народа и историковъ подъ именемъ сентябрьскихъ законовъ. 9-го сент. 1835 года они были окончательно утверждены

Тотчасъ-же послѣ приговора надъ парижскими обвиняемыми по дѣлу 1834 г., палата пэровъ 30-го января 1836 года приступила къ разбору дѣла Фіески (Fieschi) и его соучастниковъ. Послѣднихъ удалось найти благодаря признанію самого Фіески, котораго удалось убѣдить судебными уловками, что стволы его машины были заряжены слишкомъ сильно съ намѣреніемъ во время взрыва убить его самого, Фіески, чтобы онъ не выдалъ соучастниковъ. Изъ гнѣва и мести Фіески ихъ предаль. Это были: сѣдельщикъ Морей (Morey), бѣдный старый якобинецъ—фанатикъ, составившій планъ покушенія; хозяинъ колоніальной лавки Пепанъ (Perin), давшій на это дѣло деньги, и молодой ремесленникъ-подмастерье Буаро (Voireau), участвовавшій только косвенно и безсознательно. Онъ-то и проболтался въ трактирѣ, откуда возникли слухи о предстоящемъ покушеніи. Фіески, корсиканскій разбойникъ, совершилъ преступленіе изъ мести за то, что былъ отвергнутъ полиціей, когда, самонадѣянный и тщеславный, онъ предложилъ ей свои услуги. Приговоръ палаты пэровъ былъ объявленъ 15 февр. 1836 г.: Фіески, Морей и Пепанъ присуждались къ смертной

казни; Буаро—къ 20-ти лѣтнему заключенію. 19 февраля совершилась казнь надъ приговоренными.

* * *

Въ это самое время Франція переживала министерскій кризисъ. Министерство Сульта—Брогли—Гизо—Тьера, продолжавшее реакціонную политику „золотой середины“ Казимира Перье, умершаго 16 мая 1832 г., всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ издавшее пресловутые сентябрскіе законы, теперь раздиралось внутренней борьбой между Тьеромъ и Гизо и разногласіями относительно внѣшней политики. 22 февраля 1836 г. оно уступило мѣсто министерству Тьера, которое уже 6 сент. 1836 г. смѣнилось министерствомъ Моле (Molé), въ немъ Гизо снова сдѣлался министромъ просвѣщенія. Мелочные раздоры между Моле и Гизо привели 15 апрѣля 1837 г. къ новому кабинету Моле, который, выбросивъ изъ своей среды Гизо, держался до 8 марта 1839 г. Затѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ существовало временное министерство изъ политиковъ второго и третьяго разряда. 12 мая 1839 г. образовалось министерство Сульты, въ которомъ прежній республиканецъ, адвокатъ Тестъ (Teste), пріобрѣтшій нѣсколько лѣтъ спустя печальную извѣстность, занималъ должность хранителя печати. 1 марта 1840 г. на смѣну явилось министерство Тьера, въ которомъ генеральъ Кюбьеръ (Cubières), раздѣлившій позднѣе участь Теста (Teste), былъ военнымъ министромъ. Однако въ томъ же году Тьеръ былъ свергнутъ и долженъ былъ 29 окт. 1840 г. уступить мѣсто министерству Сульта—Гизо, которое съ нѣкоторыми измѣненіями въ своемъ составѣ продержалось до февральской революціи. Руководители быстро смѣнявшихся министерствъ послѣ смерти Казимира Перье были Тьеръ, Гизо и Моле; они продолжали реакціонную политику Перье, Тьеръ—съ нѣсколько либеральной окраской, Гизо—осторожно и медленно, графъ Моле—съ юнкерской беззащитностью.

Законодательные акты, исходившіе отъ этихъ реакціонныхъ министерствъ въ союзѣ съ палатой пэровъ, политическое вліяніе которой свелось къ нулю, были крайне жалки. Чиновники, жаждавшіе повышенія; фабриканты, домогавшіеся подрядовъ на войско и флотъ; прожектеры, находившіе поддержку у государства; словомъ всякаго рода „искатели счастья“ (авантюристы), составляли правительственное большинство въ палатѣ депутатовъ, а для достиженія такого большинства во время выборовъ пускались въ ходъ всѣ средства. Гизо достигъ того, что въ послѣдніе годы передъ февральской революціей „народное представительство“, если о таковомъ вообще можно было говорить при наличности 200.000 избирателей, состояло почти на половину изъ зависимыхъ отъ правительства чиновниковъ.

Сентябрскими законами 1835 г. жизнедѣятельность республиканской и социалистической прессы была убита; правительство отнынѣ стало пользоваться предоставленнымъ ему правомъ и безъ всякой надобности возбуждать одинъ за дру-

гимъ процессы по дѣламъ печати, почти всѣ они передъ судомъ присяжныхъ кончались полнымъ оправданіемъ. Въ случаѣ же осужденія судебная палата, состоявшая изъ зависимыхъ отъ министерства судей, налагала поистинѣ драконовскія наказанія. Вотъ примѣръ: издаваемая Арманъ Марра (Armand Marrast) „Трибуна“, не подчинявшаяся сентябрьскимъ законамъ, была 111 разъ привлекаема къ суду и только 20 разъ признана виновной. Но наказанія, возложенныя на нее въ этихъ 20 случаяхъ равнялись 49 годамъ тюремнаго заключенія и 157.630 фр. денежнаго штрафа. Этими мѣрами газета послѣ четырехлѣтней борьбы была вынуждена прекратить существованіе.

Реакціонные законы о печати, въ нѣкоторыхъ частяхъ превосходившіе своей строгостью даже ордонансы Полиньяка, въ 1842 году во время министерства Гизо-Сультъ сдѣлались совершенно невыносимыми, благодаря произвольнымъ толкованіямъ ихъ со стороны суда. По законамъ о печати 1818 года, обвиненія, исходящія отъ должностныхъ лицъ, подлежали суду присяжныхъ, частныя же обвиненія въ оскорбленіи обычно поступали въ судебную палату. Судъ присяжныхъ обязательно требовалъ доказательствъ справедливости обвиненія, но въ частныхъ искахъ, гдѣ дѣло шло только о формальномъ оскорбленіи, они считались ненужными.

Этотъ же старый законъ требовалъ, чтобы чиновники и другія должностныя лица, оскорбленныя какъ таковыя, обращались только къ суду присяжныхъ, ихъ такимъ образомъ вынуждали подтвердить свое обвиненіе доказательствами. При сильномъ разложеніи бюрократическаго строя, это условіе чиновникамъ казалось крайне тягостнымъ. Законъ, существовавшій неприкосновенно 24 года, былъ извращенъ безчестными разъясненіями въ 1842 году въ томъ смыслѣ, что чиновники, оскорбленные прессой, могли по собственному выбору обращаться къ суду присяжныхъ, предъ которымъ необходимо было доказать справедливость обвиненія, или къ обыкновенному суду, не требовавшему этого.

Противъ всѣхъ злоупотребленій законодательной политики, либеральная буржуазія придумала лишь одно спасеніе: она требовала избирательной реформы, имѣя въ виду удвоить число избирателей путемъ пониженія избирательнаго ценза и привлеченія въ палату всѣхъ интеллигентныхъ и просвѣщенныхъ силъ. Это былъ главный лозунгъ тѣхъ банкетовъ либеральной буржуазіи, запрещеніемъ которыхъ ослѣпленное, эгоистичное правительство дало внѣшній толчекъ къ февральской революціи.

Ни многократныя пораженія въ уличной борьбѣ, ни смерть, унесшая многихъ борцовъ, ни полное подавленіе печати не были въ силахъ обезкуражить или, какъ многіе думали, со всѣмъ стереть съ лица земли республиканскую партію.

Число республиканцевъ было невелико, но тѣмъ рѣшительнѣе и энергичнѣе они пользовались каждымъ удобнымъ

случаемъ, чтобы нанести ударъ существующему порядку. Ихъ легальныя организациі были упразднены и подавлены вновь изданными законами. Но уже лѣтомъ 1835 г. на мѣсто разбитыхъ организаций явился тайный союзъ. Онъ носилъ названіе „семьи“ и былъ основанъ Барбэ и Бланки (Barbès и Blanqui), работавшими въ то время въ полномъ согласіи.

Оба пользовались большимъ уваженіемъ рабочаго населенія и вполне его заслуживали. „Семья“ не устраивала никакихъ собраній, не выпускала прокламацій, не имѣла знаковъ отличія. Каждый 5 человекъ составляли „семью“, глава которой

Барбэ (Barbès).

одинъ зналъ ихъ имена и велъ сношенія съ представителями центральнаго комитета. Всѣ приказанія передавались устно, плановъ никакихъ не сообщалось. Каждый былъ просто обязанъ держать всегда наготовѣ ружье и патроны и ни въ какомъ случаѣ не выступать до опредѣленнаго дня. Въ концѣ 1835 г. „семья“ состояла изъ 1200 человекъ. Вдругъ въ мартѣ 1836 г. полиція открыла тайный пороховой и патронный заводъ. Связь рабочихъ этого завода съ „семьей“ повела къ аресту Барбэ и Бланки

Выяснилось, что послѣдніе успѣли склонить въ пользу своего плана нѣкоторое число военныхъ изъ парижскаго гарнизона; среди нихъ были: одинъ майоръ, нѣсколько поручиковъ и приблизительно 30 унтеръ-офицеровъ. Планъ заклю-

чался въ томъ, чтобы въ назначенный день рано утромъ силой овладѣть непосвященными въ дѣло офицерами, а заранѣе намѣченные полки и присоединившихся къ нимъ рабочихъ изъ „семьи“ повести на Тюльери. Изъ участвовавшихъ въ заговорѣ унтеръ-офицеровъ самымъ извѣстнымъ былъ Мартинъ Бернаръ (Martin Bernard). Чтобы не возникло подозрѣнія въ преданности и надежности войскъ, дѣло въ скомпрометтированныхъ полкахъ было замято; замѣшанные солдаты были переведены къ африканскіе полки. Барбэ и Бланки 30-го мая 1837 г. были освобождены изъ тюрьмы, благодаря амнистіи по случаю бракосочетанія герцога Орлеанскаго.

Хотя въ это время и наступило всеобщее утомленіе политической борьбой, они все же не отчаялись въ возможности насильственнаго проведенія своихъ идеаловъ и думали смѣлымъ выступленіемъ снова пробудить къ жизни потухавшую революцію.

Въ іюнѣ 1837 г. на мѣсто разгромленной „семьи“ было основано новое общество „Времена года“, съ опредѣленной соціалистической окраской, что соотвѣтствовало степени развитія общественной жизни, слѣвавшей значительный шагъ впередъ. Цѣлью общества было „уничтожить аристократію“ и, такъ какъ іюльская революція покончила уже съ родовой аристократіей, то общество направило свою дѣятельность противъ въ десять разъ худшей денежной аристократіи, т. е. противъ „капиталистовъ, банкировъ, поставщиковъ, монополистовъ, крупныхъ земельныхъ собственниковъ, биржевиковъ, словомъ противъ всѣхъ грабителей, жирѣющихъ на счетъ народа“. Оно задалось цѣлью уничтожить ихъ путемъ „соціальной и радикальной революціи“, состоящей въ отмѣнѣ всѣхъ имущественныхъ и родовыхъ привилегій и введенія принципа равенства *).

Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ заговоровъ, которые намъ извѣстны въ исторіи. Основатели его обнаружили такую ловкость и тонкость въ веденіи дѣла, что весь организационный механизмъ удалось закончить прежде, чѣмъ полиція, подъ руководствомъ пресловутаго профессора Жиске (Gisquet), успѣла хоть что-нибудь пронюхать о существованіи заговора **).

*) Если внимательно взглянуть въ этотъ перечень враговъ народа, мы найдемъ, что онъ перечисляетъ только паразитовъ и временныхъ противниковъ капиталистическаго способа производства и ничего не говоритъ о немъ самомъ. Другими словами: социализмъ этой радикальной партіи чисто мелкобуржуазный. Онъ является отраженіемъ борьбы промышленниковъ съ господствующими представителями денежной аристократіи и ихъ прихвостнями. Эта борьба происходитъ на протяженіи всей эпохи буржуазнаго королевства и опредѣляетъ его историческій характеръ, но она не являлась и не могла явиться при тогдашнемъ экономическомъ развитіи Франціи результатомъ противорѣчій интересовъ капитала и труда въ промышленности.

**) Послѣ выяснилось, что полиція узнала, благодаря своимъ агентамъ, нашедшимъ доступъ къ нѣкоторымъ республиканцамъ, что готовится заговоръ; но ей не удалось получить въ руки такія нити, которыя дали бы успѣшные результаты ея розыскамъ. Д. Э.

Организація была идеальна. Каждые 6 человекъ составляли „недѣлю“, во главѣ которой стояло „воскресенье“; 28 человекъ составляли „мѣсяць“, которымъ командовалъ „юль“, 84 человекъ составляли „время года“ подѣ начальствомъ „весны“, а 352 человекъ составляли „годъ“ или батальонъ, майоръ котораго назывался „революціоннымъ агентомъ“. Каждый членъ зналъ только свое непосредственное начальство. Имена замѣнялись номерами. Списковъ не существовало; тщательно избѣгали что-либо писать. Смотры производились открыто на улицѣ и такимъ образомъ, что только вожаки знали о присутствіи своихъ подчиненныхъ, совершенно незнакомыхъ другъ съ другомъ. Отъ главнаго комитета зависѣло, не предупреждая участниковъ, раздать въ послѣднюю минуту одного изъ смотровъ оружіе и поднять возстаніе. Въ началѣ 1839 года это общество имѣло въ своихъ рядахъ уже 10 „временъ года“, т.е. два съ половиной „года“ или батальона, всего 850 человекъ подѣ начальствомъ Барбэ, Бланки и Мартина Бернара, уволеннаго къ этому времени съ военной службы. Эти люди составляли ядро арміи, къ которой въ моментъ возстанія, какъ рассчитывали, присоединятся тысячи добровольныхъ борцовъ.

12-го мая 1839 г., въ воскресенье, когда происходили скачки, отвлекшія большую часть національной гвардіи и гарнизона, а также префекта полиціи и всѣ высшія власти въ Лоншанъ (Lonschamps), былъ назначенъ смотръ, предшествующій возстанію. Заговорщикамъ удалось овладѣть ратушей и объявить временное правительство; Бланки былъ выбранъ главнокомандующимъ. Но, увы! Широкія массы народа оставались безучастными. Вернувшійся со скачекъ городской комендантъ при помощи войска и національной гвардіи вновь овладѣлъ ратушей; получивъ подкрѣпленія, солдаты быстро разрушили баррикады, возведенныя въ центрѣ города, и разсѣяли мятежниковъ. Въ 11 часовъ вечера все движеніе было подавлено, Мартинъ Бернаръ и тяжело раненый Барбэ были арестованы. 15-го іюля палата пэровъ приговорила перваго къ ссылкѣ, а втораго къ смерти, 13 участниковъ возстанія къ тюремному заключенію.

Бланки былъ арестованъ только 14-го октября; въ январѣ 1840 года онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, а 29 обвиняемыхъ по его дѣлу къ тюремному заключенію. Смертные приговоры, однако, не были приведены въ исполненіе. Безъ всякой просьбы со стороны приговоренныхъ, король замѣнилъ казнь ссылкой. Большинство изъ нихъ помѣстили въ тюремныя кѣліи бывшаго монастыря Монъ-Санъ-Мишель (Mont St.-Michel) на берегу Нормандіи. Февральская революція освободила изъ заточенія Барбэ и Бланки, сохранившихъ всю прежнюю энергію.

Революціонное политическое движеніе было подавлено на много лѣтъ. Въ это время выросъ новый врагъ существующаго порядка, социальный вопросъ. Съ тѣхъ поръ какъ бур-

жуазія утвердилась во власти, на ряду съ борьбой политическихъ партій шель непрерывный споръ о заработной платѣ между хозяевами и подмастерьями, фабрикантами и рабочими. Вопіющей несправедливостью существующихъ законовъ, дерзкимъ нарушеніемъ законодательныхъ постановленій со стороны предпринимателей увеличивалась и безъ того тяжелая зависимость наемнаго рабочаго отъ работодателя, порожденная экономическими условіями развивающагося капиталистическаго строя. Но правительство не принимало ни малѣйшихъ мѣръ противъ злоупотребленій и не думало проводить какую бы то ни было социальную реформу.

Даніэль Стернь, графиня Д'Агульть (d'Agoult), супруга Франца Листа и мать г-жи Козима Вагнеръ (Cosima Wagner), рассказываетъ, что съ 1830 до 1848 г. всѣ мѣропріятія правительства въ области социальныхъ реформъ выразились въ трехъ циркулярахъ, касающихся попеченія о бѣдныхъ; министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ ихъ префектамъ, которые похоронили ихъ въ канцелярскихъ шкафахъ. Луи Филиппъ полагалъ, что подкупъ и насиліе могутъ убить все честное и идеальное въ человѣкѣ, что административныя мѣры могутъ заставить молчать. До 22 февр. 1848 г. въ правительственныхъ сферахъ издѣвались надъ социализмомъ и организаціей труда. Пропастъ между трудомъ и капиталомъ росла съ каждымъ днемъ, а правительство дѣлало видъ, что и не подозреваетъ о ея существованіи. Правительство и палаты игнорировали все, что не имѣло отношенія къ такъ называемой „законной странѣ“, т. е. что происходило внѣ палаты и круга избирателей, обнищавшаго всего 200.000 гражданъ. Общее ослѣпленіе шло такъ далеко, что большинство въ палатѣ злостно издѣвалось надъ „петиціей труда“ (petition du travail), поданной въ палату въ 1845 г.; въ ней подавленные нуждой рабочіе покорно излагали свои скромныя требованія. Въ то время Гизо, бросившій крупной буржуазіи лозунгъ: „обогащайтесь“ (enrichissez-vous), смотрѣлъ на трудъ, который народъ считалъ своимъ правомъ, какъ на средство для обузданія массъ. Онъ съ трибуны провозгласилъ: „У насъ есть только одно могущественное средство гарантировать себя отъ прихотей бѣднаго класса—это трудъ, это—постоянная необходимость для бѣдняковъ трудиться“. Еще болѣе гнусно поступалъ президентъ палаты Сосэ (Saucet), высокомерно отвергавшій всѣ требованія рабочихъ. При обсужденіи вопроса о налогахъ и пошлинахъ на сахаръ депутатъ Гогье (Gauguier) поднялъ вопросъ о рабочихъ, занятыхъ въ отечественномъ свекло-сахарномъ производствѣ, и указалъ на ихъ неблагопріятное экономическое положеніе. Его рѣчь была шумно прервана большинствомъ палаты, и президентъ Сосэ остановилъ его словами: „Наша обязанность издавать законы, а не доставлять работу для народа“ *).

*) Какъ ни грубо звучитъ вышецитированное изреченіе, оно заключаетъ въ себѣ скорѣе косвенный отказъ въ требованіи свекло-сахарнымъ

Не хуже, чѣмъ съ Гогге, раздѣлявалось близорукое, эгоистичное большинство палаты подѣ руководствомъ президента Сосэ со всѣми ораторами оппозиціи, которые осмѣливались, какъ напр. знаменитый математикъ Франсуа Араго, касаться въ своихъ рѣчахъ соціального вопроса и указывать на необходимость новой соціальной организаціи и соціального законодательства, соответствующаго развивающейся промышленности.

Положеніе рабочаго класса стало между тѣмъ еще хуже, чѣмъ оно было до 1787 г. Правительство о рабочихъ не заботилось; но многіе изъ близко стоящихъ къ правительству лицъ пытались измѣрить всю глубину соціальныхъ бѣдствій. Этой цѣлю задалась Академія моральныхъ и государственныхъ наукъ, основываясь на пунктѣ своего устава отъ 25 октября 1795 г., предписывающаго „нѣсколькимъ членамъ этого общества ежегодно въ одиночку или вмѣстѣ объѣзжать департаменты Франціи и производить изслѣдованіе въ различныхъ областяхъ, за исключеніемъ только сельскаго хозяйства“. Возстаніе Лионскихъ рабочихъ побудило эту Академію поручить двумъ изъ своихъ членовъ, Бенуастонъ Де-Шатонёфъ (Benoiston de Châteauneuf) и доктору Вилерме (Dr. Villermé), совершить подобное путешествіе и составить подробный докладъ о положеніи рабочихъ во всѣхъ департаментахъ Франціи. Д-ръ Вилерме сошелся близко съ рабочими и сдѣлался повѣреннымъ ихъ радостей и печалей. Его докладъ былъ неприятнымъ сюрпризомъ для богатыхъ буржуа, быстро наживавшихся и утопавшихъ въ рос-

промышленниками покровительственныхъ пошлинъ для конкуренціи съ тростниковымъ сахаромъ, чѣмъ выходку по адресу рабочихъ. Что свекло-сахарные промышленники заступались за рабочихъ, имѣя въ виду свои собственные барыши, никого не должно удивлять. Но характерно для экономическаго положенія во время буржуазнаго королевства то, что рѣчи сторонниковъ покровительственныхъ пошлинъ встрѣчали живой откликъ въ рядахъ внѣпарламентской демократіи и социалистовъ того времени. Крайніе защитники покровительственныхъ пошлинъ дѣйствительно составляли въ парламентѣ сливки радикальной оппозиціи противъ Гизо. Уже Гейне писалъ въ 1843 г.: «Противниками сахарнаго тростника (въ парламентѣ) являются или заинтересованные промышленники, разсуждающіе о благѣ Франціи съ точки зрѣнія своей лавочки, или старые, отживающіе бонапартисты, которые съ благоговѣніемъ относятся къ свекловицѣ, какъ къ излюбленной идеѣ своего императора». (Положеніе Франціи, письмо 51). Но фабрикантъ Грандэнъ изъ Руана (Grandin de Rouen), самый ярый противникъ Гизо въ палатѣ депутатовъ, *послѣ* февральской революціи оказалась какъ въ Учредительномъ, такъ и въ Законодательномъ Національномъ собраніи, «самымъ фанатичнымъ орудіемъ буржуазной реакціи». (Карлъ Марксъ. „Классовая борьба во Франціи 1848 до 1850 г.“ стр. 21). Эта перемена объясняется, какъ говоритъ Карлъ Марксъ въ соответствующемъ мѣстѣ (стр. 85), относительной слабостью фабричныхъ промышленниковъ въ тогдашней Франціи, но она свидѣлствуетъ также о томъ, какая разношерстная компанія составляла оппозицію противъ буржуазнаго королевства, и что поэтому не всѣ ея лозунги можно принимать за чистую монету. Въ глазахъ многіхъ противниковъ буржуазнаго королевства его главное преступленіе заключалось въ томъ, что оно представляло интересы не всего буржуазнаго класса, а только нѣкоторыхъ его группъ.

коши. Только благодаря этому изслѣдованію, французское общество узнало, какое огромное значеніе приобрѣла промышленность, давшая новое направленіе французской революціи, измѣнившая ея политическій характеръ. Оно узнало, что духъ промышленности проникъ и въ государственную жизнь и сдѣлался господствующей силой; а тѣ, которые производятъ ея богатства и создаютъ ея могущество, живутъ въ глубокой нищетѣ; вся бездна этой нищеты была безошибочно раскрыта докторомъ Вилерме. Буржуазія читала и слушала его потрясающія картины и закрывала глаза, чтобы не видѣть отвратительнаго чудовища, глядѣвшаго на нее изъ этого зеркала. Болѣе сознательные рабочіе, которые увидѣли въ этомъ докладѣ яркую картину положенія своего класса, поняли ясно, что оно сдѣлалось невыносимымъ, что должна наступить переменна, которой можно достигнуть только путемъ социальнаго переворота.

* * *

Здѣсь будетъ умѣстно дать краткій очеркъ экономическаго положенія Франціи при буржуазномъ королевствѣ.

Во время Луи Филиппа Франція занимала общую площадь почти въ 53 милліона гектаровъ. 50 мил. изъ нихъ были земли, подлежащія обложенію, раздѣленныя приблизительно на 11 милліоновъ владѣній, изъ которыхъ $\frac{3}{5}$ состояли только изъ усадьбныхъ мѣстъ, а 4.200.000 заключали въ себѣ также пахатную землю. Крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ болѣе 140 гектаровъ, считалось 100.000; 350.000 среднихъ собственниковъ имѣли въ среднемъ по 35 гектаровъ, и 3.750.000 крестьянъ—по 5 гектаровъ, на которыхъ при благопріятныхъ условіяхъ едва могла прокормиться семья въ 4—5 человекъ. Въ числѣ этихъ крестьянъ было около 1.250.000 малоземельныхъ, владѣвшихъ не болѣе, чѣмъ 2-мя гектарами.

Земельный налогъ давалъ ежегодно почти 300 милліоновъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить налогъ на окна и двери приблизительно въ 40 мил. и необычайно высокій налогъ на переходящія изъ рукъ въ руки имущества (пошлина при записываніи переменъ во владѣніи или при отдачѣ въ залогъ), дававшій въ среднемъ 220 мил.; и такъ земельныя имущества ежегодно приносили 560 мил., почти половину всѣхъ государственныхъ доходовъ, и владѣльцы земель должны были отдавать государству въ видѣ налоговъ болѣе $\frac{1}{3}$ чистаго дохода, составлявшаго 1 $\frac{1}{2}$ милліарда

На такую же сумму земельные собственники должны были уплачивать годовыхъ процентовъ, такъ какъ на владѣніяхъ лежало болѣе 11 милліардовъ пятипроцентнаго ипотечнаго долга. Для крестьянина къ этому присоединялись еще ростовщическіе проценты за краткосрочныя ссуды; такъ что крестьянину, какъ и до великой революціи, едва оставалась $\frac{1}{3}$ чистаго дохода съ его жатвы, и ему нерѣдко приходилось перебиваться маисовымъ (кукурузнымъ) или каштановымъ хлѣ-

бомъ. Благодаря этому во многихъ департаментахъ болѣе половины рекрутовъ, вслѣдствіе плохого питанія оказывались негодными къ военной службѣ.

Въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ находились крестьяне - виноградары, почти 2¹/₂ милл. человѣкъ, обрабатывавшихъ 2 милл. гектаровъ подъ виноградники и производившихъ ежегодно въ среднемъ 43 милл. гектолитровъ вина стоимостью въ 700 милл. франковъ. Каждый неурожай угрожалъ такому крестьянину разореніемъ и принуждалъ его запутываться въ долгахъ. Но величайшее зло, отъ котораго страдало винодѣліе, это была французская налоговая система. Государственныя подати и городскіе питейные налоги такъ подняли цѣну на дешевые сорта винъ, что ихъ сбытъ отъ этого страдалъ; вывозу высшихъ сортовъ за границу также препятствовала строгая покровительственная система пошлинъ. Особенно Англія, отъ мануфактурныхъ товаровъ которой почти совершенно оградились пошлинами Франція, была вынуждена въ отвѣтъ на это назначить высокія пошлины на французскіе сырые продукты. А парламентское большинство, состоявшее изъ крупныхъ промышленниковъ, финансистовъ и чиновниковъ, за 18 лѣтъ не сдѣлало ничего, чтобы избавить земледѣліе и винодѣліе отъ бремени чрезмѣрныхъ налоговъ *). Охраняемая высокими ввозными пошлинами, промышленность сдѣлалась баловницей буржуазнаго королевства. Уваженіе къ 200,000 богатыхъ избирателей заставляло правительство игнорировать, въ пользу „законной страны“, интересы дѣйствительной страны и нужды потребителей. Крупные промышленники полнѣ сознавали свою силу и безопасно ею пользовались. „Ни одно общество не можетъ обойтись безъ аристократіи; каждое правительство нуждается въ ней. Знаете ли вы аристократію іюльскаго правительства? Это — крупная буржуазія; вотъ феодальное дворянство новой династіи“. Такъ воскликнулъ владѣлецъ доменныхъ печей Жоберъ (Jaubert) во время дебатовъ о пошлинахъ въ 1836 г. Этотъ человѣкъ сдѣлался позднѣе, въ министерствѣ

*) Сравни «Классовая борьба во Франціи» Карла Маркса стр. 88—89, гдѣ подробно описывается ростъ задолженности французскихъ крестьянъ со времени революціи 1789 г., отдавшей имъ землю въ свободное владѣніе.

«Вотъ какъ случилось, что французскій крестьянинъ подъ видомъ процентовъ за ипотечныя долги и ссуды ростовщиковъ сталъ уплачивать капиталисту не только земельную ренту, не только предпринимательскую прибыль, словомъ, не только всю чистую прибыль, но даже и часть заработной платы. Крестьянинъ, такимъ образомъ, оцѣнилъ до степени ирландскаго арендатора, продолжая себя считать частнымъ собственникомъ».

«Ростъ задолженности ускорился во Франціи благодаря все увеличивающемуся бремени налоговъ и судебнымъ издержкамъ, вызываемымъ, во-первыхъ, тѣми формальностями, которыми французское законодательство сковало земельную собственность, во-вторыхъ, безчисленными конфликтами изъ-за череполосицы мелкихъ участковъ и, въ-третьихъ, страстью къ тягбамъ самихъ крестьянъ, у которыхъ пользованіе собственностью ограничивалось фанатическимъ отстаиваньемъ воображаемыхъ «правъ собственности», т. е. законнаго права на свое владѣніе. Д. Э.

Тьера *), министромъ общественныхъ работъ, затѣмъ графомъ и пэромъ Франціи, не переставая, однако, быть владѣльцемъ доменныхъ печей. Крупные промышленники и тѣсно связанные съ ними финансисты диктовали свою волю правительству въ дѣлахъ о промышленномъ, торговомъ и финансовомъ законодательствѣ. Воля же ихъ заключалась въ томъ, чтобы увеличивать свои барыши и соблюдать свои интересы, въ чемъ они нерѣдко сознавались съ откровеннымъ цинизмомъ.

Послѣ всего сказаннаго не удивительно, что при такихъ условіяхъ французская индустрія могла достигнуть небывалаго расцвѣта, что вывозъ французскихъ фабрикатовъ возросъ съ 455 милл. въ 1830 г. до 890 милл. въ 1847 г., что предприниматели богатѣли, и капиталъ, помѣщенный въ промышленности, съ 1830 г. увеличился съ 30 до 45 миллиардовъ.

Но какъ ни блестящи, на первый взглядъ, эти цифры, медаль имѣла и оборотную сторону. По мѣрѣ расцвѣта индустріи, развивалась и спекуляція. Сильныя колебанія въ курсѣ государственной ренты способствовали быстрой наживѣ, а законъ 1832 г., по которому рента стала выпускаться на предъявителя, поощрялъ игру на биржѣ, которой мало по малу были охвачены всѣ слои буржуазнаго общества. Рядомъ съ этимъ естественно развивалась спекуляція. Образовалось множество анонимныхъ акціонерныхъ обществъ, т.-е. обществъ безъ отвѣтственнаго представителя. Возникали проекты заселенія заморскихъ колоній, огромныя строительныя предпріятія, фантастическія горнопромышленныя предпріятія, подъ фирмой высокопоставленныхъ лицъ. Подобнымъ обманомъ выманивали послѣднія сбереженія у небогатыхъ людей, обѣщая высокіе проценты и плата вначалѣ взятые изъ этихъ же вкладовъ, большіе дивиденды.

Высокопоставленные сановники, маршалы и генералы, не гнушались участвовать въ подобныхъ, часто придуманныхъ завѣдомо съ цѣлью обмана, предпріятіяхъ, и служили приманкой для людей осторожныхъ, но подкупаемыхъ надеждой удвоить свой доходъ и увеличить капиталъ.

Эта спекулятивная горячка достигла своего апогея въ сороковыхъ годахъ. Въ 1840 и 1842 году законы о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ внесли въ это дѣло совершенно новый, неизвѣстный до тѣхъ поръ, принципъ государственной гарантіи процентовъ. Это законодательное мѣропріятіе оживило не только желѣзнодорожное дѣло, но и спекуляцію. Образовалось множество желѣзнодорожныхъ обществъ, учредители которыхъ присваивали себѣ огромное содержаніе въ качествѣ „директоровъ правленія“. Они выпускали гарантированныя правительствомъ свидѣтельства на покупку акцій, выбрасывали ихъ на рынокъ, продавали, а затѣмъ устранялись отъ дѣла, а вскорѣ объявлялось банкротство фиктивныхъ желѣз-

*) Тьеръ былъ яркимъ защитникомъ покровительственныхъ пошлинъ.

Парижская биржа.

ныхъ дорогъ. Подобное мошенничество приняло такіе размѣры, что торговля свидѣтельствами на предполагаемая къ выпуску желѣзнодорожныя акціи окончательно была запрещена закономъ 15-го іюля 1845 года.

Спекуляція желѣзнодорожными акціями такъ охватила высшіе и средніе классы общества, что въ каждой улицѣ Парижа, въ каждомъ уѣздномъ городкѣ, можно было встрѣтить людей не интересовавшихся ничѣмъ инымъ, кромѣ состоянія курса на биржѣ. Старики и старухи, жившіе небольшими сбереженіями, торговцы и ремесленники, чиновники на службѣ и въ отставкѣ, врачи и адвокаты, купцы, арендаторы и помѣщики,— всѣ были одержимы маніей покупать желѣзнодорожныя акціи и ими спекулировать. Это тянулось годами, пока, наконецъ, крахъ, предшествовавшій революціи, не положилъ внезапно предѣлъ этой бѣшеной игрѣ.

* * *

Въ это время произошло трагическое событіе. Оно сильно пошатнуло буржуазное королевство, которое было создано и поддерживалось незначительной партіей, и съ которымъ вела неутомимую борьбу широкая масса народа, высмѣивая его въ рѣчахъ и карриатурахъ. Герцогъ Орлеанскій, старшій сынъ короля и предполагаемый наслѣдникъ престола, ѣхалъ 13-го іюля 1842 г. изъ Парижа въ Нельи. Въ Елисейскихъ поляхъ лошади испугались и понесли, кучерь не могъ ихъ сдержать; герцогъ выскочилъ изъ коляски, безъ чувствъ упалъ на землю и, не вернувшись къ сознанію, умеръ 4 часа спустя отъ сотрясенія мозга.

Народъ мало зналъ наслѣдника и его братьевъ, но чувство состраданія побѣдило общее равнодушіе населенія къ королевской семьѣ. Въ парламентскихъ кругахъ сочувствіе обнаружилось еще сильнѣе, оно взяло верхъ надъ духомъ партійности; потерявъ свою остроту, послѣдній на время замолкъ.

Парламентская борьба тридцатыхъ годовъ выдвинула такъ называемую „династическую оппозицію“. Ея вожаками были Дювержье Де-Горанъ (Dovergier de Hauranne) и Одилонъ Барро (Odilon Barrot), которые стремились къ сохраненію буржуазнаго королевства, только на болѣе свободныхъ началахъ.

Эта „династическая оппозиція“ поняла, что теперь, когда наслѣдникомъ стало малолѣтнее дитя, когда старость короля обусловливаетъ скорую перемѣну престола, и можно ждать долготнѣяго регентства, крѣпкій союзъ съ правительствомъ является требованіемъ политической мудрости и условіемъ политическаго самосохраненія. Вожаки на время оставили въ сторонѣ всѣ вопросы второстепенной важности и, плохо скрывая свои цѣли, старались приблизиться къ правительству. Однако, послѣднее не шло имъ на встрѣчу, а скорѣе старалось извлечь всѣ выгоды для себя изъ этой перемѣны политики. Таково было политическое положеніе, когда наступилъ давно приближавшійся, давно предвидѣнный кризисъ.

Смерть герцога Орлеанского.

Кризисъ явился послѣдствіемъ плохого урожая 1846 года, гибельные результаты котораго правительство Луи Филиппа не постаралось предотвратить своевременными мѣрами. Тщетно купцы большихъ приморскихъ городовъ заблаговременно указывали на предстоящій недостатокъ въ хлѣбѣ и требовали свободнаго ввоза большого количества зерна. Прежде чѣмъ принять какія-либо мѣры, министръ торговли, Кюнэнъ Гридэнъ (Cunin Gridaine), считалъ нужнымъ выслушать доклады префектовъ и супрефектовъ о результатахъ урожая. На основаніи этихъ докладовъ, составленныхъ въ духѣ господствующей покровительственной системы, министръ 16-го ноября 1846 г. опубликовалъ разъясненіе, гласящее, что хлѣбъ имѣется въ достаточномъ количествѣ, и нѣтъ основанія понизить или отмѣнить пошлины на хлѣбъ.

Какъ только хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ торговли, основываясь на разъясненіи, перестали бояться конкуренціи заграничнаго хлѣба, цѣны поднялись до такой высоты, что Кюнэнъ Гридэнъ былъ вынужденъ, не дожидаясь конца года, разрешить свободный ввозъ зерна. Но было поздно. Русскія гавани Чернаго и Азовскаго моря, главныя житницы для наиболѣе пострадавшей южной и средней Франціи, зимой были мало доступны. Денежныя затрудненія, вызванныя беззастѣнчивыми спекуляціями желѣзнодорожными и промышленными акціями, также вредно отразились на ввозѣ хлѣба. Французскій банкъ, поддерживавшій обычно такого рода предпріятія, былъ близокъ къ банкротству. Въ критическій моментъ, когда этотъ банкъ, имѣя текущаго долга на сумму 368 милліоновъ, могъ гарантировать наличными всего 71 мил., его выручилъ русскій царь Николай I, купивъ у него на 50 мил. рублей золотомъ французской пятипроцентной ренты по очень выгодному курсу—115,75.

Предстоящій неизбежно голодъ всколыхнулъ всю Францію. Уже въ январѣ 1847 г. бунты, грабежи хлѣбныхъ складовъ и булочныхъ стали въ провинціи обычнымъ явленіемъ. Толпы голодныхъ переходили изъ деревни въ деревню и силой отбирали хлѣбъ. Въ Реннѣ и Нанси дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній, нападений на транспорты и корабли съ съѣстными припасами.

Въ Бюзансѣ (Buzançais) возбужденная толпа убила двухъ богатыхъ землевладѣльцевъ, извѣстныхъ скупщиковъ хлѣба; за это 5 человекъ въ одинъ день погибли на гильотинѣ. Въ одномъ Парижѣ булочники получали отъ города пособие въ нѣсколько милліоновъ и были въ состояніи продавать бѣдному населенію въ теченіе семи мѣсяцевъ каравай хлѣба въ 4 фунта за 80 сантимовъ.

Какъ извѣстно, бѣда никогда не приходитъ одна. Такъ случилось и здѣсь. Дороговизна и голодъ вызвали застой въ торговлѣ, а послѣдній повлекъ за собой торговый кризисъ. Курсъ бумагъ, наводнявшихъ всю Францію, сильно упалъ; съ каждой недѣлей увеличивалось число банкротствъ.

Мелкая и средняя буржуазія тяжело расплачивалась за то, что изъ жажды къ наживѣ она шла на встрѣчу мошенническимъ продѣлкамъ финансистовъ и крупной буржуазіи. Она теряла огромныя суммы и была принуждена продать свои бумаги, потерявшія цѣнность. Богатые буржуа, монополизировавшіе во время кризиса кредитъ всѣхъ банковъ и кредитныхъ учреждений страны, скупали все, что попадалось подъ руку и удвоили такимъ образомъ свое состояніе. Голодный 1847 годъ былъ для нихъ годомъ быстрой наживы.

Въ январѣ 1846 г. произошли новые выборы въ палату депутатовъ. Народъ относился къ нимъ еще безучастнѣе, чѣмъ въ прежніе годы. Всѣ знали, что правительство, съ цѣлью привлечь на свою сторону большинство, пускало въ ходъ самыя грязныя средства: голоса покупались контрактами на подряды, государственными должностями и всякаго рода отличіями. Подкупъ сдѣлался главнымъ двигателемъ всей общественной жизни. Переживаемый кризисъ заставилъ мелкую и среднюю буржуазію охладѣть къ золотому тельцу; всѣ мечты о легкомъ и быстромъ обогащеніи разлетѣлись въ прахъ. Накопившійся гнѣвъ искалъ выхода; „подкупъ!“ раздалось со всѣхъ сторонъ *).

Уже съ 1838 г. стали возникать всякаго рода скандальные процессы. Въ этотъ годъ за подкупъ были привлечены къ суду чиновники парижской префектуры; выяснилось, что даже префектъ полиціи Жиске (Gisquet) надѣлялъ концессіями родственниковъ и особенно свою „пріятельницу“. Нѣкій генераль Броссаръ (Brossard) 30 авг. 1838 г. судился за растрату; въ защиту свою онъ сослался на то, что его обвинитель, маршалъ Бюжо (Bugeaud), будучи главнокомандующимъ въ Африкѣ, взялъ у Абдель Кадера (Abdel Kader) 100.000 фр. за заключеніе договора, невыгоднаго для Франціи.

Дутыя предпріятія 1839—40 г. вызвали цѣлый рядъ скандальныхъ процессовъ, а теперь въ 1847 г. эти исторіи съ высокопоставленными лицами во главѣ повторились въ крупныхъ размѣрахъ. Стало извѣстнымъ, что маршалъ Сульть уступилъ военное министерство своему преемнику, генералу Трезель (Trézel) за звонкую монету; что новый министръ финансовъ Дюмонъ (Dumon) былъ завзятымъ биржевымъ игрокомъ; что при заключеніи государственныхъ сдѣлокъ было въ ходу взяточничество. Всѣ эти продѣлки до суда не дошли. Однако, виновники цѣлаго ряда расхищеній въ управленіи флота и арміи были преданы суду.

Строгой контроль арсеналовъ обнаружилъ безстыдныя растраты въ провіантскихъ магазинахъ въ Тулонѣ, Брестѣ и Рошфорѣ. Арсеналы въ Шербургѣ и Мурильонѣ были преданы огню, а общественное мнѣніе называло поджигателями безчест-

*) Слои буржуазіи, стоявшіе въ сторонѣ отъ власти, въ одинъ голосъ закричали «подкупъ» (Карль Марксъ, «Классовая борьба», стр. 23).

ныхъ чиновниковъ, желавшихъ уничтожить слѣды своихъ преступленій.

Въ одномъ изъ хлѣбныхъ складовъ военнаго вѣдомства въ Парижѣ послѣ смерти директора оказалась недостача въ 28000 двойныхъ центнеровъ. Было установлено, что одинъ изъ низшихъ чиновниковъ, который десять лѣтъ тому назадъ обратилъ вниманіе на нечестность директора, безъ разслѣдованія дѣла былъ признанъ клеветникомъ, лишень мѣста и принужденъ умереть въ нищетѣ.

Дальше пошло еще хуже. Въ 1839 г., когда мошенническія предпріятія подѣ фирмой знатныхъ лицъ и высшихъ сановниковъ достигли полного расцвѣта, генералъ Кюбьеръ (Cubieres), ставшій въ мартѣ 1840 г. военнымъ министромъ, сдѣлался акціонеромъ одного горнопромышленнаго общества. Оставивъ свой портфель въ октябрѣ 1840 г., онъ пустилъ въ ходъ все средства, вплоть до подкупа, чтобы заручиться доходной концессіей для своего общества. Своего бывшего товарища, министра труда Тестъ (Teste), ставшаго затѣмъ президентомъ кассационной палаты, высшей судебной инстанціи, онъ подкупилъ за 100.000 фр. Дѣло обнаружилось; его нельзя было замаять. 8 іюля 1847 г. оно разбиралось въ палатѣ перовъ. Въ теченіе десяти дней вся страна съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ дѣла. Въ результатѣ оба были приговорены къ лишенію гражданскихъ правъ и къ денежному штрафу; Тестъ кромѣ того къ трехлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ.

Этотъ и другіе, почти одновременные процессы о подкупахъ, обличившіе и осудившіе болѣе или менѣе высокопоставленныхъ особъ, укрѣпили убѣжденіе общества въ полномъ разложеніи господствовавшаго режима.

Въ то время какъ уваженіе къ правительству и продажной бюрократіи, подвластной крупной буржуазіи, падало съ каждымъ днемъ, высшая аристократія, благодаря кровавому преступленію, также потеряла ореолъ, которымъ окружилъ ее блескъ и богатство. Герцогъ Де-Шуазель-Праслэнъ (De Choiseul-Praslin), французскій пэръ и глава знатнѣйшаго дворянскаго рода страны, женатый съ 1825 года на дочери наполеоновскаго временщика и орлеанистскаго перебѣжчика, маршала Себастьяни (Sebastiani), убилъ свою супругу, мать девятерыхъ дѣтей. Долгая отчаянная борьба между ними оставила страшные, кровавые слѣды въ нѣсколькихъ комнатахъ дворца. Чтобы избѣжать наказанія, герцогъ пытался сначала отрицать для всѣхъ очевидное преступленіе, а въ концѣ концовъ отравился.

Вотъ каково было положеніе государства и общества, когда разразилась гроза революціи 1848 года и очистила атмосферу. Но прежде чѣмъ перейти къ описанію событій, непосредственно вызвавшихъ революцію, мы должны упомянуть о могучемъ движеніи умовъ того времени, о періодѣ бурныхъ порывовъ утопическаго социализма, предвѣстника научнаго социализма и современнаго социалдемократическаго движенія.

ГЛАВА V.

Соціалізмъ въ эпоху буржуазнаго королевства.

Проекты преобразования общественнаго порядка.—Бабефъ (Babeuf) и Заговоръ Равныхъ.—Буонаротти (Buonarotti) и демократы-карбонаріи.—Сень-Симонъ (St-Simon) и сень-симонисты.—Соціальная рабочая поэзія—Фурье (Fourier) и фурьеристы.—Викторъ Консидеранъ (Victor Considerant).—Кабэ (Cabet) и Путешествіе въ Икарію.—Переселеніе икарійцевъ.—Луи Бланъ (Louis Blanc) и организація труда.—П. Ж. Прудонъ (P. J. Proudhon) и его ученіе.—Соціальная теорія философа Пьера Леру (Pierre Leroux).—Ламеннэ (Lamennais) и религіозный коммунизмъ.—Бюше (Buche) и его христіанско-соціальное міровоззрѣніе.—Бюше и идея рабочихъ ассоціацій.—„Atelier“—первый рабочий листокъ.—Отраженіе соціалистическихъ теченій въ изящной литературѣ.—Жоржъ Зандъ (George Sand).—Эженъ Сю (Eugen Sue).—Беранже (Béranger).—Альфредъ де-Мюссе (Alfred de-Musset).—Каменьщикъ Понси (Poncy).—Феликсъ Піа (Felix Piat).—Научная критика утопическаго соціализма.

Соціальное движеніе, которое въ періодъ великой революціи выражалось лишь въ отчаянномъ воплѣ голоднаго люда о хлѣбѣ насущномъ, во времена имперіи и реставраціи совсѣмъ заглохло; при буржуазномъ королевствѣ рабочей вопросъ былъ не больше, какъ вопросъ о заработной платѣ. Но еще въ періодъ реставраціи соціальныи вопросъ привлекъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей, которые поставили своей задачей путемъ созданія цѣльныхъ философски-экономическихъ теорій и системъ подготовить почву для окончательнаго рѣшенія этого вопроса.

Мысль о необходимости преобразования буржуазнаго общества уже задолго до этого времени владѣла головами отдѣльныхъ выдающихся людей которые, какъ напр. *Томасъ Моръ* (Thomas Morus), *Кампанелла* (Campanella), и др. пытались изобразить идеальныя формы (утопіи) челоѣческаго общества. Эти утопіи не имѣли, однако, никакого практическаго значенія, потому что невозможно, вѣдь, однимъ смѣлымъ скачкомъ перепрыгнуть всѣ тѣ ступени, которыя должно пройти челоѣчество на своемъ трудномъ пути, пока оно приблизится къ высшимъ ступенямъ развитія.

Во время великой революціи идеи такого рода получили даже нѣкоторую осязаемую форму. Революція провозгласила права челоѣка и признала принципъ равенства всѣхъ людей.

Но въ основѣ этого признанія не было ясно-сознанной

обязанность труда, и потому никто не долженъ, подъ страхомъ наказанія, уклоняться отъ исполненія этой обязанности. Трудъ и удовольствіе должны быть для всѣхъ одинаковы. Порядокъ, при которомъ одинъ трудится до изнеможенія и терпитъ при этомъ всѣ невзгоды, другой же утопаетъ въ удовольствіяхъ, не зная совѣмъ труда, есть порядокъ угнетенія. Никто, подъ страхомъ наказанія, не можетъ присваивать себѣ въ исключительное пользованіе естественныхъ продуктовъ земли или продуктовъ промышленности. Въ нормальномъ обществѣ не можетъ быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Цѣль революціи заключается въ устраненіи неравенства и восстановленіи всеобщаго благосостоянія. Революція еще не кончена, потому что всѣ блага и вся власть захвачена богатыми, бѣдняки же работаютъ, какъ настоящіе рабы, влачатъ жалкую жизнь въ нищетѣ и не имѣютъ никакого вліянія на дѣла государства.

Для выполненія этой программы былъ образованъ революціонный комитетъ, который поставилъ себѣ цѣлью путемъ вооруженнаго возстанія снова добиться демократической конституціи 1793 года. Членами этого комитета, кромѣ Бабефа, были: *Дартэ* (Darthé) — юристъ, бывший чиновникъ Директоріи, получившій рану еще при взятіи Бастиліи, *Филиппъ Буонаротти* (Filippo Buonarroti) — потомокъ Микель-Анжело, изгнанный изъ Тосканы, которому Конвентъ далъ право французскаго гражданства, *Жюльенъ-де-ла-Дромъ* (Julien de la Drôme) — бывший членъ Конвента, подавшій голосъ за казнь короля, и *Фонтенель* (Fontenelle).

Помимо массъ безработнаго и голодающаго люда, не затронутыхъ организаціей, но на содѣйствіе которыхъ все-таки разсчитывали, революціонному комитету удалось съ теченіемъ времени привлечь къ своему дѣлу многія тысячи борцовъ. Буонаротти насчитываетъ ихъ до 17.000, но эта цифра, вѣроятно, преувеличена. Въ ряды заговорщиковъ, однако, скоро проникла измѣна. Къ тогдашнему президенту полиціи Карно (Carnot), явился одинъ изъ военныхъ предводителей будущаго возстанія — полковникъ Гризель (Grisel) и сообщилъ ему какъ весь планъ заговора, такъ и извѣстныя ему имена главныхъ его руководителей.

10 мая 1796 года Бабефъ, Дартэ, Буонаротти и много другихъ были арестованы. Попытка возстанія 9-го сентября была круто подавлена, а участники ея понесли жестокую кару: 31 человекъ были разстрѣляны по приговору военного суда, многіе приговорены въ ссылку или на каторгу. Вопреки закону, арестованные вожди заговора были преданы верховному суду, засѣдавшему въ Вандомѣ, и 26 мая 1797 года были приговорены: Бабефъ и Дартэ — къ смертной казни, которая и была приведена въ исполненіе днемъ позже, Буонаротти же съ другими — къ ссылкѣ.

Оставшіеся въ живыхъ члены этого заговора до самой смерти были вѣрны своимъ старымъ убѣжденіямъ. *Буонаротти*, получившій свободу въ 1815 году, выпустилъ въ

Брюссель въ 1828 году книгу: „Исторія такъ называемаго Заговора Равныхъ“.

Послѣ июльской революціи онъ вернулся въ Парижъ, гдѣ около него собралась значительная группа жаждущихъ свѣта учениковъ, платившихъ своему учителю любовью и уваженіемъ; то были по большей части ремесленные подмастерья разныхъ національностей. Онъ сообщилъ имъ свои искреннія, выстраданные коммунистическія убѣжденія и организовалъ своихъ учениковъ въ тайный союзъ подъ названіемъ „демократическихъ карбонаріевъ“ *); этотъ союзъ вскорѣ насчитывалъ въ своихъ рядахъ многія тысячи членовъ, и вѣтви его были даже въ Германіи. Глава этого союза, Буонаротти, имѣлъ большое вліяніе на революціонныя партіи и былъ посредникомъ между французскими „хижинами“ и итальянскими „вентами“ карбонаріевъ. Онъ всегда предостерегалъ и отговаривалъ своихъ друзей отъ того революціоннаго бунтарства, которое во Франціи пропагандировалось Обществомъ Правъ Человѣка, а въ Италиі—Мадзини (Mazzini), и онъ былъ правъ, какъ это видно по результатамъ подобныхъ скороспѣлыхъ революціонныхъ предприятий. Буонаротти умеръ въ 1837 году 77 лѣтъ отъ роду, горько оплакиваемый друзьями. Основанныя имъ тайныя общества долго еще существовали подъ руководствомъ Бланки (Blanqui) и дружно работали надъ тѣмъ, чтобы поддержать и развить разбужденную Буонаротти коммунистическую мысль, которая нынѣ благодаря Карлу Марксу, получила столь всеобъемлющее научное значеніе.

Одновременно съ тѣмъ, какъ коммунисты школы Буонаротти работали въ тиши надъ подготовкой пролетарской революціи, имъ навстрѣчу шли съ противоположныхъ сторонъ два другихъ социалистическихъ теченія. Одно изъ нихъ—теченіе сень-симонистовъ, послѣдователей Сень-Симона (St. Simon), другое—фурьеристовъ, учениковъ Фурье (Fourier), работавшихъ надъ осуществленіемъ идей своего учителя.

Сень-Симонъ, потомокъ стараго дворянскаго рода, родился въ 1760 году. Онъ впервые попытался опредѣлить роль современной промышленности въ общественной жизни и выяснить историческое значеніе тѣхъ социальныхъ задачъ, которыя возникли на почвѣ этой промышленности,—такова его главная заслуга. Уже вскорѣ послѣ французской революціи онъ увидѣлъ, что грядущее столѣтіе должно принести съ собою новый социальный переворотъ, который очиститъ міръ отъ власти капитала, вставшей на мѣсто изгнаннаго феодальнаго господства. Трудъ онъ клалъ въ основу общественнаго порядка, клеймилъ праздность и стремился доказать міру необходимость поставить на очередь дня социальные задачи современности. Онъ внесъ много новыхъ идей въ науку о народномъ хозяйствѣ и финансахъ; необходимымъ условіемъ даль-

*) Не нужно смѣшивать этотъ союзъ съ союзомъ французскихъ карбонаріевъ, основаннымъ во время реставраціи Флотаромъ (Flotard). Базаромъ (Bazard) и Бюше (Buche). Д. Э.

нѣйшаго соціального развитія онъ считалъ гонимый тогдашнимъ законодательствомъ принципъ рабочихъ ассоціацій и старался возбудить самое серьезное вниманіе къ справедливымъ требованіямъ рабочихъ*), для которыхъ онъ требовалъ возможно высокаго положенія въ обществѣ. Онъ говорилъ: кто внимательно изучитъ исторію Франціи, тотъ увидитъ, что непрерывно растетъ значеніе только одного рабочаго класса, значеніе же другихъ общественныхъ классовъ все болѣе и

Санъ-Симонъ.

болѣе уменьшается, и потому общество неизбежно придетъ, наконецъ, къ такому состоянію, когда классъ, несущій на себѣ все бремя общественно-полезнаго труда, будетъ играть въ немъ первую роль. Общество нужно разсматривать такъ же, какъ и отдѣльнаго человѣка; пока оно молодо, оно принуждено подчиняться посторонней опекѣ, но съ наступленіемъ зрѣлаго возраста, когда наука и промышленность сдѣлали достаточные успѣхи въ своемъ развитіи,—общество не нуждается больше въ опекѣ, оно въ самомъ себѣ находитъ элементы своей организаціи. Въ развитіи этой основной мысли глубокой умъ Санъ-

*) Необходимо замѣтить, что въ первыхъ произведеніяхъ Санъ-Симона слово *рабочій*, соответственно тогдашней ступени развитія промышленности, примѣнялось одинаково ко всѣмъ лицамъ, занятымъ въ производствѣ—и къ предпринимателямъ и къ ихъ наемникамъ. Авторъ.

Симона видѣлъ главную задачу XIX-го столѣтія; въ послѣднемъ и главномъ своемъ сочиненіи, „Новомъ Христіанствѣ“ онъ говоритъ: „Основной цѣлью всѣхъ социальныхъ учрежденій нашего столѣтія должно быть физическое и моральное воспитаніе самаго многочисленнаго и самаго обездоленнаго класса“.

Дальше этого Сень-Симонъ, однако, не пошелъ. Ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ не пытался дать сколько-нибудь подробный планъ *рѣшенія* постановленной имъ задачи. При всей смѣлости своей критики общественныхъ отношеній, онъ съ глубокимъ смиреніемъ заявлялъ, что дѣло созданія социальной науки онъ предоставляетъ другому, будущему мыслителю, для котораго онъ хочетъ быть лишь помощникомъ. Этотъ мыслитель, именно, Карлъ Марксъ, спустя цѣлое поколѣніе послѣ смерти Сень-Симона, долженъ былъ прежде всего заявить своимъ современникамъ и будущему потомству, что сочинять какой-нибудь *планъ* разрѣшенія социального вопроса совершенно бесполезно, что нужно лишь стремиться къ познанію направленія развитія, нужно опредѣлить содержаніе и побудительныя силы общественнаго развитія и на основаніи этого изученія способствовать дальнѣйшему росту прогрессивныхъ силъ общества.

Въ ранней молодости Сень-Симонъ служилъ въ солдатахъ, сражался подъ предводительствомъ Вашингтона за независимость Соединенныхъ Штатовъ, въ политической же борьбѣ революціоннаго времени онъ не принималъ никакого участія, такъ какъ видѣлъ передъ собой болѣе высокую цѣль: быть общественнымъ реформаторомъ. Къ такой роли онъ подготовлялъ себя путешествіями, усерднымъ изученіемъ литературныхъ источниковъ и неутомимой работой познанія жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ путемъ своего личнаго опыта. Долгое время его произведенія оставались совершенно неизвѣстными широкому кругу читателей; онъ прожилъ все свое состояніе, испыталъ всѣ бѣдствія нищеты и только въ 1819 году онъ возбудилъ вниманіе общества: въ выпущенномъ имъ воззваніи, подъ названіемъ „Парабола“, онъ старался на яркихъ, наглядныхъ примѣрахъ показать всю неустойчивость современныхъ социальныхъ учрежденій. Допустимъ, говорилъ онъ, что въ одинъ прекрасный день Франція лишилась 50 своихъ лучшихъ ученыхъ, 50 самыхъ талантливыхъ художниковъ и поэтовъ, 50 крупнѣйшихъ промышленниковъ и т. д., всего 3 тысячъ своихъ лучшихъ гражданъ разныхъ специальностей: страна обратилась бы тогда въ пустое, бездушное тѣло, пока будущія поколѣнія не возмѣстили бы утраты. Представьте себѣ теперь, что, вмѣсто этихъ людей мысли, Франція въ одну ночь потеряла бы всѣхъ своихъ принцевъ и принцессъ, всѣхъ высшихъ королевскихъ чиновниковъ, министровъ, государственныхъ совѣтниковъ, маршаловъ, епископовъ, судей и кромѣ того еще 10 тысячъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ; французы, по присущему имъ великодушію, пожалѣли бы, конечно, о гибели

30 тысячъ человѣческихъ существъ, которыхъ считаютъ теперь самыми важными въ государствѣ, но народъ въ цѣломъ не понесъ бы отъ этой утраты ровно никакого ушерба.

Мысль, что смерть всей королевской семьи была бы ничто, въ сравненіи съ потерей хотя бы одного промышленника, показалась столь дерзкой, что Сень-Симонъ былъ преданъ суду; но присяжные оправдали его. Въ то время онъ служилъ писцомъ въ королевскомъ ломбардѣ, съ жалованьемъ въ 1000 франковъ въ годъ. Расходы по изданію своихъ произведеній онъ могъ покрывать только благодаря помощи своихъ друзей. Онъ написалъ еще нѣсколько сочиненій для обоснованія своей системы, которую можно формулировать въ краткихъ словахъ: „Каждому—по его способностямъ, каждой способности—по ея дѣламъ“.

Въ концѣ концовъ, убѣдившись въ полной безуспѣшности своихъ поисковъ всеобщаго счастья людей, поисковъ такого средства, которое вывело бы современное общество изъ страшнаго кризиса на путь мирнаго развитія, Сень-Симонъ въ 1823 году рѣшилъ покончить съ собой; зарядъ крупной дроби попалъ въ глазъ, но не коснулся мозга; жизнь была спасена, и онъ лишился лишь глаза. Умеръ онъ двумя годами позднѣе, 19 мая 1825 года. Его послѣднія слова были обращены къ партіи рабочихъ, которымъ должно принадлежать будущее*).

Группа учениковъ Сень Симона, воспринявшихъ его идеи, состояла исключительно изъ представителей привилегированныхъ классовъ общества. Наиболѣе видными изъ нихъ были: *Просперъ Анфантенъ* (Prosper Enfantin), принадлежавшій по своему происхожденію къ высшей финансовой аристократіи, банкиръ *Олиндо Родригъ* (Olinde Rodrigues), экономистъ—*Мишель Шевалье* (Michel Chevalier), философы-метафизики—*Пьеръ Леру* (Pierre Leroux) и *Жанъ Рейно* (Jean Reynaud), затѣмъ—*Ипполитъ Карно* (Hippolyte Carnot), ставшій при республикѣ министромъ народнаго просвѣщенія, композиторы—*Леонъ Галеви* (Leon Halévy) и *Фелисьенъ Давидъ* (Félicien David), авторъ и драматургъ *Шарль Дювейрье* (Charles Duveyrier), инженеры *Баррольтъ* (Barrault) и *Мони* (Mony)—послѣдній изъ нихъ былъ

*) Онъ говорилъ: «Послѣднюю часть моего сочиненія «Новое Христіанство» не легко понять сразу. Не забудь этого, Родригъ (Олиндо Родригъ (Olinde Rodrigues) любимый изъ его учениковъ). Запомни, что необходимо воодушевление для того, чтобы совершить крупное дѣло. Вся моя жизнь посвящена одной мысли: обезпечить всѣмъ людямъ самое широкое развитіе ихъ способностей и дарованій». Затѣмъ онъ замолчалъ. Уже находясь въ предсмертной агоніи, онъ добавилъ: «Спусти сорокъ восемь часовъ послѣ второго выхода въ свѣтъ, будетъ образована партія рабочихъ. Будущее принадлежитъ намъ». Сказавъ это, онъ поднялъ къ головѣ руку и скончался. (Л. Рейбо. (L. Reybaud). «Etudes sur les réformateurs»).

Дѣйствительно, въ своемъ послѣднемъ сочиненіи «Новое Христіанство» Сень-Симонъ выступаетъ истиннымъ защитникомъ трудящихся классовъ противъ имущихъ и провозглашаетъ ихъ освобожденіе. Онъ былъ правъ, когда говорилъ, что книгу его не сразу поймутъ; она осталась не понятой даже многими изъ его учениковъ, которые долго еще подъ словомъ travailleur (трудящійся, рабочій) разумѣли и предпринимателя.

строителемъ первой французской желѣзной дороги,—бывшіе карбонаріи *Базаръ* (Bazard) и *Бюше* (Bucheze), финансисты *Эйх-талъ* (Eichthal) и *Эмиль Перейръ* (Emil Péroire), — основатель мелкаго кредита (*Crédit mobilier*) минералогъ *Ле-Пле* (Le Play) юристъ *Лерминье* (Lerminier), извѣстный историкъ *Огюстэнъ Тьерри* (Augustin Thierry) и много другихъ.

Анфантэнъ.

Въ періодъ возстановленія стараго порядка (реставраціи) значеніе школы такъ называемыхъ сень-симонистовъ было ничтожно; но послѣ іюльской революціи въ ихъ руки перешла газета „Globe“, бывшая до сихъ поръ органомъ конституціоналистовъ-доктринеровъ, и съ этого времени ихъ вліяніе на общественное мнѣніе сильно возросло. вмѣсто прежней расплывчатой организаціи они установили теперь крѣпкій союзъ подъ названіемъ „Семья“, во главѣ которой были поставлены два „высшихъ отца“—Анфантэнъ и Базаръ. Они не имѣли при этомъ, конечно, въ виду преобразовать всю общественную жизнь по типу „Семьи“, они хотѣли лишь закрѣпить тѣ начала общественности, которыя были признаны самимъ Сень-Симономъ. Исходя изъ пантеистическаго ученія, по кото-

рому богъ и вселенная суть одно и то же, сенъ-симонисты прежде всего стремились разрушить христіанское понятіе о противоположности души и тѣла, или, какъ они говорили,— снова вернуть матеріи отнятыя у ней права. Однако, на первомъ же вопросѣ, именно—объ эмансипаціи женщинъ и физической сторонѣ человѣка—возникли разногласія между членами „Семьи“, кончившіяся расколомъ. Базаръ и большинство наиболѣе видныхъ членовъ вышли изъ союза, „отецъ“ Анфантэнъ предложилъ оставшимся въ „Семьѣ“ поселиться въ его маленькомъ имѣніи, въ Менильмонтанѣ (Menilmontant) близъ Парижа, чтобы тамъ на практикѣ осуществить завѣщанныя Сэнъ-Симономъ идеи общинной жизни, до сихъ же поръ теорія слишкомъ занимала послѣдователей его. Лишь около сорока „дѣтей“ послѣдовали призыву „отца“ Анфантена и посвятили себя въ Менильмонтанѣ земледѣльческому труду; члены этой общины стали носить особую одежду, длинные волосы и бороду; въ свободное время пѣлись особые сэнъ-симонистскіе гимны—сочиненія Фелисьена Давида. Вскорѣ, однако, въ мирную жизнь общины ворвалась и проза: члены общины были приглашены явиться на судъ присяжныхъ за основаніе союза въ незаконномъ числѣ (болѣе двадцати, какъ разрѣшалъ законъ) и за распространеніе „безнравственныхъ“ ученій. Судъ начался 27 августа 1832 года, и трое главныхъ обвиняемыхъ—Анфантэнъ, Мишель Шевалье и Дювейрье—были приговорены къ 12 мѣсяцамъ тюрьмы.

Вмѣстѣ съ этимъ наступилъ и конецъ сэнъ-симонизма, какъ замкнутой общины. „Семья“ принуждена была прекратить свое существованіе. Вліяніе ея, однако, долго еще чувствовалось на организациі промышленныхъ и кредитныхъ предприятий во Франціи. Почти всѣ изъ наиболѣе видныхъ сэнъ-симонистовъ выдвинулись въ послѣдствіи въ качествѣ общественныхъ дѣятелей, причѣмъ нѣкоторые изъ нихъ, благодаря своему уму и практическимъ познаніямъ въ области развивающейся промышленности, заняли видное положеніе, другіе же достигли извѣстности, какъ основатели новыхъ предприятий и финансисты.

Крайней неясностью и неопредѣленностью ученія Сэнъ-Симона нужно объяснить тотъ фактъ, что изъ его школы могли выйти, съ одной стороны, представители чистой, отвлеченной мысли: ученые, художники, поэты (Генрихъ Гейне также былъ въ числѣ послѣдователей Сэнъ-Симона), съ другой—разные финансовыя дѣльцы. Нѣкоторые изъ бывшихъ видныхъ сэнъ-симонистовъ, дожившихъ до второй имперіи, преклонялись предъ Наполеономъ III, къ цезаризму котораго они чувствовали тайную симпатію. Самъ Анфантэнъ умеръ въ 1864 году виднымъ чиновникомъ желѣзнодорожнаго общества Парижъ-Ліонъ-Средиземное море.

Въ рабочія массы сэнъ-симонизмъ не проникъ почти совсѣмъ, но нѣкоторое вліяніе его можно было замѣтить и здѣсь; рѣчи сэнъ-симонистовъ находили себѣ слабый откликъ на чер-

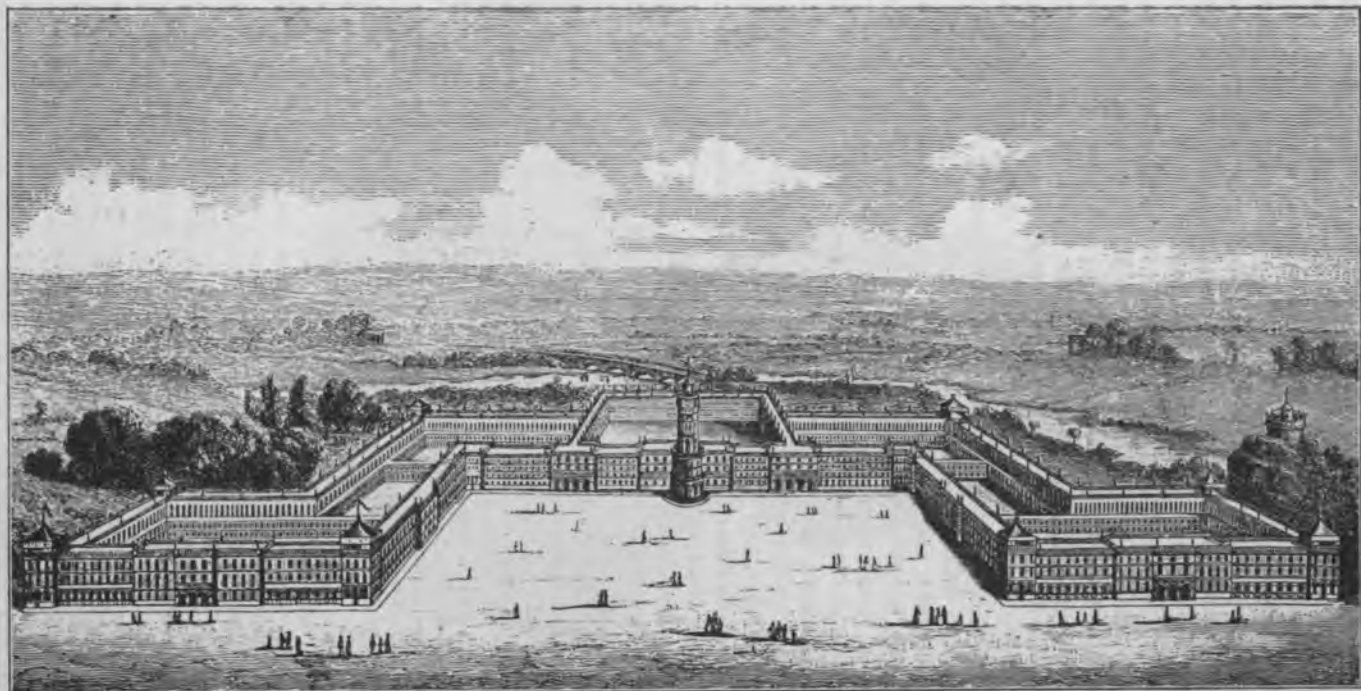
дакахъ и въ подвалахъ предмѣстій Парижа. Въ рабочихъ кругахъ тридцатыхъ годовъ пользовались извѣстностью социальныя поэтическія произведенія О. Родрига, которыя въ 1841 г. вышли особымъ изданіемъ. Главными мотивами этихъ стихотвореній являются жалобы на нужду рабочаго люда и стремленіе къ равенству людей. Нѣкоторыя изъ стихотвореній написаны были рабочими, изъ которыхъ въ особенности слѣдуетъ отмѣтить швею Элизу Флѣри (E. Fleury); ея стихи дышатъ трогательной нѣжностью и проникнуты живымъ непосредственнымъ чувствомъ.

Шарль Фурье.

Сочиненія Сень-Симона и его учениковъ оказали сильное вліяніе на позднѣйшихъ социалистовъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Одновременно съ Сень-Симономъ была выработана другимъ мыслителемъ иная философско-экономическая система, сообразно которой должно было быть перестроено общество. Этимъ мыслителемъ былъ простой комми-воажеръ одной торговой фирмы—Шарль Фурье (Charles Fourier). Будучи въ молодые годы приказчикомъ въ Марселѣ, онъ самъ лично подмѣтилъ поразившій его фактъ: когда въ Марселѣ, какъ и во всей Франціи, свирѣпствовалъ голодъ, алчные спекулянты вывозили въ открытое море нагруженныя хлѣбомъ суда и пускали весь грузъ ко дну, чтобы тѣмъ удержать на

Планъ Фаланстера.

прежнемъ уровнѣ высокія цѣны. Съ этого времени Фурье рѣшилъ посвятить всю свою жизнь рѣшенію вопроса, какимъ образомъ преобразовать все человѣческое общество на новыхъ началахъ, чтобы планомѣрной организаціей его достигъ полнонаго благосостоянія всѣхъ людей. Отсутствіе средствъ для собственной жизни заставляло его посвящать много силъ торговому дѣлу, но онъ находилъ еще время и силы и для литературной работы; цѣлый рядъ написанныхъ имъ книгъ онъ долженъ былъ издавать на собственные средства, такъ какъ желающихъ издать ихъ не находилось. Эти сочиненія его поражаютъ свѣжестью и разнообразіемъ изложенныхъ въ нихъ идей, оригинальностью въ пониманіи фактовъ повседневной жизни и глубиной критики современныхъ общественныхъ учреждений. На ряду съ этимъ, въ нихъ много и самыхъ причудливыхъ измышленийъ разгоряченной фантазіи, но на этой сторонѣ его произведеній мы не будемъ останавливаться *).

Сущность его ученія состоитъ въ устройствѣ коммунистическихъ хозяйственныхъ общинъ, названныхъ имъ Фалангами (отъ греческаго слова Phalanx—замкнутый боевой строй македонцевъ), товариществъ отъ 1500 до 1800 членовъ обоюго пола и разныхъ возрастовъ; всѣ члены такой общины помѣщаются въ одномъ общемъ зданіи или дворѣ, устроенномъ со всѣми требованіями удобства и роскоши, въ „Фаланстерѣ“ **); всѣ члены общины заняты сельско-хозяйственными работами, обработкой продуктовъ или домашнимъ хозяйствомъ—по общему установленному плану. Каждый можетъ при этомъ совершенно свободно выбирать для себя то или иное занятіе по

*) См. книгу Августа Бебеля «Шарль Фурье, его жизнь и ученіе». Нѣм. изданіе—Штуттгартъ, 1890 г. Русскій переводъ изд. «Знанія».

**) Подобно тому какъ строились средневѣковые соборы и церкви, фаланстеръ долженъ былъ имѣть форму креста; жилища и рабочія помѣщенія фаланги имѣютъ центральную часть съ двумя средними или главными флигелями и двумя такими же внѣшними или боковыми. Архитектурныя формы построекъ данного времени всегда служатъ лишь внѣшнимъ выраженіемъ социальныхъ отношеній, и знатокъ архитектуры всегда сможетъ по внѣшнимъ формамъ судить о внутреннемъ строѣ общества данной эпохи.—Общинное хозяйство требуетъ, конечно, всегда иныхъ приемовъ и формъ строительства, чѣмъ частное хозяйство.—Центральная часть фаланстера должна была имѣть такіе помѣщенія, въ которыхъ всегда могло бы собираться до 2000 человѣкъ, напр. столовая, залъ для собраний, конторы, базары, бібліотеки и пр.; два главныхъ флигеля, отходящихъ отъ центрального зданія подъ прямымъ угломъ и замыкающихъ собой центральную площадь фаланстера, а также два боковыхъ, идущихъ вправо и влево и выходящихъ на главную улицу, назначались для помѣщенія мастерскихъ, причемъ работы особенно шумныя должны были производиться возможно дальше отъ центрального зданія. Жилища помѣщенія должны были находиться въ верхнихъ этажахъ. Противъ фаланстера, вдоль центральной площади и главной улицы должны помѣщаться склады продуктовъ и машинъ, стойла для скота и пр. (на нашей картинѣ ихъ не видно).—Длина всего зданія, отъ угла лѣваго бокового флигеля до угла праваго, около 2000 футовъ или 600 метровъ (280 сажень). Чтобы возможно сократить размѣры постройки, ряды зданій устраиваются двойными, съ внутренними между ними дворами-садами. Широкая крытая галлерей тянется вдоль всѣхъ зданій съ надворной стороны и служить главной артеріей передвиженія членовъ фаланги.

своему вкусу, при чемъ продолжительность одной и той же работы не должна превышать двухъ часовъ подрядъ, чтобы работа представляла удовольствие и не подрывала производительной силы работника. Изъ годового продукта производства общины четыре двѣнадцатыхъ части должны итти въ запасный капиталъ, пять частей—на вознагражденіе за особенно трудныя и, такъ сказать, сверхурочныя работы, изъ остальныхъ же трехъ частей должны выдаваться премии за полезный для общаго дѣла „талантъ“, т. е. за руководство, за улучшение техники, спеціальныя познанія и необыкновенную даровитость. Такая организація фаланстера дѣлала излишней всякую

Консидеранъ.

политическую власть; эта организація обезпечивала безусловную самостоятельность каждаго отдѣльнаго человѣка, каждой группы, въ которую всякій могъ вступать совершенно свободно и, наконецъ, всей общины въ цѣломъ; во взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными общинами также не было нужды въ какихъ-либо законахъ, кромѣ свободнаго соглашенія ихъ между собой, спорные же вопросы должны были разрѣшаться третейскимъ судомъ; излишней оказывалась также и какая-либо система наказаній, такъ какъ вмѣсто насильственнаго подчиненія человѣка общественному порядку, что характеризуетъ нашу со-

Англию, въ виду возбужденнаго противъ него судебного преслѣдованія. Тамъ онъ, между прочимъ, усердно изучалъ сочиненія Оуэна и Томаса Мора, идеи которыхъ онъ и воспринялъ. Пробывъ пять лѣтъ въ изгнаніи, онъ вернулся послѣ амнистіи 1837 года во Францію и основалъ журналъ „La Populaire“ („Общедоступный“), получившій большое распространеніе какъ среди буржуазіи, такъ и въ рабочей средѣ. Между подписчиками и редакторомъ журнала Кабэ вскорѣ образовалась тѣсная связь, чисто патриархальныя отношенія; послѣдователи его стали носить особую одежду: короткій сюртукъ изъ чернаго бархата и круглую бѣлую шляпу и назывались „икарійцами“, подобно жителямъ его фантастической Икаріи.

Этьенъ Кабэ.

Въ этой Икаріи Кабэ нѣтъ ни собственности, ни денегъ, ни купли, ни продажи. Всѣ икарійцы одинаково работаютъ на пользу коммуны. Въ распоряженіе коммуны идутъ всѣ продукты земледѣлія и ремеслъ и распредѣляются равномѣрно между всѣми гражданами. Такимъ образомъ, они получаютъ отъ своей республики все, что имъ нужно—пищу, одежду, обученіе и т. д., причеиъ въ первую очередь распредѣляется необходимое, затѣмъ—полезное и, наконецъ, если возможно, и пріятное. Въ своихъ мастерскихъ и своими же силами республика приготовляетъ все, что можетъ понадобится икарійцамъ для пропитанія, для одежды или домашняго хозяйства; работающимъ въ мастерскихъ она даетъ сырые матеріалы и орудія труда, работа же вознаграждается не деньгами, а продуктами потребленія. Въ свои кладовыя республика собираетъ всѣ

продукты, произведенные ея членами, чтобы потомъ распредѣлить ихъ между всѣми сообразно принципу: каждый—по его силамъ, каждому—по его потребностямъ. Въ Икаріи нѣтъ частной собственности, поэтому нѣтъ ни кражъ, ни преступленій, нѣтъ ни тюремъ, ни полиціи, ни солдатъ. Тамъ господствуетъ полная религіозная свобода, а чтобы граждане и гражданки вполне сознательно выбирали для себя ту или иную религію, съ дѣтми запрещено говорить что-либо о религіозныхъ вопросахъ. Бракъ и семья оставлены старыми. Свободы печати, однако, не существуетъ; могутъ печатать все лишь государственныя типографіи, изъ существующихъ же книгъ и брошюръ въ Икарію допускаются лишь тѣ, которыя будутъ признаны безвредными особыми, поставленными для этой цѣли чиновниками. Право изданія газетъ принадлежитъ общинамъ и самой республикѣ. Всѣ должностныя лица выбираются всеобщимъ, равнымъ голосованіемъ. Общее руководство дѣлами республики находится въ рукахъ особаго комитета, надъ которымъ стоитъ законодательное національное собраніе, высшей же инстанціей является весь народъ въ цѣломъ. Въ случаѣ тиранніи чиновниковъ народъ можетъ ихъ свергнуть и выбрать новыхъ.

Кабэ и его ученіе подверглось жестокимъ гоненіямъ не только со стороны правительства, которому на помощь пришли священники и епископы своими пастырскими посланіями, отлученіемъ отъ церкви и отказомъ въ исповѣди, но и со стороны вождей и газетъ революціонно-республиканской партіи—со стороны Кормнена (Cormenin), Ледрю-Роллена (Ledru-Rollin), Араго (Arago) и ихъ друзей. Главный органъ этой партіи, „Réforme“, (Реформа) открылъ рѣзкую полемику съ „Populaire’омъ“. По поводу этого Кабэ выпустилъ брошюру—„Война или миръ между „Réforme’ой“ и „Populaire’омъ?“—въ которой условіемъ мира ставилъ требованіе, чтобы „Réforme“ безпристрастно излагала и критиковала теорію коммунизма и планъ организации труда.

Однако „Réforme“ отказалась отвѣчать на этотъ вызовъ Кабэ и продолжала свою страстную полемику съ нимъ вплоть до февральской революціи.

Терпя нападки со всѣхъ сторонъ, Кабэ увидѣлъ, что во Франціи ему не найти никакой почвы для осуществленія своихъ идеаловъ. Весной 1847 года онъ рѣшилъ отправиться въ Америку. Въ особомъ воззваніи онъ объявилъ объ этомъ рѣшеніи своимъ послѣдователямъ, какъ о послѣднемъ средствѣ убѣдить міръ въ исполнимости его идей. Въ отвѣтъ онъ получилъ цѣлую массу сочувственныхъ адресовъ; 10-го апрѣля 1847 года въ бюро „Populaire’a“ собралось 150 икарійцевъ, сильныхъ, рѣшительныхъ и мужественныхъ людей, и положили здѣсь начало обществу основателей Икаріи, которое было внесено въ торговые списки подъ фирмою Кабэ и Комп.

Первый, высказавшій сомнѣнія въ торговыхъ способно-

стяхъ Кабэ и предсказавшій неудачный конецъ этого предпріятія, былъ коммунистъ же, адвокатъ Мильеръ (Millière), который вполсѣдствіи умеръ столь жестокой смертью (во время возстанія парижской коммуны 1871 года онъ былъ звѣрски разстрѣлянъ версальцами, не смотря на его неприкосновенность, въ качествѣ депутата *).

Кабэ, однако, былъ непоколебимъ; онъ отправился въ Лондонъ и приобрѣлъ тамъ по договору милліонъ акровъ земли въ Техасъ, уступленной бесплатно подъ условіемъ, чтобы колонія приобрѣла ее въ собственность еще до 1-го іюля 1848 г. По возвращеніи въ Парижъ Кабэ былъ арестованъ; его обвинили въ томъ, что собранныя для переселенія деньги, онъ хотѣлъ присвоить себѣ лично, но представленный имъ суду лондонскій договоръ опровергъ обвиненіе, и онъ былъ оправданъ.

3-го февраля 1848 года изъ Гавра въ Новый Орлеанъ отплылъ передовой отрядъ икарійцевъ въ 69 человекъ. Они благополучно достигли цѣли своего путешествія и съ неутомимой энергіей принялись за работу на отведенномъ имъ участкѣ земли. Они не приняли въ расчетъ только одного обстоятельства, именно климата Техаса, который былъ очень тяжелъ для колонистовъ въ лѣтніе мѣсяцы—іюнѣ, іюлѣ и августѣ. Почти всѣ икарійцы заболѣли лихорадкой, а многіе даже сошли съ ума. Вторая экспедиція покинула Францію 3-го іюня 1848 года, но застала колонію уже въ полномъ разложеніи, поэтому единогласно всѣми было рѣшено оставить Икарію и вернуться въ Новый Орлеанъ. Тамъ ихъ ждали уже двѣ новыхъ экспедицій, выѣхавшихъ изъ Франціи въ ноябрѣ и декабрѣ 1848 года. Когда, наконецъ, 19-го января 1849 года прибылъ и самъ Кабэ, было созвано общее собраніе, которое и рѣшило продолжать дѣло осуществленія Икаріи въ покинутомъ мормонами городѣ Nauvoo (Нейву) въ Иллинойсѣ. 1-го марта 1840 г. отправились туда оставшіеся вѣрными своему дѣлу 280 икарійцевъ—142 мужчины, 74 женщины и 64 человекъ молодого поколѣнія. Два года спустя конгрессъ штата Иллинойса формально призналъ икарійскую общину, которая и донинѣ влачитъ еще свое скромное существованіе; мечтамъ старыхъ икарійцевъ не суждено было, конечно, воплотиться въ дѣйствительной жизни.

Между тѣмъ, самъ Кабэ, вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Франціи, снова былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ обманѣ, и 29 сентября 1849 года *in contumaciâ* (заочно) приговоренъ къ двумъ годамъ тюрьмы и лишенію на пять лѣтъ гражданскихъ правъ. Съ согласія общины, Кабэ отправился въ Парижъ на судъ и, послѣ блестящей защиты, 23-го іюля 1851 года снова былъ оправданъ. По возвращеніи въ Икарію, онъ вскорѣ вызвалъ сильное неудовольствіе колонистовъ своими правилами, въ которыхъ онъ, между прочимъ, воспрещалъ употребленіе

*) См. Лиссагарэ «Исторія Парижской Коммуны въ 1871 г.» Русск. перев. изд. «Знанія», „Колокола“ и Глаголева.

спиртныхъ напитковъ и куреніе табака; дѣло дошло до отк рытаго возстанія, и Кабэ, съ небольшою частью икарійцевъ, оставшихся ему вѣрными, былъ изгнанъ изъ Nauvoou. Отсюда онъ отправился въ Санъ-Луи; здѣсь этотъ человѣкъ, владѣвшій когда-то большимъ состояніемъ, потраченнымъ на дѣло освобожденія человѣчества, испыталъ самую жестокою нужду и умеръ въ 1856 году отъ апоплексическаго удара.

Такъ сошелъ въ могилу одинъ изъ энергичныхъ представителей утопическаго коммунизма середины XIX столѣтія; онъ подготовилъ почву ясному, критически обоснованному научному социализму, первые ростки котораго вышли на свѣтъ, также въ періодъ февральской революціи.

Нѣсколькими годами раньше появленія „Путешествія въ Икарію“ вышло социально-политическое сочиненіе молодого писателя, который уже успѣлъ составить себѣ имя какъ журналистъ и историкъ. Въ этомъ сочиненіи онъ пытался снова возстановить ту связь между социализмомъ и революціонно-политическимъ движеніемъ, которая была уничтожена фуриеризмомъ. Это сочиненіе было: „Организація труда“ Луи Блана (Louis Blanc); оно печаталось раньше въ журналѣ „Revue de Progrès“, а съ 1839 года вышло въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ изданіяхъ. Луи Бланъ критикуетъ современное состояніе общества, существующее несправедливое распредѣленіе жизненныхъ благъ и весь противоестественный, односторонній, созданный только въ интересахъ господствующихъ классовъ, общественный строй, который несомнѣнно идетъ навстрѣчу своей гибели, если само общество своевременно не возьмется за надлежащія реформы. Первымъ мѣропріятіемъ въ этомъ направленіи онъ предлагаетъ организацію труда. Созданная великою революціей частная свободная конкуренція въ области промышленности, являющаяся источникомъ всѣхъ личныхъ и общественныхъ бѣдствій, должна быть въ корнѣ уничтожена конкуренціей самого государства, или такими мѣрами послѣдняго, которыя постепенно уничтожаютъ самую возможность частнаго соревнованія. Для этой цѣли правительство должно сдѣлать заемъ, который будетъ обращенъ на устройство товарищескихъ мастерскихъ для наиболѣе важныхъ отраслей національнаго хозяйства. Луи Бланъ рекомендуетъ далѣе такой планъ дѣйствій: государство даетъ товарищескимъ мастерскимъ требуемый капиталъ безъ процентовъ: порядокъ работъ въ мастерскихъ регулируется особыми правилами, имѣющими силу закона. Всѣ организованныя такимъ образомъ отрасли промышленности связываются между собой и, какъ филиальныя отдѣленія, подчиняются одной центральной мастерской. Управляющіе мастерскими свободно избираются самими работниками, но государству, въ рукахъ котораго сосредоточивается высшій надзоръ, должно быть предоставлено право ихъ утвержденія. Подобный же порядокъ производства долженъ быть государствомъ введенъ и въ области земледѣлія. Весь доходъ ассоціацій товариществъ, за покрытіемъ расходовъ по ремонту,

на запасный и вспомогательный фонды, должны быть поровну распределены между членами товариществъ. Право наследованія на первое время можетъ быть оставлено лишь для родителей и дѣтей, но уничтожено совсѣмъ, какъ злоупотребленіе, для всѣхъ остальныхъ степеней родства; въ случаѣ отсутствія наследователей нисходящей и восходящей линіи имущество должно поступать въ распоряженіе государства, которое употребляетъ его на дальнѣйшее расширеніе общественныхъ мастерскихъ.

Луи Бланъ.

Какъ видно отсюда, Луи Бланъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду коренной насильственной ломки существующаго права собственности, хотя послѣдовательное проведеніе его системы должно было, по его мнѣнію, привести къ полному уничтоженію государствомъ частной конкуренціи, къ поглощенію имъ всѣхъ капиталовъ страны, и слѣлать, наконецъ, государство единственнымъ обладателемъ земельныхъ богатствъ и всякаго рода капиталовъ. Его идеи нашли себѣ отголосокъ не только въ рабочей средѣ и въ средѣ молодежи, но и въ рядахъ политическихъ дѣятелей крайней лѣвой, которые до того времени держались вдали отъ социалистическаго движенія и ограничивались лишь пропагандой идей политическаго радикализма; такъ, въ маѣ 1840 года *Франсуа Араго* съ трибуны палаты депутатовъ провозгласилъ установленіе права на трудъ высшей обязанностью государства, за что и получилъ благодарность многихъ тысячъ рабочихъ: на другой день они большой толпой пришли къ зданію обсерваторіи и выразили ученому свою признательность за то, что онъ защищалъ интересы бѣдняковъ

предъ этимъ собраніемъ глухихъ, считающихъ себя представителями націи.

Въ томъ же 1840 году на арену борьбы за общественную реформу выступилъ новый дѣятель, діалектикъ и софистъ первой величины, — бывшій наборщикъ *П. Ж. Прудонъ* (P. J. Proudhon); онъ не выдавалъ себя за социалиста, но языкъ его пестритъ социалистическими терминами. Его брошюра, живо

Прудонъ.

напоминающая писанія аббата Сіэйса (Sieyès) о третьемъ сословіи, носитъ заголовокъ: „Что такое собственность?“. На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ: „Собственность есть кража“. Можетъ быть, онъ думалъ подобнымъ оборотомъ рѣчи подать сигналъ къ социальной революціи, какъ нѣкогда далъ сигналъ къ политической революціи Сіэйсъ своимъ вопросомъ о значеніи „третьяго сословія“. Онъ такъ высоко ставилъ изобрѣтенную имъ формулу, что ни за какіе милліоны Ротшильда не соглашался уступить своей привилегіи изобрѣтателя. Онъ говорилъ: „Такое слово произносятся только одинъ разъ въ цѣлыя тысячелѣтія, и я рѣшаюсь утверждать, что открытая мною истина представляетъ самое значительное событіе во все время царствованія Луи Филиппа“. Но, къ его несчастью, оказалось, что ту же самую мысль еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ высказалъ жирондистъ Бриссо (Brissot), который въ своихъ

„Философскихъ изслѣдованіяхъ о правѣ собственности и о кражѣ“ говорилъ: „Съ точки зрѣнія естественнаго права, исключительное право собственности есть кража“ и еще: „Собственникъ—это воръ“ *).

Если очистить суть ученія Прудона отъ того цвѣтистаго философскаго покрыва, которымъ она закутана, то мы получимъ слѣдующее: современное общество покоится на трехъ основныхъ принципахъ—деспотизмѣ, неравенствѣ и собственности, но въ числѣ этихъ устоевъ нѣтъ единственнонеобходимаго—справедливости. Однако, изъ этихъ трехъ принциповъ два первыхъ являются только слѣдствіемъ третьяго, потому что безъ той силы которую даетъ собственность, не можетъ существовать ни деспотизмъ, ни неравенство. Истинная справедливость заключается въ равенствѣ. Для дѣйствительнаго уничтоженія собственности необходимо уничтожить ренту, процентъ на капиталъ, биржевую спекуляцію, аренду и наемъ, какъ способы несправедливаго, не трудового приобрѣтенія богатства. Такова отрицательная часть прудоновской программы. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію положительной части своей теоріи, онъ считаетъ необходимымъ гарантировать себя отъ всякаго подозрѣнія въ симпатіяхъ къ коммунизму или социализму какого бы то ни было оттѣнка. „Я совершенно чистъ отъ социалистической подлости!“, патетически восклицаетъ онъ. „Убирайтесь вы отъ меня, презрѣнные коммунисты! въ вашемъ присутствіи я чувствую зловоніе, и вашъ видъ возбуждаетъ у меня тошноту!“.

Самоучка Прудонъ хочетъ быть только Прудономъ и ничѣмъ инымъ, система же его должна представлять нѣчто совершенно своеобразное. Поэтому онъ старается состряпать для себя свой собственный общественный порядокъ. Въ основѣ его должна лежать *организация* не труда, а *кредита*, причемъ рабочее время должно быть единственнымъ мѣриломъ стоимости. Всѣ продукты труда должны обмѣниваться черезъ посредство банка, который для этой цѣли выпускаетъ особыя квитанціи съ обозначеніемъ количества рабочихъ часовъ. Деньги, поэтому, станутъ совершенно излишними, и вмѣстѣ съ ними исчезнетъ одно изъ величайшихъ хозяйственныхъ золъ. То, что рабочий произведетъ или получить въ обмѣнъ, поступаетъ въ его личное распоряженіе. Въ чемъ заключается юридическое отличіе такого способа приобрѣтенія отъ старой собственности, Прудонъ нигдѣ не показалъ съ достаточной ясностью ни въ этомъ, ни въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Остается предположить, что у него между личнымъ владѣніемъ и частной собственностью едва ли

*) Истинные Левеллеры эпохи англійской революціи по существу являли то же самое, съ той же аргументаціей, но только выражали это иными словами; всякую собственность, не приобрѣтенную непосредственнымъ трудомъ, они называли кражей. Та же самая мысль была рѣзко выражена въ изложеніи принциповъ «Равныхъ» (партія Бабѣфа). За Прудономъ остается, слѣдовательно, только та эффектная форма, которую онъ придалъ этому положенію; но безъ этого трескучаго эффекта въ немъ ничего больше не заключается, кромѣ простаго внутренняго противорѣчія.

есть какое-либо различіе, хотя бы уже по той причинѣ, что это личное владѣніе и у него является единственнымъ побудительнымъ мотивомъ для производства благъ; точь въ точь, какъ и собственность—по мнѣнію всѣхъ буржуазныхъ экономистовъ.

Въ своемъ первомъ произведеніи о собственности абсолютное равенство индивидуумовъ (личностей) онъ объявляетъ высшимъ правомъ человѣка, но уже въ своей „Системѣ экономическихъ противорѣчій“, вышедшей въ 1846 году, гдѣ онъ пытался своей діалектической глубиной уничтожить всѣ существующія социалистическія системы, онъ считаетъ необходимыми и привилегіи, и неравенство между людьми. Подобными очевидными противорѣчіями, которыхъ не скрасишь никакой софистикой и не устранишь никакой діалектикой, полны всѣ его произведенія; и вся его хозяйственно-политическая система представляетъ лишь сплетеніе расплывчатыхъ и безсодержательныхъ формулъ. Прудонъ былъ первымъ, назвавшимъ себя анархистомъ; идея безвластія, какъ принципъ общественного порядка, давно уже занимала его голову. Поставивъ на мѣсто собственности—владѣніе, на мѣсто классовыхъ различій—равенство и на мѣсто государства—анархію, онъ думалъ всюду водворить равенство; это не мѣшало ему, впрочемъ, требовать, чтобы наука занялась разработкой новой системы законодательства на основахъ анархіи, при сохраненіи брака и семьи. Въ эпоху революціоннаго движенія 1848 года, не смотря на всю его теоретическую несостоятельность, Прудону удалось все-таки собрать около себя значительный кругъ приверженцевъ; правда, онъ бралъ здѣсь больше своею шумливостью, чѣмъ дѣйствительнымъ участіемъ въ руководствѣ политической или экономической стороной движенія, но больше всего онъ былъ обязанъ своей крикливой фразѣ: собственность есть кража; эта фраза ввела въ заблужденіе народную массу, считавшую его социалистомъ; затѣмъ, не малую роль въ его популярности сыграла и его смѣлая идея народнаго банка безъ капитала, являющагося посредникомъ при обмѣнѣ и циркуляціи трудовыхъ квитанцій, на основѣ бесплатнаго кредита; такой банкъ былъ имъ дѣйствительно основанъ въ 1849 году, но уже черезъ три мѣсяца его пришлось закрыть. Образцомъ противорѣчивости является его брошюра „Соціальная революція, осуществленная посредствомъ государственнаго переворота“, вышедшая послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 года; она написана въ защиту Наполеона III-го, на рукахъ котораго еще не высохла кровь жертвъ, павшихъ 4-го декабря *).

Въ близкомъ родствѣ съ ученіемъ Прудона находится социальная теорія философа *Пьера Леру* (Pierre Leroux); она только болѣе продумана и систематична.

Леру также стремится къ уничтоженію собственности, также отрицательно относится къ коммунизму и стоитъ за

*) Нужно все-таки признать, что Прудонъ, какъ критикъ, имѣетъ довольно крупныя заслуги.

ное Обозрѣніе“ (Revue Sociale); свои социальна-политическія воззрѣнія онъ изложилъ нѣсколькими годами ранѣе этого въ сочиненіи: „Разсужденія о равенствѣ“. Равенство есть высшій государственный принципъ, которому должны быть подчинены всѣ другіе интересы. Общественный союзъ, который долженъ объединять всѣхъ равныхъ между собою гражданъ государства, Леру называетъ солидарностью или коммунальностью. Онъ вѣритъ въ непрерывный прогрессъ человѣчества, которое, преодолевая на своемъ пути одно препятствіе за другимъ, постоянно приближается къ состоянію равенства. Человѣчество освободилось отъ узъ семьи, сковывавшихъ его въ періодъ патріархата, затѣмъ—отъ узъ государства греко-римскаго періода, теперь передъ нимъ стоитъ задача освободиться отъ ига собственности. Семья, государство и собственность находили себѣ оправданіе лишь до тѣхъ поръ, пока онѣ не сложились въ твердыя, неподвижныя формы или касты и, слѣдовательно, не превратились въ тормозъ дальнѣйшаго развитія общества. Равенство передъ закономъ, свобода конкуренціи и свобода мысли—всѣ эти частныя формы равенства уже существуютъ со времени великой революціи 1789 года, но существуютъ лишь въ теоріи, въ писаныхъ законахъ,—въ дѣйствительности же ихъ нѣтъ; потому что богатый и сильный всегда остается безнаказаннымъ, въ промышленной же дѣятельности онъ выступаетъ, какъ угнетатель.

Основываясь на этихъ предпосылкахъ, Пьеръ Леру строить всемірное государство, въ которомъ всѣ несутъ общественную службу и получаютъ вознагражденіе по такой тріединой формулѣ: „каждому—по его способностямъ, каждому—по его заслугамъ, каждому—по потребностямъ. Способность вознаграждается самимъ упражненіемъ ея, и это упражненіе составляетъ ея обязанность; трудъ вознаграждается отдыхомъ; потребность же удовлетворяется продуктами природы или продуктами искусства и науки“. Пьеръ Леру былъ болѣе социаль-философомъ, чѣмъ дѣйствующимъ социалистомъ-практикомъ; но когда ему приходилось принимать участіе въ политической жизни страны, онъ никогда не забывалъ своего пролетарскаго происхожденія. Въ учредительномъ собраніи 1848 года онъ принадлежалъ къ числу рѣшительныхъ противниковъ кровавой расправы съ іюньскими борцами. Леру не оставилъ послѣ себя школы, какъ и Прудонъ; умеръ онъ въ апрѣлѣ 1871 года. Парижская Коммуна почтила его память посылкой двухъ своихъ делегатовъ на его похороны.

Въ цѣляхъ полноты очерка намъ необходимо здѣсь сказать нѣсколько словъ и объ аббатѣ *Ламеннэ* (Lamennais), представителѣ религіознаго коммунизма.

Основой его ученія было положеніе, что счастье людей зависитъ отъ воли божіей и что только христіанство, проповѣдующее идею любви, способно утвердить его на землѣ; во имя этой религіи любви должны быть уничтожены собственность и семья. Однако, римская курія не согласилась съ этой

проповѣдью „новаго католицизма“, и ученіе Ламеннэ было осуждено энцикликой (окрыжнѣмъ посланіемъ) папы Григорія XVI-го. Ламеннэ вскорѣ покинули нѣкоторые изъ его молодыхъ послѣдователей, напримѣръ, аббатъ *Лакордэръ* (Lacordaire), который рѣшилъ искупить свое заблужденіе вступленіемъ въ Доминиканскій орденъ, или *Монталанберъ* (Montalembert), посвятившій себя, подъ вліяніемъ терзавшихъ его сомнѣній, изученію церковной исторіи. Наоборотъ, къ ученію Ламеннэ примкнуло

Аббатъ Ламеннэ.

нѣсколько видныхъ буржуазныхъ радикаловъ, какъ *Альфонсъ Эскиро* (A. Esquiros), *Константинъ Пеккеръ* (C. Pécqueur) и другіе. Ламеннэ игнорировалъ осужденіе римской курии, и это обстоятельство сдѣлало его популярнымъ на долгое время. Его книга „Слова вѣрующаго“*), написанная увлекательнымъ языкомъ, разошлась болѣе чѣмъ въ сотнѣ изданій. Потомъ, когда разгорѣлась политическая борьба, и вопросы дня овладѣли умами, Ламеннэ былъ отодвинутъ на задній планъ и умеръ въ 1854 году, почти совсѣмъ забытый.

Близко къ Ламеннэ по характеру своего ученія всталъ, послѣ долгихъ исканій, карбонарій *Бюше* (Vichez). Прежній сень-симонистъ, онъ позднѣе сталъ, такъ сказать, католическимъ якобинцемъ. Онъ думалъ примирить Христа съ Робеспьеромъ.

*) Переведена на нѣмецкій языкъ Л. Берне.

Послѣ неудачнаго возстанія 1821 года въ Мецѣ, Бюше былъ арестованъ, и жизнь его висѣла на волоскѣ: только большинствомъ одного голоса онъ былъ спасенъ отъ казни. Помилованный Карломъ X при вступленіи его на престолъ, онъ примкнулъ къ сенъ-симонистамъ, но когда Анфантэнъ и Базаръ, его бывшіе сотоварищи по союзу карбонаріевъ, превратили сенъ-симонизмъ въ секту, онъ вышелъ изъ ихъ союза. Съ этого времени онъ пошелъ своей дорогой. Какъ и всѣ вообще социалисты, Бюше началъ съ уничтожающей критики существующаго строя. Первая глава его перваго сочиненія „Введеніе въ историческую науку“, вышедшаго въ 1833 году, озаглавлена: „Угрожаетъ ли современной цивилизаціи гибель?“. Онъ говоритъ, что теперь всѣ недовольны: „правящіе—потому что они боятся, счастливые—потому что они не удовлетворены въ своихъ стремленіяхъ, массы—потому что онѣ страдаютъ“. Были уже испытаны всѣ политическія формы, но ни одна изъ нихъ не могла искоренить зла. На жалобы и нужду теперь нѣтъ иного отвѣта, кромѣ тюрьмы и казни.

Современное общество подобно приговоренному къ смерти, который въ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ хочетъ забыть о приближающемся смертномъ часѣ. При такомъ состояніи общества было бы невозможно оставаться равнодушнымъ; для насъ это было бы все равно, что выбирать между жизнью и смертью. Но мы не должны все-таки отчаяваться въ будущихъ судьбахъ человѣчества и всего міра, потому что живое чувство господствующей несправедливости, одушевляющее народъ, доказываетъ, что силъ хватить съ избыткомъ для спасенія отъ угрожающей гибели.

То ханжество, въ которое Бюше ударился позднѣе, замѣтно лишь мѣстами въ этомъ первомъ его произведеніи; рѣшительный переходъ свой къ католицизму, въ которомъ онъ увидѣлъ цѣлое откровеніе новаго демократическаго міросозерцанія, онъ ознаменовалъ выпускомъ въ 1839 году новой книги: „Разсужденія о философіи съ точки зрѣнія католицизма и прогресса“. Онъ заявлялъ здѣсь, что человѣчество путемъ непрестанныхъ преобразованій приближается къ идеальному состоянію совершенства, котораго оно, несомнѣнно, достигнетъ; этотъ прогрессъ уничтожитъ всѣ современные общественные недуги.

Говоря современнымъ языкомъ, Бюше слѣдуетъ назвать христіанскимъ социалистомъ.

Такъ называемый „бюшеизмъ“ пріобрѣлъ практическое значеніе лишь съ того момента, когда Бюше приступилъ къ изданію періодическихъ органовъ; первымъ изъ нихъ былъ „Европеецъ“, еженедѣльный журналъ, выходившій съ 1831 по 1838 годъ. Онъ развивалъ въ немъ идею основанія производительныхъ и потребительныхъ товариществъ рабочихъ на основѣ социалистической системы кредита, съ одной главной общественной кассой. Путемъ цѣлаго ряда мѣропріятій организаціоннаго характера, по мнѣнію Бюше, можно достигъ того,

что орудія труда останутся въ рукахъ самого рабочаго, по крайней мѣрѣ на то время, пока онъ лично занятъ трудомъ; затѣмъ средства производства—продуктъ труда этого перваго поколѣнія—должны безвозмездно перейти въ руки второго поколѣнія; продолженный и далѣе, такой порядокъ создать неразрывную связь между собственностью на орудія производства и трудомъ и уничтожить всякую возможность эксплуатаціи чужого труда со стороны небольшой кучки владѣльцевъ капитала. Такимъ образомъ, рабочіе постепенно сами станутъ владѣльцами капитала, независимыми отъ современныхъ капиталистовъ, эти же послѣдніе, въ концѣ концовъ, останутся совершенно безъ рабочихъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не согласится употребить свои орудія производства на условіяхъ современнаго найма. Капиталисты будутъ принуждены или обратить свои капиталы на свое личное потребленіе, или же работать сами.

Всѣ эти организаціонныя мѣропріятія, по мысли Бюше, должны исходить отъ особыхъ рабочихъ ассоціацій, созданныхъ на основаніи общественнаго договора; ихъ дѣятельность, основанная на безкорыстной преданности дѣлу, должна привести къ вытѣсненію частныхъ сбереженій—коллективнымъ и такимъ путемъ создать коллективную собственность.

Послѣ основанія указанныхъ ассоціацій долженъ быть учрежденъ общественный, неотчуждаемый фондъ, *fond inaliénable*—какъ его называлъ Бюше, или *fond indivisible* (нераздѣльный фондъ)—какъ онъ назывался на практикѣ. Уже въ декабрѣ 1832 года Бюше удалось, дѣйствительно, основать первую ассоціацію столяровъ, за которой потомъ послѣдовала вторая—золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Однако, французскіе законы того времени оказались мало благопріятными для ассоціацій подобнаго рода; торговый уставъ оказался приспособленнымъ только къ ассоціаціямъ капиталистовъ. Преслѣдованія, начавшіяся послѣ іюньскаго возстанія, а также всевозможныя притѣсненія, которымъ стали подвергаться рабочія ассоціаціи послѣ декабрьскаго государственнаго переворота,—все это отразилось и на ассоціаціяхъ, основанныхъ Бюше, принудило ихъ отказаться отъ своихъ первоначальныхъ тенденцій и приблизиться къ формѣ обыкновенныхъ торговыхъ товариществъ. Въ 1860 г. принципъ нераздѣльности фонда подвергся спору со стороны одного бывшаго члена ассоціаціи, слѣдствіемъ чего было судебное рѣшеніе, предписывавшее выдать выбывшему члену ассоціаціи золотыхъ дѣлъ мастеровъ его долю изъ нераздѣльнаго фонда.

Одновременно съ „Европейцемъ“, Бюше издавалъ съ 1833 по 1838 годъ, вмѣстѣ съ Ру-Лявернь (*Roux-Lavergne*) очень цѣнный по содержанію сборникъ подъ названіемъ „Парламентская исторія французской революціи“, затѣмъ, совмѣстно съ однимъ изъ своихъ наиболѣе видныхъ учениковъ. Жюлемъ Бастидомъ (*Jules Bastide*), бывшемъ въ 1848 году министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ основалъ журналъ „*Nationale Revue*“,

который, однако, влачилъ довольно жалкое существованіе и, вѣроятно, закрылся бы скоро, если бы на помощь ему не пришелъ органъ партіи реформъ „National“ съ рекламой. Большой успѣхъ имѣло третье изданіе Бюше, основанное въ 1840 году, именно „Atelier“:—дѣйствительный органъ „бюшеизма“. Самъ Бюше работалъ въ немъ только въ самомъ началѣ и опубликовалъ въ первыхъ номерахъ его свое христіанско-соціальное евангеліе; въ дальнѣйшемъ журналъ перешелъ въ руки его послѣдователей *рабочихъ*; редакторами были рабочіе Корбонъ (Corbon) и Паскаль (Pascal). „Бюшеисты“ отличаются во всѣхъ отношеніяхъ отъ остальныхъ демократическихъ организацій, существовавшихъ въ рядахъ рабочаго класса. Это были мирно настроенные, тихіе и добродушные люди, которые считали себя въ нѣкоторомъ родѣ членами новой религіозной общины. Они не разъ заявляли въ „Atelier“, что совсѣмъ не намѣрены касаться собственности, семьи, религіи или національности, что все ихъ вниманіе сосредоточено на возможныхъ при данныхъ условіяхъ реформахъ, именно—на организаціи ассоціацій рабочихъ. Они противопологали себя, поэтому, тѣмъ рабочимъ, которые примкнули къ революціоннымъ и коммунистическимъ организаціямъ и заняли среднюю позицію между послѣдними и чисто религіозными католическими союзами того времени, называвшимися по именамъ различныхъ святыхъ (св. Иосифа. Винцентъ-де-Поль, Николая и пр.). Они представляли нѣкоторое подобіе тѣхъ англійскихъ дѣятелей, которые работаютъ въ области рабочихъ ассоціацій по указкѣ христіанскихъ социалистовъ, но только безъ тѣхъ результатовъ, какихъ достигли эти англійскія ассоціаціи. Замѣчательно то, что идеи Бюше можно найти какъ въ программѣ рабочихъ союзовъ Шульце-Делича, такъ и въ нѣкоторыхъ проектахъ Лассалья.

Въ своемъ очеркѣ мы должны были ограничиться изображеніемъ лишь наиболѣе важныхъ соціально-реформаторскихъ теченій во Франціи того времени. Начиная съ 1839 года, когда Луи Бланъ бросилъ въ рабочія массы свою идею организаціи труда, вплоть до февральской революціи появилось громадное количество произведеній, трактовавшихъ на всевозможные лады соціальный вопросъ *). Предлагались самые разнообразныя проекты устройства новой общественной организаціи, которая устранила бы существующее зло не одними лишь временными, но и коренными мѣрами. Однако, вся эта литература, въ которую вложили свои силы люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, въ томъ числѣ и женщины **), утратила

*) Наглядную картину развитія утопизма въ лицѣ его представителей даетъ таблица «Родословная социализма», изданная въ Штуттгартѣ въ 1896 году (русское изданіе «Молота»).

**) Въ 1843 году работница Флора Тристанъ (F. Tristan) опубликовала свой проектъ рѣшенія соціального вопроса; сущность проекта заключается въ томъ, что каждый изъ восьми милліоновъ рабочихъ Франціи вноситъ въ общую кассу два франка; собранный такимъ образомъ капиталъ долженъ быть обращенъ на дѣло эмансипаціи рабочаго класса.

теперь, съ ростомъ современнаго социализма, всякое значеніе; за ней осталась лишь цѣнность историческихъ документовъ.

Мы должны еще упомянуть о томъ вліяніи, какое оказали эти социальныя теченія на изящную французскую литературу.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ гениальному творцу современнаго тенденціознаго романа, Жоржъ-Зандъ, о которой мы уже упоминали, какъ о сотрудницѣ Пьера Леру

Жоржъ Зандъ.

по журналу „Revue Indépendante“. Въ сильныхъ поэтическихъ формахъ она умѣла изобразить болѣзненные явленія своего вѣка. Это былъ умъ сильный и глубокой, серьезно и настойчиво стремившійся къ познанію истины; надѣяться на исцѣленіе всѣхъ золъ, по ея мнѣнію, человѣчество можетъ только тогда, когда оно само достигнетъ извѣстной высоты нравственнаго развитія. Умъ ея былъ занятъ глубокими вопросами жизни. вопросами и интересами всего человѣчества, борьбой двухъ міросозерцаній, что придавало ея сочиненіямъ глубокой интересъ. Въ своемъ „Спиридонѣ“, написанномъ подъ вліяніемъ сенсимонизма, она рисуетъ намъ картину того, какъ сильный умъ, терзаемый жаждой познанія, проходитъ всѣ ступени сомнѣнія, отчаянія, равнодушія и достигаетъ, наконецъ, стройнаго міросозерцанія и радостной истины. Ея романъ изъ жизни художниковъ „Консуэло“, въ которомъ въ поэтической формѣ представлены всѣ умственные теченія того времени, принадле-

жить къ числу самыхъ прекрасныхъ и любимыхъ поэтическихъ произведеній Франціи. Въ 1834 году Жоржъ-Зандъ черезъ республиканца Мишеля завязала знакомство съ вожаками социалистической и демократической партіи. Съ этого момента она стала ревностной защитницей дѣла народа противъ аристократіи и буржуазіи; ея романы „Симонъ“ и „Послѣдній Альдини“ изображаютъ противоположность между духовно растущей демократіей и нравственно разлагающейся аристократіей; сво-

Беранже.

ими романами „Французскіе ремесленные подмастерья“, „Іоанна“ и „Мельникъ изъ Анжиболта“ она задалась цѣлью пропагандировать въ народныхъ массахъ идеи социализма и имѣла въ этомъ отношеніи громадный успѣхъ, благодаря чрезвычайно широкому распространенію ея произведеній. Умерла она въ 1876 году 72 лѣтъ.

Успѣхъ романовъ Жоржъ-Зандъ привлекъ на тотъ же путь творчества и другихъ писателей. Подобно ей, громадную популярность пріобрѣлъ провансалецъ Эженъ Сю (Eugen Sue) своими яркими бытовыми картинами, отвѣчавшими запросамъ времени; горе нищеты, мерзость порока—таковы тѣ черты дѣйствительности, которыя изображалъ онъ. Его романы „Тайны Парижа“, „Семь смертныхъ грѣховъ“, „Вѣчный жидъ“ и

„Мартынь-подкидышъ“ пользовались громаднымъ распространениемъ въ народѣ и не мало способствовали созданию того настроенія, которое повело къ февральской революціи. Последнее, широко задуманное произведеніе его „Тайны народа“, вышедшее въ 1849—1851 годахъ, было признано парижскимъ судомъ присяжныхъ временъ Бонапарта „безнравственнымъ“ и „возбуждающимъ къ возстанію“ и присуждено къ уничтоженію; Эженъ Сю предполагалъ изобразить въ немъ судьбу одной

Альфредъ-де Мюссе.

бретонской пролетарской семьи въ обстановкѣ всѣхъ культурныхъ эпохъ міровой исторіи, начиная со временъ галльскихъ друидовъ; темою для введенія взяты картины 1848 года, но самый рассказъ, задуманный имъ, доведенъ до эпохи Крестовыхъ походовъ. Продолженіе романа не увидѣло свѣта благодаря государственному перевороту Наполеона, который лишилъ автора возможности найти издателя. Изгнанный изъ Франціи, Эженъ Сю умеръ въ 1857 году 53 лѣтъ, въ Аннеси, въ Савойѣ.

Глубокое общественное движеніе охватило однако не только область романа: поэтическое творчество также прониклось идеалами народной свободы *Беражанже* (Béranger), одинъ изъ популярнѣйшихъ поэтовъ Франціи, къ 1830 году почти

совѣмъ умолкъ, но его пѣсни слышались всюду. *Альфредъ де-Мюссе* (Alfred de Musset), связанный узами тѣсной дружбы съ Жоржъ Зандъ, многія изъ своихъ лирическихъ стихотвореній посвятилъ вопросамъ глубокаго душевнаго разлада, охватившаго всѣ слои общества, и видѣлъ причины этой болѣзни въ современномъ строѣ общества и его учрежденіяхъ. Въ буржуазныхъ салонахъ по рукамъ ходила книжка упомянутаго нами раньше О. Родрига, въ которой были собраны стихотворенія, написанныя имъ и многими рабочими, причемъ, особеннымъ вниманіемъ пользовались стихотворенія каменщика *Понси* (Poncy). Въ рабочихъ кварталахъ большой любовью пользовались красивыя пѣсенки и стихи *Пьера Дюпона* (P. Dupont), затѣмъ *Гюстава Леруа* (G. Leroy), *Пьера Лашамбоди* (P. Lachambaudie) и многихъ другихъ, теперь уже почти забытыхъ народныхъ поэтовъ. На театральныхъ подмосткахъ сотни разъ шла пьеса *Феликса Пиа* (F. Pyat) „Парижскіе старьевщики“, а *Даниель Штернь* (графиня Д’Агультъ, d’Agoult) писалъ, какъ насмѣшливо замѣчаетъ консервативный историкъ К. Гиллебрандъ (K. Hillebrand), „своимъ высокоблагороднымъ перомъ философскій комментарий къ тому великому социальному перевороту, который уже въ то время долженъ былъ предоставить рабочему классу руководящую роль въ государствѣ, обществѣ и во всей духовной жизни страны“.

Соціалистическія теченія, слѣдовавшія утопіямъ Сенъ-Симона, Фурье и ихъ современника, англичанина Роберта Оуэна, нашли себѣ чрезвычайно благодарную почву въ политической страсти того времени. Правда, эти утопическія системы носили на себѣ часто печать дѣланности и искусственности, но за то представители ихъ выступали на ихъ защиту съ такимъ воодушевленіемъ и преданностью, съ какими едва ли защищалась когда-либо новая религія ея учениками и апостолами. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что капиталистическій способъ производства, несущій съ собой обостреніе классовыхъ противорѣчій между буржуазіей и пролетаріатомъ, былъ развитъ въ то время еще очень слабо, поэтому и борьба на почвѣ сложившагося послѣ 1789 года порядка находилась тогда еще въ первыхъ стадіяхъ своего развитія.

„Это историческое положеніе, говоритъ Энгельсъ *), оказало вліяніе и на самихъ творцовъ социализма. Незрѣлому состоянию капиталистическаго производства, невыясненному классовому положенію соответствовали и незрѣлыя теоріи. Рѣшеніе социальнаго вопроса, еще скрытаго въ нѣдрахъ неразвитыхъ экономическихъ отношеній, приходилось придумывать изъ собственной головы. Общество представляло лишь картину неурядицы; устранить ее—такова была задача мыслящихъ головъ. Нужно было придумать новую, болѣе совершенную систему общественнаго устройства...“

*) «Переворотъ, произведенный г. Евгеніемъ Дюрингомъ въ наукѣ». Штуттгартъ, 1894 г. (Русское изданіе названо: «Философія, политическая экономія и социализмъ», Спб. 1905 г. См. также изд. „Знанія“).

Эти новыя системы уже заранѣе были осуждены на утопичность; онѣ должны были тѣмъ болѣе сбиваться на чистѣйшія фантазіи, чѣмъ детальнѣе была та картина, которая рисовалась въ нихъ... Мы охотно предоставимъ разнымъ литературнымъ лавочникамъ торжественно разбираться въ этихъ занимательныхъ фантазіяхъ и изощрять все превосходство своего трезваго образа мыслей по поводу подобнаго „сумасбродства“. Мы лучше порадуемся тѣмъ геніальнымъ идеямъ или только зародышамъ ихъ, которыя всюду прорываются изъ подъ фантастическаго покрова; для этихъ идей филистеры оказываются слѣпы и глухи. Уже въ своихъ женеvскихъ письмахъ Сень-Симонъ выставилъ положеніе, что „всѣ люди должны работать“. Тамъ же онъ говоритъ, что господство террора было проявленіемъ господства неимущихъ массъ... Видѣть во французской революціи классовую борьбу и притомъ борьбу не только между дворянствомъ и буржуазіей, но и между дворянствомъ, буржуазіей и *неимущими*—это значило для 1802 г. сдѣлать геніальное открытіе... У Фурье мы находимъ образецъ чисто французски-остроумной, но тѣмъ не менѣе очень глубокой критики существующаго общественнаго порядка“.

Этой достойной оцѣнкой предшественниковъ современнаго социалистическаго рабочаго движенія мы и закончимъ нашъ очеркъ подготовительнаго періода. февральской революціи Мы показали, какъ нестерпимо тяжела была обстановка политической и экономической жизни, сложившаяся въ эпоху буржуазной монархіи, какъ духъ возмущенія охватывалъ все болѣе и болѣе широкіе круги народа и нашелъ себѣ яркое выраженіе въ литературной жизни націи. Все указывало на приближеніе революціонной бури, эта буря пришла, и ея приходъ былъ еще ускоренъ неразуміемъ правящихъ.

ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА

съ 1848 по 1852 годъ.

ГЛАВА I.

Ежедневная пресса.—Партіи.—Парламентская оппозиція.—Вожди.—Вопросъ объ избирательной реформѣ.—Рѣшеніе оппозиціи итти вмѣстѣ съ народомъ.—Законопроектъ Дювержье-Де-Оранъ (Duvergier de Horanne).—Агитація на банкетахъ.—Ламартинъ въ Маконѣ.—Делеклюзъ и Ледрю-Ролленъ въ Лиллѣ.—Народныя движенія въ Польшѣ, Итали и Швейцаріи.

Министерства іюльской монархіи, быстро смѣнявшія другъ друга со времени Казимира Перье, имѣли передъ собой одну главную задачу: подавить всякое противодѣйствіе произволу правительства и уничтожить все то, что могло служить оплотомъ народныхъ правъ; только одна сила—сила общественного мнѣнія—могла оказывать постоянное противодѣйствіе этимъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ; ея органомъ была оппозиціонная повседневная печать. Къ концу іюльской монархіи въ Парижѣ издавалось двѣнадцать или пятнадцать газетъ, часть которыхъ стояла на сторонѣ правительства, другая же выражала взгляды различныхъ политическихъ партій. Въ разное время органами министерства были „Moniteur“, „Journal des Débats“, а до Гизо также „Presse“, кромѣ нѣкоторыхъ менѣе значительныхъ газетъ; всѣ онѣ служили правительству за опредѣленную плату.

„Gazette de France“ и „Quotidienne“ были главными органами легитимистской партіи. Конституціонная и династическая оппозиція имѣла „Courrier Français“, „Constitutionnel“ и „Siècle“, а позднѣе, съ началомъ движенія, сюда примкнулъ и Эмиль де Жирарденъ (E. de Girardin) съ своей газетой „Presse“. Выразителемъ буржуазно-республиканскихъ тенденцій былъ „National“, во главѣ котораго сначала стоялъ Арманъ Каррель (A. Carrel), позднѣе же—Арманъ Марра (A. Marrast); органомъ республиканцевъ съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ социалистическимъ оттѣнкомъ была „Réforme“.

Арманъ Марра, бывший позднѣе членомъ временнаго правительства, выступилъ на литературное поприще въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ качествѣ редактора „Tribune“, основанной имъ совмѣстно съ Годфруа Кавеньякомъ (G. Cavaignac). Это былъ гибкій, блестящій юморомъ умъ. Къ сожалѣнію, эта гибкость ума проявлялась не только въ его публицистической дѣятельности, но и въ сферѣ политики. Человѣкъ, стремящійся къ внѣшнему успѣху, онъ съ теченіемъ времени заковалъ

свои старые принципы въ непроницаемую броню скептицизма и сталь мѣнять свои взгляды сообразно возможности успѣха. Благодаря роскошной обстановкѣ, въ которой онъ жилъ, ему присвоили позднѣе кличку республиканца въ лайковыхъ перчаткахъ или „маркизь республики“. Это былъ самый подходящий редакторъ „National'я“, органа партіи, которая только кокетничала съ республикой и совѣмъ не помышляла о дѣйствительномъ ея осуществленіи.

Въ виду такой ненадежности „National'я“, болѣе рѣшительные, социалистически настроенные республиканцы основали въ 1843 году свой органъ—„Réforme“. Ничто не можетъ съ такой ясностью характеризовать тенденцій этой газеты, какъ слѣдующія мѣста ея программы, составленной Луи Бланомъ:

„Люди—братья“.

„Гдѣ нѣтъ равенства, тамъ свобода можетъ быть только ложью“.

„Рабочіе были когда-то рабами, позднѣе—крѣпостными; нынѣ они стали наемниками. Необходимо стремиться къ тому, чтобы они стали такими же участниками благъ, какъ и всѣ“.

Въ этихъ положеніяхъ вѣялъ духъ социализма.

Не всѣ члены редакціи раздѣляли подобное настроеніе Луи Блана, но всѣ они еще жили воспоминаніями о „Горѣ“ 1793 года, о тѣхъ стремленіяхъ, которыми была одушевлена красная республика. Поэтому они, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, признавали социальное равенство; не имѣя достаточной рѣшимости вписать въ свою программу требованіе коренного переустройства всего общества, они понимали все-таки необходимость широкихъ социальныхъ реформъ. Наиболѣе видными изъ сотрудниковъ „Réforme“ были *Ледрю - Ролленъ* (Ledru - Rollin), *Луи Бланъ* (Louis Blanc), *Этьенъ Араго*, (E. Arago), *Фердинандъ Флоконъ* (Ferd. Flocon) и *М. Рибейроль* (M. Ribeyrolle).

Буржуазно-республиканская „National“ имѣла въ палатѣ депутатовъ довольно много своихъ сторонниковъ, напротивъ, социалистически-настроенная „Réforme“ была представлена тамъ очень слабо. Представительство оппозиціи въ палатѣ сосредоточивалось почти исключительно въ рукахъ конституціонно-монархической лѣвой.

Вождемъ этой оппозиціи былъ *Одилонъ Барро* (Odilon Barrot),—истинное воплощеніе буржуазнаго либерализма, вся половинчатость и боязливая нерѣшительность котораго нашли въ немъ свой живой образъ. Свою политическую карьеру онъ началъ въ качествѣ приверженца возстановленной монархіи. Когда же эта монархія перешла къ практикѣ абсолютизма, буржуазно-конституціонный разумъ Барро запретилъ ему слѣдовать за ней дальше. Ту же позицію онъ занялъ и по отношенію къ іюльской монархіи, но лишь за тѣмъ, чтобы сдѣлать себя необходимымъ въ качествѣ парламентскаго вождя. Ту же самую игру въ оппозицію велъ и другой глава монархической лѣвой—*Тьеръ* (Thiers): оппозиціонный огонь нуженъ ему

былъ лишь для того, чтобы легче достигнуть министерскаго кресла.

Несравненно выше ихъ стоялъ *Ламартинъ* (Lamartine), одинъ изъ вліятельнѣйшихъ писателей того времени. Онъ происходилъ изъ родовитой французской семьи и сначала былъ усерднымъ защитникомъ религіозно-монархическаго принципа. Однако, общій духъ времени, а также и личныя побужденія заставили его покинуть эту фанатическую область и перейти къ разнымъ историческимъ изслѣдованіямъ и историографіи.

Ламартинъ.

Прежде всего онъ занялся изученіемъ великой французской революціи. Его книга „Исторія жирондистовъ“, въ которой онъ отдалъ должную дань людямъ и событіямъ великой революціи, появилась въ 1847 году, почти одновременно съ сочиненіями о французской революціи Мишле и Луи Блана; вліяніе ея, при возбужденной уже общественной атмосферѣ во Франціи, было довольно велико. Этой книгой Ламартинъ заявилъ свой отказъ отъ тѣхъ идей, которыя исповѣдывалъ онъ въ молодые годы, и лилъ хвалу республикѣ. Но онъ не остался лишь теоретическимъ защитникомъ республики, напротивъ, какъ членъ парламента, онъ практически выступилъ на борьбу съ монархизмомъ, не обманывая себя при этомъ надеждами на то, что

Луи Филиппъ снова предложить ему министерскій портфель. Онъ былъ замѣчательнымъ ораторомъ но прежде всего поражалъ внѣшнимъ изяществомъ своихъ рѣчей. Рядомъ съ нимъ на трибунѣ подвизалось еще много даровитыхъ ораторовъ республиканскаго лагеря, уступавшихъ ему нерѣдко въ картинности выражений, но за то большая рѣзкость ихъ рѣчей сильнѣе зажигала ненависть демократіи къ монархіи. Среди нихъ въ первомъ ряду стоитъ Ледрю-Ролленъ, главный редакторъ социалистически-республиканской „*Réforme*“. Человѣкъ крѣпкаго, сильнаго сложенія, съ импонирующей наружностью, онъ былъ воспитанъ въ атмосферѣ самаго почтительнаго преклоненія передъ партіей „Горы“ эпохи великой революціи. Идеи и тенденціи крайней лѣвой Конвента, стремившейся къ благу всего человѣчества, были его символомъ вѣры, а знаменитые дѣятели этой партіи служили для него образцами, которымъ онъ искренне старался подражать.

Въ рядахъ прогрессивной оппозиціи, незначительной по числу своихъ членовъ, но уже открыто и серьезно заявившей себя защитницей республиканской идеи, находилось не мало людей, имѣвшихъ крупное значеніе въ научномъ и литературномъ мірѣ: *Дюпонъ* (Dupont de l'Eure), два брата—*Франсуа* и *Этьенъ Араго* (François et Etienne Arago), *Ипполитъ Карно* (Hippolythe Carnot), *Гарнье-Паже* (Garnier Pagés) и другіе.

Основнымъ требованіемъ, на которомъ въ послѣдніе годы буржуазной монархіи объединились различныя оппозиціонныя группы, было требованіе *избирательной реформы*. Этой реформы онѣ добивались все время и постоянно получали отказъ со стороны правительственныхъ партій. О томъ, что дѣйствующее избирательное право должно непремѣнно пасть, не было разногласій въ оппозиціонныхъ кругахъ всѣхъ оттѣнковъ. Положеніе дѣлъ въ концѣ концовъ столь ухудшилось, что даже Тьеръ, по поводу избирательнаго проэкта Ремюза (Remusat), 16 марта 1846 г. воскликнулъ: „Неужели мы уже такъ низко пали, что у насъ осталась одна лишь фикція парламентскаго правленія, когда у другихъ оно и на дѣлѣ есть? О! это должны были сказать намъ въ 1830 году!“.

Само собой разумѣется, что цѣлью проэктвъ избирательной реформы, исходившихъ изъ рядовъ буржуазной оппозиціи и династической лѣвой, этихъ наиболѣе сильныхъ фракцій парламента, совсѣмъ не было предоставить политическую власть въ руки трудящагося народа. Весь этотъ походъ былъ столь ярко буржуазнымъ и столь мало революціоннымъ, что нѣкоторые наиболѣе послѣдовательные республиканцы оппозиціи, какъ Ледрю-Ролленъ, сначала отказались участвовать въ этой кампаніи. Такой характеръ движенія за реформу избирательнаго права не помѣшала, однако, правительству Гизо оказать ему самое свирѣпое противодѣйствіе.

Новые выборы въ палату депутатовъ въ 1846 году прошли при полной безучастности къ нимъ широкихъ народныхъ круговъ, лишенныхъ избирательнаго права. За день передъ выбо-

рами одинъ неразумный человекъ стрѣлялъ въ короля. Для конституціонныхъ государствъ это покушеніе имѣло скверныя послѣдствія: его использовали для цѣлей реакціи. Реакціонный вѣтеръ дулъ такъ сильно, что при выборахъ президента новой палаты депутатовъ на сторонѣ оппозиціи оказалось всего только 98 голосовъ, поданныхъ за Одилона Барро, такъ что правительство, казалось, могло торжествовать побѣду. Парламентская лѣвая чувствовала свое пораженіе и безсиліе въ парламентѣ. Это обстоятельство вскорѣ толкнуло ее къ тому шагу, который повелъ двумя годами позднѣе къ паденію буржуазной монархіи. По словамъ Тюрю-Данжена (Thureau-Dangin), одинъ изъ членовъ оппозиціи въ разговорѣ съ сторонникомъ правительства Гизо, въ слѣдующихъ яркихъ словахъ обрисовалъ положеніе дѣлъ: „Вы сильнѣе насъ, это безспорно... Намъ здѣсь (т.-е. въ палатѣ) нечего дѣлать, нечего говорить; наши слова все равно пропали бы даромъ, но мы постараемся теперь открыть окна парламента“.

Однако, прежде чѣмъ „открыть окна“, оппозиція, оставаясь въ палатѣ, хотѣла испробовать всѣ возможныя средства. Въ началѣ 1847 года депутатъ *Дювержье де-Оранъ* (Duvergier de Lauranne) опубликовалъ сенсаціонную брошюру, въ которой выставилъ всѣ аргументы въ пользу избирательной реформы. Въ этой брошюрѣ оппозиціонная печать нашла цѣлый арсеналъ оружія для защиты реформы, за которую шла борьба. 6-го марта 1847 года авторъ ея внесъ въ палату законопроектъ, по которому избирательный цензъ долженъ быть пониженъ до ста франковъ и, кромѣ того, избирательное право должно быть предоставлено гражданамъ, имѣющимъ извѣстный образовательный цензъ. Число избирателей по этому проекту увеличивалось почти на двѣсти тысячъ, а депутатовъ палаты—почти на цѣлую сотню; какъ ни незначительно было само по себѣ это увеличеніе, оно все-таки склонило бы чашки вѣсовъ на сторону лѣвой.

23 марта Дювержье защищалъ въ палатѣ свой законопроектъ. Онъ велъ эту защиту съ большой энергіей и краснорѣчіемъ, онъ показалъ всю абсурдность существующаго избирательнаго закона, предоставляющаго все управленіе дѣлами страны кучкѣ крупныхъ собственниковъ, и вскрылъ всѣ противорѣчія между дѣйствующимъ избирательнымъ правомъ и хваленымъ либерализмомъ конституціи. Его поддержали *Одилонъ Барро* и *Бомонъ* (Beaumont); они заклинали большинство палаты, представителей крупной буржуазіи, не противиться больше реформаціонному движенію и принять предложенный проектъ. Однако, всѣ доводы разума оказались недоступными ослѣпленному своей недавней побѣдой большинству. Съ насмѣшкой и презрѣніемъ напалъ *Гизо* на предложенный проектъ и съ кичливой надменностью превозносилъ „преимущества“ существующей избирательной системы, которая надѣляетъ избирательными правами не невѣжественныя массы, а только тѣхъ, кто обладаетъ политическими способностями. Для

всеобщаго избирательнаго права у него не нашлось ничего лучшаго, кромѣ презрительныхъ ужимокъ и циничныхъ словъ *), такъ что *Гарнье-Паже*, не выдержавъ, крикнулъ ему: „День всеобщаго избирательнаго права все-таки придетъ!“, на что получилъ отвѣтъ Гизо: „Такого дня никогда не будетъ!“. Проектъ Дювержье былъ отклоненъ большинствомъ 252 голосовъ противъ 154, хотя большинство уже не было столь тѣсно сплочено, какъ годъ тому назадъ. Изъ рядовъ правой вышла такъ называемая прогрессивно-консервативная фракція, вставшая въ вопросѣ объ избирательной реформѣ на сторону оппозиціи; талантливымъ и чрезвычайно энергичнымъ вождемъ этой фракціи былъ *Эмиль де-Жирардэнъ* (E. de Girardin).

Не смотря на „торжественное поражение“ Дювержье, его другъ *Ремюза* (Rémusat), внесъ 19 апрѣля новый проектъ, направленный противъ избирательныхъ правъ зависимыхъ отъ начальства чиновниковъ; съ судьбой этого законопроекта министерство Гизо связало и свою судьбу, и хотя проектъ былъ отклоненъ палатой, но лишь большинствомъ 49 голосовъ, тогда какъ всего четыре недѣли тому назадъ оно равнялось 98. Въ это же время *Кремье* (Crémieux) внесъ проектъ закона, воспреещающаго членамъ палаты депутатовъ участіе во всѣхъ желѣзнодорожныхъ и иныхъ предпріятіяхъ, получившихъ особую концессию на основаніи закона или постановленія правительства; проектъ этотъ, однако, не дошелъ даже до голосованія, застрявши гдѣ-то на полдорогѣ парламентской процедуры.

Только теперь, наконецъ, постоянный парижскій избирательный комитетъ объединенныхъ радикаловъ и династической оппозиціи рѣшилъ привести въ исполненіе свой давнишній планъ: „открыть окна“. Чтобы не быть окончательно устраненной послѣ парламентскаго поражения, оппозиція рѣшила вступить на путь массовыхъ петицій, взбудоражить общественное мнѣніе и тѣмъ нагнать страху на короля и его правительство. Тутъ произошло то же самое, что пришлось уже наблюдать восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Передъ 1830 годомъ старшая линия Бурбоновъ уже такъ близко подошла къ абсолютизму, что стала невыносимой даже буржуазии или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой ея части. Буржуазія и ея представители взяли за агитацію, съ единственнымъ намѣреніемъ поставить надлежащія рамки правительственному произволу. У нихъ и въ мысляхъ не было толкать народъ на революцію, потому что передъ ней они чувствовали такой же непреодолимый ужасъ, какъ и правительство.

То же самое теперь случилось и съ представителями младшей линіи Бурбоновъ во главѣ съ Луи Филиппомъ; скользя по наклон-

*) Онъ говорилъ, напримѣръ:—«это безмысленная система, которая хочетъ призвать всѣ живыя существа къ пользованію политическими правами».

ной плоскости своевластія, они достигли того, что либеральная буржуазія въ 1847 году, какъ и въ 1830, покинула стѣны парламента, гдѣ ея голосомъ совершенно пренебрегали, и обратилась съ призывомъ къ широкимъ народнымъ массамъ; она надѣялась при этомъ, конечно, только на то, что уstraшенное народнымъ движеніемъ правительство покинетъ путь абсолютизма и вступитъ на путь либеральныхъ реформъ. Теперь, какъ и въ 1830 году, пожаръ, зажженный вождями буржуазіи, нельзя было уже потушить по ихъ желанію; противъ ихъ воли онъ долженъ былъ принять такіе размѣры, что вмѣсто простой острастки носителя короны, онъ готовилъ гибель всей монархіи.

Тотчасъ же послѣ парламентскихъ поражений въ мартѣ и апрѣлѣ 1847 года оппозиція принялась подогрѣвать этотъ чувствительный аппаратъ—общественное мнѣніе. Составленная раньше петиція была распространена по всѣмъ угламъ Франціи и покрыта многочисленными подписями; послѣ этого приступили къ еще болѣе дѣйствительному средству—банкетамъ. Депутаты оппозиціи вошли въ связь съ парижскимъ центральнымъ избирательнымъ комитетомъ, который и взялъ на себя роль застрѣльщика въ предстоящей кампаніи; затѣмъ, были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы объединить дѣятельность всѣхъ оппозиціонныхъ фракцій. Марра изъ „National'я“ заявилъ полное согласіе на такое объединеніе, какъ за себя, такъ и за всю фракцію умѣренныхъ республиканцевъ. Для того же, чтобы сдѣлать возможнымъ участіе и лѣваго крыла республиканской оппозиціи въ этой объединенной кампаніи, было рѣшено не класть въ основу агитации на банкетахъ проэкта Дювержье, какъ предполагалось раньше, а говорить вообще о необходимости реформы.

Не смотря, однако, на это, послѣдовательные республиканцы все-таки не могли принять участія въ этомъ походѣ. Выступать на защиту такого положенія дѣлѣ, которое связано съ сохраненіемъ королевской власти — это значило подвергать себя опасности обвиненій и упрековъ въ измѣнѣ со стороны республиканской партіи.

Первый банкетъ, устроенный совмѣстно парижскимъ центральнымъ избирательнымъ комитетомъ и депутатами оппозиціи, происходилъ 7 іюля 1847 года въ обширномъ помѣщеніи лѣтнихъ празднествъ въ Шато Ружъ (Château-Rouge). Это былъ чисто буржуазный праздникъ; народъ участвовалъ въ немъ лишь въ качествѣ зрителя: толпа, стоявшая за рѣшеткой сада, подпѣвала иногда марсельезу, строфы которой слышались изъ зала и аплодировала. Самый банкетъ проходилъ въ очень умѣренномъ тонѣ. Одилонъ Барро указалъ на то, что память іюльской революціи систематически извращалась въ теченіи всѣхъ семнадцати лѣтъ, протекшихъ съ того времени. Дювержье-де-Оранъ сказалъ, что іюльское правительство старается хитростью достигъ той же цѣли, которой путемъ насилія добилось правительство реставраціи. Присутствующи-

ще провозглашали тосты въ честь іюльской революціи; только одинъ робкій голосъ предложилъ выпить за улучшеніе положенія рабочаго класса.

Но какъ ни были умѣрены произнесенныя рѣчи, самой замѣчательной была рѣчь, никѣмъ не сказанная: за короля не было ни единого тоста, и въ программу банкета онъ совсѣмъ не былъ внесенъ. Умѣренная оппозиція допустила это отступленіе отъ обычнаго правила лишь въ виду того, чтобы не создать конфликта съ болѣе прогрессивными слоями. Это служило яснымъ показателемъ того, что надвигающаяся буря, вызванная оппозиціей, своими порывами захватить и самый тронъ *).

Парижскій банкетъ послужилъ сигналомъ къ цѣлому ряду подобныхъ же празднествъ по провинціямъ. Изъ нихъ особенно слѣдуетъ отмѣтить банкетъ въ Маконѣ, родинѣ Ламартина, устроенный 18 іюля. Собралось свыше шести тысячъ избирателей и земляковъ писателя, чтобы привѣтствовать его по поводу только что вышедшей „Исторіи жирондистовъ“. Въ тотъ моментъ, когда участники праздника разсаживались по своимъ мѣстамъ, разразилась сильнѣйшая буря съ громомъ и молніей. Вѣтеръ сорвалъ полотно съ праздничной палатки. Говорятъ, что это чисто внѣшнее обстоятельство страшно воодушевило поэта. „Если монархія, сказалъ онъ, не выражаетъ собою духа и интересовъ народныхъ массъ, если она окружила себя кучкой аристократовъ, вмѣсто того, чтобы опираться на весь народъ, если она хочетъ превратить Францію изъ націи свободныхъ гражданъ въ націю мелкихъ торгашей, способныхъ продать добытую кровью ихъ отцовъ свободу тому, кто за нее дороже дастъ, если преступныя дѣйствія ея чиновниковъ заставляють всю Францію краснѣть отъ стыда, если то броженіе, въ которомъ въ настоящій моментъ, къ сожалѣнію, находится вся Франція, будетъ доведено монархіей до открытаго столкновенія, если благодаря безчестности представителей государственной власти нація должна переносить униженія и обиды,—то такая монархія должна пасть, въ этомъ у васъ не должно быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но ея гибель не будетъ кровавой, какъ это было въ 1789 году, нѣтъ—она погибнетъ отъ своего собственнаго внутренняго разложенія. Вы, имѣющіе уже позади себя революцію свободы и контръ-революцію славы, вы вызовете къ жизни революцію общественной совѣсти, революцію презрѣнія“. Впечатленіе, произведенное этой рѣчью по всей Франціи, было громадно.

Банкеты слѣдовали одинъ за другимъ съ такой быстротой, что правительство начало уже нѣсколько беспокоиться. Но что особенно должно было его тревожить, это то, что не только

*) Только господа Тьеръ, Дюфоръ (Dufaure), Ремюза и Вивьеннъ (Vivienne) ни за что не хотѣли разстаться съ формами лойяльности и, благодаря исключенію изъ программы тоста за короля, отсутствовали на банкетѣ совсѣмъ.

росло число участниковъ банкетовъ, но и языкъ рѣчей становился все болѣе и болѣе рѣзкимъ. На нихъ стали слышаться уже и социалистическія рѣчи. Такъ на банкетѣ въ Сень-Кантанѣ (St. Quentin), гдѣ предсѣдателемъ былъ Одилонъ Барро, фурьеристъ *Викторъ Консидеранъ*, примкнувшій въ этотъ моментъ къ политическому движенію, провозгласилъ тостъ за дальнѣйшіе успѣхи „организациі братства человѣчества“.

На другомъ банкетѣ одинъ изъ умѣренныхъ республиканцевъ отважился даже не только указать на ужасное матеріальное положеніе рабочаго класса, но и превозносить нравственныя качества его, которыя такъ высоко ставятъ этотъ классъ по сравненію съ разлагающейся буржуазіей.

Революціонный характеръ банкетовъ заставилъ многихъ республиканцевъ, жившихъ преданіями Конвента, бросить, наконецъ, свою осторожность и примкнуть къ движенію. Это придало, конечно, еще больше рѣзкости банкетной агитаціи; съ другой же стороны оттолкнуло отъ нея многихъ умѣренныхъ членовъ оппозиціи, напуганныхъ движеніемъ.

Сигналомъ къ такому обостренію движенія послужилъ банкетъ 7 ноября 1847 года въ Лиллѣ. Руководителемъ лильскаго организаціоннаго комитета былъ журналистъ *Шарль Делеклюзъ* (Ch. Delescluze), герой—мученикъ Парижской Коммуны, имя котораго покрыто неувядаемой славой въ лѣтописяхъ демократіи. По его предложенію, въ Лилль были приглашены *Ледрю-Ролленъ* и *Флоконъ*, эти вожди республиканской Горы. Оба они приняли приглашеніе, заявивъ предварительно въ своей „*Réforme*“, что они отправляются въ Лилль, чтобы водрузить тамъ знамя революціи, котораго не было видно на другихъ банкетахъ. Обычный предсѣдатель большинства банкетовъ, Одилонъ Барро, не мало былъ напуганъ такимъ оборотомъ дѣла и потребовалъ, чтобы въ порядокъ дня банкета былъ включенъ тостъ и за учрежденія, созданныя июльской революціей, а слѣдовательно и за монархію. Въ противномъ случаѣ, онъ съ своими друзьями не будетъ участвовать въ празднествѣ. Учредители банкета не согласились съ его требованіемъ, и ему, вмѣстѣ съ компаніей, пришлось уйти; банкетомъ овладѣлъ Ледрю-Ролленъ. Мощнымъ голосомъ онъ поднялъ тостъ за трудящійся народъ, подчеркнувъ этимъ, что только въ революціи онъ и его друзья видятъ единственный путь къ исцѣленію общественныхъ золъ. „Въ засуху“, сказалъ онъ, „когда берега обнажаются отъ мутныхъ волнъ Нила, въ оставшихся лужахъ начинаютъ гнить и заражать воздухъ гніющіе отбросы; когда же снова нахлынутъ волны, и рѣка своимъ мощнымъ потокомъ снесетъ эту гниль и нечистоты, на берегу оставляетъ она плодоносный иль, въ которомъ таятся зародыши новой жизни“.

„Народъ еще не сложилъ своего оружія“, сказалъ другой ораторъ, „онъ все еще можетъ наложить на данную имъ же корону свою руку и обломки ея потопить въ волнахъ“.

Шербургскаго залива“. Изъ Шербурга, какъ извѣстно, совершилъ свое бѣгство въ Англiю Карлъ X.

Въ политической революціи многіе видѣли лишь средство для подготовки соціальной революціи. Такъ Флоконъ обрисовалъ положеніе дѣль слѣдующими словами: „Пусть каждый стоитъ у своего знамени! Каждый борется за свои убѣжденія! Демократія, съ ея двадцатью пятью милліонами пролетаріевъ, стремится освободить всѣхъ и привѣтствовать освобожденныхъ, какъ гражданъ, какъ братьевъ, равныхъ и свободныхъ! Не того хотятъ ублюдки оппозиціи съ ихъ денежной аристократіей: они говорятъ о реформѣ, о стофранковомъ цензѣ! Мы же требуемъ большаго, мы требуемъ правъ челоуѣка и гражданина для всѣхъ!“.

Такова была въ дѣйствительности та конечная цѣль, къ которой должна была привести агитація банкетовъ. Когда банкеты находились еще подъ руководствомъ монархической оппозиціи, они были похожи на тихій ручеекъ, журчаніе котораго не могло никого утратить; всякое публичное выступленіе сопровождалось тогда выраженіемъ почтительнѣйшей преданности его королевскому величеству. Скоро, однако, въ этотъ тихій ручей влились свѣжія струи, онъ поднялся и зашумѣлъ мощнымъ потокомъ, разрушительныя волны котораго не оставались даже передъ трономъ.

Нужно при этомъ не забывать, что революціонное движеніе въ это время потрясло не одну только Францію. Французское движеніе въ пользу реформы было только однимъ изъ порывовъ той революціонной бури, которая охватила значительную часть европейскаго континента. Этого обстоятельства не упускали изъ виду ораторы банкетовъ и старались по возможности его использовать. Они вызывали въ памяти слушателей старыя симпатіи къ Польшѣ, возродившіяся годъ тому назадъ, когда пришли извѣстія, что она снова рѣшила сбросить свои цѣпи. Тогда открылись сердца и кошельки для помощи несчастной странѣ. Ораторы были истолкователями чувствъ французскаго народа къ Польшѣ. Но кромѣ нея они указывали и на Италію, страну родственной латинской расы, гдѣ также за послѣдніе мѣсяцы 1847 года поднялось революціонное броженіе. На папскій престолъ въ іюнѣ 1846 года былъ избранъ Пій IX, который вначалѣ, подобно большинству молодыхъ правителей, показалъ себя либеральнымъ и провелъ нѣкоторыя реформы; онѣ, хотя и нашли себѣ сочувственный откликъ по всей Италіи, но одновременно разбудили и желаніе дальнѣйшихъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій. Особенно энергично дѣйствовалъ *Мадзини* (Mazzini) съ своими сторонниками, стремясь путемъ агитаціи использовать возникшее движеніе для цѣлей національной независимости и республиканскаго строя. Правительственная власть очень скоро оказалась совершенно безсильной противъ этого народнаго движенія, и первымъ изъ князей принужденъ былъ сдаться великій герцогъ тосканскій, весной 1847 года. Онъ долженъ былъ

помириться съ существованіемъ оппозиціонной печати и созвать сеймъ. Подобныя же уступки гражданамъ долженъ былъ сдѣлать и король Сардиніи—*Карль-Альбертъ*. Тѣ же причины принудили и папу дать 15-го ноября своей церковной области нѣчто въ родѣ конституціи; на дѣлѣ это была только одна видимость конституціи, такъ какъ созданный имъ государственный совѣтъ обладалъ только совѣщательнымъ голосомъ, и только половина его членовъ была избрана народомъ, другая же назначена самимъ папой.

Мадзини.

Ораторы французскихъ банкетовъ рѣзко порицали въ своихъ рѣчахъ поведеніе Габсбурговъ по отношенію къ итальянскому освободительному движенію. Цѣлымъ рядомъ деспотическихъ мѣропріятій Габсбурги старались задушить возникающее по всей Италіи движеніе; вопреки договорамъ 1815 года, Австрія захватила въ свои руки Феррару, чтобы отсюда нанести ударъ зарождающейся итальянской свободѣ.

Участники банкетовъ, еще не забывшіе великихъ дѣяній первой республики, узнали отъ своихъ ораторовъ нѣчто еще болѣе поразившее ихъ слухъ: оказалось, что конституціонная іюльская монархія добровольно приняла на себя роль слуги и помощника монархическаго абсолютизма. Оказалось, что завзятый кальвинистъ *Гизо* находится въ тайномъ союзѣ съ *Меттернихомъ*, этимъ заправилой самой мрачной реакціи и главнымъ инициаторомъ такъ называемаго „священнаго союза“ государей противъ европейской революціи. Меттернихъ былъ палачемъ всякихъ освободительныхъ стремленій, и на Гизо пало обвиненіе въ самомъ унижительномъ пособничествѣ ему, обвиненіе въ томъ, что путемъ провокаціи онъ подогрѣвалъ

движеніе въ Италіи для того лишь, чтобы, подъ предлогомъ защиты порядка, уничтожить въ зародышѣ итальянскій конституціонализмъ. И это дѣлалось въ то время, когда даже такой образцовый представитель деспотическаго абсолютизма, какъ король неаполитанскій *Фердинандъ*, членъ бурбонскаго дома, принужденъ былъ народнымъ движеніемъ играть лицемерную роль конституціоннаго монарха (январь 1848 года).

Какую же унизительную роль, говорили ораторы банкетовъ, заставляютъ играть страну эти жалкіе мракобѣсы, держащіе въ своихъ рукахъ судьбы Франціи,—ту страну, которая пережила великую революцію и дала либеральныя учрежденія столькимъ странамъ Европы!

Можно понять, какъ глубоко должны были дѣйствовать на французовъ эти обвиненія и гнѣвные нападки на правительство, подрывающее національную честь. Стоявшій во главѣ правительства министръ Гизо заявлялъ, что его внутренняя и внѣшняя политика есть не больше, чѣмъ исполненіе „непреклонной воли“ (*pensées innuables*) его повелителя, т.-е. короля. Поэтому, весь позоръ его дружбы съ ненавистнымъ для всѣхъ Меттернихомъ, падалъ на обоихъ — на короля и на его министра. Это особенно бросалось въ глаза въ постыдномъ поведеніи французскаго правительства по отношенію къ либеральной Швейцаріи. Въ послѣдніе годы принципы демократіи завоевывали все болѣе и болѣе широкіе круги швейцарскаго населенія. Во многихъ кантонахъ самовластію правительство было положенъ конецъ, были закрыты монастыри и изгнаны попы, строившіе козни противъ свободы. Чтобы подавить это движеніе, Меттернихъ завелъ въ Швейцаріи цѣлую свору шпионовъ-провокаторовъ, которые должны были подталкивать католическіе кантоны къ образованію особой лиги, „Отдѣльнаго Союза“ (*Sonderbund*). Цѣлью этой лиги внутри Швейцарскаго союза было руководить государственной и церковной реакціей: государственной реакціей—съ помощью тайнаго и открытаго воздѣйствія, а въ случаѣ нужды даже и вооруженнаго вмѣшательства сосѣднихъ великихъ державъ, Австріи и Франціи; церковной реакціей—путемъ возвращенія изгнанныхъ изъ всѣхъ областей Швейцарскаго союза іезуитовъ. Подобные происки „Зондербунда“ были прямымъ издѣвательствомъ надъ сильно развитымъ національнымъ чувствомъ гражданъ Швейцарскаго союза. Центральная власть, дѣйствующая на основаніи союзной швейцарской конституціи (эту роль тогда выполняло кантональное правительство Берна) и Постоянный Комитетъ (*Tag-satzung*) изъ представителей 22 кантоновъ—рѣшили положить конецъ этимъ проискамъ, не останавливаясь даже передъ вооруженной силой. 20 іюля 1847 года Постоянный Комитетъ постановилъ, 13 голосами противъ 9, распустить „Зондербундъ“, а 3 сентября рѣшилъ вновь изгнать изъ кантоновъ „Зондербунда“ допущенныхъ туда іезуитовъ. Французскимъ посланникомъ при Швейцарскомъ союзѣ въ этотъ моментъ былъ фанатически преданный католицизму графъ Буа-ле-Контъ

(Bois-le-Comte); обѣщаніями помощи со стороны Франці онъ склонилъ вождя „Зондербунда“ Зигварта Мюллера къ сопротивленію. Однако, помощь со стороны Франці выразилась только въ доставкѣ оружія, денегъ и продовольствія. Кромѣ того, Гизо слалъ угрожающія ноты швейцарскому союзу и циркулярныя сообщенія правительствамъ великихъ державъ, а

Меттернихъ.

въ „Revue des Deux Mondes“ печаталъ оффиціозныя статьи противъ Швейцарскаго союза. Все это, однако, не испугало Швейцаріи. 24 октября Постоянный Комитетъ вынесъ постановленіе о мобилизаціи 50,000 человѣкъ союзной арміи, во главѣ которой поставилъ женеваца генерала Дюфура (Dufour); и вотъ, изъ всѣхъ кантоновъ полился потокъ вооруженныхъ гражданъ, чтобы встать на борьбу за попранныя права Швейцаріи. 4-го ноября было рѣшено идти противъ семи отколовшихся кантоновъ; уже 14-го ноября палъ Фрейбургъ, 24-го—безъ борьбы сдался Люцернъ. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ конченъ и весь военный походъ; дипломатическій же походъ господина Гизо потерпѣлъ неудачу послѣ того, какъ лордъ Пальмерстонъ отказался „полонизировать Швейцарію“.

Подобныя факты давали въ руки ораторовъ оппозиціи прекрасное оружіе для нападенія на іюльскую монархію какъ въ палатѣ депутатовъ, такъ и на банкетахъ: эта монархія играетъ роль жандарма и содѣйствуетъ реакціоннымъ проискамъ іезуитовъ.

„Смотрите! хотятъ вырвать съ корнемъ и тѣ остатки свободы, которые есть еще во Франціи, поддерживаютъ европейскій абсолютизмъ, чтобы придать ему страшную, непреоборимую силу!“—вотъ что слышалось въ сотняхъ собраний, гдѣ

Ледрю-Ролленъ и другіе вожди старались раздуть революціонный огонь.

Въ этотъ же самый моментъ Гизо писалъ своему сыну: „Очевидно, что дѣло дойдетъ до нашего вмѣшательства въ Римъ и Тосканъ“, и въ письмѣ къ Меттерниху: „Вы знаете, въ дѣлѣ подавленія революціи въ Европѣ и особенно въ Швейцаріи мы всегда будемъ стоять на Вашей сторонѣ“.

Если бы французскій народъ зналъ въ то время объ этихъ письмахъ,—іюльская монархія пала бы не 24-го февраля 1848 года, а раньше.

ГЛАВА II.

Король открываетъ сессію палатъ.—Ударъ въ лицо оппозиціи.—Способы борьбы оппозиціи.—Дебаты по поводу отвѣтнаго адреса королю.—Взяточничество прикрывается престижемъ правительства.—Токвиль предсказываетъ социальную революцію.—Отмѣна права собраній.—Запрещеніе банкетовъ въ двѣнадцатомъ городскомъ округѣ.—Наканунѣ борьбы.

28 декабря 1847 года открылась сессія палатъ, которой суждено было быть послѣдней. Король лично открывалъ эту сессію. На лицахъ многихъ депутатовъ, представителей „высшихъ слоевъ“ французскаго общества, можно было прочесть чувство страшнаго безпокойства. Сдѣлаетъ ли правительство какія-либо уступки или оно доведетъ дѣло до крайняго обостренія? Таковъ былъ главный вопросъ дня; тронная рѣчь короля должна была отвѣтить на него и окончательно разрѣшить всѣ сомнѣнія. Понятно, поэтому, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали, что скажетъ король

Король вошелъ; онъ казался удрученнымъ, состарѣвшимся, разбитымъ. Неувѣреннымъ, едва слышнымъ голосомъ началъ онъ свою рѣчь.

Съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивались государственные мужи въ его слова, надѣясь найти въ нихъ хоть какой-либо намекъ на уступки со стороны короны. Чтобы избѣжать надвигающейся на ихъ глазахъ революціи, они удовольствовались бы самой ничтожной уступкой: они бросились бы тогда къ ступенямъ трона и встали бы на сторону монархіи. Но изъ устъ короля вылетали лишь угрожающія и ледяныя слова. Вопросы объ избирательной реформѣ онъ коснулся лишь вскользь, въ одной фразѣ, которой въ лицо оппозиціи бросался вызовъ и оскорбленіе, именно:

„Среди того возбужденія, которое вызвано злоумышленными и слѣпыми страстями, меня одушевляетъ твердая увѣренность, что въ нашей конституціонной монархіи, въ единодушности дѣятельности высшихъ государственныхъ властей заключаются самыя вѣрныя средства для устраненія всѣхъ затрудненій и охраны духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ нашего дорогого отечества“.

Это былъ ударъ, направленный по адресу оппозиціи; чувствуя нанесенную обиду, она отозвалась на него крикомъ негодованія и возмущенія.

Въ силу конституціи, палаты имѣли право отвѣчать на тронную рѣчь особымъ адресомъ на имя короля; этимъ-то правомъ оппозиція не преминула, конечно, воспользоваться, чтобы въ дебатахъ излить все свое негодованіе противъ министерства.

22 января 1848 года начался парламентскій, словесный бой, сначала въ столь мирно настроенной обычно палатѣ пэровъ, состоявшей изъ высшихъ сановниковъ монархіи. Однако, теперь, при наличности разлитого по всей странѣ негодованія, нашлись и здѣсь люди, отважившіеся на борьбу съ бѣшено-реакціонной политикою министерства. Съ горячимъ воодушевленіемъ говорилъ одинъ изъ молодыхъ пэровъ, Д'Альтонъ-Сэ (d'Alton Shée); не взирая на составъ собранія, онъ не постѣснялся даже восхвалять республиканское возстаніе.

Другой ораторъ, де-Буасси (de Boissy), вскрылъ ту систему финансовыхъ подкуповъ, съ помощью которой правительство думаетъ перетянуть всю націю на свою сторону. Однако, обѣ эти рѣчи произвели слишкомъ ничтожное впечатлѣніе на почтенныхъ господъ, привыкшихъ съ юныхъ лѣтъ къ лакейству передъ монархіей. Только лишь указаніемъ на приближающуюся громъ революціи можно было вывести ихъ изъ соннаго равнодушія. Къ такому приему прибѣгъ графъ Монталалянберъ (Montalalembert), ярый ультрамонтанъ (католикъ) по убѣжденіямъ, горя благочестивымъ негодованіемъ, онъ напалъ на министерство Гизо лишь за то, что оно въ концѣ концовъ допустило уничтоженіе „Зондербунда“ и гибель всего дѣла іезуитовъ въ Швейцаріи. Онъ старался показать въ своей рѣчи, какъ революція надвигается на Францію со всѣхъ ея границъ и стучится своей мощной рукой въ двери стараго общества.

„Франція, говорилъ этотъ апостоль католицизма, находится въ страшно трудномъ положеніи. Знамя, побѣжденное вами въ Ліонѣ въ 1832 и 1834 годахъ, снова теперь поднято по ту сторону Юры... Соціальному укладу Европы снова угрожаетъ нашествіе варваровъ“.

Трепетъ охватилъ все собраніе. передъ которымъ молодой ораторъ своими, искаженными злобой, устами набросалъ картину того опустошенія, какое принесутъ съ собой вновь надвигающіяся полчища варваровъ: имущество подвергнется расхищенію, права—грубому нарушенію (Даніэль Штернъ: „Histoire de la Revolution de 1848“, томъ I, гл. 5).

Слушатели были повержены въ ужасъ; имъ уже стало казаться, что все ихъ добро разграблено. Этого было, конечно, болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы достославное собраніе одобрило громаднымъ большинствомъ политику правительства.

Въ палатѣ депутатовъ оппозиція обрушилась, конечно, съ большей силой и рѣзкостью на правительство, но и здѣсь ея заряды пропали даромъ. Не разъ при этомъ борьба касалась непосредственно отвѣтнаго адреса королю. Случай новаго подкупа далъ оппозиціи прекрасный поводъ для нападокъ и

обвиненій въ безчестности перваго министра—Гизо, подъ покровительствомъ котораго практиковалась самая гнусная торговля мѣстами. Замѣшанный въ этомъ грязномъ дѣлѣ чиновникъ, по фамиліи Пти (Petit), сознался, что добился мѣста путемъ настоящей торговой сдѣлки, а именно, чиновнику, занимавшему его теперешнее мѣсто въ расчетной палатѣ, онъ обязался уплачивать 6000 франковъ ежегодной ренты въ качествѣ „отступного“.

Гизо.

Фактъ былъ несомнѣненъ, и Гизо не могъ его отрицать; онъ замѣтилъ только, что подобный обмѣнъ мѣстами и ихъ продажа издавна въ обычаѣ у чиновниковъ, занимающихъ болѣе или менѣе важныя должности. Это служило еще новымъ подтвержденіемъ того, что при господствѣ буржуазіи вообще за деньги можно купить *все, что угодно*.

Гизо, впрочемъ, „съ удовольствіемъ привѣтствовалъ растущее въ общественномъ сознаніи осужденіе подобнаго рода поступковъ“, но, увлекшись, онъ тутъ же добавилъ, что, въ

сущности, такая торговля лишь „petit tait“ (маленькое дѣло). Для оппозиціи это былъ, конечно, самый подходящий поводъ, чтобы замѣшать и самого министра въ эту темную исторію.

„Какъ! продавать за деньги наиболѣе важныя должности въ управленіи Франціей, пользоваться деньгами для подобныхъ цѣлей—вы это называете пустяками, вы—министръ великой и благородной націи“—гремѣлъ ему въ отвѣтъ Одилонъ Барро. „Я давно зналъ, что мы расходимся въ мнѣніяхъ по вопросамъ политики, но сознаюсь, я думалъ до сихъ поръ, что

Тьеръ.

въ вопросахъ честности мы смотримъ одинаково“. Филиппики ни мало не подѣйствовали на послушное большинство палаты въ 225 человѣкъ: „удовлетворенное“ объясненіемъ Гизо, оно вновь признало образъ дѣйствій министра соотвѣтствующимъ существующему порядку. Не такъ дешево удалось отдѣлаться премьеръ-министру отъ общественнаго мнѣнія возмущеннаго народа. До сихъ поръ его лично считали честнымъ человѣкомъ,

теперь же и это исчезло: онъ самъ былъ зачисленъ въ разрядъ взяточниковъ. Это было только репетиціей настоящаго парламентскаго боя.

Если уже и она вызвала такую бурю, то дебаты по поводу самого адреса должны были вызвать настоящій взрывъ общественнаго негодованія. Дебаты открылъ Тьеръ, который надѣялся занять мѣсто Гизо послѣ паденія министерства. Онъ напалъ на правительство за его финансовую политику. Ему посчастливилось на короткій моментъ возбудить вниманіе всей палаты, до правительственнаго большинства включительно. Ни одна буржуазная душа не остается безучастной, разъ только

Токвиль.

рѣчь заходитъ о деньгахъ и процентахъ, а Тьеръ былъ большимъ мастеромъ въ этой области; съ обычной для него рѣзкостью онъ показалъ палатѣ, что, благодаря правительственной политикѣ, все болѣе и болѣе растетъ размѣръ ежегодныхъ дефицитовъ, которые, при наличности болѣе чѣмъ пяти милліардовъ государственнаго долга, угрожаютъ гибелью всему хозяйству страны.

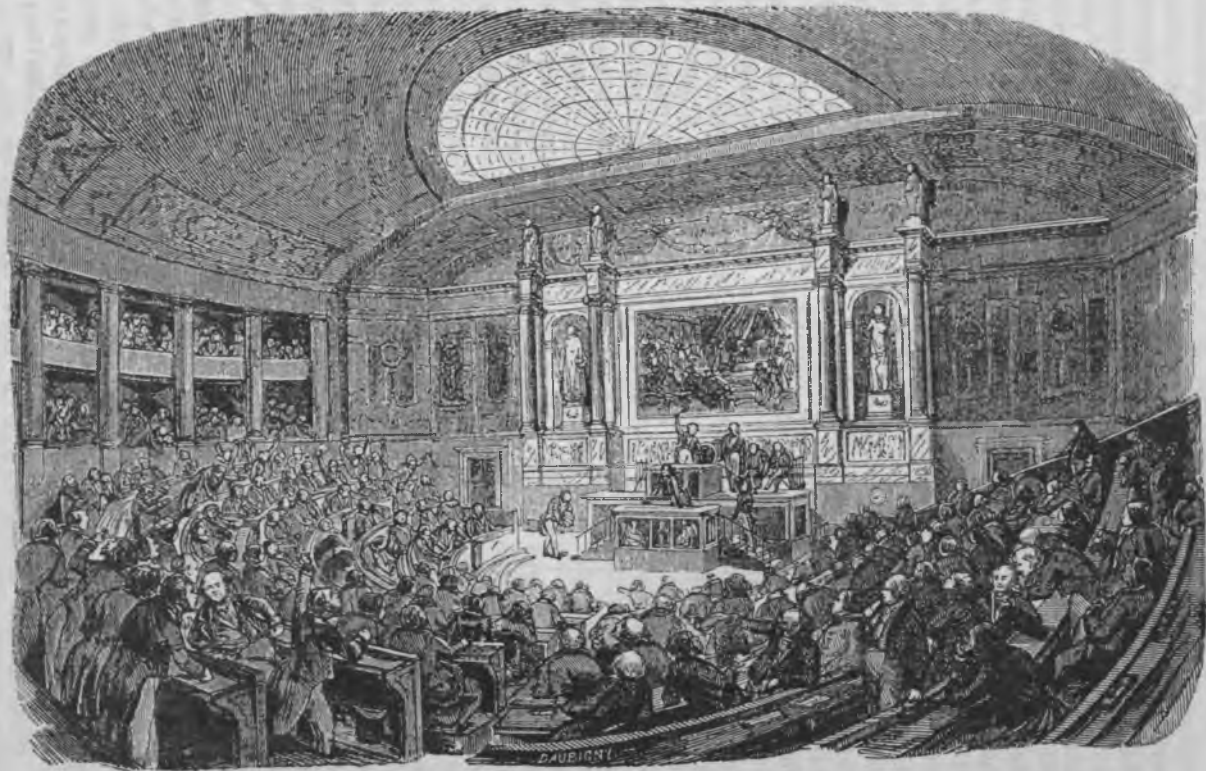
Подъему настроенія и вниманія палаты не мало способствовали приведенныя имъ цифры, которыхъ нельзя было обойти молчаніемъ; однако, не смотря на все это, преданное

министерству большинство снова высказало свое довѣріе правительству и отвергло всѣ поправки, порицающія его финансовую политику.

Въ теченіи дебатовъ оппозиція имѣла еще одинъ случай вскрыть гнилость буржуазнаго порядка. Результатъ безграничнаго господства финансовой аристократіи, этотъ процессъ гніенія зашелъ такъ далеко и такъ глубоко проникъ во всѣ слои буржуазнаго общества, что наличность подкуповъ не рѣшались отрицать даже тѣ, кто хотѣлъ бы скрыть свое участіе въ этой вакханалии всеобщей продажности. Одинъ изъ членовъ правительственнаго большинства, депутатъ *Биллольтъ* (Billault) предложилъ внести въ ту часть адреса, которая касалась внутренней политики, поправку въ высшей степени обидную для правительства. Эта поправка гласила: требовать отъ правительства, чтобы оно „неустанно стремилось къ повышенію нравственности населенія и не подрывало бы ее въ дальнѣйшемъ дурными примѣрами“.

Въ дебатахъ, вызванныхъ этой поправкой, выступилъ, между прочимъ, и Токвиль, также членъ правительственнаго большинства; онъ заявилъ, какой опасности подвергають себя имущіе классы, выставляя передъ глазами низшихъ слоевъ населенія эту картину своего нравственнаго разложенія. Въ чисто пророческомъ тонѣ онъ добавилъ: „Развѣ не видите вы, что политическія страсти рабочаго класса стали уже социальными страстями? Развѣ не замѣчаете вы, что въ головы рабочихъ все глубже и глубже проникаетъ идея, которая направлена не противъ того или иного закона, не противъ того или иного министерства, нѣтъ—она имѣетъ въ виду свалить все современное общество... Эта идея рано или поздно приведетъ къ страшному перевороту... Мы стоимъ на вулканѣ“. Однако и этотъ тревожный крикъ, подобно другимъ предостереженіямъ, не произвелъ никакого впечатлѣнія на большинство палаты. Если Тьеру и удалось на нѣсколько часовъ поколебать твердую вѣру этого большинства въ Гизо, то это случилось только потому, что онъ предостерегалъ отъ опасности, доступной пониманію большинства, именно опасности финансоваго кризиса. Деньги—это, вѣдь, основной двигатель буржуазныхъ страстей. Призракъ социальной революціи, вызванный Токвилемъ, казался всѣмъ еще такимъ далекимъ; о немъ нечего было ломать голову, разъ онъ не стоялъ передъ глазами, какъ осязаемый фактъ. Вообще, о народномъ возстаніи не хотѣли и думать. Сколько разъ ужъ за эти восемнадцать лѣтъ кровью заливались попытки такихъ возстаній! Развѣ не было достаточно одной кавалерійской атаки для того, чтобы на-голову разбить бунтовщиковъ?

Таковъ былъ, приблизительно, ходъ мыслей представителей высшей буржуазіи. Имъ и въ голову не приходило, что дѣйствительность такъ скоро подтвердитъ пророческія слова Токвиля, что гроза уже близка и ихъ лица очень скоро будутъ искажены ужасомъ при видѣ шумнаго, охваченнаго пламенемъ борьбы Парижа, при видѣ мостовыхъ, вывороченныхъ

Палата депутатовъ.

для постройки баррикадъ и торжествующей массы презрѣнныхъ блузниковъ, которые на моментъ стануть господами Франціи.

Послѣ внутренней политики въ порядкѣ дня слѣдовала *внѣшняя*. Диктуемая финансовыми интересами и боязнью столкновенія съ континентальными великими державами, внѣшняя политика министерства Гизо была вопіющимъ противорѣчіемъ тому національному чувству, въ которомъ воспитанъ былъ цѣлый рядъ поколѣній Франціи; при всей своей реакціонности, политика Гизо была еще, болѣе того, унижительно-трусливой. Дебаты по этому вопросу дали поводъ поэту развернуть во всемъ блескѣ свой ораторскій талантъ. То былъ замѣчательный день, когда на трибунѣ появилась высокая фигура Ламартина. Его лицо казалось болѣе блѣднымъ и морщинистымъ, чѣмъ обыкновенно. Онъ давно уже не говорилъ въ палатѣ, и потому на всѣхъ лицахъ было написано напряженное ожиданіе. Гулко и отчетливо звучалъ голосъ поэта по залу палаты, до самыхъ крайнихъ тоновъ доходилъ онъ, бичуя холопскую политику министерства въ европейской реакціи: оно протянуло руку Австріи для того, чтобы угнетать Италію, оно вступило въ союзъ съ іезуитизмомъ для того, чтобы уничтожить швейцарскій либерализмъ. Голосъ оратора становился все болѣе и болѣе мощнымъ и онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующей характеристикой внѣшней политики правительства: „Такова стала Франція, вопреки всѣмъ существующимъ традиціямъ, вопреки ея собственнымъ интересамъ: въ Римѣ она дѣйствуетъ, какъ гиббелинъ (т.-е. въ духѣ германско-императорскихъ интересовъ), въ Бернѣ она—поповская, въ Пьемонтѣ—австрійская, въ Краковѣ—русская,—всюду она антиреволюціонна, но нигдѣ не была французской“.

Гизо, съ его сухимъ и рѣзкимъ голосомъ, выступилъ на защиту внѣшней политики, но не легка была эта защита. Воздавъ хвалу австрійскому правительству, самому непопулярному въ общественномъ мнѣніи Франціи и реакціоннѣйшему изъ всѣхъ правительствъ, онъ назвалъ его политику даже „умѣренной“ и кончилъ рѣзкими нападками по адресу либерализма, который какъ разъ въ этотъ моментъ уже торжествовалъ свою побѣду въ Туринѣ и Миланѣ, въ Римѣ и Палермо.

Однако, весь парламентскій эффектъ рѣчи Ламартина былъ испорченъ выступленіемъ Тьера въ защиту того, что онъ называлъ „дѣломъ европейской революціи“. „Я пораженъ тѣмъ“, патетически воскликнулъ онъ „съ какой смѣлостью правительство связало себя съ дѣломъ контръ-революціи!“ Но бывшій министръ Тьеръ никогда не упускалъ изъ виду возможности снова когда-нибудь занять подобающее ему мѣсто. Поэтому онъ рѣшительно отклонилъ отъ себя подозрѣніе въ томъ, будто онъ хотѣлъ разрушить договоры 1815 года; правда, они могутъ вызывать презрѣніе, но сохранять ихъ необходимо. Иными словами, это значило высказаться противъ всякаго измѣненія традицій и состава державъ, установленныхъ по дого-

вору 1815 года, и, слѣдовательно, — противъ освобожденія Италіи отъ австрійскаго господства. Гизо, конечно, было очень легко, съ холодной усмѣшкой, возразить Тьеру, что и онъ собственно не хочетъ ничего иного, — онъ не впадалъ лишь въ ту многорѣчивость, какъ Тьеръ. Своими же собственными аргументами былъ побить Тьеръ и по поводу событій въ Швейцаріи.

До сихъ поръ по всѣмъ пунктамъ адреса правительству безъ особеннаго труда удавалось заполучить довѣріе послушнаго большинства палаты, но оставалось вѣдь еще одно мѣсто тронной рѣчи короля, перешагнуть черезъ которое было не такъ-то легко министерству. Проектъ отвѣтнаго адреса, предложенный Гизо, цѣликомъ оставлялъ въ силѣ всѣ обидныя слова короля, брошенныя по адресу вождей реформаціоннаго движенія; въ немъ было сдѣлано лишь незначительное измѣненіе, именно — упрекъ въ „злоумышленности“ виновниковъ движенія былъ замѣненъ словомъ „ослѣпленіе“; Гизо хотѣлъ, чтобы оппозиція, послѣ обидной для нея тронной рѣчи, получила еще пинокъ и отъ палаты и возбудилъ тѣмъ еще большее озлобленіе противъ себя.

Положеніе дѣлъ стало еще болѣе критическимъ и тревожнымъ, благодаря новому обстоятельству. До сихъ поръ правительство не ставило никакихъ административныхъ преградъ банкетной агитации, оно не пыталось примѣнить къ ней тѣхъ предписаній, которыя касались политическихъ сходокъ. Теперь же, когда движеніе стало принимать все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, правительство круто измѣнило свою тактику. Въ началѣ 1848 года банкеты были очень рѣдки, такъ какъ депутаты оппозиціи боялись частыми собраніями утомить своихъ сторонниковъ, съ другой же стороны въ этотъ моментъ имъ хотѣлось сосредоточить все вниманіе гражданъ на парламентскихъ дебатахъ по поводу адреса.

Не смотря на это, центральный комитетъ двѣнадцатаго избирательнаго округа департамента Сены (Парижъ), рѣшилъ устроить 19 января банкетъ для избирателей округа и принялся за дѣло; но правительство рѣшило не допустить банкета. Отъ полицейскаго префекта было получено запрещеніе устройства его, на что организаціонный комитетъ отвѣтилъ, что это распоряженіе является актомъ грубаго произвола, и потому комитетъ считаетъ его не имѣющимъ силы съ точки зрѣнія закона.

Такъ правительство посягнуло и на право собраній, которое привыкли уже считать гарантированнымъ конституціей; этимъ вызвало оно еще новую бурю негодованія, которая должна была въ концѣ концовъ свалить и самый тронъ.

Депутаты оппозиціи думали было сначала изъ-за парламентскихъ дебатовъ не итти на банкетъ двѣнадцатаго округа, но теперь, подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія, вызваннаго этимъ запретомъ, должны были измѣнить свое рѣшеніе. Делегаты двѣнадцатаго округа обратились къ нимъ съ вопросомъ, думаютъ ли они и теперь, въ виду брошеннаго правительствомъ

вызова, держаться сдержаннаго образа дѣйствій. Они отвѣтили, что далеки отъ этого и предложили делегатамъ свое содѣйствіе по устройству крупнаго митинга протеста противъ этого распоряженія; депутаты просили лишь назначить день банкета на то время, когда въ палатѣ будетъ кончено обсужденіе адреса.

Борьба изъ-за банкета двѣнадцатаго округа Парижа (мѣстность между Сеной и главной улицей Сень-Антуанскаго предмѣстья) принимала все болѣе и болѣе характеръ рѣшительной схватки между оппозиціей и монархіей.

Правительство безъ малѣйшихъ колебаній взяло на себя отвѣтственность за изданное префектомъ распоряженіе. На запросъ (интерпелляцію), сдѣланный 18 января въ палатѣ пэровъ, правительство отвѣтило устами министра внутреннихъ дѣлъ, графа Дюшатель (Duchâtel), что въ силу закона 1791 г. оно имѣетъ право запретить всякое политическое собраніе, которое можетъ угрожать нарушеніемъ общественнаго порядка. Для защиты отъ этого нападенія оппозиція, въ качествѣ перваго оратора, назначила одного изъ своихъ вождей Дювержье-де-Орана—наиболѣе виднаго, послѣ Одилона Барро, дѣятеля банкетной агитации. Отъ имени депутатовъ оппозиціи онъ долженъ былъ заявить, что они игнорируютъ распоряженіе правительства и рѣшили во что бы то ни стало быть на банкетѣ.

Дювержье выполнилъ возложенное на него порученіе 7-го февраля, тотчасъ же послѣ открытія преній о банкетахъ. Съ спокойнымъ видомъ взошелъ онъ на трибуну и твердымъ, рѣшительнымъ тономъ заявилъ: „Я, лично, считаю политическія собранія законными и свободными и открыто заявляю, что готовъ примкнуть къ тѣмъ, кто путемъ открытаго и законнаго противодѣйствія хочетъ убѣдиться, можно ли простымъ полицейскимъ предписаніемъ отмѣнить политическія права гражданъ теперь, спустя пятьдесятъ восемь лѣтъ послѣ нашей революціи“. Вся оппозиція примкнула къ этому заявленію криками: „И мы также, мы всѣ готовы!“

„Да, политическія сборища будутъ запрещены“, отвѣтилъ графъ *Дюшатель*, „и если кто думаетъ, что правительство, исполняющее свою обязанность, потерпитъ демонстраціи кого-либо рода, то я, ни мало не колеблясь, заявляю, что этого не случится“.

Эти слова вызвали невѣроятный шумъ. Крики и угрозы посыпались со всѣхъ сторонъ. Одилонъ Барро вскочилъ на трибуну и заявилъ, что свобода собраній является необходимой основой конституціоннаго порядка, на что министръ юстиціи Эберъ (Hébert) грубо отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, кромѣ тѣхъ правъ, которыя буквально записаны въ конституціи, никакихъ иныхъ не существуетъ. И онъ прибавилъ, въ видѣ предостереженія, что если оппозиція будетъ продолжать свою работу въ томъ же духѣ, то правительство исполнитъ свой долгъ. Эта угроза снова вызвала шумъ. Одилонъ Барро крикнулъ: „Вѣдь вы идете еще дальше правительства реставраціи!“

Подобные же возгласы раздавались со всѣхъ скамей оппозиціи, правая же отвѣчала ей по-своему. Только громовому голосу Ледрю-Роллена удалось заглушить этотъ невѣроятный шумъ. Онъ заявилъ, что не было еще такой конституціи, которая рѣшилась бы отрицать за гражданами неотъемлемое право свободныхъ собраний, покоющееся на правѣ естественномъ. „Берегитесь только, къ чему васъ это приведетъ! вы дойдете, наконецъ, съ вашими софизмами до отрицанія всякаго права, не записаннаго на бумагѣ; это значить подрывать самый сильный, самый жизненный элементъ всякой человѣческой морали—неписанное, неказенное *право*“.

Парламентская битва длилась уже четыре дня; 11-го февраля одинъ изъ сторонниковъ министерства, депутатъ *Демуссо-де-Живре* (*Desmoussaux-de-Givre*) сдѣлалъ послѣднюю попытку примиренія враждующихъ сторонъ. Именно, онъ предложилъ вычеркнуть изъ адреса слова „слѣпо и злоумышленно“, которыя были особенно обидны для оппозиціи. Предложеніе его поддержалъ *Шарль де Ремюза*, депутатъ умѣреннаго лагеря. „Никогда еще раньше, закончилъ онъ свою рѣчь, не было столь труднаго положенія; никогда еще не попирали существующихъ учрежденій такъ, какъ это случилось теперь и потому въ такой моментъ посредничество необходимо болѣе, чѣмъ когда-либо“. Ремюза, подобно Токвилю, апеллировалъ къ общественному чувству буржуазіи, указывая на опасность народнаго возстанія, признаки котораго видятъ уже на политическомъ горизонтѣ Франціи немногіе проницательные люди.

Правительственное большинство было глухо ко всѣмъ этимъ заявленіямъ; вообще, палата находилась въ какомъ-то пароксизмѣ словесной борьбы, и всѣ доводы разума оставались ей недоступны. Это, когда-то столь спокойное, буржуазное собраніе напоминало собой теперь бурные дни великаго Конвента. При каждомъ рѣзкомъ выраженіи оратора поднимался страшный шумъ, каждая рѣчь прерывалась обидными и провокаторскими возгласами, и это вызывало взрывъ разыгравшихся страстей.

10-го февраля, въ самый послѣдній моментъ, когда предстояло голосованіе по вопросу о банкетяхъ, на трибунѣ еще разъ появился *Ламартинъ*; все вдругъ стихло: „Идите же, господа министры“, сказалъ онъ, „и закройте полицейской рукой уста народа! Но прежде, чѣмъ пойти на это, вспомните случай съ народнымъ домомъ. Тамъ также дѣло началось только съ произвольнаго нарушенія права собраний въ публичныхъ мѣстахъ: закрытый по приказу чиновниковъ, народный домъ, бывший мѣстомъ публичныхъ собраний, былъ открытъ самимъ народомъ“.

Однако, и этотъ ораторскій доводъ Ламартина, подобно поправкѣ, предложенной Демуссо, и предостерегающему голосу Ремюза, не имѣлъ ровно никакого успѣха. Преданное министерству большинство палаты безусловно одобрило тактику правительства, высказавшись 228 голосами противъ 185 за

оставленіе въ отвѣтномъ адресѣ словъ о „злоумышленныхъ и слѣпыхъ страстяхъ“.

Но все же и въ консервативномъ лагерѣ было много лицъ, только по принужденію вступившихъ на тотъ путь, по которому пошло правительство; чувство самосохраненія указывало имъ ту пропасть, на краю которой стояло правительство. Этимъ-то и объясняются ихъ постоянныя попытки найти примиряющій выходъ. Одинъ изъ нихъ, *Салляндрузъ* (Sallandrouze) богатый парижскій купецъ и личный другъ короля, предложилъ, на примѣръ, поправку, которую можно было считать небольшой уступкой оппозиціи. Въ ней говорилось: „мы надѣемся, что правительство возьметъ на себя инициативу проведенія мудрыхъ и умѣренныхъ реформъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ общественнаго мнѣнія“.

Можно было думать, что большинство палаты присоединится къ этой послѣдней попыткѣ примиренія, исходящей изъ его же собственныхъ рядовъ. Оно ждало лишь только знака со стороны Гизо. Но онъ совсѣмъ не хотѣлъ чѣмъ бы то ни было связывать себѣ рукъ. „Министерство, сказалъ онъ, не принимаетъ на себя въ будущемъ никакихъ обязательствъ. Консервативная партія не является единодушной въ своей программѣ реформъ. Сохраненіе единства въ рядахъ этой партіи, сохраненіе консервативной политики—вотъ единственный руководящій принципъ поведенія кабинета“.

Ученически послушная масса большинства палаты отъ всего сердца привѣтствовало эти поученія министра. Поправку Салляндруза постигла та же судьба, что и предложенныя раньше: она была сдана въ архивъ.

Этимъ кончились дебаты по поводу отвѣтнаго адреса. Они тянулись съ 22-го января по 12-е февраля. Никогда еще, за все время правленія июльской монархіи, меньшинство палаты не подвергалось такимъ обидамъ и униженіямъ. Даже идеи, только по видимости носившія на себѣ отпечатокъ либерализма, душились безъ всякой пощады, и стало ясно, что путь парламентской борьбы для оппозиціи совершенно безнадеженъ. Успѣха можно было ожидать лишь внѣ палаты. Эти сцены въ парламентѣ должны были разбудить въ народѣ старыя, милыя его сердцу и никогда не угасавшія совсѣмъ воспоминанія, эти сцены должны были воскресить въ памяти тысячь борцовъ картины прежнихъ побѣдоносныхъ возстаній.

Почему же, спрашивали себя люди, одушевленные идеей свободы, тотъ народъ, который въ прошломъ сумѣлъ отвоевать и защищать демократическій строй, почему не можетъ онъ сдѣлать этого и теперь?

Побитая въ палатѣ, подъ горячимъ впечатлѣніемъ недавней словесной борьбы, оппозиція рѣшила указать народу надлежащій путь. 13-го февраля, на другой день послѣ окончанія дебатовъ по поводу адреса, около ста депутатовъ оппозиціи собрались для составленія протеста; протестъ былъ написанъ и отправленъ во всѣ газеты для опубликованія; оппозиція рѣзко

выступала въ немъ противъ отвѣтнаго адреса на рѣчь короля и, въ особенности, противъ послѣдней его части, касавшейся вопроса о банкетахъ.

Не менѣе рѣшительно осуждала оппозиція и попытку нарушенія права собраній. Она заявляла готовность отстаивать это право всѣми законными средствами. Съ этой цѣлью собраніе выбрало особую комиссію, которая должна была заняться организаціей банкета протеста совмѣстно съ центральнымъ комитетомъ парижскихъ избирателей.

Перчатка была брошена, и правительство не замедлило ее поднять. Оно открыто приступило къ чрезвычайнымъ военнымъ подготовленіямъ.

Но среди депутатовъ оппозиціи замѣчался уже нѣкоторый поворотъ: возвѣщенный съ такой помпой банкетъ протеста не вызывалъ въ нихъ прежняго рвенія. Многіе открыто высказывали сожалѣнія о томъ, что въ пылу словесной борьбы они перешли надлежащую границу. День проходилъ за днемъ, а о банкетѣ не было и поминна. Наиболѣе стойкіе изъ числа либераловъ и революціонеровъ, въ своихъ ожиданіяхъ рѣшительной демонстраціи были нетерпѣливы и требовали энергичныхъ дѣйствій. Трусливые вожди парламентской оппозиціи оправдывались тѣмъ, что не подыскано пока еще подходящаго мѣ-

Продавцы газетъ.

ста для предполагаемаго банкета. Наконецъ, стало извѣстно, что депутатъ Таспро (Taschereau) нашелъ такое мѣсто близъ Елисейскихъ Полей, т. е. въ крайней западной части города и тамъ приступили уже къ устройству большой палатки, которая будетъ готова къ 22-му февраля. На этотъ день, именно на среду, и былъ назначенъ банкетъ.

Въ оставшійся промежутокъ времени происходили всевозможныя совѣшанія между буржуазными фракціями палаты съ цѣлью по крайней мѣрѣ лишить банкетъ какого бы то ни было революціоннаго характера. Мысль о томъ, что эта грандіозная демонстрація можетъ разжечь страсти народа нагоняла не малый трепетъ на консервативныя сердца депутатовъ, да и члены буржуазной оппозиціи дрожали передъ возможными послѣдствіями своей собственной агитаціи.

Страшась революціи снизу, и тѣ и другіе жаждали только взаимныхъ уступокъ (компромиссовъ), которыя дали бы имъ возможность вести борьбу помимо всякаго участія народныхъ массъ.

Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлали консерваторы. Они отправились къ Дювержье-де-Орану и Одилону Барро, чтобы съ ними обсудить приемы борьбы оппозиціи съ правительствомъ. Ихъ делегаты Витэ (Vitet) и графъ Морни (Morny)—предложили слѣдующія условія: депутаты оппозиціи безпрепятственно придутъ на банкетъ, исполнивши этимъ то, что они считаютъ своимъ долгомъ въ дѣлѣ защиты охраняемаго ими права. Тотчасъ же послѣ ихъ прибытія на банкетъ и правительство предприметъ то, что оно считаетъ своей обязанностью. Черезъ полицейскаго комиссара оно объявитъ банкетъ недопустимымъ и потребуетъ отъ гостей, чтобы они удалились; затѣмъ, на основаніи составленнаго на мѣстѣ протокола, предсѣдатели банкета будутъ привлечены къ судебной отвѣтственности, и уже суду будетъ предоставлено рѣшить, на чьей сторонѣ право — на сторонѣ правительства или оппозиціи. Такимъ образомъ, вопросъ о правѣ собраній предоставлялся компетенціи суда, и обѣ стороны—оппозиція, которая не можетъ отступить отъ принятаго на себя обязательства, и правительство, также не желающее уступать, подчинятся его рѣшенію.

Какъ ни унижительны были эти условія, вожди монархической оппозиціи ухватилась все-таки за нихъ обѣими руками. Они надѣялись такимъ способомъ прикрыть свое отступление и разыграть комедію, показавши массамъ только одну сторону дѣла.

Сдѣлка, однако, скоро стала извѣстна всѣмъ. Средняя буржуазія и большая часть мелкой—столичные торговцы—были согласны съ такой постановкой дѣла („arrangement“), но этотъ тонко придуманный планъ встрѣтилъ неожиданное и рѣшительное противодѣйствіе въ радикальныхъ кругахъ, среди студенчества и особенно въ рабочихъ кварталахъ, гдѣ вліяніе революціонеровъ росло изо дня въ день. Первымъ послѣдствіемъ этого постыднаго компромисса было уничтоженіе всякихъ симпатій радикальной части населенія къ умѣренной оппозиціи, что оказало громадное вліяніе на послѣдующій ходъ событий.

Старая пословица гласитъ, что крайности сходятся. Такъ вышло и на этотъ разъ. Оказалось, что дворъ также недоволенъ этимъ компромиссомъ. „Не хотятъ служить мнѣ, готовятъ измѣну!“ воскликнулъ Луи Филиппъ, когда ему доложили объ этомъ договорѣ. Король, подавившій уже не одно вооруженное возстаніе, и теперь не видѣлъ со стороны народныхъ массъ никакой опасности для своего трона. Однако, на этотъ разъ онъ жестоко ошибся. Менѣе ошибоченъ былъ его презрительный взглядъ на вождей оппозиціи, въ которыхъ онъ видѣлъ лишь фразеровъ и любителей словеснаго спорта.

Не смотря на страшное недовольство, вызванное компро-

миссомъ какъ на той, такъ и на другой сторонѣ, на немъ, повидимому, рѣшили покончить спорный вопросъ. Утромъ 21 февраля всѣ оппозиціонныя газеты опубликовали окончательную программу великолѣпнаго демонстративнаго шествія. Газеты „Réforme“, „Démocratie pacifique“ и „National“ помѣстили ее на самомъ видномъ мѣстѣ. Программа эта почти цѣликомъ была составлена редакторомъ „National’я“, *Арманомъ Марра*. По мнѣнію многихъ историковъ, вожди оппозиціи не имѣли времени даже просмотрѣть ее сколько-нибудь внимательно. Этимъ нужно объяснить тотъ фактъ, что она носила такой отчасти официальный характеръ. Всѣмъ участникамъ шествія она рекомендовала прежде всего соблюдать полнѣйшій порядокъ и спокойствіе; затѣмъ, на ряду съ предполагаемыми десятками тысячъ демонстрантовъ, должны были итти и нѣсколько легионовъ національной гвардіи, безъ оружія и съ своими офицерами во главѣ. Рабочіе должны были встать по бокамъ шпалерами, и кортежъ, съ депутатами палаты впереди, долженъ былъ отъ церкви Магдалины пройти по Королевской улицѣ (Rue Royale) черезъ площадь Согласія (Place de la Concorde) на мѣсто празднества.

Реакція сумѣла использовать эту столь умѣренную программу для того, чтобы нарушить условія договора. Правительство все еще не имѣло никакого понятія о томъ, какъ близокъ часъ его гибели. Заправили его помышляли лишь о томъ, чѣмъ бы умилостивить короля, которому такъ не понравилась ихъ уступчивость. Чтобы прикрыть свою измѣну данному слову, они упрекали инициаторовъ демонстративнаго шествія въ томъ, что въ своихъ органахъ они позволили себѣ нападки на правительственныя распоряженія, что они дѣйствовали какъ революціонный комитетъ, распоряжались общественной властью и призывали на помощь національную гвардію и народъ. Морни и Витэ тотчасъ же поспѣшили къ Одилону Барро, чтобы извѣстить его о перемѣнѣ рѣшенія правительства. Барро и Дювержье были поражены; они предложили составить и опубликовать поясненіе къ этой странной программѣ и тѣмъ, по возможности, ослабить ее значеніе; приглашеніе національной гвардіи должно быть истолковано исключительно цѣлями охраненія порядка и тишины.

Съ этимъ предложеніемъ графъ Морни тотчасъ отправился къ Дюшателю и Гизо, но тѣ отвѣтили ему только насмѣшкой и презрѣніемъ.

Пока велись эти переговоры, по городу тѣмъ временемъ происходило необычайное передвиженіе войскъ, и мостовая прямо дрожала подъ тяжестью мчавшихся батарей; одновременно съ этимъ по улицамъ были расклеены официальные извѣщенія, отпечатанныя на бумагѣ, употреблявшейся для правительственныхъ сообщеній. Въ одномъ изъ этихъ плакатовъ полицейскимъ префектомъ воспрещалось парижскому населенію участвовать въ шествіи; въ другомъ, исходившемъ также отъ полицейскаго префекта, въ интересахъ общественнаго

порядка и безопасности запрещался банкетъ; наконецъ, третьимъ, за подписью командующаго національной гвардіей генерала Жакмино (Jacqueminot), воспрещалось національной гвардіи слѣдовать обращенному къ ней призыву со стороны устроителей банкета.

Нельзя указать ничего, болѣе жалкаго, чѣмъ поведеніе умѣренной оппозиціи палаты при наличности подобныхъ рѣшительныхъ дѣйствій правительства. Одилонъ Барро сдѣлалъ запросъ министерству, требуя отмѣны запрещенія. Но—увь!—этотъ вождь оппозиціи никакъ не могъ пересилить своего страха,—каждый шагъ его изобличалъ неувѣренность, онъ не рѣшался ни взять на себя отвѣтственности за устройство демонстраціи, ни устраниваться отъ всего дѣла. Онъ былъ похожъ на того школьника, котораго строгій учитель засталъ на мѣстѣ преступления.

21 февраля, въ пять часовъ по полудни депутаты оппозиціи собрались у Одилона Барро, чтобы обсудить, какъ выйти изъ этого труднаго положенія. Разговоры были непродолжительны, хотя и очень страстны. Тьеръ дрожащимъ отъ страха голосомъ заявилъ, что борьба противъ правительства невозможна, что дѣло идетъ теперь уже не о демонстраціи, а о возстаніи, котораго, вѣдь, никакъ нельзя допустить; съ нимъ соглашалось большинство вождей оппозиціи; только Ламартинъ, возмущенный вызовомъ министерства, закинулъ своихъ коллегъ твердо стоять на своемъ; рѣчь, сказанная имъ, была, можетъ быть, лучшей изъ всѣхъ, когда-либо произнесенныхъ имъ рѣчей*). Громадное большинство членовъ оппозиціи не пошло, однако, за его бурнымъ призывомъ и постановило 80 голосами противъ 17 отказаться отъ банкета. Лишь для очистки совѣсти, стыдясь этого позорнаго бѣгства, всѣ они подписали свои фамилии на чистомъ листѣ бумаги (in blanco) для подачи жалобы на министерство.

Правда, въ этотъ моментъ никто почти не вѣрилъ въ возможность революціи; казалось, что катастрофа возможна лишь въ далекомъ будущемъ. 21 февраля вечеромъ происходило въ редакціи „Rétorme“ собраніе „Горы“ и нѣкоторыхъ полу-соціалистическихъ элементовъ. Здѣсь были и Луи-Бланъ и Ледрю-Роллэнъ. Послѣдній съ глубокимъ презрѣніемъ говорилъ о тѣхъ революціонныхъ дѣлѣ мастерахъ, которые при

*) Ламартинъ былъ тогда почти на вершинѣ своей славы; онъ ясно сознавалъ неустойчивость господствующей системы и дѣйствовалъ въ этотъ моментъ, какъ и всегда, по чисто личному вдохновенію. Уже въ слѣдующемъ году онъ сошелъ съ политической сцены и потерялъ всякое значеніе въ политической жизни; по поводу своего протеста, до того времени совершенно неизвѣстнаго публикѣ и имѣвшаго мѣсто лишь въ тѣсномъ кругу депутатовъ оппозиціи, онъ заявлялъ теперь, что это была величайшая, или, лучше сказать, *единственная* ошибка во всей его политической жизни. Этого вполне достаточно для характеристики его. Въ эпоху имперіи Ламартинъ пользовался милостивыми подачками Луи Бонапарта (Бонапартъ, напр., принималъ участіе въ національной подпискѣ въ пользу Ламартина).

данныхъ условіяхъ разсчитываютъ на успѣхъ въ борьбѣ съ правительствомъ. Это мнѣніе поддержалъ и Луи Бланъ, а Флоконъ написалъ статью для „Réforme'y“ съ призывомъ къ спокойствію. Другіе представители того же лагеря, напротивъ, вѣрили въ возможность вооруженнаго возстанія, но для окончательной провѣрки правильности своего мнѣнія и выясненія настроенія въ низахъ, какъ сообщаетъ Даніэль Штернъ, отправились послѣ этого засѣданія въ предмѣстья Парижа и въ тайные клубы.

Несомнѣнно, въ то время существовалъ цѣлый рядъ тайныхъ революціонныхъ союзовъ какъ въ самомъ Парижѣ, такъ и въ провинціи. Еще живы были обломки стараго Общества „Время года“. Но даже среди вождей этихъ союзовъ не многіе надѣялись на успѣхъ вооруженнаго возстанія.

Посмотримъ теперь, что думалъ народъ, что онъ дѣлалъ, какъ и чѣмъ отвѣчалъ онъ на тѣ успокоительные призывы, съ которыми обращалась къ нему трусливая оппозиція.

ГЛАВА III.

22-го февраля.—Народъ на площади Согласія.—Участіе студентовъ.—Вторженіе въ зданіе палаты депутатовъ.—Парламентская оппозиція.—Баррикады.—Парижъ занятъ войсками.—Событія 23 февраля.—Утренняя борьба.—Паденіе Гизо и его министерства.—Кажущееся умиротвореніе.—Драма на бульварѣ Капуциновъ.—Ночь съ 23 на 24 февраля.

Утро 22 февраля 1848 года было пасмурнымъ и мрачнымъ. Надъ столицей нависло покрытое густыми тучами небо, какъ будто нарочно для того, чтобы еще рѣзче оттѣнить своимъ темнымъ фономъ назрѣвающія событія. На улицахъ дулъ сильный вѣтеръ и гналъ передъ собою холодныя, тонкія нити дождя.

Но ни дождь, ни ледяной, рѣжущей вѣтеръ не остановилъ людей: въ восточныхъ и сѣверныхъ предмѣстьяхъ народъ собирался группами и спокойно и медленно двигался вдоль бульваровъ, направляясь къ площади Магдалины (Place de la Madeleine).

Правительство и его сторонники были рады такой дурной погодѣ и видѣли въ ней нѣкотораго рода спасеніе, посылаемое самимъ небомъ; они воображали, что одного этого обстоятельства будетъ достаточно для того, чтобы удержать по домамъ тѣ массы любопытныхъ, которыя въ дни политическаго возбужденія стекаются на площадяхъ и, какъ порохъ, воспламеняются при малѣйшемъ столкновеніи съ властями.

На этотъ разъ, однако, расчеты и надежды правительства не оправдались. Плохая погода не помѣшала народу выйти на улицы. Были, конечно, и такіе, которые, не смотря на погоду, вышли лишь изъ простаго любопытства, какъ это всегда бываетъ при подобныхъ демонстраціяхъ, но больше всего здѣсь было мужественныхъ борцовъ, представителей того слоя парижскаго населенія, революціонный инстинктъ котораго нужно было лишь пробудить, чтобы вызвать его къ дѣйствіямъ. Агитація послѣднихъ дней, подготовленія правительства, передвиженіе войскъ и распоряженія полиціи о томъ, чтобы подальше были убраны всѣ предметы, годные для постройки баррикадъ—все это необходимо должно было вызвать въ народѣ предчувствіе близкой грозы; все это должно было поднять боевое настроеніе рѣшительныхъ демократовъ. Понятно, поэтому, какъ охотно двинулись эти энергичные люди изъ своихъ предмѣстій.

Бульваръ Магдалины въ 1848 г.

Тянувшіяся по бульварамъ небольшія кучки людей сходились постепенно на площади Согласія *), и здѣсь образовалась вскорѣ громадная, густая масса народа. Правительство не находило нужнымъ стянуть сюда войска, такъ какъ оно не ожидало серьезной демонстраціи и считало для себя невыгоднымъ вызывать столкновение съ народомъ. Толпа, однако, увеличивалась съ каждой минутой, и возбужденіе все болѣе и болѣе возрастало. Изъ многихъ тысячъ грудей выливался напѣвъ марсельезы и революціонной пѣсни жирондистовъ, прерываемый несмолкавшими возгласами: „Да здравствуетъ реформа! Долой Гизо!“.

Потоки дождя, казалось, только еще больше возбуждали толпу. Скоро оказался поводъ и не только возгласами и пѣніемъ выразить свое негодованіе. Въ другомъ сборномъ пунктѣ, именно на площади Пантеона, настроеніе стало принимать угрожающій характеръ. Эта площадь находится въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ сосредоточено студенчество; поэтому значительную часть толпы здѣсь составляли студенты, къ которымъ примкнуло и очень много рабочихъ. Еще за день до того Пантеонъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ, откуда предполагалось примкнуть къ процессіи и итти на банкетъ. Теперь хотя и выяснилось, что банкетъ не состоится, но отказаться отъ процессіи все-таки не хотѣли. Напрасны были усилія нѣкоторыхъ молодыхъ представителей буржуазіи удержать своихъ товарищей отъ этого шага: ихъ просто перекричали. Масса вскорѣ сомкнулась въ тѣсныя колонны, быстро прошла съ пѣніемъ марсельезы Латинскій кварталъ, перешла по Новому мосту (Pont-Neuf) черезъ Сену; затѣмъ черезъ улицы Сень-Онорэ (St. Honoré) и Дюфо (Duphot) эта многотысячная масса народа достигла площади Магдалины.

Однако, здѣсь народъ оставался не долго; подкрѣпленная собравшейся массой процессія двинулась снова къ югу, вдоль Королевской улицы, направляясь черезъ площадь и мостъ Согласія къ Бурбонскому дворцу. На мосту Согласія полицейскимъ комиссаромъ былъ поставленъ небольшой отрядъ муниципальных гвардейцевъ съ цѣлью воспрепятствовать толпѣ перейти мостъ, но послѣ небольшого сопротивленія эта кучка вооруженныхъ людей была увлечена громаднымъ людскимъ потокомъ; это былъ первый ободряющій успѣхъ при встрѣчѣ народа съ вооруженной силой. Подойдя къ Бурбонскому дворцу, процессія остановилась. Депутаты Кремье (Crémieux) и Мари (Marie) приняли отъ студентовъ ихъ петицію и предупредили о сохраненіи полнѣйшей законности; нѣсколько демонстрантовъ все-таки проникли въ залъ засѣданій, но нашли его, однако, пустымъ, такъ какъ засѣданіе было назначено позднѣе. Въ пустомъ домѣ нечего было дѣлать, и демонстранты съ пѣніемъ марсельезы повернули обратно. Гарнье-Паже рассказы-

*) Площадь Согласія расположена между Тюльеріискимъ садомъ и Елисейскими полями; съ сѣверной стороны ея находятся общественныя зданія, а съ юга—рѣка Сена, черезъ которую ведетъ мостъ—Pont de la Concorde—къ Бурбонскому дворцу, мѣсту засѣданій парламента.

ваетъ, что при выходѣ изъ зданія кто-то изъ народа произнесъ, обращаясь къ камердинеру, слѣдующую фразу, столь характерную для настроенія того момента: „Мы еще вернемся сюда и поставимъ правительство, которое будетъ такое же красное, какъ твой жилетъ“. Но прежде чѣмъ процессія построилась для обратнаго шествія, были вызваны драгуны изъ сосѣднихъ казармъ, расположенныхъ на набережной Д’Орсэ (Quai d’Orsay): они должны были „очистить“ площадь. При видѣ безоруженной массы народа, интеллигентный офицеръ, начальникъ отряда, приказалъ вложить обнаженные шашки въ ножны и, благодаря этому, „очистка“ прошла совершенно мирно. Народъ добровольно оставилъ площадь, и войскамъ осталось лишь прогнать нѣсколькихъ отставшихъ отъ процессіи и затѣмъ—занять мостъ Согласія и проходы въ палату. По словамъ нѣкоторыхъ историковъ, въ тотъ моментъ, когда по приказу офицера шашки были вложены въ ножны, толпа радостно привѣтствовала драгуновъ.

Часть демонстрантовъ, бывшихъ около зданія палаты, снова построилась колоннами и безъ всякой опредѣленной цѣли пошла по городу. Другая же часть опять направилась на площадь Согласія. И вотъ здѣсь-то произошли первыя столкновения съ вооруженной силой правительства. На площади шумѣла и волновалась густая масса народа, не высказывая при этомъ никакого опредѣленнаго намѣренія, но власти все-таки попытались разогнать ее силой оружія. По неразумію, для этой цѣли была употреблена главнымъ образомъ муниципальная гвардія, которую народъ ненавидѣлъ за то, что она всегда до сихъ поръ дѣйствовала при подавленіи демонстрацій и возстаній. Стремительно бросилась эта грубая полицейская банда на безоружный и беззащитный народъ, давая лошадямъ тѣхъ, кто не могъ во время убѣждать: много женщинъ и дѣтей попало подъ копыта лошадей. Этотъ варварскій набѣгъ вызвалъ яростное сопротивленіе. Первыми въ этомъ дѣлѣ выступили парижскіе гамэны (подростки), которые, благодаря своей невѣроятной отвагѣ, во всѣхъ почти революціяхъ играли роль авангарда (передового отряда). Добывая изъ мостовой камни, они бросали ихъ въ головы солдатъ. Тогда послѣдовалъ новый натискъ, съ обнаженными шашками. Но теперь уже всякій, у кого только были руки, бросился къ тому единственному оружію, какое было въ распоряженіи народа, и на нападавшихъ посыпался градъ камней. Молодежь дошла даже до того, что сбивала съ ногъ лошадей, подшибая ихъ на скользкой отъ дождя мостовой. Трудно было держаться на ногахъ даже пѣшимъ войскамъ, движеніе которыхъ сильно затруднялось ихъ вооруженіемъ. При нападеніяхъ демонстранты забирались въ такія мѣста, гдѣ конница не могла ихъ достать и, не выказывая ни малѣйшаго желанія покинуть площадь, осыпали полицейскихъ-солдатъ всевозможными презрительными прозвищами и чисто парижскими остротами. Этотъ рѣшительный и неожиданный отпоръ, а еще больше—непрерывный потокъ самыхъ ѣдкихъ насмѣшекъ при-

велъ солдатъ почти въ безумную ярость. Съ дикой злобой бросились они на народъ, дѣйствуя направо и налево своимъ оружіемъ. Много несчастныхъ пало подъ копытами лошадей, а среди раненыхъ, поднятыхъ на полѣ сраженія, былъ и трупъ одной женщины.

Теперь уже къ крикамъ презрѣнія присоединились и крики мести и призывы къ вооруженной борьбѣ. Было около полудня, а народъ былъ уже настолько озлобленъ, что серьезная борьба казалась уже неизбѣжной. Принужденная отступить передъ шашками муниципальной кавалеріи, масса очистила площадь, разбѣжавшись частью черезъ Елисейскія поля, частью черезъ Королевскую улицу; но лишь за тѣмъ, чтобы потомъ снова сплотиться и бороться до тѣхъ поръ, пока полицейскія войска или вызванные на улицу драгуны не будутъ побѣждены. Оставляя площадь, народъ пѣлъ революціонныя пѣсни и оглашалъ воздухъ несмолкавшими криками: „Долой Гизо! Долой министерство! Къ оружію!“.

Толпѣ, оставшейся на площади Согласія, надоѣли, наконецъ, эти ежеминутныя мелкія стычки съ полиціей; со всѣхъ сторонъ раздалось: „Къ министерству иностранныхъ дѣлъ! Къ дворцу Гизо!“.

Какъ электрическій токъ, пробѣжалъ въ массахъ этотъ возгласъ, и людской потокъ направился туда. Скоро напѣвъ марсельезы гремя уже подъ окнами дома на бульварѣ Капуциновъ (Boulevard des Capucines), гдѣ жилъ реакціонный министръ. Градъ камней разбилъ вдребезги стекла. Но этого было недостаточно для осаждавшихъ. Имъ хотѣлось проникнуть внутрь, и вотъ нѣсколько дюжихъ молодцовъ бросилось къ главному входу, чтобы выломать двери. Дерево уже трещало, и ворота готовы были податься подъ напоромъ этого живого тарана, какъ вдругъ прискакалъ спѣшно вызванный сюда военный отрядъ, и народу снова пришлось отступить передъ солдатскими саблями.

Такъ началась борьба въ разныхъ пунктахъ города. Революціонный огонь, тлѣвшій поутру лишь слабой искрой, разгорѣлся теперь въ грозное пламя, разлившееся по всему городу. Возстаніе кипѣло теперь въ большей части города и почти по всѣмъ улицамъ.

Депутатовъ, враждовавшихъ съ правительствомъ и особенно съ премьеръ-министромъ, не было въ этотъ моментъ на улицахъ и площадяхъ; они не чувствовали обязанности ни успокаивать народъ, ни руководить его возстаніемъ.

Въ моментъ самаго начала возмущенія, когда часть народа пыталась проникнуть во дворецъ ненавистнаго Гизо, депутаты оппозиціи собрались у Одилона Барро для того, чтобы разыграть жалкую комедію: они написались здѣсь подъ новымъ обвинительнымъ актомъ противъ министерства, которое нарушило и уничтожило конституцію, подкупало депутатовъ палаты, торговало общественными должностями, расшатало финансы страны и такъ далѣе.

Въ два часа по полудни депутаты отправились на засѣда-

ніе палаты. На площади Согласія стояла все еще готовая къ борьбѣ толпа. Мостъ Согласія охранялся драгунами и пѣхотой, а зданіе палаты было оцѣплено солдатскими патрулями, чтобы воспрепятствовать массамъ вторично проникнуть туда. При появленіи депутатовъ оппозиціи демонстрирующая толпа устроила имъ овацію; народъ хотѣлъ показать депутатамъ, что они могутъ рассчитывать на него. Депутаты правительственнаго большинства подверглись насмѣшкамъ и издѣвательствамъ.

Въ палатѣ депутаты оппозиціи пустили по рукамъ свой обвинительный актъ противъ министерства, и подъ нимъ подписались еще многіе. Когда этотъ листъ, обошелъ весь залъ и вернулся къ первому подписавшему его, онъ заявилъ, что всего только у пятидесяти трехъ депутатовъ хватило мужества написать на немъ свое имя. Одилонъ Барро торжественно подошелъ теперь къ бюро палаты и передалъ эту бумагу президенту Созэ (Sauzet); въ заголовкѣ ея стояло: „преступленія Гизо“. Президентъ подходитъ къ секретарю, бросаетъ мимоходомъ взглядъ на заголовокъ бумаги и съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія швыряетъ ее обратно на президентскій столъ.

Въ этомъ старчески-безсильномъ собраніи не нашлось никого, кто бы указалъ на то, что съ ранняго утра происходитъ въ городѣ. Люди съ самымъ спокойнымъ видомъ толковали по вопросу о возобновленіи привилегій бордосскому банку. Въ концѣ засѣданія Одилонъ Барро обратился къ президенту съ просьбой назначить день для обсужденія внесеннаго имъ и подписаннаго достаточнымъ числомъ депутатовъ предложенія; обсужденіе было назначено на четвергъ, 24 февраля.

Тѣмъ временемъ, пока депутаты преспокойно держали свои рѣчи, возстаніе росло все шире и шире. На Елисейскихъ поляхъ была уже сдѣлана первая попытка постройки баррикады изъ стульевъ и поваленныхъ деревьевъ. Эти баррикады задержали конную муниципальную гвардію, а демонстрантамъ дали возможность, за недостаткомъ оружія, камнями бомбардировать гвардейцевъ. Такъ, съ минуты на минуту росло озлобленіе съ той и другой стороны. Народъ уже не довольствовался больше насмѣшками и остротами по адресу защитниковъ порядка,—онъ перешелъ теперь къ нападенію.

Недалеко отъ Елисейскихъ полей, въ улицѣ Матиньонъ (Matignon), муниципальные гвардейцы засѣли въ полицейскомъ участкѣ; толпа окружила его, принесла вязанки дровъ, смолы и готовилась поджечь зданіе. Только въ самый послѣдній моментъ отряду муниципальной гвардіи удалось пробиться сюда и спасти засѣвшихъ въ участкѣ.

Картина Парижа теперь быстро мѣнялась. Во многихъ мѣстахъ начали постройку баррикады. Первая изъ нихъ была воздвигнута вблизи площади Согласія, на углу улицъ Риволи (Rivoli) и Св. Флорентина (St. Florentin). Народъ, отступившій подъ натискомъ кавалеріи, принялся вырывать камни изъ мостовой и складывать ихъ въ ряды. Орудіемъ для этой

работы послужила желѣзная рѣшетка, бывшая передъ зданіемъ министерства Гизо; ея заостренныя прутья легко поддались мускулистой рабочей рукѣ. Этими прутьями народъ защищался. ими же онъ разрывалъ и мостовую.

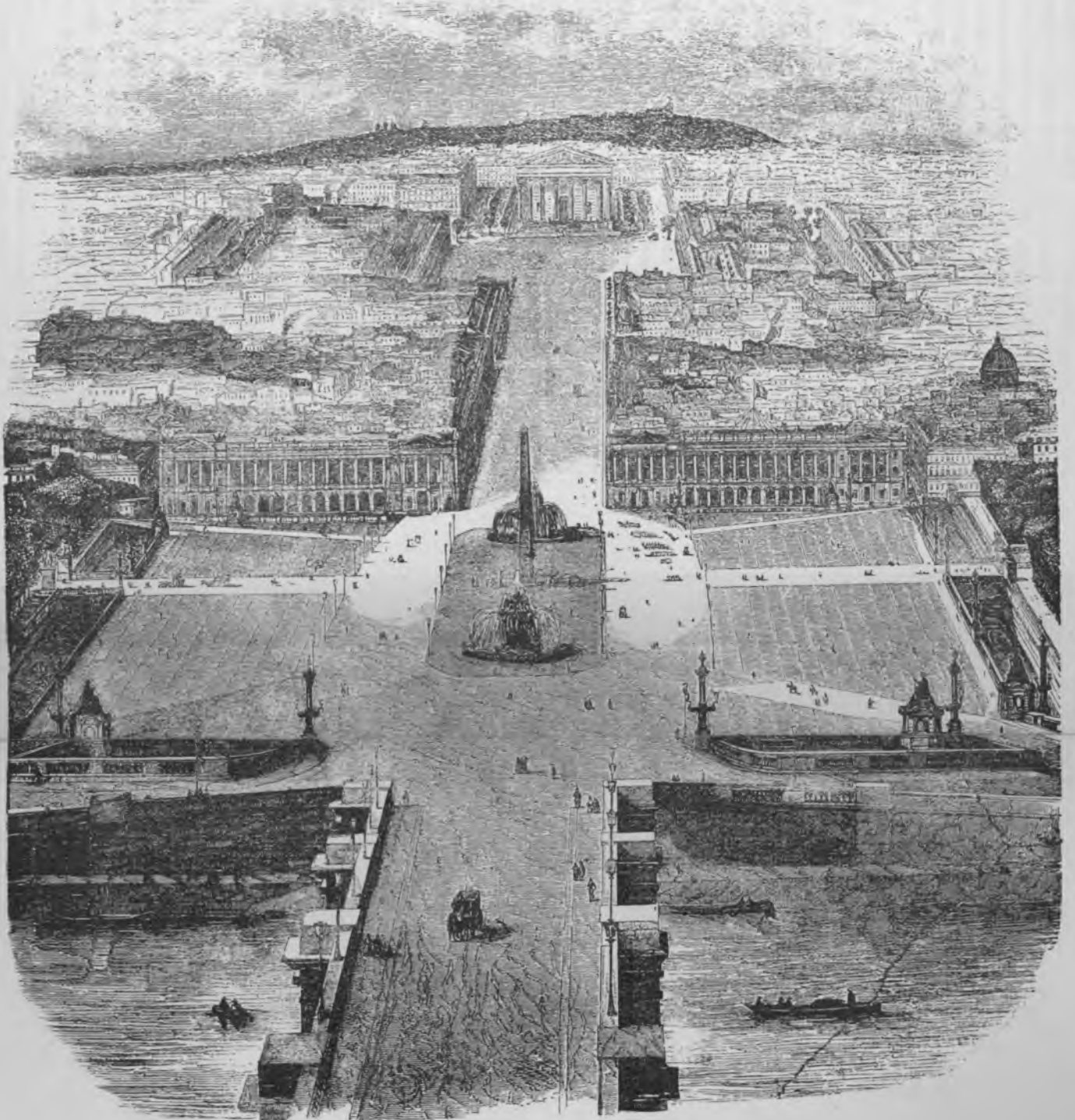
Войска, однако, не дали времени толпѣ укрѣпить эту баррикаду. Ихъ свирѣпый натискъ принудилъ отступить ея защитниковъ. Отбиваясь отъ надвигавшихся на нихъ гвардейцевъ, они должны были отступить по улицѣ Риволи. Около Лувра преслѣдованіе прекратилось, и народъ моментально принялся разрывать мостовую и строить новую баррикаду. Но и она была скоро взята войсками.

Вытѣсняемое постепенно изъ района Тюльерійскаго дворца и площади Согласія, возстаніе сосредоточивалось въ другой части города, которая отнынѣ стала главнымъ театромъ борьбы и гдѣ на слѣдующій день, въ среду 23 февраля, разразились кровавыя битвы. Эта часть расположена между большими бульварами и Сеной; внутри ея находятся Лувръ съ торговыми рядами, городская ратуша и соборъ; она перерѣзывается улицами Монмартръ (Montmartre), Сень-Дени (St. Denis), Сень-Мартенъ (St. Martin), дю-Тамплъ (Du Temple) и другими безчисленными улицами и переулками. Вся эта мѣстность составляла тогда старый Парижъ и была настоящимъ лабиринтомъ перекрестныхъ улицъ, въ которыхъ такъ удобно было скрываться возставшимъ. Въ то время было еще легко укрѣпиться и защищаться въ этой части города. Послѣ полудня 22 февраля на лицо были всѣ признаки, чтобы ожидать крупныхъ революціонныхъ событій. Наиболѣе энергичные элементы народа, дышавшіе жаждой борьбы, послѣдовали и на этотъ разъ старому обычаю: разграбленіемъ оружейныхъ лавокъ они добыли себѣ оружіе. Разграбленіе началось съ оружейной лавки Лепажъ (Lepage), и шло затѣмъ далѣе по улицѣ Ришелье, пока не были разгромлены всѣ желѣзныя и оружейныя лавки указанной нами мѣстности. Такимъ способомъ народъ запасся изряднымъ количествомъ ружей, но у него совсѣмъ не было пороха, такъ какъ догадливое правительство за нѣсколько дней передъ тѣмъ конфисковало всѣ запасы его.

Народъ нашелъ средство и тутъ. Небольшія кучки рабочихъ и вообще людей изъ народа обходили дома, гдѣ жили національные гвардейцы, и требовали выдачи оружія и аммуниціи. Когда имъ вручали то и другое, они на двери отмѣчали мѣломъ: „Оружіе выдано!“, и затѣмъ шли дальше, пока ни была обезоружена почти вся національная гвардія этого округа Парижа.

Къ четыремъ часамъ по полудни были закончены всѣ приготовленія къ борьбѣ; не было больше никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ революціонные элементы парижскаго населенія рѣшились на серьезную борьбу съ правительственными войсками.

Въ Тюльери началось безпокойство; жившіе здѣсь,

Сена

Мостъ Согласія. По средній площади Согласія обелискъ.
 Люхоръ (Лихог). Затѣмъ Королевская улица до церкви
 св. Магдалины.

Сена

Площадь Согласія въ 1848 г.

(Съ высоты птичьего полета).

неспособные и вздорившіе между собой генералы—начальникъ національной гвардіи Жакмино (Jacqueminot) и командующій регулярной арміей Себастіани—только теперь начали понимать всю серьезность положенія. До этого момента въ правительственныхъ кругахъ думали, что все дѣло лишь въ мимолетной вспышкѣ народныхъ страстей. Теперь все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія, долетавшія въ Тюльери изъ окутаннаго туманомъ города, заставили открыть глаза даже самыхъ беззаботныхъ.

Около пяти часовъ пополудни испуганное правительство приказало генералу Себастіани окружить и занять войсками мѣстность, гдѣ сосредоточено было возстаніе. Національную гвардію пока медлили призывать. Раньше въ подобныхъ случаяхъ она всегда пускалась въ дѣло, теперь же были основанія не довѣрять ей. Въ ея рядахъ было очень много противниковъ министерства. Въ концѣ концовъ, однако, въ виду возраставшей съ часу на часъ опасности, и генераль Жакмино рѣшилъ призвать къ оружію „солдатъ-гражданъ“, по крайней мѣрѣ, изъ нѣкоторыхъ надежныхъ, на его взглядъ, округовъ. Но на призывъ этотъ откликнулась лишь крайне незначительная часть національныхъ гвардейцевъ.

Въ шесть часовъ утра въ Парижъ прибыли войска, вызванныя изъ гарнизоновъ ближайшихъ къ Парижу мѣстъ; согласно составленному генераломъ Жераромъ (Gérard) плану, они немедленно же заняли всѣ открытыя мѣста и наиболѣе важные въ стратегическомъ отношеніи пункты столицы. Въ своемъ движеніи они нигдѣ почти не встрѣтили серьезнаго сопротивленія, хотя движеніе ихъ не мало затруднялось и замедлялось разбросанными тамъ и сямъ многочисленными баррикадами.

Наступила темная, мрачная ночь; повстанцы разбили всѣ уличные фонари и разрушили газопроводъ, чтобы темнотою облегчить себѣ разграбленіе оружейныхъ лавокъ и работу на баррикадахъ. Только зарево пожара на Елисейскихъ поляхъ прорѣзывало тусклое небо. Молодежь подохла тамъ скамьи и балаганы и увеселялась этимъ фейерверкомъ. Захватъ оружія происходилъ и въ сѣверной части города, за бульварами,— въ Монсо (Monceaux), Клиши (Clichy) и Батиньоль (Batignolles). Здѣсь и въ эти поздніе часы шло еще разграбленіе лавокъ. Заставы городской таможни (Barrières de l'Etoile) дю Руль (du Roule) и Де Батиньоль (des Batignolles) также были разграблены и сожжены.

Около восьми часовъ произошло кровавое столкновение близъ парка Монсо; со стороны народа пало много смертельно раненыхъ. Это такъ озлобило возставшихъ, что къ одиннадцати часамъ они снова вступили въ бой, но были, однако, снова отброшены.

Послѣ полуночи Парижъ казался совершенно спокойнымъ, и шумъ дневной борьбы смѣнился тишиной. Военная власть сочли поэтому возможнымъ отпустить часть войскъ,

до костей промокшихъ подъ дождемъ; нѣкоторымъ отрядамъ было позволено покинуть свои посты на улицахъ и площадяхъ, гдѣ имъ приходилось стоять по колѣно въ грязи, и нѣсколько часовъ отдохнуть въ казармахъ.

Что же дѣлали въ этотъ рѣшительный моментъ тайныя общества, которыя въ прежніе годы такъ дѣятельно участвовали въ народныхъ движеніяхъ? Всѣ историческія данныя говорятъ за то, что на этотъ разъ они выступали болѣе чѣмъ нерѣшительно. Со времени послѣдняго возстанія въ 1839 году, подготовленнаго обществомъ „Время года“, большинство вождей революціонной республиканской партіи, боровшихся во имя социальнаго преобразованія общества—какъ Бланки, Барбе, Мартэнъ Бернаръ, сидѣли по тюрьмамъ, и многіе изъ числа наиболѣе преданныхъ и смѣлыхъ соратниковъ ихъ пали въ борьбѣ. Изъ руководителей, могшихъ еще дѣйствовать въ февралѣ 1848 года, оставались лишь люди посредственные, которые не были въ состояніи ни предвидѣть послѣдствій даннаго положенія вещей, ни рискнуть отвѣтственностью за энергичное и смѣлое вмѣшательство въ ходъ событій.

Люсьенъ де-ля-Оддъ (L. de la Hodde), писатель, бывший въ тридцатыхъ годахъ членомъ тайнаго общества, а позднѣе продавшійся полиціи, рассказываетъ въ своихъ запискахъ о „республиканской партіи и тайныхъ обществахъ“, что общество, къ которому онъ принадлежалъ, получило отъ своего центра распоряженіе не трогаться съ мѣста: такъ мало вѣрили вожди его въ успѣхъ возстанія.

Если довѣрять его словамъ, высшіе руководители этого общества, именно *Маркъ Коссидьеръ* (Marc Caussidière), ставшій позднѣе префектомъ полиціи, и *Альберъ* (Albert), позднѣе членъ временнаго правительства,—оба они заявляли въ тотъ моментъ, когда были сдѣланы первыя попытки постройки баррикадъ на улицѣ Сенъ-Оноре: „Все это нельзя принимать въ серъезъ. Мы видимъ людей, но не слышимъ еще выстрѣловъ“.

Де-ля-Оддъ рассказываетъ затѣмъ, что вечеромъ, 22-го февраля вожди „Время года“ устроили совѣшаніе, чтобы рѣшить окончательно, какой тактики имъ держаться при данныхъ условіяхъ и дальнѣйшихъ событіяхъ. Пришли, однако, лишь къ рѣшенію снова собраться на слѣдующій день на бульварѣ Сенъ-Мартенъ и дѣйствовать затѣмъ сообразно съ обстоятельствами.

По сообщеніямъ того же Де-ля-Одда, часть членовъ этого тайнаго общества оказала все-таки рѣшительное вліяніе въ начальныхъ стадіяхъ возстанія. Эта группа членовъ общества, именовавшаяся „диссидентами“, должна была утромъ 22-го февраля употребить всю свою энергію, чтобы удержать рабочихъ итти въ этотъ день въ мастерскія; они уговорили рабочихъ совмѣстно съ революціонерами двинуться изъ предмѣстій къ центру города. „Безъ инициативы этихъ негодяевъ,—говоритъ Де-ля-Оддъ,—въ Парижѣ, на мой взглядъ, не произошло бы возмущенія“.

Мы не можемъ теперь провѣрить истинность этихъ показаній полицейскаго шпіона. Если имъ вѣрить, то придется признать, что народное возстаніе 1848 года обязано небольшою кучкѣ членовъ тайнаго общества, дѣйствовавшихъ вопреки распоряженіямъ своихъ вождей.

Въ среду 23-го февраля, погода была еще хуже, чѣмъ наканунѣ; все небо было покрыто густыми тучами, посылавшими на землю безконечные потоки дождя.

Къ семи часамъ утра войска опять заняли тѣ площади и улицы, которыя были покинуты ими послѣ полуночи. Такимъ образомъ, всѣ важные въ стратегическомъ отношеніи пункты столицы были заняты вооруженной силой, значительно подкрѣпленной еще новыми отрядами изъ окрестныхъ мѣстъ. Передъ городской ратушей, при пересѣченіи важнѣйшихъ улицъ, у мостовъ и т. п. были поставлены батареи *).

Этой силой правительство надѣялось запугать народъ, но оно ошиблось въ своихъ расчетахъ. Утромъ 23-го февраля рабочій народъ, пролетаріатъ Парижа, снова всталъ на борьбу. Поддержанный частью мелкой буржуазіи, пролетаріатъ жертвовалъ своей жизнью за дѣло, которое не было непосредственно его собственнымъ дѣломъ, но оно, по мнѣнію пролетаріата, стоило борьбы, потому что въ немъ была часть того, что великая революція провозгласила подъ именемъ всеобщихъ правъ человѣка и гражданина.

Уже съ ранняго утра въ центрѣ города потянулись отряды возставшихъ. Еще и теперь большая часть борцовъ-пролетаріевъ шла безъ всякаго оружія. Вооруженные тутъ же принимались за работу: разворачивали мостовыя. сваливали телеги и деревья и строили изъ этого матеріала баррикады; другая

*) Гизо даетъ слѣдующія цифры относительно войскъ, находившихся въ Парижѣ въ февралѣ 1848 г. («Memoires», т. VIII, стр. 575):

43 батальона пѣхоты, по 500 человѣкъ	21,500 чел.
20 эскадроновъ кавалеріи (драгунъ, кирасиръ, егерей), по 100 ч.	2,000 »
1 рота конныхъ жандармовъ.	200 »
27 батарей артиллеріи	3,000 »
3 роты саперовъ (pioniere).	450 »
4 роты унтеръ-офицеровъ сверхсрочной службы	400 »
5 ротъ пожарной команды	500 »
1 рота нестроевыхъ	150 »
1 эскадронъ обоза	200 »

28,400 чел.

Кромѣ того:

2 батальона пѣшей муниципальной гвардіи (городская полиція).	2,000 »
5 эскадронъ конной	600 »

Всего 31,000 чел.

Съ своей стороны правительство сдѣлало самыя обширныя приготовленія, чтобы избѣжать «пораженія», какъ въ іюлѣ 1830 года. И если монархія, не смотря на это, все-таки пала, то причина этого лежитъ не въ недостаткѣ войскъ.

Стягиваніе въ столицу войскъ происходило у всѣхъ на глазахъ, и этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить тотъ ужасъ радикаловъ и руководителей тайныхъ обществъ, который помѣшалъ имъ поддерживать движеніе.

часть, не имѣвшая оружія, бросилась въ лавки и дома и забирала все, что могло пригодиться въ предстоящей борьбѣ.

Вскорѣ открылись и военныя дѣйствія. Въ началѣ борьба шла почти безъ пролитія крови. Повстанцы ограничивались лишь тѣмъ, что всячески надсмѣхались надъ солдатами и нападали на отдѣльные посты. Что касается войскъ, то въ нихъ замѣчался уже значительный упадокъ духа. Большинство солдатъ должны были провести почти всю ночь подъ дождемъ и безъ пищи; ледяной вѣтеръ пронизывалъ ихъ до костей, и они не чувствовали особеннаго желанія проливать кровь за правительство, которое проявляетъ такъ мало заботъ о нихъ. Вообще нужно сказать, что правительство не пользовалось популярностью въ арміи. Радикальные листки, вышедшіе 23-го февраля, не дѣлали ни малѣйшихъ нападокъ на армію, они обрушивались на варварски-жестокою муниципальную гвардію (городскую полицію). Какъ только повстанцы замѣтили, какое настроеніе господствовало среди солдатъ, они инстинктивно примѣнили къ нимъ ту же самую тактику, что и газеты, и это произвело должное впечатлѣніе на значительную часть войскъ. Встрѣчая всюду съ ненавистью муниципальную гвардію, народъ неизмѣнно привѣтствовалъ регулярныя войска криками: „Да здравствуетъ армія!“. Солдаты, конечно, не были нечувствительны къ этимъ проявленіямъ симпатіи со стороны народа, они не особенно торопились, когда имъ приходилось дѣйствовать противъ него оружіемъ и всюду старались предоставить борьбу муниципальнымъ гвардейцамъ.

Возстаніе тѣмъ временемъ все росло и росло. Парижъ не отдавалъ своихъ баррикадъ безъ серьезнаго сопротивленія и, какъ только войска отходили, онъ снова становился на свои позиціи. Къ десяти часамъ стычки происходили уже во многихъ мѣстахъ, особенно же на площади у театра Шатлэ (Châtelet), гдѣ былъ убитъ командиръ отряда, затѣмъ на улицахъ С.-Дени, С.-Мартень, С.-Оноре, Дю-Руль, Каррефуръ — Пуассоньеръ (Carrefour-Poissonnière) и др. Народъ все болѣе и болѣе подвигался къ указанному уже выше революціонному центру, куда войска и могли иногда проникнуть, но укрѣпиться тамъ не имѣли никакой возможности. Мѣстами были слышны даже пушечныя выстрѣлы.

Особенно жаркой и славной для инсургентовъ была борьба на улицахъ Рамбюто (Rambuteau) и Бобуръ (Beaubourg); они стойко выдержали здѣсь непріятельскій огонь.

Не смотря, однако, на все геройство, эта неравная борьба, которая не могла, вѣдь, продолжаться вѣчно, кончилась бы, навѣрное, пораженіемъ народа, если бы не одно обстоятельство, которое снова подняло постепенно угасавшее пламя возстанія, именно, поведеніе національной гвардіи, ряды которой пополнялись, какъ мы уже замѣтили раньше, главнымъ образомъ представителями средней буржуазіи. Въ этотъ день, какъ и наканунѣ, національные гвардейцы получили приказъ рано утромъ явиться къ сбору; но они не особенно торопились, и

Национальная гвардия защищает народъ отъ натиска кирасиръ
на площади Побѣды.

въ сборномъ пунктѣ многихъ изъ нихъ недоставало. Крупная буржуазія не любитъ, чтобы мѣшали ея удовольствіямъ, она не любитъ къ тому же запаха пороха—и его она высыпала, кстати сказать, изъ своихъ охотничьихъ патронташей; она то, именно, и осталась по домамъ. Большинство явившихся на зовъ батальоновъ національной гвардіи единогласно заявили, что они ни въ коемъ случаѣ не намѣрены защищать политику правительства.

И вотъ первое же выступленіе этихъ батальоновъ произошло съ тѣмъ же самымъ лозунгомъ, который выбралъ и народъ своимъ боевымъ кличемъ: „Да здравствуетъ реформа! Долой Гизо!“.

Судя по запискамъ Де-ля-Оддъ, такое поведеніе національной гвардіи было результатомъ дѣятельности прогрессивныхъ республиканцевъ. Онъ рассказываетъ, что Флоконъ (Flocon), придя въ 10 часовъ утра въ редакцію газеты „Réforme“ (Реформа), воскликнулъ: „Мы всѣ должны теперь надѣть свои мундиры національныхъ гвардейцевъ, затѣмъ пойти въ мэрию и съ возгласомъ „да здравствуетъ реформа!“ встать во главѣ отрядовъ и всюду пытаться выступать посредниками между народомъ и войсками“.

Весьма возможно, что республиканцы примѣнили именно эту тактику. Конечно, этого недостаточно было для того, чтобы привлечь на свою сторону національную гвардію; существенную роль сыграло то обстоятельство, что средняя буржуазія сама по себѣ была на сторонѣ движенія.

Гражданская милиція не только сама не вступала въ борьбу, но и помѣшала обостренію этой борьбы. Она двигалась по улицамъ, и всюду слышались ея возгласы: „Да здравствуетъ реформа! Долой избирательную систему!“ Около двухъ часовъ пополудни одинъ изъ легіоновъ національной гвардіи отправился къ палатѣ депутатовъ, чтобы передать тамъ петицію съ требованіемъ отставки Гизо и преданія его суду. Недалеко отъ королевскаго дворца, на площади Побѣдъ (Place des Victoires), другой легіонъ выступилъ противъ отряда кирасиръ, которые съ шашками наголо были готовы броситься на народъ. Въ другомъ мѣстѣ національная гвардія не дала муниципальнымъ гвардейцамъ арестовать повстанцевъ и принудила муниципальную гвардію къ отступленію.

Такое поведеніе національной гвардіи смутило войска. Привыкшіе за эти восемнадцать лѣтъ видѣть національную гвардію рядомъ съ собой, когда приходилось усмирять бунтовщиковъ, войска теперь слышали отъ нихъ тотъ же самый боевой кличъ, какой одушевлялъ и возставшій народъ. Это еще больше отбило у нихъ охоту къ борьбѣ. Въ послѣднемъ томѣ „Исторіи іюльской монархіи“ Тюро-Данженъ (Thureau-Dangin) приводитъ слѣдующій характерный разговоръ между начальникомъ легіона національной гвардіи и батальоннымъ командиромъ пѣхоты:—„Что Вы будете дѣлать, когда сюда подойдетъ народная толпа?“ спросилъ первый изъ нихъ.—„Я буду

дѣлать то, что Вы“, отвѣчалъ тотъ.— „Я на нее не буду нападать“.— „И я поступлю такъ же“.

Король до сихъ поръ относился къ возстанію лишь съ гордымъ презрѣніемъ. Онъ не думалъ о его серьезности и отдѣлывался лишь шутливыми замѣчаніями по поводу этого „волненія“. Сдувая песокъ съ какого-то только что написаннаго приказа, онъ замѣтилъ: „Если бы я захотѣлъ, я могъ бы ихъ распылить такъ же, какъ вотъ этотъ песокъ!“.

Но когда послѣ полудня 23 февраля стали получаться одно за другимъ тревожныя извѣстія объ отпаденіи національной гвардіи, король потерялъ голову. Онъ всегда надѣялся на свою избранную гражданскую милицію. Теперь она показала, что онъ для нея больше не герой, и онъ совсѣмъ растерялся. Всѣ придворные были страшно встревожены. Золотой корабль, на которомъ они съ такимъ удобствомъ устроились въ эти восемнадцать лѣтъ, далъ течь. Имъ оставалась лишь одна надежда. Они думали, что ненависть народа направлена главнымъ образомъ противъ Гизо, и что корабль іюльской монархіи прекрасно удержится на поверхности, если только Гизо будетъ выброшенъ за бортъ. Но когда послѣдній былъ принятъ королемъ, они не рѣшились сказать ему это прямо и для этой цѣли воспользовались посредничествомъ королевы. Королева доходила до изступленія отъ одной мысли, что мужъ ея можетъ потерять свою корону, и потому она согласилась выполнить ихъ планъ. Въ два часа къ королю прибылъ съ докладомъ министръ Дюшатель. Увидѣвъ его, королева всплакнула: „Если господинъ Гизо хочетъ доказать свою преданность намъ, пусть онъ ни минуты не остается на своемъ посту. Онъ готовитъ гибель королю!“.

Дюшатель сдѣлалъ гримасу, какую дѣлаетъ человѣкъ, подъ ногами котораго вдругъ разверзлась пропасть, и безъ слова возраженія отправился отыскивать Гизо. Онъ засталъ его у короля который уступилъ настояніямъ королевы и, страшно смущенный, излагалъ Гизо основанія, почему тотъ долженъ подать въ отставку. Министру, приведшему іюльскую монархію на край гибели, ничего больше не оставалось, какъ повиноваться.

Между тѣмъ и депутаты въ палатѣ потеряли свое показное спокойствіе; ими овладѣло лихорадочное возбужденіе и страхъ передъ грядущими событіями. Въ половинѣ второго пополудни собралась палата, и на трибуну взошелъ депутатъ Парижа Вавэнъ (Vavin), чтобы сдѣлать министерству запросъ по поводу столь поздней мобилизаціи національной гвардіи. Гизо въ тотъ моментъ въ палатѣ еще не было, и съ отвѣтомъ пришлось потерпѣть до его прихода. Но вотъ прибылъ и онъ. Онъ шелъ какъ-то нетвердо и криво, какъ человѣкъ, силы котораго подкошены ударомъ; лицо его было блѣдно и разстроено. Неторопясь вошелъ онъ на трибуну и сказалъ: „Господа! Мнѣ кажется, что вы выбрали не подходящий моментъ для обсуждения этого запроса“. Его прервали рѣзкіе протесты со скамей оппозиціи. „Король“, продолжалъ онъ, „только что пригласилъ графа Моле (Molé), чтобы поручить ему“... Поведеніе оппозиціи

моментально измѣнилось и, вмѣсто крика протестовъ, залъ наполнился шумомъ ликования. Безпокойство овладѣло тогда другой стороной палаты — правительственнымъ большинствомъ. Но Гизо нашелъ силы для своихъ вѣрныхъ друзей, крикнувъ имъ: „Но кто же вамъ сказалъ, что король хочетъ разстаться съ министерствомъ?“. Послѣ словесной стычки засѣданіе палаты было отложено до слѣдующаго дня.

Но прежде, чѣмъ они успѣли покинуть зданіе палаты, люди, жаждавшіе мира, разослали повсюду гонцовъ съ извѣстіемъ о паденіи кабинета; это было около трехъ часовъ. Однако, рабочій народъ принялъ эту вѣсть съ полнымъ равнодушіемъ: у него было столь же мало симпатій къ Моле, какъ и къ Гизо. Народъ сказалъ самому себѣ, что такой успѣхъ не стоитъ жертвъ борьбы, и рѣшилъ, что этимъ не можетъ кончиться дѣло. Напротивъ, средняя буржуазія увидѣла въ смѣнѣ министерства залогъ предстоящей реформы. Ея радости не было конца, и въ упоеніи одержанной побѣдой она иллюминировала къ ночи свои дома. Республиканцы и другіе революціонные элементы приняли извѣстіе о смѣнѣ министерства съ едва скрываемой досадой; они тотчасъ же замѣтили, что эта, сама по себѣ пустячная, уступка со стороны короны легко можетъ положить конецъ борьбѣ, принявшей для нихъ столь желательный оборотъ. Для предотвращенія этого они рѣшили остаться подъ ружьемъ, чтобы быть готовыми къ борьбѣ каждую минуту; по городу они устроили шествіе съ факелами и знаменами. На многихъ углахъ были расклеены прокламаціи, начало которыхъ гласило: „Моле или Тьеръ—это для насъ все равно!“

Борьба продолжится—это было очевидно; нерѣшительность объяснялась лишь тѣмъ, что не знали, какъ и чѣмъ можетъ быть подогрѣта эта борьба. По словамъ Де-ла-Одда, вожди тайныхъ обществъ рѣшили продолжать борьбу, но среди нихъ не было согласія какъ относительно мѣста, такъ и относительно лозунга ея.

Въ этотъ-то важный моментъ случилось одно изъ тѣхъ непосредственныхъ событій, которыя въ жизни народовъ играютъ нерѣдко рѣшающую роль; оно дало народному движенію новый и мощный толчекъ. Многіе историки революціи 1848 года видятъ въ этомъ событіи проявленіе дѣятельности революціонныхъ партій; Ламартинъ, давшій слишкомъ большой просторъ поэтической фантазіи въ своей „Исторіи революціи 1848 года“, написалъ по поводу этого событія прямо-таки романическую главу. Намъ же кажется болѣе правильнымъ видѣть въ немъ результатъ стеченія многихъ, независящихъ другъ отъ друга обстоятельствъ. Можно, впрочемъ, утверждать, что это событіе сыграло роль лишь внѣшняго толчка для дальнѣйшаго движенія, снесшаго іюльскую монархію, такъ какъ многіе еще и не думали прекращать борьбу. Послѣ ухода солдатъ въ казармы, большая часть баррикадъ была покинута народомъ, но такъ было не вездѣ; напримѣръ, въ предмѣстьѣ Сенъ-Дени баррикады оставались въ цѣлости,

Бульваръ Капуциновъ въ 1848 г.

Убитыхъ на бульварѣ Капуциновъ возятъ по Парижу.

и прилегающей мѣстности. Изъ многихъ тысячъ грудей одно временно раздался призывъ къ мести: „Къ оружію! На баррикады! Убиваютъ нашихъ братьевъ!“ Офицеры и солдаты четырнадцатаго пѣхотнаго полка, имѣвшіе смутное представление о страшныхъ послѣдствіяхъ своего поступка, вернулись обратно къ мѣсту столкновенія и пытались объяснить толпѣ, что все дѣло вышло изъ-за пустого недоразумѣнія. Но народъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Онъ чуть было не убилъ на мѣстѣ офицера, который отважился выступить парламентаремъ.

Въ этотъ моментъ мимопроѣзжала телѣга. предназначенная для отправки переселенцевъ на Руанскій вокзалъ. Инстинктивно цѣлыя дюжины рукъ ухватились за нее и нагроутили ее тѣлами убитыхъ. Ряды рабочихъ, съ изможденными лицами, окружили освѣщенную скуднымъ свѣтомъ факеловъ телѣгу, другіе взобрались на нее, и печальный corteжъ тронулся въ путь. Стоявшіе въ телѣгѣ на своихъ рукахъ поднимали вверхъ трупы убитыхъ, чтобы показать ихъ народу; среди нихъ былъ весь облитый кровью трупъ женщины. „Местъ! Местъ!“ раздавалось вокругъ печальной колесницы. „Местъ! Убиваютъ народъ! Убиваютъ нашихъ братьевъ! Къ оружію! На баррикады!“ Живой откликъ находилъ этотъ призывъ въ возмущенномъ и озлобленномъ народѣ: „Смерть убійцамъ! Къ оружію! На баррикады!“

Неясный гулъ наполнялъ теперь воздухъ; глухой звонъ колоколовъ смѣшался съ барабаннымъ боемъ: то были призывные звуки къ борьбѣ. Была слышна уже и сама борьба. Во многихъ мѣстахъ слышались выстрѣлы. Ружейные залпы на площади Капуциновъ снова раздули пламя борьбы. Битва шла на улицѣ Дю-Тамплъ (du-Temple), гдѣ народъ соорудилъ громадную баррикаду. Сторожевой постъ при Институтѣ Наукъ и Промышленности былъ взятъ приступомъ и сожженъ. Затѣмъ, была взята находящаяся всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Тюльери казарма, изъ которой была изгнана муниципальная гвардія. Опасность угрожала и площади, на которую выходилъ Королевскій дворецъ (Palais Royal). Здѣсь еще не было борьбы, но къ ней уже готовились. Съ стѣнныхъ желобовъ срывали свинецъ, чтобы изъ него выливать пули. Не взирая на сильный дождь и леденящій вѣтеръ, народъ, не покладая рукъ, работалъ, чтобы успѣть соорудить по всѣмъ улицамъ почти неприступныя баррикады.

Облитая кровью телѣга съ трупами убитыхъ все еще совершала по улицамъ свой путь и всюду собирала мстителей-борцовъ. Когда она двигалась мимо редакціи „National'я“, одинъ изъ сотрудинокъ газеты, депутатъ Гарнье-Паже, сказалъ нѣсколько словъ сопровождавшимъ телѣгу. Онъ просилъ ихъ мирно разойтись по домамъ, и рѣшеніе этого кроваваго дѣла передоставить суду и парламентскому слѣдствію, но слушатели были глухи къ подобнымъ рѣчамъ.

Далѣе телѣга проѣхала, по кварталамъ Сень-Дени Пуассонь-

ерь и Монмартръ, снова мимо редакціи газеты „Reforme“, гдѣ было сказано нѣсколько сильныхъ агитаціонныхъ рѣчей, и, наконецъ, черезъ торговые ряды; только около двухъ часовъ утра тѣла убитыхъ были положены въ мэриіи четвертаго городского округа.

Такъ кончился второй день борьбы, день 23 февраля, страшнымъ, непреоборимымъ возстаніемъ народа. Всю ночь съ 23 на 24 февраля были освѣщены окна даже самыхъ жалкихъ хижинъ рабочихъ кварталовъ Парижа; мужчины готовили себѣ оружіе, а женщины и дѣти лили изъ свинца. снятаго съ оконныхъ наличниковъ, пули, которыми будетъ на слѣдующій день разбитъ іюльскій тронъ.

ГЛАВА IV.

24 Февраля.—Бюжо (Bugeaud)—главнокомандующій войсками.—Однодневное правительство Тьера.—Планъ нападенія.—Его выполнение.—Побѣда народа и деморализація войскъ.—Попытка внести успокоеніе.—Взятіе городской ратуши.—Король въ Тюльери.—Борьба на Королевской площади.—Отреченіе отъ престола.—Республика въ городской ратушѣ.—Бѣгство іюльскаго короля.

Въ Тюльери въ эту ночь никто не спалъ. Король ожидалъ извѣстій отъ графа *Моле*, которому онъ поручилъ составить новый кабинетъ, но графъ все еще подыскивалъ подходящихъ людей для образованія примирительнаго министерства; въ этотъ моментъ до него дошло извѣстіе о кровавой банѣ на бульварѣ Капуциновъ и онъ сразу понялъ, что теперь о примиреніи не можетъ быть и рѣчи. Онъ сообщилъ королю, что отказывается отъ составленія кабинета и возвращаетъ данныя ему полномочія.

Король былъ такъ взволнованъ, что совершенно лишился способности соображать. До его уха долеталъ глухой набатный звонъ колокола съ башни Сень-Жерменской церкви, того колокола, который 275 лѣтъ тому назадъ далъ первый сигналъ къ началу страшной Варѳоломеевской ночи (23/24 августа 1572 года), къ фанатическому избіенію протестантовъ. Къ этому звону колоколовъ примѣшивался глухой шумъ борьбы, кипѣвшей тутъ же—не вдалекѣ отъ Тюльери.

Только теперь, наконецъ, около полуночи онъ увидѣлъ, что далѣе невозможно противиться уступкамъ, которыхъ онъ еще въ этотъ вечеръ не хотѣлъ сдѣлать. Луи Филиппъ рѣшилъ образовать кабинетъ реформъ и поручить составленіе его *Тьеру*, вождю лѣваго центра; король зналъ, что это—одинъ изъ самыхъ реакціонныхъ членовъ оппозиціи.

При всей пустячности такой уступки, онъ не хотѣлъ все-таки оставить этотъ новый кабинетъ реформъ безъ надлежащаго противовѣса. Этимъ противовѣсомъ явился извѣстный своимъ завзятымъ консерватизмомъ маршалъ *Бюжо* (Bugeaud), назначенный главнокомандующимъ всѣхъ, дѣйствовавшихъ въ Парижѣ, войскъ. Король проглядѣлъ то обстоятельство, что народъ ненавидѣлъ маршала и считалъ его отвѣтственнымъ за ту кровавую бойню, которая была устроена войсками на улицѣ Трансонэнъ (Transeauin) 18 апрѣля 1834 года. Поэтому вожди возстанія приняли назначеніе Бюжо, какъ угрозу со сто-

роны короля, а назначеніе кабинета Тьера-Барро было въ ихъ глазахъ лишь простымъ шахматнымъ ходомъ. „Если король хочетъ примиренія съ народомъ, — слышалось всюду, — зачѣмъ тогда понадобился ему Бюжо, убійца? Онъ поставленъ противъ насъ, — значитъ будетъ борьба на жизнь и смерть. Граждане, будьте готовы къ борьбѣ!“

Въ два часа утра Тьеръ получилъ приглашеніе отъ короля явиться въ Тюльери. Было уже три часа, пока онъ добрался туда, потому что путь былъ прегражденъ массой баррикадъ и, чтобы пройти дальше, ему приходилось передъ каждой баррикадой вступать въ переговоры. Съ королемъ онъ долго бесѣдовалъ съ глазу-на-глазъ. Въ концѣ концовъ они сговорились, и Тьеръ получилъ полномочія составить новое министерство изъ представителей умѣренной оппозиціи.

Извѣстіе о своемъ назначеніи главнокомандующій Бюжо получилъ также очень поздно и только не задолго передъ Тьеромъ онъ успѣлъ побывать въ Тюльери; онъ только что принялъ командованіе. Его рѣшительность подняла нѣсколько духъ офицеровъ генеральнаго штаба, приунывшихъ было совсѣмъ. Бюжо преподалъ имъ правила тактики уличной борьбы и указалъ наилучшіе приемы, съ помощью которыхъ можно подавить возстаніе. „Въ четыре часа должна всюду начаться борьба“, воскликнулъ онъ. „До сихъ поръ я еще не былъ ни разу побитъ и теперь, надѣюсь, что я не потеряю своей чести“.

Спѣшно былъ набросанъ планъ борьбы. Должны быть образованы четыре отряда. Первый изъ нихъ, подъ командой генерала Себастьяни, долженъ двигаться отъ Французскаго банка, черезъ улицы Монмартръ Сень-Дени. Сень-Мартенъ — къ городской ратушѣ. Второй, подъ командой генерала Бедо (Bedeau), долженъ отъ биржи, черезъ бульвары проникнуть на площадь Бастиліи. Третій долженъ былъ дѣйствовать сзади первыхъ двухъ, чтобы препятствовать постройкѣ баррикадъ за ихъ спиной и, наконецъ, четвертый — итти отъ лѣваго берега Сены къ Пантеону. Національной гвардіи въ этомъ планѣ не было предоставлено никакой роли, она уже не пользовалась больше довѣріемъ.

Когда Тьеръ, послѣ переговоровъ съ королемъ, случайно встрѣтилъ маршала во дворѣ Тюльери, послѣдній выразилъ свое недовольство по поводу малаго количества предоставленныхъ въ его распоряженіе войскъ, которыхъ оказалось всего лишь 16000 человекъ, а не 31000, какъ его увѣряли *). Но и съ 16000 онъ надѣется быстро подавить возстаніе, если же этому не суждено случится, то „я все-таки буду имѣть удовольствіе перестрѣлять множество этихъ каналовъ, хоть это — по крайней мѣрѣ“ — добавилъ онъ съ наглой усмѣшкой.

Выполненіе боевого плана, однако, задержалось часа на

*) Значительная часть войскъ была уже отрѣзана отъ центра, за тѣмъ — много было разбросано по отдаленнымъ сторожевымъ постамъ.

довъ, занявшихъ подъ командой генерала До (Duhof) и полковника Вандерэkena (Vanderoeken) площадь Бастиліи; онъ узналъ, наконецъ, что пришлось разобрать находящійся за Венсенскимъ (Vincennes) фортомъ складъ военныхъ припасовъ, чтобы онъ не попалъ въ руки народа, который овладѣлъ уже почти всѣми мѣрями.

Въ виду все возрастающей съ часу на часъ опасности и маршалъ сталъ терять свою первоначальную увѣренность. Онъ увидѣлъ, что съ парижскимъ населеніемъ не такъ легко справиться, какъ съ племенами бедуиновъ въ Африкѣ.

Парижская буржуазія стала играть передъ нимъ ту же посредническую роль, какую выполняла она еще наканунѣ между народомъ и войсками. Она поставила ему на видъ, что тронъ Луи Филиппа, спасенный только одной массовой бойней, будетъ навѣки запятнанъ несмываемымъ позоромъ; этимъ онъ возбудитъ противъ себя только злобу и месть народа. Все это было не страшно для маршала, но вотъ явился къ нему Фовель-Делябаръ весь красный и потный отъ быстрой ходьбы. „Если будетъ сдѣланъ еще хоть одинъ выстрѣлъ,—чуть не прокричалъ онъ,—то все будетъ потеряно, примиреніе станетъ невозможнымъ, и Парижъ потонетъ въ крови!“

Окружающіе сначала было возмутились такимъ безцеремоннымъ способомъ разговора съ маршаломъ Франціи, самъ Бюжо отвѣтилъ ему также въ повышенномъ тонѣ, но голоса многихъ присутствовавшихъ здѣсь гражданъ, поддержали посланца.

Упорство Бюжо было поколеблено, и онъ, вмѣстѣ съ герцогомъ Немурскимъ (Nemours), вышелъ въ сосѣдную комнату. Что они тамъ толковали, осталось неизвѣстнымъ. Очевидно, однако, что они пришли къ выводу, что возможность побѣды съ теченіемъ времени уменьшается все болѣе и болѣе; войска на столько деморализованы, что безъ всякаго сопротивленія отдадутъ въ руки народа даже казармы и намѣренно отступленію отряду Бедо — это значило безплодно пожертвовать имъ. Если бы даже и удалось этому отряду разрушить и взять всѣ баррикады на пути къ площади Бастиліи, то уменьшенный въ десять разъ, онъ нашелъ бы на этой площади лишь повстанцевъ, а не генерала Дюо; отрядъ оказался бы тогда въ самомъ центрѣ kloчущей революціи, имѣя передъ собой Сенъ-Антуанское предмѣстье, которое приготовило бы ему гибель. Да и можно ли было вообще разсчитывать на войска?

Подавить возстаніе силою оружія было почти невозможно, осталось лишь одно, послѣднее средство: подъ видомъ уступокъ со стороны короля надѣтъ маску примиренія съ народомъ. Въ этомъ смыслѣ Бюжо и рѣшилъ дѣйствовать. Онъ отдалъ приказъ своимъ генераламъ: „Заявите, что военныя дѣйствія прекращаются и національной гвардіи передается дѣло военной охраны. Вооружитесь духомъ кротости и примиренія“.

Между тѣмъ Бедо со своимъ отрядомъ все еще неподвижно стоялъ на бульварѣ.

Ничто такъ не разрушало боевого настроенія солдатъ и тисковъ дисциплины, какъ именно подобныя остановки. Войска были окружены толпой народа, который взывалъ о мирѣ и называлъ позорнымъ преступленіемъ борьбу противъ народа. Наконецъ, вернулся Фавель-Делябаръ и тотчасъ же поспѣшилъ къ Бедо, чтобы передать ему распоряженія маршала. Это былъ приказъ объ отступленіи. Народъ тутъ же сталъ браться съ войсками, и отъ дисциплины не осталось и слѣда.

Извѣстія о неудержимомъ потокѣ возстанія, пришедшія въ генеральный штабъ послѣ одиннадцати часовъ, все болѣе увеличивали его смущеніе. Было рѣшено сдѣлать шаги къ примиренію. Одилону Барро и генералу Ламорисьеру (Lamoricière), популярному среди населенія, было поручено успокоить народъ.

Оба они пустились въ путь: Ламорисьеръ—въ центральныя части города, очагъ возстанія, Барро—вдоль бульваровъ. Вождь буржуазной оппозиціи скоро, однако, почувствовалъ, что въ народѣ уже не было къ ней ни малѣйшей симпатіи. Еще день тому назадъ его встрѣчали привѣтствіями, теперь же при его появленіи слышался глухой ропотъ, который скоро перешелъ въ открытыя угрозы. Съ той самой баррикады, передъ которой долженъ былъ остановиться Бедо и гдѣ теперь развѣвалось громадное красное знамя, онъ услышалъ громкіе возгласы: „Долой Тьера, долой Барро; долой Луи Филиппа!“ Барро Быстро поспѣшилъ убраться отсюда со всей своей свитой оппозиціонеровъ буржуазнаго лагеря, когда дула ружей баррикадныхъ борцовъ были направлены на нихъ *).

Такимъ образомъ, нельзя было уже ничѣмъ остановить побѣднаго шествія революціи, и желѣзное кольцо ея замыкалось все уже и уже вокругъ королевскаго замка. Не

*) Газета «Reforme», редакція которой служила главнымъ штабомъ прогрессивныхъ республиканцевъ, выпустила въ этотъ моментъ листокъ въ отвѣтъ на объявленіе объ образованіи примирительнаго министерства Тьера-Барро; крупными буквами на немъ была написана всего двѣ фразы:

«Граждане, Луи Филиппъ велитъ убивать васъ, какъ нѣкогда Карлъ Десятый. Такъ пусть же онъ и отправляется къ Карлу Десятому!»

Имя человѣка, которому было поручено изготвить эту прокламацію,—Пьеръ Жозефъ Прудонъ. Въ письмѣ къ одному другу, помѣченномъ 25-го февраля 1848 года, Прудонъ въ нѣсколько ироническомъ тонѣ говорить объ этомъ фактѣ, а также о томъ участіи, которое онъ вообще принималъ въ событіяхъ этого замѣчательнаго дня. Кромѣ составленія фразы для этой прокламаціи онъ признаетъ себя «повиннымъ въ сваливаніи дерева на площади Биржи, въ разрушеніи периль на бульварѣ Bonne Nouvelle и въ заготовкѣ камней для постройки баррикадъ». Такъ стремительный потокъ движенія могъ захватить даже человѣка, подобнаго Прудону, который въ томъ же самомъ письмѣ заявляетъ, что считаетъ нищенскими всѣ тѣ политическія «блага», изъ-за которыхъ велась борьба. Прудонъ, впрочемъ, полагаетъ, что достаточно было десятка тысячъ солдатъ, дѣйствительно преданныхъ своему долгу, для того, чтобы подавить возстаніе, не смотря на мужество, которое проявили въ немъ рабочіе. Деморализація, охватившая ряды власти имущихъ и самую армію,—вотъ что рѣшило дѣло. Онъ, Прудонъ, готовился уже къ второй Вандемьерѣ (Vendémiaire;—неудавшееся возстаніе роялистовъ 5-го октября 1795 года). Прудонъ, вѣсьма, Т. II, стр. 287.

Одилонъ Барро и его друзья передъ баррикадой
въ улицѣ Сѣнтъ-Дени.

строю никакого опредѣленнаго плана дѣйствій, возставшіе со всѣхъ сторонъ подвигались къ Тюльери.

Городская ратуша, которая во всѣхъ революціяхъ первая попадала въ руки народа, сыграла и на этотъ разъ ту же роль.

Мы уже знаемъ, что генералу Себастіани еще утромъ удалось сильнымъ отрядомъ занять ратушу. Но въ одиннадцать часовъ онъ получилъ тотъ же самый приказъ, что и генераль Бедо: больше не стрѣлять и стараться ласковымъ словомъ расположить къ себѣ народъ. Совѣмъ вблизи отъ ратуши, на площади Сэнъ-Жанъ (St.-Jean), народъ напалъ на находящійся здѣсь караульный постъ, снабженный бойницами, и, послѣ выдачи карауломъ оружія, далъ ему свободный пропускъ. Въ руки повстанцевъ попала также и казарма Муффетаръ (Mouffetard), находящаяся на лѣвомъ берегу

Уничтоженіе баррикады.

Сены. Баррикады близъ Коллежъ-де-Франсъ (Collège de France) защищались съ такимъ мужествомъ и ружейный огонь повстанцевъ былъ здѣсь такъ силенъ, что отъ нихъ пришлось отступить нѣсколькимъ ротамъ четырнадцатаго и пятнадцатаго пѣхотныхъ полковъ. Крoвая схватка произошла и около политехнической школы, но здѣсь повстанцамъ пришлось отступить. Около одиннадцати часовъ утра народъ овладѣлъ Гревской площадью, передъ городской ратушей. Здѣсь онъ побратался съ войсками, которые изрѣдка поддерживали кликъ народа: „Да здравствуетъ реформа!“

Моментъ спустя, изъ-за городской ратуши послышался глухой шумъ, долетавшій и до Гревской площади. Оказалось, что отрядъ рабочихъ въ нѣсколько сотъ человекъ старался выбить заднія ворота городской ратуши. Почти одновременно съ этимъ, пробравшись сквозь ряды солдатъ на Гревской площади, проникъ въ кабинетъ префекта полковникъ національной гвардіи, въ сопровожденіи студентовъ политехнической

школы; онъ заявилъ чиновникамъ, что пришелъ отъ имени побѣдоноснаго народа взять въ свои руки управленіе городской ратушей.

Господамъ, засѣдавшимъ въ ратушѣ, требованіе очистить ее показалось какразъ своевременнымъ. Они почувствовали, что гора свалилась съ ихъ плечъ, и молча удалились; а народъ на улицѣ продолжалъ брататься съ войсками,—тамъ то и дѣло гремѣли выстрѣлы въ воздухъ.

Революціи, овладѣвшей городской ратушей, оставалось сдѣлать теперь только одинъ шагъ, чтобы взять въ свои руки и Тюльери. Правда правительство поставило отъ 8 до 10 тысячъ солдатъ на площади Карусели, у Бурбонскаго дворца и на площади Согласія, но деморализація этихъ защитниковъ монархіи росла въ той же самой степени, въ какой увеличивалась энергія народа и его готовность къ борьбѣ.

Было около десяти часовъ. Королевская семья въ этотъ моментъ сидѣла за завтракомъ. На лицахъ было замѣтно нѣкоторое безпокойство, но всей серьезности положенія, очевидно, не понимали. Дверь вдругъ отворилась, и въ комнату влетѣлъ начальникъ генеральнаго штаба. Луи Филиппъ, казалось, инстинктивно понялъ, что его привело сюда. Онъ знакомъ пригласилъ полковника слѣдовать за нимъ въ кабинетъ. Дрожавшимъ отъ волненія голосомъ полковникъ сообщилъ ему о состояніи столицы, о пораженіи отряда Бедо и о неудержимомъ движеніи возставшихъ къ Тюльери, гдѣ семья короля не можетъ болѣе чувствовать себя къ безопасности. Во время доклада король одѣлся въ генеральскую форму и воскликнулъ: „Вы стало-быть хотите, чтобы я шель?“ Послѣ этого онъ вернулся къ семьѣ, чтобы устроить нѣчто въ родѣ семейнаго совѣта.

Возбужденная почти до бѣшенства королева рѣшительно заявила, что нужно остаться въ Тюльери, хотя бы пришлось умереть. Спустя нѣкоторое время, блеснулъ слабый лучъ надежды: пришли не столь тревожныя вѣсти. Король снова овладѣлъ собой и, чтобы ободрить и войска, рѣшилъ, по настоянію королевы, отправиться верхомъ къ нимъ. Въ одиннадцать часовъ онъ прибылъ на площадь Карусели въ сопровожденіи своего сына, Тьера, герцога Немурскаго, маршала Бюжо и многихъ офицеровъ. Нѣсколько переднихъ ротъ привѣтствовали его крикомъ: „Да здравствуетъ король!“ Однако, и здѣсь можно было услышать отдѣльные возгласы въ пользу реформы. Послѣ этого король отправился къ національной гвардіи, изъ состава которой на площадь вышло нѣсколько легіоновъ. Здѣсь онъ слышалъ уже только: „Долой современные порядки! Да здравствуетъ реформа!“

— „Я уже согласился на нее, согласился!“ смущенно бормоталъ король, но всюду, куда бы онъ ни взглянулъ, онъ видѣлъ лишь демонстративно сверкающія сабли и ружья.

Его охватилъ панической ужасъ. Онъ повернулъ лошадь и поспѣшилъ, или лучше, сказать поскакалъ во всю прыть обратновъ

Тюльери. Тамъ, въ залѣ нижняго этажа онъ бросился на кресло, схвативши голову обѣими руками. Его окружили придворные, пораженные страхомъ; между ними была и вдова его несчастнаго, старшаго сына съ двумя дѣтьми, изъ которыхъ старшій, молодой графъ Парижскій, предназначался въ наслѣдники престола. Присутствовалъ тутъ и Тьеръ, призванный на постъ премьеръ-министра. Страхъ, казалось, совсѣмъ лишилъ его разсудка и онъ, какъ помѣшанный, кричалъ, ломая руки: „Волна прибываетъ все выше и выше, и черезъ два часа, можетъ быть, поглотитъ насъ всѣхъ“. Въ этотъ моментъ прибѣжалъ Кремье (Crémieux), депутатъ лѣвой, и заявилъ, что не все еще потеряно, пусть только король рѣшится разстаться съ Тьеромъ и Бюжо, о которыхъ народъ и слышать не хочетъ; достаточно будетъ именъ Одилона Барро и маршала Жерара, чтобы успокоить возставшихъ. И на это былъ теперь согласенъ король, но не успѣли еще высохнуть чернила подписаннаго имъ декрета о новыхъ назначеніяхъ, какъ явился новый вѣстникъ—генераль Ламорисьеръ, вернувшійся съ своего объѣзда по городу. Онъ считалъ несомнѣннымъ, что назначеніе Барро, вмѣсто Тьера, и Жерара, вмѣсто Бюжо, ничуть не измѣнитъ положенія вещей. Если теперь за республику пока высказывались лишь нѣкоторые голоса, то, напротивъ, всеобщимъ требованіемъ было отреченіе короля отъ престола. „Они не довольствуются тѣмъ“, сказалъ генераль королю, „что обѣщаль я имъ отъ имени Вашего Величества, они хотятъ нѣчто другое!“— „Нѣчто другое?“ воскликнулъ Луи Филиппъ, „они требуютъ, стало быть, моего отреченія отъ престола, но я отдамъ престолъ только вмѣстѣ со своею жизнью, и они не услышатъ отъ меня отреченія!“.

Между тѣмъ отреченіе отъ престола оказывалось единственнымъ якоремъ спасенія. На немъ настаивали оба сына короля, герцоги Немурскій и Монпансье (Montpensier); до ушей стараго короля долетѣли также робкія рѣчи о необходимости отреченія и изъ дворцовой передней, гдѣ придворная камарилья вела свою беззаботную жизнь. Камарилья строила свои расчеты уже на новомъ, молодомъ королѣ—графѣ Парижскомъ, подъ регентствомъ его матери, герцогини Орлеанской.

Вдругъ раздалась сильная ружейная пальба, вмѣстѣ съ яростнымъ крикомъ толпы. На Дворцовой площади находился такъ называемый Шато Д'о (Château d'Eau), нѣчто въ родѣ форта, сооруженнаго для защиты дворца и Тюльери. Народъ хотѣлъ взять эту маленькую крѣпость и обезоружить ея гарнизонъ. Но послѣдній отказался сдаться, что и вызвало отчаянную кровавую борьбу; сидя за толстыми стѣнами, защитники трона могли изъ узкихъ бойницъ осыпать свинцомъ густую массу осаждавшихъ.

Еще не успѣлъ король и бывшіе съ нимъ опомниться отъ перваго испуга, какъ двери зала шумно отворились, и безъ всякаго доклада сюда вошелъ журналистъ Эмиль де-Жирарденъ (Emile de Girardin). Онъ проложилъ себѣ дорогу черезъ толпу

придворныхъ и твердымъ шагомъ подошелъ къ королю. „Что случилось?“ воскликнулъ король. „Государь, отвѣтилъ тотъ, нельзя больше терять ни минуты. Если Вы хотите спасти тронъ, вы немедленно же должны отказаться отъ престола!“. При этомъ онъ передалъ королю проектъ манифеста, гдѣ въ краткихъ словахъ возвѣщалось о назначеніи регентства герцогини Орлеанской, о распущеніи палаты и о всеобщей амнистіи. Какъ будто для того, чтобы придать еще больше вѣса бурному натиску Жирардена, и придворные теперь одинъ за другимъ

Эмиль де-Жирарденъ.

кричали: „Откажитесь, откажитесь!“ О томъ же настойчиво просилъ короля и третій его сынъ—герцогъ Монпансье. Король сдался, наконецъ, и изъявилъ согласіе на отреченіе. Услышавъ объ этомъ, королева въ слезахъ бросилась къ нему, чтобы удержать его отъ этого шага. „Лучше умереть, чѣмъ выйти изъ этихъ дверей“, говорила она. Одинъ государственный дѣятель, болѣе мужественный и прозорливый, чѣмъ другіе, заявилъ: „Черезъ два часа послѣ отреченія короля отъ престола, образуется республика!“. Но толпа придворныхъ

полагала, что теперь все спасено и усиленно просила маршала Жерара возможно скорѣе объявить народу объ отреченіи короля и тѣмъ положить конецъ борьбѣ.

Жизнь была все-таки милѣе Луи-Филиппу, чѣмъ геройская смерть, и, уступая желаніямъ приближенныхъ, онъ рѣшилъ составить актъ объ отреченіи. Онъ подошелъ къ письменному столу и медленно и вдумчиво написалъ.

„Я слагаю съ себя корону, которую я былъ призванъ носить по волѣ нации, въ пользу моего внука, графа Парижскаго. Пусть будетъ онъ счастливъ въ выполненіи выпавшей ему нынѣ великой задачи“.

*Fabrique cette couronne
que la voix nationale m'a vu
appellée à porter, en faveur
de mon petit fils le comte de
Paris. Dieu t'il réussit
dans la grande tâche qu'il lui
a choisie aujourd'hui*

Louis Philippe

24 Fev. 1848

Выше мы помѣщаемъ точное воспроизведеніе этого документа въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ.

Однако, подобно всѣмъ прежнимъ уступкамъ, и отреченіе отъ престола не могло уже теперь остановить революціи. Оно такъ же пришло слишкомъ поздно!

Требованія народа возрастали вмѣстѣ съ его успѣхами. Побѣда надъ королевской властью, вѣсть о которой съ быстротой молніи облетѣла весь городъ, вызвала въ народѣ такія надежды, которыя днемъ раньше считались совершенно фантастическими.

Слово „республика“, брошенное въ народныя массы, зажгло тамъ всеобъемлющее пламя пожара.

Во время описанныхъ выше событій въ Тюльери, въ городской ратушѣ царило не меньшее оживленіе. Послѣ ухода

и его родъ навсегда устраняются отъ правленія страной и что рѣшено провозгласить республику.

Король не зналъ объ этихъ событіяхъ, разыгравшихся съ такой роковой для него и его близкихъ быстротой. У него все еще были надежды спасти тронъ, если не для себя, то по крайней мѣрѣ для внука. Онъ былъ, однако, настолько уменъ, чтобы понять, что послѣ отреченія отъ престола ему нечего ждать окончанія борьбы, а слѣдуетъ немедленно уѣзжать.

Онъ снялъ съ себя генеральскую форму и одѣлся въ штатское платье. Еще до того, какъ начались приготовления къ бѣгству, къ королю примчался либеральный депутатъ Кремье и, заикаясь, заявилъ: „Государь, нельзя терять ни минуты! Сюда идетъ народъ и черезъ нѣсколько минутъ будетъ въ Тюльери!“.

Король не видѣлъ основаній для того, чтобы не довѣрять этому заявленію. Не подозрѣвая всего размѣра опасности, онъ все-таки зналъ, что находится въ очень критическомъ положеніи.

Всѣ преграды разрушены, докладывалъ Кремье, часть мостовъ черезъ Сену уничтожена, и помощи извнѣ ждать нельзя, такъ какъ всѣ проходы заняты повстанцами. Маршалу Жерару не удалось остановить борьбу на Королевской площади. Солдаты совсѣмъ обезумѣли и безъ всякаго удержу палили черезъ бойницы. Напрасно Ламорисьеръ старался звать о мирѣ, подставляя себя подъ пули той и другой стороны; его стащили съ лошади и, раненый, онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Борьба продолжалась, пока фортъ не былъ разрушенъ, и не палъ послѣдній защитникъ его. Но народъ жаждалъ мести и вскорѣ бросился черезъ площадь Карусели къ Тюльери.

Такъ рассказывалъ Кремье, и вдругъ, какъ будто для того, чтобы еще больше усилить впечатлѣніе отъ его рассказа, подъ самыми окнами замка раздался залпъ. Народъ былъ уже на площади Карусели. Онъ замѣтилъ, какъ подъѣхали королевскіе экипажи, предназначенные для бѣгства. Черезъ моментъ экипажи были уже въ рукахъ повстанцевъ, причемъ одинъ лакей былъ раненъ, а кучеръ убитъ.

Ужасъ овладѣлъ семьей короля, когда она услышала выстрѣлы. Она не ждала уже, когда будутъ кончены приготовления къ побѣгу, а тайно пробралась черезъ Тюльерійскій садъ и вдоль Сены достигла занятой еще войсками площади Согласія, гдѣ ожидали ее два заранѣе приготовленныхъ фіакра. Подъ охраной кирасировъ королевская семья пустилась въ путь по направленію къ Сенъ-Клу (St. Cloud).

Герцогъ Немурскій, сынъ короля, командовавшій войсками на площади Карусели и стоявшій теперь уже за рѣшеткой замка, считалъ бесполезной дальнѣйшую защиту дворца, покинутого королевской семьей. Послѣ настоятельныхъ просьбъ парламентаря онъ отдалъ приказъ сдать эту безнадежную позицію и отступить къ площади Согласія.

Ариергардъ не успѣлъ еще очистить Тюльери, какъ передо-

Луи Филиппъ бѣжитъ изъ Парижа.

вые ряды побѣдителей были уже у рѣшетки. Здѣсь они остановились на моментъ, такъ какъ полная тишина, царившая теперь вокругъ дворца, давала поводъ думать о засадѣ. Но не видно было никакихъ признаковъ жизни, и ихъ боязнь исчезла: воздухъ огласился радостнымъ смѣхомъ, передовой отрядъ проникъ въ опустѣвшій дворецъ. Въ знакъ побѣды онъ далъ залпъ изъ оконъ, а народъ снаружи отвѣтилъ имъ на это криками радости и также выстрѣлами въ воздухъ. Теперь каждый, кто только могъ влачить свои ноги, поспѣшилъ забраться во дворецъ, и вскорѣ покои его наполнились торжествующими массами баррикадныхъ борцовъ.

Сначала никто не обращалъ особеннаго вниманія на то, что тутъ, подъ рукой, находились символы монархической власти. Только когда народъ увидѣлъ тронъ, его веселое настроеніе вылилось въ безконечномъ потокѣ насмѣшекъ и остротъ. Одинъ изъ повстанцевъ важно вошелъ по ступенямъ, сѣлъ на королевское мѣсто и началъ отвѣшивать снисходительные поклоны толпѣ. Громкій смѣхъ и взрывъ апплодисментовъ были отвѣтомъ на эту нѣмую сцену. И каждый изъ присутствующихъ почувствовалъ нестерпимое желаніе посидѣть на тронѣ и, взбираясь на него, каждый старался превзойти своихъ предшественниковъ въ остроуміи и находчивости. Разбитая теперь въ прахъ монархія была до сихъ поръ въ глазахъ народа какимъ-то фетишемъ. Теперь люди изумлялись, какъ можно было столь долго чтить королевскую власть и страшиться ея; народъ радовался теперь, какъ дитя, попирая ногой поверженнаго въ прахъ идола.

Но шуточной комедіи скоро былъ, однако, положенъ конецъ. Съ площади Карусели послышались звуки марсельезы то приближались къ Тюльери буйныя, возбужденныя массы народа,—борцы съ Королевской площади, которымъ, наконецъ, удалось—въ два часа дня—взять фортъ.

Долгое и ожесточенное сопротивленіе, оказанное имъ, подняло ихъ настроеніе до крайнихъ предѣловъ. Болѣе четверти гарнизона было уже убито, а фортъ все не сдавался. Тогда въ головы осаждавшихъ пришла ужасная мысль. Отбитую ими королевскую карету они наполнили смолой и другими легко воспламеняющимися веществами, подожгли ее и придвинули къ форту. Онъ скоро наполнился черными клубами удушливаго дыма, и оттуда послышались отчаянные крики задыхающихся людей. Не будучи въ состояніи болѣе выносить этихъ мученій, храбрые защитники форта открыли ворота, чтобы сдаться, но на нихъ посыпался цѣлый градъ пуль и всѣ они были или перебиты или изранены. Только теперь, когда была удовлетворена жажда мести, были пощажены тѣ, кому удалось избѣжать пуль.

Эта кровавая борьба толкнула побѣдителей и на дальнѣйшее дѣло разрушенія. Они отправились въ Тюльери. Если первый отрядъ повстанцевъ проникъ въ королевскій дворецъ среди всеобщаго смѣха, то эти новые пришельцы не смѣялись; они старались отомстить за павшихъ товарищей на каждой вещи, въ которой

скрывалась идея королевской власти. Какъ трофеей побѣды, поволокли одни изъ нихъ тронъ короля на площадь Бастиліи; при громкихъ кликахъ ликующаго народа и подъ шумный напѣвъ марсельезы онъ былъ преданъ здѣсь огню на громадномъ кострѣ. Другіе же обходили покои Тюльери и уничтожали все, что только поддавалось рукамъ и топору. Портреты короля были сорваны со стѣнъ и растоптаны, обои разорваны на тысячи клочевъ, а зеркала и бюсты служили мишенью для ружейной стрѣльбы.

Однако, долго оставаться во дворцѣ могло оказаться и не безопаснымъ. Вскорѣ слышались предостерегающіе голоса, которые напоминали, что побѣду слѣдуетъ праздновать лишь тогда, когда она будетъ закрѣплена окончательно. Раздался призывъ: „Къ Бурбонскому дворцу! Къ палатѣ депутатовъ!“ . И народъ двинулся, оглашая воздухъ мощнымъ кличемъ: „Да здравствуетъ республика!“ .

Парижане тащатъ тронъ Луи Филиппа на площадь Бастиліи.

Во время этихъ событій король находился уже въ пути, сопровождаемый частью своей семьи и нѣкоторыми приближенными, которымъ нужно было такъ же поспѣшно исчезнуть, какъ и ему самому.

Тайно, крадучись, появилась на свѣтъ божій июльская монархія. Столь же тайно, покрытая стыдомъ и позоромъ, сошла она съ исторической сцены.

этомъ рѣшеніи своимъ коллегамъ социалистическаго лагеря, настаивая на необходимости немедленно выпустить воззваніе съ своей стороны. Чтобы предотвратить расколъ, вслѣдъ за Луи Бланомъ успѣли сюда и нѣсколько членовъ „National'я“, какъ напр. депутатъ Мартенъ (Martin) изъ Страсбурга.

Между тѣмъ „National“ получилъ извѣстіе, что герцогиня Орлеанская намѣрена отправиться въ палату депутатовъ съ цѣлью провозгласить себя регентшей малолѣтняго короля, ея сына. Чтобы помѣшать этому, было рѣшено отправить въ палату делегацію республиканцевъ фракціи „National'я“ изъ Эмануэля Араго, Поже (Peauger), Саррана (Sarrans), Шэ (Chaix) и Дюмениля, которая должна была содѣйствовать назначенію временнаго правительства.

Съ самаго полудня въ палатѣ находилось значительное число депутатовъ. Среди нихъ царилъ страшное возбужденіе и безпокойство, которое усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что не было никого изъ партійныхъ вождей. Наконецъ, около часу дня прибылъ Тьеръ. Этотъ маленькій человѣкъ былъ въ страшномъ смущеніи и почти безъ языка. Депутаты окружили его и спрашивали, какъ обстоятъ дѣла, но онъ, казалось, совсѣмъ не понималъ ихъ вопросовъ. Только овладѣвъ собой немного, онъ сообщилъ, что король уѣхалъ. О намѣреніи герцогини Орлеанской онъ, повидимому, ничего не зналъ, или не желалъ знать. Но онъ то и дѣло вскрикивалъ, какъ въ Тюльери: „Волна прибываетъ все выше и выше!“; потомъ, повернувшись, онъ успѣшилъ къ выходу, и всѣ старанія удержать его были напрасны.

Между тѣмъ, республиканцы изъ „National'я“ въ сопровожденіи большой толпы народа двигались уже въ палату. Безъ всякой помѣхи они прошли занятую еще войсками площадь и мостъ Согласія и прибыли въ Бурбонскій дворецъ. Здѣсь они рѣшительно заявили о цѣли своего прибытія: временное правительство и никакого регентства. Нѣкоторые изъ числа послѣдовательныхъ республиканцевъ еще до того энергично протестовали противъ всякихъ мѣропріятій, ведущихъ къ восстановленію іюльской монархіи. Это рѣшительное выступленіе республиканцевъ оказало вліяніе на многихъ депутатовъ лѣвой.

Затѣмъ Ламартинъ, послѣ нѣкотораго размышленія, повидимому, понявъ положеніе дѣлъ и пришелъ къ выводу необходимости учрежденія республики.

Въ палатѣ господствовала еще полнѣйшая сумятица, какъ вдругъ дверь отворилась, и въ нее вошла молодая дама въ траурномъ платьѣ съ двумя маленькими мальчиками. „Да здравствуетъ герцогиня Орлеанская! Да здравствуетъ регентша! Да здравствуетъ король!“ — въ одинъ голосъ закричали депутаты монархисты. Одновременно съ герцогиней въ залъ за сѣданіи вошли и делегаты „National'я“ вмѣстѣ съ группой рѣшительныхъ республиканцевъ. Было около половины второго. Президентъ палаты Созе (Suzet) предоставилъ высокимъ гостямъ мѣсто напротивъ ораторской трибуны. Глаза герцогини были красны отъ слезъ, а лицо блѣдно, какъ мраморъ.

Герцогиня Орлеанская въ палатѣ депутатовъ.

Для защиты регентства центръ выставилъ ораторомъ Дюпена. Но онъ не особенно торопился съ этимъ. Онъ говорилъ о томъ, какіе знаки почтенія встрѣтила герцогиня во время пути въ палату, и добавилъ, что и палата сама очень недвусмысленно выказала свой восторгъ при вступленіи герцогини въ залъ засѣданій. Слова его были встрѣчены и знаками одобренія и живѣйшими протестами. Съ галлерей въ это время все громче и громче раздавался возгласъ: „Временное правительство!“.

Послѣ Дюпена на трибуну взошелъ Ламартинъ и потребовалъ отсрочки засѣданія какъ изъ уваженія къ самому народному представительству, такъ и ради „ея высочества принцессы“.

Многіе изъ депутатовъ подошли къ принцессѣ, повидимому, просить ее возвратиться во дворецъ, но она отказывалась отъ этого.

Президентъ въ отчаяніи взывалъ, чтобы залъ засѣданій оставили тѣ, кто не принадлежитъ къ составу палаты, такъ какъ въ ихъ присутствіи послѣдняя не можетъ открыть засѣданія. На это, однако, никто не обратилъ вниманія. Всѣ, видимо, чувствовали, что въ этотъ моментъ старыя власти потеряли свое значеніе, и единственнымъ вершителемъ всѣхъ дѣлъ является самъ народъ. Хаосъ въ палатѣ все болѣе и болѣе возрасталъ; но вотъ на трибуну вошелъ депутатъ Мари; онъ заявилъ, что въ силу существующихъ законовъ регентство герцогини не допустимо, и предложилъ безъ всякаго замедленія приступить къ учрежденію временнаго правительства. Выступаетъ Кремье, чтобы поддержать это предложеніе. Въ этотъ моментъ появляется страстно ожидаемый Одилонъ Барро. Облегченно вздыхаетъ центръ, въ надеждѣ, что великій мужъ оппозиціи спасетъ герцогиню и изъ младенца, сидяшаго у ней на рукахъ, слѣдуетъ короля.

И вотъ новый премьеръ-министръ, назначенный на этотъ постъ всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ, заявилъ, что чувства великодушія подскажутъ палатѣ ея обязанность признать, что „іюльская корона покоится на главѣ женщины и дитяти“. Крики одобренія и апплодисменты раздались со скамей центра, но ихъ заглушила буря протестующихъ и негодующихъ голосовъ.

Поднимается герцогиня и, кланяясь, заявляетъ о желаніи говорить. Голосъ ея, однако, совсѣмъ затерялся во все болѣе и болѣе возрастающемъ шумѣ. Только легитимистскому депутату Ларошжаклену (Larochejacquelin), съ его зычнымъ голосомъ, удалось превозмочь этотъ шумъ. Онъ требуетъ обращенія къ самому народу и заявляетъ депутатамъ: „Теперь вы потеряли уже всякое значеніе, вы здѣсь—ничто!“

Въ этотъ моментъ, какъ будто въ подкрѣпленіе этихъ его словъ, столь вѣрно рисуящихъ положеніе дѣлъ, въ дверяхъ послышался стукъ ружейныхъ прикладовъ, и въ залъ вскорѣ вошла кучка борцовъ изъ Тюльери; платье ихъ было

въ лохмотьяхъ, а лица покрыты пороховой копотью. Помахивая своими ружьями, они подошли къ трибунѣ, водрузили здѣсь принесенное съ собой трехцвѣтное знамя—и рѣшительно заявили: „Ни регентства, ни короля! Да здравствуетъ республика!“ Среди шума Ледрю-Роллену удается сказать нѣсколько словъ. Отъ имени побѣдоноснаго народа онъ отказывается признать за палатой право установленія регентства. Легитимистъ Беррье (Berryer) прерываетъ потокъ его краснорѣчія восклицаніемъ: „Внесите предложеніе о временномъ правительствѣ!“

Этимъ предложеніемъ, дѣйствительно, и кончаетъ радикальный вождь партіи, онъ требуетъ, чтобы былъ созванъ Національный конвентъ. Слово взялъ теперь Ламартинъ, вошедшій на трибуну одновременно съ Ледрю-Ролленомъ. Въ этотъ моментъ собраніе болѣе напоминало революціонный клубъ съ его дикой страстностью, чѣмъ законодательное учрежденіе. У сторонниковъ регентства снова воскресли надежды, когда на трибуну вошелъ поэтъ, такъ часто пытавшійся найти средній путь между различными политическими теченіями. Они рассчитывали, что на его чувствительное сердце повліяетъ этотъ прекрасный образъ женщины, пролившей столько слезъ, видъ этихъ двухъ дрожащихъ малютокъ. Развѣ не должно было столь трогательное зрѣлище оказать вліяніе на сердце поэта, который всегда сочувствовалъ слабымъ и обоготворялъ все прекрасное? Но рѣчь оратора вскорѣ показала, какъ обманчивы были такія надежды. Онъ хотя и началъ фразой: „И я охваченъ тѣмъ чувствомъ, которое испытываютъ всѣ при видѣ этой трогательной картины“, но прерванный уже терпящими терпѣніе баррикадными борцами, онъ продолжалъ: „но я одушевленъ не меньшимъ уваженіемъ къ славному народу, который вотъ уже три дня ведетъ борьбу, чтобы освободиться наконецъ, отъ вѣроломнаго правительства“. Онъ также примкнулъ къ требованію немедленнаго учрежденія временнаго правительства, главой котораго онъ, несомнѣнно, считалъ себя съ этого момента.

Въ двери снова раздались оглушительные удары ружейныхъ прикладовъ, и въ залъ вломилась новая, еще большая чѣмъ раньше, толпа баррикадныхъ борцовъ; голыя руки, открытыя груди, лязгъ оружія и клики: „Долой Палату! Больше нѣтъ депутатовъ! Вонъ безсовѣстные торгаши! Да здравствуетъ республика!“ Одинъ изъ толпы даже прицѣлился изъ ружья въ Ламартина, все еще стоявшаго на трибунѣ, но стволъ ружья былъ во время отведенъ вверхъ, и дружиннику крикнули: „Стой! Это—Ламартинъ!“. Другой рабочий бросился къ президенту Созе (Sauzet), надѣвшему шляпу въ знакъ закрытія засѣданія, и, сорвавъ ее съ головы, крикнулъ: „Эй ты, президентъ негодяевъ! Убирайся поскорѣй отсюда!“. Созе послѣ этого ничего не оставалось, какъ немедленно скрыться. Разбѣжалась также и масса другихъ депутатовъ. Ихъ потокомъ была унесена и герцогиня Орлеанская съ дѣтьми.

Ламартину съ большимъ трудомъ удалось среди этого

хаоса возстановить какой-нибудь порядокъ и заявить народу, что сейчасъ будетъ пушенъ листь со спискомъ кандидатовъ въ члены новаго правительства. Онъ прочелъ имена: *Франсуа Араго, Дюпонъ* (де Леръ), *Ледрю-Ролленъ, Ламартинъ, Мари*. Этотъ списокъ долженъ былъ встрѣтить одобрение. Его повторилъ Дюпонъ, сидѣвшій на президентскомъ мѣстѣ. Но голо-сованія не было. Послышался лишь одинъ голосъ: „Къ городской ратушѣ, во главѣ съ Ламартиномъ“! Ламартинъ повиновался призыву и въ сопровожденіи большой массы народа и многихъ депутатовъ радикальной лѣвой двинулся въ путь.

По уходѣ Ламартина трибуной овладѣлъ Ледрю-Ролленъ и употребилъ всю силу своего краснорѣчія, чтобы показать слушателямъ чрезвычайную важность акта учрежденія временнаго правительства; онъ заявилъ, что будетъ еще разъ читать списокъ кандидатовъ, и присутствующіе послѣ каждого прочтеннаго имъ имени должны отвѣчать *да* или *нѣтъ*. Онъ читалъ *Дюпонъ де Леръ* (да, да!), *Араго* (да, да!), *Ламартинъ* (да, да!), *Ледрю-Ролленъ* (да, да!), *Гарнье-Паже* (да, да!—нѣтъ, Одинъ голосъ: „бѣдняга умеръ!“*), *Мари* (да, да!—нѣтъ!)! *Кремье* (да, да!). „Только что назначенное правительство“, заключилъ Ледрю-Ролленъ, „имѣетъ передъ собой громадныя задачи. Мы должны закрыть засѣданіе, чтобы дать возможность правительству конституировать себя“.

Сцены въ палатѣ были закончены. Массы устремились въ городскую ратушу, гдѣ должны были разыгратъ важныя событія. Только тамъ могло произойти окончательное конституированіе новаго правительства, такъ какъ не только въ палатѣ занимались назначеніемъ его членовъ, но и въ редакціяхъ газетъ „National“ и „Réforme“, куда отправился *Луи Бланъ*, послѣ собранія въ редакціи первой изъ этихъ газетъ. Около двухъ часовъ въ редакціи „Réforme“ собралась прогрессивная фракція республиканцевъ. Нѣкоторые историки, да и самъ Луи Бланъ сообщаютъ, что въ этотъ моментъ во дворѣ и на улицѣ толпилась громадная масса повстанцевъ. Въ редакціи происходили живѣйшіе дебаты по вопросу о кандидатахъ, въ присутствіи делегата отъ „National“—Мартэна изъ Страсбурга, пока ни сошлись на общемъ списокѣ, въ которомъ стояли имена, одобренныя въ палатѣ, и кромѣ того, еще: *Арманъ Марра* и *Флоконъ*— какъ представители демократической прессы, *Луи Бланъ* и рабочій Александръ Мартэнъ по прозвищу *Альберъ* (Albert), выбранный изъ чувства симпатіи къ социалистически настроенному рабочему классу.

Въ своемъ сочиненіи Луи Бланъ даетъ слишкомъ одностороннюю, окрашенную въ мелодраматическій цвѣтъ, картину этихъ переговоровъ въ редакціи „Réforme“ о составѣ временнаго правительства и провозглашенія его. По его словамъ, онъ прочелъ фамилии избранныхъ народу черезъ окна редакціонной

*) Это была ошибка. Заявившій это имѣлъ въ виду умершаго брата Гарнье-Паже, который былъ преданнымъ республиканцемъ.

квартиры, и выборъ былъ единодушно одобренъ слушателями. Но изъ страшнаго шума одобрительныхъ восклицаній волнующейся толпы до его уха вдругъ долетѣло имя Альбера, и онъ, побуждаемый внутреннимъ чувствомъ, внесъ это имя въ списокъ. Эту трогательную сцену мы находимъ только въ описаніи Луи Блана, въ ежедневной прессѣ того время о ней нѣтъ ни слова. Какъ бы то ни было, однако, это назначеніе имѣло принципиальный характеръ. Переселившійся изъ Ліона въ Парижъ, Альберъ лично былъ совершенно не извѣстенъ прочимъ членамъ правительства, да и не обладалъ при этомъ какими-либо выдающимися качествами. Но не какъ личность, а какъ представитель рабочаго класса, былъ онъ призванъ въ ряды правительства. Считали необходимымъ удѣлить этому классу хоть малую долю вліянія на дѣла, на что давало ему право его общественная роль.

Въ бюро газеты „Rétorme“ не ограничились, однако, только установленіемъ личнаго состава правительства, но говорили и о томъ, кто займетъ въ этотъ моментъ наиболѣе важныя изъ общественныхъ должностей, какъ полицейскую и почтовую. Префектомъ полиціи былъ назначенъ Коссидіеръ (Caussidière)—человѣкъ съ средними способностями, но обладавшій крупной фигурой, физической силой и стойкимъ характеромъ. И вотъ въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ онъ только что находился среди баррикадныхъ борцовъ, онъ отправился прямо въ полицейскую префектуру, которая была предоставлена въ его распоряженіе безъ всякаго спора. Также безъ труда вступилъ въ свою новую должность директора почтъ и Этьенъ Араго.

Тѣмъ временемъ правительство, назначенное въ палатѣ, прибыло въ городскую ратушу. Толпа народа, сопровождавшая его туда, была не особенно велика. Многіе побоялись участвовать въ этомъ шествіи въ виду той разнузданности политическихъ страстей, которая господствовала теперь всюду. Достаточно было одного набѣга кавалерійскаго отряда, чтобы разсѣять все правительство, какъ дымъ. Этой же боязнью, можетъ быть, объясняется та театральная сцена, которую разыгралъ Ламартинъ, когда процессія проходила мимо казармъ на набережной д'Орсэ. Онъ подошелъ къ рѣшеткѣ, изъ-за которой подозрительно глядѣли на шествіе новаго правительства драгуны, и, обращаясь къ нимъ, попросилъ у нихъ чего-нибудь выпить. Драгуны подали ему бутылку вина и стаканъ. Ламартинъ провозгласилъ тостъ за единеніе арміи съ народомъ и, выпивъ, добавилъ: „Вотъ это—банкетъ, друзья!“ Солдаты и народъ аплодировали ему, и опасность, такимъ образомъ, была устранена. На набережной, ведущей къ городской ратушѣ, то и дѣло приходилось пробираться черезъ баррикады. На каждомъ шагу были цѣлыя лужи крови, всюду валялись отрубленные шашками куски человѣческаго тѣла, трупы лошадей и груды разбитыхъ и исковерканныхъ вещей всякаго рода. Въ концѣ концовъ экипажъ восьмидесятилѣтняго Дюпона де

Леръ, не могъ двигаться дальше, и старика пришлось на рукахъ нести въ ратушу.

Небо все еще было покрыто тучами. Съ старой башни собора Богоматери (Notredame) еще слышенъ былъ набатный колоколъ, а народъ все шелъ и шелъ изъ отдаленныхъ частей города къ центру. При страшномъ крикѣ, къ которому примѣшивались и звуки пѣсни, и безпрестанные возгласы въ честь республики, толпы народа стекались къ ратушѣ, на Гревскую площади. Народъ былъ опьяненъ своей побѣдой, хотя и чувствовалось еще, что эта побѣда не закрѣплена окончательно. Часто изъ его рядовъ раздавались предостерегающіе и недовѣрчивые голоса: „Граждане, насъ хотятъ обмануть, какъ въ 30-мъ году! Остерегайтесь, граждане, предателей!“ И какъ бы для того, чтобы показать свою рѣшимость добиться закрѣпленія своей побѣды и готовность снова встать на борьбу въ случаѣ нужды—передъ главнымъ входомъ въ ратушу были поставлены четыре орудія, заряженныхъ картечью; около нихъ, опираясь на дула своихъ ружей, встала стража изъ повстанцевъ.

Было уже около пяти часовъ, когда въ зданіи ратуши собрались всѣ члены новаго правительства. Всѣ углы зданія, этого народнаго Тюльери, были биткомъ набиты народомъ, производившимъ неописуемый шумъ. На столахъ стояли ораторы, которые, размахивая своимъ оружіемъ, выкрикивали имена наиболѣе нравившихся имъ членовъ временнаго правительства.

Нѣкоторымъ членамъ правительства изъ числа выбранныхъ въ Бурбонскомъ дворцѣ, наконецъ, удалось проникнуть въ залъ засѣданій Общиннаго Совѣта (городской думы), гдѣ была та же картина, какъ и всюду.

Люди, намѣревавшіеся взять въ свои руки кормило правленія Франціей, чувствовали потребность еще разъ спросить о себѣ мнѣніе народа. Дюпонъ де Леръ былъ поднять на столъ, но онъ отъ слабости свалился. Тогда поднялся Ледрю-Ролленъ и своимъ мощнымъ голосомъ въ яркой рѣчи воздалъ хвалу событіямъ дня и привѣтствовалъ побѣду народа. Народъ отвѣтилъ любимому оратору аплодисментами. Ламартинъ также пустилъ въ ходъ еще разъ свое краснорѣчіе, но неудачно; онъ заявилъ, что, по его мнѣнію, временное правительство не можетъ окончательно установить будущей формы правленія. Дальше онъ, впрочемъ не пошелъ: буря негодованія прервала его. „Республику! Объявите республику!“ отвѣтила масса. Одинъ рабочій проталкивается впередъ и показываетъ оратору прикрѣпленный на концѣ пики клочекъ бумаги, на которомъ было написано: „Да здравствуетъ республика!“ Такъ, наконецъ, даже прежнему легитимистскому поэту пришлось ясно и рѣшительно заявить себя сторонникомъ республики. Послѣ этого Ледрю-Ролленъ выразилъ намѣреніе переговорить съ коллегами о томъ, въ какой формѣ должно быть издано воззваніе о республикѣ.

Только съ большимъ трудомъ удалось новому правительству пробраться черезъ густую массу народа и устроить засѣданіе въ небольшой сосѣдней комнатѣ, которую приготовилъ для него новый нѣсколько часовъ тому назадъ назначенный мэръ Парижа Гарнье Паже. Здѣсь оно въ нѣкоторомъ родѣ забаррикадировало себя, поставивъ у дверей стражу изъ воспитанниковъ политехнической школы съ обнаженными шашками.

Наступала ночь. На площади продолжала шумѣть толпа. Волнующаяся и нетерпѣливая она время отъ времени дѣлала гнѣвные попытки проникнуть въ городскую ратушу. Ей указывали, что тамъ засѣдаетъ назначенное палатой временное правительство. Что же это за палата такая? спрашивали себя люди. Кучка негодяевъ, частица правительственной власти, противъ которой и поднялся народъ. Будетъ ли новое правительство чѣмъ-нибудь лучшимъ? Только тогда масса нѣсколько успокоилась, когда были названы имена Ледрю-Роллена, Луи Блана, Дюпона де Леръ.

Мы уже говорили, что тайныя общества нерѣшительно выступали въ эти февральскія дни. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ только что описанныя сцены передъ ратушей. Если бы эти общества вмѣшались въ ходъ событій и постарались выполнить тотъ планъ, которой они имѣли въ виду при всѣхъ своихъ попыткахъ возстаній, именно—захватить въ свои руки высшую власть и съ ея помощью воздѣлать социальную и политическую почву страны,—то они могли бы прекрасно использовать это недовѣріе народа, толпившагося передъ ратушей; они могли бы устранить изъ состава новаго правительства всѣ опасные элементы и подготовить болѣе благоприятныя условія для своихъ завѣтныхъ стремленій—созданія социальной демократіи. Но такова уже судьба всякихъ заговоровъ: выбирать для нападений неподходящій моментъ и пропускать тотъ, когда слѣдовало бы не сидѣть сложа руки.

Временное правительство заперлось въ своей маленькой комнаткѣ. Съ площади сюда доносился шумъ толпы, возгласы тысячъ голосовъ въ честь республики. Поэтому, первой его заботой было издать къ народу прокламацію, въ которой извѣщалось бы объ уничтоженіи монархіи и учрежденіи новаго правительства. Тутъ встрѣтилось первое затрудненіе: необходимо было высказаться *за* или *противъ* республики. Ледрю-Ролленъ требовалъ безусловнаго объявленія республики. Ламартинъ видимо колебался. Араго и Дюпонъ де Леръ, были того мнѣнія, что нельзя, вѣдь, устанавливать формы правленія для всей Франціи, разъ даже столица ея, Парижъ, не даетъ опредѣленныхъ основаній къ тому.

Въ концѣ концовъ Ламартинъ предложилъ обойти это затрудненіе и вставить въ прокламацію слѣдующую, ничего не говорящую, фразу: „Хотя временное правительство дѣйствуетъ единственно отъ имени французскаго народа, хотя оно предпочитаетъ республиканскую форму правленія, но ни оно само, ни граждане Парижа не намѣрены стѣснять мнѣнія всѣхъ гражданъ Франціи въ совокупности“.

Это было все равно, что ничего не сказать. Но трудность была устранена, и правительство приступило къ первому своему акту, къ распредѣленію важнѣйшихъ должностей, прежде всего министерствъ. *Дюпонъ де Леръ* оказался министромъ-президентомъ, *Ламартинъ* получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, *Ледрю-Ролленъ*—внутреннихъ дѣлъ, *Кремье*—юстиціи, *Франсуа Араго*—портфель морского министра, *Мари*—общественныхъ работъ, *Гарнье-Паже* былъ утвержденъ въ должности мэра Парижа, *Коссидіеръ*—въ должности префекта полиціи и *Этьенъ Араго*—почтъ-директора. Позднѣ были назначены еще: *Карно*—министромъ народнаго просвѣщенія, адвокатъ *Бетмонъ* (Bethmont)—министромъ торговли и генераль *Суберви* (Subervie), старый волонтеръ 1792 года,—военнымъ министромъ.

Во главѣ національной гвардіи былъ поставленъ бывший офицеръ *Куртэ* (Courtais). Министерство финансовъ было сначала предоставлено банкиру *Гудшо* (Goudchaux), но позднѣ перешло въ руки *Гарнье Паже*.

Вскорѣ послѣ открытія засѣданія въ ратушѣ, въ большомъ залѣ общественныхъ празднествъ Сэнъ-Жанъ (St. Jean), обсужденіе положенія дѣлъ приняло снова страстный характеръ. Сюда прибыли новые члены правительства, внесенные въ списокъ въ редакціи газеты „*Réforme*“ и, затѣмъ утвержденные въ „*National*“, именно *Флоконъ*, *Марра*, *Луи Бланъ*, и *Альберъ*. Луи Бланъ, съ его малымъ ростомъ, былъ бы затертъ и раздавленъ толпою, шумѣвшей на площади. если бы его не подхватили сильныя руки рабочаго, на плечахъ котораго онъ и добрался до ратуши.

Подобно своимъ коллегамъ, вновь прибывшіе члены правительства также чувствовали потребность узнать о себѣ мнѣніе народа.

Все еще опираясь на плечи рабочаго, Луи Бланъ поднималъ свою голову надъ цѣлымъ лѣсомъ отливавшихъ голубоватымъ свѣтомъ штыковъ; онъ говорилъ, что въ республикѣ заключается единственное средство, чтобы рабочимъ добиться такого положенія дѣлъ, при которомъ они будутъ пользоваться цѣликомъ продуктами своего труда, при которомъ имъ гарантирована будетъ ихъ гражданская свобода. Какъ громовой ударъ, послѣдовалъ въ отвѣтъ ему кликъ народа: „Да здравствуетъ социальная республика!“

Въ этотъ моментъ появился *Флоконъ* и заявилъ, что онъ и тѣломъ и душой присоединяется къ тому, что только что заявилъ его товарищъ по перу.

Такъ народъ заявилъ свою полнѣйшую симпатію вновь прибывшимъ членамъ правительства. Напротивъ коллеги, уже вступившіе въ свои должности, были повидимому не особенно рады ихъ прибытію. Араго и Кремье и не скрывали этого. Они просто не хотѣли признать никакихъ правъ за ними и заявили, что правительство уже цѣликомъ сформировалось, и для новыхъ членовъ не остается мѣста. Однако, эти важные

господа сами-то не могли, вѣдь, похвалиться какимъ - нибудь болѣе основательнымъ правомъ на занятія ими мѣста. Они были выбраны въ Бурбонскомъ дворцѣ, но, вѣдь, эти выборы произошли, какъ потомъ заявили самъ Кремье, только „въ палатѣ, а не *черезъ* палату“, которая была уже сметена народомъ вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ хламомъ іюльской монархіи. Это и заявилъ Луи Бланъ важнымъ господамъ. Онъ говорилъ горячо и, указавъ рукою на площадь, гдѣ бушевалъ народъ, угрожалъ апеллировать къ нему: этого было бы вполне достаточно, чтобы выбросить за окно все правительство, къ которому народъ уже относился съ недовѣріемъ. Гарнье-Лаже понялъ опасность. Онъ предложилъ назначить новыхъ членовъ правительства секретарями. Марра и Флоконъ согласились, Луи Бланъ не счелъ удобнымъ продолжать дальнѣйшую борьбу, которая стала принимать уже чисто личный характеръ. Онъ заявилъ лишь о присоединеніи къ правительственной коллегіи рабочаго *Альбера*, противъ чего никто не протестовалъ.

Толпа между тѣмъ выказывала все большее и большее нетерпѣніе. Народъ хотѣлъ знать, что же дастъ ему это новое правительство, которое онъ могъ сдунуть, какъ перышко.

Ему вспоминались событія 1830 года, и онъ совсѣмъ не хотѣлъ, чтобы у него вторично была похищена республика. Тутъ же на площади были выбраны делегаты, чтобы узнать, что же собственно подѣлываетъ правительство.

Смѣло вошли делегаты въ зданіе ратуши, добрались до дверей комнаты, въ которой засѣдалъ Ламартинъ съ своими коллегами, и рѣшительно потребовали впуска. Они были вооружены и потому входъ былъ имъ открытъ. Угрожающими жестами показали они правительству на волнующійся внизу, на площади, народъ, заявивъ, что послѣдній не оставитъ камня на камнѣ, если немедленно же не будетъ объявлена республика. Ламартинъ немедленно поспѣшилъ въ залъ Сэнъ-Жанъ и старался успокоить толпу своими звучными, напыщенными фразами, которыми онъ такъ усердно и не безъ успѣха пользовался въ первые дни существованія временнаго правительства.

Одновременно съ нимъ и Луи Бланъ отправился на площадь, чтобы успокоить народъ. На крыльцѣ оказался столъ, на который онъ и взобрался и изо всѣхъ силъ своихъ легкихъ крикнулъ: „Правительство желаетъ республики!“ Отъ группы къ группѣ летѣлъ этотъ возгласъ, и вскорѣ площадь огласилась радостными кликами народа.

Большой кусокъ полотна, найденный въ ратушѣ, былъ использованъ для плаката, на которомъ крупными буквами было написано: „*Франція является единой и нераздѣльной республикой*“. Нѣсколько рабочихъ взобрались на карнизы оконъ и факелами освѣтили эту надпись. Бурный восторгъ овладѣлъ массой народа. Но вдругъ онъ смѣнился криками ужаса: одинъ изъ рабочихъ, укрѣпившихъ полотно, оступился и упалъ внизъ.

Послѣ страстныхъ дебатовъ, правительство, наконецъ, пришло къ рѣшенію объявить республику; внутренній расколъ въ правительствѣ, имѣвшій потомъ столь рѣшительное вліяніе на судьбу республики, сказался уже и теперь, когда она была только что вынесена на плечахъ народа. Становившійся все болѣе и болѣе настойчивымъ, Луи Бланъ заявилъ, что поскольку правительство признаетъ необходимость осуществленія принципа самодержавія народа, постольку оно *должно* установить республику, такъ какъ оба эти понятія означаютъ одно и то же. Къ этому же мнѣнію, видимо, склонялся и Ламартинъ. Онъ полагалъ, что не объявить ничего—это значитъ предоставить судьбу Франціи страшной партійной борьбѣ, въ которой одна партія растерзаетъ другую, лишь бы только вырвать власть изъ ея рукъ; объявить монархію невозможно, въ виду трехсоттысячной вооруженной арміи рабочихъ, еще не остывшихъ отъ недавней борьбы,—остается, слѣдовательно, только республика.

Кремье, въ концѣ концовъ, составилъ формулу, на которой пришлось объединиться всѣмъ членамъ правительства; она гласила: „Временное правительство желаетъ учрежденія республики подъ непремѣннымъ условіемъ утвержденія ея народомъ, къ которому и будетъ апеллировать немедленно“. Чтобы хотя немного успокоить народъ, въ окно выброшено было нѣсколько сотъ экземпляровъ этого заявленія. Послѣ этого правительство принялось съ возможной поспѣшностью за выполненіе первыхъ, не терпящихъ отлагательствъ, мѣропріятій. Оно формально распустило фактически уже распавшуюся палату депутатовъ, воспретило собранія палаты пэровъ и постановило включить всѣхъ гражданъ въ составъ національной гвардіи.

Къ одиннадцати часамъ вечера постепенно опустѣли зала городской ратуши; успокоившись, ушелъ съ Гревской площади и народъ.

Но, какъ и въ прошлую ночь, только часть населенія заснула и теперь, съ 24 на 25 февраля. Воодушевленные борцы все еще не хотѣли покидать своихъ постовъ. потому что тревожные слухи все еще ходили въ народѣ. Было извѣстно, что окружные парижскіе форты находятся въ рукахъ войскъ, потерпѣвшихъ пораженіе въ теченіе дня; можно было бояться ихъ возвращенія въ городъ и ночного нападенія подъ предводительствомъ герцога Немурскаго или генерала Бюжо.

Въ виду этого за баррикадами, еще высившимися по всѣмъ улицамъ, были разведены гигантскіе костры, при свѣтѣ которыхъ были видны опирающіяся на ружейный дула фигуры народныхъ борцовъ. И черезъ весь городъ, отъ одной баррикады къ другой раздавался предостерегающій возгласъ: „Будь на готовѣ! Слушай!“

ГЛАВА VI.

Республика и социализмъ.—Мнѣніе Карла Маркса.—Гревская площадь утромъ 25 февраля.—Право на трудъ.—Красное знамя.—Национальныя мастерскія и социальныя мастерскія Луи Блана.—Министерство прогресса и труда.

Утромъ 25 февраля Франція проснулась уже республикой.

За ночь она сдѣлала скачекъ въ иной міръ, именно, въ тотъ, который за день передъ тѣмъ казался недостижимымъ, представлялся въ неопредѣленной дали. Какъ же это могло осуществиться? Какъ могло произойти, что народъ, который былъ настолько индифферентенъ въ 1830 году, что послѣ своей побѣды допустилъ къ власти правительство, бывшее лишь плодомъ монархической интриги,—этотъ народъ не успокоился теперь и не почилъ на лаврахъ, пока не убѣдился, что его „*Марianne*“ *) дѣйствительно завоевана?

Да, съ 1830 года была сдѣлана дѣйствительно громадная работа. Революціонная республиканская партія не только внесла свѣтъ въ парижскія народныя массы, но и организовала ихъ въ тайныя отряды, въ которыхъ былъ зажженъ огонь республиканскаго энтузіазма. По мысли Бабефа, республика, бывшая цѣлью стремлений, должна была принести съ собой не только лишь демократизацію политическихъ учреждений, но, прежде всего и главнымъ образомъ,—демократизацію общественнаго строя, социальное равенство, словомъ, это должна была быть республика социальная. Движеніе, созданное подъ вліяніемъ утопическихъ социалистическихъ ученій — сень-симонистовъ, фурьеристовъ, кабетистовъ и др.,—а также подъ вліяніемъ сочиненій Луи Блана и Прудона, несомнѣнно приводило къ той же цѣли, т. е. къ возбужденію и усиленію жажды социальнаго равенства.

Сознательная часть народа считала цѣлью, достойной жертвъ борьбы, не просто лишь республиканскую форму государственнаго устройства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,—и преобразованіе социальныхъ отношеній. И это было вполне естественно, такъ какъ до 1848 года понятіе республики во Франціи тѣсно и нераздѣльно сочеталось съ понятіемъ социальнаго

*) *Marianne*—это распространенное среди народа изображеніе республики въ періодъ іюльской монархіи.

преобразования. Эта мысль была распространена даже въ буржуазно-монархической средѣ, органы которой утверждали, что отъ республики до коммунизма—лишь одинъ шагъ, стараясь тѣмъ самымъ приковать къ монархіи буржуазные классы. Не смотря на это, и среди вождей республиканской партіи было много лицъ, принадлежавшихъ къ буржуазіи по всему складу своего мышленія и симпатій. Сюда принадлежали редакторы газеты „National“ и часть редакціи „Réforme“. Но всѣ эти люди не принадлежали къ составу той группы дѣятелей, которая страстно стремилась впередъ и сосредоточивала на себѣ всеобщее вниманіе. Свой республиканизмъ они ни разу не рѣшились исповѣдовать открыто, онъ былъ чисто платоническимъ. Образцомъ республиканцевъ такого сорта былъ Гарнье-Паже 24 февраля онъ шелъ въ ратушу съ намѣреніемъ объявить регентство. Когда же онъ увидѣлъ, что тамъ вѣтъ республиканскій вѣтеръ, онъ всталъ на сторону республики. Подобные республиканцы высказывались за республику только тогда, когда они были до извѣстной степени принуждены къ этому, но если бы удалось восторжествовать либеральной монархіи, то они были бы довольны и ею. Для того, чтобы бороться за осуществленіе извѣстной идеи и жертвовать собою за нее, нужно, чтобы людьми руководилъ дѣйствительно могучій идеаль. Только крайняя фракція республиканской партіи была одушевлена такимъ идеаломъ. Во все всемя господства іюльской монархіи она одна проливала свою кровь за то, чтобы добиться побѣды „Маріанны“. Мы знаемъ, что, въ дѣйствительности, этихъ крайнихъ республиканцевъ одушевляли идеи коммунизма, и потому излишне говорить, что въ этой трехдневной борьбѣ, возгорѣвшейся изъ-за буржуазной реформы и поведшей потомъ къ республикѣ, они искали осуществленія и своего идеала—соціальной республики.

Въ своей брошюрѣ „18-е брюмера Луи Бонапарта“ Карлъ Марксъ, съ присущей ему остротой историческаго анализа, даетъ намъ ясную картину тогдашняго положенія. Онъ пишетъ: „Февральскіе дни первоначально имѣли въ виду лишь избирательную реформу, которая должна была расширить кругъ политически привилегированныхъ внутри самого имущаго класса и свергнуть исключительное господство финансовой аристократіи. Когда же дѣло дошло до дѣйствительнаго столкновенія, народъ пошелъ на баррикады, національная гвардія держалась пассивно, армія не оказала никакого серьезнаго сопротивленія и монархія покинула поле сраженія,—тогда идея республики явилась сама собою. Каждая партія понимала ее по своему. Пролетаріатъ, завоевавшій ее съ оружіемъ въ рукахъ, наложилъ на нее свою собственную печать, провозгласилъ ее *соціальной республикой*. Этимъ было намѣчено общее содержаніе всякой современной революціи, но это содержаніе стояло въ вопіющемъ противорѣчьи со всѣмъ тѣмъ, что могло быть непосредственно достигнуто тогда, т. е. при имѣвшемся подъ рукой матеріалѣ, при достигнутомъ уровнѣ развитія массъ, словомъ—при наличныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ“.

Несомнѣнно, что на тогдашней ступени развитія социализмъ еще не достигъ той ясности, которая нынѣ составляетъ его силу. Соціалистическая мысль возникала, большею частью, въ головахъ людей, которые не давали себѣ труда научно обосновать ее, но, прислушиваясь лишь къ голосу своего сердца, путались въ мистическихъ грезахъ. Въмѣсто того, чтобы опредѣлить путь развитія капиталистическаго общества и указать неизбежность разложенія его на этомъ пути, люди опьяняли себя всевозможными фантастическими системами, въ которыя фанатически вѣрили, или утѣшали себя системой Луи Блана, видѣвшаго полное исцѣленіе въ организациі труда *).

Между тѣмъ, для рабочаго класса и всѣхъ прогрессивныхъ умовъ республика была широкимъ полемъ, на которомъ можетъ свободно развиваться теорія и практика социальной реформы. Отсюда понятно, что въ социальнореспубликанскихъ кругахъ провозглашеніе республики вызвало такое чувство, какъ будто съ плечъ былъ снятъ тяжелый камень. Имъ казалось, что они теперь свободны, безгранично свободны, и силы ихъ возрасли до безконечности. Они думали, что теперь нужна только сила слова, для того, чтобы достигъ всѣхъ тѣхъ со-

*) Въ статьяхъ, печатавшихся въ «Neue Rheinische Zeitung» и изданныхъ потомъ Энгельсомъ подъ заглавіемъ «Классовая борьба во Франціи 1848—50 гг.», Карлъ Марксъ блестяще развиваетъ мысль, почему парижскому пролетариату не удалось пожать плоды своей побѣды въ 1848 году. Причины этого лежали отнюдь не въ одной только незрѣлости социалистической мысли. «Разъ возстаетъ классъ, въ которомъ сосредоточиваются революціонные интересы общества, онъ всегда непосредственно *въ своемъ собственномъ положеніи* находитъ содержаніе и матеріалъ для своей революціонной дѣятельности: онъ низвергаетъ враговъ, борется за мѣропріятія, подсказываемыя потребностями самой борьбы, и логика собственныхъ дѣйствій гонитъ его дальше впередъ. Для выясненія собственныхъ задачъ онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ теоретическимъ изысканіямъ. Французскій рабочій классъ еще не развился до такого состоянія, онъ не былъ еще способенъ провести свою собственную революцію. Развитие промышленнаго пролетариата вообще обусловлено развитіемъ промышленной буржуазіи. Подъ ея господствомъ онъ впервые получаетъ свою національную форму существованія, способную расширить его собственную революцію до национальныхъ рамокъ; только подъ ея господствомъ онъ создаетъ современные средства производства, которыя станутъ для него самого столь же важнымъ средствомъ социальнаго освобожденія. Только господство буржуазіи вырываетъ матеріальные корни феодальнаго общества и подготавливаетъ почву, необходимую для пролетарской революціи. Французская промышленность есть сама я развитая и французская буржуазія—наибольше революціонная, чѣмъ гдѣ бы то ни было на континентѣ Европы. Но развѣ февральская революція не была направлена непосредственно противъ финансовой аристократіи? Этотъ фактъ говоритъ о томъ, что промышленная буржуазія не была господиномъ положенія во Франціи. Она можетъ господствовать лишь тамъ, гдѣ всѣ имущественныя отношенія преобразованы въ духѣ потребностей современной индустріи, а эта послѣдняя можетъ быть сильной только тамъ, гдѣ она завоевала міровой рынокъ, такъ какъ національныя границы не достаточны для ея развитія, Французская же индустрія удерживаетъ за собой и свой собственный національный рынокъ, главнымъ образомъ, лишь благодаря существованію болѣе или менѣе приспособленной системы запретительныхъ пошлинъ. Если въ моментъ революціи въ Парижѣ въ рукахъ французскаго пролетариата фактически оказалась власть и вліяніе, и онъ подъ впечатлѣніемъ этого факта сдѣлалъ попытки, превосходившія его силы, то на тер-

ціальныхъ преобразованій, которыхъ они желали. Конечно! Вѣдь, теперь уже существуетъ та красная „Маріанна“, за которую они боролись, существуетъ эта покровительница народная, которая обезпечить всѣмъ своимъ дѣтямъ хлѣбъ и свободу на основѣ всеобщаго равенства.

Таково было настроеніе громаднаго большинства въ ночь 24 и утромъ 25 февраля, таковы были чувства этого грандіознаго человѣческаго потока, заливаго улицы Парижа. Но было замѣтно уже и нѣкоторое безпокойство при мысли о тѣхъ людяхъ, которыхъ случай поставилъ во главѣ республики. Эти люди, вѣдь, ни разу не рисковали своей жизнью за республику. Поэтому и сегодня необходимо было снова выйти на Гревскую площадь, чтобы контролировать поведеніе сомнительныхъ элементовъ новаго правительства, чтобы помѣшать имъ сдѣлать изъ республики даму, благодѣтельную для богатыхъ, а для бѣдныхъ—злую махичу. Необходимо принудить этихъ колеблющихся людей дать ручательство въ томъ, что народъ Парижа, народъ всей Франціи—эта единственная реальная сила данного момента—найдетъ въ республикѣ народную республику, социальную республику.

И Гревская площадь съ самаго ранняго утра стала принимать тотъ же видъ, что и наканунѣ. Изъ всѣхъ предмѣстій спѣшили сюда народныя массы и скоро вся площадь представляла собою волнующееся море головъ; скоро борцы проникли и въ городскую ратушу, заполнивши всѣ проходы и залы. Изъ тысячей грудей лился революціонный напѣвъ марсельезы, а надъ головами развѣвалось *красное* знамя, какъ бы эмблема того, что съ прошлымъ теперь все покончено.

Въ ратушѣ воцарился тотъ же хаосъ, что и наканунѣ. Народъ толковалъ о своей республикѣ, о тѣхъ надеждахъ, какія возлагалъ на нее рабочій классъ и другіе пасынки обще-

ритории всей остальной Франціи онъ былъ разбросанъ кучками въ немногихъ промышленныхъ пунктахъ и почти совершенно тонулъ въ громадной массѣ крестьянства и мелкой буржуазіи. Борьба съ капиталомъ въ ея развитой, современной формѣ, въ ея чистомъ видѣ, борьба промышленнаго наемнаго рабочаго съ промышленной буржуазіей есть для Франціи только частное явленіе; тѣмъ менѣе могла она придать революціи національное содержаніе послѣ февральскихъ дней, что борьба противъ подчиненныхъ видовъ капиталистической эксплуатаціи,—крестьянина противъ ростовщика и земельного кредитора, мелкаго торговца противъ крупнаго торговца, банкира и фабриканта, однимъ словомъ—противъ банкротства,—эта борьба была еще скрыта во всеобщемъ возстаніи противъ всемогущей финансовой аристократіи. Совершенно понятно, поэтому, что парижскій пролетаріатъ старался отстаивать свои собственные интересы *на-ряду* съ интересами буржуазіи, вмѣсто того, чтобы отождествлять свои интересы съ революціонными интересами всего общества; понятно и то, что онъ склонилъ свое *красное* знамя передъ *трехцѣтникомъ*. Французскіе рабочіе не могли ступить и шагу впередъ, не могли и волоскомъ тронуть буржуазный порядокъ, пока холь революціи не вывелъ еще на борьбу противъ этого порядка, противъ господства капитала, массы, стоящія между пролетаріатомъ и буржуазіей, массы крестьянства и мелкой буржуазіи, и не принудилъ ихъ примкнуть къ пролетаріату, какъ передовому борцу. Только пѣною страшнаго іюньскаго пораженія рабочіе могли купить эту побѣду».

ства. И снова, какъ вчера, делегаты народа проникли въ маленькую комнату, гдѣ находилось правительство, чтобы заявить о соціальныхъ требованіяхъ народа, удовлетвореніе которыхъ, по ихъ мнѣнію, и должно быть задачей республики. Въ составъ этой делегации вошелъ рабочій *Маршъ* (*Marche*) вмѣстѣ съ другими товарищами; онъ заявилъ министрамъ, которые обсуждали въ это время вопросъ объ организаціи мэрій тринадцати округовъ Парижа, что онъ уполномоченъ народомъ, собравшимся на площади; стукнувъ своимъ ружьемъ о полъ, онъ передалъ петицію съ требованіемъ организаціи труда и провозглашенія права на трудъ. Маршъ заявилъ, что народъ не доверитъ намѣреніямъ правительства и не уйдетъ отсюда, пока не будетъ изданъ декретъ, гарантирующий право на трудъ.

Къ нему подошелъ Ламартинъ и попытался ласковымъ тономъ и красивыми словами успокоить его и побудить отказаться отъ этого требованія. Но рабочій, презрительно взглянувъ на него, рѣзко отвѣтилъ: „Вамъ не такъ-то скоро удастся усыпить меня своей болтовней! У меня здѣсь такой языкъ, который проникаетъ насквозь, огненный языкъ“, — онъ ударилъ при этомъ о стволъ своего ружья, — „иного—въ нашихъ переговорахъ не можетъ быть“.

Ламартинъ былъ, по его собственнымъ словамъ, страшно возмущенъ этой угрозой, но не смотря на это, все-таки продолжалъ прельщать рабочаго своимъ краснорѣчивымъ пустословіемъ. Онъ старался разяснить ему, что это совершенно невозможная вещь — въ какой-нибудь часъ дать рѣшеніе столь серьезной соціальной задачи.

Его поддерживали Гарнье - Паже и Араго, не преминувъ при этомъ заявить рабочему о своемъ искреннемъ участіи къ дѣлу трудящихся классовъ: они увѣряли о своихъ симпатіяхъ къ интересамъ рабочихъ; нужно дать имъ только время и возможность проявить это на дѣлѣ.

Настойчивость Марша и его сотоваришей была, наконецъ, сломлена. „Ну, ладно, народъ будетъ ждать,“ сказалъ онъ: „онъ жертвуетъ на пользу республики три мѣсяца нужды“. Три мѣсяца, въ теченіи которыхъ представители буржуазіи могли достаточно подготовиться и дѣйствительно подготовились къ тому, чтобы порохомъ и свинцомъ отвѣтить на требованія народа и потопить ихъ въ крови парижскаго пролетариата!

Между тѣмъ Луи Бланъ, отойдя къ окну вмѣстѣ съ Ледрю-Ролленомъ и Флокономъ, выработалъ текстъ декрета; правда, онъ старался избѣгать въ немъ выраженій „право на трудъ, организація труда“, но требованія Марша и его товарищей по существу въ немъ все-таки были выражены. Декретъ гласилъ:

„Правительство французской республики обязуется обезпечить работой существованіе трудящихся.

„Оно беретъ на себя обязательство предоставить занятія всѣмъ гражданамъ государства.“

„Оно признаетъ, что рабочимъ необходимо организовать въ ассоціаціи, чтобы получать надлежащее вознагражденіе за свой трудъ“.

Декретъ былъ подписанъ всѣми членами временнаго правительства, не исключая и Ламартина. Этотъ фактъ доказываетъ, какъ велико было въ тотъ моментъ давленіе трудящагося народа на политику. Но одновременно онъ служитъ показателемъ и того, какъ несовершенно было тогда социалистическое воспитаніе широкихъ массъ народа. Рабочій классъ съ чувствомъ большого удовлетворенія схватился за этотъ декретъ и былъ доволенъ тѣмъ, что ему гарантировали на бумагѣ право на трудъ.

За этимъ требованіемъ, дѣйствительно невыполнимымъ при данныхъ условіяхъ, совѣмъ забыли о тѣхъ мѣропріятіяхъ организационнаго характера, посредствомъ которыхъ на самомъ дѣлѣ можно было перевести часть социальныхъ богатствъ, для начала лишь очень небольшую, въ коллективное владѣніе. Люди требовали социальнореволюционныхъ мѣропріятій, обращая при этомъ слишкомъ мало вниманія на то, въ чемъ же заключаются причины социальныхъ бѣдствій. Но въ то время только немногіе понимали это. Только на собственной своей шкурѣ, горькимъ опытомъ уразумѣли рабочіе, какъ трудно улучшить положеніе рабочаго *внутри* современнаго общества.

Возвратившись изъ залы засѣданій временнаго правительства къ своимъ довѣрителямъ, Маршъ съ товарищами увидѣли, что видъ Гревской площади замѣтно измѣнился. Число красныхъ знаменъ возросло почти въ сто разъ. Одно изъ нихъ было даже укрѣплено на конной статуѣ Генриха IV. Всѣ крыши домовъ краснѣли отъ массы знаменъ, въ свой любимый цвѣтъ украсился и самъ народъ.

До новаго правительства доходили все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія о настроеніи народной массы. Ему доносили, что народъ, стоящій на площади, готовится къ штурму городской ратуши; чтобы принудить правительство признать красное знамя штандартомъ республики, а въ случаѣ, если оно откажется отъ этого, — выкидать всѣхъ его членовъ за окно.

Ламартинъ рассказываетъ, обычно конечно преувеличивая и подмѣняя истину своими фантазіями, что эти настойчивыя требованія народа дѣйствительно приняли опасный характеръ. Одинъ субъектъ, проникшій въ совѣшательную комнату временнаго правительства, напимѣръ, заявилъ: „Мы требуемъ признанія краснаго знамени въ знакъ нашей побѣды и въ знакъ устрашенія нашихъ враговъ... Мы требуемъ, чтобы немедленно была объявлена война всѣмъ тронамъ и всяческой аристократіи... Мы требуемъ, чтобы были арестованы всѣ прежніе министры; чтобы король былъ преданъ суду, а всѣ его имущества объявлены національной собственностью... Или уступите мѣсто дѣйствительнымъ сторонникамъ революціи, или же согласуйте свои дѣйствія съ ихъ волей... Берегитесь, если вы не сдѣлаете этого!..“

Ламартинъ—единственный историкъ февральской революціи, сообщающій объ этомъ; онъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы особенно яркими красками размалевывать тѣ сцены, которыми сопровождалось выставленіе краснаго знамени, чтобы тѣмъ самымъ выказать себя въ наиболѣе блестящемъ свѣтѣ, какъ укротителя неукротимыхъ, какъ спасителя буржуазной республики отъ ужаснаго краснаго знамени. Напротивъ, Луи Бланъ въ своемъ сочиненіи „Страницы изъ исторіи революціи 1848 года“ значительно ослабляетъ характеръ этихъ событій, ссылаясь при этомъ на показанія депутата Корбона (Corbon) передъ судомъ, изъ которыхъ видно, что появленіе краснаго знамени передъ зданіемъ ратуши было чисто случайнымъ фактомъ.

По заявленію Корбона, первыя красныя знамена были приготовлены изъ куска краснаго бархата, срѣзаннаго въ ратушѣ съ дивана и выброшеннаго толпѣ изъ окна однимъ врачомъ. Объ этомъ, однако, нѣтъ ни газетныхъ сообщеній, ни сколько-нибудь достовѣрныхъ свидѣтельствъ писателя-историка; Луи Бланъ только передаетъ заявленіе Корбона, не придавая ему при этомъ какой-либо особенной цѣны.

Онъ говоритъ далѣе: „Въ дѣйствительности народъ безъ всякаго внѣшняго повода, страстно требовалъ краснаго знамени, и въ этой страстности великолѣпно вылилась вся глубина народной души... Выставленные въ окнахъ красныя знамена вздымались до самыхъ крышъ“. Неоспоримъ фактъ, что красное знамя было водружено уже во время борьбы; 24-го февраля оно развѣвалось надъ большей частью баррикадъ. Отсюда понятно, что народъ хотѣлъ увѣнчать свою побѣду той же самой эмблемой, подъ которой онъ велъ борьбу.

Луи Бланъ усердно поддерживалъ требованіе принять красное знамя, какъ національный флагъ. Онъ говорилъ, что новымъ учрежденіямъ должна быть присвоена и новая эмблема; признать красное знамя, это значитъ показать, что все старое, связанное съ ненавистнымъ режимомъ, отошло въ вѣчность. Но противъ этого рѣшительно возстали Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ. Первый изъ нихъ прямо заявилъ, что вся Франція поняла бы принятіе краснаго знамени, какъ признакъ приближенія террористическаго режима, а кромѣ того и армія не желаетъ смѣнить на него свое трехцвѣтное знамя. Когда же возмущеніе народа стало все болѣе и болѣе возрастать, Ламартинъ и его единомышленники, видимо рѣшили сдаться и были уже сдѣланы приготовленія къ тому, чтобы вывѣсить красное знамя оффициально изъ окна совѣщательной комнаты.

Но объ этомъ узналъ назначенный министромъ финансовъ банкиръ Гудшо, это воплощеніе буржуазнаго страха; немедленно поспѣшилъ онъ сюда и заявилъ, что будетъ все потеряно, если штандартомъ республики будетъ признано знамя терроризма. Противъ этого финансоваго воротилы не сталъ спорить даже Луи Бланъ; для того же, чтобы успокоить собравшійся народъ, было рѣшено прибѣгнуть къ новому

Ламартинъ на крыльцѣ ратуши

средству: къ трехцвѣтному знамени прибавили красный бантъ, какъ знакъ дружескаго расположенія новаго правительства къ народу и въ воспоминаніе о великихъ событіяхъ только что пережитой революціи. Члены правительства и всѣ его чиновники также должны были носить этотъ красный бантъ.

Этимъ, однако, не сразу удалось успокоить возбужденныя массы, тѣмъ болѣе, что составъ толпы все время обновлялся новыми пришельцами. На мѣсто ушедшихъ немедленно прибывали новыя толпы, и настроеніе оставалось все столь же бурнымъ. Ламартинъ и Гарнье-Паже въ напрасныхъ попыткахъ успокоить народъ потратили всѣ свои силы. Тогда Ламартинъ рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству и вышелъ на большое крыльцо ратуши, чтобы еще разъ обратиться съ рѣчью къ народу. Однако, его встрѣтили бранью и криками: „измѣнникъ“; настроеніе толпы становилось все болѣе грознымъ: „Декретъ, декретъ! Иначе все правительство попадетъ на фонарные столбы!“

Въ рукахъ нѣкоторыхъ угрожающе сверкали сабли и штыки, направленные по адресу почти уже отчаявшагося поэта.

Онъ всталъ на стулъ, чтобы народъ его видѣлъ и слышалъ. Одинъ раненый бѣднякъ протискался къ нему, желая, повидимому, защитить его своимъ тѣломъ, и обнявъ, запачкалъ его своею кровью; казалось, будто самъ Ламартинъ раненъ, и этотъ видъ его снова расположилъ въ его пользу окружающую толпу. Звучными фразами говорилъ онъ о томъ, что трехцвѣтное знамя во имя славы Франціи и свободы обошло весь міръ, тогда какъ красное знамя въ его памяти всегда вызываетъ воспоминаніе лишь о пролитой въ 1791 году на Марсовомъ полѣ крови народной. Это сравненіе произвело свое дѣйствіе.

Толпа постепенно начала успокаиваться, и площадь въ концѣ концовъ оказалась пустой. Безъ сомнѣнія, радикальные элементы были все еще возбуждены, но предпринять борьбу снова они не рѣшались изъ боязни потерять только что завоеванную республику.

Во всякомъ случаѣ, въ первые три дня своей побѣды народъ оказалъ чрезвычайно сильное давленіе на импровизированныхъ диктаторовъ буржуазнаго лагеря. Армія, дисциплина которой и безъ того была уже ослаблена, должна была покинуть столицу.

Не было той силы, которая пришла бы на помощь правительству противъ народа. Поэтому-то однимъ изъ первыхъ мѣропріятій его было—обезпечить себя созданіемъ нѣкотораго рода лейбъ-гвардіи. Прежде всего, однако, нужно было успокоить дрожащую отъ страха буржуазію и указать, что республика 1848 года не имѣетъ ничего общаго съ террористической республикой 1793 года; съ этой цѣлью былъ изданъ декретъ объ уничтоженіи смертной казни за политическія преступленія, съ оговоркой, что онъ долженъ получить санкцію

будушаго національнаго собранія *). Послѣ этого былъ изданъ декретъ о безотлагательномъ образованіи двадцати пяти батальоновъ „мобильной (подвижной), временной національной гвардіи“, вмѣсто невозможной уже теперь муниципальной гвардіи. Впослѣдствіи въ ряды этой, такъ называемой, „мобильной гвардіи“ была принята масса молодежи изъ люмпенпролетаріата (оборванцевъ, босяковъ) столицы, съ цѣлью выковать изъ этихъ отбросовъ народа оружіе реакціи.

Конечно, эти мѣропріятія съ цѣлью угнетенія и репрессій могли осуществиться лишь позднѣе, теперь же народъ пока оставался еще господиномъ положенія въ столицѣ.

27 февраля появился декретъ объ учрежденіи національных мастерскихъ.

Эти мастерскія, отъ которыхъ нѣкоторые мечтатели ожидали очень многого, совсѣмъ не были орудіемъ какого-либо соціальнаго преобразования. Ихъ задачей было лишь занять земляными работами массу безработныхъ безъ различія ихъ профессій. Плата за эту работу не давала, по крайней мѣрѣ, умереть голодной смертью.

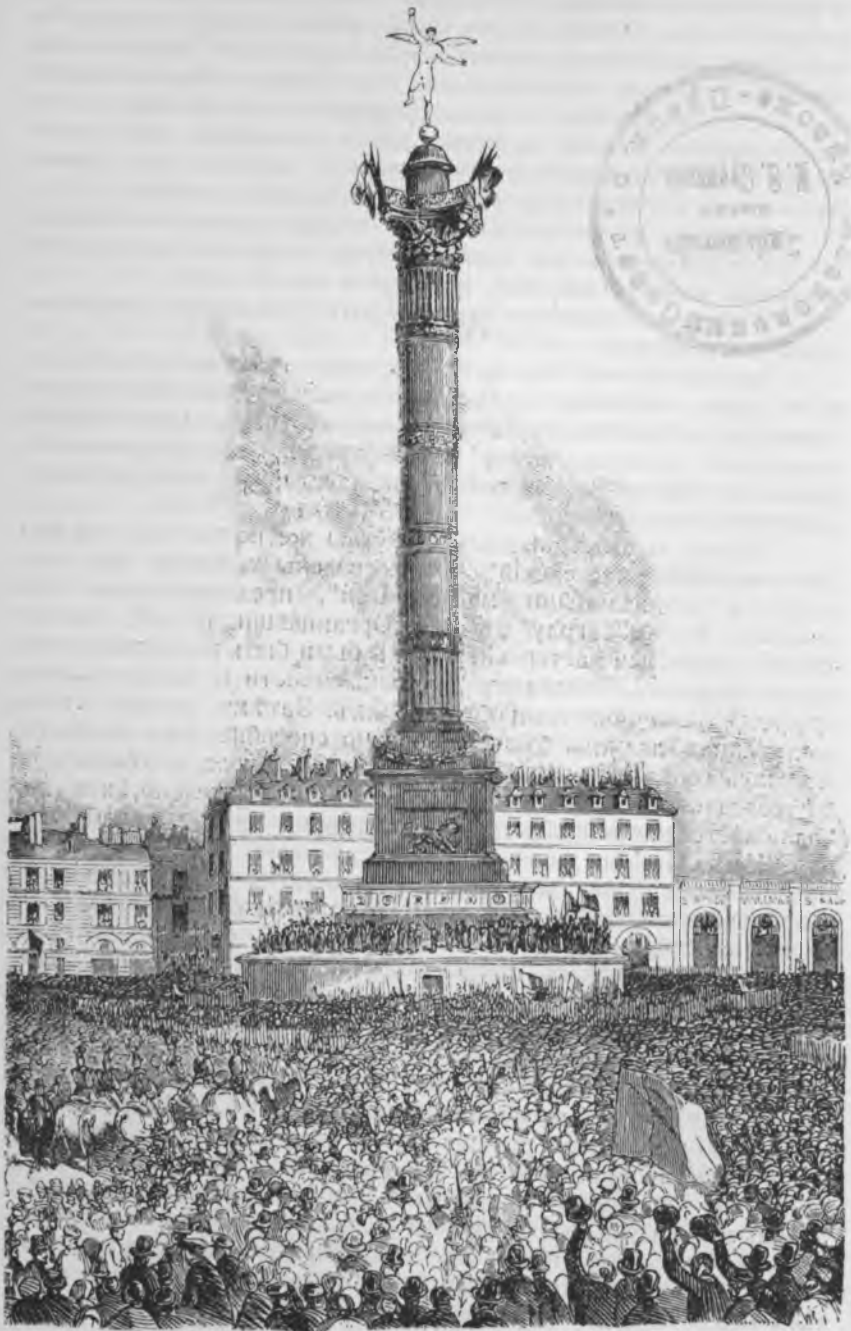
Частью со злостной цѣлью, частью же по невѣжеству эти „національныя мастерскія“ были свалены многими въ одну кучу съ „соціальными мастерскими“, предложенными Луи Бланомъ въ 1838 году въ его „Организациі труда“. По его плану, соціальныя мастерскія должны были быть раздѣлены сообразно главнымъ отраслямъ промышленности и занимать лишь профессионально-обученныхъ рабочихъ. Затѣмъ, рабочіе этихъ мастерскихъ должны были, сообразно способностямъ каждаго, получать соотвѣтствующую долю общаго дохода, а совсѣмъ не по солдатски—опредѣленный паекъ. Слѣдовательно, эти два рода мастерскихъ существенно отличались другъ отъ друга.

Національныя мастерскія, устроенныя правительствомъ, представляли собою лишь приспособленную къ обстоительствамъ, расширенную форму общественной благотворительности. Онѣ были чистѣйшимъ обманомъ; ихъ вліяніе было прямо вреднымъ, такъ какъ съ одной стороны онѣ значительно истощали финансовыя силы республики, съ другой же—ни на іоту не способствовали улучшенію положенія рабочихъ.

Чтобы отвлечь вниманіе народа отъ его насущнѣйшихъ интересовъ, временное правительство задумало прибѣгнуть къ устройству открытаго народнаго шествія. На 27 февраля было назначено большое празднество; торжественная процессія должна была двинуться на площадь Бастиліи, чтобы тамъ, у подножія іюльской колонны, при пушечныхъ залпахъ и пѣніи марсельезы, освятить республику.

Между тѣмъ, парижскіе рабочіе, надѣявшіеся придать республикѣ соціальный характеръ, продолжали усиленно работать надъ тѣмъ, чтобы принудить новыхъ господъ положенія

*) Объ изданіи этого декрета, впрочемъ, усердно хлопотали и многіе идеологи радикализма и социализма, какъ напр. Луи Бланъ.

Торжественное провозглашение республики на площади Бастилии.

встать на этотъ путь. 28 февраля къ городской ратушѣ снова подошла тѣсно-сплоченная масса рабочихъ. Надъ ихъ головами развѣвались многочисленныя знамена, съ надписью: „Министерство труда! Организациа труда! Уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ!“

Масса пришла, чтобы требовать практическаго осуществленія идеи Луи Блана. Она требовала учрежденія министерства прогресса, которое исключительно занялось бы задачей организациа труда и имѣло бы специальный бюджетъ для проведенія необходимыхъ мѣропріятій. Луи Бланъ былъ наиболѣе подходящимъ кандидатомъ на эту должность, новаго министра; онъ же и выступалъ съ наибольшей энергіей за осуществленіе идеи новаго министерства. Ламартинъ на этотъ разъ просто отказался тратить время на обсужденіе этого вопроса, и, за исключеніемъ одного Альбера, съ нимъ согласились и прочіе члены правительства, чувствовавшіе себя теперь нѣсколько крѣпче на своихъ мѣстахъ. Оба социалиста, члены правительства, видѣли свое одиночество и безсиліе въ этомъ совѣтѣ. Но, вѣдь, на площади за ихъ спинами стояла грозная, легко воспламеняющаяся масса. При такомъ положеніи дѣлъ Луи Бланъ рѣшилъ на важный по своимъ возможнымъ послѣдствіямъ шагъ: онъ совмѣстно съ Альберомъ заявилъ объ отставкѣ.

Выходъ обоихъ представителей наиболѣе радикальной части населенія изъ состава правительства былъ бы равносильнъ немедленному возобновленію возстанія, которое началось бы штурмомъ городской ратуши. Итти на это большинству правительственной коллегіи не было никакого разсчета. Тонъ его моментально измѣнился; ласково стало оно упрашивать обоихъ отказывавшихся членовъ, взять назадъ свои заявленія объ отставкѣ. Араго былъ растроенъ; обратившись къ Луи Блану, онъ сказалъ: „Я, съ своей сѣдой головой, заклинаю Васъ отказаться отъ этой идеи организациа труда и не покидать насъ. Неужели же Вы хотите, чтобы мы были убиты?“ Гарнѣ Паже и Марра, между тѣмъ, уже намѣтили нѣкоторую видимость уступки. Вмѣсто министерства труда должна быть образована большая коммиссія, которая до созыва національнаго собранія займется изученіемъ социальнаго вопроса и вырабатываетъ рядъ практическихъ предложеній. Въ коммиссію посылаютъ своихъ делегатовъ всѣ рабочіе Парижа, причемъ президентомъ ея былъ предложенъ Луи Бланъ, а вице-президентами—Альберъ и Франсуа Араго.

Долго не рѣшался Луи Бланъ. Онъ чувствовалъ, что въ его руки даютъ тупое оружіе, ему предлагаютъ, какъ онъ самъ выразился, руководить бурной школой, въ которой онъ передъ голодными долженъ будетъ читать лекціи о голодѣ*). Наконецъ, онъ уступилъ. Его робкая натура заставила его

*) Или, какъ выразился Карлъ Марксъ, рабочіе должны были «собственными головами пробивать твердыню буржуазнаго общества».

отступить передъ опасностью встать во главѣ революціи. Онъ убаюкивалъ себя надеждами, что и мирнымъ путемъ можно будетъ поставить республику на путь социальныхъ реформъ. Въ результатѣ онъ составилъ, съ согласія всѣхъ членовъ правительства, слѣдующій декретъ:

„Принимая во вниманіе, что совершенная народомъ революція должна быть революціей для народа;

„Что пришло время положить конецъ долгимъ и несправедливымъ страданіямъ рабочихъ;

„Что рабочій вопросъ имѣетъ въ высшей степени важное значеніе;

„Что для республиканскаго правительства нѣтъ болѣе достойнаго вниманія, болѣе высокаго вопроса;

„Что именно Франціи надлежитъ изслѣдовать и рѣшить задачу, которая встала предъ всѣми промышленными странами Европы;

„Что, поэтому, необходимо позаботиться о томъ, чтобы безъ всякаго промедленія гарантировать народу законные плоды его „труда;—временное правительство республики постановляетъ:

„Образовать постоянную комиссію, подъ названіемъ „*Правительственная Рабочая комиссія*“, которая должна заниматься единственно и исключительно вопросомъ о положеніи рабочихъ.

„Чтобы показать, какую важность придаетъ правительство разрѣшенію этой крупной задачи, оно назначаетъ президентомъ „Правительственной Рабочей комиссіи“ одного изъ своихъ членовъ, господина Луи Блана, а вице-президентомъ— другого своего члена, рабочаго, господина Альбера.

„Рабочіе будутъ призваны къ участию въ этой комиссіи.

„Засѣданія комиссіи будутъ происходить въ Люксембургскомъ дворцѣ“.

Нетвердымъ, почти разбитымъ голосомъ читалъ Луи Бланъ этотъ декретъ передъ собравшейся массой рабочихъ. Онъ при этомъ объяснилъ, что безъ національнаго собранія временное правительство не можетъ разрѣшить вопроса объ организациіи труда, онъ долженъ быть поставленъ передъ народнымъ представительствомъ страны.

Послѣ этого рабочіе разошлись, видимо, удовлетворенные.

Такъ временное правительство еще разъ обошло опасный подводный камень и еще основательнѣе усѣлось въ свои кресла. Какъ и 27 февраля, народу старались преподнести всякія бездѣлушки, лишь бы тѣмъ отвлечь его вниманіе и силы отъ борьбы за его собственные интересы. Этой же цѣли служило, между прочимъ, и насаженіе на площадяхъ и другихъ подходящихъ мѣстахъ деревьевъ свободы, съ большой помпой освящаемыхъ попами; эти деревья должны были служить напоминаніемъ великихъ дней февральской революціи.

Луи Филиппъ съ семьей рѣшилъ бѣжать въ Англію.

Насаждение дерева свободы.

Большинство генераловъ и высшихъ сановниковъ судебного и административнаго вѣдомства изъявили свою преданность временному правительству.

Даже Луи Бонапартъ, племянникъ великаго Наполеона и глава рода Бонапартовъ, писалъ въ письмѣ къ своимъ приверженцамъ, что онъ возвращается во Францію, и выражалъ чувства преданности отечеству и республикѣ. Изъявили покорность даже нѣкоторые члены Орлеанскаго дома.

Такъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, существованіе временнаго правительства было обезпечено.

ГЛАВА VII.

Бланки.—Фракціи временнаго правительства и представляемая ими партіи.— Двусмысленное поведеніе правительства.— Рабочіе въ Люксембургскомъ дворцѣ — Рабочее законодательство.— Клубы.— Пресса.— Выборы.— Буржуазія и народная республика.— Финансовая нужда временнаго правительства.— Надбавка въ 45 процентовъ къ прямымъ налогамъ.— Демонстрація буржуазіи и демонстрація рабочихъ.— 16 и 17 марта.

26-го февраля въ большомъ залѣ, называвшемся Прадо (Prado), происходило собраніе *).

Участниками его были исключительно не покинувшіе еще своего оружія борцы предшествующихъ дней. Сегодня на головахъ у нихъ были надѣты красныя шапочки, а на блузахъ— кушаки того же цвѣта. На ихъ одеждѣ видны были еще слѣды недавней борьбы.

На стѣнахъ зала были вывѣшены плакаты такого содержанія:

„Временному правительству“:

Республиканскіе борцы съ глубокой скорбью прочли объявленіе временнаго правительства о возстановленіи трехцвѣтнаго знамени.

Народъ водрузилъ красное знамя на баррикадахъ 1848 г. Пусть не пытаются его унижить.

Оно красно только потому, что народъ омочилъ его своей геройской кровью. Сверкая, вѣтъ оно надъ Парижемъ; оно не можетъ быть свернуто.

Побѣдоносный народъ не опуститъ своего флага“.

Одинъ за другимъ смѣнялись ораторы на трибунѣ, изливая свою ненависть противъ новаго правительства; нужно еще разъ пойти къ городской ратушѣ и выгнать оттуда этихъ лже-республиканцевъ, которые измѣнили республикѣ въ тотъ самый моментъ, какъ только власть попала въ ихъ руки.

Бурныя одобренія и крики дикой злобы сопровождали

*) Описанная слѣдующая ниже сцена носитъ нѣсколько романическую окраску, но подлинность ея засвидѣтельствована многими историками, современниками событій, какъ напр. Даніэль Стернъ, Ипполитомъ Кастиль и Люка (Daniel Stern, Hippolyte Castille et Lucas) въ его «Исторіи клубовъ» («Histoire de Clubs»); поэтому, къ ней приходится отнести какъ къ факту.

эти рѣчи. Здѣсь собрались лишь наиболѣе рѣшительные, люди готовые двинуться въ бой по первому знаку.

Вотъ на трибуну вошелъ человекъ небольшого роста, худощавый, но съ высокимъ лбомъ и суровымъ выраженіемъ изможденнаго лица. Моментально наступила полная тишина. Отъ его рѣчи, можетъ быть, зависѣла жизнь или смерть временнаго правительства. Поэтому съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ его словамъ.

„Это правительство“, сказалъ ораторъ, „совсѣмъ не таково, чтобы оно могло представлять соціальную республику. Помимо своей воли оно принуждено только силою обстоятельствъ встать на республиканскій путь. Но Франція еще очень далека отъ республики. Если бы мы теперь образовали правительство изъ числа своихъ сторонниковъ, столь скомпрометтированныхъ въ глазахъ буржуазіи, то на провинцію нападетъ страхъ и она окажетъ поддержку реакціи. Развѣ не думаете вы, что насильственное устраненіе этого правительства, устраненіе, которое теперь уже невозможно безъ кровавой борьбы, стало бы сигналомъ пробужденія реакціи по всей странѣ?

Не лучше ли будетъ поэтому предоставить этихъ людей ихъ собственному безсилію? Въ ихъ рукахъ временно находится власть; напротивъ, за нами стоитъ народъ, въ нашихъ рукахъ клубы, которые мы, какъ ранѣе, организуемъ въ революціонную силу. Весь народъ, всѣ повстанческія предмѣстья будутъ тогда дѣлать то, что намѣрены дѣлать сегодня мы, и тогда передъ нами будетъ открытъ революціонный путь“.

Никто не поднялся, чтобы возражать оратору. Плакаты были сорваны со стѣнъ, и собраніе молча разошлось.

Ораторъ, оказавшій столь громадное вліяніе на собравшихся въ Прадо, былъ *Августъ Бланки* (Auguste Blanqui), одинъ изъ виднѣйшихъ представителей краснаго республиканизма, стремившагося къ коммунизму. Его идейное вліяніе было столь неоспоримо, что его именемъ позднѣе стала обозначаться особая социалистическая партія. И нынѣ еще во Франціи существуютъ социалисты, называющіе себя бланкистами.

Своеобразной, необыкновенной натурой былъ этотъ маленький, худощавый человекъ, простая, ясная и безыскусственная рѣчь котораго находила столь прямой путь въ сердца рабочихъ.

Онъ былъ организаторомъ, душою послѣднихъ республиканско-коммунистическихъ заговоровъ, потрясавшихъ зданіе буржуазной монархіи. Много разъ грубая рука правительства, устраняла его съ поля битвы, но онъ снова и снова спѣшилъ на борьбу. Энергія его была столь неистощима, что даже, сидя въ тюрьмѣ, онъ организовывалъ революціонныя возстанія на улицахъ Парижа.

Говоря о Бланки, Ипполитъ Кастиль (Hippolyte Castille), замѣчаетъ: „Случай доставляетъ иногда демократіи людей съ тонкими организаторскими способностями, людей превосходныхъ дарованій, дающихъ имъ болѣе права стоять во главѣ обшир-

ныхъ движеній, чѣмъ руководить какой-либо демагогической затѣей“. Но Бланки представлялъ собою нѣчто большее, чѣмъ сильный характеръ, онъ былъ богато одаренъ умственными силами.

Талантливый журналистъ и ученый, онъ никогда не пользовался своими талантами въ своихъ личныхъ интересахъ и съ презрѣніемъ отворачивался отъ карьеризма современныхъ

Августъ Бланки.

дѣльцовъ. Бланки не былъ плодовитымъ писателемъ. Но изъ подъ его пера вышло нѣсколько въ высшей степени важныхъ для того времени сочиненій, въ которыхъ онъ выступалъ въ защиту дѣла пролетаріата. Онъ опубликовалъ полемическое произведеніе „Капиталь и трудъ“, а также много другихъ политико-полемическихъ статей, собранныхъ и изданныхъ позднѣе въ двухъ томахъ.

Габріэль Девиль, талантливый писатель, написавшій популярное изложеніе „Капитала“ Маркса, даетъ слѣдующую характеристику его дѣятельности: „Конечной цѣлью былъ для него коммунизмъ, борьба же двухъ враждебныхъ лагерей—рабочаго класса и буржуазіи—лишь средствомъ насильственно лишить послѣднюю ея господства.

ная столкновения. Напримѣръ, между Ледрю-Ролленомъ и Марра должна была произойти дуэль какъ разъ въ моментъ начала революціи.

Очевидно, что отъ такого правительства трудно было ждать единства дѣйствій и взглядовъ; почти каждый изъ его членовъ стремился удовлетворить свое личное честолюбіе, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ возможно большее вліяніе на всю коллегію; отсюда — непрерывный рядъ столкновений и интригъ. Къ этимъ разногласіямъ на почвѣ разномыслія и личныхъ столкновений внутри самого правительства присоединились еще и вліянія, идущія извнѣ, что еще больше затрудняло положеніе дѣль.

Реакціонное теченіе, существовавшее въ странѣ, стремились также провести свои тенденціи въ правительствѣ и повліять на тѣхъ членовъ его, которые и раньше обнаруживали реакціонныя стремленія. Всѣ належды буржуазіи, съ такой медлительностью и неохотой переходившей въ либеральный лагерь, сосредоточились теперь на Гарнье-Паже, Мари, министрѣ торговли Бемонъ (Bethmont) и финансовъ—Гудшо, бывшемъ лишь недолго въ составѣ правительства. Эти люди были особенно по душѣ буржуазіи. Только изъ боязни мирились они съ республикой. Требованія рабочихъ, которымъ новая политическая форма давала извѣстный просторъ, затѣмъ декреты болѣе или менѣе народолюбиваго характера, вырванные массою на Гревской площади у правительства, — все это заставляло ихъ оплакивать гибель конституціонной монархіи, подъ сѣнью которой такъ безпрепятственно развивалась буржуазная эксплуатація

Еще наканунѣ роялистъ чистѣйшей воды—Ламартинъ теперь старался найти для себя точку опоры въ каждомъ политическомъ лагерѣ; онъ не терпѣлъ только красной революціи. Онъ предлагалъ свои услуги одинаково всѣмъ умѣреннымъ партіямъ и обратно: всѣ эти партіи радушно протягивали ему руку. Ледрю-Ролленъ, Флоконъ и префектъ полиціи Коссидьеръ были представителями старыхъ якобинскихъ традицій. Правда, они не были проникнуты всецѣло идеями партіи Горы революціоннаго Конвента, но они жили, по крайней мѣрѣ, его воспоминаніями. Но эта Гора 1848 года, по очень мѣткому выраженію Маркса, была лишь фарсомъ, каррикатурой первой Горы, „За Дантона—Коссидьеръ, за Робеспьера—Луи-Бланъ“. Но больше всѣхъ другихъ къ разряду этихъ карриатуръ со старыхъ фигуръ принадлежалъ Ледрю-Ролленъ. Въ дѣйствительности онъ представлялъ собою лишь звучный инструментъ, съ увлеченіемъ повторявшій революціонную фразеологію той великой эпохи и не видѣвшій всего несходства стараго и новаго революціонныхъ поколѣній. Однако, въ этомъ инструментѣ не доставало одной весьма существенной части. Ледрю Ролленъ копировалъ лишь внѣшность старыхъ монтаньяровъ, но далеко былъ отъ того, чтобы подражать ихъ мужеству и рѣшимости. Его приверженцы находились, главнымъ образомъ, въ рядахъ мелкой буржуазіи и въ нѣкоторыхъ слояхъ рабочихъ, жившихъ

еще воспоминаниями первой революціи. Ставшій во главѣ парижской полиціи, его другъ Коссидьеръ, готовилъ для него значительную и преданную армію, организовавъ весь штатъ полиціи сплошь изъ революціонныхъ элементовъ. Эта новая полиція съ ея оригинальнымъ костюмомъ—синяя блуза, красная фуражка, красный кушакъ, изъ-за котораго торчитъ пистолетъ—была какъ разъ подходяща для того, чтобы нагонять страхъ на миролюбиваго, добраго буржуа. Эта своеобразная армія, въ рядахъ которой находилось много сторонниковъ Бланки, т.-е. коммунистовъ-республиканцевъ, приняла для себя имя „монтаньяровъ“ (членовъ партіи Горы).

Луи Бланъ и Альберъ являлись признанными представителями интересовъ пролетаріата въ глазахъ значительной части послѣдняго, мало всматривавшейся въ прошлое и еще менѣе думавшей о своемъ матеріальномъ положеніи. Эти пролетаріи были обольщены видимой практичностью предложеній Луи-Блана, и они-то именно требовали 28-го февраля учрежденія министерства труда и прогресса. Когда же, вмѣсто этого министерства, правительство согласилось учредить „Правительственную Рабочую Комиссію“, то они рѣшили, что эта комиссія послужитъ для Луи-Блана такой же опорой, какою была для Ледрю-Роллена полицейская префектура.

Но громадное большинство членовъ правительства несомнѣнно было на сторонѣ существующаго буржуазнаго порядка. Поэтому-то ихъ не могъ коснуться духъ революціи, они остались далекими отъ области социальныхъ преобразованій; поэтому-то ихъ главной задачей было прежде всего сохранить въ возможной неприкосновенности все достояніе крупной буржуазіи и тѣмъ свести на нѣтъ все, что могла дать революція для значительной части оставшагося неудовлетвореннымъ французскаго народа.

Изъ рукъ правительства приходилось вырывать силой всѣ тѣ мѣропріятія, которыя хоть сколько-нибудь клонились въ пользу народа. Но дальше, вѣдь, правительству ничего не стоило такъ истолковать то, что подъ давленіемъ народа было записано на бумагѣ, чтобы для будущаго оно потеряло всякую цѣну.

Первое засѣданіе „Правительственной комиссіи для рабочихъ“ происходило 1 марта. На паркетахъ зала люксембургскаго дворца собрались делегаты отъ рабочихъ почти всѣхъ отраслей промышленности столицы. Луи Бланъ открылъ засѣданіе одной изъ своихъ наиболѣе блестящихъ рѣчей, которыя ему столь же легко удавались, какъ и Ламартину; онъ не преминулъ при этомъ подчеркнуть, всю знаменательность того факта, что блузники теперь сидятъ на тѣхъ самыхъ креслахъ, на которыхъ всего нѣсколько дней тому назадъ возсѣдали въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ представители высшей аристократіи страны. Послѣ этого слѣдовало обсужденіе вопроса о правильной организаціи представительства рабочихъ, такъ, чтобы, по выраженію Луи Блана, въ Люксембургѣ засѣдалъ

настоящій рабочій парламентъ. Было рѣшено, что каждая отрасль промышленности имѣетъ право послать въ качествѣ официальныхъ представителей трехъ делегатовъ. Въ этомъ же первомъ засѣданіи рабочими было заявлено два другихъ требованія: сокращеніе рабочаго времени и уничтоженіе такъ называемой „Marchandage“ (посредничество), чисто фиктивной сдѣлки передачи наиболѣе крупныхъ работъ предпринимателю-посреднику. Эта „Marchandage“ была настоящей язвой, выросшей подъ сѣнью буржуазной монархіи: двойная прибыль, сдираемая съ рабочихъ капиталистомъ и предпринимателемъ-посредникомъ сильно понижала заработную плату. Понятно, поэтому, что рабочіе возставали противъ этой системы.

Луи-Бланъ, любившій всегда закутываться въ мантию высшей справедливости, потребовалъ, чтобы при обсужденіи обоихъ этихъ требованій рабочихъ обязательно присутствовали и хозяева. Это предложеніе возмутило собраніе; многіе рабочіе рѣзо возстали противъ него и заявили, что только тогда примутся за дальнѣйшія работы въ комиссіи, когда будутъ выполнены оба ихъ требованія. Однако, Луи-Бланъ восторжествовалъ надъ оппозиціей: за него высказалось большинство, и хозяева получили доступъ въ засѣданія комиссіи. Въ засѣданіи слѣдующаго дня оба скромныхъ требованія рабочихъ были приняты. Хозяева поняли, что сопротивленіе бесполезно и уступили. Соответственно этому рѣшенію Рабочей комиссіи, правительствомъ былъ изданъ декретъ:

„1. Рабочій день сокращается на одинъ часъ. Поэтому для Парижа, гдѣ до сего времени былъ принятъ одиннадцатичасовой рабочій день, онъ будетъ равенъ десяти часамъ, а для провинцій, гдѣ былъ двѣнадцатичасовой— одиннадцати часамъ *).

„2. Воспрещается эксплуатація рабочихъ при помощи предпринимателей-посредниковъ или системы Marchandage. Само собою разумѣется, что къ разряду Marchandage не причисляются рабочія товарищества, которыя не имѣютъ цѣлью эксплуатировать рабочихъ“.

Задача „Рабочаго парламента“ состояла въ обсужденіи социальныхъ и экономическихъ вопросовъ текущаго дня и въ выработкѣ законопроектвъ; приведенный выше фактъ показываетъ, что хотя „парламентъ“ и не могъ оказать существеннаго вліянія въ этой области, но, тѣмъ не менѣе, былъ способенъ возбудить общественный интересъ къ рабочему вопросу и пролить нѣкоторый свѣтъ на него.

Общественное мнѣніе было пробуждено февральской революціей не въ одномъ только Парижѣ, но и во всей Франціи. Всюду теперь бродили идеи, которыя раньше, подъ тисками

*) Для проведенія въ жизнь этого декрета не было создано никакого органа и за нарушеніе закона въ началѣ не было назначено никакого наказанія, поэтому онъ и остался мертвой буквой, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ рабочіе не принудили къ исполненію его предпринимателей силой, или гдѣ послѣдніе добровольно не подчинились ему. Но начало все-таки было положено, и въ дальнѣйшемъ можно было опираться на него.

вѣка, имя котораго для ея уха было равносильно угрозѣ,— вождя партіи, идеи которой потрясали до основанія существующій порядокъ вещей и которую считали способной на самыя страшныя дѣла.

Около Бланки группировалась цѣлая фаланга талантливыхъ людей: художниковъ и людей науки, какъ напр. Лакамбрѣ (Lacambre), рабочихъ, какъ Флоттъ (Flotte).

Быль еще только одинъ клубъ, который можно до нѣкоторой степени сравнивать по значенію съ клубомъ Бланки. Это—Революціонный клубъ, основанный *Барбе* (Barbes) *). Барбе былъ товарищемъ Бланки по большинству республиканско-коммунистическихъ заговоровъ эпохи іюльской монархіи: въ дѣлѣ руководства ими одинъ былъ головой движенія, а другой—руками. Но какъ мало общаго было между обоими, революціонерами и со стороны духовной и со стороны физической. У Барбе было все необходимое, чтобы владѣть сердцама массъ; онъ былъ геройски отваженъ и своей крупной мощной фигурой производилъ сильное впечатлѣніе.

Какъ левъ, бросался онъ впередъ всюду, гдѣ только приходилось республиканцамъ-революціонерамъ вступать въ рѣшительную схватку за свою „Маріанну“. 12 мая 1839 года Барбе наши въ безсознательномъ состояніи у подножія одной баррикады. За эту то геройскую отвагу и любилъ его народъ. При всемъ томъ онъ былъ еще и богатъ; на югѣ Франціи у него были крупныя владѣнія, и онъ все-таки стоялъ на сторонѣ противниковъ привилегій богатства. Таковы были его достоинства. Были у него и слабыя стороны. Силѣ характера и неукротимому мужеству не всегда сопутствуютъ сила ума и глубина мышленія. Это мы и видимъ у Барбе: рѣдкій, единственный въ своемъ родѣ характеръ—Барбе далеко не обладалъ присущей Бланки ясностью и глубиною пониманія той исторической роли, какую долженъ сыграть современный пролетаріатъ. Правда, Барбе признавалъ необходимость социальныхъ преобразованій, но его взгляды на этотъ вопросъ были такъ расплывчаты и туманны, что онъ легко могъ стать игрушкой любой партіи, въ которой интрига свила себѣ гнѣздо.

И не смотря на чрезвычайную популярность Барбе въ Парижѣ, народъ, по мнѣнію Ипполита Кастиль, относился все-таки съ большимъ довѣріемъ къ Бланки, котораго любилъ, однако, менѣе, чѣмъ перваго. Первый изъ нихъ, въ глазахъ народа, Бэйаръ (Bayard) революціи, а второй—ея Ришелье (Richelieu)**).

Къ несчастію для дѣла народа, обоихъ ихъ раздѣляла непримиримая вражда именно теперь, когда, повидимому, они должны бы были только дополнять другъ друга. Эту то вражду старались больше углубить и использовать въ своихъ цѣляхъ

*) Къ нему, между прочимъ, принадлежали Прудонъ, Пьеръ Леру, Мартинъ Бернаръ, Рибейроль (Ribeyrolles) и другіе извѣстные социалисты и революціонеры.

***) Bayard считается однимъ изъ величайшихъ героевъ Франціи, а Ришелье—величайшимъ политикомъ.

сторонники правительства. Они хорошо знали, что покуда Бланки и Барбе дѣйствуютъ отдѣльно, революціонные элементы имъ не страшны. И мы скоро увидимъ, на сколько поведеніе Барбе способствовало разрушенію плановъ Бланки, котораго Марксъ какъ-то назвалъ шефомъ пролетариата.

Пришлось бы написать цѣлую книгу для того, чтобы описать дѣятельность клубовъ во время Февральской революціи. Однимъ изъ клубовъ, наиболѣе ожесточенно нападавшихъ на временное правительство, былъ клубъ Друзей Народа, руководимый старымъ республиканцемъ и ученымъ *Распайлемъ* (Raspail).

Клубъ Кабе, насчитывавшій болѣе 5000 членовъ-икарійцевъ, подъ общимъ названіемъ Братскаго Центральнаго Общества, не преслѣдовалъ, собственно, никакихъ самостоятельныхъ революціонныхъ цѣлей; практическимъ осуществленіемъ утопій своего учителя онъ хотѣлъ лишь показать человечеству наилучшій путь къ спасенію отъ современныхъ золъ. Слѣдуетъ еще упомянуть общество Правъ Человѣка, основанное, главнымъ образомъ, съ цѣлью создать противовѣсъ вліянію бланкистскаго клуба. Затѣмъ, было еще Демократическое Центральное Общество, клубъ Эмансипаціи Народа, многочисленные интернаціональные клубы—ирландскіе, итальянскіе, бельгійскіе, нѣмецкіе, причемъ среди послѣднихъ былъ клубъ Гервега (Herwegh). Существовали также и женскія общества, члены которыхъ, по примѣру великой французской писательницы, принимали дѣятельное участіе въ революціи.

На ряду съ клубами, не меньшее развитіе получила демократическая и социалистическая пресса. Однако, и она, подобно клубамъ, свидѣтельствовала о томъ, что парижская революція жила главнымъ образомъ воспоминаніями прошлаго. Одни уже названія газетъ указывали, откуда она черпала свой свѣтъ. „Réforme“ и „National“, продолжавшія еще существовать, намъ уже извѣстны.

Теперь, на ряду съ ними, какъ изъ земли выросъ цѣлый легіонъ радикальныхъ газетъ. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать „Друга народа“ Распайля, органъ ярко прогрессивно-республиканскій, ни мало не страшившійся идеей социальнаго преобразованія; то же самое нужно сказать и объ уже упомянутой нами газетѣ Собръе „Парижская Комуна“ („Com-mune de Paris“), которая, однако, слишкомъ заискивала передъ отдѣльными личностями, какъ напр. Ледрю Ролленомъ и Коссидьеромъ.

Особеннымъ вниманіемъ читателей пользовалось „Народное Дѣло“, благодаря печатавшемуся тамъ социалистическому роману талантливой романистки Жоржъ-Зандъ. Главнымъ редакторомъ газеты „Народный представитель“, основанной Виаромъ (Viard) и Фовети (Fauvety), былъ Прудонъ, который обрушился на новое правительство цѣлымъ фейерверкомъ своей пламенной прозы. Сюда нужно прибавить еще фуриеристскій органъ „Мирная демократія“ съ Викторомъ Консидераномъ во

главѣ, и еще цѣлый рядъ менѣе значительныхъ газетъ и листовъ, одно только перечисленіе которыхъ заняло бы очень много мѣста. Изъ нихъ, пожалуй, болѣе значительную роль играли: „Любезный житель предмѣстія“, „Газета черни“ („Journal de la Kaille“), „Карманьола“ („La Carmagnole“), „Свѣтильникъ“ и др.

Каждая изъ этихъ газетъ, конечно, на свой ладъ трактовала тѣ вопросы, которые стояли передъ республикой.

Такъ, въ началѣ вниманіе возбуждалъ главнымъ образомъ, вопросъ о выборахъ въ учредительное національное собраніе.

Временное правительство, торопившееся свалить съ себя бремя ответственности, постановило: 1) что выборное національное собраніе должно выработать конституцію; 2) что въ выборахъ долженъ участвовать весь народъ; 3) что должно быть избрано 900 народныхъ представителей; 4) что выборы должны быть прямые, всеобщіе и безъ всякаго ценза; 5) что каждый французъ, достигшій 21 года, можетъ быть избирателемъ, а достигшій 25 лѣтъ—избираемымъ и 6) что выборы должны быть тайными. Они предварительно были назначены на 9 апрѣля

Декретъ этотъ появился 5 марта и вызвалъ жестокія нападки. Прудонъ выступилъ противъ всего проекта. Распайль заявилъ въ своемъ „Другѣ народа“, что прежде чѣмъ войти въ силу, онъ долженъ быть одобренъ народомъ. Срокъ, назначенный для выборовъ, также вызвалъ очень рѣзкую критику. Одни говорили, что правительство потому такъ далеко отодвинуло его, что за это время до нѣкоторой степени исчезнетъ республиканскій энтузіазмъ. Другіе, напротивъ, находили что этотъ срокъ слишкомъ коротокъ, особенно для сельскаго населенія, гдѣ нужно внѣдрить идею республики; что въ промежутокъ времени до выборовъ нужно провести столь крупныя реформы, чтобы онѣ могли бы привлечь сельскихъ жителей на сторону республики, безъ чего дѣло ея будетъ потянуто, и т. п.

Послѣдняго мнѣнія, повидимому, держался и Бланки. Онъ полагалъ, что народъ можно привлечь только обширными реформами, и потому задача республики — провести таковыя.

Но онъ прекрасно зналъ, какъ мало было способно буржуазное временное правительство провести эти необходимыя мѣропріятія. Въ этомъ, несомнѣнно, лежитъ причина страстнаго желанія Бланки вытолкать это правительство изъ дверей городской ратуши и замѣстить его людьми, способными очистить путь для дальнѣйшаго развитія низшихъ классовъ. Онъ считалъ опаснымъ предпринимать выборы до проведенія реформъ въ пользу народныхъ массъ и поэтому думалъ, какъ Луи Бланъ и другіе, что срокъ выборовъ долженъ быть отодвинутъ возможно дальше. Можетъ быть, у него была при этомъ нѣкоторая надежда, что въ этотъ промежутокъ времени явится подходящій случай схватить за горло временное правительство. Онъ предвидѣлъ, что разъ будетъ учреждено

правомѣрное законодательное собраніе, у парижской революціи будетъ въ значительной степени отнята почва для разрѣшенія своихъ социальныхъ задачъ. Созданное въ одинъ прекрасный день революціоннымъ возстаніемъ народа и не опиравшееся еще на законно организованную вооруженную силу временное правительство такъ же легко и тѣмъ же способомъ могло быть и уничтожено. Иначе будетъ обстоять дѣло, когда создастся правомѣрно созванное законодательное собраніе.

Эта мысль, можетъ быть, руководила Бланки, когда онъ, послѣ опубликованія избирательнаго декрета, отправился во главѣ своего Республиканскаго Центральнаго Общества въ городскую ратушу, чтобы потребовать смѣщенія всѣхъ чиновниковъ, служившихъ до 24-го февраля, отмѣны всѣхъ законовъ, стѣснявшихъ свободу печати и собраній и, наконецъ, назначенія другого срока выборовъ. Правительство и на этотъ разъ отвертѣлось отъ прямого отвѣта пустыми отговорками.

Вопросъ о выборахъ взбудоражилъ не одни только низшіе классы общества; на буржуазію также напалъ ужасъ. Февральскіе дни пробудили ее отъ полусна, и она съ удивленіемъ увидѣла, что орудіе, которое она такъ усердно заряжала, ударило значительно дальше намѣченной цѣли. Вѣдь она начала борьбу лишь противъ министерства, выражая королю свою полную преданность, и вдругъ увидѣла теперь, что оружіе пролетарія направлено противъ нея самой. Она хотѣла имѣть не больше, чѣмъ конституціонно-либеральную монархію, а на свѣтъ явилась республика, красная республика, какъ думали, которая собиралась забросить въ пыльные кладовыя исторіи всѣ привилегіи великой буржуазіи.

Вышіе классы были отчасти даже изумлены, какъ это народъ, послѣ своей побѣды, оставилъ ихъ головы сидѣть на старыхъ мѣстахъ; они не могли допустить, чтобы единственный господинъ положенія, народъ, предоставилъ имъ и въ дальнѣйшемъ спокойно пользоваться сосредоточенными въ ихъ рукахъ социальными благами. Однако, эта снисходительность возставшаго народа ничуть не уменьшила той скрытой злобы и затаенной жажды отмщенія, которыя питали вышіе классы противъ народа: это возстаніе, въ ихъ глазахъ, было не болѣе, какъ дерзновеннымъ покушеніемъ слуги на права своего господина.

Правительство, конечно, не шло такъ далеко, какъ рисовалось напуганному воображенію буржуазіи, но оно принуждено было все-таки уступить торжествующей революціи и, совсѣмъ помимо своей воли, сломать всѣ преграды, мѣшавшія пролетаріату овладѣть положеніемъ.

Правда, господство пролетаріата не дало ему пока никакихъ положительныхъ результатовъ, но напуганная буржуазія боялась, что дальнѣйшее развитіе движенія дастъ и въ этой области кое-что новое. Народъ не водружалъ уже больше краснаго знамени на Гревской площади, но вѣдь въ революціонныхъ клубахъ онъ всюду выставялъ этотъ цвѣтъ.

далъ изо дня въ день, не находя себѣ опоры въ средѣ покупателей. Пятипроцентная рента, стоявшая въ послѣдніе годы царствованія Луи Филиппа на 115 — 120, упала въ срединѣ марта до 55, а трехпроцентная рента—съ прежняго курса 75—80 до 35.

Но наибольшее опустошеніе чувствовалось въ государственной кассѣ. Буржуазная монархія оставила въ наслѣдство республикѣ бюджетъ въ 1700 милліоновъ франковъ, т. е. по 140 милл. въ мѣсяцъ, затѣмъ—не консолидированнаго долга около 900 милліоновъ и 5 милліардовъ—консолидированнаго. Кассовая наличность, доставшаяся на долю новаго режима едва достигала 192 милліоновъ, т. е. суммы, значительно меньшей средняго размѣра наличности за прежніе годы. При этомъ государственные расходы, несомнѣнно, значительно возрасли и, наоборотъ, соразмѣрно всеобщему обѣдненію, уменьшились доходы. Состояніе государственнаго казначейства министру финансовъ Гудшо казалось столь печальнымъ и банкротство настолько неизбѣжнымъ, что онъ отказался отъ своего поста. На его мѣсто вступилъ Гарнье-Паже, который старался всяческими мѣрами вывести финансы изъ ихъ плачевнаго состоянія.

Билетамъ Французскаго Банка временное правительство присвоило принудительный курсъ, чѣмъ прекращено было дальнѣйшее сокращеніе золотыхъ запасовъ банка. За это правительство получило отъ банка ссуду въ 230 милліоновъ, обеспеченную закладными на государственные лѣса. Выкупъ банковыхъ билетовъ, составлявшихъ почти три пятыхъ всего текущаго долга былъ отсроченъ. Большая часть этихъ билетовъ находилась въ рукахъ капиталистовъ; остальные двѣ трети долга состояли изъ вкладовъ въ сберегательныя кассы мелкаго люда.

Чтобы удержать эти мелкіе вклады въ сберегательныхъ кассахъ, процентъ по нимъ былъ повышенъ до 5, но и эта мѣра оказалась недостаточной: вкладчики осаждали кассы своими требованіями возврата ихъ сбереженій, причемъ многихъ толкала на это самая горькая нужда.

При такихъ условіяхъ Гарнье-Паже добился изданія правительственнаго декрета, которымъ предписывалось выдавать вкладчикамъ наличными деньгами не свыше 100 франковъ, остальное же наполовину банковыми билетами съ правомъ обмѣна ихъ черезъ четыре и шесть мѣсяцевъ, и наполовину—свидѣтельствами пятипроцентной ренты по номинальному курсу, хотя въ дѣйствительности, какъ мы уже замѣтили раньше, курсъ ренты на биржѣ стоялъ на 45 процентовъ ниже *al pari*.

Эти послѣднія финансовыя мѣропріятія вызвали сильное недовольство въ широкихъ слояхъ населенія, такъ какъ они касались, главнымъ образомъ, семействъ рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ; тѣмъ сильнѣе было это недовольство, что временное правительство нарушило ими свое торжественное обѣщаніе точно выполнить всѣ прешедшія на него денежныя обяза-

тельства стараго режима. Дальнѣйшія финансовыя мѣропріятія Гарнье-Паже дали государственному казначейству 160 милліоновъ, но зато они подорвали политическій престижъ республики: мы говоримъ о повышеніи на 45 процентовъ прямыхъ налоговъ. Республикѣ приходилось теперь расплачиваться за грѣхи финансоваго хозяйства іюльской монархіи. Съ принципиальной точки зрѣнія это повышение налоговъ могло бы быть дѣйствительнымъ средствомъ выйти изъ затруднительнаго положенія,—это былъ налогъ на имущество, въ интересахъ труда. Но фактически дѣло обстояло иначе: одиннадцать милліоновъ земельныхъ собственниковъ, въ числѣ которыхъ было много мелкихъ крестьянъ-виноградарей, были обременены болѣе, чѣмъ одиннадцатью милліардами пятипроцентнаго ипотечнаго долга, и налоговая система, введенная въ предшествующій періодъ господства буржуазіи, ложилась не только на ихъ дѣйствительныя имущества, но и на долговыя обязательства; выходило такъ, что больше трети своего дохода, такъ называемой земельной ренты, имъ приходилось отдавать государству, больше трети—на уплату процентовъ по долгамъ и только на оставшуюся ничтожную часть—„жить“, или, лучше сказать, влчить жалкое существованіе. Новая надбавка въ 45 сантимовъ на каждый отдаваемый въ казну франкъ для этого бѣднаго сельскаго люда, который не оправился еще отъ кризиса 1848 года, была уже свѣше всякихъ силъ и породила сильную ненависть къ республикѣ; слѣды этого чувства были замѣтны вплоть до момента паденія республики, и оно же облегчило возможность разныхъ авантюръ самаго низкаго сорта по части „спасенія общества“ *).

Въ числѣ этихъ одиннадцати милліоновъ земельныхъ собственниковъ были и буржуа-домовладѣльцы, которыхъ также ударила по карману эта 45 процентная надбавка къ налогамъ, именно—домовладѣльцы предмѣстій Парижа. Заработки прекратились, и рабочіе пригородовъ принуждены были перебиваться со дня на день, а при такомъ положеніи нечего было и думать получить съ этихъ бѣдняковъ за квартиру. Домовладѣльцы не рѣшались въ то время прибѣгать къ помощи суда, чтобы положить руку на пожитки своихъ неисправныхъ плательщиковъ и тѣмъ выручить квартирную плату и силой вынудить ихъ оставить квартиры; теперь имъ приходилось только тратить собственныя деньги на уплату повышеннаго налога на усадьбу, на двери и окна. Но такъ какъ многимъ городскимъ землевладѣльцамъ, какъ и значительному большинству сельскаго населенія, было не подъ силу платить такой налогъ, то вскорѣ послѣ изданія декрета уплата его сразу пріостановилась; это обстоятельство побудило правительство прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ.

*) «Если революція 1789 года началась съ освобожденія крестьянства отъ феодальныхъ тягостей, то революція 1848 года, чтобы не повредить интересамъ капитала и сохранить въ цѣлости всю его государственную машину, проявила себя прежде всего новымъ налогомъ на сельское населеніе» (Карль Марксъ, «Классовая борьба во Франціи»).

Такимъ образомъ, озлобленіе противъ республики, охватившее широкіе слои населенія, коренилось въ большей или меньшей степени, въ ея же собственныхъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ; но, чтобы показать свое нерасположеніе къ новому правительству и новому порядку, буржуазія, при всей серьезности положенія, выбрала поистинѣ смѣхотворный поводъ; такимъ поводомъ послужило распоряженіе правительства о реорганизациіи національной гвардіи. Король-буржуа организовалъ ее въ 1831 году почти исключительно изъ представителей буржуазіи и ея сторонниковъ; поэтому въ рукахъ правительства имѣлась вооруженная сила, съ помощью которой оно раньше прекрасно расправлялось со всѣми попытками возстаній угнетенныхъ классовъ народа. Но разъ временное правительство признало теперь, хотя и противъ желанія большинства его членовъ, принципъ самодержавія народа, равенство гражданъ, оно тѣмъ самымъ, конечно, принуждено было и въ гражданской арміи исключить возможность преобладанія высшихъ классовъ. Оно объявило, что въ ряды этой арміи должны вступить всѣ способные носить оружіе граждане, безъ различія классовъ и состоянія. Когда крупная буржуазія узнала объ этомъ постановленіи, она почувствовала обиду при одной мысли, что ей придется теперь стоять рядомъ, плечомъ къ плечу, съ обыкновеннымъ рабочимъ и обращаться съ нимъ, какъ съ сотоварищемъ. Но надежда отстоять свои привилегіи еще не была потеряна ею. Чувство классовой розни настолько глубоко проникло въ души въ періодъ буржуазной монархіи, что даже отдѣльные слои буржуазіи, крупной и мелкой, никогда не смѣшивались между собою въ рядахъ національной гвардіи. Мы уже отмѣтили раньше, что для представителей крупной буржуазіи были созданы особые отборные отряды гвардіи, носившіе медвѣжьи шапки. Но въ виду поднятой клубами и прогрессивной печатью сильной агитаціи за демократизацію національной гвардіи, правительство 14 марта принуждено было издать приказъ о распусненіи отборной гвардіи. Теперь буржуазія не могла больше сдерживать своего гнѣва. Уже 15 марта вечеромъ нѣкоторые изъ этихъ распущенныхъ отрядовъ послали въ городскую ратушу делегатовъ, чтобы заявить протестъ противъ такого распоряженія. Делегаты, однако, не ограничились одной лишь передачей письменнаго протеста, они поставили на видъ правительству его народолюбіе вообще и циркулярныя предписанія Ледрю-Роллена—въ особенности.

Въ этомъ первомъ открытомъ столкновеніи крупной буржуазіи съ правительствомъ многіе современники видятъ ничто иное, какъ тщеславную выходку людей, желавшихъ и впредь красоваться въ блестящихъ мундирахъ. Эти простаки, однако, совсѣмъ проглядѣли тотъ пунктъ въ переданной правительству петиціи, въ которомъ эти отряды соглашались пожертвовать своей особой формой, но требовали признанія ихъ правъ на обособленное существованіе въ рядахъ національной

гвардіи. Буржуазія добивалась того, чтобы ея сторонники не были смѣшаны съ массой народа, изъ боязни потерять свое право первенства, на что она, по ея мнѣнію, по всей справедливости могла разсчитывать и въ будущемъ.

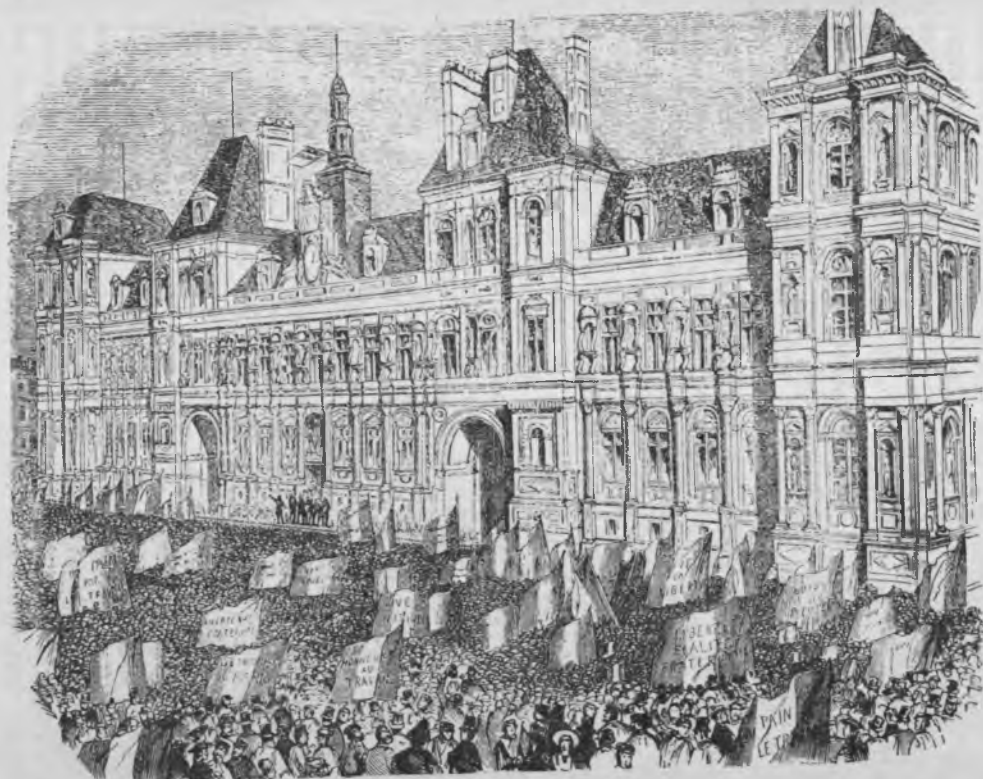
На слѣдующій день, 16 марта, на Гревскую площадь отправились уже не только одни делегаты, но и цѣликомъ сами распушенные гвардейскіе отряды, чтобы добиться отмѣны декрета. Но еще по дорогѣ между ними и рабочими, пришедшими на этотъ разъ съ цѣлью защиты правительства, завязались довольно рѣзкіе переговоры. Куртэ (Courtais), генералъ національной гвардіи, также прибылъ на площадь и старался привести къ послушанію взбунтовавшихся гвардейцевъ. Въ отвѣтъ ему посыпался цѣлый градъ оскорбленій. Одѣтые въ мундиры буржуа бросились къ нему и старались сорвать съ него эпoletы и отнять шпагу; ему было брошено самое сильное оскорбленіе, какое только могли придумать буржуазные мозги—его называли коммунистомъ! Генералу пришлось бы плохо, если бы на помощь къ нему не бросилась группа рабочихъ. Съ крикомъ „да здравствуетъ республика!“ устремились они на нападавшихъ и прогнали ихъ съ площади. Досталось нѣсколько отъ гвардейцевъ и на долю Ледрю Роллена, который въ этотъ моментъ подѣхалъ въ своей каретѣ къ городской ратушѣ.

Для временнаго правительства было совершенно ясно, что уступать подобнымъ требованіямъ буржуазіи невозможно. Его растерзалъ бы народъ, противъ котораго еще не было создано никакой организованной военной силы. Вотъ въ этомъ-то и лежитъ причина стойкости правительства по отношенію къ требованіямъ буржуазіи. Отъ его имени Араго объяснилъ делегатамъ гвардіи, что приказъ о ея распушеніи изданъ не однимъ лишь Ледрю-Ролленомъ, но—всѣмъ правительствомъ, по соглашенію съ командиромъ національной гвардіи. Араго поставилъ имъ на видъ опасность массовыхъ демонстрацій; если подобный примѣръ подаетъ классъ буржуазіи, сторонницы мира и порядка, то вѣдь въ подражаніяхъ ему со стороны рабочихъ недостатка не будетъ.

На Гревской площади, между тѣмъ, собралась большая толпа народа. Вѣсть объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ Ледрю-Роллену гвардейцами буржуазіи, очень быстро разнеслась всюду.

Народъ кричалъ: „да здравствуетъ Ледрю-Ролленъ!“ При выходѣ изъ зданія ратуши делегаты были встрѣчены насмѣшками и ругательствами и отряды буржуазной гвардіи должны были съ позоромъ разойтись при грозныхъ кликахъ народа; „да здравствуетъ республика!“ Эта буржуазная демонстрація получила въ народѣ насмѣшливую кличку „демонстраціи медвѣжьихъ шапокъ“.

Предсказанія Араго оказались вѣрными. Буржуазія устроила свою демонстрацію,—теперь пришла очередь народа. Мысль о ней уже нѣсколько дней волновала умы широкихъ массъ. Народъ требовалъ отсрочки выборовъ офицеровъ на-

Народная демонстрация передъ ратушей 17-го марта 1848 г.

ціональной гвардіи, отсрочки выборовъ въ учредительное національное собраніе, а также—удаленія войскъ, все еще находившихся въ столицѣ. Послѣднее требованіе возникло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ агитации Бланки, который надѣялся этимъ оказать давленіе на болѣе трусливыхъ и реакціонныхъ членовъ правительства и, принудивъ ихъ выйти въ отставку, посадить на ихъ мѣсто людей, болѣе пригодныхъ для выполнения революціонныхъ задачъ. Уступчивость правительства, однако, заставляла все откладывать день устройства демонстраціи. Теперь поведеніе буржуазіи дало къ ней поводъ.

Какъ электрической токъ, пробѣжала по всѣмъ мастерскимъ, клубамъ и улицамъ вѣсть: завтра въ 9 часовъ на аллеи Елисейскихъ полей (Avenue des Champs-Élysées!).

Не менѣе 200,000 человекъ отозвалось на этотъ призывъ. Утромъ 17-го марта по улицамъ столицы шли стройныя рабочія колонны, организованныя по профессіямъ. Гигантскій кортежъ двигался къ ратушѣ вдоль Сены. Вскорѣ Гревская площадь наполнилась шумнымъ моремъ человѣческихъ головъ и воздухъ огласился знакомыми звуками марсельезы.

Луи Бланъ говоритъ, что сначала онъ боялся неудачи предположенной демонстраціи, но что теперь, при видѣ приближающагося грандіознаго кортежа, его охватила искренняя радость. Онъ говоритъ, что по внѣшности ничего угрожающаго нельзя было предполагать.

Однако, спустя нѣсколько строкъ, онъ прибавляетъ: „Но набѣжавшее облачко омрачило эту радость. Въ ратушу вошли делегаты и одинъ изъ нихъ, гражданинъ Жераръ (Gérard), прочелъ петицію, въ которой именемъ парижскаго народа требовалось удаленіе войскъ, отсрочка выборовъ офицеровъ національной гвардіи до 5-го апрѣля и выборовъ въ національное собраніе—до 31-го мая; но я вдругъ замѣтилъ среди присутствующихъ нѣсколько незнакомыхъ фигуръ, на лицахъ которыхъ было написано что-то угрожающее. Я тотчасъ же понялъ, что эти личности не принадлежатъ къ составу цеховъ; а только лишь втерлись въ толпу и что, если не вся делегация, то по крайней мѣрѣ часть ея—люди не рабочіе. Цехи желали того, что было выражено въ петиціи; но нѣкоторые изъ числа делегатовъ старались пользоваться всякимъ моментомъ, чтобы напасть на тѣхъ членовъ правительства, которые держались иного мнѣнія, чѣмъ наша группа—Ледрю-Ролленъ, Флоконъ, Альберъ и я“.

Люди, о которыхъ говоритъ здѣсь Луи-Бланъ, были никто иные, какъ Бланки, Лакомбръ (Lacombre), Флоттъ (Flotte), словомъ,—весь штабъ Республиканскаго Центрального Общества; они хотѣли помѣшать тому, чтобы народъ опять угостили пустыми фразами, на которыя Луи-Бланъ былъ такимъ мастеромъ. И они были правы. Луи Бланъ дальше самодовольно сообщаетъ, что въ виду такихъ обстоятельствъ онъ почувствовалъ себя обязаннымъ первымъ броситься на защиту правительства.

Что же толкнуло на это Луи Блана—великодушіе или слабохарактерность? Каждый безпристрастный человекъ пойметъ, что такое поведеніе, по меньшей мѣрѣ, странно для человека, который зналъ, что для большинства правительства было тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣе оно избавится отъ него. Затѣмъ, Луи Блану лучше, чѣмъ кому бы то ни было другому, было извѣстно, что это правительство не только не сдѣлало ничего того, чтобы привлечь къ республикѣ страну, но что оно незадолго передъ тѣмъ повысило на 45 сантимовъ налоги, взваливъ новую тяжесть на плечи мелкаго крестьянства и создавъ тѣмъ самымъ изъ него рѣшительнаго врага новаго режима. Оставляя этихъ людей у кормила правленія значило, даже съ точки зрѣнія самого Луи Блана, компрометтировать республику. Въ своихъ „Признаніяхъ революціонера“ Прудонъ прекрасно выясняетъ всю противорѣчивость поведенія Блана въ этихъ событіяхъ. Онъ имѣлъ теперь дѣло съ людьми, которые пришли лишь для того, чтобы осуществить его собственныя завѣтныя желанія; „когда же пришелъ удобный моментъ“, говоритъ Прудонъ, „онъ воспользовался имъ противъ тѣхъ самыхъ людей, которые намѣрены были на дѣлѣ доказать ему свою преданность... Онъ отвернулся отъ ихъ мрачныхъ лицъ“.

Послѣ Луи Блана. Ледрю-Ролленъ и Ламартинъ также старались уговорить делегатовъ, но тутъ выступилъ Бланки съ рѣзкой, повелительной рѣчью. Казалось, будто онъ былъ здѣсь господиномъ положенія. Онъ настаивалъ на немедленномъ исполненіи предъявленныхъ народомъ требованій, онъ требовалъ, чтобы правительство дѣйствовало въ духѣ истинныхъ соціальныхъ и демократическихъ принциповъ. Въ числѣ делегатовъ былъ также и Барбе. Достаточно было лишь простого знака этого человека, чтобы сконить чашку вѣсовъ на сторону революціи. Но это значило бы—работать въ пользу Бланки. Только непримиримая ненависть къ послѣднему связывала ему руки и сковывала его уста. Къ этому нужно прибавить еще, что послѣ его возвращенія въ Парижъ многіе сторонники правительства, въ томъ числѣ Этьенъ и Эмануэль Араго, сынъ и братъ члена правительства, напрягали всѣ усилія, чтобы повліять на него. И это оказалось не безуспѣшнымъ. Именно его-то пассивное поведеніе въ данный моментъ и помогло временному правительству благополучно миновать этотъ опаснѣйшій подводный камень на своемъ пути.

На площади гудѣла громадная толпа и неустанно пѣла свою марсельезу, а тѣмъ временемъ Луи Бланъ пытался еще разъ подѣйствовать на делегатовъ бальзамомъ своихъ медоточивыхъ фразъ. Грубый голосъ заявилъ ему въ отвѣтъ: „Будьте увѣрены, что народъ будетъ за васъ работать и умирать, но лишь въ томъ случаѣ, если вы станете отстаивать его права“. Одинъ изъ делегатовъ принялся увѣрять членовъ правительства въ полную довѣрїю къ нимъ рабочихъ. Но бланкисты прервали его рѣзкими криками: „Не всѣ!“ Трудно сказать, какой оборотъ приняло бы дѣло въ дальнѣйшемъ, если бы

въ защиту правительства не выступили Барбе и вышеупомянутый делегатъ, его другъ, революціонеръ Сольвье (Solvier). Среди революціонеровъ не было единства, и потому они были безсильны *).

Ледрю-Ролленъ заявилъ делегатамъ, что изъ провинціи ожидаются необходимыя свѣдѣнія для того, чтобы окончательно назначить день выборовъ; послѣ этого делегаты ушли, не добившись никакихъ положительныхъ результатовъ.

Правительство пожелало еще разъ показаться своему доброму народу и по большой лѣстницѣ вышло на переднюю эстраду ратуши. На лѣстницѣ Луи Бланъ почувствовалъ, какъ неожиданно на его плечо опустилась чья-то тяжелая рука, — то былъ бланкистъ, рабочій Флоттъ, который сказалъ: „И ты оказался также измѣнникомъ, даже ты!“ Не такъ встрѣтила его толпа; всюду слышались крики привѣтствія и Луи Блана съ Ледрю-Ролленомъ рабочіе проводили до ихъ канцелярій.

Послѣ этого безконечный corteжъ сотенъ тысячъ рабочихъ двинулся подъ звуки марсельезы вдоль бульваровъ. Со страхомъ наблюдала буржуазія это зрѣлище, которое совсѣмъ не способствовало повышенію ея симпатій къ народной республикѣ.

*) Бывшій въ числѣ делегатовъ социалистъ *Кабе* также высказался противъ всякаго насилія по отношенію къ временному правительству. О событіи 17-го марта *Марксъ* пишетъ: «17-го марта показало всю двусмысленность положенія пролетаріата, не допускающую никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій... Для того, чтобы выступить *противъ* буржуазіи, ему пришлось встать на сторону буржуазной республики. Въмѣсто того, чтобы подчинить себѣ временное правительство, онъ укрѣпилъ его позицію». («Класс. борьба во Фр.», стр. 26 нѣм. изд.).

Прудонъ въ своихъ «Признаніяхъ» называетъ 17-го марта «реакціей Луи Блана» и говорить, что партія Бланки намѣтила и его, Прудона, кандидатомъ въ составъ временнаго правительства, очищеннаго отъ негодныхъ элементовъ. («Признанія», стр. 68 нѣм. изд.).

ГЛАВА VIII.

Революція и соціальныя реформы.—Возникновеніе коопераций.—Проектъ о жилищахъ рабочихъ.—Люксембургская комиссія и стачки.—Законопроектъ комисіи.—Национальныя мастерскія и реакція; заговоръ въ средѣ правительства.—Заграничные рабочіе.

Демонстрація 17-го марта, которой пролетаріатъ выразилъ сочувствіе небольшой, наиболѣе радикальной части временнаго правительства, значительно укрѣпила положеніе послѣдней.

Съ другой стороны, выступленіе всего рабочаго класса, его страстное возбужденіе и очевидная готовность, если понадобится, силой отстаивать свои справедливыя требованія, многому научили и правительство въ его цѣломъ. Оно убѣдилось, что народъ, по крайней мѣрѣ большая часть его, не успокоится, пока не добьется своего. Искренніе борцы за соціальныя реформы были теперь сильны вдвойнѣ: во-первыхъ, за ними стояла пролетарская масса, всегда готовая къ борьбѣ; во-вторыхъ, на ихъ сторонѣ была моральная сила, такъ какъ остальные члены правительства, благодаря бурной настойчивости пролетаріата, сознали невозможность долѣе противиться его требованіямъ.

Что же правительство сдѣлало? Ничего или почти ничего! Говорили много. Изливали свои чувства въ пѣсняхъ. Писали стихотворенія, дышавшія восторгомъ и симпатіей къ угнетенному народу; воспѣвали его освобожденіе. Восторженно пѣли и декламировали пѣсни Піера Дюпона (Pierre Dupont) и Пьера Лашамбоди (Pierre Lachambeaudie), оплакивавшія соціальную нищету и возвѣщавшія свободу обездоленнымъ.

Члены клубовъ состязались въ дебатахъ. Само правительство не скупилось на блестящія рѣчи, полныя „глубокой симпатіи къ страдающимъ классамъ“.

Никто не рѣшался оспаривать, что революція, поднятая рабочимъ классомъ, носила соціальныя характеръ и имѣла соціальныя цѣли. Въ виду этого, на ряду съ упомянутыми выше постановленіями о посредничествѣ при наймѣ и о рабочемъ времени, представлялось неизбѣжнымъ сдѣлать по крайней мѣрѣ попытки къ мѣропріятіямъ, ведущимъ къ улучшенію положенія рабочаго класса. Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы по инициативѣ Луи Блана и комисіи, засѣдавшей въ Люксембургѣ. Выше упоминалось уже о постановленіи,

Мастерская товарищества портныхъ въ Клиши.

чтобы всѣ граждане, способные носить оружіе, были зачислены въ національную гвардію. Далѣе правительство рѣшило снабжать мундирами всѣхъ, кто былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы самому его завести. Луи Блану представился удобный случай частично осуществить свои идеи, онъ настоялъ, чтобы огромная работа по обмундированію была выполнена самими рабочими, безъ участія посредниковъ. Онъ создалъ проектъ большого кооперативнаго товарищества портныхъ. Въ скоромъ времени оно открыло свои дѣйствія, получивъ въ свое распоряженіе зданіе упраздненной долговой тюрьмы въ Клиши (Clichy).

Товарищество было основано на слѣдующихъ началахъ. Отъ каждаго участника требовалось хорошее поведеніе, доброе желаніе и достаточное знакомство съ ремесломъ. Не должно было существовать въ товариществѣ иного начальства, кромѣ довѣренныхъ лицъ, выбираемыхъ всѣми участниками товарищества. При распредѣленіи платы и прибыли былъ положенъ въ основу принципъ равенства. Кромѣ того, пришли къ соглашенію учредить особый фондъ для вспоможенія вдовамъ, сиротамъ и больнымъ; чистую прибыль рѣшили раздѣлить на двѣ части: одну изъ нихъ распредѣлять между участниками кооперации, а другую оставлять для постепеннаго накопленія общаго капитала. Послѣдній долженъ былъ, такъ сказать, упрочить, расширить и увѣковѣчить принципъ товарищества.

При такихъ обстоятельствахъ товарищество портныхъ, конечно, быстро разрослось; достойно вниманія, что оно послужило исходной точкой характернаго для 1848 года движенія. Въ развитіи коопераций рабочіе думали найти спасеніе и принялись осуществлять ихъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи.

За товариществомъ портныхъ Люксембургская комиссія вскорѣ основала второе товарищество—сѣдельщиковъ. Временное правительство считало нужнымъ охранять рабочихъ отъ гибельной конкуренціи труда нестроевыхъ командъ въ арміи и заключенныхъ въ исправительныхъ тюрьмахъ. Въ интересахъ свободныхъ рабочихъ оно уничтожило работы въ тюрьмахъ и казармахъ, и Луи Бланъ воспользовался случаемъ создать и для сѣдельщиковъ товарищество, подобное портняжному. За ними возникло товарищество ткачей и еще нѣсколько другихъ.

Намъ кажется излишнимъ подробно останавливаться на политико-экономическомъ значеніи этихъ производительныхъ товариществъ. Въ послѣднее время общепризнано, что кооперация ручнаго труда недостаточна при крупномъ производствѣ, что для конкуренціи съ современной крупной промышленностью необходимъ прежде всего капиталъ. Система товариществъ, быть можетъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ, въ области потребленія, и облегчаетъ положеніе рабочаго класса, но она не можетъ способствовать его экономическому освобожденію. Если Люксембургская комиссія и не могла произвести коренныхъ измѣненій въ положеніи труда, за неимѣніемъ законодательной и исполнительной

власти, то она все же пыталась содѣйствовать серьезному улучшенію положенія рабочаго класса. Съ этой цѣлью Луи Бланъ представилъ своимъ товарищамъ, между прочимъ, слѣдующій проектъ:

Въ каждомъ рабочемъ кварталѣ слѣдуетъ возвести образцовый жилой домъ обширныхъ размѣровъ, рассчитанный приблизительно на 400 рабочихъ семей. Каждое изъ живущихъ въ немъ семействъ должно имѣть свою изолированную квартиру. Предметы каждодневнаго потребленія, какъ пища, отопленіе, освѣщеніе, должны быть запасаемы или изготовляемы въ большемъ количествѣ. Читальни, залы для дѣтей, школы сады, дворы и бани должны находиться въ распоряженіи всѣхъ жильцовъ. Каждое изъ такихъ зданій, по смѣтѣ архитектора, должно обойтись приблизительно въ 1 милліонъ; чтобы покрыть этотъ расходъ, правительство должно сдѣлать особый заемъ.

„При тогдашнемъ положеніи вещей“, говоритъ Луи Бланъ, „я долженъ былъ сдѣлать подобное предложеніе. Когда же быстро смѣняющіяся событія измѣнили положеніе, мой проектъ, подобно многимъ другимъ, устранился самъ собой“.

Кромѣ того, Люксембургская комиссія устроила при управленіяхъ городскими участками бюро для пріисканія занятій, чтобы возможно скорѣе пристраивать безработныхъ. Были приняты ею и еще нѣкоторыя другія мѣры, продиктованныя тѣми же побужденіями.

Одно время эта комиссія даже играла роль третейскаго судьи между хозяевами и рабочими. Послѣ февральскихъ дней рабочіе отважились предъявлять работодателямъ всевозможныя требованія. Выступая съ рѣшительными заявленіями своихъ правъ передъ правительствомъ, они дѣлали то же и предъ хозяевами, что повлекло за собой непрерывный рядъ стачекъ. Въ такихъ случаяхъ обычно стали прибѣгать къ посредничеству Люксембургской комиссіи.

Какъ сказано выше, въ 1848 г. говорили много о соціальныхъ преобразованіяхъ. Подобныхъ дебатовъ было достаточно и въ Люксембургѣ, гдѣ существующій соціальный строй подвергался строгой критикѣ. Вотъ примѣръ произносимыхъ на эту тему рѣчей:

„Вы намъ говорите: работайте! Но у насъ нѣтъ ни поля, чтобы вспахать его, ни лѣса, чтобы строить дома, ни желѣза, чтобы ковать... Развѣ намъ дозволено собирать плоды на поляхъ и въ садахъ, брать воду изъ колодезевъ, охотиться на лѣсныхъ звѣрей или наслаждаться лѣсной прохладой? На нашу долю не хватаетъ ни работы, ни жизненныхъ благъ; когда мы появились на свѣтъ, все уже имѣло своего собственника; безъ насъ были созданы законы, жестоко выбрасывающіе насъ на произволъ судьбы; по этимъ законамъ, средства производства, дарованная землею для равнаго пользованія всѣми ея дѣтьми, сдѣлались исключительнымъ достояніемъ избранныхъ“. Не трудно въ этихъ словахъ услышать отголоски яркихъ рѣчей Луи Блана.

На обязанности Люксембургской комиссії лежала и подготовка законопроектовъ для представленія ихъ будущему національному собранію. Какого рода средства она избрала, чтобы уничтожить социальное зло? Для иллюстраціи процитируемъ Луи Блана, духовнаго творца всѣхъ наиболѣе существенныхъ проектовъ этой комиссії. Онъ пишетъ:

„Мѣры, предложенныя Люксембургской комиссіей, вкратцѣ заключаются въ слѣдующемъ:

Пунктъ 1. Необходимо учредить министерство труда, специальная задача котораго заключалась бы въ подготовкѣ социальной революціи и постепенной, мирной, безболѣзненной ликвидаціи капиталистическаго строя.

Пунктъ 2) Министерству труда слѣдуетъ поручить: 1) посредствомъ выпуска государственной ренты скупить желѣзныя дороги и рудники; 2) французскій банкъ превратить въ государственный банкъ; 3) учредить государственное страхованіе; 4) организовать большіе товарные склады, стоящіе подъ наблюдениемъ отвѣтственныхъ чиновниковъ, куда фабриканты и производители могли бы помѣщать свои товары; полученные взаимѣнн документы должны имѣть силу бумажныхъ денегъ; послѣдніе будутъ безусловно обезпечены, такъ какъ подъ залогъ ихъ лежитъ товаръ, оцѣненный компетентными лицами; наконецъ, 5) открыть базары, которые для мелкой торговли должны играть ту же роль, какъ товарные склады для крупной.

Пунктъ 3. Изъ чистой прибыли, которую въ настоящее время даютъ частнымъ предпринимателямъ желѣзныя дороги, рудники, страхованіе и банки, и которая при новой системѣ перейдетъ къ государству, и изъ государственныхъ сборовъ съ товарныхъ складовъ министерство труда должно составить свой особый рабочій бюджетъ.

Пунктъ 4. Изъ него должны покрываться расходы на уплату процентовъ и на погашеніе долговыхъ обязательствъ, вытекающихъ изъ взятыхъ правительствомъ въ свои руки предприятий. Остатокъ долженъ итти: 1) на субсидированіе рабочихъ товариществъ и 2) на сельско-хозяйственныя колоніи.

Пунктъ 5. Рабочія товарищества, получающія субсидію отъ государства и основывающіяся на принципѣ братской солидарности, должны имѣть возможность накапливать неотчуждаемый и безпрестанно растущій коллективный капиталъ. Только при этомъ условіи уничтожится крупное и мелкое ростовщичество; капиталъ перестанетъ быть средствомъ эксплуатаціи; орудія производства не будутъ собственностью привилегированныхъ лицъ; кредитъ не будетъ предметомъ торговли; и праздность и богатство—исключительнымъ правомъ избранныхъ.

Пунктъ 6. Рабочее товарищество, пользующееся государственною субсидіей, должно положить въ основу своего существованія слѣдующіе принципы: за вычетомъ вознагражденія за трудъ, процентовъ на капиталъ и всѣхъ затратъ на производство и матеріалъ, чистый доходъ распределяется такъ: одна четверть идетъ на погашеніе капитала, принадлежащаго соб-

ственникамъ отчужденнаго государствомъ владѣнія; изъ второй четверти составляется фондъ для вспомошествованія престарѣлымъ рабочимъ; третья—распредѣляется между рабочими въ видѣ дополнительнаго вознагражденія; послѣдняя четверть идетъ на составленіе резервнаго фонда. Такъ организуются товарищества отдѣльныхъ профессій. Для созданія между ними солидарности слѣдуетъ организовать товарищество различныхъ отраслей производства“.

Вотъ въ общихъ чертахъ то, что Луи Бланъ подразумѣвалъ подъ министерствомъ труда, чего требовали явившіеся 28 февраля къ ратушѣ рабочіе, и въ чемъ имъ отказало временное правительство. Оно не хотѣло дать Луи-Блану возможность осуществить столь дорогой его сердцу планъ организаціи труда. Оно неохотно соглашалось давать товариществамъ средства для непосредственной обработки сырыхъ матеріаловъ или для выполненія полученныхъ заказовъ.

О значеніи товариществъ, проектированныхъ и основанныхъ въ то время, теперь не можетъ быть двухъ мнѣній. Какъ извѣстно, они иногда достигаютъ хорошихъ результатовъ, создавая для нѣкоторыхъ рабочихъ болѣе сносныя условія жизни, но они не способны измѣнить существующія соціальныя отношенія.

Извѣстный англійскій экономистъ, Джонъ Стюартъ Милль, такъ отзывается о Люксембургской комиссіи и ея дѣятельности:

„Въ сущности ни одинъ изъ проектовъ, возникшихъ въ Люксембургской комиссіи, не оправдываетъ того ужаса, который испытывали при словѣ социализмъ правительство и общество. Вполнѣ справедливо было требовать отъ правительства, чтобы оно до извѣстной степени поддерживало организацію производительныхъ товариществъ, построенныхъ на социалистическихъ началахъ“.

Однако, Луи Блану въ 1848 году не удалось сдѣлать популярной ни одну изъ идей, осуществленіе которыхъ, по его мнѣнію, могло бы способствовать соціальному прогрессу. Виной тому было недовѣріе къ національнымъ мастерскимъ, возникшимъ какъ разъ во время агитаціи Луи Блана въ пользу „соціальныхъ мастерскихъ“. Многіе писатели или по невѣжеству или даже изъ злого умысла нерѣдко смѣшивали эти національныя мастерскія съ проектируемыми Луи Бланомъ соціальными мастерскими. Национальныя мастерскія возникли безъ малѣйшаго содѣйствія Луи Блана; наоборотъ, на нихъ смотрѣли, какъ на средство борьбы съ начинаніями Люксембургской комиссіи. Это была лишь новая разновидность буржуазной благотворительности; Квентинъ Бушаръ (Quintin Vochard) справедливо назвалъ ихъ „благотворительными заведеніями“ *). „Послѣдствіемъ учрежденія національныхъ мастерскихъ,—говоритъ Викторъ Марукъ (Viktor Marouk), социалистическій писатель, издавшій не-

*) Марксъ въ вышецитированномъ сочиненіи называетъ ихъ «англійскіе рабочіе дома на свободѣ» (стр. 34).

большой трудъ о іюньскихъ дняхъ,—прежде всего должна была явиться деморализація рабочихъ. За парижскихъ рабочихъ нечего было бояться. Съ самаго начала они стали тяготиться своимъ унижительнымъ положеніемъ. Только голодъ былъ способенъ загнать ихъ въ національныя мастерскія“.

Совершенно вѣрно, только голодъ, возникшій вслѣдствіе острога промышленнаго кризиса еще до революціи и все больше усиливавшійся, вызвалъ наплывъ въ національныя мастерскія.

Крупная буржуазія, относясь враждебно къ новому режиму, обостряла этотъ кризисъ. Она вынимала свои капиталы изъ промышленныхъ предпріятій и таила при себѣ свои богатства. Нельзя удивляться, что число рабочихъ въ національныхъ мастерскихъ возрастало въ непредвидѣнной и ужасающей прогрессіи. 11 марта въ мастерскихъ работало 5,100 человѣкъ, а къ 31 марта число ихъ увеличилось на 23,250 чел., къ концу апрѣля еще на 34,530; въ іюнѣ общее число рабочихъ въ національныхъ мастерскихъ дошло до 117,310 человѣкъ. Всю эту толпу организовали на военный ладъ. Каждый рабочій получалъ билетъ на отпускъ хлѣба и опредѣленную плату—2 фр. (70—80 коп.) за рабочій день и 1¹/₂ фр. за праздникъ. Каждые 11 человѣкъ, живущіе въ одной части города, составляли капральство; командовавшій ими капраль выбирался рабочими и получалъ содержаніе въ 2,1¹/₂ франка. 5 капральствъ составляли бригаду, командиръ которой получалъ 3 фр. и также выбирался рабочими. Четыре бригады образовывали лейтенантство; четыре лейтенантства—„компанію“, ея командовалъ лейтенантъ или мастеръ, по назначенію правленія. Найти работу для такого огромнаго числа людей оказалось дѣломъ труднымъ. Нельзя было выходить изъ узкихъ рамокъ, поставленныхъ временнымъ правительствомъ. Пришлось ограничиться работами крайне непроизводительными, главнымъ образомъ, земляными. Государственные инженеры сидѣли сложа руки и не думали создавать новыхъ проектовъ для крупныхъ полезныхъ предпріятій. Бюрократія, состоявшая вчера на жалозаніи у монархіи, такимъ способомъ доказывала все свое отвращеніе къ республиканскому образу правленія.

Въ національныхъ мастерскихъ часто совершенно не знали, что дѣлать съ рабочими; подъ предлогомъ транспортныхъ работъ ихъ нерѣдко большими партіями отправляли просто гулять. Рабочіе съ пѣніемъ, криками и гиканьемъ шествовали по улицамъ столицы и вызывали негодованіе среди мирныхъ обывателей. Вину и позоръ правительства они всецѣло перенесли на рабочихъ. Въ душѣ крупнаго и мелкаго буржуа зрѣла ненависть къ рабочему классу; кровавые іюньскіе дни были ея результатомъ.

Среди рабочихъ, поступившихъ въ національныя мастерскія, были люди энергичные, сильные, стыдившіеся своего времяпрепровожденія. Но что оставалось имъ дѣлать? Отъ жалкихъ 2 франковъ, выдаваемыхъ здѣсь государствомъ, нерѣдко завистѣли здоровье и жизнь дорогихъ существъ, голодныхъ дѣтей.

Съ другой стороны, правительство даже не было въ состояніи принять въ мастерскія всѣхъ желающихъ. Въ освѣдомленныхъ кругахъ спокойно шли на встрѣчу событіямъ; знали, что мастерскія долго просуществовать не могутъ, и заранѣе рѣшили свалить всю вину въ неудачахъ политики правительства на кажущихся защитниковъ ея, на людей съ социалистическими убѣждениями, какъ Луи Бланъ и другіе, и посвятить ненависть къ социалистамъ, особенно среди сельскаго населенія. Тогда наступитъ подходящий моментъ подтвердить картечью полныя обѣщанія рѣчи Ламартина, привѣтствуемыя негѣдко и Луи-Бланомъ.

Министръ общественныхъ работъ Мари (Marie), былъ представителемъ реакціи во временномъ правительствѣ. Во главѣ національныхъ мастерскихъ онъ поставилъ молодого инженера Эмиля Тома (Thomas), служившаго орудіемъ въ его рукахъ и получившаго титулъ чрезвычайнаго комиссара.

Главная цѣль была держать рабочихъ въ повиновеніи и зависимости. Усердіе и покорность вознаграждались повышеніями и переводами на лучшія должности. Разбивая рабочихъ на военные отряды, реакція начинаетъ среди нихъ и свою тайную пропаганду противъ социалистическихъ начинаній Люксембургской комиссіи и клубовъ. Эмиль Тома въ своей „Исторіи національныхъ мастерскихъ“ рассказываетъ, что при національныхъ мастерскихъ былъ устроенъ клубъ съ спеціальной цѣлью служить противовѣсомъ Люксембургской комиссіи.

Викторъ Марукъ (Viktor Marouk), очень мѣтко характеризую политику правительства, говоритъ: „Военная дисциплина, введенная среди рабочихъ, должна была служить цѣлямъ антиреволюціонной партіи во временномъ правительствѣ. Такимъ путемъ создавалась преторіанская гвардія, готовая оказывать правительству всякаго рода услуги. Одновременно съ этимъ дискредитировали социализмъ и сѣяли рознь среди рабочаго класса“.

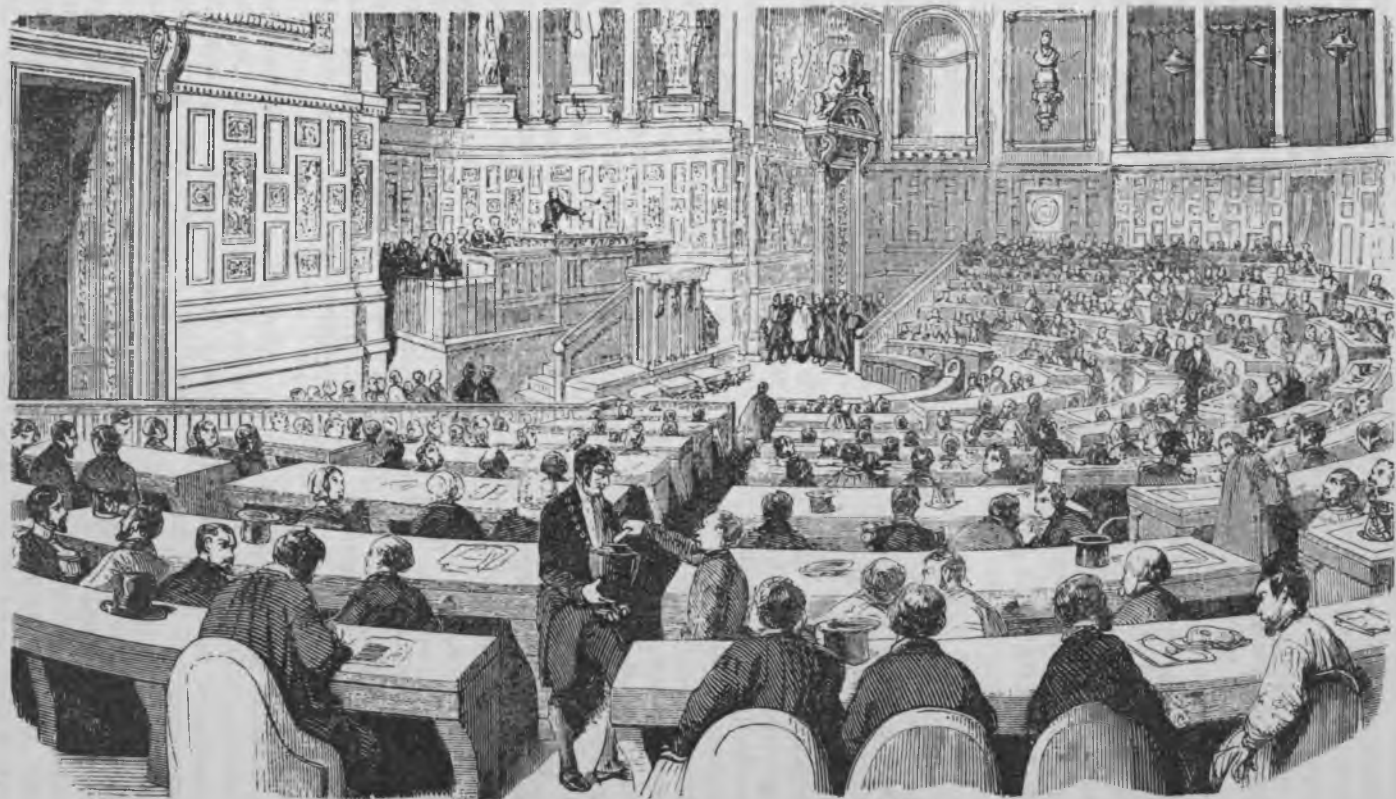
Объ этомъ заговорѣ правительства Эмиль Тома даетъ слѣдующія свѣдѣнія: „Господинъ Мари пригласилъ меня въ ратушу... Отведя меня въ сторону, онъ тихо спросилъ, могу-ли я положиться на своихъ рабочихъ. „Думаю, что да“ — отвѣтилъ я. „Число ихъ, однако, такъ быстро растетъ, что становится затруднительнымъ всегда вліять на нихъ въ желательномъ направленіи“. — „Небойтесь ихъ числа“, возразилъ министръ; „если есть дисциплина, количество не играетъ роли. Старайтесь найти способъ сдѣлать ихъ покорными и вѣрными себѣ. Не скупитесь на деньги; если понадобится, въ ваше распоряженіе будутъ даны тайныя суммы... Можно ли рассчитывать на безусловное повиновеніе вашихъ людей? Быть можетъ, близокъ день, когда придется ихъ вывести на улицу“.

Вотъ картина заговора реакціонной партіи во временномъ правительствѣ. Антисоциалистическая агитація въ клубѣ національныхъ мастерскихъ, гдѣ наемные агенты изо всѣхъ силъ старались внушить рабочимъ чисто буржуазныя идеи и реакціонные политическіе взгляды, оказалась уже недостаточной.

Всѣми способами и средствами разжигали ненависть къ людямъ, подобнымъ Бланки, Распайлю, Луи-Блану и другимъ.

Старанія реакціонеровъ нельзя было считать совершенно безнадежными; удавалось, вѣдь, раньше обманывать рабочихъ, слѣдовательно, можно было и въ 1848 г. на это рассчитывать. Въ это время еще только зарождалось социалистическое воспитаніе рабочаго класса во Франціи; да оно и теперь оставляетъ желать многого. Самый социализмъ былъ еще робокъ и шатокъ. Прежніе вредные, глубоко вкоренившіеся предрасудки далеко еще не были вытравлены изъ ума рабочаго. Часто рабочіе, недовольные своимъ тяжелымъ экономическимъ положеніемъ, не знали, на кого обрушить свой гнѣвъ, и становились безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ перваго встрѣчнаго авантюриста. Многие рабочіе, доведенные до отчаянія отсутствіемъ работы и средствъ къ существованію, обрушивались на ближайшую кажущуюся причину ихъ нищеты: они начали сокрушать машины. Мало того, въ апрѣлѣ 1848 г. произошло печальное событіе: толпа французскихъ рабочихъ напала на иностранныхъ рабочихъ обвиняя ихъ, что они отнимаютъ у нихъ работу и хлѣбъ насущный. Марсель, дававшій заработокъ многимъ итальянскимъ портовымъ рабочимъ, сдѣлался ареной обширныхъ беспорядковъ; въ Гаврѣ англійскіе рабочіе, послѣ нѣсколькихъ серьезныхъ стычекъ, были принуждены покинуть городъ. Нѣчто похожее произошло и въ нѣкоторыхъ каменноугольныхъ копяхъ. Даже Парижъ былъ охваченъ этимъ движеніемъ. Префектъ полиціи Косидьеръ (Caussidière), увлеченный революціонной волной, издалъ распоряженіе, объявляя заграничнымъ рабочимъ, что доступъ въ національныя мастерскія для нихъ закрытъ, и они даже могутъ быть высланы изъ столицы.

Но въ рядахъ самихъ рабочихъ и ихъ вожаковъ раздавались рѣзкіе протесты противъ подобныхъ жестокихъ заблужденій. „Atelier“, органъ рабочей организаціи, созданной Бюше и его сотоварищами, обратился къ обманутымъ французскимъ рабочимъ съ горячимъ воззваніемъ, стараясь удержать ихъ отъ ошибокъ. Люксембургская комиссія въ свою очередь энергично заступилась за иностранныхъ рабочихъ. Отъ ея имени Луи Бланъ предложилъ временному правительству издать слѣдующее разъяреніе, которое имъ было принято и 9-го апрѣля опубликовано въ „Moniteur“: „Принимая во вниманіе, что вмѣстѣ съ республикой восторжествовали принципы равенства и братства; что мы боролись и побѣдили во имя и въ интересахъ всего человѣчества; что понятіе о человѣкѣ заключаетъ въ себѣ нѣчто священное, высокое, остающееся неприкосновеннымъ для представителей всѣхъ національностей; что Франція всегда пользовалась симпатіей народовъ, завоевать которую она считала своей священной обязанностью; какъ путемъ блестящихъ побѣдъ, такъ и подвигами самопожертвованія. Принимая во вниманіе, что если Франція и кормитъ въ настоящее время многихъ иностранцевъ, то еще большее число ея сыновъ живутъ трудами рукъ своихъ въ Англіи, Германіи и другихъ го-

Рабочій парламентъ въ Люксембургъ.

сударствахъ; что было бы преступно и позорно своимъ поведеніемъ вызвать преслѣдованіе и изгнаніе нашихъ заграничныхъ братьевъ—временное правительство Франціи ставитъ иностранныхъ рабочихъ, живущихъ во Франціи, подъ защиту французскихъ рабочихъ и вѣряетъ великодушію народа поддержаніе чести гостепріимной республики“.

Травля иностранныхъ рабочихъ такимъ образомъ прекратилась. Къ сожалѣнію, это движеніе еще лишній разъ доказало, что въ Парижѣ рабочая масса была еще безсознательна и дѣйствовала инстинктивно; реакція легко сумѣла воспользоваться ею для борьбы съ социалистически настроенной частью пролетаріата. Только это обстоятельство дало возможность реакціонной части временнаго правительства при посредствѣ национальныхъ мастерскихъ осуществить свои коварные замыслы.

* * *

Въ виду того, что ниже не представится для этого удобнаго случая, здѣсь будетъ умѣстно дать болѣе подробныя свѣдѣнія о Люксембургской рабочей комиссіи; она сыграла видную роль въ общественномъ движеніи XIX столѣтія и предвосхитила многія реформы, ставшія впоследствии общепризнанными. Нужно согласиться, что комиссія была заражена извѣстной долей доктринерства, неизбѣжнаго, впрочемъ, при ея исключительномъ и своеобразномъ положеніи. Но она, несомнѣнно, являлась представительницей взглядовъ и стремленій наиболѣе сознательной части французскаго пролетаріата. Ею въ гораздо болѣе мѣрѣ руководили идейные мотивы, она гораздо глубже понимала социальные и экономическіе законы, чѣмъ обычно принято думать. Критикъ Прудона, крайне преувеличенной и часто несправедливой, можно противопоставить мнѣніе Карла Маркса: „Люксембургской комиссіи, этому творенію парижскихъ рабочихъ, принадлежитъ заслуга разоблаченія скрытаго смысла революціи девятнадцатаго столѣтія: „Moniteur“ выходилъ изъ себя, когда долженъ былъ оффиціально провозглашать ея „дикія бредни“, скрывавшіяся до сихъ поръ въ апокрифическихъ писаніяхъ социалистовъ и только изрѣдка доходящія до ушей буржуазіи въ видѣ не то страшныхъ, не то смѣшныхъ слуховъ. Пораженная Европа проснулась отъ своей буржуазной дремоты“ („Классовая борьба“, стр. 29).

Выше уже было сказано, что рабочіе, засѣдавшіе въ Люксембургской комиссіи, были свободно избраны своими товарищами. По предложенію Луи Блана, отъ каждой отрасли промышленности выбирались три делегата. Одинъ изъ нихъ участвовалъ въ подготовительныхъ работахъ и особыхъ совѣщаніяхъ комиссіи; двое другихъ принимали участіе только въ общихъ собраніяхъ, гдѣ уже выработанные доклады и проекты читались, дебатировались и ставились на голосованіе. Комиссія тотчасъ послѣ возникновенія поспѣшила привлечь въ свои совѣщанія свѣдущихъ представителей общественныхъ наукъ

безъ различія класса и школы. Были приглашены фурьеристы: Викторъ Консидеранъ и А. Туссенель, (A. Toussenal) сэнъ-симонистъ Жанъ Рэйно, (Jean Reynaud) экономистъ-фритредеръ Воловскій (Wolovski) и др. „Если мѣста нѣкоторыхъ выдающихся мыслителей остались незанятыми“, говоритъ Луи Бланъ въ своихъ „Révélations Historiques“, то только потому, что эти лица въ то время отсутствовали, подобно Пьеру Леру, или они отказывали въ своемъ содѣйствіи, какъ Эмиль де-Жирардэнъ, или, наконецъ, они считали, подобно Анфантану, свои идеи достаточно представленными ихъ друзьями, состоявшими членами комиссіи“ (томъ I, стр. 182). „Особеннаго вниманія“, продолжаетъ Луи Бланъ, „достойны незамѣнимыя услуги, оказанныя мнѣ Видалемъ (Vidal), главнымъ секретаремъ комиссіи, и Пекеромъ (Pecqueur), они оба—люди съ огромными заслугами, большими знаніями и основательнымъ знакомствомъ съ политической экономіей“. Похвала эта вполне основательна. Видалъ и Пекеръ должны занять видное мѣсто въ исторіи социализма. Ихъ глубокое пониманіе экономическихъ проблемъ было удивительно для того времени (Видалъ писалъ свое „Общественное хозяйство“ въ 1838 г., Пекеръ свои „Матеріальныя улучшенія“ въ 1840 г.). Видалъ болѣе правильно устанавливаетъ законъ заработной платы, чѣмъ это позднѣе сдѣлалъ Лассаль, несомнѣнно знавшій взглядъ Видала. Онъ говоритъ: „Трудъ превратился въ товаръ; предложеніе его растетъ съ каждымъ днемъ, а спросъ уменьшается; капиталъ приобрѣтаетъ его по все болѣе дешевой цѣнѣ. Рабочій, оторванный отъ земли и цеха, теперь прикованъ къ мастерской... болѣе того, человѣкъ становится простымъ придаткомъ къ машинѣ, приложеніемъ къ вещи... При первомъ требованіи на рабочую силу являются толпы рабочихъ; когда спросъ прекратится, голодъ и нужда убиваютъ излишнихъ... Когда численность рабочаго населенія перерастетъ извѣстныя предѣлы, люди не могутъ существовать, они... вымираютъ. Итакъ, нормальная заработная плата соответствуетъ минимуму средствъ существованія. Заработная плата тяготѣетъ къ этому минимуму съ такой же необходимостью, какъ вода стремится сохранить свой уровень: „таковъ—законъ“.—Цитируя неоднократно Пекера, Марксъ говоритъ, что „онъ въ сущности сэнъ-симонистъ, хотя и радикальнѣе Сэнъ-Симона“; изъ его появившейся въ 1842 г. „Theorie Nouvelle de l'Economie Sociale“ (Новая теорія социальна и экономіи) Марксъ приводитъ слѣдующее мѣсто, заключающее осужденіе универсальнаго рецепта и Прудона: „Попробуйте устроить національное кредитное учрежденіе, снабжающее деньгами людей съ талантомъ и опытомъ, но не имѣющихъ средствъ; не принуждайте вашихъ должниковъ къ тѣсной солидарности въ производствѣ и потребленіи; предоставьте имъ свободно регулировать обмѣнъ и производство. Этимъ путемъ вы добьетесь результатовъ, достигаемыхъ частными банками: анархія, антагонизмъ между производствомъ и потребленіемъ, внезапный крахъ однихъ и быстрое обогащеніе другихъ; вы

ГЛАВА IX.

Революція и Европа. — Народное возстаніе въ Вѣнѣ и Берлинѣ. — Волненіе въ Германіи. — Италія; Миланъ; Венеція. — Роль Карла Альберта. — Политика временнаго правительства и европейскія революціи. — Французскій народъ и заграничные демократы. — Попытки къ возстанію вольныхъ дружинъ. — Жалкая роль правительства.

Мы уже говорили о томъ, что броженіе въ Европѣ началось еще до 1848 г. Не совсѣмъ правильно, поэтому, утверждаютъ многіе историки, что именно февральская революція подала сигналъ къ возстанію въ старой Европѣ. Причину одновременности народныхъ волненій скорѣе слѣдуетъ искать въ томъ, что всюду накопилось достаточно горючаго матеріала, запылавшаго яркимъ пламенемъ, лишь только изъ Парижа подулъ вѣтеръ революціи.

13-го марта революція вспыхнула въ Вѣнѣ. Народъ требовалъ отставки Меттерниха, австрійскаго Гизо, свободы печати, вооруженія народа и конституціонной формы правленія. Послѣ двухдневнаго сраженія Фердинандъ 14-го марта былъ вынужденъ уступить. Меттернихъ бѣжалъ изъ вѣнскаго замка черезъ Прагу въ Лондонъ, куда скрывались въ то время всѣ государственные дѣятели и правители, спасавшіеся бѣгствомъ отъ революціоннаго пожара Европы. 15-го марта въ Вѣну явилась депутація изъ Венгріи съ Людвигомъ Кошутомъ во главѣ. Ея требованія также были удовлетворены: было восстановлено національно-венгерское правительство съ отдѣльнымъ отвѣтственнымъ министерствомъ.

Въ тѣ же дни, когда событія разыгрывались въ Вѣнѣ, народъ началъ шевелиться и въ Берлинѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь народъ сначала былъ крайне скромнъ въ своихъ требованіяхъ, ограничиваясь отмѣной цензуры и введеніемъ конституціи. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV уже пошелъ на уступки и 18-го марта подписалъ два указа: однимъ упразднялась цензура и взамѣнъ ея вводился газетный залогъ; вторымъ возвѣщалось о совѣтѣ 2 апрѣля прусскаго ландтага. Либеральная буржуазія была этимъ удовлетворена, и народъ огромной толпой явился къ дворцу благодарить вышедшаго на балконъ и снисходительно раскланивавшагося короля. Вдругъ неожиданно въ два часа дня вызывающее поведеніе военныхъ властей вызвало катастрофу.

Со стороны дворца подѣхали драгуны и гренадеры съ цѣлью очистить площадь и оттѣснить народъ въ ближайшія улицы. Послѣдовало два залпа, ставшіе историческими. Разъяренная толпа разсѣялась, призывая къ мести, и въ короткое время всѣ улицы покрылись баррикадами. Рабочіе бросили мастерскія и фабрики и вступили въ бой; уличное сраженіе продолжалось до утра 19-го марта; военная придворная партія была окончательно разбита и войска отступили.

Одновременно съ Берлиномъ поднялся и Кельнъ и другіе прирейнскіе города. Въ то время Рейнскія провинціи еще не такъ тѣсно слились съ прусскимъ государствомъ. Раздавались голоса за ихъ отдѣленіе отъ Пруссіи и за присоединеніе къ Французской республикѣ. На ряду съ этимъ политическимъ движеніемъ, вожаки котораго принадлежали къ уже сильной въ то время рейнской буржуазіи, пробуждалась и рабочая масса, выступая съ социалистическими требованіями упраздненія постоянныхъ войскъ, всеобщаго вооруженія народа, охраны труда, воспитанія дѣтей на счетъ государства и пр. Еще до конца марта вся Германія отъ Одера до Боденскаго озера, отъ русской до французской границы, была охвачена народнымъ движеніемъ но благодаря неразвитымъ экономическимъ отношеніямъ, благодаря малой сознательности пролетаріата движеніе только кое-гдѣ принимало социалистическую окраску, обычно выливаясь въ борьбу за конституцію.

Въ Италіи февральская революція вызвала еще болѣе сильное сотрясеніе, чѣмъ въ Германіи, Австріи и Франціи. Мы уже видѣли, какія бурныя формы приняло здѣсь движеніе, начиная съ 1846 г. Либеральныя затѣи папы Пія IX дали движенію новую пищу. Въ Неаполѣ произошло нѣсколько жестокихъ сраженій изъ-за конституціонныхъ реформъ. Народъ задыхался подъ гнетомъ правленія Фердинанда II, фанатика абсолютизма. Подъ такимъ же гнетомъ находились роскошныя провинціи Сѣверной Италіи: Ломбардія и Венеція. Вѣнскими договорами онѣ были прикованы къ дому Габсбурговъ, и надъ ними тяготѣлъ ихъ желѣзный кулакъ.

Чтобы подавить въ зародышѣ всякое сопротивленіе, австрійское правительство издало исключительные законы; каждый итальянскій патріотъ, заподозрѣнный въ участіи въ заговорѣ противъ австрійскаго деспотизма, немедленно приговаривался военнымъ судомъ къ смерти. Связанные по рукамъ и ногамъ, жители Ломбардіи и Венеціи долго не знали, какъ сбросить съ себя это иго; въ своемъ отчаяніи народъ часто прибѣгалъ къ мелочнымъ средствамъ борьбы, показывавшимъ, однако, всю глубину его ненависти къ австрійскому правительству. Когда, напр., была введена табачная монополія, народъ отказался совершенно отъ куренія, не желая покупать австрійскій табакъ и австрійскія сигары. Февральская революція въ Парижѣ пробудила и въ итальянцахъ новыя надежды. Порабощенный народъ обращалъ свои взоры на Францію въ полной увѣренности, что онъ оттуда получитъ спасеніе и помощь.

Арсеналъ въ Венеціи.

крупный, если бы ему удалось приобрести популярность и, послѣ сверженія нынѣшнихъ властителей, быть призваннымъ вліятельными патріотами занять освободившееся мѣсто. Владѣнія, подобныя Ломбардіи, могли заставить монарха, жаждущаго новыхъ приобретеній, сдѣлать уступки либеральному духу времени. Подъ вліяніемъ такихъ побужденій, Карлъ Альбертъ 11-го октября 1847 года призвалъ либеральное министерство графа Чезаре Бальбо (Cesare Balbo) и далъ согласіе на нѣкоторыя отвѣчавшія потребностямъ момента реформы. Скоро онъ сдѣлался почти столь же популярнымъ, какъ и папа. Его положеніе итальянскаго короля, имѣвшаго въ распоряженіи значительное войско, обращало на него вниманіе патріотовъ. Пере мѣна во взглядахъ Карла Альберта позволяла предполагать въ немъ долю патріотическаго чувства, котораго онъ и не скрывалъ. Но, главнымъ образомъ, страхъ предъ болѣе радикальными представителями революціи и ихъ конечными цѣлями, хорошо извѣстными ему, какъ бывшему карбонарію, побудилъ его, по полученіи извѣстія о возстаніи въ Миланѣ, отправиться во главѣ своей арміи въ Ломбардію и сдѣлать попытку объединить верхнюю Италію въ конституціонное королевство.

Независть къ австрійскому владычеству вызвала и въ Венеціи революцію. Венеціанцы хотѣли во что бы то ни стало освободить изъ заключенія своихъ народныхъ героев, Даніэля Манина (Daniel Manin) и Николо Томазео (Nicolo Tomaseo), арестованныхъ 18-го января.

Возстаніе вспыхнуло такъ неожиданно, что гарнизонъ былъ обезоруженъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ даже принять мѣры къ оборонѣ. Уже 22 марта Манинъ (Manin) могъ воскликнуть на площади Санъ-Марко (San-Marco): „Недостаточно свергнуть старое правительство; на его мѣсто должно быть поставлено новое: республика!“. И дѣйствительно въ древней, знаменитой столицѣ дождей была учреждена республика; здѣсь народъ былъ увѣренъ въ своихъ собственныхъ силахъ и не нуждался въ королѣ Сардиніи. Почти одновременно и въ Моденѣ и Пармѣ была провозглашена также республика.

Когда отголоски февральской революціи разнеслись далеко за предѣлы Франціи; когда тамъ монархія была уничтожена и объявлена республика, европейскіе монархи, охваченные ужасомъ, начали тайно готовиться къ борьбѣ. Прусскій король держалъ въ боевой готовности пограничную крѣпость Сарлуи (Saarlouis); царь Николай I, получившій извѣстіе о революціи во время придворнаго бала, обратился къ своимъ офицерамъ: „Господа, въ Парижѣ объявлена республика; будьте готовы садиться на коней“. Царь имѣлъ основаніе прійти въ ярость при одномъ упоминаніи о республикѣ. Она вызывала грозные призраки въ умахъ абсолютныхъ монарховъ. Они видѣли въ новой республикѣ наслѣдницу той великой и сильной республики, которая, не взирая на то, что Франція гибла въ пожарѣ внутреннихъ раздоровъ, направила тѣмъ не менѣе свои

знаменитыя 14 армій во всё государства Европы и всколыхнула сверху до низу всё монархіи старой Европы.

На этотъ разъ европейскіе монархи трепетали напрасно. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Ламартинъ, наиболѣе вліятельный членъ временнаго правительства, былъ вовсе не похожъ на Сэнь-Жюста (St. Just), друга Робеспьера, который подойдя къ берегамъ Рейна далъ смѣлый отвѣтъ парламентарамъ союзниковъ: „Французская республика ничего не принимаетъ отъ своихъ враговъ. Она встрѣчаетъ ихъ пулями“.

Отъ имени всего правительства Ламартинъ поспѣшилъ успокоить европейскіе дворы. Послы короля Луи Филиппа были отозваны, и на ихъ мѣста республика отправила своихъ агентовъ. Послѣдніе должны были объяснить правительствамъ, что республика не имѣетъ намѣренія измѣнять положеніе Франціи среди европейскихъ державъ и ея отношенія къ нимъ. Она желаетъ и далѣе поддерживать добрыя отношенія Франціи къ тѣмъ изъ державъ, которыя, подобно ей, согласны отстаивать независимость народа и всеобщій миръ.

Правда, весьма немногія изъ правительствъ въ то время искренно признавали принципъ независимости народа. Эта фраза была лишь дипломатическимъ ходомъ Ламартина. Съ одной стороны, онъ могъ оправдать безучастное отношеніе Франціи къ европейскимъ революціямъ, приписывая абсолютнымъ правительствамъ качество, котораго у нихъ не было; съ другой стороны, онъ хотѣлъ нѣсколько умѣрить революціонный пылъ своего народа, требовавшаго поддержки революціонныхъ движеній въ остальной Европѣ; такимъ двусмысленнымъ аргументомъ онъ разсчитывалъ сохранить хоть тѣнь благосклонности народа. Какъ ни жалка была роль государственнаго мужа и дипломата Ламартина, онъ отлично понималъ, что важнѣе всего для временнаго правительства увѣрить иностранныя державы въ своемъ миролюбіи и, искусно лавируя, сдерживать желанія и надежды своего народа. Въ этомъ духѣ онъ издалъ пространный манифестъ съ цѣлью „выяснить міру внѣшнюю политику республики“.

Въ началѣ манифеста проводилась параллель между первой и второй республикой. Какъ для первой важнѣе всего была война, такъ для второй главнымъ условіемъ существованія является миръ. Это объясненіе сильно отдавало политикой мира во что бы то ни стало, которую республиканцы не разъ ставили въ упрекъ буржуазному королевству, считая ее самымъ удобнымъ способомъ покровительствовать европейскому абсолютизму. Далѣе въ манифестѣ Ламартинъ выступаетъ съ нѣсколько большей смѣлостью, обращаясь, очевидно, къ народу. Онъ говоритъ: „Излагая передъ европейскими державами свои взгляды, временное правительство отнюдь не имѣетъ въ виду извиняться за рѣшительное провозглашеніе республики или еще менѣе просить о ея признаніи, ибо великій народъ имѣетъ право его требовать“. Далѣе пояснялось, что договоры 1815 г. въ глазахъ Французской республики не являются неизмѣнными и

обязательными. Однако, территориальныя границы, утвержденныя этими договорами, представляютъ фактъ, который Французская республика кладетъ въ основу своихъ отношеній къ прочимъ націямъ; если явится необходимость въ какихъ-либо измѣненіяхъ, ихъ слѣдуетъ установить путемъ законнымъ и мирнымъ *). Въ одномъ мѣстѣ манифестъ былъ прямо обращенъ къ европейскимъ народамъ, начавшимъ только что сбрасывать свои оковы. Желаніе посвятить имъ нѣсколько красивыхъ словъ и этимъ удовлетворить общественное мнѣніе Франціи побудили Ламартина написать слѣдующія торжественныя фразы:

„Если по волѣ провидѣнія наступилъ часъ возрожденія нѣкоторыхъ угнетенныхъ народностей въ Европѣ или гдѣ бы то ни было; если Швейцаріи, нашему вѣрному союзнику со времени Франца I. будетъ угрожать задержка въ правильномъ развитіи совершающагося въ ней демократическаго движенія; если независимыя государства Италіи подвергнутся нападению или будутъ поставлены границы и препятствія ихъ внутреннимъ преобразованіямъ; если силою оружія будетъ у нихъ оспариваться право объединиться между собою для основанія итальянской родины,—Французская республика будетъ считатьъ себя въ правѣ поднять оружіе для поддержки законнаго движенія въ пользу роста и освобожденія національностей... Республика объявляетъ себя духовной и искренней союзницей всѣхъ законныхъ правъ, всякаго прогресса, законѣрнаго развитія жизни народовъ, желающихъ слѣдовать тѣмъ принципамъ, которые республика считаетъ своими. Она не будетъ вести революціонной пропаганды у своихъ сосѣдей. Она увѣрена, что прочны лишь тѣ свободы, которыя выросли и окрѣпли на собственной почвѣ“.

Въ сущности манифестъ заключалъ гарантіи по отношенію къ иностраннымъ державамъ и лишь пустыя слова, обращенныя къ французскому народу. Очень красиво звучало: „мы не будемъ вести революціонной пропаганды; всѣ преобразованія должны совершаться мирнымъ путемъ; всѣ свободы—простекать изъ собственныхъ силъ народа“. Но не время было въ моментъ, когда народы Европы проливали свою кровь за свободу, призывать къ абсолютно миролюбивой политикѣ. Это было равносильно отказу помочь чѣмъ-либо несчастнымъ народамъ, дѣлавшимъ сверхчеловѣческія усилія для сверженія оковъ абсолютизма. Европейскіе монархи могли быть спокойны.

*) Эта двусмысленная фраза явилась слѣдствіемъ компромисса въ средѣ временнаго правительства. Луи Бланъ энергично предлагалъ объявить въ манифестѣ, что республика не признаетъ болѣе вѣнскіе договоры 1815 г. законными. Но такъ какъ подобное заявленіе было бы равносильно объявленію войны, пришлось прибавить поясненіе, ровно ни къ чему не обязывающее. Впрочемъ Даніэль Стернъ (Daniel Stern) правъ, говоря по поводу этого документа, что двусмысленность его была вовсе не такъ велика, какъ двусмысленность положенія, въ которомъ вообще находилось правительство.

Въ фразяхъ Ламартина ясно проглядывалъ мелко буржуазный духъ временнаго правительства. На Францію народамъ нечего было разсчитывать. Абсолютизмъ могъ спокойно вооружаться и купаться въ крови народовъ; Франція не вступится!

Не слѣдуетъ, однако, парижскій народъ, вообще народъ большихъ французскихъ городовъ, считать соучастникомъ этой гнусной комедіи. Онъ не только горѣлъ желаніемъ видѣть свободными всѣ другія націи; онъ принималъ, какъ мы позднѣе увидимъ, активное участіе въ дѣлѣ ихъ освобожденія. Въ Парижѣ было много иностранцевъ. много политическихъ бѣглецовъ, жившихъ послѣ февральскихъ дней надеждой вернуться на родину во главѣ дружинъ добровольцевъ, снаряженныхъ молодой республикой, и помочь народу завоевать себѣ власть. Среди нихъ было много нѣмцевъ, сражавшихся на баррикадахъ.

6-го марта Гервегъ (Herwegh) предложилъ составленный имъ адресъ къ французскому народу, который былъ восторженно принятъ нѣмецкими революціонерами. Два дня спустя, на площади Карусели собралось около 6000 человекъ; поднявъ французское и нѣмецкое знамя, они торжественно двинулись на Гревскую площадь къ ратушѣ, гдѣ Гервегъ, сопровождаемый тридцатью нѣмцами, вручилъ этотъ адресъ временному правительству. Кремье поблагодарилъ отъ имени правительства пришедшихъ и привѣтствовалъ союзъ двухъ народовъ, нѣмецкаго и французскаго. Эта манифестація была встрѣчена съ энтузіазмомъ парижскимъ народомъ. Когда изъ Вѣны и Берлина получились извѣстія о вспыхнувшей революціи, когда изъ Бадена сообщили о готовящемся возстаніи республиканцевъ, часть нѣмецкихъ борцовъ не могла болѣе усидѣть въ Парижѣ; они составили отрядъ, выбрали предводителей и 24-го марта выступили въ походъ на Страсбургъ, надѣясь поддержать возстаніе въ Германіи и учредить республику.

Выше было сказано, что послѣ февральской революціи возникло множество политическихъ клубовъ, основанныхъ не только французами, но и иностранцами. Существовалъ всеобщій союзъ Бельгійцевъ; у Поляковъ, организовавшихъ даже военные легіоны, было нѣсколько клубовъ; былъ клубъ Савояровъ, Итальянцевъ, Ирландевъ и др. Нѣмецкіе союзы были многочисленнѣе другихъ; нѣмецкое Демократическое Общество съ Гервегомъ (Herwegh) и Бернштедомъ (Bernstedt) во главѣ, въ которомъ былъ составленъ вышеупомянутый адресъ, насчитывало нѣсколько тысячъ членовъ. Это общество носило чисто демократическій характеръ, но рядомъ съ нимъ существовалъ германско-парижскій союзъ съ ярко выраженными социалистическими тенденціями. Наиболѣе выдающимися членами въ немъ были: Морицъ Гесъ (Hes Moritz), І. Шабелицъ (J. Schabelitz) и Г. Эвербекъ (H. Ewerbek); Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ также вступили въ этотъ союзъ. Планъ вооруженнаго втор-

женія въ Германію, возникшія въ Демократическомъ Обществѣ, этимъ союзомъ не одобрялся; напротивъ, онъ совѣтовалъ своимъ членамъ, желавшимъ вернуться на родину, по одиночкѣ покидать Парижъ.

Депутатовъ отъ иностранныхъ республиканцевъ всегда принималъ Ламартинъ въ зданіи ратуши. Боясь возбудить неудовольствіе европейскихъ державъ, онъ систематически отказывалъ депутатамъ въ просьбѣ снабдить ихъ оружіемъ. При этомъ нерѣдко происходили рѣзкія объясненія, особенно съ Поляками, возмущенными двуличнымъ поведеніемъ временнаго правительства. Такія же столкновенія происходили и съ нѣмцами парижскаго легіона, страстно желавшими перейти черезъ Рейнъ. Адальбертъ фонъ-Бернштедтъ, (Adalbert v. Bernstedt), вождь ихъ, съ основаніемъ, воскликнулъ на одномъ изъ засѣданій „Общества правъ человѣка“:

„Франція не имѣетъ права допускать, чтобы народы, умоляющіе ее о помощи, безпощадно избивались“.

Французскій гражданинъ, членъ этого антибланкистскаго, но все же революціоннаго клуба, возразилъ ему, что каждый истинный республиканецъ обязанъ требовать отъ правительства помощи заграничнымъ патриотамъ.

У временнаго правительства все таки не хватало смѣлости отказывать иностраннымъ демократамъ, просящимъ помощи. Въ засѣданіи 24 марта правительство разсудило, что благоразумнѣе будетъ помочь германскимъ бѣглецамъ и рабочимъ вернуться на родину, чѣмъ бороться съ ними въ Парижѣ; оно отпустило нѣмцамъ кредитъ въ 60,000 фр., чтобы вернуться въ Страсбургъ. Три дня спустя дали и полякамъ 150,000 фр. и, кромѣ того, гарантировали именемъ французскаго народа помощь и покровительство ихъ женамъ и дѣтямъ, остающимся въ Парижѣ. Въ оружіи же всѣмъ рѣшительно отказывали. Правительство ни подъ какимъ видомъ не хотѣло способствовать вооруженному вторженію въ сосѣднія государства.

30-го марта изъ Парижа выступилъ второй отрядъ нѣмецкихъ республиканцевъ. До Вэнсэна (Vincennes) ихъ провожала сочувствующая толпа французовъ и иностранцевъ. За этимъ отрядомъ въ скоромъ времени послѣдовали и другіе. Всего отправилось около 800 человѣкъ; они подняли трехцвѣтное (черно-красно-золотое) знамя объединенной Германіи. Моментъ, однако, былъ выбранъ неудачно.

Правительства старались всевозможными обѣщаніями успокоить возбужденное населеніе. Нѣмецкій народъ, убаюкиваемый обманчивыми обѣщаніями лучшаго будущаго, вовсе не былъ склоненъ къ возстанію.

Въ неудачахъ нѣмецкихъ демократовъ жившихъ въ Парижѣ, сыграло не малую роль временное правительство Франціи, которое всевозможными средствами, особенно тайными сноше-

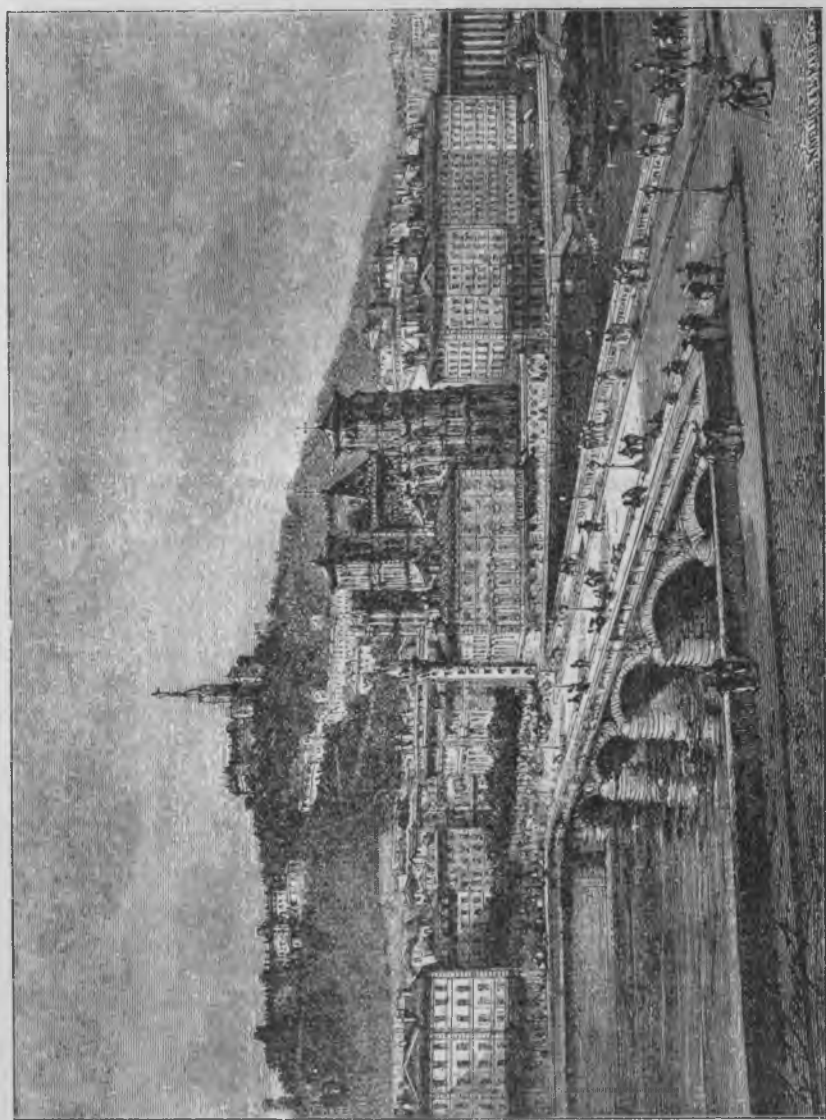
ніями съ заинтересованными правительствами, старалось разстроить ихъ планы *).

Такіе отряды добровольцевъ организовывались въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Лионъ, второй по величинѣ городъ во Франціи, вслѣдъ за Парижемъ вступилъ на путь революціи. При первомъ извѣстіи о событіяхъ въ Парижѣ въ ратушѣ былъ созданъ временный комитетъ, и среди рабочихъ началась энергичная агитація за широкія соціальныя реформы. Сильное броженіе возникло среди иностранцевъ-демократовъ. 30 марта на площади Белькуръ (Bellesour) собралось около 1,500 почти безоружныхъ людей, окруженныхъ восторженно привѣтствовавшей ихъ толпой. Это были савояры, собиравшіеся вернуться на родину, чтобы провозгласить въ ней республику. Они обратились за оружіемъ къ республиканскому комиссару Эмануилу Араго (Emanuel Arago), сыну одного изъ членовъ временнаго правительства; и, по обыкновенію, получили отказъ. Комиссаръ Араго употребилъ всѣ усилія, чтобы убѣдить савояровъ бросить свои намѣренія. Онъ разъяснилъ имъ, что въ моментъ, когда Карлъ-Альбертъ съ мечомъ въ рукахъ выступилъ на защиту независимости Италіи, неумѣстно сдѣлать неожиданный набѣгъ на одну изъ частей его королевства. Но ничто не могло охладить воодушевленія республиканцевъ, и 30 марта отрядъ двинулся въ путь. Онъ благополучно добрался до Шамбери (Chambery), столицы Савои и занялъ ее, не прибѣгая къ оружію. Пьемонтскія власти бѣжали. Повстанцы объявили республику и назначили новое правительство. Но скоро реакціонно настроенное населеніе, убѣдившись, что революціонеровъ насчитывалось не болѣе 1000 человекъ, къ тому же плохо вооруженныхъ, снова подняло голову. По всей странѣ ударили въ набатъ и возвѣстили народу, что столице Шамбери овладѣла шайка разбойниковъ. Крестьяне стеклись огромными толпами и послѣ ожесточеннаго боя республиканцы были изгнаны или перебиты.

Бельгійцы также не отставали отъ другихъ. Составилось два отряда съ цѣлью вторгнуться въ Бельгію и объявить въ ней республику. Ледрю-Ролленъ еще разъ вспомнилъ свои старыя якобинскія симпатіи и отнесся сочувственно къ идеѣ

*) Демократическіе легіоны организовывались совершенно открыто; кромѣ того, правительства содержали среди эмигрантовъ своихъ шпионовъ, такъ что, въ сущности, не требовалось упомянутыхъ «тайныхъ» сношеній, чтобы открывать планы революціонеровъ. Официальныя донесенія временнаго правительства иностраннымъ державамъ были преднамѣренно такъ туманы и неопредѣленны, что не могли бы повредить замысламъ легіоновъ, если бы обстоятельства на родинѣ благоприятствовали предпринятому дѣлу. Временное правительство хотѣло сохранить хорошія отношенія съ иностранными державами, но оно вовсе не было заинтересовано въ томъ, чтобы разстроить планы легіоновъ.—Эти соображенія приведены не въ оправданіе Ламартина, а лишь для того, чтобы выяснитъ истинныя причины неудачи. Вожаки нѣмецкаго демократическаго комитета хорошо знали, что временное правительство официально не хотѣло вмѣшиваться въ ихъ затѣи.

Видъ Ліона.

подобной вооруженной экспедиции. Префектъ полиціи Коссидьеръ (Caussidière) открыто поддерживалъ ее. Когда бельгіишы приготовились къ выступленію, въ ихъ распоряженіе было отдано два поѣзда, якобы для возвращенія на родину бельгіискихъ гражданъ. Но благодаря непростительной небрежности, а можетъ быть и коварству правительственной политики, въ Валансьенѣ (Valenciennes) вагоны съ повстанцами были прицѣплены къ бельгіискому поѣзду... Въмѣсто того, чтобы остановиться на границѣ, дружина попала прямо въ Бельгію. Здѣсь ее встрѣтилъ батальонъ солдатъ, давно поджидавшій пріѣзда экспедиціи; республиканцы были арестованы при выходѣ изъ вагоновъ. Находяшіеся среди нихъ французы были доставлены обратно на границу, а бельгіишы заключены въ тюрьму.

Второй отрядъ также потерпѣлъ неудачу. Поѣздъ остановился на французской территоріи, и бѣглецы отправились въ Секленъ (Seclin), городъ, расположенный на бельгіиской границѣ.

Въ близъ лежащемъ городѣ Лилѣ находился республиканскій комиссаръ Делеклюзъ (Delescluze), извѣстный съ эпохи реформъ. Онъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ экспедиціи и, по его мнѣнію, она окончилась бы удачно, если бы встрѣтила серьезную поддержку. Онъ снабдилъ отрядъ оружіемъ и боевыми припасами, предназначенными собственно для лильской національной гвардіи. Но отрядъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ первый поѣздъ, упалъ духомъ и не выходилъ изъ Секлена (Seclin); Делеклюзъ, не рѣшаясь взять на себя отвѣтственность, не побуждалъ отрядъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ телеграфировалъ Ледрю-Роллену требуя опредѣленныхъ инструкцій: переправить отрядъ черезъ границу или нѣтъ. Говорятъ, Ледрю-Ролленъ отвѣтилъ отрицательно, но, по недоразумѣнію, Делеклюзъ (Delescluze) получилъ отвѣтъ, дававшій согласіе на его содѣйствіе. Какъ бы то ни было, въ ночь на 28 марта отрядъ перешелъ бельгіискую границу. Бельгіискія войска, давно ожидавшія революціонеровъ и достаточно освѣдомленныя о ихъ дѣйствіяхъ, встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ. Отрядъ былъ разбитъ, уцѣлѣвшіе спаслись за границу.

Рядъ неудачъ вызвалъ упадокъ духа въ европейской демократіи. Такъ какъ вдохновительницей всѣхъ революціонныхъ плановъ считалась Франція, страна республиканская, то на республику и посыпались всѣ обвиненія за понесенныя неудачи и печальные результаты борьбы.

Съ полнымъ правомъ передовая социалистическая демократія строго осуждала внѣшнюю политику временнаго правительства. Въ особенности Бланки открыто бросилъ ему обвиненіе въ предательской выдачѣ бельгіишевъ.

Трудно опредѣлить, способствовала ли бы революціонно-завоевательная внѣшняя политика улучшенію дѣлъ внутри страны. Конечно, она болѣе соответствовала бы традиціямъ 1793 г., еще жившимъ въ республиканскихъ революціонныхъ кругахъ, но

вѣдь, 1793 г. уже миновалъ. Вмѣстѣ съ нимъ миновала героическая эпоха буржуазіи. Вся соціальная структура Франціи, какъ и политическій строй Европы, измѣнилась; естественно, что тѣ люди, которые поддерживали при Луи Филиппѣ традиціи и легенды объ имперіи, должны были робко отступить передъ новыми задачами.

ГЛАВА X.

Демократическая республика колеблется.—Заговоръ приверженцевъ Ледрю Роллена.—Ихъ страхъ передъ Бланки.—Безсильные привлечь его къ участию въ заговоръ хотятъ его устранить.—Бланки — подкупленный предатель!— Приготовление къ 16-му апрѣлю. — Цѣли заговора. — Внезапный переходъ Ледрю-Роллена на сторону Ламартина.—Войска буржуазіи на Гревской площади.—Пролетаріатъ подавленъ.

Однѣми громкими фразами разлагавшееся изнутри временное правительство не могло устранить критическаго положенія. Революція, остановившаяся на полдорогѣ, дальше не развивалась; ни одна существенная реформа не была проведена въ жизнь. Рабочіе, бывшіе въ февралѣ господами положенія и вѣрившіе, что условія ихъ жизни, наконецъ, измѣнятся къ лучшему, оказались обманутыми; положеніе ихъ стало хуже прежняго.

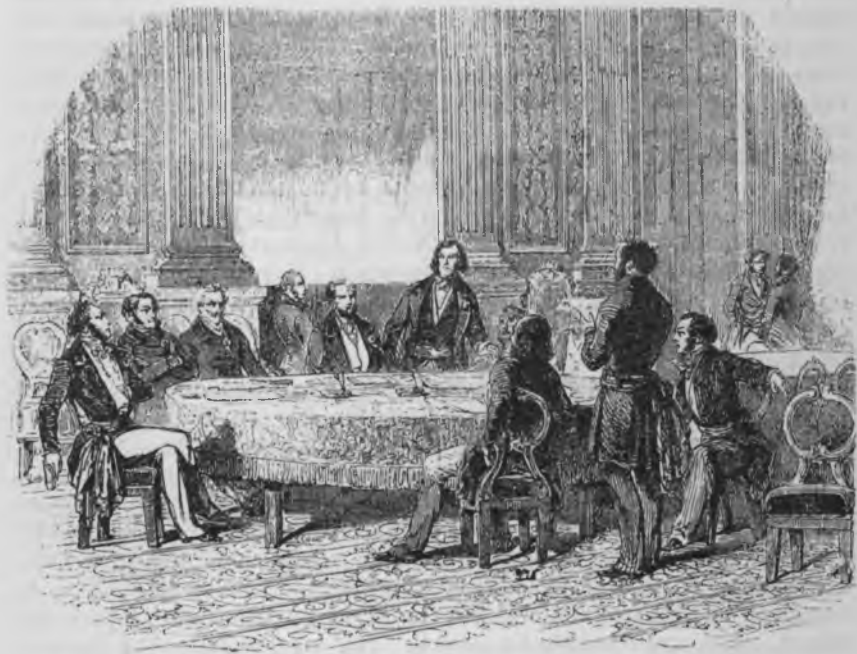
Широкая масса, которой обѣщали социальныя реформы, всеобщее социальное равенство; которую увѣряли, что только черезъ республику можетъ совершиться социальный переворотъ эта масса теряла терпѣніе и винила правительство въ медлительности. Члены правительства чувствовали, что ихъ положеніе шатко; особенно господа, засѣдавшіе на лѣвомъ крылѣ, испытывали непріятное предчувствіе неизбежнаго конфликта. Послѣ двухмѣсячнаго правленія они потеряли симпатію народа и они это сознавали. Голодный пролетаріатъ едва сдерживалъ затаенный гнѣвъ противъ правителей; въ сельскомъ населеніи росло возмущеніе противъ „диктаторовъ Парижа“. 45 сантимовъ добавочнаго налога подѣйствовали на мелкаго крестьянина. Оффиціальныя донесенія гражданскихъ комиссаровъ о предвыборной агитаціи, происходившей въ деревняхъ, сообщали тревожныя свѣдѣнія. Тѣ полумѣры, которыя правительство все же принуждено было осуществить для успокоенія рабочаго класса, навлекли на него ненависть буржуазіи.

Особенно ненавистны ей были Луи Бланъ и Ледрю-Ролленъ, сыпавшій съ особой любовью революціонными фразами. Буржуазія проклинала своихъ спасителей, говоритъ писатель того времени.

Члены временнаго правительства, сами недовольные ходомъ своихъ дѣлъ, имѣли полное основаніе размышлять надъ вопросомъ, какъ остановить свое быстрое паденіе по наклонной плос-

кости. Стронники Луи Блана и Ледрю Роллена давно уже обдумали свой планъ: они предполагали насильственно устранить наиболѣе реакціонные элементы правительства и поставить Луи Блана и, главнымъ образомъ, Ледрю Роллена во главѣ правленія.

Въ самомъ правительствѣ каждый сваливалъ на другого вину въ потерѣ довѣрія общества. Ледрю Ролленъ пересталъ вообще являться на засѣданія, такъ какъ съ Луи Бланомъ и Альберомъ онъ фактически былъ не въ лучшихъ отношеніяхъ, чѣмъ съ прочими членами. Хотя въ немъ и жилъ духъ якобинца, стремленія социалистовъ пугали его не на шутку.

Засѣданіе временнаго правительства въ ратушѣ.

Какъ говоритъ Даниэль Стернъ (Daniel Stern) и подтверждаютъ многіе другіе историки, планъ сторонниковъ Ледрю Роллена, сгруппировавшихся вокругъ префекта полиціи Коссидьера (Caussidière), состоялъ въ слѣдующемъ: хотѣли подѣ какимъ-либо предлогомъ собрать рабочую массу, возбудивъ ее противъ реакціонныхъ членовъ временнаго правительства, ворваться въ ратушу и выгнать изъ нея реакціонеровъ.

Луи Бланъ лично никогда не принималъ участія въ подобныхъ планахъ, о чемъ можно судить по сохранившимся документамъ того времени. Всякаго рода насиліе было совершенно противно его натурѣ. Для осуществленія своихъ проектовъ онъ, скорѣе, долженъ былъ стремиться занять возможно болѣе вліятельное положеніе во временномъ правительствѣ; онъ,

было сообщеніе о тайномъ революціонномъ обществѣ „Времена года“ и объ организованной имъ попыткѣ возстанія 12-го мая 1839 года. Онъ былъ озаглавленъ: „Показаніе * *“, данное въ присутствіи министра внутреннихъ дѣлъ“. Показаніе, очевидно, было дано тотчасъ послѣ неудачнаго возстанія и содержало такія подробности, которыя, ясное дѣло, могли быть извѣстны только человѣку, державшему въ своихъ рукахъ всѣ нити организациі. Издатель сдѣлалъ къ документу язвительное примѣчаніе, что онъ предоставляетъ гражданамъ, участвовавшимъ въ возстаніи 12-го мая 1839 г., угадать личность этого свѣдѣтеля.

Въ введеніи къ этой книгѣ мы вкратцѣ изложили организацию тогдашнихъ тайныхъ обществъ. Всѣ тонкости механизма могъ знать одинъ тайный центральный комитетъ, другими словами, только Бланки или Барбэ (Barbès). Но кто бы дерзнулъ заподозрить въ предательствѣ Барбэ ставшаго въ глазахъ современниковъ олицетвореніемъ героизма и честности? Самъ Барбэ воскликнулъ, когда увидѣлъ документъ: „Это могъ донести только я или Бланки!“ Бланки! Бланки, послѣ 17 лѣтъ страданій, лишеній, тюрьмы...

Бланки — подкупленный предатель!.. Къ тому же онъ былъ уличенъ въ моментъ, когда онъ, напрягая всѣ свои силы, съ лихорадочной энергіей, со всей силой страстной любви къ народному дѣлу, подготавливалъ свою организацию къ рѣшительному шагу; хотѣлъ спасти погибающую демократическую республику!

На какія низости способны люди изъ партійной вражды, показываетъ поведеніе противниковъ Бланки. Боялись, что народъ не догадается, на кого намекаютъ доносчики. Полуофициальный правительственный органъ „National“ считалъ нужнымъ грубымъ намекомъ прійти на помощь общественному мнѣнію. Редакція предлагала назвать по имени нѣкоторыхъ коварныхъ вожаковъ демократическихъ клубовъ, дерзнувшихъ выдать тайну своихъ друзей, чтобы спасти собственную жизнь. Временное правительство имѣетъ въ рукахъ достаточно доказательствъ, чтобы уничтожить тѣхъ, которые подкапываются подъ него и подъ существующій порядокъ, и, подъ предлогомъ равенства и братства, хотягъ вызвать кровавый хаосъ. Другая газета, состоявшая, на жалованьѣ у правительства, коварно сообщила, что префектъ полиціи Коссидьеръ (Caussidière) предложилъ Бланки заграничный паспортъ, желая его спасти. Коссидьеръ отвѣтилъ, какъ хитрый и глупый іезуитъ: онъ никогда не считалъ себя вправѣ нарушать законовъ страны, какъ бы они не противорѣчили его личнымъ симпатіямъ и чувствамъ. Коссидьеръ, такимъ образомъ, подтверждалъ, что безусловно вѣритъ обвиненіямъ, придуманнымъ противъ Бланки.

Пресса, служившая реакціонному правительству, не считала нужнымъ долге сдерживаться и говорить съ читателемъ только намеками. Она открыто указывала на Бланки, дѣлая видъ, что общественное мнѣніе уже осудило его и признало

продажнымъ измѣнникомъ своему красному знамени. Самъ Барбэ (Barbés) унизился до разъясненія, что документъ о которомъ идетъ рѣчь, хотя и не подписанъ Бланки, но слогъ и встрѣчающіяся въ немъ выраженія безусловно принадлежать ему. А чтобы уничтожить послѣднія сомнѣнія въ виновности Бланки, правительственная печать поторопилась сообщить, что документъ найденъ среди другихъ бумагъ Люксембургской коммисіи.

Революціонно-коммунистическое движеніе, созданное и руководимое столь тяжело заподозрѣннымъ Бланки, на мгновеніе затихло. Многочисленныя бланкистскія организациі въ Парижѣ, съ невѣроятной быстротой подтачивавшія правительственный престижъ съ цѣлью завладѣть правленіемъ, казалось, были парализованы ударомъ, нанесеннымъ ихъ вождю. Правительство, казалось, могло вздохнуть свободно и радоваться успѣху. Не разъ уже удавалось правительству схватить Бланки и, подобно дикому звѣрю, котораго только смерть или клѣтка могутъ укротить, держать его за желѣзными рѣшетками; ни разу, однако, онъ не призналъ себя побѣжденнымъ. Этотъ ударъ также для него не былъ смертельнымъ и не могъ заставить его бросить начатое дѣло. Онъ ограничился письмомъ, посланнымъ въ „Gazette des Tribunaux“ и другимъ—въ „Journal des Débats“. Онъ просто игнорировалъ брошенное ему обвиненіе; оправдываться онъ считалъ ниже своего достоинства, а поступокъ своихъ враговъ называлъ просто подлостью. Послѣдніе въ отвѣтъ на письма пытались доказать свою правоту. Они устроили судъ чести, въ которомъ, понятно, не было ни одного человѣка, относившагося дружелюбно къ Бланки; были одни лишь его заклятые враги. Въ немъ принимали участіе Этъенъ Араго (Etienne Arago), Эт. Кабэ (Et. Cabet), І. Лашамбоди (I. Lachambaudie), Прудонъ Р. І. Proudhon) и Викторъ Шельхеръ (Victor Schölcher). Этотъ, такъ называемый судъ чести, признать который Бланки также считалъ недостойнымъ себя, безуспѣшно искалъ по всему Парижу хоть тѣнь доказательства, чтобы подкрѣпить свою клевету. Честные демократы, не будучи вовсе друзьями Бланки, стали возмущаться этой грязной исторіей, затѣянной правительствомъ.

Старый Распайль, какъ извѣстно, всюду видѣвшій полицейскихъ сыщиковъ, горячо всталъ на защиту Бланки. Онъ публично пригласилъ Ташро (Tachereau) явиться на судъ народа, но продажный журналистъ, понятно, отказался. 12-го апрѣля 49 наиболѣе видныхъ членовъ тайныхъ обществъ, участвовавшихъ въ возстаніи 12-го мая 1839 г. и затѣмъ заключенныхъ въ тюрьму, опубликовали свое разъясненіе. Все, о чемъ говорилось въ упомянутомъ тайномъ доносѣ, имъ давно было извѣстно; кромѣ того извѣстные измѣнники, какъ де-ла-Одъ (de la Hodde) и Дютертръ (Dutertre), послѣ подавленія возстанія, имѣли полную возможность получить подробнѣйшія свѣдѣнія о тайной организациі. Подписавшіе заявленіе, на этомъ основаніи энергично протестовали противъ всякаго подозрѣнія,

направленнаго противъ незапятнаннаго, достойнаго удивленія и непреклоннаго Бланки. Вслѣдъ за этимъ разъясненіемъ Бланки выступилъ снова. Онъ снова объявилъ, что считаетъ всякое оправданіе, для себя унижительнымъ. Занявъ единственно правильную позицію по отношенію къ гнусной клеветѣ, онъ бросилъ обвиненіе въ лицо своихъ обвинителей. Однако, нѣкоторыя фразы въ его отвѣтѣ все же обнаруживали, какъ глубоко поразилъ его этотъ ударъ, усилившій страданія, давившія его душу. „Меня, дряхлую развалину, влачащую изношенное тѣло въ изношенномъ платьѣ“, писалъ онъ, „меня клеймятъ продажнымъ! Слуги Луи Филиппа, превратившіеся въ блестящихъ республиканскихъ мотыльковъ, съ гордостью расхаживаютъ по коврамъ ратуши и съ высоты своей добродѣтели, нажитой раболѣпствомъ, безчестятъ бѣднаго Юва, вырвавшася изъ темницы ихъ повелителя!“

Указывая затѣмъ на низость нападенія изподтишка, онъ продолжаетъ: „Поступокъ этотъ внушенъ вамъ ненавистью и страхомъ. Вы не брезгаете никакими средствами, чтобы избавиться отъ соперника. Успѣхъ во что бы то ни стало! Это—вашъ принципъ, какъ и принципъ вашихъ предшественниковъ. Вамъ нуженъ былъ этотъ документъ, вотъ Вы и нашли его... Подлѣя увертки при его опубликованіи выдаютъ его позорное происхожденіе. Реакціонеры, какіе вы трусы!..“

Бланки вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, въ которой многіе другіе были бы разбиты. Но сколько времени было потеряно на это! Вліяніе его на широкую массу, столь доступную злобному нашептыванію клеветниковъ, все же поколебалось. Каждый часъ, каждая минута для него были дороги! Правительство окончательно назначило выборы въ учредительное собраніе на 23-е апрѣля. Донесенія комиссаровъ изъ провинцій становились все тревожнѣе. Реакція, разбитая въ уличной борьбѣ, пустила въ ходъ всѣ средства и приемы для побѣды въ парламентѣ. Въ деревняхъ ей на руку работали попы. Въ мелкихъ городахъ, гдѣ наибольшимъ почетомъ пользуется богатство, капиталъ направилъ свои усилія въ ея сторону. Положеніе республиканцевъ становилось все болѣе опаснымъ. Повидимому, мнѣніе Бланки подтверждалось; онъ говорилъ, что національное собраніе будетъ состоять изъ роялистовъ; если не удастся помѣшать его скорому созыву, то революція погибла; указывалъ на то, что временное правительство ничего не сдѣлало, чтобы расположить въ свою пользу общественное мнѣніе Франціи; выборы поэтому не окажутся въ пользу республики и еще менѣе благоприятны они будутъ для социалистическихъ стремленій тѣхъ, кто желалъ, чтобы республика не осталась пустымъ звукомъ для угнетеннаго класса.

5-е апрѣля происходили выборы офицеровъ въ національную гвардію. Они назначены были въ будній день, чтобы рабочіе не имѣли возможности принять въ нихъ участіе. Тѣ рабочіе, которые явились на выборы, большею частью голосовали противъ интересовъ своего класса. На этихъ выборахъ одержала верхъ буржуазія. Это было дурное предзнаменованіе

Необходимость демонстраціи, еще болѣе внушительной, чѣмъ демонстрація 17-го марта, была очевидна для всѣхъ радикальныхъ республиканцевъ и революціонеровъ. Конечно, и тутъ каждая фракція имѣла свои особыя цѣли и думала использовать манифестацію въ своихъ интересахъ.

Луи Бланъ и Люксембургскій рабочій парламентъ думали утратить поднимающую голову реакцію торжественнымъ шествіемъ пролетаріата къ ратушѣ. И если бы это шествіе было организовано одной Люксембургской комиссіей, то пошатнувшееся вліяніе Луи Блана несомнѣнно снова окрѣпло бы. Рѣшили, что всѣ рабочія организациі соберутся 16-го апрѣля на Марсовомъ полѣ подъ предлогомъ выборовъ тѣхъ 14 офицеровъ, которыхъ рабочіе имѣли право выбрать въ главный штабъ національной гвардіи. Отсюда торжественное шествіе должно было отправиться къ временному правительству и вручить ему петицію, которая гласила:

„Граждане! Реакція поднимаетъ голову! Клевета, орудіе людей безпринципныхъ и безчестныхъ, поражаетъ ядомъ своимъ истинныхъ друзей народа. Намъ, дѣятельнымъ и преданнымъ представителямъ революціи, надлежитъ объявить временному правительству, что народъ требуетъ демократической республики, организациі труда на началахъ товарищества, уничтоженія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ временное правительство!“

Луи Бланъ думалъ, безъ сомнѣнія, что такое выступленіе всей рабочей массы произведетъ сильное впечатлѣніе на правительственное большинство. Члены правительства убѣдятся, что грозна и велика армія, находящаяся въ распоряженіи Альбера и Луи Блана, и послѣднимъ удастся утвердить свое господство во временномъ правительствѣ. Онъ, въ сущности, увлекался самообманомъ. Онъ забывалъ, что кромѣ него выступали вліятельные вожди партій, придававшіе совершенно иное значеніе проэктируемой манифестаціи. Всѣ историки февральской революціи сходятся въ показаніи, что удаленіе изъ временнаго правительства реакціонныхъ элементовъ было общею цѣлью всѣхъ группъ, участвовавшихъ въ демонстраціи. Гарнье-Пажэ (Garnier-Pagès) высказываетъ это мнѣніе, основываясь на конкретныхъ данныхъ, внушающихъ довѣріе. Правда, намъ ничего неизвѣстно о подробностяхъ заговоровъ, выросавшихъ, подобно грибамъ послѣ дождя, при организациі этой демонстраціи. Но въ крупныхъ чертахъ все же можно уловить тѣ общія цѣли, которыя поставили себѣ революціонные клубы разныхъ оттѣнковъ. Планъ сводился къ тому, чтобы учредить комитетъ общественнаго спасенія, куда должны были войти 4 члена временнаго правительства: Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ, Флоконъ (I. Flocon) и Альберъ, и кромѣ нихъ А. Бланки, Де-Керсози (de Kersausie), Распайль и Э. Кабэ (E. Cabet).

По одному изъ протоколовъ клуба Барбэ (Barbes), цити-

рованному у Гарнье-Паже, можно заключить, что весь планъ былъ подробно разработанъ всѣми прогрессивными и революціонными клубами. Между прочимъ въ протоколѣ говорится:

„Въ засѣданіи обсуждался вопросъ о предстоящей демонстраціи... Рѣшено было отправить къ временному правительству депутацію, которая изложила бы недовольство всего революціоннаго населенія и потребовала бы отозванія изъ департаментовъ всѣхъ комиссаровъ, извѣстныхъ своими реакціонными взглядами. Другая цѣль демонстраціи — добиться измѣненій въ составѣ временнаго правительства; членовъ, позорящихъ республику своей слабостью и неспособностью, рѣшено было удалить; полезные должны были остаться. Клубъ Барбэ рѣшилъ выждать, какой оборотъ примутъ событія“.

Этотъ заговоръ клубовъ возникъ безъ участія какъ Люксембургской группы, объединившейся вокругъ Луи Блана, такъ и личныхъ друзей и приверженцовъ Ледрю-Роллена. Послѣдніе мечтали вручить всю власть своему вождю. Они, пожалуй, согласились бы видѣть рядомъ съ нимъ Луи Блана, но—Бланки! ни за что!

Они хорошо знали, что послѣдній затмитъ собой ловкаго адвоката. Клубы, руководимые Бланки, для нихъ были бѣльмомъ на глазу. Но несмотря на всѣ препятствія, они продолжали лелѣять мысль о диктатурѣ Ледрю-Роллена. Чѣмъ больше почва ускользала изъ-подъ ихъ ногъ, тѣмъ крѣпче они хватались за свою излюбленную идею

Наканунѣ рѣшительнаго выступленія вожаки различныхъ заговоровъ, инстинктивно не довѣрявшіе другъ другу, казалось, почувствовали потребность взаимнаго сближенія и соглашенія. По показанію Ипполита де-Кастиль (Hippolyte de Castille), вращавшагося въ то время среди заговорщиковъ, Флотъ (Flotte), лицо близкое Бланки, отправился для переговоровъ къ Ледрю-Роллену. Когда министръ увидѣлъ списокъ лицъ, кандидатовъ въ новое правительство, и подъ своимъ именемъ нашелъ имена, придававшіе новому правительству коммунистическую фیزیономию, внезапно въ немъ проснулось его буржуазное сознаніе; онъ почувствовалъ смертельный ужасъ! Весь гнѣвъ онъ обрушилъ на Бланки и объявилъ, что никогда не будетъ фигурировать въ дѣлѣ, въ которомъ участвуетъ этотъ человѣкъ. „Хорошо“, сказалъ Флотъ, „хорошо! Если вы не хотите присоединиться къ намъ, вы вмѣстѣ съ другими вылетите въ окно. Да будетъ вамъ это извѣстно!“

Впрочемъ тогда, кажется, повсюду замѣчалось стремленіе объединиться для согласованныхъ дѣйствій; республиканцы, чувствуя свою слабость вслѣдствіе господствовавшей среди нихъ разрозненности, инстинктивно искали объединенія.

Даже Ламартинъ завязалъ сношенія съ самыми выдающимися руководителями клубовъ, особенно съ Собріе (Sobrier). Часто онъ обращался и къ Бланки, желая переговорить съ нимъ; послѣдній отъ этого отказывался. Однако, 15 апрѣля Бланки явился въ министерство иностранныхъ дѣлъ и передъ

человѣкомъ, внушавшимъ всѣмъ одинаковый страхъ, широко открылись всѣ двери.

Никому доподлинно неизвѣстно, о чемъ говорили въ тотъ день два различные человѣка, между которыми немыслимо было какое-либо соглашеніе. Ламартинъ, обманувшій уже многихъ увертливостью и медоточивостью своихъ рѣчей, напрасно расточалъ свое краснорѣчіе предъ этимъ борцомъ. Онъ говорилъ, что Бланки долго слушалъ его спокойно, не возражая ни однимъ словомъ. Бланки дѣйствительно задался только цѣлью при свиданіи разгадать планы главы временнаго правительства.

Когда позднѣе Ламартина упрекали за его сношенія къ Бланки, онъ говорилъ, что послужилъ лишь громоотводомъ для грозовой тучи.

Агитація въ клубахъ.

Вечеромъ 15 апрѣля большинство клубовъ готовилось выступить на слѣдующій день. Многие вооружились и всю ночь оставались въ боевой готовности. Революціонный клубъ, руководимый Барбэ, продолжалъ сохранять свою прежнюю сдержанность. Барбэ и нѣкоторые другіе демократическіе вожди, ослѣпленные ненавистью къ Бланки, боялись принимать участіе въ движеніи, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, Бланки будетъ рѣшающей силой.

Ледрю Ролленъ какъ мы видѣли, раздѣлялъ это опасеніе. Онъ ясно видѣлъ, что, если возбужденное революціонное населеніе Парижа явится въ ратушу, то во главѣ его окажется Бланки. Эта увѣренность положила конецъ его нерѣшительности. Сильно встревоженный, поспѣшилъ онъ 16

апрѣля къ Ламартину, какъ къ человѣку, освѣдомленному о намѣреніяхъ революціонныхъ клубовъ чрезъ Флота (Flotte) и другихъ лицъ, посвященныхъ въ дѣло. Онъ сообщилъ Ламартину, что помимо его воли и желанія, его имя фигурируетъ въ спискѣ проектируемаго новаго правительства; волнуясь, онъ высказывалъ опасенія, что въ случаѣ нападенія временное правительство можетъ потерпѣть пораженіе.

Ламартинъ съ свойственной ему хитростью использовалъ въ своихъ цѣляхъ тревогу Ледрю-Роллена. Онъ сказалъ ему: „Вы—министръ внутреннихъ дѣлъ; вы—человѣкъ лояльный и рѣшительный. Вы имѣете право объявить въ опасности Парижъ и призвать къ оружію національную гвардію. Созовите легіоны, не теряя ни минуты времени“.

Караулъ въ ратушѣ.

Ледрю-Ролленъ, по близорукости, послѣдовалъ совѣту. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался слѣпымъ орудіемъ временнаго правительства.

Все утро Ламартинъ и генералъ Шангарнье (Changarnier), назначенный посланникомъ въ Берлинъ, были заняты укрѣпленіемъ зданія ратуши. Генералъ Дювивье (Duvivier), командиръ „мобильной гвардіи“, созвалъ батальоны рабочихъ, которые должны были нанести смертельный ударъ своему собственному классу. Во дворѣ и залахъ ратуши было разставлено множество войска. Всѣмъ надежнымъ командирамъ легіоновъ національной гвардіи было предложено выстроить свои отряды на Гревской площади. Эти легіоны буржуазіи еще помнили нравственное пораженіе, нанесенное имъ революціоннымъ пролетаріатомъ 17 марта. Они горѣли желаніемъ отомстить и отплатить за свой позоръ. Они явились въ полномъ составѣ, заняли Гревскую площадь и дико кричали: „Да здравствуетъ временное правительство! Долой Бланки! Долой комму-

нистовъ!“ Внезапно изъ оконъ ратуши раздались ликующіе возгласы. Быстрымъ шагомъ приближался двѣнадцатый легіонъ національной гвардіи; во главѣ его съ обнаженной шашкой шелъ полковникъ Барбэ. Барбэ шелъ противъ Бланки! Случилось то же, что и 17 марта! Расколовшаяся революція была разбита; реакція могла злорадствовать.

Тѣмъ временемъ и рабочіе собрались на Марсовомъ полѣ; ихъ было около 30,000 человекъ. Говорятъ, что Бланки во главѣ своего отряда всѣми силами старался побудить массу къ рѣшительному шагу. Рабочіе же изъ національныхъ мастерскихъ, спропагандированные агентами министра Мари, колебались. Они не знали, на чью сторону стать. Къ тому же на Марсовомъ полѣ ходили темные слухи: увѣрили, что Ледрю-Ролленъ и Луи-Бланъ убиты и т. п.

Между двумя и тремя часами грандіозное шествіе тронулось въ путь. Къ этому времени въ ратушѣ и на Гревской площади были сдѣланы всѣ приготовления къ приему демонстрантовъ. Повсюду сверкало безчисленное множество штыковъ. По заранѣе опредѣленному плану, рабочіе должны были вручить правительству патріотическій даръ и петицію. Близъ Лувра шествіе было остановлено двумя легіонами національной гвардіи и не могло итти дальше.

Пролетаріатъ великодушно согласился голодать три мѣсяца, чтобы дать время молодой республикѣ провести важнѣйшія реформы. Прошло уже два мѣсяца, а для народа ничего не было сдѣлано. Между тѣмъ представители буржуазіи во временномъ правительствѣ не теряли времени; они создали для буржуазіи армію, чтобы отвѣтить по своему на требованія народа. Теперь эта армія заполнила огромную Гревскую площадь, и крики мести и ненависти противъ народа и социализма оглашали воздухъ; въ союзѣ съ арміей выступала деморализованная и организованная въ боевой отрядъ часть обманутаго пролетаріата.

Толпа на набережной становилась гуще; со всѣхъ сторонъ по адресу манифестантовъ раздавались: „Долой коммунистовъ! Долой Луи Блана! Долой Кабэ! Долой Бланки!“ Послѣ долгихъ переговоровъ, стоящимъ впереди удалось наконецъ добиться разрѣшенія послать делегатовъ въ ратушу. Они изложили свои жалобы на возмутительное обращеніе съ ними Луи-Блану и Альберу; послѣдніе старались успокоить депутатовъ и затѣмъ отправились къ Ламартину съ ходатайствомъ принять делегацию. Ламартинъ, опираясь на вооруженную силу, разыгрывалъ роль побѣдителя народа, предъ которымъ ему въ послѣднее время приходилось съ едва сдерживаемой злобой склонять голову. Онъ высококомѣрно принялъ обоихъ членовъ правительственного меньшинства и наотрѣзъ отказался принять делегацию демонстрантовъ. Со стороны Бюшэ и нѣкоторыхъ другихъ членовъ городской думы, рабочіе делегаты получили такой же грубый отказъ. Какъ рѣзко измѣнился тонъ, съ какимъ обращались къ народу еще за нѣсколько недѣль тому

назад! Какъ быстро сбросили члены временаго правительства личину народолюбія и, по обычаю всѣхъ правительствъ, послали народу вмѣсто хлѣба порохъ и пули!

Луи-Бланъ и Альберъ чрезъ полковника Рейя, командовавшаго національной гвардіей на Гревской площади, добились разрѣшенія для народа продефилировать мимо ратуши. Вооруженная буржуазія, въ сознаниі своей силы, не упустила случая осыпать бранью рабочихъ. Войска выстроились по обѣ стороны съ наклоненными штыками; рабочіе прошли сквозь строй, опустивъ головы, съ краской стыда на лицѣ и слезами гнѣва на глазахъ. Они хранили глубокое молчаніе, въ то время какъ буржуазія бѣсновалась, потрясая оружіемъ, и дико кричала: „Долой коммунистовъ! Долой Бланки! Долой Кабэ!“

Такъ буржуазія создала между собой и народомъ ту глубокую пропасть, которая наполнилась кровью въ іюньскіе дни.

* * *

Трудная, правда, задача объективно отнестись къ выше-описаннымъ событіямъ. въ которыхъ перекрещивалось множество противорѣчивыхъ интересовъ и взглядовъ и создались самыя сложныя и причудливыя комбинаціи. Даже безпартійный историкъ, стараясь внести порядокъ въ хаосъ противорѣчивыхъ сужденій, невольно проявитъ то или другое отношеніе къ лицамъ и партіямъ и перестанетъ быть безпристрастнымъ. Авторъ, очевидно, изображаетъ событія подъ угломъ зрѣнія сгруппированныхъ вокругъ Бланки социалистовъ-революціонеровъ. Еще вопросъ: соотвѣтствовали ли ихъ планы положенію вещей и могли ли они привести къ желанной цѣли, если бы даже встрѣтили поддержку со стороны другихъ революціонеровъ.

Свои планы бланкисты строили, основываясь на ложномъ представленіи, что „народъ“, какъ цѣлое, представляетъ изъ себя однородную массу съ одинаковыми стремленіями и одинаковыми интересами; что для основанія истинной республики, соотвѣтствующей интересамъ народа, достаточно насильственно замѣнить буржуазное правительство кучкой рѣшительныхъ революціонеровъ. Но что это было не такъ, ясно показалъ исходъ вышеописанной демонстраціи.

Хотя во время революціи выдвигаются интересы, могушіе объединить всѣ революціонныя партіи, но каждый разъ въ рѣшительный моментъ вновь возникаютъ между-партійныя раздоры и оказываютъ свое воздѣйствіе на массу. Это мы видимъ и въ данномъ случаѣ.

Жалкая разрозненность и малодушіе демонстрирующей массы, лишенной на этотъ разъ даже того инстинкта, которой обычно вѣрно направляетъ парижанъ, — съ одной стороны, и стройная организованность буржуазіи, выступающей рѣшительно и надменно, — съ другой.

Мы говоримъ организованная буржуазія; слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, хотя въ національной гвардіи и преобладалъ буржуазный элементъ, но она состояла не исключительно изъ

буржуазіи. Въ данное время она, подъ вліяніемъ февральской революціи, демократизировалась: въ ея рядахъ появились мѣщане и рабочіе, т.-е. такъ называемый „народъ“. Парижскіе легіоны національной гвардіи насчитывали 1-го февраля 1848 г. только 56761 человекъ.; численность ихъ къ 18-го марта возросла до 190299 человекъ, т.-е. больше чѣмъ вдвое.

„Идея, проповѣдуемая въ клубахъ, была воспринята народомъ; —пишетъ Кастиль, старой національной гвардіи уже не существовало“. Далѣе передается, какъ фактъ, что, когда раздался генераль-маршъ, не мало работавшихъ на ипподромѣ, рабочихъ изъ національныхъ мастерскихъ, побросали работу и стали въ ряды національной гвардіи. То же самое сдѣлали и многіе социалисты. Прудонъ пишетъ: „Когда Ледрю-Ролленъ обманутый ложными донесеніями (такъ говорилъ Луи Бланъ, на самомъ же дѣлѣ изъ ненависти къ социалистамъ), велѣлъ созвать войска, то Барбэ отъ имени революціоннаго клуба, въ которомъ участвовали я и Пьеръ Леру и который рѣшилъ остаться въ сторонѣ, отправился къ правительству предложить ему поддержку и помощь. Мы не знали опредѣленно, кто именно угрожалъ республикѣ, бѣлые или красные. Въ такой неувѣренности мы собрались вокругъ правительствъ, какъ вокругъ революціоннаго знамени. Ледрю-Ролленъ своимъ генераль-маршемъ создалъ себѣ надолго несправедливую непопулярность. Барбэ слишкомъ поздно созналъ неловкость своего положенія и, какъ говорятъ, проливалъ слезы раскаянія“.

Дальше Прудонъ говоритъ, что 16 апрѣля Барбэ находился подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ своей антипатіи къ Бланки и своего намѣренія дать во что бы то ни стало отпоръ экзальтированнымъ элементамъ клубовъ; однако, противъ собственнаго желанія онъ дѣйствовалъ „совершенно въ духѣ народа“; народъ рѣшительно отказывался революціонизироваться сверху. На языкѣ Прудона это означало, что въ моментъ выступленія элементамъ, изъ которыхъ составлялся, по мнѣнію его и революціонеровъ, такъ называемый „народъ“, не доставало общаго плана для низверженія правительства. Луи Бланъ и прочіе члены Люксембургской комиссіи путемъ демонстраціи хотѣли вырвать у правительства реформы въ духѣ рабочаго социализма; приверженцы Бланки, главнымъ образомъ различныя деклассированныя элементы, устремились къ революціонному террору; мелкая же буржуазія не желала террора, а требовала мѣропріятій для улучшенія торговли и промышленности и т. д. Крупная буржуазія требовала просто порядка.

Хаосъ, возникшій изъ противорѣчій классовыхъ интересовъ и идеологій, увеличивался еще личными раздорами вожаковъ. Одинъ не довѣрялъ другому, каждый подставлялъ другому ногу. Невозможно разобрать, кто былъ виноватъ, кто правъ. Возникли самые противоестественные союзы благодаря тому, что общество находилось въ безвыходномъ положеніи. Примѣръ тому—посѣщеніе Бланки Ламартина.

Несомнѣнно оба эти человѣка, вступая въ переговоры, руководились одинаковымъ желаніемъ: служить каждый по своему республикѣ. Но также несомнѣнно, что каждый изъ нихъ стремился использовать другого въ своихъ видахъ. Человѣкъ, стремящійся примирить весь міръ, принимаетъ у себя непримиримаго, и этотъ послѣдній пощѣщаетъ его. Но кто кого въ данномъ случаѣ надувалъ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что демонстрація рабочихъ лишь благодаря вмѣшательству бланкистовъ вызвала созывъ національной гвардіи. Что Ледрю-Ролленъ вычеркнулъ свое имя изъ списка правительства, проэктируемаго клубами, только изъ опасенія быть отодвинутымъ на задній планъ Бланки, совершенно невѣроятно, не смотря на все тщеславіе этого человѣка; это объясненіе—одна изъ подтасовокъ, къ которымъ прибѣгали бланкисты для своей рекламы.

Очень понятная и вполне обоснованная антипатія мелкобуржуазнаго демократа къ коммунисту-заговорщику съ его авантюристскими затѣями вполне удовлетворительно объясняютъ отказъ Ледрю-Роллена участвовать въ списокѣ министровъ. Списокъ совершенно не соответствовалъ положенію вещей; его „краснота“ способна была окончательно вывести изъ себя мелкую буржуазію, и Ледрю-Ролленъ былъ принужденъ принять оборонительныя мѣры противъ эксцентричныхъ авторовъ списка. Флоттъ, напугавшій такъ Ледрю-Роллена этимъ краснымъ знаменемъ, по собственному признанію, содѣйствовалъ устройству свиданія между Бланки и Ламартиномъ. Мы, конечно, не говоримъ, что Флотъ или Бланки сознательно играли въ руку консервативнымъ элементамъ временнаго правительства; но, если присмотрѣться внимательно ко всѣмъ обстоятельствамъ, если представить ясно, какъ страстно желало большинство временнаго правительства сдѣлать безвреднымъ Ледрю-Роллена и Луи Блана, котораго особенно не взлюбилъ Ламартинъ, то нужно согласиться, что и не слишкомъ ловкій политикъ могъ использовать страсть и увлеченіе своихъ враговъ.

„Этотъ Бланки, господа, кажущійся всѣмъ столь опаснымъ, въ сущности доброй малый“, объявилъ Ламартинъ, какъ говоритъ Луи Бланъ, когда Альберъ въ правительствѣ упрекалъ его за свиданіе съ Бланки. И годъ спустя, Ламартинъ въ процессѣ де-Бурже (de Bourgès), 19-го мара 1849 г. предъ судомъ рассказываетъ слѣдующее о своемъ разговорѣ съ Бланки:

„Мы коснулись всѣхъ важныхъ вопросовъ, волновавшихъ въ то время умы. Я считаю долгомъ справедливости добавить, что я съ удовольствіемъ услышалъ по всѣмъ пунктамъ—о собственности, семьѣ, о необходимости сильнаго единодушнаго правительства и централизаціи власти въ рукахъ національнаго собранія, избраннаго на основъ всеобщаго голосованія и представляющаго волю народа.. — отъ гражданина Бланки вполне здравыя и изложенныя въ блестящей формѣ мысли“.

Когда поднялся вопросъ, къ какому времени пріурочиваются имъ эти переговоры, то получились противорѣчивыя показанія. Ламартинъ старается опредѣлить время раньше 15 апрѣля, кануна демонстраціи, и второпяхъ у него вырывается слѣдующая фраза:

„Если бы это было такъ (т.е. если бы свиданіе между ними происходило въ день 15 апрѣля), то я былъ бы принужденъ говорить о событіяхъ слѣдующаго дня и старался бы отговорить гражданина Бланки отъ его намѣреній“.

По предложенію Бланки, былъ затѣмъ допрошенъ бывший генераль національной гвардіи республиканецъ Куртуа (Courtois). Онъ рассказываетъ: „15-го апрѣля въ 6 часовъ вечера Бланки отправился къ Ламартину. Я слышалъ объ этомъ въ тотъ же день отъ лица, видѣвшаго Бланки входящимъ къ Ламартину. Когда я на слѣдующій день получилъ приказъ играть генераль-маршъ и узналъ, что Бланки стоитъ во главѣ демонстраціи, я сказалъ Мара (Marrast): „вѣдь онъ вчера былъ у Ламартина“. Очутившійся въ безвыходномъ положеніи Ламартинъ, отвѣтилъ на это: „Я не могу утверждать съ математической точностью, но я убѣжденъ, что генераль Куртуа въ этомъ пунктѣ ошибается, но, впрочемъ, вопросъ совѣмъ не такъ важенъ!“

Итакъ Ламартинъ 15-го апрѣля рано утромъ имѣлъ свиданіе съ Бланки; они говорили о всѣхъ наиболѣе важныхъ вопросахъ и только случайно не коснулись одного—демонстраціи, назначенной на слѣдующій день. Ламартинъ чрезъ своихъ агентовъ подробно былъ освѣдомленъ о всемъ, происходящемъ въ бланкистскихъ клубахъ, и приходитъ въ восторгъ отъ здравыхъ взглядовъ Бланки на собственность, семью и сильную правительственную власть. Трудно ожидать столько наивности даже отъ этого человѣка.

Чтобы быть справедливымъ къ Бланки, крайне важно указать, что онъ на дѣлѣ вовсе не былъ тѣмъ демономъ-разрушителемъ, какимъ выставляетъ его общее мнѣніе и какимъ онъ долженъ казаться, судя по поведенію его приверженцевъ. Въ тѣ дни нерѣдко имъ самимъ управляли обстоятельства; внѣшнія силы были сильнѣе его; когда наступало время сдѣлать рѣшительный шагъ, онъ иногда въ послѣднюю минуту въ страхѣ останавливался предъ послѣдствіями грядущихъ событій. Честность и талантливость его не подлежатъ сомнѣнію. Но онъ обладалъ скорѣе острымъ, чѣмъ глубокимъ умомъ, и самъ въ сильной степени находился во власти традицій 1793 года. Мысленно онъ доходилъ до крайнихъ выводовъ; но тамъ, гдѣ его старанія ускорить политическое развитіе за предѣлы данныхъ условій не встрѣчали поддержки въ случайныхъ совпаденіяхъ, все его искусство изсякало; наступало какъ разъ обратное тому, чего онъ желалъ. Если у бланкистовъ дѣйствительно была геніальная или—съ точки зрѣнія ихъ противниковъ—дьявольская мысль: руководя демонстраціей 16-го апрѣля, скомпрометтировать Ледрю-Роллена и Луи Блана, то нужно

согласиться, что до известной степени имъ это удалось. Скоро оба они оказываются дѣйствительно выброшенными изъ состава правительства. Но—*sic vos non vobis*—къ сожалѣнію не для того, чтобы уступить мѣсто „истиннымъ представителямъ революціи“.

Защитникамъ порядка и собственности даже всего этого было слишкомъ мало. По ихъ мнѣнію, болѣе чѣмъ миролюбивый Луи Бланъ также заслужилъ смерть; они неоднократно являлись въ ратушу, требуя его отставки и ареста. Буржуазная часть національной гвардіи въ эти дни дѣйствительно бѣсновалась. 18-го апрѣля утромъ снова забили тревогу, призывая національную и „мобильную“ гвардію къ нападенію на толпу коммунистовъ. Возбужденные отряды собрались на указанномъ мѣстѣ, увѣренные, что имъ предстоитъ серьезное сраженіе. Въ городѣ, однако, царила полная тишина; люди боялись даже выйти на улицу. Чтобы не остаться безъ дѣла, храбрые блюстители порядка вновь отправились на розыски Бланки и Кабэ; особенную ненависть они питали къ первому. Для всѣхъ реакціонныхъ элементовъ это было чудовище, нагонявшее страхъ и ужасъ.

Съ 16-го апрѣля Бланки скрывался. Въ этотъ день вечеромъ онъ еще появился въ своемъ клубѣ и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, чтобы организовать по военному образцу революціонные элементы и клубы, примкнувшіе къ нему, и сдѣлать ихъ болѣе способными къ сопротивленію. Благодаря ему уже на слѣдующее утро тайный комитетъ началъ подготавливать новое сраженіе. Были назначены окружные начальники и въ каждомъ кварталѣ командовалъ лейтенантъ. Комитетъ совѣтовалъ организоваться такимъ образомъ и союзнымъ клубамъ. Такъ готовились къ великому дню расплаты.

Хотя буржуазія въ то время и не знала всѣхъ подробностей новаго заговора, но таинственное исчезновеніе Бланки усилило страхъ и трепетъ, внушенный ей его подпольной дѣятельностью. Каждую минуту всплывали новые тревожные слухи. Поговаривали даже, что монтаньяры изъ полицейской префектуры, которыхъ до сихъ поръ считали сторонниками Ледрю-Роллена и Коссидьера, перешли въ Республиканское Центральное Общество Бланки.

Боялись батальоновъ революціонеровъ, стоявшихъ за спиной этого человѣка, обратившаго на себя вниманіе всей политической Европы; отряды ихъ были немногочисленны, но состояли изъ отважныхъ борцовъ, готовыхъ слѣпо идти за своимъ вождемъ. Боялись, что эти батальоны въ неожиданную минуту выростутъ, точно изъ подъ земли, овладѣютъ ратушей и введутъ столь желанную имъ красную республику равенства. Не одна только буржуазія мечтала о прекрасныхъ, тихихъ дняхъ свергнутаго іюльскаго королевства. Поддѣльные демократы полицейской префектуры и временнаго правительства также дали бы многое, чтобы вернуть тѣ времена. Бланки и въ ихъ глазахъ былъ грознымъ призракомъ, сопровождаемымъ шайкой дикихъ демоновъ; они ждали, что онъ потребуетъ отъ нихъ отчета и броситъ имъ въ лицо обвиненіе, что они задушили революцію. Они рѣшили сдѣлать безвреднымъ того, кто нарушалъ ихъ спокойствіе и по старому, испытанному монархіей рецепту посадить его за желѣзную рѣшетку. Первая попытка

поймать Бланки была сдѣлана 19-го апрѣля, по приказу Картерэ (Carterets), одного изъ директоровъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Уполномоченный на это комиссаръ Бертоглю (Bertoglio) засталъ Бланки окруженнымъ двадцатью наиболѣе преданными вооруженными товарищами; среди нихъ находился и Дормэ (Dormés), вождь монтаньяровъ. Комиссара сопровождало четверо полицейскихъ, которыхъ онъ оставилъ въ коридорѣ. Когда онъ нашелъ Бланки въ столь опасной компаніи, онъ объяснилъ свой приходъ ничтожнымъ поводомъ, пролетѣлъ нѣсколько невнятныхъ словъ и поспѣшилъ ретироваться. Коссидьеръ, замѣчая среди своихъ людей въ полицейской префектурѣ все растущую симпатію къ Бланки, также усердно старался изловить его. Въ письмахъ къ временному правительству онъ называлъ Бланки зачинщикомъ всѣхъ волнений, вызвавшихъ необходимость вмѣшательства національной гвардіи, и настоятельно требовалъ оффиціального полномочія арестовать его. Первое письмо его, осталось безъ отвѣта; онъ написалъ второе, еще болѣе убѣдительное. На этотъ разъ, не взирая на оппозицію со стороны Ламартина и Альбера всѣ члены правительства постановили арестовать Бланки. Исполнить приказъ представлялось, однако, дѣломъ столь опаснымъ и труднымъ, что чрезъ нѣсколько дней рѣшеніе было отмѣнено *). Будучи не въ силахъ устранить Бланки путемъ клеветы, враги охотно заковали бы его въ цѣпи.

Внезапно нахлынувшая реакціонная волна, угрожавшая потопить революцію, убила у многихъ республиканцевъ Парижа послѣднее довѣріе къ временному правительству. Къ числу такихъ принадлежалъ и Собріе (Sobrier), приверженецъ Ледрю-Роллена, ставшій отнынѣ однимъ изъ наиболѣе крайнихъ вожаковъ революціи. И Барбэ, кажется, увлекся своей прежней ролью инсургента. Онъ произнесъ рѣчь въ революціонномъ клубѣ съ цѣлью оправдать свое поведеніе 16-го апрѣля; онъ говорилъ, что въ тѣ дни разнесся слухъ, будто бы кучка революціонеровъ таила преступный замыселъ использовать въ своихъ цѣляхъ большую мирную демонстрацію рабочихъ. Ничего подобнаго не было. Но чего не сдѣлала горсть честолюбцевъ, на то рѣшилась реакція и дѣло удалось ей, какъ нельзя лучше. Несмотря на это, сознавая ясно, что правительство привело революцію на край гибели, Барбэ не могъ рѣшиться примкнуть къ Бланки. Эти два человѣка, разнь которыхъ имѣла столь роковыя послѣдствія, не могли заставить себя подать другъ другу руку.

Реакціонная буря, вырвавшаяся на свободу послѣ демонстраціи 16-го апрѣля, свирѣпствовала съ такой силой по всей странѣ, что и временное правительство боялось быть унесеннымъ ею. Оно сдѣлало попытку отнять у буржуазіи часть оружія, которое она пустила въ ходъ въ послѣдніе дни. Было

*) Таково было освѣщеніе факта бланкистами. Фактически же, какъ было указано выше, Ламартинъ добился отмѣны приказа объ арестѣ.

Процессія предъ временнымъ правительствомъ
20 апрѣля 1848 года.

объявлено, что бить въ набатъ разрѣшается лишь по непосредственному повелѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Чувствуя потребность искать опору въ той части населенія, которая не потеряла еще къ нему довѣрія, правительство, по предложенію Луи Блана, официально санкціонировало клубы, на которые буржуазія обрушилась съ такой яростью. Были запрещены вызывающіе возгласы, попиравшіе свободу мнѣній и возбуждающіе къ гражданской войнѣ; очевидно это относилось къ возгласу „смерть коммунистамъ“ и т. п. Общія понизить тяжелыя пошлины на ввозимые въ городъ вино и др. напитки, отмѣняя вовсе привозныя пошлины на мясо, убойный скотъ и введя для возмѣщенія уменьшенія доходовъ казны квартирный налогъ, налогъ на собственность, налогъ на предметы роскоши, какъ коляски, собаки, мужскую прислугу и пр.— правительство старалось завоевать расположеніе бѣдныхъ классовъ. Наконѣцъ и несмѣняемость чиновниковъ была объявлена несомѣстимой съ республиканскими принципами, и нѣсколько непопулярныхъ высшихъ судейскихъ чиновниковъ были устранены отъ должности.

Ипполитъ Кастиль утверждаетъ, что временнымъ правительствомъ, между прочимъ, обсуждался вопросъ о признаніи краснаго знамени.

Всего этого, конечно, было слишкомъ мало, а главное, одумались слишкомъ поздно. По внѣшнему виду все-таки могло казаться, что правительство на время пріобрѣло нѣкоторую популярность. Свой счастливѣйшій день оно пережило въ такъ называемый праздникъ братства; онъ состоялся 20-го апрѣля на Елисейскихъ поляхъ и на Марсовомъ полѣ. Въ этотъ день размѣщеннымъ въ Парижѣ линейнымъ войскамъ и парижской національной гвардіи были вручены республиканскія знамена.

Болѣе 200,000 человекъ стояло подъ ружьемъ. Въ 9 часовъ утра пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ, что правительство взойшло на эстраду, воздвигнутую у триумфальной арки де Летуаль (de l'Étoile). Среди безбрежнаго моря людскихъ головъ до поздняго вечера дефилировали полки и легіоны. Командиръ каждаго полка и легіона подходилъ къ эстрадѣ, гдѣ одинъ изъ членовъ правительства, военный и морской министръ Араго (Arago), замѣстившій престарѣлаго генерала Сюберви (Subervie) и соединившаго въ своемъ лицѣ управленіе двумя министерствами: военнымъ и морскимъ, вручалъ знамя, говорилъ о прошломъ и будущемъ величій республики, приглашалъ присягнуть на вѣрность своему знамени и защищать его до смерти. Полковники и офицеры одинъ за другимъ салютовали шашкой и произносили: „клянусь!“

Многіе ли изъ нихъ остались вѣрны этой клятвѣ? Сколько разъ они обнажали свои шашки противъ республики, которую они презирали; сколько разъ они направляли свои ружья и пушки въ грудь преданныхъ долгу республиканцевъ и рабочихъ?

Безчисленная масса народа, толпившаяся на празднествѣ

и лицеаръвшая церемонію, безъ сомнѣнія, не задавала себѣ этихъ горькихъ, предвосхищавшихъ событія вопросовъ. Всеобщій энтузіазмъ охватилъ и рабочихъ. Воздухъ дрожалъ отъ мощныхъ звуковъ марсельезы; стальные пушки торжественно гремѣли, а вечеромъ небо озарилось яркимъ блескомъ иллюминаціи и факеловъ. Сотни тысячъ голосовъ кричали: „да здравствуетъ республика!“ Какая республика? О той ли буржуазной республикѣ шла рѣчь, которая жестоко обманула народъ, которая ничего не дала ему? Нѣтъ, не объ той! Но кто можетъ извѣдать тайну того могучаго, легко возбудимаго энтузіазма, которымъ загорается парижскій народъ, собравшись толпой?

Торжество кончилось! Оно было блестяще, великолѣпно, но оно не могло разсѣять собой тяжелый кошмаръ, охватывавшій правительство при мысли о скоро предстоящихъ выборахъ. На первый взглядъ республикѣ не угрожала прямая опасность. При сильной розни среди партій, ни одна бы не рѣшилась открыто выступить противъ республики. Но для людей, свѣдущихъ въ политикѣ, особенно опаснымъ должно было представляться то внѣшнее единодушіе, съ которымъ была всюду принята эта новая форма политической организаціи.

Буржуазія, безъ сомнѣнія, одинъ изъ наиболѣе недовѣрчивыхъ классовъ; она не любитъ никакихъ формулъ и формъ. Внѣшняя конструкція правленія ей совершенно безразлична. Этимъ объясняется, что она въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ съ такой легкостью соглашалась на всякія перемѣны, касающіяся внѣшней формы правленія, разъ онѣ совершились помимо ея воли. Она принимаетъ одинаково равнодушно и буржуазно-конституціонную монархію и чисто буржуазную республику, хотя въ душѣ она, конечно, первой отдаетъ предпочтеніе. Она не придаетъ значенія внѣшней формѣ, лишь бы сохранилась суть, скрывающаяся за ней, общественный строй, гарантирующій ей всѣ преимущества.

Когда буржуазія увидѣла, что республика, созданная февральской революціей, была не менѣе буржуазна, чѣмъ бывшая конституціонная монархія, она сдѣлала видъ, что ничего не имѣетъ противъ введенія новаго порядка. Она считала цѣлесообразнымъ надѣть республиканскую маску, чтобы тѣмъ успѣшнѣе преслѣдовать свои собственные выгоды.

Всѣ ея стремленія въ то время были направлены на то, чтобы упрочить и сдѣлать неприкосновеннымъ свое экономическое положеніе, которому угрожала еще не бывалая опасность. Явился на сцену пролетаріатъ и хотѣлъ придать своей революціи соціальный характеръ. Вопросъ, глубоко волновавшій его передовыхъ борцовъ и мыслителей, заключался въ томъ, какимъ образомъ долженъ произойти соціальный переворотъ и какія учрежденія для этого необходимо низвергнуть. Полностью ли слѣдовало уничтожать частную собственность или можно отчасти сохранить ее?

Парижъ и большіе города Франціи служили ареной, гдѣ

Какъ въ наши дни, такъ и тогда аргументація буржуазныхъ экономистовъ, взявшихся писать и думать за буржуазію, у которой для этого не хватало времени, является одинаково жалкой и обманчивой. И тогда буржуазные экономисты притворялись, что не замѣчаютъ невыносимаго гнета, подъ которымъ влечиль свое существованіе пролетаріатъ; въ критикѣ социалистической теоріи они, оберегая свои интересы, кричали, что социализмъ есть посягательство на свободу личности; они выдвигали на первый планъ личную инициативу и доказывали естественную необходимость и неизбѣжность социальнаго неравенства.

Социалистическія секты разныхъ школъ съ фанатизмомъ отстаивали свою точку зрѣнія. Такъ фурьеристы, представителемъ которыхъ являлся Викторъ Консидеранъ (Victor Considérant) въ своемъ органѣ „Мирная Демократія“ („Democratie pacifique“) вель ожесточенную борьбу съ Луи Бланомъ, главнымъ образомъ, въ вопросѣ объ урегулированіи заработной платы. Читатель припомнитъ главное положеніе Фурье: „каждый долженъ быть вознагражденъ по своимъ заслугамъ“. Консидеранъ восклицалъ: „каждый человекъ, свободно дѣйствующій, есть собственникъ тѣхъ цѣнностей, которыя онъ производитъ; тотъ, кто производитъ въ три раза больше другого, долженъ получить втрое больше изъ продуктовъ общественнаго труда. Высшій экономическій лозунгъ: свободный добровольный союзъ между капиталомъ, трудомъ и талантомъ. Каждая изъ этихъ силъ и должна быть вознаграждена по заслугамъ“.

Кабэ (Cabet) какъ въ своемъ клубѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ страстно отстаивалъ свою утопію. Онъ видѣлъ все спасеніе республики въ томъ, чтобы превратить ее въ Икарію.

Пятидесятилѣтній Пьеръ Леру (Pierre Leroux) въ свою очередь въ революціонномъ клубѣ Барбэ старался изо всѣхъ силъ разъяснить младшему поколѣнію всю глубину своей идеи о трехъ началахъ.

Но мысли его витали въ заоблачныхъ краяхъ трансцендентальной философіи, такъ что очень немногіе были въ состояніи понять его разсужденія и скоро всѣ его слушатели разбѣжались.

Среди этого сумбура самыхъ разнообразныхъ взглядовъ раздавалась и проповѣдь Прудона. Играя своими парадоксами, нагромождая ихъ одинъ на другой, онъ иногда становился еще менѣе понятнымъ, чѣмъ Пьеръ Леру. Онъ при этомъ обнаруживалъ самонадѣянность и тщеславіе, граничащія съ маніей величія. Для „анархиста“ Прудона конкуренція, какъ и для буржуазныхъ экономистовъ, являлась священнымъ принципомъ, единственнымъ двигателемъ производства. Вспомнимъ, однако, его главный парадоксъ: „Собственность есть кража!“ Но какой смыслъ можетъ имѣть конкуренція въ хозяйствѣ, если будетъ уничтожена частная собственность? Вотъ одно изъ безчисленныхъ противорѣчій, характерныхъ

для Прудона. Своими парадоксами онъ обрушивался на всѣхъ и вся, считая правымъ лишь одного себя. Онъ бьетъ социалистовъ, какъ и всѣхъ вообще; онъ противникъ организациі труда, вмѣшательства государства и обобществленія средствъ производства. Онъ одинъ знаетъ тайну соціального переворота. Соціальный вопросъ онъ разрѣшаетъ, учреждая мѣновой банкъ, основанный на безвозмездномъ кредитѣ: поддерживаемые имъ участники банка могутъ свободно работать — одинъ для другихъ—и поддерживать свое существованіе—одинъ при помощи другихъ.

Неизвѣстно, разсчитывалъ ли Прудонъ когда-либо убѣдить современныхъ ему собственниковъ добровольно отдать принадлежашія имъ средства производства въ распоряженіе народнаго банка! Но нападки Прудона на тѣхъ, кто хотѣлъ организовать производство на началахъ товарищества, поразительно напоминаютъ ухищренія наиболѣе яраго защитника буржуазнаго строя, отстаивавшаго громко и страстно принципъ индивидуализма. Мы говоримъ о Фредерикѣ Бастіа (Frédéric Bastiat). Онъ обвинялъ крупныхъ собственниковъ и крупныхъ капиталистовъ въ томъ, что они не были послѣдовательными анархистами. Онъ говорилъ: „Землевладѣльцы, которыхъ принято считать настоящими собственниками, сами поколебали принципы собственности; они призвали къ себѣ на помощь государство, чтобы искусственно поднять цѣну своихъ земель и продуктовъ. Капиталисты подали мысль законодательнымъ порядкомъ нивелировать собственность. Система покровительственныхъ пошлинъ была предвѣстникомъ коммунизма. Это первый шагъ къ нему, ибо чего въ данное время требуютъ угнетенные классы? Они требуютъ лишь то, чего требовали и получили капиталисты; они требуютъ вмѣшательства государства для болѣе равномернаго распредѣленія богатствъ“.

Подобныя идеи вызывали безконечную словесную борьбу послѣ февральской революціи; одни изъ нихъ были направлены на поддержку старыхъ взглядовъ, другія—на проведеніе въ жизнь новыхъ. Французская буржуазія крайне энергично защищала экономическіе принципы, закрѣпившіе за ней привилегированное положеніе, а чтобы защищать ихъ съ большимъ успѣхомъ, не пренебрегала проповѣдью ихъ подъ республиканскимъ, даже социалистическимъ флагомъ.

Въ 1848 г. буржуазія нерѣдко въ своихъ видахъ пользовалась моднымъ словечкомъ „соціализмъ“, употребляя его, какъ вывѣску. Но она никогда не забывала проводить грань между истинными социалистами, которыхъ она считала кровожадными коммунистами, и сторонниками соціальныхъ реформъ, которые готовы были удовлетвориться нѣкоторыми соціальными улучшениями.

Соціал-реформаторы, какъ и сама буржуазія, стояли за сохраненіе порядка, семьи и собственности. Порядокъ, семья и собственность буржуазія всѣхъ оттѣнковъ слѣдала своимъ

лозунгомъ во время избирательной кампаніи. Этими тремя словами было обусловлено ея существованіе. Все, что угрожало интересамъ ея класса, объявлялось преступленіемъ противъ законовъ, установленныхъ богомъ, противъ семьи, религіи и собственности.

На ряду съ этимъ во всей Франціи странно уживались увѣренія въ любви въ къ народу, симпатіи къ демократизму и социализму. Это время напоминало наши дни: каждый хотѣлъ называться социалистомъ. Это доказывали и рѣчи вожаковъ французскаго роялизма по поводу выборовъ; они внезапно прониклись республиканскими идеями. Такъ Дюпэнъ (Dupin), столпъ реакціи, заявлялъ, что монархія во Франціи долше существовать не можетъ. Ультрамонтанъ графъ Монталамберъ (Montalembert) высказывалъ глубокое сожалѣніе, что во многихъ социальныхъ вопросахъ, занимающихъ столь важное мѣсто въ современной жизни народа, онъ раздѣляетъ невѣжество большинства государственныхъ дѣятелей.

Феодаль де-Фалу (de Falloux), оказавшійся впоследствии ярымъ врагомъ республики, нашелъ нужнымъ выразить свой восторгъ предъ французскимъ народомъ. Другой сторонникъ королевства, Де-Муши (de Mouchy), объявилъ избирателямъ департамента Уазъ (Oise), что національное собраніе призвано продолжать демократическое дѣло социальной революціи 1789 г. Нѣкій Дампьеръ (Dampierre), принадлежавшій къ той же партіи, какъ и выше названныя лица, призналъ великимъ грѣхомъ, что онъ не занимался въ продолженіи всей своей жизни исключительно социальными вопросами. Одинъ изъ подавшихъ позднѣе руку Луи Бонапарту, говорилъ, что революція является одновременно демократической и социальной.

Благодаря выборамъ, въ Парижѣ быстро развивалось рабочее движеніе. Цехи сначала намѣревались выставить кандидатами отъ Парижа 25 рабочихъ; затѣмъ порѣшили ограничиться 20 и присоединить къ нимъ нѣсколькихъ писателей-социалистовъ, извѣстныхъ своей преданностью рабочему дѣлу. Списокъ кандидатовъ отъ народа долженъ былъ заключать въ себѣ 34 имени. Каждый рабочій цехъ долженъ былъ указать изъ своей среды кандидата. Каждый изъ нихъ долженъ былъ изложить свой взглядъ на важнѣйшія политическія и социальныя задачи. Рабочая избирательная коммиссія должна была указать изъ числа наиболѣе удовлетворительно изложившихъ свой взглядъ 20 рабочихъ кандидатовъ, которые вносились въ избирательные списки.

Намѣченными къ выбору рабочимъ предлагались слѣдующіе важнѣйшіе вопросы: Каково ваше мнѣніе о современныхъ учрежденіяхъ? Каковъ вашъ взглядъ на религію? Стоите ли вы за свободу вѣроисповѣданія? Должна ли церковь содержаться на счетъ государства? Какъ вы относитесь къ организаціи труда? Какія реформы, по вашему мнѣнію, необходимы въ управленіи страной? Что вы думаете объ организаціи арміи? Какова должна быть ея задача теперь и въ будущемъ? На

какомъ принципѣ должна быть построена налоговая система? Что вы думаете о расторженіи браковъ? Въ какія отношенія должна стать Франція къ остальнымъ европейскимъ народамъ, преимущественно нѣмцамъ и итальянцамъ?

Реакціонная часть временного правительства дѣлала невѣроятныя усилія, чтобы приобрѣсти расположеніе рабочихъ. Наканунѣ выборовъ думали устроить смотръ всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ національныхъ мастерскихъ, точно наканунѣ большого сраженія и сдѣлать имъ соотвѣтствующія наставленія. Но Луи Бланъ, узнавши, о чемъ порѣшили на совѣщаніи Мари (Marie), Марра (Marrast) и ихъ сотоварищи, поспѣшилъ въ совѣтъ министровъ и энергично воспротивился намѣренію воспользоваться національными мастерскими въ цѣляхъ выборовъ. Было рѣшено, что всѣ члены правительства должны присутствовать на этомъ смотрѣ; но этимъ самымъ послѣдній терялъ всякій смыслъ для его инициаторовъ и дѣло было просто оставлено; рѣшили прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, чтобы въ послѣднюю минуту повернуть рабочихъ въ сторону реакціи.

Предъ самыми выборами народу и, главнымъ образомъ, рабочимъ національныхъ мастерскихъ были розданы напечатанные на розовой бумагѣ въ милліонѣ экземпляровъ списки кандидатовъ *).

Въ спискѣ рабочихъ цеховъ находилось всего четыре члена временного правительства: Луи Бланъ, Ледрю-Ролленъ Альберъ и Флоконъ. Въ спискѣ, розданномъ народу умѣренными членами правительства, не было ни одного изъ этихъ именъ; этого было вполне достаточно, чтобы эти четверо получили значительное меньшинство голосовъ, если даже они окажутся выбранными.

Имя Бланки внушало руководителямъ цеховъ еще больше ужаса, чѣмъ буржуазіи и потому его имени въ спискѣ вовсе не значилось. Даже Барбэ былъ исключенъ изъ списка большинствомъ цеховъ. Самъ Бланки слишкомъ хорошо зналъ, изъ какихъ элементовъ будетъ состоять національное собраніе, и вовсе не стремился въ него. Но выборы не прошли безъ кровавыхъ стычекъ, возникшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вслѣдствіе крайняго напряженія классової вражды.

Въ Лиможѣ (Limoges) рабочіе, когда распространилось извѣстіе, что ихъ кандидаты не прошли, бросились къ избирательнымъ протоколамъ и разорвали ихъ на клочки (особенно тѣ, въ которыхъ заключались результаты голосованія въ арміи). Национальная гвардія явилась усмирять рабочихъ. Раздались съ обѣихъ сторонъ ружейные выстрѣлы; рабочіе одержали верхъ и вручили управленіе городомъ временному комитету, выбранному еще 25-го февраля. Онъ возстановилъ порядокъ при содѣйствіи комиссара республики Шаміо (Chamiot). Прежде

*) Выборы происходили по спискамъ для цѣлыхъ департаментовъ, такъ что Парижъ—какъ департ. Сены—составилъ одинъ избирательный округъ.

чѣмъ прибылъ чрезвычайный комиссаръ отъ временнаго правительства Трела (Trelat), тишина и спокойствіе уже царили въ Лиможѣ. Въ Руанѣ, гдѣ также возникли безпорядки, ихъ не такъ легко было усмирить. Здѣсь съ начала революціи среди рабочихъ происходило сильное броженіе. Сенаръ (Senard), орлеанистскій адвокатъ, яркій выразитель буржуазныхъ тенденцій, былъ назначенъ главнымъ прокуроромъ. Ремесленники и рабочіе были на сторонѣ прогрессивнаго демократа Дешамъ (Deschamps), назначеннаго Ледрю-Ролленомъ республиканскимъ комиссаромъ въ Руанѣ. Руанская національная гвардія обратилась съ претензіей къ временному правительству, почему на эту должность не былъ назначенъ роялистъ Сенаръ, пользовавшійся ихъ довѣріемъ. Съ этихъ поръ происходили постоянныя пререканія между буржуазными элементами національной гвардіи и руанскимъ народомъ. Особенно послѣ 16-го апрѣля, когда Ледрю-Ролень, повидимому, измѣнилъ своему революціонному прошлому и перешелъ въ лагерь правительственной реакціи, руанская буржуазія перестала скрывать свою ненависть къ рабочему классу. Когда 27-го Апрѣля при подсчетѣ голосовъ выяснилось, что Дешамъ получилъ гораздо меньше голосовъ, чѣмъ Сенаръ и не могъ рассчитывать быть выбраннымъ, злорадство буржуазіи не знало предѣловъ; оно выразилось въ столь вызывающей формѣ, что озлобленные рабочіе рѣшили дать буржуазіи серьезный отпоръ. Возбужденіе достигло высшей точки, когда національная гвардія сочла нужнымъ лишить свободы наиболѣе вліятельныхъ изъ рабочихъ. Понятно, рабочіе протестовали противъ ареста товарищей. При этомъ одинъ изъ арестованныхъ, по имени Кенель (Guesnel) былъ убитъ. Это послужило сигналомъ къ возстанію. Повсюду раздались призывы: „Къ оружію! Нашихъ братьевъ убиваютъ!“ И въ мигъ улицы покрылись баррикадами...

Командующій войсками въ Руанѣ генераль Ординаръ (Ordinaire) имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительную армію; къ ней примкнула и буржуазная часть національной гвардіи, жаждавшая кровавой мести. Послѣ однодневнаго боя ему удалось овладѣть предмѣстьемъ Матэнвилъ (Matinville). Но на другомъ берегу Сены укрѣпленные кварталы Сэнь-Леве (St. Lever) находились въ рукахъ возставшихъ. На второй день утромъ генераль явился предъ баррикадами и требовалъ сдачи; онъ давалъ четверть часа на размышленіе и послалъ революціонерамъ свои часы. Рабочіе возвратили часы обратно, объявивъ, что они не сдадутся безъ боя. И снова организованный произволь побѣдилъ плохо вооруженный народъ. Рабочіе въ этомъ бою потеряли убитыми около 50 человекъ и еще больше было ранено.

Въ фабричномъ городѣ Эльбефъ (Elbeuf) рабочіе также возстали и забаррикадировались. Народъ хотѣлъ помѣшаты соединенію квартировавшаго здѣсь войска съ войсками, идущими изъ Руана.

Когда вѣсть о руанскихъ событіяхъ дошла до Парижа въ прогрессивныхъ демократическихъ кругахъ поднялась буря негодованія.

Сознаніе пораженія республики, ясно обнаружившагося въ результатахъ выборовъ, глубоко омрачило сердца искреннихъ республиканцевъ, а когда Парижъ узналъ о руанскомъ кровопролитіи, въ революціонныхъ клубахъ тысячи голосовъ требовали отмщенія. Стѣны города покрылись плакатами, народныя газеты наполнились пламенными воззваніями. Въ „Парижской Коммунѣ“, органѣ центрального клуба, Собріе (Sobrier) помѣстилъ слѣдующее воззваніе:

„Посѣяли смуту и пожали кровь... Национальная гвардія Парижа бросила вызовъ рабочему народу, вызовъ нашель откликъ въ Руанѣ. Реакціонеры, вамъ не удалось вызвать въ Парижѣ гражданскую войну, радуйтесь: въ Руанѣ она возгорѣлась... Въ эту минуту тамъ гремятъ пушки, мы снова переживаемъ сцены сраженія въ улицѣ Транснопанъ (Rue Transnoain) и массовыя убійства въ Круа-Русъ (Croix-Rousse.) Голодъ вы хотите утолить картечью и пулями... Если національное собраніе измѣнитъ соціальной революціи, которой оно обязано своимъ существованіемъ, то народъ будетъ правъ, когда найдетъ нужнымъ смѣнить свое правительство и, согласно статьѣ 14-й „правъ челоуѣка“, отозвать своихъ представителей.“

Уже за два мѣсяца до іюньскихъ дней стало ясно, что только путемъ возстанія возможно будетъ спасти революцію изъ когтей реакціи, отъ которыхъ ей угрожала гибель.

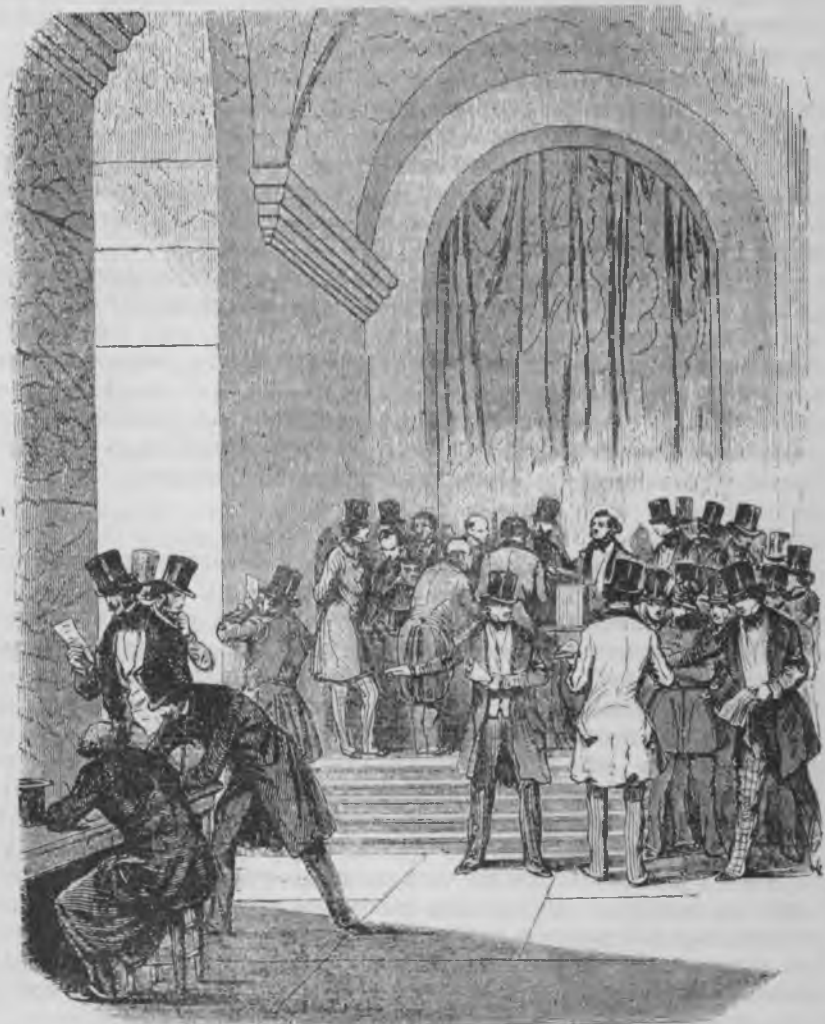
Въ виду руанскихъ событій Центральное Республиканское Общество предприняло рѣшительныя дѣйствія; появилось обширное, горячее возваніе Бланки; оно произвело сильное впечатлѣніе на массу. Вотъ наиболѣе рѣзкія мѣста воззванія: „Контръ-революція купается въ народной крови! Гдѣ справедливость?! Мечь за убійства! Уже два мѣсяца руанская буржуазія подготавливала тайно рабочимъ варооломеевскую ночь. Она запасалась оружіемъ и патронами. Власти это знали. Какимъ образомъ одна лишь буржуазія оказалась организованной и вооруженной? Почему противники ея быди безоружны? Какъ случилось, что 42-й линейный полкъ, прославившійся звѣрской рѣзней въ предмѣстьѣ Нэръ (Naire) въ 1834 г., внезапно очутился въ Руанѣ... Теперь... спустя только два мѣсяца послѣ революціи! Вы дѣйствуете энергично! Вы, граждане временнаго правительства!.. Вы даже женщинъ не шадите! Еслибы ваши жены и дѣти, прелестныя нѣжныя созданія, нарядныя и праздныя, разѣзжающія въ богатыхъ экипажахъ по улицамъ Парижа, еслибы онѣ упали къ вашимъ ногамъ, пронзенныя безжалостной вражеской пулей... О! какія безграничныя страданія это причинило бы вамъ! Такъ идите же въ больницы, идите въ мансарды и вы найдете ихъ, вы увидите эти груди, пробитыя гражданскими пулями...“

Женщины изъ народа не хуже вашихъ женъ; ихъ кровь взыываетъ къ мести! Справедливость! Мечь убійцамъ!“

Бланки требоваль распушенія національной гвардіи Руана, онъ требоваль, чтобы генераль Ординэръ и его офицеры

были преданы суду народа. Правительство старалось всю ответственность взвалить на рабочих; массами хватали послѣднихъ и сажали въ тюрьму и смирительные дома.

Окончательные результаты выборовъ Парижъ узналъ одновременно съ вѣстями изъ Руана, благодаря этому обще-

У избирательной урны.

ственное вниманіе отвлеклось нѣсколько отъ драмы звѣрской руанской бойни. Свершилось то, что предсказывалъ Бланки: выборы дали безнадежные результаты. Даже въ Парижѣ былъ выбранъ всего одинъ рабочій изъ списка народа. Это былъ Агрикола Пердигье (Agricola Perdiguer), умѣренные взгляды

котораго даже буржуазіи не внушали опасеній. Сравнительно съ ними взгляды Луи Блана могли казаться красными. Этимъ объясняется, что его имя стояло въ нѣсколькихъ спискахъ и за него подавали голосъ разныя партіи. Двое другихъ рабочихъ, слывшихъ „честными“ въ глазахъ буржуазіи, Корбонъ (Corbon), редакторъ „Athelier“ („Мастерская“) и родственникъ по духу Бюшэ (Bucheze), часовыхъ дѣлъ мастеръ Пепэнъ (Peupin) были также выбраны благодаря поддержкѣ партіи „Националь'я“ и клерикаловъ.

Во время іюньскихъ дней эти два представителя рабочаго класса оказались такими же яркими врагами дѣла рабочихъ, какъ и прочіе члены національнаго собранія.

Хотя въ 1848 г. волна социализма охватила всю Францію, однако, рабочія массы далеко не ясно сознавали свое положеніе и интересы своего класса. Ловкіе демагги легко могли завладѣть ихъ голосами.

Тѣмъ не менѣе на выборахъ прошла и такъ называемая социалистическая партія. бывшая въ правительствѣ. Прошелъ и Барбэ въ департаментѣ Одъ (Aude), гдѣ находились его владѣнія. Въ остальной Франціи выборы оказались еще менѣе благопріятными для рабочихъ, чѣмъ въ столицѣ. Крестьяне, вѣрные старымъ традиціямъ, поддерживали реакцію. Столь желанная социальная республика въ избирательныхъ урнахъ потерпѣла поражение. Предсказаніе Бланки—сбылось.

* * *

Не подлежитъ сомнѣнію, что большинство учредительнаго національнаго собранія не состояло изъ тѣхъ крайнихъ республиканцевъ, о которыхъ мечтали Бланки и революціонные клубы; но этимъ еще не сказано, что лица, господствовавшіе теперь въ палатѣ, были исключительно замаскированные монархисты. Большинство состояло изъ людей, принявшихъ по собственной волѣ республиканскую форму правленія, но не упускавшихъ въ то же время изъ виду своихъ классовыхъ интересовъ. Выбогы совершились при условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для республиканцевъ. Общественное мнѣніе съ отвращеніемъ вспоминало о продажной іюльской монархіи, лучшимъ доказательствомъ чего является программы, выставленные кандидатами. Выборы происходили въ пасхальное воскресенье; каждый рабочій имѣлъ возможность подать свой голосъ, и, если партіи въ избирательной борьбѣ пускали въ ходъ ложь и клевету, то все же не можетъ быть и рѣчи о томъ, что на выборахъ сильные производили давленіе на слабыхъ.

Заявленіе революціонеровъ, что національное собраніе не является настоящимъ представительствомъ народа—это, между прочимъ, утверждала и роялистская печать—правильно лишь по столько, по сколько національное собраніе дѣйствительно представляло не тотъ народъ, который былъ созданъ въ воображеніи революціонеровъ.

„Всеобщее избирательное право вовсе не обладало той

магической силой, которую приписывали ему республиканцы старого закала. Во всей Франціи, почти во всѣхъ французяхъ, они хотѣли видѣть гражданина (въ благородномъ смыслѣ слова) съ одинаковыми взглядами, интересами и пр. Въ этомъ состоялъ ихъ *культъ народа*. Въмѣсто *воображаемаго* народа во время выборовъ обнаружился народъ *реальный*, т. е. представители всѣхъ классовъ, входящихъ въ составъ населенія“.

Такъ говоритъ Марксъ въ „Классовой борьбѣ во Франціи“ (стр. 36). Въ томъ же трудѣ (на стр. 43) мы находимъ: еще слѣдующее мѣсто

„Изъ какого-то страха передъ республиканской традиціей и французскіе революціонные писатели старались поддержать заблужденіе, что въ учредительномъ національномъ собраніи господствовали роялисты. Учредительное національное собраніе послѣ июньскихъ дней представляло буржуазный республиканизмъ въ самомъ чистомъ видѣ, оно тѣмъ опредѣленнѣе стало обнаруживать эту физиономію, чѣмъ болѣе трехвѣтное республиканское знамя теряло вліяніе внѣ учредительнаго собранія. Опираясь на голоса республиканцевъ-демократовъ, буржуазная республика не измѣнила своей формы, но національное собраніе говорило языкомъ роялистскихъ буржуазныхъ фракцій; имъ-то и опредѣлялось содержаніе республики; интересы буржуазіи, матеріальная условія ея господства и классовой эксплуатаціи — именно и составляютъ содержаніе буржуазной республики. Значитъ не роялизмъ, а буржуазный республиканизмъ руководилъ жизнью и дѣятельностью этого учредительнаго собранія“.

Словомъ Бланки былъ правъ лишь въ томъ, что большинство палаты состояло не изъ тѣхъ республиканцевъ, которые стояли бы въ такомъ же отношеніи къ рабочему классу, какъ партія Горы Конвента къ буржуазіи; это не было большинство демократовъ-соціалистовъ. Въ общемъ члены національнаго собранія были не худшими республиканцами, чѣмъ и весь французскій „народъ“, т. е. правильно понимаемый „народъ“, — скорѣе — наоборотъ. Но фантазеры соціалисты-революціонеры не способны были замѣтить это. Они жаловались на ложь и обманъ и не хотѣли отдать себѣ отчета въ томъ, что бываетъ еще и самообманъ. Факты, конечно, показали имъ, что дѣленіе общества на классы, вызываемое условіями времени, не благопріятствовало той республикѣ, о которой они мечтали; сознавая это, они стали искать средствъ, лежащихъ внѣ данныхъ условій, чтобы насильно вызвать вождѣленную социальную революцію; эта затѣя во всякомъ случаѣ могла кончиться лишь реакціей.

Въ справедливости изложеннаго насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что Ламартинъ, въ которомъ несомнѣнно воплощалась идея буржуазной республики, былъ выбранъ не менѣе десяти разъ въ Парижѣ, въ самомъ сердцѣ революціи; онъ изъ всѣхъ кандидатовъ получилъ наибольшее число голосовъ — 259,800. За нимъ слѣдовали остальные члены большинства временнаго правитель-

ства. Изъ представителей радикальнаго меньшинства Флоконтъ получилъ 121,000 голосовъ, Ледрю-Рслленъ—132,000, Альберъ—133,000, Луи Бланъ—120,000. Кандидаты, фигурировавшіе только въ Люксембургскомъ списокѣ, провалились всѣ до одного. Даже за Барбэ и Пьера Леру, несмотря на поддержку со стороны цеховъ, во всемъ Парижѣ было подано всего 64,065 и 47,284 голосовъ. Не лучше дѣло обстояло и въ провинціальныхъ промышленныхъ городахъ. Мы видѣли, какъ были разбиты рабочіе въ Лиможѣ и Руанѣ. Въ Ліонѣ, выдавшемъ столько рабочихъ волненій, революціоному центральному комитету удалось провести двухъ коммунистовъ, но большинство выбранныхъ оказались умѣренными республиканцами „Пролетаріатъ, какъ классъ“ говоритъ Даніэль Стернъ (Daniel Stern) „въ этой избирательной борьбѣ потерпѣлъ поражение“. Составляя лишь меньшинство населенія, онъ и на выборахъ долженъ былъ оказаться въ меньшинствѣ.

Прудонъ въ своихъ головоломныхъ разсужденіяхъ о „мистификаціи всеобщаго права голоса“ только способствовалъ увеличенію путаницы въ головахъ революціонеровъ. „Всеобщая подача голосовъ обманула народъ“, писалъ онъ 3-го мая. Но ближе къ истинѣ онъ былъ, когда писалъ нѣсколько дней до этого: „Революція 1848 года, какъ экономическая революція, является чисто мѣщанской. Это—мастерская, контора, хозяйство, касса—словомъ такая проза, которая не можетъ поддерживать революціонную энергію и звонкія фразы. Хотимъ ли мы или нѣтъ, но мы являемся просто мѣщанами“ (Réprésentatif du Peuple de 29 avrol (1848).

ГЛАВА XII.

Первое засѣданіе національнаго собранія.—Республика и національное собраніе.—Отчетъ членовъ правительства.—Поведеніе Ледрю-Роллена.—Барбэ протестуетъ противъ мѣропріятій правительства.—Совѣщаніе о министерствѣ прогресса; ненависть національнаго собранія къ идеѣ социализма.—Возмущеніе въ народныхъ массахъ растетъ — Пораженіе нѣмецкихъ отрядовъ.—«Въ Польшѣ идетъ борьба».—Парижъ вступается за дѣло угнетенныхъ народовъ.

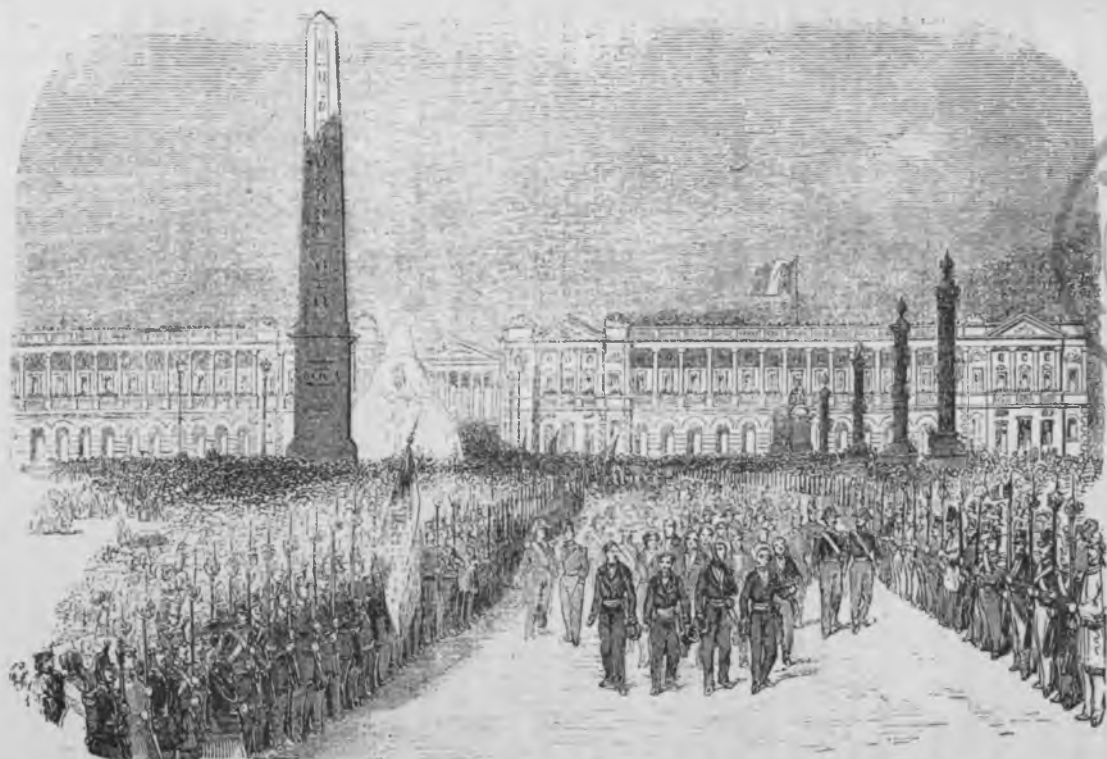
4-го мая состоялось первое засѣданіе учредительнаго національнаго собранія. Парижское населеніе, всегда воспріимчивое къ необычнымъ зрѣлищамъ, особенно, если они льстятъ его политическому тщеславію, не взирая на лѣтній зной и палящіе лучи солнца, стеклось къ дворцу Бурбоновъ. Во дворѣ былъ наскоро сооруженъ огромный залъ, гдѣ должны были происходить засѣданія девятисотъ представителей французскаго народа. Какъ всегда, когда въ парламентскомъ засѣданіи рѣшались судьбы Франціи, и на этотъ разъ мостъ и площадь Согласія (de la Concorde) покрылись толпой любопытныхъ и энтузіастовъ.

Временное правительство должно было открыть торжественно первое засѣданіе. Въ 12^{1/2} ч. члены его вышли изъ дворца министерства юстиціи на площади Вандомъ (Vendome); впереди шелъ генераль національной гвардіи съ жезломъ и прокладывалъ путь сквозь густую толпу. Рядомъ съ членами временнаго правительства и министрами шли офицеры съ обнаженными шашками; казалось, что этихъ людей, которые шли отдавать отчетъ въ своемъ правленіи народнымъ представителямъ, ведутъ на судъ, какъ преступниковъ.

За членами правительства слѣдовали мэръ и члены городской думы Парижа и его предмѣстій. Национальная гвардія сопровождала шествіе и время отъ времени привѣтствовала одобрительными возгласами Ламартина.

При входѣ правительства въ залъ засѣданія изъ Дома Инвалидовъ раздались пушечные залпы; народные представители поднялись со своихъ мѣстъ и привѣтствовали входящихъ возгласомъ: „да здравствуетъ республика“. Республика? Да! Они воскликнули: „да здравствуетъ республика“.

Это кричала группа людей, состоящая изъ реакціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ: тутъ виднѣлась монашеская ряса фанатика-доминиканца, Лакордэра (Lacordaire); красовались плащи іезуи-

Временное правительство шествует на первое заседание национального собрания 4 мая 1848 г.

товъ, фраки орлеанистовъ и легитимистовъ, а рядомъ съ ними гражданская одежда нѣсколькихъ демократовъ-республиканцевъ и даже коммунистовъ.

Всѣ кричали: „да здравствуетъ республика!“—Всѣ, несмотря на ненависть и страхъ, который они питали къ ней. Но несправедливо было бы утверждать, что возгласъ собравшихся здѣсь французскихъ реакціонеровъ заключалъ въ себѣ одно лицемѣріе. Въ сущности они ни одной формѣ правленія не отдавали особаго предпочтенія передъ другой; при условіи сохраненія ихъ классовыхъ правъ и привилегій, они согласны были для разнообразія признать и республику, тѣмъ болѣе, что обстоятельства ихъ къ этому принуждали.

Всѣ они разсуждали приблизительно такъ, какъ выразился либеральный монархистъ Дювержье де-Оранъ (Duvergier de-Launay) въ разговорѣ съ Луи Бланомъ: „Не мы, конечно, желали республику; но разъ она есть, мы безпрекословно присоединяемся къ новому режиму“. Съ этимъ изрѣченіемъ большая часть реакціонеровъ могла бы вполне согласиться, но только съ одной оговоркой: республика, признанная ими, должна была быть *ихъ* республикой.

Ее нужно было обставить такъ, чтобы реакціонеры могли удобно расположиться въ ней. Но они помнили, что и послѣ февральской революціи реакціонеры временнаго правительства вполне успѣшно проводили свою политику; реакція торжествовала и члены собранія съ спокойнымъ сердцемъ могли привѣтствовать республику.

Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что часть депутатовъ, пріѣхавшихъ въ Парижъ полными предразсудковъ деревни и провинціальныхъ городишекъ, должна была съ самаго начала испытать на себѣ огромное моральное вліяніе крупнаго центра. Они пришли въ соприкосновеніе съ сильнымъ рабочимъ классомъ, смѣло отстаивавшемъ свои интересы. Отозваться презрительно о республикѣ значило-бы пренебречь пролетаріатомъ, не признавать его значенія и его побѣды.

Когда церемонія взаимныхъ привѣтствій окончилась, собраніе приступило къ первому совѣщанію. Одри де Пюйраво (Audry de Puyraveau), старшій изъ представителей, принявъ президіумъ, и 11 членовъ временнаго правительства расположились у подножія ораторской трибуны. Картина была грандіозная. Вокругъ правительства сидѣли 900 представителей народа, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Франціи. Во дворѣ тѣснился народъ и гулъ толпы доносился въ залъ засѣданія. Издали продолжалъ раздаваться грохотъ старыхъ пушекъ Дома Инвалидовъ. Сѣдовласый Дюпонъ де Лёръ (Dupont de l'Eure) нетвердымъ шагомъ взшелъ на трибуну и отъ имени временнаго правительства слабымъ голосомъ произнесъ рѣчь, изъ которой мы здѣсь приводимъ слѣдующую выдержку: „Граждане, представители народа! Временное правительство республики въ эту минуту склоняетъ голову передъ француз-

ской націей и выражаетъ свою вѣрность облекающей васъ высшей власти... Вы, представители верховной власти народа, призваны перестроить наши учрежденія на широкихъ демократическихъ началахъ и дать Франціи форму правленія, единственно способную удовлетворить всѣ слои населенія— республику... Вашимъ дѣломъ будетъ установить тѣ принципы, которымъ правительство обязано будетъ слѣдовать, чтобы создать добрыя отношенія между всѣми гражданами и управлять страной, согласно священнымъ законамъ справедливости и братства... Вѣрные нашему происхожденію и нашимъ убѣжденіямъ, мы не замедлили послѣ февральскихъ событій провозгласить республику. Сегодня мы открываемъ это собраніе возгласомъ, объединяющимъ всѣхъ его членовъ: да здравствуетъ республика!“

Снова въ залѣ и въ галлерейхъ, наполненныхъ публикой, загремѣло: „Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ временное правительство!“ Былъ сдѣланъ перерывъ.

Въ 3 часа, когда засѣданіе снова открылось, на столѣ президента появилось множество разнообразныхъ заявленій, требовавшихъ отъ собранія официального признанія республики.

Въ одномъ предлагали, чтобы каждый, взойдя на трибуну, произнесъ присягу; въ другомъ выражалось желаніе, чтобы республика была провозглашена торжественнымъ манифестомъ къ народу. Барбэ, котораго глубоко возмутили всѣ эти заявленія, съ трибуны обратился къ собранію: „Никто не смѣетъ сомнѣваться въ существованіи республики. Мы лишь слуги народа и должны исполнять его волю. Да здравствуетъ единая, нераздѣльная, демократическая и социальная республика!“

Президентъ, казалось, раздѣляя это мнѣніе и объявилъ излишнимъ обсуждать подобныя заявленія, ибо на дѣлѣ республика никѣмъ не оспаривается.

Во время этихъ объясненій народному представителю Бабо-Ларибьеръ (Babaut Laribière) пришла мысль, которая была приведена въ исполненіе въ тотъ же день. Онъ воскликнулъ: „Мы должны передъ лицомъ солнца и славнаго парижскаго народа выразить нашу преданность республикѣ!“

Предложеніе встрѣтило восторженный приѣмъ. Всѣ представители поднялись со своихъ мѣстъ, выстроились по порядку за своимъ президентомъ и вышли на колоннаду дворца. Одриде Пюйраво (Audry de Puyraveau), голосъ котораго былъ едва слышенъ въ огромной толпѣ, провозгласилъ отъ имени народа и національнаго собранія демократическую республику.

Несмотря на шумъ, народъ въ первыхъ рядахъ разслышалъ торжественное провозглашеніе. Раздались ликующіе возгласы; передаваясь изъ переднихъ рядовъ черезъ всю толпу, возгласы слились въ одинъ общій восторженный гулъ.

Первыя засѣданія національнаго собранія ушли на провѣрку полномочій. При этомъ обнаружили нѣкоторые изъ

Провозглашеніе республики 4 мая 1848.

способовъ, благодаря которымъ реакціонерамъ и, преимущественно, клерикаламъ удалось одержать побѣду во время избирательной борьбы. Не разбирая средствъ, они старались поддерживать опасенія и страхъ передъ неизвѣстностью среди темнаго сельскаго населенія. Пользовались даже исповѣдью въ цѣляхъ предвыборной агитаціи. Исповѣдывавшихся грозили лишить причастія, если они не будутъ голосовать по указанію церкви, а республиканцамъ-крестьянамъ, не умѣвшимъ читать, подсовывали списки ихъ противниковъ.

По окончаніи провѣрки приступили къ выборамъ президента и бюро. Президентомъ былъ избранъ Бюше (Buche) — заядлый католикъ, поклонникъ конвента. Чтобы доказать свою симпатію къ рабочему классу, собраніе выбрало въ бюро двухъ вышеупомянутыхъ рабочихъ, Корбонъ и Пепанъ (Corbon и Peupin), вполне соответствовавшихъ вкусу собранія и защищавшихъ интересы буржуазіи съ гораздо большимъ жаромъ, чѣмъ она сама.

Въ слѣдующіе дни отдѣльные члены временнаго правительства давали отчетъ въ своемъ управленіи. Докладъ Ледрю-Роллена 6-го мая былъ полонъ чувства собственнаго достоинства. Онъ вставлялъ необдуманныя, высокомерныя фразы, создавая себѣ все болѣе ложное положеніе.

Буржуазія ни одному политику не проститъ двусмысленнаго отношенія къ ея классовымъ интересамъ. Это скоро пришлось испытать на себѣ Ледрю-Роллену, вѣчно колебавшемуся между революціей и реакціей.

Не лучше пришлось и Луи Блану. Когда онъ взошелъ на трибуну и звонкимъ голосомъ началъ читать свой докладъ, раздалось громкое шиканье. Онъ не имѣлъ возможности указать практическихъ результатовъ своей дѣятельности, какъ главы рабочаго парламента Люксембурга, а въ его упованіяхъ и обѣщаніяхъ, касавшихся ассоціацій и организаціи труда, собраніе ничего не смыслило.

Исполнительная власть временнаго правительства, конечно, прекратилась, какъ только было созвано національное собраніе. Къ назначенію новаго правительства еще не приступали, желая раньше выслушать всѣхъ членовъ стараго. Когда доклады ихъ были окончены, представители народа, большею частью презиравшіе людей, подобныхъ Луи Блану, Альберу и даже Ледрю-Роллену, поспѣшили выбрать новую исполнительную власть. 8-го мая представители Реино (Reynaut), Трела (Trélat) и Дорнэ (Dornès), выражая общее желаніе, предложили избрать исполнительную комиссію, состоящую изъ 5 членовъ, которая сохранить полномочія до тѣхъ поръ, пока не будетъ установлена новая форма исполнительной власти. Исполнительная комиссію можетъ по своему усмотрѣнію выбрать отвѣтственное министерство. Предложеніе не встрѣтило возраженій, но иное дѣло, когда поднялся вопросъ о составѣ комиссіи. Не могло быть и рѣчи о Луи Бланѣ, Альберѣ или Ледрю-Ролленѣ.

Чисто буржуазная партія „Національ“ я во что-бы то ни

свое предложіе. Его появленіе подало поводъ къ взрыву долго скрываемаго негодованія и ненависти! Въ Луи Бланѣ привыкли видѣть защитника тѣхъ идей, которыя вездѣ и всегда возбуждаютъ ярость буржуазіи. Представители буржуазіи въ національномъ собраніи мстили по своему: достаточно было Луи Блану появиться на трибунѣ, какъ поднимался неистовый топотъ и крикъ.

Вышеупомянутый рабочій Пепэнъ въ національномъ собраніи игралъ роль „честнаго“ представителя пролетаріата. Буржуазныя газеты противопоставляли трогательную скромность и здравый умъ „настоящаго“ рабочаго фантастическимъ планамъ нѣкоторыхъ сумасбродныхъ писателей-утопистовъ; этимъ они думали нанести автору „организациіи труда“ тотъ ударъ ослинымъ копытомъ, который они давно ему предназначали. Этотъ „честный“ рабочій не нашелъ ничего лучшаго, какъ выразить съ трибуны національнаго собранія свое презрѣніе всѣмъ социалистическимъ идеямъ; онъ иронически хвалилъ Люксембургскую комиссію за то, что она ничего не слѣлала и, слѣдовательно, ни въ чемъ не провинилась. Само собой понятно, національное собраніе не стало обсуждать даже предложенія, внесеннаго Луи Бланомъ; его просто положили подъ сукно^{*)}.

По мѣрѣ того, какъ въ національномъ собраніи обнаруживалась открытая ненависть къ революціоннымъ идеямъ, подъ животворнымъ воздѣйствіемъ этихъ идей въ широкой массѣ парижскаго народа крѣпла ненависть къ буржуазіи. Въ собраніи ежедневно изобрѣтались и наносились новые удары демократіи. Но народъ продолжалъ надѣяться на свою конечную побѣду. Революціонный, авангардъ его снова началъ свою агитацію и пріобрѣталъ все новыхъ сторонниковъ.

Въ клубахъ рѣшили протестовать противъ того, чтобы революція и ея идеи были искажены національнымъ собраніемъ, а составъ послѣдняго считали результатомъ избирательнаго мошенничества. Еще до выборовъ предвидѣ ли возможность, что представители народа явятся противниками духа революціи; поэтому народнымъ кандидатамъ-офицерамъ національной гвардіи былъ предложенъ вопросъ: „Что вы будете дѣлать, если собраніе окажется противъ насъ?“ Монархистъ Жиранденъ (Girardin) въ свою очередь поставилъ обратный вопросъ революціоннымъ республиканцамъ и потребовалъ отъ нихъ опредѣленнаго отвѣта. Нѣсколько дней ему не отвѣчали, а онъ, не смущаясь, снова повторилъ свой вопросъ. Тогда отвѣты посыпались со всѣхъ сторонъ, изъ клубовъ и со столбцовъ революціонныхъ газетъ. Они гласили довольно однообразно: „Если ваше собраніе вы-

*) Чтобы дать понятіе, что такое пренебреженіе относится только къ «утописту», національное собраніе единогласно рѣшило поднять вопросъ объ улучшеніи положенія сельско-хозяйственныхъ и городскихъ рабочихъ. Извѣстно, что изъ подобныхъ анкетъ никогда ничего не выходило, но такое неопредѣленное отношеніе соответствовало настроенію собранія, въ которомъ соединялись отвращеніе къ личности Луи Блана и сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ.

ступить противъ республики и предасть народъ, вы всѣ очутись въ Сенѣ!“

Уже послѣ первыхъ засѣданій національнаго собранія стали проявляться симптомы предстоящаго взрыва. 11-го мая на стѣнахъ Парижа среди другихъ революціонныхъ плакатовъ можно было прочесть слѣдующій:

„Воззваніе къ демократамъ-соціалистамъ!“

„Дурные граждане, не желающіе ничего дать народу, соединяются для торжества эгоизма.“

„Хорошіе граждане должны также объединиться, чтобы восторжествовало братство...“

„Пусть всѣ, кому дорога побѣда социалистической демократіи, присоединятся къ намъ...“

„На первый разъ пусть въ подготовительное собраніе явятся только вожди баррикадныхъ борцовъ, представители комитетовъ и делегаты демократическихъ клубовъ“.

Среди подписей подъ этимъ воззваніемъ стояло и имя Собріе (Sobrier).

Тотчасъ послѣ утвержденія исполнительной комиссіи, всѣ прогрессивные элементы, еще сохранившіе нѣкоторую преданность временному правительству, выразили порицаніе всѣмъ членамъ, оставшимся въ немъ. Хотя и поздно, но теперь всѣ поняли, до какой пропасти реакція довела республику.

Въ одно утро на стѣнахъ Парижа появился плакатъ отъ Общества правъ человѣка, подписанный его членомъ Барбэ:

„Если вы еще дальше будете поддерживать старый общественный строй, то въ день борьбы, когда выступятъ наши организованные отряды, по отношенію къ вамъ не будетъ ни прошенія, ни пощады; мы потребуемъ справедливости“.

Но движеніе началось не только среди революціоннаго народа. И буржуазія стала оттачивать свое оружіе. Она чувствовала за собой силу. Ея плакаты были не менѣе вызывающіе, чѣмъ воззванія революціонеровъ. Буржуазные элементы въ легіонѣ 12-го городского округа, находившагося подъ командой Барбэ, опубликовали слѣдующій плакатъ: „Если гражданинъ Барбэ и дальше будетъ отказываться оставить постъ полковника нашего легіона, мы сочтемъ обязанностью требовать отъ національнаго собранія его отставки. Съ этою цѣлью мы намѣрены устроить манифестацію“.

Однако, не въ одной Франціи въ это время торжествовала реакція. Изъ Германіи и Польши приходили самыя безотрадныя вѣсти, которыя вызвали состраданіе въ сердцахъ парижскаго народа. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ изъ Парижа выступили отряды иностранныхъ республиканцевъ; онъ напутствовалъ ихъ самыми горячими пожеланіями успѣха въ борьбѣ за демократію. Онъ провожалъ и нѣмецкихъ республиканцевъ и сохранилъ къ нимъ братскія чувства. Вскорѣ вернулись жалкіе остатки этихъ воодушевленныхъ отрядовъ. 27 го апрѣля они были разбиты при Доссенбахѣ (Dossenbach) и Гервегѣ (Herwegh) едва спасся. Республиканское возстаніе въ Гер-

Выступленіе нѣмецкихъ революціонеровъ изъ Парижа.

маніи вездѣ терпѣло пораженіе. Неудачи народнаго дѣла глубоко поражали населеніе французскихъ городовъ и вызывали озлобленіе противъ правительства, которое они винили въ пораженіи европейской демократіи.

Еще печальнѣе были дѣла въ Польшѣ, къ которой французскій народъ питалъ традиціонную симпатію. Польскія возстанія въ Познани, Краковѣ и Галиціи были подавлены. Пруссія и Австрія принялись въ нихъ хозяйничать по прежнему: а очутившаяся въ желѣзныхъ тискахъ деспотизма русская Польша даже не была въ силахъ подняться. Тщетно польскій революціонный комитетъ въ Краковѣ взывалъ къ нѣмецкому народу: „Будь нашимъ союзникомъ! Независимая Польша станетъ твоимъ оплотомъ!“ Нѣмецкій народъ такъ обезсилилъ, что не могъ поддержать своихъ польскихъ братьевъ въ ихъ отчаянной борьбѣ.

„Франція, возлюбленная сестра Польши! Звѣзда, ведущая Европу къ свободѣ, ты не оставишь Польши!“ Такъ взывала Польша, стоящая на краю гибели. Народъ Парижа не ждалъ этого душераздирающаго крика; онъ дружно возсталъ противъ звѣрствъ и насилій, отъ которыхъ гибли польскіе братья. Каждый вечеръ въ клубахъ появлялись польскіе борцы, которымъ удалось избѣжать кровавой расправы; они описывали французскимъ революціонерамъ тѣ ужасныя муки, въ которыхъ умирало безчисленное множество поляковъ, боровшихся за свое правое дѣло. И каждый, знающій рабочее населеніе Парижа, пойметъ какой энтузіазмъ вызывалъ въ немъ героизмъ польскаго народа.

Въ первыхъ числахъ мая получились вѣсти изъ Польши, и все пришло въ волненіе. Клубы наполнились народомъ, стѣны покрылись плакатами, приглашавшими французовъ братья стѣны вмѣстѣ съ поляками: „У Французской республики хватить оружія, желѣза и свинца“, восклицали они, „она не потерпитъ избіенія тѣхъ, кто подобно ей добивается свободы. Ея святая обязанность съ оружіемъ въ рукахъ перешагнуть черезъ Рейнъ, отомстить за безоружныхъ, освободить угнетаемыхъ“.

Кто же исполнить это святое дѣло? Національное собраніе трусливо; оно ничего не предприметъ. Остается одно: народъ самъ долженъ дѣйствовать. Возникла мысль, нашедшая живое сочувствіе; въ народѣ задумали устроить грандіозную манифестацію, и показать національному собранію, что народъ спѣшитъ на помощь полякамъ. Планъ исходилъ изъ клуба клубовъ, гдѣ президентомъ былъ Гюберъ (Huber).

Національное собраніе затрепетало узнавъ о такомъ намѣреніи; оно видѣло себя уже уничтоженнымъ, разбитымъ, отданнымъ на произволъ разнузданнаго населенія парижскихъ предмѣстій. Оно совершенно растерялось и прибѣгло къ самымъ нелѣпымъ мѣбрамъ для своей защиты. Вопреки всѣмъ установленнымъ обычаямъ, оно объявило, что отнынѣ оно прекращаетъ пріемъ какихъ бы то ни было прошеній или просителей.

10-го мая Воловскій, полякъ, ставшій французскимъ гражданиномъ, членъ національнаго собранія, взошелъ на ораторскую трибуну, чтобы просить Францію отъ имени делегатовъ, присланныхъ изъ Галиціи, Кракова и Познани, прійти на помощь польскому народу. Онъ требовалъ, чтобы исполнительная комиссія приняла рѣшительныя мѣры и чтобы національное собраніе опубликовало воззваніе къ нѣмецкому народу вступить за Польшу. Это предложеніе поддержалъ еще одинъ народный представитель; онъ воскликнулъ громовымъ голосомъ : „Доколѣ же мы будемъ глухи къ мольбамъ народа!“

Ламартинъ потребовалъ отсрочки для отвѣта, и обсужденіе этого вопроса было отложено на 15-ое мая.

Одновременно съ этими событіями въ національномъ собраніи, въ ресторанѣ Дурланъ (Doùrlans) состоялось собраніе всѣхъ революціонеровъ, делегатовъ клубовъ, рабочихъ корпорацій и вождей на баррикадахъ. Возбужденіе достигло своего апогея. Предлагалось свергнуть исполнительную комиссію, разогнать національное собраніе и назначить комитетъ общественнаго спасенія. Было принято рѣшеніе организовать на понедѣльникъ 15-го мая большую народную демонстрацію, съ цѣлью ея внушительностью поддержать тѣхъ, кто въ національномъ собраніи будетъ отстаивать дѣло поляковъ. Кромѣ этой, открыто объявленной цѣли, имѣлись конечно и тайные планы.

Сочувствіе къ полякамъ было въ народѣ до такой степени сильно, что движеніе началось раньше сигнала руководителей.

Въ судьбѣ Польши народъ видѣлъ свое собственное положеніе и общее дѣло демократіи. Уже 13-го мая болѣе 6,000 манифестантовъ собрались на площади Бастиліи. Толпа проходила по бульварамъ съ громкими возгласами: „Да здравствуетъ Польша!“ Подойдя къ зданію, гдѣ засѣдало національное собраніе, десять делегатовъ выдѣлились изъ толпы, чтобы передать собранію петицію. Представитель Парижа Вавэнъ (Vavin) взялъ на себя вручить петицію собранію. Бюро національнаго собранія отказалось, однако, принять ее въ виду того, что обсужденіе польскаго вопроса назначено на 15-е мая.

Все это было только прологомъ; за нимъ послѣдовала настоящая трагедія.

ГЛАВА XIII.

15-ое мая.—Правительство и демонстрація.—Прудонъ и война.—Шествіе народной массы.—Непріятное происшествіе въ національномъ собраніи.—Бланки на мгновение овладѣваетъ толпой.—Рѣчь Барбэ.—Національное собраніе объявляется распушеннымъ.—Революціонное правительство въ ратушѣ.—Собріе—министръ внутреннихъ дѣлъ.—Коссидьеръ и правительство.—Боевыя приготовленія въ полицейской префектурѣ.—Послѣдствія 15-го мая.—Разнузданность реакціи.—Арестъ Бланки; взглядъ Маркса на 15-ое мая.

Утромъ 15-го мая площадь Бастиліи представляла изъ себя необозримое людское море. Толпа все росла; къ ней примыкали все новыя группы, несшія знамена съ крупной надписью: „да здравствуетъ Польша“! Здѣсь развѣвались флаги всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ націй. Рядомъ съ флагомъ объединенной Германіи поднималось трехцвѣтное итальянское знамя; рядомъ съ польскимъ орломъ красовалась ирландская арфа. 150.000 человекъ двинулось въ путь при несмолкаемыхъ возгласахъ: „Да здравствуетъ Польша“! „Да здравствуетъ республика“!

Чѣмъ же было занято правительство? Что дѣлала исполнительная комиссія? Были ли приняты предупредительныя мѣры? Хотѣли ли и эту демонстрацію встрѣтить ружьями и пушками, какъ было 16-го апрѣля? Нѣтъ, на этотъ разъ не было сдѣлано подобныхъ распоряженій; правительство нашло нужнымъ принять лишь самыя незначительныя мѣры предосторожности. Очевидно, оно разсчитывало, что манифестація не встрѣтитъ общаго сочувствія, будетъ весьма малочисленна и пройдетъ совершенно спокойно.

Еще 14-го мая Гюберъ (Huber) опубликовалъ письмо, въ которомъ онъ положительно утверждалъ, что манифестація устраивается съ цѣлью выразить сочувствіе освободительному движенію въ Польшѣ и ни въ какомъ случаѣ не будетъ носить насильственнаго характера. Большинство клубовъ также высказалось, что ихъ участіе въ демонстраціи имѣетъ вполнѣ миролюбивыя цѣли. Впрочемъ, по поводу этой демонстраціи между клубами, очевидно, произошли крупныя разногласія. Распайль и его друзья, по своему обыкновенію, отнесли свысока и презрительно къ подобному выступленію. Кабэ убѣдилъ свой клубъ воздержаться отъ участія въ демонстраціи. Даже Бланки совѣтовалъ членамъ своего клуба не принимать въ ней участія. Ипполитъ Кастиль приводитъ его слова: „Въ данный мо-

ментъ реакція одержала верхъ. Даже министерство, въ которомъ есть и наши сторонники, охвачено ея волной. Но потерпите еще недѣль пять - шесть, вѣтеръ измѣнитъ свое направленіе и подуесть въ нашу сторону“. Въ докладѣ комиссіи, разслѣдовавшей дѣло 15-го мая, также упоминается, что Бланки держался въ сторонѣ. Тамъ говорится: „Есть основаніе думать, что извѣстная группа имѣла намѣреніе отвлечь демонстрацію отъ ея первоначальной цѣли, отъ выраженія сочувствія угнетенной Полошѣ, но всѣ партіи виновникомъ такого заговора считали Бланки.. Кѣмъ-то дѣйствительно было предложено идти къ національному собранію и разогнать его... но именно Бланки удерживалъ отъ этого шага въ виду недостаточной подготовленности“.

Бланки не надѣялся на успѣхъ дѣла, въ которомъ участвовали столь разнородные элементы.

Но въ день 15-го мая, подѣ влияніемъ огромной, воодушевленной толпы, всѣ партіи, явившіяся на демонстрацію съ самыми различными цѣлями, слились въ одно мощное гигантское тѣло. Бланки и другіе вожаки были увлечены общимъ теченіемъ. Даже Барбэ, хотъ и не безъ колебанія, примкнулъ къ движенію.

Однако, не только нерѣшительностью отдѣльныхъ вожаковъ или группъ объясняется бездѣятельность исполнительной комиссіи и правительственной власти. Ихъ поведеніе станетъ болѣе понятнымъ, если принять во вниманіе, что нѣкоторые изъ членовъ правительства до извѣстной степени желали вызвать эту демонстрацію.

Положеніе этихъ членовъ въ національномъ собраніи было похоже на положеніе Луи Блана во временномъ правительствѣ: у нихъ не было сознанія, что они свободно выбраны палатой; они чувствовали, наоборотъ, что навязаны ей лишь силой обстоятельствъ. Они видѣли, что большинство народныхъ представителей смотрѣли на нихъ недружелюбно, съ трудомъ терпѣли ихъ. Реакціонеры не прочь были расправиться съ бывшими членами временного правительства, какъ съ Луи Бланомъ и Альберомъ. Война съ монархической Европой стала многимъ представляться единственнымъ выходомъ изъ всѣхъ внутреннихъ неурядищъ.

Прудонъ въ своемъ органѣ „Le Représentant du peuple“, крайне энергично выступилъ противъ демонстраціи. Онъ писалъ: „Демократы, участвующіе въ правительствѣ, думаютъ: если напомнить правительству, что оно обязано дать толчокъ къ освобожденію угнетенныхъ народовъ, то это равносильно тому, чтобы сказать ему: „вы ничего не сдѣлали для организациіи труда; вы не знаете, какъ быть со всѣми рабочими, которые требуютъ хлѣба и работы... Постарайтесь посредствомъ войны утвердить въ Европѣ господство демократіи, и только тогда вы сможете создать экономически здоровое общество... Вы не социалисты. Если вы не рѣшаетесь проводить социальныя реформы, то берите на себя по крайней мѣрѣ политическую инициативу... объявите войну, чтобы замаять рабочій вопросъ“

Издѣвательства Прудона были направлены противъ ложнаго увлеченія войной. Позднѣе онъ развивалъ мысль, что республиканская армія привнесла бы чужимъ народамъ не только духъ политической свободы, но и социалистическія идеи; народы Европы, однако, оказались на слишкомъ низкой ступени развитія, чтобы проникнуться этими идеями. Европейскій либерализмъ возсталъ бы противъ духа, внесеннаго арміей французскаго пролетаріата, перешелъ бы въ консервативный лагерь, и вся Европа увидѣла бы дни, подобные 16-ому апрѣля и кровавой іюньской бойни.

Парижскіе революціонеры, однако, были очень далеки отъ мысли, что вмѣшательство французской республиканской арміи можетъ вызвать подобныя послѣдствія. Никто не раздѣлялъ взглядовъ Прудона. Онъ приписывалъ полу-демократическимъ элементамъ въ правительствѣ идеи и тенденціи, которыя у нихъ совершенно отсутствовали.

Ихъ мелкобуржуазная душа была слишкомъ робка, чтобы отважиться на крупное, изъ ряда выходящее дѣло. Но есть доказательства, что убѣжденіе Прудона не было исключительно плодомъ его фантазіи; существовало небольшое число республиканцевъ даже среди членовъ національнаго собранія, дѣйствительно считавшихъ войну единственнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія внутри страны. Бабо-Ларибьеръ (Babaud-Larivière) рассказываетъ, что 14 го мая въ библиотечномъ залѣ государственнаго совѣта засѣдало многояюдное собраніе республиканскихъ народныхъ представителей подъ предсѣдательствомъ Армана Марра (Armand Marrast); оно высказалось единогласно, за исключеніемъ одного лишь чловѣка, именно его самого, за необходимость немедленно начать войну въ интересахъ Польши и Италіи. Для подтвержденія своего рѣшенія онъ говорилъ откровенно: „нужно искать стокъ для излишняго населенія и пищу для фантазіи народной массы“!

Посмотримъ, что дѣлалъ народъ 15-го мая.

Демонстрація проходила въ полномъ порядкѣ. Внушительное шествіе медленно двигалось вдоль внутреннихъ бульваровъ Парижа. Огромныя полчища людей, украшенныхъ значками, несущихъ флаги, разубранные зеленью, имѣли веселый, праздничный видъ, точно совершали пріятную прогулку. Ничто пока не предвѣщало кроваваго столкновенія.

Народный духъ парижанъ давалъ себя знать, по обыкновенію, смѣхомъ и веселыми шутками. Нѣкоторые кричали: „Мы идемъ съ визитомъ къ нашимъ прикащикамъ“. Другіе говорили: „Мы уже сегодня вечеромъ отъѣзжаемъ въ Польшу“! Привѣтствія Польшѣ и республикѣ сливались съ веселымъ смѣхомъ и шутками всякаго рода. Но подъ комическими выходками и грубоватыми остротами скрывалось глубокое недовольство, накопившееся въ теченіе мѣсяцевъ. Парижскій народъ способенъ шутить, находясь даже въ безвыходномъ положеніи.

Народная масса медленно подвигалась впередъ; дошли до площади у церкви Магдалины. Будто предчувствуя близкую опасность, только что смѣявшіяся лица вдругъ омрачились. Ораторы взобрались на высокіе камни, цѣплялись за ограду церкви, и грозно сжатыми кулаками указывая на дворецъ Бурбоновъ, въ пламенныхъ рѣчахъ клеймили національное собраніе. Однако, каждый изъ нихъ говорилъ въ иномъ духѣ; въ ихъ словахъ не было согласованности. Одинъ говорилъ о Польшѣ; другой о министерствѣ прогресса, третій—о событіяхъ въ Баденѣ; четвертый—объ Италіи и т. д. Происходило нѣчто, похожее на столпотвореніе вавилонское, вызвавшее, по преданію, смѣшеніе языковъ.

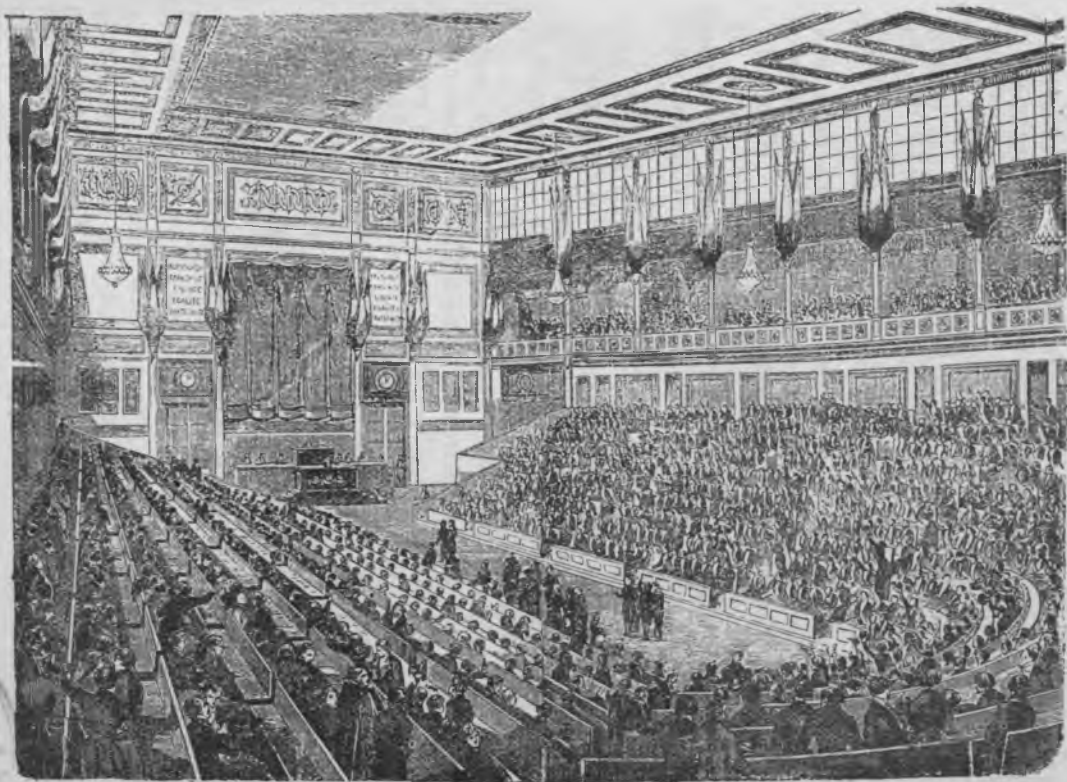
У церкви Магдалины пробыли недолго. Народъ двинулся дальше. Передніе ряды дошли до площади Согласія. Здѣсь они наткнулись на генерала Куртэ (Courtais), которому было поручено руководить военными операціями и охраной національнаго собранія. Народъ, инстинктивно проявляющій въ своей борьбѣ иногда совершенно неожиданное стратегическое искусство, узнавъ генерала воскликнулъ: „Это генералъ Куртэ! Да здравствуетъ народный генералъ!“ Старому генералу польстило привѣтствіе народа. Популярность онъ ставилъ выше всего. Впрочемъ, онъ еще помнилъ, что тотъ же народъ вырвалъ его 16-го марта изъ рукъ буржуазной національной гвардіи.

Члены клубовъ окружили его и стали убѣждать, что демонстрація сохранить совершенно мирный характеръ. Народъ только хочетъ послать своихъ делегатовъ въ національное собраніе.

Уступивъ убѣжденіямъ, генералъ рѣшилъ не препятствовать шествію. Онъ приказалъ полубатальону національной гвардіи и нѣсколькимъ батальонамъ подвижной (mobil) гвардіи, расположеннымъ у моста Согласія, опустить ружья и пропустить манифестантовъ.

На площади Согласія клубъ Бланки сталъ впереди шествія. Очевидно, его руководитель хотѣлъ стать во главѣ движенія. Надѣялся ли онъ при видѣ грозной и внушительной толпы, что возстаніе, предпринятое въ данный моментъ, могло бы окончиться удачно? Вѣроятноѣ всего, что онъ такъ думалъ; когда готовились къ демонстраціи, онъ медлилъ, а теперь онъ къ своимъ приверженцамъ и къ массѣ, слѣдовавшей за нимъ, обращался съ призывомъ: „впередъ“!

Въ одно мгновеніе толпа перебралась черезъ желѣзную ограду и осадилъ всѣ входы дворца Бурбоновъ. Народъ ворвался въ переднія комната, ведущія въ залъ засѣданія. Ламартинъ встрѣтилъ инсургентовъ въ галереяхъ палаты, куда они уже успѣли проникнуть. Онъ все еще не потерялъ вѣру въ силу своихъ красивыхъ, гладкихъ и громкихъ фразъ. На этотъ разъ, однако, онѣ не подѣйствовали. Потокъ его рѣчей былъ внезапно прерванъ бурными возгласами: „Довольно фразъ! Перестаньте повторять свои старыя пѣсни!“ Ламартинъ поспѣшно удался.

Заль засѣданій національного собранія.

Къ великому ужасу собранія взошелъ на трибуну Воловскій и сталъ говорить о польскомъ вопросѣ. Едва онъ началъ, какъ въ залѣ послышался гулъ ворвавшейся толпы. Глухо доносилось: „Да здравствуетъ Польша!“ Воловскій поблѣднѣлъ, замолкъ и прислушался. Со всѣхъ сторонъ ему кричали: „продолжайте! продолжайте!“ Одинъ изъ представителей поднялся и заявилъ: „Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, подобно переживаемымъ нами, собраніе обязано оставаться на своемъ посту“. При все возрастающемъ ропотѣ толпы, наполнявшей дворецъ, едва внятнымъ въ оглушительномъ шумѣ голо-сомъ, Воловскій продолжалъ: „Я не рѣшаюсь оскорблять ко-голибо подозрѣніемъ въ томъ, что онъ не преданъ дѣлу Польши искренно и всецѣло“... (Со двора доносилось: „Да здравствуетъ Польша!“)

Единственный вопросъ, который нами можетъ быть под-нять, заключается въ томъ, какія средства должны быть избраны для возможно быстрого востановленія Польши!“ (Снова по-слышалось: „да здравствуетъ Польша!“). Франція, имѣя въ распоряженіи армію въ 500.000 человекъ, національную гвардію, заключающую въ себѣ все населеніе, способное носить оружіе, не боится войны...

Она можетъ смѣло диктовать свои взгляды и идеи дру-гимъ государствамъ, не прибѣгая къ крайнему средству мо-нархій... Когда Польша еще была жива, она являлась носи-тельницей культуры; теперь думаютъ, что ее убили; она не умерла, она только заснула“...

Въ это мгновеніе за самой дверью зала раздалось, точно громовой ударъ: „да здравствуетъ Польша!“ Народный пред-ставитель Дегузе (Degoussé) бросается на трибуну и въ без-связныхъ словахъ сообщаетъ собранію, что никакихъ мѣръ предосторожности не принято, что Куртэ далъ приказъ подвижной (mobil) гвардіи опустить ружья и не мѣшать толпѣ.

Собщеніе вызвало страшное смятеніе; беспомощные на-родные представители кричали отъ ужаса и гнѣва; съ грохо-томъ рушились выломанныя двери. На галлереяхъ появились люди изъ народа. въ синихъ блузахъ, красныхъ галстукахъ, покрытые потомъ и пылью. Они обратились къ герцогинямъ и графинямъ, возсѣдавшимъ на трибунѣ дипломатическаго корпуса, и предложили имъ отправиться домой и штопать чулки. Среди свѣтскихъ дамъ, являвшихся на засѣданія, какъ на интересное зрѣлище, раздались крики ужаса, точно къ нимъ ворвалось стадо волковъ. Удалиться, однако, было не такъ легко; прибывали все новыя и новыя толпы. Задніе ряды тѣснили переднихъ; передніе въ концѣ концовъ перекидыва-лись черезъ перила галлерей и по древкамъ знаменъ и колон-намъ спускались въ залъ; они буквально падали на головы народнымъ представителямъ.

Ораторская трибуна парламента сдѣлалась ареной оже-сточенной борьбы. Барбэ отбиваетъ ее у Клемана Тома (Clément Thomas). Онъ требуетъ допущенія делегатовъ отъ клу-

видѣ котораго внезапно воцаряется тишина. Толпа, столь возбужденная еще минуту тому назадъ, умолкаетъ: напряженно внимая, народъ боится пропустить хотя бы единое слово изъ того, что произнесетъ этотъ таинственный революціонный оракуль.

„Народъ“, началъ Бланки рѣзкимъ, пронзительнымъ голосомъ, „предлагаетъ національному собранію обѣщать тотчасъ же, что Франція не сложитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не будетъ восстановлена старая Польша, Польша 1792 года“. Изложивъ свои мысли по этому вопросу, онъ перешелъ къ событіямъ въ Руанѣ; онъ требовалъ отъ имени униженнаго народа искупленія за руанскую рѣзню; онъ настаивалъ, чтобы собраніе немедленно занялось вопросомъ о трудѣ, объ охраненіи его закономъ, и началъ говорить о социальныхъ причинахъ нищеты.

Собріе (Sobrier) прервалъ его: „о Польшѣ, о Польшѣ! говорите о Польшѣ!“ Бланки уступилъ требованію, боясь вызвать неудовольствіе среди демонстрантовъ. Теперь народъ хотѣлъ слышать Луи Блана, бывшаго также на улицѣ; его призывали въ залъ. Бывшій членъ временнаго правительства просилъ у президента разрѣшенія говорить. Президентъ отвѣтилъ уклончиво. Луи Блана вытащили изъ зала и онъ держалъ рѣчь къ народу изъ окна одного дома въ улицѣ де-Бургонь (de-Bourgogne). Онъ убѣждалъ народъ сохранять спокойствіе; онъ говорилъ о славныхъ дняхъ февральской революціи, одной изъ тѣхъ революцій, которая не только расшатаала тронъ, а низвергла его окончательно. „Да здравствуетъ всеобщая республика!“ отвѣчалъ народъ. Луи Блана подняли на плечи и съ триумфомъ носили по заламъ.

Послѣ Бланки на ораторской трибунѣ появился Ледрю-Ролленъ. Онъ еще разъ совѣтывалъ народу удалиться; его доводы были прерваны ироническимъ восклицаніемъ: „какъ 16-го апрѣля“.

Толпа продолжала волноваться; на трибунѣ вновь появился Барбэ. Едва онъ началъ свою рѣчь, какъ вдали послышались глухіе звуки барабана и звонъ набата, призывавшій къ оружію буржуазную часть національной гвардіи. Барбэ замолкъ и прислушался; толпа также на мгновение притихла, но тотчасъ разразилась дикими, гнѣвными возгласами. „Зачѣмъ забили тревогу?“ воскликнулъ Барбэ. „Кто отдалъ приказъ ударить въ набатъ, тотъ измѣнникъ народа!“ — „Измѣна“ — закричали сотни голосовъ. Засверкали сабли. Президента Бюше схватили за шиворотъ и принудили отмѣнить распоряженіе о призывѣ національной гвардіи.

Барбэ продолжалъ свою рѣчь. Онъ требовалъ, чтобы читались съ волей народа и предлагалъ національному собранію принять рѣшеніе о немедленной отправкѣ войскъ въ Польшу; для устраненія нищеты въ народѣ, онъ требовалъ обложить богачей на одинъ милліардъ.

То, что въ это время происходило въ залѣ, недостаточно на-

звать шумомъ или смятеніемъ; это были сцены безумія. Луи Бланъ показался въ дверяхъ зала засѣданія блѣдный, почти безъ чувствъ на рукахъ своихъ приверженцевъ, продолжавшихъ носить его съ триумфомъ.

На штыкѣ передали на трибуну большой листъ бумаги. Гюберъ (Huber) принялъ его; толпа замолкла и громовымъ голосомъ онъ произнесъ многозначительныя слова: „Отъ имени народа: національное собраніе распушено!“ Президента Бюше безцеремонно столкнули съ его кресла, и онъ въ сопровожденіи большого числа депутатовъ покинулъ залъ. Лавиронъ занялъ опустѣвшее президентское мѣсто, а Гюберъ (Huber) еще разъ воскликнулъ: „Вы не хотите принять никакого рѣшенія! Хорошо! Отъ имени народа, обманутаго своими представителями, я объявляю національное собраніе распушеннымъ!“

Поднялся невообразимый переполохъ. Собріе (Sobrier) и Барбэ качали съ триумфомъ. Все громче раздавался призывъ: „Въ ратушу! Къ оружію!“ Ходили списки кандидатовъ въ новое правительство. Кто-то на трибунѣ прочелъ ихъ имена. Бланки, Барбэ, Пьеръ Леру, Кабэ, Луи Бланъ и Альберъ фигурировали почти во всѣхъ спискахъ. Тѣснившаяся и почти задыхавшаяся въ залѣ толпа, наконецъ, уступила очевидному утомленію и понемногу очистила залъ, считая дѣло этого дня оконченнымъ. Барбэ и Альберъ отправились къ ратушѣ; многіе изъ присутствовавшихъ послѣдовали за ними. Нѣкоторые энтузіасты настаивали, чтобы Ледрю-Ролленъ также отправился въ ратушу, но онъ спрятался въ канцеляріи одного изъ служащихъ въ національномъ собраніи; его проницательный умъ предвидѣлъ, что комедія вскорѣ превратится въ трагедію. Въ то время, какъ Барбэ, сначала недовѣрчиво относившійся къ демонстраціи, теперь принималъ участіе во всѣхъ ея крайнихъ выходкахъ, Ледрю-Ролленъ, который вначалѣ возлагалъ на нее надежды, теперь держался той же тактики, какъ и 16-го апрѣля.

Вскорѣ въ національное собраніе прибыли національная и мобильная гвардіи которыя были призваны Бюше и Ламартиномъ имъ не стоило никакого труда выгнать тѣхъ немногихъ манифестантовъ, которые еще не успѣли покинуть зала. Прерванное засѣданіе было тотчасъ же возобновлено съ возгласомъ: „Да здравствуетъ національное собраніе!“ Къ этому возгласу присоединились всѣ народныя представители и присутствующіе національныя гвардейцы. Въ началѣ засѣданія показался генералъ Куртэ. Национальные гвардейцы сейчасъ же бросились на него, свалили съ ногъ, сорвали военные знаки и избили до крови. Быть можетъ, онъ поплатился бы жизнью, если бы нѣкоторые изъ народныхъ представителей не вступились за него. Куртэ былъ немедленно отставленъ отъ должности и заключенъ въ тюрьму; на его мѣсто былъ назначенъ бывший сержантъ кирассировъ въ Люньвилѣ, Клеманъ Тома (Clement Thomas). Мы встрѣтили его впервые въ качествѣ участника бунта въ апрѣлѣ 1834 года, а теперь онъ отличался своимъ реакціоннымъ усердіемъ и вскорѣ, въ іюньскіе дни пріобрѣлъ славу палача.

щество тѣхъ, кто откажется платить этотъ налогъ, объявить общественной собственностью. Наконецъ, въ теченіе трехъ недѣль урегулировать закономъ условія труда въ интересахъ рабочаго класса“.

Барбэ былъ какъ разъ занятъ утвержденіемъ декрета, въ силу котораго распускались національная гвардія и подвергались изгнанію тѣ гвардейцы, которые появятся въ мундирахъ; въ это время національные гвардейцы, съ Ламартиномъ и Ледрю-Ролленомъ во главѣ, ворвались въ залъ. Участники новаго правительства бросились во всѣ стороны. Происшествія дня окончились лозунгомъ: „Спасайся, кто можетъ!“ Альберъ и Барбэ были арестованы безъ малѣйшей попытки къ сопротивленію и въ ту же ночь отправлены въ крѣпость Венсанъ (Vincennes).

Неудачная попытка къ возстанію вызвала обычныя послѣдствія. Какъ и 16-го апрѣля, пораженіе вожаковъ народа, за которыми шла малосознательная толпа, послужило сигналомъ къ безграничному торжеству реакціи. Опьяненные побѣдой и виномъ, гвардейцы въ изступленіи кричали: „Долой Бланки! Долой Барбэ!“ Они врвались въ дома извѣстныхъ демократовъ и социалистовъ и, подъ видомъ обысковъ, производили ужаснѣйшія опустошенія. Отдѣленія „Парижской Коммуны“, учрежденной Соборіе были разгромлены и разграблены; то же произошло и съ отдѣленіями „Истинной республики“ („Vraie République“), общества, основаннаго Торэ (Thores), и „Populaire“, учрежденнаго Кабэ.

Буржуазная часть національной гвардіи грозила всеобщимъ разстрѣломъ. Главнымъ образомъ она была возстановлена противъ Барбэ. Она хотѣла отправиться въ Венсанъ (Vincennes) и разстрѣлять его въ крѣпостномъ рвѣ.

Префектъ полиціи Коссидьеръ (Caussidière), какъ и многіе другіе, не принималъ активнаго участія въ манифестаціи, но онъ и не препятствовалъ ей. Онъ подъ предлогомъ болѣзни ноги совсѣмъ не выходилъ изъ дому 15-го мая. Онъ, вѣроятно, былъ бы очень доволенъ, если бы національное собраніе, которое не было расположено къ нему и, повидимому, имѣло намѣреніе скоро смѣстить его, было разогнано. Члены исполнительной комиссіи имѣли обыкновеніе сваливать съ себя отвѣтственность на лицъ, ей неугодныхъ; такъ они поступили съ Куртэ, такъ и теперь среди ночи они послали за Коссидьеромъ имѣя намѣреніе арестовать его. Но префектъ полиціи повернулъ дѣло во обратную сторону. Онъ предпочелъ выступить самъ въ роли обвинителя. Онъ жаловался на дурное обращеніе правительства съ его монтаньярами и республиканской гвардіей. И когда онъ высказалъ все, что считалъ нужнымъ, онъ объявилъ, что, за неимѣніемъ времени, долженъ вернуться домой, а если онъ запоздаетъ, то весьма вѣроятно за нимъ придутъ люди изъ полицейской префектуры. Гарнѣ Паже и другіе поняли смыслъ его словъ. Они простились съ должнымъ почтеніемъ и дружески пожимая ему руки;

исполненіе же своего истиннаго намѣренія отложили до слѣдующаго дня.

Вернувшись въ префектуру лукавый Коссидьеръ сейчасъ же велѣлъ изготовить плакатъ, въ которомъ онъ поздравлялъ народныхъ представителей съ одержанной побѣдой и восхвалялъ свою, для всѣхъ очевидную, если и не громкую, дѣятельность, направленную къ „поддержанію порядка“.

Полицейскую префектуру онъ давно уже приготовилъ къ оборонѣ. Всѣ ея чины получили приказаніе стрѣлять во всякаго, кто попытается безъ разрѣшенія войти.

На слѣдующій день онъ отправился въ національное собраніе, гдѣ, какъ ему было извѣстно, хотѣли внести интерпеляцію по поводу поведенія полицейской префектуры во время демонстраціи. Собраніе выслушало его и, повидимому, удовлетворилось его разъясненіями. Но едва онъ окончилъ свою рѣчь, какъ онъ получилъ извѣщеніе, что нѣсколько тысячъ человѣкъ линейныхъ войскъ и національной гвардіи съ пушками окружили префектуру и требовали немедленнаго ея очищенія.

Извѣстіе вполнѣ соотвѣтствовало истинѣ. Вмѣсто всякаго отвѣта, полковникъ республиканской гвардіи Мерсье (Mercie) впустилъ въ префектуру нѣсколько офицеровъ изъ осаждавшей ее арміи и далъ имъ возможность убѣдиться, что префектура превосходно подготовлена къ оборонѣ. Имъ показали полный пороховой магазинъ и сообщили, что онъ можетъ взорваться только тогда, когда стѣны префектуры будутъ наполовину разрушены ядрами. Осаждавшіе стали колебаться и выразили готовность вступить въ переговоры.

Какъ только Коссидьеръ узналъ о случившемся, онъ бросился въ экипажъ и отправился на мѣсто происшествія. Его сопровождалъ Ламартинъ, который пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, убѣждая его добровольно оставить свой постъ. Онъ доказывалъ Коссидьеру, что въ неравной борьбѣ онъ потерпитъ пораженіе и потеряетъ карьеру навсегда. Когда экипажъ проѣзжалъ мимо рядовъ національной гвардіи, стоящей на караулѣ, солдаты закричали: „Долой Коссидьера!“ Ламартинъ долженъ былъ употребить все свое вліяніе, чтобы доставить спутника невредимымъ на мѣсто назначенія.

Пріѣхавъ въ префектуру, Коссидьеръ рѣшилъ уступить. Онъ подалъ въ отставку и 24 часа спустя монтаньяры и республиканская гвардія очистили зданіе Префектуры, выступивъ изъ него съ оружіемъ и багажемъ, при соблюденіи всѣхъ военныхъ почестей.

Теперь реакція уничтожила на своемъ пути всѣ препятствія и могла свободно утолять свою жажду мести. Каждый офицеръ или чиновникъ, поступившій на службу послѣ февральской революціи, безъ церемоній увольнялся, если казался слишкомъ крайнимъ.

Съ клубами расправились со всей строгостью. Многіе изъ

Если мы прослѣдимъ съ самаго начала изслѣдуемую нами революцію 1848 года, мы увидимъ, что отсутствіе единомушія всегда являлось слабой стороной демократіи, — этимъ пользовался ея врагъ и побивалъ ее.

Моральнымъ послѣдствіемъ 15-го мая было то, что изъ національнаго собранія исчезъ тотъ почтительный страхъ, который оно питало къ парижской революціи. Собраніе видѣло, что революція была поражена и обратилась въ бѣгство. Ничто уже не было въ состояніи предотвратить тотъ рокъ, который толкнулъ Францію въ руки беззастѣнчивыхъ искателей приключеній.

ГЛАВА XIV.

Празднество, надъ которымъ издѣвается парижскій народъ.—Реакція обостряется.— Популярность Ламартина окончательно гибнетъ.— Политическое безсиліе Ледрю-Роллена.— Отставка республиканскихъ гражданскихъ комиссаровъ.— Парламентскія фракціи.— Генералъ Кавеньякъ— военный министръ.— Ходъ революціи въ Европѣ.

21-го мая правительствомъ былъ устроенъ въ Парижѣ „праздникъ примиренія“ и все населеніе должно было принять участіе въ этомъ торжествѣ. Но послѣ 15-го мая злоба противъ открыто свирѣпствовавшей реакціи стала слишкомъ сильна, чтобы рабочій людъ столицы могъ искренно отдаться веселью. Тѣмъ не менѣе народъ былъ не прочь посмѣяться и явился на официальное торжество. Парижане, вѣдь, любятъ высмѣивать. Нерѣдко ядовитыя насмѣшки имъ служатъ оружіемъ: — даже пословица говоритъ: во Франціи убиваютъ смѣхомъ. Такъ и 21-го мая народъ высмѣивалъ Исполнительную Комиссію; она со дня на день становилась для народа все ненавистнѣй, такъ какъ она съ ненасытной жаждой мести преслѣдовала участниковъ демоностраціи 15-го мая. Нужно отдать справедливость, что празднество было обставлено великолѣпно грандіозное аллегорическое шествіе производило чрезвычайно величественное впечатлѣніе. Народъ же немилосердно издѣвался надъ всѣмъ. Онъ смѣялся одинаково надъ колесницей, представившей богатство и силу промышленности, и надъ другою, изображавшей весну. Онъ даже смѣялся надъ колоссальными статуями республики, равенства и свободы*).

Но послѣ этого торжества далеко не прекратились репрессивныя мѣры. Аресты видныхъ дѣятелей революціонныхъ партій продолжались. Отважились наложить руки даже на Пьера Леру, самаго мирнаго философа-идеалиста на свѣтѣ. Засадили въ тюрьму рабочаго Марша (Marche), знаменитыя слова котораго

*) Не одни революціонеры смѣялись. Гораздо сильнѣе и, какъ показали событія, гораздо больнѣе были насмѣшки и издѣательства монархистовъ-революціонеровъ, все смѣлѣе поднимавшихъ голову, у нихъ на содержаніи находилась и пресса, притворявшаяся ультродикальной и старавшаяся всѣми способами затѣмнить умы. «Праздникъ примиренія» былъ первымъ республиканскимъ празднествомъ, въ которомъ духовенство отважилось не принять участія.

сказанныя 25-го февраля: „Рабочіе жертвуютъ для республики тремя мѣсяцами нищеты“, вѣроятно, еще сохранились въ памяти читателя. Клубы закрывались одинъ за другимъ: доносамъ и обыскамъ не было конца.

Реакціонная буря, конечно, и въ національномъ собраніи свирѣпствовала съ крайнимъ ожесточеніемъ. Около ста чело-вѣкъ народныхъ представителей тщательно скрывали до 15-го мая свое враждебное отношеніе къ республикѣ; теперь же они не стѣснялись признаваться въ своихъ чувствахъ. Они уже не считали нужнымъ присоединяться къ возгласу: „Да здравствуетъ республика!“ Правая и центръ предпочитали молчать въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-нибудь ораторъ лѣвой старался этими несвоевременными возгласами пробудить несуществующій республиканскій энтузіазмъ. „Стыдъ и страхъ, сдерживавшіе до сихъ поръ монархистскія фракціи, исчезли; послѣдніе признаки единодушнаго признанія республики погибли“, такъ писалъ чело-вѣкъ, хорошо знавшій положеніе дѣлъ въ 1848 году. Представители сельскаго населенія и буржуазіи гигантскими шагами шли теперь по пути реакціи и спѣшили провести свои мѣропріятія. Духъ реакціи былъ такъ силенъ, что даже генераль національной гвардіи, Клеманъ Тома (Clement Thomas), оказавшій огромныя услуги національному собранію, былъ жестоко осмѣянъ, когда вздумалъ поставить на обсужденіе петицію офицеровъ національной гвардіи, гдѣ послѣдніе высказы-вали, что они не хотятъ анархіи, но одинаково не желаютъ и реакціи. Не желать реакціи въ глазахъ закоренѣлыхъ реакціонеровъ являлось болѣе чѣмъ подозрительнымъ.

Исполнительная комиссія, чтобы вызвать болѣе снисходи-тельное отношеніе представителей деревни къ своимъ республи-канскимъ дѣйствіямъ, должна была теперь прибѣгнуть къ са-мымъ регрессивнымъ мѣропріятіямъ. Собраніе признало своего члена Ледрю-Роллена уже политически умершимъ, а Ламартинъ, связавшій свою судьбу съ судьбой Ледрю-Роллена, былъ также уже близокъ къ политической смерти. Оба они одинаково были непопулярны среди реакціонной буржуазіи. Умственно убогой буржуазіи люди, подобные Тьеру (Thiers), Гудшо (Goudchaux) и даже Гарнье-Паже, всегда нравились гораздо больше. Она никогда не считала Ламартина своимъ чело-вѣкомъ. Онъ былъ поэтъ съ широкимъ міросозерцаніемъ, а это, какъ из-вѣстно, плохая политическая рекомендація въ кругахъ бур-жуазіи. Кромѣ того, онъ никогда не скрывалъ своего восторга ко всему возвышенному и великому и воздавалъ должное ува-женіе выдающимся революціонерамъ. Этого не могли забыть торговцы изъ національнаго собранія. Онъ безопасно промоталъ все свое состояніе, буржуазія же этого не терпитъ, особенно въ тѣхъ людяхъ, которымъ она поручила веденіе своихъ дѣлъ. Вотъ мотивы, которые подали поводъ большей части буржу-азіи усумниться въ личной честности Ламартина и заподо-зрить его въ злоупотребленіи государственными суммами для частныхъ цѣлей. Теперь вспомнили также и еще одно обстоя-

тельство, которому до тѣхъ поръ не придавали большого значенія: вѣдь г. министръ иностранныхъ дѣлъ когда-то поддерживалъ болѣе или менѣе таинственную связь съ извѣстными главарями революціи. Въ парижскомъ народѣ давно уже исчезла первоначальная популярность Ламартина, а теперь и въ глазахъ буржуазіи онъ понемногу терялъ ее. Однимъ словомъ, съ 15-го мая національное собраніе и вся реакціонная буржуазія стали смотрѣть на элементы, подобные Ледрю-Роллену, Ламартину и министру торговли Флокону (Flocon), какъ на безпочвенныхъ, чтобъ не сказать опасныхъ, фантазеровъ. Благодаря этому, они не имѣли ни малѣйшаго вліянія, и даже въ совѣтѣ министровъ имъ не удавалось произнести ни одного рѣшающаго слова. Только тѣ изъ оставшихся вѣрными старому принципу республики членовъ комиссіи сохранили нѣкоторое значеніе, которые принадлежали къ группѣ „Національ“. Однимъ изъ внѣшнихъ признаковъ того пораженія, которое потерпѣлъ въ совѣтѣ министровъ министръ внутреннихъ дѣлъ и вмѣстѣ съ нимъ и Ламартинъ, было массовое отозваніе и увольненіе отъ должности республиканскихъ гражданскихъ комиссаровъ, посланныхъ Ледрю-Ролленомъ въ департаменты на мѣсто префектовъ монархіи.

На этомъ скользкомъ, покато́мъ пути, ведущемъ въ болото безошадной реакціи, нельзя было остановиться на полдорогѣ. Снова всплыли старые, негодные приемы монархіи: придумывали мѣры противъ незаконныхъ сборищъ и для проведенія этихъ мѣръ снова вернули въ Парижъ ту армію, которая съ февральскихъ дней не смѣла появляться въ столицѣ. Одновременно съ этимъ исполнительная комиссія, виновница всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, старалась обезоружить населеніе большихъ городовъ. Она обратила свои взоры, главнымъ образомъ, на ліонскую національную гвардію, состоявшую большею частью изъ пролетаріевъ; распустить ее было одной изъ главныхъ заботъ правительства

Итакъ признаніемъ пользовались республиканскіе взгляды только того направленія, которое было представлено въ „Національ“; но оно, въ крайнемъ случаѣ, было готово приспособиться и къ монархіи. „Эта партія“, говоритъ аристократическій историкъ Пьеръ де-ла-Горсъ (Pierre de la Gorce), „начинала свыкаться съ мыслью, что республика погибаетъ... если она не воплотится въ единой сильной власти“...

Прониклись увѣренностью, что только диктаторъ, облеченный верховной властью, опирающійся на рѣшительныхъ министровъ, будетъ въ состояніи поддержать общественный миръ и республиканскій образъ правленія. Передавали даже другъ другу шепотомъ имя будущаго диктатора... Это былъ генералъ Кавеньякъ (Cavaignac). Представители фракціи „Націоналя“ дѣйствовали крайне энергично, стремясь обезпечить господство своей партіи. Они объединили въ одну организацію своихъ приверженцевъ и нѣсколько болѣе крайнихъ республиканцевъ. Возникшая такимъ образомъ группа насчитывала

около 300 членовъ и носила наименование „Союзъ пале-націоналя“ (Reunion de Palais national). Ея главные представители были Марра (Marrast), Бабо-Ларибьеръ (Babaud-Larivière) и Флоконтъ (Floccon). Другія фракціи національнаго собранія прибѣгли къ подобнымъ же группировкамъ. Приверженцы Ледрю-Роллена, члены общества „Реформы“, радикально окрашенные республиканцы, отвергавшіе, однако, Луи Блана, объединились въ улицѣ Тэбу (Rue Taitbout) въ союзъ Горы; союзъ заимствовалъ свое названіе отъ партіи великой революціи, именемъ которой самодовольно украшало себя крайнее лѣвое крыло національнаго собранія; названіе группы достаточно характеризуетъ ея тенденціи. Депутатъ Бенуа (Benoit) рассказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что эта группа съ самаго начала обнаружила крайнюю вражду къ социализму. Его предложеніе выставить Луи Блана кандидатомъ въ Исполнительную Комиссію, вызвало въ членахъ группы сильное изумленіе и неудовольствіе; кандидатура Луи Блана была отвергнута безъ преній по той простой причинѣ, что Луи Бланъ былъ социалистъ.

По примѣру республиканцевъ, и монархисты образовали внѣпарламентскія группы, въ которыхъ обсуждали свою тактику въ національномъ собраніи и свое отношеніе ко всѣмъ злободневнымъ вопросамъ. Они пока еще не рѣшались открыто высказывать своихъ стремленій, направленныхъ къ возстановленію монархіи; они назвали себя очень неопредѣленно „партіей порядка“. Официальное наименованіе партіи гласило: „Союзъ улицы Пуатье“ (Réunion de la rue Poitiers). Ея президентомъ былъ генераль Барагюэ д'Илье (Baraguay-d'Hilliers).

Если группа Пале-націоналя дѣйствительно стремилась къ тому, чтобы руководящая власть была вручена генералу Кавеньяку, то 17-го мая она могла успокоиться: онъ получилъ постъ военнаго министра. Кто же былъ сей генераль, на котораго представители порядка возлагали такія большія надежды? Откуда появился человекъ, который вскорѣ пріобрѣлъ позорную извѣстность палача парижскаго пролетаріата? Въ африканской арміи онъ ничѣмъ не отличился. Подъ грубой внѣшностью скрывался ограниченный умъ, скованный отжившими старыми предрасудками. Одно только обстоятельство могло остановить на немъ вниманіе правительства второй республики: онъ былъ сынъ бывшаго члена конвента и братъ преждевременно погибшаго Годфруа Кавеньяка (Godefroi Cavaignac), о которомъ въ памяти всѣхъ республиканцевъ сохранились самыя лучшія воспоминанія; послѣдній былъ дѣятельнымъ членомъ тайныхъ республиканскихъ обществъ еще при Луи Филиппѣ. Солдатъ Кавеньякъ, взглядовъ котораго никто не зналъ, унаслѣдовалъ просто славу своего брата-революціонера. Тотчасъ послѣ февральскихъ событій онъ, однако, показалъ себя съ такой стороны, которая должна была заставить отшатнуться отъ него навсегда убѣжденныхъ и разумныхъ республиканцевъ. Послѣ объявленія республики онъ былъ повышенъ въ чинѣ, и уже тогда хотѣли назначить его военнымъ

министромъ. Но Кавеньякъ грубымъ письмомъ отклонилъ предложеніе временнаго правительства. Онъ не вѣрилъ еще въ прочность новой республики: всѣ тѣ, кто связалъ съ ней судьбу, могли слетѣть вмѣстѣ съ республикой, а Кавеньякъ вовсе не хотѣлъ рисковать своей карьерой. Возможно, что эта черта характера сдѣлала генерала особенно цѣннымъ въ глазахъ фракціи Пале-націоналя.

Хотя въ то время реакція развернула всѣ свои силы, она все-таки не была въ состояніи заставить забыть побужденія вызвавшія демонстрацію 15-го мая. Демократическій французскій народъ съ прежнимъ энтузіазмомъ относился къ судьбѣ европейскихъ народовъ. На 23-е мая была внесена новая интерпелляція по поводу внѣшней политики; чѣмъ тревожнѣе были вѣсти о событіяхъ, совершавшихся по ту сторону французской границы, тѣмъ сильнѣе становилось возбужденіе народа. Удары, наносимые революціонному движенію, лишь усиливали симпатію къ угнетеннымъ народамъ, проявившуюся съ такой стихійной силой въ манифестаціи 15-го мая.

Въ Италіи австрійскій фельдмаршалъ Радецкій стянулъ свое войско, сократившееся на треть благодаря отпаденію итальянскихъ отрядовъ, въ знаменитомъ четырехугольникѣ крѣпостей Верона (Verona), Мантуа (Mantua), Пескьера (Peschiera) и Леньяго (Legnago) и укрѣпился въ Веронѣ. Король Карль Альбертъ, уступивъ настоянію пьемонтскаго народа, уже 23-го марта перешелъ чрезъ рѣку Тессинъ безъ официального объявленія войны; онъ обратился съ воззваніемъ къ своимъ войскамъ и провозгласилъ себя освободителемъ Италіи; 26-го марта его авангардъ вошелъ въ Миланъ. Вспомогательные отряды и добровольныя дружины, называвшія себя „креstonосцами“ спѣшили къ нему со всѣхъ концовъ Италіи.

При извѣстіи о событіяхъ въ Миланѣ и Венеціи поднялась вся Италія. Во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ полуострова, всюду, гдѣ собирався народъ, онъ съ пламеннымъ энтузіазмомъ призывалъ къ оружію; онъ требовалъ образованія отряда добровольцевъ для отправки въ возставшія провинціи, чтобы освободить послѣднія и выгнать изъ страны чужеземное правительство. Воля народа прорывалась такъ настоячиво и бурно, что правители должны были ей уступить, чтобы самими не погибнуть въ бурномъ водоворотѣ. Великій герцогъ Леопольдъ Тосканскій еще раньше, чѣмъ Карль Альбертъ, рѣшилъ оставить всякое сопротивленіе народнымъ стремленіямъ и примкнуть къ движенію за свободу, независимость и объединеніе Италіи. Папа, владѣвшій церковной областью, также долженъ былъ отпустить часть своего войска подъ командой генерала Дурандо (Durando) на помощь Венеціи, которой угрожалъ непріятель. Положимъ, какъ мы увидимъ, дальше это было сдѣлано въ тайной надеждѣ задержать этотъ отрядъ на границѣ и не допустить его къ участію въ сраженіи. Даже король Фердинандъ Неаполитанскій, изъ семьи бурбоновъ, этотъ упорный защитникъ абсолютизма, былъ принужденъ отправить вспомогательный отрядъ со ста-

стратегическихъ предпріятіяхъ, осаждая маленькую крѣпость Пескьер,а (Pesciera) былъ разбитъ 6-го мая при С. Лючіа (St. Lucia) при попыткѣ запереть Радецкаго въ укрѣпленіяхъ Вероны. Послѣ этого онъ три недѣли бездѣйствовалъ и далъ австрійскому фельдмаршалу время дожидаться нужныхъ ему подкрѣпленій и подготовиться къ самымъ широкимъ операціямъ.

Въ то время вмѣшательство войскъ французской республики могло бы рѣшить дѣло. Вся Европа была взбудоражена, и монархическія правительства были всецѣло поглощены заботой, какъ оградить себя отъ притязаній своего народа. Но король Сардиніи смертельно боялся вмѣшательства французской республики; ему казалось, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ будетъ учрежденіе республики и въ Италіи. Когда временное правительство, не смотря на свою внѣшнюю политику и боязнь не угодить господствующимъ въ Европѣ правительствамъ, сочло нужнымъ сдѣлать уступку общественному мнѣнію Франціи и предложило Карлу Альберту прислать французскую армію для освобожденія Ломбардіи и Венеціи, король отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, прибѣгая чуть ли не къ угрозамъ.

Однако, что же это за республиканское правительство, созданное революціей, которое проситъ разрѣшенія у короля помочь угнетенному имъ народу?

То обстоятельство, что Карлъ Альбертъ умышленно предпринималъ разныя ненужныя стратегическія операціи и отклонилъ помощь, предложенную Франціей, слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, вліянію британской дипломатіи. Кабинетъ С. Джэмса, (St. James) который до февральской революціи поощрялъ либеральныя стремленія Италіи, успѣлъ измѣнить свою политику. Мысль, что можетъ возникнуть революціонный крестовый походъ, что французскія войска явятся на помощь европейскимъ народамъ въ ихъ борьбѣ за свободу, возбуждала сильное неудовольствіе и безпокойство въ британскомъ правительствѣ; чартизмъ и ирландскій республиканизмъ все еще доставляли ему не мало хлопотъ. Лордъ Пальмерстонъ поторопился войти въ соглашеніе съ Австріей. Министръ виговъ (либераловъ) навязчиво совѣтовалъ королю Сардиніи принять перемиріе, предложенное ему Австріей.

А чтобы заставить его отказаться отъ помощи Франціи, онъ обѣщалъ ему, что „если война останется чисто итальянской“, онъ даже въ случаѣ пораженія гарантируетъ ему неприкосновенность прежнихъ владѣній. Карлъ Альбертъ, „мечъ Италіи“, былъ достаточно слабъ, чтобы не соблазниться такимъ предложеніемъ, и во всемъ сообразовался съ желаніями Англіи. Такимъ образомъ онъ пріостановилъ свои военныя операціи и всячески старался охладить пылъ ломбардскихъ, римскихъ, тосканскихъ и иныхъ добровольцевъ, самоотверженно ринувшихся въ самый жаркій бой. Плодами его нерѣшительности и медленности воспользовался Радецкій, который скоро

возобновилъ пріостановившіяся послѣ битвы при С. Лючіа (St. Lucia) военныя дѣйствія.

Положеніе Венеціи становилось между тѣмъ все тяжелѣе. Австрійская резервная армія собралась подъ командой Нюжана (Nugent) у Изонцо (Isonzo). Здѣсь вмѣсто заболѣвшаго Нюжана во главѣ австрійцевъ ея сталъ графъ Турнъ (Thurn) и быстрымъ маршемъ двинулся по направленію къ Венеши. Какъ говорятъ, Карлъ Альбертъ даже и не желалъ ему въ этомъ препятствовать, ибо Венеція была республикой. Генераль-Дуранда, командовавшій папскими войсками, былъ достаточно силенъ, чтобы отбросить австрійскую армію; однако, не смотря на настоятельныя просьбы венеціанцевъ, онъ медлилъ. Только 24 апрѣля онъ получилъ приказаніе Карла Альберта заградить путь отряду Нюжана. Но было уже поздно.

Между тѣмъ всякому сколько-нибудь проницательному наблюдателю стало вполнѣ ясно, что Карлъ Альбертъ гигантскими шагами шелъ навстрѣчу полному пораженію. По показанію Гарнье-Паже, Ламартинъ въ исполнительной комиссіи опредѣленно указывалъ на это. Министръ, конечно предвидѣлъ, что возстаніе въ ломбардскихъ и венеціанскихъ провинціяхъ будетъ подавлено; когда же въ комиссіи поднимался вопросъ о помощи со стороны Франціи, онъ высказывалъ соображенія, что временныя правительства Италіи, которымъ угрожала австрійская армія, вѣдь, не обращались за помощью къ французскимъ, т. е. республиканскимъ войскамъ. Онъ даже доказывалъ, что было бы не политично допустить возникновеніе большаго итальянскаго королевства рядомъ съ Франціей, королевства, которое въ одинъ прекрасный день въ союзѣ съ Австріей могло бы двинуться на Францію. Если же, не взирая на опасность, допустить подобное усиленіе сосѣда, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, требовать оборонительной пограничной линіи, другими словами расширенія территории до размѣровъ, какихъ она достигала въ 1814 году.

Ледрю-Ролень, болѣе другихъ членовъ комиссіи сочувствовавшій итальянскому движенію, былъ съ своей стороны рѣшительнымъ противникомъ Карла Альберта, какъ монарха. По его мнѣнію, французская республика обязана была помочь не королю Сардиніи, а народамъ Италіи. Ломбардія и Венеція, какъ страны независимыя, пользовались его искренней симпатіей. Онъ поэтому держался того мнѣнія, что республиканская армія должна перешагнуть черезъ Альпы, не дожидаясь просьбы со стороны итальянскихъ князей и правительствъ и дѣйствовать, не сообразуясь съ тѣми или иными планами короля Сардиніи.

Араго, Мари и Гарнье-Паже тоже возставали противъ идеи вторженія въ Италію безъ официальной просьбы со стороны правительствъ тѣхъ странъ, которымъ угрожала опасность.

Въ роковой день 15-го мая въ Неаполѣ произошло столь ужасное событіе, что исполнительная комиссія должна была бы

сдѣлать рѣшительный шагъ, если бы ею руководили истинно демократическія чувства.

Народное возстаніе принудило Фердинанда II Бурбонскаго, короля Неаполя и Сициліи, какъ и многихъ другихъ государей, дать подвластнымъ народамъ 10-го февраля 1848 года либеральную конституцію, которая вышла изъ его рукъ въ столь излюбленной монархами октроированной формѣ. Сицилійцевъ, хорошо знавшихъ своего государя, эта конституція не удовлетворяла, они требовали административнаго и законодательнаго отдѣленія отъ Неаполя и возстановленія ихъ старой конституціи 1812 года. Тщетно король Фердинандъ пытался подавить сицилійское возстаніе силой оружія; девятидневная бомбардировка Палермо, превратившая великолѣпный городъ въ груды развалинъ, стяжала королю Бомба, какъ его теперь стали звать, ненависть всего культурнаго мира и славу варвара; напрасно національ-либеральное министерство, учрежденное имъ въ Неаполѣ подъ предсѣдательствомъ историка Трога (Troga), назначило министрами членовъ сицилійскаго революціоннаго комитета, а Руджіэро Сеттимо (Ruggiero Settimo), стоявшаго во главѣ сицилійскаго временнаго правительства, сдѣлало главнымъ намѣстникомъ острова. Народные представители Сициліи, собравшіеся 25-го марта въ Палермо и разбившіеся на двѣ палаты, порѣшили объявить 13-го апрѣля тронъ Сициліи свободнымъ, Фердинанда Бурбонскаго и его династію навсегда лишенными сицилійской короны, а на свободный престоль, какъ только конституція Сициліи будетъ реформирована, призвать итальянскаго принца.

Крайне озлобленный поведеніемъ своихъ подданныхъ, Фердинандъ долженъ былъ, однако, безропотно на все согласиться; благодаря настояніямъ своего либеральнаго министерства, онъ долженъ былъ, какъ упомянуто выше, объявить Австріи войну и отправить свои лучшія военныя силы, 14000 человекъ, въ сѣверную Италію для участія въ крестовомъ походѣ. Присягнувъ конституціи 10-го февраля, онъ тѣмъ не менѣе сталъ измышлять средства, какъ бы избавиться отъ своихъ враговъ, неаполитанскихъ либераловъ, возстановить въ Неаполѣ прежній порядокъ вещей, а затѣмъ расправиться съ Сициліей. Какъ рѣчь папы, опубликованная 29-го апрѣля и возвѣщавшая о перемѣнѣ въ его политикѣ, такъ и побѣда Радецкаго при С. Лючіа 6-го мая лишь укрѣпили въ немъ рѣшимость выполнить свои коварные планы. Онъ задумалъ вызвать въ самомъ Неаполѣ возстаніе либераловъ. Предварительно сосредоточивъ всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи военныя силы, онъ сталъ натравливать при помощи своихъ агентовъ люмпень-пролетариатъ, поддонки столичнаго населенія, такъ называемыхъ лаццарони, противъ имущихъ классовъ, представителей національнаго либерализма. 15-го мая должно было состояться общее собраніе палатъ, чтобы присягнуть конституціи. Наканунѣ король пожаловалъ 50-ти лицамъ титулъ перовъ, вызвавъ новое ожесточеніе среди либераловъ. Палата депута-

товъ, только что открытая, отказывалась при такихъ условіяхъ присягать конституціи; король воспользовался желаннымъ поводомъ и распустилъ палату, обвинивъ ее въ присвоеніи незаконныхъ правъ и превышеніи власти. Въ Неаполѣ поднялось волненіе; 15-го мая въ 11 часовъ утра въ толпѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ королевскими войсками, жандармами, и швейцарскими наемниками, раздался внезапно выстрѣлъ, произведенный неизвѣстнымъ лицомъ. Швейцарцы рѣшили, что это сигналъ къ нападенію на толпу. Народъ сталъ призывать къ оружію и строить баррикады, которыя храбро защищала національная гвардія. Уличная борьба длилась до слѣдующаго утра. Изъ цитадели гремѣли пушки; при чемъ ядра направлялись

Рѣзня въ Неаполѣ 15 мая 1848 г.

преимущественно на дворцы либеральныхъ аристократовъ. Солдаты, грабя и убивая, врывались въ дома. За ними шли лаццарони съ огромными ранѣе приготовленными на этотъ случай мѣшками, раздѣвали и обирали убитыхъ и уносили изъ домовъ все, болѣе или менѣе цѣнное. Въ довершеніе ужасовъ, по приказанію короля, были открыты всѣ тюрьмы; преступники жадно бросились на либеральную буржуазію, какъ на лакомую добычу. При такихъ условіяхъ войска въ концѣ концовъ одержали побѣду и король къ великому удовольствію увидѣлъ предъ своимъ дворцомъ множество плѣнныхъ либераловъ. 40 изъ нихъ были немедленно разстрѣляны, остальные связанные веревками и цѣпями, посажены на корабли и увезены за море. Когда спокойствіе всюду было восстановлено, появился королевскій декретъ, которымъ распускалась національная гвар-

дія и назначалось новое реакціонное министерство. Прежніе министры были арестованы и отправлены, послѣ упрощеннаго судопроизводства, частью на галеры (каторгу), частью въ тюрьму. Вольная дружина, шедшая изъ Сициліи, была вырѣзана до послѣдняго человѣка въ Калабріи и провинціи Салерно (Salerno). Неаполитанская вспомогательная армія была отозвана съ мѣста военныхъ дѣйствій; одинъ генералъ Пепе и 1500 человѣкъ отказались повиноваться. „Вотъ какъ слѣдуетъ подавлять революцію“, хвастался вѣроломный король. Для молодой итальянской свободы наступила предсмертная борьба. А Парижъ не откликнулся, наблюдая всѣ эти событія.

Австрійскій деспотизмъ, готовясь использовать контръ-революцію въ Неаполѣ въ своихъ политическихъ и милитаристскихъ интересахъ, получилъ чувствительный ударъ въ своей собственной столицѣ, Вѣнѣ, въ тотъ же самый день, когда происходила въ Неаполѣ описанная кровавая баня; въ глазахъ народа ударъ былъ равносильнъ полному пораженію правительства.

Въ Австріи такъ же, какъ и въ прочихъ странахъ, охваченныхъ революціоннымъ движеніемъ, правительство стремилось сдѣлать по возможности меньше уступокъ своему народу. Здѣсь былъ выработанъ и 25 апрѣля опубликованъ проектъ конституціи; вопреки мартовскимъ обѣщаніямъ, его составили безъ всякаго участія представителей отъ народа и собирались милостиво даровать съ высоты престола. Конституція не могла удовлетворить народъ; она устанавливала аристократическую первую палату, предоставляла королю право абсолютнаго veto и значительно нарушала великіе конституціонные планы, которые созрѣвали во Франкфуртѣ на Майнѣ. Для успокоенія броженія, поднявшагося въ народѣ, правительство пустило въ ходъ до-мартовскія средства; были вызваны войска, уничтожены политической центральной студенческой комитетъ и комитетъ національной гвардіи. Въ отвѣтъ на это академической легіонъ назначилъ на 15-ое мая демонстрацію національной гвардіи и рабочихъ изъ революціонно настроенныхъ предмѣстій. Болѣе 10000 хорошо вооруженныхъ людей съ барабаннымъ боемъ и развѣвающимися знаменами отправились изъ актовъ залы вѣнскаго университета къ императорскому дворцу, чтобы передать императору петицію; въ ней требовались отмѣна распоряженія объ упраздненіи центральныхъ комитетовъ, измѣненіе избирательнаго закона и отозваніе войскъ. Императоръ Фердинандъ согласился на всѣ требованія; онъ объявилъ, что конституція будетъ утверждена имперскими чинами (Reichsstande), а первый рейхстагъ будетъ состоять изъ одной палаты, избранной безъ всякаго ценза и на основаніи всеобщаго, равнаго голосованія. Вѣнскій народъ былъ вполнѣ удовлетворенъ, и возстаніе 15-го мая благополучно окончилось безъ кровопролитія. Два дня спустя, придворная камарилья уговорила слабаго императора покинуть свою непокорную столицу и поселиться въ Инсбрукѣ, въ странѣ своихъ вѣрныхъ тирольцевъ; 17-го мая

вечеромъ, подъ видомъ своей обычной ежедневной прогулки, онъ уѣхалъ въ своемъ экипажѣ и не вернулся; 19-го мая онъ прибылъ въ Инсбрукъ, гдѣ его ожидалъ блестящій пріемъ.

Особенно характерной чертой народнаго движенія 1848 года было требованіе всеобщаго избирательнаго права. Это замѣчалось и въ Англіи, гдѣ движеніе чартистовъ, носившее социалистическій отпечатокъ, дало сильный толчокъ реформамъ. Выставленное чартистами требованіе ежегодныхъ тайныхъ выборовъ, на основаніи которыхъ каждый гражданинъ трехъ королевствъ имѣетъ одинаковыя избирательныя права, согласовалось съ такими же требованіями социальной демократіи во Франціи и другихъ странахъ европейскаго материка. Волненія, возникшія при предъявленіи этихъ требованій въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Единбургѣ, Глазговѣ и многихъ другихъ городахъ, до нѣкоторой степени были отголосками народныхъ движеній по ту сторону Ламанша.

Вся борьба европейской демократіи, казалось, не производила ни малѣйшаго впечатлѣнія на правительство, засѣдавшее въ Парижѣ. Оно проводило свою осторожную, выжидательную политику—*laissez faire, laissez aller*, которая вызвала нѣкогда всеобщую ненависть къ буржуазному королевству и которая и теперь давала поводъ оппозиціоннымъ газетамъ къ самымъ беспощаднымъ нападкамъ на правительство. Стали даже утверждать, что члены исполнительной комиссіи вошли въ преступное соглашеніе съ австрійскимъ правительствомъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Италіи.

Какъ было упомянуто выше, 23-го мая въ національномъ собраніи должна была обсуждаться интерпелляція по поводу европейской политики республики. Въ этомъ засѣданіи было произнесено множество прекрасныхъ пустыхъ фразъ обычнаго парламентскаго краснорѣчія. Араго, Воловскій, Саранъ (Sarrans) и Вавенъ (Vavin) брали слово, чтобы въ блѣдныхъ и слабыхъ выраженіяхъ потребовать разъясненія. Для Ламартина представился превосходный случай доказать при помощи какихъ-то дипломатическихъ документовъ, что официальная Италія ни подъ какимъ видомъ не желала вмѣшательства Франціи. „Нѣтъ“, воскликнулъ онъ патетически, „нѣтъ! Ложь! Противъ итальянской соободы не существуетъ никакого официального или секретнаго соглашенія между республиканскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и Австріей“.

„Одинаковое уваженіе ко всѣмъ національностямъ удерживаетъ насъ по собственной инициативѣ вмѣшиваться въ борьбу за свободу другихъ народовъ. Чтобы прочно утвердить свою славу, свое счастье и свои учрежденія, народъ долженъ купить ихъ цѣною собственной крови. Если же эти народы окажутся не достаточно сильны, чтобы собственными силами добиться своихъ справедливыхъ требованій, если кто-нибудь станетъ покушаться на право свободнаго развитія національностей, тогда вооруженная Франція двинется къ подножію Аль-

пійскихъ горъ и будетъ готова по первому знаку перешагнуть черезъ Альпы и подать Итальянцамъ спасающую руку“...

„Въ то время, когда Ламартинъ произносилъ эти слова“, говоритъ Ипполитъ Кастиль, „Манинъ („Manin), ссылаясь на изданный когда-то Ламартиномъ манифестъ, въ отчаяніи умолялъ собраніе отправить на помощь благородной, геройской республикѣ Венеціи вмѣсто пушекъ, хотя бы только нѣсколько французскихъ судовъ, хотя бы только французскій флотъ: иначе Венеція, залитая кровью своихъ героевъ, не смотря на отчаянно храбрую оборону, принуждена будетъ уступить насилію“.

Большинство, конечно, соглашалось съ Ламартиномъ. Буржуа, засѣдавшіе въ національномъ собраніи, настаивали, что правительство ни подъ какимъ видомъ не должно увлекаться вмѣшательствомъ въ освободительное движеніе народовъ. Они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ для борьбы съ людьми, отстаивавшими освободительные принципы.

Въ особенности Луи Бланъ былъ бѣльмомъ въ глазу буржуазіи, и она горѣла желаніемъ отправить его поскорѣе туда, гдѣ уже находились Барбэ и Бланки. Въ засѣданіи 31-го мая вице-президентъ Сенаръ (Sénard) сдѣлалъ національному собранію сообщеніе, что генераль-прокуроръ испрашиваетъ у собранія полномочія возбудить уголовное преслѣдованіе противъ члена собранія, Луи-Блана. Сообщеніе было выслушано съ зловѣщимъ спокойствіемъ:—одни были удивлены, озадачены, другіе считали за лучшее не выражать открыто своей радости. Луи-Бланъ былъ признанъ зачинщикомъ и подстрекателемъ возстанія 15-го мая. Прокуроръ окончилъ чтеніе своего обвиненія; царила безмолвная тишина. Обвиненіе представлялось слишкомъ чудовищнымъ. Но вотъ возбужденіе начало прорываться то тамъ, то здѣсь. Преграды, удерживавшія страсти, казалось, рушились. Раздались рѣзкія рѣчи, защищавшія и осуждавшія бывшаго члена временнаго правительства; въ залѣ носились злобные возгласы за и противъ него. Луи-Бланъ, не имѣвшій представленія о всемъ происходящемъ, вошелъ въ залъ именно въ тотъ моментъ, когда его особа была предметомъ разгорѣвшейся словесной борьбы. Можно представить, какъ потрясло его все, что онъ услышалъ; однако онъ достаточно владѣлъ собой, чтобы спокойно и съ достоинствомъ защищаться. У него едва хватало голоса, чтобы заглушить безчисленныя замѣчанія прерывавшихъ его противниковъ. Какіе бы вѣскіе доводы онъ ни приводилъ въ доказательство лживости возбужденныхъ противъ него обвиненій, палата ихъ не выслушивала; она назначила комиссію, которая должна была тщательно разслѣдовать дѣло Луи-Блана и доложить о результатахъ слѣдствія.

Въ Пале-Националь и въ министерствѣ юстиціи былъ задуманъ цѣлый заговоръ для устраненія чловѣка, вліянія котораго все еще боялись. Еще задолго до открытаго предложенія прокурора начать слѣдствіе противъ Луи-Блана, Марра намекалъ вездѣ, гдѣ могъ, что онъ видѣлъ 15-го мая въ ра-

ГЛАВА XV.

Луи Наполеонъ Бонапартъ.—Выборы 4-го іюня.—Наполеоновская легенда.—Попытки возстановленія имперіи подвергаются осмѣянію.—Бонапартистская партія и ея агитация.—Пьеръ Леру и Прудонъ въ учредительномъ собраніи.—Парламентская борьба по вопросу о допущеніи во Францію Бонапарта.

4-го іюня происходилъ рядъ дополнительныхъ выборовъ для пополненія недостающаго числа депутатовъ отчасти вслѣдствіе отказа избранныхъ отъ полномочій, отчасти же вслѣдствіе неопредѣленнаго исхода первыхъ баллотировокъ.

Въ этотъ то именно моментъ изъ избирательныхъ урнъ трехъ департаментовъ и города Парижа было торжественно извлечено имя, о которомъ раньше никто почти и не думалъ и успѣхъ котораго произвелъ теперь тѣмъ большее впечатлѣніе, что люди, сгруппировавшіеся вокругъ этого имени, придали своему голосованію характеръ политической демонстраціи. Въ этомъ фактѣ одни съ испугомъ видѣли дурное предзнаменованіе будущаго, другіе же съ радостью привѣтствовали его, какъ событіе исторической важности.

Имя избраннаго было *Луи Наполеонъ Бонапартъ*.

Какъ же могло случиться, чтобы столь значительная часть населенія оторвалась отъ прочей массы и съ воодушевленіемъ могла голосовать за это имя? Кромѣ тѣхъ побужденій, корень которыхъ лежитъ въ описанныхъ уже нами потрясеніяхъ, главной причиной этого была все еще жившая въ народѣ легенда о Наполеонѣ. Въ памяти многихъ французовъ, именно—сельскаго населенія, живъ былъ еще образъ „корсиканца, съ гладко причесанными волосами“, генерала революціонной эпохи, императора и вождя многочисленныхъ побѣдоносныхъ походовъ. Простодушный, легковѣрный народъ старой Франціи, такъ часто поддававшійся искушеніямъ фанатической пропаганды, еще помнилъ фигуру Наполеона, императора, въ его сказочномъ сѣромъ сюртукѣ, въ темной шляпѣ съ загнутыми полями, съ его спокойнымъ, серьезнымъ выраженіемъ лица. Среди старыхъ картинъ, украшавшихъ хижины бѣдныхъ слоевъ населенія, почти всегда можно было встрѣтить портретъ „маленькаго капрала“.

Въ долгіе зимніе вечера, когда за стѣнами свисталъ холодный вѣтеръ, при скудномъ свѣтѣ лампы, старики, участники военныхъ походовъ, рассказывали своимъ внимательнымъ

слушателямъ объ императорѣ, который, какъ мимолетное видѣніе, при громѣ пушекъ, появлялся передъ ними на своемъ бѣломъ конѣ. Воспоминанія прошлаго вставали въ памяти стариковъ; разсказывая о своихъ боевыхъ подвигахъ, объ одержанныхъ побѣдахъ, они безмѣрно преувеличивали событія. Они указывали на своего героя, вспоминали о томъ, какъ обращался онъ съ солдатами, какъ ѣлъ онъ съ ними изъ одного котла. Да и самъ онъ развѣ на принадлежалъ къ ихъ средѣ, развѣ не изъ народа вышелъ этотъ маленькій тулонскій лейтенантъ?

Въ этихъ разсказахъ Наполеонъ являлся настоящимъ богомъ побѣды, который заботился о благѣ народа и къ каждому относился съ любовью, который хотѣлъ сдѣлать изъ Франціи самую великую націю всего міра и самъ по себѣ былъ непобѣдимъ, если бы ему не измѣнили его подкупленные маршалы.

Старики говорили о страшныхъ дняхъ военныхъ поражений, о вторженіи массы войскъ союзныхъ государей Европы, попиравшихъ ногами французскую землю, о звѣрствахъ свирѣпыхъ казаковъ, грабившихъ и сжигавшихъ жилища французовъ. При этихъ разсказахъ женщины плакали, а у мужчинъ сжимались отъ злости кулаки.

И вмѣсто того, чтобы обвинять виновника этихъ страшныхъ бѣдствій, люди говорили о мести иноземцамъ; онъ долженъ снова вернуться, какъ нѣкогда съ острова Эльбы, и безжалостно истребить всѣхъ враговъ Франціи.

Французскій крестьянинъ всегда недовѣрчиво покачивалъ головой, когда говорили ему о смерти императора. Это значило: „онъ еще придетъ“. Въ немъ видѣли новаго Прометея, который прикованъ къ пустынной скалѣ далекаго острова Св. Елены, гдѣ на бурныхъ волнахъ стерегутъ его корабли; на него направлены грозныя жерла ихъ пушекъ, но онъ сумѣетъ все-таки уйти отъ нихъ, когда прійдетъ его часъ.

Въ народѣ ходила масса пѣсенъ, подобныхъ этой легендѣ. Когда надоѣдали разсказы, начинали пѣть. Пѣли наполеоновскія пѣсни, пѣли изъ Беранже, этого любимаго поэта, демократическая муза котораго такъ безпощадно клеймила поповъ, дворянъ и королей; особенно часто можно было слышать его пѣсню „Воспоминанія народа“, въ которой есть такія строфы:

Подъ соломенною крышей
Онъ въ преданіяхъ живетъ,
И доселѣ славы выше
Не знавалъ его народъ.
Вотъ, старушку окружая,
Вечеркомъ толпа внучать,
„Про бывшее, намъ родная,
Разскажи!—ей говорятъ.
Пусть была година злая,
Намъ онъ любъ,—что нужды въ томъ!

Да, что нужды въ томъ!
 Расскажи о немъ, родная,
 Расскажи о немъ!“*)

Таково было вліяніе наполеоновской легенды, которую поддерживали даже демократы, какъ Беранже, изъ оппозиціи къ Бурбонамъ; такъ создалось настроеніе, закрѣпившее имя Наполеона въ головахъ значительной части легковѣрнаго народа **)—имя человѣка, „императорскія фантазіи котораго“, говоритъ Тэнъ, „погубили отъ 1804 до 1815 года болѣе 1.700.000 природныхъ французовъ; сюда нужно прибавить еще, можетъ быть, болѣе 2.000.000 не французовъ, убитыхъ или въ рядахъ его союзниковъ, или же — его враговъ. И все, что получили эти бѣдные энтузіасты, легковѣрные галлы, дважды вручая ему руководство государствомъ, все это состояло изъ двухъ вторженій непріятели во французскую землю; Франція, отъ которой были отрѣзаны пятнадцать департаментовъ, приобрѣтенныхъ республикой — лѣвый берегъ Рейна и Бельгія, — такова его награда за самопожертвованіе народа... Франція, лишившаяся одного изъ четырехъ милліоновъ своихъ новыхъ гражданъ, успѣвшихъ уже слиться съ старымъ населеніемъ за двадцать лѣтъ совмѣстной жизни. И еще хуже того — Франція, вогнанная опять въ старыя границы 1789 года, одинокая среди своихъ разросшихся сосѣдокъ, всѣми презираемая и ненавидимая“.

Луи Наполеонъ Бонапартъ былъ племянникомъ императора. Его мать была дочерью Жозефины Богарнэ (Josephine Beauharnais), вдовы, на которой женился генералъ Бонапартъ передъ своимъ итальянскимъ походомъ. Красавица Гортензія, подобно своей матери, слыла галантной дамой и была уже такъ скомпрометтирована, что даже маршалъ Дюро (Duroc), ея любовникъ, отказался сдѣлать ее своей законной женой.

*) Полн. собр. пѣсенъ Беранже въ переводѣ русскихъ поэтовъ. СПб. 1905 г. Т. III).

**) Беранже больше, чѣмъ кто-либо другой способствовалъ укорененію наполеоновской легенды во Франціи. Вышедшій изъ революціи блестящій полководецъ, потрясшій всю Европу и кончившій столь трагически, былъ, конечно, болѣе подходящимъ объектомъ для поэтической музы, чѣмъ занявшій тронъ послѣ него, милостію Божіею и финансовъ, коронованныя особы, но Беранже выдвигалъ этотъ призракъ еще и для того, чтобы тѣмъ рѣзче клеймить послѣднихъ.

Поэтъ совсѣмъ не думалъ, какое зло приноситъ онъ этимъ. Замѣчательно, что какъ разъ наканунѣ выборовъ, открывшихъ Луи Бонапарту столь широкіе горизонты, Беранже сложилъ съ себя депутатскія полномочія, выпавшія на его долю помимо воли и желанія его; онъ при этомъ заявилъ, что совсѣмъ не созданъ для роли законодателя. Когда его кандидатура была объявлена, онъ писалъ въ письмѣ къ своимъ парижскимъ избирателямъ: «Вы говорите, что я оказался пророкомъ. Если такъ, то въ область пророка — пустыня. Петръ Пустынникъ оказался сквернымъ полководцемъ во время крестовыхъ походовъ, которые проповѣдовалъ онъ съ такой отвагой». Поэту не слѣдуетъ его, добраго стараго пѣвца, превращать въ бесполезнаго депутата». Онъ зналъ, что вдохновенный лирикъ долженъ быть плохимъ политикомъ.

Завѣтной мечтой Жозефины было во что бы то ни стало укрѣпить тѣ узы, которыя связывали ее съ семьею Бонапартовъ. Отсюда возникъ планъ, который усердно поддерживалъ и Наполеонъ, выдать Гортензію замужъ за брата императора, больного и угрюмаго Луи Бонапарта. Послѣдній сначала вздумалъ было бѣгствомъ избавиться отъ задуманной партіи, но потомъ принужденъ былъ сдаться, такъ какъ желаніе императора было равносильно приказу. Спустя нѣсколько лѣтъ, императоръ, который съ такой же легкостью назначалъ королей, какъ губернаторовъ и градоначальниковъ, сдѣлалъ его королемъ Голландіи. Однако Гортензія, называвшаяся отнынѣ уже королевой Гортензіей, не долго оставалась вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Послѣ смерти своего перваго сына она вернулась въ Парижъ, гдѣ и родила 20-го апрѣля 1808 года Луи Наполеона, которому суждено было потомъ стать вторымъ императоромъ французовъ, Наполеономъ III.

У короля Луи произошли жаркія схватки съ супругой; онъ ни за что не хотѣлъ признать Луи Наполеона своимъ сыномъ. Чтобы избѣжать въ будущемъ подобныхъ столкновеній съ мужемъ, королева Гортензія не назвала Наполеономъ слѣдующаго своего ребенка, родившагося въ 1811 году. Она удовольствовалась для него лишь именемъ графа Морни (Morny). Однако, и онъ, подобно своему единокровному брату Наполеону, доставилъ много хлопотъ Франціи*).

Все говорить за то, что протестъ короля или, позднѣе экъ короля Голландіи противъ законности своего мнимаго сына не былъ неосновательнымъ. И онъ все время держался этого взгляда; такъ въ 1831 году онъ писалъ папѣ по поводу возстанія, въ которомъ принимали участіе оба сына королевы Гортензіи:

„...Что-же касается другого (Луи Наполеона, позднѣйшаго императора французовъ), присвоившаго себѣ мое имя, то знайте, святой отецъ, что онъ, слава Богу, не мой сынъ. *Я имѣлъ несчастіе назвать своей женой прирожденную Мессалину*“.

Такимъ образомъ, тотъ, имя котораго носилъ Луи Наполеонъ, не хотѣлъ называться его отцомъ. Скандальная хроника указываетъ и имя настоящаго отца, именно—голландскаго адмирала Вергуэлу (Verhuel), интимная связь котораго съ королевой Гортензіей была извѣстна всему Парижу. Впослѣдствіи онъ принялъ французское гражданство и получилъ высокій постъ. Одно изъ его писемъ, написанное президенту палаты пэровъ и государственной судебной палаты Паскье (Pasquier) по поводу преданія Луи Наполеона суду палаты пэровъ, даетъ серьезную опору тѣмъ слухамъ, которые были до сихъ поръ лишь предметомъ придворныхъ сплетенъ. Онъ говоритъ въ этомъ письмѣ: „...Не выносите ему смертнаго приговора, спасите его голову, объ этомъ просить васъ отецъ“.

*) Въ своихъ личныхъ интересахъ онъ втянулъ Францію въ мексиканскую экспедицію и тѣмъ самымъ вбилъ первый гвоздь въ гробъ имперіи.

для республиканцевъ эпохи второй имперіи не жалѣвшихъ словъ въ своей устной и литературной агитаціи противъ императора, было вполне достаточно этого, чтобы присвоить послѣднему насмѣшливую кличку „Sieur Verhuel“ *).

Императоръ Наполеонъ I, на случай отсутствія собственныхъ дѣтей или ихъ смерти, назначилъ между тѣмъ наследниками престола дѣтей своего брата Луи.

Луи Наполеонъ Бонапартъ.

Послѣ окончательнаго низверженія имперіи королева Гортензія, изгнанная изъ Франціи, увезла съ собою въ Швейцарію и своихъ дѣтей. Здѣсь она надолго поселилась въ замкѣ Арененбергѣ (Arenenberg) и посвятила почти все свое время воспитанію сыновей, вкореня въ нихъ мысль о возможномъ возстановленіи имперіи. Въ 1831 году умеръ Наполеонъ Луи, старшій братъ Луи Наполеона, отъ воспаленія легкихъ, полученнаго имъ въ одномъ утомительномъ походѣ во время неудачнаго итальянскаго возстанія, въ которомъ принималъ участіе и его братъ. Годъ спустя, умеръ и сынъ Наполеона I отъ второй его жены, австрійской принцессы Маріи Луизы. Съ этихъ поръ въ глазахъ сторонниковъ наполеоновскаго имперіализма Луи Бонапартъ сталъ законнымъ наследникомъ императорскаго трона.

Послѣдній въ это время занимался военными науками и писалъ руководство по артиллеріи. Швейцарскій гражданинъ и офицеръ, онъ все-таки ни на минуту не покидалъ мысли о воз-

*) Титуль Sieur, взятый изъ временъ феодальныхъ отношеній, употребляется теперь только въ насмѣшку, для сомнительныхъ личностей и—на судейскомъ жаргонѣ—для обвиняемыхъ.

становленіи имперіи. По мнѣнію его учителя Леба (Lebas), онъ обладалъ чрезвычайными дарованіями. Это былъ человѣкъ средняго сложенія, съ обыкновенными чертами лица, которыя ничѣмъ не напоминали перваго Наполеона. Но при дряблости и апатичности своей натуры, онъ съ фанатической вѣрой цѣплялся за то имя, которое онъ носилъ и полагалъ, что, воплощенное въ его личности, это имя призвано къ великимъ дѣламъ, предуказаннымъ неотвратимой судьбой. И этой вѣры было достаточно, чтобы возбуждать и воспалять его къ дѣятельности. Этотъ огонь неустанно раздувала въ немъ его мать, имѣвшая на него неотразимое вліяніе. Подобно льстивой гадалкѣ, убаюкивала она его прорицаніями, что ему суждено со временемъ стать владыкой великаго народа.

Такъ продолжалось до того момента, когда Луи Наполеонъ предпринялъ попытку осуществить завѣтную мечту своей жизни.

Въ Арененбергѣ былъ нѣкій Фіалэнъ (Fialin), или Персиньи (Persigny), какъ называлъ онъ себя, который и наговорилъ принцу, что Франція готова броситься ему на шею, если только онъ гарантируетъ народу его суверенитетъ. Совмѣстно съ нимъ и еще нѣсколькими авантюристами былъ набросанъ на скорую руку планъ возстанія; 30-го октября 1836 года, условившись съ нѣсколькими фанатически преданными его дѣлу офицерами, племянникъ императора предсталъ предъ солдатами одной страсбургской казармы. Въ первый моментъ ему посчастливилось даже услышать крикъ: „Да здравствуетъ императоръ!“ Но скоро дѣло расклеилось.

Распространился слухъ, что неизвѣстный молодой человѣкъ совсѣмъ не племянникъ императора, а племянникъ полковника гарнизона Водрея (Vaudrey). Въ казармахъ заговорщики были схвачены солдатами и арестованы, за исключеніемъ Фіалэна, который бѣжалъ въ Баденъ. Луи Филиппъ счелъ болѣе удобнымъ придать всей этой исторіи характеръ сумасбродной продѣлки школьника, который вздумалъ разыграть роль императора, какъ другіе разыгрываютъ Робинзона. Онъ ограничился тѣмъ, что выслалъ претендента въ Америку, а газеты изобразили всю продѣлку въ смѣшномъ видѣ.

Съ Луи Бонапарта было взято честное слово не покидать Америки въ теченіе десяти лѣтъ, однако, онъ скоро вернулся въ Швейцарію, гдѣ мать его лежала при смерти. Но въ виду возможнаго конфликта между Швейцаріей и Франціей, требовавшей высылки его изъ предѣловъ союза, онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ и нашелъ себѣ весьма сомнительную и подозрительную компанію.

Отъ своей мечты возстановленія имперіи онъ все еще не отказывался. 6-го августа 1840 года близъ Булони (Boulogne) высадилась странная группа вооруженныхъ, одѣтыхъ въ форму людей, съ знаменами, украшенными императорскимъ орломъ. Среди нихъ находился и племянникъ перваго императора французовъ. Онъ нанялъ судно съ матросами, чтобы отправиться въ Булонъ, взбунтовать тамошній гарнизонъ, двинуться за-

Гробница императора Наполеона I.

Издательство
В. Смирнов

тѣмъ на Парижъ и провозгласить тамъ новое императорское правительство. На мѣстѣ высадки его ожидалъ офицеръ съ нѣсколькими унтеръ-офицерами, съ которыми раньше велись переговоры и которые теперь должны были встрѣтить своего „Наполеона“ криками: „да здравствуетъ императоръ!“ Дѣло, однако, провалилось. На мѣсто прибыло нѣсколько офицеровъ, не участвовавшихъ въ заговорѣ, которые и распорядились разогнать самозванцевъ. Вскорѣ всѣ они были забраны.

На этотъ разъ правительство было уже менѣе снисходительно. Преданный суду палаты пэровъ, Луи Наполеонъ былъ присужденъ къ пожизненному заключенію и отправленъ въ крѣпость Амъ (Ham).

Въ это время правительство распорядилось перенести во Францію останки Наполеона I съ острова Св. Елены. Это было сдѣлано съ торжественной пышностью, при стеченіи громадной массы парижскаго народа. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда останки дяди со всѣми возможными почестями помѣщались въ Соборѣ Инвалидовъ, племянника запирали въ тюрьму. Этотъ контрастъ создалъ послѣдному своего рода сантиментальную популярность. Язвительный смѣхъ либеральной и склонной къ скептицизму буржуазіи разбился о стѣны тюрьмы и не нашелъ никакого отклика въ сердцахъ массъ, всегда сочувствующихъ несчастію. Тогда понялъ и самъ заключенный, какъ держаться ему, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи народа. Онъ притворился рѣшительнымъ сторонникомъ демократическихъ идей и завелъ переписку съ наиболѣе видными представителями республиканскаго движенія, какъ, напримѣръ, съ Луи Бланомъ, который, по его приглашенію и съ разрѣшенія министра, не разъ посѣтилъ его въ тюрьмѣ. Въ демократическомъ изданіи „Propagateur du Pas de Calais“ Луи Наполеонъ напечаталъ статью, вызвавшую похвалы республиканской прессы. „Республика“, говорилъ онъ, „была бы моимъ идеаломъ, но я не знаю только, сочувствуетъ-ли ей Франція. Я буду помогать народу въ завоеваніи его правъ и въ поискахъ такой политической формы, которая соотвѣтствуетъ принципу революціи“.

Подобныя заявленія воскрешали надежды на волю и тронъ, а автора ровно ни къ чему не обязывали.

Въ теченіи пяти лѣтъ и девяти мѣсяцевъ, оставался онъ государственнымъ плѣнникомъ, занимаясь вопросами политическаго и соціальнаго характера. Въ одной изъ своихъ книжекъ, озаглавленной: „Уничтоженіе пауперизма“ онъ доходитъ даже до провозглашенія социалистическихъ тенденцій. Въ 1846 году, 26-го мая, онъ бѣжалъ изъ тюрьмы, одѣтый рабочимъ, съ трубкой въ зубахъ и котомкой за плечами, счастливо добрался онъ до С.-Кантэна (St. Quentin), откуда черезъ Остенде прибылъ въ Англію. Здѣсь оставался онъ вплоть до Февральской революціи. При первыхъ же извѣстіяхъ о побѣдѣ народа поспѣшилъ онъ въ Парижъ, куда прибылъ уже 28-го февраля; о своемъ прибытіи онъ извѣстилъ временное правительство и предложилъ ему свои услуги. Однако, послѣднее

недовѣрчиво отнеслось къ его предложеніямъ и попросило его обратиться туда, откуда онъ прибылъ, и онъ немедленно уѣхалъ въ Лондонъ.

Но кто не уѣхалъ, такъ это его соратники: цѣлая толпа фанатиковъ наполеоновской легенды, авантюристовъ внѣклассоваго типа, связавшихъ свое счастье съ судьбою претендента.

Пребываніе въ тюрьмѣ привлекло къ ихъ патрону симпатіи извѣстныхъ слоевъ населенія, которымъ суждено было играть крупную роль послѣ февральскихъ дней. Это воскресило самыя горячія надежды въ сердцахъ друзей лондонскаго изгнанника. Провозглашенная въ февралѣ свобода союзовъ была для нихъ, конечно, не менѣе полезна, чѣмъ для другихъ. Заговоръ велся съ достаточнымъ искусствомъ и агитація ихъ становилась все болѣе и болѣе шумливой. Всѣ усилія прилагались къ тому, чтобы скрыть затаенную конечную цѣль; ни слова о томъ, что дѣло идетъ о возстановленіи имперіи, о „правѣ на тронъ“ Луи Бонапарта: эти люди говорили о его благородныхъ намѣреніяхъ, о глубинѣ его ума и широтѣ его демократическихъ симпатій. Толковали о томъ, что, вставши во главѣ республики, подобный человѣкъ придастъ ей такую силу и мощь, которыхъ ей безъ него никогда не видать. Въ тѣхъ кругахъ населенія, гдѣ смутно бродили социалистическія идеи, въ столицѣ и другихъ крупныхъ городахъ, принца выставляли почти социалистомъ въ сравненіи съ людьми настоящаго правительства; въ доказательство этого комментировали его книгу о науперизмѣ, поясняя, что разъ только онъ встанетъ на мѣсто этихъ людей, онъ проведетъ крупныя и коренныя реформы на благо трудящихся классовъ. Въ разговорахъ съ буржуазіей прибѣгали къ иному языку. Никто другой, какъ только Луи Бонапартъ способенъ создать сильную власть для того, чтобы вогнать демократію въ рамки порядка, только онъ можетъ оградить собственность и семью отъ постоянно угрожающей этимъ учрежденіямъ анархіи. Бонапартисты дѣлали невѣроятныя усилія, чтобы перетянуть на свою сторону общественное мнѣніе. Представители высшаго офицерства работали въ томъ же духѣ среди національной гвардіи, дѣйствовали они и въ арміи. Дамы высшаго круга бродили по пригородамъ, заглядывали въ дома бѣдняковъ, предлагали помощь и поддержку, говоря при этомъ о молодомъ Наполеонѣ, а въ гостиницахъ (и постоялыхъ дворахъ) распространялись въ большемъ количествѣ бонапартистскія газеты, изъ которыхъ одна носила соблазнительное названіе „Республиканскаго Наполеона“. И все это приносило свои плоды, потому что не трудно, вѣдь, было разбудить дремавшія въ сердцахъ народныхъ массъ смутныя воспоминанія прошлаго. Въ Парижѣ сѣмя агитаціи упало на особенно благоприятную почву. Возбужденіе массъ ничуть не улеглось послѣ 15-го мая, напротивъ, оно даже возрастало изо дня въ день. Реакціонныя мѣропріятія со стороны правящихъ сферъ наносили демократіи ударъ за ударомъ. Озлобленный народъ чувствовалъ, что домокловъ мечъ нависъ надъ послѣднимъ

здравствуетъ Наполеонъ"! Но въ устахъ массы въ ея цѣломъ или, по крайне ймѣрѣ, ея части этотъ лозунгъ выражалъ лишь недовольство все болѣе и болѣе возрастающей реакціей буржуазнаго порядка и требованіе коренныхъ преобразованій. Многимъ Луи Бонапартъ казался тѣмъ страшнымъ орудіемъ, которымъ можно было поразить людей дѣйствующаго правительства. Такова главная причина, способствовавшая тому, что Луи Наполеонъ выдвинулся. Выборы 4-го іюня, впрочемъ, показали, что общественное мнѣніе Парижа во всякомъ случаѣ было не на сторонѣ монархіи. И если изъ избирательной урны было вынута имя Луи Бонапарта, то, вѣдь, наряду съ нимъ побѣду одержали такіе люди, какъ Лагранжъ (Lagrange), Пьеръ Леру, Прудонъ, Коссидьеръ, (который сложилъ свои полномочія, когда увидѣлъ, что ему придется разстаться съ полицейской префектурой), а также поэтъ Викторъ Гюго. Затѣмъ, въ числѣ избранныхъ оказались—Тьеръ, превратившійся теперь въ республиканца, имя котораго было, однако, освистано при объявленіи результатовъ голосованія, либераль Гудшо, клирикально настроенный генераль Шангарнье и сторонникъ порядка Моро (Moreau). „Это была борьба стараго общества съ новымъ“, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Бенуа (Benoit).

Соціалистическія идеи, какъ таковыя, не имѣли никакого успѣха въ Парижѣ при первыхъ выборахъ въ національное собраніе. Только на дополнительныхъ выборахъ 4-го іюня получили значительное число голосовъ тѣ кандидаты, которые въ глазахъ народа были сторонниками социальнаго преобразованія. Когда буржуазія бросилась въ объятія реакціи, пролетаріатъ перешелъ на сторону социальной революціи.

Избраніе Луи Бонапарта не шло въ разрѣзъ съ этимъ многозначительнымъ фактомъ.

Въ Парижѣ даже Луи Бланъ и другіе изъ числа рабочихъ вождей предоставили рабочимъ свободу относительно кандидатуры Бонапарта *).

*) Вотъ количества полученныхъ голосовъ:

Коссидьеръ	147.400
Моро	126.889
Гудшо	107.097
Шангарнье	105.539
Тьеръ	97.394
Пьеръ Леру	91.375
Викторъ Гюго	85.965
Луи Наполеонъ Бонапартъ	84.420
Лагранжъ	78.682
Буассель	77.247
Прудонъ	77.094

Мы беремъ эти цифры изъ «*Revelations historiques*» Луи Блана (Даниель Стернъ приводитъ инья, хотя и очень близкія къ этимъ, цифры); Луи Бланъ замѣчаетъ по этому поводу, что въ ряду первыхъ семи избранниковъ надѣялись стоять нѣкоторые изъ извѣстныхъ социалистовъ, какъ Распайль, Кабе и еще трое рабочихъ.

Фактъ во всякомъ случаѣ несомнѣненъ, что, помимо Коссидьера, столица отдала наибольшее число голосовъ консервативнымъ депутатамъ,—это предвѣстникъ предстоящей побѣды «*порядка*».

Но если Бонапартъ могъ порадоваться тѣмъ симпатіямъ, которыя были выражены ему въ вотумѣ избранія, то, напротивъ, въ Исполнительной Комиссіи и въ громадномъ большинствѣ Національнаго Собранія онъ встрѣтилъ рѣшительныхъ и ожесточенныхъ противниковъ. Въ числѣ первыхъ изъ нихъ были Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ и Кавеньякъ, завязавшіе съ нимъ борьбу.

Руководило ли ими при этомъ предчувствіе будущихъ опасностей, которыя готовила республикѣ популярность этого претендента? Скорее, эта вражда была продиктована другимъ чувствомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ подобная сентиментальность. Это была злоба противъ конкурента.

У Ламартина, Ледрю-Роллена и Кавеньяна были чрезмѣрно преувеличенныя представленія о любви къ нимъ народа. Поэтому-то они и настаивали, чтобы въ конституціи республики, выработкой которой занималась особая комиссія, было отведено мѣсто и вопросу о президентскомъ постѣ. Каждый изъ этой тройки, и особенно Ламартинъ, несомнѣнно считалъ себя призваннымъ къ этой высокой роли. Растущая же популярность Луи Наполеона угрожала оттереть ихъ на задній планъ. Они будутъ уничтожены, ихъ надежды разлетятся какъ дымъ, если не удастся имъ устранить этого противника. И отнынѣ всѣ ихъ усилія направлены на то, чтобы избавиться отъ столь опаснаго конкурента *).

По словамъ Даніэль Стернъ, Ламартинъ пытался самъ организовать въ народныхъ массахъ демонстрацію противъ возвращенія изгнаннаго принца. Онъ пригласилъ къ себѣ делегатовъ рабочихъ цеховъ, среди которыхъ были даже прежніе делегаты Люксембургской Комиссіи, и старался натравить ихъ противъ этого „пришельца“, ставшаго теперь его лютымъ врагомъ. Въ награду за это онъ обѣщалъ свое покровительство рабочимъ союзамъ и денежную помощь имъ со стороны національнаго собранія. Рабочіе, однако, выслушали его рѣчь съ ледянымъ спокойствіемъ. Подобныя обѣщанія для нихъ не были новостью. Люди, такъ жестоко обманувшіе ихъ въ эти дни, заслуживали, по ихъ мнѣнію, только наказанія. Слѣдовательно, думали они, не Бонапартъ былъ ихъ врагомъ, а исключительно только тѣ люди, въ чьихъ рукахъ оказалась власть послѣ 24 февраля.

Напротивъ, въ національномъ собраніи борьба противъ главы семьи Бонапартовъ, избранника Парижа и трехъ департаментовъ, велась съ чрезвычайной энергіей. 10 іюня депутатъ

*) Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что еще въ 1842 году, по поводу перенесенія тѣла Наполеона 1-го, Ламартинъ выступилъ рѣшительнымъ противникомъ наполеоновскаго культа, слѣдовательно, въ то время, когда нельзя было и думать найти въ Луи Бонапартѣ конкурента. Въ блестящей рѣчи онъ протестовалъ тогда въ палатѣ депутатовъ противъ того, чтобы «на мѣсто серьезныхъ заслугъ въ дѣлѣ свободы ставить культъ гойдой силы и... тѣмъ гарантировать безнаказанность торжествующему деспотизму».

Геккеранъ (Heeckeren) обратился къ военному министру съ запросомъ по поводу поведенія одного полка, который при вступленіи въ Труа (Troyes) на республиканскія привѣтствія національной гвардіи отвѣчалъ: „да здравствуетъ Наполеонъ!“ Кавеньякъ отвѣчалъ на этотъ запросъ въ чрезвычайно приподнятомъ, возбужденномъ тонѣ. Онъ заявилъ что ему ничего не извѣстно о томъ, что сообщилъ депутатъ Геккеранъ, и воскликнулъ во всю силу своихъ легкихъ: „Я хотѣлъ-бы думать, что человекъ, имя котораго было такъ некстати выставлено, не виновенъ въ этомъ. Но я прибавлю къ этому, что я отдамъ въ руки общественнаго правосудія всякаго, кто рѣшится положить свою руку на свободу страны!“

Едва онъ кончилъ, какъ съ большинства скамей раздался возгласъ: „да здравствуетъ республика!“, ставшій теперь довольно рѣдкимъ. Ненависть къ тому, кто являлся угрозой многимъ зрѣвшимъ въ тиши надеждамъ, заставила депутатовъ привѣтствовать республику, къ которой одни были совершенно равнодушны, и которую другіе успѣли основательно возненавидѣть.

Характерной чертой этого дня было, однако, то, что выдающуюся роль игралъ въ національномъ собраніи Кавеньякъ; генераль, стоявшій въ тѣни до того времени, взялъ теперь на себя роль защитника и покровителя республики, ту роль, которая раньше всегда принадлежала Ламартину. Послѣдній тотчасъ же почувствовалъ, что въ рядахъ самого правительства у него появился конкурентъ, но это открытіе нимало не помѣшало ему столь-же ревностно слѣдить, чтобы не допустить Луи Бонапарта занять какой-либо политическій постъ во Франціи. Черезъ Исполнительную Коммиссію онъ внесъ законопроектъ, являвшійся повтореніемъ изданнаго въ 1816 и подтвержденнаго въ 1832 году, въ силу котораго семья Бонапартовъ изгонялась изъ предѣловъ Франціи. Этотъ законъ онъ хотѣлъ сохранить для Луи Наполеона, „дважды выступившаго въ качествѣ претендента на престолъ“, и лично желалъ защищать его передъ палатой. Для обсужденія его было назначено 12 іюня.

Въ этотъ день вблизи Бурбонскаго дворца и на площади Согласія сосредоточились громадныя массы народа, какъ никогда еще раньше. Ходилъ слухъ, что въ этотъ день Луи Бонапартъ отправится въ національное собраніе въ сопровожденіи значительнаго отряда почетной стражи. Это и привлекло сюда со всѣхъ концовъ города и изъ пригородовъ массу любопытнаго люда, съ надеждой взиравшаго на новую восходящую звѣзду. Съ своей стороны и правительство сочло нужнымъ выставить значительную военную охрану, окруживъ все зданіе національнаго собранія сплошнымъ кольцомъ войскъ.

При открытіи засѣданія двоюродный братъ Луи Бонапарта, депутатъ Корсики Наполеонъ Бонапартъ, позднѣе извѣстный подъ кличкой: „Plonplon“, заявилъ, что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ выступить въ защиту своего родственника отъ

распространяемыхъ всюду ложныхъ слуховъ и засвидѣтельство-
вать здѣсь о чистотѣ его намѣреній. Министръ Флоконтъ отвѣ-
тилъ ему на это, что одинъ Бонапартъ не можетъ служить
подходящимъ защитникомъ другого Бонапарта. Послѣ него на
трибуну вошелъ генераль Бедо и повторилъ фразы Кавеньяка,
сказанныя въ засѣданіи 10 іюня, о томъ, что никакому претен-
денту не удастся совратить армію. „Въ тотъ день, когда онъ
приступитъ къ выполненію своего преступнаго плана, сама ар-
мія отдастъ его въ руки правосудія“. Бедо не ограничился
этимъ и обрушился съ упреками по адресу Исполнительной
Коммиссіи, которой внутренніе раздоры мѣшаютъ проявить
планомѣрную дѣятельность. По его мнѣнію, дѣло можетъ
исправить только энергичный, сильный вождь (при этомъ онъ
могъ имѣть въ виду только Кавеньяка), который былъ-бы
способенъ обуздать эту кампанію.

Это было публичнымъ обвиненіемъ Ламартина въ непри-
годности для той роли, какая ему была присвоена. Онъ при-
нялъ это, какъ кровную обиду для себя. Блѣдный взошелъ онъ
на трибуну—для обоснованія затребованнаго правительствомъ
кредита въ 1.200.000 франковъ и сказалъ проникнутую поэти-
ческими красотами защитительную рѣчь въ пользу временнаго
правительства и Исполнительной Коммиссіи. Но теперь его слу-
шали уже нехотя, его, чье появленіе на трибунѣ недавно еще вы-
зывало цѣлую сенсацію въ рядахъ депутатовъ. Напрасны были
всѣ его старанія привлечь вниманіе палаты и, утомленный
безплодными усиліями, онъ предложилъ прервать засѣданіе.

Съ улицы, между тѣмъ, проникли въ залъ тревожные
слухи. Кто-то слышалъ барабанный бой и выстрѣлы.

При возобновленіи засѣданія на трибунѣ появился Ламар-
тинъ, теперь уже болѣе радужно настроенный, и заявилъ, что
его рѣчь была прервана чрезвычайнымъ событіемъ. Въ трехъ
высшихъ офицеровъ арміи были сдѣланы выстрѣлы, которые
сопровождались возгласами: „да здравствуетъ императоръ!“
Шайка, не остановившаяся въ своей дерзости передъ проли-
тіемъ крови, была захвачена и потому необходимо теперь-же
издать соответственный законъ. Послѣ этого, при гробовомъ
молчаніи одной части собранія и бурныхъ протестахъ другой,
Ламартинъ прочелъ выработанный Исполнительной Коммис-
сіей законопроектъ:

„Согласно пункту 3 закона 1816 года, Исполнительная
Коммиссія объявляетъ, что Луи Бонапартъ подчиняется силѣ
закона 1832 года вплоть до того момента, когда Національное
Собраніе придетъ къ иному рѣшенію“.

Это подняло цѣлую бурю. Депутаты Караби и Вейларъ
(Carabit et Vieillard) заявляютъ протестъ противъ предложенія
Ламартина; протестуютъ и оба корсиканскіе депутата Пьеръ
и Наполеонъ Бонапарты, ссылаясь на „благородныя чувства
своего родственника“ и увѣряя собраніе въ его преданности
республикѣ, доказательство чему можно будетъ видѣть въ
самомъ близкомъ будущемъ. Нѣкоторые депутаты, между

Францію ранѣ, чѣмъ страна достигнетъ полного успокоенія. Къ тому же его задерживаютъ важныя дѣла въ Лондонѣ. „Поэтому я рѣшилъ остаться въ сторонѣ отъ политической жизни и противиться всякимъ доводамъ, побуждающимъ меня вернуться въ отечество“. Бонапартисты давно уже пользовались подобными письмами сына королевы Гортензіи, какъ средствомъ для того, чтобы въ наилучшемъ свѣтѣ выставить передъ народомъ своего героя. Всюду можно было встрѣтить эти письма, переполненные выраженіями самыхъ возвышенныхъ чувствъ.

Луи Бланъ также высказался за признаніе депутатскихъ полномочій Луи Бонапарта, говоря, что для республики въ этомъ нѣтъ никакой опасности. „Если же вы хотите имѣть очень простое средство для того, чтобы преградить Луи Бонапарту путь къ президентству, то внесите въ конституцію такой параграфъ: республика, основанная 24-го февраля, не имѣетъ президента“. Предложеніе было прекрасно, но оно рѣшительно расходилось съ честолюбивыми замыслами карьеристовъ изъ рядовъ правительства *)).

Ледрю-Ролленъ сказалъ чрезвычайно сильную рѣчь противъ Луи Бонапарта, ссылаясь при этомъ на очевидные факты существованія бонапартистскаго заговора. Это, очевидно, производило болѣе сильное впечатлѣніе на собраніе, чѣмъ всѣ прелести краснорѣчія Ламартина. Но сторонники принца снова прибѣгли къ своему излюбленному средству—частному письму Бонапарта.

Это письмо было написано по поводу 24-го мая, когда рѣчь шла о высылкѣ Бонапарта; сначала оно предназначалось для Національнаго Собранія, но Исполнительная Коммиссія приложила его къ документамъ. Въ немъ было сказано:

„...Я обращаюсь къ представителямъ народа съ вопросомъ, чѣмъ заслужилъ я подобное наказаніе? Развѣ тѣмъ, что я всегда открыто заявлялъ, что, по моему мнѣнію, Францію менѣе всего можно разсматривать, какъ наслѣдственное имущество какой либо личности, семьи или партіи? Развѣ тѣмъ, что я дважды палъ жертвой своего возстанія противъ правительства, которое свергнуто теперь вами? Или же, наконецъ, тѣмъ, что я отклонилъ отъ себя предложенныя мнѣ кандидатуры въ національное собраніе?... По поводу избраннаго двумя сотнями депутатовъ короля мнѣ вспоминается то, что я являюсь наслѣдникомъ имперіи, основанной четырьмя милліонами французовъ. Относительно же суверенитета народа я могу и хочу претендовать не болѣе, чѣмъ на принадлежащія мнѣ права французскаго гражданина“.

Собраніе, видимо, было сильно утомлено и послѣ прочтенія этого письма не хотѣло больше ничего слушать. „Голосовать! Закрыть пренія!“—слышалось со всѣхъ скамей. Голосованіе

*) Кроме того, оно нашло непреоборимыхъ противниковъ въ рядахъ тѣхъ, кто все настойчивѣе и настойчивѣе заявлялъ требованіе «сильной власти».

оказалось въ пользу Луи Бонапарта. Этимъ былъ очищенъ ему путь, онъ могъ теперь поспѣшить во Францію и снова воздвигнуть разрушенный подъ Ватерлоо императорскій тронъ.

Онъ предпочелъ, однако, нѣсколько обождать, такъ какъ зналъ, что въ ближайшемъ будущемъ ему придется играть въ національномъ собраніи очень ничтожную роль. Ему не хотѣлось, кромѣ того, брать на себя отвѣтственность за возможные необдуманные шаги его сторонниковъ.

Пока въ палатѣ шли споры, громадная толпа народа все время неотступно тѣснилась близъ Бурбонскаго дворца и по бульварамъ. Проходившіе въ собраніе и изъ него депутаты часто слышали за собой крики: „Долой Гьера! Долой депутатовъ! Да здравствуетъ Наполеонъ! *Nous l'aurons, Napoléon!*“

ГЛАВА XVI.

Трехмѣсячный срокъ ожиданія рабочихъ истекаетъ.—Признаки нетерпѣнія и возмущенія.—Агитація среди рабочихъ.—Волненія въ деревнѣ.—Ненависть и жажда мести возрастаютъ.—Поведеніе газетъ.—Національныя мастерскія и реакція.—Первыя репрессивныя мѣропріятія.—«Необходимо положить этому конецъ!»—Рѣшено насильственно выслать рабочихъ въ провинцію.—«Мы не пойдёмъ».—Масса рабочихъ угрожающе проходитъ по улицамъ Парижа. Пюжоль и Мари.—Рѣшено открыть борьбу на площади Пантеона.

Три мѣсяца довѣрія, данныхъ парижскими рабочими временному правительству черезъ ихъ делегата Марша, истекали. Конечно, въ основу этого знаменитаго соглашенія не было положено никакого опредѣленнаго договора между временнымъ правительствомъ и народомъ. Въ дѣйствительности это былъ не болѣе, какъ красивый оборотъ рѣчи, который былъ хорошо использованъ писателями и ораторами. Несмотря, однако, на это, въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражалось фактическое положеніе дѣлъ. Въ то время, когда парижскій народъ былъ на высотѣ своего могущества, когда массы были единственной силой въ Парижѣ и народъ, заполнивши собою площадь передъ городской ратушей, требовалъ, такой республики, которая отвѣчала бы его потребностямъ,—въ то время и общество было увѣрено, что правительство и въ самомъ дѣлѣ будетъ работать въ интересахъ народа и дастъ ему возможность устроить свою жизнь по человѣчески; вѣдь правительство само должно носить характеръ народнаго правительства, потому что самимъ своимъ существованіемъ оно было обязано единственно лишь народу.

Но вотъ, проходили дни, мѣсяцы, а оно, вмѣсто серьезныхъ улучшеній, дало лишь какія-то жалкія заплаты. Сначала казалось, будто изъ вопроса труда, вопроса соціальной неурядицы оно хочетъ сдѣлать вопросъ первостепенной политической важности. Казалось, что оно внимательно прислушивается къ искреннему голосу Люксембурга, доходившему до него среди шума официальныхъ болтуновъ, сквозь мнимые посулы которыхъ проглядывала простая демагогія. Но открывшіяся было передъ умственнымъ взоромъ страждущихъ классовъ небеса не стали яснѣе, а все болѣе тускнѣли день ото дня. Блеснувшая передъ рабочими февральская утренняя заря, спустя три мѣсяца, заволочлась темными грозowymi тучами, и всѣ признаки указывали на приближеніе новой бури, собиравшейся надъ головами рабочаго люда.

За кулисами политической сцены, въ тиши, правительство достаточно подготовилось теперь къ тому, чтобы заплатить народу тотъ долгъ, который онъ на слово повѣрилъ ему, завоевавъ республику. Въ тотъ день, когда пролетаріатъ неотступно сталъ стучаться въ его двери, чтобы напомнить о торжественныхъ обѣщаніяхъ, оно, вмѣсто отвѣта, сорвало занавѣсъ и показало смертоносныя жерла пушекъ и голубой блескъ стальныхъ штыковъ. Таковъ былъ тотъ страшный капиталъ, который прикопила за эти три мѣсяца буржуазія, чтобы въ роковой день расплаты погасить выданные народу векселя.

И этотъ день расплаты приближался съ ужасающей быстротой. Съ началомъ іюня всюду уже поднялось движеніе среди рабочихъ. Разразились повсемѣстныя стачки. Начало положили 25-го мая шляпочники, за которыми послѣдовали механики, ткачи, пекаря и масса другихъ ремесль. Вѣдь съ самаго февраля неустанно толковали всюду о правахъ рабочихъ! Рабочіе настойчиво добивались удовлетворенія своихъ требованій не только отъ правительства, имъ же обязаннаго своимъ существованіемъ, но и отъ своихъ эксплуататоровъ *). Мысль о необезпеченности будущаго все болѣе и болѣе озабочивала рабочихъ и вызывала рѣзкіе вспышки ихъ гнѣва. Они чувствовали нависшую надъ ихъ головами опасность и инстинктивно приходили къ мысли собрать свои силы и приготовиться къ самооборонѣ. Въ Ліонѣ рабочіе національныхъ мастерскихъ овладѣли нѣсколькими ящиками оружія и правительству только съ помощью войскъ удалось отобрать ихъ назадъ. Заволновалось также и сельское населеніе. Крестьянинъ-земледѣлецъ чувствовалъ на себѣ не меньшую тяжесть чѣмъ рабочій; крестьянинъ отказался, поэтому, платить добавочный налогъ, который возложила на него эта республика, называвшаяся матерью народа. Въ Гере (Guéret) крестьяне угрожали смертью тому, кто будетъ платить этотъ налогъ. Въ департаментѣ Крезъ (Creuse) произошло нѣчто вродѣ бунта, и среди шума этихъ волненій можно было часто слышать имя Наполеона. Бонапартистскіе агенты или же люди, фанатически преданные идеѣ бонапартизма, говорили крестьянамъ, что разъ только Луи Наполеонъ добьется власти, онъ уничтожитъ всѣ налоги. „На сельскихъ ярмаркахъ и базарахъ“, говоритъ Даніэль Стернъ, „ходили самыя нелѣпыя слухи. Въ Лизье, Феканѣ и Шартрѣ (Lizieux, Fecamp, Chartres) газетчики выкрикивали, что Наполеонъ провозглашенъ императоромъ и во главѣ 40.000 человекъ идетъ на Парижъ. Въ департаментахъ Морбіанъ и Финистеръ (Morbihan, Finistère), голосовавшихъ за Кавеньяка, распространился слухъ, что послѣдній убитъ, а Наполеонъ провозглашенъ президентомъ республики“.

Возбужденіе въ Парижѣ все возрастало. Пока борьба

*) Безработные находили себѣ работу въ національныхъ мастерскихъ, что, конечно, страшно вооружило противъ этого учрежденія мелкую буржуазію.

была еще словесной; всюду слышались угрожающія рѣчи. Газеты усвоили себѣ крайне рѣзкій тонъ. Три реакціонныхъ газеты «Constitutionnel», «Assemblée Nationale» и «Siccle» отличались особенной изысканностью своихъ злобныхъ выходокъ. Солдатъ, массами сосредоточенныхъ вокругъ Парижа, онѣ намѣренно наталкивали на мысль о расплатѣ за позоръ, понесенный ими въ февралѣ. Между строкъ сквозило, что этотъ позоръ можно смыть только кровью, именно кровью пролетаріата. Не меньшимъ задоромъ отличались и радикальные газеты. Это можно было видѣть нерѣдко уже изъ однихъ названій. „Набатный колоколъ рабочихъ“, „Робеспьеръ“, „Журналъ черни“ (Journal de Canaille), „Организация труда“ и др. газеты бросали правительству слѣдующее предостереженіе: „Замѣтьте-что, если сила переходитъ на сторону народа, онъ всегда бьетъ выше намѣченной цѣли. Въ 1789 году онъ требовалъ уничтоженія привилегій и достигъ республики; въ 1830 году—добивался свободы печати и свалилъ тронъ Карла X; въ 1848 году дѣло шло лишь о реформѣ, а кончилось республикой. Чего же требуетъ народъ теперь? Хлѣба! А чего онъ достигнетъ? Это мы увидимъ въ ближайшемъ будущемъ“.

О глубинѣ этого тревожнаго настроенія, охватившаго широкіе слои народа, свидѣтельствуютъ многочисленныя данныя.

„...Часть отомщенія близокъ. Буржуазная стража будетъ истреблена. Изъ венсенскихъ темницъ вы будете возвращены своимъ друзьямъ, ожидающимъ васъ, чтобы принести на алтарь отечества аристократовъ и людей. засѣдающихъ въ національномъ собраніи. Намъ угрожаютъ штыками, закрываютъ наши клубы,—хорошо же, мы найдемъ другія средства“.

Это письмо было опубликовано Слѣдственной комиссіей и принадлежитъ, очевидно, перу крайне возмущеннаго чловека, какихъ въ то время въ Парижѣ были тысячи; оно подписано: „Е. Бертранъ (E. Bertrand), членъ республиканскаго центрального клуба“.

Набѣгамъ монархическаго абсолютизма либеральная буржуазія въ свое время противопоставила банкеты. Теперь, наканунѣ страшной іюньской бойни, пролетаріатъ, казалось, рѣшилъ прибѣгнуть къ тому же средству, чтобы стянуть свои полки противъ буржуазнаго эгоизма. Въ редакціи небольшого журнала, „Pere Duchesne“ (такъ назывался въ дни великой революціи журналъ Гебера), служившаго проводникомъ настроенія возмущенныхъ массъ, былъ выработанъ планъ грандіознаго, необычайнаго народнаго банкета. Онъ долженъ былъ состояться на равнинѣ близъ Сень-Дени, причемъ каждому участнику предоставлялся обѣдъ изъ хлѣба, вина и сыра, стоимостью въ 25 сантимовъ. На этотъ своеобразный народный праздникъ записалось 163.000 чловековъ.

Члены правительства и стоящіе за ихъ спинами республиканцы рѣшили, что за этимъ банкетомъ скрывается дерзновенный планъ обширнаго заговора. Они боялись, что банкетъ слу-

жить только предлогомъ для того, чтобы собрать большія массы народа и, вмѣсто невинныхъ фейерверковъ, кончить его огнемъ настоящей битвы. Въ немъ увидѣли опасность даже вожди нѣкоторыхъ демократическихъ партій, какъ напр., Революціоннаго клуба Барбэ. Сначала они старались отсрочить время устройства банкета, чтобы потомъ разстроить и весь планъ.

Такимъ образомъ, развитіе республики шло до сихъ поръ цѣликомъ въ духѣ буржуазіи, и надежды на такой же ходъ этого развитія и въ будущемъ не были потеряны еще и въ описываемый нами моментъ, т.-е. на третьей недѣлѣ іюня. Достаточно было лишь нѣсколькихъ серьезныхъ мѣропріятій для облегченія участи бѣдствующаго населенія, чтобы народъ запаса терпѣніемъ еще на долгое время. Изъ числа членовъ правительства слѣдуетъ назвать Ламартина, который не прочь былъ дѣйствовать именно въ этомъ духѣ. Подобныя мѣропріятія охотно поддержалъ бы и Ледрю-Ролленъ. И Ламартинъ, конечно, вступилъ бы на этотъ путь примирительнаго реформаторства, если бы національное собраніе не предписало ему самой непреклонной тактики по отношенію къ рабочему классу. Объ этомъ можно судить по тому адресу, который циркулировалъ въ клубахъ между 12 и 20 іюня; изъ него же видно, какъ примирительно были настроены и сами рабочіе еще наканунѣ іюньской борьбы.

„Мы очень признательны гражданину Ламартину за тѣ предложенія, которыя вылились изъ глубины его сердца... именно: учрежденіе особаго министерства въ цѣляхъ осуществленія всеобщаго братства, требованіе единовременнаго кредита въ 600 милліоновъ франковъ для основанія сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ институтовъ, въ которыхъ были бы отведены особыя зала для политическаго воспитанія народа и, наконецъ, проведеніе принципа товариществъ. Тогда, граждане, мы забудемъ нужду, угнетающую теперь насъ, забудемъ голодъ, убивающій насъ. Мы хотимъ забыть, потому что мы вѣримъ этимъ обѣщаніямъ... Да здравствуетъ демократическая и социальная республика!“

Что же дѣлало правительство въ виду такого ужаснаго положенія рабочаго класса? *) Да ровно ничего! Оно, видимо, намѣрено было въ кровавой бойнѣ искать разрѣшенія вопроса.

Прежде всего вниманіе его было обращено на національныя мастерскія. Не одни только крупныя расходы на содержаніе національныхъ мастерскихъ возбуждали ненависть національнаго собранія къ безработнымъ, которыхъ господа народные представители частенько называли янычарами, лащарони, а то и еще проще — сволочью, арестантами и ворами. Эти представители буржуазнаго эгоизма, несмотря на свою побѣду 15-го мая, чувствовали потребность дать волю своимъ контръ-револю-

*) По словамъ Лаланна (Lalanne), главнаго инженера національныхъ мастерскихъ, изъ 20.000 рабочихъ одного только Сень-Антуанскаго предмѣстья работу имѣли всего 240 человекъ.

ціоннимъ стремленіямъ и были готовы каждую минуту броситься на рабочую массу, сосредоточенную послѣ февральскихъ дней въ національныхъ мастерскихъ. Угнетаемые чувствомъ страха передъ этой постоянной угрозой, они не могли свободно вздохнуть и хотѣли во что бы то не стало освободиться отъ этого мучительнаго кошмара.

Въ національныхъ мастерскихъ, дѣйствительно, сконцентрировалась теперь громадная армія рабочихъ; къ началу іюня списки ихъ показываютъ почтенную цифру въ 130.000 человѣкъ; эти люди завтра же могли выступить, какъ повстанцы, какъ революціонная армія. Какое печальное зрѣлище для господъ законодателей, чувствовавшихъ всю глубину ненависти къ нимъ населенія Парижа. Ихъ страхъ передъ рабочими національныхъ мастерскихъ увеличивался еще сознаниемъ того, что рабочая масса, разъ только она пойметъ намѣреніе употребить ее противъ социализма, сама встанетъ подъ социалистическія знамена.

„Нужно положить этому конецъ!“ — такова была мысль, все болѣе и болѣе овладѣвавшая депутатами. Никакихъ измѣненій, никакихъ реформъ, нужно единственно только покончить съ этой рабочей арміей, которая мѣшаетъ сладкому покою мирныхъ парламентскихъ занятій. Такова была единственная забота оффиціального міра. Скоро подвернулся случай открыть передъ народомъ свои карты.

Въ засѣданіи 15 іюня, при обсужденіи вопроса о включеніи Алжира въ составъ владѣній республики, на трибуну вошелъ социалистскій депутатъ Пьеръ Леру, пользовавшійся громаднымъ уваженіемъ даже въ рядахъ противниковъ, — чтобы представить вниманію правительства и общества весь ужасъ ихъ собственнаго поведенія. Въ яркихъ чертахъ изобразилъ онъ страшную нужду народныхъ массъ. Онъ упрекалъ правительство въ нежеланіи понять дѣйствительное положеніе общества, въ полномъ пренебреженіи къ той задачѣ, которая была выдвинута февральской революціей. Въ захватывающей, полной мысли и образности, рѣчи говорилъ онъ, что эта республика совсѣмъ не то, къ чему стремится человѣчество, — она есть только мать новой республики, новаго общества. „Мать не можетъ убивать зародыша, который носитъ она въ себѣ“, воскликнулъ онъ, „необходимо, конечно, помѣшать и тому, чтобы новая республика не убила своей матери“. И еще далѣе: „Вы не находите иного средства, кромѣ насилія, угрозы, кромѣ крови и старой, фальшивой, бессмысленной науки политической экономіи. Но вѣдь есть новыя рѣшенія; ихъ даетъ вамъ социализмъ. Развѣ не стыдно вамъ того, что вы дѣлали въ эти три мѣсяца; пусть же социализмъ вдохнетъ новую жизнь въ человѣчество. Ознакомьтесь съ этимъ ученіемъ, и, если у васъ нѣтъ къ тому времени, пусть самъ народъ испытаетъ его на дѣлѣ, потому что онъ имѣетъ право на этотъ опытъ. Не къ разрушенію стремится социализмъ, но къ тому, чтобы достичь въ

будущемъ равенства; его задача—въ болѣе или менѣе короткій срокъ осуществить республику *).

Финансистъ Гудшо взялся отвѣтить Пьеру Леру и выразить мнѣніе собранія. Онъ упрекнулъ своего противника въ томъ, что тотъ предлагаетъ столь неслыханныя лекарства для такой простой болѣзни. Такимъ „неслыханнымъ лекарствомъ“ для него были національныя мастерскія, о которыхъ онъ сказалъ: „Національныя мастерскія должны быть уничтожены какъ въ самомъ Парижѣ, такъ и въ провинціи; не имѣетъ никакого смысла сокращать ихъ размѣръ, онѣ должны исчезнуть совершенно“. То, что громадное большинство собранія думало лишь про себя, Гудшо имѣлъ мужество заявить открыто. На ряду съ этимъ онъ указывалъ на необходимость пониженія налоговъ, облегченія кредита для рабочихъ и законодательной защиты труда, но какъ Собраніе, такъ и народъ; стоявшій снаружи, слышалъ только одни слова: „національныя мастерскія должны совершенно исчезнуть“.

12-го мая министръ общественныхъ работъ Трела поручилъ особой комиссіи въ своемъ министерствѣ выработать докладъ по вопросу о національныхъ мастерскихъ; онъ тоже искалъ какого либо выхода изъ затруднительнаго положенія. Но, подобно Ледрю-Роллену и Ламартину, ему хотѣлось найти такое рѣшеніе, которое исключало бы возможность рѣзкихъ потрясеній, тогда какъ монархисты и національное собраніе всѣми силами старались вызвать бурю, въ надеждѣ, что вмѣстѣ съ національными мастерскими она вырветъ съ корнемъ и самую республику.

19-го мая докладъ министерской комиссіи былъ готовъ. Министръ распорядился отпечатать его въ 200 экземплярахъ. Не мало были напуганы члены Исполнительной Комиссіи, когда они прочли этотъ докладъ, которому не суждено было никогда увидѣть свѣта. Оказалось, что авторы его ни словомъ не обмолвились о тѣхъ торжественныхъ обѣщаніяхъ, которыя дало временное правительство относительно права на трудъ. Такимъ образомъ, докладъ служилъ косвенной уликой противъ временнаго правительства, члены котораго по большей части были министрами, или засѣдали въ Исполнительной Комиссіи: правительство хотѣло теперь во чтобы-то ни стало отдѣлаться отъ

*) Сущность предложенія Леру заключалась въ требованіи кредита для основанія сельско-хозяйственныхъ ассоціацій. Онъ страстно отстаивалъ идею *внутренней колонизаціи* съ социалистической окраской. «Мы снова должны пережить то великое переселеніе народовъ, которое имѣло мѣсто во всѣ великія эпохи исторіи человѣчества», воскликнулъ онъ, «но мы проведемъ его не такъ, какъ это было въ древности... Мы идемъ на встрѣчу свободнымъ ассоціаціямъ, такъ дайте же имъ дорогу, откройте свободный доступъ къ землѣ, нашей кормилицѣ. Да, къ землѣ, къ сельскому хозяйству должна обратиться ассоціація, республиканская коммуна». (Д. Стернь). Самъ Пьеръ Леру съ 52 единомышленниками, среди которыхъ была и знаменитая романистка Жоржъ-Зандъ, основалъ въ 1845 году въ Буссакѣ (Boussac) въ департаментѣ Крезъ (Creuse) земледѣльческую колонію, но она просуществовала не долго.

того, что когда-то торжественно признало подъ именемъ „права на трудъ“. Бѣдной Исполнительной Комиссіи, дрожавшей, какъ осиновый листъ, передъ Национальнымъ Собраніемъ, ничего болѣе не оставалось, какъ задержать раздачу по рукамъ этого доклада.

Впрочемъ, и тѣ мѣропріятія, которыя рекомендовались для укрѣпленія національныхъ мастерскихъ на болѣе здоровыхъ основаніяхъ, совсѣмъ не улучшали дѣла. Эмиль Тома отлично понималъ, что дѣло идетъ объ уничтоженіи всего этого учрежденія, и потому не хотѣлъ даже вникать, какъ слѣдуетъ, въ предлагаемые проекты. Въ нихъ, проектировалось ввести и сдѣльную работу, и болѣе строгій контроль при приѣмѣ въ мастерскія и, наконецъ, высылку изъ Парижа всѣхъ пришлыхъ рабочихъ; но всѣ эти предложенія были ничѣмъ инымъ, какъ подготовительными маневрами для того, чтобы разрушить все учрежденіе.

Люди посвященные уже напередъ знали, каковъ долженъ быть тотъ ударъ, который смететъ безъ остатка мастерскія. Это можно видѣть изъ того отвѣта, который былъ данъ делегатамъ города Нанта и который приводитъ въ своей книгѣ: „Прологъ революціи“ Луи Менаръ (L. Ménard). Эта делегация прибыла въ Парижъ около середины іюня, чтобы получить отъ Исполнительной Комиссіи разрѣшеніе на устройство займа, необходимаго для платежей рабочимъ нантскихъ національныхъ мастерскихъ. На это имъ устно былъ данъ такой отвѣтъ: „Если вы не можете найти другого выхода, то дѣлайте то, что дѣлаемъ мы здѣсь,—беритесь за оружіе“. Вотъ что слѣдуетъ понимать подъ словами: „нужно положить этому конецъ“.

Если въ высшихъ правительственныхъ сферахъ было рѣшено во что бы то ни стало покончить съ такимъ положеніемъ дѣлъ, то и народъ съ меньшей опредѣленностью рѣшилъ, что такъ далѣе продолжаться не можетъ. Возбужденіе росло изо дня въ день. Извѣстно было, что комиссія національнаго собранія высказалась противъ какихъ либо уступокъ рабочимъ, ожидавшихъ отъ министерской комиссіи и ея шефа, министра Трела; рѣшительнымъ вліяніемъ въ ней пользовались такіе люди, какъ Гудшо, тупоголовый сторонникъ мальтузіанскаго индивидуализма и А. де-Фаллу, (A. de Fallouz) іезуитъ-монархистъ. Засѣдавшіе въ національномъ собраніи монархисты стараго режима требовали уничтоженія національныхъ мастерскихъ не только потому, что желали покончить съ этими ненавистными для каждаго собственника учрежденіями, но главнымъ образомъ въ силу своихъ надеждъ, что предстоящая бойня потопитъ въ крови „Маріанну“ и положить конецъ мечтамъ о соціальной республикѣ.

Итакъ, всѣ инстинктивно понимали, что развязка близка, и предчувствіе того, что это событіе не обойдется безъ страшныхъ столкновеній, заставляло биться лихорадочнымъ темпомъ тысячи сердець. Но несмотря на это, почти наканунѣ самой катастрофы, разразившейся надъ рабочимъ классомъ, вожди,

стоявшіе во главѣ значительныхъ группъ рабочихъ, чувствовали все-таки потребность поднять свой возмущенный голосъ противъ грубыхъ насилій Гудшо, противъ злостной клеветы іезуитской банды, чтобы показать этимъ, какъ сильно жаждалъ мира рабочій классъ. Расклеенная по улицамъ 18-го іюня прокламація рабочаго комитета содержитъ, между прочимъ, такія краснорѣчивыя слова: „Вы требуете немедленнаго уничтоженія національныхъ мастерскихъ, но куда дѣнутся тогда тѣ сто тысячъ рабочихъ съ ихъ семьями, для которыхъ скромная поденная плата въ этихъ мастерскихъ представляетъ единственный источникъ существованія? Хотите ли вы отдать ихъ страшнымъ превратностямъ голодной жизни?“

Въ другой прокламаціи говорилось: „Откуда этотъ крикъ, этотъ ложный предрассудокъ, эти клеветническія обвиненія противъ національныхъ мастерскихъ? Мы хотимъ работать, но для нашихъ рукъ нѣтъ полезной, подходящей къ нашимъ спеціальностямъ работы. Мы страстно хотимъ такой работы“.

Рабочихъ обвиняли въ томъ, что будто они увлеклись бонапартистскимъ заговоромъ. По этому поводу делегаты рабочихъ обратились къ своимъ собратьямъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Мы, рабочіе делегаты Люксембурга, душою и тѣломъ преданные республикѣ, мы закликаемъ васъ, . . . не отдавайте вашихъ рукъ и сердецъ сторонникамъ трона, который вы сожгли! Страну, жаждущую только свободы и труда, эти люди безъ сердца и характера неизбежно привели бы къ страшной анархіи. Отнынѣ никто не можетъ претендовать на иной титулъ, кромѣ самаго прекраснаго: *гражданинъ*. Никто не можетъ поднять оружія противъ истиннаго владыки, самаго народа. Одна лишь попытка къ тому была бы достойнымъ проклятіемъ преступленіемъ, и тотъ, кто отважился бы на нее, былъ бы измѣнникомъ чести и отечеству. Реакція неустанно работаетъ; ея безчисленные агенты развертываютъ передъ вашими глазами, братья, фантастическія картины призрачнаго счастья. Они сыпятъ деньгами. Берегитесь, друзья, берегитесь! Подождите еще нѣсколько дней съ тѣмъ спокойствіемъ, которое присуще вамъ и которое свидѣтельствуетъ объ истинной силѣ. Надѣйтесь, потому что наше время пришло, будущее принадлежитъ намъ. Воздерживайтесь отъ участія въ демонстраціяхъ, такъ какъ это придастъ имъ ложный видъ народныхъ демонстрацій. . . Вѣрьте намъ, слушайте насъ, во Франціи теперь не можетъ быть ничего иного, кромѣ демократической и соціальной республики. Исторія послѣдняго правленія ужасна; не забывайте этого. Ни короля, но и ни императора! Ничего, кромѣ свободы, равенства и братства. Да здравствуетъ республика!“ *).

*) Подъ воззваніемъ подписались Пьеръ Венсаръ (Vinçard) и Августъ Блюмъ, (Auguste Blum) какъ президентъ и вице-президентъ люксембургской делегации, а также Веконъ (Vacon) и Эжень Гарленъ (Eugène Garlin), какъ президентъ и секретарь делегации національныхъ мастерскихъ, и затѣмъ еще по два рабочихъ делегата обоихъ этихъ учреждений.

Такъ говорили люди, которые нѣсколько дней спустя должны были пасть отъ пуль Кевеньяка.

Не всегда, конечно, вызывающее поведеніе правительства получало столь слабый отпоръ. Слишкомъ велики были надежды народа, слишкомъ долго лелѣялъ онъ ихъ, чтобы, обманутый правительствомъ, онъ не выражалъ теперь своего негодующаго протеста. Такой протестъ, прокатившійся широкой волной, былъ заявленъ въ одномъ летучемъ листкѣ и исходилъ изъ устъ простого рабочаго, одного изъ числа тѣхъ пролетаріевъ, вступившихъ на путь революціоннаго движенія, которые, подъ вліяніемъ пропаганды, сбросили окутывавшее раньше ихъ умъ темное покрывало и примкнули къ группамъ духовныхъ руководителей рабочаго класса или даже взяли за перо. Имя этого рабочаго было Пюжоль (Pujol). Одаренный пламенной фантазіей, онъ излилъ свои чувства съ такимъ страстнымъ воодушевленіемъ, которымъ отличались только старые французскіе революціонеры. Онъ бросилъ въ лицо властителей такія обвиненія:

„Горе вамъ, идущимъ съ завязанными глазами. Вы не замѣчаете той пропасти, которая поглотитъ васъ. Они (т. е. рабочіе) шли къ вамъ съ довѣріемъ, но вы презрительно оттолкнули ихъ. Они приблизились, чтобы показать вамъ зіяющія раны своей нужды, но вы, вмѣсто того, чтобы залечить ихъ, отравленнымъ оружіемъ клеветы сдѣлали эти раны смертельными. Ихъ устами взывалъ къ вамъ мрачный голосъ голода, но вы заткнули свои уши, чтобы не слышать этихъ печальныхъ звуковъ. Они говорили вамъ: мы имѣемъ право на трудъ, чтобы существовать,—вы же имъ отвѣчали: вы имѣете право отправиться на тотъ свѣтъ или же работать такъ, какъ захотимъ мы. Они прибавляли къ этому: мы добыли свободу своей кровью, мы хотимъ быть свободными! Вы же имъ возражали: вы будете опять рабами. Они говорили вамъ о справедливости, а вы съ язвительной усмѣшкой показывали имъ штыки!... А потому — соединимся и, провозгласивъ, что права человѣка нарушены, мощнымъ натискомъ раздавимъ силу этихъ хищниковъ и эксплуататоровъ“.

Это было дыханіе бури, которую должны были позвать тѣ, кто сѣялъ вѣтеръ.

„Между тѣмъ, комиссія о національныхъ мастерскихъ, созванная снова министромъ Трела“, говоритъ Викторъ Марукъ (Viktor Marouk), „высказалась за то, что необходимо поддерживать рабочія товарищества, предпринять колонизацію Алжира, организовать кассы взаимопомощи и страхованія и реформировать законъ о примирительныхъ камерахъ. Для выдачи заработной платы должна быть гарантирована ссуда и взяты непосредственные заказы у крупныхъ торговцевъ и промышленниковъ. Затѣмъ, для фабрикантовъ должна быть установлена вывозная премія и опредѣленная гарантія для извѣстныхъ предметовъ производства. На все это требовался кредитъ въ 200 миліоновъ франковъ“.

Двѣсти миліоновъ, чтобы избѣжать гражданской войны!

Но реакціонное національное собраніе не хотѣло ничего объ этомъ и знать. Его комиссіи отклонили проектъ; три милліона и немедленное закрытіе національныхъ мастерскихъ—вотъ все, что имъ угодно было разрѣшить.

21-го іюня Исполнительная Коммиссія объявила, что всѣмъ рабочимъ національныхъ мастерскихъ, въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, предоставляется на выборъ: или немедленно вступить въ ряды арміи, или же готовиться къ отъѣзду, чтобы въ департаментахъ, какіе будутъ указаны, заняться земляными работами съ подряда. Когда рабочіе прочли этотъ декретъ, они не могли больше сдерживать такъ долго копившагося возмущенія. Какъ одинъ человѣкъ, заявили они: „Мы не пойдёмъ, потому что они хотятъ задушить республику. Они хотятъ, чтобы мы перемерли въ нездоровыхъ мѣстностяхъ отъ лихорадки, они хотятъ свести нашъ поденный заработокъ на пятнадцать су. Намъ посылаютъ въ изгнаніе, насъ приговариваютъ къ смерти, а наши семьи—къ гибели... Мы не пойдёмъ!“

И снова столица представляла зрѣлище случайныхъ сборищъ, первыхъ предвѣстниковъ крупнаго народнаго возстанія. Въ докладѣ слѣдственной комиссіи объ іюньскихъ событіяхъ говорится: „Банды, проходя по улицамъ, кричали: „мы не пойдёмъ, мы не пойдёмъ!“ затѣмъ: „долой Тьера, долой Мари, долой Ламартина!“ и еще: „да здравствуетъ Барбе! да здравствуетъ республика!“ Слышались также возгласы: „да здравствуетъ Наполеонъ!“ Но лишь рѣдкіе изъ рабочихъ придавали этому послѣднему возгласу династической смыслъ. Напротивъ, въ этомъ сказывалась ихъ любовь къ республикѣ, которой, по ихъ мнѣнію, угрожала опасность, и эта-то боязнь и заставила ихъ отказаться покинуть Парижъ. Они хотѣли здѣсь защищать свою „*Марианну*“ въ тотъ день, когда монархисты вознамѣряются накинуть на ея шею петлю. По этому-то позднѣе инженеръ Лаланнъ и могъ заявить передъ слѣдственной комиссіей: „Вожди удерживали большинство тѣхъ, кто желалъ уѣхать, говоря имъ: вы не должны уѣзжать, потому что они хотятъ уничтожить республику“.

И это были тѣ самые рабочіе, которыхъ буржуазная реакція обвиняла въ соучастіи въ монархическомъ заговорѣ! Въ четвергъ 22 іюня 117.000 рабочихъ прошли по улицамъ столицы. Депутація изъ руководителей отдѣловъ національныхъ мастерскихъ, во главѣ съ Пюжолемъ, отправились въ Люксембургъ, гдѣ засѣдала Исполнительная Коммиссія. Пюжолю было поручено выступить отъ имени всѣхъ передъ министромъ Мари.

Вотъ картина, рисующая какъ этотъ вожакъ рабочихъ говорилъ съ членомъ французскаго правительства, окруженнымъ вооруженной силой. „Гражданинъ“, сказалъ Пюжоль, „передъ февральской революціей...“ „Позвольте“, прервалъ его Мари, „мнѣ кажется, вы слишкомъ далеко заходите“. „Гражданинъ“, продолжалъ Пюжоль, „въ лицѣ делегатовъ народа вы должны уважать свободу слова. Я буду говорить такъ, какъ, по моему

должно говорить, или же я совѣмъ ничего не скажу“. „Ну, такъ говорите, но только имѣйте въ виду, что у меня очень мало времени“. „Ваше время принадлежитъ не вамъ, гражданинъ, оно принадлежитъ народу, представителемъ котораго являетесь вы“. „Гражданинъ Пюжоль“, сказалъ Мари съ угрожающимъ жестомъ, „мы давно уже знаемъ васъ и давно не спускаемъ съ васъ глазъ“. „Превосходно. Но и вы также должны знать, что съ самага того дня, какъ я посвятилъ себя дѣлу защиты народной свободы, я далъ себѣ слово не бояться никакихъ угрозъ. А потому, ваши угрозы совершенно бесполезны“. Тогда Мари обратился къ прочимъ делегатамъ, сопровождавшимъ Пюжоля, и сказалъ: „Я не могу признать представителемъ народа того, кто участвовалъ въ возстаніи 15 мая. Пусть говоритъ кто-нибудь изъ васъ; изложите мнѣ ваши жалобы“. „Раньше меня здѣсь никто не будетъ говорить“, сказалъ Пюжоль, ставъ съ распростертыми руками между Мари и делегатами. „Нѣтъ, нѣтъ, не мы, а онъ долженъ говорить первымъ“—былъ отвѣтъ делегатовъ. Мари отступилъ шагъ назадъ и въ раздраженномъ тонѣ сказалъ: „Вѣдь не рабы же вы этого человѣка“. „Имѣйте въ виду, гражданинъ“, отвѣтилъ ему Пюжоль, „что вы оскорбляете делегатовъ народа“. „А извѣстно ли вамъ, что вы говорите съ членомъ исполнительной комиссіи?—былъ отвѣтъ Мари. „Конечно“, отвѣчалъ Пюжоль, опуская внизъ руки, „но именно, какъ членъ Исполнительной Комиссіи, вы и должны относиться ко мнѣ съ уваженіемъ“. „Къ вамъ?“ „Именно. Если вы членъ исполнительнаго учрежденія, то я—депутатъ народа. Если вы не желаете насъ слушать, то мы удалимся“. „Нѣтъ, ужъ разъ вы пришли сюда, то говорите“. „Гражданинъ — депутатъ“, началъ снова Пюжоль, „до февральской революціи трудящійся народъ терпѣлъ ужасный гнетъ капитала. Чтобы избавиться отъ эксплуатаціи со стороны владѣльцевъ этого капитала, народъ строилъ баррикады и сложилъ оружіе только тогда; когда была объявлена демократическая и социальная республика, которая должна навсегда избавить народъ отъ порабощенія. Теперь эти рабочіе видятъ, что они жестоко обмануты.—Я хочу вамъ этимъ сказать, что они готовы пожертвовать всѣмъ, даже своею жизнью, лишь бы отстоять свою свободу“. „Я понимаю васъ. Послушайте теперь, что я вамъ скажу. Если рабочіе не хотятъ отправиться добровольно въ провинцію, то мы силой принудимъ ихъ къ этому, понимаете вы—силой!“ „Силой, прекрасно. Мы знаемъ теперь то, что хотѣли знать“. „Что же хотѣли вы знать?“ „А то, что Исполнительная Комиссія никогда серьезно и не думала приступить къ организаціи труда. До свиданья, гражданинъ“ *).

*) По сообщенію одного журнала той эпохи, именно «Vraie République» (Истинная Республика), стоявшаго близко къ представителямъ національных мастерскихъ, заключительная сцена этого разговора была такова:

Пюжоль: «Гражданинъ депутатъ, вы оскорбляете делегатовъ народа,

Пюжоль и его товарищи покинули Люксембургскій дворець и отправились на площадь Сень-Сюльписъ (St. Sulpice), гдѣ ожидала ихъ рабочая масса. Прекративъ колокольный звонъ, несшійся съ ближайшей церкви и заглушавшій человѣческій голосъ, рабочіе выслушали краткую, энергичную рѣчь Пюжоля, который, въ заключеніе, предложилъ рабочимъ быть вечеромъ, въ шесть часовъ, на площадь Пантеона. Но еще до шести часовъ на указанномъ мѣстѣ толпилась громадная масса народа. „Граждане, вѣрны ли вы священному знамени республики?“ раздался энергичный голосъ Пюжоля. „Да, да!“ былъ отвѣтъ тысячъ головъ. „Слава вамъ, сыны Парижа! Всей Франціи, вы даеете примѣръ мужества и патріотизма. Соединимся же всѣ и пусть кличъ нашъ: „работы и хлѣба“ прозвучитъ въ ушахъ нашихъ враговъ. Горе тѣмъ, кто остается глухъ къ голосу народа. Вы отдали республикѣ три мѣсяца нужды и за это вы получили три мѣсяца измѣны. Впередъ!“

Масса построилась въ колонны и, все болѣе и болѣе возростая, направилась по улицамъ. Въ ея рядахъ господствовала грозная тишина. Это было грандіозное зрѣлище, мрачный видъ котораго усиливался еще свѣтомъ факеловъ, зажженныхъ съ наступленіемъ ночи. Послѣ восьми часовъ колонны снова вернулись на площадь Пантеона. „Вы вѣрили обѣщаніямъ, прощали ошибки“, началъ опять Пюжоль, „но сегодня вы узнали объ измѣнѣ, и за эту измѣну кровью должны заплатить наши враги. Они заплатятъ за нее, — я заклинаю васъ въ этомъ!“ „Клянемся!“ отвѣчала масса. „Завтра въ шесть часовъ утра“, крикнулъ Пюжоль. „Завтра въ шесть часовъ, дайте слово другу“.

Факелы погасли и кругомъ воцарилась могильная тишина. Возстаніе. это страшное іюньское возстаніе началось.

личности которыхъ священны. Мы уходимъ отсюда съ глубокимъ убѣжденіемъ, что Вы не хотите ни организаціи труда, ни счастья для рабочихъ».

Мари: «Вамъ вскружили головы. Мы не хотимъ лишь того, что проповѣдуетъ Луи Бланъ».

Юльская колонна.

центру города. Вскорѣ были сильно укрѣплены улицы Сень-Дени, Дю-Тамплъ и бульваръ Бонъ-Нуvielъ. Повстанцы занимали также и дома, чтобы можно было при случаѣ стрѣлять и изъ оконъ. Весь населенный бѣднѣйшими классами народа Парижъ наполнился глухимъ гуломъ приближающейся борьбы. „Къ оружію! На баррикады!“— вотъ кличъ, раздававшійся по всѣмъ улицамъ предмѣстій до самыхъ отдаленныхъ угловъ города. Улицы были загорожены двойными и тройными рядами баррикадъ, построенныхъ изъ камня мостовыхъ и всевозможныхъ матеріаловъ; нерѣдко возвышались онѣ до второго и третьяго этажей окружающихъ зданій и мѣстами совершенно преграждали доступъ въ улицы, такъ что защитники, принужденные сдать одну баррикаду, могли скрыться подъ защиту слѣдующаго ряда.

По старому примѣру парижскихъ революціонныхъ возстаній, повстанцы и теперь старались придвинуть свои баррикады возможно ближе къ городской ратушѣ. Занятіе этого парижскаго народнаго дворца считалось первымъ условіемъ побѣды возстанія и разсматривалось какъ средство придать нѣкоторую правомѣрную форму этой побѣдѣ. Повидимому, съ цѣлью добраться до этого крайне важнаго пункта, повстанцы, забаррикадивавъ кварталы близъ Пантеона, проникли на лѣвый берегъ Сены, гдѣ вблизи, по ту сторону рѣки, была расположена городская ратуша.

Они сильно укрѣпились на островѣ Ситэ (Cité), лежащемъ между двухъ небольшихъ рукавовъ Сены, изъ которыхъ сѣверный отдѣляетъ островъ отъ городской ратуши; отсюда уже не трудно было, черезъ небольшой мостикъ, проникнуть на Гревскую площадь и добраться до ратуши. Островъ Ситэ представлялъ, впрочемъ, и самъ по себѣ прекрасное мѣсто для укрѣпленій повстанцевъ, такъ какъ онъ состоялъ изъ цѣлага ряда узкихъ, кривыхъ улицъ, глухихъ переулковъ и окруженъ былъ очень узкой прибрежной полосой, что въ общемъ даетъ громадныя преимущества при уличной борьбѣ.

Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ повстанцы могли почти безпрепятственно строить свои баррикады. Этотъ фактъ указываетъ на существованіе предательскаго плана въ правящихъ сферахъ.

Презрѣнная интрига подняла свою голову. Главари Исполнительной Комиссіи предпочли бы ограничиться небольшою схваткой съ рабочими. Небольшой порціи рабочей крови достаточно было бы для того, чтобы вернуть Комиссіи милость національнаго собранія. Большое кровопролитіе не было въ ея интересахъ.

Иной расчетъ былъ у Кавеньяка. Мы знаемъ уже, что нѣкоторыя парламентскія группы, какъ, напр., группа Палэ-Националя (Palais-National), давно уже домогались того, чтобы облечь высшей правительственной властью Кавеньяка, и съ его помощью очистить Исполнительную Комиссію отъ остатковъ стараго временнаго правительства. Помимо этого Кавеньякъ,

Бульваръ Сенъ-Дени въ 1848 г.

чувствовавший себя призваннымъ встать во главѣ высшей власти, былъ помѣшанъ на идеѣ военной диктатуры. Онъ внимательно сторожилъ тотъ подходящий моментъ, который можетъ предоставить ему постъ главнокомандующаго. Нужно было прежде всего показать Исполнительной Комиссіи, что она не въ состояніи сама выполнять функціи диктатора. Во всемъ остальномъ значеніе ея было, вѣдь, уже достаточно подорвано. Вотъ поэтому-то, не нужно было быстро подавлять возстанія; напротивъ, надо было придать ему такой видъ, что оно не только укрѣпилось въ своихъ настоящихъ позиціяхъ, но и грозитъ дальнѣйшимъ распространеніемъ. Перепуганная на смерть буржуазія набросилась бы тогда съ еще большимъ ожесточеніемъ на Комиссію, обвиняя ее или въ неспособности, или даже въ нежеланіи защищать гражданъ. Тогда-то наступилъ бы моментъ выставить впередъ генерала Кавеньяка въ качествѣ единственнаго спасителя отечества.

Мы увидимъ ниже, что этотъ предательскій планъ, лучше котораго не придумалъ бы и самъ Макиавелли, удался вполнѣ.

Были, впрочемъ, и еще люди, которые строили свои расчеты на пораженіи парижскаго пролетаріата. Монархисты также возлагали крупныя надежды на столкновеніе пролетаріата съ партіями порядка, при которомъ, судя по положенію дѣла, послѣднія должны были взять верхъ. Имъ хотѣлось прежде всего, чтобы это столкновеніе было возможно болѣе кровавымъ, такъ какъ въ этой крови республика потопить самое себя.

Что касается „мясника“ Кавеньяка, то ничто не могло помѣшать ему провести до конца свой дьявольскій планъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е іюня Исполнительная Комиссія отдала ему приказъ занять въ пять часовъ утра площадь Пантеона. Этимъ была бы устранена возможность скопленія народа въ это утро и связанной непосредственно съ этимъ постройки баррикадъ. Кавеньякъ, однако, слишкомъ хорошо понималъ свои интересы, чтобы послѣдовать этому приказанію. Позднѣ же онъ свалилъ всю отвѣтственность за неисполненіе его на другого генерала. Утромъ 23-го іюня онъ заявлялъ въ совѣтѣ членовъ правительства, что онъ ни въ коемъ случаѣ не хочетъ раздроблять силы своихъ войскъ нападеніемъ на отдѣльныя баррикады; онъ убѣжденъ, что именно подобный способъ борьбы привелъ къ пораженію арміи въ іюлѣ 1830 года и февралѣ 1848. „Но вѣдь есть же еще возможность предотвратить все это!“ возразилъ ему на это министръ внутреннихъ дѣлъ Рекюръ (Récurt), врачъ по профессіи, настроенный въ духѣ истиннаго умиротворенія.

Кавеньякъ всталъ на дыбы: эта мысль грозила разрушить всѣ его планы. Въ пользу возможно болѣе мягкихъ дѣйствій правительсва высказался также и Клеманъ Тома, генералъ національной гвардіи и защитникъ интересовъ мелкой буржуазіи, но получилъ отъ Кавеньяка столь же сухой и суровый

отвѣтъ. Послѣ этого Рекюръ горестно воскликнулъ: „Стало быть, хотятъ устроить бойню! это—безуміе!“

Въ Исполнительной Коммисіи, совѣмъ не желавшей продолжительной и кровавой борьбы, были увѣрены, что войска своевременно займутъ всѣ важные въ стратегическомъ отношеніи пункты и постараются помѣшать въ самомъ же началѣ постройкѣ баррикады. Но Кавеньякъ крѣпко держался своего плана. Онъ напускалъ на себя видъ истиннаго отчаянія и увѣрялъ, что, если хоть одна изъ его ротъ будетъ обезоружена, онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ. Когда же ему указывали на страшную картину Парижа, положительно усѣяннаго баррикадами, или говорили о сомнительномъ настроеніи многихъ батальоновъ національной гвардіи, онъ говорилъ что-нибудь, вродѣ слѣдующаго: „Пусть національная гвардія беретъ баррикады, это ея дѣло... Пусть она защищаетъ свой городъ и свои магазины. Если же ее переселятъ, то я стяну свои войска на равнину Сень-Дени, гдѣ и дамъ сраженіе возставшимъ“.

Кавеньякъ убѣдилъ Коммиссію и могъ теперь преспокойно проводить задуманный планъ до конца. Онъ сосредоточилъ крупныя военныя силы въ мѣстности, прилегающей къ національному собранію, на площади Согласія и на Елисейскихъ Поляхъ, какъ будто желая тѣмъ самымъ оградить спокойствіе депутатовъ, на которыхъ напалъ почти безумный ужасъ, какъ только началось возстаніе. Послѣ этого онъ послалъ сильный отрядъ въ возставшіе округа.

Генералу Ламорисьеру было приказано идти съ своей бригадой вдоль большихъ бульваровъ и напасть на повстанцевъ въ районѣ Сень-Дениской заставы и предмѣстья Дю-Тамплъ, что должно было воспрепятствовать проникновенію повстанцевъ къ городской ратушѣ. Сильный отрядъ генерала Бедо долженъ былъ укрѣпиться въ городской ратушѣ, для защиты ея отъ повстанцевъ и идти на Ситэ и, наконецъ, третій отрядъ, подъ командой генерала Дюмениля (Dumesnil), долженъ былъ имѣть точкой опоры Люксембургъ и идти по направленію къ Пантеону.

Борьба началась, однако, еще до того момента, когда были закончены эти подготовительныя мѣропріятія. Когда среди гула борьбы надъ баррикадами гремѣлъ лозунгъ возставшихъ „Къ оружію! на баррикады!“, въ это время въ фешенебельныхъ частяхъ города, населенныхъ богатыми, генеральный маршъ только еще призывалъ буржуазную національную гвардію къ оружію. Гвардейцы собирались, однако, очень медленно. Они отлично понимали, что имъ придется на этотъ разъ не просто лишь кричать на всѣ четыре стороны: „смерть коммунистамъ“, какъ это было въ апрѣлѣ, но и подтвердить свою ненависть къ пролетариату ясно направленными ружейными дулами. Неудивительно, поэтому, если они не особенно спѣшили выходить. Правда, въ ихъ глазахъ, пролетаріатъ былъ достоинъ только того, чтобы играть роль пушечнаго мяса, но они все-таки

Въ мастерской.

На баррикадѣ.

Рабочій.

На караулѣ.

Въ полной формѣ.

Рабочій—національный гвардеецъ.

страшно негодовали на Исполнительную Комиссію, которая возложила именно на нихъ выполненіе этой задачи.

Пролетарская національная гвардія рабочихъ кварталовъ, конечно, примкнула къ возстанію.

Мы знаемъ уже, что, кромѣ національной гвардіи, изъ столичнаго населенія была составлена еще одна организація съ цѣлью подавленія мятежей — мобильная гвардія. Первый толчекъ къ ея образованію былъ данъ Ламартиномъ; въ ея составъ вошла молодежь изъ рядовъ парижскихъ босяковъ — оборванцевъ (люмпенъ-пролеаріата), и вотъ, теперь, когда борьба становилась неизбежной, на нее зорко стали поглядывать какъ правительственные мужи, такъ и командующіе генералы. Ее такъ же было легко повести на какую нибудь отважную выходку, какъ и любого парижскаго гамэна (gamin). Она, поэтому, легко могла доставить побѣду той сторонѣ, къ которой она примкнетъ въ этой борьбѣ. Но куда она примкнетъ? Вотъ вопросъ, которымъ озабочены были теперь руководящія сферы. Могли-ли сыны бѣднѣйшихъ слоевъ населенія забыть о своемъ происхожденіи и встать противъ возставшихъ, въ рядахъ которыхъ они на каждомъ шагу могли встрѣтить родственника, родного отца или мать?

Да, такъ, именно, и вышло. Эти несчастные юноши въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ были оторваны отъ родной пролетарской среды съ того самаго момента, когда на нихъ натянули солдатскій мундиръ. Отнынѣ основной чертой ихъ поведенія стало какое-то полицейское отношеніе къ окружающей ихъ жизни. И вотъ, чтобы еще болѣе затемнить головы этой дикой толпы, чтобы еще сильнѣе разжечь ея боевое настроеніе, власти прибѣгли къ тому средству, которое не разъ было съ успѣхомъ испытано во время іюньскихъ дней — *къ клеветѣ*. Имъ говорили, что возстаніе совсѣмъ не дѣло рукъ рабочихъ, которые борьбой хотятъ добиться для себя лучшей жизни, нѣтъ, это устроили подкупленные иностраннымъ золотомъ шайки грабителей, которые стремятся разрушить собственность и погубить республику.

* * *

Солнечные часы на бульварѣ Бонъ Нувель (Bonne Nouvelle) показывали половину перваго, когда вблизи открылся сильный и убійственный огонь. У Сень-Денисской заставы возвышалась громадная баррикада. Ея постройкой, какъ рассказываютъ многіе очевидцы, руководилъ самъ Пюжоль. Другія баррикады кругомъ замыкали проѣзды въ улицы. Вскорѣ защитники баррикады услышали барабанный бой и передъ ними показался небольшой отрядъ національной гвардіи. Изъ-за баррикады посыпался цѣлый градъ пуль и мостовая покрылась трупами національныхъ гвардейцевъ. Имъ на помощь спѣшитъ цѣлый батальонъ, но свинцовый градъ сыпется теперь изъ оконъ и съ террасы ближайшаго кафе и съ крышъ домовъ. Охваченный перекрестнымъ огнемъ батальонъ колеблется и отступаетъ. Повстанцы

выходятъ теперь изъ своей укрѣпленной позиціи и бросаются въ рукопашный бой съ врагомъ. Но подкрѣпленные новыми силами національные гвардейцы снова бросаются на приступъ и бой возгарается съ ожесточенной силой.

На гребнѣ же баррикады, на опрокинутой телѣгѣ стоитъ вождь повстанцевъ съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ. Пуля сваливаетъ его. Затѣмъ — поразительное зрѣлище! На мѣсто убитаго вождя вскакиваетъ молодая дѣвушка, хватая упавшее знамя и, съ распущенными, развѣвающимися по вѣтру волосами, съ огнемъ воодушевленія въ глазахъ, безстрашно стоитъ передъ вооруженными защитниками буржуазии. Видя это, послѣдніе приостановились было на моментъ. Они старались знаками показать героинѣ, чтобы та сошла внизъ, но она не обращала на это никакого вниманія. Одинъ гвардеецъ беретъ на прицѣлъ и она падаетъ мертвой. Изъ-за баррикады тотчасъ же показывается другая женская фигура, беретъ одной рукой свою павшую подругу, а другой бросаетъ камень въ нападающихъ. Но и эта, вмѣстѣ съ трупомъ въ рукахъ, валится скоро, сраженная пулей.

Въ концѣ концовъ, баррикада у заставы Сень-Дени была взята штурмомъ, когда прибылъ отрядъ генерала Ламорисьера. Главная квартира его была расположена на площади Шато Д'о (Château d'Eau), которая теперь называется площадью Республики. Борьба теперь кипѣла почти во всѣхъ прилегающихъ къ ней частяхъ города.

Въ тотъ моментъ, когда на бульварѣ Бонъ Нузель разыгралась набросанная выше сцена, въ округѣ Пантеона, на лѣвомъ берегу Сены, имѣли мѣсто не менѣе характерные эпизоды борьбы. Тамъ въ сраженіе двухъ сторонъ вздумалъ вмѣшаться одинъ очень популярный мэръ, по имени Пинель-Граншанъ (Pinel-Grandchamp); онъ уговаривалъ рабочихъ прекратить борьбу и бралъ на себя обязанность передать національному собранію всѣ ихъ требованія. Но въ самомъ еще началѣ этихъ переговоровъ прибылъ батальонъ одиннадцатаго легіона національной гвардіи, съ полковникомъ Эдгаромъ Кинэ (Edgard Quinet) во главѣ. Его сопровождали отряды пѣхоты и драгунъ.

Пинель-Граншанъ настойчиво просилъ полковника не начинать борьбы и просьбы его въ концѣ концовъ увѣнчались успѣхомъ: батальонъ вернулся тѣмъ же путемъ, какимъ и пришелъ. Оказалось, что онъ былъ присланъ сюда членомъ Исполнительной Комиссіи Араго и потому этотъ почтенный господинъ пришелъ въ ярость, когда узналъ, что отрядъ, ничего не сдѣлавъ, вернулся обратно; онъ зналъ, что борьба неизбежна и потому рѣшилъ вести въ бой всѣ находившіяся въ его распоряженіи силы.

Когда эта колонна, подъ предводительствомъ Араго, вошла въ улицу Суфло (Soufflot), она увидѣла передъ собой цѣлую гору изъ камня мостовой, на вершинѣ которой съ ружьями въ рукахъ стояли повстанцы въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Тутъ произошла, по словамъ Ипполита Кастиль, такая

трагикомическая сцена. Араго попробовалъ сначала словами усыпить этихъ людей, готовыхъ грудью встрѣтить непріятеля. На его упрекъ въ томъ, что они снова принялись за баррикады, одинъ старый повстанецъ отвѣтилъ: „А въ 1832 г. мы вмѣстѣ съ вами строили баррикады“. На его увѣренія относительно самыхъ добрыхъ намѣреній правительства суровый голосъ заявилъ: „Вы не можете толковать объ этомъ, потому-что вы никогда не терпѣли голода *)“. „Довольно обѣщаній“, раздались

Араго передъ баррикадой.

голоса, „мы хотимъ дѣла!“— „Но вѣдь дѣлали все, что можно было дѣлать“, отвѣтилъ Араго. „Это—ложь!“— „Вы меня оскорбляете, больше намъ нечего толковать“, сказалъ Араго и отошелъ съ своими людьми отъ баррикады. Когда онъ повернулъ назадъ, одинъ изъ повстанцевъ направилъ было на него дуло своего ружья, но другой не далъ ему сдѣлать этого. „Эти люди совсѣмъ обезумѣли“, заявилъ Араго офицерамъ національной гвардіи, „переговорами я не могъ добиться у нихъ никакого толку, дѣло будетъ рѣшено силой“. И шестидесяти-четырёхлѣтній ученый самъ всталъ во главѣ буржуазныхъ войскъ.

Отрядъ, предводительствуемый имъ, имѣлъ при себѣ пушки.

*) По словамъ Даніэля Стернъ, рабочій этотъ, въ противоположность Араго говорилъ съ нимъ въ самомъ вѣжливомъ тонѣ: «Господинъ Араго, вы честный гражданинъ и мы относимся къ вамъ съ большимъ уваженіемъ. Но это все-таки не даетъ вамъ права упрекать насъ. Вы никогда не терпѣли голода, вы совершенно не знаете, что такое нужда».

Примѣч. къ нѣм. изд.

Въ силу этого, офицеры не допускали возможности серьезнаго сопротивленія со стороны повстанцевъ и, оставивъ Араго сзади, двинулись впередъ. Но уже съ первыхъ же шаговъ войскамъ пришлось вступить въ борьбу и приняться за обстрѣлъ каменной стѣны изъ орудій. Пушки, повидимому, сыграли рѣшающую роль во всей юньской борьбѣ. Въ рукахъ возставшихъ рабочихъ не было ни одного орудія, благодаря чему можно было издала осыпать ихъ картечью, не давая имъ возможности отвѣчать ружейнымъ огнемъ.

Подобно пожару, раздуваемому бурей, закипѣла вскорѣ страшная битва во всѣхъ углахъ Парижа. Между борющимися сторонами не простерлась ни одна братская, умиротворяющая рука, чтобы положить конецъ этому страшному пожару. Какая же рука была въ состояніи это сдѣлать? Единственная, которая держала высшую правительственную власть, — національное собраніе. Въ виду страшной опасности, угрожавшей превратить въ развалины весь Парижъ, оно одно могло предпринять умиротворяющіе шаги, избавивъ рабочихъ отъ перспективы голодной смерти. Но это собраніе не желало сдѣлать ни единого примирительнаго шага, оно *хотѣло* кровопролитія.

Въ часъ дня депутаты сошлись на засѣданіе. Не смотря на громадныя венныя силы, сконцентрированныя для защиты Бурбонскаго дворца, на лицахъ министровъ написанъ былъ страхъ. На многихъ депутатахъ была видна форма національныхъ-гвардейцевъ. Среди большого шума и возбужденія обсуждался вопросъ о тѣхъ мѣропріятіяхъ, какія слѣдовало предпринять для подавленія вспыхнувшаго возстанія. Одинъ изъ депутатовъ, генераль Лебретонъ (Lebreton), предложилъ, чтобы членамъ національнаго собранія было поручено сопровождать войска и всюду стараться, прежде чѣмъ будетъ примѣнена сила, уговорить народъ сложить оружіе. Другіе, напротивъ, предлагали, чтобы собраніе все, цѣликомъ, вмѣшалось въ дѣло прекращенія возстанія.

Въ этихъ разговорахъ проходило время и, чтобы положить конецъ безплоднымъ словопреніямъ, президентъ Сенаръ (Sénard) предложилъ палатѣ перейти къ обсужденію стоявшаго въ порядкѣ дня вопроса о выкупѣ въ собственность государства желѣзныхъ дорогъ. Депутаты, однако, не хотѣли объ этомъ и слышать. Наконецъ, уступилъ и Сенаръ общему настроенію и рѣшилъ, согласно требованію собранія, читать доклады о состояніи Парижа. Они рисовали довольно успокоительную картину, но истинное настроеніе выдавалъ тонъ оратора, читавшаго доклады. Послѣ прочтенія ихъ, на трибунѣ показалось желтое лицо Флокона. Министръ торговли поднялъ ужасный крикъ по поводу поведенія рабочихъ. Повстанцы, въ его глазахъ, были не болѣе какъ кучкой черни, подкупленной изъ-за границы монархическими партіями; они работаютъ лишь надъ тѣмъ, чтобы погубить республику и возстановить снова деспотизмъ. Послѣ Флокона на трибуну вошелъ Фаллу (Fallout), этотъ іезуитъ въ сюртукѣ. Онъ былъ докладчикомъ комиссіи, раз-

съ ругательствами по адресу возставшихъ рабочихъ, рѣчь шла о тѣхъ опасностяхъ, какія угрожаютъ буржуазной семьѣ и собственности. Авторы циркуляровъ отлично знали, что нужно ударить именно по этимъ самымъ чувствительнымъ струнамъ.

Внѣшній видъ Парижа, между тѣмъ. становился все болѣе и болѣе грознымъ. По всему было видно, что люди, стоящіе за баррикадами, рѣшились дѣйствительно на отчаянную борьбу.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возставшимъ удалось побѣдить противника. Ламорисьеръ, находившійся на площади Шато Д'о за Сенъ-Денисской заставой, чувствовалъ недостаточность своихъ силъ для продолжительнаго сопротивленія; онъ не могъ удерживать бѣшенаго напора возставшихъ, и послѣдніе упорно пробивались къ городской ратушѣ. Въ такомъ положеніи Ламорисьеръ обратился къ генералу Кавеньяку за помощью, хотя и зналъ, что послѣдній отказывалъ всѣмъ, кто обращался къ нему до того момента. На этотъ разъ, однако, и Кавеньякъ рѣшилъ отступить отъ своего правила, такъ какъ понималъ, что съ пораженіемъ Ламорисьера откроются шлюзы, черезъ которые хлынетъ неуправляемый потокъ возстанія. Поэтому около трехъ часовъ онъ самъ сѣлъ на лошадь, вмѣстѣ съ Ламартиномъ и многими другими депутатами. Его цѣлью было очистить отъ баррикадъ правый флангъ позиціи Ламорисьера и потому онъ двинулся съ своимъ отрядомъ къ предмѣстью Дю-Тамплъ.

Дойдя до того мѣста, гдѣ сходятся улицы Пьеръ-Леве, Биша и Фонтэнъ-о-Руа (Pierr-Levée, Bichat et Fontaine-au-Roi), онъ увидѣлъ передъ собой цѣлую сѣть громаднхъ баррикадъ. Въ его распоряженіи въ данный моментъ была лишь мобильная гвардія, надежность которой была въ сильномъ подозрѣніи. Но онъ рѣшилъ все-таки сдѣлать опытъ и отдалъ четвертой ротѣ двадцатаго полка гвардіи приказъ штурмовать баррикады. Мобили двинулись впередъ и повстанцы, завидѣвъ этихъ дѣтей парижскаго народа, привѣтствовали ихъ съ своихъ баррикадъ, желая тѣмъ привлечь ихъ на свою сторону. Но они ошиблись: передъ ними была подпоенная и одурманенная ложью толпа. Молодежь двинулась на штурмъ баррикадъ. Когда, однако, ихъ встрѣтили жестокимъ огнемъ изъ-за баррикадъ и изъ оконъ, они пришли въ замѣшательство и бросились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ массу труповъ. Кавеньякъ двинулъ теперь только-что прибывшій батальонъ, но всѣ семь приступовъ его были отбиты повстанцами. Не увѣнчалась успѣхомъ и попытка обойти защитниковъ баррикадъ съ тыла; войска всюду наталкивались на непреступныя баррикады. Не могла пошатнуть позицій повстанцевъ и орудійная стрѣльба, такъ какъ ядра разбивали лишь камень и мало вредили всей постройкѣ.

Такъ, уже около четырехъ часовъ длилась эта борьба, руководимая военнымъ министромъ республики. Кавеньякъ, пришедшій сюда съ цѣлью помочь генералу Ламорисьеру, принужденъ былъ самъ просить у него помощи, когда увидѣлъ

всю рискованность своего положенія. Ламорисьеръ двинулъ къ нему цѣлый полкъ и только съ его помощью министръ въ концѣ концовъ одержалъ верхъ.

Такимъ образомъ, военному министру пришлось потратить на эту борьбу почти всю вторую половину дня; оставляя же зданіе министерства, онъ заявилъ тамъ, что вернется обратно черезъ полчаса и чтобы безъ него никакихъ распоряженій не отдавалось. Это послѣднее обстоятельство поставило въ крайне непріятное положеніе двухъ членовъ Исполнительной Комиссіи, оставшихся въ министерствѣ, — Мари и Ледрю-Роллена; къ нимъ то и дѣло поступали запросы, на которые они не рѣшались давать какихъ либо опредѣленныхъ отвѣтовъ, что еще больше компрометтировало какъ ихъ самихъ, такъ и всю Исполнительную Комиссію, уже и до того все болѣе и болѣе терявшую кредитъ среди буржуазіи. „Они измѣняютъ намъ“ — не разъ пришлось имъ услышать изъ устъ раздраженныхъ національныхъ гвардейцевъ.

Какъ бы тамъ ни быдо, но вечеромъ 23 іюня, „защитникамъ порядка“ не было никакихъ причинъ для ликованія. О побѣдѣ надъ возставшими еще не могло быть и рѣчи. Генералъ Бедо, дѣйствовавшій около городской ратуши, оказался въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ Ламорисьеръ на бульварахъ.

Повстанцы, какъ мы уже сказали, приближались къ ратушѣ со стороны Пантеона. Теперь все вниманіе защитниковъ „порядка“ нужно было сосредоточить на томъ, чтобы прорвать ту цѣпь баррикадъ, которая быстро замыкалась все тѣснѣе и тѣснѣе уже по сию сторону Сены. Съ этой цѣлью генералъ Бедо разбилъ свой отрядъ на двѣ колонны; одна изъ нихъ должна была двигаться на островъ Ситэ по направленію къ собору Богоматери (Notre-Dame), другая же — черезъ островъ Ситэ и улицу Сень-Жакъ пробиться къ Пантеону *).

Борьба велась съ страшнымъ ожесточеніемъ. Не смотря, однако, на сильнѣйшую канонаду, войскамъ не удалось все-таки окончательно отбить ни одной важной позиціи. Баррикады при началѣ улицы Сень-Жакъ дважды были взяты войсками и дважды отбиты обратно повстанцами. Только послѣ часовой рукопашной схватки повстанцы отступили и очистили позицію. Борьба кипѣла теперь во всѣхъ концахъ Ситэ. Къ

*) Былъ и на этотъ разъ такой моментъ, когда, казалось, дѣло не приметъ крайняго оборота. Въ пять часовъ пополудни, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда генералъ Бедо готовился предпринять атаку, къ нему явилась депутація отъ повстанцевъ. Однако, глава депутаціи, одѣтый въ форму полковника національной гвардіи, сразу же принялъ такой тонъ, который исключалъ всякое соглашеніе. Онъ потребовалъ немедленной сдачи повстанцамъ городской ратуши и распущенія національнаго собранія. Этому хочетъ народъ и «если его желанія не будутъ исполнены добровольно, онъ добьется ихъ силой». Генералъ отвѣтилъ, что онъ признаетъ только тотъ народъ, которымъ избрано національное собраніе. Эти переговоры внесли только еще большее озлобленіе въ ряды борющихся сторонъ, и депутація съ угрозами удалась.

ней присоединились теперь и случаи убійства, простого убійства со всѣми его ужасами.

Кучка повстанцевъ, напимѣрь, укрылась въ магазинъ модныхъ товаровъ. Стоявшій во главѣ ихъ Берваль (Berval) думалъ было разрушить всѣ нижнія лѣстницы и съ верхнихъ этажей вести борьбу до послѣдняго человѣка. Однако, товарищи его воспротивились этому, полагая, что имъ не остается другого выхода, какъ сдаться и потомъ, позднѣе, предстать передъ судомъ въ качествѣ военно-плѣнныхъ; они сложили оружіе. Но они не приняли въ расчетъ того, что имѣли дѣло съ мобильной гвардіей. Въ юньскіе дни эти подонки народа играли роль самыхъ отвратительныхъ убійцъ. Они бросились въ этотъ магазинъ и убили всѣхъ, кто только попался имъ подъ руку. Съ радостнымъ ревомъ кровожадныхъ звѣрей обшаривали они всѣ углы и закоулки, прокалывая штыками все, гдѣ только можно было замѣтить или учуять присутствіе человѣка. Живымъ изъ этой кровавой бани вышелъ только одинъ человѣкъ, чтобы повѣдать міру о тѣхъ ужасахъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ.

Борьба продолжалась вплоть до наступленія ночи. Бедо былъ тяжело раненъ въ ногу, раненъ былъ также и другой генераль, Фоше (Fauchez). Страшная опасность угрожала депутатамъ Биксіо (Bixio), Клеману Тома и Дорнэ (Dornès), а войска все-таки не могли добраться до Пантеона.

Войска не имѣли никакого, сколько нибудь рѣшительнаго успѣха, напротивъ, они принуждены были даже нѣсколько отступить отъ утреннихъ позицій; народъ-же использовалъ наступившую ночь для того, чтобы къ утру укрѣпить снова тѣ баррикады, которыя были разрушены въ дневной борбѣ.

ГЛАВА XVIII.

Возстаніе утромъ 24-го іюня. — Страшное волненіе въ національномъ собраніи. — Кавеньякъ-диктаторъ. — Осадное положеніе. — Прокламаціи. — Крайнее напряженіе военныхъ силъ. — Борьба въ предмѣстьѣ Пуассоньеръ. — Генераль Ламорисьеръ въ Шато-д'о. — Какимъ образомъ разжигалась ярость солдатъ. — Умѣренность и великодушіе повстанцевъ. — Борьба около городской ратуши. — Взятіе Пантеона, истязаніе плѣнниковъ, ужасный вечеръ.

Что же долженъ былъ принести слѣдующій день? Викторъ Марукъ въ своей книгѣ „Іюньскіе дни 1848 года“, со словъ одного очевидца, набрасываетъ поразительную картину, какую представлялъ Парижъ утромъ 24-го іюня. „На одной сторонѣ Елисейскія поля, Марсово Поле, Сень-Жерменское предмѣстье, Итальянскій бульваръ, площадь Магдалины и Тюльери; на другой — предмѣстья Пуассоньеръ и Сень-Антуанъ, Сите, предмѣстья Сень-Жакъ и Сень-Марсо (St. Marceau); тамъ — богатый, здѣсь — бѣдный Парижъ. Таковы двѣ половины, вступившія въ междоусобную борьбу. Въ рабочемъ Парижѣ разворочены всѣ мостовыя, тамъ насчитывается до 414 баррикадъ, которыми загражденъ каждый кварталъ на свой собственный манеръ, безъ опредѣленнаго, продуманнаго плана. Но и въ этомъ видимомъ безпорядкѣ проглядываетъ „муниципальный инстинктъ“ *).

Ряды баррикадъ сходились по направленію къ городской ратушѣ. Онѣ подходили сюда въ видѣ радіусовъ, съ сѣвера и востока по улицамъ Сень-Дени, Сень-Мартэнъ, дю-Тамплъ, Сень-Антуанъ и др., и съ юга отъ улицы Муфетаръ (Rue Mouffetare) до Аркольскаго моста (Pont d'Arcole), такъ что таможенныя заставы (Oktrois) самыхъ отдаленныхъ пунктовъ города были связаны съ городской ратушей и населеніе, жившее въ районѣ между таможенной линіей и крѣпостной стѣной, свободно могло проникать къ центру города и становиться въ ряды борцовъ“.

Вся эта грандіозная сѣть баррикадъ не управлялась ни-

*) Подъ именемъ «муниципальнаго инстинкта» здѣсь несомнѣнно разумѣются традиціи революціонной коммуны 1793 г. Цитируемая книга была опубликована въ пятидесятыхъ годахъ, въ періодъ самой свирѣпой реакціи наполеоновской имперіи. При такихъ условіяхъ авторъ — Ипполитъ Кастиль-считалъ, видимо, нужнымъ закутывать свои мысли въ нѣкотораго рода мистическій костюмъ. «Муниципальный инстинктъ», говоритъ онъ, «проявляется при каждомъ возстаніи, какъ воспоминаніе о свободѣ, или лучше сказать, какъ послѣдняя политическая молекула, жившая еще въ душѣ повстанца».

Прим. къ нѣм. изд.

какой центральной властью. Не было никого, кто руководил бы распределением сил борющихся рабочих и посылал подкрепления из менее угрожаемых мест в те пункты, которые подвергались наибольшей опасности со стороны концентрированных военных сил. Впрочем, в отдельных местах были свои руководители, оказывавшие влияние на ход борьбы и командовавшие местными силами. Так, на улице Планшъ Мибрэ (Planche-Mibray) руководителем был один старый сапожник, по имени Вуазамберъ (Voisambert). Капитанъ

Арестъ транспорта оружія и боевыхъ припасовъ, доставляемаго инсургентамъ въ импровизированномъ катафалкѣ.

національной гвардіи Лежениссель (Legenissel) руководилъ борьбой на площади Лафайета. Вождами рабочихъ въ Сень-Антуанскомъ предмѣстьѣ были—морской лейтенантъ Фредерикъ Курнэ (Cournet) и рабочій Маршъ У Пантеона команда находилась главнымъ образомъ въ рукахъ нѣкоего Рагинара (Raguinard). Такимъ образомъ во многихъ кварталахъ и улицахъ были свои, болѣе или менѣе случайно выдвинувшіеся вожди *).

Утромъ, 24-го іюня возстаніе въ общемъ представляло еще болѣе грозную картину. чѣмъ наканунѣ. Если войскамъ и удалось овладѣть нѣсколькими баррикадами, то удержать ихъ въ своихъ рукахъ онѣ все-таки не могли. Повстанцы наносили имъ громадный уронъ и, быстро возстановляя разрушенныя позиціи, все тѣснѣе и тѣснѣе замыкали свои ряды, такъ что имъ оставалось пройти со всѣхъ трехъ сторонъ очень небольшія пространства, чтобы добраться до городской ратуши. Ихъ боевое настроеніе сильно окрѣпло, когда пришла вѣсть о томъ, что въ помощь имъ поднялось рабочее населеніе многихъ крупныхъ

*) Были различныя причины, которыя облегчали установленіе нѣкотораго руководства борьбой по округамъ. Въ рабочихъ округахъ Парижа люди знаютъ другъ друга много лучше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ крупныхъ городахъ, потому что они живутъ больше открытой, уличной жизнью. Затѣмъ, формированіе летучихъ колонъ повстанцевъ было подготовлено и военной организаціей національныхъ мастерскихъ. Наконецъ, не мало было все-таки и перебѣжчиковъ въ ряды возставшихъ со стороны національной гвардіи.

городовъ Франціи. Это вселило въ нихъ надежду на окончательную побѣду. Къ тому же въ рабочихъ кварталахъ населеніе встрѣчало ихъ всюду съ искренней и горячей симпатіей; ихъ снабжали разными напитками и хлопотали о томъ, чтобы доставать для нихъ боевыхъ припасовъ, принуждали аптекарей готовить порохъ и срывали всюду свинець для отливки пуль.

Когда нужно было переправить боевые припасы изъ одного мѣста въ другое, народная изобрѣтательность придумывала сотни средствъ, чтобы продѣлать это по возможности незамѣтно. Снаряжали, напримѣръ, цѣлыя похоронныя процессіи, гдѣ, вмѣсто покойника, въ гробу лежало оружіе для повстанцевъ. Патроны, переносились въ молочныхъ кувшинахъ, въ хлѣбѣ, а женщины для той-же цѣли представлялись даже беременными.

Это колоссальное развитіе народной силы повергло въ паническій страхъ какъ національное собраніе, такъ и членовъ правительства. Часть депутатовъ заявляла, что осталось лишь одно средство избѣжать катастрофы, это — передать Кавеньяку всю высшую власть Исполнительной Комиссіи. По ихъ словамъ, это было единственное средство и для того, чтобы утихомирить буржуазную національную гвардію, которая была страшно возстановлена противъ Комиссіи и настойчиво требовала преданія военному суду многихъ ея членовъ, въ особенности Ледрю-Роллена.

Теперь въ палатѣ образовалась новая группа, главой которой былъ президентъ собранія Сенаръ (Senard). Ея цѣлью было столкнуть Исполнительную Комиссію, гдѣ засѣдало еще слишкомъ много „безтолковыхъ головъ“.

Сенаръ, отъ имени парламентской группы улицы Пуатье и Пале-Насіоналя, потребовалъ снова отъ Комиссіи отказаться добровольно отъ власти и уступить ее Кавеньяку; это требованіе онъ заявлялъ еще при первыхъ признакахъ надвигавшейся борьбы. Однако, Исполнительная Комиссія отклонила это предложеніе, заявивъ, что было-бы позоромъ покидать постъ въ минуту опасности. Тогда заговорщики рѣшили силой добиться того, чего не хотѣла она сдѣлать добровольно.

Въ началѣ девятаго часа утрѣмъ открылось засѣданіе національнаго собранія. Тотчасъ же взялъ слово Сенаръ, чтобы изобразить положеніе дѣлъ въ Парижѣ. Не высказывая прямыхъ сомнѣній въ исходѣ борьбы, онъ заявилъ все-таки, что приходится ожидать борьбы упорной и продолжительной. Морозъ пробѣжалъ по кожѣ депутатовъ, этихъ буржуа, привыкшихъ къ пріятной, комфортабельной жизни. По предложенію своего президента они тотчасъ-же постановили, что нашія должна принять на свой счетъ содержаніе всѣхъ вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ павшихъ за республику. Затѣмъ засѣданіе было прервано и черезъ короткій промежутокъ времени открыто снова при страшномъ шумѣ спорившихъ между собою депутатовъ.

Было сказано нѣсколько безсвязныхъ рѣчей. Кавеньякъ

въ это время ходилъ по залу взадъ и впередъ. И вдругъ, какъ бы для того, чтобы прекратить эту пустую болтовню, онъ круто оборвалъ рѣчь одного оратора, крикнувъ: „Что вы дѣлаете? Вы все еще толкуете. Но развѣ вамъ не извѣстно, что дѣло идетъ не о простомъ бунтѣ? Совершается революція. Поставившая на ноги весь Парижъ, и черезъ часъ повстанцы будутъ уже здѣсь“.

Слова эти подѣйствовали подобно маслу, подлитому въ огонь; депутаты были теперь рѣшительно выбиты изъ колеи. Были внесены разнообразныя предложенія. Одно требовало ограниченія публичности засѣданій и тайныхъ засѣданій; оно было отклонено. Тогда на трибуну вскочилъ молодой депутатъ Паскаль Дюпра (Pascal Duprat), чтобы нанести рѣшительный ударъ Исполнительной Комиссiи. Онъ заявилъ: „Я предлагаю національному собранію принять слѣдующую резолюцію: Парижъ объявляется въ осадномъ положеніи. Вся исполнительная власть вручается генералу Кавеньяку“.

Несмотря на нѣкоторыя возраженія, собраніе очень быстро приступило къ голосованію, и предложеніе было принято. Противъ него отважились голосовать лишь шестьдесятъ человѣкъ. Кавеньякъ— „мясникъ“ достигъ своей цѣли. Дѣло было обдѣлано такъ, какъ онъ и предполагалъ раньше. Исполнительная Комиссiя тотчасъ-же подала въ отставку. Однимъ ударомъ достигъ Кавеньянъ диктатуры, которой жаждалъ онъ такъ страстно; теперь не нужна уже была ему осторожность, съ какой выступалъ онъ до того. Теперь нужно было лишь какъ можно рѣшительнѣе расправиться съ возстаніемъ, чтобы дать случай поздравить себя съ удачнымъ выборомъ тѣмъ людямъ, которые вознесли его такъ высоко. И вотъ наступило господство штыка. когда все зависитъ отъ грубой силы. Вся передовая печать подверглась жестокимъ гоненіямъ.

Диктаторъ счелъ нужнымъ прежде всего укрыться подъ сѣнь красивой фразы. Онъ выпустилъ прокламаціи къ арміи, къ національной гвардіи и даже къ рабочимъ. Въ прокламаціи къ арміи онъ хотѣлъ выставить во всемъ блескѣ свой благородный образъ мыслей, имѣя при этомъ въ виду очевидно республиканцевъ, которые не безъ серьезныхъ опасеній согласились на его диктатуру. Онъ писалъ: „Солдаты, къ вамъ взываетъ отечество! Ужасна и жестока та война, которую придется теперь вамъ вести, однако на этотъ разъ вы не являетесь по крайней мѣрѣ печальнымъ орудіемъ деспотизма и измѣны. Мужайтесь, солдаты! Берите въ примѣръ благоразуміе и преданность вашихъ согражданъ; будьте вѣрны правиламъ чести и человѣчности, будьте вѣрны республикѣ. Мы хотимъ умереть за нее, а не пережить ее.“

Бѣдные солдаты! имъ приходилось на этотъ разъ быть орудіемъ въ значительно болѣе грязныхъ рукахъ, чѣмъ прежде.

Въ своемъ обращеніи къ національной гвардіи Кавеньянъ пѣлъ, конечно, старыя пѣсни о семьѣ, порядкѣ и всѣхъ опасностяхъ, угрожающихъ собственности. Онъ обѣщалъ, что

кровь гвардіи будетъ пролита не напрасно, и эти слова должны были вызвать кривую улыбку на лицахъ многихъ изъ числа этихъ господъ буржуа.

Но высшей степени безстыдства достигъ онъ въ своемъ воззваніи къ повстанцамъ, гдѣ онъ говорилъ; „Сограждане! Вы думаете, что боретесь за интересы рабочихъ, но въ дѣйствительности вы выступаете противъ ихъ интересовъ. На ваши-же собственные головы падетъ вся пролитая кровь. Если эта борьба продолжится еще и дольше, она явится угрозой самой республикѣ, торжество которой вы хотите отстоять. Во имя залитаго кровью отечества, во имя республики, корни которой вы подрубаете, во имя работы, которой требуете вы и въ которой вамъ никогда не было отказа—не оправдайте надеждъ нашихъ общихъ враговъ, сложите свое братоубійственное оружіе и надѣйтесь на правительство, которому извѣстно, что въ вашихъ рядахъ есть кучка преступныхъ подстрекателей, но оно знаетъ въ то-же время, что тамъ есть и заблудшіе братья, которыхъ оно призываетъ вернуться въ лоно отечества“.

Такъ говорили съ рабочими языкомъ тѣхъ рѣчей, которыя произносилъ, съ одобренія большинства палаты, іезуитъ Фаллу. Народъ, рѣшившій бороться на жизнь и смерть, отвѣтилъ на эти рѣчи съ высоты своихъ баррикадъ.

Во многихъ пунктахъ стрѣльба не прекращалась и ночью, а поутру, часовъ съ десяти, борьба началась съ новой силой. Однимъ рѣшительнымъ ударомъ всѣхъ старались прорвать цѣпь защитниковъ позицій. Всѣ силы, какъ и наканунѣ, были направлены на три главныхъ пункта—на путь, ведущій въ предмѣстья Пуассоньеръ и Сень-Дени, на островъ Ситэ и на кварталъ, въ которомъ расположенъ Пантеонъ.

Скоро борьба кипѣла уже со всей силой. Парижъ дрожалъ отъ грома непрерывной канонады.

Осаждающіе и осажденные сражались съ одинаковымъ упорствомъ. Второй легіонъ національной гвардіи въ теченіе многихъ часовъ осаждалъ одну и ту же баррикаду въ предмѣстии Пуассоньеръ и страшное сопротивление со стороны ея защитниковъ ослабило его въ конецъ. Повстанцы отстрѣливались не только изъ-за грудь камней, они занимали всѣ прилегающія къ мѣсту зданія, что давало имъ значительныя преимущества въ борьбѣ; при всякомъ набѣгѣ солдатъ, съ крышъ и изъ оконъ открывался убіивственный перекрестный огонь, подъ которымъ солдаты нерѣдко обращались въ безпорядочное бѣгство. Только къ вечеру, когда подошло значительное подкрѣпленіе, второму легіону удалось справиться съ баррикадой. Онъ взялъ также площадь Лафайета, которая наканунѣ съ бою была занята повстанцами, но удержать ее въ своихъ рукахъ легіонъ не могъ и на этотъ разъ.

Противъ предмѣстья Сень-Дени дѣйствовалъ генераль Кортъ (Korte); но не смотря на всѣ его усилія и страшную канонаду, ему не удалось все-таки оттѣснить возставшихъ

Онъ былъ раненъ въ руку, а другой генераль, пришедшій ему на помощь, оказался раненымъ въ ногу.

Какъ мы уже знаемъ, главная квартира генерала Ламорисьера находилась на площади Шато-Д'о. Его задачей было отбѣснить повстанцевъ въ предмѣстьѣ Дю-Тамплъ и двигаться по направленію къ округу Ла-Виллетъ (La-Villete). Но онъ имѣлъ такъ же мало успѣха, какъ и большинство другихъ генераловъ. Какъ и въ прочихъ мѣстахъ, повстанцы за ночь снова овладѣли частями улицъ, которыя наканунѣ были отняты у нихъ и укрѣпились въ нихъ еще сильнѣе. Ламорисьеръ рвалъ и металлъ отъ ярости, что ему не удалось до сихъ поръ выполнить своей задачи. Онъ кричалъ объ измѣнѣ и набрасывался съ проклятіями на окружающихъ, на національную гвардію и дирекцію національныхъ мастерскихъ. Измѣну послѣдней онъ видѣлъ въ томъ, что она уже послѣ начала борьбы выдала черезъ десятниковъ плату многимъ рабочимъ, находившимся уже на баррикадахъ; это было слѣлано съ цѣлью умиротворить и отвлечь отъ борьбы возможно больше рабочихъ *). Ламорисьеръ потребовалъ привести къ нему директора Лалана (Lalanne), чтобы его разстрѣлять; той же участи долженъ былъ подвергнуться и одинъ изъ высшихъ офицеровъ національной гвардіи, который по ошибкѣ приказалъ потушить пожаръ въ домѣ, подвергнутомъ бомбардировкѣ. Въ ярости Ламорисьеръ готовъ былъ вообще разстрѣлять всѣхъ и вся, даже цѣлые отряды національной гвардіи, которые не умѣли какъ слѣдуетъ поддерживать непрерывный огонь; на этой послѣдней мысли генераль прямо почти помѣшался.

Его нервозность пердалась въ концѣ концовъ и войскамъ, и въ результатѣ было то, что, вмѣсто планомѣрнаго боевого наступленія, дѣятельность ихъ приняла характеръ дикаго разрушенія. Дома обстрѣливались изъ крупныхъ орудій, въ нихъ пробивались бреши, чтобы можно было пробраться въ тылъ повстанцамъ. Бомбы и гранаты разрывали толстѣйшія стѣны, коверкали крыши и разливали всюду громадный пожаръ, охватывавшій все большую и большую площадь. Результаты, достигнутыя войсками, однако, далеко не соответствовали такимъ дикимъ, варварскимъ приемамъ борьбы. Послѣ цѣлаго дня битвы Ламорисьеру удалось укрѣпиться лишь въ одномъ таможенномъ складѣ, по пути къ округу Ла-Виллетъ.

Повстанцы защищались, какъ львы. Ихъ отчаянное положеніе только удваивало ихъ силы. Ничто не могло заставить ихъ отказаться отъ борьбы. Слишкомъ часто и жестоко обманывали ихъ, чтобы они могли теперь безъ иронической улыбки встрѣтить всѣ и всяческія обѣщанія, которыя расточались передъ ними. Они знали и то, что на милость разсчитывать имъ не приходится и потому неудержимо двигались впередъ, чтобы скорѣе умереть въ борьбѣ, чѣмъ дать перебить себя, какъ скотъ на бойнѣ. Какихъ только слуховъ не пускалось въ ходъ для того, чтобы разжечь ярость солдатъ! „На одной баррикадѣ

*) Приказъ объ этомъ исходилъ отъ Кавеньяка и Сенара.

видѣли цѣлый рядъ отрѣзанныхъ солдатскихъ головъ“, писали нѣкоторые органы реакціи, опьяненные фанатизмомъ кровавой мести. „Маркитантки изъ лагеря возставшихъ продаютъ солдатамъ мобильную гвардіи отравленную водку“. „Повстанцы :арѣзаютъ свои пули и обмакиваютъ ихъ въ ядовитый растворъ“... „Они обмазываютъ мобильныхъ гвардейцевъ смолой и, какъ римскіе императоры, дѣлаютъ изъ нихъ живые факелы. Изъ солдатскихъ череповъ они устраиваютъ плошки для иллюминаціи, а женщины кладутъ раненыхъ мобиль-гвардейцевъ между двухъ досокъ и забавляются ихъ раздавливаніемъ“.

Этой-то презрѣнной клеветой реакція старалась представить повстанцевъ въ видѣ шайки какикъ-то изверговъ человѣческаго рода*); матеріаль относительно этого собранъ для вѣчнаго назиданія потомству Ипполитомъ Кастиль въ его книгѣ: „Исторія второй республики“. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили подобныя выдумки на солдатъ, и безъ того уже страшно озлобленныхъ. Въ пылу борьбы, подъ вліяніемъ паровъ алкоголя и въ пороховомъ дыму они могли повѣрить всему. Достаточно было какого-либо случайнаго повода, чтобы разнуждать ихъ природную дикость и направить ее на тѣ-же самыя жестокости по отношенію къ плѣннымъ повстанцамъ, которымъ подвергались яко-бы солдаты въ рукахъ послѣднихъ. Нужно считать еще очень снисходительными національныхъ и мобильныхъ гвардейцевъ, которые просто разстрѣливали своихъ плѣнниковъ.

За весь день 24 іюня Ламорисьеръ лишь очень мало подвинулся впередъ, несмотря на громадныя усилія его войскъ; но возстаніе за то сдѣлало въ восьмомъ городскомъ округѣ крупныя успѣхи. Повстанцамъ удалось счастливо отразить всѣ атаки также въ шестомъ, седьмомъ и девятомъ округахъ. Въ восьмомъ округѣ они овладѣли Вогезской площадью (Place des Vosges), расположенной недалеко отъ площади Бастиліи, затѣмъ—взяли мэрію, на которой водрузили красное знамя; вообще со второго дня борьбы красное знамя развѣвалось почти на всѣхъ баррикадахъ. Въ руки повстанцевъ сдались триста пятьдесятъ пѣхотинцевъ, которые были немедленно отпущены на свободу, какъ только сдали свое оружіе. Рабочіе, эти „отъявленные грабители“ распорядились наложить печати на тѣ шкафы въ мэріи, въ которыхъ находились деньги. Извѣстный Локолонъ (Locollogne), редакторъ радикальной газеты „Организация Труда“, („L'Organisation du Travail“) былъ назначенъ мэромъ этого округа. По словамъ Виктора Марука, былъ взятъ и коллежъ Генриха IV. Геройскіе борцы, уже много часовъ не бравшіе въ ротъ ни крошки хлѣба, не позволили себѣ отнять и куска его у дѣтей, жившихъ здѣсь: такъ благородны были эти бѣдные голыши.

Но никакое великодушіе рабочихъ не могло остановить

*) Главными авторами ея были два органа монархической клики «Constitutionnel» и «Patrie».

Битва около Пантеона.

Бомбардировка Пантеона.

Фурси (Fourcy). Еще болѣе трагическій конецъ постигъ генерала Бреа (Bréa), заступившаго его въ командованіи войсками.

Ночь, наконецъ, набросила свое покрывало на всѣ эти ужасы самой страшной классово́й борьбы изъ бывшихъ до сихъ поръ. Еще ужаснѣе вырисовывалась эта картина пролитой крови подъ покровомъ ночи, еще лихорадочнѣе билось сердце великаго народа въ ожиданіяхъ исхода кровавой борьбы, и ему было теперь не до сна. Если у Пантеона возстаніе было раздавлено, то вѣдь во всемъ остальномъ Парижѣ оно не сдало еще своихъ позицій. Для нападающей стороны каждый ея шагъ впередъ покупался дорогой цѣной, цѣной крови.

Въ этотъ день возстаніе сдѣлало попытку организовать въ опредѣленную, законмѣрную форму. На баррикадахъ по рукамъ ходилъ списокъ лицъ, которыя должны были составить изъ себя новое временное правительство. Здѣсь стояли имена Бланки, Барбе, Кабе, Распайля, Пьера Леру, Луи-Блана, Альбера, *Луи Бонапарта* (!), Коссидьера и другихъ.

Такимъ образомъ, возстаніе совсѣмъ не чувствовало себя побѣжденнымъ.

ГЛАВА XIX.

Непоколебимое сопротивление народа начинает пугать реакцію. — Прокламация Кавеньяка и декретъ національнаго собранія. — Выступленіе генерала Бреа. — Его попытки возстановить миръ. — Его смерть. — Лѣвый берегъ Сены весь отнять у повстанцевъ. — Борьба на правомъ берегу. — Двѣ баррикады, описанныя у Виктора Гюго. — Битва около городской ратуши. — На площади Бастиліи. — Мѣстность Кло-Сенъ-Лазаръ (Clos St-Lazare). — Ламеннѣ поднимаетъ свой голосъ. — Возстаніе, тѣснимое со всѣхъ сторонъ, начинается приходять къ концу.

Неукротимая энергія возставшаго парижскаго пролетаріата, его отчаянное и несокрушимое мужество нагнали немалый страхъ на его враговъ, которые полагали, что для подавленія возстанія достаточно будетъ лишь нѣсколько атакъ регулярныхъ войскъ. Они совсѣмъ забыли тотъ урокъ, который былъ данъ ліонскими событіями 1831 года, и не имѣли никакого понятія о томъ, что значитъ борьба, на которую нужда и страданія погналы народныя массы.

На ряду съ революціями политическаго характера, по крайней мѣрѣ по внѣшности, въ которыхъ дѣйствующими лицами выступали люди изъ самыхъ разнообразныхъ классовъ общества, въ то время знали еще только народныя возстанія въ формѣ неорганизованнаго мятежа; ихъ корнемъ были сплошь и рядомъ заговоры съ небольшимъ числомъ участниковъ, и потому подавлять ихъ всякій разъ не представляло особеннаго труда.

До сихъ поръ господамъ положенія еще ни разу не приходилось встрѣтиться лицомъ къ лицу со всѣмъ рабочимъ классомъ столицы, со всѣмъ населеніемъ, которымъ руководило грозное рѣшеніе лучше умереть за нагроможденными кучами камня, чѣмъ отказаться отъ своего священнаго права на трудъ.

Исходъ борьбы, принявшей такой грандіозный размѣръ, казался все еще сомнительнымъ, несмотря на тотъ частичный успѣхъ, который имѣли войска въ теченіе 24-го іюня.

Боязнь со стороны буржуазіи возможной побѣды возстанія начинала видимо, овладѣвать и самимъ Кавеньякомъ, хотя онъ и получилъ подкрѣпленія въ видѣ регулярныхъ войскъ и національной гвардіи изъ ближайшихъ провинцій; по крайней мѣрѣ 25-го утромъ онъ попытался ослабить силу сопротивления рабочихъ особой прокламаціей, гдѣ онъ говоритъ: „Въ послѣдній разъ

заклинаю васъ рабочіе и всѣхъ тѣхъ, кто съ оружіемъ въ рукахъ возсталъ противъ отечества и республики: во имя всего святаго для человѣка—сложите ваше оружіе! Этого требуетъ отъ васъ національное собраніе и вся нація. Вамъ говорятъ, что васъ ждетъ жестокая месть. Такъ могутъ говорить только ваши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наши враги. Вамъ говорятъ, будто вы преспокойно будете принесены въ жертву! Придите къ намъ, придите, какъ раскаявшіеся братья, подчинитесь закону, и республика приметъ васъ въ свои объятія“.

Національное собраніе, повидимому, также нѣсколько колебалось въ своихъ надеждахъ на силу штыка, который съ такой заботливостью оттачивался за послѣдніе три мѣсяца. Оно надѣялось хоть отчасти ослабить отчаянный напоръ возстанія, подавши милостыню изголодавшимся рабочимъ; съ этой цѣлью оно въ засѣданіи 25-го іюня разрѣшило кредитъ въ три милліона для помощи нуждающимся.

Однако, рабочіе слишкомъ сильно были проникнуты инстинктивнымъ сознаніемъ своей правоты и слишкомъ сильно оскорблены въ своихъ ожиданіяхъ, чтобы безъ презрительной насмѣшки встрѣтить всѣ эти заигрыванія. Да и Кавеньякъ не сталъ слишкомъ долго ожидать результатовъ своей прокламаціи и того вліянія, которое окажетъ на рабочихъ рѣшеніе національнаго собранія. Уже въ одиннадцать часовъ онъ отдалъ приказъ снова начать наступленіе во всѣхъ пунктахъ города.

Повстанцы почти совершенно были вытѣснены изъ той части внутренняго города, гдѣ на лѣвомъ берегу Сены былъ расположенъ Пантеонъ. Какъ мы уже говорили, команда тамъ перешла въ руки стараго вояки генерала Бреа, замѣнившаго смертельно раненаго генерала Дамема. Въ тотъ моментъ, когда былъ полученъ приказъ о наступленіи, задача состояла лишь въ томъ, чтобы изгнать повстанцевъ изъ ихъ послѣднихъ убѣжищъ этой части города. Въ противоположность Ламорисьеру, генераль Бреа съ ходомъ борьбы все болѣе склонялся къ тому, чтобы по возможности избѣгать кровопролитія. Онъ надѣялся, повидимому, выполнить свою задачу безъ всякаго участія оружія, одними лишь переговорами съ баррикадными борцами. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ подходилъ онъ къ баррикадамъ и уговаривалъ прекратить вражду. При этомъ онъ, главнымъ образомъ, указывалъ на только что ассигнованные три милліона и на доброжелательное отношеніе національнаго собранія къ требованіямъ рабочихъ. Съ такими рѣчами ему дѣйствительно удавалось прокладывать себѣ дорогу безъ борьбы и много баррикадъ были сданы добровольно.

Иначе вышло, однако, у таможенной заставы Фонтенебло (Fontainebleau), гдѣ сходятся бульваръ Госпиталя (de l'Hôpital,) улица Муффетаръ (Mouffetard) и бульваръ Де-Гобеланъ (Gobelins). Площадь, образуемая ими, была заграждена массою баррикадъ и превращена буквально въ крѣпость. Особенно сильно была устроена баррикада, стоявшая какъ разъ противъ воротъ; строители оставили съ одной стороны

ея узкій проходъ, чтобы пройти одному человѣку. Передъ баррикадой господствовала тишина, затишье передъ бурей. Изрѣдка вынырнетъ изъ прохода вооруженная фигура рабочаго—и, осмотрѣвъ мѣстность, быстро скроется обратно. Генераль Бреа оставилъ свою батарею и отправился впередъ для переговоровъ съ повстанцами, какъ и ранѣе въ другихъ мѣстахъ. На верху баррикады также появилась кучка рабочихъ, дѣлавшихъ знаки о томъ, что желаютъ его выслушать. Генераль и тутъ повелъ рѣчь о трехъ милліонахъ и, повидимому, встрѣтилъ сочувствіе въ слушателяхъ. „Пойдемте съ нами“, сказалъ одинъ изъ повстанцевъ, „тамъ легко будетъ вамъ столкнуться съ нашими главарями...“ Генераль безъ колебаній рѣшилъ послѣдовать этому приглашенію, но его удержалъ командиръ двѣнадцатаго легіона національной гвардіи, который хотѣлъ раньше удостовѣриться, что за народъ былъ тамъ, за баррикадой. Съ этой цѣлью онъ отважился первымъ пролѣзть въ узкій проходъ, но быстро вернулся обратно, заявивъ генералу, что было-бы чистымъ безуміемъ ввѣрять свою судьбу людямъ, которые менѣе всего склонны къ примиренію. Однако, генераль не послушалъ этихъ предостереженій и хотѣлъ было уже одинъ итти за баррикаду, но это устыдило нѣкоторыхъ офицеровъ и они примкнули къ нему.

Но черезъ нѣсколько шаговъ имъ стало уже ясно, что дѣло идетъ о жизни или смерти. За ихъ спинами была спущена рѣшетка и обратный выходъ былъ отрѣзанъ; ихъ медленно окружила толпа, съ криками: „Они въ нашихъ рукахъ, разстрѣляемъ ихъ, это - Кавеньянъ, палачъ-Кавеньянъ, смерть ему!“; другіе-же кричали: „Нѣтъ, нѣтъ, не надо крови, не надо!“

Плѣнники были отведены въ ближайшій домъ тѣми изъ рабочихъ, которые считали генерала за человѣка добраго и желали спасти его.

Толпа, однако, ворвалась во дворъ и намѣревалась выломать двери, чтобы снова овладѣть этой жертвой междоусобія. Въ виду этого рабочіе вывели генерала въ садъ и уговаривали его спастись бѣгствомъ черезъ стѣну. Одинъ изъ лейтенантовъ, сопровождавшихъ генерала, немедленно послѣдовалъ этому совѣту. Самъ же генераль медлилъ, какъ и его спутникъ, комендантъ Гоберъ (Gobert), рѣшившій раздѣлить судьбу генерала. Въ концѣ концовъ Бреа рѣшился бѣжать; однако, было уже поздно; двери рухнули подъ напоромъ толпы и въ садъ ворвалась масса народа. Генерала схватили и поволокли во второй этажъ дома. Здѣсь, для умиротворенія разбушевавшихся страстей, генераль написалъ: „Мы, нижеподписавшіеся, генераль Бреа, полковникъ Тома (Thomas), депутатъ палаты де-Людръ (de Ludre), заявляемъ, что прибыли къ заставѣ съ тою цѣлью, чтобы объявить доброму народу Парижа и его округовъ объ ассигнованіи національнымъ собраніемъ трехъ милліоновъ въ пользу нуждающихся классовъ, при чемъ національное собраніе сдѣлало это, провозгласивъ: да здравствуетъ демократиче-

ская и социальная республика!“ Когда отъ генерала потребовали отозванія войскъ, онъ прибавилъ еще: „У заставы Фонтенбло, я встрѣтилъ людей храбрыхъ, республиканцевъ и демократическихъ социалистовъ“. Затѣмъ, какъ сообщаетъ Ипполитъ Кастиль, несчастный генераль долженъ былъ приписать дрожащей рукой еще слѣдующія, послѣднія слова: „Я приказываю войскамъ вернуться тѣмъ-же путемъ, какимъ они пришли“.

Рабочіе, которые съ самаго прибытія генерала старались защитить его отъ угрожавшей опасности, отвели его въ одно зданіе, гдѣ былъ устроенъ сторожевой постъ. Они полагали, что для него здѣсь будетъ безопаснѣе. Однако, ярость народа возросла до невѣроятной степени, когда въ этотъ моментъ прибыли сюда отъ Пантеона женщины и, съ рыданіями, изобразили всѣ тѣ ужасы, какіе продѣлывали тамъ войска и мобили.

Убіеніе генерала Бреа и его адъютанта Манжена.

Они рассказывали, какъ мучали и убивали плѣнниковъ, несмотря на мольбы ихъ женъ, ползавшихъ на колѣняхъ. Народъ узналъ здѣсь еще о многихъ жестокостяхъ со стороны солдатъ и мобиль-гвардейцевъ, и все это не могло не вызвать живѣйшаго чувства мести. Народъ зналъ, что произошло наканунѣ во многихъ мѣстахъ, особенно на площади Моберъ (Maubert), гдѣ разстрѣливали плѣнныхъ, не смотря на то, что женщины ползали у ихъ ногъ съ растрепанными по вѣтру волосами, чтобы вымолить пощаду для своихъ мужей, отцовъ и

братьевъ. Ни единого голоса милосердія не услышали онѣ и кровь лилась безъ конца.

Можно представить себѣ то ожесточеніе, которое окружающая толпа чувствовала къ генералу Бреа и его сотоварищамъ! Имъ еще разъ предложили спастись бѣгствомъ черезъ проломъ въ стѣнѣ, но въ этотъ самый моментъ страшнаго возбужденія и замѣшательства былъ услышанъ вдругъ возгласъ: „Измѣна! измѣна! Сюда идетъ мобильная гвардія!“ Немедленно вслѣдъ за этимъ раздалось шесть выстрѣловъ; генералъ Бреа былъ убитъ выстрѣломъ въ голову, сдѣланнымъ однимъ субъектомъ сомнительной репутации, по имени Дѣ (Daix). Бреа зашатался и упалъ. Капитану Манжэну (Mangin) пуля попала въ затылокъ; съ страшнымъ крикомъ инстинктивно схватился онъ обѣими руками за голову. Двумъ другимъ офицерамъ, спрятавшимся подъ нары, удалось избѣжать смерти.

Сѣяли кровь и пожали убійство. За злодѣйства кроваваго генераловъ долженъ былъ расплатиться человекъ, сравнительно добросердечный *).

Реакціонеры использовали смерть генерала Бреа для того, чтобы еще больше разжечь ярость буржуазіи. „Преступленіе отдѣльныхъ лицъ“, пишетъ Даніэль Стернъ, „было поставлено въ вину всѣмъ остальнымъ“. Для подвыпившей солдатчины это былъ прекрасный поводъ, чтобы безъ всякой пощады рубить революціонныхъ пролетаріевъ. Впрочемъ, войскамъ тутъ же на мѣстѣ представился случай жестоко отомстить за смерть генерала. Когда полковникъ, которому была передана команда войсками, стоявшими предъ баррикадой, получилъ приказъ генерала объ отступленіи, онъ сразу понялъ, что генералъ былъ въ плѣну. Побоявшись немедленнымъ наступленіемъ дать сигналъ къ его убійству, онъ извѣстилъ о случившемся Кавеньяка и просилъ указаній.

Кавеньякъ, однако, приказалъ передать ему, чтобы онъ

*) Нужно замѣтить, что истязаніе и разстрѣлъ человека, пришедшаго въ качествѣ посредника для умиротворенія,—было поступкомъ столь же молодушнымъ, сколь и неразумнымъ. Всѣ другіе случаи насилій были совершены во время борьбы и даже въ пылу борьбы и притомъ, главнымъ образомъ, мобиль-гвардейцами, этими подростками, вскормленными Парижемъ. И у парламентаревъ повстанцевъ ни одинъ даже волосъ не былъ тронутъ. Почти всѣ исторіи июньской борьбы, симпатизировавшіе повстанцамъ указываютъ на то, что населеніе кварталовъ, гдѣ былъ убитъ Бреа, принадлежало, въ дѣйствительности къ отбросамъ рабочаго класса столицы. Характерно то, что здѣсь, на бульварѣ Дел Опиталь, находились крупныя скотобойни; затѣмъ — руководителями борьбы на этихъ баррикадахъ были: одинъ пастухъ, другой — трактирный завсегдатай и третій — завѣдомый агентъ бонапартистовъ, извѣстный «рабочій» Ларъ (*Lahr*).

Убійство генерала Бреа повредило дѣлу повстанцевъ болѣе, чѣмъ другія насилія изъ совершенныхъ ими; оно вызвало больше гоненій и больше жертвъ. Какого сорта было населеніе этого квартала, видно, впрочемъ, уже изъ того, что когда дѣло дошло до дѣйствительной борьбы, то ихъ столь сильно укрѣпленная баррикада была мигомъ взята войсками.

Прим. къ нѣм. изд.

немедленно приступилъ къ осадѣ. Вскорѣ захохотали пушки и баррикада была быстро взята; девять человѣкъ изъ повстанцевъ, защищавшихъ ее, были разстрѣляны, а хозяинъ постоялаго двора, укрывшій ихъ, былъ зарубленъ шашками.

На правомъ берегу Сены, въ предмѣстьяхъ Сень-Мартэнъ, Дю-Тамплъ, Сень-Марсель, затѣмъ при входѣ въ Сень-Антуанское предмѣстье и вокругъ ратуши борьба продолжалась все съ той же прежней силой. Всюду войска встрѣчали самое упорное сопротивленіе баррикадныхъ борцовъ.

Викторъ Гюго, находившійся въ мѣстахъ возстанія въ качествѣ депутата палаты, рисуетъ въ своемъ романѣ „Отверженные“ (Misérables) слѣдующую картину:

„Да будетъ намъ позволено остановить вниманіе читателя на двухъ баррикадахъ... Одна изъ нихъ заграждала доступъ въ предмѣстье Сень-Антуанъ, другая — въ предмѣстье Дю-Тамплъ. Сень-Антуанская баррикада была громаднѣйшихъ размѣровъ; вершина ея доходила до четвертаго этажа, домовъ а въ длину она простиралась до 700 футовъ. Протянувшись отъ одного угла до другого, она загоразживала широкой путь въ предмѣстье, путь, ведущій въ три улицы. Зубчатая наверху и снабженная бойницами, она опиралась на земляные валы, служившіе бастіонами; мѣстами отъ нея впередъ отходили выступы, а по бокамъ она прочно примыкала къ громадамъ домовъ предмѣстья, вырисовываясь, какъ какая то циклопическая постройка на заднемъ планѣ страшной площади (Бастиліи), выдавшей четырнадцатое іюля. Девятнадцать баррикадъ одна за другой уступами шли за этой главной баррикадой. Нужно было видѣть самому все это, чтобы почувствовать весь ужасъ страданій этихъ предмѣстій, боровшихся съ смертью, тѣхъ страданій, которыя должны были въ концѣ концовъ привести къ катастрофѣ... На баррикадѣ Сень-Антуанъ все было изпользовано какъ оружіе для борьбы. Всякая вещь, которую только можно было ударить въ голову буржуа, шла въ ходъ въ этой гражданской войнѣ.

Изъ своихъ карабиновъ защитники баррикадъ стрѣляли мелкими кусками битой посуды, костями, пуговицами и т. п. Все шло въ дѣло. На баррикадѣ не слышно было, какъ раньше, насмѣшливыхъ восклицаній, нѣтъ, — крикъ выражалъ здѣсь самое глубокое чувство. Чтобы вызвать на борьбу солдатъ, на гребнѣ баррикады время отъ времени показывался рядъ головъ и воздухъ оглашался грознымъ кличемъ повстанцевъ; надъ этимъ рядомъ былъ видѣнъ цѣлый лѣсъ ружейныхъ дулъ, сабель, кольевъ, пикъ, штыковъ и орудій мирнаго труда; въ воздухѣ развѣвалось громадное красное знамя; изъ за баррикадъ слышалась команда, воинственные напѣвы, бой барабана и плачь женщинъ... Какъ изъ kloкочущаго кратера, оттуда исходилъ шумъ и трескъ и блисталъ ружейный огонь. Духъ революціи виталъ на этой вершинѣ, съ которой звучалъ гласъ народа, какъ гласъ Божій...

Гигантская баррикада была подобна скалистому рифу, о

который должна была разбиться вся стратегія генераловъ африканской выучки... Картечь была здѣсь бесполезна, потому что послѣ нея оставались только небольшія дыры; какая же польза была стрѣлять въ эти безпорядочныя громады? При видѣ этихъ гигантскихъ укрѣпленій жутко становилось на душѣ солдатъ, привыкшихъ уже къ дикимъ сценамъ войны.

Четверть мили далѣе, съ угла старой улицы и бульвара дю-Тампль, восточнѣе площади Шато-д'О, можно было видѣть вдали, на улицѣ предмѣстья дю-Тампль, переходящей потомъ въ улицу Бельвиль (Belleville), рѣдкой величины каменную постройку, доходящую до третьяго этажа прилегающихъ зданій... Сооруженная изъ камня мостовой, стѣна стояла отвѣсно, и можно было думать, что ея строители пользовались угломѣромъ. О ея крѣпости можно было судить уже по ея высотѣ. На сѣромъ фонѣ, едва замѣтно для глаза, были правильно разставлены бойницы. Улица была совершенно безлюдна, всѣ окна и двери заколочены. Кругомъ ни души, не слышно не крика, ни шума, ни вздоха — могильная тишина. Если по временамъ на пустынной улицѣ отваживался показаться солдатъ, офицеръ или депутатъ, — въ воздухѣ слышался свистъ пули и смѣльчакъ падалъ раненымъ или мертвымъ на землю... Порохъ не тратился понапрасну и каждая пуля попадала въ свою цѣль. Изъ-за сводовъ моста, ведущаго черезъ каналъ въ улицу предмѣстья дю-Тампль, съ серьезнымъ спокойствіемъ посматривали на это страшное укрѣпленіе солдаты, приготовляясь къ борьбѣ; эта неподвижная, безчувственная каменная громада то и дѣло извергала смерть и разрушеніе... Цѣлыхъ три дня держалась эта баррикада съ восьмидесятью защитниками противъ нападений десяти тысячъ солдатъ; на четвертый день дорога къ ней была проложена съ помощью топоровъ черезъ стѣны домовъ; солдаты лѣзли по крышамъ, окружили баррикаду со всѣхъ сторонъ и она была взята. Защитники ея и не думали о бѣгствѣ и всѣ, за исключеніемъ лишь одного предводителя Бартелеми (Barthélemy), пали на мѣстѣ...

Сень-Антуанская баррикада — это несмолкаемый гулъ пальбы, напротивъ баррикада дю-Тампль — молчаніе... Одна казалась какимъ-то огненнымъ кратеромъ, другая — лишь маской... Баррикаду Сень-Антуанъ строилъ Курнэ (Cournet), баррикаду дю-Тампль — Бартелеми. И каждая вышла подобіемъ своего строителя. Высокаго роста, широкоплечій, съ румянымъ лицомъ, мозолистыми руками, съ глазами безъ всякаго лукавства и фальши, смѣлый, неустрашимый и страстный — таковъ былъ Курнэ, этотъ честный человѣкъ и неустрашимый борець... Онъ былъ морскимъ офицеромъ. Тшедушный, слабый блѣдный и молчаливый Бартелеми былъ въ молодости тѣмъ, что называютъ гамэномъ; судьба его оказалась трагичной; оскорбленный полицейскимъ сержантомъ, давшимъ ему пощечину, онъ подкараулил и убилъ своего обидчика, за что и былъ семнадцати лѣтъ сосланъ судомъ на галеры; теперь онъ только что вернулся изъ своего изгнанія, чтобы приняться за постройку

Нападеніе на предмѣстье Дю-Тамплъ у моста черезъ каналъ.

Смерть архієпископа парижскаго Аффра.

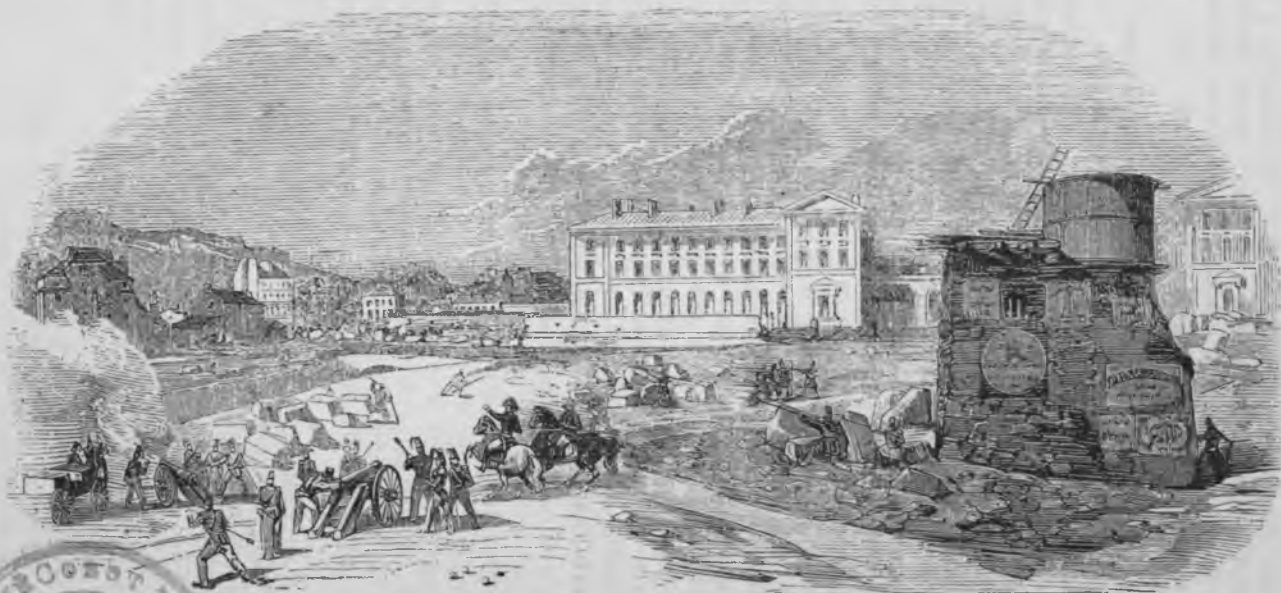
мертвымъ; та же судьба постигла и депутата Шарбонеля (Charbonnel).

Многія изъ крупныхъ войнъ не стоили регулярной арміи такого большого количества генераловъ и высшихъ офицеровъ, какъ эта уличная борьба іюньскихъ дней. Солдаты, въ глазахъ повстанцевъ, были лишь слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ истинныхъ виновниковъ кровопролитія—ихъ вождей; отсюда тотъ лозунгъ, который руководилъ каждымъ повстанцемъ: выбивать изъ строя прежде всего командировъ.

Спустя нѣсколько мгновеній послѣ смерти Нэргіе, на площади показалась странная для такихъ обстоятельствъ фигура. Къ баррикадѣ шелъ человекъ въ фіолетовой священнической рясѣ, съ крестомъ въ рукахъ. Онъ просилъ генерала Перро приостановить огонь. Перестали стрѣлять и повстанцы. Съ любопытствомъ ожидали они, что будетъ дальше. Въ войскахъ вдругъ збилъ барабанъ. „Измѣна! На баррикаду!“ раздалось немедленно въ рядахъ повстанцевъ, понявшихъ этотъ барабанный бой, какъ сигналъ къ атакѣ, и огонь начался съ новой силой. Священникъ зашатался и упалъ; это былъ парижскій архіепископъ, монсиньоръ Аффръ (Affre). Пуля поразила его *въ спину* и потому весьма вѣроятно, что она исходила изъ рядовъ солдатъ. Рабочіе тотчасъ-же приостановили пальбу и поспѣшили помочь раненому, но это ничуть не помѣшало тому, что въ послѣдствіи рабочихъ обвиняли въ убійствѣ архіепископа, пришедшаго для возстановленія мира; этимъ-же фактомъ воспользовались для того, чтобы еще больше разжечь ненависть католиковъ-солдатъ къ возставшему народу.

Въ сѣверной части Парижа дивизія Ламорисьера все-еще не могла справиться съ повстанцами въ мѣстности Кло-Сенъ-Лазарь (Clos St. Lazare). Такъ называлось обширное пространство, простиравшееся отъ улицы предмѣстья Пуассоньеръ до линии Сѣверной желѣзной дороги и отъ церкви Сенъ-Венсенъ де-Поль (St. Vincent de Paul), до заставы Пуассоньеръ. Борьба велась здѣсь также съ страшнымъ ожесточеніемъ. Она продолжалась почти непрерывноцѣлыхъ три дня. Повстанцы укрѣпились цѣлымъ рядомъ баррикадъ и засѣли въ недостроенныхъ еще домахъ. Въ полдень 25 іюня укрѣпленія Кло-Сенъ-Лазарь вырисовывались, какъ грозный вулканъ. Батареи непрерывно осыпали ихъ своимъ убійственнымъ огнемъ. „Въ концѣ концовъ дрогнули порѣдѣвшіе ряды повстанцевъ“, пишетъ Викторъ Марукъ. „Съ небольшой кучкой въ шестьдесятъ человекъ продолжалъ Бенжаменъ Ларокъ (B. Laroque) свою борьбу, но ряды храбрецовъ быстро таяли. Отчаявшись въ успѣхѣ, Ларокъ рѣшилъ идти навстрѣчу смерти. „Куда ты?“ спросилъ его одинъ рабочій. „На смерти!“ отвѣтилъ онъ въ тотъ самый моментъ, когда пули пронзили ему грудь и голову“.

Къ вечеру 25 іюня въ рукахъ генерала Ламорисьера были всѣ расположенные на возвышенностяхъ кварталы до предмѣстья Дю-тамилъ. Бартелеми попытался было вступить отъ имени повстанцевъ въ переговоры и добиться капитуляціи, однако,

Нападеніе на Кло-Сенъ-Лазаръ, 24 юня 1848 г.

въ этомъ было ему отказано. Покончить битву путемъ соглашенія,—это значило помѣшать кровавой оргіи, а, вѣдь, это противорѣчило понятіямъ африканскихъ генераловъ о воинской доблести. При всемъ томъ, стойкость этой кучки повстанцевъ и защита ими своихъ позицій были столь изумительны, что даже враги ихъ не могли отказать имъ въ своемъ уваженіи.

Ламеннэ, противникъ, по своему священническому сану,* всякаго возстанія, и тотъ не могъ воздержаться въ своемъ „Peuple Constituant“ отъ такого признанія: „Въ мѣстности Кло-Сенъ-Лазаръ борьба приняла гигантскіе размѣры; это была, по отзывамъ даже самой національной гвардіи, настоящая битва, богатая фактами геройскаго мужества и высокаго самопожертвованія. Пусть эти люди не больше, чѣмъ бунтовщики, но всякій, кто видѣлъ, какъ падали они подъ градомъ картечи, сыпавшейся на нихъ съ четырехъ сторонъ, не можетъ вспомнить о нихъ безъ удивленія. Они умирали съ возгласомъ, „да здравствуетъ республика!“

Къ вечеру 25 іюня положеніе дѣла сильно измѣнилось, сравнительно съ предшествующимъ днемъ. Теперь нельзя уже было больше утѣшать себя иллюзіями. Возстаніе было несомнѣнно подавлено. Его жизнь висѣла теперь уже на волоскѣ. Еще одинъ натискъ войскъ и все будетъ кончено.

Послѣ трехневной ожесточенной борьбы удалось, наконецъ, загнать возтаніе въ предмѣстья Дю-Тамплъ и Сенъ-Антуанъ. Теперь оставалось только дать послѣднюю битву этимъ предмѣстьямъ, сдѣлать послѣдній штурмъ.

ГЛАВА XX.

Возстаніе, осужденное на неудачу, удваиваетъ свою силу.—Передъ Сень-Антуанскимъ предмѣстьемъ.—Попытка капитуляціи.—Кавеньякъ жаждетъ крови.—Взятіе предмѣстья Дю-Тампль.—Конецъ затишья на площади Бастиліи.—Приступъ.—Сень-Антуанское предмѣстье взято.—Послѣдняя битва.—Битва прекратилась, бойня продолжается.—Всюду разстрѣлы.—Страшныя сцены въ подвалахъ Тюльери и городской ратуши.—Неслыханныя гнусности.—Народъ не забудетъ ихъ.

Повстанцы постепенно были принуждены сосредоточиться на сравнительно небольшой площади. Послѣ упорнаго сопротивленія, разстрѣлявъ всѣ свои патроны, они должны были покидать одну за другой разбитыя баррикады и шагъ за шагомъ уступать врагу политую кровью, громадную территорію.

Утромъ 26 іюня повстанцы потеряли всякую надежду на побѣду. Изъ этого можно было-бы заключить, что ихъ охватитъ глубокое уныніе и что они бросятъ безъ боя свои послѣднія укрѣпленія, чтобы бѣгствомъ спастись отъ угрожающей опасности. Въ дѣйствительности, однако, объ этомъ не было и рѣчи. Напротивъ, катастрофа, ожидавшая ихъ впереди, казалось еще больше укрѣпила ихъ рѣшимость умереть въ бою. Съ изумительнымъ мужествомъ заявили они, что лучше пасть мертвымъ за кучамякамня, чѣмъ сдать врагу. „Къ себѣ за баррикады они привели своихъ женъ и дѣтей“, говоритъ одинъ писатель; „мы не можемъ больше ихъ кормить, такъ пусть они умрутъ вмѣстѣ съ нами“ Женщины бросались навстрѣчу штыкамъ: „Вы убили нашихъ мужей и братьевъ,—убейте-же и насъ!“

Повстанцы Сень-Антуана дали поразительный примѣръ фанатической отваги. Они вывѣсили такой плакатъ:

„Къ оружію! Мы хотимъ соціальной и демократической республики. Мы хотимъ самодержавія народа. Иного желанія не можетъ и не должно быть у гражданъ республики. Но для защиты этой республики необходимо содѣйствіе всѣхъ... Это святое дѣло защиты насчитываемъ уже много жертвъ; мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили отомстить за этихъ мучениковъ или умереть. Впередъ-же, въ бой! Пусть ни одинъ изъ васъ, граждане, не отвернется отъ этого призыва! Защищая республику, мы защищаемъ и собственность! Если въ слѣпой закоснѣлости вы останетесь равнодушными при видѣ этого моря пролитой крови, то мы всѣ ляжемъ костью подъ

этотъ моментъ, то съ другой стороны мы хотимъ также сохранить за собой права французскихъ гражданъ“.

Трое депутатовъ тотчасъ-же поспѣшили подписать этотъ адресъ, добавивъ къ этимъ болѣе, чѣмъ умѣреннымъ, требованіямъ еще нѣсколько замѣчаній отъ себя. Двое изъ нихъ остались въ качествѣ заложниковъ, а третій, депутатъ Лараби, отправился въ сопровожденіи четырехъ делегатовъ повстанцевъ къ президенту Сенару; послѣдній чувствовалъ себя польщеннымъ тѣмъ, что обратились къ его посредничеству, и высказалъ склонность пойти навстрѣчу желаніямъ делегаціи, конечно—до извѣстнаго предѣла. Разсказываютъ даже, что онъ толковалъ съ делегатами о демократической и соціальной республикѣ. Однако, взять на себя отвѣтственность за соглашеніе онъ не могъ и потому отвелъ делегацію къ Кавеньяку.

Здѣсь приняли ее уже совсѣмъ иначе. Ея предложенія были выслушаны съ ледяной холодностью и грубо отвергнуты *).

Незадолго передъ тѣмъ, когда исходъ борьбы былъ еще не ясенъ, Кавеньякъ писалъ: „Республика готова принять васъ въ свои объятія“, но теперь его взгляды радикально измѣнились; побѣда вѣдь была обезпечена, а онъ хотѣлъ, чтобы она была побѣдой штыка. Входить въ соглашеніе съ мятежниками—вѣдь это значило, въ его глазахъ, признать законность этого мятежа. Этого нужно было во что бы то ни стало избѣжать. Онъ долженъ былъ принять въ расчетъ и то обстоятельство, что его слава возрастетъ куда болѣе значительно, если онъ закончитъ долгую борьбу блестящей побѣдой оружія, хотя бы и омытаго въ излишне-пролитой крови. Подобными же чувствами былъ одушевленъ и Ламорисьеръ, котораго привели почти въ бѣшенство постоянныя неудачи. Каждому, кто только заикался о посредничествѣ, онъ отказывалъ въ грубой и обидной формѣ. Онъ послалъ къ Кавеньяку депешу, въ которой заклиналъ его ни въ коемъ случаѣ не принимать капитуляцію съ какими-либо условіями. Это было бы безчестіемъ для арміи, добившейся побѣды послѣ упорной трехдневной борьбы, и она была бы деморализована такимъ исходомъ навсегда *). Кавеньякъ говорилъ съ делегатами тономъ господина положенія; онъ продиктуетъ свои условія, а переговоры вести не желаетъ. Только одно онъ могъ сказать имъ, это предостережь, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе совершенно бесполезно, и затѣмъ—разрѣшилъ продолжить перемиріе въ предмѣстьѣ Сенъ-Антуанъ до

*) По словамъ Даніеля Стернъ, эти предложенія сводились къ тому, что прежде всего должны быть освобождены всѣ взятые въ плѣнъ во время возстанія и затѣмъ, позднѣе, никто не долженъ быть арестованъ за подготовку возстанія, помимо постановленія суда. Оружіе не должно быть отобрано у повстанцевъ военной властью, а должно быть позволено имъ самимъ, въ извѣстный краткій срокъ, доставить его въ мэриі.

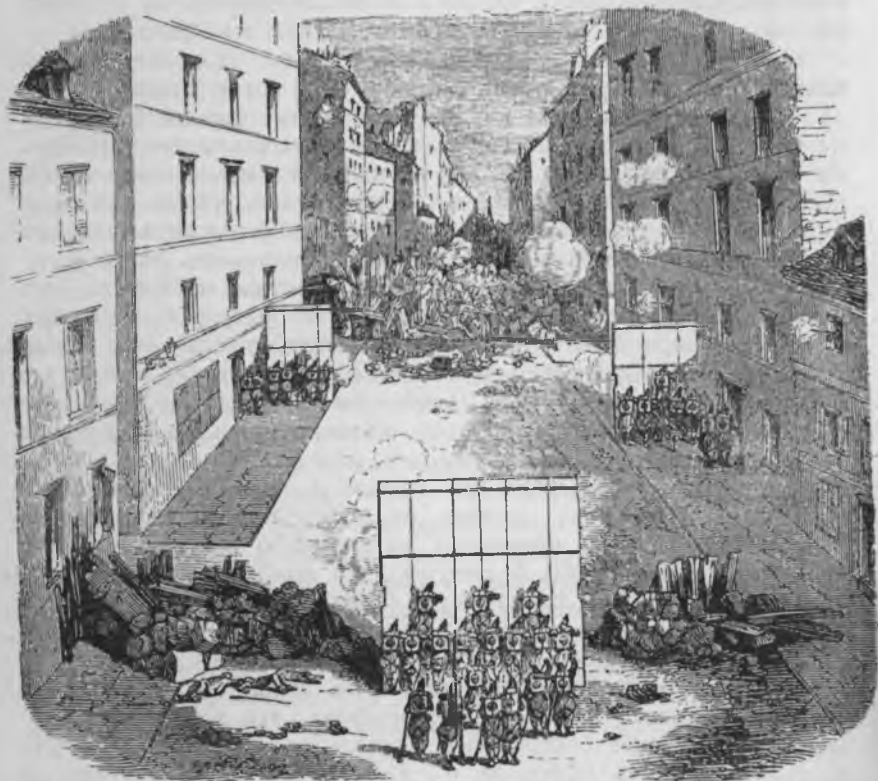
Прим. съ нѣм. изд.

*) Кавеньякъ получилъ эту депешу незадолго до переговоровъ съ делегатами.

Прим. къ нѣм. изд.

10 часовъ утра. Съ этимъ онъ отпустилъ делегацію около пяти часовъ утра.

Борьба въ предмѣстьѣ Дю-Тамплъ къ этому времени уже началась. Какъ тигръ, сторожилъ Ламорисьеръ свою жертву въ теченіи всей ночи. Въ предмѣстье двинулись двѣ колонны, — одна къ улицѣ Дю-Тамплъ, другая — вдоль улицы Ангулемъ. Съ самаго ранняго утра открылась бомбардировка этого квартала производившаяся съ берега канала, границы предмѣстья. Многіе повстанцы совершенно отчаялись въ возможности дальнѣйшей защиты и побросали свои неприступныя позиціи. Потомъ, когда отрядъ ворвался, наконецъ, въ предмѣстье, онъ нашелъ его совершенно пустымъ; стояла только та грандіозная барри-

**Искусственно защищенныя позиціи войскъ въ баррикад-
ной борьбѣ.**

када, которая описана Викторомъ Гюго. Могильная тишина, царившая здѣсь, то и дѣло нарушалась одиночными выстрѣлами, раздававшимися съ разныхъ сторонъ и, видимо, намѣренно направленными въ офицеровъ, изъ которыхъ многіе пали. Не смотря на это, отрядъ продолжалъ свой путь, стараясь все время держаться возможно ближе къ постройкамъ непопулярная всякимъ подходящимъ прикрытіемъ. Такимъ способомъ

войскамъ мало по малу удалось проникнуть въ самое сердце предмѣстья. Защитники баррикады, оказывавшіе въ теченіе трехъ дней борьбы столь отчаянное сопротивленіе, пали подъ градомъ свинца; ихъ замѣщали все новыя и новыя силы, но все было напрасно: баррикады, послѣ кровавыхъ схватокъ, сдавались одна за другой. Всѣхъ дольше держались баррикады на Ангулемской улицѣ, но къ десяти часамъ утра предмѣстье Дю-Тамплъ было занято войсками. Какъ всюду, и здѣсь начались ужасы мести. Напрасно женщины, ломая руки, бросались къ ногамъ солдатъ: они разстрѣливали всякаго, кто не сдался имъ добровольно. Если бы не вступились офицеры, плѣнники также пали бы жертвою этой мстительности.

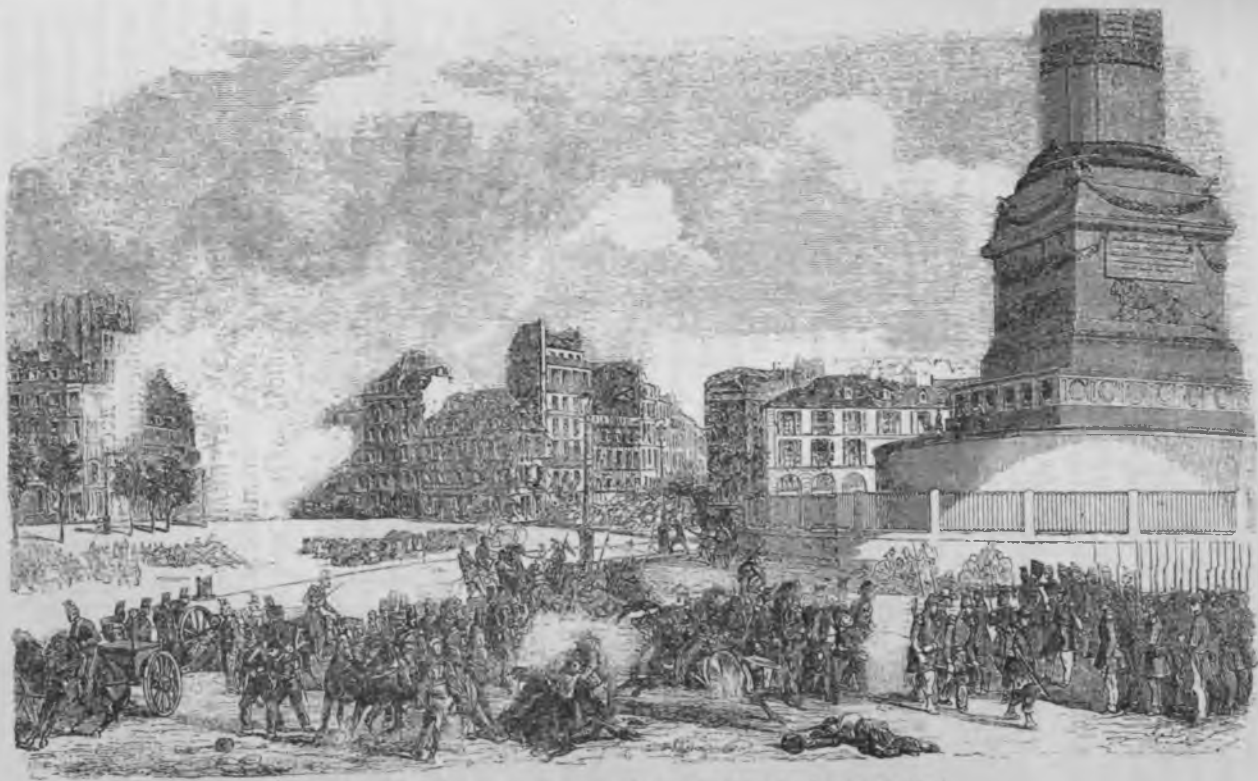
Теперь оставалось только взять Сенъ-Антуанское предмѣстье.

Съ тяжелымъ чувствомъ покинули Кавеньяка делегаты народа и направились обратно къ своимъ товарищамъ—стойкимъ защитникамъ предмѣстья, чтобы передать имъ отвѣтъ челоуѣка, которому перепуганная буржуазія поручила подавать возстаніе. Медленно, не торопясь двигались они по площади Бастиліи. Добравшись до громадной баррикады, запиравшей входъ въ предмѣстье, они съ трудомъ взобрались на ея вершину, чтобы оттуда въ страстныхъ словахъ передать людямъ, готовившимся къ послѣднему бою, что имъ нечего болѣе ждать, не на что надѣяться; имъ осталось только—или безъ всякихъ условій отдаться въ руки враговъ, или же покориться всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ пораженія.

Страшный гулъ, отчаянный крикъ народной массы вырывался изъ-за баррикады, потрясая собою всю площадь, на которой войска и мобили съ нетерпѣніемъ ожидали часа кровавой борьбы. Потомъ настала глубокая тишина,—тишина отчаянія и смертельной рѣшимости.

Часы показывали десять,—срокъ, данный делегатамъ, кончился. Генералъ Перро (Perrot), бывшій не такой кровожадной гіеной какъ Ламорисьеръ, устремилъ свой взглядъ на баррикаду въ надеждѣ увидѣть тамъ знакъ покорности повстанцевъ. На ней, однако, ничего не было видно. Онъ подождалъ еще десять минутъ. И этотъ срокъ прошелъ среди глубокой тишины. Тогда онъ отдалъ приказъ къ наступленію. Въ этотъ моментъ гдѣ-то вблизи послышалась кононада. То палилъ Ламорисьеръ, проникшій сюда изъ предмѣстья Дю-Тамплъ.

Нападеніе было бѣшенымъ, неудержимымъ. Баррикада стояла окутанная пороховымъ дымомъ и тучами пыли отъ разрывающихся снарядовъ. Нервъ обороны теперь былъ переѣзанъ. Было извѣстно, что теперь начнется осада предмѣстья со всѣхъ сторонъ, что оно окружено кольцомъ, какъ заявилъ Кавеньяка делегатамъ. Его оборона могла кончиться теперь только съ его разрушеніемъ. Видя безнадежность положенія и чувствуя недостаточность боевыхъ припасовъ, повстанцы принуждены были славать одну за другой свои наиболѣе важныя и сильныя баррикады. Покинувъ одну, они отступали за бли-

Нападеніе на предмѣстье Сенъ-Антуанъ.

лось спускаться туда, — ихъ просто сбрасывали въ эти глубокия ямы. Они падали въ мрачныя подземелья, которыя были покрыты водой, смѣшанной съ кровью и вонючей грязью. Когда переполнялись эти ужасныя темницы, когда дальнѣйшая нагрузка людскими тѣлами становилась уже невозможной, тогда стража, состоявшая изъ мобильныхъ гвардейцевъ, выволакивала оттуда кучку повстанцевъ, чтобы представить передъ балаганнымъ судомъ. Приговоръ этихъ новоиспеченныхъ „судей“, почти безъ исключенія, гласилъ: „На чистый воздухъ его“, что означало: „убейте ихъ“! И этотъ варварскій приговоръ немедленно приво-

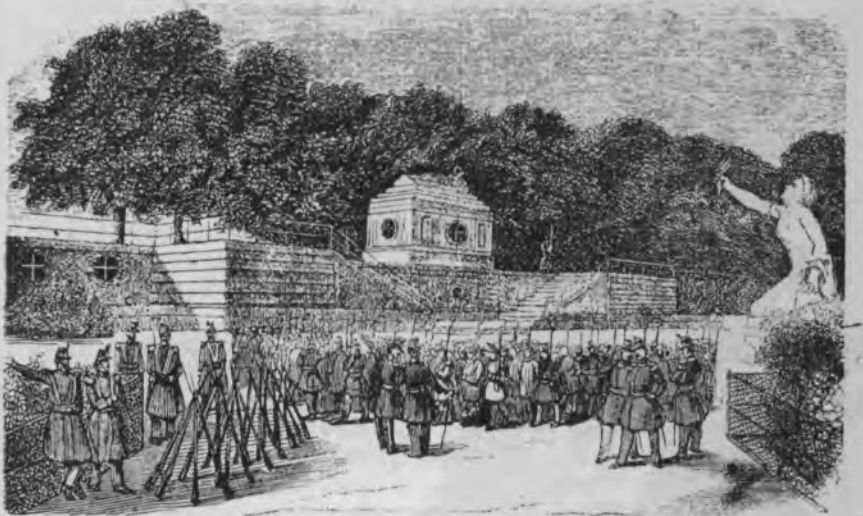
Преслѣдованіе повстанцевъ въ Монмартрскихъ каменоломняхъ.

дился въ исполненіе. Наибольшей жестокостью отличались національные гвардейцы, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые принимали активное участіе въ борьбѣ. Они приводили плѣнниковъ цѣлыми отрядами подъ разстрѣлъ мобильныхъ гвардейцевъ, и послѣдніе выполняли это дѣло съ какимъ то звѣрскимъ наслажденіемъ.

Надъ погребеніемъ труповъ убитыхъ не задумывались: волны Сены большое количество ихъ доставили въ море.

Подобно подваламъ городской ратуши, плѣнниками были наполнены и подземныя галереи, идущія отъ Тюльери до площади Согласія. Здѣсь несчастные умирали, какъ мухи. Лишен-

ные воздуха, воды и пищи, они блуждали въ совершенныхъ потемкахъ. Когда кто-либо изъ нихъ подходилъ къ рѣшеткѣ, вставленной въ узкомъ подвальномъ отверстіи, чтобы хоть нѣсколько подышать чистымъ воздухомъ и не задохнуться въ этой отвратительной ямѣ,—его встрѣчали выстрѣломъ снаружи. Одному изъ узниковъ удалось поднять голову къ этому отверстию и попросить хлѣба. „Вотъ тебѣ хлѣбъ“, отвѣчали, національный-гвардеецъ, путивъ ему въ голову пулю.

Входъ въ подземныя тюрьмы Тюльерійскаго сада.

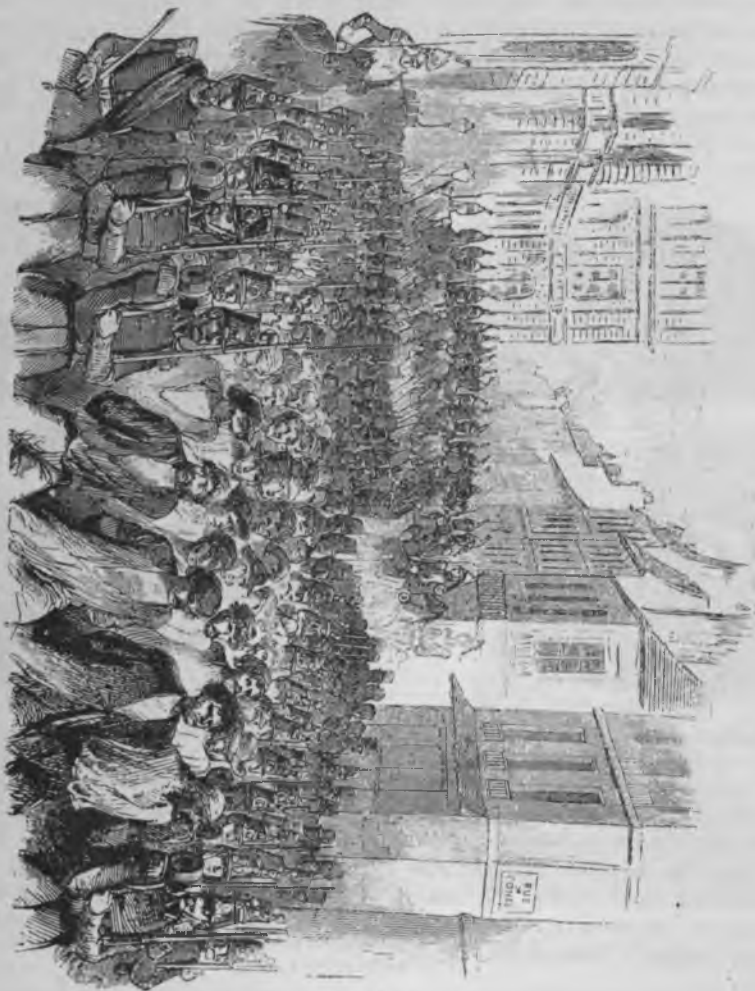
Побѣдители, однако, не довольствовались тѣмъ, что сваливали плѣнниковъ въ кучу въ глубокихъ, темныхъ погребахъ и морили ихъ голодомъ и жаждой,—они врывались еще и въ госпитали, чтобы выслѣдить тамъ раненыхъ повстанцевъ и поскорѣе покончить съ ними. Однако, у врачей хватило на столько честности, чтобы въ силу своего долга взять подъ свою защиту больныхъ *).

Истязанія плѣнниковъ стали для мобильныхъ и національныхъ гвардейцевъ своего рода любимымъ времяпрепровожденіемъ. Надо-же было доставить хоть какое-нибудь удовольствіе послѣ борьбы и этимъ защитникамъ общества! Борьба продолжалась недолго, разстрѣламъ-же не видно было и конца. Повстанцевъ приводили на площадь Карусели и здѣсь, въ отдаленномъ углу ея, отгороженномъ досками, всю ночь шелкали

*) Послѣ низверженія Коммуны 1871 года убійцы не встрѣтили уже съ этой стороны ни малѣйшаго затрудненія; тогдашніе врачи выполняли все, что отъ нихъ требовали.

ружья. Всю ночь напролетъ не прекращалась стрѣльба и люди знали, что означаетъ она: убійство.

Отрядъ плѣнныхъ повстанцевъ

По площади проводили толпу плѣнниковъ въ четыреста человѣкъ; услышавъ выстрѣлы, они думали, что и ихъ ведутъ на убой. Въ ужасѣ они рѣшили бѣжать отъ своихъ палачей и, хватая ихъ за ноги, старались свалить ихъ на землю. Тѣ начали стрѣлять въ безоружныхъ. Услышавъ стрѣльбу, стража Тюльери дала залпъ по толпѣ. Затѣмъ послѣдовала страшная сумятица. Около сотни труповъ осталось на площади, да столько же еще было перенесено въ Тюльери. Трупы были убраны въ ту-же ночь.

Чтобы изобразить всѣ тѣ гнусности, которыя творились въ эти нѣсколько дней послѣ битвы, пришлось-бы написать от-

дѣльное сочиненіе. Проявленія дикой жестокости, какую едва-ли можно было-бы подозрѣвать въ человѣкѣ, стали чѣмъ-то обычнымъ. Викторъ Марукъ собралъ много отдѣльныхъ фактовъ такого рода. Съ набережной городской ратуши мобильные-гвардейцы сбрасывали плѣнниковъ въ воду и затѣмъ стрѣляли въ нихъ. Въ городской ратушѣ плѣнныхъ вѣшали на дверныхъ крюкахъ и оконныхъ переплетахъ. На улицѣ Сэнъ-Северанъ (St.-Séverin) ворвались въ одинъ домъ и выбросили его жильцовъ изъ оконъ, заявивъ при этомъ, что они не стоятъ и одного заряда пороха. Въ казармѣ Сэнъ-Мартэнъ (St. Martin) убивали людей саблями и топорами, чтобы выстрѣлами не потревожить сонъ добрыхъ гражданъ. Въ каждомъ блузникѣ національные гвардейцы видѣли повстанца, и достаточно было появиться на улицѣ въ блузѣ, чтобы быть убитымъ!

„Въ фортѣ Бисетръ (Bicêtre)“, говоритъ Викторъ Марукъ, „кровавая бойня длилась цѣлыхъ восемь дней; когда заключенные въ казематѣ плѣнники жаловались на недостатокъ воздуха, имъ отвѣчали: „сейчасъ будетъ вамъ воздухъ“; ихъ вели, затѣмъ, въ другой казематъ и разстрѣливали... На кладбищѣ Перъ-Лашезъ (Père Lachaise) мобильные гвардейцы разстрѣливали женщинъ и дѣтей, бѣжавшихъ сюда изъ города. Они хотѣли убить даже и могильщиковъ. Въ небольшомъ сосѣднемъ лѣсу были разстрѣяны нѣсколько мужчинъ, потому что отъ нихъ пахло порохомъ“.

Въяснить точно количество жертвъ этой кровавой бойни, продолжавшейся много дней, такъ и не удалось до сихъ поръ. Убийцы какъ можно тщательнѣе старались скрыть слѣды своихъ преступленій. Англійскія газеты оцѣнивають число убитыхъ въ 50.000. Это число, несомнѣнно, преувеличено. Число павшихъ на баррикадахъ опредѣлено официально слѣдственной комиссіей въ 3.035. По свѣдѣніямъ лицъ незаинтересованныхъ число убитыхъ достигаетъ 12.000. Можно, конечно, допустить, что число застрѣленныхъ на баррикадахъ соответствуетъ официальному даннымъ. Остальные — ихъ многія тысячи — были хладнокровно перебиты самымъ отвратительнымъ образомъ. Казалось, что тогда люди задались цѣлью избавиться отъ рабочаго класса посредствомъ самыхъ безпощадныхъ массовыхъ убійствъ. „Рабочіе“, сказалъ генералъ Кавеньякъ, „сложите ваше оружіе, республика готова принять васъ въ свои объятія“. Онъ долженъ былъ-бы прибавить къ этому: „чтобы выпотрошить ваши внутренности, чтобы изрубить васъ въ куски“. Никто иной, какъ господствующіе классы, „партіи порядка“, были подстрекателями къ этой массовой бойнѣ; и достаетъ-же у нихъ послѣ этого наглости упрекать постоянно рабочій классъ въ томъ, что онъ зараженъ классовой ненавистью и духомъ разрушенія! Именно кровожадностью людей, выступавшихъ тогда противъ пролетариата, нужно объяснить отчасти тотъ фактъ, что въ столицѣ франціи до сихъ поръ живы традиціи народнаго возстанія. Послѣ мрачныхъ дней борьбы и долгихъ лѣтъ заключенія возвра-

щается человекъ изъ народа къ своему очагу и находитъ тамъ пустое мѣсто; всѣ, кто былъ ему дорогъ, пали подъ безошадными ударами защитниковъ порядка, или искалечены ими, и у него рождается глубоко затаенное чувство: придетъ время, когда раздастся кличъ объ отмщеніи за все пережитое.

Если нельзя было отомстить врагамъ теперь, то духъ мести питался и поддерживался для будущаго. Матери рассказывали своимъ дѣтямъ о пережитыхъ ужасахъ и возбуждали въ сердцахъ юныхъ пролетаріевъ страшную ненависть къ іюньскимъ побѣдителямъ. Когда сынъ становился самъ семьяниномъ, онъ грозно потрясалъ кулакомъ и мечталъ объ отмщеніи, вспоминая своего отца, убитаго въ этой борьбѣ или приговореннаго къ безкровной гильотинѣ убійственнаго климата заморскихъ колоній.

Такъ шло дѣло, пока въ одинъ прекрасный день, подъ звучный голосъ набатнаго колокола не выросли новые ряды баррикадъ изъ камня мостовой. Тѣ, кто кровью полилъ почву столицы, изъ поколѣнія въ поколѣніе пожинали неугасавшую гражданскую войну.

* * *

Примѣчаніе къ нѣмецкому изданію. Авторъ изобразилъ вѣчно памятную іюньскую борьбу съ такой страстностью, какою долженъ быть одушевленъ каждый, кто сражался на баррикадахъ или душою былъ на сторонѣ возставшихъ. Онъ смотритъ глазами современника на эту ожесточенную борьбу и на дѣйствовавшихъ въ ней лицъ. Это обстоятельство придаетъ его изображенію извѣстную теплоту и живость и потому было-бы несправедливымъ какъ по отношенію къ самому автору, такъ и читателямъ измѣнять что-либо въ набросанной здѣсь картинѣ. Мы ограничимся, поэтому, нѣсколькими пояснительными замѣчаніями въ тѣхъ рамкахъ, какія даны самимъ авторомъ, — въ надеждѣ, что этимъ мы не повредимъ основному колориту его картины.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ въ нѣсколькихъ словахъ дать критическую оцѣнку іюньской трагедіи. Что борьба эта была трагедіей, — въ томъ не можетъ быть никакого спора, и притомъ — одной изъ самыхъ потрясающихъ трагедій, какую можетъ только нарисовать творческая фантазія. Говоря это, мы имѣемъ въ виду не только количество жертвъ, безжалостно убитыхъ и сосланныхъ, но и тѣ страшныя душевныя муки, которыя суждено было вынести лучшимъ борцамъ этихъ дней. Содержаніе этой трагедіи не исчерпывается простой характеристикой ея, какъ кроваваго эпизода классовой борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ. Она не представляетъ собою чистаго образчика классовой борьбы.

И это не потому только, что противъ баррикадъ сражались также и рабочіе, а ихъ отстаивали также и представители буржуазіи. Между классами никогда не бываетъ такого абсолютнаго раздѣленія, чтобы въ моменты активнаго выступленія классовая

партія не содержала въ своихъ рядахъ элементовъ изъ другихъ чуждыхъ классовъ. Но въ іюнѣ 1848 года противъ пролетарской революціонной партіи выступали люди, дальнѣйшая жизнь и поведеніе которыхъ показали, что они всѣми своими чувствами и мыслями были болѣе на сторонѣ рабочаго класса, чѣмъ на сторонѣ привилегированныхъ,—люди, которые при иныхъ условіяхъ рѣшительно встали бы на сторону рабочихъ. Съ другой стороны, были и такія личности, которыя хотя и не сопровождали рабочихъ на баррикады, но *знали* ихъ все-таки туда, между тѣмъ какъ дѣйствительная, не мимолетная только, побѣда рабочихъ была бы для этихъ господъ одной изъ самыхъ неприятныхъ вещей въ мірѣ. Это—образчикъ классовой борьбы, вызванной взрывомъ страстей, которыя по большей части не коренились въ классовыхъ противорѣчіяхъ, или, по крайней мѣрѣ,—въ классовыхъ противорѣчіяхъ, нашедшихъ свое выраженіе въ іюньской борьбѣ и все еще имѣющихъ историческое значеніе. Немедленное распушеніе національныхъ мастерскихъ совсѣмъ не диктовалось жизненными интересами буржуазіи, какъ таковой, а сохраненіе ихъ въ такой формѣ, какую онѣ имѣли, совсѣмъ не было жизненнымъ интересомъ пролетаріата.

Мастерскія переросли своихъ основателей. Они думали сдѣлать изъ нихъ казарму резервной арміи для буржуазной республики, а онѣ оказалась средоточіемъ революціоннаго социализма и бонапартизма. При другихъ условіяхъ онѣ были бы послѣ этого съ возможной осторожностью, шагъ за шагомъ преобразованы въ иную форму, и это преобразованіе могло бы привести лишь къ демонстраціи, а не къ отчаянному возстанію. Не то—въ революціонный моментъ, когда каждый лишній день можетъ стоить потери позицій для партіи и ея вождей; въ такой моментъ самое быстрое рѣшеніе вопроса кажется и самымъ лучшимъ. Можно сомнѣваться въ томъ, что люди, провозгласившіе лозунгъ: „нужно положить конецъ этому положенію вещей“, дѣйствительно мечтали о массовомъ избіеніи рабочихъ. Они строили, можетъ быть, свои расчеты на попыткѣ рабочихъ силой отстоять свое дѣло, но едва ли они предвидѣли, какой гигантскій размѣръ приметъ возстаніе. Исходъ столкновенія 15 мая давалъ надежду на то, что и теперь легко будетъ подавить возможное возстаніе. Въ тотъ день не было пролито ни капли крови и мыльный пузырь разгона національнаго собранія революціоннымъ Парижемъ лопнулъ самъ собой.

Во всякомъ случаѣ будетъ осторожнѣе не особенно полагаться на сообщенія о событіяхъ тѣхъ дней, идущія отъ приверженцевъ партій. Въ раздраженномъ состояніи, охватившемъ умы, объективное обсужденіе вещей было невозможно. Легко возбуждающемуся, одаренному удивительной смѣсью легковѣрія и подозрительности, французскому характеру событія не могли казаться въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Путь, по которому шелъ тотъ или иной дѣятель революціи подъ влияніемъ развивающихся событій, подъ дѣйствіемъ страстей и предразсудковъ,—враги принимали, какъ заранѣе предначертанный планъ

дѣйствій. Миръ являлся имъ населеннымъ какими-то макіавэлли. Тутъ вѣрятъ самому невѣроятному и осмѣиваютъ, какъ суевѣріе, простое естественное объясненіе.

Такимъ образомъ человѣкъ, вродѣ Кавеньяка, представляется демократамъ и революціонерамъ 1848 г. чертовски расчетливымъ насильникомъ, который хладнокровно играетъ тысячами человѣческихъ жизней, чтобы только достигнуть цѣли своего честолюбія. Дѣйствительно ли похожъ этотъ портретъ на „іюньскаго мясника?“ Многіе факты говорятъ противъ этого, если даже не придавать никакой вѣры утверженію его товарища Бастида (Bastide), который рассказываетъ, что въ день побѣды видѣлъ Кавеньяка плачущимъ въ своей комнатѣ. Допустивъ необходимость подавленія возстанія—а это для буржуазной республики было необходимостью,—можно критиковать военныя предпріятія Кавеньяка только съ военной точки зрѣнія. Слѣдуетъ освободиться отъ мелодраматическаго представленія, которое въ каждомъ выстрѣлѣ съ баррикады видитъ геройскій подвигъ и въ каждомъ солдатскомъ выстрѣлѣ—убійство. Отлѣливъ то, что произошло *послѣ* взятія баррикалъ, отъ того, что случилось до ихъ сдачи, увидимъ, что число павшихъ въ борьбѣ почти одинаково какъ у нападавшихъ, такъ и у защитниковъ. По одному изъ сообщеній сенскаго префекта Дюку (Disoux), помѣченному 8-го октября, общее число павшихъ и умершихъ отъ ранъ равно 1.460, причемъ $\frac{2}{3}$ этого количество приходится на армію и національную гвардію. Возможно, что это число далеко ниже дѣйствительнаго и многія жертвы мести побѣдителей остались не сосчитанными, но во всякомъ случаѣ было бы большимъ преувеличеніемъ говорить о десяткахъ тысячъ павшихъ іюньскихъ борцовъ, какъ это дѣлали въ свое время англійскія газеты. По одному заявленію Кавеньяка, сдѣланному 3-го іюля, общее число возставшихъ ни въ одинъ моментъ не могло быть оцѣнено людьми знающими положеніе дѣлъ, выше 50.000 человѣкъ. Что касается тѣхъ избіеній и издѣвательствъ, которыя слѣдовали за взятіемъ баррикадъ, то онѣ лишь въ очень немногихъ случаяхъ могутъ быть поставлены въ вину командовавшимъ офицерамъ. Больше того,—установлено, что послѣдніе дѣлали съ своей стороны все, чтобы спасти жизнь попавшихъ въ плѣнъ. Безъ заступничества высшихъ офицеровъ число тѣхъ, которые сдѣлались жертвами озлобленія солдатъ, было бы гораздо больше, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, по общему свидѣтельству, установлено также, что большую часть жестокоостей, учиненныхъ надъ баррикадными борцами, нужно поставить на счетъ болѣе или менѣе импровизированнымъ войскамъ (мобильной и національной гвардіи). Это впрочемъ и совершенно понятно. Солдату съ самаго начала вдальбывали въ голову военныя правила, онъ менѣе ощущаетъ битву, какъ нѣчто личное, чѣмъ какой-нибудь внезапно поставленный подъ ружье гражданинъ или военный диллетантъ, вродѣ тогдашняго мобиль-гвардейца.

Поведеніе мобиль-гардистовъ, этихъ „дѣтей парижскаго народа“, было жестокимъ ударомъ для того романтическаго представленія, которое думало видѣть въ такихъ противоположеніяхъ, какъ народъ и аристократія, народъ и буржуазія, единственныя классовыя различія современнаго общества. Приверженцы этого називнаго взгляда пытались утѣшиться тѣмъ, что „дѣтей народа“ подкупила и опоила водкой буржуазія.

Но почему-же эта двадцатитысячная армія „дѣтей народа“ сама допустила подкупить и перепоить себя? Если ихъ хмѣль не воспрепятствовалъ имъ исполнять свои обязанности въ битвѣ, то неужели. онъ былъ такъ силенъ, что они совсѣмъ не сознавали, противъ кого они сражаются?

Достаточно лишь поставить эти вопросы, чтобы сразу увидѣть въ какой тупикъ ведетъ это романтически-мелодраматическое представленіе о существовавшихъ тогда отношеніяхъ вещей. Большее значеніе имѣетъ указаніе на то обстоятельство, что мобильная гвардія въ своей большей части рекрутировалась изъ рядовъ *люмпенъ-пролетаріата*. Однако, и здѣсь нужно быть осторожнымъ и не принимать этого слова въ буквальномъ смыслѣ. Люмпенъ-пролетаріи не всегда оборванцы и хулиганы — это люди, очутившіеся въ обстоятельствахъ, очень близкихъ къ полному обнишанію,—люди, вытолкнутые изъ нормальныхъ отношеній производства въ буржуазномъ обществѣ, или изъ класса постоянныхъ наемныхъ рабочихъ и живущіе крохами, такъ или иначе добываемыми со стола буржуазіи. Въ этомъ положеніи, съ той лишь разницей, что имъ регулярно платили,—оказались теперь всѣ члены мобильной гвардіи, все равно, кѣмъ-бы они раньше ни были. Будучи паразитомъ на общественномъ тѣлѣ, мобильная гвардія дѣйствовала совершенно послѣдовательно, сражаясь противъ іюньскихъ борцовъ. Причиной крайней остроты взаимной вражды въ теченіе этихъ дней гораздо въ меньшей степени были отношенія имущественныя чѣмъ *производственныя*, т.-е. способы пріобрѣтенія дохода, раздѣлявшіе оба лагеря. Короче—іюньская борьба показала, что не только народъ и народъ, но также пролетаріатъ и пролетаріатъ можетъ очень различно выглядѣть и выступать. Кромѣ того, эта борьба показала еще и нѣчто иное.

Есть очень излюбленная, въ настоящее время возведенная почти въ догму поговорка, что буржуа по природѣ своей трусливъ, а пролетарій по природѣ воинственно настроенъ. Вообще говоря, несомнѣнно, что привыкшій къ спокойной жизни человекъ не охотно подвергаетъ себя опасности, тогда какъ живущій среди нужды и тяжелаго физическаго труда безъ большихъ колебаній постоитъ за себя. Однако, это различіе зглаживается и становится даже какъ разъ обратнымъ, когда дѣло идетъ объ основахъ существованія буржуазіи, какъ класса.

Нельзя сдѣлать большей ошибки, какъ замалчивать фактъ, что буржуа — національные гвардейцы много разъ выказали свою храбрость въ іюньскіе дни. Было вовсе не такъ легко

сражаться съ инсургентами, бившимися подъ прикрытіемъ могучихъ баррикадъ. Лучшее доказательство тому — громадное число убитыхъ офицеровъ. Шесть генераловъ пали жертвами возстанія, другіе шесть вышли изъ него съ болѣе или менѣе тяжкими ранами. Какъ это уже за нѣсколько мѣсяцевъ до того оказалось въ Лондонѣ, когда чартисты сдѣлали видъ, что отваживаются выступить въ бой противъ имущихъ классовъ, — „горсточка“ борцовъ, которую послѣдніе въ данномъ случаѣ сумѣли бы выставить, была во всякомъ случаѣ такой дружиной, къ которой совсѣмъ нельзя было относиться пренебрежительно.

Демагоги прессы и трибуны, призывавшіе рабочихъ къ баррикадной борьбѣ, не сказали имъ всего этого. Врагъ представлялся имъ всегда не болѣе, какъ ничтожной кликой вымогателей и интригановъ, съ которой „народъ“ легко можетъ справиться. Когда-же дѣло дошло до борьбы, положеніе вещей оказалось инымъ. Если число іюньскихъ борцовъ, указанное Кавеньякомъ, не слишкомъ преуменьшено, — при этомъ не нужно забывать, что побѣдитель въ день своей побѣды едва ли будетъ ослаблять ея значеніе, — то оказывается, что за баррикадами стояло не болѣе половины всѣхъ членовъ распущенныхъ Національныхъ мастерскихъ, тогда какъ одна Національная гвардія въ случаѣ надобности могла выставить сто или стопятьдесятъ тысячъ буржуазнаго воинства, не говоря уже объ регулярной арміи и мобиль — гвардіи.

Куда-же дѣвалась остальная масса парижскихъ рабочихъ? Почему число баррикадныхъ борцовъ доходило только до 50.000 человекъ и около 10.000 резерва?

Приходится допустить, что большая часть рабочихъ заранѣе считала возстаніе бесплоднымъ, инстинктивно чувствуя, что его побѣда не улучшитъ положенія дѣлъ. „Я не увѣренъ“, писалъ Прудонъ 11-го іюля 1848 г. въ „Народномъ представителѣ“ („Représentant du Peuple“), „что въ суматохѣ, которая вѣроятно послѣдовала-бы за побѣдой, то доброе, на что надѣялись повстанцы, не было бы перевѣшено еще большимъ зломъ“. Такое объясненіе того, что онъ держался въ сторонѣ отъ возстанія, звучитъ гораздо правдоподобнѣе, чѣмъ то, которое онъ далъ годомъ позднѣе въ „Признаніяхъ Революціонера“, тамъ онъ патетически винитъ 14 дней своего парламентаризма въ томъ, что передъ 25 іюня онъ „не могъ предвидѣть, не зная, не подозрѣвалъ“, что въ дни возстанія онъ окажется такимъ „простофилей“ и позволить провести себя „министерской уткѣ“ Флокона, утверждавшей, что движеніе „руководится политическими партіями и оплачивается изъ-за границы“. Во первыхъ, эта „утка“ даже для самого добряка Флокона была, вѣроятно, искаженіемъ дѣйствительныхъ событій, а во вторыхъ вообще многіе изъ социалистовъ, державшихся въ сторонѣ отъ возстанія, не засѣдали въ „представительной лужѣ“, и имъ, слѣдовательно парламентскіе очки не могли помѣшать видѣть, что происходило въ на

родѣ. О многихъ изъ нихъ можно прямо сказать, что они держались въ сторонѣ, *потому-что* видѣли, что происходило тамъ. Между вчерашними социалистами и сегодняшними вождями массъ — рѣзкая противоположность. Если бы даже взоръ первыхъ былъ помраченъ доктринерствомъ, то въ цѣломъ они все-таки имѣли болѣе ясное представленіе объ общей связи событій и болѣе широкій кругозоръ, въ то время какъ у агитаторовъ, выдвинувшихся въ моментъ борьбы, былъ только одинъ руководящій моментъ: впечатлѣніе дня. Эти люди именно и толкали колеблющуюся массу къ возстанію, побуждая къ нему разнаго рода искателей приключеній; это обстоятельство не могло, конечно, остаться неизвѣстнымъ социалистамъ и ихъ приверженцамъ, и оно-то и возбудило въ нихъ недовѣріе къ возстанію. Таково наиболѣе вѣроятное и самое естественное объясненіе того факта, что столь многіе изъ нихъ не пошли на баррикады. Кромѣ того, возстанію не доставало определенной, непосредственной цѣли. „Хлѣба или свинца!“ было возгласомъ отчаянія, а не боевымъ кличемъ; возстановленія Национальныхъ Мастерскихъ никто серьезно не осмѣливался требовать, роспускъ только,— что созваннаго національнаго собранія былъ невѣроятенъ,— однимъ словомъ, можно было хорошо знать, почему возсталъ народъ, но не было ясно, за что онъ сражался. Какъ только дошло дѣло до битвы, выташили свои знамена агенты легитимистовъ и бонапартистовъ. Сражаться за замѣну національнаго собранія народнымъ императоромъ, имѣло еще смыслъ, а биться за замѣну буржуазной республики социалистической— было въ этотъ моментъ бессмысленно, такъ какъ всеобщее избирательное право только— что показало, что время послѣдней еще далеко впереди. Не все вѣрно, что думаетъ Прудонъ, но въ данномъ случаѣ онъ не ошибся, что побѣда іюньскихъ борцовъ не дала бы имъ ничего такого, чего бы у нихъ уже не было [„Признанія“, гл. X.]. Чисто политическія препятствія, стоящія на пути къ освобожденію пролетаріата, уже раньше пали, а экономическія— нельзя было уничтожить посредствомъ баррикады.

Марксъ говоритъ въ „Классовой борьбѣ“: „Не непосредственно сознанныя потребности толкнула пролетаріатъ въ іюнѣ къ попыткѣ насильственнаго ниспроверженія буржуазии: онъ не доросъ еще тогда до этой задачи“.

Это понимали болѣе или менѣе ясно и всѣ болѣе проникательные социалисты того времени, а равно и многіе изъ рабочихъ.

Многіе, однако, были ослѣплены цвѣтистыми фразами демагогической прессы. Высокое уваженіе къ принципу свободы печати не можетъ, конечно, служить основаніемъ для того, чтобы отрицать возможность злоупотребленія ею. И печать требуетъ извѣстнаго времени для своего развитія. Въ іюнѣ-же 1848 г. только что освобожденная политическая литература находилась еще въ состояніи бурнаго броженія, пус-

тѣйшіе и наихудшіе произведенія всплывали прежде всего наверхъ. „Въ то время, какъ основатель позитивной философіи, Огюсть Контъ, едва могъ собрать около 200 приверженцевъ на свои лекціи, газеты „Faubourien“, „Père Duchêne“ и „Uraie République“ руководили страной“. Эта жалоба Прудона прежде всего относится къ Парижу. Тамъ все было пушено въ ходъ, чтобы вскружить головы населенію. Демагогическая пресса монархистовъ, еще не осмѣливавшихся открыто заявить о своихъ истинныхъ намѣреніяхъ, соперничала въ этомъ благородномъ занятіи съ безчисленными листками, для которыхъ демагогія была просто средствомъ къ наживѣ. Всѣ историки февральской революціи согласны между собою въ томъ, что органы опредѣленныхъ политическихъ *направленій*, все равно буржуазныхъ или социалистическихъ, были сначала почти всѣ безъ исключенія оттѣснены на задній планъ политической уличной литературой? Изъ серьезныхъ газетъ только „Представитель Народа“ („Représentant du Peuple“), со своимъ главнымъ сотрудникомъ—Прудономъ, имѣлъ значительный успѣхъ и то только потому, что Прудонъ нападалъ на всѣ партіи безъ исключенія и беззапѣчливой парадоксальностью своихъ статей возбуждалъ любопытство. Чтобы открыть въ статьяхъ Прудона ихъ политическій смыслъ, необходимо читать и изучать ихъ въ общей связи, для читателей-же, интересовавшихся тогда лишь злобами дня, онѣ были только бичующей критикой отрицательнаго характера, блестящимъ фейерверкомъ, который только способствовалъ еще большому затемненію, а не просвѣщенію головъ.

„Импровизаторы, люди безъ знаній и опыта, на угадъ разрѣшали безъ подготовки и обсужденія труднѣйшіе вопросы государственнаго права и всѣ ихъ огуломъ сводили къ какому-то ученію о „непогрѣшимости народа“, что дѣлало уже совершенно излишнимъ всякое напряженіе личнаго разума. Слово „народъ“ приобрѣло въ ихъ устахъ узкое значеніе и относилось лишь къ промышленному пролетаріату. Когда пришелъ моментъ, чтобы народъ исполнилъ свой гражданскій долгъ и утвердилъ свой законный суверенитетъ, они постарались заранѣе подорвать всякое уваженіе къ народному представительству, распространяя ту разрушительную идею, которая дѣлала навсегда невозможнымъ утвержденіе демократическаго государства, а именно: если результаты выборовъ окажутся не по вкусу парижскому народу, то послѣдній имѣетъ право расправиться съ ними всякими подходящими для того способами и освободиться отъ представителей Франціи, избранныхъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права.“

Такъ изображаетъ Даніэль Стернъ рѣчи, которыя велись въ клубахъ, и прибавляетъ; „Эту агитацію клубовъ дѣятельно поддерживало множество газетъ, которыя вплоть до своего названія были стереотипами газетъ 1793 года. По улицамъ сновали массы разносчиковъ, выкрикивая названія газетъ и стараясь перешеголять другъ друга по части цинизма и назойли-

ГЛАВА XXI.

Конецъ революціоннаго періода.—Диктатура Кавеньяка.—Видъ столицы послѣ битвы.—Страхъ передъ инсургентами.—Погребеніе іюньскихъ жертвъ.—Успѣхи реакціи.—Развитіе производительныхъ товариществъ.—Подарокъ въ три милліона.—Прудонъ въ качествѣ пугала.—Его взгляды на социальную реформу.—Его предложеніе въ національномъ собраніи.—Тьеръ торжествуетъ.—Война противъ социализма.—Антисоциалистическія брошюры.—Всѣ сколько-нибудь прогрессивные элементы бросаются въ объятія социализма.

Даніэль Стернь, доведя свое изложеніе до страшныхъ іюньскихъ дней, говоритъ, что на этомъ, собственно, и кончается революція 1848 года.

Мы того же мнѣнія. Однако, изъ сердца народа никоимъ образомъ не была вырвана республиканская идея и, именно, пропитанный социалистическими тенденціями республиканизмъ. Напротивъ, идея социальной республики, какъ бы неясно и неопредѣленно она ни выражалась, имѣла многочисленныхъ приверженцевъ среди французскаго народа. Но мощь пролетаріата, которая оказалась столь грозной во время февральскихъ дней, передъ которой все дрожало и которая вплоть до 15 мая представлялась непобѣдимой, въ іюньскіе дни, какъ бы вырванная съ корнемъ, исчезла съ лица земли французской столицы. Смѣлые, революціонные, наиболѣе стойкіе элементы были уничтожены. Буржуазная республика не въ состояніи была подняться до высоты социальной республики, она поэтому не дала пролетаріату ни одного закона, который способенъ былъ бы измѣнить его экономическое положеніе. Народъ страдалъ теперь точно также, какъ и во времена монархіи.

Выступленіе нетерпѣливаго, революціоннаго пролетаріата имѣло своимъ послѣдствіемъ лишь то, что наиболѣе сильная часть его сошла съ политической сцены. Въ концѣ концовъ торжествовали представители денежной силы, финансоваго міра, крупная буржуазія и всѣ ея приверженцы, объединившіеся въ такъ называемую „партію порядка“. Эта партія стремилась теперь къ тому, чтобы занять абсолютно господствующее положеніе и уничтожить то, что было добыто въ февральскіе дни; но она сама была схвачена за горло и повержена рукой того, кому она своей реакціонной работой расчистила дорогу.

Исторія второй республики, исторія тѣхъ лѣтъ, которыя слѣдовали за ужасной іюньской катастрофой, есть въ дѣйстви-

тельности не что иное, какъ исторія постепеннаго разрушенія едва начавшаго свое существованіе демократическаго строя.

Кавеньякъ непосредственно послѣ одержанной побѣды, въ виду еще дымящихся развалинъ и еще не высохшихъ кровавыхъ слѣдовъ сраженія, былъ провозглашенъ „спасителемъ общества“. Онъ былъ могущественнѣе, чѣмъ Бонапартъ послѣ Аустерлица. Въ то время какъ Бонапартъ своей побѣдой освободилъ отъ непріятельскаго нашествія французскую территорию, Кавеньякъ въ глазахъ буржуазіи спасъ самую Францію, т. е. привилегіи, недвижимое имущество, жизнь буржуазіи, которой „грозили варварскія полчища вандаловъ“. А спасти буржуазію ея имущество, ея собственность— это безспорно величайшая услуга, какую только можно было ей оказать.

Существуютъ, поэтому, всѣ основанія предполагать, что Кавеньяку стоило только склониться, чтобы на улицѣ поднять диктаторскій жезлъ. Но онъ не хотѣлъ этого сдѣлать. Онъ полагалъ, что обезумѣвшая отъ борьбы, освободившаяся, наконецъ, отъ пролетарскаго натиска буржуазія сама предложитъ ему этотъ жезлъ. Такъ оно отчасти и было. Кавеньякъ разыгрывалъ роль скромнаго человѣка и по окончаніи битвы предсталъ передъ національнымъ собраніемъ, чтобы сложить съ себя данныя ему чрезвычайныя полномочія. О диктатурѣ онъ и слушать не хотѣлъ, но зато потребовалъ сохраненія осаднаго положенія во всей его прелести, при чемъ онъ былъ совершенно увѣренъ, что только въ немъ одномъ найдутъ настоящаго человѣка, который способенъ осуществить такой порядокъ управленія. Если онъ на это рассчитывалъ, то, нужно ему отдать справедливость, онъ не ошибся. 28 іюня депутатъ Мартэнъ, представитель Страсбурга, внесъ въ національное собраніе слѣдующее предложеніе, которое было принято большинствомъ голосовъ: „Національное собраніе вручаетъ исполнительную власть генералу Кавеньяку, которому отнынѣ дается званіе министра и титулъ президента кабинета“.

Реакціонная клика, вызвавшая рѣзню народа, требовала теперь свою часть добычи. Между тѣмъ на долю чистыхъ, неподдѣльныхъ монархистовъ досталось на этотъ разъ очень немного. Тьеръ, душа союза монархистскихъ депутатовъ изъ улицы Пуатье, далъ своей ненасытной партіи понять, что было бы не умно теперь же навязать странѣ такихъ министровъ, которые извѣстны своимъ закоренѣлымъ монархизмомъ, и при томъ послѣ побѣды, которая, если и одержана надъ народомъ, все же достигнута во имя республики. Опираясь на разумный совѣтъ маленькаго государственнаго мужа, союзники изъ улицы Пуатье черезъ особую депутацію дали Кавеньяку знать, что они отказываются отъ всякаго участія въ образованіи новаго кабинета.

Министерство Кавеньяка было такимъ образомъ составлено изъ людей, которые, хотя и принадлежали къ реакціонной буржуазіи, но въ отношеніи формы правленія были рѣшительными республиканцами. Въ этомъ министерствѣ мы нахо-

димъ опять старыхъ знакомыхъ. Гудшо получилъ портфель министра финансовъ, Бастидъ—иностранныхъ дѣлъ, Сенаръ—внутреннихъ дѣлъ. (Его преемникомъ на мѣсто президента національнаго собранія былъ Арманъ Марра). Республиканецъ Карно сталъ министромъ народнаго просвѣщенія, но оставался имъ не долго. Уже одно имя его напоминало собранію о событіяхъ, которыя ему были неприятны. Оно воспользовалось случаемъ, когда Карно внесъ законопроектъ объ улучшеніи положенія учителей, чтобы свергнуть его.

Свирѣпствовавшая тогда буря реакція еще сильнѣе раздувалась подъ вліяніемъ того страха, въ которомъ буржуазія находилась еще долгое время послѣ іюньской битвы. Сила сопротивленія инсургентовъ была столь велика, что никакъ не могли свыкнуться съ мыслью, что пролетаріатъ совершенно побѣжденъ. Въ тревогѣ и страхѣ добрый буржуа рисовалъ въ своемъ воображеніи картину, какъ пролетаріатъ въ одинъ прекрасный день вновь поднимется и, подъ вліяніемъ воспоминаній о понесенномъ пораженіи, нападетъ еще рѣшительнѣе, чѣмъ раньше, чтобы отомстить за кровь павшихъ братьевъ.

Впрочемъ Парижъ послѣ битвы имѣлъ такой видъ, что у привыкшихъ къ спокойнымъ удовольствіямъ буржуа кровь въ жилахъ могла леденѣть. Со всѣхъ частей города устремились въ предмѣстья, чтобы осмотрѣть еще дымяшіеся и пулями продыравленные и разрушенные дома. „Все высокоблагородное общество“, пишетъ въ „Mois résumé“ Александръ Дюма, „спѣшило туда, чтобы возбудить свои слабые нервы дотолѣ небывалымъ зрѣлищемъ. Всѣ мѣста, гдѣ свирѣпствовалъ бой, напоминали собой второй Longchamps *). Женщины высшаго общества въ своихъ открытыхъ коляскахъ медленно, цѣлой вереницей объѣзжали бульвары и обтянутыми перчаткой пальцами указывали на тѣ опустошенія, которыя были произведены ружейными пулями и пушечными снарядами“. Эти покрытыя развалинами мѣста старались миновать возможно скорѣй съ тѣмъ болѣе неприятнымъ чувствомъ, что ежедневно появлялись слухи—одинъ чудовищнѣе другого.

Кавеньякъ издалъ послѣ рѣзни краткій декретъ слѣдующаго содержанія: „Національныя мастерскія уничтожаются. Э. Кавеньякъ“.

Этотъ указъ могъ только увеличить число безработныхъ пролетаріевъ, изъ которыхъ каждый въ разгоряченной фантазіи испуганной буржуазіи рисовался борцомъ, способнымъ на всѣ крайности. Ожидали новыхъ, страшныхъ вспышекъ разъяренной толпы. Сила воображенія робкихъ буржуа дошла до того, что имъ мерещились страшныя призраки. Ходили слухи, что инсургенты минировали катоккомбы и рѣшили взорвать на воздухъ предмѣстье С.-Жерманъ; кромѣ того, они будто-бы имѣли намѣреніе испортить газопроводныя трубы и все предать огню и разрушенію. Всякое самое ничтожное происшествіе прини-

*) Longchamps—это мѣсто, куда стекается парижская аристократія.

Похоронная церемонія на площади Согласія.

мало теперь въ глазахъ „людей порядка“ угрожающей характеръ и знаменовало собой приближающуюся опасность. Даже оффиціальныи міръ не былъ свободенъ отъ этой боязни; ему, повидимому, трудно было свыкнуться съ идеей о своей побѣдѣ.

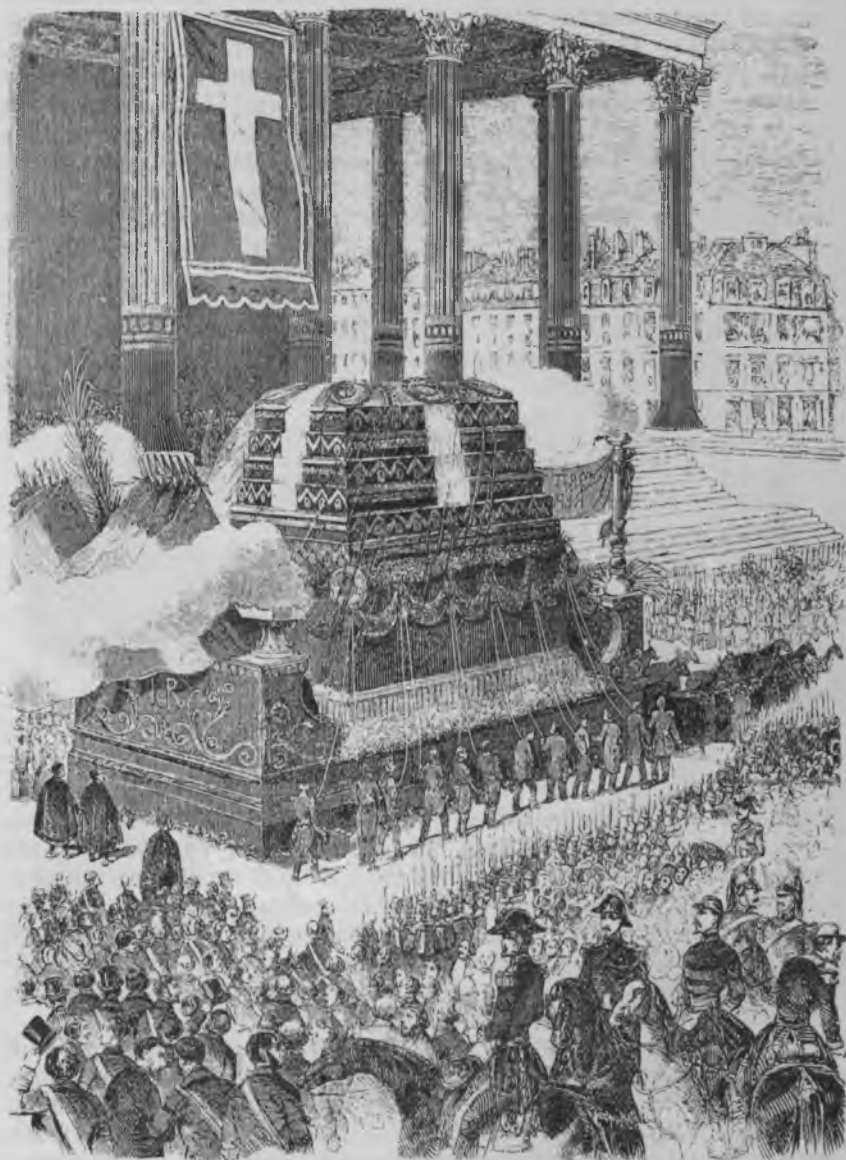
Въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ битвы площадь Согласія и длинный рядъ бульваровъ были увѣшаны траурными флагами. Фасады домовъ и памятники были обтянуты черной матеріей. Эта мрачная декорация устроена была въ честь іюньскихъ жертвъ, подъ которыми, конечно, разумѣлись лишь защитники буржуазнаго порядка. Траурная манифестація происходила на площади Согласія. Такъ какъ народъ держался въ сторонѣ отъ нея, то она производила жалкое впечатлѣніе. Гробы окружали лишь солдаты и чиновники. По окончаніи церемоніи образовался кортежъ, который начался отъ церкви Магдалины. По программѣ предполагалось пройти вдоль линіи бульваровъ, но это не было сдѣлано. Распространился слухъ, будто повстанцы намѣревались открыть пальбу по сопровождавшимъ похоронную процессію войскамъ, и часть народа, казалось, имѣла еще слишкомъ грозный видъ, чтобы можно было осмѣлиться безбоязненно подойти къ нему на близкое разстояніе.

Эта паника распространилась даже на провинцію. Хотя въ дѣйствительности среди остатковъ іюньскихъ борцовъ не замѣчалось ни малѣйшаго движенія, за единственнымъ исключеніемъ слабой попытки возстанія въ Марселѣ, тѣмъ не менѣе готовились къ борьбѣ съ социалистическими демократами, которыхъ окрестили именемъ красныхъ республиканцевъ и подвергали невѣроятнымъ преслѣдованіямъ.

Въ Парижѣ розыски якобы скрытыхъ инсургентовъ приняли положительно чудовишный характеръ. Въ полицію посыпались массовые доносы. Съ самаго начала число арестованныхъ достигло 25.000 человекъ. Вокзалы строго охранялись, чтобы никто не могъ бѣжать. Многіе, по ошибкѣ арестованные вмѣсто другихъ, должны были испытать всѣ ужасы расправы побѣдителей, не имѣя никакой возможности доказать своимъ сыщикамъ происшедшую ошибку. Военные суды дѣйствовали непрерывно и судили представшихъ предъ ними рабочихъ цѣлыми группами сразу. Рѣшено было съ корнемъ вырвать революціонные элементы изъ рабочаго класса въ Парижѣ. Во многихъ госпиталяхъ инсургентовъ истязали, чтобы не сказать убивали. Смертность среди солдатъ, находившихся на излѣченіи въ госпиталяхъ, выражалась отношеніемъ 1:15, тогда какъ среди раненыхъ рабочихъ она доходила до 1 на 5*).

Такимъ образомъ реакція не знала никакихъ границъ. Часть городской національной гвардіи, которая слишкомъ рав-

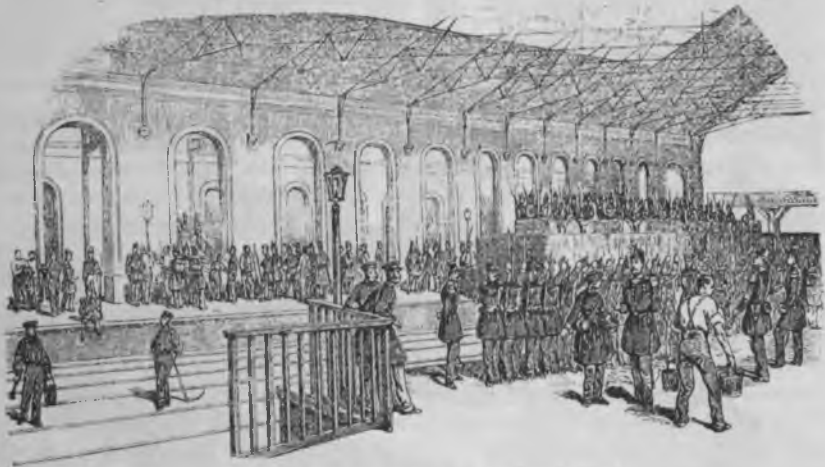
*) Конечно, на большую смертность инсургентовъ оказывало вліяніе ихъ моральное состояніе. Нерѣдко случалось и такъ, что въ госпиталь они доставлялись тогда, когда у нихъ уже начиналась гангрена. Тѣмъ не менѣе вполне установлено, что въ то время, какъ врачи самымъ рѣшительнымъ образомъ уклонялись дѣлать различія между инсургентами и защитниками

Жертвы июньской революции перевозятся въ церковь
Магдалины.

нодушно отнеслась къ интересамъ буржуазіи, была разоружена. Клубы, казавшіеся опасными, были закрыты. Вскорѣ послѣ того для всѣхъ клубовъ были изданы правила, какихъ нельзя было найти даже во многихъ монархическихъ государствахъ. Всѣ клубы были отданы подъ надзоръ полиціи. Безъ разрѣшенія полиціи ни одинъ изъ нихъ не могъ продолжать своего существованія, тайныя засѣданія были запрещены, и на всѣ засѣданія долженъ былъ приглашаться представитель администраціи. Прессу также не щадили. Одиннадцать газетъ было закрыто еще во время борьбы. Затѣмъ нашли способъ задушить почти всѣ народныя газеты: выкопали монархическіе законы о печати 1819—1822 г.г. да еще усовершен-

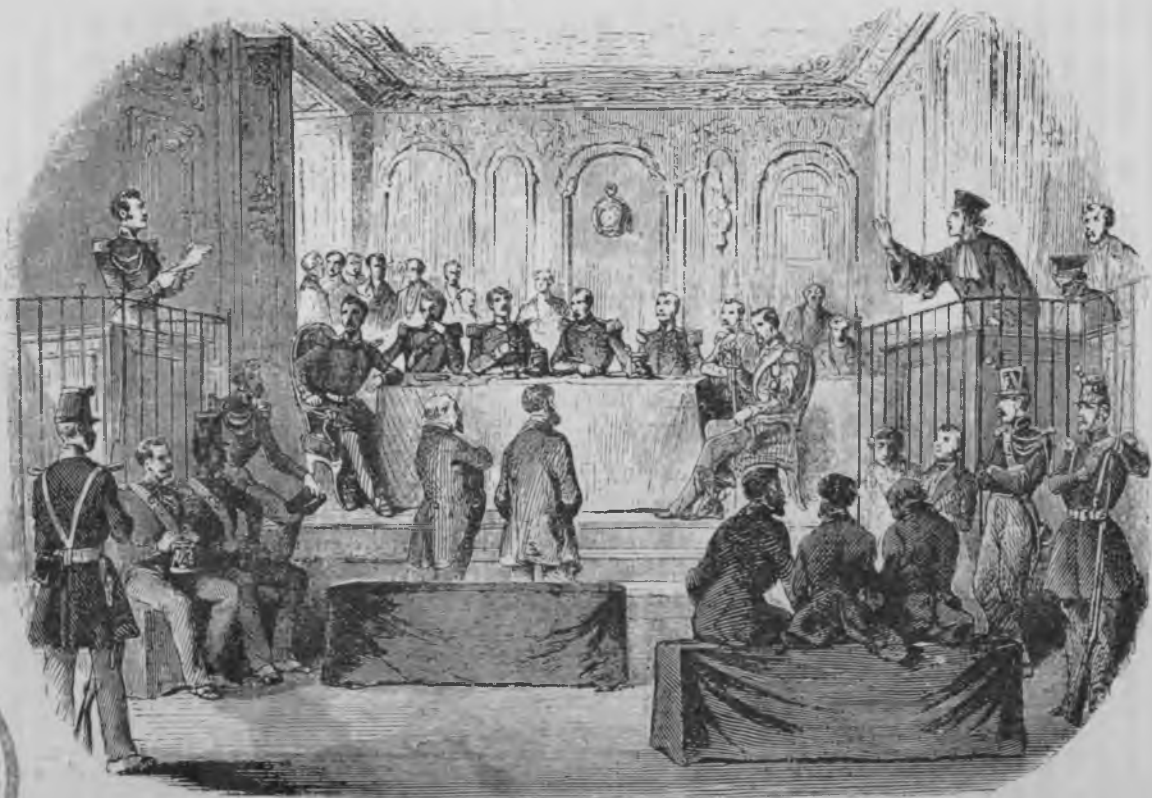

Военная охрана вокзаловъ.

ствовали ихъ. Національное собраніе вновь установило для газетъ обязательство внесенія залога: ни одна газета не могла появиться, прежде чѣмъ не внесетъ 25.000 франковъ залога. „Пресса бѣднаго люда убита“, писалъ тогда Прудонъ въ „Représentant du Peuple“. Ламеннѣ выпустилъ послѣдній номеръ своей „Peuple Constituant“ съ траурной рамкой. Старый воинъ покинулъ поле брани съ слѣдующими горькими словами: „Silence aux pauvres!“ („Бѣдные должны молчать!“)

Но на этомъ реакція еще далеко не успокоилась; рабочій народъ оставался для буржуазіи все еще предметомъ страха. Искали способа совсѣмъ отдѣлаться отъ всѣхъ сколько-нибудь мятежно настроенныхъ рабочихъ. Прославившійся открытіемъ такого универсальнаго способа, Сенаръ внесъ законопроектъ, по которому „всѣ лица, избличенные какъ участники іюньскаго возстанія, должны были быть перевезены въ одну изъ

порядка—„Я знаю здѣсь лишь раненыхъ, а не арестованныхъ“, объяснялъ одинъ изъ нихъ слѣдователю, — больничные служители, напротивъ, часто срывали свой гнѣвъ на инсургентахъ самымъ жестокимъ образомъ. *Прим. къ нѣм. изд.*

Июньские инсургенты передъ военнымъ судомъ.

французскихъ и морскихъ колоній, но не въ тѣ, которыя находятся въ Средиземномъ морѣ“ *). Нашлось только три чело-вѣка, которые сдѣлали попытку воспротивиться этому законо-проекту, представляющему лишь часть цѣлой системы, имѣв-шей цѣлью разбить ряды рабочаго класса. Первымъ выступилъ буржуазный республиканецъ Сарранъ (Sarrans). За нимъ слѣ-довалъ Пьеръ Леру, который, не обращая вниманія на неистовство, съ какимъ его перебивали, далъ волю своему гнѣву. Еще рѣ-шительнѣе напалъ на законопроектъ Коссидьеръ, который воскликнулъ: „Но вѣдь это—стыдъ, это—позоръ, теперь каж-дый можетъ сказать, что побѣдоносные французы такіе не-счастливые, что совершенно равнодушно уничтожаютъ побѣж-

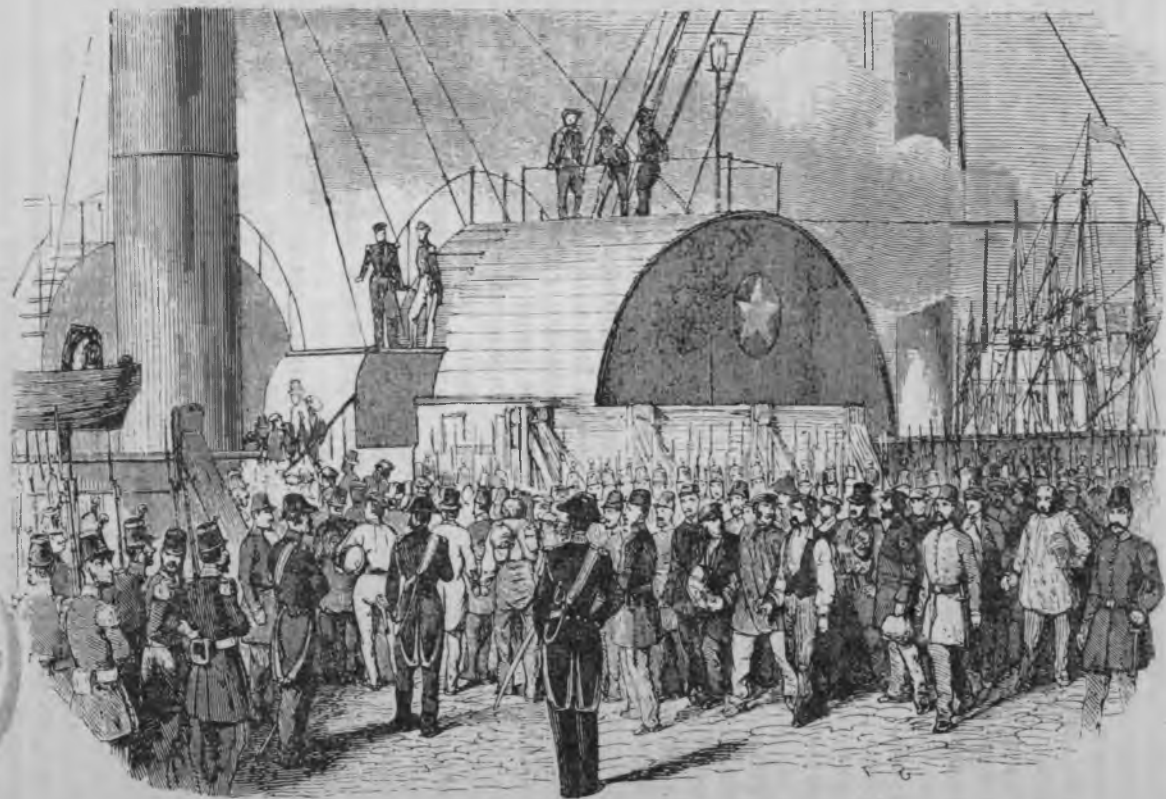
Разоруженіе части національной гвардіи.

денныхъ... Въ одинъ мѣсяцъ не только вдовы и сироты должны будутъ оплакивать свою судьбу, но и оставшіеся въ живыхъ отцы семействъ будутъ лишены своихъ дѣтей.“

Все это, однако, не могло помѣшать тому, чтобы законъ былъ принятъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Не смотря на все реакціонное неистовство, часть національнаго собранія, равно какъ и часть самой буржуазіи совершенно не скрывала отъ себя того, что ни разстрѣлами, ни военными судами, ни массовымъ изгнаніемъ нельзя уничтожить революціонныхъ мыслей и чувствъ въ рабочемъ классѣ.

Поэтому побѣдители дѣлали видъ, будто продолжаютъ интересоваться его судьбой и хотятъ удовлетворить его, по

*) Сначала въ законопроектѣ было даже сказано „сосланы“, но, подъ влияніемъ Кавеньяка, это слово было замѣнено словомъ „перевезены“, что, по крайней мѣрѣ, давало несчастнымъ хоть относительную свободу передвиженія на мѣстѣ водворенія. *Прим. къ нѣм. изд.*

Посадка инсургентовъ въ Гаврѣ на борту парохода „Ильоа“ („Илоа“).

крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ; даже не очень торопились закончить великую комедію дружелюбія съ рабочими, начало которой было положено въ февралѣ. Все еще дѣлали видъ, будто тронуты нищетою рабочихъ и исполнены лучшихъ намѣреній помочь имъ. Къ тому же поведеніе нѣкоторой части рабочаго класса соотвѣтствовало претензіи такъ называемыхъ демократовъ, которые хотѣли улучшить классовое положеніе рабочихъ, оставляя безъ малѣйшаго измѣненія скрытыя пружины социальнаго механизма. Имъ поэтому нужно было только слѣдовать той тенденціи, которая, какъ говоритъ Марксъ, заключается въ томъ, что „Освобожденіе рабочаго класса стараются совершить за спиной общества, частнымъ образомъ, въ узкихъ рамкахъ его современной формы существованія“.

Чтобы совершить это освобожденіе „частнымъ образомъ“, думали воспользоваться кооперативными товариществами. Само слово „товарищество“ имѣло въ глазахъ французскихъ рабочихъ какую-то магическую силу волшебной палочки, которая однимъ ударомъ можетъ измѣнить положеніе рабочаго класса.

Мы охотно допускаемъ, что безграничная вѣра рабочаго класса въ кооперативныя товарищества, по крайней мѣрѣ, отчасти имѣла свое основаніе. Нѣкоторыя изъ нихъ во время страшнаго экономическаго кризиса, наступившаго вслѣдъ за революціей, оказывали, повидимому, дѣйствительныя услуги рабочимъ. Товариществу портныхъ въ Клиши удавалось цѣлыми мѣсяцами поддерживать существованіе 1.000—1.600 рабочихъ. Оно пользовалось такимъ большимъ довѣріемъ, что мѣстные купцы по его вексямъ выдавали рабочимъ все, что имъ нужно было. При этомъ куцы не терпѣли никакихъ убытковъ.

Если въ первые моменты торжества побѣдители и сдѣлали попытку распустить существующія товарищества, то вскорѣ потомъ взгляды на этотъ счетъ измѣнились. Кооперативныя товарищества были очень хорошимъ средствомъ безъ малѣйшей опасности продолжать разыгрывать комедію сочувствія, состраданія, стремленія улучшить положеніе рабочаго класса.

Во всякомъ случаѣ въ этомъ смыслѣ 5 іюня Корбону, одному изъ тѣхъ рабочихъ, которыми такъ хорошо воспользовались буржуазные республиканцы въ 1848 г., позволили внести отъ имени рабочаго комитета національнаго собранія слѣдующій законопроектъ: „Национальное собраніе съ цѣлью содѣйствовать товариществамъ, но не нарушая въ то же время свободы договора о наймѣ, постановляетъ:

Статья 1. Въ распоряженіе министерства земледѣлія и торговли назначается кредитъ въ три милліона франковъ съ тѣмъ, чтобы эта сумма была распредѣлена между товариществами, которыя, состоятъ ли они изъ однихъ рабочихъ или изъ рабочихъ въ союзѣ съ мастерами, образовались на основѣ совершенно свободнаго договора.

Статья 2. Деньги эти должны выдаваться въ качествѣ ссуды съ одобренія особо назначенной министромъ комиссіи

(conseil d'encouragement) и при соблюденіи точно установленныхъ этой комиссіей условій.

Статья 3. Ежегодно національному собранію представляется отчетъ о распредѣленіи этого кредита“.

Итакъ предстояло пожертвовать три милліона для поддержки кооперативныхъ товариществъ. Правительство проявило при этомъ не особенно большую щедрость, хотя рѣчь шла о дѣлѣ, которое соотвѣтствовало, такъ сказать, его собственному интересу. Юльское правительство выдало субсидію въ тридцать милліоновъ купцамъ, дѣла которыхъ шли плохо.

Законопроектъ встрѣтилъ въ національномъ собраніи довольно слабую оппозицію. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ законѣ, какъ и въ почти безъ возраженій принятой реорганизациіи третейскаго суда въ области промышленности, не было ничего такого, что вносило бы хоть какое-нибудь измѣненіе въ общественный строй или посягало бы на права привилегированныхъ классовъ. Даже тѣ, тупой индивидуализмъ которыхъ, отвергалъ нѣкогда все, что только напоминало собой товарищеское веденіе хозяйства, ибо товарищество въ ихъ глазахъ представляло собой карикатурное производство, попытку уменьшить эксплуатацію, — даже эти господа воздерживались отъ всякой оппозиціи, такъ какъ были увѣрены, что этотъ опытъ кончится для рабочихъ неблагопріятно и въ будущемъ послужитъ отличнымъ матеріаломъ противъ всего движенія. „Не только три милліона“, восклицалъ тогда Тьеръ, „но двадцать милліоновъ могли бы отъ насъ потребовать, да, двадцать милліоновъ, и мы охотно дали бы ихъ, ибо тѣмъ самымъ не особенно дорого заплатили бы за избавленіе отъ вполне очевидной опасности, которая всѣмъ вамъ грозила отъ этой величайшей глупости“.

Само собой разумѣется, часть этихъ пожертвованныхъ трехъ милліоновъ всячески теперь старались не добавить. Специальная комиссія, которая занялась распредѣленіемъ этой суммы, прежде всего приступила къ выработкѣ правилъ о гарантіяхъ возврата ссудъ. Она выработала проектъ нормальнаго устава, который были разосланъ всѣмъ товариществамъ, просившимъ пособія. Утвержденный ею уставъ былъ такой же, который ввело у себя съ давнихъ поръ существующее ювелирное товарищество и главный пунктъ котораго гласилъ, что каждый членъ всѣмъ своимъ настоящимъ и будущимъ достояніемъ ручается за исполненіе взятыхъ товариществомъ на себя обязательствъ. Одинъ изъ пунктовъ устава гласилъ, что основной капиталъ представляетъ собой недѣлимую и неотчуждаемую собственность товарищества, на которую выходящій изъ его состава членъ никакого права не имѣетъ. Этимъ капиталомъ можно было пользоваться для покрытія текущихъ расходовъ только заимообразно. Если бы товарищество по какимъ-нибудь причинамъ распалось, то въ случаѣ, если сьорганизуется новое товарищество съ такой же промышленной цѣлью, капиталъ долженъ перейти къ послѣднему. Если же

подобное товарищество не сьорганизуется вновь, то капиталъ долженъ быть возвращенъ правительству. Въ статьѣ 23 нормальнаго устава излагались права и обязанности вновь вступающихъ членовъ по отношенію къ своимъ товарищамъ.

Если расширеніе предпріятія требовало увеличенія постояннаго рабочаго персонала то товарищества не должны были обращаться къ наемнымъ рабочимъ, а принимали соотвѣтствующее число новыхъ членовъ. При этомъ имъ только давалось нѣкоторое время для испытанія рекомендованныхъ кандидатовъ.

Предусматривалась даже возможность такого товарищества, въ составъ котораго входятъ хозяинъ и рабочіе, въ которомъ работодатель совершенно отказывается отъ привиллегированнаго положенія и становится простымъ членомъ товарищества съ такими же правами и обязанностями, какъ и всѣ прочіе члены. Фактически, однако, этого рода товарищества никогда не существовали. По доброй волѣ, ни одинъ хозяинъ не соглашался отказаться отъ своей власти, тѣмъ болѣе, что за всѣ убытки онъ долженъ былъ отвѣчать всѣмъ своимъ достояніемъ. Если кто проявлялъ склонность войти въ такія товарищества, то это были тѣ мастера, которые сдѣлались несостоятельными должниками и которые смотрѣли на эти товарищества только, какъ на якорь спасенія, чтобы удержаться на поверхности жизненнаго моря.

Каждое товарищество должно было имѣть отвѣтственнаго завѣдующаго—называвшагося „Gérant“—и избранное изъ членовъ товарищества правленіе, которое по предложенію этого Gérant должно было рѣшать вопросы о жалованьѣ, займахъ, приѣмѣ и исключеніи членовъ, о числѣ рабочихъ часовъ, о внутреннемъ распорядкѣ въ мастерской и должно было установить размѣръ штрафовъ. Но привычка къ покорности, особенно въ провинціи, привела къ тому, что въ большинствѣ случаевъ, когда работодатель оказывался вынужденнымъ ради своего спасенія продѣлать комедію вступленія въ товарищество, рабочіе никогда не осмѣливались отстаивать предоставленныя имъ уставомъ права. Они, какъ и прежде, оставались простыми наемными рабочими.

Кооперативныя товарищества подъ вліяніемъ работодателей покоились поэтому прежде всего на обманѣ. И въ такомъ положеніи были въ большинствѣ случаевъ тѣ товарищества, которымъ разрѣшили желательный кредитъ.

Такимъ образомъ, все, чего рабочіе добились въ концѣ движенія 1848 г., свелось къ системѣ коопераций съ субсидіей отъ правительства. И все-же это столь невинное движеніе произвело на массу трусливыхъ буржуа, которые увидѣли въ этомъ страшный призракъ социализма, такое сильное впечатлѣніе, что они совершенно не могли успокоиться.

Но особенно опаснымъ социализмомъ были признаны тѣ предложенія, съ которыми въ чрезвычайно пышныхъ фразахъ выступалъ Прудонъ. Благодаря трескучему фейерверку своей

діалектики. которымъ онъ умѣлъ возбуждать всеобщее вниманіе, онъ сдѣлался въ глазахъ буржуазіи олицетвореніемъ дракона, дышащаго огнемъ разрушенія.

Однако, нѣкоторые консервативные мыслители понимали Прудона лучше. Раздавшійся по всей странѣ вопль не помѣшалъ консервативному доктринеру Леонсъ-де-Лаверню (Léonce de Lavergne) въ „Revue des Deux Mondes“ выразить этому „страшилищу“ свою признательность. Упомянувъ о томъ, что Прудонъ суровость своей рѣчи смягчилъ уваженіемъ къ индивидуальной свободѣ, онъ прибавляетъ: „Такой закоренѣлый консерваторъ, доктринеръ, какъ я, можетъ гораздо легче столкнуться съ подобнымъ человѣкомъ, чѣмъ со многими умѣренными“.

Такъ какъ Прудонъ послѣ іюньскихъ дней дѣйствительно игралъ нѣкоторую политическую роль, то мы должны въ виду этого разобрать его поведеніе, равно какъ и вносимыя имъ въ Національное Собраніе предложенія. Какъ всегда, такъ и теперь онъ не признавалъ тѣхъ шаговъ, которыхъ, казалось, властно требовала сила обстоятельствъ.

По поводу внесеннаго предложенія о прогрессивномъ налогѣ онъ высказался такъ: „Мои 100.000 франковъ также не прикосновенны, какъ и дневной заработокъ въ 75 сантимовъ какой-нибудь швеи, мое жилище—также, какъ и ея мансарда“. Въ томъ-же самомъ характерномъ тонѣ, близкомъ къ великому безумію, онъ воскликнулъ: „Между коммунизмомъ и частной собственностью я воздвигну цѣлый міръ... я введу систему абсолютнаго равенства, при которой всѣ существующія учрежденія, за исключеніемъ частной собственности и вытекающихъ отсюда злоупотребленій, не только найдутъ себѣ мѣсто, но даже сами сдѣлаются средствомъ достиженія равенства. Безъ измѣненія должны остаться индивидуальная свобода, раздѣленіе властей... честь, семья, право на наслѣдство по прямой и боковой линіи, право завѣщаній и даже право первородства“.

Этого удивительнаго результата Прудонъ хотѣлъ добиться слѣдующимъ образомъ. Для уничтоженія процента на капиталъ необходимо ввести систему дарового и взаимнаго кредита. Все зло, по мнѣнію Прудона, проистекаетъ оттого, что капиталисты впередъ присваиваютъ себѣ прибыль на капиталъ въ видѣ-ли просто процента или дохода или аренды или другихъ формъ прибыли. Такъ какъ такое присвоеніе приводитъ къ неравенству въ обмѣнѣ, то оно роковымъ образомъ служитъ причиной нищеты рабочихъ. Но какъ сдѣлать обмѣнъ равнымъ? Или, говоря словами Прудона, какъ устроить, „чтобы рабочій могъ за свою заработную плату купить свой продуктъ?“

Такъ какъ путемъ всеобщей экспроприаціи необходимую реформу осуществить нельзя, то, по мнѣнію Прудона, ее слѣдуетъ попытаться провести посредствомъ организаціи обмѣна. Обмѣнъ долженъ быть прямой и безденежный. Въ настоящее время *одинъ* продуктъ, *одинъ* особенный товаръ—золото и се-

ребро—присвоилъ себѣ монополію обращенія. Золото и серебро приобрѣли себѣ преимущественное право служить орудіемъ обмѣна. За эту монополію приходится въ формѣ процента и т. д. довольно дорого платить... Въ чемъ-же собственно дѣло? Въ томъ, чтобы сдѣлать обмѣнъ равнымъ и кредитъ взаимнымъ, а этого можно достигнуть, если учрежденіемъ особаго банка лишить золото и серебро ихъ монополіи въ сферѣ обращенія.

Допустимъ, говоритъ Прудонъ, что всѣ производители Республики, въ количествѣ болѣе десяти милліоновъ, соберутъ между собой сумму, которая составитъ лишь одинъ процентъ ихъ капитала. Въ итогѣ это дастъ приблизительно одинъ милліардъ. Допустимъ далѣе, что при помощи этихъ взносовъ учреждается обмѣнный банкъ, содержаніе котораго обходилось-бы приблизительно въ $\frac{1}{2}$ процента, тогда весь денежный капиталъ немедленно возвратился-бы въ руки ростовщиковъ и займодавцевъ. Процентъ сталъ-бы равнымъ нулю, кредитъ сталъ-бы даровымъ.

При этомъ Прудонъ хотѣлъ ввести систему дарового кредита, не внося ни малѣйшаго измѣненія въ механизмъ нашей общественной системы. Его банкъ долженъ былъ представлять собой большой базаръ, куда всякаго рода производители могли-бы отдавать на складъ свои товары, а въ качествѣ квитанцій получать бумажныя деньги, на которыя они могли-бы приобрѣтать себѣ всѣ другіе отданные на складъ на тѣхъ же условіяхъ товары. Если, при нѣкоторой фантазіи, даже можно было-бы допустить, что такого рода учрежденіе осуществилось бы, то вѣдь оно было бы возможно только при томъ условіи, что въ него будетъ привлечена большая часть общественнаго богатства, которое въ настоящее время находится въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ. Какимъ образомъ Прудонъ, страстно преданный идеѣ неограниченной индивидуальной свободы, могъ бы заставить этихъ капиталистовъ отказаться отъ пользованія какой-нибудь частью своего имущества и внести 1 процентъ ихъ капитала въ общественный банкъ? Если они увидятъ, что вмѣстѣ съ этимъ франкомъ у нихъ отнимаютъ ихъ привилегію, то они во всякомъ случаѣ не будутъ торопиться его внести, а если-бы они все-таки дали его, то этимъ ничего другого не было-бы достигнуто, какъ только образованіе въ соотвѣтствіе съ нуждами производства до смѣшнаго малаго капитала. Да и какъ регулировать кредитъ нуждающимся въ займѣ? Если потребовать отъ нихъ какую-нибудь гарантію, какое-нибудь имущественное обезпеченіе, въ видѣ-ли поземельной собственности или въ видѣ самой работы, то этимъ мнимый даровой кредитъ, это чудодѣйственное средство для урвненія общественныхъ отношеній, для достиженія равенства и счастья на землѣ, пошелъ бы на пользу одному лишь привилегированному классу.

дѣлавшись съ Прудонѣмъ, они объявляли, что вмѣстѣ съ нимъ они будто бы уничтожили и социализмъ.

Прудонъ, однако, былъ невозмутимъ и защищалъ свою идею со свойственной ему настойчивостью. 11 іюля онъ писалъ въ своемъ „Représentant du Peuple“ слѣдующія вызывающія строки: „Срокъ взноса платежа приближается.... Но какъ внести эту плату?... Дѣло уже идетъ не о томъ, чтобы спасти пролетарія: съ него уже шкуру содрали. Ходите въ траурѣ, съ крепомъ на рукавѣ, съ развѣвающимся чернымъ знаменемъ, подъ вопли женщинъ, которыя на новый ладъ поютъ старыя пѣсни о горѣ. Пойди къ націоналистамъ *),— отчаянная расса. Пойди и спроси его, что онъ сдѣлалъ съ республикой“. Эти грозныя строки онъ предпослалъ законопроекту, который, хотя и разбивалъ развитую въ другомъ мѣстѣ теорію Прудона, требовалъ во всякомъ случаѣ кое-чего хорошаго и крайне необходимаго. а именно: чтобы *законодательнымъ* путемъ принудить домовладѣльцевъ въ виду недавнихъ событій сложить со своихъ жильцовъ часть наемной платы, а остальную часть разсрочить. Но буржуазіи это требованіе показалось революціоннымъ фанфаронствомъ, и ея правительство приостановило Прудоновскій „Représentant du Peuple“

Такъ какъ, благодаря этому насилію, Прудонъ лишился своего печатнаго органа, то онъ рѣшилъ ораторскую трибуну въ парламентѣ слѣлать своимъ органомъ. 31-го іюля въ національномъ собраніи онъ развилъ свой планъ социальнаго преобразования, изложивъ его предварительно въ финансовой комиссіи въ формѣ проэкта, предлагавшаго высокій подоходный налогъ на всѣ доходы, ренту, дивиденды, жалованье, заработную плату и пр.

Судя по его собственнымъ замѣткамъ въ „Confessions d'un Revolutionnaire“, въ свой большой рѣчи, произнесенной въ защиту этого законопроекта, онъ выдвинулъ слѣдующія требованія: „Кредиторъ государства, вмѣсто новаго займа, долженъ уступить въ пользу государства для облегченія бремени налоговъ въ видѣ субсидіи опредѣленный процентъ своей ренты. Земельный собственникъ долженъ сложить съ крестьянъ часть просроченной арендной платы; банкиръ долженъ понизить процентъ; рабочій также долженъ принять участіе въ этомъ общемъ дѣлѣ... онъ долженъ уступить предпринимателю двадцатую часть своей заработной платы... Обращеніе тогда увеличится полностью на ту сумму, которая будетъ уступлена должнику со стороны кредитора, и обмѣнъ, вмѣсто того, чтобы, какъ теперь, регулироваться принципами частнаго хозяйства, т. е. полученіемъ прибыли, будетъ тогда совершаться преимущественно по принципамъ общественнаго хозяйства, т. е. безъ удержанія прибыли“.

Тьеръ, какъ докладчикъ финансовой комиссіи, оспаривалъ

*) Подъ націоналистами Прудонъ разумѣлъ генерала Кавеньяка и его друзей, официальный органъ которыхъ былъ «Националь» («National»).

кончилъ онъ рѣчь наконецъ, слѣдующими словами: „Капиталъ боится, инстинктъ его не обманывается, и отъ взора социализма это не ускользнетъ“. Затѣмъ онъ спокойными шагами возвратился на свое мѣсто на скамьяхъ Горы, большинство членовъ которой, испуганное смѣлостью его рѣчи, покинуло залу.

При столь благопріятно сложившихся обстоятельствахъ Тьеру не трудно было одержать блестящую побѣду. Безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій проектъ Прудона былъ отклоненъ, и при томъ съ такой мотивировкой: „Принимая во вниманіе, что предложеніе гражданина Прудона представляетъ собою попытку подрвать основы общественнаго строя, опасное отрицаніе права частной собственности, этой основы общественнаго порядка; принимая во вниманіе, что этотъ проектъ создаетъ почву для доносовъ и возбуждаетъ самыя низкія страсти; принимая во вниманіе, что авторъ проекта клеветаетъ на февральскую революцію, желая связать съ нею развитое имъ ученіе, національное собраніе переходитъ къ порядку дня“. Только двое голосовали противъ этого порядка дня: самъ Прудонъ и депутатъ Греппо (Герро), мелкій подрядчикъ изъ Ліона. Очевидно, голосованіе послѣдняго—результатъ какого-то недоразумѣнія. Греппо приобрѣлъ, такимъ образомъ, довольно комичную извѣстность.

Итакъ Тьеръ торжествовалъ. Совсѣмъ почти незамѣтно, нѣкоторымъ образомъ, тайкомъ принялся онъ вновь за свою политическую дѣятельность, но теперь, благодаря своей побѣдѣ надъ социализмомъ, онъ добился въ національномъ собраніи огромнаго вліянія. Не обладая ни малѣйшими экономическими познаніями, онъ написалъ одну маленькую популярную брошюру, чтобы, какъ онъ объяснилъ, защитить собственность отъ величайшей опасности, которая ей грозила. Этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы обезпечить за авторомъ право на признательность со стороны испуганной буржуазіи. Въ Тьерѣ она, естественно, увидѣла отраженіе своей собственной души. „Маленькій, съ очками на носу, комичный и странный господинъ“, какъ его характеризовалъ одинъ писатель, являлся въ глазахъ національнаго собранія чѣмъ-то въ родѣ архангела Михаила, который призванъ былъ уничтожить социализмъ, этого дракона, который грозилъ поглотить собственность.

Тьеръ потребовалъ и получилъ отъ буржуазіи деньги, чтобы начать литературный походъ и тѣмъ вѣрнѣе поразить этого дракона. Всѣхъ, кто способенъ былъ владѣть перомъ засадили за составленіе маленькихъ брошюръ для распространенія среди народа. Сочиненныя такимъ образомъ и изданныя подъ эгидой и по заказу господина Тьера брошюры появились подъ такимъ заглавіемъ: „Мелкія сочиненія Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ“.

Но среди глупыхъ книженокъ, появившихся въ то время, было нѣсколько достойныхъ вниманія произведеній. Къ нимъ принадлежатъ маленькія статьи и письма извѣстнаго экономиста Фридерика Бастіа. Они, правда, не отличались большой глубиной

и еще меньше оригинальностью, было даже въ нихъ много невѣрнаго, но ихъ критика попадала все же въ больныя мѣста и соотвѣтствовала народному духу, особенно французскому. Бастіа въ популярной формѣ раскритиковалъ Прудоновскій даровой кредитъ. Ему не трудно было показать бессодержательность этой теоріи, тѣмъ болѣе, что Прудонъ самъ даль ему достаточно матеріала для ея опроверженія.

Чтобы доказать справедливость полученія процента на капиталъ, Бастіа, конечно, очень остерегался идти въ своемъ изслѣдованіи слишкомъ далеко и разсмотрѣть дѣйствительную сущность капитализма. Онъ не сходилъ со своей поверхностной точки зрѣнія, рассчитанной на темноту массоваго читателя и, въ интересахъ своей цѣли, указывалъ, что капиталъ есть награда за воздержаніе, плодъ индивидуальной работы, которая далека отъ того, чтобы быть въ состояніи выполнять функціи индивидуализированнаго капитала, какъ ее обыкновенно понимаютъ.

Онъ рассуждалъ при этомъ слѣдующимъ образомъ: „Допустимъ, Петръ говоритъ Павлу: дай мнѣ 10 монетъ по пятьдесятъ сантимовъ въ обмѣнъ за одну пятифранковую монету. Трудно придумать большую равноцѣнность. Но допустимъ, Петръ говоритъ Павлу: дай мнѣ 10 монетъ по пятьдесятъ сантимовъ сейчасъ, а я дамъ тебѣ пятифранковую монету черезъ годъ. Очевидно, что новое предложеніе совершенно измѣняетъ сдѣлку. Въ данномъ случаѣ необходимо нѣчто, что возстановило бы равновѣсіе... Это „нѣчто“ есть процентъ. Домовладѣлецъ и кораблестроитель обмѣниваются между собой домомъ и кораблемъ одинаковой цѣнности. По совершеніи сдѣлки кораблестроитель объявляетъ, что онъ желаетъ еще одинъ годъ пользоваться кораблемъ, во владѣніе же домомъ намѣренъ вступить немедленно. Въ такомъ случаѣ домовладѣлецъ, лишаясь своего дома и въ то же время не получая никакой выгоды отъ корабля, долженъ будетъ безъ всякой для себя пользы платить за другое жилище. Уравнять ихъ можетъ только процентъ на вложенный въ домъ капиталъ. Другой примѣръ. Деревенскій столяръ Яковъ затратилъ десять дней на то, чтобы сдѣлать хорошій рубанокъ. Онъ въ душѣ уже радуется той выгодѣ, какую онъ отъ этого получить. Тутъ приходитъ Вильгельмъ и проситъ одолжить ему рубанокъ на одинъ годъ. Яковъ сдѣлалъ себѣ этотъ рубанокъ, чтобы больше получать за свою отличную работу. Онъ не можетъ дать Вильгельму рубанокъ, ибо послѣдній за годъ износится и потеряетъ въ своей цѣнности. Онъ долженъ получить за это соотвѣтствующее вознагражденіе; по истеченіи года онъ долженъ получить такой же новый рубанокъ плюсъ еще нѣчто. И это есть процентъ“.

При помощи такихъ примѣровъ не трудно было склонить на свою сторону много слабыхъ головъ и настроить ихъ противъ Прудона, діалектическая непослѣдовательность котораго давала его противникамъ полный просторъ для возраженій.

Прудонъ, который объявилъ себя анархистомъ и край-

нимъ индивидуалистомъ, былъ согласенъ съ большинствомъ буржуазныхъ экономистовъ въ необходимости индивидуалистическаго принципа въ производствѣ и той экономической борьбы, которая зовется конкуренціей, поэтому должно было казаться страннымъ, что онъ выдвинулъ теорію, будто человѣкъ долженъ и можетъ свое единственное оружіе, которымъ онъ можетъ защищаться въ этой войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, частную собственность—уступить другому.

Прудонъ, какъ выше сказано, имѣлъ, конечно, въ виду извѣстнаго рода взаимность кредита. Чтобы считать ее осуществимой, необходимо въ то же время преположить, что существуетъ въ большей или меньшей степени равенство имуществъ и интересовъ. Но такъ какъ Прудонъ хотѣлъ свой взаимный кредитъ организовать при существующихъ общественныхъ отношеніяхъ, то народъ никакъ не могъ понять, какая возможна взаимность кредита между капиталистомъ-милліонеромъ, съ одной стороны, и предоставленными силамъ своихъ мышцъ пролетаріями—съ другой.

Какъ бы тамъ ни было, эта ожесточенная борьба мнѣній, эти горячіе дебаты съ цѣлымъ арсеналомъ стараго заржавѣлаго оружія въ рукахъ противъ идеи соціальной реформы, показываютъ, какого значенія достигли соціалистическія стремленія, служащія характернымъ признакомъ этой эпохи. И затѣмъ, развѣ все, что вдохновлялось буржуазно-консервативнымъ духомъ. всѣ тѣ, которые хотѣли закрѣпить свои привилегіи и, цѣпляясь за старое, ненавидѣли прогрессъ,—развѣ всѣ они не объединились подъ знаменемъ, которое обозначало собой жестокую реакцію и на которомъ красовался написанный кровью пролетаріата девизъ: „*Партія порядка*“? Несомнѣнно, лишь изъ страха передъ соціализмомъ, лишь изъ ненависти къ нему образовалась эта партія порядка.

Въ то время, какъ всѣ враги народа объявили войну противъ соціализма, народъ неизбѣжно долженъ былъ бростись въ объятія соціализма. Дѣло соціализма отождествлялось, слѣдовательно, съ дѣломъ прогресса вообще.

Вслѣдствіе этого, какъ увидимъ ниже, очень скоро образовалась соціаль-демократическая партія, въ которой должны были найти себѣ мѣсто самыя разнообразныя оттѣнки прогрессивныхъ направленій.

тивъ обвиненій, вводимыхъ на нихъ докладомъ. На трибуну вновь взошелъ Ледрю-Ролленъ, чтобы протестовать противъ тенденціозности слѣдственной комиссіи. Онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ пророческимъ заявленіемъ: „Не обезоруживайте-же самихъ себя, не выдавайте своихъ коллегъ, дѣло идетъ о спасеніи національнаго представительства; стоить сдѣлать маленькую брешь, какъ руки насильниковъ будутъ ее расширять, и тогда они могутъ разогнать все собраніе“.

Могучую фигуру Ледрю-Роллена замѣнилъ маленькій Луи Бланъ. Бывшій президентъ правительственной комиссіи по рабочему вопросу приготовился къ большому словесному турниру; онъ хотѣлъ на доказательства своихъ враговъ отвѣтить также доказательствами и для этой цѣли онъ принесть съ собою цѣлую гору документовъ. Вооружившись такимъ образомъ, онъ на трибунѣ сражался почти пять часовъ подрядъ до полного изнеможенія. Национальное собраніе слушало его съ холоднымъ спокойствіемъ, съ спокойствіемъ, которое бываетъ опаснѣе, чѣмъ бурное перебиваніе, и которое даетъ понять оратору: ты можешь говорить сколько тебѣ угодно, но участь твоя рѣшена.

Засѣданіе началось въ полдень, а когда Луи Бланъ кончилъ свою рѣчь, было уже одиннадцать часовъ ночи.

Очередь дошла до Коссидьера. Собраніе было крайне утомлено. Бывшій полицейскій префектъ временнаго правительства требовалъ отсрочить засѣданіе. Но ночью удобнѣе привести въ исполненіе дѣло мести, моральное убійство; съ нетерпѣніемъ ждали смертельнаго удара для тѣхъ, кто еще пытался противиться постигшему ихъ року. Отсрочка была отклонена, и Коссидьеръ вынужденъ былъ говорить. Онъ прочиталъ защитительную рѣчь, которую изготавилъ ему знакомый журналистъ. Какъ и всѣ прочіе, онъ также чувствовалъ страшную усталость, и губы его съ большимъ трудомъ произносили отдѣльныя слова. Въ полночь онъ кончилъ свою защиту и, собравъ свои послѣднія силы, онъ воскликнулъ: „Да здравствуетъ республика“!

Наступилъ давно подготовленный, большинствомъ ожидаемый, эффектный моментъ, который вывелъ членовъ крайней лѣвой изъ ихъ оцѣпенѣнія. Президентъ Арманъ Марра прочиталъ слѣдующее письмо прокурора:

„Господинъ президентъ! Имѣю честь просить Вашего разрѣшенія для судебного преслѣдованія двухъ членовъ національнаго собранія...“

Два депутата, о которыхъ шла рѣчь, были, конечно, Коссидьеръ и Луи Бланъ. Отъ имени крайней лѣвой депутатъ Лоранъ (Laurent) протестовалъ противъ этого необычнаго смѣшенія политической и судебной власти. Теодоръ Бакъ (Theodor Bac), другой депутатъ, открыто заявилъ, что это заранѣе придуманная продѣлка сильной руки, предусмотрительно заготовленная на эту ночь. Но національное собраніе ничего не хотѣло слушать. Оно отклонило вновь сдѣланное предложе-

ние объ отсрочкѣ. Ни голосъ Ледрю-Роллена, ни слова нѣкоторыхъ другихъ представителей не могли удержатъ большинство отъ приведенія въ исполненіе задуманнаго плана. Эффектно завершилъ все это Кавеньякъ, который потребовалъ отъ національнаго собранія кончить это дѣло.

Уже наступала заря новаго дня, когда предложеніе о разрѣшеніи судебного преслѣдованія было принято національнымъ собраніемъ большинствомъ 504 голосовъ противъ 252.

Выданные собраніемъ оба депутата, которые съ большимъ основаніемъ очень мало вѣрили въ безпристрастіе предстоящаго разслѣдованія ихъ дѣла, по совѣту друзей бѣгствомъ избавились отъ прокурорскаго преслѣдованія и благополучно добрались до Лондона.

Реакція такимъ образомъ шагъ за шагомъ съ непреодолимой силой шла впередъ по заранѣ намѣченному пути. Но социалистическое движеніе продолжало развиваться и, казалось, ни на шагъ не отступало передъ реакціей.

Это сближеніе между Горой и открыто примыкающими къ социализму народными кругами. сближеніе, осуществившееся благодаря компромиссу, опиравшемуся на взаимныя уступки, послужило началомъ организациі партіи, которая, подъ именемъ социаль-демократической, скоро нашла себѣ много сторонниковъ въ странѣ.

Эта партія, на подобіе либеральной партіи реформъ временъ июльской монархіи, устраивала передъ назначенными на 17 сентября дополнительными выборами всевозможные банкеты, къ которымъ въ то время прибѣгали, какъ къ самому излюбленному способу пропаганды. На одномъ изъ этихъ банкетовъ, который имѣлъ мѣсто въ ресторанѣ дю-Шалэ, говорилось о многомъ: тамъ Ледрю-Ролленъ сжигалъ свои корабли, провозгласивъ тостъ за низверженіе „подлаге капитала“.

Выборы 17 сентября дали самые неожиданные результаты. Безспорнымъ побѣдителемъ изъ избирательной урны вышелъ неизбѣжный Луи Наполеонъ Бонапартъ. На эту высоту его подняли пять департаментовъ съ 300.000 голосовъ. Рядомъ съ нимъ фигурировали такіе извѣстные монархисты, какъ Молэ (Molé), Фульдъ (Fould), Лефло (Leflô). Но и социалистической кандидатъ Распайль, который вмѣстѣ съ Бланки и Барбэ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Венсенской крѣпости, оказался также побѣдителемъ.

На этотъ разъ Луи Наполеонъ ужъ больше не отказывался занять мѣсто народнаго представителя. Онъ воспользовался случаемъ, чтобы вернуться въ Парижъ. Однажды совершенно неожиданно появился онъ въ черномъ фракѣ въ Национальномъ Собраніи, гдѣ прочиталъ заявленіе, которое заканчивалось такъ: „Мое поведеніе, постоянно проникнутое сознаниемъ своихъ обязанностей и исполненное уваженія къ конституціи, въ противовѣсъ всѣмъ тѣмъ, которые стараются меня очернить съ цѣлью вновь отправить меня въ изгнаніе,—мое поведеніе будетъ служить доказательствомъ, что среди васъ не

найдется ни одного, кто больше меня рѣшился бы посвятить себя защитѣ порядка и укрѣпленію республики“.

Большинство приняло это заявленіе будущаго диктатора и императора съ удовольствіемъ и, такимъ образомъ, собственными руками сплело кнутъ, которымъ оно позже должно было быть наказано. А свое дурное настроеніе оно излило на Распайлѣ, котораго оставили сидѣть въ тюрьмѣ.

Бонапартъ предпочелъ нѣкоторое время держаться въ сторонѣ, ибо какъ разъ въ это время пренія по вопросу о конституціи французской республики привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе. Еще въ маѣ была избрана комиссія изъ восемнадцати членовъ для выработки соотвѣтствующаго проэкта. Большинство этой комиссіи состояло изъ лицъ, которыя лишь по внѣшнему виду казались республикански настроенными. Защитникомъ интересовъ рабочаго класса былъ въ этой комиссіи, какъ перчатка, гибкій Корбонъ, а чтобы и социалистическія тенденціи имѣли тамъ своего представителя, выбрали Виктора Консидерана, ученика Фурье. Комиссія, занятая съ 15 мая выработкой конституціи, въ общихъ чертахъ ужъ изготовила свой проэктъ, какъ вдругъ на улицахъ разразилась июньская буря.

Изготовленному проэктору предшествовало совершенно незначительное введеніе, въ которомъ говорилось, что республика должна служить для гражданъ защитой ихъ семьи, личности и религіи. Далѣе въ немъ говорилось: „Республика обязана, сообразуясь со своими средствами, поддерживать нуждающихся гражданъ, либо доставляя имъ изъ имѣющихся въ ея распоряженіи источниковъ работу, либо, въ случаѣ если они неработоспособны, давая имъ средства къ существованію“.

Въ этомъ положеніи во всякомъ случаѣ заключалось косвенное *признаніе права на трудъ*.

Согласно проэктору, конституція объявляла неприкосновенность жилища, отмѣну рабства и уничтоженіе смертной казни за политическія преступленія, личную, равно какъ и религіозную, свободу, свободу обученія, промышленности и труда. Въ проэктѣ далѣе было оговорено, что законодательная власть должна быть ввѣрена единому собранію, состоящему изъ семисотъ пятидесяти членовъ, а въ качествѣ избирательной системы должно быть принято право всеобщаго голосованія. Національное Собраніе, согласно проэктору, должно дѣйствовать непрерывно; если засѣданіе его отсрочено, то дѣйствуетъ комиссія изъ двадцати семи членовъ, чтобы въ случаѣ необходимости вновь созвать собраніе. Продолжительность законодательнаго періода была опредѣлена въ три года, депутаты должны были получать діеты (суточные) и быть неприкосновенными. Во главѣ управленія долженъ стоять президентъ республики, избранный путемъ всеобщаго голосованія. Собраніе лишь въ томъ случаѣ можетъ назначить президента, если никто изъ кандидатовъ на президентство не получилъ абсолютнаго большинства изъ общаго числа поданныхъ голосовъ. Въ этомъ случаѣ собраніе можетъ

остановить свой выборъ на одномъ изъ пяти кандидатовъ получившихъ наибольшее число голосовъ. Президентъ долженъ избираться на четыре года. Ему предоставляется много такихъ правъ, которыя ставятъ его въ положеніе конституціоннаго короля. Въ то-же время, хотя ему дается право распоряженія арміею, но лично командовать онъ ею не можетъ. Далѣе, онъ не имѣетъ права распустить законодательный корпусъ, и личность его не должна быть неприкосновенной. По истеченіи четырехъ лѣтъ его президентства онъ не можетъ снова избираться

При обсужденіи конституціи въ Національномъ Собраніи, *„право на трудъ“* наткнулось на большія препятствія. Депутатъ Матье (Mathieu), представитель департамента Дромъ (Drôme), который особенно рѣзко хотѣлъ подчеркнуть этотъ пунктъ, сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: „Республика признаетъ за всѣми гражданами право на обученіе, трудъ и помощь“. Еще рѣзче высказался представитель департамента Роны. Онъ сказалъ: „Граждане, право на трудъ обѣщано народу, какъ награда за февральскую побѣду, народъ надѣется на это право, народъ ждетъ его. Собраніе должно сдержать свое слово. Вы объявили, что временное правительство много сдѣлало на пользу родины; этимъ самымъ вы признали, что оно хорошо дѣлало, отстаивая право на трудъ“. Эти слова, которыя консервативный писатель Пьеръ-де-ла-Горсъ (Pierre de la Forge) внесъ въ свою „Исторію второй республики“, были, однако, заглушены поднявшимся шумомъ и крикомъ противниковъ.

Ледрю-Ролленъ также выступилъ защитникомъ права на трудъ. Точно также и самъ Ламартинъ долженъ былъ взять слово для защиты дѣла, по которому онъ далъ связавшее его обѣщаніе. При этомъ онъ опять воспользовался одной изъ такъ хорошо знакомыхъ ему ораторскихъ фигуръ, воскликнувъ: „Въ достопамятные дни печальной эпохи Дантонъ сказалъ: Смѣлость! Смѣлость! и еще разъ смѣлость! А мы скажемъ: Состраданіе! Состраданіе! всегда состраданіе къ народу и народъ за это будетъ благодаренъ“.

Нѣкоторые члены правой точно также объявили себя защитниками принципа права на трудъ, и притомъ во имя христіанскаго милосердія.

Но все это было напрасно. Стоило только Тьеру, по своему обыкновенію, сдѣлаться рупоромъ чувствъ буржуазіи, какъ рѣчь его была покрыта громовными апплодисментами. Право на трудъ ненавидѣли не ради него самого, а потому, что признаніе его временнымъ правительствомъ было вызвано народомъ.

Кромѣ права на трудъ, горячіе дебаты вызвалъ и второй вопросъ, а именно вопросъ о томъ, должна-ли законодательная власть осуществляться одной или двумя палатами. Коммиссія, какъ выше упомянуто, высказалась за единую палату. Одилонъ Барро, Тьеръ и Дювержье-де-Оранъ стояли за двухпалатную систему только потому, что послѣдняя больше всего приближается къ монархической формѣ правленія. Но въ данномъ случаѣ восторжествовала одно-палатная система

Не такъ легко было провести рѣшеніе вопроса о выборѣ президента республики. Сначала въ республиканскомъ лагерѣ единогласно высказывались за то, что этотъ выборъ долженъ быть произведенъ путемъ всеобщей подачи голосовъ. Но результатъ выборовъ 17-го сентября, закончившихся торжествомъ Бонапарта, заставилъ многихъ измѣнить свой взглядъ. Въ широкихъ кругахъ буржуазной демократіи предвидѣли, что подсчетъ многихъ миллионовъ голосовъ французскаго народа можетъ пригодится только одному человеку и возвеличить избранника 17-го октября, Наполеона Бонапарта.

Не смотря на это, значительная часть республиканцевъ, которая не хотѣла пожертвовать принципомъ изъ-за одной только боязни возможной опасности, упорно настаивала на томъ, чтобы выборъ президента произведенъ былъ народомъ. Другіе, которые стояли еще лѣвѣе, хотѣли обойти затрудненіе тѣмъ, что предлагали вмѣсто президента республики, облеченнаго верховной властью, назначить лишь министра-президента, который, будучи выбранъ палатой, во всякое время могъ бы той же палатой быть низложенъ. Жюль Грэви (Jules Grevy), бывший позже самъ президентомъ третьей республики, поддерживалъ этотъ планъ и высказывался противъ выбора президента республики. Онъ говорилъ: „Можно ли придумать лучшее средство для возстановленія монархіи? Увѣрены ли вы въ томъ, что въ рядѣ лицъ, которыя изъ четырехлѣтія въ четырехлѣтіе будутъ смѣнять другъ друга на президентскомъ креслѣ, окажутся истинные республиканцы, которые по истеченіи своего президентства будутъ торопиться покинуть тронъ?.. Что если на президентское кресло попадетъ, напр., отпрыскъ той фамиліи, которая царствовала во Франціи, что если онъ никогда категорически не откажется отъ того, что онъ считаетъ своимъ правомъ?“

Было еще предложеніе—предоставить собранію выбирать президента. Противъ этого предложенія Ламартинъ держалъ длинную рѣчь, въ которой онъ высказывался за избраніе президента народомъ. Онъ обнаружилъ свое политическое остроуміе когда воскликнулъ: „... Чтобы рѣшиться на актъ восемнадцатаго брюмера, необходимы двѣ вещи: долгіе годы террора въ прошломъ и такія побѣды въ будущемъ, какая была при Маренго“. Луи Бонапартъ очень скоро показалъ поэту, что бываютъ случаи, когда и безъ всего этого можно произвести государственный переворотъ.

527-ю голосами противъ 130 выборъ президента республики былъ предоставленъ народу.

Однако, депутатовъ охватилъ страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ. Грозная мысль о второмъ восемнадцатомъ брюмерѣ, какъ бы она ни была далека, произвела свое дѣйствіе. Рѣшено было принять мѣры, чтобы совершенно устранить подобнаго рода случайности. Было не только установлено, что президентъ, по истеченіи періода его полномочій, не можетъ вновь баллотироваться, но даже постановили, что родственники его до шестого колѣна лишаются права преемничества. Онъ одинъ изъ

всѣхъ сановниковъ обязывается дать присягу на вѣрность республикѣ. Далѣе было объявлено, что всякое распоряженіе, которымъ президентъ намѣревался бы отсрочить или распустить національное собраніе, должно считаться величайшей измѣной и повлечь за собой лишеніе его сана. Въ этомъ случаѣ исполнительная власть должна по закону, перейти къ Национальному Собранію, а для суда надъ президентомъ и его сообщниками должна собраться верховная судебная палата.

Въ концѣ октября мертворожденное дитя, конституція новой республики, была готова *). Марксъ по поводу этого обманчиваго произведенія высказываетъ въ своемъ „Восемнадцатомъ брюмера Луи Наполеона“ слѣдующее мнѣніе:

„Новая конституція была въ основѣ своей только республиканскимъ изданіемъ конституціонной хартіи 1830 года. Узкій избирательный цензъ іюльской монархіи, который довольно значительную часть буржуазіи лишалъ политической власти былъ несовмѣстимъ съ существованіемъ буржуазной республики. Февральская революція тотчасъ объявила вмѣсто этого ценза прямое всеобщее избирательное право... Неизмѣнный генеральный штабъ всѣхъ свободъ 1848 года: свобода личности, печати, слова, ассоціацій, собраній, науки, совѣсти и т. п., получилъ своего рода конституціонный мундиръ, который сдѣлалъ ихъ неуязвимыми. Каждая изъ этихъ свободъ была объявлена въ качествѣ безусловнаго права французскаго гражданина, но съ неизбѣжнымъ примѣчаніемъ, что свобода неограничена, поскольку ее не ограничиваютъ „равныя права другихъ и общественная безопасность“ или „законъ“, который устанавливаетъ гармонію индивидуальныхъ свободъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ отношеніи общественной безопасности. Напримѣръ: „Граждане имѣютъ право вступать въ ассоціаціи, мирно и безъ оружія собираться, подавать петиціи и выражать свои мнѣнія путемъ печати или какимъ-нибудь другимъ способомъ. Пользованіе этимъ правомъ не имѣетъ никакихъ другихъ границъ, кромѣ равнаго права другихъ и общественной безопасности“ (глава II Французской конституціи § 8).

„Обученіе свободно“.

„Свободой обученія должно пользоваться *на основаніи закона* *установленныхъ условій* и подъ высшимъ надзоромъ государства (§ 9).

„Жилище каждаго гражданина неприкосновенно, за исключеніемъ предписанныхъ въ законѣ случаевъ“ (глава I, § 3)... Каждый параграфъ конституціи содержитъ въ себѣ свою собственную антитезу, свой верхній и нижній этажъ, именно: въ текстѣ свобода, въ примѣчаніи упраздненіе свободы ..

Эта столь остроумно придуманная конституція была, од-

*) Она была принята 4-го ноября 739-ю голосами противъ 30. Послѣдніе принадлежали частью депутатамъ, объявившимъ себя легитимистами, частью—представителямъ крайней лѣвой, какъ Пьеръ Леру и Прудонъ.

нако, какъ и Ахиллъ, въ одномъ пунктѣ уязвима, правда не въ пятѣ, а въ головѣ, или вѣрнѣе въ двухъ головахъ, въ которыхъ сосредоточивалась ея сущность: въ законодательномъ собраніи съ одной стороны. и въ президентѣ—съ другой. Бѣгло просматривая конституцію, легко замѣтить, что только тѣ параграфы ея абсолютны, положительны, непротиворѣчивы, недвусмысленны, которыми опредѣляется отношеніе президента къ законодательному собранію. Объ этомъ, именно, пунктѣ и слѣдовало самимъ буржуа-республиканцамъ хорошенъко подумать, чтобы обезпечить свою собственную позицію. Параграфы 45 — 70 конституціи составлены такъ, что національное собраніе можетъ упразднить президента на основаніи конституціи, тогда какъ президентъ не можетъ иначе упразднить національнаго собранія, какъ только путемъ упраздненія самой конституціи. Вотъ гдѣ, слѣдовательно, кроется тайная причина ея насильственнаго уничтоженія. Она не только, подобно хартіи 18302, освящаетъ принципъ раздѣленія властей, но даже развиваетъ его дальше, доводя до невыносимаго противорѣчія Игра въ конституціонную власть,—какъ гизо называлъ споръ между законодательной и исполнительной властью,—была во время конституціи 1848 года постоянно игрою *va banque*. Съ одной стороны 750 народныхъ представителей, которые избраны всеобщимъ голосованіемъ и которые могутъ быть вновь избраны, образуютъ собой національное собраніе, не подлежащее ни контролю, ни распушенію, ни дѣленію,—національное собраніе, которое обладаетъ законодательнымъ всемогуществомъ, въ послѣдней инстанціи рѣшаетъ вопросы о войнѣ, мирѣ и торговыхъ договорахъ, пользуется даже правомъ амністіи и постоянно сохраняетъ за собой политическую авансцену, благодаря своей перманентности. Съ другой стороны—президентъ со всѣми атрибутами королевской власти, съ правомъ назначать и смѣщать министровъ независимо отъ національнаго собранія; онъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ средства исполнительной власти, онъ раздастъ мѣста и благодаря этому, рѣшаетъ судьбу по меньшей мѣрѣ 1½ миллионъ душъ во Франціи, поскольку ихъ судьба связана съ судьбой 500.000 чиновниковъ и офицеровъ всѣхъ ранговъ. Въ его распоряженіи вся вооруженная сила...

Въ то время какъ собраніе дѣйствуетъ на глазахъ у всѣхъ, при свѣтѣ общественной критики, президентъ живетъ въ Елисейскихъ Поляхъ, вдали отъ постороннихъ глазъ, непрестанно памятуя 45 статью конституціи, статью, которая изо дня въ день взываетъ къ нему: „Frère, il faut mourir!“ Твоя власть прекращается во второе воскресенье прекраснаго мѣсяца мая, на четвертомъ году твоего избранія! Тогда наступитъ конецъ величію, игра эта не повторяется дважды, и если у тебя есть долги, то заблаговременно подумай о томъ, чтобы уплатить ихъ изъ тѣхъ 600.000 франковъ, которые ассигнуются тебѣ по конституціи, коли не желаешь попасть въ Клиши во второй понедѣльникъ прекраснаго мѣсяца мая“.

Торжество об'явленія конституції.

Дѣйствительно не трудно было предвидѣть, что, называясь Бонапартомъ, не легко при подобныхъ обстоятельствахъ отречься отъ политическаго господства; гораздо легче при этихъ условіяхъ умереть.

Спустя нѣсколько дней послѣ 12 ноября площадь согласія вновь была торжественно разукрашена. На этотъ разъ торжественныя украшенія совершенно не напоминали собой похоронъ и вполне соответствовали торжеству объявленія конституціи. Торжество, однако, было довольно печальное и холодное. Небо было пасмурно, и начиналась мятель.

Едва попадая зубъ на зубъ, Арманъ Марра съ трибуны, устроенной посреди огромной площади, прочиталъ конституцію. Епископы отслужили при этомъ обѣдню.

Вся церемонія была довольно скоро закончена. Помимо чисто физическаго холода, народъ и внутренне отнесся холодно къ этой печальной комедіи, и оффиціальныи міръ рисковалъ, по меньшей мѣрѣ, своимъ драгоцѣннымъ здоровьемъ

ГЛАВА XXIII.

Европейская революція совершилась на подобіе Французской.—Продолженіе итальянскаго возстанія.—Карль Альбертъ провозглашаетъ себя королемъ Верхней Италіи.—Радецкій побѣдоносно подвигается впередъ и прелятствуетъ заключенію перемирія.—Карль Альбертъ, разбитый при Кустоциѣ и Вольтѣ, бѣжитъ черезъ Миланъ въ Туринъ.—Перемиріе и конецъ возстанія.—Венеціанская Республика проситъ помощи у французовъ.—Печальная роль Кавеньяка.—Народное движеніе въ Папской области.—Графъ Пеллегрино Росси убитъ. Побѣда революціи въ Римѣ.—Бѣгство папы въ Гаэта.—Комическая роль Кавеньяка.—Начало великаго преступленія.

Во второй половинѣ года революціи побѣдоносная реакція торжествовала не только во Франціи. Во всѣхъ захваченныхъ революціоннымъ движеніемъ частяхъ Европы поднялось сильное, въ большинствѣ случаевъ правительствомъ возбужденное противореволюціонное движеніе; конечная цѣль послѣдняго сводилась къ тому, чтобы возстановить дореволюціонный порядокъ, придавъ ему конституціонную видимость, т. е., путемъ незначительнаго расширенія круга правящихъ классовъ, уничтожить то, что было добыто революціей.

Правда, еще не ясно было, на чьей сторонѣ будетъ окончательная побѣда, но не трудно было замѣтить, что въ распоряженіи реакціи находились всѣ дѣйствительныя и реальныя силы, тогда какъ демократія, изъ рукъ которой было вырвано руководство революціоннымъ движеніемъ, безсильно смотрѣла на то, какъ вновь укрѣплялась королевская власть; побѣдитель же демократіи, буржуазно-капиталистическій либерализмъ, представители котораго въ парламентахъ говорили длинныя рѣчи, а въ маленькихъ государствахъ стояли даже у кормила правленія, изъ боязни передъ господствомъ народа либо совершенно перешелъ въ реакціонный лагерь, либо, въ крайнемъ случаѣ, давалъ только слабый отпоръ надвигавшейся реакціи; нѣкоторыми же созданными имъ законами и административными учрежденіями этотъ либерализмъ даже оказывалъ поддержку реакціи.

Побѣжденная въ кровавой борьбѣ, пролетарская демократія Франціи, наиболѣе активныя элементы которой, поскольку они избѣжали кровавой бани, частью томились въ тюрьмѣ, частью, какъ плѣнные, были посажены на корабли для отправки въ колонію Belle-Isle-en-Mer, не могла уже имѣть значенія для подъема революціонной волны. О помощи и поддержкѣ братьямъ

по ту сторону Рейна и Альпъ въ интересахъ общей республиканской идеи давно уже не было рѣчи: эти стремленія были погребены 15 мая.

Политическія событія, которыя разыгрались между Германіей и Пруссіей, равно какъ между Австріей и Венгріей, нашли себѣ очень слабый отголосокъ во Франціи, занятой своими собственными дѣлами, а потому не имѣли никакого значенія для дальнѣйшаго развитія французской контръ-революціи и въ этомъ отношеніи совершенно не должны приниматься въ разсчетъ.

Совсѣмъ иначе дѣло обстояло съ Италіей: сначала помощь ей со стороны французской республики казалось, не была нужна, теперь же она попала въ такое положеніе, что съ нетерпѣніемъ ждала своего спасителя.

Карль Альбертъ, „мечъ Италіи“, воспользовался перемиріемъ, на которое австрійскій военный герой долженъ былъ согласиться, чтобы стянуть необходимыя ему для наступленія войска,— въ цѣляхъ присоединенія занятой имъ Ломбардіи къ своему королевству, соблюдая при этомъ всѣ формальности. 8 іюня временное правительство Ломбардіи объявило уже странѣ, что, согласно произведенному имъ голосованію, значительное большинство изъ 561.000 гражданъ высказалось за присоединеніе Ломбардіи къ Сардиніи, вслѣдствіе чего 14 іюня Карль Альбертъ въ главной квартирѣ своей въ Гарда (Garda) подписалъ актъ этого присоединенія и провозгласилъ себя королемъ Верхней Италіи. Объединенное Сардинско-Ломбардское учредительное собраніе должно было установить основные законы новой монархіи, а до тѣхъ поръ существующее временное правительство Ломбардіи и всѣ изданные имъ законы должны были остаться въ полной силѣ.

Республикански настроенное временное правительство Венеціи не пожелало такъ быстро послѣдовать примѣру своей сестры и пожертвовать своей независимостью. Между тѣмъ народное возстаніе 4 іюля принудило Манина отказаться отъ своего протеста и одобрить присоединеніе Венеціи къ новому верхнеитальянскому королевству. Поэтому Сардинскій парламентъ въ Туринѣ 27 іюля постановилъ, что городъ и провинція Венеція вмѣстѣ съ Сардинской областью и соединившіяся съ ними Ломбардскія провинціи должны образовывать одно королевство и при томъ на условіяхъ, указанныхъ въ законѣ объединенія съ Ломбардіей. Карль Альбертъ поспѣшилъ утвердить это постановленіе, и новое Сардино-Ломбардо-Венеціанское королевство было готово... на бумагѣ.

Но только на бумагѣ. Ибо въ то время какъ Карль Альбертъ занимался политикой, его противникъ Радецкій дѣйствовалъ. 29 мая онъ напалъ на поддерживаемые тосканскими и неаполитанскими регулярными войсками итальянскіе отряды волонтеровъ, окопавшихся у Куртатона (Curtatona) и дважды отбитый, онъ при третьемъ штурмѣ одержалъ побѣду. Тосканская дивизія была при этомъ почти совершенно истреблена,

отрядъ волонтеровъ-студентовъ изъ Пизы сложилъ здѣсь, въ этомъ славномъ бою свои головы. Хотя находившаяся еще во власти Австріи крѣпость Пескіера у Гардійскаго озера 31 мая должна была капитулировать, но на этомъ послѣднемъ событіи закончилось военное счастье короля Сардиніи. Радецкій, оставивъ его у Риволи, самъ двинулся на востокъ, чтобы, прежде всего, вновь овладѣть Венеціанской областью. Послѣднюю защищали, главнымъ образомъ, папскія войска подъ начальствомъ генерала Дурандо, который со своимъ 15-ти тысячнымъ сильнымъ корпусомъ расположился на вершинѣ Треviso при Піавѣ, а затѣмъ своими главными силами занялъ Виченцу. Этотъ городъ былъ сильно укрѣпленъ, а улицы даже забаррикадированы. Радецкій 10 іюня взялъ штурмомъ господствующую надъ Виченцей гору Берико и тѣмъ самымъ заставилъ Дурандо капитулировать. Въ виду обѣщанія въ теченіе ближайшихъ трехъ мѣсяцевъ не вести военныхъ дѣйствій противъ Австріи, ему и его корпусу разрѣшено было свободное отступление. Оставшійся еще сильный четырехтысячный отрядъ папскихъ войскъ, занимавшій Треviso, 14 іюня также капитулировалъ и долженъ былъ, при соблюденіи тѣхъ же условій, съ оружіемъ и обозомъ отступить. Падуя была взята также безъ боя, и къ концу іюня вся Венеція была вновь покорена подъ власть Австріи. Только городъ Венеція который пожелалъ защищаться до послѣдней степени, оказалъ еще нѣкоторое сопротивление.

Въ это время Британскій Кабинетъ предложилъ воюющимъ сторонамъ свое посредничество и склонилъ Австрію къ тому, чтобы она отказалась отъ Ломбардіи подъ условіемъ, что Ломбардцы возьмутъ на себя извѣстную часть австрійскаго государственнаго долга и что Венеція будетъ связана съ Австріей путемъ личной уніи. Одновременно съ этимъ Радецкій получилъ приказъ предложить Карлу Альберту перемиріе. Но этому приказу старый бреттеръ воспротивился самымъ энергичнымъ образомъ. Онъ послалъ князя Феликса Шварценберга въ Инсбрукъ для протеста противъ мысли о мирѣ и не далъ осуществиться заранѣе намѣченному плану. Въмѣсто этого, съ цѣлью показать, что Австрія убѣждена въ скоромъ и полномъ восстановленіи ея власти въ Италіи, графу Монтекукули (Montecuculi) императорскимъ декретомъ было поручено проводить соотвѣтствующую политику во вновь занятыхъ и имѣющихъ быть занятыми итальянскихъ провинціяхъ.

Карль Альбертъ, потерявшій цѣлый мѣсяцъ въ безконечныхъ заботахъ и жадномъ стремленіи получить „желѣзную корону“ Ломбардіи, изъ-за которой много столѣтій велся ожесточенный споръ, могъ теперь рассчитывать только на своихъ Пьемонтцевъ и приблизительно на 7.000 волонтеровъ; послѣдніе, подъ предводительствомъ храбраго Джузеппе Гарибальди, энергично сражались въ тылу австрійской арміи и, появляясь съ Альпійскихъ высотъ то здѣсь, то тамъ, отважными набѣгами старались возможно больше беспокоить австрійцевъ и затруднять ихъ движеніе.

Нѣсколько дней спустя, 9 августа, у Виджевано (Vigevano) былъ формально заключенъ шестинедѣльный миръ, который восстановилъ то положеніе вещей, какое было до начала освободительной войны, и урегулировалъ выводъ войскъ изъ всѣхъ крѣпостей и городовъ Средней Итали, занятыхъ еще сардинскими солдатами. Изгнанные князья изъ Модены и Пармы вернулись въ свои города, чтобы довершить дѣло кровавой мести. Папскій городъ Болонья былъ подвергнутъ бомбардировкѣ, потому что тамъ нѣкоторые австрійскіе офицеры, нахально проникшіе въ этотъ городъ, были убиты народомъ, какъ непріятельскіе шпіоны. Очищеніе крѣпостей и вступленіе австрійскихъ войскъ въ сдавшіеся города происходило въ большинствѣ случаевъ безпрепятственно. Только Бреція (Brescia) оказала сопротивленіе, и лишь вооруженной силой заставили ее 13 августа открыть генералу Д' Аспрѣ (d'Aspre) ворота; за это сопротивленіе она была примѣрно наказана. Гаррибальди съ своими волонтерами нѣкоторое время еще держался въ Альпійскихъ долинахъ между озеромъ Комо и Лаго Маджоре (Lago Maggiore), но въ концѣ концовъ и онъ былъ вынужденъ удалиться черезъ Тичино въ Пьемонтъ.

Въ Венеціи 10 августа народъ объявилъ союзъ съ Сардиніей уничтоженнымъ, провозгласилъ республику и учредилъ временное правительство съ Маниномъ во главѣ, чтобы продолжать войну съ австрійцами совершенно самостоятельно. Изъ этой маленькой республики раздался послѣдній крикъ о помощи, дошедшій въ Парижъ до великой французской республики. Но Кавеньякъ не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы изъ-за какихъ-то пустяковъ попадать въ непріятное положеніе. Правда, въ его собственномъ правительствѣ было довольно сильное стремленіе въ пользу немедленнаго вмѣшательства, тѣмъ болѣе, что этого настойчиво требовало все маломальскіе демократически настроенное населеніе Франціи. Это стремленіе было настолько сильно, что стоящіе за вмѣшательство министры полагали, что они могутъ дѣйствовать безъ прямого согласія Кавеньяка, равнодушіе *) котораго они, какъ имъ казалось, поколебали. Въ Марселѣ было снаряжено четыре транспортныхъ судна, которые могли вмѣстить въ себѣ 3000 человѣкъ сильной бригады, а Манину было написано: „Держитесь до прибытія французовъ“. Но Кавеньякъ разстроилъ планы своихъ министровъ и распорядился пріостановить военныя приготовленія. Италия снова была предоствлена самой себѣ и обречена была на гибель на полѣ брани.

*) Еще лучше было-бы употребить здѣсь слово „малодушіе“. Кавеньякъ находился совершенно подъ вліяніемъ буржуазіи, а послѣдняя ничего не хотѣла знать о мѣропріятіяхъ, которыя хоть сколько-нибудь могли попортить вѣру въ спокойное теченіе торговой жизни. Самымъ горячимъ противникомъ экспедиціи выступилъ *министръ финансовъ*. «Диктатура Кавеньяка», пишетъ Марксъ въ «Классовой борьбѣ во Франціи», «это не была диктатура сабли надъ буржуазнымъ обществомъ, это была диктатура буржуазіи при помощи сабли».

Въ то время, какъ всюду въ Европѣ положеніе демократіи становилось все болѣе и болѣе печальнымъ, лучъ надежды все-таки блеснулъ и въ этомъ году: въ срединѣ ноября Римъ, столица христіанства, былъ охваченъ полнымъ возстаніемъ, и дѣло народное торжествовало.

Отказъ папы вести войну съ Австріей, 29 апрѣля вызвалъ въ Римѣ и во всей Папской области такое неудовольствіе, что Пій IX вынужденъ былъ поручить либеральному графу Маміани (Mamiani) образовать новый кабинетъ. Онъ даже согласился на то, чтобы веденіе иностранной политики, поскольку она не имѣетъ церковнаго характера, было отнято у кардинала Антонелли (Antonelli), и чтобы эта политика рѣшительно преслѣдовала національные интересы. Но такъ какъ папа энергично боролся противъ формальной войны съ величайшей католической державой Европы, то очень скоро начались обычные конфликты между упрямымъ сувереномъ и его министрами, и когда въ іюлѣ и августѣ, по полученіи извѣстія о побѣдоносномъ шествіи австрійцевъ, общественное мнѣніе потребовало энергичныхъ дѣйствій, а Пій IX неизмѣнно держался уклончивой политики, то министерство Маміани подало прошеніе объ отставкѣ, которая и была принята, а засѣданіе созванныхъ, по конституціи 14 марта палатъ было отсрочено до 15 ноября.

Вслѣдъ за временнымъ министерствомъ Фаббри (Fabbrri), которое никоимъ образомъ не могло справиться съ тяжелыми обстоятельствами, Пій IX назначилъ 14 сентября министромъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ человѣка, который хвастливо обѣщаль задушить національное движеніе и репрессивными мѣрами уничтожить всякое проявленіе народной воли. Это былъ графъ Пеллегрино Росси (Pellegrino Rossi), родомъ изъ Каррара (Carrara). Онъ былъ сначала въ Женевѣ профессоромъ права, затѣмъ былъ вызванъ Гизо въ Парижъ, гдѣ сдѣлался вліятельнымъ чиновникомъ. Ставъ графомъ при Луи Филиппѣ, онъ до самой февральской революціи состоялъ французскимъ посломъ при Папскомъ престолѣ. Противъ этого-то человѣка и направилась вся ненависть итальянцевъ, ненависть, которая не останавливается даже передъ политическимъ убійствомъ.

15 ноября Росси лично хотѣлъ открыть вновь созданный парламентъ. Не обращая никакого вниманія на сдѣланныя ему предостереженія, онъ отправился въ зданіе палаты, и уже по дорогѣ его сопровождалъ неистовый крикъ огромной толпы народа. Площадь вокругъ зданія палаты и ведущая въ залъ засѣданія лѣстница были заняты сплошь народомъ. Едва министръ вышелъ изъ кареты и сталъ на первую ступень лѣстницы, какъ онъ уже былъ раненъ кинжаломъ въ шею; полумертвый упалъ онъ на землю и буквально былъ растерзанъ нахлынувшей толпой. Убійца торжествуя поднѣлъ вверхъ свой кинжалъ и, благодаря своему поступку, сдѣлался въ глазахъ народа героемъ свободы.

На слѣдующій день большое шествіе, въ которомъ при-

няли участіе національные гвардейцы, карабинеры и линейные солдаты, направилось въ Квириналь, чтобы предъявить папѣ слѣдующія требованія: признаніе итальянской національности, созывъ учредительнаго собранія, продолженіе войны за независимость и назначеніе вновь либеральнаго министерства съ Маміани во главѣ. Но Пій IX оставался непреклоннымъ и отправленной къ нему депутаціи объявилъ, что силой у него не вырвутъ никакихъ уступокъ.

Революція въ Римѣ. Нападеніе на Квириналь.

Когда этотъ отвѣтъ сталъ извѣстенъ ожидавшей у Квиринала толпѣ, то она кинулась отсюда, призывая къ оружію, но скоро опять возвратилась. Со всѣхъ сторонъ сносились оружіе и даже привезены были пушки. Залпъ, раздавшійся со стороны защищавшихъ папскій дворецъ швейцарцевъ, возбудилъ гнѣвъ народа до крайней степени, онъ отвѣтилъ на огонь огнемъ и стрѣлялъ въ окна дворца, причемъ былъ убитъ дворцовый прелатъ папы монсиньеръ Пальма (Palma). По всей вѣроятности, въ эту же ночь дворецъ былъ бы подвергнутъ штурмованію, если бы Пій IX въ послѣднюю минуту не сдался и не предупредилъ штурма призываніемъ либеральнаго министерства съ графомъ Маміани во главѣ.

Это министерство поставило главной задачей своей дѣя-

тельности проведение въ папской области національнаго принципа. Существенная часть его программы заключалась въ слѣдующемъ: „Нашъ основной принципъ—это созывъ итальянскаго учредительнаго собранія въ Римѣ для установленія союзной конституціи. Такъ какъ теперь съ этимъ основнымъ принципомъ согласенъ нашъ князь, суверенъ, увидѣвшій, что вся Италія сама завоевала себѣ свободу и независимость, то близокъ моментъ, когда дѣйствительно осуществится этотъ союзъ государствъ, который, уважая самостоятельность каждаго государства въ отдѣльности, обезпечить въ то же время свободу и независимость всей Италіи“.

Папа, однако, меньше всего думалъ о свободѣ и независимости Италіи. Онъ прежде и больше всего заботился о прочности своей свѣтской власти. Поэтому онъ рѣшился прибѣгнуть къ средству, которое съ тѣхъ поръ вошло въ обыкновеніе и къ которому прибѣгали многіе князья, чтобы замаскировать нарушение даннаго слова, это средство—объявить, что согласіе его на новый порядокъ вещей является вынужденнымъ и слѣдовательно ни къ чему не обязывающимъ. Но для этой цѣли онъ долженъ былъ покинуть Римъ.

Этими событіями Кавеньякъ не замедлил воспользоваться. Вѣдь, дѣло шло ни больше ни меньше, какъ о папѣ, о „святомъ отцѣ“ христіанства. Вѣдь, если взять его подъ свою защиту, то можно снискать къ себѣ расположеніе не только различныхъ европейскихъ дворовъ, но и католическаго населенія Франціи. Взять прямо подъ свою защиту папу, это былъ такой случай расположить католическое крестьянство въ пользу спасенной Кавеньякомъ буржуазной республики, какой не такъ легко могъ представиться опять. Французскій посолъ также конечно, усердно стремился совершить въ этомъ смыслѣ сдѣлку, а папа, у котораго дѣло дошло до того, что ему необходимо было какимъ-бы то ни было образомъ скрыться изъ Рима, послѣ нѣкотораго колебанія, повидимому, согласился принять энергичное приглашеніе Кавеньяка. Онъ склоненъ былъ отправиться во Францію тотчасъ, какъ только ему доставятъ корабль для отъѣзда „Въ сущности же“, пишетъ Ипполитъ Кастилья, „Пій IX чувствовалъ, что послѣ того, какъ онъ предалъ дѣло итальянской независимости, его мѣсто не среди народа Вольтера, который (народъ) уже одному королю отрубилъ голову и который при извѣстныхъ обстоятельствахъ не пощадилъ бы, конечно, и головы папы.“

Хотя Пій IX находился въ Квириналѣ подъ строгимъ надзоромъ національной гвардіи, однако, вечеромъ 24 ноября, въ одѣждѣ аббата и въ сопровожденіи баварскаго посла графа Шпауръ (Spreuer) ему удалось неузнаннымъ покинуть дворецъ и выйти изъ города. Онъ добрался до уединеннаго іезуитскаго монастыря у Альбано (Albano) гдѣ его дожидалась графиня Шпауръ съ каретой, которая быстро доставила бѣглеца черезъ Террачину (Terracina) на неаполитанскую территорію и, затѣмъ въ крѣпость Гаэту (Gaeta). Тѣмъ временемъ Кавеньякъ

Прибытіе папы въ Гаэту.

не только успѣшили послать въ Гаэту корабль, чтобы принять папу, но предоставилъ ему еще четыре фрегата съ экипажемъ въ 3500 человѣкъ, которые должны были охранять безпрепятственное плаваніе „святого отца“. Послѣ того какъ папѣ Пію IX удалось бѣжать изъ Рима, онъ поблагодарилъ за помощь Кавеньяка и предпочелъ остаться въ Гаэтѣ подъ защитой короля Неаполя („Бомба“).

Въ дипломатическихъ кругахъ не могли удержаться отъ того, чтобы не вышутить и не посмѣяться надъ Кавеньякомъ, а пресса—прежде всего монархическіе листки—назвала его неуклюжимъ солдатомъ, который за предѣлами своего круга дѣятельности въ дипломатической сферѣ заблудился.

Кавеньякъ обнаружилъ слабую сторону французскаго правительства и сдѣлался жертвой смѣха, а это во Франціи лишь съ большимъ трудомъ могутъ простить.

ГЛАВА XXIV.

Начало избирательной борьбы за президентство.—Кандидаты.—Кавеньякъ противъ Бонапарта. Политическія карикатуры.—Побѣда Бонапарта.—Приведеніе его къ присягѣ.—Новое Министерство.—Начало вражды между членами парламента и президентомъ.—Требованія распушенія національнаго собранія.—Борьба съ реакціей.

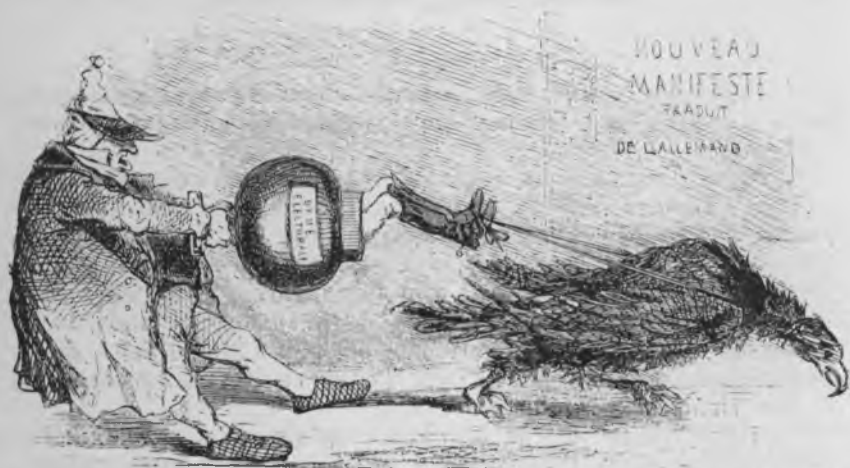
Героя іюньскихъ дней лишь на очень короткое время оставили у власти, изъ которой онъ сдѣлалъ столь печальное употребленіе.

Борьба изъ-за чести занимать президентское кресло республики началась. Этой чести такъ добивались, что на арену выступило много претендентовъ, и каждый изъ нихъ былъ полонъ ненависти и зависти и исполненъ былъ надежны взять верхъ надъ конкурентами и одержать побѣду. Но въ концѣ концовъ осталось лишь два конкурента, и между ними и разыгрался серьезный и рѣшительный бой, исходъ котораго долго былъ сомнительнымъ. Эти два конкурента были Кавеньякъ и Луи Наполеонъ Бонапартъ.

Тьеръ также иногда упивался мыслью о возможности ему самому быть избраннымъ въ это достойное зависти званіе. Изъ простого прислужника монархіи самому подняться на высоту власти,—какая соблазнительная перспектива! Очевидно, и республика иногда можетъ пригодиться. Лавры, которые онъ пожалъ, благодаря своей мнимой побѣдѣ надъ социализмомъ, привлекли къ нему нѣкоторую часть трусливой буржуазіи, увидѣвшей въ немъ своего спасителя. Онъ полагалъ, что можетъ также рассчитывать и на признательность парламентской реакціи, душой и голосомъ которой онъ при столь многихъ поводахъ служилъ. Если бы выборы президента были произведены національнымъ собраніемъ, то весьма возможно, что имя Тьера вышло бы побѣдителемъ изъ избирательной урны. Но въ виду того, что народъ долженъ былъ произвести прямые выборы, положеніе вещей было иное. Бывшій министръ Луи Филиппа самъ это понималъ и не выставлялъ своей кандидатуры.

Продолжавшіяся неудачи, которыя преслѣдовали Ламартина, отнюдь не лишили его способности предаваться политическимъ иллюзіямъ. Такъ, напр., онъ также выставилъ свою кандидатуру на президентство. Тѣмъ горше было возвращеніе отъ иллюзіи къ дѣйствительности.

Партія „безпорядка“, соціалдемократическая партія, происшедшая отъ сліянія Горы и соціалистовъ, также выставила своего кандидата на выборахъ. Но она при этомъ не предавалась никакимъ иллюзіямъ. Объединившіеся на ея кандидатѣ голоса должны были послужить лишь яснымъ для всей Франціи выраженіемъ протеста. На роль этого мнимаго кандидата протеста былъ намѣченъ Ледрю-Ролленъ, хотя соціализмъ 1848 года не былъ съ нимъ связанъ даже самымъ отдаленнымъ образомъ. Фракція крайнихъ соціалистовъ, которымъ Прудонъ очень демонстративно далъ свой голосъ, выставила чисто соціалистическимъ кандидатомъ протеста все еще сидящаго въ тюрьмѣ Распайля. Делеклюзъ въ своей газетѣ „La Révolution démocratique et Sociale“ писалъ, что эта кандидатура была спо-

Орелъ тащитъ Наполеона изъ урны Карикатура 1848 г.

обна лишь вызвать расколъ въ соціалдемократіи, при чемъ онъ обошелся не особенно мягко съ Прудонемъ. Послѣднему онъ въ данномъ случаѣ платилъ лишь равной монетой, ибо Прудонъ не скрывалъ *) своего презрѣнія къ членамъ и приверженцамъ Горы, которыхъ онъ пристрастно называлъ „величайшими болтунами“ (blagueurs).

Говорили даже о чисто рабочей кандидатурѣ, и въ качествѣ подходящаго для этой цѣли лица предложили президента союза столяровъ Антуана (Antoine).

*) Прудонъ въ «Peuple» мотивировалъ кандидатуру Распайля между прочимъ тѣмъ, что расколъ при данныхъ условіяхъ скорѣе увеличитъ силу соціалдемократической партіи, чѣмъ ослабитъ ее. Существуетъ еще «слишкомъ» глубокая пропасть между соціалистическими демократами вчерашними и сегодняшними—онъ хотѣлъ сказать, между настоящими соціалистами и политиками Горы, которые приняли соціализмъ лишь какъ поправку,—„чтобы одинъ и тотъ же кандидатъ могъ на себѣ объединить голоса обоихъ лагерей“. Судя по положенію вещей, едва ли это было не вѣрно.

Карикатура—это свойственная французскому духу особенность. Достаточно нѣсколькихъ штриховъ карандашемъ, чтобы, не испытывая терпѣніе внимательнаго наблюдателя, изобразить цѣлую ситуацию. Французскій народъ не любитъ длинныхъ изліяній, онъ ненавидитъ многорѣчивость. Кто хочетъ сказать ему что-нибудь хорошее, тотъ долженъ это сказать быстро, мысль же ничѣмъ быстрѣе выразить нельзя, какъ карикатурой. Въ 1848 г. она играла главную роль, она была орудіемъ всѣхъ партій, особенно же реакціонныхъ, такъ какъ послѣднія могли хорошо оплачивать лучшихъ художниковъ. Если Консидеранъ, Ледрю-Ролленъ, Коссидьеръ, Кабэ и даже самъ Прудонъ были чувствительны къ этого рода булавочнымъ уколамъ, то они должны были страшно отъ нихъ страдать, ибо ихъ нѣсколько не щадили.

Парижскій народъ любитъ этого рода осмѣиваніе извѣстныхъ политическихъ дѣятелей. Передъ витринами собирались группы людей, которые покатывались со смѣху. Во время избирательной борьбы изъ-за президентства, одна карикатура старалась перешеголять другую. Оба главныхъ конкурента были представлены публикѣ въ самыхъ невѣроятныхъ позахъ. Въ Парижѣ карикатуры различныхъ партій пользовались почти одинаковымъ успѣхомъ, но въ провинціи сердцу наивнаго крестьянскаго населенія наиболѣе близка была наполеоновская портретная галерея.

Кавеньякъ во время разгара избирательной кампаніи не оставилъ неиспробованнымъ ни одного изъ имѣвшихся въ распоряженіи правительства средствъ. Противники его съ своей стороны также ничѣмъ не пренебрегли, чтобы приготовить его паденіе. Больше всего ставилось ему въ вину его поведеніе при подавленіи возстанія. Члены и партійные противники бывшей Исполнительной Комиссіи, какъ Гарнье-Паже, Бартеlemi-Сентъ-Илеръ, Паньеръ (Pagnerre), Дюклеръ (Ducler), которые не могли забыть, что они ему обязаны своимъ паденіемъ, безпрестанно бросали своему счастливому замѣстителю въ лицо обвиненіе, что онъ сознательно и планомѣрно далъ возстанію развиваться, чтобы тѣмъ болѣе блестяще его подавить.

Глава правительства былъ настолько политически уменъ, что повелъ открытые дебаты по этому пункту. Передъ трибуналомъ собранія, которое сдѣлалось соучастникомъ его преступленія, онъ былъ увѣренъ въ своемъ торжествѣ, и онъ полагалъ, что такимъ образомъ ему удастся очиститься и предъ лицомъ общественнаго мнѣнія. Боязнь за результаты выборовъ приводитъ иногда къ отчаяннымъ рѣшеніямъ.

25 ноября противники перенесли свою борьбу на парламентскую трибуну. Бартеlemi С.-Илеръ просилъ у собранія разрѣшенія „прочитать страницу еще не написанной исторіи“. Здѣсь сопоставлялись всѣ факты, которые проанализированы были ораторомъ съ неумолимой логикой и говорили о томъ, что не случайныя это были ошибки, благодаря которымъ дали спокойно развиваться страшной іюньской трагедіи. Вникло ли со-

браніе въ суть этого обвиненія? Нѣтъ. Оно даже для видимости этого не сдѣлало, оно не смѣло вникнуть въ суть. Да и нельзя было требовать отъ него такой наивности, чтобы оно преступленіе, въ которомъ само принимало участіе, признало таковымъ. Несмотря на громовыя рѣчи Гарнье-Паже и Ледрю-Роллена, Кавеньякъ вновь получилъ если и не совершенно единогласный, то все же принятый громаднымъ большинствомъ 503 противъ, 34 голосовъ, вотумъ довѣрія, гласившій, что онъ оказалъ большія услуги отечеству.

„Страна произнесетъ свой приговоръ“ воскликнули многочисленные голоса, когда Кавеньякъ кончилъ свою защитительную рѣчь, въ которой онъ много говорилъ о своемъ патріотизмѣ и о своей преданности республикѣ.

Раздача избирательныхъ оюллетеней на улицахъ.

Выборы состоялись 10 декабря. Въ провинціи народъ вовсе не думалъ о Кавеньякѣ. Народъ былъ до безумія увлеченъ легендой о старомъ Наполеонѣ и фигурой новаго, согрѣтой отблескомъ славныхъ воспоминаній. Народъ подаль за Луи Наполеона 5.658.755 голосовъ.

Кавеньякъ получилъ только 1.448.107, Ледрю-Ролленъ—

370.117, Распайль— 36.920, наконецъ Ламартинъ, точно въ на-смѣшку надъ его быстро угасшей славой,— только 17.910 голо-совъ. Какой ударъ для поэта, который за нѣсколько недѣль до того воображалъ себя вершителемъ судебъ Франціи!

Луи Бонапартъ достигъ первой ступени императорскаго трона.

20 декабря, въ четвергъ, залъ Национальнаго собранія и трибуны для публики были переполнены. Было извѣстно, что предстоитъ торжественное засѣданіе. Входы Бурбонскаго дворца были заняты войсками.

Перенесеніе избирательной урны въ мэрію.

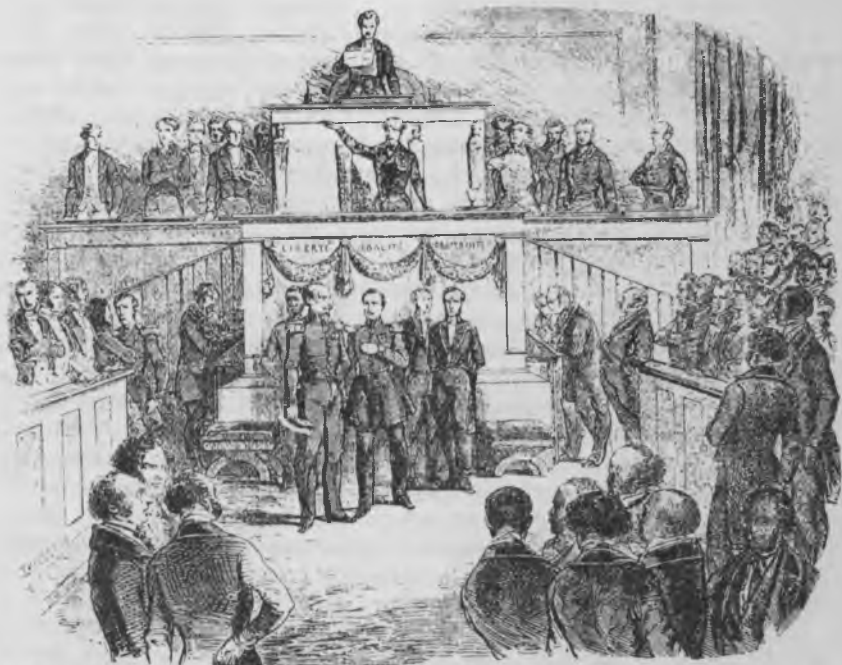
Въ залѣ наступила гробовая тишина, когда поднялся пре-зидентъ Марра и возвѣстилъ: „Принимая во вниманіе, что гражданинъ Шарль Луи Наполеонъ Бонапартъ, родившійся въ Парижѣ, на основаніи предписываемыхъ конституціей законовъ имѣетъ право быть избираемымъ... что онъ получилъ абсо-лютное большинство голосовъ, національное собраніе, согласно статьи 47 и 48 конституціи, провозглашаетъ его президентомъ республики, считая съ сегодняшняго дня до втораго воскре-сенья мая мѣсяца 1852 года. На основаніи законовъ консти-туціи, я приглашаю гражданскаго президента республики взойти на трибуну и принять присягу“.

Было уже около 4 часовъ по-полудни, настали сумерки и большою залъ собранія наполовину былъ погруженъ въ темноту. Люстра съ потолка была спущена, и служители по-ставили на ораторскія трибуны лампы. По знаку президента, отворилась дверь съ правой стороны. „Вошелъ молодой, одѣтый

во все черное господинъ и быстро поднялся на трибуну. Всѣ взоры были направлены на него. У него было блѣдное лицо, кости и впадины котораго, отгѣненные абажуромъ лампы, еще болѣе выступали, крѣпкій и длинный носъ, усы и эспаньолка, завитые локоны на узкомъ лбу, маленькіе и тусклые глаза, робкія и беспокойныя движенія, вообще отсутствіе какого-нибудь сходства съ императоромъ—вотъ портретъ гражданина Шарля Луи Наполеона Бонапарта“. (Викторъ Гюго, *Napoléon le petit*—Наполеонъ Малый).

Президентъ читалъ формулу присяги:

„Предъ лицомъ Бога и французскаго народа, представленнаго здѣсь національнымъ собраніемъ, клянусь быть вѣрнымъ единственной и нераздѣльной демократической республикѣ и выполнять всѣ обязанности, которыя возлагаетъ на меня конституція“.

Приведеніе къ присягѣ президента республики въ національномъ собраніи 20 декабря 1848 г.

„Клянусь въ этомъ“, отвѣтилъ Бонапартъ; твердымъ голосомъ, съ поднятой вверхъ рукою. Марра прибавилъ: „Богъ и люди да будутъ свидѣтелями этой клятвы“.

Этимъ, однако, церемонія еще не кончилась, новый президентъ пожелалъ тотчасъ воспользоваться своимъ правомъ главы государства. Онъ произнесъ своего рода тронную рѣчь, которая начиналась слѣдующимъ образомъ: „Голосъ націи и присяга, которую я только что принялъ, даютъ мнѣ вполнѣ опредѣленныя указанія для моей будущей дѣятельности. Мои обязан-

ности мнѣ предуказаны, и я буду ихъ выполнять, какъ честный человѣкъ. Я буду считать врагомъ отечества всякаго, кто вздумаетъ незаконнымъ путемъ измѣнить то, что установлено всей Франціей и т. п.“. Этой театральной сценой завершались, въ сущности, похороны въ дѣйствительности давно уже умершей республики.

Буржуазія, которая со времени февральскихъ событій была одержима только одной страстью, страстью борьбы противъ народныхъ волненій, направленныхъ противъ ея интересовъ, смотрѣла на президенство, какъ на своего рода спасеніе, именно потому, что оно, по своему существу, приближалось къ монархіи, а послѣдняя, въ глазахъ столь многихъ изъ среды буржуазіи, была единственной гарантіей *порядка*.

Возвеличенный, такимъ образомъ, всей Франціей, Бонапартъ могъ чувствовать себя на своемъ креслѣ прочнѣе, чѣмъ Луи Филиппъ на своемъ тронѣ.

Первымъ правительственнымъ актомъ Булонскаго героя была измѣна республикѣ. Онъ пошелъ дальше Кавеньяка и еще болѣе откровенно роздалъ министерскіе портфели монархистамъ чистой воды. Министромъ—президентомъ сталъ либераль изъ рядовъ династической оппозиціи, Одилонъ Барро, за нимъ слѣдовалъ Де-Фаллу, легитимистскій іезуитъ въ сюртукѣ, далѣе—незамѣнимый и великолѣпный Леонъ Фуше, господинъ Леонъ де Малевилль, который во времена свергнутаго королевства занималъ отвѣтственный постъ, и господинъ Биксіо (Віхіо), который употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы помѣшать провозглашенію республики.

Два несомнѣнныхъ врага народа, извѣстные генералы, Маршалъ Бюжо, который въ февралѣ стоялъ противъ народа, и Шангарнье, рѣзко опредѣленный монархистъ, который мечтали о возстановленіи королевской власти, заняли высшія военныя должности. Бюжо сдѣлался главнокомандующимъ Альпійской арміи, а Шангарнье—командиромъ парижской національной гвардіи и въ то же время начальникомъ первой дивизіи, стало быть, и парижскаго гарнизона. Соединеніе этихъ двухъ должностей въ рукахъ одного и того же генерала было для того времени чѣмъ-то неслыханнымъ.

Демократическая пресса негодовала и шумно протестовала; но это былъ не первый и не послѣдній случай, доставившій ей безпокойство.

Разладъ и смертельный антагонизмъ, который неминуемо долженъ былъ возникнуть между президентомъ и національнымъ собраніемъ, выразился сначала лишь въ бурныхъ напакахъ Горы. Большинство собранія, напротивъ, было сначала все еще склонно поддерживать Бонапарта, который также, какъ и оно, защищалъ „порядокъ“. Но скоро положеніе вещей должно было выясниться. 26 декабря Ледрю-Ролленъ сдѣлалъ запросъ правительству по поводу противозаконнаго врученія монархистскому генералу Шангарнье двойной власти. Законъ ясно говорилъ, что линейный офицеръ, находящійся на дѣй-

ствительной службѣ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ командовать національной гвардіей. Интерпелляція, какъ и нужно было ожидать, рѣшительно ни къ чему не привела.

Схватки продолжались, такимъ образомъ, почти непрерывно. 4 января 1849 года этотъ парламентскій споръ принялъ болѣе острую форму, ибо новый министръ народнаго просвѣщенія, Фаллу распустилъ ту самую комиссію, которая бывшимъ республиканскимъ министромъ Карно созвана была для обсуждения проекта реформы народнаго образованія. Фаллу вмѣсто этой комиссіи назначилъ новую правительственную комиссію, которая должна была переработать этотъ проектъ въ іезуитскомъ духѣ. Въ это же самое время стала извѣстна еще одна новость, въ высшей степени обезпокоившая тѣхъ, кто не были личными приверженцами Бонапарта и подозрительно относились къ грядущимъ событіямъ. Именно, въ Домѣ Инвалидовъ было провозглашено: „Да здравствуетъ императоръ!“ и— какъ разъ въ присутствіи только что назначеннаго начальника этого дома Жерома Бонапарта, брата Наполеона перваго. Въ результатѣ—новая интерпелляція, новый скандалъ въ Національномъ Собраніи.

Личные приверженцы Бонапарта смотрѣли на Національное Собраніе, какъ на первое препятствіе, которое должно быть устранено. Поэтому бонапартистская партія, стремившаяся возстановить императорскій тронъ, энергично требовала распушенія учредительнаго національнаго собранія, выставивъ теорію, что будто съ выработкой новой конституціи полномочія собранія кончаются и дальнѣйшая его дѣятельность не допустима. Въ самомъ собраніи эта теорія нашла много приверженцевъ. Реакціонеры старой школы находили, что въ Національномъ Собраніи еще много, слишкомъ много демократическаго элемента, который въ дѣлѣ разрушенія національныхъ учреждений могъ принять слишкомъ рѣшительныя мѣры. 23 декабря они поэтому сдѣлали попытку распустить Собраніе, и поручили депутату Рато (Râteau) внести слѣдующее предложеніе: „Законодательное національное собраніе будетъ создано 19 марта 1849 года. Полномочія учредительнаго національнаго собранія въ тотъ же день прекращаются“.

Это предложеніе было встрѣчено громкимъ ропотомъ и передано въ юридическую комиссію. Но одновременно съ этимъ другой депутатъ огласилъ петицію, также требующую распушенія Собранія. Страну, очевидно, старались подготовить по всѣмъ правиламъ искусства, чтобы только добиться устраненія непріятнаго Собранія.

Дебаты по поводу внесеннаго Рато предложенія заняли довольно много времени.

10 января Греви представилъ заключеніе юридической комиссіи и въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказался за отклоненіе предложенія, сославшись на то, что статья 115 конституціи возлагаетъ на собраніе обязанность создать дополняющіе конституцію основные законы, которые еще подлежатъ обнародо-

ваню. „Собрание не выполнило бы взятого на себя обязательства, если бы оно, не создавъ этихъ законовъ, разошлось; оно должно неутомимо работать надъ этой указанной ей задачей, пока не доведетъ ее до желаннаго конца“. Возражая ему, реакціонеръ Монталамберъ утверждалъ, что послѣ 10 декабря въ общественномъ мнѣніи обнаружилось новое теченіе. „Солидарны ли вы съ этимъ теченіемъ?... Страна послѣ 24 февраля переживаетъ лихорадочное состояніе (Ого, ого!). Да! И какъ всѣ, страдающіе лихорадкой, она истомилась, испробовала одно за другимъ цѣлый рядъ средствъ и теперь дошла до того, что ждетъ для себя исцѣленія лишь отъ новаго собранія“.

Рѣшительные сторонники свергнутой династїи и незначительные по числу партійные противники президента дѣлали попытки воздѣйствовать на колеблющихся. 400 голосами противъ 336 было рѣшено разсмотрѣть сдѣланное предложеніе. Это еще не значило, что оно принято, но къ этому, очевидно, стремились.

Чѣмъ больше республиканскій корабль шелъ по теченію, тѣмъ болѣе отчаянныя усилія дѣлала прогрессивная демократія, чтобы не дать ему попасть въ водоворотъ, въ которомъ онъ могъ погибнуть.

Во время дополнительныхъ выборовъ, подъ названіемъ „Республиканская солидарность“, былъ учрежденъ союзъ, который поставилъ своей задачей защиту соціальной республики. Образовался общій соединенный комитетъ съ Мартэномъ Бернаромъ, бывшимъ товарищемъ Бланки, и Делеклюзомъ во главѣ; затѣмъ старались организовать во всѣхъ департаментахъ центральные комитеты. Въ январѣ дѣйствовало уже около ста такихъ комитетовъ.

Этотъ союзъ соціальной демократїи готовился ко всякой случайности. „Завтра можетъ начаться сраженіе“, писалъ Делеклюзъ своимъ уполномоченнымъ въ провинціи, „солидарность должна поэтому теперь же организовать революціонное правительство“

Впрочемъ, даже въ широкихъ кругахъ населенія слышалось глухое недовольство господствующей теперь системой,— недовольство, которое, правда, открыто не выражалось, но было уже замѣтно. Среди мелкой буржуазїи, наиболѣе близкой пролетаріату, было много такихъ, которые сначала слѣпо до вѣряли Кавеньяку, но теперь стали бояться, чтобы при помощи защитниковъ „порядка“ не было восстановлено бывшее до революціи положеніе вещей, а вмѣстѣ съ нимъ и цензовые выборы.

Многіе изъ тѣхъ, которые въ іюнѣ поднялись противъ инсургентовъ, были бы теперь на ихъ сторонѣ, если бы вновь пришлось сражаться. Даже гвардія мобилей, которая тогда проявила свирѣпость, держала себя теперь такъ, что внушала „партїи порядка“ серьезныя опасенія. Поговаривали, что она подверглась пропагандѣ со стороны клубовъ и соціалистическихъ вожаковъ. Скоро стало извѣстно, что правительство за-

думало распустить батальоны, зараженные духомъ неповиновенія, а это вызвало среди молодыхъ солдатъ, вооруженныхъ сначала для защиты господствующихъ классовъ, негодованіе, и они стали демонстративно посѣщать существовавшіе еще клубы.

Все болѣе и болѣе дѣло принимало такой оборотъ, будто правительство сознательно старалось обострить положеніе вещей. Съ удвоенной энергіей прибѣгало оно къ реакціоннымъ мѣрамъ, которыя носили прямо вызывающій характеръ. Такую мѣру оно примѣнило къ извѣстному профессору Мицкевичу за его демократическія воззрѣнія; это вызвало среди студентовъ волненіе, которое было подавлено силой, при чемъ дѣло не обошлось безъ кроволитія. Къ Національному Собранію обратились за разрѣшеніемъ возбудить противъ Прудона судебное преслѣдованіе, и разрѣшеніе было дано. И при этомъ не ограничивались только преслѣдованіемъ отдѣльныхъ лицъ и обычнымъ нарушеніемъ политической свободы, но покушались даже поколебать гарантированныя конституціей основные законы. Ослѣпленные своимъ бѣшенствомъ, монархисты дошли даже до того, что въ національномъ собраніи потребовали упраздненія клубовъ. Противъ этого возстала Гора со всей доступной ей силой; но одно слово „клубъ“ возбуждало противореволюціонныя чувства всего буржуазнаго, стоящаго за порядокъ большинства. Леонъ Фуше, министръ внутреннихъ дѣлъ, поспѣшилъ внести законопроектъ противъ клубовъ, и собраніе признало внесенное министеромъ предложеніе неотложнымъ.

Тѣмъ не менѣе на этотъ разъ реакціонную дерзость еще не рѣшались довести до крайнихъ предѣловъ. Помянутый выше умѣренный республиканецъ Сенаръ, выступившій докладчикомъ по поводу правительственнаго предложенія, назвалъ послѣднее совершенно нецѣлесообразнымъ, такъ какъ число клубовъ во всякомъ случаѣ скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается. И собраніе, согласившись съ докладчикомъ, голосовало противъ министра.

Но Гора этимъ не удовлетворилась. Поднялся Ледрю-Ролленъ и потребовалъ преданія министровъ суду, такъ какъ своимъ походомъ противъ дарованнаго конституціей права союзовъ они пытались фактически нарушить конституцію. Противъ этого, однако, протестовало большинство собранія, въ глубинѣ души очень сочувствовавшее министерству, и произвело такой шумъ, что засѣданіе необходимо было прервать.

Въ то же время возбужденіе въ мобильной гвардіи росло. 28 января часть этихъ молодыхъ солдатъ отправилась въ Елисейскій дворецъ, чтобы изложить президенту республики свои жалобы. Но они не были допущены. Тогда они попытались проникнуть въ зданіе генеральнаго штаба и хотѣли въ Тюльери разбить ворота, но вызванная кавалерія прогнала ихъ. „Зачинщики“ изъ числа мобиль-гвардейцевъ были арестованы.

Вечеромъ того же 28 января, съ быстротой молніи, по городу пронеслось извѣстіе, что часть мобильной гвардіи очень грозно настроенная, отправилась въ клубы.

Эти событія подали правительству поводъ взять на себя роль спасителя общества отъ гидры анархіи.

29 января рано утромъ, при слабомъ свѣтѣ наступающаго дня, многіе пункты столицы были заняты войсками, и мостовыя безлюдныхъ еще улицъ вновь оглашались шумомъ отъ быстрыхъ передвиженій солдатъ и отъ топота лошадиныхъ копытъ. Въ самое короткое время входы Бурбонскаго дворца, площадь Согласія и Елисейскія поля были заняты лѣсомъ штыковъ и копій.

Нѣкоторые депутаты, съ самаго начала не довѣрившіе Бонапарту, успѣшили разбудить президента національнаго собранія Марра, спавшаго во дворцѣ Палаты сномъ праведника. При видѣ войскъ въ головѣ его, какъ молнія, промелькнула мысль: „государственный переворотъ!“ Онъ страшно заволновался и тотчасъ послалъ генералу Шангарнье, командующему всей вооруженной силой Парижа, извѣщеніе, что онъ ждетъ его посѣщенія и немедленнаго объясненія по поводу появленія войскъ. Но „вѣрный королю“ генералъ не обратилъ никакого вниманія на президента народнаго представительства, который былъ въ его глазахъ простой штатскій чловѣкъ, и свою диспозицію не измѣнилъ. Въ своемъ письменно отвѣтѣ онъ выразилъ это пренебреженіе совершенно открыто и вызвалъ этимъ у Марра и его совѣтниковъ крайнее негодованіе. Стали уже серьезно подумывать о томъ, не слѣдуетъ ли для защиты національнаго собранія вызвать пятьдесятъ тысячъ чловѣкъ подъ начальствомъ Ламорисьера. Но вотъ, наконецъ, явился Одилонъ Барро. Чтобы успокоить бывшаго редактора „Націоналя“, министръ-президентъ объяснилъ ему, что только по недосмотру онъ не былъ заранѣе увѣдомленъ о движеніи войскъ. Послѣднее направлено противъ революціонныхъ замысловъ.

Въ національномъ собраніи Одилонъ Барро торжественно объявилъ, что обществу угрожалъ опасный заговоръ, и что, только благодаря заботливости и бдительности правительства, оно спасено. Гора въ отвѣтъ на это выдвинула обвиненіе, что правительство сдѣлало попытку провоцировать возстаніе. Этотъ взглядъ раздѣлялся всей демократической прессой. Никто не сомнѣвался, что правительство искало только повода, который далъ бы ему возможность подавить все, что еще оставалось отъ республики, и ввести диктатуру *). Объ этомъ говорилось въ выпущенной лѣвымъ крыломъ національнаго собранія брошюрѣ: „Всѣмъ тѣмъ, которые не хотятъ обманываться, всѣмъ тѣмъ, кто не является соучастникомъ роялистскаго заговора, ясно, что презираемое какъ въ странѣ, такъ и

*) «La légalité nous tue» — законность губить насъ, долженъ былъ воскликнуть Одилонъ Барро. Весьма вѣроятно. Ибо если даже партія Горы явно преувеличивала намѣренія правительства, но все же несомнѣнно, что оно старалось уничтожить всѣ «февральскія завоеванія» и стремилось ввести на нѣкоторое время диктатуру съ необычайными полномочіями.

въ національномъ собраніи, министерство цѣлымъ рядомъ провокацій старалось вызвать враждебныя демонстраціи со стороны Парижскаго населенія, чтобы подавленіемъ ихъ упрочить свою власть.

Трудно въ точности установить, на сколько эти утвержденія соответствовали дѣйствительности. Одно несомнѣнно: начиная съ 29 января все болѣе и болѣе стали привыкать говорить о возможномъ „переворотѣ“ (Coup d'état) ЛуиБонапарта. И въ возможность этого переворота стали тѣмъ болѣе вѣрить, что способъ, какимъ національное собраніе защищало республиканскіе принципы противъ покушеній исполнительной власти, былъ скорѣе простымъ притворствомъ, чѣмъ дѣйствительнымъ и энергическимъ противодѣйствіемъ. Если національное собраніе и не довѣряло президенту республики, то еще несравненно болѣе оно боялось столь грозно проявлявшагоса призрака красной демократіи. Какъ раньше было отвергнуто предложеніе предать министерство суду, такъ и теперь было отклонено предложеніе назначить парламентское разслѣдованіе событій послѣ 29 января.

Даже столь горячо отстаиваемое правительствомъ требованіе распушенія Національнаго собранія не встрѣтило со стороны большинства его членовъ никакого серьезнаго отпора.

Предложеніе Рато имѣло въ ихъ глазахъ лишь тотъ недостатокъ, что оно слишкомъ мало считалось съ ихъ щекотливымъ положеніемъ. Они нашли выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, принявъ слѣдующую поправку: собраніе будетъ распушено послѣ того, какъ оно доведетъ до конца законы о государственномъ совѣтѣ, объ отвѣтственности президента и его министровъ, равно какъ и избирательный законъ. Вотъ все, что они еще осмѣлились потребовать для себя.

Наступила годовщина 24 февраля, и небо республики, все болѣе и болѣе заволакиваемое черной тучей реакціи, не освѣтилось ни однимъ единымъ лучомъ солнца. Мысль о торжественномъ праздникѣ правительственная власть отклонила, мотивируя это тѣмъ, что нельзя раловаться по поводу годовщины гражданской войны. Народъ предупредили, чтобы онъ воздержался отъ всякихъ манифестацій.

Но это предупрежденіе было совершенно излишне. Если бы народъ пожелалъ отпраздновать годовщину завоеванія республики, то онъ не могъ бы этого сдѣлать иначе, какъ въ видѣ траурнаго шествія, которое было бы похоже на похороны всѣхъ крылатыхъ надеждъ, какія возлагались на республику, и на почвѣ которыхъ она представлялась народу зарей лучшей общественной жизни.

Въ этомъ году, столь богатомъ необыкновенными происшествіями, точно лавина разроставшимися страшными событіями, все, во что искренне вѣрилъ народъ, всѣ его надежды были разбиты, погибли отъ смертоноснаго дыханія самума реакціи, повѣявшаго на нихъ.

ГЛАВА XXV.

Судъ надъ обвиняемыми 15 мая.—Обвиняемые выступаютъ въ качествѣ обвинителей.—Поведеніе Бланки.—Печальная роль Барбэ.—Итальянскія событія.—Въ Римѣ провозглашена республика.—Правительство готовится къ вмѣшательству.—Разрѣшеніе кредита на экспедицію.—Генераль Удино въ Чивита-Веккіа.—Нападеніе на Римъ.—Мадзини и Гарибальди.—Французская армія съ большими потерями отброшена назадъ.—Негодование въ Парижѣ увеличивается.—Событія въ національномъ собраніи.—Миссія дипломатическаго агента Лесселса.

Не только тѣ завоеванія, на которыя надѣялись опереться приверженцы „красной республики“, были безпощадно уничтожены, но и сами борцы одинъ за другимъ либо пали, либо были насильственно устранены съ общественной арены. Многіе изъ нихъ покоились въ братскихъ могилахъ, другіе были отправлены въ отдаленныя заокеанскія колоніи, въ страну лихорадокъ, гдѣ они скоро должны были погибнуть отъ непривычнаго, тяжелаго климата. Многіе томились въ камерахъ французскихъ казематовъ или въ подслѣдственныхъ тюрьмахъ и ждали своего приговора. Въ числѣ послѣднихъ находились брошенные въ Вэнсенскую тюрьму 15 мая: Барбэ и Бланки съ товарищами, противъ которыхъ возбуждено было обвиненіе въ измѣнѣ.

Для суда надъ ними была назначена въ Буржѣ (Bourges) спеціальная, такъ называемая государственная судебная палата, которая охранялась внушительной военной силой. Обвиняемыхъ было двадцать человѣкъ, наиболѣе извѣстные изъ нихъ: Бланки, Барбэ, Альберъ, Распайль, Собрье, Флоттъ Луи, Бланъ, Коссидьеръ, Лависонъ (Lavison), Гюберъ (Cuber) и генераль Куртэ (Courtais). Отсутствующіе Луи Бланъ, Коссидьеръ, Лависонъ и Гюберъ судились, какъ неявившіеся на судъ, заочно. Судьи были назначены изъ состава національнаго собранія, присяжные засѣдатели, въ количествѣ тридцати шести,—изъ числа членовъ департаментскихъ совѣтовъ. 7 марта 1849 года начался судебный процессъ, а приговоръ былъ объявленъ лишь 2 апрѣля.

Защита обвиняемыхъ заключалась въ томъ, что они съ своими противниками помѣнялись ролями и изъ обвиняемыхъ сдѣлались обвинителями. При этомъ Бланки обнаружилъ такой талантъ и столько спокойной увѣренности, что даже врагамъ внушилъ къ себѣ уваженіе и почтеніе. Такъ А. Дюма въ апрѣлѣ 1849 году писалъ въ „Mois résumé:“ „Бланки, безъ

сомнѣнія, самый остроумный человекъ и великій политикъ февральской революціи. Онъ обладаетъ хладнокровіемъ. Съ такимъ же спокойствіемъ, какъ въ своемъ клубѣ, среди своихъ друзей, онъ выступалъ съ рѣчами на трибунѣ національнаго собранія при страшномъ шумѣ и предъ лицомъ серьезной опасности. Онъ обладаетъ необыкновенной ораторской способностью, такъ что генеральный прокуроръ Барошъ (Barosche) никоимъ образомъ не могъ идти въ сравненіе съ такимъ борцомъ“. Въ томъ же сочиненіи читаемъ дальше: „Распайль, быть можетъ, самая интересная личность нашей февральской революціи. Онъ въ своемъ журналѣ „Другъ народа“ самымъ причудливымъ образомъ соединяетъ медицину съ политикой. Барбэ, баярдъ демократіи, какъ называютъ его друзья, великодушень ко всѣмъ и каждому. Онъ не защищаетъ: до этого онъ не унижится, но онъ защищаетъ своего друга Луи Блана. Онъ возбуждаетъ интересъ, какой чувствуютъ къ людямъ, которые отличаются избыткомъ юности, силы и жизни“.

Обвиняемые, дѣйствительно, превратили скамью подсудимыхъ въ своего рода трибуну, съ которой они обращались не столько къ судьямъ, сколько къ народу. Эта позиція очень ярко проявилась въ словахъ, произнесенныхъ Бланки въ одинъ изъ послѣднихъ дней процесса 30 марта: „Если я шагъ за шагомъ защищалъ здѣсь наши дѣйствія, то я дѣлалъ это не изъ боязни передъ этими слушателями, которыхъ считаю просто нулями. Моя рѣчь—это не адвокатскій приемъ, такъ какъ я никого здѣсь не признаю судьями. Со своей рѣчью я обращаюсь только къ націи, чтобы обличить обманъ и показать всю несправедливость суда, который превзошелъ самые печальные процессы временъ англійской реставраціи“. Ту же самую мысль нѣсколько дней раньше выразилъ молодой Собрьё (Sobrier) слѣдующими словами: „Я здѣсь нахожусь не въ качествѣ обвиняемаго, а въ качествѣ уже осужденнаго“.

Во время этой великой борьбы на судѣ между революціонной демократіей и реакціонной буржуазіей имѣлъ мѣсто весьма печальный эпизодъ, который наложилъ тѣнь на героизмъ демократіи. Этотъ эпизодъ чрезвычайно рѣзко обнаружилъ передъ трибуналомъ побѣдителей глубокую пропасть разногласія. эту язву, терзающую социальную демократію. Тюрьма и общія страданія не могли сблизить между собой Барбэ и Бланки. Можно даже сказать, что тюрьма, скорѣе, увеличила ту ненависть, которая ихъ раздѣляла.

Бланки мимоходомъ упомянулъ обо всѣхъ тѣхъ трусливыхъ и коварныхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгали, чтобы его уничтожить. „Противъ меня подняли черное знамя, противъ меня возбудили страшную ненависть. Чтобы еще больше придушить меня, вспомнили 12 мая 1839 года... Тогда насъ было двое, и теперь опять мы здѣсь: одинъ, который не защищается...“. Тутъ Барбэ прервалъ его рѣзкимъ замѣчаніемъ: „Я запрещаю вамъ говорить обо мнѣ“, на что обвиняемый Флоттъ раздраженно возразилъ ему: „Объ этомъ между

собой поговоримъ“. Бланки просилъ своего друга молчать и, бросивъ бѣглый взглядъ на Барбэ, продолжалъ свою рѣчь, горько улыбаясь.

Когда онъ кончилъ, предсѣдатель обратился къ Барбэ и спросилъ его, не желаетъ ли онъ что-нибудь прибавить къ своему первому заявленію. Барбэ: „Я, разумѣется, скажу нѣсколько словъ. Я попалъ на скамью подсудимыхъ безъ всякой съ моей стороны вины. Здѣсь было упомянуто, что заявленія, которыя я сдѣлалъ въ другомъ мѣстѣ, ложны...“. Такъ какъ это былъ намекъ на Бланки, то Флоттъ опять очень рѣзко прервалъ его. Барбэ, между тѣмъ, продолжалъ: „Результаты преній хотятъ использовать съ тою цѣлью, чтобы въ хорошо подготовленной рѣчи обѣлить себя, чтобы можно было потомъ сказать: я это говорилъ въ присутствіи Барбэ, и онъ ничего на это не возразилъ“. Флоттъ: „Барбэ, ты безчестишь себя сегодня“. Бланки со свойственнымъ ему холоднымъ спокойствіемъ: „Все, что здѣсь имѣло мѣсто, произошло совершенно помимо моей воли; этотъ инцидентъ будетъ исчерпанъ въ другомъ мѣстѣ“. Барбэ неистово: „Почему этотъ человѣкъ незадолго до революціи былъ помилованъ? Я знаю почему; имѣется документъ съ разоблаченіями, вотъ гдѣ причина его помилованія... Что касается меня, то я былъ въ то время очень боленъ, а облегчили ли хоть немного мою участь?“. Бланки: „Но я вовсе не хотѣлъ быть помилованнымъ. Мнѣ дали тогда только восемь дней срока и при этомъ боялись, чтобы я не умеръ въ тюрьмѣ. Меня, такъ сказать, посадили у дверей, и случилось такъ, что, когда вспыхнула революція, я очутился на свободѣ“.

Какъ все это печально было для дѣла революціонной демократіи! Сердца реакціонной буржуазіи радовались при видѣ того, какъ въ драмѣ, которая, благодаря достоинству и спокойному величію Бланки, должна была произвести впечатлѣніе на всю Францію, широко разгласились мелкіе личные раздоры вождей социальной демократіи. Барбэ, очевидно, хотѣлъ своимъ храбрымъ выступленіемъ и неукротимой энергіей наверстать то, что, благодаря своему слѣпому гнѣву, потерялъ въ достоинствѣ. Многія газеты сравнивали его въ то время съ Лютеромъ въ Вормскомъ парламентѣ. Онъ оправдывалъ свое поведеніе 15 мая, указывая лишь на то, что стремился осуществить „принципы равенства и справедливости, которые выше законовъ человѣческихъ“. Онъ сознался въ своихъ дѣяніяхъ прямо вызывающимъ образомъ. „Я отправился въ ратушу“, воскликнулъ онъ, „вовсе не увлеченный толпой, какъ это приписываютъ мнѣ въ цѣляхъ моего оправданія, а, наоборотъ, время отъ времени останавливался, чтобы посмотреть, слѣдуетъ ли за мной толпа. За это преступленіе—ибо я отлично зналъ, что въ случаѣ пораженія это было бы въ вашихъ глазахъ преступленіемъ—вы вынесете мнѣ обвинительный приговоръ. Теперь, граждане“, прибавилъ онъ съ великой горечью, „когда мои самыя дорогія надежды погибли, когда

вся демократія принесена въ жертву на кострѣ, который въ насмѣшку надъ нами называютъ великимъ именемъ республики, своей личной свободой я ужъ больше не дорожу. Стѣны тюремныя освободятъ меня, по крайней мѣрѣ, отъ необходимости собственными глазами видѣть несчастья, избавитъ отъ которыхъ я не въ силахъ. Только ты, дорога Франція, одна въ состояніи мнѣ простить, что я ничѣмъ не могъ тебѣ быть полезнымъ, и вы, угнетенные братья всѣхъ націй, простите и вы мнѣ, ибо никто сильнѣе меня не желалъ разбить ваши цѣпи. Да здравствуетъ демократическая и социальная республика“.

Барба, Альберъ, Флоттъ, Собръе и Распайль были приговорены къ ссылкѣ. Къ тому же наказанію были заочно (*in contumaciam*) приговорены Луи Бланъ, Коссидьеръ, Лависсонъ и Гюберъ. Бланки было назначено десять лѣтъ одиночнаго тюремнаго заключенія. Его считали тяжело больнымъ и надѣялись, что этого наказанія болѣе чѣмъ достаточно, чтобы ускорить его смерть. Генераль Куртэ (*Courtais*) и другіе были оправданы.

Но французская реакція на этомъ еще не могла успокоиться. Она не удовлетворилась тѣмъ, что подавила революцію во Франціи, она желала оказать свое содѣйствіе въ подавленіи ея и за границей, прежде всего въ Римѣ.

Въ Римѣ послѣ бѣгства папы продолжали править вновь назначенные имъ 16 ноября министры. Но уже 27 ноября Пій IX изъ Гаэты объявилъ, что онъ ихъ отрѣшаетъ отъ должности и всѣ ихъ распоряженія и рѣшенія считаетъ недействительными. Въ то же время онъ назначилъ для Рима папскій правительственный комитетъ подъ предсѣдательствомъ одного кардинала. Но палата 11 декабря постановила назначить правительственную комиссію („*Giunta*“) изъ трехъ членовъ. Папа опять протестовалъ, но его протестъ не произвелъ никакого впечатлѣнія. Эта комиссія (*Giunta*) 28 декабря распустила палату, а въ февралѣ 1849 года созвала учредительное національное собраніе на основѣ всеобщаго и прямого избирательнаго права. Пій IX каждому, кто принималъ бы участіе въ этихъ выборахъ, грозилъ великимъ отлученіемъ отъ церкви. Тѣмъ не менѣе выборы прошли при энергичномъ участіи народа въ полномъ порядкѣ. 5 февраля Римская конституція начала функціонировать, а 9 февраля большинствомъ 140 голосовъ противъ 20 было постановлено уничтожить свѣтскую власть папы и учредить Римскую республику. Исполнительная власть была вручена временному триумвирату (правленію изъ трехъ лицъ), который 29 марта въ цѣляхъ болѣе энергичной дѣятельности былъ замѣненъ другимъ триумвиратомъ, облеченнымъ диктаторскою властью и состоявшимъ изъ Мадзини, Саффи и Армеллини.

Въ то же самое время великій герцогъ Тосканскій Леопольдъ II бѣжалъ 1 февраля изъ Флоренціи въ Сіену; найдя это мѣсто не безопаснымъ для себя, онъ 7 февраля отправился

Объявленіе республики въ Римѣ.

также въ Гаэту. Послѣ этого въ Тосканѣ тоже провозглашена была республика и въ качествѣ временнаго правительства былъ назначенъ триумвиратъ, душой котораго былъ Герадзи (Guerazzi).

Римскій триумвиратъ 21 февраля провелъ въ національномъ собраніи законъ, по которому все движимое и недвижимое имущество „мертвой руки“ (духовныхъ корпорацій) объявлено національной собственностью, современнымъ же владѣльцамъ, лишеннымъ доходовъ, назначена пожизненная государственная пенсія; затѣмъ, сама земля должна быть разбита на мелкіе участки и роздана бѣднѣйшимъ крестьянамъ въ аренду. Противъ этого папа протестовалъ особенно горячо и черезъ кардинала Антонелли отправилъ австрійскому послу при святѣйшемъ престолѣ, перебравшемуся вмѣстѣ съ остальными дипломатическими представителями вслѣдъ за папой въ Гаэту ноту, которой онъ доводилъ до свѣдѣнія европейскихъ правительствъ и католическихъ націй свой протестъ противъ всего, что произошло, и что еще можетъ произойти въ Римѣ.

Вслѣдствіе этихъ событій въ Римѣ и Тосканѣ для французской демократіи вновь заблесталъ слабый лучъ надежды. Гора послала римскимъ республиканцамъ адресъ съ выраженіемъ своихъ симпатій и солидарности. Но поднявшимся республиканскимъ движеніемъ въ Италіи интересовались не только демократы, но и правительства.

Уже въ концѣ 1848 года умѣренно либеральное министерство Джіоберти (Gioberti) короля Карла Альберта намѣрено было вызвать въ пользу папы итальянское вмѣшательство въ римскія дѣла. Джіоберти обратился съ этой цѣлью къ Неаполитанскому двору и къ князьямъ мелкихъ итальянскихъ государствъ. Но папа, попрежнему, не довѣрялъ Карлу Альберту, а неаполитанское правительство также мало было склонно идти рука объ руку съ Сардиніей. Луи Бонапартъ, напротивъ, долженъ былъ, какъ утверждаютъ многіе историки, поддержать планъ Джіоберти. Ему собственно тогда очень хотѣлось, чтобы итальянцы привели свои дѣла въ порядокъ безъ посторонняго вмѣшательства. Принять какое-нибудь рѣшительное участіе въ Римскомъ вопросѣ представлялось ему дѣломъ во всякомъ случаѣ, довольно рискованнымъ. Но противъ мысли, что Франція должна прятаться за спинами мелкихъ итальянскихъ государствъ, возсталъ его іезуитскій министръ народнаго просвѣщенія Де-Фаллу. Послѣдній стоялъ, напротивъ, за то, что Франція должна вмѣшаться въ итальянскія дѣла открыто, съ развернутыми знаменами.

Темные слухи объ этихъ намѣреніяхъ и тайныхъ переговорахъ естественно стали проникать въ общество 8 марта. Ледрю-Ролленъ, опираясь на эти слухи, сдѣлался въ національномъ собраніи выразителемъ возбужденнаго общественнаго мнѣнія. „Если бы“, воскликнулъ онъ, „Франція теперь вмѣшалась, чтобы населеніе Средней Италіи вновь подчинить столь ненавистной ему свѣтской или духовной власти, или еслибы Франція допустила, чтобы это случилось, то это было бы величайшимъ позоромъ нашего столѣтія“.

Тѣмъ временемъ въ Сардиніи были произведены выборы, радикальный результатъ которыхъ привелъ 21 февраля къ паденію министерства Джіоберти. Карлъ Альбертъ увидѣлъ, что для спасенія своей короны онъ долженъ еще разъ попробовать военнаго счастья. 12 марта 1849 года онъ объявилъ о прекращеніи перемирія, вторично до этого времени продолженнаго съ 8 августа 1848 года. Радецкій въ отвѣтъ на это издалъ приказъ по войскамъ, который заканчивался лозунгомъ: „Въ Туринъ!“ 20 марта, въ день, когда по договору истекалъ срокъ перемирія, онъ началъ наступленіе, перешелъ съ своимъ войскомъ Минчіо и 23 марта далъ Карлу Альберту знаменитое рѣшительное сраженіе при Новарѣ. Оно началось въ 10 часовъ утра. Послѣ двѣнадцати—часоваго боя храбро сражавшаяся, но плохо командуемая сардинская армія была совершенно разбита. Въ ту же ночь Карлъ Альбертъ отрекся отъ престола въ пользу своего старшаго сына Виктора Эмануила и не только исчезъ съ поля сраженія, но даже, чтобы избѣжать гнѣва итальянцевъ, поспѣшно покинулъ Италію и отправился въ Португалію, гдѣ въ томъ же году умеръ. Преемникъ его принялъ предложенныя ему 26 марта Радецкимъ позорныя условія мира, который 6 августа и былъ заключенъ.

Этотъ постыдный исходъ войны послужилъ началомъ конца республиканскаго движенія въ Италіи. Вспыхнувшее 31 марта возстаніе въ Генуѣ, которое 2 апрѣля привело къ провозглашенію республики, 10 апрѣля было уже подавлено сардинскимъ генераломъ Ла Мармора. Бресція, которая съ началомъ войны поднялась, была подвергнута австрійскимъ генераломъ Гайнау (Хаупаи) двухдневной бомбардировкѣ и была побѣждена лишь послѣ отчаяннаго сопротивленія, при которомъ приходилось брать съ бою каждый домъ, каждую баррикаду. Въ сраженіи принимали участіе даже женщины; взятыхъ въ плѣнъ женщинъ Гайнау приказалъ высѣчь на площади, а гражданъ массами разстрѣлять, за что былъ прозванъ „гѣной бресчійской“. Въ Тосканѣ 27 марта учредительное собраніе назначило Герадзи (Guerazzi) диктаторомъ, но уже 12 апрѣля во Флоренціи поднялась буржуазія подъ предводительствомъ старѣйшаго изъ членовъ магистрата Рикасоли, ворвалась въ учредительное собраніе, захватила Герадзи и вернула назадъ великаго герцога. Одновременно съ этимъ прибыли австрійскія войска подъ командой генераловъ д'Аспра и Вимпфена (Wimpffen) для поддержки контръ-революціи въ Тосканѣ; Ливорно, которое осталось вѣрно республикѣ, было ими вновь силой взято. Такимъ образомъ въ концѣ апрѣля въ рукахъ республиканцевъ оставались только Венеція и Римъ. Противъ первой Австрія повела регулярную осаду, а противъ Римской республики святой отецъ обратился за помощью къ католическимъ державамъ Австріи, Франціи, Испаніи и Неаполю, представители которыхъ еще 30 марта 1849 года собрались на конференцію въ Гаэтѣ и условились относительно вооруженнаго вмѣшательства.

Въ извѣстныхъ кругахъ парижскаго общества, постоянно жаждущихъ военныхъ лавровъ, когда узнали о поражении Сардиніи, раздался многоголосый призывъ къ войнѣ. Ея требовали во имя интересовъ Франціи, которая не потерпитъ дальнѣйшаго роста австрійскаго вліянія въ Италиі. Но правительство обратило свое вниманіе исключительно на Римъ. Оно завидовало австрійцамъ въ ихъ сомнительной чести самовластно вернуть папѣ его свѣтскую власть, что Австріи не трудно было сдѣлать послѣ того, какъ она раздѣлалась съ Сардиніей. Но Одилону Барро нельзя было выступить въ національномъ собраніи съ требованіемъ денегъ на такое дѣло, какъ кампанія противъ Римской республики, не подогрѣвши немного демократическую кровь, которая еще текла въ жилахъ членовъ собранія. Нужно было постараться достигнуть желанной цѣли окольнымъ путемъ. 31 марта, когда въ порядкѣ дня стоялъ вопросъ объ итальянскихъ дѣлахъ, и Ледрю-Ролленъ и другіе требовали вооруженной силой поддержать находившіяся въ опасности итальянскія республики, Одилонъ Барро и министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ де Люи (Drouyn de Lhuys) клялись, что намѣренія правительства мирныя и собраніе, по предложенію Биксіо (Bixios), большинствомъ 444 голосовъ противъ 320 постановило предоставить правительству по отношенію къ Италиі свободу дѣйствій; причемъ оно въ то же время вполне опредѣленно уполномочило правительство „временно занять часть Итальянской территоріи, если того требуютъ интересы и честь Франціи“.

Одилонъ Барро постарался изъ этого вотума довѣрія сдѣлать обычное въ такихъ случаяхъ употребленіе. 16 апрѣля онъ внесъ предложеніе разрѣшить кредитъ въ 1200000 франковъ на содержаніе такъ называемаго „экспедиціоннаго корпуса въ Средиземномъ морѣ“. Предложеніе было признано неотложнымъ, образована была коммисія. Послѣдняя очень скоро пришла къ заключенію о необходимости ассигновать требуемую сумму, причемъ докладчикъ Жюль Фавръ высказалъ убѣжденіе, „что правительство и думать не должно, что Франція станетъ содѣйствовать паденію римской республики“.

Но республиканская партія не вѣрила намѣреніямъ правительства. Меньшинство коммисіи черезъ своего члена Шельхера подняло горячій протестъ противъ рѣшенія большинства. Араго потребовалъ, чтобы министръ-президентъ сообщилъ тѣ инструкции, какія будутъ даны экспедиціи для руководства. Одилонъ Барро далъ очень уклончивый и двусмысленный отвѣтъ. Что предприметъ правительство, спрашивали его, если римская республика откажется принять французскія войска? Будутъ ли противъ воли римскаго народа возстановлять свѣтскую власть папы? Тутъ у Одиллона Барро сорвалась съ языка фраза, что возвращеніе папы во всякомъ случаѣ не произойдетъ безъ помощи Франціи, и что это не будетъ итти въ разрѣзъ съ основными принципами французскаго госу-

дарства. Въ этой фразѣ Ледрю-Ролленъ увидѣлъ признаніе, которое и было имъ рѣзко подчеркнуто, что только это возвращеніе папы и является цѣлью экспедиціи. Тѣмъ не менѣе, требуемая сумма была ассигнована большинствомъ 395 голосовъ противъ 283.

Вторая французская республика, равнодушно относившаяся къ подавленію свободы столь многихъ сосѣднихъ народовъ, намѣревалась теперь сдѣлаться жандармомъ папы.

Экспедиція была довольно скоро снаряжена. Она была подготовлена властной рукой, и нужныя войска давно уже были стянуты въ Тулонъ и Марсель. Поставленные подъ начальство генерала Удино (Oudinot), они 25 апрѣля находились уже у Чивита-Веккіи (Civita-Vecchia). Чтобы обезпечить себѣ беспрепятственную высадку, префекта Мануци убѣдили, что французы явились въ качествѣ друзей, а не враговъ, и что гражданская и политическая независимость римскаго народа останется неприкосновенной. Начальство Чивита Веккіи повѣрило и дало свободно высадиться войскамъ. Но Удино, какъ истый іезуитъ, зналъ, что обѣщаніе и осуществленіе обѣщанія двѣ совершенно различныя вещи. Онъ приказалъ арестовать Мануци, объявилъ крѣпость въ осадномъ положеніи, на всѣ арсеналы наложилъ запрещеніе и муниципальному совѣту запретилъ вмѣшиваться въ политику. Послѣ этого Удино, не дѣлая никакихъ попытокъ къ дальнѣйшему вмѣшательству, приготовился къ походу для вторженія съ большей частью своей арміи въ городъ цезарей и папъ, гдѣ онъ такъ же не надѣялся встрѣтить сопротивленія, какъ и въ Чивита-Веккіи.

Но онъ ошибся. Римляне поняли тайныя намѣренія президента Бонапарта и приготовились къ этому нападенію. Въ ихъ средѣ было два человекъ, изъ которыхъ одинъ былъ душой и руководителемъ геройской обороны, другой—исполненъ твердой вѣры въ побѣду республиканской идеи: Гаррибальди и Мадзини. Вокругъ Гаррибальди собрались всѣ наиболѣе рѣшительные въ Италіи люди, готовые умереть ради независимости своей родины; это былъ кумиръ, рыцарь, красную рубашку котораго можно было видѣть всегда въ переднихъ рядахъ сражающихся. Другой вдохновлялъ массу демократическими принципами и съ большимъ умѣніемъ дѣлалъ приготовленія для обороны, которыя должны были погубить французовъ.

Когда Удино 30 апрѣля утромъ достигнулъ воротъ Каваледжъери (Porta Cavallegieri) и довольно безопасно собирался съ своимъ авангардомъ войти въ городъ, то изъ выставленной въ садахъ Ватикана баттарей онъ былъ встрѣченъ картечью, что вызвало въ его войскахъ самое дикое замѣшательство, и послѣ короткаго боя они принуждены были отступить, потерявъ 700 человекъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ.

Извѣстіе объ этомъ поражении вызвало въ Парижѣ чрезвычайное возбужденіе. Въ національномъ собраніи поднялся

страшный шумъ. Жюль Фавръ обвинялъ правительство въ томъ, что оно ввело собраніе въ обманъ относительно цѣли экспедиціи, и требовалъ отозванія генерала Удино и отправки въ армію чрезвычайнаго комиссара. Но большинство доживающаго послѣдніе дни національнаго собранія удовлетворилось резолюціей, въ которой высказывалась надежда, что „правительство не замедлитъ принять необходимыя мѣры, чтобы итальянская экспедиція больше не уклонялась отъ своей цѣли“.

Бонапартъ дѣлалъ видъ, что это наставленіе совершенно его не касается. Въ ночь на 8 мая написалъ онъ генералу Удино письмо, которое, благодаря приказу по арміи генерала Шангарнье, стало извѣстно Парижскому гарнизону и было расклеено во всѣхъ караулахъ; въ этомъ письмѣ самое важное мѣсто, представляющее настоящее издѣвательство надъ постановленіемъ національнаго собранія, было слѣдующимъ образомъ изложено: „Наши солдаты противъ всякаго ожиданія были встрѣчены какъ враги. Наша военная честь въ опасности. Я не потерплю, чтобы она была оскорблена. Мы не замедлимъ послать подкрѣпленіе. Скажите своимъ солдатамъ, что я цѣню ихъ храбрость, сочувствую ихъ тяжелому положенію, и что они всегда могутъ разсчитывать на мою поддержку и благодарность“.

Этимъ было открыто объявлена война римской республикѣ. Вся демократическая пресса была въ высшей степени возбуждена, и Ледрю-Ролленъ былъ выразителемъ ея мнѣнія, когда онъ въ національномъ собраніи внесъ и обосновалъ предложеніе: президента республики, какъ виновника нападенія на Римъ, привлечь къ суду за нарушеніе статьи 5 конституціи, въ которой торжественно заявляется, что французское оружіе никогда не будетъ употреблено для подавленія свободы другого народа. Но хотя нарушеніе конституціи, и при томъ преднамѣренно совершенное, отрицать было нельзя. тѣмъ не менѣе нашлось только 138 депутатовъ, голосовавшихъ за преданіе Бонапарта суду. Огромное же большинство въ дѣлѣ военной чести оказались очень чувствительными патриотами; кромѣ того, они были запуганы помянутымъ выше приказомъ Шангарнье, который снабдилъ письмо президента къ Удино слѣдующимъ комментариемъ: „Это письмо еще больше укрѣпитъ союзъ между арміей и главой государства, оно является отличнымъ возраженіемъ противъ рѣчей тѣхъ, которые готовы попавшимъ во вражескій станъ французскимъ солдатамъ выразить порицаніе, вмѣсто того, чтобы ободрить ихъ“.

Между тѣмъ предложеніе Ледрю-Роллена имѣло свои хорошія послѣдствія. Министръ внутреннихъ дѣлъ Леонъ Фуше опубликовалъ результаты голосованія черезъ телеграфъ повсей Франціи и при этомъ позволилъ себѣ слѣлать слѣдующее добавленіе: „Этимъ голосованіемъ упрочивается миръ. Подкапывающіеся подо все люди ждали только враждебнаго правительству постановленія, чтобы поспѣшить на баррикады и во-

зобновить іюньскіе дни“. Кроткое до сихъ поръ національное собраніе нашло, что министръ слишкомъ далеко зашелъ, и почти единогласно выразило ему въ рѣзкой формѣ порицаніе, послѣ чего Леонъ Фуше вышелъ въ отставку.

Президенту Луи Бонапарту въ этотъ моментъ еще не хотѣлось рвать съ народнымъ представительствомъ, и въ виду предстоящихъ выборовъ, отъ которыхъ онъ ждалъ благопріятныхъ для себя результатовъ, онъ рѣшилъ выиграть время. Поэтому правительство заявило національному собранію, что бывшій посолъ въ Мадридѣ Фердинандъ Лессепсъ (Ferdinand de Lesseps), который впоследствіи прославился въ качествѣ инженера, посланъ въ Римъ въ качествѣ уполномоченнаго, съ цѣлью, какъ было сказано, „не обольщая тамошнихъ властителей надеждой, будто Франція признаетъ ихъ законнымъ правительствомъ, дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы освободить Папскія владѣнія отъ анархіи и чтобы возстановленіе нормальнаго правительства не было запятнано слѣпой реакціей“. Лессепсъ отнесся къ своей задачѣ очень серьезно, но интриганы въ Парижѣ, стоявшіе во главѣ республики, съумѣли, какъ увидимъ ниже, такъ устроить, что всѣ его старанія покончить дѣло мирно остались безплодными. Успѣшное выполненіе его задачи могло бы, вѣдь, возбудить гнѣвъ папы и бывшихъ съ нимъ въ Гаэтѣ.

Такимъ образомъ миссія Лессепса была не больше, какъ одна изъ тѣхъ постыдныхъ комедій, какія, начиная съ февраля 1848 года, государственными людьми, вершившими судьбы Франціи, разыгрывались неоднократно, чтобы занять общественное мнѣніе и отвлечь вниманіе народа отъ тайной интриганской игры за кулисами. Пока разыгрывалась эта комедія, въ тиши дѣлались всѣ приготовления, чтобы можно было пробить брешь въ старыхъ стѣнахъ Рима.

ГЛАВА XXVI.

Приготовленія къ выборамъ.—Анτισоціалистическіе летучіе листки.—Соціалдемократическій избирательный комитетъ и его программа.—Избирательная агитація въ казармахъ.—Волненія во время выборовъ.—Результатъ выборовъ.—Конецъ учредительнаго національнаго собранія.—Открытіе законодательнаго собранія.—Итальянскія дѣла.—Миссія Лессепса и ея исходъ.—Второе нападеніе Удино на Римъ.—Осада Венеціи австрійцами.—Возбужденіе въ Парижѣ.—Соціалдемократія объявляетъ, что конституція нарушена.—Ледрю-Ролленъ вноситъ предложеніе о преданіи суду президента и его министровъ.—Онъ грозитъ призывомъ къ оружію. Предложеніе его отклонено.—Парижскому повстанческому движенію не хватаетъ рѣшительности.—Вечеръ 12 іюня.

13 мая былъ день, назначенный для выборовъ въ новое законодательное національное собраніе. Приготовляясь къ выборамъ, каждая партія и правительство пустили въ ходъ всѣ средства, какія только можно себѣ представить. Завязалась очень горячая избирательная борьба, которая, оставивъ въ сторонѣ всѣ политическія вопросы, велась почти исключительно на почвѣ великихъ соціальныхъ противорѣчій. Реакція боролась подъ флагомъ „партіи порядка“, совершенно забывъ республиканскій принципъ. Легитимисты, орлеанисты и бонапартисты, подъ руководствомъ союза улицы Пуаты, братскіе объединились для совмѣстной во время выборовъ дѣятельности во имя „религіи, собственности и семьи“ *).

*) Это былъ не просто избирательный маневръ, когда объединившіеся подъ флагомъ „партіи порядка“ монархисты вопросъ о республиканской формѣ правленія оставили открытымъ, это было необходимое условіе для побѣды буржуазнаго порядка, который теперь стоялъ на первомъ планѣ. Именно потому, что различныя фракціи монархически настроенной буржуазіи группировались вокругъ различныхъ династій—крупные земельные собственники древнихъ родовъ вокругъ династіи Бурбоновъ, денежная и крупная буржуазія вокругъ— Орлеановъ, перебѣжчики изъ обоихъ лагерей вокругъ Бонапарта—именно поэтому, говоритъ Марксъ въ своей „Классовой борьбѣ“, «продуктъ ихъ химическаго соединенія могъ быть только республиканскимъ, бѣлая и голубая монархія должны были нейтрализоваться въ трехвѣтную республику, Бонапартисты, прежде всего, не представляли еще значительной, фракціи буржуазіи, вслѣдствіе чего бонапартизмъ самъ еще не рѣшался хозяйничать. Точно также нейтрализовались обѣ группы наследственныхъ династій, но такъ какъ онѣ не хотѣли ему уступить, то тѣмъ болѣе должны были уклоняться отъ дебатовъ по вопросу о формѣ правленія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что эти роялисты сначала вѣрили въ непосредственную реставрацію, затѣмъ страшно поносили ее и съ

Въ противоположномъ лагерѣ социалистическіе демократы объединились съ членами партіи Горы; ихъ избирательныя программы выдвигали на первый планъ восстановление поправныхъ правъ народа и проведеніе социальныхъ реформъ. Между этими двумя крайностями середину занимали представители „порядочной (honnête)“ республики изъ партіи „Националя“; а правительство интересы котораго сводились къ дальнѣйшему проведенію антиреспубликанской политики, на столько открыто оказывало давленіе на выборы, что даже отсылало въ провинцію списокъ негодныхъ ему депутатовъ для переизбранія.

Идейная борьба противъ социализма велась путемъ изобрѣтенныхъ Тьеромъ летучихъ листовъ, которые комитетомъ улицы Пуатье и его отдѣленіями въ провинціи сотнями тысячъ экземпляровъ распространялись по всей Франціи. При этомъ получались довольно курьезные результаты. Такъ, нѣкто Де Валлонъ (De Wallon) написалъ брошюру подъ заглавіемъ „Les Partageux“ („Раздѣлисты“), которая приписывала социализму намѣреніе все существующее имущество раздѣлить поровну между всѣми, послѣ чего у Валлона оказалось очень много подражателей повсюду, и Германія въ этомъ отношеніи занимаетъ не послѣднее мѣсто. Маршалъ Бюжо не задолго до своей смерти написалъ книжку „Veillées d'une chaumière en Vendée“ („Бесѣды въ избѣ въ Вандеѣ“), посредствомъ которой онъ мнилъ точно также уничтожить социалистическія идеи, какъ онъ срубилъ головы Кабиламъ въ Африкѣ. „Смотрите“, говорилъ онъ, „фабрикантъ съ капиталомъ въ 200.000 франковъ дѣлаетъ головой оборотъ въ 1200000 франковъ и уплачиваетъ своимъ рабочимъ ежегодно 380000 франковъ заработной платы. Развѣ рабочіе не лучше такимъ образомъ обеспечены, чѣмъ если бы они раздѣлили между собой его капиталъ? Они истратили бы его, чтобы нѣкоторое время прожить, а затѣмъ они ничего не имѣли бы“ и т. д. Легко понять, что маршалъ Бюжо не мало гордился этимъ великимъ открытіемъ.

Уловить общественное настроеніе надѣялась „Petit manuel du paysan électeur“ („Карманная книжка крестьянскаго избирателя“), въ которой былъ помѣщенъ слѣдующій діалогъ (разговоръ):

„Господинъ Гарди: члены партіи Горы—это дикіе республиканцы, больше того, это какіе-то тиранны. Социалисты и коммунисты еще хуже членовъ партіи Горы, это—сбродъ изъ разорившихся, обанкротившихся авантюристовъ (искателей приключеній), которые ускользнули отъ ареста и отъ ссылки на галеры.

пѣной у рта отстаивали республиканскую форму и, наконецъ признали, что могутъ жить только въ республикѣ и реставрацію откладывать на неопредѣленной срокъ“. (Марксъ, Классовая борьба, стр. 65, 66). Извѣстно, что третья французская республика долгое время существовала только благодаря подобному же стеченію обстоятельствъ.

Прим. къ нѣм. изданію.

Жанъ: Но чего же они собственно хотятъ?

Августинъ: Боже мой, да вѣдь это очень ясно, они хотятъ опустошить наши карманы!

Господинъ Гарди: Совершенно вѣрно, именно этого они и хотятъ.

Августинъ: Они украдутъ у тебя изъ подъ носа жену твою, и ты не смѣй ничего сказать“.

Въ томъ же стилѣ (родѣ) составлено и „La lettre d'un maire de village“ („Письмо одного сельскаго старосты“), въ которомъ говорится: „Соціалистическіе республиканцы—крово-краснаго цвѣта, но и самый лучший изъ красныхъ никуда не годится. Красные всѣ очень дурные люди. Да красный даже и не человѣкъ, онъ—именно только красный. Онъ не чувствуетъ, онъ не разсуждаетъ, его не интересуетъ истина и справедливость. Лишенный чувства собственного достоинства, безнравственный, глупый, онъ жертвуетъ своей свободой, своими интересами, своими идеями ради удовлетворенія самой низкой чувственности. Это—развратное, вырождающееся существо. Его лицо носитъ на себѣ слѣды этой нравственной распущенности, оно—тупо, зрѣлоподобно и невыразительно. Своими мрачными, водянистыми глазами онъ не смѣетъ никому прямо въ лицо смотрѣть, его глаза блуждаютъ, какъ у свиньи“. Результатъ выборовъ долженъ былъ дать отвѣтъ на эту „борьбу идейнымъ оружіемъ“.

Соціалдемократическая партія со всей энергіей бросилась въ избирательную кампанію. Сотни мелкихъ соціалистическихъ избирательныхъ комитетовъ своей энергіей и необыкновенно-самоотверженной дѣятельностью достигли того, на что у нихъ не хватало денегъ. Ихъ пропаганда проникла даже въ армію, которой конституція предоставила избирательное право. Въ средней и южной Франціи цѣлые департаменты были завоеваны социализмомъ. Въ Парижѣ организація была превосходная. Во всѣхъ парижскихъ кварталахъ были образованы избирательные союзы, изъ которыхъ возникъ „Соціалдемократическій центральный избирательный комитетъ въ Парижѣ“, состоявшій изъ пятнадцати членовъ. Въ этотъ комитетъ вошли самые дѣятельные члены республиканско-соціалистической партіи столицы. Въ немъ рядомъ съ рабочими, какъ Маларме (Malarmet) и Гераръ (Cuérard), засѣдали представители старой буржуазной демократіи Пэя (Pau), Шипронъ (Chipron) и Бодэнъ (Baudin), равно какъ и смѣлые, ни передъ чѣмъ не останавливающіеся члены революціонной социалдемократіи, какъ напр., морской офицеръ Курнэ (Cournet), затѣмъ Дюфеликсъ (Dufélix) и Филиппъ (Philippe).

Выработанная этимъ комитетомъ избирательная программа требовала въ первую голову права на трудъ. Затѣмъ безвозмездности правосудія, демократической организаціи сельскаго земельного кредита, централизаціи и обобществленія страхованія банковъ, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и всѣхъ прочихъ путей сообщенія, а равно и рудниковъ. Далѣе, реформы

ипотечнаго кредита, уничтоженія ростовщичества, устройства національныхъ магазиновъ и рынковъ, увеличенія національнаго богатства путемъ учрежденія ассоціацій во всѣхъ отрасляхъ производства. Наконецъ, освобожденія и священнаго союза народовъ и братства всѣхъ расъ. Манифестъ, выставившій эти требованія, заканчивался возгласомъ: „Да здравствуетъ демократическая и социальная всемирная республика!“ Отсюда видно, что въ этой прокламаціи первой французской социал-демократической партіи, стремившейся къ завоеванію политической власти, имѣлъ уже мѣсто великій принципъ интернациональности.

Соціалдемократическая избирательная агитація не ограничивалась гражданскимъ населеніемъ Парижа, но проникла даже въ казармы. Имена трехъ унтеръ офицеровъ, обнаружившихъ извѣстную степень сознательности въ области прогрессивныхъ убѣжденій, были внесены въ социалдемократическій избирательный списокъ. Между ними былъ сержантъ Буашо (Boishot). Военное начальство приказало его арестовать, вслѣдствіе чего полкъ, въ которомъ онъ служилъ, возсталъ въ его защиту; но это повело лишь къ тому, что названный полкъ долженъ былъ немедленно отправиться въ Африку. Другіе полки оказались болѣе надежными; когда имъ приказывали рубить народъ, они исполняли приказаніе беспрекословно. Такъ, часто по вечерамъ, когда на бульварахъ вблизи Сень-Дени собирались группы, чтобы поговорить о событіяхъ дня, солдаты нападали на толпу, и происходили многочисленные аресты.

Голосованіе 13 мая показало, что значительная часть французскаго народа примкнула къ социалдемократической партіи. Изъ 28 депутатовъ, которыхъ выбралъ Парижъ, 10 принадлежало къ социалдемократіи, между ними были Ледрю-Ролленъ, Лагранжъ (Lagrangé), вождь Ліонскаго возстанія 1834 года, и унтеръ офицеръ Буашо (Boichot). И, что особенно замѣчательно, за этихъ трехъ депутатовъ парижскимъ гарнизономъ было подано почти вдвое больше голосовъ, чѣмъ за генераловъ Кавеньяка, Ламорисьера и Бедо. Роковымъ послѣдствіемъ этой демонстраціи была смѣна всего гарнизона. Въ средней Франціи масса департаментовъ голосовала за красный списокъ. Въ Эльзасѣ всѣ избранные считались социал-демократами. Часть юга, долина Роны, а равно и департаментъ Роны и Соны, также были завоеваны социалистической демократіей. Это была та часть демократической Франціи, которая вскорѣ послѣ того разстрѣляла свои послѣдніе патроны, чтобы помѣшать Луи Бонапарту достигнуть императорскаго трона.

Реакціонная буржуазія была точно ошеломлена отъ страха. Берье (Berger), главный вождь легитимистскихъ монархистовъ, писалъ тогда: „...Скоро намъ придется подумать о томъ, какъ защищать себя отъ социализма и коммунизма. Да поможетъ намъ Богъ!“ И при этомъ монархистская реакція не могла

жаловаться на результаты выборов. Изъ 750 выбранныхъ депутатовъ было около 500 монархически настроенныхъ реакціонеровъ, 180 социалдемократовъ и 70 такъ называемыхъ чистыхъ республиканцевъ. Эта послѣдняя партія оказалась на выборахъ необыкновенно слабой. Народъ отъ нея отвернулся, а крупная буржуазія бросилась въ объятія реакціи. Почти всѣ представители буржуазной республики съ окраской „Националя“, которые со временъ февральской революціи и до 20 декабря, до восшествія на президентскій престолъ Бонапарта, стояли у кормила правленія, вновь не были избраны. Бюшэ, Сенаръ, Марра, Гудшо, Гарнье Паже, Мари, Дюпонъ (де-Лэръ) и, прежде всего, Ламартинъ, еще недавно самый популярный человѣкъ во Франціи, который во время выборовъ въ учредительное національное собраніе былъ выбранъ въ десяти департаментахъ, — всѣ они были забаллотированы не только въ Парижѣ, но и во всѣхъ прочихъ избирательныхъ округахъ. Ламартину, упавшему съ высоты своихъ воздушныхъ замковъ, удалось лишь благодаря перебаллотировкѣ получить мѣсто въ новомъ законодательномъ собраніи.

Послѣдніе дни учредительнаго собранія проходили въ сильныхъ конвульсіяхъ. Въ воздухѣ носились слухи о бонапартистскомъ заговорѣ, и всѣ вѣрили этимъ слухамъ. Викторъ Консидеранъ разоблачилъ въ своей „*Democratie pacifi; que*“ („Мирная демократія“ (весь планъ заговора. Принцъ былъ намѣренъ стянуть войска въ Парижъ, образовать министерство Фаллу-Бюжо-Фоше и учредить диктатуру. Эти разоблаченія Консидеранъ сдѣлалъ прямо съ трибуны; въ отвѣтъ ему корсиканскій депутатъ Пьеръ Бонапартъ, дядя президента, громко крикнулъ ему: „Вы лжете!“ Поднялся страшный шумъ, который прекратился лишь тогда, когда Ледрю-Ролленъ не только поддержалъ разоблаченія Консидерана, но еще указалъ на двусмысленное поведеніе Шангарнье который оказывалъ поддержку противоконституціоннымъ намѣреніямъ президента и, въ качествѣ начальника всѣхъ вооруженныхъ силъ Парижа, игралъ несомнѣнно рѣшающую роль. Затѣмъ, обращаясь къ министру-президенту Одилону Барро, вождь Горы продолжалъ съ ѣдкой ироніей: „Вы говорите: мы бодрствуемъ. Можетъ быть, но вы ничего не видите... Развѣ вамъ впервые ошибаться? Я думаю, что такова ваша участь была и въ прежнемъ парламентѣ восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Я не говорю, что вы заговорщикъ, я только говорю, что вы слѣпы!“

Такія нападки выслушивались собраніемъ отнюдь не враздѣбно, но сдѣлать какое-нибудь строго опредѣленное постановленіе оно не находило въ себѣ мужества. Флоконтъ, который между прочимъ также потерпѣлъ пораженіе въ избирательной борьбѣ, внесъ предложеніе всеобщей амністіи; его предложеніе было отклонено. Во время этихъ послѣднихъ засѣданій уже прибыли изъ провинціи многіе вновь выбранные депутаты и, въ качествѣ слушателей, заняли трибуны, и въ грубой, неприличной формѣ выражали свои чувства по

Нападеніе Удино на предмѣстья Рима.

реніе вмѣшаться въ дѣла римской республики католическія государства привели въ исполненіе 30 марта. Австрійскій генералъ Фонъ-Вимпфенъ проникъ въ Романью и 16 мая овладѣлъ Болоньей послѣ чего Феррара и Равенна также должны были сдаться, и власть папы вновь была восстановлена. Изъ Неаполя 12.000 человекъ подъ личнымъ предводительствомъ короля Фердинанда („Бомба“) напали на территорію римской республики и, не встрѣтивъ сопротивленія, достигли Веллетри. Но здѣсь они наткнулись на Гарибальди съ его волонтерами, который при Пелестринѣ и Веллетри 9-го и 19-го мая нанесъ имъ такое пораженіе, что они послѣшно ушли назадъ за границу. Сильный испанскій корпусъ въ 5.000 человекъ, высадившійся у Террочино еще 29 апрѣля, совершенно не принялъ участія въ сраженіи, а удовлетворился тѣмъ, что взялъ на себя охрану святого отца.

Въ Римѣ Лессепсъ съ самыми лучшими намѣреніями пошелъ навстрѣчу желаніямъ триумvirата и скоро заключилъ перемиріе, которое дало Гарибальди возможность напасть на неаполитанцевъ. Удино, конечно, на это согласился, ибо онъ ждалъ обѣщанныхъ ему въ письмѣ президента подкрѣпленій. 31 мая Лессепсу удалось заключить конвенцію, въ силу которой французы должны были занять опредѣленные пункты бывшей Папской (Церковной) области, но должны были оставаться за предѣлами Рима. Но за три дня до того въ Парижѣ начало дѣйствовать новое законодательное собраніе съ его монархистскимъ большинствомъ, и Бонапартъ, которому теперь ужъ не было нужды скрывать свою реакціонную политику, сбросилъ съ себя маску, отвергъ этотъ договоръ, по телеграфу отозвалъ Лессепса 1-го іюня назадъ въ Парижъ и отдалъ Удино приказъ немедленно напасть на Римъ. Удино, армія котораго тѣмъ временемъ была доведена до 30.000 человекъ, въ ночь со 2-го на 3-е іюня напалъ на виллы Памфили и Корсини, а равно на монастырь и церковь Санъ-Панкраціо; послѣ шестнадцатичасовой геройской защиты всѣ эти мѣста оказались въ его рукахъ и послужили ему отличнымъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій. Затѣмъ въ ночь съ 4-го на 5-е іюня были вырыты траншеи, а 13 іюня начался артиллерійскій огонь на всемъ фронтѣ наступленія.

Въ то же самое время Венеція была обложена австрійцами съ суши и съ моря и совершенно отрѣзана отъ всего остального міра. Наиболѣе укрѣпленнымъ пунктомъ ея считался наполовину окруженный озеромъ фортъ Малгера (Malghera), который австрійцы подвергли съ 4-го по 26-е мая продолжительной бомбардировкѣ. Лишь послѣ того какъ этотъ фортъ былъ превращенъ въ кучу развалинъ, которую уже нельзя было удержать въ своихъ рукахъ несмотря ни на какую храбрость, венеціанцы 27 мая очистили этотъ фортъ, и лишь тогда можно было начать осаду собственно Венеціи.

Французская демократія не имѣла никакого желанія равно-

жали. Феликсъ Пиа (Puat) патетически воскликнулъ: „Передъ Богомъ и людьми, въ виду труповъ нашихъ павшихъ солдатъ клянусь, что конституція нарушена. Я требую отъ господина Тьера и отъ убѣжденнѣйшихъ членовъ большинства, чтобы они съ высоты этой трибуны поклялись, что конституція не нарушена!“ „Клянемся въ этомъ!“ воскликнули многіе члены правой. „Кто изъ насъ правъ: вы или я разсудить страна. Что касается меня, то я готовъ защищать свое убѣжденіе до самой смерти“. Чтобы смягчить впечатлѣніе отъ этой угрозы, Пьеръ Леру сдѣлалъ уступку и предложилъ призвать народъ на мирную демонстрацію.

Члены Горы, увидѣвъ, что на парламентской почвѣ имъ ничего нельзя сдѣлать съ монархистскимъ большинствомъ палаты, оставили всей массой залу; тогда судьба Ледрю-Ролленовскаго предложенія быстро рѣшилась: оно было отвергнуто большинствомъ 377 голосовъ противъ 8. Но Гора перенесла тогда свою агитацію на улицу, и безъ того уже сильно возбужденную.

Но тутъ обнаружилось почти полное отсутствіе рѣшительныхъ революціонныхъ элементовъ, которые были изъяты еще 15 мая и главнымъ образомъ въ кровавые іюньскіе дни. О бурныхъ прежнихъ демонстраціяхъ не могло быть и рѣчи. При всякомъ затѣваемомъ теперь уличномъ движеніи соблюдалась, прежде всего, медленность, осмотрительность.

На собраніяхъ представителей демократической прессы живо обсуждались вопросы вооруженнаго сопротивленія, но также и вопросы большой мирной народной демонстраціи. Умные и проникательные люди старались доказать, что вооруженное сопротивленіе должно привести къ катастрофѣ, мирная же демонстрація превратится въ фарсъ. Дѣйствительность показала, что они были правы.

Безпрерывно засѣдающая комиссія „Лиги правъ человѣка“ дала понять Горѣ, что хочетъ исчерпать всѣ законныя средства, прежде чѣмъ взяться за оружіе.

Во время этихъ неуверенныхъ шатаній демократическая пресса наводнялась воззваніями, въ которыхъ народъ возбуждался къ сопротивленію. Но въ чемъ должно выразиться это сопротивленіе, нигдѣ ничего не говорилось. Выпущенная социал-демократическимъ комитетомъ двадцати пяти прокламація отличалась наибольшей ясностью и рѣшительностью. Она ссылалась на статью 2 социалдемократической избирательной программы, которая гласила: „если конституція нарушена, то народные представители должны показать народу примѣръ сопротивленія“. Партія Горы въ своей прокламаціи увѣряла, что она свою обязанность исполнить.

Другой союзъ, состоящій изъ свободомыслящихъ мелкихъ буржуа, напомнилъ населенію статью 110 конституціи, по которой весь народъ является хранителемъ конституціи. Триста національныхъ гвардейцевъ вызвали своего начальника для

устройства демонстраціи въ цѣляхъ выраженія протеста противъ нарушенія конституціи. Это вмѣшательство мелкой буржуазіи, конечно, придало движенію новую силу, но не способно было внушить ему революціонную энергію, закалить его революціонный характеръ.

Въ бюро законодательнаго собранія наиболѣе энергичные члены Горы внесли предложеніе захватить правительственную власть и объявить правительство несмѣняемымъ. Они, очевидно, забыли, что время такихъ революціонныхъ актовъ прошло.

12 іюня вечеромъ въ редакціи „*Démocratie pacifique*“ („Мирной Демократіи“) состоялось очень бурное и оживленное собраніе. На немъ присутствовала и часть членовъ Горы. Какъ и вездѣ, здѣсь много говорили о томъ, о семъ. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли утромъ же взяться за оружіе, обсуждался, но не былъ рѣшенъ. Въ концѣ концовъ Ледрю-Ролленъ, Феликсъ Піа (Puat) и Викторъ Консидеранъ предложили свои услуги составить воззваніе, которое должно было быть утромъ расклеено на улицахъ и въ которомъ народу будетъ сказано, что онъ самъ долженъ защищать конституцію, ибо защита ея въ законодательномъ собраніи стала невозможной. Но какимъ образомъ слѣдуетъ встать на защиту конституціи? Этотъ вопросъ предоставили рѣшить самому народу.

Все же 12 іюня былъ сдѣланъ шагъ, который долженъ былъ имѣть нѣкоторое значеніе. Капитанъ національной гвардіи Шмицъ (Schmitz) посовѣтовался со многими офицерами этого войска, и въ ближайшіе дни рѣшено было устроить мирную демонстрацію. При помощи объявленій всѣ легіоны національной гвардіи были приглашены 13 іюня въ 11 часовъ утра явиться *безъ оружія* на площадь Шато Д'О (Chateau d'Eau), чтобы оттуда двинуться къ законодательному собранію и выразить ему протестъ противъ нарушенія конституціи.

Глава XXVII.

Утро 13-го июня.—Призывъ въ газетахъ.—Мирная демонстрація.—Индифферентизмъ народа.—Шангарные разгоняетъ манифестантовъ.—Призывъ къ оружію.—Ледрю-Ролленъ и часть Горы отправляются въ Академію искусствъ и ремесль.—Артиллерія національной гвардіи.—Возстаніе подавлено.—Разгромъ социалдемократическихъ типографій.—Неудачныя попытки возстанія въ провинціи.—Реакція срывается съ цѣпи.—Запрещеніе газетъ.—Осадное положеніе.—Временный законъ о клубахъ.—Законъ о печати 27-го іюля.—Отсрочка сессіи законодательнаго собранія.—Путешествіе Бонапарта по странѣ.—Паденіе римской республики.—Смерть Лавирона (Lavirons).—Капитуляція Венеціи.—Плохое хозяйничаніе кардиналовъ въ Римѣ.—Письмо Бонапарта къ Эдуарду Нею.—Безобразія въ Римѣ продолжаются.—Законодательное собраніе разрѣшаетъ требуемый добавочный кредитъ на римскую экспедицію, а также назначаетъ пенсію для герцогини Орлеанской.

Утромъ 13 іюня на переднихъ страницахъ демократическихъ и социалдемократическихъ газетъ: „Демократическая и социальная революція“, „Республика“, „Народъ“, „Мирная демократія“—красовались прокламаціи сомнительнаго достоинства.

Та, что была подписана 122 членами Горы, не заключала въ себѣ ничего, кромѣ двусмысленныхъ фразъ, которыя при данныхъ условіяхъ должны были казаться смѣшными. Въ ней говорилось: „Что должно дѣлать меньшинство при настоящемъ положеніи вещей? Послѣ того какъ оно выразило свой протестъ съ трибуны, оно должно теперь только напомнить народу, національной гвардіи, арміи, что статья 110 ввѣрила конституцію и дарованныя ею права заботливости и патріотизму всѣхъ французовъ. Народъ! Моментъ—высокознаменительный! Всѣ дѣйствія правительства обнаруживаютъ цѣлую систему вызововъ республикѣ. Плохо скрытая на берегахъ Сены, ненависть противъ демократіи совершенно открыто проявляется на берегахъ Тибра. Въ разгорѣвшейся борьбѣ между народами и королями правительство стало на сторону королей противъ народовъ. Солдаты! Вы надѣялись освободить Италію отъ австрійцевъ, вась рѣшили сдѣлать сообщниками австрійцевъ въ дѣлѣ утнетенія Италіи... Національная гвардія! Вы—защитники порядка и свободы. Свобода и порядокъ, это—конституція, республика. Соберемся вокругъ этого знамени съ возгласомъ: „Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ республика!“

Прокламація социалдемократическаго комитета была болѣе содержательная, но также говорила не то, что, собственно, хотѣла сказать. Она гласила:

„Къ народу! Президентъ и его министры сошли съ конституціонной почвы. Та часть собранія, которая своимъ голосованіемъ сдѣлалась ихъ сообщницей, точно также вышла изъ конституціонныхъ рамокъ. Національная гвардія возстала, ма-стерскія закрыты. Пусть наши братья въ арміи поймутъ, что они граждане, что первая ихъ обязанность это защищать конституцію“.

Въ воззваніи къ національной гвардіи говорилось: „Мы, делегаты пятого легіона, во имя отечества, находящагося въ опасности, приглашаемъ всѣхъ гражданъ-легіонеровъ сегодня въ среду въ девять часовъ утра собраться у Шато Д’О противъ мэрии пятого округа въ формѣ и безъ оружія. Сильный и въ дѣлѣ гуманности столь могущественный голосъ народа нигдѣ не встрѣтитъ сопротивленія“.

Въ указанное время многочисленная толпа народа устремилась въ назначенное мѣсто, называемое нынѣ „Площадь республики“, гдѣ находилось нѣкоторое, совсѣмъ небольшое, число національныхъ гвардейцевъ. Два большихъ красныхъ знамени развѣвались надъ головами толпы, и время отъ времени площадь оглашалась громкимъ возгласомъ: „Да здравствуетъ римская республика! Да здравствуетъ конституція!“

Около полудня густая колонна въ нѣсколько тысячъ человекъ двинулась въ полномъ порядкѣ. Въ головѣ колонны маршировали высшіе офицеры національной гвардіи, и между ними Этьенъ Араго и полковникъ Перье (Périer), затѣмъ слѣдовала часть національной гвардіи, а позади нея принявшій участіе въ шествіи народъ. Подъ обычные звуки марсельезы, лишь время отъ времени прерываемой возгласами: „Да здравствуетъ римская республика! Да здравствуетъ Гора! Да здравствуетъ конституція!“—шествіе прослѣдовало по традиціоннымъ аллеямъ большихъ бульваровъ. Но въ то время какъ прежде къ подобнаго рода демонстраціи обыкновенно присоединялось много десятковъ тысячъ, теперь огромная масса народа ограничилась тѣмъ, что играла роль зрителей. Подъ тяжелыми ударами прошлаго года народъ не разучился всодушевляться, но онъ потерялъ вѣру въ свои силы. Это наложило печать на фізіономію настоящей демонстраціи.

Генераль Шангарнье, начальникъ парижскаго гарнизона, жадно ухватился за представившійся ему случай также выступить въ роли „спасителя общества“. Онъ выстроилъ свои войска такъ, что они могли напасть на шествіе со всѣхъ сторонъ, когда голова колонны достигнетъ бульвара Капуциновъ. Когда этотъ моментъ насталъ, изъ улицы Мира (Rue de laaix) внезапно вылетѣли два драгунскихъ полка, врѣзались въ середину колонны и стали безъ разбору рубить и безоружныхъ участниковъ демонстраціи и зрителей. Одновременно съ этимъ нѣсколько батальоновъ пѣхоты и жандармеріи въ присутствіи Шангарнье и его генеральнаго штаба бросились со штыками на народъ, который, не будучи въ состояніи оказать сопротивленіе, въ ужасѣ бросился въ разсыпную по всѣмъ направле-

Нападеніе драгунъ на демонстрантовъ.

ніямъ. И теперь многіе изъ бѣгущихъ, обозленные кричали, какъ когда-то: „Къ оружію! Нашихъ братьевъ убиваютъ!“ Но въ то время какъ раньше подобный призывъ возбуждалъ народъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, теперь этотъ призывъ встрѣчалъ тупое безучастіе и, самое большее, вызывалъ до боли тяжелое чувство.

Члены Горы въ это самое время собрались на улицѣ Дю-Азаръ (du Hazard) и обсуждали предложеніе отправиться въ Академію искусствъ и ремеслъ, находящуюся на улицѣ Сэнъ-Мартенъ, чтобы подъ охраной перешедшей на ихъ сторону артиллеріи національной гвардіи и при содѣйствіи членовъ секцій клуба Правъ человѣка, либо учредить революціонное правительство, какъ думаютъ одни, либо ничего не дѣлать, какъ утверждаютъ шутники. Когда манифестанты были разогнаны, Ледрю-Ролленъ все еще былъ въ нерѣшительности, что въ ближайшій моментъ предпринять, однако онъ, безъ всякой ясной для себя цѣли, направился въ Академію въ сопровожденіи депутатовъ Гамбона (Gambon), Буашо (Boichot), Ратье (Rattier) и Коммиссара (Commissaire), изъ нихъ послѣдніе три, выбранные арміей социалисты—унтеръ-офицеры. Тамъ же находились еще двадцать пять другихъ социалистическихъ представителей.

У Пале Рояля выстроилась часть артиллеріи національной гвардіи. Ими командовалъ вышеупомянутый полковникъ Гинаръ (Guinard), старый республиканецъ, который въ іюньскіе дни сражался противъ народа. Онъ тоже, какъ и многіе другіе, находился въ состояніи мучительной нерѣшительности. Конституція, по его мнѣнію, была нарушена, и его буржуазно-демократическая душа возмущалась противъ этого. Когда появился Ледрю-Ролленъ съ своими товарищами, онъ собралъ артиллеристовъ въ кружокъ и спросилъ ихъ, желаютъ ли они стать на защиту партіи Горы. „Да здравствуетъ Гора“, крикнули артиллеристы, бряцая саблями. „Гора полагается на артиллерійскій легіонъ и удаляется въ Академію искусствъ и ремеслъ“, отвѣтилъ на это Ледрю Ролленъ; но только часть артиллеристовъ послѣдовала за нимъ, другіе же ушли въ другомъ направленіи, ибо Гинаръ объяснилъ имъ, что они должны въ данномъ случаѣ руководиться не дисциплиной, а только собственнымъ убѣжденіемъ. Было два съ половиною часа посполудни, когда директоръ академіи Пуилье (Pouillet), на требованіе открыть двери во имя конституціи, уступилъ давленію массы и предоставилъ народнымъ представителямъ изъ партіи Горы такъ называемую залу для прядильнаго искусства. Но что они намѣревались тамъ дѣлать? Они навѣрное сами затруднились бы дать подходящій отвѣтъ, если бы имъ предложили этотъ вопросъ. Революція, которая, надѣялись, сама возникнетъ вслѣдствіе появившихся въ утреннихъ листкахъ воззваній, не состоялась. И все же вожди партіи Горы, разъ они такъ далеко зашли, не могли выждать въ пассивной бездѣятельности, а должны были

веніяхъ роялистовъ между собой и всей партіи порядка съ Бонапартомъ, казалось, имѣла 29 мая 1849 года всѣ шансы на успѣхъ, четырнадцать дней спустя, все потеряла, въ томъ числѣ и честь“.

Какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, лойяльно настроенная національная гвардія, изъ которой, благодаря распущенію 8-го, 9-го, и 12-го легионовъ, а также національ-гвардейской артиллеріи, всѣ революціонные элементы были устранены, увѣнчала свою одержанную безъ кровопролитія побѣду оргіей слѣпого разрушенія. Своей цѣлью она поставила уничтоженіе типографій социалдемократическихъ газетъ. Пьяные офицеры, во главѣ съ полковникомъ Вьейра (Vieyra), который потомъ помогъ Бонапарту совершить государственный переворотъ, повели солдатъ въ типографіи Ру и Булэ (Roux et Boulé) и совершенно ихъ разрушили. Не только печатные станки были разбиты, шрифтъ разбросанъ и растоптанъ, но даже газовые трубки были разрѣзаны и кассы разграблены.

Въ провинціи 14 и 15 іюня также были волненія, въ основѣ которыхъ, какъ и въ Парижской попыткѣ совершить возстаніе, лежала одна и та же мысль, а именно: согласно 110 статьи, охрана конституціи была ввѣрена бдительности и патріотизму всѣхъ французовъ. Наиболѣе сильное столкновеніе имѣло мѣсто въ Ліонѣ, гдѣ промышленная буржуазія и промышленный пролетаріатъ стояли непосредственно другъ противъ друга, гдѣ, поэтому, Гора не могла оказать своего ослабляющаго и разлагающаго вліянія, и гдѣ предмѣстье Краснаго Креста, эта крѣпость Ліонской революціи, утромъ 15 іюня покрылась баррикадами. Но власти давно приготовились для борьбы съ рабочими: симпатизирующей народу 5-й линейный полкъ они удалили рано утромъ подъ предлогомъ продолжительнаго похода, остальными войсками, на которыхъ они могли рассчитывать, заняли всѣ стратегическіе пункты города, и съ помощью артиллеріи имъ удалось послѣ восьмичасового кровопролитнаго боя подавить востаніе. Попытки возстанія въ Страсбургѣ, Реймсѣ, Дижонѣ, Бордо, Тулузѣ и въ селахъ департамента Аллье были такимъ же образомъ подавлены, какъ и востаніе въ Парижѣ, на что правительство съ увѣренн остью рассчитывало.

Подавленіе такъ называемыхъ безпорядковъ всегда доставляетъ реакціи желанный поводъ для энергичныхъ дѣйствій. 13 іюня утромъ открылось экстренное засѣданіе законодательнаго національнаго собранія, объявившее себя непрерывнымъ. Въ Парижѣ и окружающихъ его департаментахъ оно ввело осадное положеніе, а къ народу выпустило прокламацію, въ которой говорилось, что республика и общество находятся въ опасности, что на самодержавіе народа посягнуло разрушительно—дѣйствующее меньшинство, но что большинство будетъ защищать конституцію (!) и республику (!) до самой смерти. Правительство было облечено полномочіями для судебного преслѣдованія всѣхъ тѣхъ членовъ партіи Горы, о которыхъ будетъ доказано, что они присутствовали на собраніи въ Академіи искусствъ и ремесль.

На этомъ собраніи былъ и Викторъ Консидеранъ, человѣкъ вообще въ высшей степени миролюбивый, но на этотъ разъ возмутившійся до глубины души. 15 іюня законодательное собраніе постановило выразить благодарность національной гвардіи, арміи и генералу Шангарнье за ихъ защиту конституціи (!) и правительства республики. И такъ какъ газеты, типографіи которыхъ были разбиты, вновь появились въ другихъ типографіяхъ, то „Мирная демократія“, „Народъ“, „Революція демократическая и социальная“, „Истинная республика“ и другіе листки были противозаконно, простымъ приказомъ правительства пріостановлены, на что собраніе заднимъ числомъ дало свое согласіе. Это было начало реакціи, которую іезуитъ Фаллу могъ, торжествуя, назвать „римской экспедиціей во внутрь своей собственной страны“.

Одинъ за другимъ было отдано подъ судъ не менѣе сорока народныхъ представителей. Благодаря этому, Гора лишилась своихъ наиболѣе рѣшительныхъ вождей. Изъ нихъ часть бѣжала, какъ „кумиръ трибуны“, Ледрю-Ролленъ, а также Феликсъ Піа, Мартэнъ Бернаръ и другіе, часть находилась въ тюрьмѣ, какъ унтеръ-офицеры Ратье и Буашо. А чтобы заставить республиканскую оппозицію въ собраніи молчать, большинство предложило новый порядокъ засѣданій, по которому путемъ мелкихъ дисциплинарныхъ взысканій свобода мнѣній депутатовъ подверглась ограниченію и отдана была во власть педагогическому усмотрѣнію президента собранія. Осадное положеніе было затѣмъ распространено на всѣ департаменты, которые находились въ округѣ какого-нибудь возстававшего города, вслѣдствіе чего этой участи подверглись, кромѣ Парижа съ его окрестностями, еще Ліонъ съ пятью, и Страсбургъ, Реймсъ и пр. съ шестнадцатью окружающими ихъ департаментами. На мѣсто обычныхъ судовъ, были на время осадного положенія введены военные суды. Возстановили императорскій декретъ 1811 года, по которому абсолютная и неограниченная административная власть была передана военному начальству, и судебная палата замѣнена военнымъ трибуналомъ. Если противъ такихъ насилій раздавались слабые голоса протеста, то послѣдние заглушались извѣстными словами Барагюэ д'Ілье (Baragoué d' Hillier): „Лучше бѣлый терроръ, чѣмъ красный“.

Не пощадили даже гарантированное 8-й статьей конституціи право союзовъ и собраній. 19 іюня законодательное собраніе издало новый законъ о клубахъ, которымъ правительству на одинъ годъ давалось полномочіе „клубы и другіе союзы, которые *могли-бы* грозить общественной безопасности, закрывать“. Такимъ образомъ правительство могло по собственному усмотрѣнію закрыть всѣ политическіе союзы, которые ему не нравились, и Одилонъ Барро, бывший не только президентомъ кабинета министровъ, но и министромъ юстиціи, поспѣшилъ сдѣлать изъ этого полномочія самое широкое употребленіе. Правомъ союзовъ, этимъ важнѣйшимъ завоеваніемъ февральской революціи, пользоваться для политическихъ цѣлей

стало совершенно нельзя, и властямъ было ясно указано, что бы непослушные клубы усмирялись въ случаѣ нужды даже силою оружія. Только избирательные союзы и избирательныя собранія еще допускались, въ томъ предположеніи, что они будутъ строго держаться рамокъ, указанныхъ въ ихъ названіи. Далѣе, запрещалось носить красныя флаги на улицѣ, и Одилонъ Барро въ своихъ циркулярахъ прокурорамъ давалъ вполне ясныя указанія, чтобы за возгласъ: „Да здравствуетъ социальная республика“ возбуждалось судебное преслѣдованіе, какъ за мятежный возгласъ. „Съ 13 іюня“, пишетъ Эженъ Тено (Eugen Ténot) въ своемъ историческомъ очеркѣ государственнаго переворота, „началось невиданное, зрѣлище причеъ республика, въ которой республиканскій образъ мыслей служилъ поводомъ для подозрѣній и для преслѣдованія, правительство усердно занималось тщательной очисткой всего бюрократическаго аппарата. Всякій заподозрѣнный въ республиканизмѣ чиновникъ подвергался увольненію. Нельзя не вспомнить еще о безчисленномъ множествѣ учителей, которые пали жертвой этой реакціи. Судебныя дѣла о печати умножились“.

Однако, личный произволъ и судебныя кары еще не удовлетворяли ненасытную реакцію. Назначенная министромъ де-Фаллу комиссія изъ преподавателей, въ которой бывшій вольтерьянецъ Тьеръ дружески пожималъ руку фанатическому священнику и впослѣдствіи епископу Дюпанлу, (Dupanloup) а „рабочій“ Пэпенъ (Pépin) сдѣлался орудіемъ іезуитовъ изготовила противъ учителей законъ, по которому уничтожились обязательность и бесплатность обученія въ народной школѣ, и сама школа отдавалась подъ надзоръ духовенства. И противъ прессы былъ изданъ 27 іюля временный законъ, по которому уличная продажа газетъ ставилась въ зависимость отъ разрѣшенія начальства, въ каковомъ можно было отказывать безъ объясненія причинъ; по этому закону устанавливались еще нѣкоторыя другія строгія правила, касающіяся личной отвѣтственности издателей, редакторовъ и сотрудниковъ. Этотъ законъ тотчасъ вошелъ въ силу, и на поднятый противъ этого въ защиту своихъ правъ всей парижской журналистикой шумъ не обратили никакого вниманія. Напротивъ, чрезвычайно поспѣшно и безъ всякаго предварительнаго парламентскаго обсужденія былъ отмѣненъ рядъ распоряженій временнаго правительства, въ частности была возстановлена безответственность судей и было возвращено на службу нѣсколько ройялистскихъ генераловъ, получившихъ въ первые дни февральской революціи отставку. Надѣливъ такимъ образомъ правительство и президента республики столь необычайной монархической верховной властью, законодательное собраніе сняло съ Парижа и сосѣдняго департамента осадное положеніе и отсрочило свои засѣданія на время съ 13 августа до 1 октября. Постоянная комиссія изъ двадцати пяти представителей, составленная исключительно изъ выдающихся орлеанистовъ и легитимистовъ, въ числѣ коихъ находились Молэ

и Шангарнье, была оставлена въ качествѣ замѣстительницы собранія для защиты конституціи и республики. Остальные роялистскіе депутаты отправились въ свои округа, частью чтобы отдохнуть отъ трудовъ продолжительной реакціонной работы, частью, чтобы принять участіе въ созываемыхъ какъ разъ въ это время департаментскихъ „совѣтахъ“ которымъ, предстояло разсмотрѣть *неотложное предложеніе о пересмотрѣ конституціи*.

Конституція, согласно ея же собственнымъ узаконеніямъ, могла быть подвергнута пересмотру лишь въ 1852 году специально созваннымъ для этой цѣли національнымъ собраніемъ. Но если бы большая часть департаментскихъ совѣтовъ высказалась за немедленный пересмотръ, какъ того желали и добивались роялисты, то несомнѣнно роялистское большинство національнаго собранія, которое не рѣшалось совершенно открыто нарушить конституцію, прислушалось бы къ „голосу страны“ и въ національномъ собраніи утвердило бы предложеніе департаментскихъ совѣтовъ о пересмотрѣ. Однако, планъ этотъ не удался благодаря рѣшенію департаментскихъ совѣтовъ, которые въ подавляющемъ большинствѣ высказались противъ предложеннаго пересмотра.

Между тѣмъ Бонапартъ имѣлъ время и досугъ, чтобы воспользоваться каникулами національнаго собранія для достиженія своихъ *личныхъ* цѣлей. Обѣздъ страны далъ ему случай сорвать овалы, которыя оказаны были не столько президенту республики, сколько судьбой посланному племяннику императора. Прежде всего онъ посѣтилъ Амь (Ham), гдѣ онъ просидѣлъ шесть лѣтъ въ тюрьмѣ. Еще не настало время, чтобы сбросить маску, и онъ оставался вѣренъ разыгрываемой имъ роли и на привѣтствіе мэра отвѣтилъ слѣдующими скромными словами, которыя съ восторгомъ выслушивались монархистами всѣхъ оттѣнковъ, жаждущими высшихъ правительственныхъ должностей: „...Я не могу пожаловаться на то, что за свою смѣлую попытку нарушить законы страны долженъ былъ поплатиться шестилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ, и я съ радостью на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пострадалъ, поднимаю бокалъ въ честь тѣхъ людей, которые такъ энергично защищали законы своей страны“. Но рядомъ съ этой официальной демонстраціей онъ старался всюду, но, по возможности, незамѣтно заручиться симпатіей солдатъ.

Тѣмъ временемъ судьба римской и венеціанской республики была рѣшена. Римляне съ величайшей стойкостью боролись противъ французовъ. На сторонѣ первыхъ сражался также въ рядахъ гарибальдійскихъ волонтеровъ знакомый уже намъ по событіямъ 15 мая Лавиронъ, который въ тотъ день обошелся немного сурово съ президентомъ Бюше, и котораго судебная палата въ Бурже заочно (in contumaciam) приговорила къ ссылкѣ. Во время нападенія своихъ соотечественниковъ онъ былъ убитъ, получивъ смертельную рану отъ пули Вэнсенскаго стрѣлка.

Въ ночь съ 21 на 22 іюня послѣ внезапной атаки попали въ руки осаждающихъ два важныхъ бастиона, а послѣ того какъ 29 іюня и бастионъ Санъ-Понкраціо былъ взятъ, удалось проникнуть черезъ эту брешь въ городъ. 3 іюля Удино могъ вступить въ побѣжденный Римъ. Мадзини и его приверженцы вынуждены были бѣжать. Гарибальди собралъ около себя оставшихся въ живыхъ борцовъ и отступилъ съ 4400 человекъ въ полномъ порядкѣ, въ Тосканѣ проложилъ онъ себѣ путь черезъ цѣпь австрійцевъ, добрался до территоріи маленькой республики Санъ-Марино, распустилъ здѣсь свою армію и отплылъ въ Геную, чтобы вернуться въ Южную Америку. Удино черезъ полковника Ньеля (Niel) послалъ папѣ въ Гаэту ключи отъ Рима. 15 іюля онъ объявилъ, что папская власть восстановлена и на башнѣ Ангела въ Римѣ водрузилъ папское знамя рядомъ съ французскимъ трехцвѣтнымъ. Пій IX далъ ему за это свое апостольское благословеніе и назначилъ правительственную комиссію изъ трехъ кардиналовъ, которая, подъ защитой французскихъ штыковъ въ Римѣ и австрійскихъ штыковъ въ Анконѣ и во всей остальной Папской области, опять восстановила свѣтскую власть папства къ величайшему удовольствію святого отца.

Старую, окруженную лагунами Венецію ни разгромъ и взятіе форта Малгеры, ни извѣстіе о паденіи Рима не принудили согласиться на предложенныя ей австрійцами условія капитуляціи. Только когда всюду въ Европѣ былъ вновь восстановленъ старый порядокъ, когда Венгерцы, на которыхъ венеціанцы возлагали свои послѣднія надежды, были разбиты, и ужъ ни съ какой стороны нельзя было больше рассчитывать на поддержку, когда австрійскія гранаты стали попадать въ городъ, который терпѣлъ страшную нужду въ пищѣ, и когда къ голодному тифу присоединилась еще худшая гостья, холера; тогда венеціанцы лишились возможности сопротивляться, и храбрый и энергичный диктаторъ Манинъ послѣ настойчивыхъ просьбъ всѣхъ его окружающихъ согласился на капитуляцію. Она произошла 24 августа и гарантировала всѣмъ венеціанцамъ свободу отъ наказанія, за исключеніемъ сорока выдающихся вождей возстанія съ Маниномъ во главѣ; но и эти могли безъ всякаго труда оставить городъ и отправиться въ изгнаніе. 30 августа фельдмаршалъ Радецкій вступилъ во вновь завоеванный городъ.

Въ Римѣ Удино объявилъ осадное положеніе, генерала Ростолана (Rostolan) назначилъ губернаторомъ, обуздалъ демократическую прессу, разоружилъ народъ и даже запретилъ гражданамъ выходить по вечерамъ изъ дому. назначенные правительствомъ три кардинала пустили въ ходъ безпощадную, напоминающую собой самыя мрачныя времена средневѣковья тиранию, которая во всемъ мірѣ возбудила негодованіе и вызвала самое рѣзкое осужденіе. Самъ Бонапартъ счелъ необходимымъ снять съ себя всякую отвѣтственность за это. Своимъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ онъ хотѣлъ распо-

ложить къ себѣ какъ духовенство, такъ и католическій народъ, и вовсе не хотѣлъ рисковать потерять расположеніе всѣхъ тѣхъ, которые не къ однимъ только іезуитамъ прислушивались. Въ виду этого онъ 18 августа написалъ одному изъ своихъ довѣренныхъ людей, полковнику Эдгару Нею (Edgar Ney), сыну маршала Наполеона письмо, въ которомъ говорилъ: „Французская республика послала армію въ Италію не для того, чтобы задушить свободу, а для того, чтобы ее упорядочить и упрочить... Съ прискорбіемъ я узналъ, что благія намѣренія святого отца, равно какъ и наши собственныя рѣшительныя мѣры, остались безплодными въ борьбѣ съ враждебными дѣйствіями и стремленіями; нашлись люди, которые хотѣли обезпечить возвращеніе папы путемъ проскрипцій (изгнаній) и тиранинн. Скажите генералу Растану, что онъ не долженъ допускать, чтобы подъ сѣнью трехивѣтнаго знамени совершалась какія-нибудь дѣйствія, которые могли бы извратить истинный характеръ нашего вмѣшательства... Возвращеніе папы я себѣ представляю такъ: всеобщая амнистія, свѣтское управленіе *), сводъ законовъ Наполеона (Code Napoleon) и либеральное правительство“.

Въ первый моментъ это посланіе, для котораго Бонапартъ нарочно выбралъ форму частнаго письма, чтобы его содержаніемъ снять съ себя отвѣтственность передъ законодательнымъ собраніемъ, произвело нѣкоторое дѣйствіе. Святой отецъ согласился такъ называемымъ „*Motuproprio*“ (собственнымъ соизволеніемъ) обѣщать амнистію и реформы. Но его умный статсъ-секретарь кардиналъ Антонелли очень хорошо понималъ, что Бонапартъ больше нуждался въ папѣ, чѣмъ папа въ немъ. Въ Римѣ, поэтому, все осталось по старому. Инквизиція подъ именемъ *Consiglio di Censura* (Совѣтъ цензуры) была восстановлена, и мщеніе ея выразилось въ массовыхъ отрѣшеніяхъ отъ должности и въ самыхъ невѣроятныхъ судебныхъ преслѣдованіяхъ. Въ годовщину объявленія республики молодые люди устроили фейерверкъ, ихъ присудили къ двадцати годамъ каторги. Съ фантазійей, доходящей до безумія, изобрѣтались преступленія. Такъ напр., утверждали, что тѣ, которые воздерживались отъ куренія табаку, этимъ воздержаніемъ стремились сократить доходы казны и, слѣдовательно, достойны наказанія.

Всѣ эти позорныя дѣянія были раскрыты римскимъ изгнанникомъ Фариной (Farina) въ письмѣ къ англійскому канцлеру казначейства Гладстону, въ которомъ онъ въ заключеніе говоритъ: „Если бы собрать всѣ приговоры римскаго духовнаго Совѣта (*Consulta*) и австрійскихъ военныхъ судовъ въ Папской области, если бы произвести статистическую перепись всѣхъ папскихъ подданныхъ, которыхъ его чиновники ограбили, выслали, сослали, избили, засадили въ тюрьму, то Европа и христіанство увидѣли бы, какимъ миромъ увѣнчался крестовый

*) Папская область управлялась исключительно кардиналами, которые не допускали свѣтскаго элемента.

походъ 1849, года. Правительство совершенно также, какъ и раньше, исключительно клерикальное, ибо кардиналъ, статсъ-секретарь (Антонелли) — въ дѣйствительности единственный министр... Въ провинціи правятъ прелаты, всѣ высшія должности доступны лишь лицамъ духовнаго званія“.

Когда въ октябрѣ законодательное собраніе въ Парижѣ было вновь создано, правительство вынуждено было опять выступить съ требованіемъ кредита на римскую экспедицію, такъ какъ сверхъ разрѣшенныхъ 1.200.000 франковъ произведенъ былъ перерасходъ во много милліоновъ франковъ. Оппозиція воспользовалась этимъ, чтобы еще разъ сдѣлать правительству запросъ по поводу его римской политики, конечно, безъ всякой надежды на успѣхъ, на что указывалъ уже одинъ выборъ Тьера докладчикомъ. Викторъ Гюго поднялъ вопросъ о письмѣ президента и подчеркнул, что *Motuproprio* папы не имѣло даже отдаленнѣйшаго сходства съ содержаніемъ этого письма; но Тьеръ заявилъ, что онъ вполне согласенъ съ ходомъ римской экспедиціи, но выразилъ свое неодобреніе по поводу требованій, предъявленныхъ въ письмѣ, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Такое презрительное отношеніе не мало, конечно, разсердило Бонапарта. Онъ былъ достаточно хитеръ, чтобы не воспользоваться этимъ случаемъ снять съ себя всю вину за исходъ ненавистной экспедиціи и возложить ее на министерство, отчего онъ лично могъ только выиграть. Въ виду этого онъ во время многодневныхъ преній по поводу римской политики прислалъ Одилону Барро письмо, которое тотъ долженъ былъ прочитать въ собраніи, и въ которомъ говорилось: „Вы знаете, съ какой настойчивостью я добивался римской экспедиціи; съ такой же твердостью я дамъ отпоръ и всякому другому противодѣйствию“. Это письмо, въ которомъ только иными словами говорилось то же, что и въ письмѣ къ Эдгару Нею, министръ отказался прочитать.

Не министерство, а Викторъ Гюго взялъ на себя въ этихъ многодневныхъ дебатахъ защиту личной политики и вмѣшательства президента. Онъ предложилъ новый порядокъ дня, по которому національное собраніе должно было высказать свое мнѣніе по поводу письма Наполеона. Съ язвительнымъ смѣхомъ роялистское большинство отвергло это предложеніе и ассигновало требуемые министерствомъ девять милліоновъ на покрытіе всѣхъ расходовъ, связанныхъ съ римской экспедиціей.

Еще въ одномъ денежномъ вопросѣ между національнымъ собраніемъ и министерствомъ обнаружилась полная солидарность: тотчасъ по возобновленіи засѣданія Одилонъ Барро внесъ предложеніе продолжать выдачу герцогинѣ Орлеанской 300.000 франковъ, въ которой ей было отказано со времени февральскихъ дней прошлаго года. Национальное собраніе приняло это предложеніе и такимъ образомъ увеличило долги французской націи на сумму въ семь милліоновъ франковъ.

Что касается, напротивъ, третьяго денежнаго вопроса, столь необходимаго президенту республики увеличенія содержанія, то

ни министерство не рѣшалось вносить такого предложенія, ни національное собраніе не было, повидимому, склонно его одобрить. И это нежеланіе министерства — сдѣлаться защитникомъ его личныхъ интересовъ и притязаній, безъ всякаго соображенія съ противоположными теченіями въ національномъ собраніи, разсердило президента республики еще больше, чѣмъ поведеніе Одилона Барро и докладчика Тьера, совершенно игнорировавшаго въ римскихъ дебатахъ — Вонапарта и его частное письмо. Ибо, какъ говоритъ Карлъ Марксъ, „въ Бонапартѣ императорскій претендентъ такъ сильно сросся съ прогоревшимъ авантюристомъ, что великая идея о томъ, что онъ призванъ реставрировать имперію, постоянно дополнялась другой идеей, что французскій народъ призванъ платить его долги“.

Глава XXVIII.

Непарламентское министерство.—Карлье—префектъ полици.—Процессъ обвиняемыхъ за возстаніе 13 Іюня 1849 г.—.Пошлина на вино и законы о народномъ образованіи.—Карлье за работой.—Дополнительные выборы 10 марта и 28 апрѣля 1850 г.—Законы противъ социалистовъ.—Избирательный законъ 31 мая 1850 г.—Денежныя требованія Бонапарта.—Наглость газетъ, преданныхъ Елисейскому дворцу.—Отсрочка созыва Национальнаго собранія съ 11 Августа до 11 Ноября 1850 г.—Постоянная коммиссія.—Орлеанскія и легитимистскія интриги.—Поѣздки Бонапарта по странѣ.—Общество 10 Декабря.—Смотръ войскъ при Ст.-Морѣ и при Сатори.—Отставка ген.Неймейера.—Афера Іона (Jon).—Открытие сессіи Национальнаго собранія.—Незначительная парламентская работа въ ноябрѣ и декабрѣ.—Партизанская война между національнымъ собраніемъ и правительствомъ.—Кому должна подчиняться армія?—Бонапартъ требуетъ смѣщенія Шангарнье.—Частичный министерскій кризисъ, реорганизация кабинета 10 января 1851 г.—Отставка Шангарнье и раздѣленіе его власти.—Вотумъ недовѣрія національнаго собранія.—Отставка кабинета, составленіе непарламентскаго министерства.—Отказъ въ новыхъ денежныхъ ассигнованіяхъ Бонапаргу.—Петиціи о пересмотрѣ конституціи.—Антипарламентское министерство 10 апрѣля 1851 г.—Предложеніе о пересмотрѣ конституціи.—Рѣчь Бонапарта въ Дижонѣ.—Отвѣтъ Шангарнье.—Отклоненіе предложенія о пересмотрѣ.—Отсрочка заведеній національнаго собранія съ 10 августа по 4 ноября 1851 г. Генераль Маньянъ (Magnan) и полковникъ Вьейра (Vieuga).—Министерскій кризисъ.—Составленіе бонапартистскаго министерства.—Назначеніе бонапартистскаго министерства—Ториньи съ Сень-Арно, въ качествѣ военнаго министра, съ 26 октября.—Мопа—префектъ полици Сенскаго департамента.—Открытие національнаго собранія.—Посланіе Бонапарта требуетъ отміны закона 31 мая 1850 г.—Национальное собраніе отвергаетъ неотложность законопроекта о возстановленіи всеобщаго избирательнаго права и отклоняетъ 13 ноября самый законъ.—Отклоняется также предложеніе квесторовъ о томъ, чтобы стянуть войска для защиты собранія.—Послѣднія совѣщанія законодательнаго національнаго собранія.—Наканунѣ государственнаго переворота.

1 Ноября 1849 г. президентъ республики въ своемъ посланіи къ Национальному собранію сообщилъ послѣдному, что онъ далъ отставку министерству Барро и образовалъ новое министерство. Составъ новаго министерства какъ и самое посланіе возбудили не малое удивленіе. Видно было стремленіе Бонапарта выдвинуться впередъ и сдѣлаться господиномъ положенія. Въ этихъ видахъ былъ уничтоженъ традиціонный постъ президента кабинета и образовано непарламентское министерство, состоявшее изъ новичковъ бонапартистскаго толка, назначенныхъ исключительно для той цѣли, чтобы быть исполнительными органами личной воли Бонапарта. Министромъ юстиціи онъ выбралъ способнаго оратора, адвоката изъ Риома (Riom), Руэ

(Rouher), который, старался хоть тѣмъ успокоить смущенное національное собраніе, что, для видимости, выказывалъ свою полнѣйшую преданность ему и каждое засѣданіе съ начала до конца просиживалъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Министромъ финансовъ былъ назначенъ частный банкиръ Бонапарта Фульдъ (Fould), выслужившійся тѣмъ, что скупилъ на лондонской биржѣ многочисленныя векселя Бонапарта. Портфель военного министра получилъ одинъ изъ рѣдкихъ еще тогда бонапартистскихъ генераловъ, Д'Отпуль (d'Hautpoul); преемникомъ Фаллу (Fallout) въ министерствѣ народнаго просвѣщенія призванъ былъ тоже адвокатъ и политическій авантюристъ Де-Парье (de-Parieu); портфель министра внутреннихъ дѣлъ получилъ ничтожный самъ по себѣ Фердинандъ Барро, братъ отставленнаго президента кабинета. Иностранныя дѣла были предложены французскому посланнику въ Неаполь, Рейневалю (Rayneval), а послѣ его отказа перешли къ генералу Лаитту (Lahitte). На постъ министра земледѣлія и торговли былъ призванъ извѣстный химикъ, человекъ крайне сомнительной политической репутации, Дюма (Dumas); общественныя работы были поручены Бино (Bineau), а флотъ-Дефосе (Defosses).

Наряду съ этими министрами дѣйствовалъ, какъ главный актеръ, префектъ полиціи Карлье (Carlier), котораго, какъ подходящее орудіе, выискало чутье Бонапарта, — это былъ грубый, необразованный полисменъ, прежній сыщикъ на службѣ у извѣстнаго пройдохи Гиске (Gisquet), начальника охраны общественной безопасности при Луи Филиппѣ. Этотъ Карлье, типъ настоящаго прикащика Бонапарта, предписалъ, какъ рассказываетъ Верморель въ своей книгѣ: „Люди 1851 года“ вновь составленному правительству его программу, вставивъ въ подписанную министромъ внутреннихъ дѣлъ прокламацію въ видѣ руководящихъ принциповъ правительства слѣдующія положенія: „... Защита религіи, труда, семьи и собственности. Бдительность и строгость по отношенію къ социализму, разнузданой прессѣ и упорствующимъ въ своихъ стремленіяхъ возмутителямъ народа... Дѣло идетъ объ ополченіи всего общества противъ социализма; это необходимо въ интересахъ всѣхъ гражданъ и всеобщаго благосостоянія“. Поводомъ для примѣненія на дѣлѣ этихъ принциповъ было, конечно, болѣе чѣмъ достаточно.

10 Октября 1849 въ Версалѣ собрался государственный судъ, предъ которымъ полжны были предстать зачинщики и участники возстанія 13 іюня. Общественнымъ обвинителемъ былъ прежній адвокатъ Барошъ (Baroche), выступавшій въ качествѣ прокурора уже и раньше въ Буржѣ въ процессѣ противъ обвиняемыхъ 15 мая 1848 г. Судъ состоялъ изъ ставленниковъ правительства; главнѣйшимъ ораторомъ защиты былъ адвокатъ и вождь партіи горы, Мишель изъ Бурже. Обвиняемыхъ было 67 человекъ парламентаріевъ и артиллеристовъ національной гвардіи. Наиболѣе важныя изъ обвиняемыхъ, между ними Ледрю-Ролленъ, Викторъ Консидеранъ, Феликсъ

Піа (Руат), Мартэнъ Бернаръ, бѣжали и были осуждены *in contumaciám* (заочно). Защита старалась опереться на фактъ, что римской экспедиціей была нарушена конституція, благодаря чему обвиняемые имѣли право къ возстанію, право, пользованіе которымъ не можетъ подлежать наказанію. Судъ, однако, отказалъ защитѣ опираться на это основаніе, послѣ чего и обвиняемые и ихъ защитники, благодаря стѣсненію свободы защиты, вообще отъ послѣдней отказались. 13 ноября былъ объявленъ приговоръ. Отсутствовавшіе, числомъ 37, были всѣ приговорены къ ссылкѣ, а также и 17 изъ числа обвиняемыхъ, присутствовавшихъ при разборѣ дѣла, среди нихъ полковникъ Гинаръ (Guinard) и унтеръ-офицеры—соціалъ-демократы. Трое получили по 5 лѣтъ тюрьмы и десять человекъ были оправданы.

Национальное собраніе при обсужденіи бюджета текушаго финансоваго года рѣшило отмѣнить пошлину на вино, чтобы тѣмъ создать нѣкоторое облегченіе для бѣднѣйшей части населенія, предполагая вмѣсто того ввести подоходный налогъ. Первымъ служебнымъ актомъ министра финансовъ Фульда было возстановленіе винной пошлины и при томъ въ самой ненавистой, старой формѣ, налагавшей на мелочную торговлю полный размѣръ пошлины, тогда какъ оптовая облагалась лишь половиною пошлиной, результатомъ чего было вздорожаніе напитковъ для бѣднѣйшей части населенія. Этотъ законопроектъ Фульда встрѣтилъ у подавляющаго большинства палаты полную поддержку, причемъ графъ Монталамберъ, ультрамонтанъ, перешедшій теперь въ бонапартистскій лагерь, оправдывалъ такое мѣропріятіе говоря, что враги общества — онъ подразумѣвалъ соціалистовъ—, потерпѣвши поражение не только на улицахъ, но въ законахъ и въ святилищѣ суда, стали искать своего послѣдняго прибѣжища въ финансахъ и открыли кампанію противъ расходовъ, въ которой также не нужно допускать ихъ до побѣды. О подоходномъ налогѣ послѣ возобновленія акциза на вино, разумѣется, не было уже и рѣчи.

Работы комиссіи по выработкѣ новаго закона о народномъ образованіи шли у министра Парье не очень то быстро впередъ. Для того, чтобы еще раньше изданія новаго закона расправиться съ учителями, зараженными духомъ социализма и республики, онъ преподнесъ 13 декабря законодательному собранію временный законъ, подчинявшій учителей народныхъ школъ дисциплинарной власти префектовъ, которымъ предоставлялось право увольнять каждаго учителя, оказавшагося по своему образу мыслей недостойнымъ своей должности. Этотъ законъ былъ принятъ на шесть мѣсяцевъ.

14 января 1850 г. Парье предложилъ новый законъ о народномъ образованіи, подчинявшій школьную и учебную часть духовенству, т. е. іезуитамъ. Послѣ долгихъ и горячихъ дебатовъ, въ которыхъ страхъ передъ социализмомъ игралъ главную роль, причемъ Монталамберъ прямо заявилъ, что противъ опасностей социализма только одно спасеніе въ помощи церкви, а быв-

ший вольтерьянец Тьеръ высказался за принятіе закона потому, что „или социализмъ или катехизисъ—другаго выхода нѣтъ“,—законъ былъ принятъ 15 марта 399 голосами противъ 237. Принятъ, не смотря на весь умъ и талантъ оппозиціи съ Викторомъ Гюго во главѣ, пустившую въ ходъ все свое діалектическое и риторическое искусство. 27 марта законъ былъ утвержденъ президентомъ республики и опубликованъ.

Два только что упомянутыхъ закона,—возстановленіе акциза на вино и возобновленіе борьбы противъ невѣрія, составляютъ, по Карлу Марксу, всю законодательную дѣятельность этого періода безграничнаго господства буржуазіи. „Когда французамъ затрудняютъ питье вина, то значитъ еще обильнѣе подносить имъ водичу праведной жизни... Удивляешься, видя орлеанистовъ, либеральныхъ буржуа, этихъ старинныхъ апостоловъ вольтерьянства и Эклектической философіи, вѣдряющими завѣдываніе французскимъ просвѣщеніемъ своимъ исконнымъ врагамъ, іезуитамъ. Правда, орлеанисты и легитимисты могли, конечно, расхотѣться между собой по вопросу о претендентѣ на престолъ, но они хорошо понимали, что интересы ихъ объединеннаго господства требуютъ объединенія и средствъ угнетенія двухъ предшествующихъ эпохъ, что средства угнетенія эпохи іюльской монархіи должны быть дополнены и подкрѣплены средствами угнетенія эпохи реставраціи“.

Отъ министерства, спасавшаго такимъ способомъ общество, не отставалъ, конечно, и его полицейскій соратникъ Карлье. Послѣ февральской революціи, въ періодъ воодушевленія, какъ извѣстно, на площадяхъ и перекресткахъ главныхъ улицъ въ честь одержанной побѣды были посажены деревья, названные „деревьями свободы“ и воскрешавшія въ памяти народа этотъ моментъ торжества и надежды. 5 февраля Карлье приказалъ вырыть почти всѣ эти деревья подъ тѣмъ явно придуманнымъ предлогомъ, что онѣ затрудняютъ уличное движеніе. При подавленіи вызванныхъ такой провокаціей беспорядковъ одинъ человекъ изъ толпы былъ убитъ. 24 февраля, въ годовщину своей революціи, парижскій народъ украсилъ цоколь и рѣшетку іюльской колонны, усыпальницы павшихъ въ борьбѣ, вѣнками и цвѣтами. Но полиція, ночью убрала эти знаки памяти которые считаются священными даже у народовъ нецивилизованныхъ. Это вызвало цѣлую бурю общественнаго негодованія. „Усыпальницы мертвыхъ осквернены“, — писалъ „Голосъ Народа“ („Voix du Peuple“), которому Прудонъ доставлялъ свои статьи изъ тюрьмы Ст.-Пелажи,—„совершенно преступленіе, отъ котораго отворачиваются даже самые дикіе народы. Нечистыми руками унесены вѣнки, возложенные сыновьями, женами, отцами на могилы своихъ родныхъ. Проклятіе похитителямъ!“ Видя такой единодушный протестъ противъ этого поступка, министръ не рѣшился взять его подъ свою защиту, послѣ чего и Карлье свалилъ съ себя отвѣтственность, сдѣлавъ одного изъ своихъ подчиненныхъ козломъ отпущенія.

Благодаря приговору Версальскаго государственнаго суда,

освободились мѣста тридцати одного депутата. Дополнительные выборы прошли 10 марта. Результаты ихъ были громадной побѣдой социалдемократической партіи. Въ Парижѣ вмѣсто Ледрю-Роллена, Пиа и Консидерана выбраны были прежній министръ народнаго просвѣщенія Карно, бывший лейтенантъ и юньскій борець де-Флоттъ (de-Flotte, не смѣшивать съ рабочимъ Флоттомъ, другомъ Бланки) и Франсуа Видаль, (Francois Vidal) крупный социалистическій писатель и участникъ юньскаго возстанія. Избраніе Карно было протестомъ противъ ненавистнаго закона о народномъ образованіи, оба другія—протестъ противъ проэкта о ссылкѣ, которому вскорѣ предстояло получить силу закона. Парижскій гарнизонъ подалъ за юньскаго инсургента Видаля 6583 голоса, а за его противника, генерала и министра Лаитта (Lahitte) только 5863. Въ департаментахъ, гдѣ блокъ социалдемократовъ съ партіей Горы одерживалъ верхъ на выборахъ, или оставался въ сильномъ меньшинствѣ, большая часть арміи также подавала голоса противъ кандидатовъ партіи порядка. Такъ какъ Видаль былъ выбранъ въ Парижѣ и въ Страсбургѣ и принялъ страсбургское избраніе, въ Парижѣ потребовались дополнительные выборы, въ которыхъ 28 апрѣля побѣдителемъ вышелъ Эженъ Сю, романистъ пролетаріата.

Эти выборы привели и склоннаго къ государственному перевороту Бонапарта, и объединившихся въ парламентѣ въ „партію порядка“ легитимистовъ и орлеанистовъ въ большое смущеніе. Система шпіонажа, организованная по плану Карлье по всей Франціи, донесенія низшихъ полицейскихъ органовъ о поведеніи чиновничества—до высшихъ столповъ правительства включительно, наконецъ, вся система законовъ, направленныхъ къ угнетенію свободы,—все это оказалось обманчивымъ и бесплоднымъ въ борьбѣ съ развивающимся социализмомъ. Курсъ на биржѣ упалъ на десять франковъ.

Вожаки партіи порядка устроили совѣщаніе съ президентомъ. Бонапартъ отставилъ неопытнаго министра внутреннихъ дѣлъ Фердинанда Барро, такъ плохо знавшаго искусство направлять выборы, и замѣнилъ его тогдашнимъ фанатикомъ порядка и будущимъ шитоносцемъ бонапартизма, Барошемъ, (Baroche) который еще въ Версали передъ государственнымъ судомъ далъ доказательство своей безцеремонности; теперь онъ былъ призванъ обезоружить новыми законами социалдемократическую опасность, изгнать социалистическій духъ.

Для этой цѣли были предложены три законопроэкта. Первый изъ нихъ требовалъ, чтобы предоставленное правительству право запрещенія союзовъ и распушенія собраній было распространено также на избирательные союзы и собранія; второй направлялся противъ прессы и предполагалъ ограничить ея вліяніе введеніемъ денежнаго залсга, штемпельнаго сбора и обязательной подписи статей ихъ авторами; третій проэктъ имѣлъ въ виду узаконить ссылку за извѣстныя политическія преступленія, вмѣсто отмѣненной теперь основными законами смертной казни. Таковы были законопроэкта господина Бароша, къ ко-

торымъ присоединился еще проектъ избирательнаго закона исходившій отъ семи такъ называемыхъ „бургграфовъ“ *), Тьера, Беррье, Брогли (Broglie), Моле, Фоше, Монталамбера и ихъ сотаварищей, и содержавшій ограниченіе всеобщаго избирательнаго права. Побѣды социалистическихъ демократовъ возбуждали опасеніе, что избирательное право мало-по-малу, законнымъ путемъ приведетъ къ побѣдѣ краснаго республиканизма. Послѣдній законопроектъ былъ признанъ „неотложнымъ“, почему и долженъ былъ обсуждаться въ первую очередь.

Чтобы затруднить громадной массѣ рабочихъ пользование избирательнымъ правомъ, было предложено поставить право подачи голоса въ зависимость не отъ шестимѣсячнаго, а отъ трехлѣтняго проживанія въ данномъ мѣстѣ, что должно быть доказано личными квитанціями объ уплатѣ налоговъ, выписками изъ податныхъ списковъ или свидѣтельствомъ отъ работодателей. Полицейскія взысканія за нищенство или бродяжничество вели за собой совершенную потерю избирательнаго права, нарушеніе законовъ о союзахъ, оскорбленіе властей, штрафы за сборища и наказанія, наложенныя въ силу постановленій о сборищахъ и возмущеніяхъ вели за собой потерю избирательнаго права на пять лѣтъ. 8 мая Леонъ Фоше, ораторъ „бургграфовъ“ внесъ этотъ законопроектъ, а Тьеръ со страстностью защищалъ его. „Кого хотимъ мы исключить?“—восклицалъ онъ,—„классъ бродягъ, чернь... Этотъ классъ былъ всегда опасенъ для друзей истинной свободы, опасенъ для истинной республики; эта толпа, эта жалкая чернь всегда убивалъ республики и предавала въ руки тиранновъ свободу республиканцевъ“.

Этотъ „облагораживающій избирательное право“ законъ, какъ онъ былъ названъ, былъ принятъ 31 мая 1850 года большинствомъ 433 противъ 241 голосовъ, и утвержденъ Бонапартомъ.

Нѣсколько дней спустя, почти такимъ же большинствомъ голосовъ прошелъ законъ, дававшій правительству неограниченныя полномочія запрещать всяческіе союзы и закрывать собранія, а 8 іюня прошелъ и законъ о ссылкѣ. Мѣстомъ ссылки указаны были острова Нукагива и Баитауталь изъ Маркизскихъ въ южномъ Океанѣ. Наконецъ 16 іюля принятъ былъ, правда, только 392 противъ 263 голосовъ новый законъ о прессѣ, сдѣлавшій французскую печать болѣе поработанной, чѣмъ когда-либо раньше.

Кажущееся согласіе Бонапарта съ законодательнымъ собраніемъ продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока длился революціонный кризисъ. Борьба началась снова, когда Бонапартъ требовалъ соотвѣтствующую плату за то, что онъ утвердилъ законъ, по которому онъ самъ, какъ еще не прожившій въ Парижѣ трехъ лѣтъ лишался права голоса. Конституціей было

*) Насмѣшливое прозвище, взятое съ заглавія одной изъ драмъ В. Гюго, и характеризовавшее безсиліе на ряду съ жаждой власти и феодальными вождѣленіями главарей монархической правды.

назначено ему 600.000 франковъ жалованія. Одилонъ Барро выманилъ у конституціоннаго національнаго собранія еще 600.000 франковъ ежегодной прибавки на представительство. Дальнѣйшимъ денежнымъ притязаніямъ Одиллонъ Барро воспротивился. Теперь же Бонапартъ счелъ моментъ благоприятнымъ, чтобы съ надеждой на успѣхъ попытаться позыскать субсидію на представительство съ 600.000 фр. на три милліона: „Національное собраніе“, пишетъ Карлъ Марксъ, „было ограблено на три милліона избирательныхъ правъ. Онъ требовалъ за каждаго обезцѣннаго француза по полноцѣнному франку,—ровно три милліона франковъ. Онъ, избранный шестью милліонами голосовъ, требуетъ возмѣщенія убытковъ за тѣ голоса, которыхъ его лишили, хотя-бы уже и послѣ его избранія. Комиссія національнаго собранія отказала нахалу. Бонапартистская пресса принята за угрозы. Однако, могло ли національное собраніе порвать съ президентомъ республики въ тотъ моментъ, когда оно принципиально и окончательно уже порвало съ массою народа? Отказавъ въ годовомъ гражданскомъ листѣ, оно разрѣшило одновременную выдачу въ 2.160.000 фр. Оно выказало при этомъ двойную слабость,—разрѣшило субсидію и въ то-же время выдало себя досадой, что сдѣлало это разрѣшеніе противъ своей воли. Мы увидимъ потомъ, для чего нужны были Бонапарту деньги“.

Для бонапартистской прессы эта война между парламентомъ и Елисейскимъ дворцомъ—такъ назывался дворецъ, отведенный для президента—была желательнымъ поводомъ, чтобы разразиться ругательствами по адресу представляемаго законодательнаго собраніемъ суверенитета народа. Такъ напр., Гранье де-Кассаньякъ (Granier de Cassagnac) писалъ въ бонапартистскомъ „*Rochon*“: „Пора уже положить конецъ этимъ собраніямъ и освободить насъ отъ ярма народнаго суверенитета. Ура прусскому королю, который такъ храбро разогналъ свою палату и теперь засадилъ нѣсколькихъ изъ этихъ плебеевъ въ острогъ! Почему бы не взять Луи Наполеону примѣръ съ него; послать въ палату отрядъ солдатъ, вотъ и все!“ Эта и еще многія подобныя статьи были недвусмысленнымъ призывомъ къ государственному перевороту. Правительство не только не старалось обуздать этой провокаціи, но старалось въ массахъ распространять подобныя газеты, особенно въ казармахъ, и допускало ихъ уличную продажу, для которой требовалось всегда разрѣшеніе властей. Законодательное собраніе сочло при этомъ нужнымъ создать Бонапарту рекламу, оно привлекло Гранье де Кассаньяка къ отвѣственности и тотъ былъ приговоренъ къ высшей мѣрѣ наказанія, штрафу въ 5000 фр., которые и были, разумѣется, уплачены президентомъ республики изъ своего кармана. Послѣ этого, 11 августа, собраніе отложило свои засѣданія до 11 ноября, назначивъ предварительно такъ называемую Постоянную Комиссію изъ 21 члена, которые были сплошь врагами Бонапарта; она состояла изъ орлеанистовъ, легитимистовъ и нѣсколькихъ умѣренныхъ республиканцевъ. „Постоянная комиссія 1849 г., го-

Елисеєвскій дворець, резиденція президента Наполеона.

ворить Карль Марксъ, считала въ своихъ рядахъ только сторонниковъ партіи порядка и бонапартистовъ. Но тогда партія порядка заявила себя непримиримой противницей революціи. Теперь парламентская республика заявила себя непримиримой противницей президента. Послѣ закона 31 мая у партіи порядка оставался только одинъ этотъ соперникъ“.

Промежутокъ времени между засѣданіями палаты былъ использованъ каждой изъ враждовавшихъ между собой партій въ своихъ собственныхъ интересахъ. Партія порядка разбилась на отдѣльныя фракціи, такъ какъ въ теченіе каникулъ не предстояло никакой общей работы. Орлеанисты паломничали въ Клермонъ, гдѣ 26 августа 1850 г. умеръ Луи Филиппъ, и носились съ мыслью о „слияніи“ („Fusion“) династическихъ протязаній обѣихъ линий бурбонскаго дома; наиболѣе видными представителями этой идеи были Гизо и Моле. Дѣло въ томъ, что графъ Шамборъ былъ бездѣтнымъ, такъ что послѣ его смерти ближайшимъ претендентомъ на французскій престолъ являлся малолѣтній графъ Парижскій,—это и давало поводъ „фюзіонистамъ“ утѣшать себя надеждой, что взаимный интересъ побудитъ графа Шамбора усыновить графа Парижскаго и тѣмъ объединитъ враждебныя партіи легитимистовъ и орлеанистовъ въ одну династическую партію. Легитимисты, во главѣ съ Беррье и Фаллу, паломничали въ тоже время въ Висбаденъ, гдѣ проживалъ со своимъ дворомъ „Генрихъ V“. какъ звалъ себя уже заранѣе графъ Шамборъ; онъ принялъ поклоненіе своихъ приверженцевъ, но не проявилъ особой склонности къ рѣшенію вопроса о „слияніи“,—наоборотъ онъ чванился своимъ правомъ „божьей милостью“, которое должно вскорѣ возвратитъ его во Францію въ качествѣ короля безъ предварительнаго избранія народомъ. Кромѣ этихъ двухъ группъ династическихъ интригановъ, была въ то время еще третья фракція, выжидавшая, дальнѣйшаго хода событій и вышедшая, подобно первымъ двумъ, изъ нѣдръ когда-то компактнаго союза улицы Пуатье: это были консерваторы съ Барошемъ, Леономъ Фоше, Монталамберомъ, Дарю, Брогли во главѣ. Они поняли, что перевѣсъ теперь на сторонѣ Бонапарта и, чтобы не остаться съ пустыми руками, примкнули къ нему.

Бонапартъ очень искусно воспользовался реставраціонными интригами своихъ враговъ. Онъ предпринялъ круговую поѣздку по департаментамъ, чтобы поднять шансы на продленіе періода своего президенства. О возстановленіи имперіи не было пока еще и рѣчи, хотя въ намекахъ недостатка также не было. Въ восточныхъ провинціяхъ его приняли холодно, кое-гдѣ, какъ напр., въ Страсбургѣ, даже рѣшительно враждебно, тогда какъ на сѣверѣ, особенно въ Нормандіи, его поѣздка походила на триумфальное шествіе. Сообразно приему были и рѣчи, которыя онъ держалъ на банкетахъ, данныхъ въ его честь: на востокѣ двусмыслены, а на сѣверѣ совершенно ясны. На одномъ банкетѣ въ Ліонѣ онъ заявилъ: „Я не являюсь представителемъ какой-либо партіи; я сторонникъ тѣхъ двухъ національных

демонстрацій въ 1804 и 1848 г., цѣлю которыхъ было путемъ возстановленія порядка спасти великіе принципы французской революціи“. И въ качествѣ воплощеннаго порядка, онъ опровергалъ всѣ слухи о государственномъ переворотѣ. Въ Шербургѣ, куда онъ поѣхалъ въ своей поѣздкѣ, онъ, наоборотъ, заявилъ: „Всюду, куда я приѣзжалъ, требуютъ устройства каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, проложенія улицъ, требуютъ поднятія земледѣлія, промышленности и торговли. Нѣтъ, конечно, ничего естественнѣе этого; однако, достигнуть этихъ желанныхъ результатовъ можно только тогда, когда я получу отъ васъ средства для ихъ выполненія, а эти средства зависятъ исключительно отъ вашего содѣйствія правительству и поддержки его противъ опасностей, угрожающихъ ему въ будущемъ. Какъ могло случиться, что императоръ, несмотря на войны, которыя вела въ то время Франція, сумѣлъ оставить послѣ себя столько крупныхъ сооружений, встрѣчающихся на каждомъ шагу и въ особенности здѣсь, у васъ? Помимо его личнаго генія, причины этого заключаются въ томъ, что онъ взялъ въ свои руки бразды правленія въ такой моментъ, когда нація, утомленная бурями революціи, предоставила ему необходимую власть“.

Возвратившись 13 сентября въ Парижъ, онъ былъ встрѣченъ на вокзалѣ Ст. Лазарь криками: „Да здравствуетъ президентъ! Да здравствуетъ императоръ!“ Этотъ приѣмъ приготовило ему *Общество 10 Декабря*. „Это общество“, читаемъ мы у Карла Маркса, „возникло въ 1849 году. Подъ предлогомъ основанія благотворительнаго общества, парижскій люмпенъ-пролетаріатъ былъ организованъ въ тайныя секціи: каждая секція руководилась бонапартистскимъ агентомъ, а во главѣ всего стоялъ бонапартистскій генералъ. На ряду съ прогорѣвшими шалопопами съ сомнительными средствами къ существованію и съ полозрительнымъ прошлымъ, сюда входили авантюристы и развращенные подонки буржуазіи, бродяги, отставные солдаты, бывшіе питомцы каторжныхъ тюремъ, бѣглецы съ галеръ, мошенники, скоморохи, лаццарони, карманные воры, фокусники, шулера, маркеры, содержатели публичныхъ домовъ, крючники, трактирные писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, жестянщики, нишіе,—однимъ словомъ вся та неопредѣленная, разложившаяся, бросающаяся изъ стороны въ сторону масса, которую французы зовутъ *la Bohème* (богема); изъ этихъ-то родственныхъ себѣ элементовъ образовалъ Бонапартъ основу Общества 10 Декабря... Этотъ Бонапартъ, проявляющій здѣсь себя въ качествѣ *шефа люмпенъ-пролетаріата*, массоваго носителя тѣхъ же интересовъ, которые преслѣдуетъ и онъ самъ... это и есть дѣйствительный Бонапартъ, Бонапартъ *sans phrase*...

Общество 10 Декабря принадлежало ему, это было *его* созданіе, его собственная идея. Все же прочее, что присвоилъ онъ себѣ сверхъ того, все это было предоставлено ему силой вещей и все, что сдѣлалъ онъ кромѣ этого, то сдѣлали за

Луи Наполеонъ устраиваетъ 10 октября 1848 г. смотръ парижскому горнизону.

него обстоятельства... Это общество должно было до тѣхъ поръ оставаться его личной арміей, пока не удастся ему превратить государственную армію въ Общество 10 Декабря“.

Армія до сихъ поръ выказывала себя не очень-то благо-склонной къ планамъ Бонапарта; болѣе того, она казалась скорѣе склонной содѣйствовать такъ называемымъ африканскимъ генераламъ, чѣмъ президенту республики. При выборахъ 13 мая 1849 г., 10 Марта и 28 Апрѣля 1850 г. половина солдатъ голосовала за республиканцевъ, за что и была подтянута своимъ начальствомъ. Въмѣсто полковъ, посланныхъ, въ видѣ наказанія, въ Африку, въ Парижъ призваны были лишь тѣ части, которыя при голосованіи показали себя надежными. Ихъ-то и предстояло Бонапарту перетянуть окончательно на свою сторону. 3 Октября онъ устроилъ смотръ всѣмъ четыремъ бригадамъ при Сень-Моръ (St Maur), а 10 октября 1850 г. заставилъ на равнинѣ Сатори (Satory) продефилировать предъ собой весь парижскій гарнизонъ, „какъ будто бы для того, чтобы изъ поведенія войскъ выяснить ихъ отношеніе къ основнымъ законамъ государства“, какъ мѣтко выразился Жаксиль Делоръ (Jaxile Delord). Въ своихъ покояхъ въ Елисейскомъ дворцѣ Бонапартъ предварительно щедро угостилъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ дичью, шампанскимъ и сигарами, послѣ же смотра вино лилось рѣкой; солдаты пили и ѣли сколько ихъ душѣ было угодно; а въ заключеніе получили и деньги.

Во время смотра при Сень-Моръ войска проходили предъ нимъ съ криками: „Да здравствуетъ Наполеонъ! Да здравствуетъ президентъ!“ Но были слышны также и отдѣльные возгласы: „Да здравствуетъ императоръ!“ Встревоженная этимъ Постоянная Комиссія пригласила къ себѣ военнаго министра Д'Опуля, который и далъ обѣщаніе, что такія нарушенія дисциплины болѣе не повторятся. 10 Октября при Сатори пѣхота, правда, дефилировала молча, какъ было предписано, но кавалерія, по знаку офицеровъ, тѣмъ громче привѣтствовала президента криками: „Да здравствуетъ императоръ!“ Въ Елисейскомъ дворцѣ были изумлены поведеніемъ пѣхоты и назначили разслѣдованіе, которое выяснило, что такое привѣтствіе было запрещено генераломъ Неймайеромъ, командиромъ первой дивизіи, очевидно, съ согласія начальника генеральнаго штаба Шангарнье и Постоянной Комиссіи. Въ видѣ наказанія Неймайеръ, по инициативѣ Бонапарта, былъ отставленъ. Это былъ вызовъ, брошенный Шангарнье, на котораго уже смотрѣли какъ на полководца національнаго собранія и будущаго „бѣлаго конвента“. Этотъ генераль, не поддававшійся попыткамъ подкупа со стороны Бонапарта, всталъ теперь открыто противъ послѣдняго. Въ приказѣ, изданномъ 2 Ноября, онъ запрещалъ арміи, стоящей подъ ружьемъ, какія бы то ни было политическія демонстраціи и привѣтственныя восклицанія. Теперь Бонапартъ рѣшилъ какъ можно скорѣе избавиться отъ этого неудобнаго и заносчиваго генерала. Такъ какъ генераль Д'Опуль относился къ этому

совершенно равнодушно, то шангарнье послали генераль-губернаторомъ въ Алжиръ, а военнымъ министромъ назначили бонапартистскаго генерала Шрамма (Scramm)

Возгорѣвшаяся, такимъ образомъ, борьба между президентомъ республики и генераломъ Шангарнье, довѣреннымъ Постоянной Комиссіи, благодаря одной случайности, приняла невыгодный оборотъ для послѣдняго. Одинъ полицейскій агентъ, нѣкій Алэ (Alais), доложилъ полицейскому комиссару Юну, (Yon) поставленному для наблюденій за безопасностью національнаго собранія, что одна изъ секцій партій 10 Декабря замышляетъ покушеніе на жизнь ген. Шангарнье и президента Національнаго собранія Дюпэна. (Dupin) Мысль объ убійствѣ Дюпэна, робкаго, трусливаго старика, была, очевидно, просто злой шуткой, но Постоянная Комиссія приняла это извѣстіе въ серьезъ и поручила министру юстиціи разслѣдовать это дѣло; въ результатѣ оказалось, что Постоянная Комиссія сдѣлалась жертвой простой полицейской лжи. Благодаря этому она попала на острый языкъ парижанъ, тогда какъ Бонапартъ, чтобы воспрепятствовать парламентскому разслѣдованію подоплеки его „Общества 10 Декабря“, закрылъ его передъ сессіей національнаго собранія, но закрылъ, конечно, только на бумагѣ, какъ замѣчаетъ Карлъ Марксъ, потому что даже въ концѣ 1851 г. префектъ Карлье въ одномъ подробномъ докладѣ напрасно старался побудить его къ дѣйствительному разгону „декабристовъ“.

Такъ обстояли дѣла, когда 11 Ноября 1850 г. Національное собраніе снова открыло свои засѣданія. Съ нетерпѣніемъ ждали посланія, которымъ Бонапартъ, по обыкновенію, замѣнялъ рѣчь при открытіи сессіи Національнаго Собранія. Это посланіе послѣдовало 12 Ноября. Никогда еще, со времени своей торжественной клятвы 20 Декабря 1848 г., не высказывалъ Бонапартъ въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ и такими честно звучащими словами своего рѣшенія при всякихъ обстоятельствахъ высоко уважать конституцію. „Я всегда заявлялъ“, говорилось въ его посланіи, „когда мнѣ предоставлялся случай публично высказать свои мнѣнія, что считаю великими преступниками тѣхъ, кто изъ личнаго честолюбія хочетъ поколебать порядокъ вещей, создавшій конституцію... Въ настоящее время каждому, кромѣ меня, дозволяется добиваться пересмотра нашего основнаго государственнаго закона... *Я одинъ, связанный своей клятвой*, буду держаться въ тѣхъ узкихъ границахъ, которыя проведены конституціей. Что касается меня, то, будучи избранъ народомъ, и обязанный ему одному своей властью, я всегда буду послушнымъ его законно-выраженной волѣ. Если вы въ настоящемъ засѣданіи постановите пересмотръ конституціи, то воля Учредительнаго собранія опредѣлитъ положеніе исполнительной власти. Если же нѣтъ, то народъ въ 1852 г. объявитъ торжественно свою волю... Чтобы, однако, ни принесло намъ будущее, пусть между нами царитъ согласіе въ томъ, что не страсти, не принужденіе и

не насиліе должны рѣшать судьбу великаго народа... Будьте увѣрены, что меня менѣе всего занимаетъ мысль о томъ, *кто* будетъ управлять Франціей въ 1852 г., что я одушевленъ заботою, какъ наилучше использовать имѣющееся въ моемъ распоряженіи время для того, чтобы переходъ къ лучшему совершился безъ замѣшательства и безъ потрясенія“. Таковы были слова заговорщика 2-го Декабря за одинъ годъ до преступленія! „Учтивый, лицемѣрно-умѣренный, добродѣтельно-плоскій языкъ этого самодержца Общества 10 Декабря и героя пикниковъ въ Сень-Моръ и Сатори избочичаетъ доподлинное настроеніе и сущность тогдашней буржуазіи“. Такъ говоритъ Карлъ Марксъ по поводу этого посланія.

Совершенно мимоходомъ Бонапартъ отмѣтилъ въ немъ, что, согласно прямымъ предписаніямъ конституціи, президентъ является единственнымъ распорядителемъ арміи. Это не ускользнуло отъ „Бурграфовъ“ національнаго собранія и этого было достаточно, чтобы поддержать ихъ прежнее недовѣріе. Народъ, между тѣмъ, относился совершенно безучастно и равнодушно къ этому все болѣе и болѣе обострявшемуся конфликту между исполнительной и законодательной властью, конфликту, вращавшемуся, впрочемъ, лишь вокругъ вопросовъ компетенціи.

Работы національнаго собранія въ теченіе Ноября и Декабря были лишены всякаго интереса. Комиссія изъ 30 членовъ, подъ руководствомъ Тьера, занималась выработкой, какъ теперь бы сказали, государственно-соціалистическихъ мѣропріятій, съ цѣлью улучшенія положенія низшихъ классовъ населенія. Естественно, конечно, что дѣло шло ни о чемъ другомъ, какъ о новой организаціи благотворительности въ христіанскомъ духѣ. Было предпринято изслѣдованіе богодѣленъ и сберегательныхъ кассъ и выработаны законы о пенсіонныхъ кассахъ и кассахъ вспомошествованія, не имѣвшие ни малѣйшаго практическаго значенія. О достоинствѣ этихъ законовъ можно судить уже по тому, что членами комиссіи, были высшіе духовные сановники, а предсѣдателемъ-самъ Тьеръ.

Въ концѣ декабря между національнымъ собраніемъ и правительствомъ возгорѣлась по совершенно второстепенному поводу партизанская война. Министръ Барошъ требовалъ и добился отставки Іона, полицейскаго комиссара при Собраніи, причинившаго ему своимъ служебнымъ усердіемъ не мало политическихъ и судебныхъ непріятностей. Депутатъ Могэнъ (Mauguin), по непосредственному распоряженію министра юстиціи Руэ (Rouher), былъ арестованъ за долги. Президентъ Дюпэнъ увидѣлъ въ этомъ покушеніе на право національнаго собранія и нарушеніе установленныхъ конституціей правъ неприкосновенности его членовъ. Онъ поручилъ квестору Базу (Baze) немедленно добиться освобожденія Могэна, даже, если понадобится, при помощи военной силы, послѣ чего директоръ долговой тюрьмы въ Клиши, чтобы не доводить до насилія, выпустилъ Могэна на свободу. Этотъ случай далъ правитель-

Комиссія послѣ трехдневнаго совѣщанія рѣшила выразить министерству недовѣріе и палата приняла это рѣшеніе 18 января послѣ четырехдневныхъ горячихъ дебатовъ 415 голосами противъ 286. Большинство состояло на этотъ разъ изъ легитимистовъ, орлеанистовъ и республиканской лѣвой съ Горой. „Это коалиція!“ воскликнулъ при голосованіи одинъ изъ бонапартистовъ. „Да, это коализація противъ имперіи!“ возразилъ Ноэль Парфэ (Noel Parfait). Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого вотума недовѣрія была отставка министерства Бароша-Руэ-Фульда. Но такъ какъ „Партія порядка“ распалась, то Бонапартъ заявилъ, что онъ находитъ невозможнымъ составить новый кабинетъ изъ разбившагося на много частей большинства Національнаго собранія; поэтому онъ-де вынужденъ образовать внѣпарламентскій, политически безвѣтный, дѣловой и переходный кабинетъ, который заботился-бы лишь о дѣлахъ управленія. „Партіи порядка“, говоритъ Карлъ Марксъ, „предоставлено было теперь возиться до изнеможенія съ этими маріонетками, — исполнительная власть не считала болѣе нужнымъ быть серьезно представленной въ національномъ собраніи“.

Коалиціонное большинство національнаго собранія почувствовало оскорбленіе, нанесенное ему назначеніемъ этого министерства, и отомстило за себя, отказавъ Бонапарту, болшиствомъ 102 голосовъ, въ новомъ требованіи 1.800.000 франковъ добавочныхъ денегъ на представительство. 18 Января большинство достигало 120 голосовъ, слѣдовательно приходится отмѣтить переходъ еще новыхъ 27 членовъ разлагавшейся «партіи порядка» въ бонапартистскій лагерь.

Неопредѣленность политическаго положенія и опасенія за исходъ предстоящихъ въ ближайшемъ году выборовъ въ національное собраніе и выборовъ президента волновали, между тѣмъ, все болѣе и болѣе трусливую буржуазію. Въ дѣлахъ замѣчался застой, появились признаки надвигающагося торговаго кризиса, и въ то же время все громче и громче раздавались голоса, требовавшіе пересмотра конституціи и прежде всего отмѣны того параграфа ея, которымъ запрещалось переизбраніе президента по истеченіи его четырехлѣтняго служебнаго срока. Бонапартистская партія подняла по всей странѣ цѣлую бурю петицій въ пользу пересмотра конституціи, а Бонапартъ, заявившій въ разговорѣ съ Одилономъ Барро полную свою готовность остаться еще и на слѣдующее четырехлѣтіе на президентскомъ посту, рѣшилъ предложить вопросъ о пересмотрѣ національному собранію. Для этого ему пришлось прежде всего дать отставку такъ называемому переходному министерству. Теперь онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, для того чтобы совершенно игнорировать парламентское министерство; одурачивъ палату министерскими комбинаціями, онъ назначилъ 10 Апрѣля антипарламентское министерство, состоящее изъ его вѣрнѣйшихъ приверженцевъ. Барошъ-министръ иностранныхъ дѣлъ, Руэ-юстиціи, Фульдъ-финансовъ, Леонъ Фоше-внутрен-

нихъ дѣлъ и генераль Рандонъ (Randon)-военный. Первые трое едва лишь за три мѣсяца до того должны были уступить вотуму недоуверія законодательнаго національнаго собранія, а Леонъ Фоше, въ маѣ 1849 г.,—вотуму учредительнаго собранія. Национальное собраніе имѣло, поэтому, всѣ основанія съ самаго же начала дать отпоръ новому министерству; однако, оно отклонило 15 Января предложеніе о возобновленіи вотума недоуверія, большинствомъ 58 голосовъ. Этимъ, казалось, достигнуто было нѣкоторое примиреніе между нимъ и президентомъ республики, и теперь можно было заняться животрепещущимъ вопросомъ о пересмотрѣ конституціи.

23 Мая 23 депутата—лигитимисты, жаждавшіе пересмотра, орлеанисты, уставшіе отъ борьбы и открытые бонапартисты внесли въ собраніе предложеніе объ общемъ пересмотрѣ конституціи; оффиціально они мотивировали свое предложеніе желаніемъ „предоставить націи возможность использовать свои суверенныя права“; въ дѣйствительности-же за этимъ скрывалось тайное желаніе поставить передъ страной вопросъ: республика или монархія? Между тѣмъ составители этой хромой конституціи, „порядочные“ республиканцы 1848 г., связали предпріятіе пересмотра съ такими условіями, которыя дѣлали почти невозможнымъ измѣненіе ихъ самодѣльщины. По закону предложеніе о пересмотрѣ можетъ быть поставлено на обсужденіе собранія лишь въ послѣднемъ году законодательнаго періода, причемъ послѣ троекратнаго обсужденія, назначаемаго каждый разъ не ранѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, предложеніе можетъ быть принято лишь большинствомъ трехъ четвертей голосовъ. Несмотря на это, предложеніе было передано въ комиссію.

Но лишь только комиссія приступила къ своимъ работамъ, какъ Бонапартъ въ одной рѣчи въ Дижонѣ, при открытіи 1 іюня желѣзной дороги на Лионъ, публично напалъ на національное собраніе. Бонапартистскій мэръ города привѣтствовалъ въ немъ признаннаго преемника и наследника славнѣйшаго имени во французской исторіи, на что глава „Общества 10 Декабря“ отвѣтилъ: „Франція не хочетъ ни возвращенія къ старому режиму, въ какую бы форму онъ ни былъ облеченъ, ни попытокъ непрактичныхъ утопій. Такъ какъ я являюсь наиболѣе естественнымъ противникомъ того и другого изъ этихъ двухъ путей, то страна и облекла меня своимъ довѣріемъ... Если мое правительство не смогло до сихъ поръ осуществить всѣхъ предположенныхъ имъ улучшеній, то виновны въ этомъ партіи съ ихъ маневрами... Въ теченіе трехъ лѣтъ національное собраніе все время поддерживало меня, пока дѣло шло о подавленіи безпорядковъ насильственными мѣрами. Когда же я захотѣлъ творить доброе и улучшить положеніе населенія, оно отказало мнѣ въ помощи“.

Когда эта вызывающая рѣчь достигла Парижа, національное собраніе было занято вопросомъ о повышеніи жалованья солдатамъ, въ видѣ благодарности націи за защиту

24 Февраля 1848 г. Шато-д'о. Генераль Шангарнье, раздраженный своим увольнением, воспользовался этим моментом, чтобы увѣрить собраніе въ томъ, что армія никогда не допустить злоупотреблять собою для цѣлей насильственного переворота, что никакая человѣческая сила не подвинетъ даже одну роту пойти противъ закона и противъ національнаго собранія. „Уполномоченные Франціи, обсуждайте спокойно свои дѣла!“ закончилъ онъ свою рѣчь. Можно представить себѣ, какъ смѣялись въ этотъ моментъ Бонапартъ и его соратники по заговору надъ подобными тирадами Шангарнье!

19 июля, послѣ пятидневныхъ бурныхъ дебатовъ, предложеніе о пересмотрѣ конституціи получило 445 голосовъ за и 278 противъ, и слѣдовательно было отвергнуто. Для необходимыхъ по закону трехъ четвертей недоставало еще 97 голосовъ. Наоборотъ, нѣсколько дней спустя, былъ принятъ большинствомъ 327 голосовъ противъ 314 вотумъ недоуверія министерству за его покровительство агитаціи, поднятой въ провинціи за составленіи петиціи о пересмотрѣ. Послѣ этого, 10 августа, національное собраніе разошлось на три мѣсяца.

Бонапартъ удалилъ генерала Барагюэ д'Илле съ поста командующаго первой дивизіей и назначилъ на его мѣсто генерала Маньяна (Magnan), который былъ болѣе или менѣе скомпрометтированъ экспедиціей въ Булонѣ, а при кровавомъ подавленіи возстанія въ Ліонѣ, въ іюнѣ 1849 года, выказалъ свои блестящія способности по части уличной бойни; теперь, кстати, онъ находился въ очень стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и потому за приличное вознагражденіе готовъ былъ почти на какое угодно дѣло. Начальникомъ генеральнаго штаба національной гвардіи былъ назначенъ тоже субъектъ весьма сомнительной репутаціи—полковникъ Вьейра (Vieyra), подвизавшійся въ іюнѣ 1849 года по части разрушенія типографій. Генераль Перро, назначенный послѣ удаленія Шангарнье командиромъ этихъ войскъ, подалъ въ отставку, которая и была принята.

Съ 25 августа по департаментамъ открылись засѣданія генеральныхъ совѣтовъ, въ которыхъ господствовала крупная буржуазія. Изъ числа, приблизительно, девяноста генеральныхъ совѣтовъ не менѣе восьмидесяти подали свой голосъ за пересмотръ конституціи. слѣдовательно—за Бонапарта и противъ національнаго собранія.

Бонапартъ понялъ положеніе дѣлъ и рѣшилъ дѣйствовать. Пріемомъ, на который онъ возлагалъ большіе надежды была выбрана борьба за отмѣну закона 3 мая 1850 года, которымъ были лишены избирательнаго права три милліона гражданъ и въ томъ числѣ, какъ оказалось, многіе сторонники Бонапарта.

10 октября онъ объявилъ министрамъ о своемъ рѣшеніи возстановить всеобщее избирательное. право Противъ этого возстали нѣкоторые изъ министровъ, какъ Барошъ и Леонъ Фоше бывшіе усердными защитниками указаннаго закона. Результа

томъ этого конфликта былъ выходъ въ отставку всего министерства, мѣсто котораго 26 октября заняло министерство Ториньи (Torigny); это послѣднее состояло исключительно изъ креатуръ Бонапарта. простыхъ орудій его личныхъ интересовъ. Центральной фигурой въ этомъ кабинетѣ былъ военный министръ генераль Леруа (Leroy), носившій имя С.-Арно. (St. Arnaud). Это былъ—одинъ изъ среды такъ называемой „елисейской братіи“, кучки беззастѣнчивыхъ авантюристовъ, подготовлявшихъ государственный переворотъ. Получилъ отставку и префектъ полиціи Карлье, принадлежавшій до того къ этой же группѣ, но отстраненный за чрезмѣрную глупость; его мѣсто занялъ извѣстный своими подвигами префектъ Верхней Гаронны Мопа,—слѣпое орудіе въ рукахъ насильниковъ.

4 ноября 1850 года снова открыло свои засѣданія національное собраніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ториньи выступилъ передъ нимъ съ посланіемъ Бонапарта. въ которомъ тотъ требовалъ отмѣны закона 31 мая 1850 года и возстановленія всеобщаго избирательнаго права. Основаній для того было приведено много; между прочимъ указывалось, что страна настоятельно требуетъ пересмотра конституціи, вышедшей изъ всеобщаго избирательнаго права, но такой пересмотръ при наличности закона 31 мая пришлось бы предоставить національному собранію, которое выбрано на основаніи очень несовершенного избирательнаго закона. „Мнѣ могутъ возразить“, добавлялъ Бонапартъ въ своемъ посланіи, „что мое предложеніе продиктовано мнѣ моими личными интересами. Но мой образъ дѣйствій за послѣдніе три года служить лучшимъ опроверженіемъ подобнаго упрека. Благо страны — такова была всегда единственная побудительная причина моихъ дѣйствій... Возстановить всеобщее избирательное право—это значитъ лишить гражданскую войну ея знамень, а оппозицію—той почвы, на которой она стоитъ; это значитъ предоставить Франціи возможность создать себѣ такія государственныя учрежденія, которыя обезпечатъ ея спокойствіе“.

По прочтеніи этого посланія министръ положилъ на столъ законопроектъ о возстановленіи всеобщаго избирательнаго права и заявилъ о его неотложности. Противъ этого рѣзко выступилъ Беррье со своими друзьями. Они понимали, что ихъ надежда—посадить Генриха V на тронъ его отцовъ — можетъ осуществиться лишь въ томъ случаѣ, если въ ближайшемъ году случится президентскій кризисъ. Предложеніе о неотложности сужденія министерскаго проекта было незначительнымъ большинствомъ отклонено, и проектъ былъ поставленъ въ обычномъ порядкѣ дня. 13 ноября наступилъ день его обсужденія. Династическая правая сдѣлала изъ вопроса о всеобщемъ избирательномъ правѣ лишь вопросъ простой формльности. Она находила, что со стороны Бонапарта неучтиво требовать отъ собранія отмѣны изданнаго имъ же закона, прежде чѣмъ послѣдній не будетъ испробованъ на практикѣ. Сохраненіе спокойствія внутри страны обезпечено арміей, которая представляетъ несрав-

ненно болѣе надежное оружіе для этого, чѣмъ всеобщее избирательное право. Горѣ и всей республиканской лѣвой бросался при этомъ обидный упрекъ въ томъ, что тѣ вступили въ соглашеніе съ Елисейскимъ дворцомъ и продались Бонапарту. Законопроектъ былъ отклоненъ большинствомъ 353 голосовъ противъ 347.

Квесторы національнаго собранія, генералы Лефло и Базъ, (Leflo et Baze) внесли, между тѣмъ, предложеніе о томъ, чтобы президентъ законодательнаго національнаго собранія былъ уполномоченъ принять необходимыя мѣры для внутренней и внѣшней безопасности собранія и имѣлъ бы право, въ случаѣ нужды, прибѣгнуть для этой цѣли къ вооруженной силѣ и другимъ средствамъ, которыя окажутся необходимы.

Поводомъ къ этому послужилъ тотъ фактъ, что военный министръ С.-Арно при вступленіи на свой постъ разослалъ всѣмъ командующимъ генераламъ циркуляръ, въ которомъ онъ рѣзко и категорически указывалъ ихъ обязанность безусловнаго повиновенія всѣмъ его распоряженіямъ, а одновременно съ этимъ во всѣхъ казармахъ со стѣнъ былъ снятъ декретъ 1848 года, которымъ устанавливалось право президента національнаго собранія непосредственно распоряжаться военной силой.

17 ноября предложеніе квесторовъ поступило на обсужденіе. Противъ него рѣшительно выступила республиканская лѣвая. Она видѣла въ этомъ проектѣ лишь простой маневръ монархистовъ, которые надѣются использовать военную силу для того, чтобы, освободившись отъ президента и отъ республиканцевъ, учредить „бѣлую диктатуру“ и возстановить монархію. Тьеръ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы склонить упорныхъ республиканцевъ, которыхъ онъ иногда такъ безпощадно язвилъ,—но все было напрасно; республиканцы рѣшили не давать закону 31 мая 1850 года въ руки еще и оружіе, они больше рассчитывали на защиту народа, чѣмъ генерала Шангарнье, которому монархисты и намѣревались снова вручить власть. Проектъ квесторовъ палъ, получивъ лишь 300 голосовъ за и 408 противъ.

„Такъ—то, пожалуй, лучше будетъ“, сказалъ Бонапартъ, когда ему сробщили о результатахъ голосованія. А С.-Арно, покинувшій со своими сотоварищами по заговору Бурбонскій дворецъ еще до конца дебатовъ, прибавилъ къ этому: „Мы сыграемъ на этомъ“. Такой исходъ дѣла былъ крайне благоприятенъ для Бонапарта. Весь день оставался онъ въ своихъ красныхъ шароварахъ, какъ будто бы готовясь каждую минуту вскочить на коня и броситься во главѣ войскъ на національное собраніе. Теперь онъ могъ по своему вкусу выбрать день и часъ для осуществленія своей завѣтной мечты. Ближайшіе дни дали монархическому большинству еще одинъ случай выказать свою неугасимую ненависть къ демократіи. Бывшій депутатъ учредительнаго собранія (Konstituante), именно Жанъ (Jent,) съ нѣсколькими своими товарищами былъ приговоренъ ліонскимъ военнымъ судомъ къ ссылкѣ. Они были обвинены въ устройствѣ за-

говора съ цѣлью поднять нѣкоторые департаменты юга. Закованные въ цѣпи, осужденные прослѣдовали изъ Ліона черезъ Парижъ въ Брестъ, чтобы уже отсюда отправиться моремъ на негостепріимные острова Нукагива. По поводу такой жестокости Гора сдѣлала запросъ въ засѣданіи 26 ноября. Министръ юстиціи оправдывался на старый манеръ, ссылаясь на социалистическую опасность. И правая апплодировала ему. Она не хотѣла и знать, что здѣсь дѣло идетъ о заговорѣ совсѣмъ особаго характера, что опасность угрожаетъ републикѣ совсѣмъ не съ той стороны.

Послѣднія свои засѣданія національное собраніе провело въ обсужденіи новаго избирательнаго закона для общинныхъ выборовъ. При этомъ была внесена поправка, по которой для пользованія избирательнымъ правомъ достаточно было только одного года пребыванія въ извѣстномъ мѣстѣ, тогда какъ законъ 31 мая 1850 года требовалъ трехлѣтняго срока. Объединившаяся снова на этомъ вопросѣ „партія порядка“ могла рѣшиться на сставку только до двухъ лѣтъ. Законъ объ отвѣтственности президента республики, высиженный Тьеромъ совмѣстно съ государственнымъ совѣтомъ, такъ и не попалъ на обсужденіе собранія.

Растущая день ото дня нужда въ деньгахъ подталкивала Бонапарта все сильнѣе и сильнѣе къ „спасительному шагу“ государственнаго переворота; „елисейская братія“ назначила для этого 2 декабря, день годовщины Аустерлицкой битвы. Вечеромъ 1 декабря въ Елисейскомъ дворцѣ было устроено блестящее суарэ. По словамъ Верона (Veron) въ его „Запискахъ парижскаго буржуа“, Бонапартъ долженъ былъ показаться передъ гостями въ самомъ беззаботномъ и веселомъ настроеніи. Послѣ одиннадцати часовъ, по уходѣ гостей, онъ позвалъ къ себѣ полковника Вьэйра. „Полковникъ, можете-ли вы настолько владѣть собой, чтобы ваше волненіе ни малѣйшей черточкой не отразилось на вашемъ лицѣ?“. „Конечно, принцъ“. „Въ такомъ случаѣ въ эту ночь слѣдуетъ приступить... Можете-ли вы поручиться, что завтра мы не услышимъ генераль-марша?“. „Да, принцъ,—если въ моемъ распоряженіи будетъ достаточно войскъ, чтобы привести въ исполненіе мои распоряженія“.

Бонапартъ удалился и думалъ, несомнѣнно, о завтрашнемъ днѣ, который долженъ привести его или къ императорскому трону, или же на галеры.

ГЛАВА XXIX.

Военныя приготовленія къ государственному перевороту. — „Елисейская Братія“: Морни, Флери, Персиньи, С.-Арно, Маньянь, Мюпа. — Шутка полковника Ферэ. — Планъ Карлье. — Сентябрьскій планъ. — Въ полночь съ 1 на 2 декабря въ Елисейскомъ дворцѣ. — Въ національной типографіи. — Въ полицейской префектурѣ. — Арестъ Шангарнье, Кавеньяка, Ламорисьера, Бедо, Шарра, Тьера. — Эспинасъ и квесторы Леффо и Базъ. — Министерство внутреннихъ дѣлъ переходитъ къ Морни. — Прокламаціи Бонапарта. — Первое впечатлѣніе, произведенное государственнымъ переворотомъ на рабочихъ. — Дюпэнъ и народные представители въ Бурбонскомъ дворцѣ. — Засѣданіе Национальнаго собранія въ мэрии 10-го городскаго округа. — Его рѣшенія и роспускъ. — Арестъ монархистовъ. — Судебная палата и Бонапартъ. — Выѣздъ и трусость Бонапарта. — Тайные собранія. — Горы. — Утромъ 3 декабря въ предмѣстьѣ Сеньн-Антуанъ. — Смерть Бодэна. — Демонстрація послѣ полудня на бульварахъ. — Ночь съ 3 на 4 декабря въ Елисейскомъ дворцѣ. — Оторваніе войскъ. — Предупрежденіе не останавливаться на улицахъ. — Нападеніе войскъ на народъ около двухъ часовъ пополудни. — Избѣженіе любопытствующихъ. — Баррикадная борьба въ центрѣ. — Геройская смерть молодого Дюссуба и его товарищей. — Ночной бивуакъ войскъ. — Избѣженіе плѣнниковъ. — Никто не знаетъ количества жертвъ. — Декретъ 8 декабря объ изгнаніи. — Попытки возстаній въ средней, южной и западной Франціи. — Тенденціозная ложь бонапартистскихъ газетъ. — Террористическій режимъ. — Выборы 20 и 21 декабря 1851 года. — Новогоднее молебствіе въ соборѣ Парижской Богоматери и благословеніе папы. — Дѣятельность смѣшанныхъ комиссій. — Пересмотръ приговоровъ Канроберомъ, Эспинасомъ и Квентенъ Бошаромъ. — Конституція и сводъ законовъ. — Цивильный листъ Бонапарта. — Поѣздки императора. — Народное голосованіе 21 ноября 1852 года. — Возстановленіе имперіи.

Въ обществѣ уже давно ходили таинственные толки о вождѣлѣніяхъ Луи Бонапарта насчетъ государственнаго переворота. Послѣдняго ожидали по каждому случайному поводу, но ожиданія все не сбывались. Такъ, постепенно въ обществѣ укоренилась ложная увѣренность въ томъ, что хотя герой Страсбурга и Булони и лелѣетъ мечту о переворотѣ, но у него не хватаетъ ни мужества, ни рѣшимости на такое дѣло.

Публика привыкла также и къ ораторскимъ упражненіямъ Бонапарта, а на тотъ важный фактъ, что въ арміи со всѣхъ наиболѣе важныхъ постовъ были совершенно устранены старые, такъ называемые африканскіе генералы и замѣнены офицерами, выдвинутыми Бонапартомъ, — на этотъ фактъ намѣренно закрывали глаза. Мало беспокоило французовъ, также и предпринятое Бонапартомъ передвиженіе войскъ, хотя каждый внимательный наблюдатель легко могъ-бы замѣтить во всемъ этомъ выполненіе таинственнаго плана: незамѣтно удалялись изъ Парижа полки, зараженные идеей рес-

публики, и стягивался сюда гаризонъ, подходящій для цѣлей задуманнаго переворота.

Эти передвиженія войскъ были закончены въ октябрѣ, 1851 г., когда изъ Парижа были удалены давно уже находившіеся тамъ и потому наиболѣе пропитанные „республиканскимъ ядомъ“ четыре пѣхотныхъ полка и два кавалерійскихъ, на смѣну которымъ въ Парижѣ были расквартированы свѣжіе, только что прибывшіе изъ Африки полки; только теперь Бонапартъ могъ нѣсколько приподнять свою маску. 9 ноября генералъ Маньянъ (Magnan) представлялъ ему вновь прибывшихъ въ Парижъ офицеровъ, въ разговорѣ съ которыми Бонапартъ бросилъ довольно недвусмысленную фразу: „Я увѣренъ въ томъ, что если серьезность положенія заставитъ меня обратиться къ чувству вашей преданности, я не встрѣчу у васъ недостатка въ немъ; когда придетъ опасность, то я не буду поступать такъ, какъ поступали правительства, предшествовавшія моему. Я не буду говорить вамъ: идите, я слѣдую за вами, нѣтъ—я скажу: я иду, слѣдуйте за мной!“.

Конечно, для этого „похода“ можно было найти и хорошіе пути, если-бы Бонапарта не толкала безпрестанно къ государственному перевороту уже упомянутая нами выше „Елисейская братія“, для которой въ удачномъ переворотѣ было единственное спасеніе изъ отчаяннаго финансоваго положенія, какъ, впрочемъ, и для самого Бонапарта.

На первомъ планѣ въ этой компаніи фигурировалъ единокровный братъ Бонапарта—графъ Морни (Morny), сынъ королевы Гортензіи отъ ея любовника, генерала Флаольтъ (Flahault), усыновленный (вѣроятно, за извѣстное вознагражденіе) бездѣтнымъ графомъ Морни. Еще при существованіи іюльской монархіи этотъ незаконный наполеонидъ былъ цѣликомъ занятъ биржевыми спекуляціями и всяческими плутнями; весь смыслъ его жизни состоялъ въ томъ, чтобы устроить хорошій гешефтъ, а лучшаго гешефта онъ себѣ и не представлялъ, какъ обокрасть всю Францію. Любопытно его поведеніе вечеромъ 1-го декабря. Онъ былъ въ это время въ оперѣ и въ антракты посѣщалъ знакомыхъ въ ложахъ; между прочимъ посѣтилъ генерала Кавеньяка, передъ которымъ разсыпался въ любезностяхъ; въдругой ложѣ одна изъ усердныхъ сторонницъ орлеанизма спросила его, что сталъ-бы онъ дѣлать, если-бы Бонапартъ задумалъ выместить національное собраніе. „Не знаю—отвѣтилъ онъ, смѣясь,—имѣется-ли что нибудь подобное въ виду, но во всякомъ случаѣ, если дѣло дойдетъ до этого, смѣю васъ увѣрить, сударыня, что я всегда буду стоять на сторонѣ тѣхъ въ чьихъ рукахъ находится метла“. Таковъ былъ его единственный принципъ, вся его мораль. Эта фигура была воплощеніемъ современнаго буржуазнаго духа, который весь заключается въ наживѣ.

Рядомъ съ этимъ самымъ знатнымъ типомъ „елисейской братіи“ стоитъ цѣлый рядъ другихъ соучастниковъ заговора, спускающійся до самыхъ низовъ общественной лѣстницы.

Прежде всего слѣдуетъ назвать полковника Флери (Fleury); онъ вышелъ изъ парижской купеческой семьи, промоталъ въ столичныхъ притонахъ все свое состояніе и затѣмъ, по протекціи, получилъ мѣсто поручика въ африканской арміи. Когда взошла звѣзда Бонапарта, онъ примкнулъ къ нему, сдѣлался его адъютантомъ и получилъ специальную миссію—вербовать сторонниковъ бонапартизма въ знакомыхъ военныхъ кругахъ. Такъ, онъ былъ посредникомъ между Бонапартомъ, находившимся въ Парижѣ и позднѣйшими дѣятелями государственнаго переворота—С.-Арно, Канроберомъ, Эспинасомъ, Ферэ (Feraу), Рошфоромъ и др., которые тогда были командированы въ качествѣ штабныхъ офицеровъ въ Африку.

Третьимъ персонажемъ въ этомъ сюзѣ былъ Фіалэнъ (Fialin), онъ-же—де-Персиньи, соучастникъ Бонапарта по страсбургской и булонской авантюрамъ. Онъ былъ казначеемъ государственнаго переворота, и первой его заботой было въ рѣшительный моментъ не дать Бонапарту пасть духомъ.

Главнымъ-же заправилой государственнаго переворота былъ завербованный полковникомъ Флери генералъ Леруа (Leroу), называвшійся Сень-Арно, о которомъ мы уже говорили, какъ о новомъ военномъ министрѣ Бонапарта. Прошрое его было полно разными приключеніями. Въ чинѣ подпоручика Леруа вступилъ въ 1816 году въ армію, но благодаря одному „промаху“, при Карлѣ X, долженъ былъ покинуть военную службу; послѣ того онъ подъ именемъ Флориваля, подвизался на сценѣ парижскаго Амбигютеатра, развѣзжалъ комми-воержеромъ по Италіи, Бельгіи и Англии, а послѣ іюльской революціи снова вступилъ въ ряды арміи подъ именемъ С.-Арно и принималъ участіе въ походахъ генерала Бюжо.

Бонапартъ видѣлъ въ немъ весьма подходящаго чело-вѣка для того, чтобы создать въ арміи оппозицію враждебнымъ ему старымъ африканскимъ генераламъ, какъ Шангарнье, Бело, Ламорисьеръ, Кавеньякъ, и парализовать ихъ вліяніе. Однако, для этой цѣли необходимо быть увѣнчаннымъ воинскими лаврами. Чтобы добыть господину С.-Арно требуемые лавры и „сдѣлать его генераломъ“, какъ выразился Бонапартъ въ разговорѣ съ своимъ довѣреннымъ Персиньи, была безъ всякаго достаточнаго повода предпринята военная экспедиція въ маленькую провинцію Константина, лежащую въ сѣверо-западной Африкѣ и населенную Кабилами. Конечно, не стоило большого труда быстро покорить беззащитнаго врага. Оффиціозныя парижскія газеты подняли невѣроятный звонъ по поводу этого яко-бы геройства С.-Арно и подчиненныхъ ему генераловъ. Герой былъ увѣшанъ орденами, произведенъ въ дивизионные генералы и призванъ въ Парижъ, чтобы здѣсь своей новой воинской славой затмить блескъ старыхъ генераловъ. С.-Арно былъ къ тому времени весь въ долгахъ, а кромѣ того, вслѣдствіе „непорядковъ“ въ дѣлахъ управленія городомъ Орлеанвилль, (Orleansville), алжирскій судъ угрожалъ ему привлеченіемъ къ отвѣтственности; понятно, поэтому, если С.-Арно цѣликомъ отдался

дѣлу подготовки государственнаго переворота: ему приходилось спасать самого себя.

Болѣе осмотрительно подходилъ къ дѣлу генераль Маньянъ, главнокомандующій парижскаго гарнизона. Онъ опредѣленно заявилъ, что одновременно съ извѣщеніемъ о наступленіи момента переворота ему долженъ быть отданъ приказъ приступить къ дѣйствіямъ; цѣль такого заявленія очевидна: въ случаѣ неудачи предпріятія, имѣть наготовѣ оправданіе въ подчиненіи воинской дисциплинѣ. Впрочемъ, и этотъ генераль, подобно Бонапарту и С.-Арно, по уши сидѣлъ въ долгахъ, и государственный переворотъ для него, какъ и для нихъ, былъ якоремъ спасенія.

Прочихъ генераловъ и полковниковъ, примкнувшихъ къ заговору и собранныхъ въ Парижѣ послѣ смѣны гарнизона въ октябрѣ, можно разбить на двѣ категоріи: отчаянные игроки и безсовѣстные грабители того-же пошиба, какъ Флери, Маньянъ и С.-Арно; къ числу такихъ принадлежали—Коттъ, (Cotte), Ферэ (Féray), Гардранъ (Gardereus), Рено, Рошфоръ, и др.; затѣмъ—разные честолюбцы и продажныя души, какъ д'Алонвиль (D'Allonville), Канроберъ, Эспинасъ, Форей (Forey), Кортъ, Марюла (Marulaz), Рейбель (Reybell), Тарка (Tarkas) и пр.

Послѣднимъ, но во всякомъ случаѣ не самымъ мелкимъ изъ всей „елисейской братіи“, былъ Мона (Maupas), префектъ парижской полиціи. Еще въ 1849 году, когда ему было всего 30 лѣтъ, Бонапартъ назначилъ его полицейскимъ префектомъ департамента Аллье, а двумя годами позднѣе—департаментѣ Верхней Гаронны. Въ то время онъ изловилъ массу республиканцевъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи социализму, но судьи не оказали ему ожидаемой поддержки, вслѣдствіе недостаточности уликъ. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, онъ съ помощью своихъ молодцовъ подбрасывалъ въ дома ненавистныхъ ему лицъ различные компрометирующіе документы, оружіе, бомбы и т. п.; но, благодаря-ли измѣнѣ или какой нибудь неосторожности, эти патріотическіе подвиги его были открыты. Разыгрался крупный скандалъ, и Бонапартъ принужденъ былъ его смѣстить, но лишь затѣмъ, чтобы скорѣе призвать его въ Парижъ: ему такъ пригодны были теперь люди, не останавливавшіеся ни передъ какимъ преступленіемъ и доказавшіе уже это на дѣлѣ.

Итакъ армія и полиція находились въ надежныхъ рукахъ, лучше которыхъ Бонапарту нечего было и желать; теперь можно было нарушеніемъ клятвъ и конституціи, потоками крови и ссылками спасти общество отъ той опасности, которая яко-бы угрожала ему со стороны социалистовъ. Подчиненныя лица считались надежными. Офицеровъ ублажали щедрыми попойками въ Елисейскомъ дворцѣ, солдатъ-же старались обработать въ казармахъ—лишними порціями мяса, вина и деньгами а также и всяческимъ науськиваніемъ противъ тѣхъ, кто не носилъ красныхъ штановъ. Въ каждомъ жителѣ Парижа они видѣли лишь бедуина, въ Африкѣ-же ихъ отлично

выдрессировали для охоты на бедуиновъ. Для ихъ слѣпого послушанія весьма характеренъ слѣдующій анекдотъ, рассказанный бонапартистскимъ писателемъ Майеромъ: „Во время маневровъ близъ Шало (Challot) къ полковнику Ферэ солдаты привели одного изъ извѣстныхъ жителей этой общины... Чтобы испытать послушаніе своихъ солдатъ, онъ кликнулъ двухъ своихъ ординарцевъ и сказалъ имъ, счищая пепель сигары: вы должны закатить этому разбойнику (Briganten) пулю въ лобъ. Поставьте его на колѣни и, когда я скомандую „пли“, пристрѣлите его. Солдаты преспокойно зарядили свои карабины, схватили человѣка, умолявшаго о пощадѣ за шиворотъ и, приставивъ дула къ его вискамъ, невозмутимо ждали команды своего полковника“... Съ такими солдатами можно было спокойно идти на дѣло 2-го декабря.

Еще въ срединѣ 1851 года Бонапартъ, Морни, Персиньи, Руэ (Rouher) и тогдашній префектъ полиціи Карлье обсуждали въ Сень-Клу планъ государственнаго переворота, выработанный Карлье, но этотъ планъ, какъ слишкомъ глупый, былъ отвергнутъ. Карлье предлагалъ прежде всего прибѣгнуть къ массовымъ арестамъ и высылкамъ. Затѣмъ нужно было закрыть всѣ парижскія высшія школы и упразднить однимъ почеркомъ пера министерство народнаго просвѣщенія. Карлье вообразилъ себѣ, какъ замѣчаетъ по этому поводу Ипполитъ Кастиль, что Франція страдаетъ отъ излишка учителей и отъ недостатка полицейскихъ агентовъ.

Мысль о государственномъ переворотѣ занимала головы и во время парламентскихъ каникулъ. Веронъ (Veron), бывший орлеанистъ и собственникъ „Конституцѳонелъ“ („Constitutionell“), выболталъ въ своихъ мемуарахъ, что Бонапартъ 21 сентября пригласилъ на совѣщаніе дивизионнаго генерала Маньяна, Ле-Пэи-де-Буржоли (Le-Pays de-Bourjolly), Рено и С.-Арно и предлагалъ произвести государственный переворотъ на слѣдующій день. Первые оба были готовы приступить немедленно къ дѣлу, но Рено и С.-Арно были противъ этого. Ихъ мнѣніе взяло верхъ. Распустить національное собраніе раньше, чѣмъ оно дастъ какимъ-либо враждебнымъ дѣйствіемъ подходящій для того поводъ, показалось бы всей Франціи слишкомъ очевиднымъ и грубымъ беззаконіемъ. Собраніе могло-бы тогда открыть свои засѣданія въ провинціальномъ городѣ и организовать противодѣйствіе перевороту.

Такъ моментъ переворота былъ снова отодвинутъ и назначенъ на день „Солнца Аустерлица“. Возможно, что былъ-бы пропущенъ и этотъ срокъ, если бы не сгоравшій отъ нетерпѣнія Флери; онъ взялъ на себя командованіе тѣмъ отрядомъ, который долженъ былъ занять государственную типографію, и уже сдѣлалъ первые шаги для этого, такъ что отступить было уже невозможно.

Въ полночь въ рабочемъ кабинетѣ Бонапарта сидѣли заговорщики: Морни, Персиньи, С.-Арно, Мопя и адъютантъ президента, лейтенантъ де-Бевилль (de-Béville) и старались

вливать другъ въ друга духъ бодрости. Вскорѣ появился и Бонапартъ; онъ вынулъ изъ потайного ящика своего письменнаго стола запечатанный пакетъ, вложенный въ конвертъ, съ надписью „Рубиконъ“, и передалъ его своему адъютанту Бевилю. Въ пакетѣ находились всѣ, относившіяся къ государственному перевороту декреты и прокламаціи, которыя должны были быть опубликованы на слѣдующее утро и, слѣдовательно, должны были быть отпечатаны теперь же, немедленно; тамъ же находился приказъ о назначеніи Морни министромъ внутреннихъ дѣлъ. Самую трудную и, можетъ быть, самую смѣлую часть всего предприятия нужно было выполнить завтра на разсвѣтѣ. Заговорщики разстались, чтобы приступить къ исполненію выпавшей на долю каждого задачи.

Бевиль отправился въ государственную типографію, гдѣ во дворѣ еще съ полночи была тихомолкомъ поставлена рота жандармовъ, и передалъ директору ея полученныя отъ Бонапарта бумаги. Чтобы скрыть отъ наборщиковъ смыслъ набираемаго, рукописи были разрѣзаны на узкія полоски. Наборщики были задержаны подъ предлогомъ непредвидѣнной работы. У нихъ, однако, возникло подозрѣніе, и они отказались приступить къ работѣ. Тогда около каждого поставили по парѣ солдатъ съ заряженными ружьями, а жандармамъ, охранявшимъ двери и окна, былъ отданъ приказъ стрѣлять въ каждого, кто попытается уйти изъ типографіи или приблизиться къ окну. Наборщики не рѣшились сопротивляться: къ тремъ часамъ ночи всѣ декреты и прокламаціи были набраны и отпечатаны. Бевиль прочелъ солдатамъ еще во время печатанія предназначенную для нихъ прокламацію, принятую ими громкими криками одобренія. а затѣмъ еще не просохшіе экземпляры отправилъ Мопа, для распространенія. Въ полицейской префектурѣ между тѣмъ, собрались уже разносчики объявленій, разобрали по рукамъ прокламаціи и, подъ охраной городской стражи, расзыпались по всѣмъ частямъ города.

Господину Мопа предстояло еще выполнить наиболѣе трудную часть поставленной ему задачи, именно—арестовать многихъ изъ извѣстныхъ лицъ. Съ этой цѣлью въ полицейскую префектуру собрали восемь сотъ городскихъ сержантовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Ледрю Ролленъ, Коссидьеръ и другіе лондонскіе эмигранты снова замыслили произвести возстаніе подъ знаменемъ социализма, и потому должны быть арестованы въ моментъ своего прибытія.

Когда прибылъ Бевиль, Мопа призвалъ къ себѣ чело-вѣкъ сорокъ полицейскихъ комиссаровъ, на безусловную преданность которыхъ онъ рассчитывалъ, и далъ имъ подробнѣйшія инструкціи для ареста указанныхъ имъ лицъ. Всѣ до одного изъ приглашенныхъ изъявили свою полную готовность выполнить все, что требовалось отъ нихъ; каждый изъ нихъ набралъ себѣ частью въ префектурѣ, частью въ своихъ участкахъ нужное количество полицейскихъ сержантовъ и двинулся въ путь выполнять свое дѣло.

Нужно было арестовать семьдесятъ восемь человекъ, изъ нихъ шестнадцать были членами національнаго собранія а остальные—или главари тайныхъ обществъ, въ которыя вынуждены были превратиться запрещенные клубы, или выдающіяся личности изъ жителей предмѣстій. Арестомъ вождей нужно было предупредить всякія попытки противодѣйствія со стороны антибонапартистскихъ партій и организаций. Приказъ объ арестѣ застигъ людей еще въ постели, между шестью и семью часами утра, и только нѣкоторые изъ нихъ пытались оказать сопротивление. Указаніе на законъ и конституцію не имѣло никакого дѣйствія, разъ въ приказѣ причиной ареста указывалось „участіе въ комплотѣ противъ безопасности государства“.

Особенно важнымъ считался арестъ Шангарнье. Командированный къ нему комиссаръ былъ подкрѣпленъ не только сильнымъ отрядомъ городскихъ сержантовъ, но еще и сорока пятью конными муниципаль-гвардейцами. Шангарнье вышелъ къ полицейскимъ въ одной рубахѣ и съ пистолетомъ въ рукѣ; комиссаръ вырвалъ пистолетъ и генералу пришлось сдаться безъ всякаго сопротивленія. Кавеньякъ и не пытался защищаться, онъ спокойно далъ себя отвести въ карету, въ которой онъ и былъ доставленъ въ тюрьму Мозасъ (Mozas). Ламорисьеръ началъ шумѣть и взывать о помощи только тогда, когда уже сидѣлъ въ каретѣ; комиссаръ пригрозилъ, если онъ не перестанетъ шумѣть, заткнуть ему ротъ, и тотъ успокоился. Генералъ Бедо отказался послѣдовать за комиссаромъ, тогда его схватили за шиворотъ, скрутили руки и ноги и, проволочивъ по лѣстницѣ, втокнули въ карету. Его крики: „Измѣна! Къ оружію!“ заглушались стукомъ колесъ и лошадиныхъ копытъ мчавшагося за каретой конвоя. У полковника Шарра пришлось выламывать двери, причемъ комиссаръ захватилъ прежде всего два пистолета, которые онъ замѣтилъ, ворвавшись въ комнату, на каминѣ. „Они не заряжены“,—сказалъ полковникъ,—„я уже не думалъ болѣе о государственномъ переворотѣ; но если-бы вы пришли ко мнѣ нѣсколькими днями раньше, я закатилъ-бы вамъ пулю въ лобъ“. По пути онъ разразился страшной руганью по адресу провожавшихъ его шпіоновъ. Тьера арестъ засталъ еще спящимъ. Комиссаръ разбудилъ его и далъ ему прочесть приказъ объ арестѣ. Тьеръ поправилъ дрожащей рукой свой бѣлый ночной колпакъ и пролетелъ нѣсколько едва внятныхъ словъ, которыя должны были выяснить комиссару, какое беззаконіе онъ совершаетъ. Прибывши въ Мазасъ, онъ потребовалъ, чтобы ему дали чашку кофе съ молокомъ; когда ему подали кофе, онъ успокоился. Арестъ депутатовъ—Бомъ, Шола, Греппо, Лагранжъ, Мио, Надо, Роже, Валентанъ (Baunic, Cholat, Lagrange, Miot, Nadaud, Roger, Valentin)—также былъ выполненъ безъ всякихъ затрудненій. Къ утру всѣ они уже сидѣли въ тюрьмѣ Мазасъ. Туда же были отправлены и два квестора національнаго собранія, генералы Леффло и Базъ, жившіе въ Бурбонскомъ дворцѣ.

Арестъ Кавеньяка.

„Елисейская братія“ считала особенно важнымъ занятіе Бурбонскаго дворца. Оберъ-офицеръ, командующій стражей этого дворца, въ случаѣ опасности, имѣлъ право отдать приказъ своему отряду укрѣпиться въ зданіи и, занявши площадь, превратить ее въ центръ обороны; это обстоятельство могло разрушить всѣ планы заговорщиковъ. „Братія“ постаралась, поэтому, устроить такъ, что въ ночь съ 1 на 2 декабря охрану дворца составлялъ батальонъ 42-го пѣхотнаго полка, находившійся подъ командой полковника Эспинаса. Въ три часа ночи Персиньи разбудилъ полковника, сообщилъ ему о назначеніи его бригаднымъ генераломъ и адъютантомъ принца-президента, съ 30.000 франковъ жалованья, причѣмъ теперь же передалъ пакетъ съ 100.000 франковъ банковыми билетами—Бонапартъ на всякій случай захватилъ наканунѣ изъ Французскаго банка 25 милліоновъ франковъ,—и поручилъ ему арестовать квесторовъ Лефло и База и запереть ворота національнаго собранія. Пересчитывая кредитки, Эспинасъ опрокинулъ нѣсколько стакановъ коньяку. „Этотъ негодяй (Bougre) Эспинасъ боялся, что его обсчитаютъ“, выразился о немъ позднѣе Персиньи. Въ пять часовъ Эспинасъ приказалъ бить сборъ и собралъ около себя находившійся во дворцѣ батальонъ своего полка, другіе же батальоны и полсотня городскихъ сержантовъ съ комиссаромъ во главѣ приступили къ дѣлу. Они арестовали Лефло и База, не безъ серьезнаго, однако, сопротивленія послѣднихъ. Генераль обрушился на Эспинаса съ цѣлымъ потокомъ оскорбленій. Базъ былъ вытасненъ полуодѣтымъ, въ то время какъ жена его, также въ ночномъ костюмѣ, взывала изъ окна о помощи. Президента Дюпэна оставили спокойно спать и всячески старались не потревожить его. Лучшаго ночного колпака, чѣмъ онъ, во главѣ національнаго собранія нельзя было и желать.

Однимъ изъ послѣднихъ мѣропріятій этого ночного похода былъ захватъ министерства внутреннихъ дѣлъ графомъ Морни, главнымъ заправилой государственнаго переворота. Въ шесть часовъ утра дворъ этого министерства огласился бряцаніемъ ружей. Смущеніе министра де-Ториньи графъ Морни разсѣялъ очень скоро, передавъ ему собственноручное письмо Бонапарта, въ которомъ говорилось о его отставкѣ. „Удаленный такъ безцеремонно министръ внутреннихъ дѣлъ—говоритъ Пьеръ-де-ла-Горсъ (P. de-la-Gorce)—чувствовалъ себя сильно обиженнымъ, но не вслѣдствіе нарушенія закона, а потому, что президентъ питалъ къ нему такъ мало довѣрія“.

Съ наступленіемъ дня все уже было покончено. Парижане, идя поутру по своимъ дѣламъ, съ изумленіемъ прочли на углахъ улицъ слѣдующую прокламацію высшаго представителя власти:

„Именемъ французскаго народа.

Президентъ республики постановляетъ:

Статья 1. Национальное собраніе распускается.

Ст. 2. Право всеобщаго голосованія возстановляется и отмѣняется законъ 31 мая 1850 года.

Ст. 3. Французскій народъ призывается между 14 и 21 декабря на первичныя избирательныя собранія.

Ст. 4. Весь округъ первой армейской дивизіи объявляется въ осадномъ положеніи.

Ст. 5. Государственный совѣтъ распускается.

Ст. 6. Министру внутреннихъ дѣлъ поручается привести это постановленіе въ исполненіе.

Данъ въ Елисейскомъ дворцѣ, 2 декабря 1851 года.

Подписаль. Луи-Наполеонъ Бонапартъ.

Министръ внутр. дѣлъ де-Морни“.

Далѣе слѣдовала другая, очень длинная прокламація, въ которой будущій абсолютный повелитель народа старался объяснить свое поведеніе. Послѣ нѣсколькихъ грубыхъ выходокъ по адресу національнаго собранія, которое превратилось будтобы въ средоточіе всякихъ заговоровъ и ковало оружіе для гражданской войны, было сказано: „Конституція, какъ вамъ извѣстно, была намѣренно установлена такъ, что она должна была заранѣе же подрывать ту власть, которую довѣрили вы мнѣ... Но не смотря на это, я оставался ей вѣренъ... Теперь же, когда основные государственные законы нарушаются тѣми, кто безпрестанно взывалъ объ ихъ святости, когда люди, похоронившіе уже въ прошломъ двѣ монархіи, хотятъ связать мнѣ руки *для того, чтобы свалить республику*, — теперь я обязанъ разрушить ихъ предательскія козни, обязанъ охранить республику и спасти страну путемъ торжественной апелляціи къ единственному властелину, котораго я признаю во Франціи,—къ народу...“ Послѣ этого вступленія Бонапартъ выяснялъ далѣе своему народу тѣ условія, на которыхъ онъ согласенъ и дальше нести на себѣ тяжелое бремя управленія. Онъ требовалъ, попросту, диктатуры, которая заключалась въ слѣдующихъ пяти параграфахъ конституціи Консульства VIII-го (1799) года первой республики: 1—десятилѣтній срокъ правленія главы государства; 2 — исключительное право главы государства назначать министровъ; 3—разработка всѣхъ законопроектовъ государственнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ людей; 4—созданіе избраннаго всеобщимъ голосованіемъ законодательнаго учрежденія для обсужденія и установленія законовъ; 5—рядомъ съ законодательнымъ учрежденіемъ долженъ быть созданъ изъ наиболѣе видныхъ людей страны сенатъ, чтобы быть уравновѣшивающей силой и хранителемъ основныхъ государственныхъ законовъ и вольностей народа.

Другой прокламаціей Наполеонъ обращался въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ къ арміи, какъ къ лучшей части населенія страны, и напоминалъ ей о томъ позорѣ, который палъ на нее въ 1830 и 1848 годахъ.

Теперь, однако, ей представляется случай снова восстановить свою старую честь; она призывается теперь къ спасенію отечества, и президентъ разсчитываетъ на ея содѣствіе въ дѣлѣ укрѣпленія попираемыхъ верховныхъ правъ народа.

Въ концѣ прокламаціи помѣщено грозное предостереженіе полицейскаго префекта Мопы противъ всякихъ сборищъ на улицахъ и попытокъ противодѣйствія государственной власти.

Первыми, кому пришлось прочесть эти вывѣшенныя на стѣнахъ прокламаціи, были, конечно, рабочіе, отправлявшіеся въ свои мастерскія, и первое впечатлѣніе, произведенное на нихъ событіемъ, вылилось отнюдь не въ возмущеніе и негодованіе, а въ смѣшанное чувство отвращенія и презрѣнія. Что имъ было заботиться о судьбѣ этого національнаго собранія, которое было все время настроено враждебно по отношенію къ нимъ? Развѣ Тьеръ, Шангарнье или Кавеньякъ были въ глазахъ рабочихъ лучше, чѣмъ самъ Бонапартъ? „Чисто обдѣлываетъ парень свои дѣлишки“. слышалось въ группахъ рабочихъ. Громадное большинство видѣло въ государственномъ переворотѣ лишь возстановленіе права всеобщаго голосованія, сверженіе роялистскаго большинства національнаго собранія и охрану республики. Никому въ умъ не пришло противопоставить силу насилію. Къ нарушенію конституціи народъ остался совершенно равнодушнымъ.

Не такъ отнеслись народные представители, избѣжавшіе ареста. Многіе изъ нихъ инстинктивно бросились въ Бурбонскій дворецъ. Но солдаты загородили имъ путь и разогнали шашками. У нѣкоторыхъ было порвано платье, другіе—легко ранены. Лишь около сорока депутатамъ удалось проникнуть въ залъ засѣданій, черезъ дверь, оставленную безъ охраны. Едва успѣли они постановить о смѣшеніи Бонапарта и приступить къ подписанію соотвѣтствующаго декрета, какъ ворвавшійся въ залъ жандармскій полковникъ съ солдатами потребовалъ разойтись. Они отказались подчиниться этому требованію, ссылаясь на 68 параграфъ конституціи, гарантирующей имъ неприкосновенность, и сѣли на свои обычныя мѣста. Между тѣмъ, нѣкоторые депутаты привели президента Дюпэна изъ его квартиры и натянули на него шарфъ его должностной знакъ. Онъ согласился пойти въ залъ засѣданій крайне неохотно и, придя туда, пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ. „Пусть арестуютъ васъ, мы будемъ васъ защищать“. кричали депутаты, удерживая его. Однако, это было совсѣмъ не по его вкусу, онъ предпочелъ бы лучше быть за сотни верстъ отсюда. Наконецъ, онъ пріободрился, по крайней мѣрѣ, на столько, что могъ сказать: „Право за нами—это безспорно, но вѣдь у этихъ господъ—сила, и потому намъ ничего больше не остается дѣлать, какъ разойтись“. Такова была надгробная рѣчь законодательнаго національнаго собранія, сказанная въ духѣ его большинства, партіи порядка, достойнымъ представителемъ которой былъ Дюпэнъ. Онъ выскочилъ изъ собранія со всею быстротой своихъ ногъ, а бывшіе тутъ депутаты, свидѣтели

такого постыднаго поведенія своего президента, были выгнаны ударами сабель и пинками прикладовъ.

На улицѣ нѣкоторые изъ этихъ изгнанныхъ увидѣли троихъ своихъ коллегъ въ рукахъ солдатъ. „Вы трижды нарушили конституцію!“ кричала они офицеру. „Въ такомъ случаѣ я нарушу ее шесть разъ“, отвѣтилъ тотъ и приказалъ арестовать и протестующихъ.

Всюду, гдѣ только пробовали депутаты собраться, ихъ или арестовывали, или же, послѣ издѣвательства надъ ними, разгоняли. Тѣмъ не менѣе значительному числу депутатовъ все-таки удалось собраться въ мэриі десятиаго округа, въ предмѣстьѣ С.-Жерманъ—богатѣйшей части Парижа, и устроить правильное засѣданіе.

Въ этой части города нечего было опасаться народнаго возмущенія, передъ которымъ господа изъ большинства національнаго собранія дрожали еще пуще, чѣмъ передъ Бонапартомъ. Отъ этихъ господъ скорѣе можно было ждать лишь одной видимости сопротивленія. Если-бы они не сдѣлали ничего, они сами навсегда скомпрометтировали-бы себя въ глазахъ своихъ сотоварищей по партіи монархистовъ; ихъ имена остались-бы покрытыми несмываемымъ позоромъ. Имъ хотѣлось выйти изъ затруднительнаго положенія, но выйти такъ, чтобы при этомъ не подвергнуть себя ни малѣйшей опасности. Этимъ-то и объясняется тотъ напускной храбрый видъ, съ которымъ они, въ количествѣ 216 человекъ, подъ предсѣдательствомъ Бенуа д'Ази (Benoit d'Azy), единогласно постановили, что Луи Бонапартъ лишается званія президента республики, исполнительная власть, въ силу закона, переходитъ въ руки національнаго собранія, и что немедленно открываетъ свои засѣданія высшій государственный судъ, передъ которымъ должны предстать въ качествѣ обвиняемыхъ президентъ республики и его соучастники. Тутъ-же единогласно былъ назначенъ главнокомандующимъ парижской арміи генераль Удино (Oudinot), задушившій когда-то римскую республику; теперь его задачей было — защищать французскую республику! Единогласно-же былъ назначенъ для защиты національнаго собранія десятый легіонъ національной гвардіи, состоявшій почти исключительно изъ представителей крупной буржуазіи. Передъ зданіемъ меріи толпился народъ, которому въ открытое окно и сообщались принятыя собраніемъ рѣшенія черезъ г. Беррье; въ отвѣтъ ему, какъ говоритъ Карлъ Марксъ, насмѣшливо вторило эхо: „Генрихъ V! Генрихъ V!“ Но видимость была соблюдена, и герои страстно ждали, когда-же, наконецъ, небо пошлетъ имъ полицейскаго комиссара, который насильственно покончилъ-бы съ этой мучительной комедіей законнаго противодѣйствія.

Небо было милостиво къ нимъ. Скоро появляется полицейскій комиссаръ съ венсенскими стрѣлками. Бенуа д'Ази читаетъ ему параграфъ 68 конституціи, гдѣ объявляется измѣной отечеству всякое дѣяніе, которымъ президентъ республики будетъ препятствовать національному собранію выполнять его

Арестованныхъ депутатовъ ведутъ въ казарму на набережной Д'Орсе.

гласія и улицу Риволи. Онъ ошибся при этомъ въ расчетахъ, ожидая встрѣтить сочувственную демонстрацію со стороны населенія. Народъ былъ или равнодушенъ, или-же отпуская язвительныя остроты. До его ушей долетали только возгласы въ честь конституціи и республики. Второй выѣздъ, послѣ полудня, имѣлъ такъ-же мало успѣха. Разстроенный вернулся Наполеонъ въ Елисейскій дворецъ и рѣшилъ не показывать глазъ народу до тѣхъ поръ, пока не будетъ все покончено. О какомъ-либо блестящемъ „походѣ“, какъ хвастался еще недавно Бонапартъ, не было и рѣчи. Во время ужасныхъ сценъ 4 декабря онъ преспокойно сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ Елисейскомъ дворцѣ и грѣлъ ноги у камина.

Депутаты Горы, болѣе рѣшительные изъ всего состава національнаго собранія, встрѣтили государственный переворотъ серьезнѣе, чѣмъ ихъ коллеги въ мэрии десятаго городского округа. Они рѣшили привлечь къ дѣлу рабочихъ. Въ одномъ изъ тайныхъ своихъ засѣданій у барона Копанъ (Copers), въ предмѣстьѣ Монмартръ, они составили воззваніе, подписанное Мишелемъ изъ Буржа, Викторомъ Гюго, Эженомъ Сю, Жюль Фавромъ и другими; оно гласило: „Луи Бонапартъ—измѣнникъ. Онъ пошелъ противъ конституціи. Республиканскіе депутаты напоминаютъ народу и арміи 68-й и 110-й параграфы конституціи. Пусть народъ исполнить свою обязанность и республиканскіе депутаты пойдутъ въ первыхъ его рядахъ“. Въ другомъ засѣданіи былъ выбранъ Комитетъ Противодѣйствія, въ который вошли Шельхеръ (Schœlcher), Мишель изъ Буржа, Мадье де-Монжо Madier de Montjau), Бодэнъ, де Флоттъ и другіе. Поздно вечеромъ 2 декабря было создано послѣднее совѣщаніе у Фридерика Курнэ, одного изъ извѣстныхъ, пламенныхъ революціонеровъ-демократовъ. Объ этомъ засѣданіи протрѣпала полиція и двинула сюда, чтобы арестовать депутатовъ Горы, цѣлый батальонъ войскъ. Депутатовъ спасла лишь ошибка полиціи. Солдаты обшарили отъ чердака до подполья домъ нѣкоего Корнэ (Cornet), а у Курнэ (Cournet) въ это время было окончательно постановлено собравшимися оказать вооруженное сопротивление насилію и для организациі его было назначено новое засѣданіе на слѣдующее утро въ залѣ Руазэнъ (Roysin), въ Сенъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ.

Днемъ 2 декабря во внутреннихъ частяхъ города царила зловѣщая тишина, не свойственная вообще характеру парижанъ; наоборотъ, къ вечеру большіе бульвары и улицы Латинскаго квартала были страшнѣе оживлены. Всюду собирались группы прохожихъ и страстно дебатировали о событіяхъ дня. Наконецъ появился генераль Кортъ съ своей бригадой и очистилъ бульвары. Въ полночь снова настала глухая тишина.

Въ среду 3 декабря еще съ ранняго утра многіе изъ депутатовъ Горы направились въ залѣ Руазэнъ Встрѣчныхъ по пути рабочихъ они старались побудить къ возстанію. „Развѣ будете вы терпѣливо сносить все это?“ „Что ждетъ васъ тогда?“ „Развѣ вы хотите имперіи?“ „Нѣтъ, нѣтъ!“ отвѣчало большинство изъ нихъ, „но къ чему завязывать борьбу?

Намъ вѣдь даютъ всеобщее избирательное право. Да и что могли бы мы сдѣлать? Вѣдь въ іюнѣ 1848 года насъ всѣхъ обезоружили и во всемъ предмѣстьѣ вы не найдете ни одного ружья“. Эти слова звучали горькимъ упрекомъ по адресу многихъ господъ депутатовъ, которые призывали теперь народъ къ борьбѣ, тогда-же подавали свой голосъ за репрессивныя мѣры противъ того-же народа.

Во время такихъ разговоровъ мимо проѣзжало нѣсколько тюремныхъ каретъ изъ Венсенна. „Это везутъ депутатовъ!“ послышалось въ рядахъ рабочихъ. Многіе изъ нихъ бросились къ каретамъ и схватили лошадей подъ уздцы, но изъ каретъ вдругъ показалось нѣсколько мертвенно-блѣдныхъ лицъ: блѣдые узники стали умолять рабочихъ не мѣшать везти ихъ дальше. „Вотъ посмотрите, что это за люди! съ ними намъ нечего дѣлать“, сказалъ одинъ изъ толпы, обращаясь къ Курнэ. Рабочіе съ презрѣніемъ отвернулись отъ арестованныхъ депутатовъ, и кареты продолжали свой путь.

Въ одиннадцать часовъ утра многіе изъ депутатовъ, повязавъ свои шарфы, вышли изъ зала Руазэнъ; во главѣ шли Бодэнъ, депутатъ шерскаго департамента, и Мадье де Монжу; въ кучкѣ энергичныхъ людей, сопровождавшихъ ихъ, находился и Курнэ. Они прошли всю улицу предмѣстья Сень-Антуанъ, призывая всюду народъ: „Къ оружію! На баррикады! Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ республика!“ По пути были обезоружены два маленькихъ сторожевыхъ поста. Отбитыя у солдатъ ружья были единственнымъ оружіемъ, демонстрантовъ. Населеніе предмѣстій, однако, оставалось совершенно спокойнымъ. Кое-гдѣ открывались окна, изъ которыхъ слышались возгласы въ честь республики. Но это было и все. Вблизи улицъ Коттъ (Cotte) и Св. Маргариты приступили къ постройкѣ баррикады. Но она оказалась столь же плоха, какъ и ея строители: опрокинутыя телѣги—вотъ весь матеріалъ, изъ котораго она была построена. Сюда вскорѣ прибыли три роты солдатъ, находившихся на площади Бастиліи. При видѣ ихъ, многіе изъ стоявшихъ за баррикадой сочли бесполезной ея защиту и ушли. Когда Бодэнъ попытался остановить уходящихъ, одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: „Мы не хотимъ подставлять себя подъ пули для того только, чтобы вы сохранили за собой свои 25 франковъ въ день“. „Останьтесь и вы увидите, какъ люди умираютъ за 25 франковъ!“ отвѣтилъ Бодэнъ и влезъ на баррикаду, чтобы напомнить наступавшимъ солдатамъ объ ихъ обязанностяхъ. Въ отвѣтъ ему раздался оглушительный залпъ. Раненый тремя пулями въ голову, Бодэнъ палъ мертвымъ; тяжело раненъ былъ и Мадье де Монжу.

Вѣсть о смерти Бодэна, одного изъ самыхъ уважаемыхъ за его честность, прямоту и твердость характера членовъ партіи Горы, облетѣла съ быстротой молніи весь городъ и разбудила нѣкоторую часть рабочихъ отъ ихъ оцѣпенѣнія. Стѣны домовъ покрылись массой печатныхъ и рукописныхъ прокламацій, съ подписями и безымянныхъ, въ которыхъ Бонапартъ объявлялся

Смерть Бодана.

низверженнымъ, а народъ призывался къ оружію. Въ центрѣ Парижа, служившемъ издавна горниломъ всякихъ возмущеній, еще съ ранняго утра были воздвигнуты баррикады. По бульварамъ двигались возбужденныя, шумныя толпы народа, выражавшія свое возмущеніе презрительными криками: „Долой Бадинге (Badinguet)! Долой Сулука! (Souloque)“ *). На Монмартрскомъ и Итальянскомъ бульварахъ враждебныя демонстраціи противъ президента были устроены мѣстнымъ эlegantнымъ обществомъ—монархистами и либеральной буржуазіей, которые вообразили себѣ, что и эта новая продѣлка Бонапарта будетъ имѣть такой же смѣхотворный исходъ, какъ и его авантюры въ Страсбургѣ и Булони. Въ удачу переворота здѣсь никто не вѣрилъ. Не вездѣ, впрочемъ, только смѣялись и издѣвались надъ Бонапартомъ. Уже вечеромъ 3 декабря появились на улицахъ объявленія военнаго министра Сень-Арно, который, на основаніи осаднаго положенія, кратко и ясно извѣщалъ населеніе: „Всякій, кто будетъ взятъ при постройкѣ или оборонѣ баррикады или же съ оружіемъ въ рукахъ,—будетъ разстрѣлянъ.“ Кавалерійскіе отряды объѣзжали взадъ и впередъ бульвары отъ площади Магдалины до площади Бастиліи, городскіе стражники обнаженными шашками разгоняли всякія скопленія народа; на бульварахъ Сень-Дени и Сень-Мартэнъ слышался съ улицъ Бобургъ, Трансонэнъ и Омэръ непрерывный ружейный огонь; тамъ кучка отважныхъ борцовъ отчаянно сопротивлялась наступавшимъ войскамъ.

Въ Елисейскомъ дворцѣ и полицейской префектурѣ въ ночь съ 3 на 4 декабря спалось, во всякомъ случаѣ, очень плохо. Такъ, по словамъ Виктора Гюго, депеши Мона къ Морни, посланныя въ эту ночь, носили на себѣ слѣды такой отчаянной растерянности, что Морни, сохранившій самообладаніе, отвѣтилъ своему корреспонденту: „Ложитесь скорѣй спать, пока не замарали штановъ!“ (Jean foudre). „Братія“ пока совсѣмъ не везло, на ея сторону не перешелъ ни одинъ человѣкъ съ сколько-нибудь извѣстнымъ именемъ; она оказалась изолированной, и ей пришлось прибѣгнуть къ нѣкоторой военной хитрости: она учредила совѣщательную комиссію изъ восьмидесяти видныхъ государственныхъ людей, имена которыхъ опубликовала, не удостовѣрившись предварительно въ согласіи этихъ лицъ участвовать въ комиссіи. Она, впрочемъ, не ошиблась въ выборѣ людей, такъ какъ, когда побѣда осталась окончательно на сторонѣ Бонапарта, многіе изъ тѣхъ

*) Бадинге было имя того рабочаго, въ одеждѣ котораго Бонапартъ, съ трубкой во рту и съ доской на плечахъ, улизнулъ въ 1847 году изъ тюрьмы Амъ. Сулукъ—имя президента республики Гаити, который зимой 1850 года, изъ подражанія Наполеону первому, объявилъ себя императоромъ, окружилъ себя цѣлымъ штабомъ негровъ—маршаловъ и генераловъ, установилъ, по французскому же образцу, придворный штатъ и вообще, во всемъ, что онъ дѣлалъ, старался копировать или, лучше сказать, обезьяничать Наполеона перваго. Сравненіе между Сулукомъ и Луи Бонапартомъ было не совсѣмъ безосновательно.

кто второпяхъ заявилъ протестъ противъ зачисленія ихъ въ комиссію, теперь поторопились взять его обратно.

Около полуночи генераль Маньянъ убралъ отовсюду свои войска и предоставилъ весь Парижъ стихіямъ возстанія. Это былъ, несомнѣнно, хитро придуманный планъ, выработанный имъ совмѣстно съ графомъ Морни. Послѣдній далъ главнокомандующему парижской арміей такія инструкціи: „Пусть бунтовщики соберутъ свои силы и понастроятъ серьезныхъ баррикадъ, а мы потомъ однимъ ударомъ раздавимъ врага. Остерегайтесь утомлять войска мелкими стычками, вмѣсто того, чтобы имѣть ихъ наготовѣ въ рѣшительный моментъ“. Морни, конечно, помнилъ, какъ въ двухъ предшествующихъ революціяхъ войска были деморализованы безконечной сторожевой службой и разными переходами съ мѣста на мѣсто.

Виновники государственнаго переворота чувствовали, что имъ необходимо немедленно же, однимъ ударомъ подавить всякое движеніе въ Парижѣ. Это былъ для нихъ вопросъ жизни, такъ какъ приходилось считаться и съ настроеніемъ въ провинціи, а продолжительное сопротивленіе столицы могло послужить сигналомъ для общаго народнаго возстанія. Но для подавленія Парижа нужно было, чтобы онъ принялъ битву, не уклонился отъ нея; въ этихъ-то видахъ баррикадные борцы и были предоставлены самимъ себѣ какъ съ 3 на 4 декабря, такъ и до полудня этого дня: пусть растетъ ихъ возмущеніе, пусть готовятся они къ борьбѣ, — вѣдь, противъ нихъ, плохо вооруженныхъ, можно выставить тридцать тысячъ прекрасно дисциплинированныхъ, опытныхъ въ уличной борьбѣ, щедро подкупленныхъ деньгами, мясомъ, виномъ и водкой солдатъ. Съ той же цѣлью — раздуть боевое настроеніе парижскихъ рабочихъ — въ ходъ были пушены самые фантастическіе слухи. Толковали, на примѣръ, о томъ, что несочувствующій государственному перевороту генераль Неймайеръ готовъ двинуться съ своими войсками на помощь возставшимъ; былъ также пушенъ слухъ, что разстрѣяны всѣ плѣнные генералы и депутаты Горы и т. п.

„Братія“, между тѣмъ, вывѣсила всюду такой замѣчательный плакатъ: „Воспрещается пѣшеходамъ останавливаться на улицахъ и площадяхъ. Всякія скопища будутъ разгоняться безъ предварительнаго предупрежденія. Пусть мирно настроенные граждане остаются въ своихъ жилищахъ. Всякое противодействие можетъ повести за собой самыя серьезныя послѣдствія“.

Читая этотъ плакатъ, парижане смѣялись надъ тѣмъ, что имъ хотятъ запретить оставаться на улицахъ. Но смѣхъ ихъ былъ не дологъ.

Въ два часа пополудни генераль Маньянъ рѣшилъ приступить къ дѣйствіямъ. Часть войскъ должна была двигаться отъ площади Магдалины и площади Бастиліи вдоль линій бульваровъ и по поперечнымъ улицамъ и затѣмъ броситься на возставшіе кварталы внутренняго города, прочіе же отряды войскъ были назначены для подавленія возстанія въ предмѣстьяхъ.

На бульварахъ Капуциновъ, Итальянскомъ, Монмартръ и Пуассоньеръ толпились многія тысячи любопытныхъ. На этихъ бульварахъ, какъ и на прилегающихъ къ нимъ улицахъ и переулкахъ, не было построено ни единой баррикады.

Плохенькая баррикада была сооружена только на бульварѣ Бонъ-Нувелль, около театра. Вдругъ около 2 часовъ съ бульвара Магдалины показалась дивизія Карле (Carrelet), двѣ пѣхотныхъ дивизіи съ пятнадцатю пушками подъ командой генерала Канробера и кавалерійская бригада генерала Рейбеля (Reybell). Безъ всякаго требованія разойтись, безъ всякаго предупрежденія Канроберъ открылъ ружейный огонь и сталъ палить картечью въ обезумѣвшую толпу любопытныхъ, бросившихся въ разсыпную, во всѣ стороны. Одинъ бонапартистскій историкъ восхвалялъ позднѣе Канробера за то, что тотъ подождаль, пока „толпа“ стала достаточно густой и только тогда принялся лупить ее картечью. Графъ Морни потомъ оправдывалъ это звѣрское избіеніе передъ нѣкоторыми генеральными совѣтами Пюи-де-Домъ (Puy de Dôme) тѣмъ, будто опытъ прошлыхъ парижскихъ революцій показалъ, что движеніе всегда принимало опасный оборотъ именно благодаря толпамъ любопытныхъ. Поэтому-то 4-го декабря и была предпринята, передъ нападеніемъ на баррикады въ узкихъ улицахъ рабочихъ кварталовъ, очистка элегантныхъ бульваровъ отъ массы совершенно непричастныхъ къ движенію любопытныхъ. Пьяными солдатами, натравленными на этихъ „бедуиновъ Парижа“, овладѣло какое-то звѣрское неистовство; когда не въ кого было уже стрѣлять на улицахъ, они палили въ окна, громили изъ пушекъ дома. Обитатели этихъ домовъ принуждены были ложиться на полъ и пули летѣли черезъ нихъ въ потолокъ. Изъ кавалеристовъ особенно отличился въ этотъ день уланскій полковникъ Де-Рошфоръ: по словамъ бонапартистскаго историка, капитана Модюи (Mauduit), этотъ субъектъ съ кучкой солдатъ изрубилъ на террасѣ кафе, на Итальянскомъ бульварѣ, близъ улицы Тэбу (Taitbout), цѣлыхъ тридцать человекъ только за то, что услышалъ отъ нихъ „преступный“ возгласъ: „да здравствуетъ конституція!“ Общее число жертвъ этого избіенія оцѣнивается около двухъ тысячъ человекъ разныхъ возрастовъ: мужчинъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ.

Пока происходили эти событія на бульварахъ, войска, двигались все дальше и дальше, замыкая кольцо, и уже подошли со всѣхъ сторонъ къ забаррикадированной части города. Имъ пришлось встрѣтить во многихъ мѣстахъ геройское сопротивление баррикадныхъ борцовъ, но что могли сдѣлать защитники республики противъ арміи, въ тридцать разъ сильнѣйшей ихъ? Къ пяти часамъ пополудни все было кончено; только нѣсколько баррикадъ въ маленькихъ, узкихъ улицахъ близъ площади Побѣды напрягали еще послѣднія усилія отстоять себя, но и тѣ были скоро взяты одновременнымъ штурмомъ спереди и съ тыла.

За взятіемъ каждой баррикады слѣдовало избіеніе. С.-Арно предупреджалъ раньше: „Каждый, взятый съ оружіемъ въ ру-

Нападение улановъ на бульвары.

кахъ, будетъ разстрѣлянъ“. Озвѣрѣвшіе и безъ того, пьяные солдаты исполняли эту инструкцію съ буквальной точностью. Они врывались въ дома, куда спасались возставшіе и убивали каждаго, кто только казался имъ подозрительнымъ.

Тѣ, кто пытались спастись бѣгствомъ по боковымъ улицамъ, попадали въ руки другихъ отрядовъ войскъ, такъ какъ возставшая часть города была оцѣплена со всѣхъ сторонъ; благодаря бѣгству, ихъ постигла та именно участь, которой они надѣялись избѣжать. Не смотря на это, нѣсколькимъ сотнямъ республиканцевъ всетаки удалось уйти отъ кровавой бани и они, съ тѣмъ революціоннымъ воодушевленіемъ, которое такъ характерно для парижскихъ народныхъ возстаній, не замедлили вечеромъ еще разъ встать грудью противъ тысячъ штыковъ. Они забаррикадировались въ улицѣ Монторгейль (Montorgueil), невдалекѣ отъ строящагося новаго парижскаго гостиннаго двора. Во главѣ ихъ былъ молодой человекъ Денисъ Дюссубъ (Denis Dussoubs), перевязанный шарфомъ народнаго представителя, который онъ надѣлъ всего два дня тому назадъ; онъ взялъ его у своего тяжело раненаго брата Гастона Дюссубъ, чтобы исполнить тотъ долгъ, который не могъ выполнить братъ. Скоро прибыли сюда и войска; Денисъ Дюссубъ одинъ выступилъ имъ навстрѣчу и пытался своимъ дрожащимъ, звучнымъ голосомъ напомнить солдатамъ ихъ гражданскій долгъ. Громкій залпъ былъ ему отвѣтомъ и онъ палъ на баррикадѣ мертвымъ. Всѣ три баррикады улицы Монторгейль были взяты послѣ короткой, но отчаянной схватки, ихъ сорокъ защитниковъ разстрѣляны.

Ночь съ 4 на 5 декабря войска оставались на бульварахъ и на улицахъ, у костровъ, огонь которыхъ поддерживался остатками разбитыхъ баррикадъ. Были разставлены столы и вино полилось рѣкой. Офицеры и солдаты старались перепить другъ друга и пламя костровъ освѣщало веселыя лица побѣдителей; вѣдь, кромѣ этого щедраго угощенія имъ приходилось получить еще и плату, да сверхъ того было обѣщано, что эта трехдневная баталія на улицахъ Парижа будетъ зачтена имъ, какъ военный походъ. Напротивъ, съ Марсова поля, съ Люксембурга и эспланады Инвалидовъ то и дѣло доносился звукъ ружейныхъ залповъ: тамъ цѣлыми дюжинами разстрѣливали плѣнниковъ. Въ полицейской-же префектурѣ, какъ сообщаетъ англичанинъ Кинглокъ (Kingleoke) въ своей „Исторіи 2 декабря“, а Ксавье Дюрье (Xavier Durrieux) подтверждаетъ въ качествѣ очевидца, избрѣли еще болѣе простой способъ отправлять людей на тотъ свѣтъ. Чтобы избѣжать всякаго шума, плѣннику скручивали назадъ руки, выволакивали во дворъ префектуры и здѣсь агентъ господина Мона ударомъ толстой дубины по головѣ убивалъ его, какъ быка.

Установить точно число жертвъ 4 декабря невозможно. Независимой прессы въ то время болѣе не существовало и сказать правду было опасно. Всѣмъ дѣломъ руководили исключительно сами-же убійцы, которые составляли списки убитыхъ

совершенно произвольно. Тѣмъ не менѣе, всетаки всплыли нѣкоторыя черточки этой картины, по которымъ можно составить хотя приблизительное понятіе о размѣрахъ бойни. Кинглокъ рассказываетъ, какъ одинъ полковникъ хвастался, что онъ съ своимъ полкомъ прикончилъ 2400 человекъ. А сколько, въ такомъ случаѣ, всѣ прочіе? Во всякомъ случаѣ, убійство считалось въ тотъ моментъ похвальнымъ воинскимъ дѣломъ, и жаждавшее повышеній офицерство старалось приписать себѣ такую массу убійствъ, какой на самомъ дѣлѣ и не было.

Префектъ полиціи Мопя еще во время самой борьбы отдалъ приказъ о производствѣ массовыхъ арестовъ, которые продолжались много дней и ночей, когда борьба была уже окончена. 8 декабря появился декретъ, которымъ въ видахъ общественнаго спокойствія всѣ члены тайныхъ обществъ и всѣ вообще подозрительныя лица назначались къ ссылкѣ въ Кайену или Алжиръ.

Жертвой этого декрета оказались всѣ республиканцы, какіе только были въ Парижѣ и во всей Франціи, остававшіеся вѣрными своимъ убѣжденіямъ и не желавшіе диктатуры наполеонида; въ одномъ Парижѣ дѣйствию этого декрета подпало 26000 человекъ.

Такъ Парижъ сталъ добычей пиратовъ. Но если столица и была растоптана,—вѣдь, жива была еще вся прочая Франція. Нужно было еще узнать, какъ приметъ государственный переворотъ страна.

Реакціонная Франція, находившаяся подъ вліяніемъ „умѣренныхъ“ — „партіи порядка“, — встрѣтила извѣстіе о событіяхъ въ Парижѣ съ нескрываемой радостью. Въ разгонѣ національнаго собранія и въ установленіи диктатуры Луи Наполеона тамъ увидѣли только одно: „общество спасено!“

Но на ряду съ этой Франціей существовала еще дѣйствительно демократическая Франція—*демократическая и социалистическая*, какъ она себя называла. Ей принадлежали цѣлые департаменты средней, восточной и южной Франціи, изъ которыхъ вышла Гора національнаго собранія. Вслѣдствіе преслѣдованія клубовъ, тамъ процвѣтали тайныя общества, которыя жаждали „красной Маріаны“ и всѣ свои надежды возлагали на выборы будущаго года. Государственный переворотъ уничтожилъ эти надежды. Народныя и крестьянскія возстанія вспыхнули тотчасъ же въ департаментахъ Ло и Гаронна, Жеръ, Варъ, Герольтъ, Нижнія Альпы, Ардешъ, Дромъ, Энъ, Юра. Шеръ, Аллье, Невръ, Юннъ, Сона и Луара и другихъ. Въ Кламеси (Невръ), въ Полиньи (Юра) и въ другихъ незначительныхъ пунктахъ республиканцы оказались на моментъ побѣдителями, но крупные города—Бордо, Тулуза, Марсель, Тулонъ, Монпелье и др.—находились подъ постоянной угрозой войскъ; извѣстія-же изъ Парижа окончательно подкосили мысль о возстаніи. Вожди увидѣли полную бесплодность борьбы и сами распорядились о разоруженіи своихъ силъ. Морни отлично зналъ, для какой цѣли была нужна ему бойня 4 декабря. Безъ

кроваваго подавленія Парижа пришлось-бы имѣть дѣло съ возстаніемъ во всей Франціи. Къ срединѣ декабря во всей странѣ царилъ снова „порядокъ“.

Попытки возстанія были очень на руку декабрьской бандѣ. Бонапартистскія газеты были насквозь пропитаны самой наглою ложью. Не было того преступленія, убійства или позорной непристойности, грабежа или поджога, которое эти газеты не приписали-бы тѣмъ, кто всталъ на защиту закона. „Добрые“ граждане вѣрили всякой небылицѣ и дрожали при мысли о той новой опасности, отъ каторой они еще разъ избавились благодаря геройскому выступленію „спасителей общества“ 2 декабря. Только позднѣе выяснилось, что картины тѣхъ жестокостей, которыя ставились въ вину демократамъ-соціалистамъ возставшихъ округовъ, были сплошной выдумкой Гранье-де-Кассаньяка и другихъ наемныхъ писаекъ, что въ дѣйствительности не было ни одного случая нарушенія права собственности, а убійства были только единичными случаями, когда озлобленная толпа платила одному жандарму за смерть многихъ изъ ея среды.

Порядокъ господствовалъ по всей Франціи, но это былъ порядокъ „террора“. Осадное положеніе было объявлено въ тридцати двухъ департаментахъ, а мѣсто обыкновенныхъ судовъ заняли военные трибуналы. Сажали въ тюрьму всякаго, въ комъ подозрѣвали демократа-соціалиста, на бѣглецовъ-же повстанцевъ была устроена въ лѣсахъ настоящая охота и выслѣженныя жертвы шли подъ разстрѣлъ. Люди порядка, землевладѣльцы и крупная буржуазія, спасавшіе бѣгствомъ свои животы во время возстанія, теперь наверстали съ излишкомъ за причиненное имъ безпокойство: они устроили настоящий спортъ изъ „охоты по краснымъ;“ они руководили солдатами въ ихъ поискахъ и помогали мучить пойманныя жертвы. Тогда, вѣдь, можно было убивать совершенно безнаказанно.

При такихъ условіяхъ происходило 20 и 21 декабря всенародное голосованіе. Армія, получившая столь блестящія доказательства благоволенія и щедрости „принца—президента“, какъ теперь сталъ называться Бонапартъ, сказала 318.469 „да“ и 42.487 „нѣтъ“. Въ общемъ Бонапартъ получилъ 7.439.216 утвердительныхъ отвѣтовъ и 646.737 отрицательныхъ. Нація заявила отреченіе отъ своихъ верховныхъ правъ и предоставила диктатуру въ руки Наполеона.

„Совѣщательной комиссіи“ было поручено заняться подсчетомъ полосовъ. 31 декабря въ Елисейскій дворецъ отправилась торжественная процессія и господинъ Барошъ, ея предсѣдатель, преподнесъ герою 2 декабря результатъ народнаго голосованія. На слѣдующій день, 1 января 1852 года, въ Нотр-Дамъ, кафедральномъ парижскомъ соборѣ, было устроено торжественное молебствіе, сопровождавшееся молитвой: *Domine, salvum fac Ludovicum Napoleonem* (Благослови, Господи, Людовика Наполеона). Въ тотъ-же день папа Пій IX передалъ ко-

мандированному въ Римъ французскому генералу свое посланіе, въ которомъ онъ заявлялъ свою признательность и ликованіе и призывалъ благословеніе небесъ на главу виновника счастливаго событія 2 декабря. Папа и церковь освящали клятвенное преступленіе и массовыя убійства.

Но дѣло было сдѣлано пока только еще на половину. Въ странѣ еще было много республиканцевъ, хотя частью и рассаженныхъ по тюрьмамъ. Нужно было обезвредить ихъ навсегда и для этой цѣли 8 декабря было издано особое распоряженіе. Въ департаменты, объявленные въ осадномъ положеніи, были посланы комиссары съ порученіемъ учредить повсюду смѣшанныя комиссіи, которыя устроили-бы скорый судъ надъ плѣнными. Какія задачи должны были выполнить эти проскрипціонныя комиссіи, можно судить по тому, что во главѣ ихъ стояли такіе фанатики насилія, какъ бывший полицейскій префектъ Карлье, затѣмъ—полковникъ Бернаръ, который, какъ замѣчаетъ Карль Марксъ, еще при Кавеньякъ спровадилъ въ ссылку безъ всякаго суда цѣлыхъ пятнадцать тысячъ инсургентовъ.

Приемы ихъ были столь жестоки и безпощадны, что, по словамъ консервативнаго историка Пьера де-ла-Горсъ, вышли даже изъ тѣхъ границъ, которыя соотвѣтствовали желаніямъ партіи порядка. Общественному мнѣнію страны бросался этимъ самый грубый вызовъ; кромѣ того, жалобы массы сочувствующихъ лицъ, не участвовавшихъ непосредственно въ процессѣ, были такъ настоятельны, что Бонапарту пришлось послать для ревизіи работъ смѣшанныхъ комиссій трехъ комиссаровъ, снабженныхъ чрезвычайными полномочіями. Этими ревизорами были: Канроберъ, устроившій бойню любопытствующей толпы, затѣмъ Эпинасъ, помогавшій государственному перевороту, и, въ качествѣ гражданскаго лица — Кантэнъ Бошаръ (Quentin Vauchard), бывший депутатъ, пользовавшійся незавидной славой за свой докладъ о майскомъ и іюньскомъ возстаніяхъ. Они устроили извѣстное, за ранѣе предписанное имъ число помилованій и смягченій наказанія, утвердивъ всѣ прочіе приговоры, отъ которыхъ зависѣла судьба сотенъ тысячъ лицъ. Такъ на гибели десятковъ тысячъ семей новый цезарь построилъ себѣ свою личную деспотію.

Все, что осталось отъ Франціи живого послѣ такой ампутаціи, говоритъ Кинглокъ, было осуждено на неизбѣжное угасаніе и деморализацію въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ. Излишне разсказывать сколько нибудь подробно, какъ эта деморализація проявилась уже въ теченіи 1852 года. 14 января Бонапартъ издалъ новую конституцію, которой уничтожался парламентарный режимъ; единственнымъ законодателемъ и отвѣтственнымъ главой государства становился онъ самъ, съ безотвѣтственнымъ, независимымъ отъ палаты министерствомъ, съ государственнымъ совѣтомъ, назначаемымъ самолично имъ, съ законодательнымъ учрежденіемъ, избраннымъ всеобщимъ голосованіемъ и, наконецъ, съ назначеннымъ

правительствомъ сенатомъ. Оба послѣднихъ учрежденія должны были открыть свои засѣданія 29 марта; Бонапартъ торопился использовать свою диктатуру для того, чтобы издать какъ можно больше законовъ, дѣлавшихъ его неограниченнымъ владыкой страны. Вся масса должностныхъ лицъ страны была поставлена въ самую непосредственную и безусловную зависимость отъ правительства, самостоятельность общинъ уничтожена и даже право выбора мэровъ было замѣнено назначеніемъ ихъ отъ правительства. Изъ рядовъ національной гвардіи изгонялся каждый, кто не могъ представить достаточныхъ доказательствъ своей благонамѣренности, причѣмъ право назначенія офицеровъ гвардіи было предоставлено префектамъ, а утвержденіе—главѣ государства. Несмѣняемость профессоровъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній была уничтожена; потерпѣла также существенныя ограниченія и несмѣняемость судей. Новый законъ о печати 17 февраля 1852 года дѣлалъ совершенно излишней возстановленную съ 2 декабря цензуру, такъ какъ онъ предоставлялъ правительству безусловное право на жизнь и смерть газеты. Такимъ образомъ, новому законодательному корпусу и сенату въ сессію 1852 года оставалось, кромѣ утвержденія бюджета, разрѣшить только одинъ единственный вопросъ: установить размѣръ цивильнаго листа президента республики на весь срокъ его правленія. Бонапартъ зналъ весьма хорошо, какъ велика сила денегъ и во время своего президенства чувствовалъ въ нихъ нерѣдко большой недостатокъ. Поэтому ничего не могло быть естественнѣе желанія обезпечить себя разъ навсегда съ этой стороны, и услужливый сенатъ единогласно установилъ размѣръ цивильнаго листа въ 12 милліоновъ франковъ; такимъ образомъ, благодаря государственному перевороту, доходы Бонапарта увеличились въ десять разъ. Уже въ январѣ 1852 года на французскомъ знамени былъ возстановленъ императорскій орелъ; вскорѣ послѣ этого на монетахъ появилось изображеніе Бонапарта, эмблема-же республики отходила все дальше и дальше въ прошлое. Теперь герою Страсбурга и Булони приходилось думать только о послѣднемъ актѣ трагикомедіи: о возстановленіи имперіи. Но самъ онъ не хотѣлъ взять инициативы въ этомъ дѣлѣ,—охрана республики противъ происковъ монархистовъ была провозглашена лозунгомъ государственнаго переворота. Нужно было, чтобы инициатива исходила отъ самого народа; объѣздъ Франціи—вотъ испытанное средство для того, чтобы услышать снова возгласы въ честь имперіи.

И дѣйствительно, совершенно независимо отъ дѣятельности Общества 10 декабря, Наполеона повсюду называли „возстановителемъ порядка“ и „спасителемъ общества“ и встрѣчали съ большимъ энтузіазмомъ криками: „да здравствуетъ императоръ!“

Въ концѣ своего путешествія, 10 октября, на торжественномъ обѣдѣ, устроенномъ бордосскими биржевиками, Бонапартъ уже самымъ недвусмысленнымъ образомъ заявилъ о

своей готовности пойти навстрѣчу голосу народа. Для успокоенія заграницы онъ прибавилъ къ этому свою знаменитую фразу: „Имперія—это миръ“.

Возвратившись въ Парижъ, Наполеонъ Бонапартъ созвалъ 4 ноября своихъ организованныхъ въ качествѣ сената лакеевъ и предложилъ имъ вопросъ о возстановленіи имперіи. 7 ноября было уже готово утвердительное рѣшеніе, вынесенное всѣми голосами противъ одного. Это рѣшеніе сената было предложено народу для утвержденія. Голосованіе послѣдовало 21 ноября и дало 7.824.189 „да“ и 253.145 „нѣтъ“. Такъ была возстановлена наслѣдственная имперія и октроированной конституціи 14 января 1851 года, оставленной теперь въ силѣ, предстояло такъ упрочить новую государственную форму, что разрушить ее могло только отпаденіе или уничтоженіе арміи.

Вечеромъ 1 декабря 1852 года государственный совѣтъ, сенатъ и законодательный корпусъ двинулись при свѣтѣ факеловъ въ Сень-Клу, чтобы извѣстить принца—президента о результатахъ народнаго голосованія.

На слѣдующій день, въ день первой годовщины государственнаго переворота, сынъ Гортензіи былъ объявленъ „милостію божіей и волею народа императоромъ французовъ“, подъ именемъ „Наполеона III“. Вмѣстѣ съ тѣмъ фактически давно уже погребенная вторая французская республика *исчезла* и по имени.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отъ второй имперіи до третьей
республики.

THE NEGATIVE

THE NEGATIVE

THE NEGATIVE

THE NEGATIVE

І. Почему пала вторая республика.

І. Историческое значеніе февральской революціи.

Французская революція 1848 г. развертывается предъ нами въ видѣ продолжительной реакціи, наступившей вслѣдъ за внезапнымъ подъемомъ. Послѣ радостнаго упоенія, наступаетъ непрерывный рядъ горькихъ разочарованій. Противорѣчіе между широкими надеждами, пробужденными февральской революціей, и ничтожными положительными ея результатами; между блестящей побѣдой, одержанной послѣ трехдневнаго доблестнаго сраженія на баррикадахъ, и безславнымъ пораженіемъ, наносимымъ врагомъ систематически въ теченіе трехъ лѣтъ,—придаетъ исторіи второй французской республики трагикомическій характеръ. Не мало насмѣшекъ сыпалось на нее. Рожденная въ упоеніи, она зачахла вслѣдствіе хроническаго похмѣлья,—вотъ какова ея исторія.

Тѣмъ не менѣе, она является важнымъ эпизодомъ въ исторіи, изученіе котораго еще въ наше время, можетъ быть, даже особенно въ наше время, представляетъ величайшую цѣнность. Какъ ни силенъ толчекъ, данный современному рабочему движенію парижской коммуной 1871 года, его нельзя сравнить, по силѣ размаха, разносторонности и непосредственности съ той встряской, которую произвела во всей Европѣ февральская революція 1848 года. Парижская коммуна представляетъ первое революціонное возстаніе новаго вѣка, на которое рабочей классъ наложилъ свою печать. Въ этомъ заключается ея историческое значеніе. Рабочимъ Парижа принадлежитъ въ этомъ возстаніи руководящая роль, и они сохраняютъ ее до конца. Въ этомъ отношеніи коммуна навсегда останется памятнымъ событіемъ въ исторіи. Въ остальномъ же, оцѣнивая сферу ея непосредственнаго вліянія, она была явленіемъ, изолированнымъ, какъ въ отношеніи географическомъ, такъ и психологическомъ. Возстаніе ограничилось, въ сущности, однимъ Парижемъ. Его главной задачей была борьба Парижа, какъ столицы, за свои права и требованія. Всѣ другія стороны жизни, даже декреты самой рабочей комиссіи, имѣютъ въ глазахъ коммуны второстепенное значеніе. Она не выдвигаетъ на первый планъ опредѣленныхъ общихъ идей; она добивается

права для Парижа диктовать остальной Франціи свои убѣжденія и свои иллюзіи. Почти случайно, идеи Парижа 1871 года, рядомъ съ безчисленными пережитками отъ временъ первой французской революціи, заключали въ себѣ и стремленія современнаго рабочаго движенія. Оцѣнивая возстаніе коммуны съ точки зрѣнія его руководящей идеи, можно считать его лишь эпизодомъ въ исторіи девятнадцатаго столѣтія.

Иное дѣло — февральская революція 1848 года. Хотя рѣшашія схватки происходили на баррикадахъ Парижа, тѣмъ не менѣе съ самаго начала она носитъ характеръ обще-національнаго движенія и является толчкомъ къ подобнымъ же народнымъ движеніямъ въ большей части остальной Европы. Парижане побѣдили, и четыре недѣли спустя, физиономія всей Европы измѣнилась: народы праздновали наступившую весну. Какъ ни быстро подняла голову реакція, какъ ни скоро, повидимому, оправились низверженныя правительства, имъ удалось возстановить только часть того, что было уничтожено въ февралѣ и мартѣ, отнять только часть того, что въ тѣ мѣсяцы было завоевано. Февральская революція оставила послѣ себя больше, чѣмъ только идейное наслѣдіе; она обновила основы всей общественной жизни средней Европы; она разрушила троны, которымъ никогда уже не суждено было воскреснуть; она породила политическіе принципы, прочно укрѣпившіе свое господство. Въ Пруссіи и Австріи многія феодальныя привилегіи навсегда сходятъ со сцены; вводятся и крѣпнуть основы конституціоннаго правленія; во Франціи провозглашается всеобщее избирательное право, съ введеніемъ котораго, по выраженію Лассаля, наступаетъ заря новой исторической эпохи. 24 февраля 1848 года возвращается, въ сущности, эра европейской демократіи.

Революціонный огонь, жертвой котораго сдѣлался іюльскій престолъ, озарилъ небо розовымъ цвѣтомъ. Республика была завоевана радикальной частью парижскаго населенія, но огромное большинство всего французскаго народа радостно привѣтствовало ее. Господство цензовыхъ избирателей всѣмъ одинаково надоѣло. Появленіе народа на политической аренѣ должно было положить конецъ системѣ подкупа, глубоко въѣвшейся при буржуазномъ королевствѣ во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Система политическихъ привилегій рушилась; вмѣсто 300000 цензовыхъ избирателей, было призвано 9 милліоновъ взрослыхъ французовъ опредѣлить направленіе и характеръ законодательства. Въ управленіи страной долженъ былъ участвовать весь народъ, безъ различія состоянія и положенія. Вся нація, всѣ покоющіяся въ ея нѣдрахъ силы призывались на общественную службу; ихъ дѣятельность, энергичное проведеніе ихъ желаній и стремленій должны были открыть новые пути общественному развитію, способствовать социальному возрожденію страны. Въ первыхъ декретахъ побѣдоносной февральской революціи вовсе не было надобности упоминать о правахъ рабочихъ, чтобы подчеркнуть социальный характеръ ея. Введеніемъ свободы печати и собраній, провозглашеніемъ

всеобщаго избирательнаго права принципиально была признана социальная эмансипация пролетариата. Отъ него самого отнынѣ зависѣло воспользоваться цѣлесообразно данными средствами и по мѣрѣ возможности осуществить завоеванные принципы.

Парижской коммунѣ 1871 г. приходилось защищаться отъ внѣшняго врага, стягивавшаго свои полки къ воротамъ столицы, чтобы завладѣть ею въ ближайшемъ будущемъ. Съ одного фланга надвигался сильный врагъ— пруссаки; съ другого угрожали противники, засѣдавшіе въ Версалѣ; при такомъ положеніи прежде всего приходилось думать о военной оборонѣ. Передъ этой необходимостью отступали на задній планъ всякія иныя мѣропріятія; не могло быть и рѣчи о внутреннемъ развитіи коммуны. Тиски, сковавшіе ея развитіе, давили чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе; съ другой стороны, ни одному изъ ея социальна-политическихъ мѣропріятіи не было суждено выдержать испытанія исторіи. Поэтому, примѣръ исторіи коммуны могъ бы быть поучительнымъ только для аналогичныхъ случаевъ, вѣроятность которыхъ не такъ велика въ ближайшемъ ходѣ развитія. Иное дѣло—февральская революція. Переживаемая всей нашіей, она могла развертываться безпрепятственно и естественно; тѣмъ болѣе, что сосѣднія державы были вполне поглощены своими собственными дѣлами. Трудно представить себѣ болѣе благоприятныя внѣшнія условія, чѣмъ тѣ, которыя выпали на ея долю. Не приходилось опасаться ни нападенія восточныхъ державъ, ни союза Питта; свобода дѣйствій не стѣснялась необходимостью соглашеній съ сосѣдними державами или осторожностью по отношенію къ заграницѣ. Ходъ февральской революціи былъ вполне нормальный: она разыгрывалась въ условіяхъ *свободы*.

Вотъ отчего исторія ея столь поучительна. Если въ будущемъ еще случатся взрывы революціоннаго возстанія, то при современномъ состояніи социального развитія Европы, можно съ увѣренностью предсказать: во-первыхъ, они будутъ развиваться по національной скалѣ, а во-вторыхъ они будутъ настолько международны, что ни одно правительство не сочтетъ для себя безопаснымъ вмѣшаться въ дѣла другой страны съ цѣлью поддержать въ ней контръ-революцію. Побѣдоносное народное возстаніе благодаря этому приобрѣтетъ широкій просторъ—или возможно полнѣе использовать плоды своихъ побѣдъ, или рядомъ ошибокъ вызвать контръ-революцію въ собственной странѣ.

Использовала-ли февральская революція во Франціи съ достаточною полнотою положеніе вещей? Придерживаясь взгляда на исторію, признающаго извѣстную закономерность въ ея развитіи, можно отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Послѣдователи этого взгляда стараются все, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ второстепенныхъ явленій, ставить на счетъ исторической необходимости. Однако, если и справедливо, что субъективная воля—какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и партій—находится въ зависимости отъ социальныхъ законовъ,

то самостоятельное значеніе ея несравненно шире, чѣмъ обычно принято думать. Для исхода революціи не безразлично, стоитъ ли во главѣ ея партіи Кромвель или лордъ Эссексъ. Іюньское сраженіе могло быть и не быть, смотря по тому, кто были вожаки революціоннаго народа—краснобаи-фантазеры или дальновидные политики. Никто не станетъ утверждать, что іюньское сраженіе было вызвано исторической необходимостью, точно также, какъ нельзя утверждать, что 1848 годъ долженъ былъ окончиться побѣдой революціоннаго социализма. Общественные дѣятели наталкиваются на обстоятельства, преодолѣть которыя часто невозможно, но, несмотря на это, они, по выраженію Маркса, дѣлаютъ свою исторію. Если бы дѣло обстояло иначе, все изученіе исторіи имѣло бы лишь лѣтописную цѣнность, вся общественная наука была бы лишь забавой.

Побѣда революціоннаго социализма въ 1848 г. была во Франціи невозможна. Тѣ, которые не хотѣли этого видѣть, обречены были на пораженіе, также точно, какъ разбиты были чартисты въ гораздо дальше ушедшей впередъ Англіи. Паденіе буржуазной республики, беспощадное подавленіе ея Луи Бонапартомъ было вовсе не столь неизбѣжно необходимымъ. Въ самомъ фактѣ и способѣ подавленія играли большую роль промахи однихъ и ловкія интриги другихъ.

Карлъ Марксъ въ двухъ статьяхъ такъ мастерски нарисовалъ картину развитія февральской революціи, что для социалистовъ является почти излишнимъ еще разъ братья за обработку этого вопроса. Но какія бы глубокія мысли ни дали намъ „Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1851 гг.“ и „18-е брюмера Луи Бонапарта“, какія-бы важныя указанія мы въ нихъ ни нашли, нельзя назвать все-таки излишней болѣе подробную исторію февральской революціи. Обѣ статьи Маркса возникли по случайному поводу, написаны для современниковъ, лично переживавшихъ, хотя бы отчасти, событія и живо сохранившихъ въ памяти ихъ фактическую сторону. Въ статьяхъ Маркса дѣлаются выводы изъ фактовъ, но изложенія самихъ фактовъ нѣтъ; это—критика, а не объективное описаніе событій; это—анатомическіе комментаріи, но не пластическое картинное изложеніе. Стоя неизмѣримо выше обычнаго партійнаго писателя, Карлъ Марксъ въ своей критикѣ все же не покидаетъ точки зрѣнія активнаго члена партіи, борца, въ душѣ котораго не могла заглохнуть буря, вызванная критикуемыми имъ событіями; онъ лично выступалъ противникомъ лицъ, о которыхъ ему приходится писать; онъ продолжалъ бороться съ ними даже въ изгнаніи. Требовать при такихъ обстоятельствахъ отъ Маркса объективности безпристрастнаго историка, лично незаинтересованнаго, для котораго сторонники и противники его взглядовъ являются равноцѣнными фигурами, значило бы предъявить къ нему требованіе, котораго онъ не могъ и не захотѣлъ бы исполнить. Лица и партіи, описанныя имъ, могли завтра снова выступить на сцену; онъ задался цѣлью дать картину ихъ промаховъ и преступленій,

раскрыть ихъ виновность въ неудачахъ революціи. Принимая во вниманіе эти условія, мы съумѣемъ лучше оцѣнить творенія Маркса и не ставить ему въ вину, если они нуждаются въ дополненіи.

Мы увидимъ, однако, что еще въ другомъ отношеніи данную Марксомъ критику въ настоящее время надо считать недостаточной.

2. Февральская республика и революціонный социализмъ.

Въ предисловіи къ „Классовой борьбѣ“ Фридрихъ Энгельсъ откровенно сознается, что, какъ Марксъ, такъ и онъ значительно переоцѣнили степень достигнутого въ 1848 г. общественнаго развитія и быстроту его хода; ихъ взглядъ, что ближайшій кризисъ вызоветъ новую революцію и въ цѣломъ рядѣ неизбѣжныхъ сраженій между буржуазіей и враждебными ей классами пролетаріатъ будетъ играть роль рѣшающей силы, по его собственному признанію, проистекалъ отъ неправильной оцѣнки экономического положенія. Они недостаточно выяснили себѣ, что „состояніе экономического развитія на континентѣ еще далеко не созрѣло для возможности паденія капиталистическаго производства“. Другими словами, Марксъ и Энгельсъ не были заражены такимъ оптимизмомъ, какъ большая часть французскихъ социалистовъ, но они все же возлагали на революцію больше надеждъ, чѣмъ слѣдовало при данномъ экономическомъ развитіи. Въ зависимости отъ объективной оцѣнки момента и обусловленнаго имъ соотношенія различныхъ классовъ общества, составляется и сужденіе о субъективныхъ тактическихъ пріемахъ. Это соотвѣтствіе вполне естественно, когда критикомъ является человѣкъ съ столь послѣдовательнымъ теоретическимъ мышленіемъ, какъ Марксъ. Считаая капиталистическое общество близкимъ къ паденію, онъ отрицательно относился къ тому, что осуждалъ бы менѣе рѣзко, если бы зналъ, какую огромную работу еще предстояло совершить капитализму, начиная съ 1848 года. Современный историкъ-социалистъ, многимъ обязанный данному Марксомъ образцовому анализу силъ, вызвавшихъ февральскую революцію, можетъ принять безъ оговорки только тѣ изъ его выводовъ, на которые не повліяли его ошибочныя гипотезы.

Никто не сумѣлъ вѣрнѣе Маркса оцѣнить соотношение силъ различныхъ классовъ во Франціи при возникновеніи февральской революціи; никто не сумѣлъ съ большей ясностью понять значеніе, которое имѣло это соотношеніе, когда складывалась молодая республика. Революція противъ буржуазнаго королевства вовсе не было возстаніемъ пролетарскихъ массъ противъ буржуазнаго строя; это было возстаніе пролетаріата

въ соединеніи съ широкой массой самой буржуазіи противъ высшаго ея слоя; возмущеніе промышленныхъ классовъ противъ господства финансовой аристократіи. Пролетаріатъ далеко не былъ самымъ сильнымъ изъ классовъ, недовольныхъ денежной буржуазіей; исключая столицы, онъ всюду являлся самымъ малочисленнымъ классомъ „почти незамѣтной группой среди крестьянъ и мелкой буржуазіи“. Борьба наемнаго рабочаго съ промышленнымъ капиталистомъ во Франціи 1848-го года была „явленіемъ частнымъ“ и не могла вліять на ходъ и характеръ народной революціи. Увѣренность социалистовъ рабочихъ, что съ установленіемъ февральской республики уничтожалось господство буржуазіи, вытекала изъ смѣшенія финансовой аристократіи съ буржуазіей. Въ этихъ предѣлахъ критику Маркса надо признать неоспоримой, также, какъ и выводъ, что въ ходѣ революціи иллюзіи, вытекавшія изъ подобнаго смѣшенія, разбивались одна за другой. Подобныя иллюзіи питаль, однако, не только пролетаріатъ. Къ непролетарскимъ элементамъ, переоцѣнивавшимъ значеніе февральской революціи, принадлежатъ и социалисты-революціонеры изъ всѣхъ классовъ населенія, организованные въ тайные союзы до февраля и преобладавшіе позднѣе въ революціонныхъ клубахъ. Марксъ почти ничего не говоритъ о значеніи этихъ клубовъ; описывая 15-е мая онъ просто называетъ Бланки и его друзей истинными вожаками пролетарской партіи.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ тексту настоящей книги мы уже высказывали сомнѣніе, можно ли Бланки и его приверженцевъ считать истинными представителями французскаго пролетаріата 1848 года. „Республиканскій центральный союзъ“ пользовался, безъ сомнѣнія, сильнымъ вліяніемъ среди рабочаго населенія Парижа и большая часть членовъ союза были рабочіе. Но какъ это вліяніе, такъ и убѣжденіе, что конечную цѣль учрежденія социальной республики составляетъ освобожденіе пролетаріата, раздѣлялись съ нимъ и многими другими клубами и не даетъ еще исключительнаго права на этотъ титулъ именно ему. Недостаточно также и того обстоятельства, что сравнительно съ прочими клубами союзъ бланкистовъ заключалъ въ себѣ наиболѣе живые и дѣятельные элементы. Судя по ближайшимъ задачамъ, къ которымъ была направлена его дѣятельность, его скорѣе всего можно считать исключительно радикально-политическимъ клубомъ, но въ немъ, какъ и во многихъ другихъ клубахъ 1848 года, цѣли и поступки весьма мало соотвѣтствовали другъ другу. Онъ отличаяся не цѣлями и составомъ отъ прочихъ союзовъ, а только организаціей и личностью руководителя. Союзъ бланкистовъ можно считать развѣ только одною изъ наиболѣе вліятельныхъ организацій пролетарской партіи 1848 года, но едва ли самой партіей пролетаріата.

Сильное вліяніе, которымъ пользовались социально-революціонные клубы и ихъ офицерскій штабъ, состоящій изъ идеологовъ и авантюристовъ всѣхъ слоевъ общества, среди

рабочихъ Парижа, объясняется именно тѣмъ, что *настоящей рабочей партіи еще вовсе не существовало, что она находилась еще въ зачаточномъ состояніи*. Дальнѣйшая исторія показала, что партія Бланки *не была способна* развиться въ подобную рабочую партію. Бланкисты почти игнорировали специально трудовые интересы; они мало вникали въ экономическую сторону рабочаго движенія и смотрѣли даже враждебно на едва зарождавшееся профессиональное движеніе и возникновеніе товариществъ.

Между рабочими, сторонниками Люксембургской комиссіи, и рабочими, состоявшими въ клубахъ, съ самаго начала существовало разногласіе, проявлявшееся въ различныхъ формахъ и оттѣнкахъ на протяженіи всей исторіи социалистическаго рабочаго движенія въ Франціи. По нашему мнѣнію именно Люксембургъ, т. е. Луи Блана и его приверженцевъ, а не бланкистовъ, слѣдуетъ считать центромъ французскаго рабочаго движенія въ 1848 г., ядромъ пролетарской партіи. Конечно, въ Люксембургѣ господствовало большое доктринерство; тамъ теоретизировали и мудрствовали въ то время, какъ въ клубахъ занимались ѣдкой критикой злободневной политики, но это, въ сущности не мѣняетъ дѣла. Такое мудрствованіе и неопредѣленность тактики вполнѣ соответствовали экономическому положенію парижскихъ рабочихъ, не освободившихся еще большею частью отъ мелкой промышленности. Марксъ признаетъ это и говоритъ: „И все же стремленія парижскаго пролетаріата, хотя и выходяшія изъ рамокъ буржуазной республики, не могли вылиться въ иную форму кромѣ туманнаго Люксембурга“. („Классовая борьба“, стр. 27). Но наряду со всевозможными „туманными“ проэктами, Люксембургъ выработалъ цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ для поднятія экономическаго положенія рабочихъ; его утопизмъ не достигалъ такихъ размѣровъ, какъ въ клубахъ, гдѣ воображали, что нападеніемъ врасплохъ можно свергнуть не только правительство, но и перевернуть весь общественный строй. Вожаки Люксембурга были дальновиднѣе; Альберъ (Albert), Видаль (Vidal), Пеккеръ (Pecqueur), Бланъ (Blanc), Консидеранъ (Considerant) и ихъ послѣдователи—рабочіе изучали реальныя условія и строили на нихъ свою дальнѣйшую программу. Въ клубахъ, наоборотъ, обращались къ прошлому и черпали вдохновеніе въ прошломъ, стараясь во всемъ подражать героямъ великой французской революціи. Соціалисты „Люксембурга“, какъ и большинство выдающихся французскихъ социалистовъ того времени—кромѣ вышеупомянутыхъ, еще Сабет (Cabet), Леру (Leroux), Прудонъ (Proudhon) и др.,—старались избѣгать всякихъ стычекъ между буржуазіей и рабочими, они благоразумно говорили, что при данныхъ условіяхъ стычки для рабочихъ бесполезны, а для молодой республики вредны. Какъ мы видѣли, и Бланки не рѣшался чрезмѣрно раздувать антагонизмъ. Но въ клубахъ революціонная фраза брала надъ нимъ верхъ. Роковая демонстрація 15 мая была назначена помимо его воли и желанія;

въ первую минуту она внушила смертельный ужасъ только что собравшимся депутатамъ, но скоро они увидѣли всю беспочвенность претензій социалистовъ-революціонеровъ. „Не поступайте такъ, какъ ослѣпленные клубисты“, нѣсколько дней до этого взывалъ къ нимъ Прудонъ въ „Народѣ“ (Peuple). „Демонстрація должна быть мирной и не трогать національнаго собранія“, требовалъ Бланки. Въмѣсто этого въ залу собранія ворвались силой, терроризируя депутатовъ, провозгласили новое временное правительство и даже объявили распущеннымъ національное собраніе, а совершивъ всѣ эти великія дѣла, разбѣжались, какъ напраказившіе школьники*).

Опубликованный 14 іюля полицейской префектурой списокъ лицъ, арестованныхъ по дѣлу 15 мая, насчитываетъ кромѣ 45 членовъ „партіи Барбэ“—въ то время социалисты-революціонеры въ клубахъ были извѣстны подъ этимъ общимъ именемъ—36 легитимистовъ и 58 бонапартистовъ. Было бы совершенно ошибочно считать это численное отношеніе соответствующимъ отношенію общаго числа участниковъ манифестаціи. Большинство демонстрантовъ несомнѣнно были недовольные республиканцы, но участвовало и значительное число членовъ антиреволюціонныхъ организацій. Изъ 45 членовъ, принадлежавшихъ по списку къ „партіи Барбэ“, было около 30 лицъ буржуазныхъ профессій (писатели, врачи, купцы, чиновники), семь чловѣкъ, званіе которыхъ не указано, и *всего 5 или 6 рабочихъ!* И въ этомъ случаѣ, конечно, пропорція не соответствуетъ отношенію во всей массѣ участвовавшихъ въ демонстраціи членовъ революціонныхъ клубовъ; отношеніе арестованныхъ непролетаріевъ къ арестованнымъ пролетаріямъ соответствуетъ, однако, отношенію обоихъ элементовъ въ совѣтѣ или въ комитетахъ членовъ революціонныхъ клубовъ. Итакъ, если даже большая часть парижскихъ рабочихъ и примкнула къ манифестаціи—официально названной мирной демонстраціей въ знакъ сочувствія къ Польшѣ,—то это еще не значитъ, что это была революціонная манифестація парижскаго пролетаріата противъ буржуазнаго національнаго собранія. Вѣдь, въ то время все мало мальски революціонно настроенное выступало подъ именемъ пролетаріата.—Такъ создалось то двойственное положеніе, которое вызвало іюньскую битву. Вслѣдствіе слабо выраженныхъ классовыхъ

*) О революціонерѣ Гюберѣ (Huber), объявившемъ 15-го мая національное собраніе распущеннымъ, Луи Бланъ рассказываетъ, а другіе историки подтверждаютъ, что, будучи заключеннымъ по политическомъ дѣлу при Луи Филиппѣ, онъ добивался освобожденія дѣною предательства: тотъ же Гюберъ, арестованный въ другой разъ, въ январѣ 1852 г. подалъ просьбу о помилованіи Луи Бонапарту, обѣщая признать имперію. Несмотря на эти факты, потомъ онъ отстаивалъ чистоту своихъ поступковъ; обѣщаніе открытыя участниковъ дѣла будто бы было вызвано желаніемъ поиздѣваться надъ тѣми, кто держалъ его въ тюрьмѣ, и невозможностью выносить дальне заключеніе. Онъ, кажется, дѣйствительно не былъ предателемъ въ обычномъ смыслѣ слова. Нравственно безвольный, онъ поддавался всякому импульсу. И именно люди такого рода играли въ клубахъ крупную роль!

противорѣчій, смутно сочувствовавшіе республикѣ депутаты изъ провинці отождествляли рабочее движеніе съ дѣятельностью революціонныхъ клубовъ и стали, поэтому, относиться къ парижскимъ рабочимъ все враждебнѣе. Послѣ 15 мая посыпались упреки на Луи Блана, нападки на партію Люксембурга, въ сущности болѣе другихъ радикальныхъ партій Парижа склонную къ компромиссамъ.

3 Затруднительное положеніе временнаго правительства.

Составъ населенія и состояніе промышленнаго развитія въ 1848 г. не допускали иной республики кромѣ буржуазной, для которой, однако, всякое временное затрудненіе было невыносимымъ. Торговля и промышленность были разстроены—вѣдь, кризисъ тянулся уже нѣсколько мѣсяцевъ—банкротства слѣдовали одно за другимъ, общественный и частный кредитъ былъ подорванъ. Правительство Луи Филиппа оставило республикѣ значительный дефицитъ, а смѣлый проэктъ прибѣгнуть къ объявленію государственнаго банкротства, чтобы совсѣмъ или отчасти избавиться отъ долговъ, слѣданныхъ предшествующимъ правительствомъ, казался членамъ временнаго правительства слишкомъ рискованнымъ, и они имъ не воспользовались. Трудно сказать, помогло ли бы это средство улучшить финансовое положеніе страны. Во всякомъ случаѣ никакъ нельзя было ожидать, что и помимо подобной операціи и несмотря на намѣреніе успокоить капиталистовъ посредствомъ уплаты купонновъ государственныхъ займовъ до истеченія срока, курсъ государственныхъ бумагъ вскорѣ упадетъ такъ низко, какъ едва ли онъ могъ бы пасть, если бы даже республика отсрочила уплату процентовъ или уменьшила процентъ впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія. Колебанія цѣнностей на парижской биржѣ выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Акціи французскаго банка	Бумаги 5-ти процентнаго государственнаго займа	Бумаги 3-хъ процентнаго государственнаго займа
23-го февраля 1848 г.	3180 фр.	116,40	73,80
7-го Марта.	2400 „	89,00	56,00
15-го Марта.	1300 „	65—69	48,45
5-го Апрѣля	1080 „	50,00	33,00

Изъ этихъ цифръ видно, какое плачевное и безвыходное было положеніе временнаго правительства. Все, что оно ни предпринимало для успокоенія финансоваго міра, имѣло обратные результаты. При его вступленіи въ кассѣ имѣлось

192 миллиона франковъ и ежемѣсячныи расходъ достигалъ до 125 миллионѡвъ франковъ. Оно отказалось отъ цѣлага ряда доходныхъ статей (налога на соль, штемпельнаго сбора съ газетъ, питейнаго налога) и взяло на себя множество новыхъ расходовъ. Попытка сдѣлать заемъ за своей отвѣтственностью не удалась; за то банковые кредиторы буквально осаждали всѣ банки; вкладчики бросились въ сберегательныя кассы и требовали выдачи вкладовъ. Все ближе надвигался день, когда временное правительство будетъ вынуждено прекратить платежи. Въ этотъ критическій моментъ министру Гарнье Паже (Garnier Pagés), взявшему на себя управление финансами послѣ крайне нерѣшительнаго Гудшо (Goudchaux), пришла мысль увеличить доходы посредствомъ добавочнаго налога сверхъ существовавшихъ уже четырехъ прямыхъ налоговъ. Это мѣропріятіе вызвало чрезмѣрныя нападки. Правительство несомнѣнно совершило политическую ошибку, не согласившись на предложеніе Луи Блана и Ледрю Роллена, поддержанное Дюпонъ-де-Леромъ, освободить нисшіе платежныя слои отъ бремени добавочнаго налога *). Было бы сильнымъ преувеличеніемъ сказать, что этимъ налогомъ крестьяне были принесены въ жертву буржуазіи. Тамъ, гдѣ онъ взимался съ бѣднѣйшихъ крестьянъ, это было противъ намѣренія законодателей и противорѣчиво принципамъ, положеннымъ въ его основаніе. Налогъ былъ введенъ на земельную собственность, и въ общемъ эта цѣль была достигнута. Намъ хорошо извѣстно, какъ средніе и крупныя землевладѣльцы любятъ играть роль неимущихъ крестьянъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы избавиться отъ нежеланнаго налога. Когда правительство употребило часть добытыхъ такимъ способомъ денегъ на устройство въ провинціальныхъ центрахъ ссудныхъ кассъ для оказанія кредита стѣсненной торговлѣ и промышленности, реакціонныя землевладѣльцы и за ними вся масса крестьянъ, какъ платящихъ, такъ и не платящихъ налогъ, закричали: „Городамъ отдается то, что принадлежитъ деревнѣ“. Въ этомъ противопоставленіи каждый земельный собственникъ, хотя бы владѣющій стотысячной рентой, считалъ себя земледѣльцемъ — „Jacques Bonhomme“.

*) Предложеніе было отклонено по мотивировкѣ, что въ рядахъ землевладѣльцевъ, уплачивающихъ налогъ по нисшему разряду, находится много состоятельныхъ людей, и большая или меньшая обременительность налога зависитъ лишь отъ личныхъ обстоятельствъ. Въ виду этой, брзспорно правильной, точки зрѣнія мѣстными управленіямъ были даны инструкціи освобождать несостоятельныхъ отъ добавочнаго налога, при чемъ доходъ съ даннаго налога былъ вычисленъ на 30 миллионѡвъ меньше того, который долженъ бы былъ получиться при взиманіи налога со всѣхъ безъ исключенія. Однако, мѣстныя управленія часто дѣлали обратное тому, что имъ предписывалось правительственными циркулярами, и если даже дѣйствовали въ смыслѣ циркуляровъ, то рѣшенія ихъ подавали много поводовъ къ недоразумѣніямъ. Тѣ, которымъ отказывали въ освобожденіи стѣмалога даже основательно, выражали все-таки протесты. Общимъ распоряженіемъ освободить отъ налога всѣ низшіе классы удалось бы избѣжать лишняго шума и избавить молодую республику отъ ожесточеннѣйшихъ нападокъ..

Временное правительство не нашло среди земледельческаго населенія ни одного класса, интересамъ котораго отвѣчала бы побѣда „соціальной республики“, каковой она была провозглашена въ февралѣ. Она не собиралась надѣлать крестьянъ землей, какъ было послѣ революціи 1789., между тѣмъ около 25% землевладѣльцевъ были зажиточные крестьяне, настроенные противъ всякаго коллективизма. Поденщикамъ и безземельнымъ крестьянамъ бросили подачку, избавивъ ихъ отъ налога на соль; но благодаря разбросанности крестьянскаго населенія и по общему положенію дѣлъ, невозможно было разсчитывать на нихъ въ борьбѣ съ среднимъ и крупнымъ крестьянствомъ. Среди городского населенія тоже не было такого класса, ка который временное правительство могло бы опереться. Буржуазія его считала слишкомъ социалистическимъ; для социалистовъ-рабочихъ оно было слишкомъ буржуазно; хотя часть изъ нихъ была достаточно тактична и не ставила препятствій дѣятельности правительства, но болѣе возбудимые рабочіе группировались вокругъ революціонныхъ клубовъ. А въ нихъ, какъ говоритъ совершенно расположенный къ революціонерамъ Ипполитъ Кастиль (Hippolite Castille), „парламентски“ царила богиня глупости. „Просто невѣроятно, сколько благоглупостей могли наболтать эти люди въ теченіи немногихъ недѣль“, продолжаетъ онъ: „словесные міазмы худшаго сорта отравляли воздухъ“. Клубы вели себя, какъ истинные повелители страны, и они дѣйствительно пользовались сильнымъ вліяніемъ, именно, въ первый, самый важный періодъ республики—они терроризировали общественное мнѣніе Парижа. Кромѣ тѣхъ клубовъ, въ которыхъ защищали свои теоріи социалисты — доктринеры (Кабэ, фаланстерьянцы и другіе) и которые по крайней мѣрѣ не компрометтировали республику*), демократическо-республиканскіе клубы служили ареной для агентовъ различныхъ членовъ правительства и кандидатовъ въ него. Главнымъ образомъ это можно сказать о центральномъ учрежденіи, столь извѣстномъ „клубъ клубовъ“. Нѣкоторые члены временнаго правительства изъ имѣвшихъ въ ихъ распоряженіи суммъ оказывали ему тайную поддержку—говорятъ, онъ получилъ всего свыше 160000 франковъ, но эти деньги скорѣе компрометтировали республику, чѣмъ дѣлали ее популярной. Агенты, которыхъ клубъ посылалъ въ провинцію, говорили смѣшнымъ, хвастливымъ языкомъ, даже въ Парижѣ людямъ морочили голову воспоминаніями 1793 г. „Клубъ клубовъ“ собирался въ послѣобѣденное время,

*) Г. Люксъ (Н. Лух) въ своей интересной книгѣ о Кабэ (Штутгартъ, Дицъ) упрекаетъ послѣдняго, что онъ послѣ февраля сталъ проповѣдывать своимъ приверженцамъ «квіетизмъ» и этимъ сильно способствовалъ неудачѣ іюньскаго возстанія. Онъ основывался на томъ, что Кабэ совѣтовалъ не ожидать отъ республики немедленнаго осуществленія коммунизма, поддерживать пока временное правительство и быть прежде всего хорошими республиканцами. «Квіетизмъ» Кабэ заключался въ томъ, что онъ, независимо отъ своихъ икарійскихъ плановъ, отстаивалъ энергично политическія и экономическія реформы и мало надѣялся на баррикады.

а по вечерамъ его члены расходились по отдѣльнымъ клубамъ и здѣсь выкладывали всю свою мудрость. Невѣжество „клуба клубовъ“, пишетъ Кастиль, „освѣщалось лишь отраженіемъ событій 1793 г. Но править только на основаніи воспоминаній невозможно. Эта организація, могущая быть сильнымъ оружіемъ въ рукахъ нѣсколькихъ опытныхъ людей, послужила, благодаря дѣтскому, нелѣпому руководительству, лишь къ увеличенію созданнаго положеніемъ дѣлъ замѣшательства“. Подобное мнѣніе высказываетъ и Даніэль Стернъ. А Прудонъ въ „Leurle“ отъ 29-го Апрѣля настоятельно предостерегаетъ рабочихъ отъ превратныхъ понятій, внушаемыхъ клубами. „Парламентская лихорадка овладѣла всѣми. Въмѣсто одной ораторской трибуны у насъ явилось десять тысячъ и какого сорта! Какое неслыханное злоупотребленіе даромъ слова!

— Каждый говоритъ, какъ Демосфенъ, а аргументація ихъ похожа на аргументацію Лапалиса (Lapalisse)...

Рабочіе, не въ клубахъ сражайтесь противъ частной собственности; выступайте въ своихъ мастерскихъ, на рынокѣ (!). Скоро мы съ вами будемъ изучать эту новую стратегію. Политику и краснорѣчіе предоставьте буржуазіи. Искусныя разглагольствованія въ клубахъ васъ ничему не научатъ“.

По обыкновенію, Прудонъ здѣсь нѣсколько увлекается, но все же онъ попалъ въ точку. Хотя его „стратегія“ — его проектъ кредитнаго и мѣноваго банка — также мало подходила для рабочихъ, нужно, однако, признать, что, по крайней мѣрѣ, по намѣреніямъ, этотъ проектъ соотвѣтствовалъ требованіямъ времени. Онъ стремился оживить обмѣнъ и этимъ дать толчекъ къ росту производства. Въ клубахъ, наоборотъ, старались всячески напугать дѣловой міръ и обострить наступившій кризисъ. Думали такимъ способомъ подвинуть дѣло революціи, а на дѣлѣ вогнали ее въ русло контръ-революціи. Наступательное движеніе должно совершаться умно и осмотрительно, иначе оно достигнетъ обратныхъ результатовъ.

Клубы лишь на словахъ защищали интересы пролетаріата. На дѣлѣ они порождали революціонное донкихотство. Какъ далеки они были отъ дѣйствительности, можно судить уже по тому, что тамъ совершенно серьезно думали, что палату, созданную на основаніи всеобщаго избирательнаго права, можно будетъ распустить, когда угодно, если она не понравится парижскому „народу“.

Итакъ, если Марксъ, такъ мѣтко объяснившій неразвитость французскаго пролетаріата въ 1848 г. неразвитостью экономическихъ отношеній, отсталостью ихъ видитъ все же въ клубахъ представителей рабочаго класса, то это является противорѣчіемъ. Хотя оно и объясняется Энгельсомъ ошибкой, которую они сознали потомъ, но это именно такое противорѣчіе, о которомъ въ наше время нельзя умолчать. Радикализмъ клубовъ нисколько не руководился ближайшими интересами рабочаго класса; политика ихъ вытекала не изъ этихъ интересовъ, а изъ иллюзій и честолюбія руководителей клубовъ.

бовъ, большею частью вовсе не вышедшихъ изъ класса пролетаріата.

„Общественный и частный кредитъ“, говоритъ Марксъ въ „Классовой борьбѣ“, „являются экономическимъ термометромъ, которымъ можно измѣрять интенсивность революціи“. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но дальше Марксъ продолжаетъ: „Въ той мѣрѣ, какъ они падаютъ, растетъ энергія и плодотворность революціи“, это уже въ большой степени зависитъ отъ того обстоятельства, заключается ли въ себѣ хозяйственный хаосъ благоприятную почву для созданія новыхъ жизнеспособныхъ общественныхъ формъ. Именно въ современномъ обществѣ съ его запутанными соотношеніями, съ сильной взаимной зависимостью различныхъ областей производства, подобный взглядъ представляется слишкомъ упрощеннымъ. Бываютъ условія, когда рабочимъ выгодно остановить на время „всѣ колеса“, но не въ ихъ интересахъ, чтобы эти колеса заржавѣли.

4. Ложныя отношенія классовъ другъ къ другу.

Революція 1789 г. началась съ утвержденія господства конституціонной буржуазіи, которую смѣняли затѣмъ одна за другой все болѣе радикальныя фракціи до 1794 г., когда произошелъ поворотъ. Февральская революція 1848 г. началась съ того, что было наиболѣе блестящимъ моментомъ великой революціи, а по данному составу населенія всей страны должно было явиться высшей формой правленія,—съ правительства, состоявшаго изъ представителей передовыхъ буржуазныхъ партій и рабочаго класса. *Реакціонерами* являлись не умѣренные социалисты, видѣвшіе и понимавшіе данныя условія и приглашавшіе поэтому своихъ приверженцевъ поддерживать временное правительство, а Донъ-Кихоты и Dulcamaras революціи, болтавшіе въ клубахъ о повтореніи хода великой революціи и сбивавшіе парижскихъ рабочихъ съ толку своими вѣчными ссылками на 1793 годъ. Взволнованная и безъ того продолжительнымъ кризисомъ, буржуазія выходила изъ себя отъ рѣчей и статей клубныхъ свѣтилъ, смѣшивала въ одну кучу и проклинала социалистовъ всѣхъ оттѣнковъ. Кровавое столкновение становилось неизбежнымъ. Но слѣдуетъ твердо помнить, что его вызывали не *истинные интересы пролетаріата*.

Очень основательно Марксъ говоритъ: „Желаніе насильственно свергнуть буржуазію не вытекало у пролетаріата изъ непосредственно сознанный потребности, да онъ и не доросъ до этой задачи“. То обстоятельство, что іюньское возстаніе было совершено парижскимъ пролетаріатомъ подъ давленіемъ бур-

жуазіи, уже заранѣе обрекало его на неудачу. Это „насиліе“ произошло, однако, при особенныхъ условіяхъ.

Упраздненіе національныхъ-мастерскихъ и способъ, какимъ это дѣло приводилось въ исполненіе, несомнѣнно были образомъ безтактности, а при напряженности момента могли лишь служить вызовомъ. Но этотъ актъ далеко не былъ случайнымъ, онъ представлялъ лишь звено цѣлой цѣпи провокацій и контръ-провокацій, причемъ личныя интриги, тщеславіе и авантюристская конспирація играли не меньшую роль, чѣмъ дѣйствительныя классовыя противорѣчія. Рядомъ съ интересами и предразсудками классовыми сталкиваются интересы индивидуальныя и групповыя и обостряютъ взаимныя отношенія. Когда парижскому рабочему черезъ ружейныя пули пришлось научиться правильному пониманію положенія вещей, тогда онъ долженъ былъ также увидѣть, что „диктатура пролетаріата“ еще долгое время немислима, но та „истина, что всякое улучшеніе положенія рабочаго при буржуазной республикѣ остается утопіей“ (Марксъ) осталась для него неясной. Въ этомъ пунктѣ Марксъ и самъ долженъ былъ сознать ошибочность догмы социаль-революціонеровъ того времени, что онъ и сдѣлалъ позднѣе въ Англии.

Неистовство клубовъ обострило до крайнихъ предѣловъ дѣловой кризисъ. Всѣ предпріятія остановились, довѣріе дѣльцовъ было окончательно подорвано. Наплывъ въ національныя мастерскія становился все сильнѣе. Убѣжища безработныхъ сдѣлались мѣстомъ скопленія столичнаго люмпенъ-пролетаріата и пристанищемъ бастующихъ рабочихъ. Какъ мы уже видѣли, случаи, что рабочіе, которымъ хозяева не увеличивали заработной платы, покидали мастерскія, значительно участились: они тотчасъ же бросили работу и отправлялись въ національныя мастерскія на иждивеніе государства, между тѣмъ здѣсь не знали, куда дѣвать эти арміи квалифицированныхъ и неквалифицированныхъ рабочихъ самыхъ разнообразныхъ спеціальностей.

Проблема, о которую и въ мирное время разбиваются всѣ экономическія теоріи, приняла, такимъ образомъ, ужасающій характеръ. Каждая послѣдующая революція, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна будетъ считаться съ той же проблемой и, можетъ быть, еще въ болѣе рѣзкой формѣ; для историка-соціалиста этого основанія вполне достаточно, чтобы при разслѣдованіи вопроса о національныхъ мастерскихъ совершенно оставить безъ вниманія всѣ сантиментальныя и агитаціонныя рѣчи того времени и изучить основательно фактическую сторону дѣла. Обобщая понятія „буржуазія“ и „пролетаріатъ“, мы ничего не достигнемъ по той простой причинѣ, что, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ лагерѣ существовали различныя партіи, и настроеніе создавалось самыми разнообразными мотивами. Не подлежитъ сомнѣнію, что національныя мастерскія лишь увеличивали то зло, для борьбы съ которымъ они были учреждены, и ихъ дальнѣйшее существованіе такъ же вредило

интересамъ рабочихъ, какъ и интересамъ буржуазныхъ классовъ. Разъ еще не созрѣли условія паденія буржуазнаго строя, то каждая крупная ошибка, грѣшащая противъ его хозяйственныхъ основъ, должна была отразиться на всѣхъ классахъ общества. Послѣ закрытія мастерскихъ торговля и промышленность, наоборотъ, значительно оживились и для огромнаго числа рабочихъ, устроившихся въ мастерскихъ онѣ фактически сдѣлались ненужными. Дѣловой міръ почувствовалъ успокоеніе не столько благодаря исчезновенію страхуванія отъ безработицы, осуществлявшагося національными мастерскими, сколько благодаря уничтоженію революціоннаго очага, въ которой подъ конецъ превратились мастерскія. При данныхъ условіяхъ нельзя было въ нихъ отдѣлить одно отъ другого; дальнѣйшее существованіе мастерскихъ означало бы диктатуру рабочихъ, сгруппированныхъ вокругъ нихъ, а такъ какъ вожди рабочихъ не сознавали бесплодности ихъ затѣи, борьба становилась неизбежной.

5. Республика и республиканская партія.

Несчастіе февральской революціи, какъ сказано выше, заключалось въ томъ, что она начала съ установленія высшей, по условіямъ того времени, формы правленія, той, которая въ дальнѣйшемъ ходѣ своего развитія должна была сдѣлаться идеальной. Болѣе радикальное правительство, чѣмъ образовавшееся 24 февраля, было бы абсолютно невысказуемо; общественный строй Франціи исключалъ возможность правительства, состоящаго только изъ социалистовъ. Даже и смѣшанное правительство, какимъ было временное правительства, состоявшее изъ буржуазныхъ республиканцевъ, мелкобуржуазныхъ радикаловъ и социалистовъ, соотвѣтствовало развѣ только составу населенія въ крупныхъ центрахъ, но никакъ не всего народа. Несмотря на это, народъ, по всей вѣроятности, принялъ бы подобное правительство, если бы ему предшествовали сперва консервативное, а затѣмъ умѣренно-республиканское. Трудно сказать, возможенъ ли былъ при данныхъ условіяхъ такой ходъ развитія; мы, однако, можемъ утверждать, не думая вызвать существенныя возраженія, что онъ былъ бы наиболѣе благоприятнымъ для укрѣпленія республики. Быть можетъ, правительство, подобное правительству Гамбетта-Флоке-Клемансо (Gambetta-Floquet-Clemenceau) въ 1871 г., предупредило бы ужасы коммуны, впрочемъ наврядъ ли дѣло обошлось бы совершенно безъ столкновенія съ социаль-революціонерами, вродѣ Флуранъ и Ригольтъ (à la Flourens et Rigault),—но вслѣдъ за нимъ возстановленіе монархическаго режима, несомнѣнно, произошло бы гораздо легче, чѣмъ позволилъ ему ходъ развитія этого процесса, начавшагося съ собранія

последнихъ съ самаго начала встать во враждебное отношеніе къ нему и его товаришамъ во временномъ правительствѣ и относиться неодобрительно ко всѣмъ ихъ мѣропріятіямъ. Разрѣшая Жоржъ Зандъ въ выпущенномъ подъ его фирмой республиканскомъ бюллетенѣ писать: „Если только—что объявленные выборы не дадутъ результатовъ, соответствующихъ волѣ парижскаго народа, то послѣдній вторично объявитъ свою волю, снявъ съ порядка дня рѣшенія поддѣльнаго народнаго представительства“, онъ побуждалъ провинцію защищать себя отъ чрезмѣрныхъ притязаній Парижа. А такъ какъ въ Парижѣ преобладали „старые республиканцы“, то провинція естественно старалась отправить въ палату „новыхъ республиканцевъ“, людей, соглашавшихся принять республику на извѣстныхъ условіяхъ.

Къ классамъ, занимающимъ среднее положеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ, кромѣ мелкой буржуазіи и крестьянъ, относятся также чиновники. Во Франціи они составляли очень многочисленную армію; знакомые, благодаря своему положенію и образованію, съ общимъ ходомъ дѣлъ, они пользовались огромнымъ вліяніемъ среди сельскаго населенія. Большею частью чиновники принадлежали къ „новымъ республиканцамъ“,—признавая себя открыто республиканцами, они не были бы терпимы на службѣ при Луи Филиппѣ. При такихъ условіяхъ циркуляры Ледрю Роллена, его инструкціи къ комиссарамъ республики и поведеніе многихъ изъ этихъ господъ должны были именно въ мѣрѣ чиновниковъ возбуждать большое неудовольствіе. Являясь самымъ покорнымъ орудіемъ въ рукахъ твердо укрѣпившагося правительства, бюрократія для правительства, непрочнаго, зависящаго отъ момента, можетъ оказаться очень неудобнымъ и беспокойнымъ элементомъ. Не такъ легко было отдѣлаться отъ нея, особеннс при нежеланіи и невозможности для временнаго правительства 1848 г. нарушать существующія формы собственности. Чиновниковъ безъ всякой необходимости заставили перейти на сторону буржуазіи. При обыкновенныхъ условіяхъ чиновникъ не такъ тѣсно связанъ съ классомъ эксплуататоровъ, чтобы не позволить себѣ роскоши критическаго къ нему отношенія; если ему, однако, покажется, что буржуазному строю угрожаетъ опасность, онъ въ девяти случаяхъ изъ десяти примкнетъ къ партіи, представляющей этотъ строй. Эта психика свойственна и другимъ классамъ или профессіямъ, не заинтересованнымъ непосредственно въ прибавочной стоимости, выжимаемой изъ эксплуатируемаго труда, и не принадлежащимъ къ числу эксплуатируемыхъ, какъ, напр., врачи, учителя, духовенство, инженеры, приказчики и проч. Всѣ эти лица при случаѣ не прочь причислить себя къ разряду трудящихся классовъ; но въ моментъ, когда борьба между наемными рабочими и буржуазіей обостряется, большинство изъ нихъ оказывается на сторонѣ тѣхъ, отъ кого зависитъ ихъ существованіе, т. е. на сторонѣ буржуазіи и угоднаго ей правительства, отстаивающаго буржуазный порядокъ и капиталистическій способъ производства.

Всего этого не видѣли и не замѣчали радикалы или демократы, какъ они себя называли въ 1848 г. Къ новымъ условіямъ они хотѣли примѣнить шаблонъ 1793 г., раздѣляя всѣхъ на „народъ“ и „привилегированные классы“.

Иные, желая выразиться точнѣе, говорили „пролетаріатъ“. На какъ тотъ, такъ и другой терминъ были ничто иное, какъ мелодраматическій красивый оборотъ рѣчи, и скорѣе затемняли, чѣмъ выясняли заключенное въ нихъ понятіе. Въ сентябрѣ 1850 года, во время раскола въ союзѣ коммунистовъ, Карлъ Марксъ говорилъ своимъ противникамъ: „Демократы производятъ съ священнымъ паѳосомъ слово *народъ*, а вы такъ-же производите слово *пролетаріатъ*“. Это замѣчаніе вполне справедливо можно отнести ко всему демократическому революціонному движенію 1848 года. Понятія „народъ“ и „пролетаріатъ“ являлись фетишами, обладающими сверхъестественными свойствами. Нельзя, однако, скрывать, что именно этотъ фетишизмъ придавалъ въ данный моментъ движенію ту силу, которая, казалось, могла бы побѣдить. Но поклоненіе народу продолжалось недолго. Народъ послѣ революціи оказался инымъ, и всегда окажется инымъ, чѣмъ былъ до революціи. Масса соединившаяся на лозунгѣ, содержавшемъ одно лишь отрицаніе— даже республика являлась лишь отрицаніемъ Луи Филиппа и іюльскаго королевства,— всегда расколется, когда настанетъ пора дать лозунгу положительное содержаніе. Роковымъ заблужденіемъ демократически-революціонной партіи 1848 г. была вѣра въ реальную силу фетиша „народъ“.

6. Государственный переворотъ передъ судомъ исторіи.

Въ критикѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 г. обычно дѣлаютъ ошибку, смѣшивая средства, какими онъ былъ достигнутъ, съ самымъ фактомъ его осуществленія. Но это совершенно излишняя уступка политическому суевѣрію радикализма.

Въ брошюрѣ „18-ое брюмера“ Марксъ даетъ превосходную картину того, какъ демократъ, твердо вѣруя, что онъ является истиннымъ представителемъ народныхъ интересовъ, „изъ самаго позорнаго пораженія выходитъ такимъ же безпорочнымъ и невиннымъ, какимъ онъ былъ до него“. Въ такомъ самообольщеніи демократъ дѣлаетъ дальнѣйшіе выводы. Лишь низость и измѣна способны одержать верхъ надъ демократомъ; побѣда надъ нимъ безнравственна. Не слѣдуетъ этого забывать, оцѣнивая точку зрѣнія, съ которой историкъ-демократъ описываетъ государственный переворотъ 2-го декабря 1851 г. и его виновника.

Разбирая этотъ эпизодъ, я всего менѣе склоненъ дать

апологию Луи Бонапарта. Однако, Наполеонъ III въ наше время отошелъ въ исторію и заслуживаетъ безпристрастной оцѣнки. Историкъ-соціалистъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія представить его личность и дѣятельность въ иномъ видѣ, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности. Не въ его интересахъ чернить или защищать ихъ; онѣ можетъ относиться къ нимъ безпристрастно. Никто не станетъ отрицать, что государственный переворотъ 2 декабря былъ вызванъ многими обстоятельствами, предшествовавшими ему. Марксъ, не щадящій безъ сомнѣнія Луи Бонапарта, настаиваетъ, что на государственный переворотъ никоимъ образомъ нельзя смотрѣть, какъ на неожиданное событіе; предвѣстники его были на лицо еще задолго до 2 декабря, о немъ говорили вездѣ. Неожиданными явились лишь моменты и способности выполненія, а не фактъ самъ по себѣ. Въ сущности, его можно было ждать уже со времени выборовъ, происходившихъ 10-го декабря 1848. Нельзя сказать объ этихъ выборахъ, что они не выражали свободной воли народа, поскольку вообще послѣдняя можетъ проявиться въ выборахъ. Въ то время у кормила власти стоялъ не Бонапартъ, а его противники; они употребили все свое вліяніе, чтобы провести своего кандидата Кавеньяка. Несмотря на это, французскій народъ за него подалъ всего 1¹/₂ милліона голосовъ, а за преемника Наполеоновскаго титула 5¹/₂ милліоновъ. Въ результатахъ голосованія заключалось нѣчто большее, чѣмъ предпочтеніе *икса игреку* или группѣ игрековъ; это былъ плебисцитъ въ пользу единоличной правительственной власти; даже самые убѣжденные республиканцы это видѣли и сознавали. Однако, они были безсильны предотвратить имперію, надвигавшуюся съ роковой неизбежностью. Наоборотъ, все, что дѣлали республиканцы, чтобы ослабить исполнительную власть, сосредоточенную въ рукахъ Луи Бонапарта, имѣло протизоположные результаты. Попытки уличныхъ возстаній, всевозможныя парламентскія интриги только благопріятствовали политикѣ правительства. „Всеобщее избирательное право было положено въ основу республиканскихъ учреждений, но его тотчасъ же лишили всякаго значенія, оспаривая его принципы и его результаты; на національное собраніе клеветали, его порядки нарушали, засѣданія прерывали; было даже намѣреніе, хотя и не осуществившееся, совѣмъ упразднить его—и это дѣлали люди, выступившіе впослѣдствіи его защитниками; республиканскій режимъ клеймили въ его зародышѣ, разрушали по частямъ и тотчасъ же затѣмъ укрывались за нимъ, какъ за каменной стѣной—вотъ въ чемъ“, пишетъ Ипполитъ Кастиль „состояла политика республиканской партіи со времени апрѣльскихъ выборовъ 1848 г. до государственнаго переворота“. Въ высшей степени вѣрное замѣчаніе, указывающее, почему должна была погибнуть республика. Въ ней не было, республиканцевъ, ибо изъ тѣхъ, кто называлъ себя этимъ именемъ, большинство совершенно лишено было дѣйствительно республиканскихъ взглядовъ. Имперія не являлась продуктомъ реакціи въ одномъ классѣ, она были слѣдстві-

емъ реакціи во всей націи. Луи Бонапартъ достигъ бы государственнаго переворота и безъ цѣлаго ряда насилій, къ которымъ побудили его нетерпѣливые приближенные. Вторая республика къ осени 1851 года подгнила настолько же, какъ буржуазное королевство къ началу 1848 г. Достаточно было небольшого сотрясенія, и этотъ плодъ оборвался и упалъ на землю, подобно зрѣлому яблоку. Французскій народъ въ своей массѣ вовсе еще не воспринялъ республиканскихъ идей; послѣ февральскихъ дней онъ, хотя и принялъ республиканскую форму правленія, но чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе, какъ оказалось, она его удовлетворяла. 10 декабря 1848 г. изъ 7^{1/2} милліоновъ французовъ 5^{1/2} м. избрали Луи Бонапарта президентомъ; 20-го и 21-го декабря 1851 г. 7^{1/2} милліоновъ противъ 650000 высказались за перемѣну правленія; 7-го ноября 1852 г. 780000 противъ 250000 пригласили Наполеона возстановить имперію. Допустимъ, что второе изъ этихъ голосованій состоялось слишкомъ быстро послѣ государственнаго переворота, и народъ не успѣлъ вполне обдумать свое мнѣніе, но отъ переворота до 3-го голосованія прошло 11 мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ непрерывно обсуждался вопросъ объ имперіи; писали о немъ во всѣхъ газетахъ, говорили во всѣхъ комитетахъ, всѣхъ учрежденіяхъ и въ домашнемъ кругу. Куда бы ни явился принцъ-президентъ, всюду встрѣчалъ его кличъ: „да здравствуетъ императоръ!“ Кричали, можетъ быть, наемные клакеры, но народная масса всякій разъ дружно присоединялась къ возгласу. Голосованіе 7-го ноября 1852 г. показало неоспоримый фактъ, что большая часть французскаго народа привѣтствовала имперію. Наиболѣе красные департаменты, избирательные округа, пославшіе въ палату опредѣленныхъ социалистовъ и революціонеровъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ стояли за имперію. Даже парижъ, Пентръ революціи, одобрилъ государственный переворотъ абсолютнымъ большинствомъ имѣющихъ право голоса (196.539 изъ 392.096) и двумя третями голосующаго населенія (196.539 за. 96.497 противъ). Чтò различные классы и отдѣльныя личности думали, отвергая республику—иное дѣло; фактически они признали законнымъ клятвopепреступленіе, совершенное 2 декабря 1851 г. Они объявили, что преступленіе 2-го декабря вовсе не было наглымъ насиліемъ надъ непокорной націей, что послѣдняя встрѣтила новое правительство, какъ покорная возлюбленная. Этимъ государственному перевороту придается то же значеніе, какъ и провозглашенію республики 24-го февраля.

Если демократія хочетъ сохранить за собой силу, она должна чистосердечно сознаться въ совершенныхъ ею ошибкахъ. 1848 годъ доказалъ, что задачи 19-го вѣка не могутъ быть разрѣшены формулами, созданными предъидущимъ вѣкомъ. Преданія 1793 года устарѣли, и Луи Бонапартъ рѣшилъ ихъ ликвидировать.

II. Разцвѣтъ и паденіе второй имперіи.

I. Ложное положеніе второй имперіи.

„Горе тебѣ, внуку“—вотъ проклятiе, погубившее вторую французскую республику. Традиціи героической эпохи первой республики не давали ей нормально развиваться именно въ то время, когда она должна была пустить корни въ самыя нѣдра народной жизни. Прежде, чѣмъ она успѣла сбросить съ себя бремя тяжелаго наслѣдія, коварный политикъ прекратилъ ея существованіе, противопоставивъ ей другую традицію. Однако, судьба ея преемницы не была счастливѣе ея судьбы.

Традиціи, благодаря которымъ Луи Бонапартъ одержалъ побѣду надъ слабой, потрясенной условіями ея существованія, республикой, сдѣлались роковыми и для его владычества. Почти то же самое проклятiе, которое погубило вторую республику, тяготѣло надъ второй имперіей. „Горе тебѣ, племяннику!“ гласило оно для представителя имперіи. Совершенно несправедливо было бы относиться къ Наполеону III, какъ къ честолюбивому авантюристу, происками и кознями овладѣвшему французскимъ престоломъ изъ стремленія къ богатству и императорскому титулу. Къ обвиненіямъ, которыми его щедро осыпали современники изъ республиканскаго лагеря, исторія должна относиться такъ же осторожно, какъ и къ хваламъ его приверженцевъ. Само собой разумѣется, что его самолюбію льстила императорская корона, но достиженіе этой цѣли далеко еще не удовлетворяло его честолюбія. Луи Бонапартъ явился бы человѣкомъ съ ненормальной психологіей, если бы онъ съ достояніемъ власти не связывалъ определенной идеи. Его цѣлью было осуществленіе своихъ идей, могущественное положеніе было лишь средствомъ достигнуть цѣли. Въ противоположность родоначальнику наполеоновской династіи, Наполеонъ III сильно склонялся къ доктринерству и нерѣдко находился подъ вліяніемъ сантиментальныхъ соображеній.

Дикая жестокость Наполеона I была ему одинаково чужда, какъ и мелочная мстительность его побѣдителя Бисмарка. Послѣдній называлъ его жертвой своей чувствительности,

первый могъ бы отнести своего племянника къ разряду столь презираемыхъ имъ „идеологовъ“. Луи Бонаратъ задался цѣлью осуществить „наполеоновскія идеи“. Во внутренней политикѣ онъ были направлены къ укрѣпленію центральной власти, опирающейся на демократію; онъ хотѣлъ учредить „соціальную“ имперію, возникшую по волѣ народа и посвященную заботамъ о благѣ, бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Во внѣшней политикѣ онъ задался цѣлью поддерживать стремленія къ національному объединенію въ Германіи, Италіи, Польшѣ, возстановить границы Франціи 1814 г. и протекторатъ Франціи въ Священной землѣ на востокѣ, содѣйствовать образованію великаго союза всѣхъ латинскихъ народовъ съ Франціей во главѣ. Вся сѣверная Африка отъ Триполиса до Танжера должна была сдѣлаться подвластною латинскимъ народностямъ; южная и средняя Америка до Мексики должна была служить имъ запасной территоріей.

Бонапартъ не выставилъ опредѣленно всѣхъ этихъ пунктовъ въ своей официальной программѣ, но въ своихъ статьяхъ, написанныхъ до 1848 года, онъ о нихъ часто упоминаетъ и намекаетъ. Въ кругу друзей онъ любилъ высказывать свои сокровенныя мечты, а его приверженцы старались убѣдить французскихъ патріотовъ, недовольныхъ узкой, консервативной и миролюбивой политикой Луи Филиппа, что въ осуществленіи идей Бонапарта заключается истинный смыслъ возстановленія имперіи. Тысячи французозовъ становились подъ ея знамя во имя этой программы; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не одни люмпень-пролетаріи высшаго и нисшаго разряда возлагали всѣ упованія на сына Гортензіи; съ такой же надеждой смотрѣли на него, кромѣ крестьянъ и военныхъ, весьма значительныя группы имущихъ классовъ. Даже такой крайній республиканецъ, какъ Арманъ Каррель (Armand Carrel) изъ „Насіоналя“, уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ высказывался въ его пользу, при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ. Конечно большинство видныхъ представителей капитала терпѣло диктатуру Луи Бонапарта въ 1851/52 г., какъ неизбежное зло и изъявляли мало готовности поддерживать ее активно. Имъ только нужно было вернуть тотъ порядокъ, который, казалось, былъ безвозвратно скомпрометтированъ парламентаризмомъ. Активная же бонапартистская партія служившая положительной опорой императору, горѣла желаніемъ осуществить именно ту часть наполеоновской программы, которая должна была завоевать извѣстное положеніе Франціи среди державъ. Ихъ не смутили даже слова, сказанныя Бонапартомъ въ 1852 г. въ Бордо съ цѣлью расположить въ свою пользу коммерческой и промышленный міръ: „Имперія—это миръ“. Они знали, что обѣщать и сдержать свои обѣщанія не одно и тоже.

Имперія не была миромъ и не могла имъ быть. Она на время оградила, правда, буржуазію отъ агитации социалистовъ-революціонеровъ, но и этотъ внутренній миръ возможно было поддержать на время лишь цѣною внѣшнихъ военныхъ предпріятій.

Государственный переворотъ и возродившаяся имперія отвлекли всю злобу социалистовъ-революціонеровъ, представлявшихъ изъ себя скорѣе „дикихъ“ буржуа и утопистовъ, чѣмъ истинныхъ политиковъ рабочаго класса, отъ буржуазнаго общества на особу императора и его правительство. Но для того, чтобы ихъ агитація не пустила корни въ народной массѣ, вниманіе народа надо было перенести съ внутренней политики на другіе вопросы. Хотя наполеонъ III и старался пріобрѣсти расположеніе рабочихъ различными законодательными и правительственными мѣропріятіями, онъ могъ сдѣлать лишь очень небольшія уступки социально-политическаго характера, такъ какъ ему приходилось удѣлять слишкомъ много вниманія интересамъ буржуазіи и крестьянъ. Притомъ же рабочіе большихъ городовъ были народъ развитой и сознательный и ихъ ненадолго можно было успокоить кассами вспомошествованія и прочими подобными выдумками революціонной агитаціи. Наиболѣе непостояннымъ элементомъ и потому наименѣе надежной опорой для правительства являются мелкіе буржуа, литераторы, художники и имъ подобные. Родовая аристократія и часть духовенства въ глубинѣ души оставались легитимистами, а самая влиятельная часть крупной буржуазіи были орлеанисты. Наполеону III никакъ не удавалось, напримѣръ, привлечь на свою сторону Академію и вліятельную прессу. Кромѣ крестьянъ, подававшихъ, правда, голоса, но составлявшихъ совершенно инертную силу въ духовной жизни народа, его правительство опиралось на полусвѣтъ остальныхъ классовъ, на спекулянтовъ и авантюристовъ. Сильно преувеличены были розсказы объ испорченности нравовъ во время второй имперіи; какъ радикальные, такъ и реакціонные фарисеи ставили въ вину императорскому правительству такія явленія которыя, какъ позднѣе показала исторія третей республики, были лишь продуктами современнаго развитія буржуазнаго строя; послѣднему же слѣдуетъ приписать большую часть тѣхъ проявленій испорченности общества, которыми отличался періодъ буржуазнаго королевства. Литературныя произведенія, возникшія во времена имперіи и считавшіяся верхомъ безнравственности и безстыдства, покажутся блѣдными и жеманными въ сравненіи съ произведеніями въ стилѣ „модернъ“ при третьей республикѣ.

Тѣмъ не менѣе эпоха Наполеона III лучше всего характеризуется удачнымъ выраженіемъ Александра Дюма младшаго сказаннымъ въ срединѣ пятидесятихъ годовъ — „полусвѣтъ“. Дама полусвѣта у Дюма не простая проститутка, она занимаетъ среднее мѣсто между приличной женщиной и проституткой, вѣрнѣе, она женщина, не представляющая ни того, ни другого, стоящая лишь одной ступенью ниже полноправной женщины изъ приличнаго круга; она или спустилась немного ниже послѣдней или не совсѣмъ еще до нея поднялась. Это такое же ложное положеніе, которое занимала вторая имперія въ семьѣ европейскихъ династій, оно распространялось на дворъ и на всю общественную жизнь. Въ политикѣ, въ финансахъ, въ

Возвращеніе Луи Наполеона изъ поѣздки по провинціи.

литературѣ и искусствѣ— всюду полусвѣтъ. всюду двусмысленность выдвигается на первый планъ.

Самъ Дюма въ своей „Дамѣ съ камеліями“, куртизанкѣ съ напускной сентиментальностью швеи, выводитъ этотъ промежуточный типъ. Въ мірѣ финансовъ мы встрѣчаемся съ братьями Перейръ (Pereire), организующими кредитъ подъ движимости (Crédit mobilier), учрежденіе, ставшее источникомъ всевозможныхъ дутыхъ, мошенническихъ предпріятій. Однако, оно не занималось простой спекуляціей, оно проводило въ жизнь сенсимонистскія идеи. Точно также и политика императора и его партіи не представляла ничего цѣльнаго и опредѣленнаго. Сегодня она консервативна, а завтра демократична; сегодня поповская, завтра либеральная: сегодня мѣщански благопристойна, завтра фантастически революціонна. Вторая имперія подобно временщику не знала, какъ вести себя въ необычной обстановкѣ, то она выступала съ пышностью и блескомъ, то становилась черезчуръ скромной; то проявляла высокомеріе, то покорность; то кичилась своимъ низкимъ происхожденіемъ, то по возможности старалась заставить о немъ забыть. Какъ бы имперія этому не сопротивлялась, но условія внутри государства и положеніе среди другихъ державъ заставляли ее идти все дальше по пути авантюризма. Причины ея гибели заключались въ той же двойственности положенія, благодаря которой она могла возникнуть.

2. Едва терпимый авантюристъ становится уважаемымъ третейскимъ судьей.

Уже въ первые годы своего существованія имперія Луи Бонапарта почувствовала непріятную сторону своего двойственного положенія.

Вышіе классы во Франціи въ душѣ радовались государственному перевороту и, въ большинствѣ случаевъ, прямо или косвенно содѣйствовали возстановленію имперіи. Но едва Луи Бонапартъ былъ объявленъ императоромъ, владѣтельная и родовая аристократія дала ему понять, что въ лучшемъ случаѣ онъ является для нихъ полицейской властью для охраны ихъ спокойствія и собственности, но сближаться съ нимъ они считали бы унижительнымъ для себя. Коронованная Европа съ облегченіемъ вздохнула, когда Луи Бонапартъ положилъ конецъ броженію во Франціи, будившему надежды и въ безпокойныхъ умахъ у сосѣдей. Но та же Европа энергично запротестовала, когда спаситель общественнаго спокойствія потребовалъ, чтобы его признали равноправнымъ въ ряду царствующихъ „милостію божіей“ государей. Съ неудовольствіемъ, скрѣпя сердце, согласились все—таки его признать; послѣднимъ и въ наиболѣе

оскорбительной формѣ это сдѣлалъ русскій царь Николай I. Характерно, что этотъ оплотъ легитимизма вовсе не обрадовался восстановленію монархіи во Франціи. Еще до государственнаго переворота онъ въ интимной бесѣдѣ сказалъ генералу Ламорисьеру, что онъ относится „несравненно дружественнѣе“ къ республиканцамъ, подобнымъ генералу и его товарищу Кавеньяку, чѣмъ къ правителямъ, выдвинутымъ революціями и только „срамившимъ все дѣло“. Когда онъ послѣ

Николай I.

возстановленія имперіи, наконецъ, былъ принужденъ признать Наполеона III, онъ все же старался подчеркнуть свое отношеніе, нарушая требованія этикета и называя его въ письмахъ не „любезнымъ братомъ“ а снисходительно „другомъ“. Съ такимъ оскорбленіемъ Наполеонъ III не могъ и не хотѣлъ примириться. Главнымъ образомъ, благодаря вліянію Николая, разстроилась попытка Наполеона породниться посредствомъ брака съ однимъ изъ европейскихъ царствующихъ домовъ. Съ этой неудачей племянникъ Наполеона I, примирился весьма быстро, женившись уже 29-го января 1853 г. на графинѣ Евгеніи Монтиго и

Теба (Eugenie de Montigo et Teba), красивой испанкѣ, о которой впоследствии говорили, что она до замужества вела веселую жизнь. Этимъ „демократическимъ“ бракомъ, ознаменованномъ амнистіей болѣе 4000 политическихъ преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ, онъ, казалось, съ гордостью хотѣлъ подчеркнуть свое происхожденіе временщика; въ душѣ, однако, онъ не могъ забыть нанесенной ему жестокой обиды. Онъ искалъ случая отплатить Николаю I за причиненное униженіе. Случайно или нѣтъ, месть совпала съ осуществленіемъ его

Наполеонъ III.

„наполеоновскихъ идей“. „Въ Босфорѣ я смою со временемъ позоръ вѣнскихъ договоровъ“, сказалъ будто бы онъ друзьямъ задолго до государственнаго переворота.

„Если мои военныя суда появятся въ восточныхъ водахъ, то знайте, что я иду побѣдить Россію; на этотъ разъ сражаться придется при менѣ суровомъ климатѣ, чѣмъ было подъ Москвой“ — вотъ его подлинныя слова.

Первый военный походъ онъ дѣйствительно предпринялъ противъ Россіи: въ союзѣ съ Англій была начата восточная война, извѣстная подъ именемъ *крымской войны*.

Затѣянная война пользовалась популярностью въ различ-

ныхъ слояхъ французскаго народа. Ее радостно встрѣтило католическое духовенство и находившееся подъ его вліяніемъ крестьянство: она, вѣдь, была направлена противъ господства греческой церкви, соперницы Рима въ восточной Европѣ, противъ ея протектората надъ священными землями христіанъ. Кромѣ того за эту войну стояли и многіе радикалы и революціонеры, видѣвшіе въ Россіи палача польскаго народа и смертельнаго врага свободы Европы. Арманъ Барбэ писалъ изъ

Императрица Евгенія.

тюрьмы: „эту войну долженъ поддерживать всякій, хотя бы и не согласный съ правительствомъ въ другихъ вопросахъ“. Не изъ расчета такъ говорилъ „баярдъ революціи“: онъ отказывался принять дарованную ему Наполеономъ свободу, а когда его освободили, несмотря на его протесты, онъ тотчасъ же добровольно отправился въ ссылку, тяжелую кару для каждаго француза, и оставался тамъ до самой смерти, послѣдовавшей наканунѣ паденія имперіи (іюнь 1870 г.).

Впрочемъ и въ Англии революціонные чартисты агитировали за войну съ Россіей: революціоннымъ партіямъ она потому уже являлась желанной, что обѣщала нѣсколько разстроить столь искусно и прочно созданный въ 1849 г. союзъ

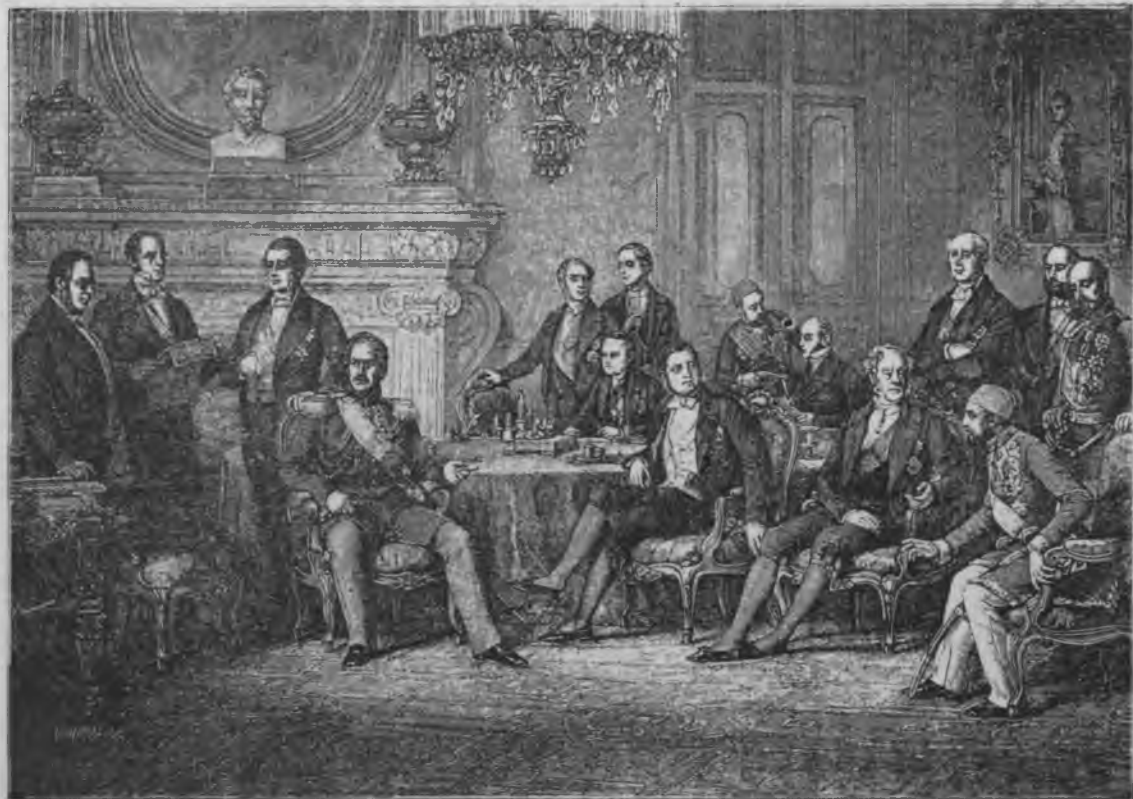
европейскихъ правительствъ. Наконецъ, армія и многочисленныя элементы городского населенія, вѣрившіе въ счастливую звѣзду Бонапарта, само собой разумѣтся, радостно привѣтствовали эту войну.

Однако, вести ее успѣшно было не такъ легко, какъ казалось. Какъ русскія войска, вторгнувшіяся въ іюль 1853 г. въ Дунайскія княжества и сражавшіяся зимою 1852—1854 г. съ войсками султана, встрѣтили со стороны послѣднихъ гораздо болѣе энергичное и успѣшное сопротивление, чѣмъ думали царь и его совѣтники, точно также Англія и Франція скоро потеряли изрядное количество зубовъ, вцѣпившись въ шкуру русскаго медвѣдя. Въ мартѣ 1854 г. война была официально объявлена. Однако, намѣреніе нанести чувствительный ударъ Россіи въ водахъ и на берегахъ Балтійскаго моря оказалось совершенно неисполнимымъ. Незначительный успѣхъ имѣлъ лишь генераль Барагюэ д'Илеръ (Baraguay d'Hillanc) на одномъ изъ Аландскихъ острововъ (Bomarsund), да англичанамъ удалось овладѣть нѣсколькими торговыми судами. Ни одинъ изъ портовъ второго и третьяго разряда, не говоря уже о Кронштадтѣ, не былъ взятъ. Въ Бѣломъ морѣ и у береговъ Камчатки англичане достигли еще меньшаго; не особенно блестяще шли дѣла союзной эскадры и въ Черномъ морѣ. Мѣшаты свободнымъ дѣйствіямъ въ Черноморскихъ портахъ, нѣсколько парализовать мѣстное морское движеніе — вотъ и весь вредъ, который имъ удалось нанести Россіи. Попытка бомбардировать Одессу не привела ни къ чему. Союзныя войска, отправленныя на Востокъ, въ Варнѣ и Добруджѣ истреблялись холерой и другими болѣзнями. То же самое произошло и въ Крыму, куда ихъ перевезли, чтобы, какъ хотѣли въ Лондонѣ и Парижѣ, штурмомъ взять русскую крѣпость Севастополь. Тотчасъ же послѣ высадки соединенная армія союзниковъ подъ начальствомъ маршала Сень-Арно и Лорда Раглана (Raglan 20-го Сентября 1854 года дѣйствительно разбила князя Меньшикова на рѣкѣ Альмѣ, но болѣзнь Арно (онъ умеръ немного дней спустя послѣ битвы) помѣшала использовать побѣду; русскіе выиграли время и приняли всѣ мѣры противъ неожиданнаго нападенія на Севастополь. Отлично укрѣпленная трудами военного инженера Эд. Тотлебена, защищаемая княземъ Меньшиковымъ, крѣпость оказывала упорное сопротивление врагу. Русскіе нанесли нѣсколько значительныхъ ударовъ осаждавшему ихъ войску; голодъ и болѣзни довершили остальное, уничтожая и деморализуя армію. Требовались все большія усилія; въ виду неопредѣленнаго положенія Австріи и благопріятной для Россіи политики пруссаковъ, обѣ соединенныя великія державы рѣшились даже принять поддержку со стороны маленькаго королевства Сардиніи. Съ 1849 г. здѣсь царствовалъ сынъ Карла Альберта, Викторъ Эммануилъ; онъ отправилъ 15000 солдатъ на театръ войны.

Подъ влияніемъ такихъ обстоятельствъ, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи среди людей, наивно привѣтствовавшихъ

Штурмъ Малахова кургана.

Парижскій конгрессъ.

нимая во вниманіе, что, благодаря своему географическому положенію, Россія всегда въ состояніи нѣсколько выждать. Повѣренный по ея дѣламъ, князь Горчаковъ, высказался слѣдующимъ образомъ: „Въ Россіи не слышно грозы, но она собирается“. Въ виду явно руссофобскаго настроенія въ англійскомъ народѣ и двуличнаго поведенія Австріи во время Крымской войны, русская дипломатія тѣсно сблизилась съ Франціей, т. е. съ Луи Бонапартомъ, игравшимъ къ тому же первую скрипку на Парижскомъ конгрессѣ. Смотрѣвшіе на него 4 года тому назадъ свысока, подходили теперь къ нему почтительно. Первое предпріятіе окончилось удачно.

3. Наполеонъ III на высотѣ своей власти: отъ улицы Лепелетье (Lepelletier) до Сольферино.

Счастливыи исходъ Крымской войны создалъ Франціи блестящее положеніе въ Европѣ, и во французскомъ народѣ имперія, благодаря побѣдѣ, приобрѣла новыхъ друзей, но прежніе противники продолжали относиться къ ней враждебно. Во внутренней политикѣ Бонапарта главную роль попрежнему играли вооруженная сила и духовенство. Надъ прессой тяготѣли респрессивные законы; свобода собраній фактически попиралась; католическая церковь получала все больше правъ и все шире распространяла свою власть надъ Франціей. Даже часть консервативной буржуазіи не желала мириться съ подобными порядками, а среди радикально настроенной мелкой буржуазіи и академическаго міра новый режимъ вызвалъ злобу и ожесточеніе.

Что касается рабочаго класса, то представляется затруднительнымъ точно опредѣлить его отношеніе къ имперіи. Тайныя революціонныя общества, конечно, имѣли много сторонниковъ среди рабочихъ, но несомнѣнно и то, что многіе изъ нихъ сохраняли выжидательное, если не дружелюбное отношеніе къ имперіи.

Обширныя, великолѣпныя зданія, воздвигавшіяся барономъ Гаусманомъ, назначеннымъ въ 1853 г. префектомъ Парижа, многимъ рабочимъ давали заработокъ; подъемъ народнаго благосостоянія, господствовавшій въ этотъ періодъ, нерѣдко приписывался населеніемъ вліянію имперіи. Два покушенія на жизнь Луи Наполеона въ 1855 г. (28 апрѣля итальянца Піанори (Pianori) и 8-го сентября француза Беллаторъ (Bellatore) во всякомъ случаѣ нисколько не указываютъ на глубокое оппозиціонное движеніе въ народной массѣ. Повторные выборы въ законодательный корпусъ имперіи въ 1857 г. дали съ полдюжины республиканско-опозиціонныхъ депутатовъ (среди нихъ были Кавеньякъ и Гудшо, отказавшіеся прися-

Покушеніе Орсини (14 января 1858 г.).

арестовывать, высылать или ссылать *). Генераль Эспинасъ, представитель грубой силы, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, воспользовался такъ широко этимъ правомъ, что вскорѣ болѣе 2000 человекъ было на пути въ Гвіану. Однако, когда Парижане въ концѣ апрѣля во время новыхъ выборовъ, вызванныхъ уклоненіемъ отъ присяги Кавеньяка и Гудшо, избрали огромнымъ большинствомъ двухъ опредѣленныхъ республиканцевъ и этимъ выразили явный протестъ противъ подобныхъ пріемовъ спасенія государства. Наполеонъ понялъ что пора сократить усердіе своихъ креатуръ, и нѣсколько времени спустя, Эспинасъ былъ отставленъ отъ должности. Между тѣмъ бонапартисты-военные подготовили своему императору и въ Англіи жестокое пораженіе. Слѣдствіе вполнѣ опредѣленно доказало, что покушеніе Орсини было подготовлено въ Англіи; особенно сильно скомпрометированъ былъ врачъ Симонъ Бернаръ (Simon Bernard), считавшійся приверженцемъ Бланки и большой другъ Орсини (Англійскій радикалъ Голіокъ G. J. Holyoake) рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ въ 1856 г. испытывалъ взрывчатую силу бомбъ, предназначенныхъ для Бернара; онъ добавляетъ, однако, что бомбы, употребленныя въ Парижѣ, были другого образца, чѣмъ эти).

Наполеонъ III черезъ своего представителя Персиньи поднималъ дѣло и требовалъ охранительныхъ мѣръ противъ террористовъ.

Стоящіе не удѣлъ торіи громкими криками поддерживали его требованіе; первый министръ Пальмерстонъ представилъ законопроектъ, тяжело караушій за участіе въ заговорахъ съ цѣлю убійства, и первое чтеніе закона было принято 199 голосами противъ 99. Тѣмъ временемъ „Moniteur“ опубликовалъ адреса императору отъ высшихъ военныхъ чиновъ; въ этихъ адресахъ объ Англіи говорилось угрожающимъ, дерзко вызывающимъ тономъ — „гнѣздо заговорщиковъ, которое слѣдуетъ уничтожить“. Это было на руку англійскимъ радикаламъ, агитировавшимъ противъ законопроекта.

Въ Англіи поднялась буря негодованія. Весь Лондонъ всполошился. Члены кабинета, какъ лордъ Джонъ Руссель и консерваторы, подобные сэру Роберту Пилу и его приверженцамъ, среди нихъ Гладстонъ — всѣ рѣшительно отвергли билль; торіи, руководимые Дизраэли, также воспользовались случаемъ и объявили, что не хотятъ знать ничего о законопроектѣ правительства. 19-го февраля во вторичномъ чтеніи онъ былъ отвергнутъ 234-мя голосами противъ 215; сильно благоволившій къ Наполеону Пальмерстонъ палъ; на его мѣсто вступило консервативное министерство Дэрби-Дизраэли. Хотя подобный результатъ въ большой степени былъ вызванъ англійскими интригами, для Луи Наполеона онъ былъ равносильенъ дипломатическому пораженію. Оно довершилось еще тѣмъ обстоя-

*) Въ Сенатѣ только одинъ человекъ высказался противъ этого закона, это былъ генераль Макъ-Магонъ.

тельствомъ, что судъ присяжнымъ, состоявшій изъ Лондонскихъ гражданъ, послѣ пятидневнаго разбирательства дѣла оправдалъ доктора Бернара несмотря на то, что у него оказались сильно компрометирующія письма Орсини.

Оппозиціонное настроеніе во Франціи все обострялось, къ тому же періодъ расцвѣта въ дѣлахъ уступилъ мѣсто застою. Попрежнему выбрасывались большія суммы, поглощавшіяся строительными планами Гаусмана, но вмѣсто благодарности они вызывали неудовольствіе. Домовладѣльцы въ мѣстахъ, предназначенныхъ къ перестройкѣ, брали неимовѣрныя деньги за свои зданія и участки; для искусственнаго поднятія цѣнъ заключались всякаго рода фиктивныя сдѣлки; правительство должно было рѣшительными мѣрами противиться шантажу, но оно не было въ силахъ этого сдѣлать. Вообще вторая имперія была жертвой и въ то же время одной изъ причинъ начавшейся при ней системы мошенническихъ предпріятій. Подобно завоевателю въ чужой странѣ, правительство не могло долго остаться хозяиномъ положенія дѣлъ. Именно высшая аристократія и сливки буржуазнаго общества отворачивались отъ него, когда оно нуждалось въ опорѣ; оно должно было искать ее въ авантюристахъ среди арміи и бюрократіи, которые воспользовались государственнымъ переворотомъ, какъ средствомъ достигнуть чиновъ и богатства; оно находилось въ зависимости отъ духовенства, стоявшаго между правительствомъ и крестьянами. Одни съ братомъ императора, графомъ Морни во главѣ, изо всѣхъ силъ тянули деньги изъ государственной казны и вели различныя грязныя дѣлишки съ биржевыми спекулянтами; другіе своей жаждой преслѣдованія вызывали вражду во всѣхъ сознательныхъ элементахъ имперіи. Такъ въ 1858 г., послѣ опубликованія своего труда „О справедливости въ церкви и въ революціи“, Прудонъ былъ принужденъ бѣжать въ Бельгію, такъ какъ духовенство, преслѣдовавшее его, добилось того, что его приговорили къ 3-мъ годамъ тюрьмы. Изъ Бельгіи Прудонъ опубликовалъ свой отвѣтъ на приговоръ подъ заглавіемъ: „Справедливость, преслѣдуемая церковью“, а въ приложеніи къ этой статьѣ онъ противопоставляетъ реакціонному бонапартизму либеральныя традиціи орлеанизма. Онъ обращается къ еще молодому въ то время графу Парижскому, увѣряя его, что если онъ объявитъ политическое завѣщаніе своего отца (погибшаго, благодаря несчастному случаю, въ 1832 г. герцога Орлеанскаго), и при этомъ поручится за восстановление либеральной парламентской конституціи, то, на сколько Прудонъ знаетъ настроеніе французскаго народа, принцъ можетъ быть увѣренъ, что въ случаѣ призыва вся нація станетъ на его сторону.

Возможно, что это было преувеличено, но Прудонъ говорилъ не безъ основанія. Въ теченіе двухъ недѣль было продано около 6000 экземпляровъ его 4-хъ томнаго сочиненія. Бонапартъ зналъ, какъ шатко его положеніе, и онъ сдѣлалъ уже необходимые шаги для предпріятія, которое должно было

снова создать ему популярность. „Нѣтъ ничего легче, какъ управлять французами; каждые четыре года имъ нужна война, вотъ и все“—будто сказалъ онъ однажды. Четыре года спустя послѣ Крымской войны, начался *итальянскій* походъ.

Лѣтомъ (въ августѣ) 1858 года Наполеонъ имѣлъ тайную встрѣчу съ графомъ Кавуромъ въ курортѣ Пломбьеръ (Plombières) и заключилъ съ нимъ формальный договоръ начать общій походъ противъ Австріи, заручившись на это согласіемъ Россіи. Сардинія, вѣрнѣе Пьемонтъ, долженъ былъ получить Ломбардію, Венецію, Модену, Парму, Тоскану и часть церковной области и

Кавуръ.

образовать верхне-итальянское королевство; Ницца и Савойя предназначались для Франціи. Слухи объ этой конференціи скоро проникли въ общество и, между прочимъ, сильно способствовали оживленію агитационной дѣятельности итальянскихъ патриотовъ, съ которыми Кавуръ не переставалъ поддерживать сношенія. 1-го января 1859 г. во время новогодняго приема пословъ Бонапартъ въ крайне рѣзкой формѣ высказалъ австрійскому посланнику свое „сожалѣніе“, что австрійское правительство не умѣетъ принять необходимыхъ мѣръ для улаженія безпорядковъ въ Италіи. Восемь дней спустя, Викторъ Эммануиль

въ тронной рѣчи говорилъ о „страданіяхъ Италіи“, которыхъ онъ не можетъ игнорировать, а въ это же время тотъ же Викторъ Эммануиль выдалъ свою старшую дочь за двоюроднаго брата Луи Наполеона, принца Наполеона, извѣстнаго подъ насмѣшливой кличкой Plonplon. „Красный“ принцъ, любившій выступать въ роли представителя либеральнаго духа семьи Наполеоновъ, поддерживавшій связи съ всевозможными радикалами и даже социалистами, согласился сдѣлать предстояшій походъ популярнымъ среди своихъ демократическихъ друзей, а черезъ нихъ и среди европейской демократіи, — дѣло не трудное, если принять, съ одной стороны, во вниманіе чрезвычайную непопулярность, которой пользовалась въ то время Австрія, благодаря поповски-реакціонной внутренней политикѣ, а съ другой, — большую симпатію къ итальянцамъ, боровшимся за національную независимость. Послѣ того, какъ Крымская война заставила Россію заняться внутренними реформамн (освобожденіемъ крестьянъ), Австрія являлась представительницей реакціи въ Европѣ.

Выше описанныя событія вызвали со стороны Австріи подготовку къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Сардиніи; послѣдняя отвѣчала тѣмъ же. Чтобы доказать свою безпристрастность, Наполеонъ вмѣшался въ качествѣ посредника; англійскій кабинетъ также предложилъ свое посредничество. Англійскій посолъ въ Парижѣ, Лордъ Коулей (Cowley) отправился въ Вѣну съ предложеніями, составленными Наполеономъ, и добился, что предложенія были приняты.

Въ это же самое время выступила и Россія; она совѣтовала созвать европейскій конгрессъ для улаженія итальянскихъ смуть. Оффициально Наполеонъ на это согласился; нужно было во что бы то ни стало заставить Австрію явиться нарушительницей мира, иначе всѣ остальные нѣмецкія государства должны были бы въ союзѣ съ Австріей выступить противъ Франціи. Австрія пошла на удочку. Она согласилась признать конференцію, если въ ея основѣ будетъ лежать договоръ 1815 г. Это значило бы разъ навсегда укрѣпить status quo всѣхъ итальянскихъ крупныхъ и мелкихъ суверенитетовъ, созданныхъ вѣнскимъ конгрессомъ, исключить всякую возможность сколько-нибудь приблизиться къ осуществленію идеи объединенія Италіи. Вполнѣ естественное и въ глазахъ Франціи и Россіи, быть можетъ, основательное требованіе Австріи шло, однако, совершенно въ разрѣзъ со стремленіями итальянцевъ къ единству и независимости. Отовсюду стекалось множество добровольцевъ, вступавшихъ въ ряды регулярныхъ войскъ Пьемонта или сражавшихся подъ знаменами вольныхъ отрядовъ Гарибальди.

Въ отвѣтъ на предложеніе Россіи, Пьемонтское правительство объявило, что до созыва конференціи ни Пьемонтъ, ни Австрія не могутъ разоружиться; напряженное настроеніе народа этого не позволяетъ. Это было безусловно вѣрно; при всемъ желаніи ни Викторъ Эммануиль, ни Кавуръ не были бы

въ состояніи сдержать разбушевавшуюся стихію, потокъ увлекъ бы и ихъ. Но права была и Австрія, видѣвшая въ отказѣ разорудителю отсутствіе миролюбія. Предполагая, что предложенія о посредничествѣ и созывѣ конгресса разсчитаны лишь на то, чтобы дать время Пьемонту окончить свое вооруженіе, стѣсненная внутренними дѣлами и финансовымъ кризисомъ, она рѣшила разорубить Гордіевъ узелъ.

19-го апрѣля Австрія поставила ультиматумъ Туринскому правительству разоружиться въ теченіе 3-хъ дней, а когда она

Викторъ Эммануилъ.

получила отказъ, то 29-го апрѣля австрійскіе полки вступили въ 3-хъ мѣстахъ во владѣнія Пьемонта. Наполеонъ и Кавуръ достигли своей цѣли; Австрія нарушила миръ. Теперь можно было разсчитывать на нейтралитетъ Пруссіи; со стороны Англии также нечего было опасаться вмѣшательства, тѣмъ болѣе, что кабинетъ Дэрби, благосклонно расположенный къ Австріи, только что (въ мартѣ 1859 г.) потерпѣлъ пораженіе въ парламентѣ и долженъ былъ въ избирательной борьбѣ защищаться противъ коалиціи либераловъ и виговъ, взывавшихъ въ дѣлѣ Италіи къ свободолюбію англійскаго народа. Выборы окончились, дѣйствительно, побѣдой коалиціи; другъ Наполеона, Паль-

мерстонъ сталъ снова премьеръ-министромъ, а радикальный лордъ Джонъ Руссель министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Едва Австрія поставила свой ультиматумъ, какъ Наполеонъ III двинулъ свою армію. На этотъ разъ императоръ лично отправился на войну; хотя онъ и не совершилъ особенныхъ военныхъ подвиговъ, дѣлалъ даже неоднократно стратегическіе промахи, военное счастье, однако, сопутствовало ему. Австрійскіе солдаты сражались храбро, но ихъ вожди и ихъ вооруженіе оставляли желать лучшаго. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль обѣ арміи въ нерѣшительности стояли другъ противъ друга; но 20-го мая австрійскій развѣдочный отрядъ графа Стадіона былъ разбитъ французами и сардинцами при Монтебелло, 14 дней спустя, подъ командой Наполеона III, произошло столкновеніе при Маджента, окончившееся въ пользу французско-итальянской арміи, благодаря искусно и энергично направленной фланговой атакѣ генерала Макъ-Магона.

8-го іюня союзная армія, вступила въ Миланъ, который австрійцы, боясь мести населенія, должны были поспѣшно очистить. Къ этому времени во всей верхней Италіи вплоть до папской области вспыхнуло народное возстаніе. Въ Тосканѣ уже въ концѣ апрѣля заставили великаго герцога выѣхать и назначили временное правительство; теперь за нимъ слѣдовали герцогиня Пармская и герцогъ Моденскій, а въ различныхъ областяхъ („легацияхъ“) церковной области—Болонья, Феррара, Анкона—была провозглашена диктатура Виктора Эммануила, какъ переходъ къ присоединенію къ его королевству. 24-го іюня произошло большое рѣшительное сраженіе при Сольферино.

Австрійцы расположились на высотахъ подъ прикрытіемъ четырехъ знаменитыхъ крѣпостей (Мантуя, Пескьера, Верона, Леньяго). Императоръ Францъ Іосифъ, подошедшій со свѣжими силами, принялъ главное командованіе; его поддерживалъ опытный полководецъ, начальникъ генеральнаго штаба Гессъ (Hess). Однако, несмотря на превосходную позицію и большую численность (160000 противъ едва 140000) австрійцы послѣ жаркой битвы съ французско-пьемонтской арміей, подъ начальствомъ Луи Наполеона, должны были отступить. Наполеону удалось пробить центръ вражеской арміи, занять многія высоты, наконецъ и деревню Сольферино. Наступившая къ вечеру гроза помѣшала, однако, вполне использовать побѣду. Австрійцы, потерявъ 25000 человекъ, успѣли отступить черезъ Минчіо и заняли четыре крѣпости. Послѣ нѣсколькихъ маленькихъ стычекъ 8-го іюля было заключено перемиріе, а черезъ три дня (11-го іюля) Францъ Іосифъ и Наполеонъ III встрѣтились въ Виллафранка (Villafranca) близъ Вероны и выработали главныя условія мира. Австрія уступала Ломбардію Франціи, которая должна была передать ее Сардиніи; мелкія итальянскія государства оставались во владѣніи своихъ государей, легации по прежнему должны были принадлежать къ церковной области, долженъ былъ быть основанъ союзъ итальянскихъ государствъ подъ верховной властью папы.

Битва при Сольферино.

Встрѣча обоихъ императоровъ близъ ВиллаФранка.

Такъ произошло освобожденіе итальянской національности въ духѣ „наполеоновскихъ идей“. Италія *не стала* „свободной до Адри“ (какъ въ началѣ имѣлось въ виду); Венеція осталась въ рукахъ Австріи, и страна по прежнему оставалась разрозненной. Можно представить, съ какими чувствами итальянскіе патриоты встрѣтили эти условія. Само собой понятно, что доблестный Гарибальди, доставившій своими вольными дружинами много безпокойствъ Австрійцамъ, не могъ удовлетвориться такими результатами борьбы; даже Кавуръ вскорѣ отказался отъ званія министра, чтобы оставить за собой свободу дѣйствій. Онъ вступилъ въ сношенія съ представителями среднихъ государствъ Италіи, а Гарибальди отправился въ Романью и посвятилъ себя организаціи народной милиціи. Наполеонъ сумѣлъ дать толчекъ движенію, но онъ не былъ въ силахъ остановить его. Пруссія между тѣмъ мобилизовала свою армію и объявила, что въ моментъ, когда война Франціи съ Австріей выйдетъ изъ предѣловъ Ломбардіи, Пруссія исполнитъ долгъ союзника и во главѣ нѣмецкихъ войскъ двинется во Францію. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ счелъ за лучшее не продолжать войны на два фронта и удовлетвориться завоеванными лаврами. Племянникъ не хотѣлъ, да и не могъ рѣшиться на то, на что отважился бы, вѣроятно, его дядя, тѣмъ болѣе, что всякое дальнѣйшее покровительство освободительному движенію въ Италіи неминуемо привело бы его къ открытымъ столкновеніямъ съ папой и французскими клериками. Изъ опасенія нанести ударъ своей династіи онъ остановился, совершивъ лишь половину предпринятаго дѣла. Переговоры въ Виллафранка были дополнены и закрѣплены 10-го ноября въ Цюрихѣ, на конгрессѣ заинтересованныхъ державъ. Однако, условія остались лишь на бумагѣ. Папа отказался исполнить требуемыя конституціонныя реформы, а населеніе герцогствъ и средне-итальянскихъ легаций церковной области требовало все настойчивѣе объединенія съ Сардиніей—Пьемонтомъ. Невозможно было ихъ насильно заставить вернуться къ прежнему правительству, и Наполеонъ, желая свалить съ себя отвѣтственность за нарушеніе цюрихскаго договора и вторженіе въ церковныя владѣнія, предложилъ разрѣшить эти вопросы всеобщимъ народнымъ голосованіемъ въ означенныхъ государствахъ и провинціяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ требовать для Франціи Ниццу и Савойю въ видѣ „вознагражденія“ за помощь, оказанную сосѣдному королевству Сардиніи, однако, и въ этомъ случаѣ онъ предлагалъ опросить населеніе о его согласіи. Туринское правительство согласилось; голосованіе, произведенное подъ давленіемъ властей, повсюду огромнымъ большинствомъ разрѣшило вопросъ въ пользу новаго распредѣленія владѣній. Весною 1860 г. Сардинія превратилась въ сѣверно-итальянское королевство, расширенное до Умбріи; а Франція по направленію къ юго-востоку получила кусокъ, отнятый у нея въ 1814 и 1815 гг. Но поднявшаяся въ Италіи волна народнаго движенія все не утихала. 11-го Мая 1860 г. Гарибальди со своей „ты-

сячью“ (1067 человекъ и 4 орудія) высадился у Марсала въ Сициліи; въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ знаменитый уроженецъ Ниццы, вокругъ котораго собрались добровольцы со всѣхъ странъ, положилъ конецъ господству Бурбоновъ въ обѣихъ частяхъ Сициліи. 7-го сентября онъ при восторженныхъ кликахъ народа диктаторомъ вѣхалъ въ Неаполь. Всѣмъ было извѣстно, что онъ рѣшилъ завоевать и провинціи, подвластныя папѣ (Умбрію и римскія легаціи); всѣ знали его республиканскіе взгляды. Но ни Викторъ Эммануиль, ни Наполеонъ не желали допустить образованія республики, объединяющей нижнюю и среднюю Италію. Однако, послѣднему неудобно было являться угнетателемъ тамъ, гдѣ онъ только-что игралъ роль освободителя; онъ принужденъ былъ молча смотрѣть, какъ сардинскія войска вторглись въ папскую область, разбили 18-го сентября подъ начальствомъ Джіальдини (Gialdini) при Кафельтардо (Castel fitardo) генерала Ламорисьера, командовавшего папскими войсками, и осадили всю церковную область, а осенью привлекли на свою сторону Гарибальди обращеніемъ къ его патріотическимъ чувствамъ, осадили Неаполь и Сицилію. Чтобы не испортить окончательно своихъ отношеній съ духовенствомъ, Наполеонъ на время отозвалъ своего посла изъ Турина и послалъ подкрѣпленіе французскому отряду, находившемуся въ Римѣ для охраны папы. Въ дальнѣйшемъ Виктору Эммануилу и Кавуру представлялось довершить объединеніе Итальянскаго королевства. Когда 11-го февраля 1861 г. послѣ упорнаго сопротивленія пала крѣпость Гаэта, гдѣ укрылся Неаполитанскій король Францъ, 17-го Марта 1861 г. въ Туринѣ Викторъ Эммануиль былъ официально провозглашенъ королемъ Италіи.

Австрія была вытѣснена изъ Италіи; ея вліяніе на Аппенинскомъ полуостровѣ было подорвано. На мѣсто союзнаго государства, состоявшаго изъ 3-хъ частей (Верхняя Италія; папская область и герцогства Неаполь и Сицилія), раздираемаго междоусобицами и, естественно, смотрѣвшаго на Францію, какъ на судью и защитницу, теперь образовалось единое итальянское королевство, которое при случаѣ могло занять положеніе, враждебное Франціи. Орсини псбудилъ Наполеона взять на себя роль освободителя; Гарибальди и Кавуръ помѣшали обставить дѣло освобожденія въ духѣ „наполеоновской идеи“. Крымская война принесла Наполеону, если не военную славу, то крупную дипломатическую побѣду. Итальянскій походъ доставилъ ему славу, увеличилъ территорію Франціи, но онъ окончился пораженіемъ императорской дипломатіи. Наполеонъ сталъ наиболѣе могущественнымъ государемъ на европейскомъ континентѣ, но событія показали, что онъ не былъ властенъ надъ судьбами народовъ Европы.

4. Положеніе імперіи становится шаткимъ. Начало мексиканской экспедиціи. Выборы 1863 года.

Итальянскій походъ отдавалъ „мертвечиной революціи“, употребляя выраженіе королей. Наполеонъ спокойно допустилъ, что тотъ же Гарибальди, который въ 1849 г. во имя римской республики сражался противъ Франціи, официально принималъ участіе въ этомъ походѣ, т. е. являлся до извѣстной степени его союзникомъ. Двойственная природа бонапартизма мирилась съ еще большими противорѣчіями. Наполеонъ серьезно стремился примирить съ имперіей радикальные элементы населенія, побудить ихъ къ участію въ политической работѣ въ рамкахъ имперіи. Съ этой же цѣлью онъ даровалъ въ августѣ 1859 года, когда французскій народъ радостно привѣтствовалъ успѣхи при Маджента и Сольферино, *обширную амнистію для политическихъ преступниковъ*, не исключая и вожаковъ революціонныхъ партій, оказавшихъ имперіи вооруженное сопротивление. Только одна категорія политическихъ преступниковъ была изъята: писатели, подобные Прудону, и издатели, подобные Ла Шатру (La Châtre), навлекшіе на себя особый гнѣвъ римскаго клира. „Побѣдитель при Сольферино и Маджента чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы дозволить возвращеніе на родину врагамъ его политики; но согласно условіямъ мира при Виллафранка, принципиальные враги папы и духовенства не должны были допускаться въ страну“ *).

Впрочемъ, наиболѣе извѣстные республиканцы (Луи Бланъ, полковникъ Шарра, Викторъ Гюго и друг.) не воспользовались амнистіей, отвергнувъ ее съ презрѣніемъ.

Луи Бланъ писалъ въ своихъ „Revolutions Historiques“, появившихся въ 1859 г. о Наполеонѣ III: „Пусть тѣ, которые поклоняются слѣпому успѣху, склоняютъ голову передъ имперіей; пусть они награждаютъ прозвищемъ „великаго“ человека, величіе котораго заключается въ томъ, что онъ употреблялъ насиліе надъ самымъ святымъ, что есть на землѣ; пусть они смѣшиваютъ силу кулака съ силою духа; пусть считаютъ безграничный произволь за высшую побѣду мысли. Какъ ни жалокъ этотъ самообманъ, ему нельзя удивляться: мало возвышенныхъ душъ, которыхъ мишурный блескъ можетъ не ослѣпить“. Многие, впрочемъ, приняли амнистію. Во всей Франціи, несомнѣнно, политическая жизнь сдѣлалась интенсивнѣе, да и во всей Европѣ въ это время снова ожили либерализмъ и демократія. Во Франціи самъ Наполеонъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи черезъ своихъ литературныхъ агентовъ. Ему нужно

*) Карль Диль (Karl Diehl). „Прудонъ“, томъ 3, стр. 120. Самъ Прудонъ объ этомъ писалъ въ бельгійской газетѣ. «Успокоившись за судьбу своей династіи, Наполеонъ, однако, столь увѣренъ въ непоколебимости папской власти и безсмертіи церкви, что Ла-Шатръ, Эрданъ я и многіе другія исключены изъ числа амнистированныхъ». (Ср. Диль). Недурная иронія! Фактически, конечно, страхъ передъ духовенствомъ заставилъ Наполеона исключить враговъ святой церкви.

Ворота Пекина сданы Французамъ.

скаго императора. Самъ Кузень-Монтобанъ подалъ примѣръ. Онъ награбилъ драгоценностей, сколько могъ, и затѣмъ предоставилъ своимъ офицерамъ и солдатамъ довершить начатое имъ дѣло; это было исполнено самымъ варварскимъ способомъ. Англичане, не принимавшіе участія въ грабежѣ, съ не меньшимъ ожесточеніемъ опустошали страну; въ наказаніе за совершенное китайцами предательское и звѣрское убійство посредниковъ они сожгли до тла лѣтній дворецъ, великолѣпный памятникъ китайской архитектуры. 25 октября 1860 г. китайское правительство подписало условія мира, предложенныя союзниками и гарантировавшія, между прочимъ, свободный доступъ европейцевъ во всѣ города имперіи и право учрежденія консульствъ въ Пекинѣ. Само собою понятно, Китай былъ обязанъ уплатить и военныя издержки.

Когда генералъ Кузень въ 1862 г. вернулся во Францію, Наполеонъ наградилъ его титуломъ графа Паликао (Palikao) и внесъ предложеніе въ законодательный органъ назначить ему пожизненную пенсію въ 30.000 франковъ въ годъ. Однако, разбойничьи подвиги этого графа возбудили столь сильное негодованіе, оппозиція къ этому времени настолько окрѣпла (подошло время новыхъ выборовъ), что палата отказалась исполнить предложеніе императора.—„Генералъ свое вознагражденіе привезъ изъ Китая“—отвѣтила палата. Внѣ себя отъ ярости вновь испеченный графъ подалъ въ отставку. Наполеонъ уже не въ первый разъ попадалъ въ просакъ, желая выразить благодарность за оказанныя ему услуги. Отставку графа онъ не принялъ; онъ назначилъ его шефомъ армейскаго полка и распорядился, чтобы въ подсчетъ военныхъ издержекъ, которыя надлежало получить съ китайскаго правительства, была сдѣлана „ошибка“ въ 589.500 фр. въ пользу графа Поликао; этотъ ариѳметическій фокусъ обнаружился только послѣ паденія имперіи, послѣ того какъ новая „ариѳметическая ошибка“, сдѣланная графомъ Поликао, имѣла для него роковыя послѣдствія.

Въ 1860 г. Франція совершила побѣдоносную экспедицію въ Сирію для защиты христіанскихъ Маронитовъ отъ мѣстныхъ мусульманскихъ Друзовъ.

Въ 1861 г. Наполеонъ, подъ вліяніемъ своего брата Морни (Morny), рѣшился на предпріятіе, отвѣчавшее одной изъ его „наполеоновскихъ идей“ и подготовившее почву для паденія имперіи. Это была *мексиканская экспедиція*.

Со времени учрежденія республики (1823 г.) въ Мексикѣ свирѣпствовала отчаянная борьба партій, мѣшавшая правильному развитію страны. Централисты, федералисты, клерикалы и либералы были непримиримыми врагами и почти ежегодно возгоралась новая „революція“. При такихъ условіяхъ финансы въ странѣ все болѣе разстраивались; она должна была дѣлать займы на самыхъ тягостныхъ условіяхъ, выполнить которыя она не была въ силахъ. Въ 1861 г. взяла верхъ радикальная партія, руководимая честнымъ, энергичнымъ и талантливымъ

туземцемъ Бенито Жуарецъ (Benito Suarez). На конгрессѣ 1-го іюля онъ былъ провозглашенъ диктаторомъ. 17-го іюля Жуарецъ былъ вынужденъ отсрочить уплату процентовъ по внѣшнимъ займамъ на 2 года, несмотря на то, что церковныя умущества были конфискованы и проданы за 80 милліоновъ пезетъ (франковъ). За исключеніемъ самого Жуареца радикальные вожаки и полководцы безсовѣстно наживались на счетъ государства, и теперь клерикально-консервативная партія призывала къ возстанію.

Франція, Испанія и Англія предъявили къ Мексикѣ всевозможныя требованія. Не удовлетворясь этимъ, Наполеонъ III, по настоянію Морни, взялъ на себя искъ, предъявленный женевскимъ банкиромъ Іеккеромъ (Jecker). Іеккеръ сдѣлалъ консервативно-клерикальной коалиціи — Цулоага — Мирамонъ (Zuloaga—Miramon), овладѣвшей въ 1858 г. столицей и большею частью всей страны и считавшей себя законнымъ правительствомъ, заемъ, на номинальную сумму въ 75 милліоновъ, но не стоившій Іеккеру фактически и десяти милліоновъ. Для Морни, вѣчно нуждавшагося въ деньгахъ, дѣло представлялось заманчивымъ. Наполеонъ взялся взыскать этотъ ростовщическій долгъ, рассчитывая воспользоваться случаемъ и сдѣлать Мексику французской провинціей. Внутреннія осложненія въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ только — что вспыхнула гражданская война, казалось, особенно благопріятствовали начатому предпріятію.

31-го октября 1861 г. Англія, Франція и Испанія согласились предъявить сообща свои требованія Мексиканскому правительству при условіи, однако, не вмѣшиваться въ внутреннія дѣла Мексики и отказаться отъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Когда посланный ультиматумъ остался безъ отвѣта, испанскій отрядъ въ концѣ 1861 г. осадилъ портъ Веракрузъ, а въ началѣ 1862 г. сюда прибыли англійскія и французскія войска. При вновь начатыхъ переговорахъ уполномоченные Англіи и Испаніи объявили, что не могутъ поддерживать „чрезмѣрныя, лишенныя основанія“ претензіи французовъ. И когда Франція, несмотря на многократные протесты, демонстративно обращалась съ вожакомъ клерикально-консервативной партіи, графомъ Альмонтъ (Almonte), какъ со своимъ союзникомъ, союзъ трехъ державъ былъ расторгнутъ. Англія и Испанія съ протестомъ отстранились, а Франція, какъ она и хотѣла, теперь выступила одна противъ мексиканскихъ „узурпаторовъ“, не соглашавшихся признать іеккерскій заемъ, какъ сдѣланный незаконнымъ правительствомъ.

Увѣренность бонапартитскихъ полководцевъ, что съ шайкой „варвара“ Жуареца имъ удастся справиться безъ труда, оказалась преждевременной. Нѣсколько военныхъ, приверженцевъ партіи Альмонтъ—Мирамонъ (Almonte—Miramon), правда примкнули къ французамъ, но въ общемъ даже клерикальные мексиканцы не воодушевлялись идеей признать въ экзекуторахъ Іеккера своихъ избавителей; они отнеслись къ французамъ совершенно безучастно, а радикалы между тѣмъ соб-

рали всѣ свои силы, чтобы выгнать непрошенныхъ гостей изъ своей страны. Лѣтомъ 1862 г. французы оказались въ очень затруднительномъ положеніи; многіе погибли отъ непривычнаго климата, и Наполеонъ долженъ былъ отправлять въ Мексику одно подкрѣпленіе за другимъ; къ осени тамъ собралось до 30.000 сухопутныхъ и 14.000 морскихъ солдатъ изъ Франціи. Чѣмъ-бы ни кончилось это опасное предпріятіе, пока—что оно лишь поглощало милліоны за милліонами, истощая и безъ того пустую казну.

Въ маѣ 1863 г. происходили новые выборы въ законодательный корпусъ. Оппозиція одержала блестящую побѣду. Она получила круглымъ счетомъ 1.950.000 голосовъ; во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ одерживали верхъ противники имперіи. Парижъ за оппозицію подалъ 153.000 голосовъ, за сторонниковъ правительства лишь 82.000: столица двумя голосами противъ одного высказывалась противъ имперіи. Рабочіе снова голосовали за-одно съ радикальной буржуазіей. Но сельское населеніе вывело правительство; оно дало 5.500.000 голосовъ за правительственныхъ кандидатовъ. Всѣмъ, однако, была извѣстна цѣна этихъ голосовъ; всѣ знали способъ, какимъ производились выборы въ деревняхъ. Голоса сельскаго населенія были ненадежны, неопредѣленны; голосованіе въ Парижѣ, Ліонѣ, Марсели и др. городахъ дало громкій, ясный, недвусмысленный протестъ. Наряду съ 20-ю оппозиціонными либералами, среди которыхъ былъ и Тьеръ, было выбрано 15 радикаловъ.

Могло-ли быть иначе. Какая политика могла явиться болѣе вызывающей, чѣмъ политика имперіи? То она была либеральна, то клерикальна; въ одномъ мѣстѣ революціонная, въ другомъ легитимистская, здѣсь сочувственна къ рабочему классу, тамъ за-одно съ худшими авантюристами финансоваго міра; здѣсь шовинистская, тамъ выступающая въ роли примирительницы;—повсюду она встрѣчала одинаковое недовѣріе. Въ Италіи имперія выступила, какъ освободительница, а къ правительству освобожденной Италіи она стала во враждебныя отношенія. Въ русской Польшѣ вспыхнуло возстаніе. Оставаясь вѣрной традиціямъ, имперія должна была-бы оказать Польшѣ поддержку; между тѣмъ она отважилась лишь на то, чтобы послать увѣщеваніе русскому правительству и получила оскорбительный отвѣтъ. Такую-же неудачу она потерпѣла, сдѣлавъ предложеніе созвать европейскій конгрессъ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Въ сѣверной Америкѣ она, имѣя въ виду свое Мексиканское предпріятіе, вначалѣ поощряла возстаніе, поднявшееся въ южныхъ штатахъ; но когда она предложила свое посредничество, президентъ Линкольнъ отъ него отказался безъ объясненія причинъ. На императора теперь смотрѣли не какъ на международнаго третейскаго судью, а какъ на нарушителя мира въ концертѣ европейскихъ державъ. Нарушить миръ вовсе не всегда входило въ планы Наполеона, но съ этимъ не считались: къ нему создалось недовѣріе, недовѣріе всеобщее! Кредитъ второй имперіи былъ сильно подорванъ.

5. Имперія катится по наклонной плоскости.

Какъ мы замѣтили выше, для правительства Наполеона III, быть можетъ, гибельнѣе всего была его зависимость отъ римскаго духовенства. Помимо свойственной послѣднему тенденціи разширять до безконечности свои притязанія, въ данномъ случаѣ слѣдуетъ принять во вниманіе положеніе Рима послѣ событій 1859—60 года. Нѣкогда либеральный папа не хотѣлъ признавать объединенія Италіи, потому что оно сопровождалось расхищеніемъ церковнаго имущества, — земельныхъ владѣній церковной области. Онъ послалъ проклятіе виновникамъ и участникамъ этого грабежа. Молодому обновленному строю Италіи проклятіе не было страшно; подъемъ народнаго духа былъ еще такъ силенъ, что никакія проклятія Рима не могли его сломить. Династія была обязана своею властью народу и революціи, и ей не за чѣмъ было трепетать передъ папой. Отъ Савайской династіи послѣдній ничего не могъ добиться угрозами. тѣмъ болѣе, что низшіе слои духовенства большою частью принимали участіе въ народномъ движеніи.

Викторъ Эммануиль былъ такъ популяренъ въ народѣ, что ему прощались всѣ его рыцарскія похожденія среди женскаго пола и прочіе недостатки. Иное дѣло Наполеонъ III. Онъ, правда, сдѣлался императоромъ по волѣ народа, но это могло случиться только благодаря реакціи и помощи духовенства, которое во Франціи всегда было несравненно фанатичнѣе, а въ вопросахъ церкви гораздо строже, чѣмъ духовенство въ Италіи. Онъ пользовался популярностью, но она была создана искусственно, основывалась на желаніяхъ и упованіяхъ, вызванныхъ ореоломъ его императорской власти. Между императоромъ и французскимъ народомъ не существовало непосредственной связи; первому удалось подняться благодаря тому, что народъ опустился. Между тѣмъ популярность Виктора Эммануила, наоборотъ, возникла благодаря тому, что одновременно съ возвеличеніемъ короля Сардиніи и нація поднялась на высшую ступень. Популярность Наполеона нуждалась въ искусственной поддержкѣ, и какъ только онъ лишился покровительства духовенства, его могущество стало всецѣло зависѣть отъ воли и снисхожденія народной массы въ городахъ. Гнѣвъ Рима для него имѣлъ большое значеніе. А Римъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы держать императора въ зависимости отъ себя. Онъ былъ нуженъ для противодѣйствія планамъ Савайской династіи и намѣреніямъ независимыхъ итальянскихъ патріотовъ по отношенію къ Риму. Вслѣдствіе такихъ соображеній папа относился къ Франціи гораздо болѣе клерикально, чѣмъ къ болѣе близкой Италіи. Франція во что-бы то ни стало должна была остаться вѣрною дочерью церкви.

Однако, ни въ одну эпоху прошлаго столѣтія общество не относилось такъ отрицательно къ церкви, какъ въ шестидесятые годы и, притомъ, именно во франціи. При Луи Филиппѣ среди буржуазіи, правда, были сильно распространены идеи

Вольтера, но отрицаніе Бога было чисто вольтеровское: „Богъ нуженъ для народа, а „мы“ обойдемся и безъ него“. Въ народѣ былъ сильно распространенъ мистическій, христіанскій социализмъ (вспомнимъ Сень-Симона, Ламмене, Луи Блана). Во времена имперіи это измѣнилось. Оппозиція скоро очень рѣзко ополчилась противъ духовенства, быть можетъ, именно потому, что въ первые годы имперіи всякое прямое порицаніе его было

Эрнестъ Ренанъ.

запрещено и невозможно. Произведеніе Прудона, направленное противъ церкви, имѣло огромный успѣхъ. Позитивизмъ Огюста Конта находилъ все болѣе сторонниковъ. Когда въ 1863 году Эрнестъ Ренанъ, профессоръ въ College de France, выпустилъ свою книгу „Жизнь Христа“, гдѣ личность основателя христіанства разсматривалась съ точки зрѣнія общечеловѣческой психологіи; гдѣ онъ являлся мечтателемъ, доступнымъ заблужденіямъ и самообману, то книга эта, не представлявшая ничего новаго въ научномъ отношеніи, но написанная крайне увлекательно, была встрѣчена публикой съ восторгомъ. Духовенство, не будучи въ состояніи придумать ничего лучшаго,

стало требовать удаленія Ренана; его устранили отъ должности 10 іюля 1863 г., что вызвало сильное ожесточеніе во всѣхъ неклерикальныхъ кругахъ. Наполеонъ, котораго всего менѣе можно было упрекнуть въ набожности, старался загладить это дѣло, предложивъ Ренану мѣсто бібліотекаря въ императорской бібліотекѣ. Ренанъ, однако, отказался и Наполеону былъ нанесенъ двойной ударъ. Духовенство перестало ему довѣрять и предпочло дѣйствовать черезъ императрицу, политическое вліяніе которой на Наполеона росло съ каждымъ годомъ.

Всякихъ сношеній съ Римомъ онъ прервать не могъ, ибо Франція благодаря этому могла лишиться своей роли покровительницы католической церкви на востокѣ и во всѣхъ внѣ-европейскихъ странахъ вообще и всѣхъ связанныхъ съ этимъ выгодъ. Онъ даже и тогда продолжалъ оставаться рабомъ папскаго престола, когда послѣдній въ декабрѣ 1864 года издалъ знаменитое постановленіе, объявлявшее всѣ новѣйшія идеи о вѣротерпимости, о свѣтской власти въ дѣлахъ управленія государствомъ и пр. ересью, достойной проклятія и вызвавшее этимъ протестъ всей просвѣщенной Европы. Но чѣмъ большая опасность грозила Риму потерять свое прежнее вліяніе, тѣмъ энергичнѣе онъ, конечно, выступалъ на защиту своей власти и дѣятельно подготавливалъ сильную централизацию католической церкви, получившую догматическую санкцію въ 1869 году на вселенскомъ соборѣ (догма о непогрѣшимости).

Стремленія къ усиленію власти римской церкви, съ одной стороны, рѣзкое противоклерикальное теченіе во всѣхъ слояхъ населенія, съ другой,—дѣлали положеніе императора все болѣе затруднительнымъ. Онъ не могъ на долгое время стать во враждебныя отношенія съ тѣми классами или слоями населенія, которые являлись представителями идейной жизни націи. Въ его собственной семьѣ даже находился рѣшительный сторонникъ радикализма, отрицавшаго церковь. Его двоюродный братъ, принцъ Наполеонъ, извѣстный подъ прозвищемъ „Плонплонъ“ (Plonplon), окружилъ себя цѣлымъ штатомъ людей, не признававшихъ религіи и компрометтировавшихъ духовенство и другихъ лицъ, демонстративно оскорбляя всѣ предписанія церкви (устраивая, напр., торжественныя пиршества по пятницамъ и т. п.). „Красный принцъ“ былъ поистинѣ крестомъ для императора. Онъ дѣлалъ все, чтобы стать популярнымъ въ тѣхъ кругахъ, гдѣ относились враждебно къ императору, и компрометтировалъ послѣдняго при всякомъ удобномъ случаѣ. Приверженцы императора, и главнымъ образомъ, сторонники императрицы, обвиняли его въ томъ, что онъ самъ хочетъ попасть на престолъ и что даже на его физіономіи виденъ отпечатокъ бонапартизма (онъ поразительно походилъ на Наполеона I). Императору, между тѣмъ, враги постоянно намекали, что обстоятельства, сопровождавшія его рожденіе, заставляютъ сильно сомнѣваться въ его бонапартистскомъ происхожденіи.

Въ описываемое нами время рабочій классъ во Франціи снова приходилъ въ движеніе. Императоръ старался завоевать

расположение и благодарность рабочихъ законами о кассахъ вспомошествованія, устройствомъ жилищъ для рабочихъ и заботой о доставленіи имъ заработка. На парижской всемірной выставкѣ въ 1855 году, подобно тому какъ на лондонской промышленной выставкѣ въ 1851 году, были организованы рабочія делегации; конференціи ихъ, однако, не имѣли никакого вліянія.

Иначе обстояло дѣло въ 1862 г. Въ этомъ году „красный принцъ“ сталъ во главѣ комитета, завѣдывавшаго отправкой ра-

Принцъ Наполеонъ.

бочихъ делегаций на всемірную выставку въ Лондонѣ. Несмотря на противодѣйствіе со стороны вліятельнаго министра торговли и позднѣйшаго премьеръ-министра Руэ (Rouher), принцъ достигъ того, что одинъ парижскій комитетъ отправилъ въ Лондонъ 300 рабочихъ. Кромѣ того рабочія делегации были посланы также парижскими политехническими обществами и провинціальными комитетами; такъ что всего 750 французскихъ рабочихъ (540 отъ Парижа и его окрестностей и 210 изъ провинціи) отправилось черезъ каналъ, чтобы посѣтить выставку въ Лондонѣ. Большинство изъ нихъ держались „официаль-

ныхъ“ взглядовъ, т. е. они не выходили изъ рамокъ своихъ мандатовъ и позднѣе въ своихъ докладахъ считали нужнымъ рекомендовать лишь самыя безобидныя реформы. Существовало, однако, меньшинство, среди нихъ чеканщикъ Толэнъ (Golain), которое стояло рѣшительно за абсолютную независимость рабочихъ отъ всякой оффиціальной опеки и выдвигало въ своихъ докладахъ болѣе или менѣе социалистическія требованія. Въ Лондонѣ Толэнъ и другіе завязали сношенія съ французскими рабочими, жившими тамъ въ качествѣ политическихъ бѣглецовъ; изъ нихъ впоследствии создалася „Интернаціональ“ („Международное общество рабочихъ“). Но еще до этого, въ 1863 г., была отправлена депутація въ Лондонъ по поводу возстанія вспыхнувшего въ русской Польшѣ.

Это возстаніе было для Наполеона III источникомъ большаго дипломатическаго пораженія. Подъ давленіемъ сильнаго сочувствія французскаго народа польскому движенію (Франція въ то время еще не была руссифицирована); благодаря возрѣшенной и до нѣкоторой степени признанной императоромъ задачи содѣйствовать учрежденію національныхъ государствъ, онъ счелъ своимъ долгомъ въ союзѣ съ Англіей и Австріей заставить Россію сдѣлать Польшѣ довольно значительныя уступки. Но онъ слишкомъ сильно запутался уже въ дорогую мексиканскую аферу, и не чувствовалъ себя въ силахъ начать новую войну съ Россіей; Англія и Австрія обнаруживали также мало охоты имѣть серьезное столкновеніе съ русскимъ медвѣдемъ. Они спокойно выслушали холодный отвѣтъ русскаго правительства, рекомендовавшаго имъ оставить при себѣ свои мудрыя совѣты; Россія-де сама знаетъ, какъ справиться съ поляками. Вернувшійся во Францію Прудонъ въ своей статьѣ о договорахъ 1815 года выступилъ противъ идеи возстановленія единаго польскаго государства, какъ идеи аристократической, и объявилъ, что царское правительство для польскаго народа выгоднѣе, чѣмъ какое-бы то ни было польское національное правительство.

Такія комментаріи, однако, все-же не могли загладить факта дипломатическаго пораженія Наполеона. Скоро къ этому присоединилась новая неудача. Осенью 1863 г. смерть Фридриха VII, короля Даніи, выдвинула снова шлезвигъ-гольштинскій вопросъ. Нѣмецкій союзъ рѣшилъ противодѣйствовать полному сліянію герцогствъ съ датскимъ королевствомъ. Наполеонъ только-что (въ ноябрѣ 1863 г.) предложилъ созывъ всеобщей конференціи европейскихъ державъ, которая должна была заняться давно назрѣвшимъ пересмотромъ устарѣвшихъ вѣнскихъ договоровъ 1815 года. Но несмотря на то, что событія складывались въ пользу этого проекта, онъ былъ отвергнутъ. Одни отказывались изъ недовѣрія, другіе, чтобы выразить пренебреженіе Наполеону. Вліяніе имперіи не на шутку поколебалось. Попытка Наполеона вмѣшаться въ качествѣ посредника въ гражданскую войну, разыгрывавшуюся въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1861 года, потерпѣла также неудачу, о чемъ уже

было упомянуто выше. Имѣя виды на Мексику, онъ долго заигрывалъ съ феодалами южныхъ штатовъ. Сѣверныя штаты, руководимые дѣятельнымъ Авраамомъ Линкольномъ, несмотря на всю тяжесть обстоятельствъ, оставались вѣрными духу ученія Монроэ, не допускаяшаго европейскаго вмѣшательства въ дѣла Союза. Ихъ отказъ ясно показалъ Наполеону, какова будетъ судьба его мексиканскаго предпріятія.

Экспедиція окончилась, повидимому, успѣшно. Уже въ

Максимиліанъ.

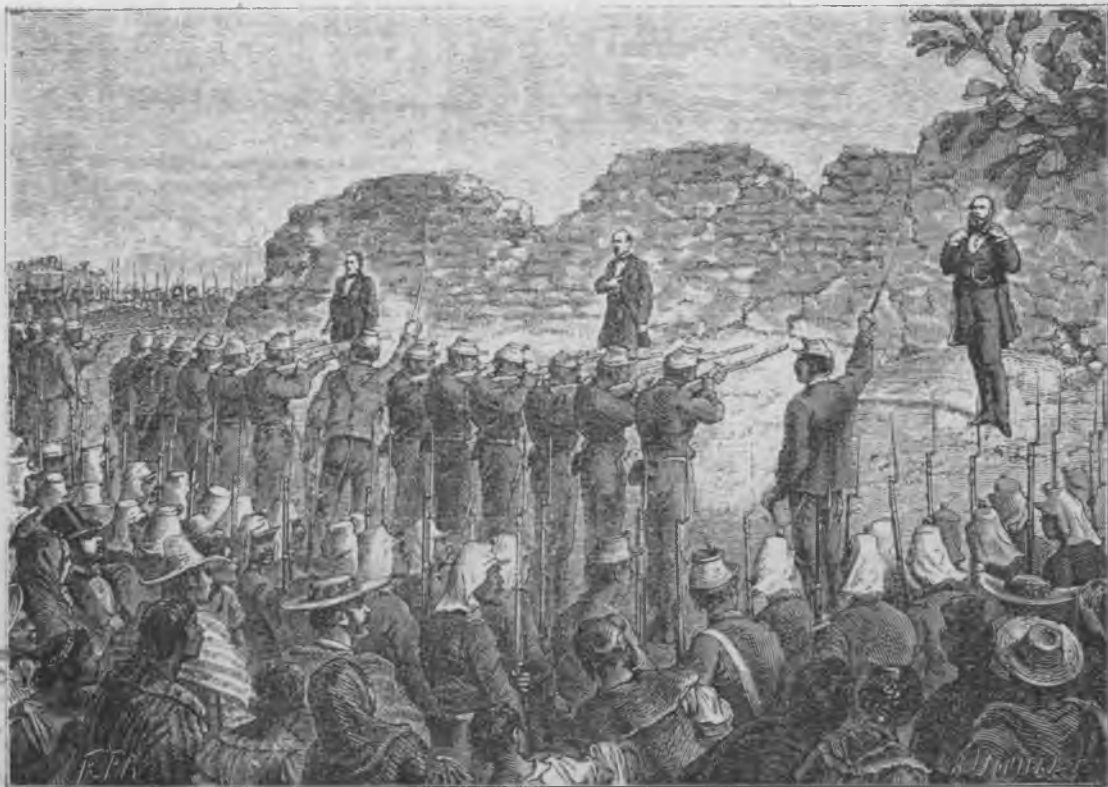
іюнѣ 1863 г. французы заняли столицу Мексики, взявъ въ маѣ крѣпость Пуэбла (Puebla). Временное правительство созвало собраніе нотаблей, составленное исключительно изъ его сторонниковъ. Собраніе порѣшило установить наследственную монархію, и Наполеонъ уговорилъ брата австрійскаго императора, великаго герцога Фердинанда Максимиліана Іосифа, принять корону вновь испеченной имперіи. Несчастный отпрыскъ Габсбургскаго дома высадился въ маѣ 1864 года въ качествѣ Максимиліана I въ Веракрузѣ. Но именно съ этихъ поръ начались дѣйствительныя неудачи. Окончательно завоевана была лишь самая незначительная часть страны. Непрерывныя сраженія то здѣсь, то тамъ съ возстававшими республиканцами со-

вершенно не давали возможности правительству правильно функционировать и поглащали неимоверныя суммы на дорого стоящую армію и подкупных чиновниковъ. Къ тому же Максимилианъ скоро разсорился съ крайнимъ крыломъ своей собственной партіи; для либераловъ онъ былъ слишкомъ консервативенъ, а клерикалы считали его недостаточно клерикальнымъ. Сверхъ того, онъ долженъ былъ противъ своего желанія одобрить многія насильственные мѣропріятія, уступая требованію генерала Базэна (Bazaine), назначеннаго съ 1863 г. главнокомандующимъ французской экспедиціонной арміей. Этотъ честолюбивый и жадный офицеръ, женившійся на богатой мексиканкѣ, всѣми силами старался отравить жизнь Максимилиану, пока наконецъ, въ 1866 году, правительство Соединенныхъ Штатовъ, когла союзная война окончилась полнымъ покореніемъ юга, энергичнымъ ультиматумомъ заставило Наполеона отозвать свои войска изъ Мексики. Въ началѣ 1867 г. французы покинули страну, и Максимилианъ, ни за что не желавшій убраться вмѣстѣ съ французами, уже 15 мая того же года при Кверетаро (Queretaro), въ которомъ онъ тщетно пытался укрыться, попалъ въ руки побѣдоносныхъ республиканцевъ.

Онъ былъ преданъ военному суду, приговоренъ къ смертной казни, и 19-го іюня разстрѣлянъ. Его супруга, бельгійская принцесса, заболѣла неизлѣчимой душевной болѣзнью. Этотъ безславный конецъ дѣла, на которое были возложены блестящія надежды и которое поглотило много сотенъ милліоновъ французскаго капитала, способствовалъ крайнему усиленію оппозиціи противъ имперіи. Сильно раздутые военные успѣхи были скоро забыты; въ памяти всѣхъ остался позоръ безусловнаго отступленія, похожаго на бѣгство.

Но едва-ли національное самолюбіе Франціи снесло бы поражение, понесенное „тамъ, на чужбинѣ“, если бы въ это самое время имперія не потерпѣла въ Европѣ тяжелаго, опаснаго для ея міроваго положенія, урона.

За германо-датскимъ походомъ, окончившимся, несмотря на протесты Франціи и Англій, отдѣленіемъ герцогства отъ Даніи, послѣдовали раздоры между Пруссіей и Австріей, ясно указывавшіе, что германскій вопросъ долженъ въ скоромъ времени разрѣшиться. Оставалось рѣшить, какой державѣ будетъ принадлежать гегемонія,—Пруссіи или Австріи? Сначала Наполеону очень хотѣлось поддержать Австрію. Въ 1864 году онъ заключилъ съ Италіей компромиссъ. Послѣдняя обязывалась сама прекратить всякое посягательство на папскую область (Римъ и его окрестности) и всѣми силами препятствовать чьему-бы то ни было вторженію въ эти владѣнія. Франція взамѣнъ этого по истеченіи двухъ лѣтъ обѣщала отозвать свое сильное осадное войско. Съ 1865 года Пруссія начала сближаться съ Италіей, чтобы въ случаѣ надобности имѣть союзника противъ Австріи. Для всѣхъ было ясно, что Венеція достанется въ награду Италіи, если она будетъ дѣйствовать сообща съ

Разстрѣлъ императора Максимиліана и генераловъ Межіи и Мирамонъ.

Пруссіей противъ Австріи. Наполеонъ, для котораго прусско-итальянскій союзъ казался крайне нежелательнымъ, посоветовалъ австрійскому императору добровольно отдать Италиі, за соотвѣтствующую денежную сумму, Венецію, которую все равно не удастся сохранить надолго. Но пока еще шли переговоры объ этомъ, Бисмаркъ въ октябрѣ 1865 г. посѣтилъ французскаго императора въ *Біаррицъ*, чтобы склонить его въ пользу своихъ плановъ.

Наполеонъ зналъ, что на Австрію можно было также мало положиться, какъ и на Италию; кромѣ того его легко было поймать, апеллируя къ идеѣ о національныхъ государствахъ. Въ концѣ концовъ, пообѣщавъ Наполеону, что за поддержку и утверженіе прусскаго владычества Франція будетъ соотвѣтствующимъ образомъ „вознаграждена“, Бисмарку удалось убѣдить его сохранить нейтралитетъ въ случаѣ войны съ Австріей. Въ чемъ будетъ заключаться „вознагражденіе“, не могло подлежать сомнѣнію: Наполеонъ рассчитывалъ получить часть лѣваго берега Рейна, расположенную къ югу отъ Мозеля.

Определенно ли Бисмаркъ въ своемъ обѣщаніи указывалъ на эту область, или намекомъ далъ понять Наполеону, что „сѣверо-германскій Кавуръ“ готовъ распорядиться судьбой прилегающихъ къ Рейну Гессена и Баваріи такъ же какъ распорядился итальянскій Кавуръ Ниццей и Савойей, не мѣняетъ сути дѣла. Бисмаркъ во всякомъ случаѣ не отвергъ поползновеній Наполеона. Впрочемъ, Бисмаркъ не могъ, конечно, собственной властью сдѣлать того, что ему не принадлежало, онъ могъ лишь молча, или слабо протестуя для вида, допустить, что Наполеонъ въ надлежащій моментъ „округлитъ“ границы Франціи насчетъ Баваріи и Гессена до береговъ Рейна. Однако, этому не суждено было случиться. Весной 1866 г. былъ заключенъ прусско-итальянскій союзъ, и антагонизмъ между Пруссіей и Австріей такъ обострился, что война становилась неизбежной. Либеральная и радикальная оппозиція во французской палатѣ, во главѣ которой стоялъ Тьеръ, все настойчивѣе требовала энергичныхъ дѣйствій противъ Пруссіи.

Усиленіе послѣдней было бы крайне опасно для Франціи; это мнѣніе раздѣлялось и частью расположенныхъ къ правительству депутатовъ. Наполеонъ, однако, утверждалъ, что наиболѣе выгоднымъ для Франціи является соблюденіе „бдительнаго нейтралитета“. Будучи противницей позорныхъ соглашеній 1815 года, Франція въ принципѣ ничего не можетъ имѣть противъ того, если объединенныя Италиі и Германіи объявятъ войну условіямъ этого договора. Дѣло Франціи стоять только на стражѣ, чтобы не произошло перемѣнъ, нарушающихъ равновѣсіе Европы въ ущербъ Франціи. Въ концѣ мая Наполеонъ снова предложилъ созывъ европейскаго конгресса для улаженія конфликта, возгорѣвшагося между Австріей съ одной стороны, и Пруссіей и Италией—съ другой. Но хотя

Англія и Россія также высказывались за конференцію, германскому вопросу было суждено рѣшиться на полѣ сраженія. Въ серединѣ іюня возгорѣлась война, и Наполеонъ пропустилъ удобный моментъ, чтобы пожать плоды своей нейтральной политики. Быстрѣ чѣмъ онъ разсчитывалъ и чѣмъ могъ ожидать самъ Бисмаркъ, война приняла оборотъ, благоприятный для Пруссіи. 3-го іюля пруссаки одержали побѣду надъ австрійской главной арміей при Садова-Кениггрецѣ, и по истеченіи немногихъ недѣль они могли подойти къ самой Вѣнѣ. Австрійскій императоръ, уже согласившійся уступить Венецію, обратился за помощью къ Наполеону. Послѣдній предложилъ Пруссіи и Италіи дать Австріи перемиріе, но получилъ отказъ отъ обѣихъ державъ. Теперь, собственно, насталъ моментъ, чтобы обезпечить за собой обѣщанное „вознагражденіе“. Если бы онъ двинулся въ вождѣнную область съ достаточной военной силой, пользуясь крайнимъ озлобленіемъ противъ Пруссіи всей южной Германіи, то легко можно допустить, что ему пришлось бы имѣть дѣло съ одной только Пруссіей, силы которой были уже достаточно подорваны и только частично могли быть направлены противъ Франціи. Наполеонъ во всякомъ случаѣ путемъ компромисса добился-бы выгоднаго распредѣленія границы. Однако, чтобы использовать столь благоприятное положеніе не доставало самого необходимаго: достаточно сильной арміи. Мексика и чрезмѣрная расточительность во внутреннемъ хозяйствѣ совершенно опустошили государственную казну, а дѣло мобилизаціи обстояло настолько плохо, что къ границѣ не могли быть двинуты даже 50.000 человекъ. Занятый своимъ историческимъ сочиненіемъ (онъ въ это время писалъ свой трудъ о жизни Цезаря), императоръ весьма мало заботился о боевой готовности своей арміи. Здоровье его уже пошатнулось; онъ часто страдалъ отъ каменной болѣзни. Онъ былъ принужденъ улаживать недоразумѣнія съ сосѣдними правительствами путемъ переговоровъ и посредничества, а въ дипломатическомъ искусствѣ болѣе молодой и беззащитный Бисмаркъ значительно превосходилъ его. Наполеонъ требовалъ пошады для Саксоніи и южно-германскихъ государствъ; Бисмаркъ соглашался и на это требованіе. Правительствамъ этихъ государствъ, однако, ясно давалъ понять, что не могущество Наполеона, а добрая воля Пруссіи избавляетъ ихъ отъ униженной побѣжденныхъ; онъ теперь выступалъ въ роли защитника интересовъ Германіи. Когда Наполеонъ открыто предъявилъ свои права на „вознагражденіе“, было уже слишкомъ поздно. Бисмаркъ отъ имени нѣмецкаго народа могъ объявить ему, что нѣмцы безъ боя не отдадутъ ему не одной пяди своей земли.

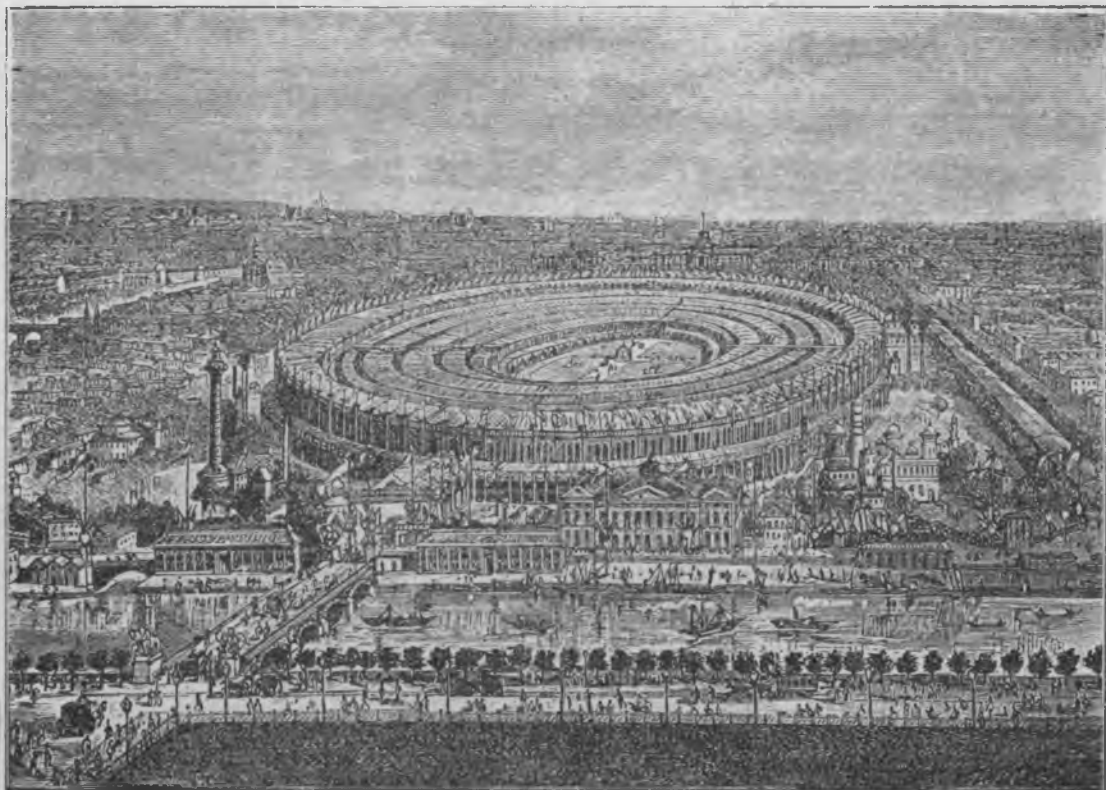
Сознавая, что до вооруженнаго столкновенія допустить нельзя, онъ долженъ былъ покориться обстоятельствамъ. Онъ отставилъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ де-Люи (Drouyn de Lhuys), которой потребовала „вознагражденія“ въ крайне рѣзкой формѣ; а на мѣсто его временно наз-

начилъ графа Лавалетта (Lavalette). Въ циркулярѣ, составленномъ самимъ Наполеономъ въ курортѣ Виши, онъ поручилъ графу разъяснить представителямъ Франціи, что духъ времени требуетъ, чтобы народы объединились въ крупныя національныя единицы; и если Франція станетъ препятствовать этому стремленію, она измѣнитъ своей европейской миссіи. Все, что она можетъ дѣлать въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, это усовершенствовать свою военную организацію, чтобы быть готовой ко всякимъ случайностямъ.

Подобныя благоразумныя рѣчи, какъ внутри, такъ и внѣ страны были приняты, какъ признаніе своего безсилія. Весною 1867 г. Наполеонъ хотѣлъ посредствомъ покупки приобрести для Франціи великое герцогство Люксембургское, чтобы вознаградить французовъ хоть нѣсколько за слишкомъ тяжелыя разочарованія, постигшія ихъ въ 1866 году. Но Бисмаркъ, сдѣлавшись канцлеромъ образовавшагося въ это время сѣверогерманскаго союза, заявилъ протестъ. Франція должна была удовлетвориться удаленіемъ изъ Люксембурга прусскаго гарнизона и объявленіемъ на основаніи международнаго соглашенія нейтральной этой крошечной страны. Оскорбленное національное чувство Франціи на этомъ не могло успокоиться, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время происходило отступленіе изъ Мексики. Все яснѣе чувствовалось, что при Кениггрецѣ была разбита не только Австрія, но и Франція потерпѣла тяжелый ударъ; ея роль примирителя и судьи во внутреннихъ дѣлахъ Германіи была окончена. „Местъ за Садову!“ Этотъ боевой кличъ, исходившій отъ шовинистскаго крыла императорской партіи, былъ сочувственно подхваченъ и радикальной оппозиціей, какъ желанный поводъ для нападокъ на особу императора. Уже весной 1866 г. Тьеръ въ пространной рѣчи рѣзко напалъ на императорскую политику покровительства націоналистическимъ стремленіямъ за границей: „Чтобы сохранить свое мѣсто въ европейскомъ концертѣ Франція должна поддерживать мелкія государства противъ притѣсненій крупныхъ“, объявилъ этотъ представитель капиталистической буржуазіи. Событія, повидимому, подтвердили взгляды маленькаго человѣка съ большимъ честолюбіемъ; императору не простили его сочувствія объединительнымъ стремленіямъ нѣмецкаго народа.

6. Паденіе и конецъ имперіи.

Неминуемый крахъ приближался. Положеніе Наполеона становилось все болѣе ненадежнымъ. Устроенная лѣтомъ 1867 г. въ Парижѣ всемірная выставка вышла блестящей; было зарегистрировано неслыханное количество посѣтителей—почти де-

Общій видъ выставки 1867 г.

Покушеніе Березовскаго.

вать миллионѡвъ. Въ Парижѣ прїѣхали почти всѣ европейскіе государи. Но сквозь внѣшній блескъ проглядывало надвигавшееся банкротство имперіи. Неудачное покушеніе поляка Березовскаго на русскаго императора не имѣло особо важнаго политическаго значенія. Но фактъ, что молодой адвокатъ, Ш. Флоке (Ch. Floquet), могъ рѣшиться бросить „императорскому гостю“ слова: „Vive la Pologne, Monsieur!“ („Да здравствуетъ Польша, милостивый государь“) показывалъ, какъ сильно укрѣпился радикализмъ въ буржуазныхъ классахъ.

Крайне безтактно поступилъ выставочный комитетъ, избравъ президентомъ выставки родившагося въ 1856 г., одиннадцатилѣтняго императорскаго принца Лулу (Loulou). Это подало поводъ ко всякаго рода враждебнымъ демонстраціямъ; во многихъ школахъ удостойные награды ученики отказывались принять награду изъ рукъ принца. Студенчество было настроено радикально-оппозиціонно; университеты сдѣлались очагомъ социалистической революціонной пропаганды.

Въ то время, какъ рабочее движеніе, не исключая даже и меленноувеличивающагося числа секцій „Интернаціонала“, оставалось пока нейтральнымъ къ правительству, социалистическое студенчество выражало свое отношеніе къ правительству и преданнымъ ему профессорамъ политическими демонстраціями. Въ 1865 г. въ Льежѣ состоялся революціонный студенческой сѣздъ, на которомъ французскіе сторонники Бланки Жакларъ (Jaclard), А. Реньяръ (A. Regnard) и др. произнесли очень рѣзкія рѣчи противъ имперіи. Возникшая въ Парижѣ студенческая газета: „Le Journal des Ecoles“ („Газета высшихъ школъ“) за свой рѣзкій тонъ была скоро закрыта. Она вновь возродилась въ Брюсселѣ подъ названіемъ „Лѣвый берегъ“ („La Rive Gauche“) (студенческой кварталъ въ Парижѣ расположенъ на лѣвомъ берегу Сены); отсюда она вела ожесточенную борьбу съ имперіей и все больше расширяла свой кругъ читателей среди студентовъ. Редакторомъ ея былъ Шарль Лонге (Charles Longuet); въ числѣ ея сотрудниковъ находился между прочимъ профессоръ А. Рожаръ (A. Rogcard). Когда появился первый томъ сочиненія Наполеона „Жизнь Цезаря“, Рожаръ написалъ подъ заглавіемъ „Замѣтки Лабіена“ въ высшей степени остроумную сатиру на „новаго цезаря“, надѣлавшую много шума. Другіе болѣе извѣстные сотрудники были: студенты Ж. Тридонъ (G. Tridon), авторъ произведенія, восхвалявшаго гибертистовъ, А. Реньяръ, А. Гюмберъ, Ж. Жакляръ, Ж. Флуранъ, Рауль Ригольтъ, Жюль Валле, Эд. Вальянъ (A. Regnard, A. Humbert, G. Jaclard, G. Flourens, Raoul Rigault, Jules Vallés, Ed. Vaillant); кромѣ того бельгійцы: Викторъ Арнульдъ, Гекторъ Дени, Цезарь де-Пещъ и др. (Victor Arnould, Hector Denis, César de Peere). Въ сочиненіяхъ большинства французскихъ студентовъ красной нитью проходилъ крайне рѣзкій атеизмъ и матерьялизмъ (Реньяръ перевелъ, между прочимъ книгу Бюхнера: „Сила и матерія“ на французской языкъ) и крайне централистическое якобинство. Они протестовали

противъ резолюцій собравшагося весной 1865 г. въ Нанси конгресса представителей всѣхъ партій (консервативной, буржуазно-республиканской, прудонистской), стремившихся къ децентрализациі власти во Франціи. Среди нихъ было много способныхъ и честныхъ людей, но также много болтуновъ и хвастуновъ. Рабочіе, которымъ имперія въ 1864 г. предоставила условное право коалицій, довольно недовѣрчиво смотрѣли на студентовъ — социалистовъ. На первыхъ конгрессахъ „Интернаціонала“ Фрибургъ, Гелигонъ, Шемале, Толанъ (Fribourg, Heligon, Chémalé, Tolain) энергично протестовали противъ допущенія студентовъ въ секціи „Интернаціонала“. Недоброжелательство рабочихъ къ людямъ иного класса считалось признакомъ цеховой ограниченности. Но это мнѣніе о рабочихъ такъ же несправедливо, какъ обвиненія ихъ со стороны Бланки и его приверженцевъ въ бонапартизмъ. Это были честные, быть можетъ, нѣсколько зараженные доктринерствомъ, социалисты, которые хотѣли создать социалистическую рабочую партію и боялись, что „чахлые отпрыски буржуазіи“ имъ больше въ этомъ дѣлѣ повредятъ, чѣмъ помогутъ. Въ органѣ „La Tribune Ouvriere“ („Рабочая трибуна“), созданномъ ими въ 1866 г., была объявлена ярая литературная война бланкистскимъ социалистамъ-революціонерамъ. Социалистическая газета „Courrier Français“ („Курьеръ французскій“) издаваемая Верморелемъ (Vermorel), просуществовала недолго, точно также какъ и прудонистскіе еженедѣльные журналы: „La Mutualité“ („Взаимность“), редактируемый Жюлемъ Вэнкаръ (Jules Vincard), и „L'association“ („Ассоціація“), редакторомъ которой былъ Густавъ Шодей (Gustave Chaudey), одинъ изъ душеприкащиковъ Прудона. Подъ редакціей Элизе Реклю, г-жи Андрэ Лео, Пьера Блана и др. появилась затѣмъ „La Coopération“ („Кооперация“), органъ сторонниковъ кооперативнаго движенія.

Для правительства борьба между студентами революціонерами и ихъ приверженцами среди рабочихъ, съ одной стороны, и членами интернаціонала, съ другой, пришлась очень кстати. Агитація и тѣхъ и другихъ была до извѣстной степени направлена противъ буржуазныхъ радикаловъ и держала послѣднихъ въ страхѣ. Кромѣ того, тренія между крайними теченіями способствовали тому, что ни одно изъ нихъ не было способно пріобрѣсти грозную силу. Однако, даже сильное правительство наврядъ ли сумѣетъ безъ вреда для себя изгонять дьявола, выпустивъ на него вельзевула, а для правительства, уже подгнившаго, такая политика можетъ оказаться прямо-таки гибельной.

Во время выставки въ 1867 году правительству еще удалось организовать многочисленную рабочую делегацію, которая въ своемъ докладѣ, хотя и выставила программу съ демократическими требованіями *), но не выступила все-же прямо про-

*) Она требовала, между прочимъ, уничтоженія рабочихъ книжекъ, введенія безплатныхъ свѣтскихъ школъ, отмены высочайшихъ милостей, полную независимость рабочихъ союзовъ и пр. отъ правительственной опеки.

тивъ правительства. Трое изъ членовъ делегаціи получили орденъ почетнаго легіона. Въ числѣ руководителей другой, выступавшей болѣе рѣзко, делегаціи находился между прочимъ Евгений Варленъ (Eugène Varlin), одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ „Интернаціонала“. Лѣтомъ 1867 года цѣлый рядъ французскихъ членовъ „Интернаціонала“, посѣтивъ конгрессъ въ Лозаннѣ, заключили братскій союзъ съ основанной въ Женевѣ лигой мира и свободы. Въ этомъ конгрессѣ, какъ извѣстно, участвовалъ и Гарибальди, страстно ратовавшій за борьбу съ Римомъ въ присутствіи многотысячной толпы. Слова его не пропали безслѣдно. Хотя итальянское правительство и успѣшило арестовать Гарибальди послѣ его возвращенія и отправить его на скалистый островъ Капрера, охраняемый крейсерами, но позднею осенью началось возстаніе. Гарибальди смѣлымъ побѣгомъ на лодкѣ ускользнулъ изъ рукъ своей стражи и высадился въ октябрѣ на римской территоріи. Его сынъ Менотти и нѣкоторые друзья, между тѣмъ, продолжали начатую имъ организацію добровольныхъ дружинъ и двинулись вмѣстѣ съ ними въ папскую область. Походъ велся энергично и планомѣрно, и Гарибальди одерживалъ побѣду за побѣдой. Итальянское правительство не знало, что дѣлать; оно отправило войска въ папскую область, которая, впрочемъ, заняла чисто выжидательную позицію. Иначе поступило французское правительство. По настоянію своей супруги, фанатичной католички, и все еще вліятельнаго Руэ (Rouher), Наполеонъ отправилъ генерала Фэли (Faily) съ двумя дивизіями на помощь святому отцу, и незадолго до этого введенное въ армію усовершенствованное оружіе „совершало чудеса“. 3-го ноября французскія и папскія войска нанесли тяжкое пораженіе дружинѣ Гарибальди при Ментана. Болѣе тысячи дружинниковъ пало и 1400 было взято въ плѣнъ. Самому Гарибальди удалось спастись, но онъ былъ настигнутъ войсками Виктора Эммануила и снова возвращенъ на островъ Капрера. А въ Римъ прибылъ новый французскій гарнизонъ.

Во Франціи поведеніе имперіи дало радикальнымъ элементамъ новое, могущественное оружіе противъ правительства. Оно рѣшилось выступить на защиту того самаго папы, который лѣтомъ 1867 г. причислилъ къ лику святыхъ инквизитора Петра Арбіо (Arbues) и созвалъ вселенскій соборъ съ цѣлью еще болѣе романизировать католическую церковь. Антиклерикальный духъ заговорилъ громче прежняго; ярко вспыхнуло возмущеніе противъ полицейскихъ услугъ, оказанныхъ Риму французскимъ правительствомъ; производились всякаго рода демонстраціи, въ которыхъ теперь уже стали участвовать и члены „Интернаціонала“, вынужденные къ опредѣленнымъ политическимъ дѣйствіямъ. Вслѣдствіе этого полиція нашла, что организаціи „Интернаціонала“ нарушаютъ законы о союзахъ; секціи были закрыты и ихъ руководители приговорены къ административнымъ карамъ. Немедленно образовался новый комитетъ, противъ котораго полиція тотчасъ-же возбудила преслѣдованіе.

Благодаря смѣлому и умному поведенію обвиняемыхъ, процессъ привлекъ вниманіе широкой публики. Рѣчи главныхъ обвиняемыхъ, Комбольта (Combault) и Варлена, произвели сильное впечатлѣніе, еще усилившееся, когда члены комитета были приговорены къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Въ тюрьмѣ вожаки французскаго „Интернаціонала“ (кромѣ выше названныхъ были еще: Бенуа Малонъ, Бурдонъ, Шарбонно, Гюмберъ и пр.— (Benoit Malon, Bourdon, Charbonneau, Humbert), называвшіе себя по общему соглашенію республиканцами и социалистами, встрѣтились съ бланкистами; много здѣсь было споровъ и дебатовъ (имперія довольно мягко обращалась съ заключенными), и во

Анри Рошфоръ.

многихъ пунктахъ представители разныхъ направленій сблизилась. Рабочее движеніе принимало все болѣе рѣзкій политическій характеръ, болѣе умѣренные прудонисты были оттѣснены на задній планъ; болѣе радикальные—сдѣлались или коллективистами, или, подъ влияніемъ бланкистовъ, стансвились все болѣе революціонными анархистами.

Необходимость произвести дорого стоящія реформы въ арміи; непріязнь, которую встрѣчала связанная съ ними

организация особаго рода милиціи (мобильной гвардіи); все увеличивающіяся финансовыя затрудненія принуждали Наполеона дѣлать все новыя уступки парламенту, печатному и устному слову. Но каждая уступка расшатывала все болѣе основы имперіи. Ея сторонники, точно полчища крысъ, спасались съ тонувшаго корабля. Возникла всякаго рода радикальная журнальная литература; одинъ литераторъ, аристократическаго происхожденія, занимавшійся долгіе годы только вопросами искусства и беллетристикой, Анри Рошфоръ Маркизь Де Люсэ (Henry Rochefor marquis de Luçay), бросалъ въ „Фигаро“ такія ядовитыя нападки на правительство, что послѣднее принудило собственника газеты отказать неугодному редактору. Такія мѣры, однако, лишь ухудшили дѣло. Рошфоръ сталъ издавать собственный журналъ „Lanterne“ („Фонарь“), еженедѣльный органъ, содержащій въ каждомъ номерѣ памфлеты, оскорбительныя издѣвательства надъ больнымъ императоромъ и его супругой. Органъ находилъ массу читателей и приносилъ огромный доходъ писателю. Скрывшись въ Бельгію, Рошфоръ избѣгъ судебнаго преслѣдованія; отсюда онъ съ неослабной энергіей продолжалъ свои ѣдкія, острые нападки; онъ всегда находилъ способъ доставить „Lanterne“ черезъ границу въ огромномъ количествѣ.

Во Франціи, особенно въ Парижѣ, подавленный, истомившійся народъ съ радостью встрѣтило правила, которыми правительство нѣсколько облегчало устройство собраній. ихъ стали устраивать безчисленное множество и въ нихъ велись ожесточенныя сраженія между радикалами и социалистами всѣхъ оттѣнковъ; это сильно способствовало росту оппозиціонно-революціоннаго настроенія. Оно получило еще новую пищу, когда въ концѣ сентября 1868 года испанцы прогнали свою королеву Изабеллу, которая незадолго до этого вела переговоры съ французской императорской четой съ цѣлью укрѣпленія свѣтской власти папы. Устраненіе Изабеллы для Наполеона было сильнымъ ударомъ; его дипломатическіе планы были разбиты, и неудачи его вызывали лишь насмѣшки и издѣвательства. На французскихъ республиканцевъ же сверженіе династіи и успѣшная республиканская агитация въ сосѣдней Испаніи произвели ободряющее дѣйствіе. На 2-ое сентября 1868 года (въ день всѣхъ усопшихъ) у могилы убитаго въ 1851 г. во время государственнаго переворота республиканскаго депутата Бодэна была устроена массовая демонстрація, протекшая очень удачно. Сборъ на памятникъ Бодэну (Baudin) былъ запрещенъ правительствомъ, и газеты, организовавшія его, были привлечены къ отвѣтственности. Однако, процессы по этому дѣлу для правительства оказались неприятнѣе, чѣмъ подписка. Защитники обвиняемыхъ произносили обвинительныя рѣчи противъ императора. Краснорѣчивый адвокатъ Леонъ Гамбетта, уроженецъ южной франціи, уже давно извѣстный, какъ крайній республиканецъ, произнесъ на судѣ рѣчь, превзошедшую рѣзкостью и риторической силой все до тѣхъ поръ слышанное въ судеб-

ныхъ палатахъ; вся Франція ее выслушала съ восторгомъ. Какъ сильно падалъ престижъ имперіи, доказали дополнительные выборы, которые вездѣ прошли успѣшно для оппозиціи, а въ палатѣ все большее число депутатовъ уходило изъ правительственной партіи.

24 мая 1869 г. происходили новые всеобщіе выборы въ законодательный корпусъ—третьи всеобщіе выборы со времени государственнаго переворота. Результатъ былъ гибельнымъ для правительства. Крайняя оппозиція провела 56 депутатовъ,

Леонъ Гамбетта.

среди нихъ Гамбетта (выбранный въ Парижѣ и Марсели), Кремье (Cremieux), Эскиро (Esquiros), Распайль (Raspail), и другіе радикальные республиканцы. Правительственные кандидаты, несмотря на усердное давленіе со стороны префектовъ, получили всего $4\frac{1}{2}$ милліона голосовъ, т. е. на 1 милл. меньше, чѣмъ въ 1863 году. Оппозиція получила почти двойное количество голосовъ, круглымъ счетомъ 3. 300.000; это фактически означало полное пораженіе правительства; всѣ города и большая часть сельскаго населенія отъ него отвернулись. Наполеонъ не скрывалъ отъ себя значенія выборовъ и попробовалъ новыми мелкими уступками расположить къ себѣ новую палату. Но

Большинство согласилось съ Рошфоромъ; Флуранъ-же возмущенный, ушелъ изъ „Марсельезы“. Въ концѣ марта дѣло разбиралось въ государственной судебной палатѣ въ Турѣ; разборъ дѣла продолжался нѣсколько дней, и друзья Нуара, выступавшіе въ качествѣ свидѣтелей, своими нападками не щадили императорской семьи *). Принцъ былъ оправданъ, какъ вынужденный прибѣгнуть къ самозащитѣ. Въ то-же самое время Рошфоръ, призывавшій въ своей „Марсельезѣ“ отомстить за убійство Нуара, былъ приговоренъ къ шести мѣсяцамъ тюрьмы и денежному штрафу въ 3000 франковъ. Производились постоянно многочисленныя аресты, такъ какъ полиція старалась напасть на слѣды мнимыхъ заговоровъ. Стачка рабочихъ въ огромныхъ машинныхъ мастерскихъ въ Крезо (Crezot) въ Бургундіи, принадлежавшихъ президенту палаты М. Шнейдеру, вызвала столкновенія рабочихъ съ войсками; а когда хотѣли арестовать Рошфора, въ предмѣстьѣ Парижа Бельвиль (Bellville) были попытки воздвигнуть баррикады; онѣ, однако, сейчасъ-же были разбиты. Словомъ, всюду происходило броженіе.

Въ началѣ января 1870 г. Наполеонъ который уже не былъ въ состояніи держаться, опираясь на однихъ своихъ мамелюковъ, поручилъ либерально-оппозиціонному депутату, Эмилю Оливье (Emile Ollivier), составить либерально-конституціонное министерство. Въ пользу этого проекта удалось склонить двухъ выдающихся представителей „орлеаниза“ (принципа конституціоннаго монархизма), Л. Ж. Бюффе (L. J. Buffet) и графа Дарю (Daru). Императоръ, однако, все еще не могъ рѣшиться порвать окончательно съ „принципомъ“ бонапартизма, т. е. правительственной власти, опирающейся прямо на волю народа (плебисцитъ). Въ вышеописанныхъ событіяхъ онъ видѣлъ новое подтвержденіе тому, что чистый парламентаризмъ доведетъ Францію до „анархіи“. Въ этой увѣренности его поддерживали и укрѣпляли императрица и бывший министръ Руэ. Все вліяніе Рима было направлено противъ „капитуляціи либерализму“. Въ концѣ марта императоръ опубликовалъ письмо къ министру Оливье, въ которомъ онъ, ссылаясь на полномочіе, полученное имъ отъ всей націи, высказывался за то, чтобы закрѣпить закономъ расширенныя права палаты и сената, для чего слѣдовало получить заключеніе сената и опросить населеніе страны. Такимъ образомъ, несмотря на либеральныя реформы, власть и право императора прибѣгать во всѣхъ случаяхъ къ народному вотуму, такъ же какъ и власть сената, зависящаго отъ императора, должны были остаться неприкосновенными. Оба „орлеаниста“, изъ которыхъ графъ Дарю успѣлъ уже навлечь на себя гнѣвъ Рима за то, что онъ вы-

1) Паскаль Груссе отвѣтилъ предсѣдателю на обычный вопросъ, состоитъ-ли онъ въ родствѣ съ обвиняемымъ принцемъ: «я не знаю,—мадамъ Летитія (Latitia), бабушка принца, была знакома со столькими мужчинами, что я не могу съ увѣренностью сказать, не состоимъ-ли мы въ родствѣ съ принцемъ».

разиль протестъ противъ постановленій происходившаго въ это время въ Римѣ вселенскаго собора (возвѣстившаго 18-го іюля догму о непогрѣшимости), вышли изъ министерства. Оливье, не смотря на протесты радикаловъ, добился заключенія сената и предложилъ его на голосованіе народа, послѣдовавшее 8-го мая 1870 г. Вопросъ былъ поставленъ такъ, что только безусловные враги имперіи могли отвѣтить отрицательно: „французскій народъ одобряетъ либеральныя реформы, осуществленныя съ 1860 года, и соглашается съ заключеніемъ сената, сдѣланнымъ 20-го апрѣля“. Было получено 7.350.000 „да“ противъ 1.540.000 „нѣтъ“; императоръ снова могъ сослаться на волю народа, высказавшагося противъ господства парламентаризма.

Но города въ большинствѣ случаевъ голосовали отрицательно, и армія тоже дала не менѣе 50.000 отрицательныхъ отвѣтовъ. Радикалы не падали духомъ, а революціонеры оживленнѣе, чѣмъ когда либо, обсуждали вопросъ о вооруженномъ возстаніи. Носились даже слухи о бомбахъ. Полиція стала разъискивать новые заговоры. „Марсельеза“ Рошфора была закрыта; много социалистовъ и социалистовъ-революціонеровъ было арестовано и предано суду. Среди нихъ было много довольно извѣстныхъ членовъ французскаго „Интернаціонала“ (Комбольтъ, Малонъ, Мюра, Лео Франкель, Асси, Авриаль, Жоанаръ, Буайе, Тейссъ, Жермень Кассъ и др. — Combault, Malon, Murat, Leo Frankel, Assy, Avrial, Johannard, Royer, Theisz, Germain Casse). Ихъ судили въ началѣ іюля, при чемъ выяснилось, что социалистическое движеніе подпадало все болѣе подъ вліяніе революціонеровъ-радикаловъ. Четверо изъ обвиняемыхъ было оправдано; 27 приговорили къ 2-мъ мѣсяцамъ, а 7—къ 1-му году тюремнаго заключенія. Однако, имъ не пришлось отбыть своего наказанія.

Когда плебисцитъ окончился такъ благопріятно для правительства, императоръ призвалъ герцога Граммона (Grammont), бывшаго до этого времени посланникомъ при вѣнскомъ дворѣ, и вручилъ ему министерство иностранныхъ дѣлъ. Герцогъ, очень реликально настроенный, поддерживалъ въ Вѣнѣ близкую связь съ феодально-клерикальной аристократіей, которая также жаждала „отомстить за Садову“, какъ и французская военная партія. Отъ имени послѣдней военный министръ Лебефъ (Leboeuf), который лѣтомъ 1869 г. занялъ мѣсто маршала Ньеля (Niel), объявилъ, что армія къ войнѣ „вполнѣ подготовлена“.

Признаки надвигавшейся войны съ Пруссіей, т. е. сѣверо-германскимъ союзомъ, давали себя чувствовать. Всѣ обстоятельства къ тому клонились. Меньше другихъ могъ подать поводъ къ войнѣ больной и слабый императоръ, но тѣмъ болѣе его — супруга и ея друзья—клерикалы. Боевая партія римской церкви была крайне недовольна ходомъ вещей въ Германіи и всѣми средствами старалась препятствовать ея объединенію и верховной власти протестантской Пруссіи. При вѣнскомъ дворѣ, при южно-германскихъ дворахъ, вездѣ церковь работала въ

этомъ направленіи и надѣялась обезпечить за собой побѣду, если удастся изолировать Пруссію и сѣверо-германскій союзъ. Поэтому и конфликтъ, возникшій по поводу престолонаслѣдія въ Испаніи, привѣтствовали въ этихъ кругахъ съ не меньшей радостью, чѣмъ встрѣтилъ его Бисмаркъ.

Испанцы, т. е. вожаки монархически-конституціонной партіи, которые держали власть въ своихъ рукахъ, въ поискахъ за королемъ остановились на наслѣдномъ принцѣ Леопольдѣ Гогенцоллернѣ. Послѣдній изъявилъ согласіе быть временно королемъ Испаніи. Тутъ шовинистская пресса въ Парижѣ громко возопила, что этого допустить ни въ коемъ случаѣ невозможно, ибо Франціи съ двухъ сторонъ придется имѣть дѣло съ Гогенцоллернами. По настоянію герцога Граммона, французскій посолъ при берлинскомъ дворѣ, графъ Бенедетти (Benedetti) поѣхалъ въ Эмсъ, гдѣ лечился въ это время король Пруссіи, и предложилъ ему отъ имени французскаго правительства запретить принцу Леопольду принять испанскую корону. Король отвергъ предложеніе; но 11 іюля принцъ самъ отказался и лицомъ, непосвященнымъ въ дѣло, инцидентъ казался улаженнымъ. Парижскій дворъ, однако, не удовлетворился такимъ исходомъ. Отказавшись добровольно, принцъ могъ каждую минуту вновь предъявить свои права. Бенедетти было поручено требовать гарантіи отъ прусскаго правительства и безусловнаго обязательства со стороны короля не допускать и въ будущемъ кандидатуры принца. 13-го іюля по этому поводу въ Эмсѣ между королемъ и Бенедетти послѣдовало объясненіе; къ концу разговора король объявилъ, что лично ничего болѣе не имѣетъ сказать по этому дѣлу; дальнѣйшіе переговоры должны вестись установленнымъ формальнымъ порядкомъ (черезъ министерства). Такой оборотъ дѣла былъ представленъ министрами обѣихъ сторонъ общественному мнѣнію въ томъ видѣ, будто ихъ представителямъ было нанесено величайшее оскорбленіе. Бисмаркъ составилъ извѣстную Эмскую депешу, въ которой говорилось, что король, возмущенный оскорбительнымъ предложеніемъ графа Бенедетти, намѣренно игнорировалъ послѣдняго во время прогулки. А герцогъ Граммонъ со своей стороны сообщилъ французамъ, что Пруссія дерзко отказала французскому народу въ гарантіи, которую послѣдній имѣетъ право требовать. Оба достигли своей цѣли. Въ Германіи возмущалось главнымъ образомъ нравственное чувство общества. Во Франціи гнѣвъ унижаемаго изъ года въ годъ національнаго самолюбія вылился въ рѣзкой формѣ. Но клерикальный герцогъ въ одномъ пунктѣ былъ обманутъ: Франція принуждена была объявить войну. Французскіе дипломаты, рассчитывали объяснить войну какъ дѣло, касавшееся только династіи Гогенцоллерновъ, но бонапартистскіе хвастуны позаботились о томъ, чтобы для германскаго народа не начавшаяся еще война пріобрѣла гораздо болѣе глубокое значеніе, всѣ нѣмцы почувствовали, что совершается посягательство на ихъ территорию, что хотятъ разбить то неокрѣпшее еще единство, ко-

нымъ договорами, предоставили свои войска въ распоряженіе союза. Франція на этотъ разъ встрѣтилась одна лицомъ къ лицу съ объединенной Германіей.

Война въ главныхъ чертахъ опредѣлилась очень быстро. „Полная подготовленность“ во многихъ пунктахъ оказалась оффиціальнымъ вымысломъ. Французскіе солдаты сражались храбро; многіе, если и не всѣ, генералы также честно исполнили свой долгъ. Въ руководящихъ сферахъ недоставало, однако, единства; въ страшно кровопролитныхъ сраженіяхъ, въ которыхъ со стороны нѣмцевъ часто было больше человѣческихъ жертвъ, чѣмъ со стороны французовъ, послѣдніе терпѣли одно пораженіе за другимъ. 6-го Августа Макъ Магонъ послѣ отчаянной битвы былъ разбитъ при Вертѣ и принужденъ двинуться обратно черезъ Заарбургъ; въ тотъ же день пруссаки подъ командой Гёбена (Göben) берутъ высоты Шпикеренъ при Заарбрюкенѣ. Послѣ страшно кровавыхъ битвъ при Вюнвилѣ (Vionville) или Маръ-ла Турѣ (Mars la Tour) 16-го августа, Гравелоттѣ (Gravelotte) и Сень-Прива (St. Privat) 18-го авг., Базэнъ (Bazaines), командовавший частью французской арміи, долженъ былъ отказатся отъ попытки соединиться съ Макъ Магономъ въ Шалонѣ (Chalons). Базэнъ вынужденъ былъ отступить въ крѣпость Мецъ, которую теперь осаждала армія принца Фридриха Карла. Макъ Магонъ, въ арміи котораго находилсѣ и Наполеонъ, пытался освободить Базэна. Его, однако, оттѣснили въ Седанъ, гдѣ 1-го и 2-го сентября произошла новая роковая битва. Вся армія Макъ Магона здѣсь попала въ плѣнъ, между тѣмъ какъ императоръ сдался въ плѣнъ уже вечеромъ въ первый изъ этихъ дней.

„Такъ какъ мнѣ не было суждено умсреть во главѣ моей арміи, я передаю свою шпагу Вашему Величеству“—такъ начиналось письмо, которымъ Наполеонъ III изъявилъ готовность сдѣлаться военно-плѣннымъ прусскаго короля. Наполеонъ зналъ, что французы никогда бы ему не простили, если бы онъ объявилъ Францію побѣжденной и принялъ бы условія мира, влекущія къ ослабленію восточной границы. Наполеоновская имперія, сохранявшая со стороны Германіи границы 1815 года, была уже нежелательна, но совершенно невысказима была бы имперія, которая урѣзала бы границы Франціи хотя бы на одну пядь. Наполеонъ предпочелъ, отправляясь къ своей арміи, передать регентство своей супругѣ; послѣ взятія въ плѣнъ его отвезли въ Вильгельмсгеа при Касселѣ, гдѣ онъ оставался до заключенія предварительнаго мира и пользовался „императорскими почестями“. Позднѣе онъ переселился въ Англію и умеръ 9-го января 1873 г. послѣ сдѣланной ему операциі.

Въ Парижѣ уже 9-го августа извѣстія о потеряхъ при Вертѣ и Шпикеренѣ вызвали противоправительственныя демонстраціи. Особенно социалисты-революціонеры, мечтавшіе уже о новомъ 1792 годѣ, настаивали на объявленіи республики *).

1) Иллюзіи социалистовъ-революціонеровъ, что нужно только «вернуть

Крайняя лѣвая въ парламентѣ (Гамбетта и его товарищи) не рѣшалась, однако, не считаясь съ арміей, которая несомнѣнно еще оставалась вѣрной императору, объявить республику. Она помогла только свергнуть министерство Оливье, на мѣсто котораго консервативное большинство палаты поставило министерство Паликао-Дювернуа (Palikao-Duvernois). Паликао долженъ былъ исправить то, что испортилъ Лебефъ (Leboeuf). Первый, однако, такъ же мало былъ способенъ исполнить свою задачу, какъ и послѣдній. „Полная подготовленность“ Лебефа оправдалась блестяще: когда война началась, нигдѣ не оказалось необходимыхъ приспособленій для транспорта войскъ и боевыхъ припасовъ. Войска были доставлены къ границѣ лишь тогда, когда и нѣмецкія войска уже выстроились на границѣ и могли при первой удачѣ перенести войну на французскую территорию, въ то время какъ дѣйствія французскихъ генераловъ всегда наталкивались на интендантскія затрудненія. Когда выяснились всѣ недочеты, принялись конечно ихъ пополнять, а Паликао возбуждалъ парижское населеніе всевозможными пристрастными сообщеніями съ театра войны, ложность которыхъ большею частью выяснялась уже на слѣдующій день. Заботясь только о томъ, чтобы поддержать въ парижанахъ бодрость духа и вѣру въ то, что происходятъ лишь стратегическіе маневры въ пограничной области, онъ отдалъ приказъ Макъ Магону обойти изъ Шалона нѣмецкую армію и попытаться освободить Мецъ. Этотъ геніальный планъ повелъ къ тому, что Макъ Магонъ былъ окруженъ въ котловинѣ Седана и весь отрядъ его взятъ въ плѣнъ (болѣе 100.000 человекъ и 419 орудій) Паликао же слѣдуетъ приписать ту жестокость, съ которой выселялись всѣ нѣмцы, жившіе во Франціи.

Когда получилось извѣстіе о Седанской катастрофѣ, Паликао старался возможно дольше скрывать ее отъ народа. Онъ позволилъ опубликовать только намекомъ, что получены слухи объ огромномъ пораженіи, которые, однако, не подтверждаются. Такимъ способомъ онъ все болѣе взвинчивалъ настроеніе, и когда 4-го сентября истина стала всѣмъ извѣстна, буря всеобщаго негодованія смѣла съ лица земли какъ династію Бонапарта, такъ и самого Паликао-Монтобанъ (Palikao Montauban).

Уже въ ночномъ засѣданіи палаты съ 3-го на 4-ое сентября Жюль Фавръ (Jules Favre) предложилъ свергнуть династію Бонапарта, выбрать комиссію національной обороны и назначить популярнаго среди республиканцевъ генерала Трошю (Trochu) комендантомъ Парижа. Предложеніе было встрѣчено молчаніемъ, а обсужденіе его, какъ и предложенія противной стороны, сдѣланныя Тьеромъ и Паликао, отложено до слѣдующаго дня. Утромъ 4-го сентября—это было въ воскресенье—народъ со всѣхъ концовъ Парижа стекался къ зданію

націю самой себѣ, чтобы въ странѣ получилась хорошо обученная побѣдоносная армія, отвѣчающая всѣмъ требованіямъ современнаго военнаго искусства, удачно критикуются Ст. Мендельсономъ въ послѣсловіи къ «Исторіи Парижской Коммуны» Лиссагарэ

палаты. Царило сильное возбужденіе. Къ полдню толпа, собравшаяся вокругъ палаты, охраняемой національной гвардіей и линейными войсками, возросла до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Кричали: „да здравствуетъ республика!“, пѣли марсельезу и походный маршъ; депутатамъ, обращавшимся къ народу, кричали: „долой! долой!“ Въ самой палатѣ трибуны были переполнены. Дебаты о предложеніяхъ Фавра (см. выше), Тьера (выбрать комиссію для управленія и обороны страны, которая должна функционировать до тѣхъ поръ, пока не со-

Жюль Фавръ.

берется учредительное собраніе), и Паликао (назначить изъ пяти лицъ оборонительную и исполнительную комиссію и Паликао главнымъ намѣстникомъ) были выслушаны съ нетерпѣніемъ, когда депутаты отправились въ бюро палаты, чтобы произвести выборъ комиссій для доклада проектовъ, часть зрителей вышла изъ зданія и объявила толпѣ, что рѣшено устранить династію. Народъ врывается въ залъ. Напрасны всѣ попытки не прерывать сасѣданія! Напрасны всѣ заклинанія депутатовъ лѣвой дать палатѣ возможность спокойно обсуждать дѣла! Все новыя толпы являются въ залъ. Слышенъ одинъ только возгласъ:

Жюль Фавръ на балконъ ратуши.

раазразилась несмолкаемымъ: ура! Все снова и снова раздавалась марсельеза, — никто казалось, не вспоминалъ о томъ, что непріятельская армія находилась внутри страны и осадила уже наиболѣе важные стратегическіе пункты. Народъ получилъ республику и надѣялся, что она вернетъ то, что потеряла имперія.

Вторая имперія прекратила свое существованіе. Она существовала ровно столько же, сколько и буржуазное королевство, 18 лѣтъ безъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Конецъ ея былъ такъ же безславенъ, быть можетъ еще позорнѣе. Тайкомъ, дрожа отъ страха, императрица въ полдень 4-го декабря бѣжала въ Англію, гдѣ ее ждалъ ея сынъ. Ее нельзя было убѣдить отрѣчься отъ престола добровольно, и Луи Наполеонъ все продолжалъ предъявлять свои претязанія на французскій престолъ, ссылаясь на плебисцитъ. Нѣкоторое время въ соотвѣтствующихъ кругахъ Германіи существовало желаніе возвести его снва на французскій престолъ, и маршалъ Базэнъ (Bazaine) съ 170.000-ой арміей, съ 600-ми полевыхъ и 900-ми крѣпостныхъ орудій не дѣлалъ серьезныхъ попытокъ выйти изъ Меца и прорваться сквозь сильно порѣдѣвшую прусскую осадную армію. Нельзя было найти опредѣленныхъ доказательствъ его измѣны, но все его поведеніе въ Мецѣ было крайне подозрительно; онъ является такимъ „политиканствующимъ генераломъ“, что подозрѣніе въ преднамѣренномъ бесполезномъ истребленіи національной обороны является вполне основательнымъ. Установлено, что онъ поддерживалъ тайную переписку и безъ надобности сдался въ такое время, когда для Германіи было крайне важно имѣть возможность свободно распоряжаться арміей, занятой осадой Меца. 26-го октября 1870 года, имѣя еще достаточно пищевыхъ припасовъ, маршалъ сдалъ непріятелю безъ всякаго боя армію вышеуказанной численности съ 6000 офицеровъ. Это случай, безпримѣрный въ исторіи. Но благородный „завоеватель Мексики“ достигъ какъ разъ обратнаго тому, чего онъ добивался. Если и существовала еще хоть малѣйшая возможность дипломатическимъ путемъ вернуть на престолъ Наполеона, то позорное поведеніе его маршала окончательно его скомпрометтировало.

Вторая республика погибла благодаря бездарности буржуазныхъ дѣятелей парламента; вторая имперія — благодаря бездарности руководителей арміи, правительства, дипломатіи и церкви. Какой бы жестокой приговоръ ни произнесла исторія надъ Наполеономъ III, она должна отдать ему справедливость: онъ скорѣе былъ жертвой окружавшаго его разложенія, чѣмъ его причиной; его благородныя качества были для него гибельнѣе, чѣмъ его пороки. Во многихъ вопросахъ онъ разсуждалъ болѣе современно, болѣе свободно, чѣмъ дѣятели, окружавшіе его, даже — чѣмъ многіе изъ его политическихъ противниковъ.

Онъ легко прощая, и объ оказанныхъ услугахъ съ благодарностью помнилъ долго, иногда даже слишкомъ долго. Въ

Армія въ Мецѣ сжигаетъ знамена.

этомъ отношеніи онъ былъ прямой противоположностью своего противника Рошфора, который никогда не стѣснялся топтать ногами уже побитаго имъ противника, и бросать самыя ядовитыя упреки людямъ, оказавшимъ ему величайшія услуги. Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это требовало занимаемое имъ положеніе, онъ велъ крайне простой образъ жизни, отдаваясь труду и наукѣ. Онъ жертвовалъ много изъ своихъ личныхъ средствъ на пользу отечественной культуры, и по-своему дѣлалъ много для улучшенія положенія рабочихъ. Но при всемъ томъ онъ былъ и оставался узурпаторомъ, „коронованнымъ преступникомъ“. Позоръ государственнаго переворота, тяготѣвшій на немъ, ставилъ его въ зависимость отъ собственныхъ слугъ; безграничная слабость къ женщинамъ дѣлала его рабомъ своей собственной жены. Мы видѣли, какія роковыя послѣдствія имѣла эта зависимость; растущая съ каждымъ годомъ власть, которую надъ нимъ имѣла римская церковь, благодаря этому сдѣлалась безграничной. Слѣпая реакція римской церкви, связанная съ именемъ Пія IX, ни для одного свѣтскаго властителя не была столь гибельна, какъ для Наполеона. Церковь помогла ему добиться престола: она же низвергла его въ пропасть. Однако, виновники не остались безнаказанными. 2-го сентября Наполеонъ попалъ въ плѣнъ; 20-го сентября войска Виктора Эммануила двинулись въ покинутый французами Римъ и нанесли смертельный ударъ свѣтскому владѣтельству папы.

124634

ЦУНБ

им. Н.А. Некрасова

2 000004 814083

Рѣчь Бонапарта въ Дижонѣ.—Отвѣтъ Шангарнье.—Отклоненіе предложенія о пересмотрѣ.—Отсрочка засѣданій національнаго собранія съ 10-го августа по 4 декабря 1851 г.—Генераль Маньянъ (Magnan) и полковникъ Вьейра (Vieira).—Министерскій кризисъ, составленіе бонапартистскаго министерства.—Назначеніе бонапартистскаго министерства Ториньи (Thorigni) съ С.-Арно (St. Arnaud) въ качествѣ военнаго министра, съ 26 октября.—Мопа (Maupas) префектъ полиціи сенскаго департамента.—Открытіе національнаго собранія.—Посланіе Бонапарта требуетъ отміны закона 31 мая 1850 г.—Национальное собраніе отвергаетъ неотложность законопроекта о возстановленіи всеобщаго избирательнаго права и отклоняетъ 13 ноября самый законъ.—Отклоняется также предложеніе квесторовъ о томъ, чтобы стянуть войска для защиты собранія.—Послѣднія совѣщанія законодательнаго національнаго собранія.—Наканунѣ государственнаго переворота 553—573

ГЛАВА XXIX.

Военныя приготовленія къ государственному перевороту.—Елисейская братія: Морни, Флери, Персиньи, С.-Арно, Маньянъ, Мопа.—Шутка полковника Ферэ (Féray).—Планъ Карлье.—Сентябрьскій планъ.—Въ полночь съ 1 на 2 декабря въ Елисейскомъ дворцѣ.—Въ національной типографіи.—Въ полицейской префектурѣ.—Арестъ Шангарнье, Кавеньяка, Ламорисьера, Бедо, Шарра, Тьера.—Эпинасъ и квесторы: Лефло и Багъ.—Министерство внутреннихъ дѣлъ переходитъ къ Морни.—Прокламациі Бонапарта.—Первое впечатлѣніе, произведенное государственнымъ переворотомъ на рабочихъ.—Дюпэнъ и народные представители въ Бурбонскомъ дворцѣ.—Засѣданіе національнаго собранія въ Мэриі 10-го городского округа.—Его рѣшенія и роспускъ.—Арестъ монархистовъ.—Судебная палата и Бонапартъ.—Выѣздъ и трусость Бонапарта.—Тайныя собранія Горы.—Утромъ 3 декабря въ предмѣстьѣ С.-Антуанъ.—Смерть Бодэна.—Демонстрація послѣ полудня на бульварахъ.—Ночь съ 3 на 4 декабря въ Елисейскомъ дворцѣ.—Отозваніе войскъ.—Предупрежденіе не останавливаться на улицахъ.—Нападеніе войскъ на народъ около двухъ часовъ пополудни.—Избѣженіе любопытствующихъ.—Баррикадная борьба въ центрѣ.—Геройская смерть молодого Дюссуба и его товарищей.—Ночной бивуакъ войскъ.—Избѣженіе плѣнниковъ.—Никто не знаетъ количества жертвъ.—Декретъ 8-го декабря объ изгнаніи.—Попытки возстаній въ средней, южной и западной Франціи.—Тенденціозная

71. Жертвы июньской революціи перевозятся въ церковь Магдалины	469
72. Военная охрана вокзаловъ	470
73. Юнскіе инсургенты передъ военнымъ судомъ	471
74. Разоруженіе части національной гвардіи	472
75. Посадка инсурентовъ въ Гаврѣ на борть парохода Иллоа (Illoa)	473
76. Торжество объявленія конституціи	493
77. Революція въ Римѣ. Нападеніе на Квириналь	501
78. Прибытіе папы въ Гаэту	503
79. Орель тащитъ Наполеона изъ урны. — Карриатура 1848 года	506
80. Орель, просящій милостыню. — Карриатура 1848 года	507
81. Раздача избирательныхъ бюллетеней на улицахъ	509
82. Перенесеніе избирательной урны въ мэрію	510
83. Приведеніе къ присягѣ президента республики въ національномъ собраніи 20 декабря 1848 года	511
84. Объявленіе республики въ Римѣ	522
85. Нападеніе Удино на предмѣстья Рима	535
86. Нападеніе драгунъ на демонстрантовъ	542
87. Елисейскій дворецъ, резиденція президента Наполеона	560
88. Луи Наполеонъ устраиваетъ 10 октября 1848 года смотръ Парижскому гарнизону	563
89. Арестъ Кавеньяка	581
90. Арестованныхъ депутатовъ ведутъ въ казарму на набережной Д'Орсэ	587
91. Смерть Бодэна	590
92. Нападеніе улановъ на бульвары	594
93. Возвращеніе Луи Наполеона изъ поѣздки по провинціи	625
94. Штурмъ Малахова кургана	632
95. Парижскій конгрессъ	634
96. Покушеніе Орсини (14 января 1858 г.)	637
97. Битва при Сольферино	644
98. Встрѣча обоихъ императоровъ близъ Виллафранка	645
99. Ворота Пекина сланы французамъ	650
100. Разстрѣлъ императора Максимилиана и генераловъ Мерсіи и Мирамонъ	661
101. Общій видъ выставки 1867 г.	665
102. Покушеніе Березовскаго	666
103. Жюль Фавръ на балконѣ ратуши	682
104. Армія въ Мещѣ сжигаетъ знамена	684

поводу: „Французскій крестьянинъ, рисуя черта на стѣнѣ, изображаетъ его въ видѣ сборщика податей“. („Классовая борьба во Франціи“, стр., 97 р. изд. Скирмунта). Но политическая пассивность французскаго крестьянства часто служила хорошей опорой для происковъ политическихъ авантюристовъ,—это блестяще иллюстрируется исторіей Наполеоновъ.

Какъ ни неразвита была еще классовая борьба буржуазіи и пролетаріата, однако уже къ концу Великой Революціи эти два общественныхъ класса стояли другъ противъ друга, какъ враги. Буржуазія боялась побѣды революціи, т. е. побѣды неимущаго „народа“, такъ какъ видѣла въ ней угрозу для „общественнаго порядка“, т. е. прежде всего для буржуазной собственности. Эта буржуазная боязнь и ненависть къ революціи, вмѣстѣ съ реакціей въ средѣ сельской буржуазіи, сдѣлали возможной имперію Наполеона I, а затѣмъ и реставрацію Бурбоновъ.

Грандіозныя войны Наполеона I, требовавшія громаднхъ государственныхъ расходовъ, а, слѣдовательно, и неизбѣжныхъ государственныхъ займовъ, положили начало господству финансовой буржуазіи во Франціи,—банкировъ, биржевиковъ и другихъ спекулянтовъ, долгое время накладывавшихъ свою печать на политическій строй страны, пока промышленная буржуазія постепенно не отвоевала у нихъ преобладающаго политическаго вліянія. Но когда военное счастье измѣнило Наполеону, а созданное имъ изолированное положеніе Франціи стало грозить ей острымъ экономическимъ кризисомъ, та же буржуазія отвернулась отъ Наполеона; равнодушіе же стонущаго подъ игомъ наполеоновскихъ налоговъ крестьянства довершило паденіе Наполеона I. „...Наполеонъ,“—говоритъ Марксъ, „заявилъ на островѣ св. Елены, что возстановленіе налога на вино болѣе, чѣмъ все остальное, содѣйствовало его паденію, такъ какъ отвратило отъ него крестьянъ южной Франціи“.

Иноземные завоеватели вернули въ 1814 г. Бурбонамъ престолъ Франціи. Буржуазія не протестовала, такъ какъ заранѣе выторговала себѣ конституцію, обезпечивающую ей „порядокъ“ и вліяніе на политику. „Народъ“ былъ подавленъ и молчалъ.

Но феодальная реставрація, какъ и всегда бываетъ при контръ-революціи, не знала границъ. Бурбоны не только возстановили престижъ своего бѣлаго знамени посредствомъ свирѣпаго правительственнаго террора, подавленія политической свободы гражданъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, — въ печати, собраніяхъ, союзахъ, — посредствомъ возстановленія власти поповъ и іезуитовъ, но и стремились къ реставраціи экономической, къ возвращенію дворянскимъ родамъ конфискованныхъ революціей имуществъ и ихъ привилегій. Съ этимъ уже не могла мириться буржуазія, и на этой почвѣ завязалась сперва глухая борьба либеральной оппозиціи съ феодальной монархіей. Борьба эта вылилась, наконецъ, въ открытую революцію, когда Карлъ X, преемникъ Людовика XVIII, издалъ

ществомъ для эксплуатаціи французскаго національнаго богатства. Дивиденды этого общества распредѣлялись между министрами, палатами, 240 тысячами избирателей и ихъ сообщниками. Луи Филиппъ былъ директоромъ этой компаніи, Робертомъ Макайромъ на тронѣ. При такой ситемѣ постоянно подвергались опасности и терпѣли ущербъ торговля, промышленность, земледѣліе, судоходство, интересы промышленной буржуазіи“.

И этотъ характеръ буржуазнаго королевства скоро сдѣлалъ его тягостнымъ и ненавистнымъ не только для „народа“, но и для широкихъ круговъ буржуазіи. Ненасытная алчность самого короля; продажность и казнокрадство, царившія среди его министровъ и всѣхъ чиновъ администраціи; самая необузданная и бесовѣстная спекуляція на биржѣ, въ желѣзнодорожномъ строительствѣ, промышленности и торговлѣ — все это привело постепенно въ страшное разстройство государственные финансы, а „народъ“ — къ разоренію и нищетѣ, и, такимъ образомъ, подготовило неизбѣжность февральской революціи 1848 г.

Но чѣмъ ниже въ своей развращенности падала „законная страна“, т. е. верхній слой буржуазіи съ правительствомъ во главѣ, тѣмъ яростнѣе боролась она съ революціей за „общественный порядокъ“, тѣмъ жесточе становилась политическая реакція, всею тяжестью обрушивавшаяся на народъ, т. е. на всю Францію, за исключеніемъ высшихъ 300.000. Поводовъ же для проявленій контръ-революціонной свирѣпости было достаточно. Уже въ 1831 г. въ Ліонѣ вспыхнуло возстаніе шелковыхъ ткачей, доведенныхъ до отчаянія невыносимой эксплуатаціей фабрикантовъ и ужасающей нищетой. Рабочіе шли въ открытый бой съ буржуазіей подъ чернымъ знаменемъ, на которомъ рукой Альбера (будущаго члена временнаго правительства 1848 г. и члена Люксембургскаго рабочаго парламента) было написано: „Жить, работая, или умереть, сражаясь“. Въ этомъ лозунгѣ уже слышится требованіе „права на трудъ“, ставшаго въ 1848 г. девизомъ революціоннаго пролетаріата. Возстаніе было жестоко подавлено, точно также, какъ и второе возстаніе Ліонскихъ рабочихъ въ 1834 г., нашедшее себѣ откликъ во многихъ городахъ Франціи и въ самомъ Парижѣ.

Но наряду съ возстаніями рабочихъ, вызванными отчаяніемъ голода, іюльской монархіи приходилось считаться и съ революціонными попытками, организованными республиканскими обществами, жившими традиціями 1793 г. и, естественно, враждебными буржуазной монархіи. Въ 1832 г. общество „Друзей народа“ воспользовалось похоронами популярнаго Ламарка, чтобы поднять парижскій народъ на уличную борьбу. Демонстрація легко была подавлена военной силой, а общество „Друзей народа“ закрыто постановленіемъ суда. Его мѣсто заняло общество „Правъ челоуѣка“. Но законъ о сообществахъ 25 марта 1834 г. сдѣлалъ вообще невозможнымъ

Въ одномъ только отношеніи ошибался Марксъ, когда въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія писалъ „Классовую борьбу во Франціи“ и „Восемнадцатое брюмера“. Онъ полагалъ, что революція XIX вѣка можетъ быть только пролетарской, т. е. устанавливающей диктатуру пролетаріата, которая неизбѣжно поведетъ къ уничтоженію всего буржуазнаго строя и замѣнѣ его социалистическимъ строемъ. Дѣйствительность опровергла это мнѣніе, что откровенно и призналъ Энгельсъ въ 1895 г. Въ своемъ введеніи къ „Классовой борьбѣ во Франціи“ онъ пишетъ: „Исторія показала, что мы и всѣ мыслившіе подобно намъ были неправы. Она ясно показала, что тогдашній уровень экономическаго развитія на континентѣ далеко еще былъ недостаточенъ для того, чтобы устранить капиталистическій способъ производства. Она доказала это экономической революціей, которая съ 1848 г. охватила весь континентъ и, собственно говоря, впервые водворила настоящую крупную промышленность во Франціи, Австріи, Венгрии, Польшѣ, а недавно и въ Россіи, изъ Германіи же сразу сдѣлала первоклассную промышленную страну. Все это произошло на основѣ капитализма, который, слѣдовательно, въ 1848 г. обладалъ еще большою способностью къ расширенію“.

Когда авантюристская политика Наполеона III, сперва поддерживаемая крупной буржуазіей и крестьянствомъ, постепенно привела къ разстройству государственныхъ финансовъ, страшному увеличенію налогового бремени и вообще экономическому упадку массы населенія, дни имперіи были сочтены. Внѣшнее пораженіе Наполеона покончило съ имперіей и привело Францію къ новой революціи. И, какъ говоритъ Энгельсъ въ своемъ „Введеніи“, „снова выяснилось, что въ Парижѣ невозможна никакая другая революція, кромѣ пролетарской. Послѣ побѣды господство досталось рабочему классу само собой, совершенно безъ всякаго оспариванья съ чьей-либо стороны. Но здѣсь же выяснилось, до какой степени и тогда, двадцать лѣтъ спустя послѣ времени, изображеннаго въ издаваемой работѣ, невозможно было господство рабочаго класса“. „Неожиданная побѣда 1871 года была такъ же безплодна, какъ и внезапное нападеніе 1848 г.“. Буржуазія съ невѣроятной жестокостью подавила коммуны 1871 г., не смотря на то, что пролетаріатъ въ то время имѣлъ такого выдающагося идейнаго руководителя, какъ „Интернаціоналъ“. И 1871 годъ далъ Франціи только то, что могъ дать, — буржуазную демократическую республику.

Мы скажемъ больше того: и теперь, спустя 48 лѣтъ послѣ февральской революціи и 25 лѣтъ послѣ парижской коммуны, развитіе капитализма далеко не исчерпало само себя, далеко еще не сдѣлало невозможнымъ дальнѣйшій ростъ общественныхъ производительныхъ силъ внутри рамокъ капиталистическаго производства. Признаковъ надвигающейся социальной революціи нигдѣ не видно, и хотя во всѣхъ новѣйшихъ революціяхъ, пролетаріатъ неизбѣжно играетъ передовую

неимущихъ классовъ общества. Въ прежнихъ же возстаніяхъ трудящагося народа сго массами руководили лишь смутныя, не освѣщенные яснымъ сознаниемъ побужденія и потому-то всегда, послѣ одержанной побѣды, онъ снова покорно и до-вѣрчиво впрягался въ побѣдную колесницу буржуазіи,—своего заклятаго врага и только временнаго союзника.

Во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ современной Франціи замѣчаются два совершенно отличныхъ другъ отъ друга направленія, которыя имѣютъ лишь то общее, что цѣлью обоихъ является борьба противъ самодержавія. Движенія, начиная съ 1789 года и кончая 1830-мъ, были цѣликомъ использованы въ своихъ интересахъ буржуазіей, съ ея принципомъ свободной конкуренціи.

Послѣдующія движенія пролетаріата, или собственно народа, имѣли своимъ лозунгомъ принципы равенства и братства, но до 1848 года они не шли дальше попытокъ возстанія. Оба класса — буржуазія и пролетаріатъ — боролись совмѣстно въ февральскіе дни 1848 года, но потомъ, послѣ одержанной общими силами побѣды, пролетаріатъ такъ рѣшительно выставилъ свои самостоятельныя классовыя требованія, что въ дальнѣйшемъ стала неизбѣжной ихъ взаимная классовая борьба *).

Корни февральской революціи можно прослѣдить еще въ 1791 году, когда одержавшая побѣду буржуазія, въ лицѣ своего Національнаго Собранія, издала законъ, которымъ были запрещены всякіе союзы рабочихъ, какого бы рода они ни были. Этимъ закономъ былъ брошенъ вызовъ рабочему классу, который уже началъ понимать, что причина его безпомощности лежитъ въ его разъединенности, и началъ уже организовываться. За этимъ постановленіемъ Національнаго Собранія

*) Можетъ быть не лишнимъ будетъ здѣсь указать, что выраженія «*пролетаріатъ*» и «*пролетарій*» относятся исключительно къ классу современныхъ *наемныхъ рабочихъ*, тогда какъ подъ словомъ «*народъ*» нужно понимать всю совокупность *некапиталистическихъ* и *непривилегированныхъ* классовъ, въ отличіе отъ буржуазіи. Въ этомъ смыслѣ словомъ «*народъ*» оудутъ называться, кромѣ наемныхъ рабочихъ, еще и ремесленники, мелкіе самостоятельныя промышленники, мелкіе крестьяне, а также масса населенія, живущаго съ хлѣба на квась, которую нельзя причислить къ только что названнымъ категоріямъ по ея роли въ общественномъ производствѣ, но которая по своему образу жизни и традиціямъ несомнѣнно очень близка къ нимъ. Подъ именемъ «*буржуазіи*» разумѣется классъ современныхъ капиталистовъ-предпринимателей, промышленниковъ, торговцевъ и банкировъ, а также и тотъ слой населенія, который является въ исторіи носителемъ или представителемъ либеральныхъ идей. Но слово буржуазія часто употребляется и въ болѣе узкомъ смыслѣ: подъ этимъ именемъ можетъ разумѣться только небольшой сравнительно слой крупныхъ капиталистовъ и финансовыхъ тузовъ; въ такомъ двойномъ смыслѣ употребляется это слово и въ настоящемъ сочиненіи, на что мы и обращаемъ вниманіе читателя, такъ какъ политическіе интересы представителей крупнаго капитала не всегда совпадаютъ съ интересами широкой буржуазной массы населенія. То же нужно сказать и относительно употребленія словъ «*народъ*» и «*пролетаріатъ*», которыя такъ безпорядочно сваливались въ одну кучу историками описываемой эпохи.

ронъ. Теперь онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ прогресса, обѣщалъ по совѣсти подчиняться требованіямъ конституціи и способствовать ея дальнѣйшему развитію; онъ пригласилъ даже ненавистнаго ему Талейрана министромъ иностранныхъ дѣлъ, а министромъ полиціи—Фуше, котораго онъ презиралъ. Оба эти лица и особенно послѣдній изъ нихъ были какъ разъ по вкусу буржуазіи; она потребовала ихъ назначенія на постъ министровъ, какъ ручательства за дальнѣйшій ходъ вещей, отчасти же въ видѣ награды за ихъ преданность ей. Умудрен-

Людовикъ XVIII.

ный опытомъ, Людовикъ VIII былъ достаточно уменъ, чтобы не отказать буржуазіи въ такомъ поручительствѣ. Вѣдь онъ могъ при всякомъ подходящемъ случаѣ освободиться отъ этихъ неудобныхъ министровъ. Случай для этого представился очень скоро. Уже при заключеніи мира, 20 ноября 1815 года, министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто Талейрана, былъ герцогъ Ришелье (Richelieu), а полицейскимъ префектомъ—Деказъ (Decazes). Фуше, какъ „убійца короля“, былъ приговоренъ къ изгнанію; онъ умеръ въ Триэстѣ въ 1820 г.

торые сплошь и рядомъ весьма смутно понимали, что собственно обозначаетъ этотъ боевой лозунгъ. Такъ былъ заключенъ революціонный союзъ буржуазіи съ народомъ.

Протестъ журналистовъ, подписанный одиннадцатью редакціями, отважились опубликовать въ своихъ газетахъ только двѣ изъ нихъ. Префектъ полиціи тотчасъ же отдалъ приказъ арестовать всѣхъ подписавшихъ его и кромѣ того закрыть типографіи газетъ „National“ и „Temps“. Первый изъ этихъ приказовъ однако не удалось привести въ исполненіе, а второй—только съ большими затрудненіями и лишь на время. Когда двери типографіи „National“ были взломаны полиціей, редакція заявила столь энергичный протестъ, что сбитая съ толку полиція смущенно отступила.

Редакторы „Temps“ оказали еще болѣе сильное сопротивленіе. Около полудня появился конный жандармскій отрядъ и всталъ у воротъ дома на улицѣ Ришелье, гдѣ въ заднемъ зданіи находилась типографія; редакторъ Бодъ (Baude) распорядился тотчасъ же запереть ворота и открыть оба подъѣзда къ ней съ улицы; въ этихъ подъѣздахъ въ два ряда всталъ весь служащій персоналъ редакціи и типографіи.

Когда старшій полицейскій комиссаръ въ вѣжливой формѣ сообщилъ о цѣли своего посѣщенія, то Бодъ отвѣтилъ ему: „Милостивый государь, вы пришли во имя ордонансовъ, я же именемъ закона требую, чтобы вы не прикасались къ нашимъ станкамъ“. Комиссаръ послалъ за слесаремъ, чтобы взломать замки, но когда пришелъ слесарь, редакторъ загородилъ ему дорогу и громко прочелъ ему изъ Code pénal (свода уголовныхъ законовъ) статью, которая каторгой караетъ насильственный взломъ чужого имущества. На улицѣ тѣмъ временемъ быстро росла толпа народа, который громко высказывалъ свое возмущеніе при видѣ этого рѣдкаго зрѣлища. Слесарь отказался взламывать двери. Его примѣру послѣдовали и другіе, пока, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ сутолоки, не нашелся одинъ, занимавшійся заковкой въ цѣпи каторжанъ, который выполнилъ приказъ комиссара, и типографскіе станки были разрушены.

Въ это время въ разныхъ пунктахъ Парижа происходили бурныя собранія. Собравшіеся въ салонѣ Казимира Перье депутаты въ третій разъ обнаружили свою трусость и печальную безпомощность. Какъ и раньше, они не были увѣрены въ томъ, можно ли положиться на народъ. Рѣшительная и готовая къ бою группа бывшихъ карбонаріевъ тщетно старалась черезъ своихъ делегатовъ Мерилю (Merilhou) и Булея (Boulay) толкнуть ихъ на болѣе отважный путь. Одри-де-Пюйраво, Могенъ и Лаббей-де-Помпьеръ (Audry de Puyravau, Mauguin, Labbey de Pompieres) напрасно заклинали ихъ послѣдовать примѣру журналистовъ и заявить протестъ противъ государственнаго переворота, обрекающаго ихъ на полное ничтожество. Генералъ Деюстани совѣтовалъ обратиться къ королю съ посланіемъ, Дюпанъ старшій заявлялъ, какъ и наканунѣ, что

des Innocents, но когда отсюда былъ посланъ баталіонъ къ воротамъ Сень-Дени (Porte St. Denis), ему удалось дойти туда только съ громадными потерями и благодаря невѣроятному напряженію силъ. Онъ двигался впередъ, а сзади за нимъ выростали по улицѣ баррикады, о возвращеніи нечего было и думать; генераль Кенсонна, оставшійся съ своимъ маленькимъ отрядомъ на рынокѣ, былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ инсургентами; ему ничего больше не оставалось дѣлать, какъ послать передѣтаго адъютанта къ Мармону просить помощи.

Маршалъ тотчасъ же приказалъ батальону наемныхъ швейцарцевъ проникнуть къ генералу Кенсонна и выручить его. Но и это предпріятіе удалось выполнить только послѣ упорныхъ баррикадныхъ боевъ, подъ градомъ пуль, унесшимъ много жертвъ. вмѣстѣ съ отрядомъ генерала Кенсонна швейцарцы спустились черезъ улицу Сень-Дени и заняли позицію на набережной Школы. (Quai de l'École).

Войска, находившіяся въ городской ратушѣ, ограничивались лишь защитой ея отъ наступающей громадной массы народа. Изъ оконъ они открыли убійственный огонь по всѣмъ улицамъ, ведущимъ къ ратушѣ. Число жертвъ, павшихъ на этомъ мѣстѣ, было къ вечеру очень велико, тогда какъ скрытыя войска понесли лишь незначительныя потери.

Въ десять часовъ вечера въ шестой разъ собрались депутаты оппозиціи у Пюйраво. Въ самомъ мрачномъ настроеніи, здѣсь сошлось всего человѣкъ десять - двѣнадцать, чтобы еще разъ подтвердить свою полную непригодность къ борьбѣ и свое безсиліе. Генераль Себастіани заявилъ себя больше, чѣмъ когда-либо, сторонникомъ законнаго порядка. „Господа“, сказалъ онъ, „намъ необходимо обсудить положеніе дѣлъ. Наша задача—быть посредниками, потому что мы уже больше не депутаты“.—„Мы боремся нелегально, какъ борется народъ, и вмѣстѣ съ нимъ“, отвѣтилъ ему Могэнъ. Залъ находился въ нижнемъ этажѣ и стоящій снаружи народъ слышалъ все черезъ окна, которыя Одри оставилъ открытыми. Оттуда вдругъ раздался крикъ негодованія противъ генерала Себастіани. На дворѣ было много баррикадныхъ борцовъ, и они рассказали о томъ, какая убійственная борьба идетъ у городской ратуши. Лафитъ, Лафайетъ. Одри и Лабордъ заявили, что нужно руководить народной борьбой, раздѣлать ея опасности и встать подъ ея знамена. Гизо все время сидѣлъ молча и неподвижно. Генерала Себастіани, едва услышалъ онъ рѣчь о трехцвѣтномъ знамени, объялъ ужасъ, и онъ заявилъ, что въ такихъ разговорахъ онъ больше никакъ не можетъ принимать участія, что для него существуетъ только одно національное знамя—бѣлое. Онъ ушелъ. „Много, однако, бросали мы словъ на вѣтеръ!“ воскликнулъ Одри-де-Пюйраво, „теперь пора начать дѣйствовать. Покажемся народу, но не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ!“ Лафайетъ также изъявилъ готовность присоединиться къ борьбѣ. Но большинство все-таки не могло принять никакого рѣшенія. Еще разъ разошлись депутаты и еще разъ рѣшили собраться утромъ, у Лафита.

gard); морскимъ — адмираль Ринь (Rigny); иностранныхъ дѣлъ — Биньонъ (Bignon); и Гизо (Suizot) — министромъ народнаго просвѣщенія. Министерство внутреннихъ дѣлъ было предложено Казиміру Перье. Согласившись въ первую минуту, онъ скоро сталъ отказываться. Вчерашній министръ Карла X, не могъ же онъ сегодня въ революціонномъ правительствѣ выступить противъ своего короля. Онъ умолялъ не упоминать о немъ въ новомъ спискѣ министровъ; пришлось послать въ редакцію „Moniteur“ съ распоряженіемъ вычеркнуть его имя и замѣнить именемъ герцога Брогли (Broglie), либеральнаго пэра. Герцогъ Орлеанскій безъ оговорокъ утвердилъ выборъ муниципальной комиссіи.

31-го іюля, въ 5 часовъ утра Карль X съ герцогиней Беррійской (De-Berry) и съ ея дѣтьми прибылъ въ Трианонъ. Дофинъ (наслѣдникъ), герцогъ Ангулемскій (d'Angoulême), остался въ Сень-Клу. Онъ старался воодушевить войска для борьбы съ парижанами. На одномъ концѣ Севрскаго моста расположился дофинъ во главѣ своихъ войскъ; на другомъ толпа инсургентовъ. Онъ отдалъ приказъ наступать; солдаты не двигались съ мѣста. Упавъ духомъ, онъ въ полдень приказалъ отступить въ Версаль. Королевская семья, враждебно встрѣченная въ Версали, поспѣшила уѣхать дальше и въ полночь прибыла въ Рамбулье. Въ тотъ-же день утромъ сюда явилась изъ курорта Виши въ крестьянскомъ платьѣ супруга дофина, дочь Людовика XVI. Слезы отчаянія и горя были пролиты при свиданіи. Король былъ принужденъ продать всю серебрянную посуду, чтобы накормить оставшихся вѣрными солдатъ. Гегцогинѣ Ангулемской не во что было переодѣться. Голодные солдаты истребили множество дичи въ королевскомъ паркѣ, и это причинило Карлу X больше горя, чѣмъ всѣ событія послѣднихъ дней.

Попавъ въ такое тяжелое положеніе, мало освѣдомленный о дѣлахъ въ Парижѣ, король написалъ своему двоюродному брату, герцогу Орлеанскому, слѣдующее посланіе:

„Король, желая прекратить волненія въ столицѣ и въ другихъ частяхъ Франціи и полагаясь на искреннюю преданность своего двоюроднаго брата, герцога Орлеанскаго, назначаетъ послѣдняго главнымъ намѣстникомъ.

Король считаетъ за благо отмѣнить свои указы отъ 25 іюля (ордонансы); онъ считаетъ нужнымъ созвать палаты 3-го августа и надѣется, что онѣ возстановятъ спокойствіе въ странѣ.

Король ждетъ возвращенія лица, отправленнаго съ этимъ посланіемъ въ Парижъ.

Король намѣренъ защищаться до послѣдней капли крови, если посягнуть на его жизнь.

Дано въ Рамбулье, 1-го августа

Карль“.

Это посланіе было получено въ Пале-Рояль 2-го августа, въ 7 часовъ утра. Отвѣтъ герцога Орлеанскаго тронулъ до слезъ стараго монарха. Герцогъ сердечно, горячо увѣрялъ въ своей преданности короля. Карлъ X забылъ недовѣріе, которое онъ питалъ раньше къ этому брату. Полагаясь на благородство и вѣрность герцога Орлеанскаго, онъ задумалъ обезпечить королевскій престолъ за своимъ 10-ти лѣтнимъ внукомъ, герцогомъ Бордосскимъ (De Bordeaux). Съ этой цѣлью онъ рѣшилъ не только самому устраниваться, но убѣдить и безлѣтнаго герцога Ангулемскаго (d'Angoulême) отказаться отъ своихъ правъ на корону. Герцогу Орлеанскому, было послано предложеніе, подписанное королемъ и дофиномъ, провозгласить 10-ти лѣтняго сына герцогини Беррійской (de Berry) Генрихомъ V, королемъ Франціи и соблюсти всѣ формальности, вызванныя несовершеннолѣтіемъ новаго короля. Этотъ письменный актъ отреченія былъ врученъ генералу Латуръ-Фуосакъ (Latour-Foissac) съ порученіемъ въ тотъ-же день доставить его лично герцогу Орлеанскому.

Всѣ, спѣшившіе выразить преданность новому властелину, пріѣхали утромъ рано въ Пале-Рояль. Лафигъ, явившись по приглашенію герцога, встрѣтилъ здѣсь Казимира Перье, Брогли, Гизо, Тьера, Дюпона Старшаго, Себастіани, Моле и Жерара. Скромно сказавъ нѣсколько общихъ фразъ герцогъ съ таинственнымъ видомъ объявилъ, что Карлъ X назначаетъ его главнымъ намѣстникомъ. Въ этомъ шагѣ онъ видитъ намѣреніе его скомпрометтировать и узнаетъ коварство старшей линіи Бурбоновъ.

Затѣмъ герцогъ принялъ депутацію отъ муниципальной коммиссіи, явившейся во главѣ съ Лафайетомъ передать герцогу всю революціонную власть. Заранѣе увѣдомленный объ ихъ приходѣ, герцогъ благодарилъ правительство, засѣдавшее въ ратушѣ за его патріотическія чувства. Считая его отставку вызванной волей революціи, онъ просилъ его до дальнѣйшихъ распоряженій не прекращать своей дѣятельности.

Такъ прошелъ день. Вечеромъ прибылъ въ Пале-Рояль генералъ Латуръ-Фуосакъ (Latour-Foissac) съ посланіемъ отъ короля и дофина. Онъ требовалъ немедленнаго доступа къ герцогу. Адъютантъ, получившій соотвѣтствующія инструкціи, отказался о немъ доложить и совѣтовалъ подождать до слѣдующаго дня, когда было назначено засѣданіе палаты депутатовъ. Генералъ понялъ, что герцогъ былъ извѣщенъ тайными агентами о содержаніи посланія и избѣгаетъ встрѣчи съ нимъ. Онъ отыскалъ герцога Мортмарскаго, который обѣщалъ вручить герцогу Орлеанскому письмо и добиться аудіенціи для генерала. Перѣое удалось. Герцогъ Орлеанскій взялъ письмо, прочиталъ его, но рѣшительно отказался принять того, кто привезъ это важное извѣстіе.

Въ Рамбулье король имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи болѣе 12000 солдатъ. Кромѣ того, герцогиня Беррійская (de Berry) могла явиться съ своимъ сыномъ въ Парижъ (чѣмъ

сознають опасныя послѣдствія такого дерзкаго обмана, попирающаго всѣ принципы наслѣдственныхъ правъ королевской власти. Франція и Европа уже однажды сдѣлались жертвой узурпаціи Бонапарта; новая узурпація со стороны какого-то подставнаго Генриха V повлечетъ за собой бѣдствія во Франціи и въ Европѣ. Дано въ Парижѣ 30 сент. 1820 г.“.

Положимъ, что нѣсколько дней спустя герцогъ Орлеанскій отрекался отъ этого документа передъ королемъ Людовикомъ XVIII, возмущеннымъ его поступкомъ. Но дѣло было сдѣлано; документъ существовалъ и 2 авг. 1830 г., во время намѣстничества Луи Филиппа, парижскія орлеанистскія газеты дословно воспроизвели его вновь на своихъ столбцахъ!

Спустя годъ послѣ июньской революціи герцогиня Беррійская рѣшилась на смѣлый шагъ; она хотѣла вызвать контрреволюцію, насильно возвести на престолъ своего сына, а себя сдѣлать регентшей. Она уѣхала изъ Голируда (Holyrood) въ Шотландіи, гдѣ находилась изгнанная королевская семья; черезъ Германію направилась въ Италію, поселилась сначала въ Генуѣ, а потомъ въ городѣ Масса (Massa), расположенномъ на берегу моря, въ герцогствѣ Моденскомъ. Тамъ вокругъ нея собрались наиболѣе видные французскіе легитимисты: маршалъ Бурмонъ (Bourmont), графы Керголаэ (Kergolay) и Сэнь-Присть (St. Priest), маркизъ Де-Пасторе (Pastoret), герцоги Д'Эскаръ (Escars) и Беллано (Bellano) и др., и здѣсь былъ задуманъ планъ легитимистскаго возстанія, назначеннаго на 1832 годъ.

25-го апрѣля 1832 г. герцогиня со своими приверженцами сѣли на нанятый ею пароходъ „Карлъ Альбертъ“ („Carlo Alberto“) и въ ночь съ 28 на 29 апрѣля они высадились на провансальскомъ побережьѣ вблизи Марселя, гдѣ должно было начаться возстаніе легитимистовъ. Но власти были предупреждены объ этихъ замыслахъ и приняли мѣры. 30-го апрѣля въ 5 ч. утра отрядъ вооруженныхъ легитимистовъ появился въ марсельскомъ порту; въ ближайшей церкви ударили въ набатъ. Такъ какъ ни рабочіе, ни матросы не примкнули къ возстанію, мятежниковъ безъ труда разогнали, арестовавъ немногихъ участниковъ, не успѣвшихъ скрыться.

Не взирая на такую неудачу, герцогиня не упала духомъ. Она рѣшила неудавшееся въ Провансѣ предпріятіе осуществить въ той провинціи, гдѣ она скорѣй всего могла рассчитывать на поддержку, въ Вандеѣ, вѣрной своимъ ультра-роялистскимъ традиціямъ еще со времени революціи. Снабженная подложными паспортами. въ сопровожденіи нѣсколькихъ спутниковъ, она уѣхала туда 4-го мая; счастливо избѣгнувъ преслѣдованій полиціи, она нашла радушный приѣмъ во дворцѣ Пассакъ (Passac) близъ Санта (Saintes). Ея замыслы вызвали большой переполохъ въ легитимистскомъ предмѣстьѣ Сэнь-Жермэнъ (St. Germain) въ Парижѣ, гдѣ предвидѣли безуспѣшность такого возстанія. Къ ней отправили самаго талантливаго оратора партіи, адвоката и парламентарія Берье (Berryer); онъ убѣждалъ ее оставить Вандею и бѣжать за границу съ помощью вновь добы-

цѣли, къ которой стремились бы дѣятели революціи; ими руководили лишь смутныя, хотя и сильныя, побужденія, потому-то этотъ принципъ и остался только на бумагѣ; въ дѣйствительности же новое законодательство только еще больше способствовало развитію противоположности между богатствомъ и бѣдностью и усилило экономическую зависимость рабочаго отъ владѣльца орудій производства, капиталиста. Правда, это законодательство провозгласило свободу личности, но оно совсѣмъ не гарантировало самаго существованія этой, предоставленной своимъ собственнымъ силамъ, личности.

Бабефъ.

Однимъ изъ тѣхъ, кто уже тогда понялъ этотъ противорѣчивый характеръ новаго общественно-политическаго уклада и выставилъ программу насильственнаго измѣненія его, — былъ *Граксъ Бабефъ* (Gracchus Babeuf). Это — одна изъ благороднѣйшихъ и высокыхъ личностей французской революціи *). Природа, говорилъ онъ, предоставила всѣмъ людямъ одинаковыя права на пользованіе всѣми благами жизни. Цѣль общества состоитъ въ защитѣ этого равенства, которое часто нарушается болѣе сильными и дурными людьми; общество должно быть сотрудничествомъ всѣхъ его членовъ съ цѣлью совмѣстнаго увеличенія благъ жизни. Природа наложила на каждого

*) Болѣе подробное изложеніе о немъ читатель найдетъ въ книжкѣ Г. Девиля «Граксъ Бабефъ и Заговоръ Равныхъ» (Русскій переводъ изд. «Колокола»).

временную цивилизацію, новый общественный порядокъ фаланстеровъ самъ построенъ сообразно природѣ человѣка и природѣ вещей; нужно лишь одно: обезпечить полную свободу проявленія естественныхъ склонностей, предоставить имъ самимъ регулировать себя, и тогда излишними будутъ и мораль, и законъ, и полиція.

Фурье жилъ и умеръ съ твердою вѣрой въ правильность своей системы. Эту вѣру раздѣляла и оставшаяся послѣ его смерти въ 1837 году группа послѣдователей его ученія, наиболѣе виднымъ представителемъ которой былъ Викторъ Консидеранъ (Victor Considérant), бывший начальникъ и учитель инженерной школы въ Мецѣ; они не вѣрили лишь въ возможность основанія фаланстеровъ при современныхъ условіяхъ Франціи. Консидеранъ поставилъ своей задачей очистить сущность ученія Фурье отъ тѣхъ, часто фантастическихъ, прилатковъ, которые затемняютъ его смыслъ. Въ 1837 году онъ превратилъ фурьеристскій журналъ „La Phalanstère“ въ ежедневную газету подъ названіемъ „La Phalange“; въ 1845 году это названіе было измѣнено въ „Democratie pacifique“ („Мирная демократія“), чтобы показать этимъ, что фурьеристы и ихъ органъ не хотятъ имѣть ничего общаго съ революціонной республиканской демократіей, подвергавшейся преслѣдованіямъ правительства. Послѣ февральской революціи измѣнилъ, конечно, свою фізіономію и органъ фурьеристовъ, онъ сталъ социалистическимъ и республиканскимъ, а его издатель — Консидеранъ — примкнулъ въ Национальномъ собраніи къ крайней лѣвой; онъ принималъ также участіе въ іюньскомъ возстаніи 1849 г. и послѣ его неудачи бѣжалъ за границу. Переходъ главы фурьеристской группы въ ряды социалдемократіи и связанное съ его бѣгствомъ закрытіе газеты — все это сильно разстроило ряды фурьеристовъ, хотя и не привело къ распаденію ихъ организаціи; утѣшеніемъ служило имъ то обстоятельство, что нѣкоторыя попытки основанія фаланстеровъ въ Америкѣ оказались не совсѣмъ безплодными.

Пропаганда сенъ-симонизма и фурьеризма долго ограничивалась лишь буржуазными слоями общества. Но къ тому времени въ средѣ настоящаго народа, въ рабочемъ классѣ, социалистическая мысль сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи, — сначала, конечно, лишь въ формѣ неопредѣленныхъ пожеланій и запросовъ. Всѣ классы чувствовали въ атмосферѣ общественной жизни присутствіе новаго фактора — социалистической мысли; этому обстоятельству, вѣроятно, нужно приписать тотъ успѣхъ, какой имѣла книга республиканца Этьена Кабэ (Etienne Cabet), вышедшая въ 1842 году, именно его утопическая коммунистическая фантазія: „Путешествіе въ Икарію“ *). Еще до іюльской революціи Кабэ выступалъ въ палатѣ депутатовъ и въ прессѣ рѣшительнымъ демократомъ; въ 1833 году онъ бѣжалъ въ

*) См. «Etienne Cabet und der Ikarische Kommunismus» D-r. H. Lux. Stuttgart, 1894.

сохраненіе семьи. Раньше онъ былъ сенъ-симонистомъ; въ его духовномъ развитіи можно отмѣтить два различныхъ періода—одинъ—чисто философскій, другой—соціалистическій.

Въ первомъ изъ нихъ онъ предпринялъ, вмѣстѣ съ Жаномъ Рейно (Jean Reynaud), изданіе „Новой энциклопедіи“, въ которой онъ занялся популяризацией нѣмецкаго гегельянства, переодѣтаго въ элегантный французскій костюмъ; однако, это изданіе вскорѣ пришлось прекратить, за недостаткомъ

Пьеръ Леру.

средствъ и подписчиковъ. Затѣмъ, нѣкоторое время онъ былъ сотрудникомъ журнала „Revue des Deux Mondes“, державшагося „золотой середины“ при самыхъ разнообразныхъ политическихъ условіяхъ; когда же идеи новой нѣмецкой философіи встрѣтили гоненія со стороны правительственныхъ круговъ, онъ оставилъ и эту работу и основалъ, вмѣстѣ съ извѣстной романисткой Жоржъ Зандъ (г-жей Дюдэванъ—Dudevant) журналъ „Revue Indépendante“; своей критикой французской государственной церкви этотъ журналъ возбудилъ къ себѣ большой интересъ въ читающихъ кругахъ и приобрѣлъ широкое распространеніе.

Переходную ступень отъ абстрактной философіи къ соціализму представляетъ брошюра Леру „О человѣчествѣ, его принципахъ и будущности“, вышедшая въ 1839 году. Но въ качествѣ практическаго соціальнаго реформатора онъ выступаетъ лишь въ 1845 году, съ основаніемъ журнала „Соціаль-

и борцы не покидали ихъ ни на минуту: было рѣшено продолжать борьбу.

Около девяти часовъ вечера отъ площади Бастиліи по бульварамъ двигалась большая толпа народа; гдѣ и какъ она образовалась—объ этомъ до сихъ поръ имѣются самыя различныя показанія. Многіе писатели сдѣлали изъ этой толпы батальонъ тайныхъ обществъ, въ нѣкоторомъ родѣ—авангардъ революціонной арміи, который имѣлъ цѣлью снова открыть борьбу. Въ такомъ же свѣтѣ изображаетъ это дѣло и Ламартинъ. Де-ла-Оддъ идетъ еще дальше и называетъ даже имена. Онъ утверждаетъ, что отрядъ былъ сформированъ однимъ изъ пылкихъ вождей тайныхъ обществъ, именно—Собрье (Sobrier). Но до сихъ поръ никто еще не могъ привести тѣхъ основаній, на которыя опираются эти утвержденія.

Во главѣ колонны шли національные гвардейцы, среди которыхъ были и офицеры, далѣе шла масса рабочихъ. Все это вмѣстѣ представляло какую то странную смѣсь. Надъ головами демонстрантовъ развѣвалось красное знамя, освѣщенное скуднымъ свѣтомъ факеловъ. Итти мѣшала масса любопытныхъ, которымъ хотѣлось посмотрѣть на иллюминацію, и потому колонна подвигалась очень медленно. Около улицы Лепельтье (Lepelletier) толпа мимоходомъ свернула съ Итальянскаго бульвара и направилась къ редакціи газеты „National“. Редакторъ Арманъ Марра, сказалъ здѣсь передъ ней краткую рѣчь и выразилъ увѣренность въ побѣдѣ, послѣ чего толпа снова двинулась въ путь. Дойдя до бульвара Капуциновъ, она встрѣтила вдругъ неожиданное препятствіе. Для защиты Гизо отъ возможныхъ нападеній вся улица, ведущая къ зданію министерства иностранныхъ дѣлъ, была занята батальономъ четырнадцатаго пѣхотнаго полка. Между командиромъ батальона и вожаками народнаго отряда завязались переговоры о томъ, какъ можетъ процессія продолжать свой путь. Изъ толпы, въ это время раздавался смѣшанный гулъ голосовъ: „Долой Гизо! Да здравствуетъ реформа! Да здравствуетъ пѣхота! зажигать иллюминацію (Illuminez)! Поднимается невѣроятный шумъ. Но вдругъ полковникъ отходитъ къ нѣсколькимъ разстроеннымъ рядамъ своихъ солдатъ и сухимъ, осипшимъ голосомъ отдаетъ команду: „Croisez la baionnette!“ (скрестить штыки); послышался рѣзкій лязгъ желѣза о желѣзо. Одновременно раздался залпъ; вся цѣпь солдатъ какъ будто погрузилась въ море пламени, густой пороховой дымъ застлалъ всю картину. Послѣ залпа на моментъ все вдругъ стихло, и народъ какъ-бы оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Потомъ воздухъ огласился яростнымъ крикомъ. Ни одна пуля не пропала даромъ,—шесть труповъ и масса раненыхъ лежало на полѣ битвы. Въ ужасѣ толпа бѣжитъ въ разныя стороны. Бросаются бѣжать и солдаты, которыми овладѣла какая-то паника, и исчезаютъ въ близъ лежащихъ улицахъ.

Когда прошелъ первый моментъ замѣшательства, гнѣвъ народа, подобно пороху, вспыхнулъ по всей линіи бульваровъ

два. Только къ шести часамъ могли двинуться три боевыхъ отряда. Въ самый моментъ отправки маршалъ самолично обходилъ ряды солдатъ и требовалъ не жалѣть ни пороха, ни свинца. Это былъ грубый солдатъ, и его языкъ былъ такъ же дубоватъ и солдатски-простъ.

Лежащая между Тюльери и Лувромъ площадь Карусели была сильно укрѣплена повстанцами.

Баррикады здѣсь довели почти до самага Королевскаго замка. Отряду Себастиани нельзя было ни на шагъ подвинуться безъ того, чтобы не наткнуться на самое свирѣпое противодействие повстанцевъ, когда же удавалось взять баррикаду, то не малаго труда и времени стоила очистка пути отъ наваленныхъ грудъ камня. Этотъ отрядъ могъ добраться до городской ратуши лишь съ громадными потерями.

Другой отрядъ — генерала Бедо, — выступившій позднѣе, безъ особенныхъ трудностей прошелъ путь отъ биржи по улицѣ Монмартръ, до бульвара Bonne Nouvelle, но здѣсь, на углу улицы Сень-Дени, его путь былъ прегражденъ громадной баррикадой. Баррикадами были буквально усѣяны и всѣ прилегающія сюда улицы и переулки; въ эту ночь было построено больше 1500 баррикадъ, повалено свыше 4000 деревьевъ и вырыто громадное количество камня изъ мостовой.

Большая баррикада на бульварѣ Bonne Nouvelle была сильно укрѣплена, а ея защитники прекрасно снабжены оружіемъ и аммуниціей. Генералъ Бедо понялъ, что штурмъ этой баррикады вызоветъ кровавую битву и будетъ стоить многихъ жертвъ, такъ какъ его войска съ обоихъ фланговъ подвергнутся тогда убійственному перекрестному огню. Но размышлять было бесполезно, маршрутъ ему былъ предписанъ, и онъ долженъ былъ двинуться впередъ. Онъ былъ уже готовъ отдать приказъ къ наступленію, какъ его окружили офицеры національной гвардіи и заклинали его не спѣшить съ нападеніемъ. „Развѣ не достаточно еще пролито крови?“, говорили они ему. „Народъ, стоящій за баррикадами, еще не знаетъ о смѣнѣ министровъ, такъ подождите хотя до того момента, когда это извѣстіе обойдетъ всѣхъ“. Генерала настойчиво убѣждали испросить новыхъ распоряженій отъ маршала. Сначала онъ былъ непреклоненъ, но вокругъ него собралась цѣлая толпа гражданъ, просившихъ о томъ же; въ концѣ концовъ онъ сдался и согласился, чтобы одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ, Фавель-Делябаръ (Fauvel-Delabarre), отправился къ маршалу, сообщилъ ему о положеніи дѣлъ и просилъ новыхъ приказаній.

Пока этотъ двухтысячный отрядъ задержался здѣсь на бульварѣ, третій отрядъ достигъ Пантеона. Въ главную квартиру маршала пришли между тѣмъ тревожныя извѣстія.

Онъ получилъ донесенія о громадномъ количествѣ баррикадъ, о занятіи повстанцами важныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктовъ, причемъ связь между отдѣльными отрядами войскъ стала невозможной; сообщили ему также о потерѣ пяти казармъ, взятыхъ народомъ, и объ отступленіи отря-

префекта былъ образованъ Общинный Совѣтъ, на который возложена „забота о безопасности столицы“. На приглашеніе вступить въ его составъ отозвалось всего лишь четырнадцать человѣкъ; они открыли совѣщаніе о выпускѣ прокламаціи къ народу, но въ этотъ самый моментъ въ залъ засѣданія ворвалась масса народа.

Кремье.

Одинъ изъ толпы приблизился къ мѣсту засѣданія Совѣта и воскликнулъ: „Мы хотимъ знать, что вы намѣрены сдѣлать вашей прокламаціей. Мы хотимъ низверженія монархіи, объявленія республики и смертнаго приговора Луи Филиппу, который виноватъ въ убійствѣ гражданъ“.

Послѣднія слова вызвали неодобрительный ропотъ среди членовъ Совѣта. Прокламація была прочитана, и такъ какъ въ ней о республикѣ не говорилось ни слова, то въ толпѣ поднялась буря протестовъ и всѣ кричали: „Республику! Объявите республику!“

Между тѣмъ прибылъ сюда и Гарнье-Паже, который былъ посланъ Одилономъ Барро, чтобы склонить Общинный Совѣтъ къ признанію регентства герцогини Орлеанской. Но онъ совсѣмъ забылъ о цѣли своего прибытія; онъ понялъ, что компромиссовъ (уступокъ) со стороны народа ждать болѣе нечего, и объявилъ собравшимся, что король Луи Филиппъ

ГЛАВА V.

Какъ было принято отреченіе короля отъ престола въ республиканскихъ кругахъ.—Газета «National». — Палата депутатовъ.—Герцогиня Орлеанская.— Народъ проникаетъ въ палату.—Временное правительство.—Газета «Réforme». — Грозный видъ Гревской площади.— Въ городской ратушѣ.— Народъ требуетъ республики.— Объявленіе республики.— Ночь съ 24 на 25 февраля.

Король отказался отъ престола въ надеждѣ сохранить его за своимъ внукомъ, малолѣтнимъ графомъ Парижскимъ. Это было бы лишь простой смѣной лицъ и было бы равносильно продолженію господства іюльской монархіи.

Извѣстіе объ отреченіи короля и опасенія назначенія регентства вызвало сильное возбужденіе въ республиканскихъ кругахъ, гдѣ уже чувствовали близость осуществленія, благодаря неожиданной побѣдѣ народа, давно желанной мечты. Наиболѣе вліятельныя лица республиканской партіи еще до полудня собрались въ редакціяхъ газетъ „National“ и „Réforme“, передъ которыми толпились густыя массы народа. Около часу дня въ редакціи „National“ засѣдалъ маленькій республиканскій парламентъ, гдѣ были и представители „Réforme“, Луи Бланъ и Эмануэль Араго сынъ знаменитаго математика. Здѣсь говорились страстныя рѣчи противъ регентства; республиканецъ Дюмениль (Duménil), напримѣръ, заявилъ: „Кровавая баня на бульварѣ Капуциновъ — это могила монархіи. Самодержавіе народа — таковъ нашъ единственный законъ. Намъ *необходима* республика и слѣдовательно, — временное правительство“. Къ этому мнѣнію присоединился Арманъ Марра, только что прибывшій изъ палаты, и добавилъ еще къ этому, что онъ рѣшилъ во что бы то ни стало обратиться къ народу съ воззваніемъ во имя республики. Послѣ этого было единогласно рѣшено учрежденіе временнаго правительства.

Вопреки предложенію Луи Блана, который хотѣлъ равнолѣтнаго представительства обѣихъ фракцій республиканской партіи, большинство собранія рѣшило выставить въ качествѣ кандидатовъ лишь буржуазныхъ республиканцевъ: Дюпона (Dupont de l' Eure), Франсуа Араго, Ледрю-Роллена, Армана Марра, Мари (Marie) и Гарнье-Паже.

Луи Бланъ остался недоволенъ этимъ спискомъ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ редакцію „Réforme“ и сообщилъ объ

Разъ только произойдетъ этотъ насильственный переворотъ, пролетаріатъ, достигшій диктатуры, предприметъ немедленно рядъ такихъ мѣръ въ области экономической и политической жизни, которыя сами по себѣ должны привести массы къ коммунизму, — декретомъ нельзя принудить ихъ къ этому“.

Чтобы понять, какъ такой свѣтлый умъ, какъ Бланки, могъ лелѣять подобныя мечты, нужно вспомнить, что въ то время не существовало ни всеобщаго избирательнаго права, ни свободы печати. Въ наше время ни одинъ разумный человекъ не станетъ носиться съ подобными планами.

Когда вспыхнула революція, Бланки находился въ заключеніи въ Блуа (Blois). Послѣ его настойчивыхъ требованій, принуждены были открыть передъ нимъ двери тюрьмы, и онъ успѣшилъ вернуться въ Парижъ и собрать около себя массу революціонныхъ элементовъ, духовнымъ руководителемъ которыхъ онъ оставался и во время тюремнаго заключенія. Имѣлъ ли онъ намѣреніе низвергнуть временное правительство, — этотъ вопросъ остается открытымъ. О немъ говорятъ лишь нѣкоторые изъ числа его сторонниковъ. „Въ подобный моментъ“, говоритъ одинъ изъ историковъ 1848 года, „двѣ сотни рѣшительныхъ борцовъ, руководимыхъ Бланки, были бы несравненно опаснѣе для временнаго правительства, чѣмъ цѣлыя толпы народа безъ ясно намѣченной цѣли. Говорятъ, что отъ одного извѣстія о прибытіи въ Парижъ неутомимаго заговорщика на временное правительство напалъ смертельный страхъ. Однако, судя по поведенію Бланки въ залѣ Прадо*), тщательное взвѣшивание положенія дѣла, заставило его измѣнить свои намѣренія и это обстоятельство, можетъ быть, спасло правительство, чувствовавшее шаткость своего положенія уже въ первые дни“.

Радикально-республиканскіе элементы, принесшіе столь крупныя жертвы на алтарь республики, были почти совсѣмъ исключены изъ временнаго правительства. Понятно, поэтому, что эти элементы съ самыхъ же первыхъ дней стали питать смертельную ненависть къ правительству; эта ненависть должна была привести къ борьбѣ, драматическіе эпизоды которой быстро слѣдовали одинъ за другимъ.

Нужно впрочемъ сказать, что ненависть къ правительству питали не только въ лагерѣ организованной революціи. Эта ненависть, глубокая и непримиримая, коренилась и среди нѣкоторыхъ его собственныхъ членовъ. Мы уже видѣли, какъ сложилось это правительство, какъ склеено оно было въ Бурбонскомъ дворцѣ изъ разнообразныхъ элементовъ оппозиціи и какъ составъ его былъ потомъ пополненъ Луи Бланомъ и Альберомъ подъ сильнымъ давленіемъ народной массы.

Къ политическимъ разногласіямъ присоединились еще лич-

*) Это собраніе произошло во всякомъ случаѣ до встрѣчи бланки съ Маркомъ Коссидьеромъ, его прежнимъ единомышленникомъ, и теперешнимъ префектомъ полиціи, который рѣзко возсталъ противъ задуманнаго предпріятія.

старого режима, оставались скрытыми въ головахъ немногихъ мыслителей. Народъ былъ опьяненъ идеями свободы, онъ жаждалъ высказать свои думы, потому что теперь была снята съ его устъ та повязка, которая дѣлала его нѣмымъ при господствѣ монархіи. Тысячи голосовъ хотѣли быть услышанными, тысячи людей бросались каждый вечеръ на многочисленныя собранія различныхъ союзовъ, въ такъ называемые клубы, которые можно было встрѣтить всюду. Одинъ Парижъ насчитывалъ нѣсколько сотъ клубовъ, объединенныхъ между собой центральной организаціей. Эта центральная организація носила названіе „клуба клубовъ“ и состояла изъ делегатовъ всѣхъ частныхъ клубовъ. Засѣданія ея происходили между 12 и 3 часами дня, а вечеромъ всѣ делегаты шли въ свои частные клубы и распространяли всюду идеи, полученныя въ этомъ центрѣ.

Позднѣе, во время избирательной кампаніи, этотъ клубъ клубовъ разсылалъ многочисленныхъ эмиссаровъ даже по всей Франціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Ледрю-Ролленъ, имѣвшій въ клубахъ много своихъ сторонниковъ, выдалъ имъ для цѣлей избирательной агитаціи около 200,000 франковъ. Клубъ имѣлъ и свою собственную газету: „Парижская Коммуна“, одну изъ самыхъ распространенныхъ въ столицѣ и выходившую подъ редакціей Собръе (Sobrier). Редакція этой газеты находилась на улицѣ Риволи, гдѣ жилъ и редакторъ; сюда, въ эту улицу, въ самой аристократической части Парижа, Коссидьеръ послалъ для охраны цѣлую массу молодцовъ съ красными галстуками и красными кушаками.

Клубъ клубовъ, можетъ быть, могъ бы развиваться въ дѣйствительно революціонную силу, если бы его члены, или, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ, нѣсколько лучше понимали историческую роль пролетаріата. По мѣткому выраженію одного писателя, темнота, господствовавшая въ клубѣ клубовъ, освѣщалась лишь нѣсколько воспоминаніями о 1793 годѣ. Но воспоминаніями нельзя было замѣнить пониманія потребностей данного момента. Какъ говоритъ Марксъ, „соціальная революція девятнадцатаго столѣтія не можетъ черпать свою поэзію изъ прошлаго, но только изъ будущаго. Она начнетъ исполнять свое собственное дѣло лишь съ того момента, когда уничтожить всѣ суевѣрія прошлаго“.

Наиболѣе важнымъ изъ клубовъ былъ безусловно тотъ, которымъ руководилъ *Бланки*. Онъ состоялъ изъ его вѣрныхъ сторонниковъ, которыхъ мы уже встрѣчали въ залѣ Прадо. Клубъ этотъ носилъ имя Республиканскаго Центрального Общества. Его значеніе признаютъ почти всѣ историки революціи 1848 года. Онъ помѣщался въ театрѣ на улицѣ Бержеръ (Bergère); стремленіе попасть на его засѣданія было такъ велико, что еще до открытія дверей громадное зало театра бывало уже биткомъ набито.

Одинъ за другимъ подѣзжали сюда экипажи, крупная буржуазія тянулась сюда, чтобы увидѣть и услышать чело-

Онъ принудилъ правительство издать декреты, которые показались чудовищными привилегированнымъ классамъ. Право на трудъ, Национальныя мастерскія, „Правительственная коммиссія для рабочихъ“, затѣмъ—этотъ декретъ о выборахъ, устанавливающей всеобщее избирательное право, — вотъ причины ненависти къ республикѣ, которая была все-таки постоянной угрозой благополучію имущихъ классовъ, не смотря на всю скромность ея поведенія.

Въ такомъ свѣтѣ являлась республика имущимъ классамъ, и этому не мало способствовала полицейская префектура; это гнѣздо революціонеровъ партіи Горы. Революціонная полиція, состоявшая изъ крѣпкихъ, вооруженныхъ молодыхъ людей, не могла внушить буржуазіи мысли, будто эта полиція создана лишь для защиты ея буржуазной собственности; она видѣла въ ней прежде всего революціонную банду, которая при первомъ удобномъ случаѣ не замедлитъ приставить къ ея горлу ножъ.

Распоряженіе временнаго правительства также возбудили крайнюю тревогу въ рядахъ буржуазіи. Во всѣ департаменты были разосланы республиканскіе правительственные комиссары, чтобы смѣстить поставленныхъ монархіей префектовъ и, взявъ въ свои руки власть, дѣйствовать въ духѣ укрѣпленія республиканскихъ идей. Въ циркулярѣ 12-го марта, министръ внутреннихъ дѣлъ Ледрю-Ролленъ писалъ своимъ комиссарамъ, подражая языку Комитета Общественной Безопасности: „Ваши полномочія неограниченны. Какъ чиновникъ революціоннаго правительства, Вы сами являетесь революціонеромъ“. Въ томъ же революціонномъ духѣ писалъ директорамъ школъ и министръ народнаго просвѣщенія Лазаръ Ипполитъ Карно (Lazare Hippolyte Carnot), сень-симонистъ, сынъ знаменитаго члена Конвента; его циркуляръ рекомендовалъ директорамъ содѣйствовать выборамъ республиканцевъ.

Всего этого было вполне достаточно, чтобы создать въ сердцахъ такъ называемаго „честнаго и умѣреннаго“ мѣщанства дикую ненависть къ только что установившемуся во Франціи порядку.

Буржуазіи скоро представился случай дать почувствовать республикѣ все свое нерасположеніе къ новому порядку вещей. Масса фабрикъ, мастерскихъ и торговыхъ домовъ была закрыта, а рабочіе уволены. Изъ боязни, что скоро можетъ начаться разграбленіе, многіе хозяева перенесли свои мастерскія въ деревни. Буржуазія бросилась продавать, что было можно, и прятать чистый металлъ до болѣе свѣтлыхъ для нея дней, многіе же крупные капиталисты вывозили свои деньги за границу. Французскій Банкъ изо дня въ день осаждала толпа, желавшая обмѣнять банковые билеты на металлическія деньги, пока Банкъ не былъ принужденъ приостановить обмѣнъ на наличность. Въ банкахъ и у банкировъ нельзя было учесть даже самаго солиднаго векселя, благодаря чему сталъ весь дѣловой оборотъ. На биржѣ не находили себѣ сбыта наиболѣе обезпеченныя бумаги, и курсъ государственныхъ бумагъ па-

просто дадите возможность кредитуемымъ вами наемнымъ рабочимъ такъ же конкурировать между собой, какъ конкурируютъ теперь другъ съ другомъ ихъ хозяева" (Марксъ „Капиталь“, 3 т., II, стр. 148).

Видалъ, Пекеръ, Альберъ и Бланъ, основываясь на принципахъ, принятыхъ Люксембургской комиссіей, выработали цѣлый планъ насущныхъ, неотложныхъ социальныхъ реформъ; главные пункты его приведены выше. Они, конечно, не заключаютъ въ себѣ послѣдняго слова социализма. „Всѣ мѣропріятія“, пишетъ Луи Бланъ, „имѣли въ виду конечную цѣль—социализмъ, но ихъ практической характеръ вызывался ближайшими потребностями хозяйственной жизни; своей цѣлью они поставили усовершенствовать ее, избѣгая по возможности болѣзненныхъ столкновений“. Обстоятельный докладъ Видаля объ этомъ планѣ вышелъ позднѣе отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Февральская революція въ Люксембургѣ“.

Мы не имѣемъ возможности здѣсь долго останавливаться на исторіи рабочихъ ассоціацій, возникшихъ подъ непосредственнымъ или косвеннымъ вліяніемъ Люксембургской комиссіи. Однако, можно смѣло утверждать, что „рабочій парламентъ“ далъ значительный толчокъ дѣлу организациі рабочей массы; потребовался рядъ всевозможныхъ интригъ, хитросплетеній, вѣроломства и даже открытаго насилія, чтобы нейтрализовать его вліяніе. „Люксембургъ“ все время стоялъ на стражѣ интересовъ пролетаріата, защищая его отъ капиталистической эксплоатациі; каждое его мѣропріятіе могло подъ давленіемъ логики вещей выйти изъ предѣловъ его формальныхъ рамокъ и ворваться въ область капитала. Въ „Люксембургѣ“ обсуждались не только однѣ доктрины. Кромѣ дебатовъ по официальнымъ вопросамъ программы говорилось и объ общемъ политическомъ положеніи страны; учитывалось настроеніе рабочихъ.

Выше было упомянуто, что Люксембургская комиссія между прочимъ успѣшно улаживала конфликты, возникавшіе между предпринимателями и рабочими по поводу заработной платы другихъ вопросовъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на подобную роль, мы находимъ въ ней доказательство того, что революція даже въ этомъ пунктѣ предвосхитила позднѣйшіе приемы. пролетарской борьбы.

Патріоты, воодушевленные любовью къ родинѣ, были готовы пролить свою кровь за независимость и свободу страны. Произошли кровавыя стычки, не вызвавшія все-таки сразу всеобщаго возстанія. Несокрушимой казалась военная сила правительства, не уступавшая ни передъ чѣмъ и сковавшая народъ желѣзными цѣпями.

Въ городахъ спокойствіе поддерживалось строгими полицейскими мѣрами. На площадяхъ стояли пушки, на перекресткахъ была разставлена стража, получившая строжайшій приказъ открывать огонь при малѣйшихъ революціонныхъ попыткахъ. Города походили на кладбища: всюду царила мертвая тишина; магазины оставались закрытыми изо дня въ день; вечеромъ городъ погружался во тьму.

Лишь при извѣстїи о событіяхъ въ Вѣнѣ, въ Миланѣ вспыхнуло народное возстаніе. Австрійскія власти плакатами на стѣнахъ домовъ объявили о происходящемъ въ Вѣнѣ. Этого было достаточно, чтобы вывести миланцевъ изъ тяжелаго оцѣпенѣнія; молчавшіе до сихъ поръ колокола ударили набать, и звонъ передавался изъ села въ село, по всей странѣ. На улицахъ Милана народъ собрался густой толпой, въ толпѣ развѣвались трехцвѣтныя итальянскія знамена.

Первое столкновеніе между народомъ и войсками произошло утромъ 18-го марта; завязалась уличная битва, длившаяся 5 дней при обоюдномъ крайнемъ ожесточенїи. Народъ вооружался всѣмъ, что попадало подъ руку. Женщины кипятили масло, чтобы обливать имъ изъ оконъ домовъ проходящіе отряды войскъ. Уже на второй день командующій австрійскими войсками, фельдмаршалъ Радецкій, былъ принужденъ укрыться въ крѣпости. При извѣстїи о возстанїи въ Миланѣ, со всѣхъ сторонъ, изъ Ломбардскихъ долинъ и съ Альпійскихъ горъ, крестьяне поспѣшили на помощь миланцамъ; кромѣ того Карлъ Альбертъ, король Сардинїи, со своей арміей готовился перейти черезъ пьемонтскую границу и стать во главѣ революціи. При такихъ условїяхъ Радецкій 22 марта оставилъ Миланъ и отступилъ на ту сторону Минчіо.

Карлъ Альбертъ, бывший принцъ Кариньянскій (Carignan), въ молодости былъ членомъ союза карбонаріевъ и въ 1831 г., за прекращенїемъ мужской линїи савойской династїи, вступилъ на престолъ. Не одна идея освобожденія итальянскаго народа воодушевляла и побуждала его принять участіе въ освободительномъ движенїи Италїи. Онъ былъ фанатически религіозенъ и долгое время служилъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ. Либераловъ своей страны онъ преслѣдовалъ съ возмутительной жестокостью ренегата и деспота. Предчувствуя, вѣроятно, что рано или поздно поработенная Италїя попытается сбросить съ себя иноземное иго, онъ въ 1847 г. внезапно завязалъ дружескія отношенїя съ лично ему во всякомъ случаѣ мало симпатичными радикальными партїями, думая такимъ путемъ получить возможность присвоить себѣ плоды ихъ усилїй. Рискъ съ его стороны былъ не великъ, а выигрышъ могъ получиться

несомнѣнно, избралъ бы такой способъ, если бы благопріятствовалъ этому дальнѣйшій ходъ событій. Ледрю Ролленъ, наоборотъ, зналъ и сочувствовалъ замысламъ своихъ приверженцевъ.

Но на пути къ диктатурѣ Ледрю Роллена стояло огромное препятствіе—это былъ Бланки (Blanqui). Вліяніе послѣдняго на революціонно-настроенныя массы проявилось уже 17-го марта; несмотря на то, что въ подготовленіи манифестаціи участвовали и многіе другіе, онъ быстро выдвинулся, какъ выдающійся ораторъ. Съ этихъ поръ группа бланкистовъ въ Парижѣ значительно усилилась. Эта фракція, отвергавшая всякій малодушный компромиссъ, была ненавистна и неудобна для всѣхъ другихъ партій, но послѣднія не рѣшались употребить противъ нея насиліе. Чтобы парализовать вліяніе вожака, прибѣгли къ мелкому средству—къ клеветѣ. Не постѣснились назвать Бланки агентомъ легитимистской партіи Генриха V. Вмѣстѣ съ тѣмъ старались вступить съ нимъ въ сношенія, привлечь на свою сторону, чтобы воспользоваться его могущественнымъ вліяніемъ. Ипполитъ Кастиль (Hippolyte Castille) говоритъ, что Ксавье Дюрье (Xavier Durieux), главный редакторъ „*Courrier francais*“ („Французскій Курьеръ“), посѣтилъ Бланки и сообщилъ ему о желаніи Ледрю Роллена вступить съ нимъ въ соглашеніе. Префектъ Коссидьеръ (Caussidiere), говорятъ, также съ этой цѣлью завелъ сношенія съ однимъ изъ приверженцевъ Бланки. Онъ отправился къ Ледрю Роллену чтобы переговорить относительно свиданія съ Бланки. „Оно будетъ безцѣльно!“ отвѣтилъ министръ, „у Бланки вмѣсто сердца желчный пузырь. Если я его приму, онъ станетъ гордиться, что навязалъ мнѣ свою волю“. Никакое краснорѣчіе не было въ силахъ заставить Бланки измѣнить своимъ планамъ. Быть можетъ толпа, на которую рассчитывали Ледрю Ролоень (Ledru Rollin) и его сторонники, и ворвется побѣдоносно въ ратушу, но во всякомъ случаѣ не иначе, какъ съ Бланки во главѣ. Эта мысль наводила ужасъ на тѣхъ самыхъ людей, которые хотѣли черезъ народъ поставить у власти Ледрю Роллена. Съ этимъ искуснымъ фразеромъ онѣ сумѣли бы поладить, но Бланки, они знали, съ позоромъ прогонитъ ихъ. Впрочемъ Ледрю Ролленъ и Луи Бланъ хорошо понимали, насколько Бланки сильнѣе ихъ; рядомъ съ нимъ ихъ звѣзда померкнетъ; имъ придется играть лишь подчиненную роль. Вотъ почему ихъ зависть и ревность къ Бланки не знали границъ. Неудивительно, что всѣ обрадовались первому удобному случаю, чтобы ударомъ изподтишка сокрушить силу, которая не поддавалась ни подкупу, ни обѣщаніямъ.

31-го марта появился первый номеръ новой газеты „*Revue Retrospective*“ (Историческое Обзорѣніе). Ее издавалъ нѣкій Ташро (Tachereau), задавшійся, очевидно, цѣлью опубликовывать интересныя историческіе документы изъ архивовъ буржуазнаго королевства. Первый документъ, увидѣвшій свѣтъ,

ГЛАВА XI.

Послѣдствія 16-го апрѣля.—Реакція не знаетъ предѣловъ.—Страхъ передъ Бланки.—Правительство старается овладѣть имъ.—Попытка временнаго правительства вернуть свою прежнюю популярность.— Праздникъ братства.— Избирательная кампанія.—Роль буржуазіи.—Ея привилегіи составляютъ главный предметъ спора между буржуазными и социалистическими экономистами. — Выборы.—Возстанія въ Лиможѣ, Руанѣ, Эльбефѣ.— Кровопролитіе въ Руанѣ.—Революціонный Парижъ поднимается.—Призывы Собріе и Бланки.—Республика, побѣдившая на баррикадахъ, терпитъ пораженіе въ избирательныхъ урнахъ.—Причины неудачъ пролетаріата и прогрессивныхъ партій.

16-го апрѣля была пробита та брешь, чрезъ которую бурнымъ потокомъ прорвалась и разлилась широкой рѣкой буржуазная реакція. До этого времени ненависть буржуазіи къ рабочему классу и къ революціи сдерживалась искусственнымъ образомъ. Но съ этого момента буржуазія всецѣло отдалась своей жаждѣ мести. Уже 16-го вечеромъ аристократическіе кварталы Парижа были роскошно иллюминированы и по улицамъ маршировали блестящіе отряды національной гвардіи изъ „порядочнаго“ класса; опьяненные виномъ и сознаниемъ своей силы, они кричали: „смерть коммунистамъ!“ Они хватили всякаго, носившаго блузу,—это въ ихъ глазахъ было величайшимъ преступленіемъ,—истязали и тащили въ полицейскую префектуру, гдѣ Коссидьеръ (Caussidière), не зная, что дѣлать, съ арестованными, отпускалъ ихъ на свободу. Въ глазахъ этой расходившейся своры все не чисто буржуазное считалось коммунистическимъ; каждый болѣе или менѣе радикальный республиканецъ причислялся къ коммунистамъ; они рѣшили уничтожить всѣхъ этихъ мнимыхъ коммунистовъ. Въ припадкѣ изступленія, съ угрозами смерти потащили пустой гробъ съ надписью: „для Кабэ“, къ дому этого утописта, самаго безобиднаго челоука на свѣтѣ; такъ какъ Кабэ скрылся, гробъ показали его испуганной семьѣ, повторяя страшныя угрозы. Безчинство было прекращено лишь тогда, когда правительство прислало войска для охраны дома мечтателя, страстнаго поклонника икарійской общины.

Разсвирѣпѣвшіе солдаты національной гвардіи ворвались и въ клубъ Бланки; всюду розыскивали его самого, чтобы убить. Флотъ (Flotte) былъ арестованъ и отведенъ въ полицейскую префектуру. Коссидьеръ, еще не рѣшавшійся открыто поступить на службу реакціи, освободилъ его снова.

разыгрывалась борьба двухъ классовъ, проявлявшаяся въ сотняхъ собраній, тысячахъ прокламаций и газетныхъ статей.

Политико-экономы выступали на защиту привилегій буржуазіи. Они часто нападали на Люксембургскую комиссію и Луи Блана и особенно старались опровергнуть рѣчь послѣдняя, произнесенную 3-го апрѣля въ комиссіи. Луи Бланъ говорилъ: „современное общество основано на принципѣ отчужденности и антагонизма: на конкуренціи. Послѣдняя порождаетъ нищету... Вѣдь, чистая прибыль въ каждой мастерской получается благодаря гибели множества соперничающихъ съ ней конкурентовъ.

Развѣ при современномъ режимѣ найдется хоть одинъ производитель, хоть одинъ рабочій, жизнь котораго не находилась бы въ зависимости отъ большей или меньшей отдаленности мастерской, отъ общихъ условій предпріятія, отъ вновь изобрѣтенной машины и пр.?

Благодаря конкуренціи промышленность становится смертоносной! Намъ говорятъ, что мы ограничиваемъ свободу, желая устранить конкуренцію... Мы противники конкуренціи именно потому, что поборники свободы. Теперь свобода существуетъ только для тѣхъ, у кого есть капиталъ, кредитъ или образованіе. Пользуются ли свободой всѣ тѣ кто лишены этихъ благъ? Для того, чтобы свобода была доступна всѣмъ, нужно вмѣшательство государства. А какія средства находятся въ его распоряженіи, чтобы гарантировать каждому истинную свободу? Единственнымъ средствомъ является объединеніе на началахъ товарищества производительныхъ силъ, матеріала и орудій производства“.

Экономистъ Воловскій (Wolowski) на рѣчь Луи Блана отвѣтилъ цѣлымъ ворохомъ буржуазно-индивидуалистическихъ аргументовъ: „Вполнѣ справедливо строго осуждать анархію и разложеніе, вызванныя конкуренціей, но было бы неблагоразумно, желая избѣжать злоупотребленій свободой, уничтожить тотъ лучшій двигатель, которымъ конкуренція является для производства. Всѣмъ людямъ слѣдуетъ предоставить работу для обезпеченіи ихъ существованія. Но отнюдь нельзя дѣятельностью и заботу отдѣльнаго индивидуума замѣнить дѣятельностью отвлеченнаго существа, государства, на которомъ будетъ лежать задача думать, соображать и дѣйствовать за всѣхъ. Государство должно поощрять дѣятельность индивидуума, но не должно поглощать ее“.

Другой экономистъ, бывший сень-симонистъ Мишель-Шевалье (Michel-Chevalier), слѣдующими доводами отстаивалъ буржуазно-капиталистическую систему: „Такъ какъ капиталъ является средствомъ производства, наиболѣе возбуждающимъ энергію, то слѣдуетъ заботиться о его накопленіи посредствомъ труда и бережливости. Вмѣсто того, чтобы добиваться этой цѣли, система Луи Блана, наоборотъ, сокращаетъ трудъ, капиталъ и производство; она устраняетъ его главную пружину—конкуренцію; она уничтожаетъ самодѣятельность, роль личности, источникъ геніальности и личнаго самопожертвованія.“

стало рѣшила устранить послѣдняго изъ правительства, и собраніе ей вполнѣ сочувствовало. Во всѣхъ бюро (фракціяхъ) національнаго собранія его кандидатура была безусловно отвергнута. Одинъ Ламартинъ не хотѣлъ устранить человѣка, который спасъ государство 16-го апрѣля.

Было-ли это великодушіе съ его стороны или онъ считалъ невозможнымъ правительству лишиться человѣка, который еще пользовался симпатіей у нѣкоторой части парижской демократіи? Вѣроятно, оба эти соображенія заставили его стать на сторону Ледрю-Роллена.

Во время выборовъ 10-го мая національное собраніе уступило настоянію Ламартина, но оно, по своему, отомстило ему, подавъ за „великаго человѣка временнаго правительства“ гораздо меньше голосовъ, чѣмъ за его товарищей. Араго былъ избранъ 725-ю голосами, Гарнье-Пажэ—705-ю, Мари—702-мя, Ламартинъ получилъ лишь 645, а Ледрю Ролленъ,— всего только 458 голосовъ.

Предсѣдательство въ исполнительной комиссіи принадлежало Араго, какъ получившему наибольшее число голосовъ. Министрами были назначены: Бастидъ (Bastide)—иностранныхъ дѣлъ, Кремьё (Cremieux)—юстиціи, Кавеньякъ (Cavaignac), съ 17-го мая,—военнымъ, Карно (Carnot)—просвѣщенія, Бѣтмонъ (Bethmont)—культы, Трела (Trélat)—общественныхъ работъ, Флоконъ (Flocon)—земледѣлія и торговли, Дюклеркъ (Duclerc)—финансовъ, адмиралъ Кази (Cazy)—морскимъ.

Въ резолюціи, возвѣщавшей о назначеніи новой исполнительной комиссіи, говорилось, что національное собраніе признаетъ, что родина многимъ обязана благотворной дѣятельности временнаго правительства. Одинъ только человѣкъ протестовалъ противъ этой фразы, противорѣчившей мнѣнію всѣхъ честныхъ республиканцевъ. Это былъ Барбэ. Отъ имени народа онъ протестовалъ противъ цѣлага ряда мѣропріятій этого правительства. Въ достойныхъ, рѣзкихъ выраженіяхъ онъ призывалъ къ отвѣтственности правительство за рѣзню въ Руанѣ, которую оно поощряло своимъ преступнымъ бездѣйствіемъ и снисхожденіемъ къ насильникамъ. Онъ упрекалъ правительство въ томъ, что оно отказало въ поддержкѣ полякамъ, бельгіяцамъ, итальянцамъ и нѣмцамъ.

Бѣдный Барбэ не сознавалъ, что и на немъ лежала часть вины за осужденную имъ политику правительства.

Вмѣстѣ съ временнымъ правительствомъ должна была прекратить существованіе и знаменитая „правительственная комиссія для рабочихъ“ въ Люксембургѣ. Была-ли дѣйствительно хоть на минуту у Луи Блана надежда, что на мѣсто этой отвлеченной комиссіи удастся поставить то „министерство прогресса“, о которомъ онъ мечталъ? Зная настроеніе національнаго собранія, онъ тѣмъ не менѣе рѣшился внести разработанное въ комиссіи предложеніе объ учрежденіи подобнаго министерства.

10-го мая онъ взошелъ на трибуну, чтобы защищать

бовъ для прочтенія своихъ петицій. Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ появляются одинъ послѣ другого и умоляютъ народъ сохранять спокойствіе. У подножья ораторской трибуны, между тѣмъ, происходитъ настоящая битва. Тамъ образовался безформенный людской клубокъ; люди падали другъ на друга, бранились и выли отъ боли и гнѣва. Нѣкоторымъ главарямъ клубовъ удалось добраться до президентскаго мѣста. Революціонеръ, капитанъ Лавиронъ (Laviron), держа въ рукѣ клинокъ своей сабли, стоялъ позади президента будто приготовившись его зарубить. Возлѣ него сталъ человѣкъ въ пожарной каскѣ; онъ, казалось ждалъ только удобнаго момента для нападенія. Картина,--которой очевидцы не забудутъ. При рѣзкихъ протестахъ народныхъ представителей, депутатъ Распайль

Народъ въ національномъ собраніи 15 мая 1848 г.

теперь порывался взойти на трибуну, чтобы прочесть одну изъ народныхъ петицій. Шумъ не прекращался. Барбэ умолялъ народъ воспользоваться въ законной формѣ своимъ правомъ петицій и удалиться въ портикъ передняго фасада зданія, чтобъ дать возможность собранію совѣщаться. Бюшэ (Buche) тоже сталъ увѣщевать народъ, но тонъ его былъ рѣзокъ и повелителенъ. „Замолчи!“—крикнулъ ему кто-то изъ толпы: „ты не имѣешь права говорить здѣсь“.

Вдругъ кто-то произнесъ имя Бланки; передаваемое изъ устъ въ уста оно вскорѣ покрыло собой общій гулъ: „Бланки? Гдѣ Бланки? Мы хотимъ Бланки!“ И вотъ на плечахъ рабочихъ появляется маленькій, шуплый, блѣдный человѣкъ, при

Вскорѣ послѣ возобновленія засѣданія на трибунѣ появился Ламартинъ; въ безконечномъ потокѣ своихъ шаблонныхъ фразъ, онъ старался доказать, что время разговоровъ прошло, пора приняться за дѣло. „Въ ратушу“, дополнила его рѣчь національная гвардія. Ледрю-Ролленъ и Ламартинъ, сѣли верхомъ на лошадей и поѣхали рядомъ подъ охраной національной гвардіи въ ратушу, чтобы выгнать оттуда манифестантовъ вмѣстѣ съ ихъ новымъ правительствомъ.

Альберъ и Барбэ оба шли къ ратушѣ, одинъ по правой другой по лѣвой набережной Сены. Вначалѣ за ними шла лишь незначительная кучка людей, но по мѣрѣ приближенія къ ратушѣ толпа росла. Раздавались крики: „Да здравствуетъ Барбэ! Да здравствуетъ революціонное правительство!“ Национальная гвардія, занимавшая Гревскую площадь, отступила. У воротъ ратуши Барбэ вступилъ въ переговоры съ полковникомъ Рей (Rey), который завѣдывалъ охраной ратуши. Они еще не успѣли прійти къ соглашенію, какъ нѣсколько храбрыхъ молодцовъ сломали желѣзные ворота и толпа, шедшая за Барбэ, хлынула въ ратушу.

Альберъ и Барбэ расположились въ залѣ перваго этажа. Они хотѣли начать дѣйствія въ качествѣ членовъ правительства. Но увы! Каково было ихъ разочарованіе? Не было вокругъ нихъ ни одного изъ вожаковъ, извѣстныхъ и популярныхъ въ народѣ. Бланки, остававшійся до послѣдней минуты въ національномъ собраніи и видѣвшій все, что происходило тамъ, по дорогѣ въ ратушу разсудилъ, что демонстрація, начатая такъ блестяще, грозила кончиться смѣхотворнымъ возстаніемъ. Не дойдя до ратуши, онъ отсталъ и удалился къ одному изъ знакомыхъ депутатовъ. Барбэ былъ окруженъ одними подозрительными лицами; тѣмъ не менѣе онъ открылъ официальное засѣданіе новаго правительства.

Какъ видно изъ документовъ комиссіи, разслѣдовавшей дѣло 15-го мая, главари парижскихъ демократовъ и социалистовъ дѣйствительно считали возможнымъ назначить революціонное правительство и даже обсудили его главнѣйшія мѣропріятія. Изъ бумагъ, найденныхъ у Собріе виденъ слѣдующій планъ: „разогнать національное собраніе; учредить комитетъ народнаго спасенія изъ девяти членовъ; удалить всѣхъ чиновниковъ, завѣдующихъ общественными функціями, за исключеніемъ только мэровъ; назначить и утвердить городскіе комитеты, состоящіе изъ семи членовъ, изъ которыхъ пять должны быть рабочіе. На обязанности этихъ комитетовъ будетъ лежать зарегистрировать и привести въ извѣстность государственное и общинное имущество. Создать оборону изъ рабочихъ, распустить національную гвардію и выслать тѣхъ ея членовъ, которые покажутся въ мундирѣ и съ оружіемъ въ рукахъ. Ввести прогрессивный налогъ, соотвѣтствующій четвертой или даже третьей части дохода капиталистовъ. Недвижимое иму-

нихъ были совершенно закрыты; первымъ, конечно, клубъ Бланки. Самъ Бланки, скрывавшійся въ это время, былъ арестованъ только 28-го мая. Распайля еще раньше постигла та же участь. Жизнь, которую велъ Бланки до ареста, была похожа на фантастическія измышленія пылкаго воображенія романиста.

Полиція и національная гвардія буквально охотились за нимъ. Сто разъ распространялись слухи, что онъ арестованъ или бѣжалъ за-границу. Вдругъ въ той или иной газетѣ снова появлялось его письмо изъ Парижа и ядовитый, угрожающій слогъ его сразу выдавалъ автора

Такъ онъ 17-го мая писалъ: „Терпѣніе, господа, ваша національная гвардія еще не сумѣла поднять меня на свои штыки. я пока еще свободенъ и скоро долженъ сказать народу еще нѣсколько словъ“. Однажды властямъ донесли объ одномъ изъ его убѣжищъ въ домѣ Лафита. Онъ, однако, ускользнулъ изъ ихъ рукъ, уйдя въ формѣ офицера національной гвардіи, бродилъ нѣсколько дней и нашелъ, наконецъ, пристанище въ улицѣ Монтолонъ, (Rue Montholon) гдѣ онъ вмѣстѣ съ Лакамбромъ (Lacambre) и подобными ему людьми работалъ надъ созданиемъ новой организациі и надъ подготовкой ея къ новой борьбѣ. Его друзья настоятельно совѣтовали ему покинуть Парижъ, но онъ хотѣлъ жить и дѣйствовать въ томъ городѣ, который онъ считалъ ареной революціи.

Вскорѣ онъ все же былъ схваченъ. Снова сошелъ со сцены этотъ человекъ, величайшій организаторскій талантъ и энергичная агитація котораго оставила такіе глубокіе слѣды въ жизни парижскаго народа: снова для него начались безконечные годы тюрьмы и мученичества.

Такъ постарались стереть послѣдніе слѣды пресловутаго 15 го мая. Этотъ несчастный день, какъ говоритъ Марксъ, повлекъ за собой устраненіе Бланки и его товарищей, т. е. истинныхъ вожаковъ пролетаріата, съ арены общественной дѣятельности.

Невозможно, однако, сказать, что совершилъ бы народъ въ этотъ день, если бы господствовало единодушіе въ его стремленіяхъ и цѣляхъ, если бы масса руководилась однимъ общимъ лозунгомъ, если бы среди разныхъ фракцій революціонныхъ партій не господствовала бы такая непримиримая рознь. „Предположимъ“, говоритъ Прудонъ въ своей „Исповѣди революціонера“, „что распушеніе національнаго собранія прошло бы удачно; кто можетъ указать, какъ далеко подвинулось бы дѣло революціи, какъ выглядѣла бы Европа въ настоящій моментъ!“ 15-го мая всѣ вожаки, имѣвшие вліяніе на народную массу, руководились самыми различными намѣреніями. Народъ, не видя предъ собой единаго общаго плана, влекомый то въ ту, то въ другую сторону, былъ заранѣе осужденъ на безсиліе, движеніе его не вызвало ничего кромѣ всеобщаго сумбура въ національномъ собраніи. Люди, ставшіе во главѣ народа, нѣсколько часовъ спустя оказались покинутыми и одинокими.

рымъ борцомъ за конституцію генераломъ Пепе (Pere) во главѣ, чтобы оказать поддержку сѣверно-итальянскимъ провинціямъ въ предстоящей тяжелой борьбѣ съ превосходными боевыми силами Австріи.

Итальянскіе государи, во всякомъ случаѣ, только по при-
нужденію, противъ своей воли, разыгрывали роль патріотовъ. Они дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобъ по возможности затянуть отправку дружинъ добровольцевъ, образовавшихся въ ихъ владѣніяхъ. Они по опыту знали, что народъ, сознавшій свою силу, обратитъ ее не только на внѣшняго врага; онъ воспользуется этой силой и для завоеванія своихъ политиче-
скихъ правъ. Какое имъ дѣло до господства Австріи надъ частью Италіи, лишь бы имъ никто не мѣшалъ спокойно хозяйничать въ своей части разорваннаго на клочки полуострова. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ боялись болѣе Карла Альберта, чѣмъ родственнаго имъ австрійскаго императора и его фельдмаршала Радецкаго. Планъ объединенія Верхней Италіи въ одно большое королевство проводился открыто и правяшіе государи Средней Италіи боялись, что удачная объединительная борьба можетъ и ихъ поглотить. Больше другихъ боялся этого движенія папа Пій IX. Онъ ясно предвидѣлъ, что независимость Италіи необходимо повлечетъ за собой уничтоженіе его свѣтской власти. Руководимый дурнымъ предчувствіемъ, онъ счелъ нужнымъ 29-го апрѣля обратиться съ рѣчью на латинскомъ языкѣ къ коллегіи кардиналовъ, объявляя, что онъ не можетъ уступить настоянію тѣхъ, кто принуждаетъ его къ войнѣ противъ Австріи; его санъ верховнаго главы церкви возлагаетъ на него обязанность съ одинаковой отеческой любовью относиться ко всѣмъ націямъ. Боясь, однако, сильнаго возбужденія въ римскомъ народѣ, правительство не поступило въ духѣ этихъ словъ и не отозвало генерала Дурандо съ папскими войсками.

Папская рѣчь, прибитая на итальянскомъ языкѣ въ видѣ плаката на перекресткахъ, разрывалась на клочки, при чемъ громогласно посылались проклятія ея автору, римскому папѣ.

Карлъ Альбертъ, во главѣ пьемонтскаго войска, выступилъ противъ австрійцевъ. Начало похода было для него чрезвычайно удачно. 8-го апрѣля ему удалось при Гоито (Goïto) перейти черезъ Минчіо и расположиться на горномъ хребтѣ, защищавшемъ лѣвый берегъ этой рѣки отъ Кустодза (Custozza) черезъ Соммакампанья (Sommacampagna) до Сона (Sona), лѣвый флангъ которой ему удалось отстоять. благодаря счастливому исходу сраженія 30-го апрѣля при Пастренго (Pastrengo) въ долинѣ рѣки Эчъ. Фельдмаршалъ Радецкій былъ оттѣсненъ въ тѣсный уголъ при Веронѣ и здѣсь долженъ былъ ждать подкрѣпленія, которое шло изъ Тироля подъ начальствомъ фельдцейхмейстера (главнаго начальника всей артиллеріи) Нюжанъ (Nugent). Но Карлъ Альбертъ не использовалъ затруднительнаго положенія австрійцевъ. Впродолженіи двухъ мѣсяцевъ онъ разбивалъ свои силы въ ненужныхъ

тушѣ своего бывшего товарища изъ временнаго правительства. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы погубить человѣка, и безъ того ненавистнаго буржуазіи. Для чего же Луи-Бланъ могъ быть въ ратушѣ, какъ не для того, чтобы занять свое мѣсто въ ультра-революціонномъ правительствѣ, провозглашенномъ Гюберомъ (Huber)? Тѣ, которые старались такими способами уничтожить бывшего президента Люксембургской комиссіи, лучше другихъ понимали, что онъ никогда не былъ бы способенъ играть той роли, какую ему хотѣли приписать. Они всѣ хорошо знали, что участіе въ бурномъ народномъ движеніи совершенно не соотвѣтствовало темпераменту и характеру Луи-Блана.

25-го мая Жюль-Фавръ (Jules Favre) отъ имени комиссіи сдѣлалъ докладъ. Хитрый адвокатъ, который потомъ игралъ столь печальную роль во Франціи, таившій личную злобу противъ Луи-Блана, воспользовался случаемъ и произнесъ хвалебную рѣчь по его адресу и совершенно неожиданно предложилъ отъ имени комиссіи удовлетворить требованіе прокурора, а это значило не болѣе ни менѣе, какъ немедленное погребеніе Луи-Блана въ крѣпости Венсенъ (Vincennes). По этому поводу журналистъ Рибейроль (Ribeyrolle) выразился, что докладъ представлялъ изъ себя сосудъ съ отравленнымъ молокомъ.

Обсужденіе доклада было назначено на 3-е іюня. Двѣ первыя попытки голосованія путемъ встананія дали сомнительные результаты. При третьемъ голосованіи предложеніе преслѣдованія судебнымъ порядкомъ было отклонено большинствомъ 32-хъ голосовъ.

На этотъ разъ истина была слишкомъ очевидна. Барбэ изъ мѣста своего заточенія объявилъ, что рѣчь, которую приписывали Луи-Блану, была произнесена имъ. Марра, припертый къ стѣнѣ, долженъ былъ согласиться, что его свидѣтель могъ и ошибиться. Многіе изъ народныхъ представителей, не смотря на личную антипатію къ Луи-Блану, чувствовали себя неловко и не рѣшались собственной рукой нанести себѣ неизгладимое позорное пятно. На этотъ разъ Луи-Бланъ былъ спасенъ.

его убѣжищемъ, гдѣ онъ находилъ себѣ кусокъ хлѣба—надъ національными мастерскими. Онъ зналъ, что министръ общественныхъ работъ Трела (Trélat) выжидалъ лишь подходящаго момента, чтобы подвергнуть эти мастерскія основательной реорганизации. 26-го мая былъ удаленъ неожиданно Эмиль Тома, директоръ этихъ мастерскихъ и высланъ изъ Парижа*). Въ этотъ день онъ былъ приглашенъ въ министерство, гдѣ долженъ былъ подписать свою отставку; затѣмъ, не давъ ему даже проститься съ семьей и выйти на улицу, его посадили въ карету и, въ сопровожденіи вооруженныхъ полицейскихъ, отправили въ Бордо. Этотъ случай, болѣе походившій на романическое приключеніе, чѣмъ на серьезное правительственное мѣропріятіе, сильно обострилъ положеніе. Цѣлую бурю негодованія вызвала вѣсть объ этой высылкѣ среди рабочихъ національныхъ мастерскихъ, собравшихся въ обычномъ сборномъ пунктѣ, въ паркѣ Монсо (на сѣверо-западѣ Парижа). Чтобы оправдать свое мѣропріятіе, министръ принужденъ былъ самолично отправиться въ собраніе депутатовъ національныхъ мастерскихъ. Онъ былъ сильно смущенъ и вмѣсто того, чтобы говорить о томъ, что въ данный моментъ интересовало рабочихъ, переливалъ изъ пустого въ порожнее на ту тему, сколько-де перенесъ онъ всякихъ напастей изъ-за республики. „Къ дѣлу!“ закричали ему. Только тогда онъ заявилъ, что нѣтъ никакихъ основаній подозрѣвать Эмиля Тома въ безчестности. „Такъ почему же его арестовали? Вѣдь арестуютъ только обвиняемыхъ въ чемъ нибудь!“ отвѣчали рабочіе. Министру ничего болѣе не оставалось, какъ начать отступленіе и только лишь съ помощью новаго, назначеннаго имъ директора Лалонъ (Lalaune) и подъ прикрытіемъ войскъ добрался онъ до своей канцеляріи.

Подобныя столкновенія сильно поднимали настроеніе и безъ того уже возбужденныхъ рабочихъ. Съ нѣкотораго времени стали собираться толпы рабочихъ, днемъ—близъ Бурбонскаго дворца, а вечеромъ—между Сень-Денисской и Сень-Мартэнской заставами (Port. St. Denis et St Martin) Полиція разгоняла ихъ. „Работы и хлѣба!“—вотъ обычный боевой кличъ этой толпы; слышалось также „да здравствуетъ республика!“ и изрѣдка къ этому примѣшивались возгласы: „да здравствуетъ Барбэ! да здравствуетъ Наполеонъ“!

Какое странное совмѣщеніе! Изъ него можно сдѣлать только одинъ выводъ, что значительная часть народа, бросающая теперь съ надеждой свой взоръ на Луи Наполеона, видѣла въ немъ не претендента на императорскій тронъ. То, что привѣтствовали въ его лицѣ, была не имперія, а прогрессивная демократія съ социалистической окраской. Несомнѣнно, конечно, что въ толпѣ находилось немало подкупленныхъ агентовъ Бонапарта, подававшихъ сигналъ своими криками „да

*) Исполнительная комиссія нашла его слишкомъ упрямымъ и кромѣ того, онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ бонапартистами, которые имѣли своихъ людей въ мастерскихъ. Примѣч. къ нѣм. изд.

тѣмъ, вышли, чтобы узнать точнѣе о событіяхъ на площади. Они выяснили, что сообщеніе о трехъ выстрѣлахъ есть чистая сказка, весь шумъ произошелъ изъ-за того, что какой-то неловкій національный-гвардеецъ нечаянно выстрѣлилъ и слегка поранилъ себя-же самого. Ламартинъ попалъ теперь въ неловкое положеніе; продолжая свою рѣчь, онъ ссылаясь на факты прошлаго времени и тутъ, между прочимъ, бросилъ знаменитыя слова, что съ революціонерами Бланки и Распайлемъ онъ конспирировалъ въ томъ родѣ, какъ молнія конспирируетъ съ грозовою тучей. Сравненіе было недурно, но тотъ, кто употребилъ его, уже не пользовался больше никакимъ обаяніемъ и потому оно было принято, вмѣсто рукоплесканій, только шумомъ и смѣхомъ. Нигдѣ такъ не развито поклоненіе идоламъ, какъ во Франціи, но и нигдѣ зато такъ быстро не разбиваются вдребезги эти идолы, какъ здѣсь.

Ламартину не удалось получить вотумъ довѣрія отъ палаты. Кредитъ въ 1.200.000 франковъ былъ ему разрѣшенъ, обсужденіе-же вопроса о Луи Бонапартѣ было отложено до ближайшаго засѣданія.

13-го іюня близъ зданія національнаго собранія, какъ и наканунѣ, была сосредоточена масса войскъ при громадномъ стеченіи народа, и засѣданіе происходило при еще болѣе повышенномъ настроеніи, чѣмъ 12-го іюня. Бюро, т. е. фракціи національнаго собранія, внесли цѣлый рядъ докладовъ по вопросу объ избраніи Луи Бонапарта. Докладчикомъ одного изъ этихъ бюро былъ Жюль Фавръ (Jules Favre), выступившій въ защиту того, изъ-за кого поднялась вся эта парламентская буря. Это была месть съ его стороны Ламартину и Ледрю Роллену за тѣ неудачи, которыя благодаря имъ постигли его въ дѣлѣ съ Луи Бланомъ. Бюше (Bûchez), вмѣсто котораго въ президіумѣ засѣдалъ теперь Сенаръ (Sénard), оспаривалъ правильность полномочій Банапарта. Онъ говорилъ, что дѣло идетъ совсѣмъ не объ избраніи гражданина Луи Бонапарта, а объ избраніи претендента, который уже дважды съ оружіемъ въ рукахъ попиралъ французскую землю съ цѣлью навязать Франціи свои наслѣдственныя права на императорскій тронъ; приспѣшники его еще сегодня привѣтствовали его криками: „да здравствуетъ императоръ!“ И онъ ни разу до сихъ поръ не высказался въ пользу республики. Едва онъ кончилъ, какъ на трибуну бросился бонапартистъ Вейларъ чтобы встать на защиту своего обажаемого „друга“. Его протесты прерывались криками: „А Страссбургъ? а Булонь?“ Но онъ не унывалъ, запасшись заранѣе отвѣтомъ на подобные доводы. Этотъ отвѣтъ состоялъ изъ длиннаго частнаго письма Бонапарта, которое было „чрезвычайно подходяще для того, чтобы показать всю искренность настроенія человѣка, о которомъ идетъ рѣчь“. Въ этомъ письмѣ Бонапартъ высказываетъ свое полное нежеланіе добиваться депутатскихъ полномочій (превосходное средство, между прочимъ, что бы показать отсутствіе всякаго честолюбія), и высказываетъ намѣреніе не возвращаться во

ГЛАВА XVII.

Приготовленія къ борьбѣ. — Исполнительная комиссія и Кавеньякъ. — Національная и мобильная гвардія. — Клевета. — Начало борьбы. — Баррикады на бульварѣ Бонь-Нуviel (Bonaparte-Nouvelle.) — Араго у Пантеона. — Національное собраніе хочетъ рѣшительной битвы. — Борьба войскъ Кавеньяка при входѣ въ предмѣстье Дю-Тамплъ. — Генераль Бедо оперируетъ противъ острова Сите (Cite) и въ кварталахъ близъ Пантеона. — Безуспѣшность нападеній. — Парижъ вечеромъ 23 іюня.

Въ четвергъ 23 іюня, между восемью и одиннадцатую часами утра, площадь Бастиліи представляла собою грандіозное зрѣлище. Много тысячъ рабочихъ толпилось у подножія колонны, воздвигнутой въ память іюльской революціи. Они сошлись сначала на площади Пантеона и съ этой возвышенной части города двинулись, сохраняя все ту же грозную тишину, на площадь Бастиліи.

Въ ихъ рядахъ былъ и Пюжоль, который, видимо, сталъ на моментъ вождемъ пролетаріата въ этихъ первыхъ стадіяхъ страшной іюньской борьбы. Въ страстной рѣчи, сказанной съ пьедестала колонны, онъ вскрылъ всю величавую серьезность момента, устранивъ тѣмъ самымъ возможность превращенія этого движенія народа въ легкомысленный фарсъ. Обращаясь къ памятнику, онъ сказалъ: „Герои Бастиліи! Къ подножію памятника, воздвигнутаго въ знакъ вашего безсмертія, пришли герои баррикадъ, чтобы благоговѣнно преклонить свои колѣни передъ вами. Подобно вамъ, и они проливали свою кровь, борясь въ первыхъ рядахъ революціи. Но кровь эта лилась до сихъ поръ совершенно бесплодно. Революція опять должна начинать сначала. Друзья! — продолжалъ онъ, обращаясь къ народу, — наше дѣло есть дѣло нашихъ отцовъ. Они шли на борьбу съ великими словами на устахъ: свобода или смерть. Друзья! „свобода или смерть“! Отвѣтомъ ему былъ громовый возгласъ толпы: „свобода или смерть!“

Такъ Парижъ снова сталъ ареной страшнаго народнаго возстанія. Безъ всякой команды, повинувась лишь старому инстинкту парижскихъ повстанцевъ, изъ предмѣстій спѣшили толпы народа въ тѣ мѣста, которыя издавна служили цитаделью возстаній. Старыя предмѣстья Сенъ-Антуанъ, Дю-Тамплъ, Ла-Вилеттъ, какъ по мановенію руки, покрылись баррикадами, причемъ ряды послѣднихъ съ страшной быстротой подвигались къ

сматривавшей вопрос о состояніи и будущей судьбѣ національных мастерскихъ. Этотъ животрепещущій вопросъ онъ разрѣшалъ въ смыслѣ распущенія мастерскихъ. Какъ опытный палачъ, рука котораго не дрогнетъ, всаживая кинжалъ въ открытую грудь жертвы, онъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ приступилъ теперь къ чтенію своего доклада. Одинъ изъ депутатовъ протестуетъ противъ подобнаго предложенія, которое при данныхъ обстоятельствахъ способно только еще больше обострить положеніе. Но изъ рядовъ большинства собранія, ослѣпленнаго дикой ненавистью, раздаются голоса: „читайте, читайте!“ И онъ читалъ, этотъ іезуитъ, своимъ холоднымъ, рѣжущимъ голосомъ свой холодный, убійственный докладъ, который заканчивался требованіемъ въ теченіе трехъ дней распустить національныя мастерскія, являющіяся только очагомъ подстрекательства къ мятежу. Это былъ прямой вызовъ къ борьбѣ не на животь, а на смерть, брошенный парижскому пролетариату, это было равносильно объявленію опустошительной войны. И національное собраніе встрѣтило рукоплесканіями этотъ докладъ, который откровенно заявлялъ рабочимъ, что они не вправѣ ожидать ни хлѣба для себя, ни какого-бы то ни было улучшенія условій своего существованія. Съ этого момента парижскій пролетариатъ долженъ былъ окончательно рѣшить, что передъ нимъ лежатъ только два пути: или побѣдить, чтобы жить, работая, или—умереть, сражаясь.

Не было той силы, которая могла бы удержать большинство этихъ тупоумныхъ буржуа отъ ихъ вызывающаго поведенія. Депутатъ Консидеранъ предложилъ собранію проектъ прокламаціи къ рабочимъ, выработанный имъ совмѣстно съ Луи Бланомъ и подписанный шестидесятью депутатами; среди нихъ была подпись и Жюль Симона (Jules Simon). Прокламація имѣла въ виду нѣсколько успокоить рабочихъ и гласила, что палата постановила гарантировать всѣми возможными средствами принадлежащее каждому человѣку отъ рожденія право поддерживать свою жизнь трудомъ; что палата, далѣе, признала желательной поддержку ассоціацій какъ денежными средствами, такъ и иными мѣрами. Но собраніе отклонило прокламацію Консидерана, какъ „не неотложную“. Коссидьеръ предлагалъ послать въ пригороды депутатовъ, которые обратились бы къ народу съ словами примиренія. Онъ заявилъ свою готовность встать во главѣ депутаціи и остаться въ рукахъ повстанцевъ въ качествѣ заложника. Отвѣтомъ ему былъ голосъ одного изъ депутатовъ: „Съ бунтовщиками не вступаютъ въ переговоры, ихъ подавляютъ силой!“ Послѣ этого была принята другая прокламація, вызывающаго свойства, предложенная Сенаромъ, а именно: „Собраніе не остановится ни передъ какими трудностями, преодолѣть которыя предписываетъ ему его долгъ“. Въ такомъ-же тонѣ были составлены и циркуляры г-на Марра, разосланные мѣрамъ двѣнадцати городскихъ округовъ. Эти дипломатически составленные посланія были рассчитаны, главнымъ образомъ, на буржуазію, и потому въ нихъ, наряду

той безошадности, съ какою велась война противъ нихъ. Въ мѣстности, прилегающей къ городской ратушѣ, борьба цѣлый день велась съ невѣроятной силой. Повстанцамъ удалось здѣсь не только вернуть тѣ позиціи, которыя были отбиты у нихъ за день передъ тѣмъ, но и подвинуться еще дальше впередъ. Подъ градомъ ядеръ баррикады оставались совершенно невредимыми. Даже артиллеріи пришлось отступить подъ однимъ изъ натисковъ повстанцевъ. Генераль Дювивье (Duvivier), замѣнившій, раненаго Бедо, совсѣмъ почти растерялся при видѣ такого положенія дѣлъ. Подъ пулями повстанцевъ національная гвардія разбѣгалась въ разныя стороны. Сѣтъ баррикадъ все тѣснѣе и тѣснѣе замыкалась вокругъ городской ратуши, и только къ вечеру, когда прибылъ полковникъ Шарра (Charras) съ значительными подкрѣпленіями, удалось, по крайней мѣрѣ, остановить дальнѣйшее наступленіе повстанцевъ.

На лѣвомъ берегу Сены, противъ Пантеона стоялъ генераль Дамемъ (Damesme). Наканунѣ генераль Бедо попытался было взять здѣшнія баррикады штурмомъ, двигаясь по улицѣ Сень-Жакъ. Генераль Дамемъ рѣшилъ фланговымъ движеніемъ зайти имъ съ тыла. Маневръ удался ему, и теперь онъ снова двинулся вверхъ по улицѣ Сень-Жакъ съ цѣлю окружить Пантеонъ, гдѣ рабочіе устроили нѣчто вродѣ укрѣпленной главной квартиры и чувствовали себя, какъ въ крѣпости. Выходящая на площадь Пантеона улица Суффло (Soufflot) была заграждена громадной баррикадой. Первый батальонъ національной гвардіи, двинувшійся на штурмъ этой баррикады, былъ совершенно сметенъ свинцовымъ дождемъ, сыпавшимся изъ за прикрытій, и въ тотъ день войскамъ ни въ коемъ случаѣ не удалось-бы овладѣть Пантеономъ, если-бы одному изъ батальоновъ не посчастливилось взять зданіе юридической академіи, расположенной на углу улицы Суффло и площади Пантеона; отсюда былъ открытъ по повстанцамъ убійственный огонь, не прекращавшійся въ теченіе двухъ часовъ. Послѣ этого генераль Дамемъ распорядился поставить въ улицѣ Суффло батарею и обстрѣливать двери Пантеона, которыя вскорѣ и рухнули съ шумомъ. Ядра безпрепятственно влетали теперь черезъ зіяющее отверстіе и ими вдребезги была разбита колоссальная статуя внутри Пантеона.

Затѣмъ былъ отданъ сигналъ къ рукопашному бою. Солдаты бросились къ громадному зданію и устроили здѣсь поистинѣ кровавую баню. Не взирая на мольбы женъ и матерей о пошадѣ, тутъ-же на мѣстѣ разстрѣляна была масса плѣнниковъ, среди которыхъ былъ и Рагинаръ (Raguinard,) руководившій здѣсь возстаніемъ. Ободренные этимъ успѣхомъ, солдаты двинулись къ площади Де л'Эстрападъ (Place de l'Estrapade) и улицѣ Фоссэ-Сень-Жакъ (Fossés—St. Jacques), которыя и были взяты послѣ шестичасовой борьбы, или лучше,—шестичасового избіенія возставшихъ. Самъ генераль Дамемъ былъ, однако, смертельно раненъ при осадѣ баррикады въ улицѣ

баррикадъ. Позднѣе злосчастная судьба свела ихъ обоихъ въ Лондонѣ, уже бѣглецами. Здѣсь между ними произошло столкновение и Курнэ былъ убитъ Бартеlemi. Это была печальная дуэль“.

* * *

Вернемся, однако, отъ этого поэтическаго наброска Виктора Гюго снова къ описанію возстанію. Особенно горячая борьба завязалась послѣ полудня 25-го іюня въ окрестностяхъ городской ратуши. Шагъ за шагомъ отступали повстанцы отъ занятыхъ ими позицій. Генералъ Дювивье думалъ быстро кончить съ возстаніемъ, если онъ двинется съ своими войсками по направленію къ площади Бастиліи. Онъ раздѣлилъ свои войска на двѣ колонны, изъ которыхъ одной командовалъ самъ. Она должна была итти вдоль набережной Сены. Другую онъ поручилъ полковнику Реньольту (Regnault), который долженъ былъ двигаться по улицѣ Сень-Антуанъ, уничтожая баррикады на ней и во всѣхъ прилегающихъ поперечныхъ улицахъ

Реньольту удалось съ большимъ успѣхомъ выполнить свою задачу; его колонна добралась до Вогезской площади и снова овладѣла ею. Сопровождавшій ее Арманъ Марра былъ такъ восхищенъ искусствомъ полковника, что тутъ же поспѣшилъ къ Кавеньяку, выпросилъ у него генеральскіе эполеты для Реньольта и самолично принесть ихъ на поле битвы. Однако, недолго пришлось порадоваться своимъ успѣхамъ новому генералу; черезъ четверть часа, при осадѣ одной баррикады онъ былъ раненъ смертельно. Въ это-же самое время былъ убитъ и генералъ Дювивье, который медленно пробирался съ своей колонной вдоль набережной.

Реньольтъ былъ замѣшенъ генераломъ Перро (Perrot). Командованіе отрядомъ Дювивье Кавеньякъ предложилъ было генералу Барагюэ-д'Илье (Baraguay-d'Hilliers), но послѣдній отказался. Для генераловъ іюньская борьба совсѣмъ не была увеселительной прогулкой, потому что они валились въ ней, какъ подкошенные колосья. Команда была предложена тогда генералу Нэгриэ (Négrier), который, готовый услужить, и принялъ ее. Ему удалось превозмочь всѣ трудности на томъ пути, который былъ начертанъ генераломъ Дювивье и проникнуть на площадь Бастиліи, принявшую теперь столь необычайно грозный видъ. Сюда же удалось добраться, въ то же время, и генералу Перро (Perrot).

Эта обширная площадь дрожала отъ грома орудій, которыя, однако не могли разбить громадной сень-антуанской баррикады. Приступить къ ея осадѣ не рѣшался ни генералъ Бертранъ (Bertrand), руководившій операціями противъ предмѣстья, ни генералъ Перро. Лишь генералъ Нэгриэ съ горстью солдатъ отважно бросился на эту громадную, страшную площадь, причемъ большинство его солдатъ не рѣшились слѣдовать за нимъ. Однако, черезъ нѣсколько шаговъ генералъ палъ уже

развалинами сожженного Сень-Антуанскаго предмѣстья. Подумайте о вашихъ женахъ, о вашихъ дѣтяхъ и вы станете тогда въ наши ряды“.

Во время наступившаго вслѣдствіе убійства архіепископа, краткаго перерыва боя три гражданина—Лараби, Дрюэ-Дэво и Казала (Larabit, Druet-Desvaux, Cazalat) появились въ предмѣстьѣ, чтобы склонить повстанцевъ къ примиренію. На ихъ настойчивыя предостереженія о томъ, что дальнѣйшее сопротивление будетъ имѣть самыя страшныя послѣдствія для всего предмѣстья, повстанцы потребовали отъ нихъ, подъ страхомъ смерти, подписать такія условія капитуляціи: 1) національное собраніе должно быть распушено; 2) армія— удалена на 40 миль отъ Парижа; 3) всѣ плѣнники Венсенской тюрьмы немедленно выпускаются на свободу; 4) народъ самъ вырабатываетъ для себя конституцію. Депутаты были оставлены въ плѣну. Они, однако, отказались, хотя бы для видимости, согласиться на подобныя требованія и подписать ихъ. Такъ прошла ночь и теперь предстояло повстанцамъ въ самомъ дѣлѣ „лечь костыми подъ развалинами сожженного Сень-Антуанскаго предмѣстья“. Однако, раньше, чѣмъ принять окончательно это рѣшеніе, они отправили къ генералу Перро (Perrot) делегатовъ для передачи ему указанныхъ выше требованій, дополненныхъ еще двумя: 5) постановленіе о роспускѣ національныхъ мастерскихъ должно быть отмѣнено; 6) національное собраніе обязуется издать законъ о правѣ на трудъ.

Въ дополненіе къ этимъ требованіямъ делегаты возставшаго народа заявили, что они смотрятъ на себя не какъ на бунтовщиковъ; они борются за свои принципы, какъ и ихъ противники—за свои. „Безъ нашего позволенія вамъ никогда не проникнуть въ предмѣстье Сень-Антуанъ“, закончили они.

Офицеры и присутствовавшіе тутъ депутаты представили свои требованія, а именно предмѣстье сдается безъ всякихъ условій, баррикады разрушаются самими повстанцами, и, главное, выдается все оружіе. Однако, столь рѣшительное поведеніе делегатовъ повстанцевъ нѣсколько поколебало ихъ. Они вступили въ переговоры; не желая, однако, брать на себя никакой отвѣтственности, они отказались представить генералу Кавеньяку предложенныя условія сдачи.

Въ самомъ предмѣстьѣ, между тѣмъ, нѣсколько гражданъ дѣятельно старались во что бы то ни стало добиться примиренія. Они воспользовались удобнымъ моментомъ, когда плѣннымъ депутатамъ стала угрожать опасность отъ разъяренной толпы, и составили адресъ къ президенту національнаго собранія Сенару въ такихъ выраженіяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, могли привести къ взаимному пониманію. Адресъ гласилъ: „Гражданинъ-президентъ! Мы не хотимъ дальнѣйшаго пролитія крови нашихъ братьевъ. Мы все время боролись за демократическую республику. И если мы высказываемся за прекращеніе кровавой революціи происходящей еще и въ

жайшую, чтобы хотя на нѣкоторое время поддержать оборону предмѣстья.

Къ мѣсту борьбы прибыли многіе депутаты и заклинали повстанцевъ прекратить безплодное сопротивленіе, послѣдствія котораго должны быть ужасны. Но просьбы были тщетны. Повстанцы все еще ждали, все еще надѣялись на что-то. Но ихъ осадили одновременно съ трехъ сторонъ; съ одной—Ламорисьеръ, съ другой—генераль Лебретонъ (Lebretton), прибывшій сюда съ венсенской дороги, и съ третьей—Перро, пробивавшійся все глубже и глубже.

Часть повстанцевъ, видѣвшихъ бесполезность дальнѣйшей борьбы на баррикадахъ, двинулась на равнину, за предмѣстье, гдѣ они рѣшили сдѣлать послѣднюю попытку сопротивленія; другіе, менѣе рѣшительные, занялись разборкой баррикады, въ чемъ приняли участіе и женщины, надѣявшіяся тѣмъ спасти жизнь близкихъ имъ людей.

Въ той части города, которая составляла тогда общину Ля-Виллетъ (La Villette), борьба кипѣла до самаго вечера. Войска были заняты тамъ осадой одной баррикады, при чемъ былъ раненъ еще одинъ генераль—Контижи (Contigis).

Къ семи часамъ вечера послѣднее сопротивленіе было сломлено. Востаніе теперь было окончательно подавлено, борьба кончена, но убійства людей продолжались.

26-го іюня Кавеньякъ распорядился прочесть въ арміи и мобиліяхъ слѣдующую прокламацію: „Еще сегодня боевой духъ въ войскахъ имѣлъ свое оправданіе, былъ необходимъ. Теперь вы должны быть столь же велики въ своемъ покоѣ, какъ грозны были вы въ борьбѣ. Въ Парижѣ теперь есть побѣдители и побѣжденные; пусть имя мое будетъ проклято, если я допущу дальнѣйшія жертвы“. — Слова эти звучали благородствомъ, но это не мѣшало тому, что по всему городу шли массовые разстрѣлы. Разстрѣливали въ казармахъ Пуассоньеръ, въ Пантеонѣ, на площади Эстрапады, въ городской ратушѣ, въ монмартрскихъ каменоломняхъ, въ предмѣстьѣ Дю-Тамплъ, на Аркольскомъ мосту и во многихъ другихъ мѣстахъ, которыя были превращены теперь въ людскія бойни.

Всегда, какъ только пролетаріатъ пытался встать на ноги, чтобы сбросить наложенныя на него цѣпи,—наши, такъ называемые высшіе классы, испытывали безумный страхъ и, чтобы излѣчиться отъ него, прибѣгали къ одному единственному средству—безчеловѣчной кровавой бойнѣ. Дикая свора, которую содержатъ эти классы для защиты и охраненія своихъ привилегій, всюду сѣяла смерть безъ всякой пощады. Мобиль-гвардейцамъ доставляло прямо удовольствіе топить попавшихъ въ ихъ руки рабочихъ. По словамъ Луи Менара (Louis Ménard), одинъ пролетарій былъ убитъ только потому, „что онъ достаточно старъ для того, чтобы умереть“! И нужно сказать, что убитые тутъ же, на мѣстѣ, были счастливѣе тѣхъ, кто попалъ въ темницы, какъ плѣнники. Этими несчастными были биткомъ набиты погребя и подвалы городской ратуши. Имъ не позволя-

вості, чтобы тѣмъ привлечь къ себѣ вниманіе прохожихъ и возбудить ихъ дешевое любопытство.—Серьезныя газеты, которыя могли бы нейтрализовать вліяніе этихъ крикливыхъ шарлатановъ, потеряли всякій кредитъ. „Националь“ (National), который массы принимали за полуофициальную правительственную газету, и даже „Реформа“ (Reforme), главные редакторы которой имѣли теперь въ своихъ рукахъ власть, не возбуждали больше никакого интереса. „Populaire“ Кабэ интересовалъ только икарійцевъ. „Atelier“, тѣсно связанная съ „National'емъ“, раздѣляла участь послѣдняго“.

И такъ далѣе до „Peuple Constituant“ стараго Ламеннэ, блестящій слогъ и глубокая діалектика котораго не могли состязаться съ грубой руганью и личными сплетнями „Père Duchêne“ и ему подобныхъ листковъ. Бандиты пера, водившіе за носъ и одурачивавшіе парижанъ въ этихъ листкахъ, несутъ на себѣ, по меньшей мѣрѣ, равную долю отвѣтственности за пролитую въ іюньскіе дни кровь, какъ и разъяренные буржуа изъ Палаты, и эта отвѣтственность не уменьшается оттого, что расплачиваться пришлось имъ за собственный счетъ, а не за счетъ какой-нибудь изъ реакціонныхъ партій.

Такова оборотная сторона іюньскаго возстанія, которая, конечно, придаетъ картинѣ нѣсколько другой характеръ, сравнительно съ тѣмъ, какой мы видѣли наблюдая только эпизоды борьбы. Но если исторія должна быть нашей учительницей, то мы должны быть освѣдомлены относительно всѣхъ фактовъ, имѣвшихъ вліяніе на разсматриваемыя событія, мы должны постараться соединить въ себѣ творческую силу поэта, оживляющаго вновь людей и событія, съ добросовѣстною строгостью ученаго, который со своею лупою не оставляетъ ни малѣйшей мелочи неизслѣдованною.

проектъ Прудона. Онъ началъ съ заявленія, что ему и его коллегамъ вообще очень трудно понять, что собственно хотѣлъ Прудонъ сказать, что и теперь онъ не вполне увѣренъ, правильно ли онъ понялъ его идею, и что изъ его изложенія ему стало ясно только слѣдующее: Владѣльцы земель, домовъ, вксселей должны уменьшить свои требованія отъ арендаторовъ, квартиронанимателей, должниковъ, чтобы всѣхъ привести къ одному уровню производительныхъ силъ. Это будетъ фактически ссуда, которую будутъ пользоваться, нѣкоторымъ образомъ, взаимно, ибо каждый членъ общества бываетъ попеременно то квартиронанимателемъ, то должникомъ. то кредиторомъ, то собственникомъ... Мало того, должникъ, которому сбавятъ шестую часть арендной платы, квартирной платы или процента, могъ бы настолько же дешевле продавать свои продукты, и собственникъ или кредиторъ, лишенный, повидимому, части своего дохода, въ низкихъ цѣнахъ всѣхъ товаровъ получить вознагражденіе за принесенную имъ жертву. Но арендаторъ, квартиронаниматель, должникъ то, что имъ уступятъ, получаютъ отнюдь не въ полное свое распоряженіе. Половина отойдетъ въ пользу государства для учрежденія обмѣннаго банка, этого, какъ себѣ представляетъ Прудонъ, орудія взаимнаго кредита.

Противъ этого доклада Тьера Прудонъ возражалъ совершенно спокойно. Въ четырехчасовой рѣчи онъ невозмутимо развивалъ свой „планъ ликвидаціи стараго общества“. Сначала слушали его болѣе или менѣе спокойно. Но когда онъ для обновленія своего проэта подвергнулъ жестокой, справедливой и уничтожающей критикѣ существующія общественныя условія его прервали громкимъ, неистовымъ хохотомъ. Не теряя присутствія духа, Прудонъ хладнокровно сказала: „Мнѣ жаль что то, что я говорю, смѣшитъ васъ, ибо то, что я говорю, погубитъ васъ“. Эти слова вновь вызвали доселѣ сдерживаемое неистовство. Поднялся страшный шумъ. „Въ Шарантонъ!“ (Charenton) *) кричалъ одинъ; „Въ Менажери“ (Menagerie), шумѣлъ другой. „Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ васъ звали Маратомъ!“ „26-го іюня вы должны были бы быть на баррикадахъ!“ „Для этого онъ слишкомъ трусливъ!“

Этотъ страшный шумъ ничуть, однако, не помѣшалъ Прудона продолжать свою рѣчь въ томъ же спокойномъ тонѣ, въ какомъ онъ ее началъ. „Въ 1793 году“, говоритъ онъ, „треть налога была возложена на собственность, и съ тѣхъ поръ собственность, я разумѣю чистый доходъ **), въ пользу государства ровно ничего не сдѣлала, а налогъ этотъ легъ тяжелымъ бременемъ только на трудъ. Спрашивается теперь: намѣрена ли собственность, ея чистый доходъ, сдѣлать что-нибудь для февральской революціи?... Истинный смыслъ моего предложенія заключается въ томъ, чтобы выяснить буржуазіи ея собственную задачу и истинное значеніе февральской революціи“. За-

*) Charenton—парижскій домъ для умалишенныхъ.

**) Прудонъ имѣлъ въ виду всякій доходъ, основанный не на личномъ трудѣ.

ГЛАВА XXII.

Слѣдственная комиссія. — Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ и Коссидьеръ привлекаются къ отвѣтственности — Заключение слѣдственной комиссіи читаетъ Кантэнъ Бошаръ (Quentin Bauchard). — Обвинительный актъ. — Пренія. — Депутаты Луи Бланъ и Коссидьеръ произносятъ обвинительныя рѣчи. — Необычайный ростъ социалистическаго движенія. — Гора какъ будто къ нему примыкаетъ. — Общая программа. — Социалдемократическая партія. — Банкетъ. — Конституція французской республики. — Право на трудъ. — Мнѣніе Карла Маркса о конституціи второй республики — Торжественное провозглашеніе конституціи.

Побѣдоносная партія порядка сдѣлала все возможное, чтобы окончательно запугать и ослабить оставшихся еще на полѣ сраженія приверженцевъ прогрессивной демократіи.

Но слабые остатки демократіи продолжали свою идейную борьбу съ энергіей, доступной лишь глубокой вѣрѣ въ великое дѣло. Страна оглашалась ихъ призывами, ихъ угрозами. Они старались, чтобы въ головахъ массъ воспоминаніе о страшныхъ іюньскихъ дняхъ не изгладилось. Свои идеи они проповѣдывали постоянно, съ фанатической настойчивостью.

Люди порядка, полагавшіе, что стремленія народа были задушены во время іюньской кровавой бани, какъ безумцы издѣвались надъ движеніемъ, которое обнаруживало ихъ собственное безсиліе, и продолжали, поэтому, зло неистовствовать. Они ничѣмъ не брезговали для полнаго искорененія того, что они называли „соціалистическимъ ядомъ“. Тотчасъ послѣ кровавыхъ іюньскихъ дней Національное Собраніе назначило слѣдственную комиссію для разслѣдованія событій, имѣвшихъ мѣсто въ іюнѣ, а также 15-го мая. Эта комиссія была лишь своего рода полицейскимъ застѣнкомъ, задача котораго состояла въ томъ, чтобы всѣхъ, кто избѣжалъ бойни и массоваго ареста, предать въ руки палача и заточить въ тюрьму. Комиссія была своего рода инквизиторскимъ судомъ, въ глазахъ котораго пара строчекъ служила достаточной уликой, чтобы обвиняемаго лишить жизни.

Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ Одилонъ Барро. Этотъ либеральный послѣдышъ особенно не сочувствовалъ февральской революціи, ибо она его внезапно захватила среди парламентской волокиты и отбросила въ сторону. Прочіе члены комиссіи были вообще люди, у которыхъ желчь разливалась при одной мысли о демократіи и ея защитникахъ. Эти

господа—судебные слѣдователи поторопились, поэтомъ, объявить, что ихъ дознаніе отнюдь не ограничится событіями 15-го мая и іюньскихъ дней, но охватить также и февральскія событія. Комиссія воспользовалась предоставленными ей чрезвычайными полномочіями и дала въ своихъ протоколахъ мѣсто самой гнусной клеветѣ, какую только можно себѣ представить. Даже народныхъ представителей при этомъ не пощадили. Три депутата: Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ и Коссидьеръ были отданы подъ совершенно особый надзоръ. Чтобы ихъ обезвредить, между Одилономъ Барро и его товарищами былъ заранѣе заключенъ тайный договоръ. Для этой цѣли былъ привлеченъ генеральный прокуроръ Корнъ (Corne). Заручившись имъ, можно было рассчитывать и на Кавеньяка. Послѣдній, впрочемъ, нашелъ нужнымъ сначала сыграть роль Тартюфа и очень рѣзко высказался въ принципѣ противъ всякаго тенденціознаго процесса, но въ концѣ концовъ, однако, заявилъ, что онъ не будетъ ставить препятствій „ходу правосудія“. Такъ началась охота на дичь, которую собирались убить. Но, чтобы не слишкомъ торопиться, порѣшили, что прокуроръ съ своимъ требованіемъ судебного преслѣдованія долженъ ждать, пока слѣдственная комиссія не выступитъ съ своимъ докладомъ.

Это произошло 3-го августа

Во время чтенія доклада вся партія Горы поднялась и кричала: „Доказательства! Доказательства!“ Когда докладчикъ кончилъ, Ледрю-Ролленъ бросился къ трибунѣ. Его не хотѣли слушать и шумѣли. Но ораторъ своимъ громовымъ голосомъ овладѣваетъ собраніемъ и обрушивается на своихъ враговъ. Самъ Кавеньякъ нашелъ нужнымъ выразить ему свои симпатіи. Когда тотъ сошелъ съ трибуны, президентъ исполнительной власти публично пожалъ ему руку. Коссидьеръ и Луи Бланъ также возражали противъ взводимыхъ на нихъ обвиненій, но не произвели большаго впечатлѣнія.

Но Национальное Собраніе все еще находилось въ нерѣшительности; на чью сторону клонится большинство, было не извѣстно. Прежде чѣмъ приступить къ генеральнымъ преніямъ, потребовали оглашенія имѣвшихся доказательствъ и документовъ; это было исполнено. Въ послѣдующіе затѣмъ дни полился настоящій дождь пропитанныхъ клеветой документовъ на столы депутатовъ, а отсюда и въ прессу. Эти документы обрушивались главнымъ образомъ на Коссидьера и Луи Блана. Оба обвиняемые все время пытались опровергнуть приводимыя доказательства. Но имъ не давали говорить, оставляя за ними слово до предстоявшихъ окончательныхъ преній. Нужно было выиграть время, чтобы клевета прочно внѣдрилась въ умахъ слушателей и, такимъ образомъ, подготозить большинство.

Наконецъ, 25-го августа открылись дебаты. Они начались страстной защитой нѣкоторыхъ лишь въ незначительной степени скомпрометтированныхъ лицъ, которыя съ высоты трибуны оправдывали свое поведеніе и протестовали про-

12 іюля Карль Альбертъ, наконецъ, рѣшился вновь перейти въ наступленіе и двинулъ правое крыло своей арміи противъ Мантуи. Но онъ пропустилъ удобный моментъ, чтобы приблизить къ себѣ стоявшее у Соны лѣвое крыло, и этимъ далъ австрійцамъ возможность 23 іюня съ значительнымъ перевѣсомъ силъ устремиться на его ослабленный центръ и при Соммакомпаньи (Sommasomagna) прорвать его. День спустился послѣ того Радецкій началъ при Саліонцѣ (Salionze) переправу черезъ Минчіо; Карль Альбертъ изъ Мантуи поспѣшилъ сюда, чтобы помѣшати его переходу. Но Радецкій занялъ прочную позицію на горахъ при Кустощѣ, и когда 25 іюля при 28^о жары по Реомюру пьемонтцы начали штурмовать австрійцевъ, превосходившихъ ихъ какъ по числу, такъ и по своей позиціи, то въ девятичасовомъ бою они неоднократно были отбиты и затѣмъ отброшены въ долину Виллафранка. Въ семь часовъ вечера Карль Альбертъ былъ побѣжденъ и началъ отступать къ Гоито (Goito). Такъ какъ побѣдители были крайне истощены боемъ и жарой, то онъ могъ безпрепятственно совершить переходъ черезъ Минчіо. Но Радецкій послѣдовалъ за нимъ, и когда вечеромъ 26 іюля пьемонтцы взятіемъ высотъ при Вольтѣ, на которыхъ расположились австрійцы, попытались прикрыть свое отступление, чтобы оно могло совершаться въ полномъ порядкѣ, то въ страшномъ ночномъ сраженіи, продолжавшемся до самаго утра 27 іюля и нарушившемъ покой на улицахъ городка Вольты, они были вновь побиты, и тогда это войско превратилось въ безпорядочную толпу, отступленіе приняло видъ дикаго бѣгства, оно неудержимо несло до самаго Милана, куда Карль Альбертъ прибылъ 3 августа съ остатками своего войска.

Пріемъ, какой ему былъ тамъ оказанъ, не оставлялъ никакихъ сомнѣній относительно чувствъ, питаемыхъ къ нему. Тотъ самый народъ, который четыре мѣсяца тому назадъ преклонялся предъ нимъ, осыпалъ его теперь громкими проклятьями. Дворецъ Грепи (Grepì), гдѣ онъ остановился, окружила возмущенная толпа народа. „Долой измѣнника, который насъ продалъ“, кричала толпа, и когда онъ показался у окна, въ него былъ произведенъ выстрѣлъ. Совершенно растерявшись, онъ въ ночь на 5 августа со своими приближенными тайно покинулъ городъ, командованіе арміей передалъ генералу графу Саласко (Salasco) и благополучно переправился черезъ пьемонтскую границу. Генералу Саласко ничего не оставалось, какъ слатся Радецкому на капитуляцію подъ условіемъ, что сардинская армія также должна быть выведена за границу, Миланъ долженъ быть пощаженъ, и австрійская армія 6 августа въ полдень должна вступить въ городъ. А до того всякій, кто пожелалъ бы добровольно покинуть Миланъ, можетъ это сдѣлать до 8 часовъ утра, направляясь по дорогѣ въ Мадженту (Magenta). Этимъ условіемъ капитуляціи воспользовалось болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, большая часть миланскаго дворянства и всѣ политически скомпрометтированные, среди которыхъ былъ и Джузеппе Мадзини.

Кавеньяка больше всего беспокоила популярность Бонапарта, о котором уже говорили как о „новомъ Наполеонѣ“. Бонапартистская пропаганда велась съ большой энергіей въ городахъ и деревняхъ. Въ противовѣсъ этой пропагандѣ правительство предложило избрать представителей національнаго собранія, которые должны были быть посланы въ провинцію съ опредѣленнымъ порученіемъ „разстроить маневры противниковъ республики“. Но это было не по вкусу большинству собранія, которому это напомнило комиссаровъ конвента. Слишкомъ много здѣсь было общихъ чертъ съ тѣмъ якобинствомъ, которымъ дышали письма Ледрю-Роллена и Карно послѣ февральскихъ дней и которое нагоняло ужасъ на умѣренную буржуазію. Такимъ образомъ когда правительство выступило со своимъ предложеніемъ, то на него со всей энергіей набросился легитимистскій іезуитъ де-Фаллу, и посылка правительственныхъ комиссаровъ была отклонена громаднымъ большинствомъ.

Это голосованіе привело къ министерскому кризису и дало Кавеньяку подходящій случай сдѣлать еще одинъ шагъ направо. 24 октября онъ предложилъ министерскіе портфели такимъ людямъ, какъ Вивье (Vivier), Дюфоръ (Dufaure), Фрелонъ (Freslon), два бывшихъ министра и одинъ прокуроръ Луи Филиппа.

Сдѣлать Дюфора министромъ внутреннихъ дѣлъ, это чуть ли не значило вручить судьбу Франціи второму Гизо. Но стараніе Кавеньяка набрать для себя возможно больше монархистскихъ голосовъ этимъ не ограничилось. Той же цѣли должна была служить еще масса летучихъ листовъ. И этимъ оружіемъ пользовалась не одна лишь его партія. Въ этомъ направленіи было очень много сдѣлано сторонниками обоихъ главныхъ конкурентовъ. Бонапартисты всю Францію засыпали летучими листовками, брошюрами и газетами.

Орелъ, просящій милостыню. Карикатура 1848 г.

Всевозможныя картины, которыя изображали великаго и малаго Наполеона, распротранялись массами, императорская легенда дѣлалась по всѣмъ правиламъ искусства достояніемъ народа, и одна партія всегда старалась карикатурами поднять другую на смѣхъ.

поводу сценъ, разыгывавшихся въ залѣ засѣданій. Происходило иногда и обмѣнъ любезностей между депутатами въ залѣ и ихъ счастливыми будущими замѣстителями. которымъ первые кричали: „Вы слишкомъ торопитесь!“

Наконецъ 26 мая состоялось послѣднее засѣданіе учредительнаго національнаго собранія. Президентъ Марра обратился къ членамъ этого собранія съ торжественной похоронной рѣчью, въ которой онъ успѣхи ихъ дѣятельности самъ называлъ умѣренными и, точно предчувствуя несчастье, закончилъ рѣчь заклинаніемъ: „Отъ вашего имени я выражаю горячее пожеланіе, чтобы конституція, этотъ высшій основною законъ государства, была одинакова дорога всѣмъ партіямъ“.

Два дня спустя, 28 мая, состоялось открытіе законодательнаго національнаго собранія. Воодушевленія, съ какимъ парижскій народъ 4 мая 1848 года привѣтствовалъ учредительное собраніе, не было теперь и слѣда. Немногочисленныя группы любопытныхъ, которыя образовались на площади Согласія, были быстро разогнаны сабельными ударами. Въ залѣ засѣданія также воцарилась мертвая тишина. Не чувствовалось больше силы, которая, какъ въ прошломъ году, заставляла бы республику жить полною жизнью. Во время послѣдовавшихъ вскорѣ послѣ того выборовъ президента палаты партіи имѣли первый случай помѣриться своими силами. Результаты этихъ выборовъ были вполнѣ опредѣленные. Трусливый и ненадежный Дюпэнъ старшій, который при Луи Филиппѣ вновь былъ призванъ на высокій постъ, оказался выбраннымъ 336 голосами, тогда какъ Ледрю-Ролленъ, нынѣ признанный вождь социалдемократической партіи, получилъ 182 и генераль Ламорисьеръ, кандидатъ „порядочныхъ“ республиканцевъ, 67 голосовъ.

На второмъ засѣданіи депутатъ Ландольфъ (Landolphe) обратилъ вниманіе на упущеніе, имѣвшее мѣсто въ первомъ засѣданіи. Но на это напоминаніе отозвалась лишь лѣвая и, поднявшись, нѣсколько разъ прокричала: „да здравствуетъ республика“. Правая молчала. Но чтобы и съ своей стороны произвести демонстрацію, помѣщикъ, графъ Сегюръ д'Агессо (Séгур d'Aguesseau) предложилъ монархической правой привѣтствовать республику въ томъ смыслѣ, какъ они ее понимаютъ и какою они хотѣли бы ее видѣть. На это правая, конечно, согласилась. Но въ то же время со скамей Горы раздался оглушительный крикъ въ честь демократической и социальной республики, вслѣдствіе чего президентъ Дюпэнъ энергично и рѣзко призвалъ партію Горы къ порядку.

Эта прелюдія къ преніямъ служила, можно сказать прологомъ той трагикомедіи, которая въ ближайшемъ будущемъ должна была разыгаться, и въ которой члены большинства фигурировали въ качествѣ статистовъ.

Итальянскія дѣла вновь вызвали лихорадочное настроеніе въ общественномъ мнѣніи всей Франціи. Свое намѣ-

душно относится къ антиреспубликанской политикѣ президента и его правительства и быть безучастной свидѣтельницей предсмертной борьбы своей сестры, итальянской республики. На одномъ банкетѣ социалистическихъ демократовъ Верхне-Рейнского департамента Луи Бонапартъ и его министры были заклеены именемъ предателей націи. Назначенный бывшимъ социалдемократическимъ избирательнымъ комитетомъ постоянный комитетъ, такъ называемый комитетъ двадцати пяти, обратился къ законодательному собранію съ адресомъ, въ которомъ назвалъ римскую экспедицію противоконституціоннымъ предпріятіемъ, ибо по § 5 конституціи французской республики никакое нападеніе на свободу и независимость другихъ народовъ, не допускается, и такъ какъ, далѣе, статья 54 запрещаетъ исполнительную власть безъ согласія національнаго собранія начинать какія бы то ни было военныя дѣйствія.

„Vraie République“ („Истинная республика“) объявила отечество въ опасности, а „Лига правъ человѣка“ объявила себя непрерывно дѣйствующей.

11 іюня Ледрю-Ролленъ опять внесъ въ законодательномъ собраніи свое прежнее предложеніе отдать подъ судъ президента и его министровъ въ виду нарушенія ими статьи 5 конституціи. Въ нарушеніи конституціи никто не сомнѣвался, и Одилонъ Борро не дѣлалъ ни малѣйшей попытки опровергнуть это. Онъ отдѣлывался безсодержательными фразами и сражался, главнымъ образомъ, съ „краснымъ призракомъ“. „Римскій вопросъ здѣсь поднимаютъ лишь съ той цѣлью, чтобы провести свои революціонныя планы переворота“, сказалъ онъ и затѣмъ сталъ доказывать, что экспедиція предпринята лишь съ той цѣлью, чтобы устранить вліяніе Австріи и Неаполя и чтобы помѣшать необузданной реакціи въ Римѣ освободиться отъ своихъ оковъ. Ему возразилъ своимъ громовымъ голосомъ вождь Горы: „Это дерзость съ вашей стороны; вы, нарушивъ конституцію, еще осмѣливаетесь прибѣгать къ такимъ уверткамъ! Да, конституція нарушена, и мы будемъ защищать ее всѣми доступными намъ средствами даже съ оружіемъ въ рукахъ“.

Эти слова вызвали страшную бурю, въ которой между Горой и монархистской правой дѣло чуть было не дошло до драки. Призванный Дюпэномъ къ порядку, такъ какъ его угроза есть призывъ къ гражданской войнѣ, Ледрю-Ролленъ возразилъ, ссылаясь на статью 110 основного закона государства: защита конституціи ввѣряется патриотизму всѣхъ французовъ. При оглушительномъ шумѣ засѣданіе, по предложенію Тьера, было закрыто, послѣ того какъ собраніе большинствомъ 361 голоса противъ 203 приняло по вопросу о бомбардировкѣ Рима простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

На слѣдующій день, 12 іюня, обсужденіе предложенія Ледрю-Роллена, поддержаннаго 123 депутатами, продолжалось. Тьеръ и д'Агессо (d'Aguesseau) страстно противъ него возра-

какими-либо публичными выступленіями дѣлать, по крайней мѣрѣ, видъ серьезнаго сопротивленія. Карлъ Марксъ справедливо говоритъ: „Рѣдко какія-нибудь выступленія возвѣщались съ большимъ шумомъ, чѣмъ предстоявшее шествіе Горы, рѣдко о результатѣ этихъ выступленій, какъ о неизбѣжной побѣдѣ демократіи, трубилось съ большей увѣренностью и болѣе преждевременно. Очевидно, демократы вѣрили въ трубы, отъ шума которыхъ упали стѣны Ерихона. И каждый разъ въ борьбѣ съ нахлынувшей волной деспотизма они старались совершить чудо. Если Гора хотѣла побѣдить въ парламентѣ, ей не слѣдовало призывать къ оружію. Если она въ парламентѣ призывала къ оружію, она не должна была на улицѣ вести себя по парламентски. Если серьезно замыслили мирную демонстрацію, то глупо было не предусмотрѣть, что ее встрѣтятъ воинственно. Если предвидѣли настоящее сраженіе, то безумно было не захватить съ собой оружія, безъ котораго нельзя было сражаться. Но революціонныя угрозы мелкой буржуазіи и ея демократическихъ представителей представляли собой лишь способъ запугиванія противника“.

Но послѣдній не испугался. Часть артиллеріи національной гвардіи дѣйствительно начала приводить зданіе Академіи искусствъ и ремеслъ въ оборонительное состояніе и доступъ къ улицѣ Сенъ-Мартэнъ загораживать баррикадами, въ то время какъ другая часть этой же самой артиллеріи мѣшала народу строить баррикады—характерный признакъ хаотической безпорядочности, какая господствовала въ этотъ день,—впрочемъ, проникшія уже сюда войска уничтожали всякую возможность оказать имъ сопротивленіе. Въ залѣ еще обсуждался вопросъ, оставаться ли въ Академіи или слѣдуетъ попытаться захватить въ свои руки мэрію, когда линейныя войска уже проникли въ зданіе. Произведенный при этомъ выстрѣлъ послужилъ сигналомъ для всеобщаго бѣгства. Директоръ Пуилль (Pouillet), который очень боялся за цѣлость своихъ дорогихъ коллекцій, былъ необыкновенно счастливъ, когда ему нужно было только указать бѣглецамъ выходы, черезъ которые они могли спастись. Нѣкоторые народные представители, въ томъ числѣ социалдемократъ унтеръ-офицеръ Ратье, попали въ руки солдатъ; ихъ поставили во дворѣ у стѣны, осыпали насмѣшками и грозили имъ смертной казнью черезъ разстрѣляніе. Ледрю-Ролленъ, который, подобно капигану корабля, послѣднимъ оставилъ залу прядильнаго искусства, спасся, выпрыгнувъ въ маленькое заднее окно; это обстоятельство меньше всего могло его компрометтировать, но, конечно, реакція изо всѣхъ силъ старалась этимъ воспользоваться, чтобы придать его бѣгству смѣшной видъ. Нѣкоторыя дальнѣйшія попытки построить баррикады на улицахъ Шапонъ (Chapon), Омэръ (Aumaire) и Жанъ Роберъ (Jean Robert) быстро уничтожались и возстаніе такимъ образомъ закончилось почти безъ кровопролитія. Только два солдата и пять повстанцевъ было убито. „Такимъ образомъ“, говоритъ Марксъ, „Гора, которая при неизбѣжныхъ столкно-

ству давно желанный поводъ поднять вопросъ: кому должна повиноваться армія? Оно дало знакъ бонапартистской прессѣ открыть кампанію. 2 Января 1851 г. „Patrie“ опубликовала одинъ изъ майскихъ приказовъ Шангарнье 1849 г., въ которомъ командиромъ парижскаго гарнизона воспрещалось исполнять требованія о присылкѣ военной силы, разъ эти требованія исходятъ отъ чиновъ гражданской, судебной или политической власти, помимо главнокомандующаго.

На слѣдующій день двоюродный братъ президента сдѣлалъ запросъ въ Національномъ Собраніи, по поводу этого документа. Хотя Шангарнье и не могъ отречься отъ своего приказа, но, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, объяснилъ, что онъ имѣлъ въ виду этимъ путемъ избѣгнуть возможнаго со стороны нѣкоторыхъ лицъ злоупотребленія арміей противъ конституціи и Національнаго Собранія. Въ случаѣ какого нибудь столкновенія—онъ первый признаетъ право національнаго собранія распоряжаться военными силами. Это обстоятельство порвало послѣднюю нить которая еще связывала до того времени президента республики съ главнокомандующимъ парижской арміей. Уже въ тотъ же день Бонапартъ созвалъ совѣтъ министровъ и потребовалъ отставки Шангарнье. Только четыре министра—Руэ, Барошъ, Фульдъ и Парнье—согласились пойти на этотъ шагъ, означавшій открытый разрывъ съ Національнымъ Собраніемъ. Остальные министры получили отставку. Послѣ шестидневнаго министерскаго кризиса, 10 Января, составилъ новый кабинетъ, въ которомъ генераль Реньо льтъ-де Сень Жанъ д'Анжели (Regnault de St. Jean d'Angely) получилъ портфель военнаго министра, Друэнъ де Л'Юи (Drouyn de l'Huys)—иностранныхъ дѣлъ, Мань (Magne)—общественныхъ работъ, Дюко (Ducos)—морского и Бонжанъ (Bonjean)—торговли. Два дня спустя, „Moniteur“ опубликовалъ приказъ объ отставкѣ Шангарнье и о распредѣленіи его власти между генералами—Барагюэ д'Илье (Baraguay d'Hilliers) и Перро (Perrot). Биржа, находившаяся подъ вліяніемъ министра финансовъ Фульда, привѣтствовала это пораженіе національнаго собранія повышеніемъ курса бумагъ, тогда какъ въ „Партіи порядка“ этотъ удачный пріемъ Бонапарта вызвалъ цѣлую бурю негодованія. Ремюза (Remusat) требовалъ назначенія комиссіи для выработки мѣръ, которыя необходимо предпринять немедленно; предложеніе было принято незначительнымъ большинствомъ, причемъ выяснилось, что уже 250 членовъ „партіи порядка“ перешли въ бонапартистскій лагерь; 98 представителей лѣвой отъ голосованія воздержалась. „Мы не склонны особенно вѣрить преданности принца республикѣ“, заявилъ Паскаль Дюпра, (Pascal Duprau) одинъ изъ 98, обращаясь къ Тьеру, „а вашей преданности, какъ и Шангарнье и того менѣе. Мы съ безпокойствомъ слѣдили за военнымъ смотромъ въ Сатори, но что касается васъ, то развѣ для защиты республики паломничали вы въ Клермонъ или въ Висбаденъ?“.

назначеніе; прочитываетъ также и только-что принятый декретъ о низложеніи. Тѣмъ временемъ новоиспеченный главнокомандующій арміи, Удино, ведетъ переговоры съ солдатами и подвергается насмѣшкамъ унтеръ-офицеровъ. Въ этотъ моментъ въ залѣ засѣданія появляется генераль Форей (Forey) и заявляетъ, что онъ получилъ отъ генерала Маньяна приказъ арестовать тѣхъ изъ депутатовъ, которые не пожелаютъ разойтись добровольно. Какъ только дошло это до ушей депутатовъ они всѣ, какъ одинъ, крикнули: „Въ Мазасъ, въ Мазасъ! Мы уступаемъ только силѣ!“ И Форей доставилъ имъ это удовольствіе. Въ три часа пополудни вся компанія, окруженная солдатами, была отправлена, но не въ Мазасъ, лежащую слишкомъ далеко отсюда, а въ ближайшія казармы на набережной Д'Орса (d'Orsay), откуда уже къ вечеру депутатовъ перевезли въ тюремныхъ каретахъ и въ омнибусахъ въ Мазасъ, Венсеннъ или въ Монъ - Валерьянъ (Mont Valérien). Ихъ покой былъ теперь имъ обезпеченъ.

Государственный судъ, эта высшая судебная инстанція республики, также не выказалъ достойнаго поведенія. Параграфъ 91 конституціи гласилъ, что судъ долженъ немедленно собраться въ случаѣ обнаруженія государственной измѣны, и послѣ полудня судъ дѣйствительно открылъ свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ своего президента. Но что-же ему было дѣлать? Государственный переворотъ можно было уже считать удавшимся; развѣ можно было теперь ссориться съ „спасителемъ общества?“ Напрасно ожидали судьи появленія солдатъ, которые разогнали-бы высшій судъ, какъ разогнали они національное собраніе: заговорщики совѣмъ забыли о его существованіи. И президенту суда съ прочими чинами ничего не оставалось дѣлать какъ, установивши фактъ государственной измѣны, поручить своему генераль-прокурору составить обвинительный актъ противъ Бонапарта и пригласить его на ближайшее засѣданіе суда. Президентъ самъ отвезъ это приглашеніе въ Елисейскій дворецъ и передалъ его обвиняемому, который встрѣтилъ и проводилъ его до самыхъ дверей съ изысканной любезностью. Обвиняемый, однако, не явился на назначенное засѣданіе, а послалъ вмѣсто себя полицейскаго комиссара, который въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ просилъ судей разойтись. „Мы уступимъ только прямому насилию“, отвѣтилъ съ достоинствомъ президентъ, послѣ чего въ залъ суда былъ введенъ отрядъ солдатъ. Этого было достаточно. Важно поднялись съ своихъ мѣстъ президентъ, генераль-прокуроръ и члены суда и объявили засѣданіе закрытымъ. Нѣсколько недѣль спустя, вся эта компанія послушныхъ государственныхъ слугъ отправилась въ Тюльери, чтобы принять тамъ присягу на вѣрность Бонапарту. Такое поведеніе дѣлало ихъ достойными того, чтобы оставить ихъ на тѣхъ высокихъ постахъ, какіе они занимали.

Около полудня 2 декабря Бонапартъ счелъ нужнымъ показаться народу. Верховъ на конѣ, въ сопровожденіи блестящей свиты онъ отправится въ Тюльери черезъ площадь Со-

землевладѣльцевъ въ Версалѣ и практиковавшаго свои средства еще прежде, чѣмъ утвердились во власти рѣшительные сторонники республики.

Революція, ставшая въ самомъ началѣ на верху власти наиболѣе радикальную партію, игнорируя всѣ прочія, похожа на драму, начинающуюся съ послѣдняго акта; она можетъ развиваться лишь въ нисходящемъ порядкѣ.

Радикальные республиканцы 1848 г. сдѣлали все, что могло ускорить это нисходящее развитіе, что должно было бросить все населеніе, не исповѣдывавшее ихъ догмы, въ объятія контръ-революціи. Роковая ошибка, какъ въ то время, такъ и теперь часто совершаемая, заключается въ шаблонности противопоставленія буржуазіи пролетаріату, которое дѣлается независимо отъ очень разнообразныхъ комбинацій, въ какія вступаютъ эти два класса или части ихъ. Буржуазіей называютъ то весь непролетарскій міръ, что лишь классъ крупныхъ капиталистовъ; къ пролетаріату относятъ то только наемныхъ рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, то почти все некапиталистическое общество. Ясно, что подобная неопредѣленность терминологіи можетъ часто служить поводомъ къ грубѣйшимъ недоразумѣніямъ и промахамъ. Въ 1848 году къ этому еще присоединялась растяжимость самого понятія слова „республика“.

Послѣ 24 февраля значительное большинство населенія признало республику; но въ это слово вкладывались самыя различныя представленія. Незначительная группа подъ ширмой республиканизма съ самаго начала уже стала преслѣдовать интересы династіи. Упованія династической клики въ первое время были, однако, настолько безпочвенны, что даже самыя ярые сторонники ея предпочитали держаться выжидательнаго положенія. Въмѣсто того, чтобы извлечь выгоду изъ слабости противника, умные крайніе республиканцы въ Парижѣ постарались *испортить* свое дѣло, установивъ пресловутое различіе между республиканцами старыми и новыми. Настоящими считались только первые; послѣдніе всѣ считались „подозрительными“. Но такъ какъ „старые республиканцы“, т. е. лица, проповѣдывавшіе республику при Луи Филиппѣ, составляли лишь небольшую группу, то въ дѣйствительности республика объявлялась дѣломъ меньшинства населенія. За одно съ карьеристами, отъ которыхъ можно было избавиться съ другимъ путемъ, отталкивались люди, обладавшіе только тѣмъ недостаткомъ, что не придавали слишкомъ большаго значенія формѣ правленія; изъ людей, встрѣтившихъ республику болѣе или менѣе доброжелательно, сдѣлали людей, относившихся къ ней, какъ къ меньшему изъ двухъ золъ; позднѣе примкнувшихъ сторонниковъ превратили въ противниковъ. Когда Ледрю Ролленъ въ опубликованныхъ имъ инструкціяхъ къ комиссарамъ республики, составленныхъ въ тонѣ членовъ конвента 1793 г., приглашалъ комиссаровъ наблюдать, „чтобы новая палата заключала въ себѣ прежнихъ республиканцевъ, а не вновь испеченныхъ послѣ революціи“, то этимъ самымъ онъ побуждалъ

начало войны, настроение портилось, стали развиваться недовольство и критика. Въ 1855 г. произошло два покушенія на жизнь Наполеона, и, вѣроятно, возникли бы серьезныя волненія, если бы лѣто 1855 г. не принесло бы, наконецъ, рѣшительнаго успѣха. 8 сентября французы подъ командой Пелисье (Pelissier,) прикрытые англійской и сардинской арміей, штурмомъ взяли Малаховъ курганъ и овладѣли главной частью крѣпости, множествомъ орудій и огромнымъ количествомъ боевыхъ припасовъ. Военная слава Франціи быстро возстановилась; періодъ униженій со стороны великихъ державъ окончился. Даже англійская королевская чета милостиво разрѣшила Луи Наполеону и его супругѣ навѣстить ихъ и нанесли имъ отвѣтный визитъ (апрѣль и августъ 1855 г.). Не надѣясь на иныя побѣды въ Россіи, кромѣ моральныхъ, французскій императоръ совершенно потерялъ интересъ къ дальнѣйшему веденію войны. Въ Англии, въ правящихъ сферахъ появилась партія, руководимая, очевидно, Пальмерстономъ, требовавшая продолженія войны до полного покоренія. Наполеонъ, однако, считалъ моментъ наиболѣе подходящимъ для примиренія съ Россіей, тѣмъ болѣе, что Николай тѣмъ временемъ умеръ и на престолъ вступилъ Александръ II, человѣкъ гораздо болѣе стоворчивый. Отношенія Наполеона къ Россіи стали болѣе пріязнены, и послѣ долгихъ предварительныхъ переговоровъ его самолюбіе было удовлетворено: въ февралѣ 1856 г. въ Парижѣ собрался конгрессъ европейскихъ державъ для выработки условій заключенія мира; итакъ руководящая роль Франціи въ дѣлахъ Европы была признана официально и демонстративно. Союзъ реакціонныхъ державъ былъ расторгнутъ. Болѣе того, Бонапарту противъ воли Англии удалось добиться, что Пруссія, оказавшаяся вѣрнымъ слугою Россіи во время Крымской войны, была привлечена къ мирнымъ переговорамъ въ Парижѣ. Несмотря на протестъ Австріи, онъ настоялъ на томъ, чтобы былъ допущенъ и представитель отъ Сардиніи, ярый націоналистъ графъ Камильо Кавуръ (Camillo Cavour,) поднявшій на конференціи итальянскій вопросъ. Такимъ образомъ уже налаживалось второе предпріятіе, при чемъ Наполеонъ III могъ рассчитывать на противниковъ Австріи. На первое время онъ, однако, довольствовался ролью защитника всеобщихъ европейскихъ интересовъ. Парижскій договоръ 1856 года не далъ Франціи никакихъ особенныхъ выгодъ. Мало благоприятнымъ оказался онъ также для Англии и Австріи; утомленная, потрясенная Россія между тѣмъ отдѣлалась сравнительно легко. Она потеряла небольшую территорію въ Бессарабіи; обязалась, подобно Портѣ, не держать въ Черномъ морѣ, объявленномъ нейтральнымъ, военныхъ судовъ и должна была раздѣлить съ прочими Европейскими великими державами протекторатъ надъ дунайскими княжествами и восточными христіанскими землями. Кромѣ того она согласилась считать „неприкосновенными“ Турецкія владѣнія. Послѣ столь ожесточенной и дорого стоившей борьбы, условія эти являлись довольно сносными, при

нуть императорскому и правительству и не вступившіе поэтому въ палату); въ общемъ и на этотъ разъ выборы оказались совершенно благоприятными для правительства. Даже въ Парижѣ было подано больше голосовъ за сторонниковъ правительства, чѣмъ за кандидатовъ оппозиціи (110562 голоса противъ 96299).

Однако, по сравненію съ 1851 г. правительство потеряло въ столицѣ 86.000 голосовъ; больше чѣмъ 40 процентовъ избирателей, не явилось къ урнамъ. Въ общемъ оппозиція получила 570.000 голосовъ противъ 5¹/₂ миллионвъ правительственныхъ голосовъ.

Въ первые дни 1858 года произошло покушеніе Феличе Орсини (Felice Orsini) и соучастниковъ Піэри, Рудіо, Гомецъ— (Pieri, Rudio, Gomez), бывшихъ членовъ итальянскаго союза карбонаріевъ. 18-го января названныя лица въ улицѣ Лепеллетье (Lepelletier) бросили ручныя бомбы въ экипажъ, везшій императорскую чету въ оперу. Произошелъ сильный взрывъ; 20 человекъ было убито; свыше 100 ранено болѣе или менѣе тяжело. Императоръ и его супруга, однако, остались невредимы хотя экипажъ оказался испещреннымъ осколками бомбъ. Покушеніе сильно поразило императора, предупрежденнаго Орсини, что есть еще революціонеры, готовые пожертвовать жизнью, чтобы свергнуть съ престола клятвopреступника

Говорятъ, что послѣ тайнаго посѣщенія Луи Наполеономъ преступника-по желанію послѣдняго-настроеніе итальянца рѣзко перемѣнилось. До посѣщенія онъ былъ упоренъ и молчаливъ; послѣ посѣщенія сдѣлался крайне словоохотливъ и съ удовольствіемъ сообщалъ о мельчайшихъ подробностяхъ своего покушенія. Въ пьемонтской газетѣ въ Туринѣ было опубликовано письмо, будто бы писанное Орсини изъ тюрьмы Луи Наполеону; итальянецъ убѣждалъ послѣдняго, напоминая ему обѣщаніе, данное имъ въ бытность карбонаріемъ, взять въ свои руки дѣло защиты Италіи. Очевидно, письмо было опубликовано съ вѣдома императора; послѣдній разрѣшилъ также защитнику Орсини Жюлю Фавру (Jules Favre) во время разбирательства дѣла прочесть вслухъ письмо своего кліента, выставившее его въ свѣтѣ древняго героя, жертвовавшего собой для блага родины. Наполеону III хотѣлось во что бы то ни стало выставить покушеніе поступкомъ, внушеннымъ національно-патріотическими побужденіями. Это, конечно, не спасло Орсини отъ смертной казни. 13-го марта 1858 г. онъ и Піэри пали отъ руки палача, а два другихъ соучастника были приговорены къ ссылкѣ во французскую Гвіану (Кайена).

Непосредственнымъ результатомъ покушенія были репрессіи худшаго сорта. Услужливое большинство законодательнаго собранія поспѣшило принять „всеобщій законъ объ охранѣ“, которымъ Франція отдавалась во власть *военной диктатуры*; правительство получало право всѣхъ лицъ устно или печатно провинившихся противъ существующаго порядка, безъ суда

было услышать громко высказанное общественное мнѣніе, чтобы основывать на немъ свои политическія предпріятія. Однако, давъ, подобно Францу Іосифу, возможность народу пробудиться къ новой политической жизнѣдѣтельности, нельзя уже заставить его молчать по усмотрѣнію. Притомъ итальянская война, какъ и крымская, стоила большихъ денегъ; внутренняя политика имперіи, основанная на подкупѣ своихъ приверженцевъ, также поглощала огромныя суммы. Въ денежныхъ дѣлахъ, какъ извѣстно, дружеское расположеніе въ расчетъ не принимается; пока палаты существовали лишь какъ фиктивные учрежденія, биржа съ недовѣріемъ относилась къ имперіи. Финансовыя учрежденія, тѣсно связанныя съ послѣдней, подобно „Crédit Mobilier“, страдали отъ чрезмѣрныхъ спекуляцій и не были въ силахъ удовлетворить все возрастающія требованія государственной казны. Финансовыя затрудненія невольно заставили признать за законодательными органами значеніе настоящаго парламента. Въ концѣ 1860 года обѣ палаты получили право представлять адреса въ отвѣтъ на тронныя рѣчи (въ адресахъ, понятно, могли быть выражены самостоятельныя мнѣнія); право участія народа въ обсужденіи и измѣненіи вносимыхъ правительствомъ законопроектовъ было расширено. Въ концѣ 1861 года подъ давленіемъ денежнаго кризиса—государственный долгъ съ основанія имперіи возросъ на 3 миллиарда—бюджетное право палатъ было настолько расширено, что имъ предоставлялся голосъ въ распредѣленіи должностей въ государственномъ хозяйствѣ.

Въ это-же время былъ заключенъ и знаменитый *торговый договоръ съ Англіей* (23-го января 1860 г.), толкнувшій и Францію на путь свободной торговли. Наполеонъ въ этомъ вопросѣ прислушивался къ совѣтамъ сенсимонистовъ (Мишель Шевалье), друзей англійскаго агитатора Ричарда Кобдена (Richard Cobden), проповѣдывавшаго принципъ свободной торговли. Тьеръ-же, стоявшій во главѣ французскаго либерализма, выступилъ яримъ защитникомъ покровительственной системы. Вліяніе сторонниковъ послѣдней было такъ сильно, оппозиція такъ рѣзка, что Наполеонъ на минуту даже усумнился въ возможности заключить договоръ и сказалъ Кобдену: „Во Франціи трудно проводить реформы; во Франціи совершаются революціи, но не реформы“.

Осенью 1860 г. французское войско одержало побѣду въ *Китатѣ*. Франція въ союзѣ съ Англіей привлекла къ отвѣтственности китайское правительство за неисполненіе договора, заключеннаго съ обѣими державами лѣтомъ 1858 года. Дѣло дошло до нѣсколькихъ столкновеній, и, наконецъ, 21 сентября 1860 г. произошло рѣшительное сраженіе при Паликіао (Palkiaho), гдѣ 3000 французовъ, подъ командой генерала Кузенъ-Монтобанъ (Cousin-Montauban), и столько-же англичанъ обратили въ бѣгство 50.000-ную армію татаръ (болѣе половины ея состояла изъ конницы). Европейцы осадили Пекинъ, а по дорогѣ къ нему безпощадно разграбили лѣтній дворецъ китай-

въ ней уже не существовало компактнаго правительственнаго большинства. Одному крылу правительственной партіи (Jérôme David, Cassagnac—Жеромъ Давидъ, Касаньякъ) императоръ казался черезчуръ „парламентарнымъ“, другое считало необходимымъ расширеніе правъ народнаго представительства. Во внѣшней политикѣ снова произошла неудача, и дополнительные выборы въ Парижѣ въ октябрѣ 1869 года ввели въ парламентъ Рошфора, личнаго врага императора. Благодаря депутатскому мандату, издатель „Фонаря“ могъ снова поселиться въ Парижѣ. Онъ основалъ теперь большую газету „Марсельезу“, собралъ вокругъ нея цѣлый штабъ радикальныхъ журналистовъ и сумѣлъ завоевать симпатію секцій интернаціонала. На общихъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ принимали участіе Комбольтъ (Combault), Малонъ (Malon), и Варлэнъ, произошло соглашеніе относительно рабочей программы, и одинъ изъ отдѣловъ „Марсельезы“ подъ руководствомъ социалиста Мильера (Milliere) былъ посвященъ рабочему движенію. Въ политическомъ-же отдѣлѣ Рошфоръ по-прежнему направлялъ свои ядовитыя стрѣлы противъ личности императора.

Въ началѣ января 1870 г. двоюродный братъ императора, принцъ Пьеръ Бонапартъ *) счелъ нужнымъ въ публичномъ письмѣ назвать Рошфора клеветникомъ, назначивъ при этомъ, время когда секунданты Рошфора могутъ разсчитывать застать его дома. вмѣсто Рошфора прислалъ къ нему секундантовъ корсиканскій сотрудникъ „Марсельезы“ Паскаль Груссе (Pascal Grousset), оскорбленный нѣкогда принцемъ. Секундантами были революціонеры-журналисты Викторъ Нуаръ (Victor Noir) и Ульрикъ де-Фонвьель (Ulric de Fonvielle). Принцъ отказался принять вызовъ Груссе. Дѣло дошло до ссоры, причемъ, по увѣреніямъ принца, особенно вызывающе держалъ себя Нуаръ и, уходя, даже ударилъ принца въ лицо. Въ сильномъ раздраженіи онъ сдѣлалъ выстрѣлъ изъ револьвера въ Нуара и смертельно его ранилъ. Нуаръ умеръ на рукахъ рабочаго Фрибуръ (Fribourg), проходившаго какъ разъ мимо дома принца. Происшествіе возбудило страшный шумъ. Радикальная пресса со всѣхъ сторонъ и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ воспользовалась случаемъ для нападокъ на императорскій домъ.

Похороны Нуара превратились въ грандіозную демонстрацію, въ которой участвовало болѣе 200.000 человекъ. Болѣе экзальтированные элементы, и во главѣ ихъ Густавъ Флуранъ (Gustav Flourens), сынъ знаменитаго физиолога Флурана, хотѣли во что-бы то ни стало сейчасъ-же выступить въ бой, но Рошфоръ энергично воспротивился, и его поддержалъ революціонеръ Делеклюзъ (Delescluze). Дѣло происходило въ Нельи (Neuilly); мѣсто было совершенно открыто для войскъ.

*) Это былъ одинъ изъ сыновей Люсьена Бонапарта (Lucien Bonaparte), отказавшагося отъ всякихъ правъ на престолъ; принявъ Пьеръ женился на дочери рабочаго и жилъ въ Отейлѣ (Auteuil) подъ Парижемъ въ обыкновенномъ, маленькомъ зданіи вдали отъ двора.

тораго съ такимъ трудомъ достигла Германія. За исключеніемъ членовъ „Международнаго общества рабочихъ“, выразившихъ свой протестъ въ достойномъ манифестѣ, всѣ французскія партіи высказались за войну.

Въ палатѣ только десять депутатовъ не соглашались отпустить необходимый кредитъ (среди нихъ и Тьеръ), но и то только по причинамъ цѣлесообразности. Парижъ точно переродился. „Бѣлыя блузы“ наполнили бульвары и кричали до хрипоты: „Въ Берлинъ!“ (A Berlin!). Императрица, говорятъ, торжествующе воскликнула: „Это моя война!“ 19-го іюля Франція официально объявила войну.

Макъ Магонъ.

Тутъ и произошло роковое стеченіе обстоятельствъ. Австрія, на которую Франція рассчитывала, выжидала такъ же, какъ Франція въ 1866 г., до тѣхъ поръ, пока уже было поздно. Италія и не думала принять участіе въ войнѣ, которую затѣяла партія, всѣми способами борющаяся съ новой Италіей. Южно-германскія государства, давно извѣщенные Бисмаркомъ о поползновеніяхъ Наполеона въ 1866 г., и объединенныя съ сѣверо-германскимъ союзомъ наступательнымъ и оборонитель-

„да здравствуетъ республика!“ Въ 3 часа президентъ принужденъ объявить засѣданіе закрытымъ. Это было послѣднее засѣданіе старой палаты. Депутаты правой и центра разошлись; депутаты крайней лѣвой отправились въ ратушу. согласившись предварительно образовать временное правительство. У ратуши, какъ при всякомъ выдающемся событіи въ Парижѣ, собралась огромная толпа народу. Настроеніе здѣсь было еще болѣе опредѣленное. Ратуша всегда была радикальнѣе, чѣмъ палата. Соціалисты и революціонеры обращаются къ народу. Въ моментъ появленія депутатовъ говоритъ Мильеръ (Milliere). Онъ уступаетъ мѣсто Жюлю Фавру: Теперь читается списокъ членовъ новаго правительства, которое называетъ себя „правительствомъ національной обороны“. Въ него входятъ 11 депутатовъ Парижа и генераль Трошю. Попытка добиться участія въ правительствѣ нѣсколькихъ извѣстныхъ соціалистовъ-революціонеровъ была отвергнута; народъ, среди котораго парижскіе депутаты, особенно Гамбетта (Gambetta), Ферри (Ferry), Рошфоръ (Rochefort) были очень популярны, не особенно упорно настаивалъ на своемъ требованіи. Вечеромъ собравшіеся у президента палаты депутаты центра и правой, а также и сенаторы рѣшили покориться неизбѣжности. Они чувствовали, что всякое сопротивление будетъ напрасно и всѣ понимали, что отъ этого временнаго правительства нечего было опасаться серьезныхъ посягательствъ на буржуазный общественный порядокъ. Вѣдь, Гамбетта, несомнѣнно наиболѣе дѣятельный изъ его членовъ, всего десять дней до этого писалъ другу въ Лионъ: „Нельзя управлять Франціей не считаясь съ классомъ буржуазіи, но также невозможно сохранить ея цѣлость не вступивъ въ великодушный союзъ съ пролетаріатомъ. Якобинство отнынѣ является смѣшной и безсильной пародіей!“

Пока депутаты шли въ ратушу, Паскаль Груссе (Pascal Grousset) и нѣсколько сотъ соціалистовъ отправились къ тюрьмѣ Сэнъ-Пелажи (St. Pelagie) и потребовали освобожденія политическихъ заключенныхъ: Рошфора, членовъ интернаціонала и др., что и было безпрекословно исполнено. Съ триумфомъ они вмѣстѣ пошли къ ратушѣ, гдѣ ихъ громко привѣтствовалъ народъ. Рошфоръ вступилъ въ залъ ратуши какъ разъ въ въ тотъ моментъ, когда его имя читалось въ списокѣ членовъ новаго правительства. Раздались бурные „ура“! Гамбетта бросается обнимать человѣка, который десять лѣтъ спустя такъ же боролся противъ него, какъ теперь противъ императора. Среди членовъ: Жюля Фавра, Жюля Ферри, Г. Кремье, графа Кератри, Этьена Араго, Э. Пельтана, И. Греви, Манина и Пикара (Jules Favre, Jules Ferry, H. Crémieux, gr. Keratry, Etienne Arago, E. Pelletan, J. Grevy, Magnin, Picard) садится и знаменитый памфлетистъ, который болѣе всѣхъ другихъ дитераторовъ способствовалъ паденію имперіи.

Когда Гамбетта при широко открытыхъ дверяхъ залы провозгласилъ республику, а Жюль Фавръ изъ окна ратуши общилъ объ этомъ ожидавшей на улицѣ толпѣ, послѣдняя